

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

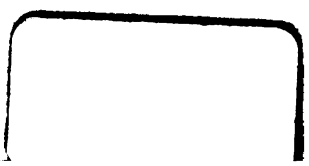
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190616 0

*C-11

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

156

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ

1881

17

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1881

496

ПЕРЕЛОМЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I.

„Высшій либерализмъ“ и „высшій либералъ“, то-есть, либералъ безъ всякой цѣли, возможны только въ Россіи.

Достоевскій. *Бѣсы.*

Mélez-vous des dégoûtés, ce sont presque toujours des impuissants.

Flaubert.

Въ какомъ-то странномъ, не то уныломъ, не то раздраженномъ состояніи духа вышелъ Троекуровъ изъ вагона въ которомъ провелъ безъ сна почти всю ночь. Онъ выѣхалъ изъ Москвы подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, болѣе тяжелымъ въ дѣйствительности чѣмъ могъ бы онъ себѣ это представить въ воображеніи. Когда въ томъ номерѣ отеля онъ, по приглашенію маленькой Лизаветы Ивановны, вошелъ въ комнату только-что отошедшей въ вѣчность, давно переставшей быть ему милою, женщины, его охватило вдругъ неожиданнымъ ощущеніемъ чего-то подломавшагося въ немъ самомъ. Въ дребезгахъ, почувствовалъ онъ, лежало предъ нимъ обезображенное чудовищною рукой смерти цѣлое прошедшее

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 6, 9 и 10 1880, 1, 3, 4, 7 и 8 1881 года.

его, цѣлый міръ молодости, надъ которымъ неотразимою звѣздой сіяло это, едва узнаваемое имъ теперь женское существо, и невольно въ глубинѣ его внутренняго я подымался смутный вопросъ: не ушла ли безвозвратно на это прошедшее лучшая доля его жизненныхъ силъ, и найдетъ ли онъ въ себѣ для новыхъ битвъ за права страсти то беззабѣтное и непреклонное мужество съ которымъ онъ въ оны дни готовъ былъ вызывать небо на бой изъ-за взгляда, изъ-за мимолетной улыбки этой женщины. Онъ тулымъ, словно незрячимъ, взглядомъ глядѣлъ не отрываясь въ ея недвижные глаза, между тѣмъ какъ на сердцѣ ныла у него неодолимая тоска, а въ мозгу неотвязно напрашивалась мелодія романса когда-то лѣтаго ею:

„Придетъ пора, твой май отзеленѣтъ,
Угаснетъ блескъ агатовыхъ очей“... *

пока дрожащая рука Ранцева, блѣднаго и изможденнаго какъ сама усопшая, не закрыла ихъ, и самъ онъ съ глухимъ стономъ не повалился головой на ея подушку.

Троекуровъ въ продолженіе всего пути не могъ отдѣлаться ни отъ этого ощущенія, ни отъ надрывающаго звука того единственнаго слова, „Оля“, вырвавшагося въ ту минуту изъ груди Ранцева, когда онъ, закрывъ ихъ, приникъ губами къ оледенѣвшимъ вѣкамъ этихъ угаснувшихъ теперь навсегда агатовыхъ очей...

Видъ Петербурга, — лѣтнаго, пустаго и тоскливаго какъ канцелярское *отношеніе*, — издавна ему ненавистнаго Петербурга только подбавилъ желчи къ его дурному настроенію. На спросъ камердинера, нанявшаго ему карету и ожидавшаго у дверцы ея указанія въ какую гостиницу ѣхать, онъ проговорилъ сквозь зубы: „Все равно“, и только отъѣхавъ уже довольно далеко по Невскому Проспекту всломнилъ и, опустивъ переднюю раму, приказалъ извозчику везти себя къ Демуту.

Тамъ онъ первымъ дѣломъ потребовалъ комиссіонера и съ нервнымъ помаргиваніемъ усталыхъ глазъ передалъ ему имена нѣсколькихъ должностныхъ лицъ которыхъ нужно ему было видѣть, приказывая съѣздить на извозикѣ узнать гдѣ и въ какіе часы можно ихъ застать въ городѣ или на дачѣ и привезти отвѣтъ не медля. Онъ какъ бы невольно торопился и торопился самъ. Этотъ городъ съ перваго раза

* Переводъ Теплякова извѣстной пѣсни Беранже: *La bonne vieille*.

налеталъ на него своею свицовой тяжестью, и онъ, едва прѣхавъ, думалъ только какъ бы скорѣе покинуть его.

Расторопный комиссіонеръ вернулся съ отвѣтомъ минутъ черезъ двадцать. Оказывалось на счастье прѣзжаго что одно изъ нужныхъ ему лицъ, генералъ Павлиновъ, находилось въ это утро въ городѣ, прѣхавъ съ дачи для пріема просителей. Ему была подана карточка Бориса Васильевича, и онъ велѣлъ его къ себѣ просить безъ четверти въ часъ.

До назначеннаго срока не оставалось и получаса. Троекуровъ послышалъ перемѣнить свой дорожный костюмъ на визитный, и отправился.

—

Широколечій, лысый и величественный, генералъ Павлиновъ вполне *парадно* занималъ ввѣренный ему постъ въ высшей тогдашней администраціи. Онъ пользовался особенною милостью въ высшихъ сферахъ и считался представителемъ „европейскаго начала“ и „умѣреннаго либерализма“ въ общемъ характерѣ государственной политики.

Троекуровъ зналъ его еще молодымъ человѣкомъ и состоялъ съ нимъ въ нѣкоторомъ родствѣ. Они впрочемъ давно потеряли другъ друга изъ вида, такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ состояли на службѣ на противоположныхъ окраинахъ Имперіи. Рѣшеніе дѣла по которому прѣхалъ Борисъ Васильевичъ въ Петербургъ не зависѣло отъ Павлинова, но онъ занималъ настолько важное положеніе что могъ, какъ говорится, „многое сдѣлать“, и *направить*, и поговорить, и повліять. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Троекуровъ и рѣшился поэтому прежде всего увидаться и посоветоваться съ нимъ, какъ-то инстинктивно отдавая на второй планъ свиданіе съ графомъ Анисьевымъ, бывшимъ своимъ сослуживцемъ по полку, но съ которымъ еще тогда развело его совместное ихъ исканіе любви все той же Ольги Елпидиоровны Ранцевой, во всей прелести молодости и красоты появившейся въ ту пору на петербургскомъ горизонтѣ. Все это теперь уже потеряло всякій смыслъ, но на особую готовность Анисьева сдѣлать ему пріятное Борисъ Васильевичъ никакъ не разчитывалъ.

Въ снятыхъ большого казеннаго дома занимаемаго генераломъ Павлиновымъ облекалась въ пальто и шинели только-что вышедшая изъ пріемной сановника толпа лицъ въ мундирахъ всякаго шитья, класса и вида. Троекуровъ, невольно морщась отъ этой давно имъ невиданной петербургской „казенщины“, быстро

поднялся, сторонясь отъ нея, по стуленямъ, и велѣлъ доложить о себѣ.

— Пожалуйте, послѣшно проговорилъ стоявшій тутъ курьеръ съ бляхою, и побѣжалъ впередъ, шаркая ножками, съ ужасною торопливостью въ движеніяхъ и необыкновенною озабоченностью въ физиономіи.

— Salut, monsieur le grand propriétaire! возгласилъ самъ Павлиновъ, идя на встрѣчу пріѣзжему изъ глубины огромнаго, длиннаго кабинета въ который введенъ былъ этотъ;—j'ai abrégé d'un quart d'heure mon priѣm habituel, чтобъ имѣть возможность дать вамъ четверть часа предъ комитетомъ. La Russie est le pays des comités, comme vous le savez,—прибавилъ онъ величественною игривостью, — а у меня таковой собирается сегодня въ часъ полудни... Немногочисленный впрочемъ на этотъ разъ и не общающій, къ счастью, насколько я могу предвидѣть, затянуться до порога вѣчности. Prenez place, je vous prie!

Онъ былъ, по домашнему, въ короткой жакеткѣ съ красными генеральскими лацканами и подбоемъ, съ сигареткой въ зубахъ, но такъ же изященъ, сладкорѣчивъ и помпѣзенъ какъ еслибы былъ облеченъ во всѣ свои регалии (злые языки увѣряли что онъ, обвязывая себѣ на ночь предъ зеркаломъ голову фуляромъ, съ тою же помпѣзностью произносилъ, обращаясь къ своему отраженію въ зеркалѣ: „Monsieur l'homme d'état, j'ai bien l'honneur de vous souhaiter une bonne nuit!“). Онъ глядѣлъ на Троекурова зоркимъ и нѣсколько безпокойнымъ взглядомъ, очевидно выискивая на лицѣ человека свѣжаго, не выдаваго еще его въ его грандѣрахъ, то впечатлѣніе какое онъ производилъ на него всѣмъ этимъ своимъ официальнымъ изяществомъ.

Но тотъ только поклонился, сѣлъ и проговорилъ учтиво и холодно:

— Я буду вамъ очень благодаренъ за эту „четверть часа“.

Павлиновъ повелъ еще разъ на него глазами—и остался не совсѣмъ доволенъ, повидимому, этою благодарностью, лишенною всякаго пыла. Голосъ его зазвучалъ опять, съ примѣсю нѣкоей уже какъ бы строгости въ выраженіи:

— Я тѣмъ болѣе желалъ имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами что еще очень недавно... en haut lieu,—примолвилъ онъ почтительно и таинственно,—миѣ было говорено о васъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорилъ невозмутимо Троекуровъ:— чѣмъ я заслужилъ эту честь?

Сановникъ чуть-чуть усмѣхнулся и пожалъ плечами, но такъ что весьма трудно было угадать какой именно его мысли должно было отвѣчать это движеніе:

— Vous n'êtes pas, il me semble, dans les bonnes grâces de monsieur Hertzen, или, по крайней мѣрѣ, корреспондентовъ его въ вашей мѣстности? подчеркнул онъ.

— А, рѣчь все объ этомъ! засмѣялся уже самымъ откровеннымъ образомъ его собесѣдникъ;— вы поручили даже провѣрить ихъ сообщеніе обо мнѣ въ Лондонъ?

Тотъ какъ бы нѣсколько смутился и поморщился:

— Вы введены въ заблужденіе, кажется, промямлилъ онъ.

— Это совершенно естественно впрочемъ: разъ было вамъ „говорено“, вы должны были навести объ этомъ справки, какъ бы въ успокоеніе его и не замѣчая его отрицанія, молвилъ Троекуровъ.— Дѣло идетъ, не такъ ли, о томъ что я, встрѣтившись съ однимъ господиномъ на дорогѣ, наказалъ его нагайкой по лицу?

Въ глазахъ Павлинова выразилось какое-то тревожное недоумѣніе. Эта прямая, краткая „n'allant pas par quatre chemins“, какъ говорятъ Франгузы, нисколько очевидно не обращающая вниманія на его офиціальное величіе, рѣчь была такъ мало въ обычаяхъ того міра гдѣ игралъ онъ свою выдающуюся роль! Рѣчь эта шла притомъ изъ устъ человѣка его воспитанія, его круга, независимаго очевидно столько же по характеру своему сколько по состоянію, котораго ни запугать поэтому, ни кулить ничѣмъ нельзя. Разговоръ съ такимъ человѣкомъ выбивалъ нѣсколько нашего сановника изъ сѣдла.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ онъ съ примирительною какъ бы улыбкой,—угодно было передать это господину Герцену въ своемъ задорномъ, позволю себѣ такъ назвать его, листкѣ.

— Передано совершенно вѣрно, промолвилъ Троекуровъ.

— Вы сами это подтверждаете?

— Я самъ.

— Vous m'avez dit que c'est pourtant violent! воскликнулъ Павлиновъ, вскидывая даже объ руки кверху.

— Это зависитъ... отъ нервовъ, сказалъ все съ тѣмъ же ладнокровіемъ Борисъ Васильевичъ;— а я попрошу васъ выслушать отъ меня эту исторію со всѣми объясняющими ее

мотивами, и затѣмъ *буквально* передать ее туда гдѣ интересовались ею, такъ какъ она можетъ служить лучшимъ образомъ того безпомощнаго положенія въ которое ставитъ въ настоящую минуту всѣхъ людей порядка въ Россіи полное отсутствіе въ ней власти и системы въ управленіи.

Лицо сановника замѣтно удлинилось и отучилось.

— Я васъ слушаю! вздохнулъ онъ, откидывая руку за спинку кресла и принимая живописную, не то скучающую, не то благоволяще внимающую позу.

Троекуровъ со свойственною ему сжатостью и рѣзкою опредѣлительностью выраженія передалъ ему все что извѣстно читателю о подвигахъ Иринарха Овцына, о дерзкихъ письмахъ адресованныхъ имъ „живущей въ его, Троекурова, домѣ молодой родственницѣ его жены“ (онъ не назвалъ ее по имени), о попыткѣ его возмутить крестьянъ и подговорѣ „бѣднаго юноши студента, сына севастопольскаго героя Юшкова“ къ разсылкѣ возмутительныхъ прокламацій и пр. о томъ наконецъ „неврооятномъ хаосѣ понятій и дѣйствій“ при которомъ завѣдомый агитаторъ находитъ себѣ сочувственниковъ, потворщиковъ и освободителей не только въ какихъ-нибудь *ученыхъ* полковникахъ Блиновыхъ, но и въ тѣхъ самыхъ „чинахъ полиціи явной и тайной“ на прямой обязанности которыхъ „лежитъ огражденіе государства и общества отъ подобныхъ негодяевъ“...

Павлиновъ слушалъ его съ невольнo возраставшимъ любопытствомъ и какъ бы съ несомнѣннымъ сочувствіемъ къ негодюванію прорывавшемуся въ словахъ Бориса Васильевича. Онъ утвердительно покачивалъ головой, живописно проводилъ рукою по своимъ бархатистымъ усамъ, не то уныло, не то презрительно ухмылялся и повздыхивалъ; глаза его все поощрительнѣе и любезнѣе глядѣли на говорившаго.

— Живую картину нынѣшняго положенія вещей, заговорилъ онъ, едва тотъ кончилъ,—картину, которая такъ барельефно, если можно такъ выразиться, выступаетъ изъ вашего сенсационнаго разказа, я уже давно рисовалъ себѣ мысленнымъ окомъ изъ тѣхъ официальныхъ, конечно безжизненныхъ, не одѣтыхъ такъ-сказать въ плоть и кровь, но тѣмъ не менѣе заключающихъ въ себѣ извѣстную долю вѣрныхъ указаній, данныхъ которыя получаютъ изъ провинцій. Картина несомнѣнно печальная и заставляющая призадуматься!— Онъ развелъ руками, сдѣлалъ длинную, многозначительную паузу и продолжалъ затѣмъ:— Я очень вамъ благодаренъ

за ваше объясненіе. Les motifs qui vous ont pour ainsi dire fatalement poussé à châtier ce mauvais drôle sont parfaitement légitimes, и я признаю que tout gentilhomme à votre place en aurait fait autant.... Но, если вы совершенно ясно для себя разумѣли какъ слѣдовало поступать вамъ въ данномъ случаѣ, весьма замѣчательно, какъ симптомъ времени, то что остальные дѣйствующія лица въ этомъ эпизодѣ, этотъ господинъ ученый офицеръ, и исправникъ e tutti quanti, поступили діаметрально противоположно тому что *ихъ* долгъ имъ предписывалъ.

Троекуровъ поглядѣлъ на него съ недоумѣніемъ:

— Симптомъ совершенно понятный: люди дѣлаютъ противное своему долгу *потому* что знаютъ что могутъ это дѣлать безнаказанно. Все зависитъ какъ къ этому относятся *сверху*.

Павлиновъ вдругъ наклонился къ нему и прошепталъ:

— Nous ne pouvons rien; le torrent nous emporte.

Кровь кинулась въ голову Троекурова.

— И это говорите *вы*, воскликнулъ онъ неудержимо,—вы, люди власти, которымъ теперь, послѣ освобожденія крестьянъ, предлежитъ дать камертонъ всему характеру царствованія, всей начинающейся съ него новой русской исторіи!... Вы не поняли что давъ волю народу воспитанному вѣками рабства, то-есть, другими словами, совершивъ революцію правительственной рукой, вы ~~должны~~ были удесятерить силу этой руки въ виду хотя бы утраченія тѣхъ „даровыхъ полицеймейстеровъ“, по выраженію императора Павла, которыхъ имѣла она въ лицѣ помѣщиковъ.... А вы про „torrent“ говорите! Какой это „torrent“? Не та ли открытая проловѣдь безбожія и анархіи которую само правительство распространяетъ по Россіи за подписью своихъ цензоровъ?... Вы, извините меня, какъ зацѣпъ басни, пугаетесь тѣми собственными вашими ушей...

— Ecoutez, mon cher Троекуровъ.... car nous sommes cousins, se me semble?—вспомнилъ вдругъ кстати Павлиновъ, совершенно тонокъ разсудивъ что въ качествѣ родственника онъ могъ выслушивать то что въ положеніи сановника не приличествовало ему терпѣть со стороны лица въ нѣкоторой стелени ему подначальнаго:—vous grêchez un converti. Не разъ пытался я заявить высказанный вами сейчасъ, безусловно правильный, принципъ въ средѣ государственныхъ лицъ qu'on ne peut pas *minima vitæ*—вставилъ онъ, скромно и находчиво переиначивая къ случаю стихъ римскаго поэта;—

но это былъ неизмѣнно гласъ волюющаго въ пустынь. Вы требуете „силы“? Она у насъ самымъ рѣшительнымъ образомъ теперь отсутствуетъ. Le „Русскій богатырь“, comme a dit Пушкинъ, дѣйствительно „локаутся“ pour le moment „на постели“. * Да и была ли она у него pour dire vrai, когда-либо и раньше истинная „сила“, у этого soi-disant „богатыря“ безъ культуры и гражданственности?

Изящныя черты савонника приняли вслѣдъ за этимъ столь категорически поставленнымъ вопросомъ чуть не гадливое выраженіе.

— „Russia is a great humbugh“, ** écrivait lord Palmerston à son frère en 1835, c'est à dire, aux plus beaux jours eneore du régime précédent. Tenons-nous cela pour dit! заключилъ онъ рѣшительно и строго.

„И жить въ странѣ управляемой людьми презирающими ее!“ пронеслось скорбнымъ и язвительнымъ помысломъ въ мозгу бывшаго Казказца.

— Скажите, спросилъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ,—куда же можетъ придти Россія при такихъ убѣжденіяхъ ея правителей?

— La Russie marche vers l'inconnu, къ великому неизвѣстному *иксу!* счелъ даже нужнымъ перевести и приправить генералъ Павлицовъ, сопровождая эту фразу рисующимся движеніемъ головы и руки какому могъ бы позавидовать знаменитѣйшій ораторъ Залада.

Борисъ Васильевичъ прикусилъ себѣ губу чтобы не отвѣчать рѣзкостью просившеюся ему на языкъ и которую онъ считалъ совершенно бесполезною. „Тутъ ничего не подѣлаешь“, разсудилъ онъ... Ему оставалось только обратить скорѣе олять разговоръ съ почвы общихъ разсужденій на предметъ съ котораго онъ начался.

— У меня къ вамъ просьба, сказалъ онъ торопливо и, не ожидая отвѣта:—я сейчасъ передавалъ вамъ о почтенномъ человѣкѣ, единственный сынъ котораго, прекрасный по душѣ, но слабовольный юноша, соблазненъ былъ этимъ... нигилистомъ, товарищемъ его по университету, къ постулку совершенно бессмысленному, за который однако можетъ ждать его весьма тяжелое наказаніе. Я пріѣхалъ теперь въ Петербургъ единственно съ цѣлью спасти несчастнаго, если можно...

* „Клеветникамъ Россіи.“

** Россія—большое надувательство.

Оказавъ мнѣ въ этомъ случаѣ помощь вашимъ вліяніемъ, вы сдѣлали бы поистинѣ хорошее дѣло.

— Я всегда душевно готовъ дѣлать ихъ насколько дозволяютъ это мои силы и средства, отвѣчалъ Павликовъ (онъ былъ дѣйствительно весьма мягкосердый по натурѣ и даже не безъ великодушія при случаѣ чловѣкъ);—о вашемъ юношѣ мы будемъ имѣть возможность переговорить чрезъ нѣскольکو минутъ,—примолвилъ онъ взглянувъ на стоявшіе на его письменномъ столѣ часы,—переговорить съ тѣмъ кто въ этомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо вамъ полезнѣе чѣмъ я... Vous le connaissez certainement, le comte Анисьевъ? Vous avez été, je m'en souviens, son camarade de régiment aux temps heureux où vous étiez très jeune et où je l'étais encore, подчеркнулъ онъ съ полувздохомъ.

— Вы очень мало переимѣнились съ тѣхъ поръ, увидѣвъ себя какъ бы вынужденнымъ Троекуровъ отпустить ему въ благодарность эту любезность.

Тотъ будто только этого и ждалъ, широко улыбнулся и благодарно въ свою очередь наклонилъ голову, но тутъ же вздохнулъ опять и, приподнявъ въ видѣ опроверженія одинъ изъ своихъ великолѣпныхъ бакеновъ подернутыхъ весьма уже замѣтною сѣдиной, процитовалъ чистѣйшимъ остзейскимъ акцентомъ изъ пролога къ Фаусту:

Ach, gieb mir wieder jene Triebe,
Das tiefe schmerzenvolle Glück,
Des Hasses Kraft, die Macht der Liebe,
Gieb meine Jugend mir...

— Вашему сіятельству! прервалъ онъ себя не договоривъ стиха, двигаясь съ мѣста съ живописно протянutoю рукою ко входившему безъ доклада графу Анисьеву;—les oreilles devaient vous tinter tout à l'heure: мы только что упоминали ваше имя со старымъ вашимъ однополчаниномъ...

— Ахъ, Троекуровъ, какъ я радъ тебя видѣть! Скольکو лѣтъ!.. воскликнулъ самымъ радостнымъ тономъ тотъ, поспѣшно кидаясь къ нему и потрясая ему руку обѣими своими;—въ отставкѣ, мировымъ посредникомъ, ландъ-лордомъ, да? Знаемъ, знаемъ: une femme adorable, денегъ куры не клюютъ, со всякимъ честолюбіемъ распростался, „la simple fleur ogne ma boutonnière“, comme dit la chanson de Béranger,—словомъ, счастливецъ заслуживающій всякой зависти! Какъ

это ты рѣшилася удостоить нашу Ингерманландію своимъ поощреніемъ?

— Вы вѣроятно удивитесь, засмѣялся Павлиновъ,—узнавъ что мы этимъ главнымъ образомъ обязаны, кажется, вамъ.

— Мнѣ? удивился Анисьевъ:—очень радъ, чѣмъ могу служить? промолвилъ онъ съ легкою уже задержкой и зорко глянулъ въ лицо Троекурова.

Дверь кабинета отворилась еще разъ и, вслѣдъ за громко и отчетливо выговореннымъ докладомъ курьера: „статсъ-секретарь Ягинъ“, вошло новое лицо.

Это былъ господинъ въ парикѣ, съ гладко выбритымъ зеленымъ лицомъ, представлявшимъ какъ бы нарочно тщательнѣйшимъ образомъ высортированный specimen петербургскаго гемороидальнаго субъекта. Облеченъ онъ былъ въ вицъ-мундиръ съ двумя звѣздами, форменно застегнутый на двѣ нижнія пуговицы, и держалъ подъ лѣвою мышкой повешенкій портфель, заключавшій въ себѣ, судя по раздутости его боковъ, не малое количество всякой писаной бумаги.

— У васъ комитетъ сейчасъ, и я ухожу, молвилъ Анисьеву Борисъ Васильевичъ, а мнѣ дѣйствительно надо поговорить съ тобою объ одномъ дѣлѣ. Когда могу я застать тебя?

Тотъ не успѣлъ отвѣтить: хозяинъ подходилъ къ нимъ съ Ягинымъ подъ руку и съ какою-то побѣдною улыбкой на устахъ, словно говоря: „полюбуйтесь контрастомъ!..“

— Позвольте, ваше превосходительство, говорилъ онъ ему со своимъ пѣвучимъ эмфазомъ,—познакомить васъ съ родственникомъ моимъ, Борисомъ Васильевичемъ Троекуровымъ однимъ изъ значительнѣйшихъ землевладѣльцевъ и уважаемѣйшихъ мировыхъ посредниковъ ***ской губерніи, привезшимъ изъ своей мѣстности весьма интересныя свѣдѣнія, Я осмѣляюсь думать что нашъ собравшійся теперь au complot комитетъ *трехъ*, коего задача состоитъ въ уясненіи причинъ распространенія между молодежью, преимущественно университетскою, антиправительственнаго и даже антиобщественнаго направленія мыслей и въ соображеніи затѣмъ о могущихъ быть пріемлемыми противъ сего мѣропріятіяхъ, что комитетъ нашъ, повторяю, можетъ почерпнуть изъ этихъ свѣдѣній указанія весьма для себя полезныя. Они драгоценны уже тѣмъ что идутъ отъ лица вполне независимаго по своему общественному положенію, и которое вѣсть съ тѣмъ, по тѣмъ официальнымъ обязанностямъ кои Борисъ Васильевичъ изъ гражданскаго чувства принялъ на себя въ

мировомъ институтѣ, имѣеть возможность наблюдать, такъ-сказать, изъ окна *rez de chaussée* новыя явленія выходящей нынѣ изъ купели крестьянской реформы русской общественной жизни въ вашей провинціи.

— Какъ же-съ, слышалъ, произнесъ на это глухимъ и загадочнымъ тономъ Ягинъ.

Онъ съ той минуты какъ было произнесено имя Троекурова и во все время пока Павликовъ изливалъ музыкальныя волны своей рекомендательной рѣчи поглядывалъ съ какимъ-то будто недоброжелательнымъ вниманіемъ на Бориса Васильевича.

— О чемъ это именно изволили вы слышать? вѣсколько рѣзко спросилъ его тотъ. Желчь поднялась въ немъ. „И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ“, въ свою очередь, пока лились эти медоточивыя ло его адресу рѣчи изъ устъ самовнаго его родственника, готовъ онъ былъ воскликнуть словами Чацкаго.

— О вашей... дѣятельности, подчеркнул какъ бы съ легкою язвительностью Ягинъ.

Глаза Троекурова блеснули мгновеннымъ острымъ блескомъ... Но Павликовъ не далъ ему времени на отвѣтъ. Съ чуткостью и находчивостею челоуѣка до тонкости вышліфованнаго долгимъ треніемъ всякихъ служебныхъ и придворныхъ отношеній онъ тотчасъ же угадалъ откуда могло произойти взаимное нерасположеніе другъ ко другу двухъ лицъ встрѣчающихся теперь очевидно въ первый разъ въ жизни, и послѣдшилъ отклонить грозившее произойти отъ этого столкновение.

— Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ опять,—изложить намъ, *si le coeur lui en dit*, весьма знаменательный, сколько я понимаю, фактъ революціонной пропаганды, начинающей появляться уже не только въ тѣсныхъ предѣлахъ Васильевскаго Острова, но и на широкомъ просторѣ вѣсей и сель средней Россіи... А въ связи съ этимъ,—примолвилъ онъ подчёркивая,—мы услышимъ не менѣе заслуживающій вниманія разказъ какъ самъ онъ, или, вѣрнѣе, одинъ изъ его поступковъ, истекающій, такъ-сказать, изъ всего синтенса этого факта пропаганды, попалъ въ искаженной передачѣ въ *Колоколъ* гослодина Герцена...

— Которому, между прочимъ вставилъ какъ бы *en passant* графъ Анисьевъ,—нанесенъ недавно изъ Москвы сильный-шій ударъ!

Ягивъ передернулъ еще разъ ларикъ и проговорилъ:

— Причемъ постулаемо противъ всѣхъ цензурныхъ правилъ. Петербургскимъ органамъ печати запрещено воспроизводить эту *московскую*, незаконно появившуюся, статью и говорить о ней...

— Полагаю, это совершенно бесполезно телерь: впечатлѣнiе свое она *произвела*, улыбаясь, но съ особенною вѣскостью въ выраженiи возразилъ Анисьевъ.

Павлиновъ быстро воззрися въ него и тотчасъ же понялъ что означала эта вѣскость въ устахъ блестящаго собесѣдника.

— Дѣльно, сильно, смѣло! послѣшилъ онъ выразить со своей стороны одобренiе.

— А развѣ противъ Герцена *нельзя* писать въ Россiи? спросилъ, обращаясь къ нему и принимая самый наивный видъ, Троекуровъ.

— Nous sommes censés l'ignorer, съ тончайшею иронiей отвѣтилъ онъ, слегка склоняя голову.

Ягивъ уложилъ портфель свой на столъ и, доставъ ключикъ изъ кармана брюкъ, принялся молча отмыкать замокъ.

— Да, Троекуровъ, въ самомъ дѣлѣ что это за исторiя про тебя въ *Колоколь*: кого ты тамъ у себя въ княжествѣ нагайкой отстегалъ? спрашивалъ между тѣмъ его графъ Анисьевъ, держась все того же добродушнаго, товарищескаго тона.

— Ну, это долго разказывать, а я ухожу! морщась отрѣзалъ Борисъ Васильевичъ и взялся за шляпу.

— Attendez un moment, cher ami, остановилъ его Павлиновъ, движенiемъ руки.—Je m'en vais conter cela pour votre instruction particulière, обратился онъ къ Анисьеву съ grandiosностью уже совершеннаго Олимпiйца.

И съ изумительною точностью, свидѣтельствовавшею о его замѣчательной способности къ резюмированiю, качествѣ столь цѣннмомъ въ совѣщательныхъ собранiяхъ, принялся онъ, ничего не забывая, передавать все что было сообщено ему Троекуровымъ.

Анисьевъ, сосредоточенно и внимательно покручивая свой длинный, à la Napoléon III, усъ, прислушивался къ его рѣчи. Ягивъ, отомкнувъ свой портфель и вынувъ изъ него бумага, передергивалъ ларикъ свой съ видомъ чловѣка для

котораго то что его заставляютъ слушать не представляетъ ничего занимательнаго, а еще менѣе важнаго по своему значенію.

— Да-да, замолотилъ онъ губами съ какимъ-то не то бабьимъ, не то змѣинымъ шипѣніемъ, когда тотъ кончилъ,—очень печально, конечно, что молодой человѣкъ разсыпалъ прокламаціи и попался послѣ того въ руки жандармовъ... Но вѣдь это не болѣе какъ частный случай, изъ котораго нельзя вывести никакого общаго заключенія.

— Ваше превосходительство позвольте мнѣ, надѣюсь, не вполнѣ присоединиться къ выраженному вами мнѣнію, возразилъ Павловичъ:— студентъ разсылающій и попадающійся есть дѣйствительно фактъ акцидентальный, но фактъ случайный—нашъ телерешный студентъ вообще, желающій заняться не наукою, а политическими утопіями.

— Онъ будущій гражданинъ,—и геморридальное лицо Ягина озарило при этомъ какою-то идеалистическою лунезарностью,—онъ долженъ себя готовить къ этому.

— Прокламаціями? неудержимо вырвалось у Трофкурова. Тотъ скривилъ губы свои на сторону:

— Свободою которую слѣдуетъ предоставить ему...

— Какую? губить другихъ или самому идти въ Сибирь?

— Прежде всего утвержденіемъ свободы не учиться, пропѣлъ насмѣшливо Павловичъ,—этою столь дорогою русскому человѣчеству привлекетъ, которая лоникъ создавала ему завидное положеніе плота и парія цивилизованнаго міра.

Ягинъ изобразилъ этомъ что-то имѣвшее очевидно намѣреніе быть принятымъ за улыбку.

— Я всегда, вы знаете, цѣню вашу аттическую соль и обширное образованіе, Алексѣй Павловичъ,—но въ этомъ вопросѣ вы придерживаетесь, къ сожалѣнію, слишкомъ традиціонной точки зрѣнія на предметъ и не желаете какъ будто признать требованій выражаемыхъ теперь такъ громко нашею печатью въ смыслѣ либерализма и реальности какъ основныхъ элементовъ въ дѣлѣ воспитанія будущихъ нашихъ гражданъ. Мы не можемъ идти противъ литературы и общества... Да вотъ кстати я привезъ показать вамъ записку о реформѣ всей нашей системы образованія на этихъ началахъ,—примолвилъ онъ уже шелоткомъ, таинственно отводя Павловича нѣсколько въ сторону:—вы оцѣните ее вашимъ европейскимъ взглядомъ...

Павловичъ былъ побѣжденъ. Онъ съ упрекомъ въ чертахъ взглянулъ теперь на говорившаго, взялъ его за руку и долго трясъ ее, говоря что онъ „отыметъ ото сна тѣ недостающіе ему, за обширностью занятій по собственному его вѣдомству, часы, которые онъ намѣревается посвятить подробному изученію этой записки; въ серьезность же достоинства ея онъ увѣренъ заранее, зная подъ нимъ ужьямъ и тонкимъ руководствомъ она составлена“ и т. д.

— Хорошо? подмигивалъ Трокурову тѣмъ временемъ Анисьевъ, отходя отъ нихъ къ окну и кивая на Ягилу.

— Какъ такіе люди попадаютъ во власть! нравно моваиль тотъ.

— Эвона! Только ты не знаешь. У насъ, милая мой, человекъ на ифотъ никогда не бываетъ. Омиъ своихъ дѣлъ, а всегда чья-нибудь крестура... Да, — вспомнилъ онъ, — этого этого молодого неолошка, Юшкава, вчера привезли. Я имѣю свидѣніе что ему уже было данъ допросъ. Во всемъ признается, но никого изъ сообщниковъ не называетъ...

— Очень просто, потому что какіе же у него сообщники? Я присутствовалъ при арестованіи его и разборъ его бумагъ; ничего не нашли кромѣ клочки записки отъ этого негодая Овчина, приглашавшаго его на свиданіе. Онъ просто-на-просто, какъ маальнишка, исполнялъ во что приказалъ ему тотъ, ровно ничего другаго не зная.

— Скажи, спросилъ съ любознательствомъ Анисьевъ, — этотъ Овчинъ действительно тебѣ родня?

— По жентъ: онъ еѣ двоюродный братъ.

— C'est un luron qui a du toupet! Онъ опять ударилъ за границу и прислалъ вамъ оттуда дерзкое письмо, въ которомъ говорить, между прочимъ, что проѣхалъ чрезъ нее въ мундирѣ жандарма... Вреть, разумѣется!..

— А я полагаю что не только не вреть, а что и мундиръ-то ему досталъ доброхотъ изъ того же жандармскаго вѣдомства.

Анисьевъ пожалъ пренебрежительно плечами:

— Что ты хочешь, mon cher! Чтобъ имѣть вѣрныхъ и способныхъ людей нужны деньги. А въ деньгахъ министерство финансовъ постоянно отказывается.

— А что же, долго, думаешь ты, продержатъ этого бѣднаго юношу? Отъ него, говорю тебѣ, ровно ничего выжать нельзя кромѣ голаго факта надписанія имъ адресовъ на конвертахъ

этихъ прокламацій и сдачи ихъ въ почтовую контору, началъ опять Борисъ Васильевичъ.

— Да придется еще ему посидѣть пожалуй, не сейчасъ отвѣтилъ Анисьевъ.

— Для чего же это?

— Для очищенія совѣсти, милый мой. Дѣломъ о распространителяхъ этихъ прокламацій очень интересовались, а хватить не удавалось пока никого. И вотъ нашелся наконецъ одинъ. Ну, само собой, съ радости и похвалятся имъ подольше... Развѣ вотъ эта полемика противъ Герцена ему поможетъ, примолвилъ онъ неожиданно.

— Это какъ? воскликнулъ въ изумленіи Троекуровъ.

Тотъ улыбнулся своею многозначительною улыбкой и вполголоса промолвилъ:

— On se sent beaucoup plus fort depuis qu'on a trouvé un appui inattendu dans la presse. А при этомъ, разумеется, исчезаетъ вниманіе къ мелочамъ представлявшимся опасными...

— Надолго ли же вы окрѣпли? спросилъ съ невеселою усмѣшкой Троекуровъ.

— Само собою, вѣтъ! точно обрадовавшись, засмѣялся его собесѣдникъ: — nous serons inébranlablement tenus par le courant...

„Да что это у нихъ: пароль и лозунгъ“? чуть не съ отчаяніемъ подумалъ Борисъ Васильевичъ.

— J'espère, cher comte, que vous vous êtes entendus avec notre ami Troekoureff? любезно спросилъ, отрываясь отъ бесѣды съ Ягичнымъ и глядя на нихъ черезъ стѣну, хозяинъ кабинета.

— Мы съ нимъ еще увидимся.. неправда ли? примолвилъ графъ Анисьевъ, горячо пожимаая опять руку старому однополчанину, котораго зналъ за человѣка „характернаго“ и потому почиталъ нужнымъ „ублажить“.

— Да, сказалъ тотъ съ полуусмѣшкой, —предваряю тебя что не уѣду изъ Петербурга, какъ у васъ здѣсь ни мерзко, прежде чѣмъ не добьюсь того зачѣмъ сюда пріѣхалъ.

— А ты, я вижу, засмѣялся Анисьевъ, —все тотъ же бѣдовый comte dans le temps, когда, помнишь, чуть не отправилъ ad patres бѣднаго Ордынцева изъ-за beaux yeux Ольги Елпидифоровны Рамцовой, нынѣ княгини Шастуновой... А пророч, mon cher, что это за глупая исторія у нея съ бельмерой?...

— „Исторію“ для нея всякія кончились, отрёзалъ Троекуровъ,—она на томъ свѣтъ.

— Что ты?

— Умерла вчера въ Москвѣ, въ гостиницѣ Шевріе, гдѣ я остаиваиваюся...

Ависьевъ склонилъ голову и раскинулъ руками:

— *Finita la comedia*, значитъ! А видѣть это. типъ былъ, малый мой, *l'aventurière russe*, а?...

Борисъ Васильевичъ, не отвѣчая, кивнулъ ему въ знакъ прощанія и направился ко двери.

Павлиновъ лопелъ за нимъ. Омъ, какъ это бываетъ съ хошоенькими женщинами, чувствовалъ потребность *очаровать* и *заполонить* окончательно этого родственника своего „строптивца“, не поддаваивагося, чувствовалъ омъ, легко тому обаянію которое мнилъ омъ производить на все до чего лишь достигала сфера его оиванія.

— Надѣюсь, до свиданія!... *Venez me voir sans façon, en cousin... en ami; — vous ne rencontrerez pas toujours ici mon collègue Ягинъ, который вамъ, я видѣлъ, рѣшительно не понравился,—шелпалъ омъ ему на ухо, ласково продѣвая руку подъ его локоть;—un homme d'esprit du reste, d'opinions quelque peu... lilas, une nuance du rouge, comme vous le savez..*

И новая очаровательнѣйшая улыбка, вызваиваая удовольствіемъ которое производило на него это его столь удачное собственное *mot*, развѣива на устахъ величаваго генерала.

Они остановились у самыхъ дверей. Троекуровъ молча и какъ бы разсѣянно поводилъ глазами на него, на его „коллеговъ“, ожидаившихъ конца ихъ разговора...

— Вы насъ всѣхъ *судите* въ эту минуту, я это угадываю, замѣтилъ вдругъ Павлиновъ:—вы давно не видали Невскую столицу, ея официальный міръ, и редактируете теперь въ головѣ изъ суммы вынесенныхъ вами впечатлѣній вашъ приговоръ о немъ. *Je serais curieux de le connaître, votre arrêt?*

— Я вамъ скажу, быстро вскидывая голову, сказалъ Борисъ Васильевичъ:—въ Россіи надѣяться можно теперь лишь развѣ на Господа Бога...

— *Très juste!* добродушнѣйшимъ образомъ согласился савонникъ, и такъ же добродушно засмѣялся:—*il y a longtemps que les fonctions du russekii Богъ ont cessé d'être une sinécure*“, какъ сказалъ се bon Тютчевъ...

II.

Nous ne sommes jamais populaires que par le mauvais côté de notre nature; la renommée est presque toujours la part du mal dans la vie de l'homme.

Capefigua.

Геніальнаго челоуѣка я люблю нѣсколь-
ко гаулымъ.

Достоевскій. *Бѣсы.*

Троекуровъ, выходя изъ этого казеннаго зданія, — оиъ чувствовалъ себя болѣе еще чѣмъ прежде нервнымъ и злымъ, — сѣлъ въ карету и велѣлъ себя везти въ Большую Морскую, къ Дюссо: оиъ ничего не ѣлъ со вчерашняго дня и разчиты-
валъ что его дурное настроеніе усложнится вслѣдъ за утомле-
ніемъ голода.

У Дюссо въ первой комнатѣ, кромѣ какого-то одиноко по-
мѣстившагося у окна рыжеватаго бакенбардиста, очевидно
Англійчанина, методически посылавшаго каемскимъ перцемъ
поданную ему баранью котлету, — завтракали еще въ эту ми-
нуту за отдѣльнымъ столомъ, въ противоположномъ входной
двери углу, трое господъ, оказавшихся знакомыми Бориса
Васильевича.

Съ двумя изъ нихъ читатель имѣлъ уже случай встрѣтить-
ся нелькомъ въ самомъ началѣ нашего пространнаго разказа.
Одинъ былъ тотъ самый меломанъ - фанатикъ съ голымъ че-
репомъ и чертами лица напоминавшими обликъ Сократа, ря-
домъ съ которымъ сидѣлъ въ Большомъ Театрѣ Кавказецъ
Троекуровъ въ тотъ знаменательный для него вечеръ, когда,
вмѣстѣ съ вѣстью о падашемъ ему съ неба огромномъ на-
сѣдствѣ, рѣшенъ былъ и вопросъ о бракѣ его съ Сашень-
кой Лукояновой. Звали этого фанатика Толыгинымъ.

Другой назывался Самуровъ. Превосходный пейзажистъ
прежде всего, оиъ владелъ кромѣ того способностью писать
жанровыя картинки приходившіяся необыкновенно по вкусу его
современникамъ. Далекое расходясь съ отсталыми понятіями
какого-нибудь Гёте, такъ наивно порицавшаго въ своихъ сооте-
чественникахъ ихъ „вѣчное исканіе идей, а не впечатлѣній

въ твореніяхъ искусства“, * художникъ нашъ, напротивъ, бился изо всѣхъ силъ провести хотя бы хвостикъ идеи въ каждомъ изъ своихъ произведеній... Самостоятельностью мышленія природа, къ сожалѣнію, одарила Самурова въ долѣ весьма несоразимрмой съ его талантомъ, но онъ восполнялъ этотъ недостатокъ прилежнымъ прислушиваньемъ къ тому что въ данную минуту представлялось ему „злобою дня“,—вѣрнѣе къ тому что составляло въ эту минуту предметъ толковъ въ кружкахъ „прогрессивныхъ“ редакцій, и компоновалъ соотвѣтственно сему каждую свою картину. „Злобы“ этой, благодаря артистическому своему такту, онъ влускалъ въ нее à point, какъ бы мимоходомъ, не нагирая на нее, а давая чувствовать едва намѣченными бликами, тонкими чуть не до робости иногда штрихами. Но эта самая недописанность, эти намеки какъ бы изподтишка, при мастерствѣ его техники, обаятельной прелести его красокъ и филиграновой отдѣлкѣ деталей, доведши зрителей до восторга и заставляли ихъ предполагать въ художникѣ глубину мысли ни съ чѣмъ несравнимую. Каждое изъ его полотенъ вызывало въ печати цѣлый ворохъ статей, въ которыхъ, по поводу все той же „идеи“, фантасія комментаторовъ разыгрывалась иногда до чертиковъ, до такихъ радикальныхъ толкованій отъ которыхъ осторожному художнику приходилось въ нѣкихъ мѣстахъ отрециваться и руками и ногами, но которыя втайнѣ доставляли ему величайшую отраду, укрѣпляя его въ сознаніи своего „политическаго“ значенія среди соотечичей,—о чемъ нашъ, менѣе всего одаренный разумѣніемъ съ этой стороны, живописецъ пресерьозно вмѣстѣ съ тѣмъ всячески старался и хлопоталъ.

Трескуровъ амалъ его давно и цѣнилъ его дарованіе, но лривали между ними никогда не было. „C'est un roseur“ опредѣлялъ себя его внутренно Борисъ Васильевичъ. Самуровъ въ свою очередь объявлявшій себя громко, да и почитавшій себя и въ самомъ дѣлѣ „демократомъ“, хотя самъ по рожденію и воспитанію принадлежалъ къ хорошему обществу и чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ невоспитаннымъ людямъ, испытывалъ какое-то странное, словно гнетущее,

* „Habt doch einmal die Courage euch den Eindrücken hinzugeben und denkt nich immer, es wäre alles eitel, wenn es nicht irgend abstrakter Gedanke und Idee wäre“. Изъ разговоровъ Гёте записанныхъ Шерманомъ.

а потому вызывавшее въ немъ чуть не враждебное чувство, смущеніе каждый разъ когда ему приходилось «сходиться съ этою безслорно—онъ былъ слишкомъ артистъ чтобы не понять этого—аристократическою натурой, сильною и независимую.

Третій изъ завтракавшихъ, быстроглазый, маленький, жиденькій, юркій, былъ своего рода тизъ. Забавный, остроумный и изобретательный на выдумки какъ баронъ Мюлаузонъ, невоздержный и боващій какъ базарная кумушка, Гавриленко обладалъ совершенно французскимъ благородствомъ и неистощаемою *verve* заговора. Быстроглазый, маленький и юркій, онъ былъ другъ и пріятель со всеми кіровою,—и про лучшихъ пріятелей своихъ и амфитріомовъ распускалъ роковыя самаго ядовитого свойства, нарождавшіяся раземъ тысячами, садно веселой цвѣты на лугахъ, въ его необузданномъ воображеніи. Дѣлалось это безо всякаго повода и цѣли, даже безъ заобч. Онъ поносилъ и переносилъ, смѣялся и клеветалъ wie der Vogel singt der in den Zweigen wohnt, изъ неотразимой потребности своей уже такъ видимо устроенной горлихи. „Для этого у него нервъ такой ужъ особенный, феноменальный, существующъ“, пресерьезно утверждалъ Толыгинъ, не ривъ вырвавшій Гавриленко въ трудныя минуты жизни и про котораго за это чуть, шлалось и біа себя въ грудь въ подтвержденіе „святой истины“ своихъ словъ, разкашывалъ въ кругу общахъ или друзей иго Толыгина протарвалъ „нервоетъ своего скарелдичества“ до того что „содралъ парчу съ рубаи роднаго отца и продалъ ее Жиду,—и даже выискалъ для этого совсѣмъ особеннаго Жиды-Шейлока, заступаго немалевастика христіанъ, чтобы испытать при этомъ полное *ададостраіе отъ своего святошастіа...*“

Троекуровъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ, какъ былъ знакомъ со всеми, возбуждалъ въ немъ еще болѣе чѣмъ въ Самуровѣ враждебное къ себѣ чувство. Учивая холодность Бориса Васильевича, его какъ бы въколько бревглавая сдержанность придавливали Гавриленка. „Не подойдешь къ этому человѣку ни съ какой стороны“, былъ онъ принужденъ уже давно соизнаться, послѣ многихъ попытокъ своихъ войти съ „этимъ человѣкомъ“ въ ту интимность которая давалась ему такъ легко съ другими, болѣе мягкими или раслуценными по натурѣ, лицами одного положенія съ Троекуровымъ... Завидѣвъ въ отверстіи раскрывшейся двери его высокій обликъ, онъ обмывался быстрымъ взглядомъ съ Самуровымъ и тотчасъ же быстро олустилъ глаза въ тарелку.

Толыгинъ, напротивъ, питалъ къ Троекурову нѣкоторую слабость.. Это былъ эстетикъ до мозга костей, послѣдній быть-можетъ изъ тѣхъ абсолютныхъ эстетиковъ пушкинскаго періода, подобныхъ которымъ давно отказалась производить улитаяна „либерализмомъ“ и „реальностью“ почва Россійскаго государства... Страстный и необычайно тонкій знатокъ „красоты“ въ обширѣйшемъ и притомъ эстетическомъ смыслѣ этого слова („Un bien aimable rayon!“ говорилъ пре него Тютчевъ со своимъ прелестнымъ, незловивымъ остроуміемъ), онъ владѣлъ какою-то неизсказанною способностью наслажденія, выискивая его на протяженіи всей лѣстницы явленій отъ которыхъ можетъ ожидать человѣкъ радостей на землѣ: въ искусствѣ и природѣ, въ хорошемъ винѣ и гастрономическомъ обѣдѣ, въ философской бесѣдѣ какъ въ захахъ цвѣтовъ, въ женской ласкѣ какъ въ античномъ культѣ героевъ... Въ Троекуровѣ Толыгинъ цѣнилъ *кросе*, то-есть то именно отъ чего поводио внутренно садѣвшихъ съ нимъ теперь рядомъ пріятелей.

Онъ вскочилъ съ мѣста едва тотъ вошелъ въ комнату и приближалъ къ нему съ протянутыми руками:

— Здравствуйте, здравствуйте, country gentleman! Давно ли вы и куда?.. Да къ намъ сюда, прошу, все знакомые люди.. Садитесь, sit; садитесь!..

Предложеніе въ первую минуту заставило Троекурова безотчетно поморщиться: онъ чувствовалъ себя далеко не расположеннымъ къ разговору... Но отказываться не приходилось.

— Если позволите, отвѣтилъ онъ, подходя къ столу и обмѣниваясь рукожатіями съ обоими живописцами.

— Сюда вотъ, любезный, сюда кувертъ! приказывалъ Толыгинъ, указывая подлѣ себя мѣсто, прислуживавшему имъ Татарину, суетаясь и весь расплываясь въ латку, какъ бывало это обыкновенно съ нимъ когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа,—и немедленно затѣмъ зашепталъ Борису Васильевичу:—Лѣтомъ кухня здѣсь не акти мнѣ, но есть turbot свѣжій; спросите непременно au naturel и къ нему кабуль-сою, а затѣмъ стаканчикъ шабли, вино здѣсь не дурно... А мы вотъ всѣ, какъ видите, завтра улетаемъ dahin, dahin, подмигнулъ онъ:—сначала на Уайтъ, а тамъ въ октябрѣ въ Римъ!.. Петенька,—прервалъ онъ себя, обращаясь къ Самурову,—а въ Бордо по пути заѣдемъ, а? Непременно заѣхать надо къ божественному Жозефу!

Онъ неожиданно ухватилъ за кофѣнку сѣвшаго подлѣ него Бориса Васильевича и, наклонясь къ нему съ совершенно масляными глазами, зашепталъ опять, словно весь замирая отъ блаженства:

— Бѣтъ такъ какъ вѣдать у этого Ватела, у этого Юлія Цезаря кудиварнаго искусства, могли только одни безсмертные боги Олимпа! Это *dernier mot*, Алкидовы столбы гастронимической науки!

Самуровъ засмѣялся и, кивая на пріятеля:

— Онъ былъ доведенъ объѣдомъ этого Жозефа до такого азарта умиленія что когда тотъ подъ конецъ его принесъ намъ карту, онъ кинулся къ нему рыдая въ голосъ, и поцѣловалъ его въ плечо.

Топыганъ мгновенно озлился и зашипѣлъ:

— Ну и поцѣловалъ, и поцѣловалъ, что жъ такое! онъ этого заслуживалъ. А ты это единственно по невѣжеству твоему глумишься, потому что ты только притворяешься Европейцемъ, а на самомъ дѣлѣ предпочитаешь бокъ съ кашею всей утонченной прелести цивилизованной кухни!..

Это было такъ неожиданно что Троекуровъ, вслѣдъ за покотившимся со смѣха Самуровымъ, готовъ былъ и самъ расхохотаться, но сдержался и спросилъ:

— А хорошъ островъ Уайтъ? Я никогда тамъ не былъ.

— Не были на Уайтъ! такъ и выстрѣлалъ Гавриленко:— это, понимаете, *Victoria regia* въ цвѣту олуценная въ Океанъ. Пріѣдешь туда—и замлѣешь, замлѣешь весь, сорокъ восемь часовъ сряду на одномъ мѣстѣ сидишь и только лѣтомъ священнаго восторга обливаешься... Вы только представьте себѣ: надъ вами лазурь,—понимаете, лазурь, *bleu de Prusse* съ вѣжно-сѣро-фіолето-розовымъ отливчикомъ; у ногъ вашихъ Альпы,—Альпы волевъ, селія-зеленыхъ, подкрашенныхъ чуть-чуть легонькою голубизной, и въ нихъ вы видите, собственными глазами видите, какъ свиваются уродливыми клубами всѣ эти морскіе гады Шиллеровскаго *Кубка*, и млатъ водяной, и уродливый скалъ... и *la pieuvre*, понимаете, *la pieuvre*, чудовище неслыханное, въ двѣ версты, чудовище Океана... А кругомъ вся эта подавляющая вась цивилизація великой Англїи: рододевроны, розы *grandiflora*,—лѣса, понимаете, сплошные, трехсаженныя лѣса розъ и рододевроновъ, газоны вѣжнѣйшаго юанса *vert-rotte* подстриженные женскими туалетными ножницами, и по нимъ, понимаете, скачутъ Валтерскоттовскія Діавы Вернонь и Флоры Макъ-Иворъ въ Рембрандтовскихъ

шлялахъ съ огненными перьями, или катить на васъ въ *по-мичезъ* отставной какой-нибудь индѣйскій Набабъ изъ Лагора со слугою цѣвта *bronze-antique* на заднемъ сидѣнн, въ кнсейной чалмѣ съ брилліантомъ величиной вотъ въ эту рюмку... Сидишь, говорю вамъ, и млѣешь въ священномъ восторгѣ, млѣешь,— а на душѣ у тебя въ то же время такъ и воротить. „А ты-то, думаешь, что, Федора ты глупая, голопятая, дырьемъ протыканная, въ гильѣ взрожденная, на какого чорта проскрилѣла ты тысячу лѣтъ? А еще претензію на званіе „отечества“ изъявляешь, когда вся-то ты вмѣстѣ взятая, „отъ моря до моря“, этого одного малаго уголка земли свободнаго и просвѣщеннаго народа не стоишь!...

— Да, въ Россіи жить нельзя! примолвилъ къ этому на манеръ сентенціи Самуровъ.

Троекуровъ говорилъ себѣ чуть не то же самое все это послѣднее время, но почувствовалъ себя вдругъ точно обиженнымъ, услыхавъ отъ чужаго эту мысль громко выраженную словомъ. Онъ прижмуренными глазами скользнулъ по лицамъ говорившихъ и обернулся къ Толыгину:

— Вы на островѣ Уайтѣ увидите вѣроятно Герцена: онъ тамъ вѣдь, кажется, лѣтомъ живетъ?

„Эстетикъ“ какъ бы внезапно смутился.

— Не знаю, право, не знаю увижу ли... пробормоталъ онъ.

Самуровъ въ свою очередь прищурился теперь внимательно на Троекурова.

Тотъ усмѣхнулся и продолжалъ:

— Въ случаѣ увидите, скажите ему отъ меня...

Толыгинъ не далъ ему кончить, послѣшно закачалъ головой и участливо задыкалъ языкомъ:

— Да, да, вспомнилъ онъ, осторожно оглядываясь, — онъ васъ тамъ гдѣ-то задѣлъ, задѣлъ...

У Гавриленка даже вѣки залыгали отъ удовольствія:

— Д-да, привздохнулъ онъ, принимая озабоченный видъ, — было что-то очень злое про васъ, помню... Это очень неприятно; какой-нибудь вѣроятно корреспондентъ съ вѣтру сообщилъ, и вдругъ это по всей Россіи разговоръ... Герценъ самъ, повѣрьте, самъ будетъ жалѣть если вы ему объясните, — причиталъ онъ какъ бы въ видѣ утѣшенія, жадно выискивая между тѣмъ на лицѣ Бориса Васильевича ожидаемый имъ признакъ смущенія; — на Герцена сердиться нельзя: это, локмаете, квинтэссенція ума возведенная въ нескончаемый фейерверкъ; когда онъ говоритъ, вы видите какъ у него бенгальскіе

огни въ ведро объема изъ глазъ вылетаютъ, аркопурпуроваго цвѣта огни, ловимаесте, все огни, огни безъ конца!..

Троекуровъ поглядѣлъ на него снизу вверхъ своими стальными глазами:

— Мнѣ нечего „объяснять“ этому „фейерверку“; сообщеніе про меня напечатанное въ *Колоколъ* совершенно вѣрно.

Всѣ глаза такъ и влились въ него...

„Не хуже чѣмъ на Павлинова эффектъ произвелъ“, подумалъ онъ, и презрительный смѣхъ пробѣжалъ по его губамъ: „приходится снова здорово разказывать сказку про бѣлаго бычка.“

— Я дѣйствительно отклесталъ *нагайкой*, подчеркнул онъ—одного молодца который, какъ мнѣ извѣстно, былъ у него въ Лондонѣ, а оттуда явился возмущать крестьянъ въ моемъ мировомъ участкѣ... и творить всякія цинны мерзости... Негодяя этого арестовала затѣмъ полиція и тутъ же выпустила на всѣ четыре стороны. Онъ опять за границей теперь, а за него отсиживается въ III Отдѣленіи несчастный мальчикъ-студентъ, котораго онъ подбилъ разослать по почтѣ привезенныя имъ изъ того же Лондона прокламаціи... Вотъ это самое, заключилъ Борисъ Васильевичъ, обращаясь опять къ Толыгину—и хотѣлъ я васъ просить передать господину Герцену въ доподненіе того что ему извѣстно обо мнѣ.

Гавриленко не то недоумѣло, не то испуганно повелъ теперь глазами въ сторону Самурова; но тотъ не отвѣчалъ на его взглядъ...

— Непремѣнно передамъ если увижу, непременно! говорилъ между тѣмъ, понизивъ голосъ, Толыгинъ Троекурову:— это вѣдь въ самомъ дѣлѣ нельзя-съ, и я вотъ это даже сейчасъ ему доказывалъ, — онъ кивнулъ на Самурова: — не хорошо говорю, Петенька, неблаговидно! Въ Москвѣ совершенно вѣрно ему замѣчено: сидятъ они съ Огаревымъ безопасно за моремъ, отъ нечего дѣлать въ набать бьютъ, а молодые олухи здѣсь изъ-за ихъ звона сдуру въ драку лѣзутъ, бараньими лбами въ нерушимую стѣну пруть... Вѣдь глуло, говорю, Петенька, не оригинально и не эстетично: не революція,—карикатура, лубочная картина выходитъ!..

— Да я съ тобой и не спорилъ, прервалъ его художникъ,— а давно уже во многомъ не схожусь съ Герценомъ. Я старый либераль, это правда, но я и старый монархистъ, какъ бы заторопился онъ опять заявить.

Борисъ Васильевичъ вскинулъ на него глаза... и тутъ же опустилъ ихъ.

„Эстетикъ“ за то такъ и накинулся на пріятеля (онъ не успѣлъ переварить до сихъ поръ его анекдота о Жозефѣ въ Бордо):

— И ни тотъ, и ни другой, и ничевошеньки-таки подобнаго ты изъ себя не изображаешь, отложи полеченіе! воскликнулъ онъ:—ты артистическая натура, и слава тебѣ Господи, а политическаго смысла у тебя какъ у цегла...

Глаза его вдругъ увлажнились и онъ заговорилъ опять съ какимъ-то уже будто жалостливымъ отгвѣнкомъ:

— Ты, Петенька, дѣ своемъ родѣ Гвидо Рени, живописецъ прелестный,—не „геніальный“, этому ты не вѣрь, это одни дураки съ невѣжества своего большаго про тебя лишуть,— а милый, милый,

„Какъ первой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи“;

вкусъ это у тебя, красочки деликатныя, въ мѣру, *пятна* пріятнѣйшія на взглядъ, вырисовано, а гдѣ не дорисовано всегда съ разчетцемъ, ровно всегда какъ нужно для эффекта. Ты европейскій художникъ, Петенька, и я тебя люблю и цѣню, ты знаешь,—ты наша честь и даже кумиръ... А политическаго смысла у тебя все-таки какъ у перепела, многуважаемый, а характера и того меньше...

Гавриленко, весь уйдя взглядомъ въ стоявшій предъ нимъ недопитый стаканъ, покусывалъ себѣ губы до боли чтобы не выдать радости возбужденной въ немъ этимъ „отчитываніемъ“ пріятеля, но не выдержалъ до конца и наклонившись къ уху Бориса Васильевича, по другой сторонѣ котораго сидѣлъ онъ, шелнулъ ему стихъ изъ сочиненной имъ на Самурова элиграммы, намекавшей на слабость не то воли, не то желудка его соперника-пріятеля:

„И лавръ его—*александрійскій* листъ“...

„Гвидо Рени“ отгвѣчалъ между тѣмъ на выходку Толыгина самымъ добродушнымъ смѣхомъ, какъ на буффонаду за которую разсердиться было бы смѣшно:

— Эка чѣмъ уколоть вздумалъ, характеромъ! Да въ Русскомъ народѣ, извѣстно, на 100 человекъ можно навѣрно насчетъ процентовъ 60 умныхъ, 20 даровитыхъ, а съ характеромъ много что одного.

— Да и кто онъ этотъ *одинъ*? послѣшню добавилъ къ этому Гавриленка,—въ какой средѣ вы его найдете? Цѣловаальникъ брюханъ, высосавшій кровь изъ мужицкихъ жилъ на 20 верстъ кругомъ, да квартальный изъ *усердннхъ*, избивающій

мо двадцати мордъ въ сутки! Вѣдь никакой иной силы крѣпкѣ кабачества и мордобитія не способна „Россійская земля родить!..“

— Я впрочемъ готовъ въ некоторой степени оговориться, началъ Самуровъ, вдумчиво сжимая брови,—изъ молодаго поколѣнія выступаютъ у насъ теперь характеры замѣчательно яркіе и съ которыми придется считаться...

Но не уговорившійся еще Толыгинъ не далъ ему продолжать:

— Это кто же такіе, Петенька, кто же такіе, ты скажи? Ты вотъ, можетъ-быть, по твоему, что въ Лондонъ къ Герцену на смотръ ѣздить? Такъ вѣдь самъ ты, кажется, очень хорошо знаешь какъ онъ ихъ разумѣетъ! Человѣкъ онъ самъ все же воспитанный, культурный,—только руками разводитъ онъ на нихъ гадя, хохочетъ: „Сбросила съ себя, говорить, всѣ покровы и щеголяютъ въ костюмѣ Гоголевскаго Пѣтуха, не сохраняя даже позы Венеры Медицейской“... Вѣдь ты пойми, Петенька: блузникъ на баррикадѣ, такъ въ томъ хоть живописность есть, краски...

— Раса видна, ра-а-са! вставилъ, весь заходивъ на своемъ стулѣ, Гавриленко, вывода даже пальцами что-то имѣвшее повидимому изобразить собою „расу“.

— А тутъ вѣдь, шипѣлъ Толыгинъ, приходя все въ болѣе и болѣе раздраженный и ядовитый лаосъ,—тутъ семиваръ худосочный, да кадетъ идиотъ, размошникъ всякій недоучившійся, тулупы мѣдлолобыя, чурбаны безлардонные, для которыхъ что другъ другу въ харю, что въ Сикотинскую Мадонну харкнуть—все единственно! Ты это пойми, Петенька! Вѣдь этакой Россійскій Прудонъ въ праздничные дни руки личнымъ желткомъ съ золою моетъ; отъ этого василеостровскаго Сень-Жюста селедкой съ лукомъ разить!..

Самуровъ, казалось, очень забавлялся этимъ потокомъ азвительной браши изливавшимся изъ устъ пріятеля. Но притуренные глаза его то и дѣло направлялись въ сторону молча прислушивавшагося къ ней Троекурова. Онъ чувствовалъ въ немъ серьезнаго судью „воѣхъ ихъ“, всего того круга помятій и безцеремоннаго обращенія въ который всѣ они давно вѣлаисъ,—и это раздражало его гораздо болѣе чѣмъ издавна привычное ему желчное „наясничанье“ Толыгина. „Чортъ же тебя лобери! подумалъ онъ,—я вотъ тебя сейчасъ огорочу!“

— Блазниковъ, „la sainte cavaille“, любезный другъ, я самъ

видѣлъ à l'oeuvre въ Парижѣ въ июльскіе дни, отвѣтилъ онъ — „живописнаго“ въ нихъ ничего не было, и „разило“ отъ нихъ если не „лукомъ“, такъ еще хуже — чеснокомъ, до котораго, какъ тебѣ извѣстно, каждый Французъ такой же большой охотникъ какъ и ты самъ, Вителай нашихъ дней! Но для тебя, стараго, развращеннаго Римлянина время ладенія, для тебя нѣтъ человѣческой драмы безъ театральной помпы, безъ амфоръ и куреній, безъ патриціевъ увѣнчанныхъ розами. А я, — произнесъ онъ съ замѣтною рисовкой въ тонѣ и выраженіи лица, — я сынъ своего вѣка, любезный другъ, я демократъ отъ младыхъ ногтей. Я жутко и страстно, признаюсь, люблю грязные локмотья подъ которыми бьется мужественное гражданское сердце. Пусть этотъ „семинаръ“ вышедшій изъ народа некультуренъ и тулъ, но онъ пионеръ идеи, онъ несетъ, что ты тамъ ни дѣлай, священныи сосудъ новой правды имѣющей напоить будущія поколѣнія. Онъ не жалѣетъ для этой идеи положить свою жизнь, и я не жалѣю о немъ. Ему такъ и суждено погибнуть, „вѣкъ нашъ жертвъ очистительныхъ проситъ“, — онъ и погибаетъ молча и гордо. Я не жалѣю о немъ, повторяю, онъ свое дѣло сдѣлалъ и удовлетворенъ имъ, но не могу не любоваться и не благоговѣть предъ *этой* с-с-силой, визнулъ даже въ заключеніе нашъ художникъ отъ избытка сочувствія.

— Въ какомъ же это качествѣ „любуетесь“ вы и „благоговѣете“, спокойно спросилъ его черезъ столъ Троекуровъ: — въ качествѣ „старога монархиста“?

„Гвидо Рени“ даже въ краску бросило; онъ не нашелъ отвѣта. Толыгинъ хихикнулъ, потирая руки. Гавриленко растерянно повелъ глазами на Самурова, какъ бы не зная радоваться ему или негодовать...

— Къ вамъ-съ тутъ отъ графа Анисьева чиновникъ пріѣхалъ, полугромко доложилъ Троекурову офиціантъ-Татаринъ, наклонясь къ нему.

При звукѣ этого имени лица трехъ пріятелей отпавшихся на островъ Уайтѣ какъ-то странно вдругъ вытянулись и переглянулись, а глаза погрузились въ тарелки.

— Гдѣ онъ? спросилъ Борисъ Васильевичъ, подымаясь съ мѣста — онъ кончилъ завтракать — и сдерживая улыбку прошившуюся ему на губы.

Онъ прошелъ въ первую комнату.

Ожидавшій тамъ чиновникъ (разыскавшій его здѣсь по догадкѣ) передалъ данное ему порученіе, состоявшее въ томъ что „его сіятельство графъ Андрей Николаевичъ“, то-есть Анисьевъ, приглашалъ Троекурова откушать у него сегодня *запросто* на дачѣ на Каменномъ Островѣ въ пять съ половиною часовъ.

— Хорошо, скажите буду! отпустилъ его тотъ и, воспользовавшись этимъ, велѣлъ слугѣ вынести ему шляпу оставленную имъ въ столовой, расплатился у конторки и направился къ своей каретѣ.

„Кто же здѣсь кого мудреѣе и кто кому страшнѣе кажется, спрашивалъ онъ себя, давая теперь волю своему невеселому смѣху: — правители или эти выразители *общественнаго* *vois-disant* *мильиэ?*...“

— Претятъ мнѣ, признаюсь, эти російскія передѣлки англійскаго лордства! уронилъ свысока Самуровъ какъ только остались они одни (его всего коробило внутренно отъ глубоко оскорбительной для него, въ ея небрежномъ спокойствіи отповѣди ему этого „російскаго лорда“).

Топыгинъ задыкалъ олатъ и закачалъ головою:

— Нѣтъ, Петенька, не хорошо, не эстетично!... Не вышло у тебя, Петенька! Все думаете—вороны, анъ соколъ вылетѣлъ, подъ кустикъ пришлось... А еще меня Жозефомъ уязвить хотѣлъ!

— А самъ ты что же, возразилъ „Гвидо Рени“ съ очевиднымъ намѣреніемъ уколоть его въ свою очередь; — съ тѣхъ поръ какъ *in der Stadt Moskau* Герцена развѣнчивать вздували, въ благонамѣренность пустился?

„Эстетикъ“ такъ и оцетинился:

— Одни дураки, Петенька, никогда не перемѣняютъ мнѣній, и ты только по скудоумію своему этого не понимаешь!...

Гавриленко послѣшилъ отвести дальнѣйшую грозу.

— Я только удивляюсь, Вася, заговорилъ онъ медовымъ, подольщающимся голосомъ,—какъ это ты съ твоимъ умомъ такъ легко впадаешь въ заблужденіе! Что ты въ этомъ *Кабардинцѣ*—отлично расщелкалъ его Герценъ, отлично! — что ты въ немъ нашель? Герцога Девоншира разыгрываетъ изъ себя теперь господинъ, а въ свое время у Ольги Елпидионовны Рацевой — вѣдь вѣстѣ мы у нея съ тобой бывали когда былъ онъ съ нею въ связи—по сотеннымъ бумажкамъ

таскала, да заставилъ ее подписать за себя векселей на пятьдесятъ тысячъ....

— Ну и совралъ, Федя, махровую ложь сочинилъ, любезный мой! прервалъ его тотъ.

Гавриленко заколотилъ себя обѣими руками въ грудь.

— Вѣрно тебѣ говорю, вѣрно! На пятьдесятъ тысячъ, ни копейкой меньше. Мужъ ея звѣрь этакой, бурбошище непроходимый, исколотилъ ее за это до полусмерти и кинулъ, а тутъ подвернулся Наташанцевъ покойникъ. Онъ эти деньги и заплатилъ,—княгиня Андомская, дочь его, кому хочешь громко рассказываетъ... А Троекуровъ твой до сихъ поръ денегъ этихъ не вернулъ, цинически, пожимаетъ, цинически, отказался; жаденъ онъ до омерзѣнія и наглъ... Слышалъ, самъ признается „любилъ, говорить, это вѣрно, нагайкой отдулъ...“ Онъ, я знаю доподлинно, дѣйствительно въ гробъ заколачиваетъ людей, пожимаетъ, въ гробъ собственноручно, по-русски, и еслибы не его деньги, да въ другой странѣ, давно бы ему галерное ядро на ногу набили...

— Ну, тебя слушать! махнулъ на него рукой Толыгинъ—и потребовалъ счетъ.

III.

S'il ne te faut, ma soeur chérie,
Qu'un baiser d'une lèvre amie
Et qu'une larme de mes yeux,
Je te les donnerai sans peine...

A. de Musset, *La nuit de mai*.

Gönnen Sie mir lieber eine Blindheit,
die mich mit meinem Loos ver-
söhnt!

Schiller. *Kabale und Liebe*.

Александра Павловна Троекурова только что вернулась изъ дѣтской и, сидя за письменнымъ столомъ у окна своего будуара, сводила какіе-то счеты, когда къ ней вошла княжна Кира.

Съ отъѣзда Бориса Васильевича прошло всего дней шесть, но за это время весь уже строй жизни во Всесвятскомъ успѣлъ принять какой-то мирный тонъ. Тоскливымъ безмолвіемъ вѣло въ приемныхъ обширнаго дома; праздные слуги скучливо бродили по двору съ опухшими ото сна лицами; лишенный „поощренія“ Французъ-поваръ подавалъ

невыскательной хозяйкѣ каждый день все тѣ же „veau à Goscille“ и „asperges en branche“. Сама она проводила съ утра до вечера время съ дѣтьми, завтракала и обѣдала въ ихъ комнатѣ, чтобъ избѣгать скуки трапезовать одной въ большой столовой со всею тою обрядностью сервировки которая заведена была ея мужемъ и соблюдалась въ домѣ. Княжна продолжала болѣть, или сказываться больною, и выходила изъ своего павильона лишь позднимъ вечеромъ, бродя тогда одна по цѣлымъ часамъ въ темныхъ и пустынныхъ аллеяхъ сада. Александра Павловна заходила къ ней въ течение дня „по чувству долга“, какъ говорила она себѣ внутренно, но посещения эти были не долги: молодая женщина не могла не замѣтить что она докучала ими своей двоюродной сестрѣ, что на заботливые спросы о ея здоровьѣ та отвѣчала не то смущенно, не то досадливо короткими періодами, или даже междометіями отымавшими всякую охоту, чтобы не сказать возможность, продолжать разговоръ. А между тѣмъ „съ ней что-то нехорошее дѣется“, разсуждала Александра Павловна, глядя на замѣтно осунувшееся за эти дни лицо княжны, на темные круги образовавшіеся подъ ея глазами; „и голосъ такой странный у нея сталъ, обрывистый и извительный,—точно *оборвать* хочетъ, точно сердится... за что?“... И загадочная еще, но съ каждымъ днемъ все сильнѣе дававшая себя чувствовать тревога, вмѣстѣ съ горечью все такъ же живаго въ ней, колючаго воспоминанія о недавней и непомятой „сценѣ“ сдѣланной ей мужемъ накануне отъѣзда обымала у ней душу у самой словно какимъ-то давающимъ кольцомъ...

Она быстро обернулась на слышанные ею за собой шаги.

— Ахъ, Кира, здравствуй! Я вотъ кончала счета и хотѣла къ тебѣ. Ты вышла наконецъ изъ твоей берлоги,—я очень рада... Что это у тебя, письмо? быстро спросила она, указывая кивкомъ на сложенную четвертушку бумаги которую та держала въ рукѣ.

— Докторъ пріѣхалъ, молвила вмѣсто отвѣта Кира.

— Кто, мамъ, Николай Ивановичъ?

— Да.

— Гдѣ же онъ?

— Зашелъ на селѣ въ больницу; сейчасъ будетъ, велѣлъ сказать...

— Ахъ какъ я рада что онъ наконецъ пріѣхалъ! вскрикнула Александра Павловна;—дѣти, слава Богу, здоровы и не

нуждаются теперь въ немъ... Но тебѣ надо непременно съ нами посоветоваться. Ты посмотри какая ты желтая! Ты сегодня опять вѣрно дурно спала?

— Нѣтъ, мнѣ лучше, отрѣзала Кира, глянула въ окно, прижмурилась какъ бы отъ солнца и, помолчавъ, промолвила чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ:

— Я ѣду въ Москву завтра, Саменька...

— Въ Москву... завтра! могла только пробормотать та въ изумленіи;— для чего же это?

— Я тебѣ давно говорила, мнѣ нужно, съ нетерпѣливымъ отъѣздомъ въ иностраніи, все такъ же черезъ ея голову глядя въ окно и жмурясь, отвѣчала княжна:— Сережа продаетъ свой Арбатскій домъ, и мнѣ надо перевезти оттуда библиотеку мою и монеты.

— Да развѣ такъ спѣшно это... И не могла бы ты кому-нибудь поручить?..

— Нѣтъ, я рѣшилась, а хочу сама... Голосъ Киринъ зазвучалъ при этомъ рѣзкимъ, деревяннымъ какимъ-то звукомъ.— Докторъ прислалъ мнѣ сейчасъ вотъ *это* изъ вашей московской конторы, промолвила она мягче, проталкивая ей омятую первымъ движеніемъ ея пальцевъ бумагу обратившую на себя съ перваго взгляда вниманіе Троекуровой.

Та взяла ее, развернула безсознательно дрожащею рукой и начала громко:

„По приказанію Бориса Васильевича, управляющій Покровскимъ домомъ честь имѣетъ извѣстить ваше сіятельство что къ прѣзиду вашему локои въ ономъ домѣ состоятъ готовыми, а также очищена комната для склада книгъ и прочихъ вещей“...

— Развѣ ты говорила Борису что думаешь... *теперь* въ Москву? быстро, не дочтя, спросила Александра Павловна, вскидывая глаза на кузину.

— Говорила... конечно, если ужъ онъ приказалъ, какъ видишь....

— Когда же? Ты была больна и не видалась съ нимъ предъ его отъѣздомъ?

— Ахъ, Боже мой, прежде!.. пролетала Кира, чувствуя что кровь подступила ей подъ самые глаза и что она ненавидитъ въ эту минуту эту, заставляющую ее стыдиться и краснѣть, женщину.

Она торопливо тронулась съ мѣста и направилась къ двери.

— Кира, куда же ты? чуть не стономъ вырвалось изъ груди

Александра Павловна:—погоди немножко, я хотѣла спросить тебя...

Княжна приостановилась, обернулась на нее:

— О чемъ?

— Да сидь, куда ты слѣпишься? молящимъ уже голосомъ проговорила Саменька.

Та вдумчиво, одвинувъ брови, поглядѣла на нее и какъ бы сказавъ себѣ „этого не избѣгаешь“, олустилась въ кресло противъ нея.

— Ты жена хочешь спросить, молвила она, угадывая и предупреждая ее вопросъ:—вернусь ли я сюда?..

— То-есть, скоро ли ты вернешься, ислуганно поправила Александра Павловна.

Страшная, полуотчаянная, полубеззащитная усмѣшка скользнула по губамъ княжны.

— Никогда, *so seldom* случать! подчеркнула она. Позднѣе ее затрепетали, зеленые глаза загорѣлись и тутъ же потухли..

— Что же это значитъ, Кира? вымолвила Саменька черезъ силу.

— Просто рѣшила такъ, и такъ будетъ!..

Та растерянно оглянула ее:

— Куда же ты?..

— За границу.

— Въ Женеву опять?

Княжна не отвѣчала и, опустивъ вѣки, судорожно забарабанила оконечностями пальцевъ по мозаичной глади столика подлѣ котораго сидѣла она.

Александра Павловна воззрившись молча въ ея блѣдное, сумрачное и страдающее лицо, старалась прочесть на немъ тотъ тайный помыселъ въ которомъ, она понимала, слѣдовало искать разгадку такого внезапнаго рѣшенія со стороны „этой сумасбродницы“, какъ называла она въ душѣ двоюродную свою сестру.... И вдругъ озарило ее какъ молніей: „Она—сказалось ей теперь совершенно ясно, осязательно, непреодолимо,—она почувствовала что влюбилась въ него, въ моего Бориса, ислугалась этого и рѣшилась бѣжать отъ него, и выбрала нарочно это время когда самого его нѣтъ, чтобы не было ей такъ тяжело уѣзжать. Oh, qu'elle est noble et grande!“ произошло въ заключеніе въ мозгу молодой женщины, по невинной привычкѣ усвоенной еще со временъ воспитавшей ее гувернантки, Mme Dugand, выражать самой себѣ „высшія чувства“ не иначе какъ языкомъ французскаго романа. И вслѣдъ за

этимъ откровеніемъ и за этимъ сознаниемъ „великодушія и благородства“ Кира она почувствовала вдругъ что то нѣчто что глухо, но мучительно, какъ зубная боль, выло у нея на душѣ все это время стихло вдругъ какъ по магию волшебнаго жезла и что вся она разцвѣтала опять роскошнымъ цвѣтомъ прежняго безоблачнаго счастья. Она бессознательно вдохнула глубокимъ вздохомъ, какъ вздыхаетъ утопленникъ возвращаясь къ жизни... И тутъ же исповилась такой же глубокой жалости къ ней, къ той „которой подобнаго счастья не дано, которая должна бѣжать на другой конецъ Европы чтобы не видать его, не завидовать ему“...

— Кира, милая, прошептала она, наклонясь къ ней черезъ столъ, овладѣвая ея рукою и нѣжно сжимая ее въ своей,— если ты ужъ непременно хочешь, если ты... считаешь для себя *необходимымъ* уѣхать, я тебя не стану уговаривать. Не на вѣки же мы разстанемся. На будущій годъ мы непременно поѣдемъ за границу... и тамъ я ужъ непременно отыщу тебя, гдѣ бы ты ни скрывалась. Но зачѣмъ тебѣ непременно *завтра* ухать? Подари мнѣ еще нѣсколько дней! Борись не лишеть, и это вѣрно значить что въ Петербургѣ его удерживаютъ и что онъ не такъ еще скоро вернется... А безъ него, да еще если ты уѣдешь, я останусь здѣсь совершенно сиротой, при- молвила она съ улыбкой, ласково отыскивая глазами ея глаза.

Княжна вскинула ихъ на нее на мигъ, и высвободила свою руку:

— На что тебѣ я!.. Да и онъ на что тебѣ въ сущности? какъ бы неудержимо сорвалось у нея съ языка:—развѣ ты не вся дѣтymi живешь?..

— Я и мужемъ также живу, Кира! расширивъ свои большіе глаза возразила Сашенька.

— Но развѣ дѣти тебѣ не дороже? быстро и жадно выговорила та,—развѣ ты не чувствуешь что связь твоя съ ними неразрывнѣе чѣмъ съ нимъ?

— Не знаю... Я не знаю гдѣ у меня кончается любовь къ дѣтямъ и начинается къ нему, и наоборотъ.

— А онъ, какъ ты думаешь? спросила вдругъ Кира словно вызывающимъ голосомъ.

— Чѣ „онъ“? недоумѣло повторила Александра Павловна.

Княжна отвѣтила не сейчасъ, губы ея повело судорогой:

— Ты никогда не представляла себѣ что онъ можетъ перестать любить тебѣ?..

— За что? вся переменяясь въ лицѣ вскрикнула Сашенька. Та пожала плечами:

— Развѣ для этого причины нужны... развѣ кто можетъ повелѣвать своимъ сердцемъ когда оно увлекаетъ тебя? какъ бы со злостью добавила она.

„Бѣдная!“ сказала себѣ Александра Павловна, „это она себя разумѣетъ“... Но только-что смолкшая въ душѣ молодой женщины тревога заколотала въ ней, она почувствовала, съ новою азвительною силой...

— Побѣждать себя должно... мы на то—христиане, Кира, вымолила она вѣскимъ, непривычнымъ въ устахъ ея тономъ;—ты не сердись на меня, милая, но, мнѣ кажется, ты слишкомъ наслушалась того что тебѣ тогда еще, въ Москвѣ, проповѣдывалъ Иривархъ, *se garçon perdu*...

— Иривархъ! повторила презрительно княжна,—къ чему ты его сюда приехала?

— Нѣтъ, я такъ... Я знаю что ты слишкомъ умна и честна, Кира, чтобы сдѣлать сама что-нибудь дурное... Напротивъ, ты всегда не о себѣ думаешь, а о счастья всѣхъ людей... Ты только такъ *говоришь*, я понимаю, но въ твоихъ словахъ мнѣ посыпалось то же что проповѣдывалъ тогда Иривархъ о „свободѣ любви“...

Княжна прервала её съ неудержимою горечью:

— Вообрази какъ легко тебѣ въ свою очередь „проповѣдывать“ о самоотреченіи,—тебѣ, которой судьба *все* дала... тебѣ,—говорила она съ возрастающимъ волненіемъ,—не допускающей чтобы человѣкъ связанный съ тобою осмѣлился даже мечтать о счастья иномъ чѣмъ то какое способна ты дать ему!..

Александра Павловна подняла глаза, и гордая княжна Кубевская безволею и безвластно опустила мгновенно предъ ними свои, словно ослѣпленная никогда еще не виданнымъ ею выраженіемъ на побѣдѣвшемъ теперь какъ полотно лицѣ двоюродной сестры. Въ античныхъ чертахъ „волоокой Геры“ сказывался ей какой-то неотразимый, строгій до безлощадности приговоръ.

— Не допускаю, Кира, это правда, проговорила молодая женщина металлически зазвенѣвшимъ голосомъ:—я этого „связаннаго со мною человѣка“, то-есть *мужа* моего, люблю больше жизни, но и уважаю его настолько же... А еслибы когда-нибудь я потеряла это уваженіе, все между нами было бы кончено!..

Ноздри княжны дрогнули еще разъ; высокомерная усмѣшка зазѣлилась въ складкахъ ея губъ:

— Да, это называется эгоизмомъ... Но впрочемъ твое дѣло! уронила она, вставая, съ притворнымъ равнодушіемъ, между тѣмъ какъ руки помимо ея воли дрожали у нея нервнымъ ознобомъ:—я лойду укладываться... Прикажи пожалуста чтобы лошади мѣѣ были завтра утромъ къ семи часамъ готовы; я хочу прѣѣхать въ Москву еще засвѣтло.

Она кивнула и вышла изъ комнаты.

Александра Павловна растерянно глянула ей вслѣдъ. Грудь ея высоко подымалась, проступившія внезапно слезы туманили глаза. Но она не умѣла бы отдать себѣ отчета въ томъ что вызывало ихъ теперь. Въ головѣ ея было смутно, на душѣ ныла еще *безпредметная* горечь... Она прежде всего не допускала, не хотѣла допустить чтобы *онъ*, ея Борисъ, былъ здѣсь „въ самомъ дѣлѣ при чемъ-нибудь“. Кара „съ досады“, рассуждала она, кинула ей этотъ „намекъ“... Но развѣ это возможно, развѣ „этотъ благородный Борисъ“ слобоберьъ былъ бы на „низкій обманъ“, на „то послѣ чего *все, все было бы кончено!*“. Нѣтъ, онъ цѣнитъ умъ, логиканія Кирьы, онъ очень былъ радъ когда она во время его болѣзани служила ему лисьмоводителемъ, „но больше ничего“... Сашенька вспоминала какъ она въ то время „ревновала его“ къ Кирѣ. Но онъ тогда же, при жевѣ, оказалъ однажды ей: „Вы чировникъ, а не женщина, княжна!“ (Сашенька „ужасно“ обрадовалась тогда этому его замѣчанію.) А теперь, уѣзжая, „онъ былъ даже неучтивъ“, не потрудилася зайти простаться къ ней, къ Кирѣ... Нѣтъ, Борисъ „чистъ какъ стекло“. Кара „нарочно“... Она тоже благородное существо и уѣзжаетъ потому что знаетъ что любить женатого человека—преступленіе, но все же, malgré elle, хотѣлось бы ей чтобы и онъ хоть немножко *отмѣчалъ* ей... „Видная, бѣдная, черезъ какую муку должна переходить она теперь!“ И Александра Павловна рѣшила мысленно что на отъ чего онаго какъ отъ участія къ „бѣдной“ Кирѣ такъ болѣзненно было теперь въ собственной душѣ ея и жгучи ее эти слезы проступавшія изъ-подъ ея рѣсницъ...

— Николай Ивановичъ, докторъ нашъ бѣглець, прибылъ, выходя съ веселымъ лицомъ изъ двери сосѣдней съ будуаромъ спальни, доложила ей въ эту минуту Анфиса.

— Да, я знаю, быстро провоя ллаткомъ по глазамъ, отвѣтила ей барыня;—княжна сейчасъ здѣсь была, говорила она.

— А княжна отъ себя вышла сегодня? Ну и слава Богу, поправилась, значить.

Александра Павловна качнула немедленно головой, и вспыхнула при этомъ:

— Она завтра въ Москву ѣдетъ. Скажите Скоробогатову, чтобъ ей завтра къ 7 часамъ были готовы лошади и карета.

— Ёдутъ... въ Москву? повторила обрывисто Анфиса.

— Да.

— Надолго, извольте знать?

Троекурова подняла на нее глаза: ее поразилъ какъ бы тревожный отгълокъ въ тонѣ этого вопроса, а еще болѣе телерь озабоченный видъ лица съ какимъ глядѣла на нее въ свою очередь спрашивавшая, въ ожиданіи ея отвѣта.

— Она сюда не вернется, умыло промолвила она.

— Что же-съ, въ Москвѣ останутся жить?

— Нѣтъ, она за границу хочетъ опять.

— А въ Москвѣ не въ Покровскомъ ли домѣ думаютъ остановиться? послѣдовалъ новый, послѣдшій вопросъ.

— Да... Борисъ Васильевичъ велѣлъ ей тамъ приготовить... Вы почему-же это знаете? съ изумленіемъ спросила Александра Павловна.

— Барыня!... вскакнула вдругъ—и оборвала тутъ же синеглазая женщина.

— Что?

— Ничего, кѣтъ-съ, послѣдно промахнула Анфиса, между тѣмъ какъ красными пятнами выступала у ней на лицѣ, — а такъ... я по своему разумнію такъ понимаю,—сказала она черезъ ширъ, лыгалась усмѣхнуться, — что выбѣто чтобъ тамъ безъ толку ѣздить съ мѣста на мѣсто, вытѣри бы скорѣй княжѣ замужъ надо за хорошаго человѣка...

Александра Павловна громко вздохнула:

— Ахъ, и есть такой человѣкъ, милая, и еслибъ Кира серьезно захотѣла, это бы уже давно сдѣлалось, я увѣрена... Но у нея другое на мысли, слѣтѣло у нея какъ-то невольно съ языка.

— То-то-съ, живо проговорила Анфиса съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ:—а отъ этого чтъ же хорошаго окромя что несчастія себѣ и другимъ?..

— Почему вы такъ думаете?.. пробормотала растерянно молодая женщина; у нея задвоилось въ глазахъ.

— Ничего я не думаю, Александра Павловна, смущенно отвѣтила та, отводя свои въ сторону, — а только-что, какъ по своей собственной мизки я судить могу, съ настоящей если дороги сбиться, такъ и въ лучину бездонную, говорится,

не трудно полагать... А какъ я при княжѣ въ услуженіи была и у васъ телерича, и ихній характеръ помню, что очень гордыя онѣ и по своему нарочають всегда поступать, такъ мнѣ завсегда жаль... если лагуба отъ этого можетъ произойти, договорила она вздыхая.

Троекурова вся выпрямилась; большіе глаза ея засверкали: — Вы что-то знаете, Анфиса... говорите, говорите все, я все выслушаю!..

Анфиса со вnezлымъ испугомъ вкинула руки вверхъ и замотала ими:

— И ничего я не знаю, и не спрашивайте, барыня милая моя, золотая... не слетница я, не разлучница какая-нибудь, что мнѣ говорить-то! Если сдурю что обогнула телерича, такъ единственно потому какъ вообще женщина, а того лучше если дѣвица, оберегать себя должна, сами знаете... А я даже такъ полагаю, Александра Павловна,—послѣ нѣкотораго молчанія добавила она съ очевиднымъ намѣреніемъ усложнить „милую барыню“ свою,—что сама княжна себя одумають, потому очень онѣ умныя, а душа-то у нихъ большая, повѣрьте! Присмотрѣлась я къ нимъ, живучи тамъ при нихъ въ Питерѣ, во дворцѣ..

Александра Павловна пристально и безмолвно глядя на говорившую. Ей ничего не объясняли эти слова, но она и не хотѣла теперь объясненія. „Лучше, лучше не узнавать!“ инстинктивно чувалось ей. А сердце все такъ же нестерпимо билось у нея въ груди, и окружающіе предметы прыгали въ ея зрачкахъ словно въ какомъ-то фактагическомъ танцѣ..

— А что же докторъ? быстро спросила она, вся *встрепавшаяся* вдругъ, какъ говорится.

— А вотъ онъ сюда, должнѣ, идетъ, отвѣтила Анфиса, взглянувъ въ окно, и отправилась встрѣчать его.

Докторъ Фирсовъ принадлежалъ къ породѣ веселыхъ толстаконъ; лысый добрякъ, прекрасный практикантъ и безпутный человекъ, онъ вошелъ въ будуаръ хозяйки, къ которой питалъ особенную нѣжность, съ комически виновнымъ видомъ, прикрывая себѣ глаза обшлагомъ рукава:

— Ну, и казните, ну, и казните! возглашалъ онъ: — замолчала въ Москвѣ, самъ знаю, и отъ Бориса Васильевича отпущено мнѣ за то хрѣну востасть; а только вы и своего прибавьте, барыня, для понаго счета, квитъ и будетъ!..

— Вы вѣдь неизгѣчимы, что съ вами дѣлать! проговорила она со слабою улыбкой;—вы, значить, мужа видѣли. Что онъ?

— А что онъ? Благодействуетъ какъ слѣдуетъ.... Ручку приказалъ у васъ подѣлывать, сочинилъ докторъ.

Но у Александры Павловны даже глаза заблестали:

— Да, вспомнилъ? вскрикнула она вся заахвѣвъ.

— А какже и не вспоминать-то ему о васъ, барыня, молвилъ Фирсовъ, машинально привычкой врача перевода между тѣмъ свои пальцы на артерію руки къ которой только что приложился губами,—когда, едва услѣвъ я имя его произнести, а у васъ ужъ во-какъ лульсь-то участь?... Благополучно у васъ все тутъ? спросилъ онъ черезъ мигъ, скользя взглядомъ въ сторону прибравшей что-то на письменномъ столѣ Анфисы, пользовавшейся не менѣ своей барыни его сердечнымъ расположеніемъ, съ примѣсью даже чего-то боаѣе субъективнаго, чему онъ впрочемъ старался не давать ходу, почитая это „дурачествомъ“.

— Дѣти, слава Богу, здоровы; у Васи всѣ восемь зубковъ вырѣзались, отвѣтила на его вопросъ Троекурова;—не хотите ли пройти къ нимъ?

— А что-жь, доброе дѣло, пойдете!...

„Ахъ, она золотая моя, горемычная, что же теперь будетъ съ нею!“ говорила себѣ Анфиса, роняя на столъ гусиное крыло которымъ сметала она съ него пыль, и уныло глядя во слѣдъ уходившимъ; не вралъ онъ, окаянный, все по словамъ его въ акурать выходить“....

Ей до самаго нынѣшняго дня все не вѣрилось, не хотѣлось вѣрить, хотя и тогда, въ разговорѣ съ Троженковымъ, поразила ее и перелугала вѣскость и опредѣлительность его предсказаній относительно плана любви княжны съ Борисомъ Васильевичемъ.... Но теперь не оставалось для нея сомнѣній, и когда Александра Павловна сообщила ей объ отъѣздѣ княжны въ Москву и что она должна остановиться тамъ въ Покровскомъ домѣ, она, Анфиса, не удержалась въ первую минуту, вскрикнула, чуть не выдала всего что знаетъ. „Говорите мнѣ все, все!“ приказывала ей барыня. „А все сказать ей—зарѣзать ее, значить,“ разсуждала теперь синеокая женщина.

Она отчаянно сложила руки. Муки и упреки собственнаго ея прошедшаго звучали въ душѣ ея въ связи съ тою язвительною „жаалью“ которую вызывало въ ней чаяніе бѣды грозившей обрушиться на этотъ „честный домъ“. Она услѣла тѣсно сродниться съ этимъ домомъ, въ которомъ нашла пріютъ, покой и забвеніе этого своего грѣховнаго прошлаго; она сердечно привязалась ко всѣмъ обитателямъ его, большимъ и

малымъ, радовалась его „мирному житію“, гордилась его „по Божески, по *настоящелу*“ заведенными „порядками“. Ужасъ обымалъ Анфису при мысли какимъ „страхомъ“ долженъ былъ, вотъ-вотъ, покрыться этотъ излюбленный, этотъ дорогой ей домъ, какимъ невыносимымъ ударомъ будетъ поражена ея „золотая барыня“, которую, „по справедливости“ пріятельница ея Лизавета Ивановна называла „*анделомъ небеснымъ*“...

Она не рѣшалась обвинять ни княжню, ни Троекурова. „Мнѣ ли судить, многогрѣшной!“ повторяла она мысленно, смирая невольные взрывы такой хулы возникавшіе въ ея смятенной этимъ чашиемъ срама и ужаса душѣ... „Но ужель такъ и оставить надор?“ спрашивала она себя медлительно покачивая головой. Неужели такъ и не попытаться даже „ближняго отъ соблазна сласти“?..

„Нѣтъ, Лизавета Ивановна пошла—сказала бы... Пойду и я!“ выговорила чуть не громко Анфиса, перекрестилась широкимъ крестомъ, и отправилась въ лавальионъ занимаемый княжню Кирию.

IV.

Strafbar erschein'ich, und ich kann die Schuld,
Wie ich's versuchen mag, nicht von mir wälzen.

Schiller. *Wallensteins Tod.*

Freiwillig tret'ich Ihnen ab den Mann, den
man mit Haken der Höhle von meinem blutenden Herze riss.

Id. *Kabale und Liebe.*

Княжна стояла у раскрытаго бюро въ своей кабинетъ-гостиной и завертывала въ бумагу всякія мелкія вещицы которыя вынимала изъ его ящичковъ.

Она была одна въ комнатѣ, и такъ была поглощена своимъ занятіемъ что не разслышала шаговъ вошедшей и чуть-чуть дрогнула отъ неожиданности когда за спиной ея послышался голосъ:

— Чтой-то вы совсѣмъ собираетесь, ваше сіятельство?

— Да, совсѣмъ, отвѣтила она, машинально обертываясь.

— Сказывали мнѣ Александра Павловна, молвила Анфиса,—въ Москву... да и за границу потомъ думаете?

— Да.

Анфиса помолчала.

— Сказываютъ, вы и вовсе къ намъ сюда не вернетесь?..
 — Не вернусь, нѣтъ! какъ бы досадливо отрѣзала Кира.
 — Охъ, горе-то какое, горе! къ удивленію ея, громко и жалобно вздохнула на это ея бывшая горничная.

— Что тутъ за „горе“ такое особенное? уронила она, нетерпѣливо пожавъ плечами.

Губы у Анфисы дрогнули:

— Сами знаете, княжна, проговорила она съ новымъ, глубокимъ вздохомъ.

Алый румянецъ вспыхнулъ мгновенно на блѣдномъ лицѣ Кирѣ; ноздри ея широко раздулись:

— Что вы говорите... что я „знаю“?

— Ваше сіятельство, княжна! заговорила трелетнымъ голосомъ синеглазая женщина, складывая руки молящимъ жестомъ:—не извольте вы мои слова во гнѣвъ принимать! Какъ если осмѣливаюсь я съ вами говорить, такъ единственно изъ того что жаль мнѣ очень...

— Чего... кого намъ „жаль“? прервала ее гнѣвно Кира.

— Всѣхъ, ваше сіятельство, домъ весь этотъ... барыню мою, агнца чистаго, Александру Павловну... васъ, даже можете васъ лучше еще чѣмъ ихъ, потому...

Она какъ бы не рѣшалась продолжать; на лицѣ отъ волненія выступили уже пятна.

— Съ какого повода вздумалось вамъ вдругъ жалѣть меня? спрашивала княжна между тѣмъ, зорко глядя на нее жотемнѣвшими глазами. Она дышала учащено и слышно...

— Потому, какъ бы собравшись съ силами заговорила снова Анфиса,—у Александры Павловны все же дѣти останутся—утѣшавіе, и вѣловинныя онѣ, въ законѣ, всякій пожалѣть ихъ и уважить... А что вамъ, какъ если люди правду сказываютъ...

— Люди, какіе люди? о комъ вы говорите?

— Человѣкъ тутъ одинъ есть... говорить, самъ слышалъ... Можетъ неправда? перебила себя внезапно Анфиса, вперя въ княжну алчный, допрашивающій и молящій взглядъ:—потому ехидный это человѣкъ, подлый, со злости своей вратъто на людей всегда готовъ... Такъ скажите слово ваше, княжна, освободите сердце мое отъ мнѣнія отъ этого самаго! вырвалось у нея чуть не стовомъ.

— Я ничего не понимаю, пролетела какъ-то вдругъ растерянно княжна:—чего вы хотите... что за человѣкъ и что онъ „слышалъ“?..

Анфиса какъ бы растерялась въ свою очередь, опустила глаза:

— Уговоръ вашъ, говорить, слышалъ...

— „Уговоръ“?..

— Съ Борисомъ Васильевичемъ... чуть слышно произнесла она.

— Гдѣ-жь онъ могъ слышать? неудержимо, помимо всякой воли, вылетѣло изъ устъ Киры.

— Въ саду нашемъ, ночью, наканунѣ какъ имъ, Борисъ Васильевичу, въ Петербургъ ѣхать... Онъ мнѣ на другой же день встрѣлся... человекъ этотъ, передалъ...

Но княжна уже не слушала ея: она опустилась со ввезаннымъ изнеможеніемъ на близъ стоявшій стулъ, судорожно потирая рукой по лбу, проводя воспаленнымъ азыкомъ по ссохшимся губамъ.

Анфиса услугалась даже, выбѣжала въ спальню дѣвushки и вынесла послѣдшно отсюда стаканъ съ водою:

— Выкушайте, княжна, извольте въ себя придти...

Киры отпила, глянула на нее вскользь, и махнула рукой:

— Хорошо, ступайте... оставьте меня одну!..

Та приняла отъ нея стаканъ, поставила его на столъ... Но съ мѣста она не трогалась, словно прикованная къ полу чьею-то незримою властью...

Княжна повела на нее глазами еще разъ:

— Чтò же вы! я вамъ сказала...

Анфису вдругъ словно что-то подмало и повесло. Она вслелеснула руками:

— Только этого, значить, мнѣ отъ васъ и дожидаться, барышня, что *vous podi!* Не съ тѣмъ шла я сюда чтобы вамъ вздоромъ какимъ докучать, слуга я простая, неученая, понимаю я себя довольно хорошо, а только въ такомъ дѣлѣ я по совѣсти своей, по-христіански, душу вашу жалѣючи... что такой грѣхъ вы себѣ на душу берете...

Киры вскочила, сверкая глазами, словно раменная львица:

— Ну и пусть, пусть и отвѣчу за него, мое дѣло! вскрикнула она;—вы тутъ сейчасъ говорили что у насъ остаются дѣти, законъ, уваженіе всѣхъ... А мнѣ—проклятіе и презрѣніе, такъ? Ну, а если я на это иду, если хочу...

И, не договоривъ, упала опять на стулъ, нервно ломая себѣ руки, закинувъ глаза въ потолокъ... „Чтò это, съ кѣмъ, для чего унываюсь я и объясняю!“ какою-то бѣшеною

волей било ей въ голову,— „такъ вотъ оно чѣмъ съ перваго же раза приходится покупать мнѣ *счастье!*..“

Анфиса подбѣжала къ ней, пала предъ ней на колѣни и прижалась губами къ ея платью:

— Барышня, княжна моя дорогая, какъ вижу телерича муку вашу, такъ не то чтобы „презрѣть“, а, кажется, душу бы всю свою вымотала чтобы васъ усложнить... Потому сама чрезъ все то прошла и испытала, что за инаго челоуѣка сто смертей заразъ готова наша сестра принять съ радостью: ва-те молъ, рвите на части, только-бъ мнѣ на него глядѣть, только-бъ мой онъ былъ!... И все-то это понимаю я, княжна моя милая, да-чтѣ въ томъ хорошаго? А какъ если изъ-за такой изъ-за любви безудержной другіе погибать должны, чтѣ тогда? Какъ если здѣшнія дѣти малыя, къ примѣру, безъ отца останутся... а ваши-то, ваши собственныя, какъ если, не дай Богъ!... званіе-то *и*мъ какое будетъ?... Господи, страму-то что одного, да грѣха! Судьѣ Небесному въ часъ смертный чѣмъ вамъ за это отвѣтить придется?..

Кира слушала, не прерывая и не перемѣняя положенія, съ окаменѣвшимъ будто лицомъ. Слова колѣвопреклоненной предъ нею женщины били ее какъ молотомъ въ голову... Но понимала она лишь одно: ко всѣмъ недочетамъ ея жизни присоединялся теперь позоръ. Имя ея, имя ея отца разносильи грязныя уста въ переднихъ... Какъ Шиллеровскій Валленштейнъ, она несла впередъ наказаніе не за то чтѣ „сдѣлала она, а за то чтѣ думала сдѣлать“. И возврата нѣтъ уже теперь никакого: она *должна* бѣжать съ *нимъ*, или...

Она вдругъ, словно отъ прикосновенія электрической проволоки, скинула съ себя минутное оцѣпенѣніе, поднялась, обвела взглядомъ кругомъ, вздрагивая ноздрями и прижмуривая свои золотисто-зеленыя глаза. Анфиса вскочила на ноги въ свою очередь, лихорадочно устремивъ взглядъ въ ея лицо,— и сердце у нея упало: лицо это дышало высокоумною и неутомимою рѣшительностью...

— Я попрошу васъ сослужить мнѣ послѣднюю службу, услышала она голосъ княжны.

— Чтѣ прикажете? могла только пробормотать она.

— Я думала уѣхать завтра, но хочу сегодня же, черезъ часъ, если можно. Устройте мнѣ это!

Анфиса развела руками:

— Уложить же когда услѣете, ваше сіятельство?

— Успѣю! Если что останется, попрошу васъ прислать мнѣ въ Москву, я оставлю вамъ на это денегъ...

— Прикажете Александръ Павловичъ доложить? спросила Анфиса, не зная въ своемъ смущеніи что сказать иного.

— Это какъ хотите, раздражительно отрѣзала княжна,—но если меня заставить ждать лошадей, я уѣду въ крестьянской телѣгѣ.

И, безъ дальнѣйшихъ словъ, прошла въ свою спальню и зацѣлкнула за собою задвижку дверей.

Дѣти были въ саду съ нянькой и дѣвушкой, ея помощницей, и Александра Павловна съ докторомъ, любивъ съ ними нѣкоторое время, шли, толкая о нихъ, обратнымъ путемъ къ дому, медленно подвигаясь по ведущей къ нему прямо большой лиловой аллѣ, когда замѣтили сбѣгавшаго со ступенекъ террасы и слѣдившаго имъ на встрѣчу слугу.

— Ахъ, Боже мой, воскликнула молодая женщина,—неужели гости?

Она не ошиблась.

— Господинъ Моховъ пріѣхали, доложилъ ей слуга.

— Господи, что мнѣ съ нимъ дѣлать! воскликнула она, всплеснувъ руками съ какимъ-то забавнымъ отчаяніемъ.

Фирсовъ засмѣялся:

— Извѣстно что: изъ лустаго въ порожнее переливать; на что люди въ гости ѣздить! Или онъ по дѣлу?

— Нѣтъ... онъ молодой, наивно возразила Сашенька.

— А-а! протянулъ комически докторъ:—бездѣльный, значить.

— Онъ былъ здѣсь съ недѣлю тому назадъ, объяснила она,—и Борисъ просилъ его заѣхать когда онъ будетъ возвращаться изъ города; ему по пути. Вотъ онъ и пріѣхалъ... А Бориса нѣтъ, Кира увѣжаетъ, укладывается, и мнѣ приходится оставаться съ нимъ одной...

— Не волкъ, чаю, кусать васъ не станеть, продолжалъ потѣшаться толстакъ.

Александра Павловна чуть-чуть зарумянилась и поморщилась:

— Мнѣ совсѣмъ не до разговоръ съ нимъ... Вы ужъ

пожалуста, докторъ, останьтесь тутъ съ нами, вы его хоть займете...

— Покорнѣйше благодарю, въ должность шарманщика изволили произвести!.. А впрочемъ согласенъ, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе. Только позвольте сперва къ себѣ на квартиру сходить; а какъ пріѣхалъ разобраться еще не успѣлъ... А гостя куда жь прикажете просить, — ждетъ вѣдь онъ, чай, томится, пока-то вы резолюцію насчетъ его не положили?..

— Просите сюда, въ садъ! послѣшила сказать молодая хозяйка, обращаясь къ ожидавшему дѣйствительно все время этой ея „резолюціи“ слугѣ, и со скужающимъ видомъ олустилась на ближнюю скамью.

Докторъ, съ неизбѣжнымъ своимъ смѣхомъ на толстыхъ губахъ, прищурился на нее, пробормоталъ „до свиданія“, и заковылялъ вслѣдъ за слугой къ дому.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда на террасу, накрывая бѣлокурые свои волосы щегольской круглою шляпой, въ свѣжихъ перчаткахъ и лакированныхъ ботинкахъ, молодой гость и, завидѣвъ въ глубинѣ аллеи свѣтлое платье Александры Павловны, направился къ ней торопливыми и какъ бы слотыкающимся въ то же время шагами.

Онъ былъ настолько же счастливъ насколько и смущенъ, узнавъ отъ людей что „баринъ уѣхалъ въ Петербургъ, а барыня одна“... что она его „просить“. Въ первый разъ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ была она просватаана за Троекурова предстоялъ ему теперь случай разговора съ нею „въ волю, безъ помѣхи“, случай „насмотрѣться“ на нее, „заслушаться ея голоса“ и „увести затѣмъ блаженныхъ воспоминаній на дѣтныя годы...“ Моховъ былъ, какъ видитъ читатель, одинъ изъ тѣхъ юныхъ воздыхателей-идеалистовъ какіе еще встрѣчались въ ту эпоху къ которой относится нашъ разказъ, но для которыхъ еще гораздо ранѣе злые Французы придумали прозвище „amoureux transis“.

Онъ еще за двадцать шаговъ отъ предмета своей страсти скинулъ шляпу, краснѣя во все лицо. Она въ свою очередь, весьма конфузясь внутренно, но ужасно стараясь принять наружно спокойный и самоуверенный видъ искусенной долгимъ опытомъ свѣта хозяйки, привѣтливо кивнула на его расшаркиванья, пригласила занять мѣсто подлѣ себя и начала извиненіемъ за то что принимаетъ его „sans façon“ въ саду,

куда она вышла посмотреть на дѣтей, съ которыми „остается теперь одна въ деревнѣ“, такъ какъ мужъ ея уѣхалъ уже нѣсколько дней, а „Кира (и голосъ ея, произнося это имя, какъ-то странно дрогнувъ) собирается тоже уѣхать, и я очень боюсь что вы соскучитесь со мною одной,“ дипломатически заключила Сашенька („авось пойметъ, разсудила она, что мнѣ не до него и уѣдетъ до обѣда“).

Появлъ или не появлялъ Моховъ — осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ онъ на это вскрикнулъ самымъ искреннимъ и живымъ образомъ: „Ахъ, помилуйте, напротивъ!“ а заблиставшіе глаза договорили: „съ тобою быть развѣ не рай?“

Александра Павловна нахмурила брови, опустила голову, и принялась молча выводить какой-то рисунокъ на пескѣ аллеи оконечностью черепашоваго парасола который держала въ рукѣ.

Моховъ покраснѣлъ тутъ же вдвое противъ прежняго—и послѣшно засунулъ руку въ боковой карманъ.

— Я вамъ письмо привезъ, пролететалъ онъ.

— Отъ кого?

— Не знаю-съ... Перебѣнялъ я тутъ лошадей на одной станціи, Блиново называется, кажется, и въ минуту когда я отъѣзжалъ отъ нея, какой-то человѣкъ, слуга повидимому, подбѣжалъ къ моему ямщику и отдаетъ ему, прося доставить проѣздомъ во Всесвятское. Я его и взялъ у ямщика... На ваше имя, вижу...

Онъ протянулъ молодой женщинѣ залечатанное письмо съ оттискомъ на сургучѣ какой-то рѣшетки вмѣсто герба или верзеля.

Она взглянула на адресъ и слегка усмѣхнулась:

— Какъ смѣшно: „*Госпофъ полковникъ* Александръ Павловъ Троекурова“!..

— Просить о вспомоствованіи, объяснилъ молодой чиновникъ, весь просіявъ олять отъ этой ея усмѣшки.

— Почему вы думаете?

— Непремѣнно: лисарская рука на адресѣ, по этому всегда можно узнать...

Она взломала машинально печать, но, не вскрывая письма, оставила его въ рукѣ, заинтересованная тѣмъ что началъ въ эту минуту разказывать Моховъ:

— На той же станціи случилось мнѣ увидѣть одну очень трогательную и печальную вещь... Вы слышали вѣроятно отъ

Бориса Васильевича объ одномъ очень почтенномъ человѣкѣ, здѣшнемъ помѣщикѣ, Никанорѣ Ильичѣ Радцевѣ, который состоитъ членомъ нашего губернскаго крестьянскаго присутствія?

— Конечно слышала, подтвердила она,—Борисъ его очень любить и хвалить... Это тотъ котораго жена оставила и вышла за другаго, за сына Аглаи Константиновны Шастуновой?..

— Она скончалась.

— Кто?

— Молодая княгиня Шастунова.

— Господи, давно ли?

— Четыре дня тому назадъ.

— Бѣдная, царство ей небесное! набожно перекрестилась Александра Павловна.—Помните, когда вы у насъ тутъ объѣдали, il y a huit jours, что говорила про нее эта ужасная Аглая, la belle-mère? Ахъ, какая это женщина! Не знаю что готова я была сказать ей тогда и даже сказала...

— А я вамъ всѣмъ сердцемъ вторилъ! произнесъ восторженно Моховъ, вскидывая на нее загорѣвшіеся олять глаза.

Сашенька какъ бы разсѣянно отвела свои въ сторону, и продолжала:

— Она тогда поѣхала отъ насъ въ Москву съ этимъ своимъ невозможнымъ „ашônier“, помните, надѣясь заставить несчастную больную отказаться отъ денегъ которыя та заплатила за ея сына, такого же гадкаго, по всему видно, какъ она сама.

— И, какъ кажется, не добилась этого и со злости въ самый день когда та умерла уѣхала къ себѣ обратно изъ Москвы, оставивъ всѣ хлопоты и издержки на похороны на счетъ Радцева, котораго покойница вызвала къ себѣ изъ нашего города чтобы проститься съ нимъ предъ смертью.

— Она его вызвала? воскликнула молодая женщина,—вотъ это хорошо! Ей многое простится за это на томъ свѣтѣ.

— Да, и, вообразите, оны, покинутый этою женой своею которую страстно любилъ—онъ везетъ ее теперь хоронить въ своемъ имѣніи Рай-Никольскомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я вотъ на той станціи о которой говорю и наткнулся на это зрѣлище, молвилъ Моховъ:—ѣдетъ фургонъ съ ея гробомъ, а за нимъ чуть не все время отъ самой Москвы

лѣшкомъ Никаноръ Ильичъ... Съ нимъ человекъ его, Сергѣй, очень преданный ему и хорошій слуга,—я его знаю,—такъ онъ мнѣ тутъ разказывалъ...

Александра Павловна глянула теперь прямо въ лицо молодого человека мгновенно отуманившимися глазами и страннымъ въ своемъ выраженіи взглядомъ... На ея языкѣ шевелился вопросъ: „неужели надо быть *такою* женщиной какъ была эта бѣдная покойница чтобы быть такъ глубоко и неизмѣнно любимой?..“ Но она не выговорила его, она только вздрогнула и тихо произнесла:

— Вотъ это *человѣкъ!*..

Моховъ ерзнулъ на скамейкѣ на которой сидѣли они.

— Неужели вы думаете, Александра Павловна, прерывавшимся отъ охватившаго его вдругъ волненія голосомъ сказалъ онъ,—неужели вы думаете... что нѣтъ другихъ... которые могутъ любить такъ же вѣрно и... и такъ же безъ взаимности, какъ онъ?..

Онъ словно угадалъ ея мысль, словно хотѣлъ сказать этой мысли въ отвѣтъ: „нѣтъ, не однѣ *такія* женщины могутъ быть *такъ* любимы!..“

Молодая женщина испугалась,—надо было скорѣе перемѣнить этотъ разговоръ...

— А кто это лишеть мнѣ однако, интересно? будто и не слыхавъ его взволнованнаго восклица, проговорила она насколько могла спокойнѣе и равнодушнѣе, вынула изъ обложки письмо оставшееся въ ея рукѣ и развернула его.

Это „ужасное, обидное пренебреженіе“ къ нему, къ его словамъ, какъ ушатомъ холодной воды окатило бѣднаго влюбленнаго. Онъ весь перемѣнился въ лицѣ и понурился, искоса поглядывая на „жестокую“ съ нѣмымъ укоромъ во взглядѣ, со щемящею тоской въ душѣ.

Она читала между тѣмъ,—и по мѣрѣ чтенія большіе глаза ея раскрывались все шире, и краска все замѣтнѣе отливала отъ ея лица... Руки ея задрожали...

Не упрекомъ уже,—недоумѣніемъ и тревогой за нее горѣли не отрывавшіеся отъ нея теперь глаза Мохова.

Письмо вдругъ выскользнуло изъ ея рукъ... Она схватилась за голову, судорожно нажимая руками лицо чтобы заглушить вырывавшійся у нея изъ груди стонъ...

— Господи, Александра Павловна, что съ вами? испуганно замечался молодой человекъ.

Все тѣло ея вздрагивало и лошатывалось, какъ бы готовое вотъ-вотъ сейчасъ сорваться со скамьи и рухнуть на землю.

Моховъ простеръ руку съ намѣреніемъ поддержать ее за ставъ... и не лосмѣлъ...

— Воды, гдѣ бы воды достать? съ отчаяннымъ видомъ оглядывался онъ кругомъ.

Она какимъ-то сверхестественнымъ усиліемъ совладала съ собою, вскочила съ мѣста.

— Извините меня, я... я не могу... я къ дѣтямъ, пролепета она, и любѣжала стремглавъ въ глубину сада.

Онъ бросился было за нею вслѣдъ,—и остановился. Громкій и какъ бы нѣсколько грубоватый окликъ мужскаго голоса раздавался за нимъ:

— Что это у васъ тутъ случилось?

Это былъ докторъ Цирсовъ, съ которымъ онъ только-что познакомился, встрѣтась съ нимъ въ гостиной дома, и который передалъ ему приглашеніе хозяйки идти къ ней въ садъ,—Цирсовъ шедшій самъ тельеръ туда обратно и видѣвшій изда-лека какъ внезапно вскочила его „барыня“ съ мѣста, словно „ужалилъ“ ее „этотъ *франтъ* котораго ей такъ не хотѣлось принять“... Онъ подвигался слѣшными шагами, готовый „разгромить нахала“ еслибы таковымъ оказался „сей господинъ“.

Но тотъ кинулся къ нему на встрѣчу съ такимъ несчастнымъ лицомъ что онъ остановился самъ, растерянно глядя на него.

— Александра Павловна получила какое-то извѣстіе... Я привезъ ей письмо, заговорилъ Моховъ, лугааясь языкомъ,—она стала читать... и вдругъ что-то съ ней случилось...

— Какое извѣстіе? Какое письмо? пробормоталъ въ свою очередь докторъ.

— Не знаю... Моему ямщику на станціи какой-то человѣкъ передалъ... для доставки ей... Вотъ оно самое! указалъ молодой человѣкъ на почтовый листъ вылавшій изъ рукъ Александры Павловны и оставшійся лежать на лѣскѣ аллеи.

Цирсовъ послѣшню подвѣлъ его.

— Что за оказія! проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Она къ дѣтямъ любѣжала, туда, къ рѣкѣ, счелъ нужнымъ добавить къ объясненію своему Моховъ.

Докторъ, не теряя лишнихъ словъ съ нимъ, зашагалъ по означенному направленію.

„Что за оказія, изъ чего это она?“ повторялъ онъ въ нѣмомъ разговорѣ съ самимъ собою, завернулъ въ боковую дорожку, и остановился... „А ну его съ благоприличіемъ!“ рѣшилъ онъ, „врачъ—тотъ же духовникъ, а письмо это—тотъ же діагнозъ болѣзни“...

Онъ поднесъ его къ глазамъ и принялся читать:

„Милостивая государыня, Александра Павловна,—писала та же „писарская рука“ которою начертанъ былъ адресъ на конвертъ.—Желающій вамъ добра человѣкъ предваряетъ васъ о грозящей вамъ довольно непріятной для васъ исторіи. Вамъ, кажется, оди́нмъ неизвѣстно что у васъ въ домѣ происходитъ, до того замазали вамъ глаза достойный супругъ вашъ съ многосіятельною особой, родственницей вашею. Не довольствуясь что, при слѣпотѣ вашей, могли продолжать безпрелатственно свои амурь и подъ вашими глазами, они теперь условились бѣжать вмѣстѣ за границу, забывъ что онъ отецъ и супругъ, а она свою честь какъ дѣвица. Онъ уже попротился съ вами, а она на дняхъ попрощается и поѣдетъ себѣ въ Москву, гдѣ вѣрно будетъ имъ, для принятія такой важной для сердца его персоны, приготовить апартаментъ въ домѣ бывшемъ Акіма Ивановича Остроженко, отъ котораго наследовалъ вмѣстѣ съ прочимъ богатствомъ вполнѣ недостойный, какъ сами можете теперь видѣть, племянникъ его, а вашъ мужъ. И какъ мать его изъ того дома бѣжала съ тѣмъ кого возлюбила отъ брата роднаго, такъ и онъ съ сіятельною родственницей ускачетъ на почтовыхъ коняхъ въ чужіе края отъ жены законной, какъ гласитъ пословица, что яблочко отъ яблони завсегда недалеко падаетъ. Въ вѣрности написанныхъ здѣсь словъ не сомнѣвайтесь, такъ какъ весьма скоро можете увидѣть исполненіе на дѣлѣ. Только тогда будетъ поздно, а теперь, какія можете, примите ваши мѣры.

„Доброжелающій вамъ.“

— Ну, воскликнулъ съ глубокимъ негодованіемъ докторъ, — попался бы мнѣ теперь этотъ „доброжелающій“, съ какимъ сердечнымъ удовольствіемъ угодилъ бы я ему всею лятерней въ фізіономію!... А милая-то барыня отъ этой мерзости въ истерику!... Вѣдь ни на граммъ правды очевидно въ этомъ нѣту, домогилъ себѣ Фирсовъ, пропадавшій три мѣсяца въ Москвѣ и судя вслѣдствіе этого о томъ что могло происходить въ домѣ по тому состоянью *мира и благодати* въ какомъ зналъ его до своего отъѣзда, то-есть до приѣзда княжны Кубенской во Всесвятское.

Онъ зашагалъ далѣе, хмурясь и раскидывая въ головѣ „кто бы могъ быть тутъ мерзавецъ рѣшившійся, здорово живешь, огорчить этою грязью неповиннѣйшую изъ всѣхъ женщинъ?..“

Но вотъ въ сторонѣ, за большимъ сиреневымъ кустомъ, заблѣло женское платье. Это она. Онъ послѣдно повернулъ къ ней.

Она не дошла до мѣста у рѣки гдѣ гуляли дѣти. Ноги ея подкашивались; она олустилась здѣсь опять на скамью. Здѣсь по крайней мѣрѣ она была одна, „одна со своимъ горемъ...“

— Что это вы, барыня, началъ Фирсовъ, придавая голосу тонъ упрека,—изъ чего это взбудоражились, какъ не стыдно! Письмо анонимное отъ мерзуна какого-то получили, такъ и...

— Гдѣ оно? прервала его, озабоченно принимаясь шарить кругомъ себя Александра Павловна,—гдѣ письмо?.. Я его уронила...

— Вотъ оно, вотъ! Лежало тамъ у мѣста гдѣ вы сидѣли
Она схватила его:

— Онъ видѣлъ, прочелъ?.. проговорила она испуганно.

— Кто это, гость этотъ вашъ?.. Не читалъ. А я прочелъ до строчки!

— Прочли?..

— Непремѣнно. Вы бы пожалуй не показали, скрывали бы, да мучили себя тайно изъ-за такой гадости, извините за откровенность рѣчи! Вѣдь тутъ ясно: нагналъ наглець отъ слова до слова.

— Вы думаете? промолвила на это молодая женщина, — и такъ странно, такъ необычно зазвучалъ ея голосъ что Фирсовъ почувствовалъ вдругъ что никакое возраженіе, ниже утѣшеніе съ его стороны немислимо. Онъ примолкъ, и только внимательно и тревожно воззрѣлся въ ея блѣдное какъ снѣговой саванъ лицо.

Она не плакала, но глаза ея впади словно въ какую-то пещеру и горѣли оттуда какимъ-то темнымъ, глубокимъ и суровымъ пламенемъ. Въ античныхъ чертахъ предестнаго лица сказывалась теперь не одна уже строгость *миній*: оно дышало чѣмъ-то исходящимъ изнутри, *духовно* строгимъ и скорбно рѣшительнымъ. Весельчакъ-докторъ никогда еще не видывалъ у „милой барыни“, не подозревалъ въ ней и самой возможности такого выраженія. Онъ чуть не съ испугомъ отбѣгалъ его въ своемъ впечатлѣніи.

— Ну, а сами-то вы, барыня, что думаете? спросилъ онъ, все еще налаживаясь на смѣшливый тонъ.

— У меня дѣти, отвѣтила она, устремивъ недвижные глаза на стволъ клена тихо шевелившаго лалчатыми листьями своими насупротивъ ея.

— Извѣстно „дѣти“, мурлыкнулъ докторъ, не понимая, — и дѣти у васъ, и мужъ...

Она отрицательно закачала головой.

— Мужа у меня нѣтъ!

— Ну, ужь и нѣтъ? закивалъ онъ успокоительно въ свою очередь; — вотъ я вамъ сейчасъ лавровишневыхъ капелекъ малую толику накалаю, да теплую ванночку вамъ состроимъ, такъ вы и успокоитесь, не станете... привередничать, отглустилъ онъ первое слово полавшееся ему на языкъ.

Она горько усмѣхнулась.

— Пойдемте къ нимъ... Только дайте мнѣ руку, а то я упаду.

— Пожалуйте къ себѣ на диванчикъ протянуться, подхватывая ее подъ руку, молвилъ настоятельно Цирсовъ, — не для чего вамъ съ такимъ лицомъ дѣтямъ показываться... да и сами еще лучше разстроитесь пожалуй. Въ виду ихъ же говорю: что хорошаго для дѣтей вашихъ если вы дѣйствительно съ ногъ свалитесь?

Она молча и послушно пошла съ нимъ.

Онъ повелъ ее тѣвистою боковою аллеей прямо по направлению маленькаго крыльца, которое вело въ ея покои со стороны дома противоположной половинѣ занимаемой ея мужемъ.

Не доходя до него она остановилась и спросила:

— А онъ... Моховъ, онъ еще здѣсь?..

— Да ужь не знаю право, барыня, засмѣялся докторъ, — я такъ полагаю что коли умнѣ онъ, такъ увѣхалъ, а нѣтъ — такъ проклажается тамъ себѣ въ ожиданіи и по сю пору.

— Вы навѣрно знаете что онъ не знаетъ, не читалъ? вероятно пролепетала она.

— Ровнехонько ничего! Говорю вамъ, какъ уронили вы его, такъ и лежало письмо на песокъ; я его подвѣлъ и пошелъ искать васъ, а онъ и не притрогивался, шелъ вѣдь я къ нему, видѣлъ.

— Я въ первую минуту не въ силахъ была сдержаться, продолжала она прерывающимся голосомъ, — онъ испугался даже... Я зарыдала... Онъ могъ догадаться...

— Чего ему догадываться-то! Невидадь что-ль для него

какая что у барыни нервы разыгрались; не малый ребенокъ, чай!.. А не понаялъ, такъ я ему объясняю...

— Какъ вы объясните?

— Ну, извѣстно какъ: скажу ему что... ну, сокру тамъ что-нибудь! вскрикнулъ, не находя ничего иного, толстякъ.

— Нѣтъ, пожалуста! вѣско выговорила Александра Павловна, съ нимъ этого совсѣмъ не нужно... Я его давно знаю: онъ честный и сердечный...— Она замедлила на мигъ, и вдругъ выговорила горячо и трепетно:—Онъ любилъ меня когда я была еще не замужемъ... и любить до сихъ поръ, я знаю...

Фирсовъ съ какимъ-то новымъ, забавнымъ испугомъ оглянулся на нее.

Что-то мгновенное, неуловимое, но отъ чего у добряка доктора стало на душѣ жутко, пробѣжало у нея по лицу и на мигъ вышло на немъ слабый румянецъ... Но она тутъ же усмѣхнулась тою же своею горькою усмѣшкой.

— Скажите ему просто *отъ меня*, подчеркнула она,—чтобъ онъ *никому* не говорилъ о томъ что со мною было сейчасъ при немъ... Онъ исполнитъ, я знаю... А также,—добавила она дрогнувшимъ голосомъ,—что я прошу его чтобъ онъ не сердился, но что *такъ надо*, что я прошу его не ѣздить сюда больше...

— Слушаю-съ! Какъ приказываете такъ и скажу, такъ и скажу-съ, закивалъ сочувственно Фирсовъ.

— У меня и къ вамъ просьба, докторъ, молвила подумавъ Троекурова.

— Что прикажете?

— Вопервыхъ, никому ничего про это письмо которое вы прочли....

— Ну, еще бы я сталъ болтать! чуть не грубо прервалъ онъ ее,—вы за кого-жь меня почитаете?

— А потомъ чтобъ и сами вы, что бы ни случилось теперь или послѣ, *никогда* меня не спрашивали, никогда бы мнѣ не говорили ни о чемъ до чего относится это письмо, договорила она черезъ силу.

Онъ пожалъ плечами:

— Что жъ мнѣ „говорить“? Пустыхъ разговоровъ я и самъ не люблю.

Она повела медлительно головой сверху внизъ.

— Да!.. *Мое горе*, я съ нимъ одна и справлюсь.

„Эге-ге, да какой характерецъ у тебя выходитъ!“ сказалъ

себѣ изумленно Эирсовъ, чувствуя что, между тѣмъ какъ выражалась она такъ сдержанно и твердо, все тѣло молодой его клиентки висѣло у него на локтѣ, что ноги чуть поддерживали ее, что ей стоило нечеловѣческихъ усилій одолѣвать обыкновенное ее безумное отчаяніе...

Въ эту минуту, выходя изъ лавальюна княжны Киры, показалась Анфиса. Она увидѣла свою барыню, словно „разбитую“, медленно подвигавшуюся подъ руку доктора и, предчувствуя новую бѣду, послѣшнѣю подбѣжала къ ней:

— Александра Павловна, чтѣ это съ вами, оступились ли какъ?

— А вотъ вы барыню подъ ручку-то съ другой стороны поддержите, сказалъ ей докторъ,—мы ее живо доставимъ!..

Они довели ее до ея будуара и бережно опустили на кушетку... Докторъ побѣжалъ въ домовую аптеку за лѣкарствомъ.

Анфиса разшуровала ее, переодѣла въ блузу. Она улеглась затыкомъ въ подушку, прижмурила глаза...

— Вы у... у *нея* были? прошептала она чрезъ мигъ.

— У княжны, точно такъ... Онъ хотѣть сегодня же... сейчасъ уѣзжать, добавила помолчавъ Анфиса.

— Чтѣ же, лусты!..

— Къ лучшему это, точно, Александра Павловна, послѣшнѣю закивала та;—лошади имъ даже сею минутой готовы будутъ, сказывалъ Скоробогатовъ; я имъ докладывала...

Судорога пробѣжала по сжатымъ губамъ молодой женщины:

— Не придетъ... сюда? какъ бы противъ воли ея вырвалось изъ нихъ.

— Не извольте безлокоитъся... Сами ловимають! молвила услокоительно синеглазая женщина, угадывая что „барынѣ теперь все извѣстно“, хотя не зная еще какимъ путемъ.

Александра Павловна открыла свои большіе влашніе глаза, и глянула ей прямо въ лицо:

— Она несчастная! протянула она.

— Долодлинно такъ извольте говорить, горячо подтвердила Анфиса,—ло истинѣ что ихъ жалѣть надо!..

— Дайте мнѣ сюда столикъ, чернильницу и перо!

Она приподнялась съ кушетки, вынула изъ кармана возвращенное ей Эирсовымъ письмо, приписала на немъ: „Если и правда, не ты виновата. А.“ и вложила его обратно въ обложку.

— Отдайте ей когда она уѣзжать будетъ...

Докторъ вернулся съ лузырьками, графиномъ и рюмкой.

— Порученіе ваше исполвилъ, барыня, говорилъ онъ, капая противъ свѣта съ прищуреннымъ однимъ глазомъ капли свои въ воду;—гостя вашего видѣлъ, передалъ и успокоилъ... Человѣкъ хорошій, видать; понялъ, не спрашивалъ и уѣхалъ; я такихъ люблю!..

Она чуть-чуть повела головой въ знакъ благодарности, и уронила олять затылокъ въ подушку.

Анфиса ушла. Фирсовъ усѣлся въ кресло неподалеку отъ лежавшей, внимательно приглядываясь къ нервному подергиванію ея полуопущенныхъ вѣкъ.

Такъ прошло нѣсколько времени.

Вдругъ, нарушая неожиданно мертвую тишину комнаты, изъ окна открытаго въ садъ донесся со двора гулкій скрилъ колесъ по песку и дружный топотъ скачущихъ лошадей...

— Это еще кто? спросилъ невольно докторъ.

— Это она уѣзжаетъ... къ нему!.. вырвалось стономъ у Александры Павловны. Она быстро обернулась вѣкъ тѣломъ, забилась лицомъ внизъ въ самый уголокъ кушетки—и зарыдала ничѣмъ уже теперь неудержимымъ рыданіемъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

ИСТОРИОГРАФЪ МИЛЛЕРЪ ВЪ ТОМСКѢ

Еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, именно въ 1732 году, задумано было въ Петербургѣ то великое предпріятіе которое съ такимъ блестящимъ успѣхомъ совершилъ въ наше время знаменитый профессоръ Норденшельдъ. Предполагалась и составлялась ученая экспедиція въ Камчатку для поисковъ моремъ изъ Камчатки до береговъ Америки, для опредѣленія настоящаго положенія Японіи по отношенію къ Камчаткѣ, наконецъ, для учрежденія плаванія по Ледовитому океану къ Камчаткѣ, чтобъ избѣгнуть труднаго перевѣзда по Сибири сухимъ путемъ. *

Душой такого смѣлаго и широкаго предпріятія былъ знаменитый мореплаватель капитанъ Берингъ, находившійся тогда въ Петербургѣ. Въ число членовъ этой экспедиціи со стороны тогдашней Академіи Наукъ назначены были два профессора: исторіографъ Миллеръ и натуралистъ Гмелинъ. Въ августѣ 1733 года эти ученые выѣхали изъ Петербурга, и только чрезъ десять почти лѣтъ (въ февралѣ 1743) возвратились назадъ.

* *Ист. Имп. Акад. Наукъ* Пекарскаго. Т. I, стр. 320.

Въ теченіе столь продолжительнаго времени знаменитые путешественники проживали безвыѣздно въ Сибири, которую изѣздили во всѣхъ направленіяхъ, хотя по нѣкоторымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ и не успѣли достигнуть главной цѣли экспедиціи — Камчатки. Во всѣхъ городахъ, селеніяхъ, острогахъ (крѣпости) и заводахъ, даже въ непріятныхъ зимовьяхъ и юртахъ цородческихъ, у Самоѣдовъ, Остаковъ, Тунгусовъ и Якутовъ, любознательные академики повсюду собирали каждый по своей специальности безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и матеріаловъ. По особому распоряженію Сената имъ открыты были всѣ сибирскіе архивы духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Сибирскимъ губернаторамъ и всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ предписано было оказывать „означеннымъ академикамъ“ всевозможное содѣйствіе и всякое ихъ требованіе относящееся до цѣли ихъ путешествія исполнять безпрекословно. Плодами этого замѣчательнаго путешествія были огромные фоліанты собранныхъ Миллеромъ историческихъ матеріаловъ и не менѣе обширныя изслѣдованія и коллекціи Гмелина по части сибирской флоры, изданныя имъ въ послѣдствіи въ Германіи подъ однимъ общимъ названіемъ: „*Flora Sibirica*“ (1751).

Нельзя не удивляться тому по истинѣ изумительному терпѣнію и замѣчательному усердію съ какимъ эти знаменитые труженики науки собирали необходимыя для каждаго изъ нихъ научныя свѣдѣнія и матеріалы. Миллеръ, напримеръ, самолично разбиралъ почти всѣ сибирскіе архивы и не только въ большихъ городахъ, гдѣ были сосредоточены высшія административныя учрежденія и при нихъ архивы, но и въ самыхъ мелкихъ, малолюдныхъ и весьма отдаленныхъ городишкахъ, каковы: Березовъ, Сургутъ, Мангазей, Туруханскъ, Пельымъ, Чердынъ и проч. Если принять во вниманіе и представить себѣ тогдашніе сибирскіе пути сообщенія, то и въ этомъ одномъ отношеніи сколько затрудненій и всяческихъ непріятностей должны были испытать и перенести наши великіе труженики! А какъ утомительно колотливы были самыя архивныя занятія Миллера, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ собственнымъ его словамъ: „Первоначальная моя работа заключалась въ томъ чтобы старинныя столбцы (свитки) и книги каждаго мѣста расположить по годамъ, потомъ просматривать одни за другими и отмѣчать

что слѣдовало изъ нихъ для меня выписать“. * Что значить разобрать и *расположить по годамъ* старинные столбцы и книги—это можетъ понять и оцѣнить только тотъ кто имѣлъ случай и терпѣніе заниматься разборомъ старыхъ, не приведенныхъ нѣкъмъ въ порядокъ нашихъ провинціаль-ныхъ архивовъ. Это по истинѣ своего рода египетская работа, за которою однакоже неутомимый Миллеръ провелъ цѣлыхъ десять лѣтъ! Ужь это одно составляетъ весьма почетный и всякаго уваженія достойный подвигъ. Разбирая и сортируя по годамъ старинныя дѣла сибирскихъ архивовъ, Миллеръ вынужденъ былъ еще и самолично же составлять описи и каталоги этимъ дѣламъ... Кромѣ того, среди такой чисто египетской работы нашъ неутомимый труженникъ весьма нерѣдко встрѣчалъ еще со стороны мѣстныхъ властей явное къ себѣ недоброжелательство, какое-то обидное подозрѣніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже очевидную придирчивость и нескрываемаыя угрозы, что конечно не только лично огорчало и оскорбляло его, но и во многомъ прелятствовало самому производству и услѣшности его занятій. Сибирскіе администраторы тогдашняго времени, особенно же въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ, настолько привыкали къ необузданному произволу и самоуправству что не только не обращали должнаго вниманія на сенатскіе, но даже и на именныя высочайшіе указы, умышленное неисполненіе которыхъ они всегда имѣли возможность объяснить многоразличными мѣстными обстоятельствами и якобы неодолимыми прелятствіями. Такъ приняты были нѣкоторыми сибирскими правителями и сенатскіе указы относившіеся до путешествія Миллера и Гмелина. Иркутскій вице-губернаторъ Плещеевъ грозилъ имъ прямо „что онъ ихъ *какъ хочетъ схватъ можетъ*“. ** Въ другихъ мѣстахъ туземные администраторы духовные и свѣтскіе, не понимая цѣли собиранія Миллеромъ историческихъ памятниковъ и матеріаловъ, относились ко всѣмъ его требованіямъ очень подозрительно и вслѣдствіе того нѣкоторые умышленно скрывали отъ него хранившіеся въ ихъ вѣдѣніи историческіе акты, а нѣкоторые даже, не долго думая, просто уничтожали ихъ безо всякаго разбора, опасаясь какъ бы не нажать себѣ съ ними какой-либо бѣды...

* Тамъ же, стр. 323.

** Тамъ же, стр. 325.

То и другое случилось съ Миллеромъ въ Томскѣ. На обратномъ пути изъ Восточной Сибири, въ началѣ марта 1740 года, онъ остановился въ этомъ городѣ съ цѣлю разобрать мѣстные архивы, такъ какъ въ первый проѣздъ чрезъ этотъ городъ онъ не имѣлъ достаточно времени, послѣшая въ Иркутскъ. Каково же его было удивленіе когда въ томскихъ архивахъ онъ не нашелъ ничего стараго, древняго, историческаго, только текуція канцелярскія дѣла за нѣсколько прошедшихъ годовъ. На вопросъ его: гдѣ же архивы, гдѣ старинные акты? ему преспокойно отвѣчали что всѣ старинныя дѣла и книги хранившіяся въ мѣстныхъ архивахъ „отъ прежде бывшихъ пожаровъ сгорѣли“. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ уничтоженіе томскихъ архивовъ совершилось не огнемъ, а водой; мѣстный воевода еще задолго до вторичнаго пріѣзда Миллера въ Томскъ благоволилъ распорядиться находившимися въ его вѣдѣніи мѣстными архивами по собственному усмотрѣнію и соображенію: въ одну прекрасную ночь, или вѣрнѣе въ теченіе нѣсколькихъ прекрасныхъ ночей, онъ приказалъ всѣ старыя архивныя дѣла и свитки вывозить на рѣку Томъ и погружать въ воду... Объ этомъ истинно варварскомъ погруженіи и доселѣ сохраняются живыя преданія между настоящими томскими старожилами; лѣтъ тридцать тому назадъ можно было еще встрѣтить въ этомъ городѣ почтенныхъ стариковъ-казаковъ, отцы которыхъ лично въ качествѣ подводчиковъ участвовали въ этой ночной операціи. Такъ погибли драгоценныя можетъ-быть акты и документы, погибли единственно по милости невѣжественнаго самодурства одного человѣка власть имѣвшаго...

Совсѣмъ иначе поступилъ въ то же самое время другой томскій же администраторъ—„духовныхъ дѣлъ закащикъ“ архимандритъ Лаврентій:—онъ счелъ болѣе благоразумнымъ поступить по русской пословицѣ: и волки сыты, и овцы цѣлы... Марта восьмага дня 1740 года онъ получилъ отъ Миллера слѣдующую officialную бумагу:

Промеморія.

„Академіи Наукъ отъ профессора Герарда-Фридриха Миллера въ Томскую Алексѣевскую обитель прелодобному отцу архимандриту Лаврентію.

„По ея императорскаго величества именному указу велѣно мнѣ описать исторію и географію всѣхъ сибирскихъ странъ,
т. слѣд.
3

къ чему между прочимъ потребно чтобъ имѣть извѣстіе о Томскомъ Алексѣевскомъ и о дѣвичьемъ Никольскомъ монастыряхъ, въ которыхъ годахъ и по какому указу и чьими трудами тѣ монастыри построены, и какія на то строеніе получены благословенныя грамоты, и въ которомъ монастырѣ какое церковное и прочее монастырское строеніе, и сколько при которомъ монастырѣ дворовъ монастырскихъ вкладчиковъ и прочихъ монастырскихъ служителей, и какіе за которыми монастыремъ деревни, на какихъ урочищахъ и въ какомъ разстояніи отъ города Томска, и въ каждой деревнѣ сколько дворовъ и мужска полу душъ по подушнымъ переписнымъ книгамъ, и по какимъ даннымъ тѣми деревнями владѣютъ. Чего ради требуется чтобы соблаговолено было, о томъ сочиня ко мнѣ прислать вѣдомость, при которой также сообщить копіи съ государевыхъ грамотъ и указовъ, и съ архіерейскихъ, и митрополичьихъ грамотъ же, и съ данныхъ о земляныхъ дачахъ, которыя до вышелисанныхъ монастырей касаются. И прелодобной отецъ архимандритъ Лаврентій соблаговолить о вышелисанномъ учинить по ея императорскаго величества указу. Марта 8 дня 1740 года. Герардъ-Фридрихъ Миллеръ (подлинная подпись по-нѣмецки).“

Эта промеморія хотя и не была для отца архимандрита и всей монастырской братіи особенною неожиданностью, такъ какъ они хорошо знали зачѣмъ пріѣхалъ въ ихъ городъ Академіи Наукъ профессоръ, но тѣмъ не менѣе самое содержаніе ея заставило ихъ призадуматься... Списать копіи съ государевыхъ и митрополичьихъ грамотъ хотя и было нѣсколько затруднительно по недостатку между ними скорописцевъ и подъячихъ, но все же было возможно, а главное—не представлялось ни съ какой стороны опаснымъ; но составить подробное историческое описаніе двухъ монастырей, и въ особенности представить копіи съ крѣпостныхъ актовъ и данныхъ на владѣніе земляными дачами и крестьянами—это невольно возбуждало весьма понятныя опасенія: для чего все это требуется Академіи Наукъ профессору? Съ какой стати и для какой такой цѣли потребовались историку „всѣхъ сибирскихъ странъ“ копіи съ крѣпостныхъ актовъ именно томскихъ монастырей? За дѣвичій монастырь нечего было безпокоиться, онъ ничего не имѣлъ и безъ посторонней помощи и поддержки самъ собою разрушался; но монастырь мужской Алексѣевскій въ то время имѣлъ еще и земляныя

дачи и порядочное количество крестьянъ,—объ этомъ нельзя было не подумать основательно... Уничтожить подлинные крѣпостные акты, какъ это сдѣлалъ со своими архивами мѣстный воевода, о чемъ они конечно знали, было видимо безразсудно; это значило бы добровольно лишиться себя самихъ и свой монастырь всякихъ законныхъ правъ на владѣніе вотчинами и крестьянами. Списать точныя копіи съ актовъ и послать ихъ Миллеру,—а если все это дѣлается для того чтобы какъ-нибудь оттягать и отобрать у монастыря и земли и крестьянъ?... Вовсе не послать ничего, опять опасно: Миллеръ дѣйствуетъ по именному высочайшему указу... Въ такомъ затруднительномъ положеніи отецъ архимандритъ съ братіей, по долгомъ разсужденіи, рѣшились поступить такъ: съ ненужныхъ никому и ни для чего государевыхъ и архіерейскихъ грамотъ, „отыскавъ таковыя“, списать надлежащія копіи и отослать „всѣхъ сибирскихъ странъ“ историку; что же касается монастырскихъ крѣпостныхъ актовъ и владѣнныхъ записей и данныхъ, то о нихъ составить особую „скаску“, якобы въ мимошедшіе годы всѣ тѣ документы изъ монастыря уворованы. Такъ и сдѣлали. Монастырскій казначей и экономя іеромонахъ Моисей марта 15 дня представилъ отцу архимандриту собственноручную скаску слѣдующаго содержанія: „въ прошломъ де 704мъ году покрали изъ церкви невѣдомые воры казенную коробку, а въ той де коробкѣ были всякія монастырскія крѣпости, и о той де покражѣ въ Томской воеводской канцеляріи извѣстно и челобитые записано. И въ ономъ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ освящена церковь и монастырь построены въ прошломъ 151 году (1643), въ томъ и сію скаску далъ“. (Слѣдуетъ подпись.) Скаску эту съ приложеніемъ копій ненужныхъ грамотъ препроводили къ Миллеру и тѣмъ думали отъ него отдѣлаться; но не тутъ-то было. Миллеръ, принявъ эту скаску якобы за достовѣрную, настоятельно потребовалъ чтобы ему доставлена была вѣдомость, требуемая другими пунктами его промеморіи отъ 8 марта, именно: когда и кѣмъ были построены томскіе монастыри? Какое въ нихъ монастырское и церковное строеніе? Сколько при каждомъ монастырѣ находится въ настоящее время дворовъ, вкладчиковъ, земляныхъ дачъ и разныхъ угодій? Сколько налицо состоитъ монастырскихъ вотчинъ, деревень и въ нихъ сколько дворовъ и въ живыхъ состоящихъ обоого пола людей?

Гдѣ именно и въ какомъ разстояніи отъ города тѣ вотчины и деревни находятся? Волей-неволей нужно было такъ или иначе отвѣчать на всѣ эти пункты, нужно было составлять требуемую вѣдомость, и цѣлые два мѣсяца трудились отецъ архимандритъ съ братіей и со всѣми наличными томскими подъячими надъ составленіемъ этой вѣдомости, десятки разъ измѣняли ея редакцію, и наконецъ отъ 19 мая 1740 года представили ее Миллеру при надлежащей промеморіи.

Вѣдомость эта можетъ служить для насъ обращеніемъ тѣхъ свѣдѣній и историческихъ матеріаловъ какіе нерѣдко доставлялись Миллеру сибирскими администраторами особенно въ послѣдніе годы его пребыванія въ Сибири, когда наконецъ и его несокрушимая энергія видимо ослабѣла и горячая ревность къ любимому дѣлу значительно остыла. Измученный всевозможными лишениями и неудобствами столь продолжительнаго путешествія по тогдашнимъ сибирскимъ дорогамъ, постоянно встрѣчая разныя прелятствія и видимое къ себѣ недоброжелательство, даже со стороны тѣхъ официальныхъ лицъ которыя по силѣ сенатскихъ и именныхъ высочайшихъ указовъ обязаны были оказывать ему всяческое содѣйствіе, наконецъ поплатившись своимъ крѣпкимъ здоровьемъ, которое сильно было надломлено продолжительною нервною болѣзнію, Миллеръ еще въ концѣ 1737 года просилъ конференцію Академіи Наукъ уволить его отъ дальнѣйшаго путешествія по Сибири и позволить вернуться въ Петербургъ. Просьба Миллера была уважена только въ началѣ 1739 года, и понятно что полубольной, страшно разстроенный и физически и морально нашъ знаменитый путешественникъ и исторіографъ на возвратномъ пути въ Россію не могъ уже заниматься своимъ излюбленнымъ дѣломъ съ тою неусыпкою ревностью и усердіемъ съ какими онъ дѣйствовалъ въ началѣ, въ первые годы своего пребыванія въ Сибири. Только этимъ хотя и временнымъ утомленіемъ силъ и энергіи, а также ветрлѣливымъ желаніемъ поскорѣе вернуться въ Россію можетъ быть объяснено то обстоятельство что въ числѣ собранныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, безспорно весьма цѣнныхъ, могъ очутиться и такой документъ какъ вѣдомость о томскихъ монастыряхъ, представленная ему преподобнымъ отцомъ архимандритомъ Лаврентіемъ. Очевидно что эта вѣдомость была принята безо всякаго разсмотрѣнія и надлежащей повѣрки, точно такъ же какъ и не задолго предъ тѣмъ

представленная очевидно нелѣпая „скаска“ монастырскаго казначея о покражѣ казенной коробки съ монастырскими крѣпостными актами. Такое отношеніе къ дѣлу самого Миллера, безъ сомнѣнія, было подмѣчено прелодобнымъ архимандритомъ или его агентами, наблюдавшими за всѣмъ поведеніемъ измученнаго историографа, который въ этомъ отношеніи за все время своего долготѣнаго пребыванія въ Сибири въ каждомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, постоянно находился подъ призоромъ мѣстной администраціи духовной или свѣтской, судя по тому въ какой сферѣ онъ работалъ и къ кому въ то или другое время обращался. Не ускользнуло конечно отъ вниманія неусыпныхъ наблюдателей и то нетерпѣливое желаніе съ какимъ усталый труженникъ послѣдовалъ поскорѣе выбраться изъ Томска: и вотъ, пользуясь всѣми этими какъ вельзя болѣе благопріятными обстоятельствами, отецъ архимандритъ со своею братіей *подсумли* Миллеру такую вѣдомость которая при другихъ условіяхъ никогда не могла бы попасть въ знаменитые портфели знаменитаго нашего историографа. Въ этой вѣдомости что ни слово, то очевидная ложь, даже не очень искусно прикрытая разными подъяческими увертками и крючками. Вотъ этотъ историческій якобы документъ:

„Вѣдомость о Томскихъ Алексѣевскомъ мужскомъ и о дѣвичьемъ Рождественскомъ монастыряхъ, по силѣ присланной промеморіи отъ господина профессора Герарды Фридрихова Миллера, въ которыхъ годѣхъ и по какимъ грамотамъ и чьими трудами тѣ монастыри построены и о прочемъ.

„1) Въ Сибирской губерніи при Томскомъ городѣ монастырь Алексѣевской построенъ въ прошломъ 151 году по благословенной грамотѣ великаго господина преосвященнѣйшаго Корнелія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, и тоѣ грамоту въ прошломъ 704 году покрали изъ церкви невѣдомые воры изъ казенной коробки, въ которой были всякія монастырскія крѣпости; а строенъ тотъ монастырь братскими трудами на заемныя у томскихъ градскихъ людей деньги—съ немалыми росты.“ (Въ третьей черновой редакціи послѣднія два слова зачеркнуты.)

Еслибы нашъ знаменитый историографъ обратилъ свое вниманіе на одинъ этотъ первый лувкъ монастырскаго вѣдомости, то можно положительно утверждать что онъ никоимъ образомъ не согласился бы принять эту вѣдомость въ число своихъ историческихъ матеріаловъ. Какъ глубокій знатокъ

сибирской исторіи, онъ не могъ не замѣтить грубой хронологической ошибки выставленной въ этомъ пунктѣ. Годомъ построенія Томскаго Алексѣевскаго монастыря показанъ здѣсь 151 годъ, т. е. 7151 отъ сотворенія міра, какъ тогда обыкновенно считали; за вычетомъ же 5508 библейскихъ лѣтъ это будетъ означать собственно 1643 годъ отъ Рождества Христова. Но въ этомъ году, какъ и въ теченіе всѣхъ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія, управлялъ Сибирско-Тобольскою епархіей не митрополитъ Корнилій, а четвертый по порядку сибирскій архіепископъ Герасимъ (Кремлевъ). Тобольская кафедра не была еще тогда митрополіей, и первымъ сибирско-тобольскимъ митрополитомъ былъ дѣйствительно Корнилій, но онъ управлялъ этою епархіей уже съ 1664 по 1678 годъ; слѣдовательно никоимъ образомъ не могъ дать благословенной грамоты на построеніе въ 1643 году Томскаго Алексѣевскаго монастыря. Затѣмъ, какъ чуткій историкъ, не пренебрегающій и всякими фактическими мелочами, Миллеръ не могъ не обратить вниманія на нѣкоторое разнорѣчіе въ показаніяхъ: по сказкѣ монастырскаго казначея, представленной ему еще въ мартѣ, выходило такъ что невѣдомыя воры уворовали самую казенную коробку съ монастырскими документами; по первому же пункту вѣдомости представленной въ маѣ выходило что невѣдомыя воры выкрали изъ казенной коробки монастырскія крѣпости и мнимую, никогда не бывавшую, благословенную грамоту митрополита Корнилія, а самую коробку не уворовали.... Конечно это все мелочи; но такой кропотливый труженникъ науки какъ Миллеръ не могъ бы не обратить своего вниманія хотя бы и на подобныя мелочи, еслибъ онъ самъ лично и тутъ же на мѣстѣ прочиталъ присланную ему отъ отца архимандрита вѣдомость.

Пропускаемъ цѣлыхъ пять пунктовъ этой вѣдомости, въ которыхъ говорится о монастырскихъ постройкахъ и вкладчикахъ. Постройки какъ нарочно оказались всѣ ветхія, даже весьма ветхія, а четыре человѣка вкладчиковъ всѣ стары и дряхлы. вмѣсто монастырскихъ крестьянъ-работниковъ при келіяхъ были въ услуженіи шесть человѣкъ крестьянскихъ дѣтей.

„7) Затѣмъ Алексѣевскимъ монастыремъ сколько приписанныхъ деревень и въ нихъ мужеска полу душъ прежде сего было и на какихъ урочищахъ состоятъ, о томъ справитца точно не по чему...“

„8) Въ тѣхъ деревняхъ по перелиснымъ 190 году (1682) книгамъ было написано крестьянскихъ тридцать одинъ дворъ, а по свидѣтельству генералитета (?) показано двѣсти сорокъ одна душа.“

Миллеръ спрашивалъ въ своей промеморіи: сколько состоить налицо монастырскихъ вотчинъ и деревень и въ нихъ сколько дворовъ и въ живыхъ состоящихъ обоего пола людей? А ему отвѣчаютъ цифрами изъ перелисныхъ книгъ 1682 года, то-есть ровно за шестьдесятъ два года до 1740. Могъ ли бы овъ удовлетвориться подобнымъ отвѣтомъ еслибы прочиталъ этотъ пунктъ?

„9) А сколько въ каждой деревни дворовъ и въ нихъ мужеска полу душъ, о томъ подлинно справитца *не по чему и показати нечего*, для того что монастырскіе крестьяне и вкладчики въ перелисныхъ подушныхъ книгахъ показаны *суммою*, а хотя иные показаны и въ деревняхъ, да не всѣ и тѣ въ прежнихъ годѣхъ померли, а дѣти ихъ живухъ въ другихъ деревняхъ и переѣзжаютъ для житья изъ деревни въ деревню, а дворы ихъ остаются пусты.“

Каково объясненіе?

„10) Тѣ монастырскія деревни въ какомъ разстояніи отъ города Томска состоятъ, о томъ справитца *не по чему-жъ*, понеже изъ Томскаго Алексѣевскаго монастыря къ тѣмъ деревнямъ *версты не мѣряны*, а изъ Томской воеводской канцеляріи за извѣстіе во оной монастырь впередъ для вѣдома какое число имѣтца до тѣхъ монастырскихъ деревень версты, справки никакой не прислано.“

О Рождественскомъ монастырѣ сообщаются слѣдующія свидѣнія:

„1) Дѣвичей Рождественской монастырь построенъ въ прошломъ 7179 году, по благословенной грамотѣ великаго господина преосвященнѣйшаго Корнилія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго, а строень тотъ монастырь тцаніемъ и трудами Томскаго города казачьимъ головою Зиновеемъ Литосовымъ.

„2) Вкладчиковъ, монастырскихъ крестьянъ и никакихъ приписныхъ деревень и земель не имѣтца.

„На подлинномъ пишеть тако: Архимандритъ Лаврентій.

„Казначей іеромонахъ Моисей.“

Помѣта подьячаго: „подлинная вѣдомость отослана Академіи Наукъ профессору Герардѣ Фридрихову Миллеру со сторожемъ Иваномъ Богдановымъ.“

Трудно и совершенно невозможно допустить чтобы нашъ знаменитый исторіографъ могъ принять какъ историческій документъ такую вѣдомость съ такими нелѣпо-ложивыми пунктами, еслибы только онъ прочелъ ее самъ на мѣстѣ. А по этому будущему историку Сибири нужно будетъ съ особенною осторожностью пользоваться историческими матеріалами хранящимися въ знаменитыхъ портфеляхъ Миллера, еще и доселѣ не вполне разобранныхъ. Можно съ достовѣрностію предполагать что между многими, истинно драгоценными историческими актами и документами, найдется въ этихъ портфеляхъ не малое количество и такихъ какъ вышесприведенная вѣдомость отца архимандрита Лаврентія.

В. ГУРЬЕВЪ.

Октября 28 дня 1881.

Варшава.

НИГИЛИЗМЪ

КАКЪ ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНІЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ

I.

Въ самомъ концѣ 50хъ и въ началѣ 60хъ годовъ, въ эпоху ознаменованную великими реформами прошедшаго царствованія, явились люди, возникли мнѣнія и взгляды на вещи прежде небывалые, неслыханные. Эти *новые* люди все существующее безусловно отрицали, никакими преобразованіями не удовлетворялись и кромѣ абсолютнаго разрушенія общественнаго порядка никакого инаго идеала не представляли. Прежде чѣмъ Тургеневъ подсказалъ названіе для этихъ *новыхъ* людей, естественно принадлежавшихъ къ тогдашнему молодому поколѣнію, частью еще сидѣвшему на школьныхъ скамьяхъ, частью уже вступившему въ жизнь, преимущественно на полприще свободныхъ профессій,—ключка имъ была уже готова на умѣ каждаго кто только поглубже всматривался въ природу этихъ странныхъ людей; за неимѣніемъ русскаго слова иначе ихъ нельзя было и назвать какъ *нигилистами*, а ученіе ихъ—*нигилизмомъ*. Но сами они не приняли этой ключки *, а назвались *реалистами* и подъ

* Латинское *nil*—ничто, слѣдовательно нуль; такимъ образомъ слово *нигилистъ* обозначаетъ челоѣка ничего не признающаго, все отвергающаго.

щитомъ реализма, одновременно возникающаго, распространились и усилились поистинѣ до чудовищныхъ размѣровъ. Какъ противоположность идеальному направленію, нашъ русскій реализмъ съ перваго же своего появленія встрѣтилъ противниковъ, которые вступили съ нимъ въ борьбу. Въ этой борьбѣ нигилизмъ оставался въ сторонѣ и лишь пользовался завоеваніями дѣлаемыми реализмомъ. Реализмъ съ своей стороны, искренно или нѣтъ, отрицалъ упорно самое существованіе нигилизма и упрекалъ во враждѣ къ молодому поколѣнію тѣхъ кто еще продолжалъ настаивать на этомъ существованіи. Такая тактика привела къ результатамъ весьма выгоднымъ для распространенія нигилизма. Въ самомъ дѣлѣ, для многихъ возникли такіе вопросы: „*Есть ли у насъ нигилисты?* Реалисты есть и всѣмъ видимы, но вѣдь это еще не нигилисты. *Не слѣживаемъ ли мы нигилистовъ съ реалистами?* Такое слѣженіе не компрометируетъ ли предъ правительствомъ и обществомъ нашу учащуюся молодежь, на которой покоятся самыя дорогія наши надежды? *Ея крайности и увлеченія въ реалистическомъ направленіи не пройдутъ ли сами собою какъ и всѣ юношескія увлеченія?*“ и т. д. Удивляться такой раздумчивости нечего. Многимъ казалось совершенно достаточнымъ что въ 1866 году, послѣ покушенія Каракозова, главные притоки нигилистовъ (*Современникъ* и *Русское Слово*) были разорены и что первые основатели нигилистическаго ученія, его апостолы и проповѣдники (Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ) скоро сошли со сцены. Но ранняя смерть отцовъ нигилизма, превознесенныхъ и препрославленныхъ реалистами, не убила однакоже нигилизма; поддерживаемый реальнымъ направленіемъ въ литературѣ, онъ все шелъ въ ширь и глубь, проникалъ въ нѣдра семействъ и распространялся въ самыхъ темныхъ общественныхъ закоулкахъ. Такъ продолжалось до 70хъ годовъ, когда, къ изумленію многихъ тогдашнихъ оптимистовъ, въ судебныхъ камерахъ живьемъ появились чистокровные нигилисты — не блѣдныя, абстрактныя тѣни какихъ-нибудь реалистическихъ авторовъ, а люди плоти и крови. Проявленіе этого нигилистическаго живья не возбудило однакоже всеобщаго ужаса и нисколько не отрезвило нашихъ реалистовъ, услѣвшихъ впрочемъ переимѣнить свое названіе (на *прогрессистовъ* и *либераловъ*) и продолжавшихъ толковать и объяснять всѣ уродливыя проявленія тогдашней современности или

естественными увлеченіями юности, или неудовлетвореніемъ со стороны правительства и общества яко бы потребностей молодого поколѣнія. Мы оставались вѣмы и глухи и тогда когда по лицу земли нашей распространились шайки интеллигентныхъ разбойниковъ обоюго пола, пошедшія „въ народъ“ съ цѣлю возбудить его къ бунту противъ правительства и произвести всеобщую смуту, во время которой они надѣялись осуществить свои планы. Этихъ „воровъ“, выражаясь древнимъ нашимъ языкомъ, стали называть „социалистами-революціонерами“; имя нигилистовъ опять было забыто, къ счастью и душевному спокойствію нашихъ реалистовъ. „Что въ самомъ дѣлѣ, разсуждали тогда, общаго между героями процесса 193, между убійцами Мезенцова и Кралоткина съ одной стороны и Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ съ другой? Тѣ неизвѣстно откуда-то взявшіеся революціонеры, а три послѣдніе „наши даровитые юноши“, „продолжатели дѣла Бѣлинскаго!“... И такъ завелась „воры“ въ Русской землѣ, подобно „ворамъ“ начала XVII столѣтія, съ тѣми же разрушительными стремленіями!... И появленіе, и расположеніе этихъ „воровъ“ происходило не въ какую-нибудь эпоху застоя и правительственнаго гнета, а во время непрекращавшихся реформъ снисходительнѣйшаго изъ государей. Не освѣжила и не ободрила смущеннаго русскаго духа и послѣдняя война съ Турціей, весьма популярная и ознаменованная блестящими подвигами. Будущій русскій историкъ, повѣствуя о событіяхъ конца 70хъ годовъ, при всемъ спокойствіи которое принесетъ съ собою время, конечно, съ ужасомъ останется предъ картинами позорящими нашу исторію и насъ, ласивныхъ современниковъ неслыханныхъ злодѣяній!.. Жизнь Царя-Освободителя становится главнымъ предметомъ нападеній интеллигентныхъ злодѣевъ. Идутъ одно за однимъ: покушеніе Соловьева, взрывы на желѣзныхъ дорогахъ, взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ и наконецъ страшная катастрофа 1 марта 1881 года... Россія содрогнулась изъ конца въ конецъ; ужаснулся и весь міръ... Да, пришлось сказать, *крамола* у насъ есть; есть и революціонеры. Но произошли они, прибавляютъ, вовсе не отъ „преемниковъ Бѣлинскаго“, а отъ иныхъ совсѣмъ причинъ. Такъ говорятъ у насъ теперь тѣ самые люди которые называли себя прежде реалистами, а затѣмъ окрестились въ прогрессистовъ и либераловъ. Между тѣмъ европейская печать не переставала толковать о нигилистахъ, а теперь, послѣ

1 марта, еще съ большею настойчивостію продолжаетъ называть нигилистами всѣхъ нашихъ революціонеровъ и социалистовъ.

Итакъ что же такое нигилизмъ и откуда онъ взялся?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо прежде всего ознакомиться съ ученіемъ отцовъ нигилизма, первыхъ его основателей. Отличнымъ пособіемъ для этой цѣли могутъ служить брошюры * г. Цитовича (*Что дѣлали въ романѣ „Что дѣлать“, Разрушеніе эстетики и Реальная критика*), гдѣ сущность нигилистическаго ученія выясняется съ достаточною полнотою.

Не должно забывать что основатели интересующаго насъ ученія развивая свои идеи не были свободны: хотя нѣкоторые изъ нихъ невозбранно подвизались и въ подцензурныхъ изданіяхъ, но все же, такъ или иначе, приходилось имъ имѣть въ виду законы о печати и опасаться неприятныхъ и убыточныхъ послѣдствій въ случаѣ слишкомъ явнаго или слишкомъ грубаго ихъ нарушенія. Такое стѣсненіе, естественно, повредило догматическому изложенію ученія о которомъ мы поведемъ рѣчь. Приходилось изворачиваться, лавировать между Сциллою и Харибдой, въ одно и то же время и *отрицать* и *утверждать*, ломать старые и создавать новые идеалы,—и все это дѣлать лихорадочно, порывисто, страстно, но болѣе увлекаясь процессомъ разрушенія, чѣмъ актомъ созиданія.

Ширина отрицанія характеризующаго новое ученіе обнимаетъ не только весь у насъ установившійся порядокъ, но и весь современный строй государственной и общественной жизни. Нынешняя европейская цивилизація съ ея наукой, искусствомъ, литературой, отвергается новымъ ученіемъ. „Пусть догниваетъ старая цивилизація, говоритъ одинъ изъ второстепенныхъ нигилистовъ,—намъ незачѣмъ подбирать ея негодные обломки или наряжаться въ ея лохмотья. Старая цивилизація умираетъ не по годамъ, а по днямъ. Она чувствуетъ свою дряхлость и въ то же время страшится смерти, какъ суевѣрная грѣшница“. „Телерешная Европа, замѣчаетъ Писаревъ, накопивъ въ своемъ наслѣдіи вѣковъ всѣ заблужденія, ошибки, знанія и невѣжество прошедшихъ временъ, хранитъ все это какъ Плюшкинъ въ одной кучѣ... Никто не понималъ что значитъ зло и что значитъ добро... Все это должно было прекратиться, когда стало извѣстно что въ

* Для сокращенія, брошюры г. Цитовича будемъ въ послѣдующемъ обозначать однимъ римскими цифрами, а фамилію его буквой Ц.

экономическомъ смыслѣ добро есть выгода, зло есть убытокъ; въ физиологическомъ отношеніи добро есть пріятное ощущеніе, а зло—ощущеніе непріятное; что добро и зло въ примѣненіи къ общимъ человѣческимъ отношеніямъ сѣдуетъ понимать какъ пользу и вредъ“ *. „Монополь (?) знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополей. Наука должна быть осязательная... что осязательно, что можно рассмотреть глазами и ощупать руками, пойметъ и десятилѣтній ребенокъ и простой мужикъ“. ** „Легионы славныхъ англійскихъ ученыхъ, говоритъ тотъ же писатель, не что иное какъ защитники буржуазіи, какъ бойцы за эксплуатацію“. Ньютонъ, при всей своей гениальности, не имѣетъ права подавлять „своимъ умственнымъ величіемъ“ какого-нибудь штукатура. Писаревъ особенно безпощадеиъ къ Маколею и Миллю, которыхъ осыпаетъ сарказмами, называя первого „популярнымъ балагуромъ“, а втораго „воролобивымъ эконоомистомъ“, лотатчикомъ ворами. *** Не лучше и германская ученость, особенно профессорская, „не признающая здраваго смысла“: пользы отъ нея ни малѣйшей! Велики, на примѣръ, труды Гриммовъ, но они не приносятъ „дѣйствительной пользы ни одному живому человѣку въ мірѣ“. Братьевъ Гриммовъ нашъ авторъ сравниваетъ съ Рафаэлемъ, причемъ замѣчаетъ что будь въ Италіи и десять тысячъ Рафаэлей, „то это нисколько не подвинуло бы впередъ италіянскую націю ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ, ни въ социальномъ, ни въ умственномъ отношеніи“. **** Справедливость требуетъ сказать что не всѣ европейскіе ученые подвергаются сарказмамъ и осужденію: изъ нашего источника видно, на примѣръ, что Бокль и Дарвинъ принадлежатъ къ числу изъятыхъ.

Если въ западной Европѣ существующая цивилизація мѣшается обновленію, то затрудненій много менѣе на нашей родинѣ. „Наша русская цивилизація, говоритъ Добролюбовъ, находится въ особенно благопріятномъ положеніи для того чтобы принять на себя обновляющія начала; ей благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи именно то обстоятельство что

* Ц. II, 60.

** Ц. II, 54.

*** Ibid., 36—40.

**** Ibid., 51.

она находится еще въ колыбели или въ утробѣ матери.“ * Само собою разумѣется что въ ожиданіи развитія этихъ зачатковъ вся русская жизнь, руская гражданственность какъ она сложилась подлежатъ безплощадному разрушенію. Въ русской жизни отвергались всякія моральныя и даже юридическія основы,—религіозныя, нравственныя, семейныя и т. д. Разрушалось, то-есть предлагалось къ разрушенію такъ много, такая груда разваливъ рисовалась въ перспективѣ что трудно даже распознаться въ этой массѣ.

II.

По цензурнымъ условіямъ, не представлялось возможности сдѣлать прямыя, энергическія наладки на религію. Приходилось говорить о ней косвенно, иносказательно, но такъ однакоже что изъ многихъ отрицаній само собою выходило что отрицается религія то какъ одинъ изъ „старыхъ предрасудковъ“, то какъ „мистическія бредни“, „патологическія явленія“ и другія „фантазіи“, мѣшающія личному и общественному благополучію. „Общественныя и экономическія доктрины до сихъ поръ представляютъ, говоритъ Писаревъ, очень близкое сходство съ отжившими призраками астрологіи, алхиміи, магіи и теософіи“. ** „Распространилась, замѣчаетъ въ свою очередь Добролюбовъ, общезвѣстная нынѣ истина что сила есть неизбѣжное свойство матеріи,—съ тѣхъ поръ мы считали совершенно неужными всѣхъ этихъ Ормуздовъ и Аримановъ...“ (многоточіе въ подлинникѣ); *** „Послѣдовательный реалистъ считаетъ себя свободнымъ отъ теософической олеки, не ожидаетъ себѣ свыше ни награды за добро, ни наказанія за зло“ (Писаревъ).****

При такомъ отношеніи къ религіи, естественно, нравственныя начала на ней основанныя должны также отвергаться. Нравственность, утверждаетъ Писаревъ, имѣетъ мистическій смыслъ, не имѣющій ничего общаго со здравымъ смысломъ. „Возгласы о добродѣтели, свидѣтельствуется Добролюбовъ, уже

* Ц. II, 44.

** Ц. II, 47.

*** Ц. III, 33.

**** Ibid. 60.

сбили у насъ съ толку нѣсколько талантливыхъ людей.“ По мнѣнію того же философа, „вѣрить въ необходимость стѣсненія (правственнаго) значить смотрѣть на весь міръ глазами аскета и истязать самого себя изъ любви къ покусову.“ * Изъ того положенія (нигилистической аксіомы) что „человѣкъ есть не что иное какъ животный организмъ“ явственно вытекаетъ дальнѣйшее отрицаніе психической жизни, на мѣсто которой ставится одно наше тѣло, но въ двухъ его функціяхъ—физической и химической. На этомъ принципѣ зиждется положительная (реалистическая) и отрицательная (нигилистическая) сторона нашей новѣйшей этики. „Ставить вопросъ о нравственности и безнравственности, говорить одиель изъ нигилистовъ, значить къ старымъ трудностямъ прибавлять новыя: это повтореніе слора о добрѣ и злѣ“ **. По мнѣнію Писарева, „каждый здоровый человѣкъ добръ и честенъ до тѣхъ поръ пока всѣ его естественныя потребности удовлетворяются достаточнымъ образомъ... Животный организмъ самосохраненія *долженъ быть* сильнѣе всѣхъ нравственныхъ соображеній“ ***. По мнѣнію этого писателя, вѣрить на слово совѣсти значить „обрекать себя на вѣчную неподвижность.“ **** „Привило что во всякомъ случаѣ нужно быть честнымъ, по увѣренію Добролюбова, куда не годится“ †, а на счетъ долга онъ выражается такъ: кто исполняетъ требованія долга, тотъ „поступаетъ безчестно и подло, есть жалкая дрянь и трапка и только напрасно лозорить свое существованіе“ †*. Писаревъ относится къ долгу мягче, игривѣе: долгъ, говоритъ онъ, „въ глазахъ реалиста не имѣетъ никакого смысла.“ †**. Писаревъ впрочемъ допуская „самосовершенствованіе“, но объясняя его физиологически и даже механически. „Самосовершенствованіе, говорилъ онъ, дѣлается также естественно и произвольно какъ совершаются процессы дыханія, кровообращенія и пищеваженія. Чѣмъ бы вы ни занимались, вы съ каждымъ днемъ приобретаете большую энергическую ловкость, большій навыкъ и опытность.... Идеалъ человѣка *comme il faut*,

* Ц. II, 64, 67, а также III, 18.

** Ц. II, 61.

*** Ц. II, 16.

**** Ibid, 47.

† Ibid. 78.

†* Ц. III, стр. 21.

†** Ц. II, стр. 19.

человѣка дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника и проч.—все это мечты которыя болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззабѣтному наслажденію.“ * Но не одними физиологическими причинами, а и экономическими (частію даже эстетическими, какъ ни странно это покажется) опредѣляются нашими этиками нравственныя понятія: такъ, на примѣръ, „добро есть“ не что иное какъ „выгода“ и ощущеніе пріятное, а „зло“—„убытокъ“, „ощущеніе непріятное.“ ** На этой морали основывается и квалифікація уголовныхъ преступленій. Такъ уваженіе къ чужому выводится не изъ какихъ-нибудь нравственныхъ принциповъ, а изъ простаго разчета, основаннаго на инстинктѣ самосохраненія, изъ боязни попасться и получить за это серіозную непріятность. „Всякое преступленіе опасно, разсуждаетъ Писаревъ, и слѣдовательно не удобно. Умнымъ людямъ ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ убивать и грабить.“ *** Но съ точки зрѣнія нигилистической морали, обрацики которой приводятся выше, самое понятіе о преступленіи отрицается, какъ равно и свободная воля и вообще всякая функція психической жизни. Вопросъ о преступникѣ, по мнѣнію Писарева, сводится къ слѣдующей дилеммѣ: или онъ больной, котораго надо лѣчить, или онъ „герой страшной трагедіи, погибающій подъ гнетомъ враждебныхъ обстоятельствъ.“ **** Идея невмѣняемости вытекаетъ по нигилистической доктринѣ изъ слѣдующаго силлогизма: дѣйствія человѣка основываются только на его внутреннихъ побужденіяхъ; а эти послѣднія зависятъ отъ его органическихъ условій и внѣшнихъ явленій, всегда угнетающаго свойства; очевидно что понятіе о виновности не имѣетъ никакого смысла †. На томъ же основаніи отрицается какъ невлѣсть и всякій судъ.

Всего строже, можно сказать, всего безпощаднѣе относятся наши нигилисты къ идеальной сторонѣ жизни. Ихъ понятіе объ идеяхъ и идеалахъ весьма широко; въ кругъ этихъ понятій они вводятъ всю совокулность явленій христіанской нравственности и европейской цивилизаціи, результаты просвѣщенія, наукъ, искусствъ и литературы. Восторженный

* Ibid., 42—43.

** Ц. II, 60.

*** Ц. II, 43—44.

**** Ц. III, 60.

† Ibid.

Писаревъ, вѣроятно для полемическаго удобства, всю совокупность явленій моральнаго и идеальнаго міра называетъ однимъ словомъ—„эстетикой“. Онъ съ безпощадною прозіею относится къ этому слову; употребляетъ всѣ свои силы, всю литературную свою дѣятельность, дѣйствительно не маюю, на то чтобы вытравить эту „эстетику“. Не одинъ однако Писаревъ. „Пора бы намъ, говорить въ свою очередь Добролюбовъ, отстать отъ отвлеченныхъ идей, по которымъ будто бы образуется жизнь, точно такъ какъ отстали отъ теологическихъ мечтаній бывшихъ въ такой модѣ во времена схоластики. Искривленныя стремленія идеализма постоянно въ насъ проглядываютъ.“ * Пора отстать тѣмъ болѣе „что, по выраженію одного изъ позднѣйшихъ реалистовъ, увлеченіе идеей и принципомъ вообще не въ характерѣ Русскаго народа“. Онъ провозглашаетъ: „никакое намѣреніе исполнить обязанности гражданина невыполнимо, потому что никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ. Убѣжденія, принципы, цивическая добродѣтель,—все это нелѣпныя бредни.“ ** Писаревъ жалѣетъ объ аскетѣ все равно какъ о слѣломъ, безрукомъ или сумашедшемъ, и полагаетъ что „полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльвой личности, развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собою.“ *** „Что такое благородный энтузіазмъ?“ спрашиваетъ онъ же, и сейчасъ же отвѣчаетъ: „Это лустой звукъ, не соответствующій никакому опредѣленному представленію. Мы можемъ не толковать теперь о борьбѣ за святыя убѣжденія, о примесеніи себя въ жертву принципамъ,—практическаго дѣла изъ этого выйти не можетъ.“ **** „Еслибы всѣ, говорить онъ же, въ строгомъ смыслѣ были эгоистами по убѣжденіямъ, то-есть заботились только о себѣ, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и дога, то, право, тогда привольнѣе было бы жить на бѣломъ свѣтѣ нежели теперь... теперь же вся жизнь отдѣльнаго человѣка сдавлена, слугана въ своихъ проявленіяхъ въ угоду отвлеченнаго понятія государства“ (и прочаго,

* Ц. II, 7.

** Ц. II, 43.

*** Ibid., 21.

**** Ibid., 22.

конечно, идеальнаго). * „Пружина чести (читаемъ у него же въ другомъ мѣстѣ), уваженіе, личное достоинство, самолюбіе, благодарность, добро, зло, вѣжливость, великодушіе, состраданіе, милосердіе, сердце, справедливость, умъ, знаніе, законъ, конституція, свобода, равенство и т. д.,—всѣ эти слова для насъ отживающія слова.“ ** Писаревъ даетъ „эстетикѣ“ опредѣленіе очень краткое, признавая ее проявленіемъ „неисчерпаемой глупости“, объемъ которой онъ однакоже очерчиваетъ широко; сюда входитъ все что возбуждаетъ „въ груди пламеннаго эстетика цѣлую бурю высокихъ ощущеній“, а именно: „жестокость семейнаго деслота, фанатизмъ старой ханжи, несчастная любовь дѣвушки къ негодю, кротость терпливой жертвы семейнаго самовластия, порывы отчаянія, ревность, корыстолюбіе, мошенничество, буйный разгулъ, тихая мечтательность, восторженная чувствительность.“ *** „Эстетика“ стѣсняетъ общество, давить его со всѣхъ сторонъ, подобно морали и законности; она есть „самый прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный (sic) врагъ разумнаго прогресса“. **** „Мы затѣмъ и стараемся доканать эстетику чтобы сосредоточить вниманіе и умственныя силы общества на самомъ незначительномъ числѣ жгучихъ и неотразимыхъ вопросовъ первостепенной важности“. † Онъ особенно безплодаенъ къ поэтамъ. Онъ увѣренъ что поэтомъ можно сдѣлаться точно такъ же какъ адвокатомъ или салонникомъ и что „реалисты“ потому не пишутъ стиховъ и драмъ что считаютъ себя выше этихъ занятій; онъ провозглашаетъ что Пушкинъ былъ вреденъ, ибо „обезоруживаетъ личный протестъ и укрѣпляетъ общественныя предрасудки, которые нужно разрушить“; †* что Бѣлинскій, какъ критикъ,—„уродливое явленіе“; „Мертвые Души—„челуха“. Но оставимъ пламеннаго Писарева и обратимся къ болѣе хладнокровному Добролюбову. „Что такое, спрашиваетъ онъ, всѣ учрежденія, нравы, привычки, понятія, стремленія, искусство, наука, права

* Ibid., 44, 47—48.

** Ibid., 80.

*** Ibid. 59.

**** Ц. II, 96.

† Ibid., 46.

†* Предлагаемъ замѣтить это выраженіе тѣмъ которые считаютъ Добролюбова и Писарева продолжателями Бѣлинскаго.

этой громадной толпы (образованные классы)? Ничтожный, грязный хаосъ, который долго можетъ задерживать своимъ присутствіемъ умственное развитіе человѣчества, но который никогда не можетъ произвести изъ себя ничего прочнаго, ничего живаго, ничего слособнаго развиваться и совершенствоваться“ (и это не у однихъ насъ, но и „во всемъ цивилизованномъ мірѣ“) *.

Чтобъ исчерпать вопросы подвергнувшіеся полному отрицанію со стороны нашихъ моралистовъ, остается сказать о русской семьѣ и о русской женщинѣ, которыя осуждались ими на безусловную гибель. Русскую семью, не однихъ московскихъ купцовъ, но вообще достаточныхъ классовъ, Добролюбовъ называлъ „темнымъ царствомъ“; Писаревъ также принимаетъ это названіе, но имъ не довольствуется, а даетъ свое— „курятникъ“. Картину семьи (не только у насъ, но и вездѣ) онъ рисуетъ въ самомъ безотрадномъ видѣ, причемъ даже дается въ лоззію и романтизмъ. Семья оказывается „превосходною школой безнравственности“, зародышемъ и доприщемъ войны и порабощенія, школой рабства, эксплуатаціи, воровства и грабежа; ** но у насъ семья хуже чѣмъ гдѣ-нибудь, потому что у насъ самый законный протестъ осуждается всегда какъ преступленіе. Не сомнѣваясь въ силѣ и искренности чувствъ такъ-называемыхъ *любящихъ матерей*, Писаревъ сумму ихъ вліянія считаетъ не только вредною, но и „губительною“; но почему же? Потому, онъ думаетъ, что такая мать слособна отвлечь „молодаго человѣка“ отъ „новаго, привлекательнаго образа жизни“ и возвратитъ его на истинный путь, т. е. „заглохнуть въ томъ омутѣ изъ котораго онъ было старался выкарабкаться“. *** Плоха семья, плохи и ея члены—отцы, матери, братья и сестры. Болѣе всего старается Писаревъ пристыдить русскихъ женщинъ ****. Современныя женщины, увѣряетъ онъ, потому плохи что онѣ думаютъ „не столько о томъ чтобы наслаждаться жизнію сколько о томъ чтобы не попасть въ какую-нибудь неприятную передряку“ †,—плохи онѣ олятъ-таки отъ „эстетики“, отъ зловреднаго вліянія семьи. Онѣ боятся общественнаго мнѣнія, родите-

* Ц. III, 54.

** Ц. II, § 29, стр. 72—74.

*** Ibid., § 30, 74—75.

**** Ibid., § 7, 22—24.

† Ibid., 20.

лей, родственниковъ и не даютъ воли своимъ влеченіямъ; онѣ эгоистки, ибо „рѣдко умная женщина рѣшится броситься на шею любимому мужчѣ, не связавъ его предварительно крѣпкимъ обѣщаніемъ предъ лицомъ общества и церкви“ *; онѣ паразитки, ничего не производящія „кромѣ супружескаго счастья“ **; онѣ склонны поддаваться „нелѣпому обычаю теологическаго мистицизма (таинству брака)“ ***. Но, обвиняя женщинъ, Писаревъ въ то же самое время и соболѣзнуеть о нихъ, ибо признаеть что источникъ зла, общаго для обоихъ половъ, кроется въ рабствѣ женщинъ, которое подлежитъ немедленному разрушенію. Женщина у насъ, по его мнѣнію, порабощена какъ дѣвушка, какъ жена и какъ раба. Рабство дѣвушекъ не требуетъ доказательствъ, ибо объясняется зловреднымъ вліаніемъ семьи (отцовъ и матерей); въ замужествѣ женщина порабощается „долгомъ“, что крайне нелѣпо, ибо „женщина не виновата если измѣняетъ намъ и отдается другому“; во вдовствѣ она порабощается, такъ-сказать, временно, — остается свободною тогда когда сама не знаетъ что дѣлать съ этою свободой ****.

III.

Прежніе люди, мужчины и женщины, оказались никуда негодными; явилась потребность въ новыхъ людяхъ, долженствующихъ стать солью Русской земли. *Какіе* же ожидались новые люди?

Новымъ человекѣмъ управляютъ только (говоритъ Писаревъ) личныя выгоды или личныя разчеты. *Ни надъ собою, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаеть никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принужда...* Онъ дѣлаетъ только то что ему пріятно; ему пріятно то что ему хочется, слѣдовательно онъ дѣлаетъ только то что ему хочется... Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было; онъ ни въ комъ не нуждается, никого не боится, никого не любитъ и вслѣдствіе этого никого не щадить... Люди *новые* могутъ безъ малѣйшей

* Ц. II, 20.

** Ibid., 63.

*** Ibid., 67.

**** Ibid., § 26, стр. 63—66.

опасности быть эгоистами до послѣдней степени *. Сказать: „эгоистъ“ значитъ сказать: „человѣкъ“; ибо „эгоизмъ есть полная свобода личности, уничтоженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей.“ ** „Понятія жертвы и стѣсненія, говорить одинъ изъ аделтовъ новаго ученія, совершенно не имѣютъ себѣ мѣста въ міросозерцаніи новыхъ людей“. Толковать о нравственныхъ началахъ и о какомъ-то „общемъ идеалѣ“ обязательномъ для всѣхъ также глупо какъ говорить объ „общихъ очахъ или общихъ салогахъ“ сшитыхъ по одной мѣркѣ и *** на одну колодку“ (Писаревъ). Итакъ, эгоизмъ, можно сказать, главная нигилистическая добродѣтель, покоящаяся на „удовлетвореніи естественныхъ потребностей“. Въ этомъ отношеніи *новый* человѣкъ есть *панз, баринз*, праву котораго никто не смѣетъ прелятствовать. До какой степени онъ эгоистъ до той же степени простирается его „дерзость“. Въроятно въ минуты откровенности вотъ какъ проговорился на этотъ счетъ Писаревъ: „Дерзость наша равняется только нашей глупости и только нашу глупостью можетъ быть объяснена и оправдана“. ****

Эгоизмъ „новаго“ человѣка, его индивидуальность, вполне выясняются въ отношеніяхъ къ женщинамъ. Когда „реалистъ“ (онъ же и „новый“ человѣкъ) встрѣтится съ женщиной, когда ее любить, и когда она отвѣтитъ ему тѣмъ же; то онъ разсуждаетъ (конечно вслухъ) такъ: „любовь—такъ любовь; торгъ—такъ торгъ; а любви съ гарантіями и условіями я не понимаю“ †. Полюбивъ женщину, „реалистъ“ не станетъ охлаждать и сдерживать себя, но не станетъ и подогрѣвать своего чувства, „когда оно остынетъ послѣ полного удовлетворенія“. Повинаясь лишь стимулу „естественныхъ потребностей“, новый человѣкъ „можетъ отдаваться очарованію многихъ женщинъ одной за другой“, но онъ не способенъ „поддерживать съ женщиной обязательныя отношенія“, не способенъ именно потому что новые люди чувствуютъ фізіологическое отвращеніе „къ самой гуманной и добродушной эксплуатаціи“. †*

* Ц. II, стр. 16 и 21.

** Ibid., 80.

*** Ibid., 61—62.

**** Ibid., 9.

† Ibid., 21.

†* Ц. II, стр. 20—21.

Сильный эгоизмомъ, сильный дерзостью, новый человекъ, „реалистъ“, долженъ быть силенъ и крѣпокъ волей, долженъ быть атлетомъ, борцомъ отрицанія. Онъ долженъ, поучаетъ Добролюбовъ, „предпринять коренное измѣненіе ложныхъ общественныхъ отношеній стѣсняющихъ нашу дѣятельность“. Нельзя же „цѣлые годы и десятки лѣтъ сидѣть сложа руки и грустнымъ взоромъ смотрѣть на зло и неправду въ обществѣ!“ Надобно „стать выше этого общества, признать его явленіемъ ненормальнымъ, болѣзненнымъ, уродливымъ... Проловѣдывать необходимость радикальнаго лѣченія, серіозной операціи. Почувствуйте только какъ слѣдуетъ право вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ непримѣтнымъ образомъ придете ко кровной враждѣ съ общественною неправдой...“ * Въ послѣдней тирадѣ проглядываютъ цѣли отдаленныя, практика въ будущемъ. На первыхъ порахъ, въ эпоху формировація „новыхъ людей“, дѣло было въ задачахъ только теоретическаго свойства. Такихъ задачъ Добролюбовъ насчитываетъ пять, а именно: а) энергичность натуры довести въ себѣ до „настоящаго героизма“; б) либерализмъ до того чтобы чутко внимать „сто ну и волю несчастныхъ братьевъ“ (писано въ 1860 году, въ разгаръ работъ по освобожденію крестьянъ); в) не бояться уголовной отвѣтственности; д) разрушить семейный деотизмъ и е) равнымъ образомъ поступить со множествомъ предрасудковъ „неразлучныхъ съ системами, курсами и вообще съ рутинной образованія.“ ** Писаревъ упрощаетъ эти суровыя задачи, легче на нихъ смотритъ и игри вѣе рисуется нигилистическую дѣятельность. Дѣятельность эта должна быть неугомощною; трудъ новыхъ людей—безустаннымъ и безконечнымъ. Но что трудъ этотъ не мускульный, не техническій,—это явствуетъ уже изъ задачъ подлежащихъ рѣшенію и еще виднѣе изъ различія которыми самъ себя отличаетъ „новый“ человекъ отъ простаго работника: „Трудъ тѣхъ людей которые кормятъ и одѣваютъ насъ въ высшей стелени полезень, но эти люди совсѣмъ не реалисты.“ *** Писаревъ, предпочитавшій салонниковъ поэтамъ и соглашавшійся на словахъ лучше быть булочникомъ

* Ibid., стр. 48—49.

** Ц. III, стр. 28—29.

*** Ц. II, стр. 18.

тъмъ Рафаэлемъ, на дѣлѣ отъ техническаго труда отворачивался и предпочиталъ ему трудъ интеллигентный, хотя будто бы и тяжелый, но неразлучный съ „наслажденіемъ“, съ удовлетвореніемъ *est* „естественныхъ потребностей“. Тѣмъ не менѣе въ противоположность „эстетикамъ“ или романтикамъ, людямъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, воспитаннымъ на крѣпостномъ правѣ, „болтунамъ“, а не дѣтелямъ, „новые люди“ считаютъ себя, такъ-сказать, первоначальниками „труда“ въ землѣ Русской, находившейся до ихъ появленія въ непробудномъ снѣ. Необходимо поэтому, не довольствуясь вышеприведенною программой, войдя въ подробности „трудоу“ жизни „новаго человѣка“, перебрать видныя его „трудоу“.

Какъ трудъ „умственный“, нигилизмъ нуждается въ пропагандѣ устной и литературной; хотя оба рода дѣятельности и тѣсно связаны между собою, но не всякій можетъ быть въ одно и то же время нигилистомъ-практикомъ и нигилистомъ-теоретикомъ. Практическое поприще дѣятельности для „новаго человѣка“ очень велико. Онъ идетъ на проповѣдь новой доктрины, то-есть уничтожаетъ „эстетику“ и распространяетъ „естественно-научный реализмъ по всѣмъ сферамъ домашняго быта“. Онъ вербуетъ новобранцевъ, то-есть „размножаетъ мыслящихъ людей“: онъ развиваетъ женщинъ, то-есть присоединяетъ ихъ къ числу своихъ послѣдователей. Увеличенное отъ присоединенія женщинъ число „мыслящихъ людей“ возрастаетъ и образуетъ грозную силу, „мыслящій пролетаріатъ“, къ созданію котораго должны быть направлены всѣ стремленія лучшихъ изъ „новыхъ людей“. „Размножать мыслящихъ людей, учить Писаревъ, вотъ альфа и омега всякаго разумнаго общественнаго развитія. Кто отвлекаетъ молодежь отъ этого дѣла тотъ вредитъ общественному развитію.“ * Процессъ такого размноженія всего удобнѣе производить посредствомъ „кружковъ“; во по поводу сего мы имѣемъ слѣдующее наставленіе Писарева: „Пусть каждый дѣйствуетъ своимъ непосредственнымъ вліяніемъ въ томъ самомъ кружкѣ въ которомъ онъ живетъ постоянно и на тѣхъ самыхъ людей съ которыми онъ находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ... Вовлекайте вашихъ братьевъ, сестеръ, родственниковъ, товарищей, всѣхъ тѣхъ людей которыхъ

* Ц. Ц. стр. 18.

вы знаете лично и которые питають къ вашей особѣ довѣріе“... * Роль „дѣятеля“ выясняется изъ взглядовъ Добролюбова, болѣе глубокихъ чѣмъ нѣсколько игривыя мысли Писарева. „Намъ нужны „дѣятели“, говоритъ авторъ *Телмаго Царства*, съ дѣтства охваченные одною идеей, сжившіеся съ ней такъ что имъ нужно или доставить торжество этой идеѣ, или умереть... Намъ не нужны герои-освободители, какъ нужны они какимъ-нибудь Болгаромъ; намъ нужны герои („дѣятели“) для борьбы со врагами внутренними.“ „Развѣ мало у насъ враговъ внутреннихъ?“ спрашиваетъ Добролюбовъ; развѣ не нужна борьба съ ними и развѣ не требуется геройства для этой борьбы?“ ** Выше мы привели черты коими Добролюбовъ обрисовывалъ вообще „новыхъ людей“; но черты эти для типа „новаго человѣка“ вообще слишкомъ рѣзки, черезчуръ требовательны: онѣ осуществимы лишь къ реалистѣ высшей природы, въ „дѣятель“. Въ дополненіе въ характеристикѣ послѣдняго, въ основаніи которой должна лежать непримиримая ненависть къ существующему порядку, приводимъ еще слѣдующія изреченія Добролюбова: „Обязанность честнаго человѣка („дѣятеля“), говоритъ онъ,—принимать рѣшительныя, радикальныя воззрѣнія и переходить отъ нихъ уже прямо къ дѣятельности...“ ни предъ чѣмъ не останавливаясь; ибо „самое худое, что я могу потерпѣть,—это смерть; но вѣдь я все равно умру же, стало-быть я ничѣмъ не рискую...“ (многозначіе въ подлинникѣ). *** День расплаты, день борьбы со внутреннимъ врагомъ, „во всякомъ“ случаѣ „канунъ“ того дня въ который „дѣятели“ одолѣють этого врага, не за горами. **** Пока же, въ ожиданіи этого вождедѣльнаго дня, „надобно радоваться каждой новой смерти въ старомъ поколѣніи, надобно разить все отжившее“ †.

Какой серіозный смыслъ пріобрѣтають всѣ эти лустыя сами по себѣ слова если припомнить какъ народившаяся шапка шагъ за шагомъ отъ безумныхъ ученій переходила къ безумнымъ дѣйствіямъ.

* Ц. II, стр. 80.

** Ц. III, стр. 29.

*** Ц. II, стр. 49—50.

**** Ц. III, стр. 30.

† Ц. II, стр. 50.

IV.

Разрушая „эстетику“ и осуждая на погибель европейскую цивилизацию вообще и русскую въ особенности, первоначальники нигилизма были еще далеки отъ практической революционной дѣятельности. Своею ближайшею задачей они поставили нигилизовать литературу и школу, и послѣднія обращались въ превосходныя орудія пропаганды, что отлично поняли первые основатели новаго ученія: Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ, прославившіеся въ качествѣ литературныхъ, а не практическихъ „дѣятелей“.

Не забудемъ что въ названные годы литературная дѣятельность Бѣлинскаго еще была у всѣхъ въ свѣжей памяти и что университетское образованіе еще не потеряло, какъ позже, своего обаянія. Тогда казалось что въ журнальной дѣятельности безъ *новыхъ* Бѣлинскихъ обойтись невозможно, т.-е. безъ людей молодыхъ, даровитыхъ, слободныхъ къ пропагандѣ либеральныхъ идей (какихъ, объ этомъ не заботились). Поэтому нечего удивляться что отцы нигилизма, люди во всякомъ случаѣ даровитые и всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворившіе, тотчасъ же заняли господствующее положеніе въ петербургской журналистикѣ, — именно положеніе Бѣлинскаго въ 40хъ годахъ. Съ этой стороны сходство ихъ съ Бѣлинскимъ несомнѣнно: Чернышевскій и Добролюбовъ стали Бѣлинскими у Некрасова въ *Современникѣ*, Писаревъ у Благосвѣтлова въ *Русскомъ Словѣ*. Некрасовъ въ качествѣ редактора *Современника* былъ кормильцемъ и литателемъ цѣлой армы нигилистовъ. Въ благодарность ему позволялось писать стихи, ибо де онъ, по выраженію Писарева, горячо сочувствовалъ „страданіямъ народа“ (прекращеннымъ 19 февраля 1861 года), точно такъ же какъ Чернышевскому позволялось писать романъ. „Нашу публику, говорилъ въ 1864 году Писаревъ, слѣдуетъ заманивать и подкулатъ разными фокусами то комическаго, то лирическаго свойства“, *—не особенно лестный отзывъ о поэтѣ, котораго нѣкоторые безъ затрудненія причисляютъ къ числу дѣятелей прославившихъ (!) прошлое царствованіе **.

* Ц. П, стр. 93.

** См. *Русскую Старину* 1878, т. XXI, стр. 357—361.

Само собою разумѣется, что еслибъ эти журналы наполнялись только твореніями названныхъ корифеевъ реализма (что, какъ извѣстно, въ журналистикѣ не мыслимо), или еслибъ эти творенія содержали въ себѣ одинъ чистѣйшій нигилизмъ, нигилизмъ *красный*; тогда бы, уже по однимъ цензурнымъ условіямъ, какъ ни эластичны они, дальнѣйшій путь его развитія былъ бы приостановленъ. Но дѣло въ томъ, что нигилистическая пропаганда въ журнальной формѣ значительно блѣднѣла, а подъ щитомъ реализма, въ одѣяніи котораго выступала, даже обѣялась; реализмъ же былъ въ духѣ того времени о которомъ мы говоримъ, и ничего опаснаго казалось въ себѣ не имѣлъ; напротивъ, считался явленіемъ прогрессивнымъ и даже либеральнымъ, ибо у насъ что *ново*, то и либерально. Завладѣвъ журналистикой, нигилистическая пропаганда расчищала себѣ ео ipso широкій путь въ школу и въ семью; ибо по несчастію, по причинѣ нашей умственной недозрѣлости и поражаемой ею дряблости, все *новое* имѣетъ для насъ великую приманку и услѣдуетъ провикать въ сферы повидимому наименѣе удобныя для перемѣнъ.

Завоеваніе школы наши нигилисты не безъ основанія считали главнѣйшею своею задачею, даже болѣе важною чѣмъ завоеваніе семьи или развитіе женщинъ. Подъ именемъ „школы“ здѣсь надо понимать русскія учебныя заведенія, среднія и высшія. „Когда взята школа, говоритъ Писаревъ, тогда побѣда улрочена, тараканъ пойманъ... Взятіе школы составляетъ важнѣйшій результатъ и драгоцѣннѣйшій плодъ побѣды. Взять школу значитъ улрочить господство своей идеи надъ обществомъ... Школа вездѣ и всегда составляетъ самую крѣпкую и неприступную цитадель всевозможныхъ традицій“; * но намъ, думаетъ Писаревъ, нечего отчаиваться, ибо поможетъ само начальство введеніемъ „последовательнаго реализма“ и изданіемъ „реальнѣйшихъ предписаній“. ** И нашъ мыслитель не обманулся въ своихъ надеждахъ: все такъ и случилось какъ онъ предсказывалъ. „Последовательный реализмъ“ проведенъ былъ по всѣмъ среднимъ школамъ и даже въ начальномъ домашнемъ образованіи. Сущность „последовательнаго реализма“ состояла и состоитъ у насъ съ одной стороны въ преслѣдованіи и изгнаніи изъ учебныхъ заведеній древнихъ

* Ц. III, стр. 55—56.

** Ibid.

языковъ, всякаго усидчиваго труда, идеальныхъ стремленій и дисциплины, съ другой — въ жаждѣ облегченій, послабленій, въ даровомъ ученіи и притомъ „чему-нибудь и какъ-нибудь“, по доброй охотѣ учащихся, обусловливаемой легкостью и пріятностью. Такая система образованія и воспитанія (о ней мы говорили въ другомъ мѣстѣ)*, по всей справедливости, можетъ носить имя Простаковой, главной героини комедіи Фонвизина *Недоросль*, съ чѣмъ соглашается и Писаревъ, хотя выражается объ этомъ и въ шуточной формѣ. Главное достоинство Простаковой, по мнѣнію нашихъ реалистовъ, состоитъ въ томъ что она „понимаетъ что когда человѣкъ не хочетъ учиться, то и толковать объ этомъ нечего“, ** чего никакъ не могутъ понять просвѣщенные педагоги. Но для полнаго процвѣтанія „последовательнаго реализма“ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ необходима коренная реформа въ домашнемъ воспитаніи, начиная съ младенческаго возраста. И въ этомъ отношеніи предлагается цѣлая система. По теоріи новаго воспитанія, „сознаніе своей личности и своихъ человѣческихъ правъ“, своей свободы, ребенокъ всасываетъ вмѣстѣ съ молокомъ матери или кормилицы; начало слѣлаго авторитета, господствовавшее въ старомъ воспитаніи, должно быть радикально уничтожено. Стараніе удержать ребенка въ тѣхъ понятіяхъ и въ тѣхъ правилахъ которыхъ держалось старое поколѣніе—„стараніе вредное въ высшей степени какъ скоро оно доходитъ до стѣсненія воли и ума ребенка“; ибо, разсуждаетъ думающій такимъ образомъ Добролюбовъ, „какъ ни одному человѣку невозможно распорядиться въ желудкѣ другаго и управлять ходомъ его пищеваренія, такъ точно никто не можетъ распорядиться въ мозгу человѣка“. *** Старшіе люди предыдущаго поколѣнія не могутъ знать того что нужно будетъ „молодымъ“; это зависитъ отъ несходства организмовъ. „Старый человѣкъ любитъ тепло, ищетъ солнца; молодой ищетъ холода... Старый погружается въ вопросы метафизическіе, молодой ищетъ отвѣта въ физиологіи“. **** Въ системѣ нигилистическаго воспитанія и вообще

* См. нашу статью „Военно-учебный реализмъ“ въ *Русск. Вѣстн.* 1877, № 4.

** Ц. III, стр. 68—69.

*** Ц. III, стр. 65.

**** Ibid., стр. 65—66.

реализма физиологія замѣняетъ не только психологію, но и религію, слѣдовательно въ ней заключается и источникъ морали. „Можно положительно сказать, говорить Добролюбовъ, что старанія *дѣйствовать на сердце дитяти* (курсивъ въ подлинникѣ) совершенно напрасны“. Напрасны и наши хлопоты заботиться о (моральной) чистотѣ ребенка; ибо какъ молочные зубы выпадаютъ и потомъ замѣняются настоящими, такъ, по мнѣнію Добролюбова, выпадутъ и наши „молочныя идеи“: „ребенокъ понимаетъ инстинктивно свою пользу гораздо вѣрнѣ чѣмъ ее понимаютъ взрослые“. Для ребенка все должно быть открыто и доступно: „рано или поздно, черезъ лактейскую или черезъ дѣвичью, говоритъ Добролюбовъ, онъ узнаетъ всѣ тайны, семейныя или физиологическія, которыя скрывались отъ него самымъ положительнымъ образомъ“*. Собственно воспитаніе есть зло, а если оно уже существуетъ, такъ какъ ничего не подѣлаешь съ людьми: то по крайней мѣрѣ „воспитывать вообще, по мнѣнію Писарева, слѣдуетъ какъ можно менѣ“. ** А умный и широко-развитой человѣкъ, говоритъ этотъ педагогъ, идетъ еще далѣе: онъ „никогда не рѣшится воспитывать ребенка; онъ пойметъ что врываться въ интеллектуальный міръ другаго человѣка со своею инициативой безцельно и нелѣпо“. *** „Естественное, правильное, здоровое развитіе всѣхъ силъ организма, поучаетъ Добролюбовъ, гораздо болѣе значить нежели всякія правоучительныя сентенціи и латетическія тирады“, **** то-есть нравственно-религіозный элементъ воспитанія; но Писаревъ эту немногосложную задачу еще упрощаетъ: по его мнѣнію, „хорошо кормить ребенка и удалять отъ него вредные предметы“,— вотъ вся и задача воспитанія. † Учить нужно тоже какъ можно меньше, и притомъ главное дѣло образованія состоитъ „не въ званіи, а въ развитіи“. Но образованіе уже дѣло школы, среднихъ учебныхъ заведеній, которыя нигилизировались частію путемъ „послѣдовательнаго реализма“, большею же частью посредствомъ литературы, то-есть журналистики

* Ц. III, стр. 66—67. Уже одна эта тирада показываетъ что у ех-семинариста Добролюбова затѣи и вкусы были совсѣмъ не мѣщанскіе, а барскіе.

** Ibid., 71.

*** Ibid., 69.

**** Ibid., 68.

† Ibid., 70.

Чѣмъ меньше молодой человѣкъ будетъ знать, говорить Писаревъ, по окончаніи гимназіи, тѣмъ лучше, * потому что тѣмъ скорѣе сдѣлается „послѣдовательнымъ реалистомъ“; кто же хочетъ содѣйствовать успѣхамъ образованія, „тотъ долженъ прежде всего обращать вниманіе на то ученіе которое производится послѣ школы“, ** т.-е. нигилистическую пролаганду устную и литературную. Съ такой точки зрѣнія на гимназическое образованіе поступленіе въ университетъ считается дѣломъ весьма неважнымъ, хотя полезность университетскихъ дипломовъ и не отвергается. Поступить въ университетъ,— это значитъ, говоритъ Писаревъ, „еще на четыре года отложить свое превращеніе въ экономическихъ производителей“***, что и справедливо: гимназистъ развившійся на нигилистической литературѣ тотчасъ же превращается въ такого производителя, между тѣмъ какъ студентъ уже съ третьяго курса становится сомнительнымъ, а въ четвертомъ пожалуй станетъ и совсѣмъ безнадежнымъ. Но гимназисты (а потомъ и гимназистки) уже не школьники, не ученики, а „молодежь“, „молодое поколѣніе“. Эту „молодежь“ начинаютъ возбуждать, надмевать, заставляють ее кичиться своею молодостью; ей льстятъ; изъ нея дѣлають свою „партію“, на которую и опираются и ссылаются вожаки нигилизма; ей говорятъ, напримѣръ, такіа вещи: „философскія умствованія, эстетическіа соображенія, историческіе, литературные и всевозможные общіе взгляды можетъ бросать всякій мальчишка со школьной скамьи; слѣдуетъ только подуматъ нѣсколько часовъ, а не нужно проводить мѣсяцы и годы въ переборкѣ, слученіи, переписываніи и выпискахъ изъ десятковъ и сотенъ книгъ“ (Добролюбовъ).****

V.

Мы уже видѣли что трудъ „новыхъ людей“ немислимъ безъ „наслажденія“, которое играетъ роль хорошаго вина, т.-е. освѣжаетъ и возбуждаетъ утомленныя силы трудящихся, „наслажденіе“, какъ замѣчено выше, состоитъ въ любви къ женщннѣ. Но такъ какъ женщины находятся де у насъ въ

* Ц. III, стр. 71.

** Ibid., 59.

*** Ibid., 74.

**** Ibid., 57.

рабскомъ состояніи; поэтому о „любви“, въ ея теперешнемъ status quo, нечего говорить: такая „любовь“ не только не освѣтитъ „новыхъ людей“, не только не поможетъ ихъ пролагандѣ, но, напротивъ, равносильна самымъ тяжелымъ цѣлямъ. Поэтому необходимо не только эманципировать русскую женщину, но и создать новую теорію любви. Чтобы эманципировать женщину, для этого нужно просвѣтить ее, развить, приобщить, такъ-сказать, къ нигилистическому стаду; для такой роли необходимы „развиватели“. Развиваніе женщинъ—не легкое дѣло; оно представляетъ цѣлую систему. Успѣхъ развитія обуславливается „любовью“, т.-е. любовною „связью“; по крайней мѣрѣ Писаревъ безъ этого условія даже не совѣтуетъ приниматься „за великую дѣятельность просвѣтителя“. Вотъ его мораль: если же вы не расположены къ этому, „тогда оставьте въ покоѣ тоскующую (?) женщину и уходите отъ нея подальше, потому что ваши бессильныя утѣшенія и непримѣнимые совѣты не дадутъ ей ровно ничего кромѣ лишняго горя“. * Развиватель долженъ твердить что „трудъ современныхъ реалистовъ совершенно доступенъ женщинамъ“; что женщины не должны бояться ни общественнаго мнѣнія, ни родителей, что онѣ должны „безъ оглядки и безъ боязни отдаваться влеченію господствующаго чувства“; „если мужчина и женщина трудятся въ одинаковомъ направленіи, если они оба любятъ свою работу, или оба способны понять ея цѣль, то они начинаютъ чувствовать другъ ко другу симпатію и уваженіе, и наконецъ мужчина и женщина призываютъ на свой союзъ благословеніе любви“; „женщина находится у насъ въ такомъ положеніи, при которомъ она не отвѣчаетъ ни за что; когда она изнемогаетъ и *падаетъ*, мы должны сочувствовать ей какъ мученицѣ, когда она одолеваетъ препятствія, мы должны прославлять ее какъ героиню“; „женщина должна употребить всѣ усилія чтобы какъ можно ближе подойти къ полному самоосвобожденію, несмотря на строгости формальнаго закона“; „чтобы бороться съ семейнымъ деспотизмомъ, не разборчивымъ на средства, надо обладать значительною силой характера. Сила характера развивается на свободѣ и гложетъ лодь нѣжнымъ давленіемъ“; поэтому ни одна порядочная дѣвушка не должна считать „своею обязанностию въ выборѣ мужа руководствоваться

* Ц. П, стр. 67.

вкусомъ дражайшихъ родителей“; женская грація—глупость; „близость здороваго мужчины вызываетъ радостное волненіе въ здоровой дѣвушкѣ; совершенная непосредственность и неподкрашенность простаго физиологическаго ваченія составляютъ весь секретъ ея граціи.“ * Такія и подобныя сентенціи долженъ внушать „развиватель“ своимъ юнымъ слушательницамъ для того чтобы влолнѣ ихъ нигилизировать, т. е. эманципировать отъ того рабства въ которомъ пребывала до сихъ поръ русская женщина. Словомъ, „разрушеніе эстетики“ видѣ не практиковалось въ такихъ размѣрахъ какъ въ „женскомъ вопросѣ“; такъ какъ самая сущность женской эманципации заключается главнымъ образомъ въ освобожденіи отъ этой несносной „эстетики“, въ полномъ приравненіи женщинъ къ мужчинамъ. По мнѣнію Писарева, которому принадлежать и выше приведенныя цитаты, въ рукахъ хорошаго развивателя такая задача рѣшается очень скоро: „въ одинъ мѣсяць (развиватель) заставитъ ее (женщину) взяться за умъ, задуматься надъ тѣми недѣлостями которыя она видитъ и слышитъ вокругъ себя. За размышленіемъ слѣдуетъ отвращеніе, а такъ какъ природа не терпитъ пустоты, то женщина старается замѣнить въ своемъ умѣ выброшенныя недѣлосты какими-нибудь живымъ и осмысленнымъ содержаніемъ.“ ** Услѣхи развиванія, конечно, зависятъ отъ способностей оратора и отъ подготовки слушательницъ: но въ помощь ему и этимъ послѣднимъ указывается: что именно нужно дѣлать и какимъ образомъ. Такъ „развиватель“ долженъ налегать на Бокля, Дарвина, на политическую экономію (по воззрѣніямъ Чернышевскаго), на популяризацию естествознанія, т. е. долженъ познакомить со всѣмъ этимъ своихъ слушательницъ. Послѣ такого изученія онъ долженъ держать къ нимъ слѣдующую рѣчь: „Есть же въ русской литературѣ журналы въ честности которыхъ нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться; читайте тѣ книги которыя они будутъ вамъ рекомендовать. Не бойтесь социальна-экономической теоріи, занимайтесь этою наукой, и она научитъ васъ тому что вамъ звать всего необходимо: она научитъ васъ оберегать свои собственные интересы и создавать себѣ тѣ выгоды которыми вы нынче не пользуетесь. Займитесь тѣмъ что вы можете дѣлать

* Ц. П, стр. 18, 20, 27—28, 71, 74—75, а также III, стр. 70.

** Ц. П, стр. 75—76.

выгодѣ всего. Экономическая независимость есть первая и главная независимость общественнаго положенія женщины. Читайте хорошіе русскіе журналы, ихъ хотя и мало, но они есть: * читайте, читайте, читайте! ** Но какъ достигнуть „экономической независимости“, когда матеріальныя блага нужны всякому человѣку уже захвачены „самодурами“ (то-есть родителями), подъ вліяніемъ которыхъ находится слабая, угнетенная сторона? Вопросъ этотъ, по мнѣнію Добролюбова, рѣшается очень просто, на основаніи Дарвиновскаго закона борьбы за существованіе: отъ самодуровъ „можно бы и потребовать того чѣмъ они владѣютъ не по праву.“ *** Эманципированная такимъ образомъ—черезъ развигателей, или самостоятельно, посредствомъ чтенія *Современника* и *Русскаго Слова*—дѣвушка становится уже вполнѣ слобобною къ воспріятію новой теоріи любви, которая, по нигилистической утопіи, должна царить въ обществѣ, окончателно разрушивъ старую теорію, основанную на цѣломудріи, женственности и святости семейныхъ узъ. „Новая любовь“ есть любовь „свободная“, по образу и подобию животныхъ, съ правомъ перехода отъ одного къ другому, проще—есть проституція, развратъ. Эта теорія весьма послѣдовательно развивается Добролюбовымъ въ его знаменитой статьѣ *Темное Царство*, гдѣ прозрачно доказывается что нельзя считать „паденіемъ если женщина предается полному наслажденію любовью“. Дѣйствительное паденіе—„бракъ“: „вотъ (гдѣ) потеря нравственной чистоты и силы!“ Стоитъ только измѣнить „пошлый языкъ нашей искусственной морали“, говорить этотъ мнимый преемникъ Бѣлинскаго, и тогда не трудно было бы доказать что проституція выше брака; но о публичныхъ женщинахъ „даже и не говорятъ нравственные люди, по крайней мѣрѣ въ трезвомъ видѣ“: таковы „чолорные луристы формальнаго цѣломудрія!“ ****

Все сказанное нами до сихъ поръ относится къ отрицательной сторонѣ новаго ученія; но гдѣ же его положительная сторона? Такой стороны, строго говора, совсѣмъ нѣтъ. Правда,

* Писано въ 1865 году, слѣдовательно рѣчь идетъ о *Современникѣ* и о *Русскомъ Словѣ*.

** Ц. II, стр. 76.

*** Ibid., стр. 77—78.

**** Ц. III, стр. 26—27.

по разрушеніи религіи, получается *атеизмъ*, нравственности — *безнравственность*, цѣломудрія — *распутство*, семьи и гражданственности — *одичаніе*, государственности — *анархія* и т. п.; но эти и подобныя понятія, будучи сами по себѣ отрицательнаго свойства, суть не что иное какъ видовыя понятія одного родоваго, общаго имъ всѣмъ, — *разрушенія*. Поэтому признавать нигилизмъ системой, ученіемъ или доктриной, можно только проиически; заключааясь въ разрушеніи всякой гражданственности, нигилизмъ не представляетъ собою никакой философствующей, прогрессивно развивающейся мысли, напримѣръ хотя бы въ родѣ социальной демократіи, которая съ самаго начала несомнѣнно стала уже его подкладкой. Нашъ нигилизмъ, по крайней мѣрѣ въ устахъ первыхъ своихъ проповѣдниковъ, есть тулое отрицаніе и ничего болѣе.

VI.

Нашъ нигилизмъ — язва социальная, подобно западно-европейской социальной демократіи; но онъ отличается отъ этой послѣдней тѣмъ что вытекаетъ не изъ экономическихъ причинъ, а изъ культурныхъ. Болѣзнь западно-европейскихъ обществъ кроется въ недостаткахъ или въ ненормальностяхъ ихъ социального и экономического положенія; мы болѣемъ духовно, у насъ гниетъ не экономической строй нашей жизни, вообще крѣпкій и здоровый; у насъ ядъ гниенія вносится въ самую культуру нашу, едва насчитывающую полтора ста лѣтъ своего существованія. Для разъясненія болѣзни современности не излишне прослѣдить главнѣйшія фазы этой культуры, особенно въ новое время.

Послѣ эпохи насадителя нашего образованія, Петра, наиболѣе плодотворнымъ временемъ для нашей культуры были славные годы царствованія императрицы Екатерины II. Тогда впервые, но громко, раздался протестъ противъ слѣплаго подражанія всему иностранному; тогда впервые, но громко, заговорило въ насъ чувство національнаго достоинства. Державинъ и Фонвизинъ были полными выразителями этой бодрой и крѣпкой эпохи, къ которой мы еще не научились относиться вполне объективно, угнетаемые разными кошмарами, постоянно удручающими русскій критикующій умъ. Заведеніе духовныхъ семинарій и учрежденіе высшихъ и

низшихъ народныхъ училищъ (по городамъ) на всемъ пространствѣ Имперіи имѣло образовательное значеніе. Плоды принесенныя этими учебными заведеніями вполнѣ обнаружались уже въ Павловское и Александровское время. Особенно были удачны семинаріи, частію потому что эти школы были строго классическими, частію потому что наше духовенство раньше другихъ сословіи было подготовлено къ серьезнымъ учебнымъ занятіямъ, что духовное юношество было трудолюбивѣе, меньше отвлекалось отъ книги чѣмъ юношество достаточныхъ классовъ.

Что бы ни говорили о Екатерининскомъ вельможествѣ, оно, въ логовѣ за европейскимъ просвѣщеніемъ и при сочетаніи „французскаго съ нижегородскимъ“, крѣпостныхъ замашекъ съ европейскими вкусами, прежде всего было и *желало* быть русскимъ. Странно было бы судить о немъ по тогдашнимъ сатирическимъ журналамъ, или по комедіи Грибоѣдова, по филиппикамъ противъ него Чацкаго, какъ мы продолжаемъ судить о немъ до сихъ поръ, не справляясь даже съ Державинымъ, судьей въ этомъ случаѣ болѣе компетентнымъ, который находилъ же нужнымъ дать характеристику *истииннаго* (т.-е. полезнаго) вельможи *. Распространившееся масонство имѣло у насъ не малое значеніе тѣмъ что связывало вельможество съ массою дворянства вообще, со служащимъ чиновничествомъ, съ городскими сословіями и отчасти съ духовенствомъ. Примкнувшее къ масонству, хотя изъ него и не вытекавшее, сентиментальное направленіе имѣло у насъ еще большее значеніе. Кругъ его вліянія былъ несравненно шире, ибо распространялся на цѣлую половину общества, которой не касалось масонство,—на женщинъ, оно входило въ нѣдра семействъ, измѣняло воспитаніе и бытовые условія. У насъ оно было особенно спявно и плодотворно, потому что появилось одновременно съ рожденіемъ національной литературы (въ настоящемъ значеніи этого слова, т.-е. какъ выразительницы умственныхъ потребностей общества) въ произведеніяхъ такого талантливаго писателя какъ Карамзинъ; при бѣдности нашей тогдашней литературы, переводная, явившаяся въ громадномъ количествѣ, продолжала дѣйствовать въ томъ же направленіи и распространяла охоту къ чтенію

* См. въ Гротовскомъ изданіи Державина. Т. I, стр. 627—628, 629, 635—632.

во всѣхъ грамотныхъ классахъ общества. Сентиментальное направленіе перешло въ XIX вѣкъ, какъ перешло и массовство, возродившееся, послѣ Екатерининскаго разгрома массовскихъ ложъ, при императорѣ Александрѣ I, хотя уже въ нѣсколько иномъ видѣ; массовскія и сентиментальныя тенденціи весьма замѣтны въ дѣятельности библейскихъ обществъ, распространившихся при этомъ государѣ по всѣмъ угламъ Россіи, обществъ не только чуждыхъ всякой сословности, но не обращающихъ вниманія даже на словесное различіе. Мечтательной душѣ императора Александра Павловича были весьма симпатичны всѣ эти *чужія* направленія, пользовавшіяся особымъ его одобреніемъ, а потому они распространились необыкновенно быстро и на очень большое пространство. У насъ не мало издѣвались надъ этими явленіями, не мало тратилось сарказмовъ; бросавшихся въ упрекъ тогдашнимъ русскимъ людямъ, яко бы измѣнявшимъ своей народности; но сатирическія обличенія всегда принадлежатъ къ самымъ плохимъ источникамъ для исторіи: *чужія* направленія никогда не мѣшали русскимъ людямъ оставаться Русскими, какъ не помѣшали имъ въ 1812 году французскій языкъ истреблять арміи величайшаго изъ полководцевъ. Самый фактъ распространенія у насъ подобныхъ *западныхъ явленій* громко свидѣтельствуешь что въ обществѣ пробудилась уже потребность умственного движенія того же рода которое обнаружилось тогда во всей западной Европѣ. Уже свободнымъ и торнымъ путемъ вошелъ къ намъ и распространялся у насъ германскій романтизмъ, роскошно процвѣтавшій у насъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Хотя онъ и былъ у насъ сначала на сентиментальной подкладкѣ, но уже у Жуковскаго онъ начинаетъ обращаться къ родной старинѣ, а въ Пушкинѣ уже прямо переходитъ къ народности, къ національному творчеству и самосознанію.

Сравнительно съ Екатерининскимъ временемъ Хомяковъ называетъ Александровскую эпоху „разваряющею“, * то-есть разслабляющею, а эпоху за тѣмъ послѣдовавшей придаетъ наименование „придавливающей“. Послѣдній эпитетъ въ точности можетъ быть приложенъ только къ послѣднему семилѣтію (1848 — 1855) этой эпохи. Предшествовавшее время имѣло и свѣтлыя стороны. Русскій культурный

* См. *Русск. Архивъ* 1879, кн. III, стр. 294.

небосклонъ очистился отъ покрывавшихъ его тумановъ, навѣянныхъ Александровскою эпохой. Русскою мысли было указано національное направление. Время управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ совершенно справедливо признается эпохой. Гимнази и университеты постепенно зрѣли и совершенствовались. Явились русскіе профессора стоявшіе на высотѣ своего призванія. Студенческий составъ сталъ самымъ разнообразнымъ, но отнюдь не сословнымъ: крѣпостная пора не мѣшала сидѣть на университетскихъ скамьяхъ всякаго рода „разночинцамъ“, а въ томъ числѣ и дѣтямъ бывшихъ крѣпостныхъ. Этотъ разнообразный составъ студентовъ отнюдь не способствовалъ одичанію юношей, распространенію между ними какой-то нелѣпой демократизаціи ремесленнаго лѣшпа; напротивъ: студенческая среда сглаживала всякія неровности и шероховатости и перевоспитывала юношей предоставленныхъ самимъ себѣ. Студентъ университета и юноша „вполнѣ воспитанный“—понятія ставшія тогда синонимами. Самый цвѣтъ этой эпохи относится къ сороковымъ годамъ: въ 1848 уже замѣчается „придавляющее“ дѣйствіе; поэтому, естественно, вошло въ обычай называть ее „временемъ сороковыхъ годовъ“, а ея дѣйствователей и питомцевъ—„людьми сороковыхъ годовъ“, хотя такое названіе и не точно, хотя десятилѣтіями странно конечно оцѣнивать времена и поколѣнія. Первенствующимъ журналомъ эпохи были *Отечественныя Записки*; первымъ критикомъ и журналистомъ былъ Бѣлинскій. Бѣлинскій шелъ впередъ съ „университетскимъ знаменемъ“, отправлялся отъ „уваженія“ къ наукѣ, а не отъ вражды къ ней, не со „сристками“ и ляганіемъ колытомъ, какъ это дѣлали мнимые его продолжатели. Самъ не кончивъ университетскаго курса, самъ поставленный въ положеніе постоянно возбуждавшее раздраженіе и желчь, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе вліялъ на современное ему юношество успокаивающимъ, культурнымъ образомъ, возбуждая въ немъ лишь идеальные помыслы, а не животныя инстинкты, романтическое уваженіе къ женщинамъ, а не циническій развратъ, высокое чувство гуманности, а не скотскій эгоизмъ. Литературныя партіи раздѣлялись на западниковъ и славянофиловъ, ведшихъ горячую борьбу. Журналы находились почти въ исключительномъ распоряженіи западниковъ. Это обстоятельство, а также тогдашнія цензурныя условія и наступившее затѣмъ мрачное семилѣтіе помѣшали

выясненію споровъ и доведенію ихъ до конца. Споръ шелъ собственно о самостоятельности русской культуры, на чемъ настаивали славянофилы, но чего не хотѣли признать западники, стоявшіе за европейскую культуру вообще (не различая національностей), и за тотъ ея луть и форму какіе она приняла у насъ въ Россіи. Эту форму славянофилы отвергали, указывая въ тилъ нашей культуры хлость, зародыши гніенія.

Вопросъ для славянофиловъ состоялъ не въ возвращеніи къ до-Петровскимъ временамъ, что приписывалось имъ противною партией, а въ самостоятельности русской гражданственности, основанной на *народныхъ началахъ* (то-есть православіи, самодержавіи и народности). Этихъ началъ, особенно двухъ первыхъ, западники не признавали, частію изъ оппозиціоннаго отношенія къ правительству, которое ихъ также провозгласило, но главнѣе всего по малому знакомству съ отечественною исторіей, въ которой славянофилы были гораздо ихъ сильнѣе. Но и славянофилы вовсе не благоговѣли предъ правительственною постановкой вопроса о *народныхъ началахъ*, признавая въ ней характеръ полицейскій, казенный, мертвящій. Объ партіи горячо стоялъ за уничтоженіе крѣпостнаго права, за облегченіе печати, за реформу судовъ, и съ этой стороны одинаково считались находящимися въ оппозиціонномъ отношеніи къ правительству того времени, ставшему особенно подозрительнымъ въ мрачное время послѣдняго семилѣтія эпохи. Но это оппозиціонное отношеніе, если и было оно, то даже въ западникахъ отнюдь не доходило до радикализма (говоримъ вообще, а не о такихъ исключеніяхъ какое представляетъ налримеръ Герцень), до какой-нибудь антиправительственной агитаціи, впрочемъ и невозможной въ то время. Что касается самыхъ народныхъ началъ, то споры о нихъ (по цензурнымъ причинамъ) были тогда лишь въ зародышѣ, а такой вопросъ какъ *самодержавіе* даже и поставить тогда было опасно. Больше другихъ былъ выясненъ вопросъ о *православіи*, да и то въ позднѣйшую эпоху, печатаніемъ сочиненій Хомякова, писанныхъ по-французски, переводъ которыхъ долго не допускался къ выходу въ свѣтъ. Своевременно же противная партія, западники, если и знала взгляды славянофиловъ на православіе, то никакъ не изъ статей или изъ книгъ, а изъ живыхъ бесѣдъ, изъ словесныхъ преній. Какъ

извѣстно, даровитѣйшіе люди обѣихъ партій жили въ Москвѣ, были товарищами по образованію въ Московскомъ университетѣ, и разность взгляда нисколько не мѣшала ихъ общенію. Въ горячности споровъ въ первое время возникновенія и дѣятельности обѣихъ партій (именно до 1856 года) естественно было много крайностей и увлеченій высказанныхъ съ обѣихъ сторонъ. Но не надобно забывать тѣхъ условій подѣвліяніемъ которыхъ проходила ихъ тогдашняя дѣятельность и надобно помнить что нѣкоторые изъ нихъ были еще въ ту пору юношами и почти всѣ—теоретиками. Возможность живой дѣятельности явилась только въ позднѣйшую эпоху (съ 1856 года), и тогда многія славянофильскія идеи начали быстро распространяться въ нашемъ обществѣ, и даровитѣйшіе изъ западниковъ первые ихъ усвоили. Обѣ партіи поступились потомъ нѣкоторыми крайностями, оставшись при нѣкоторыхъ своихъ особенностяхъ; но и при самомъ началѣ своего возникновенія обѣ партіи состояли изъ людей одного и того же образовательнаго типа, изъ *классиковъ* и *идеалистовъ*, а не изъ воспитанниковъ зародившагося *утилитаризма*. Искать корней нигилизма въ западникахъ или въ славянофилахъ было бы по меньшей мѣрѣ смѣшно.

VIII.

Вопросъ о православіи или, тѣснѣе, о нашемъ духовенствѣ, кларѣ, имѣеть важное значеніе по отношенію къ занимающему насъ предмету; ибо церковь, духовенство всегда и вездѣ являются въ числѣ главнѣйшихъ факторовъ гражданственности. Такъ было и у насъ, въ старой Московской Россіи, но не такъ стало въ послѣ-Петровское время, при несравненно большей образованности духовенства и при несравненно большемъ его вліяніи вообще на дѣло образованія въ Россіи. Эти положенія, впервые высказанныя славянофилами, сдѣлались теперь общимъ достояніемъ; но западники культурнаго значенія православнаго духовенства не признавали и видѣть его въ роли фактора гражданственности не желали. Такой взглядъ объясняется съ одной стороны недостаточнымъ знакомствомъ съ отечественною исторіей, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ что они стояли на точкѣ зрѣнія западныхъ либераловъ, боровшихся со своими церквами, съ духовенствомъ, съ

каерикалами; не мудроно что и въ приближенномъ состоянн русскаго духовенства мерещились призраки будущихъ русскнхъ каерикаловъ и предстоящая борьба съ ними какъ съ гасильщиками просвѣщеня и всякаго прогресса. Видѣть въ такомъ взглядѣ западниковъ на духовенство что-нибудь похожее на нигилистическнй атеизмъ будетъ величайшею несправедливостю; ибо такне взгляды нисколько не мѣшаютъ теллотѣ религюзнаго чувства. Конечно, атеизмъ—явленне уже и совсѣмъ невыснмое въ славянофилѣ; но извѣстно что православная церковь и духовенство въ телерешнемъ ихъ состоянн встрѣчали и встрѣчаютъ самыя рѣзкня осужденя имело со стороны славянофиловъ; кто много любить, тотъ и ревнуетъ, тотъ и негодуетъ...

Люди изучивше национальную психологию, сравнивая между собою народы принадлежащне къ православной Церкви, вотъ къ какнмъ приходятъ результатамъ: „греческое и вообще восточное хрнстнанское общество, говорятъ они, до самаго послѣдняго времени было *церковноте* русскаго въ своемъ воспитанн. Церковь была смѣшаннте съ остальной нацнею; народъ и высшее общество стояли ближе къ Церкви“; * но за то у насъ, по ихъ мнѣнню, „души, теллоты, содержаня религюзнаго“ больше чѣмъ на Востокѣ. Если наше воспитанне страдаетъ недостаткомъ церковности, говоритъ цитуемый нами авторъ, за то оно теллѣе, романтичнѣе; поэтому-то и русскнй человекъ болѣе расположенъ къ монашеству чѣмъ Грекъ, не говоря уже о Юго-Славянахъ, у которыхъ религюзное чувство гораздо суше чѣмъ у Грековъ.“ Если это такъ, то надобно прибавнть что теллота религюзнаго чувства и романтичность воспитаня продолжались у насъ до тѣхъ только поръ, пока въ интеллигентныхъ слояхъ нашего общества господствовало идеальное направленне, хотя бы въ *чуждой* формѣ (напримѣръ, массонства или сентиментальности), и не вознкала еще сухой реализмъ. „Недостатокъ церковности“... но вѣдь это то же самое что безнлие Церкви какъ фактора гражданственности, безнлие духовенства въ его пастырской дѣятельности, въ его положенн образованнаго и образующаго сословя. Что „церковность“, т. е. реальное воздѣнствне Церкви на жизнь, имѣетъ большое культурное влннне, это

* „Русскне, Греки и Юго-Славяне“ статья К. Н. Леонтьева. *Русск. Вѣстникъ* 1878, кн. II, стр. 763.

доказываютъ громадныя массы Русскаго народа пребывающія въ расколѣ, но часто, именно благодаря церковности, болѣе развитыя, грамотныя, достаточныя чѣмъ остальной народъ, находящійся подъ воздѣйствіемъ клира государственной Церкви. Итакъ недостатокъ „церковности“ можно объяснить прежде всего неудовлетворительностію положенія государственной Церкви, сравнительно съ тѣмъ идеаломъ православія который представлялъ себѣ, напиримѣръ, Хомаковъ и который до известной степени осуществлялся въ Московской Россіи; воторыхъ, причины такой недостаточности надобно искать въ самомъ клирѣ, духовенствѣ, хотя положеніе его зависитъ отъ существованія первой причины.

Повидимому странно было бы говорить о недостаточности культурнаго вліянія нашего духовенства, имѣвшаго такое большое образовательное и въ особенности педагогическое значеніе у насъ въ продолженіе болѣе столѣтія, отъ Петра Великаго до самыхъ тридцатыхъ годовъ. А между тѣмъ это фактъ. Въ прошломъ столѣтіи наши духовныя школы были положительно лучше свѣтокихъ; въ первой четверти этого столѣтія, безъ ихъ помощи, безъ прилива учащихъ и учащихся изъ духовенства, послѣднія неизбѣжно бы завали. Разореніе семинарій реформой въ духѣ утилитарности и реализма имѣло огромныя послѣдствія. Чѣмъ съ виду образованнѣе казалось духовенство тѣмъ менѣе становилось замѣтно его вліяніе.

Расколъ не только не уменьшился, а страшно увеличился и появился тамъ гдѣ, какъ въ Малороссіи, его прежде вовсе не было; прежній „поль“ былъ гораздо ближе къ мужику и барину чѣмъ сталъ „священникъ“, все же лучше „лопа“ живущій и матеріальнѣе болѣе обезпеченный. Нашъ клиръ еще больше отдѣлился и отъ народа и отъ интеллигенціи и еще холоднѣе относился къ „царству не отъ міра сего“. Въ немъ являлся *свой* прискорбный *прогрессъ*,—небрежное отношеніе къ пастырскимъ обязанностямъ и къ богослужебной обрядности, установившейся вѣками и имѣющей высокое значеніе въ глазахъ вѣрующаго человѣка. Образование и матеріальное довольство, увы! только наталкивали нашъ клиръ на путь ведущій къ „царству отъ міра сего“, къ положенію еще болѣе формальному и казенному, чѣмъ какъ было прежде. Мы далеки отъ обличеній и говоримъ все это съ глубокимъ прискорбіемъ; мы далеки и отъ нелѣпой мысли утверждать

что для блага Церкви и государства необходимо оставить духовенство въ положеніе крайней нищеты и невѣжества. Мы не обличаемъ, а констатируемъ факты всѣмъ извѣстные и для нашей задачи весьма важныя. Вопросъ о духовенствѣ уже давно сталъ моднымъ: о немъ много и охотно говорятъ *естъ*, даже реалисты; но во всѣхъ этихъ разговорахъ рѣчь сводится къ одному,—къ улучшенію матеріальнаго положенія... Опять матерія, а не духъ!... Обыкновенно не жалѣютъ темныхъ красокъ для изображенія „крайней бѣдности“ быта духовенства, особенно обучающагося въ школахъ; но размѣры „крайней бѣдности“, если ее признавать, до 60хъ годовъ были неизмѣримо большіе въ жизни нашего духовенства чѣмъ потомъ; реализмъ не зараждался въ духовномъ юношествѣ и не гнѣздился въ духовныхъ школахъ, гдѣ притомъ бѣдность является „крайнею“ только со стороны, по взгляду достаточныхъ классовъ общества, а не по взгляду самого духовнаго юношества, воспитаннаго въ нуждѣ, въ условіяхъ быта немногимъ отличающихся отъ крестьянскаго. Не „крайняя бѣдность“, а кастовая замкнутость, убивающая душъ призванія и идеальныя помыслы и вынуждающая относиться къ своей профессіи совершенно хладнокровно, чтобы не сказать ремесленно, вотъ что развѣдало наше духовенство. Послушаемъ еще автора, котораго никто не заподозритъ въ желаніи обличать духовенство и который уже заявилъ о своемъ горячемъ сочувствіи къ православію и о восторженномъ своемъ отношеніи къ монашеству. „У насъ церковь если не потрясена, то уже подколана со многихъ сторонъ“, говоритъ К. Н. Леонтьевъ въ своей превосходной статьѣ *Отцъ Климентъ*, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1879 года. „Я къ іезуитамъ не лобду“, выражается онъ въ разговорѣ со своимъ собесѣдникомъ, принимая сторону палства противъ нападокъ на него западныхъ либераловъ, „хотя даже іезуитъ мнѣ нравится больше равнодушнаго пола, которому хоть трава не расти и который не перекрестится пока громъ не грянетъ.“ „Умная, дѣятельная пропаганда въ высшихъ слояхъ русскаго общества, продолжаетъ тотъ же авторъ, нужнѣе была бы чѣмъ проповѣдь Алеутамъ и борьба со старовѣрами, представляющими для Россіи очень полезный тормазъ....“ Ту же мысль вѣсколько далѣе авторъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ признаетъ косвенную пользу раскола, „какъ тормазъ, безъ

котораго мы ушли бы еще дальше“ по пути церковнаго прогресса, въ дѣлѣ новшества и всякихъ поблажекъ духу времени. А вотъ и перифразъ г. Леонтьева о пропагандѣ: „православная проповѣдь въ высшемъ обществѣ и ученомъ русскомъ кругѣ была бы полезнѣйшимъ изъ миссіонерствъ.“ * Мы указываемъ на замѣчательныя статьи г. Леонтьева, хотя имъ ничего новаго не было сказано послѣ того что говорилось славянофилами; но какъ полезно повторять эти стародавнія истины въ телерешію мрачную пору, когда мы тревожно отыскиваемъ причины нашихъ общественныхъ болѣзней и не находимъ средствъ для избавленія отъ нихъ!

Итакъ, наше духовенство и интеллигенція находились и находятся другъ ко другу въ положеніи центробѣжномъ: они расходятся, а не сближаются,—и все больше и больше... Если интеллигенція, по какимъ бы то ни было причинамъ, грубѣетъ; если она быстро бѣжитъ по пути реалистическаго прогресса, какъ у насъ, теряя на этомъ пути идеальныя помыслы и убивая „духъ“; если она не воспитывается Церковью и духовенствомъ, или воспитывается очень мало, едва замѣтно, то какихъ же еще ждать лучшихъ результатовъ чѣмъ тѣ къ которымъ мы пришли!..

IX.

Неисчислимыя бѣды для русской культуры принесло мрачное семилѣтіе наступившее въ Россіи послѣ февральской французской революціи. Люди университетскаго образованія, какъ западники такъ и славянофилы, подвергнулись правительственному подозрѣнію въ радикализмѣ, въ оласномъ новаторствѣ. Подавлялся „духъ“, идеализмъ, и провозглашались цѣлями образованія — практичность, полезность, *реализмъ*. Результаты не замедлили явиться, — придавленность духа, духовное обнищаніе во всѣхъ сферахъ общественной и государственной дѣятельности. Умственное движеніе замерло; замерла и литература, какъвыразительница и распространительница этого движенія.

Послушаемъ что говорить объ этомъ времени К. С. Аксаковъ въ *Запискѣ* представленной имъ императору Александру Николаевичу въ 1855 году. **

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1879, декабрь, стр. 536—537 и 541—542.

** *Записка* напечатана недавно въ газетѣ *Русь* (см. №№ 26—28 этой газеты за 1881 годъ).

„Современное состояніе Россіи представляетъ внутренній разладъ прикрываемый безсовѣстною ложью... Всакій частный человѣкъ опасается говорить свое мнѣніе... Правительство постоянно опасается революціи и въ каждомъ самостоятельномъ выраженіи мнѣнія готово видѣть бунтъ... Правительство и народъ не повимають другъ друга, и отношенія ихъ не дружественныя. И на этомъ-то внутреннемъ разладѣ, какъ дурная трава, выросла непомерная, безсовѣстная лезть, утѣряющая во всеобщемъ благоденствіи, обращающая почтеніе къ царю въ идолопоклонничество... При потерѣ взаимной искренности и довѣренности все обьяла ложь, вездѣ обманъ. Правительство не можетъ при всей своей неограниченности добиться правды и честности... Всеобщее развращеніе или ослабленіе нравственныхъ началъ въ обществѣ дошло до огромныхъ размѣровъ. Взятничество и чиновный грабежъ—страшны... Все зло происходитъ главнѣйшимъ образомъ отъ угнетательной системы нашего правительства, угнетательной относительно свободы жизни, свободы мнѣнія, свободы нравственной... Гнетъ всякаго мнѣнія, всякаго проявленія мысли дошелъ до того что чины представители власти государственной запрещаютъ изъяслять мнѣніе даже благопріятное правительству, ибо запрещаютъ всякое мнѣніе. Они не позволяютъ даже хвалить распоряженія начальства, утверждая что до одобренія подчиненныхъ начальству дѣла нѣтъ, что подчиненные не должны смѣть разсуждать и даже находить короннымъ то или другое въ своемъ правительствѣ или начальствѣ. Къ чему же ведетъ такая система? Къ полному безучастію, къ полному уничтоженію всякаго человѣческаго чувства въ человѣкѣ; отъ человѣка даже не требуется того чтобъ онъ имѣлъ хорошія мысли, а чтобъ онъ не имѣлъ никакихъ мыслей. Эта система еслибы могла услѣть, то обратила бы человѣка въ животное, которое повинуется не разсуждая и не по убѣжденію... Но доведеніе людей до животнаго состоянія не можетъ быть сознательною цѣлью правительства. Да и дойти до состоянія животныхъ люди не могутъ; но въ нихъ можетъ быть унижено человѣческое достоинство, можетъ отупѣть умъ, огрубѣть чувство,—и слѣдовательно человѣкъ приблизиться къ скоту... Такая система поражаетъ внутреннее неудовольствіе и уныніе...“

Полезность и практичность, реализмъ, были провозглашены паролемъ и лозунгомъ русскаго образованія. Но образованіе

было не одинаковое, общее для всѣхъ (т.-е. для всѣхъ на *общихъ* началахъ), а тройственное, *по стодолствамъ*: образованіе университетское или гражданское, образованіе духовное и образованіе военное,—и притомъ всѣ виды этихъ *образованій* находились другъ съ другомъ въ большомъ автагонизмѣ. Если гражданское и духовное *образованія* были довольно близки другъ ко другу по существу своему, за то второе было ближе къ военному по своимъ цѣлямъ, по утилитарности; но эта близость не мѣшала враждѣ и даже ненависти; въ такомъ отношеніи находились къ военному образованію два первые типа нашего просвѣщенія, которымъ и военный типъ отличался тѣмъ же. Можно судить какіе культурные плоды получались отъ такого разношерстного образованія! И дѣйствительно, русскіе образованные люди того времени встрѣчаясь не понимали другъ друга; но они даже не встрѣчались, а предназначенно избѣгали общеній и жили въ *своихъ* „кружкахъ“. Кружокъ людей университетскаго образованія, людей 40хъ годовъ (возвращаемся къ этому термину) былъ самый малочисленный. Подъ ударами *придавляющей* эпохи онъ сильно порѣдѣлъ, и люди составляющие его замкнулись въ самихъ себѣ.

X.

Но вотъ небосклонъ очищается отъ тучъ; Русская земля озаряется новымъ свѣтомъ. Телесные лучи новаго царствованія льются на ея почву. Сильно возбуждается жизнь. Быстро выбѣгаютъ и еще быстрее разцвѣтаютъ, всякіе злаки, добрые и зловредные... Ищите между послѣдними и нигилизма, какъ осадковъ и отложеній органической порчи прежней жизни, но ищите ихъ не въ одномъ сословіи, но во всѣхъ слояхъ нашего образованнаго общества. Несостоятельность нашей образованности, односторонность нашей культуры, раньше или позже, должны были обнаружиться; но при благопріятныхъ обстоятельствахъ и въ спокойную пору всѣ недостатки и вся порча могли переработаться органически, безъ потрясеній, тѣмъ болѣе что путь и средства къ этому у насъ были подъ руками, въ университетскомъ образованіи, какимъ оно было до 1848 года. Но этого оздоровленія не случилось, благодаря именно „придавляющей“ порѣ, которая своими ударами заставила

загнать то что при нивыхъ обстоятельствахъ могло бы еще оздоровѣть. Теллый лучъ и свободный духъ новаго царствованія не могли уже оживить того что подверглось гниенію, а должны были естественно ускорить это послѣднее и раздвинуть его предѣлы. Такъ и случилось. Новыя реформы должны были въ высочайшей степени возбудить, то-есть привести въ движеніе духъ всего Русскаго народа, но въ разной степени и въ неодинаковыхъ направленіяхъ. Крестьянство и вообще необразованные классы приняли эти реформы спокойно и радостно, но плаче отразились онѣ въ большинствѣ интеллигенціи: тамъ возбудили онѣ дурныя страсти и противообщественныя и противогосударственныя инстинкты. Либеральность реформъ не могла удовлетворить псевдолибераловъ и естественно должна была породить радикализмъ; а русскій радикаль, самъ того не подозревая, въ душѣ остается озлобленнымъ крѣпостникомъ, который, будучи затронутъ, въ отместку, не остановится ни предъ какими ломками и предается либерализму уже безо всякаго удержа. Реформы были весьма либеральны и открывали для Россіи новую эру; но интеллигенцію, воспитанную на даровомъ трудѣ, въ ея тогдашнемъ положеніи и въ ближайшемъ будущемъ, онѣ осуждали на упорный личный трудъ; непривычка и неохота къ нему возбуждаютъ раздраженіе, злобу. У насъ и теперь еще продолжаютъ указывать на правительственныхъ оппонентовъ, на разныхъ консерваторовъ, не сочувствовавшихъ и противодействовавшихъ реформамъ; но проходить молчаніемъ оппозицію болѣе глубокую, сильную, стихійную, хотя и безформенную, хотя дѣйствительно самой либеральной окраски,— тотъ сумбуръ, то столпотвореніе вавилонское, которое лодъ мѣняемъ реформъ возникло въ умахъ и помыслахъ большинства русской интеллигенціи и которое сильнѣйшимъ образомъ противодействовало плодотворности реформъ. Къ слабымъ сторонамъ людей сороковыхъ годовъ относится недостатокъ въ нихъ политическаго воспитанія, объясняемый положительнымъ отсутствіемъ тогда политической печати; въ нѣсколько лучшемъ положеніи находились они по части политико-экономическихъ свѣдѣній. Можно судить какъ велики были указанные недостатки въ самый разгаръ реформъ и какой просторъ они давали самымъ дикимъ моральнымъ, экономическимъ и политическимъ фантазіямъ! Не мудрено что въ эту пору Чернышевскій, Добролюбовъ и Писаревъ

очутились „во пророцѣхъ“. Либеральныя вождѣнія составляли и составляютъ главную силу и заразительность нигилизма. Итакъ, съ новыми реформами неизбежно долженъ былъ начаться и процессъ культурнаго гнѣнія (нигилизмъ), котораго невозможно было остановить по многимъ причинамъ: вопервыхъ, потому что было некогда, по настоятельности и неотложности такихъ реформъ, какъ крестьянская и судебная; во вторыхъ, потому что предпринятое въ учебномъ дѣлѣ влекло школу на путь разложенія: духовныя семинаріи были уже разорены реформой сороковыхъ годовъ; въ третьихъ, потому что и средствъ не было, такъ какъ моральное зло отъ вѣшняго давленія только входитъ внутрь организма, а не исцѣляется. Свободолюбивый духъ новаго царствованія прежде всего послѣдшилъ снять оковы съ русской мысли, которой даровалъ еще незнакомый ей просторъ. Литература ожила, кругъ ея дѣятельности неизмѣримо расширился; но школа захирѣла; „духъ“, который только въ ней и ею возрастаетъ и питается, захвужь...

Новое царствованіе приступило къ дѣлу реформъ и начало ихъ съ людьми оставшимися отъ прежней поры. Двѣ главнѣйшія реформы прошлаго царствованія, крестьянская и судебная, были начаты и окончены непосредственно этими прежней эпохи людьми, которые стали сходить со сцены въ концѣ шестидесятихъ годовъ и, мало-по-малу, уступали мѣста свои „новымъ людямъ“, на новый ладъ реализованнымъ. Но не путь реформъ и не людей приводившихъ ихъ въ исполненіе имѣемъ мы въ виду въ нашемъ очеркѣ; мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ здоровыя начала въ жизни нашей и въ культурѣ, которыя остаются дѣйственными до сихъ поръ и коихъ никакой нигилизмъ одолѣть не можетъ. Обращаемся къ *реализму*, который часть журналистики провозгласившая себя передовою послѣдшила принять своимъ лозунгомъ, *новымъ словомъ*, символомъ прогресса и либерализма. Этотъ реализмъ вышелъ изъ нѣдръ того чистокровнаго, *краснаго нигилизма*, образчики котораго мы представили выше. Этотъ журнальный реализмъ до такой степени слутался съ нигилизмомъ и такъ залутался въ его цѣлкихъ колючкахъ что, при несомнѣнномъ желаніи, никакъ не можетъ себя очистить и облечь, а при такой невозможности заслуженно долженъ пользоваться названіемъ *нигилизма блага*, питаваго и питающаго *красный*.

А, впрочемъ, пожалуй, мы не ошибаемся: весьма возможно что блѣдный реализмъ, усилившись и сгустившись, образовалъ тотъ красный реализмъ, который выразился въ твореніяхъ Добролюбова и Писарева и въ дѣятельности нашихъ левѣйшихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“. Во всякомъ случаѣ кровное родство между ними, между нигилистами и реалистами, не подлежитъ сомнѣнію, какъ это сейчасъ докажемъ.

ХІ.

Итакъ, нигилизмъ есть не что иное какъ сгущенный реализмъ, а реализмъ—какъ разжиженный нигилизмъ. При нѣкоторомъ внимательномъ наблюденіи это опредѣленіе окажется совершенно вѣрнымъ; ибо реализмъ почти то же проповѣдывалъ и проповѣдуетъ что и нигилизмъ, но только въ иной формѣ и не столь грубымъ, бурлацкимъ способомъ. Вообще симпатіи и антипатіи у нихъ почти одѣвъ и тѣ же. Нигилизмъ, напримѣръ, проповѣдуетъ голый атеизмъ; реализмъ атеизма не проповѣдуетъ, но о религіи говорить не мало и весьма прозрачно. Онъ только терпитъ христіанство, но пользы въ немъ, какъ въ учрежденіи метафизическомъ, какъ въ мистицизмѣ вообще, онъ не видитъ. О своей церкви онъ молчитъ, потому что говорить въ его смыслѣ нельзя; но онъ принимаетъ горячее участіе въ борьбѣ западныхъ либераловъ съ ихъ мѣстными церквами и отъ души ненавидитъ клерикаловъ. Онъ заботливо изучаетъ протестантскія пасты и слѣшитъ подѣлиться со своими русскими читателями результатами этого изученія, какъ напримѣръ съ распространеніемъ невѣрія въ средѣ самихъ пасторовъ, не считая нужнымъ комментировать подобныя сообщенія. Реализмъ сочувствуетъ улучшенію быта православнаго духовенства; но идеаль священника ему представляется въ образѣ попа Мерцалова, выведеннаго Чернышевскимъ въ его пресловутомъ романѣ. Защищая духовенство, реализмъ ненавидитъ монашество и желалъ бы закрытія всѣхъ монастырей, какъ отжившихъ учрежденій, раскладывающихъ де только тунеядцевъ. Даже тамъ, гдѣ рѣзко бросается въ глаза неустанный мускульный трудъ и, какъ результатъ его, накопленіе богатствъ (какъ, напримѣръ, въ монастырѣ Соловецкомъ), реализмъ поражается не идеальной стороной явленія, а преполняется

скорбію что эти блага остаются непродуцируемыми, что этой трудовой жизни не достаетъ... зефировъ и амуровъ!.. Реализмъ не проповѣдывалъ безнравственности; но зло подсмѣивался надъ наивностію тѣхъ кто позволяли себѣ говорить о такихъ старыхъ и пустыхъ вещахъ, какъ „поврежденіе нравовъ въ Россіи“. Не вооружаясь противъ религіи и нравственности, реализмъ однакоже съ пламеннымъ усердіемъ предавался и предается пропагандѣ положительной или матеріалистической философіи и *последнихъ* выводовъ естествознанія, не понимая (или не желая понять) что такая пропаганда, сопровождаемая притомъ обычными подтасовками, на умы незрѣлые и неподготовленные, на общество весьма мало образованное, производитъ самое деморализующее вліяніе, уничтожая въ нихъ всякую идею о Богѣ и о душѣ человѣческой. При всемъ томъ реализмъ въ одномъ случаѣ является даже поборникомъ нравственности—это тогда именно когда онъ начинаетъ жевать крѣпостную жвачку; эту жвачку онъ никакъ не можетъ выбросить изъ своего рта до сихъ поръ, какъ не могъ выбросить ее покойный Некрасовъ. По мнѣнію самаго *блага* реалиста, женщина во время крѣпостнаго права была рабыней, несчастною, невѣжественною гаремною затворницею, самкою и т. п.; мужъ помѣщикъ—деспотъ, гаремный развратникъ, негодяй и т. п.; вообще съ реальной точки зрѣнія нашъ прежній семейный бытъ—полнѣйшее отрицаніе нравственности. И все это выставлялось и выставляется въ стихахъ, въ повѣстяхъ, въ этнографическихъ очеркахъ, съ пафосомъ самой нравственной скорби. Попробуйте сдѣлать возраженіе въ такомъ родѣ: „А полнѣйшее, пореформенное разложеніе и гниль семейнаго быта; а коммуны, а публичность и наглость разврата; а торжество блудницы надъ честною дѣвушкой, развратницы надъ матерью семейства; а гибель отроковъ и юношей никѣмъ не воспитываемыхъ, а всѣми развращаемыхъ?“ Этихъ явленій реализмъ не признаетъ и отъ нихъ отрещивается, считая самое указаніе на нихъ то враждою къ молодому поколѣнію и къ современному прогрессу, то крѣпостнической отсталостію. Ухватившись за молодое поколѣніе и прикрывшись либерализмомъ, реализмъ долго считалъ себя и считался неуязвимымъ на этомъ пунктѣ. Съ одной стороны служили ему щитомъ „увлеченія молодежи“ и „рѣдкія исключенія“; съ другой—стародумство и крѣпостничество обвинителей.

Увы! теперь, послѣ всѣхъ ужасовъ, послѣ столькихъ судебныхъ процессовъ, ярко рисующихъ не „поврежденіе“, а растлѣніе общественныхъ нравовъ,—теперь щиты эти подгнили. Мнящій себя сильнымъ въ позитивной философіи и въ послѣднихъ выводахъ естествознанія, нашъ реализмъ оказался очень слабъ въ знаніи и въ пониманіи явленій своей же русской прошлой жизни: онъ просмотрѣлъ и не уразумѣлъ значенія русской женщины XVIII и XIX вѣка, даже въ той обстановкѣ въ которой онъ ее рисуешь, въ крѣпостную пору, въ ея затворѣ съ дѣтми: этотъ затворъ даже мужъ-развратникъ считалъ святыней и не касался его уже по одной фамильной гордости. Реализмъ не понимаетъ что стыдливость и непорочность для дѣвушекъ, что семья и дѣти для замужнихъ женщинъ — своего рода затворъ и ограда, единственно спасающіе всякое общество отъ гибели и не допускающіе женщину до „равенства“ съ мужчиной; что „женскій трудъ“ и „женское образованіе“ *въ смыслъ этого равенства* достойны не восхваленій, а проклятій, ибо не идутъ далѣе униженія женскаго достоинства; что „гуляющія женщины“ вездѣ есть, были и будутъ, но восторгаться ими, выставлать ихъ идеалами, значитъ умышленно распространять самый чудовищный развратъ.

Реализмъ старается вести свою генеалогію отъ западниковъ; чтобъ оторваться отъ нигилизма ему необходима кака-нибудь историческая почва, нужно отыскать законныхъ родителей. Но западники были крайними идеалистами и общаго съ нимъ имѣютъ слишкомъ мало. Онъ въ правѣ приносить требы богамъ нигилистическаго Олимпа, но уже никакъ, на-примѣръ, не Грановскому, ни даже Бѣлинскому. Съ легкой руки Жоржъ Санда западники, правда, первые подняли у насъ „женскій вопросъ“; но толковалъ о немъ одинъ Бѣлинскій, да и то кажется отъ бездѣлья (отъ невозможности говорить о другихъ вопросахъ), между прочимъ, самъ очевидно лутаясь въ размышленіяхъ о немъ. Смѣлѣе Бѣлинскаго отнесся къ „женскому вопросу“ Герценъ въ своемъ романѣ *Кто виноватъ?* Но весь романъ, какъ и финалъ его, построены на нравственномъ основаніи: Круциферская, замужняя женщина, вторично полюбившая Бельтова, героя романа, не только не падаетъ и не превозносится *падениемъ*, но погибаетъ жертвой страданій, признавая эту вторую любовь преступленіемъ по отношенію къ недавно еще любимому мужу. Бельтовъ и

авторъ романа не только не издѣваются, но съ уваженіемъ относятся къ этимъ страданіямъ. Авторъ старается только доказать что *никто* не виноватъ при сложившихся обстоятельствахъ; но ни намека нѣтъ у него о „свободной любви“? Достаточно сличить романъ *Кто Виноватъ?* съ другимъ однаково нехудожественнымъ романомъ тоже съ вопросительнымъ заглавіемъ *Что Дѣлать?* чтобъ убѣдиться что реалисты не могутъ быть названы законными сынами западниковъ, даже съ Герценомъ, какъ литераторомъ, включительно. Связь ихъ съ Герценомъ, Бакуинымъ инаго порядка. Ограничиваясь въ нашемъ очеркѣ литературною генеалогіей нигилизма, мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о нигилизмѣ какъ орудіи политической интриги, требующій особаго разсмотрѣнія.

Въ дѣлѣ науки реализмъ, повидимому, не солидаренъ съ нигилизмомъ; съ наукой реализмъ усердно расшаркивается. Но въ практическомъ результатѣ это расшаркиванье приводитъ къ тому же концу какъ и циническое плеваніе на науку нигилизма. Съ наукой надлежитъ расшаркиваться, но школу требуется разорить. И нигдѣ реализмъ не обнаружилъ такого кроваваго родства съ нигилизмомъ какъ въ педагогическомъ дѣлѣ: здѣсь онъ является вполнѣ воиствующимъ, *краснымъ*, такъ что выраженіе Писарева „тараканъ пойманъ“ можно счесть похвалой, присвоеніемъ себѣ чужой заслуги. Въ самомъ дѣлѣ, повсюднее распространеніе педагогической простаковщины, основанной на жертвоприношеніяхъ мамонъ, требованіе сладости не плодовъ, а корней ученія, каковое должно состоять въ такой же игривой легкости какъ порханіе бабочекъ, ожесточенная, ярая вражда къ классическому и вообще идеальному образованію,—непрекращаемое возбужденіе молодежи, извращеніе ея понятій, лезть предъ нею,—завоеванія въ подобномъ направленіи неоспоримо сдѣланы бѣлымъ, а не краснымъ реализмомъ. Самохвальство Писарева очевидно!...

Кажется съ достаточною ясностію опредѣлили мы генеалогію нашего нигилизма или реализма красного, доказавъ что бѣлый реализмъ, въ формѣ утилитарности, у насъ существовалъ давно. Но знаемъ что нашею генеалогіей не всѣ будутъ довольны; ибо существуетъ мнѣніе (высказываемое не одними реалистами) что нигилисты прямые потомки западниковъ, что *нашъ* реализмъ западнаго происхожденія, и корень этой болѣзни надобно искать въ нашемъ рабскомъ подражаніи западной Европѣ... Но это мнѣніе крайне одностороннее: въ

несть слышится, волевыхъ, голосъ запоздалой автилатіи къ западникамъ, давно сошедшимъ со сцены и частію почти вымершимъ; вовторыхъ, вѣдь западники были люди зрѣлые, солидно образованные и прежде всего заботились (хотя можетъ и ошибочно) о нашей культурной зрѣлости, нигилизмъ же — гниль, культурное разложеніе. Что касается внѣшняго сходства бѣлаго реализма съ нашимъ западничествомъ, то такое же сходство можно отыскать въ отношеніяхъ чистыхъ нигилистовъ и нѣкоторыхъ славянофиловъ къ западной Европѣ. Такія внѣшнія сходства ровно ничего не доказываютъ! Точно также будетъ несправедливо и одно-сторонне мнѣніе выводящее нигилизмъ изъ одного какого-нибудь сословія, или изъ сословныхъ учебныхъ заведеній, налримѣръ изъ семинарій. Несмотря на свидѣтельство Писарева, въ этомъ отношеніи авторитета весьма крупнаго, что „въ нашихъ духовныхъ училищахъ сформировались самыя круныя и яркіе представители отрицательнаго направленія, которое и до сихъ поръ (1865) воспринимается съ особенною жадностію (sic) воспитанниками этихъ же самыхъ училищъ“ *, мнѣніе это все же одно-сторонне; ибо Писаревъ говоритъ только о самыхъ круныхъ и яркихъ представителяхъ нигилизма и о предрасположеніи къ нему, а не объ источникахъ онаго. Сословнымъ предрасположеніямъ мы не придаемъ никакой важности, такъ какъ реализмъ распространился по всѣмъ образованнымъ сословіямъ и проникнулъ повсюду. Петербургъ сталъ его столицей, главнымъ центромъ: здѣсь къ первой половинѣ 60хъ годовъ почти вся періодическая печать была уже реализована.

XII.

Реализмъ!... Странная судьба у насъ этого слова! Повидимому что могло быть естественнѣе какъ, по упраздненіи крѣпостнаго права, заговорить о реальномъ отношеніи къ окружающей насъ жизни, въ смыслѣ трезвости и въ противоположность мечтательности! Что могло быть разумнѣе и, казалось бы, освѣжительнонѣе, по уничтоженіи обязательнаго труда, послѣ легкой, чуть не даровой жизни, какъ не

* Ц. Ш, стр. 55.

энергическія рѣчи въ пользу упорнаго личнаго труда необходимаго для всѣхъ и каждаго, для мужчинъ и женщинъ!.. Старая жизнь осуждена на смерть; задачи новой обозначены ярко; дышалось новымъ, свободнымъ воздухомъ... Естественно было отрицаніе умирающей жизни, даже издѣвательство надъ нею и споспосованіе къ ея вымиранію; но эти инстинкты, казалось бы, не должны были мѣшать творчеству новой, положительной жизни, новыхъ свѣжихъ идеаловъ, не должны были бы убивать „духа“, клонить его долу!.. И вотъ начались рѣчи, начались и дѣла... Что же мы увидали и что же вышло въ *слово* и въ *дѣло*, въ *литературу* и *жизни*? О литературѣ мы говорили; теперь взглянемъ на жизнь.

Еще съ конца 50хъ годовъ, когда крестьянскій вопросъ въ принципѣ былъ уже рѣшенъ, начинается переселеніе въ города дворянства, сначала мелкаго, потомъ средняго.

Эта эмиграція изъ селъ съ каждымъ годомъ увеличивается и до сихъ поръ еще не прекращается. Ближайшимъ послѣдствіемъ крестьянской реформы (а отчасти и этой эмиграціи) было обѣднѣніе средняго, преимущественно же мелкопомѣстнаго дворянства, въ большинствѣ разорившагося. Далѣе, еще до закрытія старыхъ судовъ, при переимѣнахъ по всѣмъ вѣдомствамъ, когда имѣлось въ виду улучшеніе положенія служащихъ назначеніемъ высшихъ окладовъ, одновременно послѣдовало упраздненіе множества мѣстъ, изъ которыхъ нѣкоторыя (напримѣръ канцелярскія) хотя и были оставлены но безъ прежнихъ правъ и привилегій государственной службы. Словомъ, эта послѣдняя перестала давать даже недочувшимся юношамъ то обезпеченіе какое она давала прежде: прежде, какъ извѣстно, правительству почти требовало чтобы всѣ молодые потомственные и личные дворяне служили; другими словами, прежде само государство предлагало хлѣбъ; теперь, при упраздненіи этого требованія, естественно надобно было уже самимъ заботиться о себѣ. Итакъ наши города, подъ вліяніемъ новыхъ реформъ, значительно увеличились населеніемъ, именно приливомъ интеллигентнаго класса, который, въ соединеніи съ такимъ же классомъ городскимъ, сталъ въ положеніе еще менѣе производительное чѣмъ то въ которомъ находилось прежде въ деревняхъ мелкопомѣстное дворянство. Положеніе его ухудшалось съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ усиливавшейся дороговизны и возрастанія молодаго поколѣнія, которое и воспитать и устроить стало во сто разъ

трудѣе. Для этого класса людей вопросы: „Что дѣлать?“ и „какъ быть?“ были совсѣмъ не праздными. Для этого класса такіа разсужденія, напримѣръ: „Нѣтъ, нельзя жить какъ прежде! Пора перестать быть баричами; надобно трудиться всѣмъ,—мущинамъ и женщинамъ; надобно всѣмъ учиться, но учиться тому что полезно, что даетъ хлѣбъ, а не отучать отъ дѣла и т. п.“—имѣютъ свой глубокой и реальный смыслъ. Эти разсужденія идутъ въ оборотъ, входятъ въ жизнь, у всѣхъ на умъ... Повелись умныя рѣчи о *трудѣ* и о *дѣлѣ*; раздались ядовитыя насмѣшки надъ барскимъ бездѣльемъ и надъ крѣпостнымъ паразитствомъ; посылались жалобы на то что „радъ бы учиться да негдѣ“. Правительство послѣшило пойти на встрѣчу общества со своею помощью—открытіемъ множества всякаго рода учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, классическихъ и реальныхъ. Какіе же получались результаты? Увы! получались слова и фразы, а не трезвое отношеніе къ дѣйствительнымъ нуждамъ и запросамъ жизни. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ неоспоримо должны были получиться благіе результаты, но никакъ не въ общемъ. Въ общемъ стрѣлъ жизни разговоры о *трудѣ* и о *дѣлѣ* обратились въ модную болтовню. Отечественная лѣнь и бездѣлье не только не уничтожились, но увеличались въ громадныхъ размѣрахъ. Особенно несчастливо было бездѣлью, которое, принявъ новыя формы, проникло всюду, даже въ школу. Съ нимъ соединился самый грубый материализмъ, а отъ такого супружества явилась роскошь, жизнь не по средствамъ въ такихъ размѣрахъ какіе были немислимы при крѣпостномъ правѣ въ средѣ мелкопомѣстнаго дворянства и средняго чиновничества. Итакъ, новая пореформенная жизнь дала результаты отрицательныя; достаточно указать на такіе: а) Основы семейной жизни крѣпко распались; б) въ конецъ распаталось домоводство,—статья столь важная въ жизни людей трудящихся классовъ и вездѣ составляющая прямую обязанность женщины; в) женское руководѣе, которому официально обучаютъ въ казенныхъ школахъ, окончательно погибло въ домашнемъ быту, что потребовало громадныхъ расходовъ; д) реализмъ учащагося молодаго поколѣнія, вмѣсто кропотливаго упорнаго труда и такого же приложенія его на мѣстѣ, подъ рукой, обратился въ эмиграцію загоняющую молодое поколѣніе обѣихъ половъ въ столицы, преимущественно въ Петербургъ, въ ряды нищенствующей

молодежи требующей *алта и эрмлицы*; е) барство видимое, вѣдшее, уничтожилось, установился несомнѣнно болѣе грубый бытъ и еще грубѣйшіе инстинкты, но барство внутреннее совсѣмъ не уничтожилось: не уменьшилось, а удесятерилось желаніе жить лучше, роскошнѣе, не по средствамъ, жить безъ труда или на чужой (напримѣръ на казенный или общественный) счетъ; удесятерилась лѣнь, только не въ прежней грубой формѣ, а прикрываемая фразами о трудѣ и о реальномъ направленіи „нашего времени“. О направленіи этомъ толкуется много, но сдѣлано ли хотя что-нибудь для *серіознаго* удовлетворенія капитальной потребности въ техническихъ и ремесленныхъ знаніяхъ? Нѣтъ, подъ техническое образованіе подкапываются точно также какъ подъ научное. Требуется чтобы не было ни того, ни другаго. Это называется реальная общеобразовательная школа. Падаютъ всѣ производства (а нѣкоторыя и совсѣмъ пали) не только заводскія и техническія, но даже ремесленные: „Хоть вылисывай Нѣмецъ или Евреевъ“, плачутъ техники и мастера. При указаніи на этотъ фактъ, конечно, заводятъ рѣчи о безграмотности и о нетрезвости низшаго городского населенія; но что же показываютъ эти оговорки какъ не отвращеніе нашихъ недостаточныхъ, но образованныхъ классовъ къ техническому и ремесленному производствамъ? Иностранецъ, Французъ, Нѣмецъ, даже Полякъ, получивъ общее образованіе, *можетъ* сидѣть въ лавкѣ, быть техникомъ, ремесленникомъ, и мы находимъ что это очень хорошо. Но русскій человекъ, окончивъ курсъ въ реальномъ училищѣ, и русская дѣвица, побывавъ въ женской гимназіи, *не могутъ*: имъ подавай свободныя профессіи, разные курсы, университеты! Какъ на исключеніе можно указать на громадное число модныхъ женскихъ заведеній, модистокъ и бѣлошвеекъ. Увеличеніе числа этихъ заведеній, дѣйствительно, вызвано жизнію—уничтоженіемъ домашняго рукодѣлья и потребностію въ первой аренѣ для „свободнаго женскаго труда“; но не ищите въ такихъ заведеніяхъ и между такими лицами ни знанія дѣла, ни охоты (а часто и способности) изучить его. Если подвести итогъ всему сказанному здѣсь объ образованномъ классѣ живущемъ въ нашихъ городахъ, то получимъ такую картину. Большинство лицъ этого класса составляетъ положительный пролетаріатъ кое-какъ перебивающійся. Весь классъ постепенно бѣднѣетъ, разоряется и, за ничтожными исключеніями,

ровно ничего не дѣлаетъ; толкуя о „трудѣ“, самъ онъ утруждаетъ себя только чтеніемъ журналовъ и газетъ. Даровое и всадѣ сподручное образованіе облегчило родителей отъ многихъ заботъ и тратъ, но оно же ихъ и деморализовало: воспитаніе дѣтей брошено и вложено на открытую школу (не имѣющую къ тому средствъ) и на улицу; сами безлечные или лѣнивые родители предаются реальнымъ мечтамъ о будущемъ. Дѣти, молодое поколѣніе, предназначаются къ осуществленію этихъ мечтаній, этого золотого вѣка всякаго рода матеріальныхъ благъ. Путь ведущій къ приобрѣтенію этихъ благъ долженъ быть самый легкій. Все трудовое, мозольное, сѣрое—не для насъ, а для другихъ, которые пусть и возьматся себѣ въ пыли и грязи всякихъ техническихъ и ремесленныхъ производствъ.

ХІІІ.

Наша реализованная жизнь въ эпоху реформъ несомнѣнно нуждалась въ руководствѣ; такимъ руководителемъ, такимъ другомъ ея явился реализмъ въ своемъ двучлостіи; но этотъ другъ оказался хуже всякаго врага, какъ другъ льстецъ, предатель. Намъ скажутъ: „Да друзей и спасителей общества авалось и продолжаетъ появляться не мало. Есть цѣлый отдѣлъ литературы враждебный реальному направленію; чего же смотрѣли господа къ нему причисляющіеся! Почему же они не спасли общества отъ нигилизма?“ Потому (отвѣчаемъ) что реальное направленіе стало преобладающимъ, торжествующимъ; что же касается литературы нереальной, то не будь ея, пришлось бы тогда вести рѣчь не о *посражденіи нравовъ*, а о торжествѣ безнравственности, объ общественной гибели...

Торжество реализма!.. Сколько страданій, горя и слезъ принесъ нашъ реализмъ, даже еднучлостный, бѣлый, русскому обществу, даже тому которое было настроено самымъ реальнѣйшимъ образомъ! Сколько страданій и слезъ невидимыхъ, невысказанныхъ!.. Достаточно указать на семью и школу, чтобы придти въ ужасъ тому кто не знакомъ съ нашею русскою жизнью; русскимъ отцамъ и матерямъ ничего не оставалось какъ страдать и проливать слезы или завидовать бевѣднымъ родителямъ. К. С. Аксаковъ, говоря о послѣднихъ годахъ Николаевскаго времени, замѣчаетъ въ немъ

„всеобщее развращеніе или ослабленіе нравственныхъ началъ въ обществѣ (дошедшее) до огромныхъ размѣровъ“; но онъ имѣлъ въ виду нравственныя начала въ жизни общественной, государственной, но не личной, не семейной: семья тогда стояла еще крѣпко, и нигилистическая нравственность еще не практиковалась. Не то мы видимъ въ концѣ 70хъ годовъ! Здѣсь уже рѣчь должно вести не о *поврежденіи*, а о *гниеніи* нравовъ, о глубочайшемъ общественномъ растлѣніи, существованіе котораго оправдывается живыми фактами, а не вытекаетъ изъ представленій какого-либо желчнаго моралиста! И все это совершалось въ самое либеральное царствованіе. И что же мудренаго когда „свободу“ и „освобожденіе“ отождествили со „своеволіемъ“, личное „достоинство“ — съ дерзкимъ „вызовомъ“, сознаніе своихъ „правъ“ — съ „меловиновеніемъ“; когда „долгъ“ и „обязанность“ выбросили изъ словаря; когда разнузданная личность, знающая только свои „права“ и требующая все новыхъ, но „права другихъ“ не признающая, стала идеаломъ молодаго поколѣнія въ семьѣ, въ школѣ, въ жизни!... Явился дѣтскій деспотизмъ вмѣсто родительскаго. Явился ученичeskій деспотизмъ въ разныхъ видахъ, мало извѣстный публикѣ и тщательно скрываемаый оторогѣвшими или трусливыми педагогами, за которыми и безъ того неотступно гонялась реальная и педагогическая журналистика. Явился деспотизмъ студенчeskій по поводу экзаменовъ, стипендій, изъ-за желанія жить на чужой счетъ, да не одному, а иногда и со студентшами и съ потомствомъ, — деспотизмъ олять-таки тщательно скрываемаый по человѣческой слабости, страха ради, частію за личное спокойствіе, иногда за популярность, а наиболѣе предъ тою же псевдолиберальною печатью. Глубокое паденіе нашихъ университетовъ у всѣхъ предъ глазами и въ подтвержденіе не нуждается въ фактахъ. Слышимъ толки о необходимости „сходокъ“, „кассы“ и „кухмистерскихъ“; но почему же еще не „булочныхъ“, не „шваленъ“ для приготовленія платья и обуви, не „прачечныхъ“, столь же какъ и кухмистерскія необходимыя? Но ничего не слышала ни о противодѣйствіи шалопутству, бездѣлю, вымогательному попрошайничеству; не слышала рѣчей о поднятіи достоинства университетскихъ студентовъ, которые должны быть во всѣхъ отношеніяхъ выше всякой иной учащейся молодежи, какъ это было прежде у насъ и какъ это вездѣ существуетъ; не знаемъ ничего о

противодѣйствию сближенію русскаго студента съ простымъ ремесленникомъ, его юношескимъ демократическимъ увлеченіемъ, какъ не знаемъ и того: дѣлалось ли что-либо и кѣмъ противъ появленія въ нашей студенческой средѣ русскихъ софтовъ? А такихъ, къ великому нашему прискорбію, въ послѣдніе годы появилось не мало!...

Практическіе *дѣятели* реализма, подготовляемые и чаемые апостолами нигилизма, пошедшіе въ „народъ“ сначала просто, а потомъ съ ядомъ и съ револьверами,—убійцы, неумолимо преслѣдовавшіе и безпощадно истреблявшіе намѣченныхъ ими жертвы,—злодѣи, умертвившіе Русскаго Государя и покушавшіеся взорвать на воздухъ десятки тысячъ людей ни въ чемъ виновныхъ даже предъ нами,—всѣ эти „воры“ вышли изъ нашихъ учебныхъ заведеній, среднихъ и высшихъ, принадлежали къ нашей учащейся молодежи!...

Есть о чемъ задуматься, есть о чемъ горевать!...

Но не одна семья и школа нигилизованы... А судъ, это зеркало общественной нравственности?... А рѣчи нѣкоторыхъ либеральныхъ адвокатовъ?... А нѣкоторые приговоры присяжныхъ?... А оправданіе Вѣры Засуличъ и восторгъ возбужденный этимъ оправданіемъ чуть не во всемъ Петербургѣ?!

Долго придавляемая и почти подавленная личность русскаго образованнаго человѣка при покойномъ Государѣ получаетъ наконецъ человѣческія права, выводится на просторъ, на свѣжій воздухъ... Почему же эта личность не успокоивается, а будоражится? Почему не работаетъ мирно на своей нивѣ, а лѣзетъ на задоръ, обнаруживаетъ одни разрушительные инстинкты?... Потому что она душевно болѣетъ. Опредѣленію этой болѣзни посвящена наша статья.

Покойный Достоевскій въ рѣчи своей, сказанной при торжествѣ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, назвалъ „Алеко“, „Онѣгина“ и вообще литературные типы „лишнихъ людей“ „скитальцами“. Къ этимъ „скитальцамъ“ онъ причислялъ и нашихъ социалистовъ *, не назвавъ ихъ впрочемъ

* „Эти русскіе бездомные скитальцы продолжаютъ и до сихъ поръ свое скитальчество... И если они не ходятъ уже въ наше время въ цыганскіе таборы искать у Цыганъ... своихъ мировыхъ идеаловъ и успокоенія на лонѣ природы отъ сбивчивой и неаппетитной жизни нашего русскаго интеллигентнаго общества, то все равно ударятся въ социализмъ... ходятъ съ новою вѣрой на другую ниву и работаютъ на ней ревностно, вѣруя... что достигнуть... цѣлей своихъ и счастья не только для себя самого, но и всемірнаго“ (См. *Дневникъ Писателя* на 1880 Августа, стр. 9.)

настоящимъ ихъ именовемъ,—причисленіе необыкновенно лестное, но совершенно несправедливое. Не сочувствуя „скитальцамъ“, Достоевскій видитъ въ нихъ однакоже романтической характеръ, какую-то мировую скорбь, какое-то стремленіе ошастливитъ весь міръ. Здѣсь не мѣсто спорить о томъ, таковы ли были наши „лишніе люди“? Но наши „соціалисты-революціонеры“, наши „реалисты“ и „нигилисты“ таковыми не были и быть не могутъ; ибо не только „нигилизмъ“, но даже „реализмъ“ (въ его чистомъ и бѣломъ видѣ) и „романтизмъ“—понятія совершенно противоположныя и другъ друга исключаютъ. Какъ бы ни спавна была антипатія къ „лишнимъ людямъ“, къ „западникамъ“ (выше мы сказали что и „славянофилы“ въ „придавляющую“ эпоху были также „лишними людьми“), нельзя однакоже и едва ли кто станетъ утверждать чтобъ эти люди спеціально занимались вытраиваніемъ въ себѣ всего человѣческаго, пропагандой бестіаціи. Такимъ образомъ нашъ знаменитый писатель, безсознательно польстивъ нигилизму, впадаетъ въ большую ошибку въ вопросъ о его происхожденіи. Если еще можно назвать „скитальцами“ нѣкоторыхъ „ходившихъ въ народъ“ (конечно еще незрѣлыхъ, еще не вполне испорченныхъ юношей) безъ оружія; то уже никакъ не героевъ кинжала, яда и динамита.

Мы сдѣлали діагнозу болѣзни. Нужно ея врачеваніе; но *что* и *какъ*?... Если правильно сдѣлана діагноза, то способы лѣченія отыщутся сами собою. Распространяться о способахъ излѣченія нашего общества отъ такой язвы какъ нигилизмъ здѣсь не мѣсто и совсѣмъ не входило въ планъ нашей задачи; однакоже намѣтимъ нѣкоторые вопросы, развитіе и разрѣшеніе которыхъ, по нашему мнѣнію, представляютъ единственныя средства для нашего исцѣленія ото всякихъ духовныхъ и душевныхъ болѣзней. Вотъ эти вопросы:

а) *Вопросъ церковный*, т.-е. о церкви и духовенствѣ, о постановкѣ ихъ въ нормальное положеніе, съ устраненіемъ всякой казенщины и формализма, съ облегченіемъ для нихъ полной возможности вліять (конечно духовно) въ нашей семейной и общественной средѣ.

б) *Вопросъ образовательный*, самый жгучій и тѣмъ не менѣе самый неотложный изъ вопросовъ. По этой части у насъ все еще въ хаосѣ и почти все (за исключеніемъ гимназій)

находится въ положеніи благопріятствовавшемъ распространенію реализма и „мыслящаго пролетаріата“. Крайне необходима реформа университетовъ и еще многое, а главное — общность типа *стѣлъ* среднихъ учебныхъ заведеній; нужна *смѣлость*: смѣлость сказать что можетъ сдѣлать государство и чего не можетъ, что ему не нужно и что должно дѣлать само общество на свой страхъ и на свою отвѣтственность (отъ недоумѣнія въ этомъ смыслѣ происходитъ смутное положеніе нашихъ реальныхъ училищъ); смѣлость въ постановкѣ образовательнаго вопроса въ тѣсной связи его съ экономическимъ, откуда должно вослѣдовать опредѣленіе полезности и ненадобности учебныхъ заведеній въ томъ или другомъ мѣстѣ; смѣлость не обращать вниманія на крики и воли реально-прогрессивской печати. Пора оставить въ этомъ дѣлѣ какую-то отыдающую робость!

с) *Вопросъ административный*, т.-е. о государственномъ управленіи общемъ и провинціальномъ, — необходимость осмотра, дополненія, исправленія и т. п. въ реформахъ прошлаго царствованія. Но на этотъ путь уже вступило правительство вышѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

М. ДЕ-ПУЛЕ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ

ІЕРОСХИМОНАХА КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ

ОТЦА АНТОНІЯ *

Отправляюсь въ обратный путь! Хотя и жаль мнѣ было брата Спиридона, но съ другой стороны я оцутительно избавился отъ его непрерывной болтовни, иду одинъ съ Богомъ, чего я наиболѣе желалъ. Начиваю путешествовать тою же знакомою дорогою, тѣми же лѣсами да перелѣсками въ сѣдствѣ съ пустынною Онегой; ея живописныя извилины вѣрзываются въ дѣвственныя лѣса и, несмотря на то что уже сѣверный сентябрь наступилъ, роскошная растительность указываетъ ея ложе, покрывая яркою зеленью окраины береговъ и образуя прелестныя ландшафты, говорящія душѣ о величіи Создателя. Предъ взоромъ вашимъ какъ бѣлоснѣжная серебристая скатерть. Это Онега несущая свои воды въ даръ великому сѣверному вмѣстилищу, Океану. Она беретъ истокъ изъ двухъ озеръ и впадаетъ въ Бѣлое Море, имѣющее общевіе съ Океаномъ. Берега ея, населенные при истокѣ, лустыняны въ Архангельской губерніи, но красивы всегда днемъ, когда они освѣщены солнечными лучами: предъ вами рисуется волнистое море изумрудовъ, утромъ морозная игла покрываетъ сѣдиной лустыстыя головы какъ-будто раскланивающіяся другъ противъ друга.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 5 и 6.

Ночью все слышатся заунывные концерты лѣсныхъ жителей. На разные голоса, съ переливами и стойками, не рѣдко одозвучный ревъ медвѣда съ визгомъ кабана; вѣроятно у нихъ происходитъ своего рода расправа. Иду одинъ также деревьями и вочлегами, какъ будто повторяю мои уроки, которые постоянно выясняются. Раждаются новыя думы, потомъ смѣняются другими, но мнѣ нужно помнить что надо поразмѣривать шаги свои съ моими силами, и потому, когда дни стали короче, я уходилъ 25 верстъ до свѣта, а еще 25 верстъ въ продолженіе дня. Ночью же путешествовать, особенно при хорошей погодѣ, или ночевать лодь шалкой, всегда было мое лакомое пристрастіе. И тогда еще, какъ я ласъ овецъ въ лодѣ, или караулилъ сады, когда они цвѣтутъ и созрѣваютъ, а въ поляхъ воуваются хлѣба и стрекочеть кузнечекъ, кракаетъ коростель, перекликаются перелела, какъ сторожа подающие свои сигналы другъ другу! Иду или лежу, восхищаюсь и учусь! Развѣ это не наука? Вотъ гвардія птицъ, то-есть журавли и дрозды отираются за границу проживать свое состояніе, которое они собрали съ нашихъ полей въ своемъ тѣлѣ, туда же утка и перелелка вслѣдъ за гвардіей. Въ такомъ порядкѣ избирается по указанію передоваго благонадежный вочаегъ, при видѣ опасности часовой подаетъ сигналъ, а при второмъ они всѣ уже поднялись. О, ночь, ночь—твореніе божественной всемогущей руки! Судьба сиротства помогла мнѣ изучить тебя! Благодаря ей, вмѣсто родительскихъ ласкъ и роднаго дома—ты моя воспитательница подъ открытымъ небомъ, а иногда на роскошномъ ложѣ грязи и воды! Подъ необозримымъ звѣзднымъ одѣяломъ или проливнымъ дождемъ, случалось изучать тебя и въ трескучіе морозы; вспоминаю мое воспитаніе и тебя, мое училище, ночь, какъ задушевнаго друга и собесѣдницу души моей! Просвѣтительница моего невѣжества, ты помогла обуздать мои чувственныя наклонности. Объемлю тебя и лобызаю, какъ единственнаго друга, вѣрнаго до сѣдыхъ волосъ моихъ, во всю жизнь мою, вездѣ, и въ мірѣ, и въ особенности въ моей кельѣ! Почитаю моимъ священнымъ долгомъ изложить твои безчисленныя благодѣянія для грѣшной души моей уже дрожащею рукой на 73мъ году своего возраста; а какаѣ цѣль сего изложенія? Любомудренный найдетъ для себя ея сокровенную тайну.

Въ расположеніи времени моего одиночнаго путешествія есть

практическій расчетъ сѣдующаго рода: если можетъ быть какая-либо неприятная встрѣча, то она днемъ оласѣе, а ночью я неуловимъ: козекій топотъ, скриль, стукотня повозки, кашель или разговоръ двухъ, трехъ человекъ я слышу за нѣсколько сажень. Собака ночью для человекъ не дерзка, только надо знать какъ ускользнуть отъ ея преслѣдованія. Надобно предварительно лечь лицомъ внизъ, тогда подойдетъ и не давши побѣжить прочь. Я испыталъ это съ равнихъ дней моего сиротства. А отъ звѣря и днемъ не уйдешь, если Богъ поуститъ, но вѣруемъ что Ангелъ-Хранитель намъ солутствуетъ; противъ же обстоятельствъ будь самъ предупредителенъ. Напримѣръ вотъ случай для опыта: еще до выхода на большую Архангельскую дорогу, есть небольшой притокъ въ Онегу, черезъ который мнѣ необходимо переправиться въ лодкѣ. Когда шелъ туда, меня переправляла женщина, но теперь пришлось придти къ этому мѣсту часа за два до разсвѣта; сколько я ни кричалъ „перевощикъ“—напрасно. Идти назадъ, жалъ труда, лечь и дожидаться когда придетъ перевощикъ,—знаю что морозное утро можетъ быть вредно для здоровья. Лодка же была на моей сторонѣ; началъ я искать весла, нашель и весло; но вотъ бѣда—не умѣю править лодкой! Сѣлъ въ лодку, отчалиль, и потянуло по теченію! Я начинаю грестъ, дѣло идетъ неудачно—лодка при неправильномъ управленіи поворачивается туда и сюда; я болѣе усиливаюсь, а безпорядокъ еще болѣе перевѣсъ беретъ; между тѣмъ лодку безостановочно тянетъ по теченію въ Онегу; меня поразилъ страхъ моего самовадѣванія: я зналъ что въ лѣсу найти мнѣ дорогу трудно, если лоладу въ Онегу, тѣмъ болѣе что не умѣя справиться съ теченіемъ притока, какъ справлюсь я съ Онегой, и ея пустынное теченіе должно быть для меня холодною и голодною смертью! Направляю всѣ силы мои на весло, стараюсь принаровиться, лонять какъ управить лодкой. Смотрю, потянуло лодку въ мою пользу, вотъ и толкнулся о берегъ, схватился за лозьякъ, выскочилъ и, ухватившись за веревку которою была привязана лодка, потащилъ ее назадъ и привязалъ накрѣпко.

Вышедши на Питерскую дорогу, вижу тутъ уже не то что пустынная Онега: здѣсь то обозы, то почта; въ ночное время раздается колокольчикъ, локрикиванье ямщика. Переправился въ послѣдній разъ черезъ Онегу на ларомѣ. Не доходя до Карголола верстъ двадцать, я намѣревался зайти въ

святую обитель преподобнаго Александра Онежскаго; для сего слѣдовало оставить склонъ Беломорскаго бассейна. Вправѣ таятся безпрерывная града лѣсовъ, черезъ которые прочищена и устлана мелкими бревнами дорога тѣщицею архимандрита святой обители.

Взошедши въ обитель, не видѣлъ нигдѣ ни души. Смотрю, человѣкъ пошелъ звонить къ вечернѣ. Человѣка два, три собрались въ церкви; бѣдность церкви и монастыря бросается въ глаза. На правомъ клиросѣ лѣвецъ, онъ же и чтецъ, съ волосами расплетенными на двѣ косы, приличной наружности, лѣтъ за тридцать. На лѣвомъ—слѣпецъ, онъ же лѣвецъ и прочитаетъ можетъ наизусть акаѳистъ и Апостоль; онъ странствующій и остался здѣсь зимовать; голосъ у него теноръ и владѣть онъ имъ какъ инструментомъ, правильно, съ полнымъ знаніемъ партеснаго размѣра. Лишившись въ малолѣтствѣ зрѣнія, онъ вознагражденъ дарованіемъ которое насъ удивляетъ. *Господь умудряетъ слѣпца!* По указанію здѣшней малочисленной братіи, я приложился къ образу преподобнаго Александра лежащему на мѣстѣ его погребенія, онъ же и основатель сей обители въ послѣдней половинѣ XV столѣтія; во и тогда обитель сія была не многолюдна. Настоящая миролюбивая братія окружила меня привѣтствіями, пригласила меня въ трапезу къ ужину. Затѣмъ совѣщались у кого мнѣ изъ нихъ ночевать; рѣшили къ послушнику нраваго клироса и отправились къ нему въ келью. Идя на ночь, я кое-что у него спрашивалъ о положеніи сей обители, онъ мнѣ все охотно разказалъ. Обитель небольшая; имѣетъ одну каменную церковь, которая зимою отапливается, ограждена деревяннымъ заборомъ, въ немъ святыя ворота и съ башнями. Въ отдаленности отъ братскихъ келій выстроены красиво домики съ зеленою крышею, — это настоятельская келья. Въ кельѣ послушника ни стула, ни столика, ни скамейки, ни образа; только въ углу какая-то законченная икона, да для сидѣнія деревянный отрубокъ. „Вотъ моя келья, кажется телла“, сказалъ послушникъ, самъ взялъ веревку. Черезъ нѣскольکو минутъ возвращается съ вязанкой соломы и устроилъ мнѣ на полу постель.

— Ну, вотъ тебѣ, вочуй съ Богомъ.

— А ты гдѣ же ляжешь?

— Я, да я уйду на село!

Село по обѣ стороны оврага раскинуто версты на двѣ. Я, удивленный такому откровенному выраженію, возражаю:

— Какъ на село?

— Да просто,—подвѣлся да и пошелъ!

— А если начальникъ встрѣтитъ?

— А на что я ему. Въ церковь онъ не ходитъ, да его и самого-то дома нѣтъ. Изрѣдка онъ по праздникамъ служить, а что ему до насъ, мы каждый знаемъ свое дѣло, гдѣ бы я ни ночевалъ, а къ утру приду въ свое время, да еще всѣхъ спящими застаю.

И дѣйствительно онъ возвратился аккуратно, даже къ утру прозвонилъ. Правила утрею безъ *опущенія*. Свѣлецъ разливался какъ кларнетъ, особенно ирмосы. Послѣ утреди сейчасъ же обѣда. Я уже хотѣлъ отпраляться, но они устроили для меня завтракъ,—горачій картофель, и въ это короткое время наговорили мнѣ такихъ новостей, съ которыми въ послѣдствіи сталкивался до изнеможенія души; а особенно этотъ лѣвецъ: жилъ во многихъ монастыряхъ и всю грязь оныхъ влилъ въ мой слухъ. Тогда какъ душа моя пламенно стремилась уклониться отъ подобныхъ встрѣчъ, я невольно вынесъ изъ обители ихъ тяжелое впечатлѣніе. Къ тому же угрызало совѣсть мою предварительное событіе: когда я еще шелъ въ Соловки, ночевалъ у добраго жителя деревни, семейство котораго состояло изъ жены и дочери; я ими былъ такъ принятъ какъ самый близкій родной. Они обязали меня чтобъ я на возвратномъ пути непременно остался ночевать у нихъ. Версть пять не доходя до этого мѣста справляется обывателями Питерская дорога, въ числѣ рабочихъ былъ и этотъ добрый человекъ. Увидавъ меня онъ обычно привѣтствовалъ и убѣдительно просилъ чтобъ я ночевалъ въ его домѣ, а самому ему отлучиться отъ работы невозможно. Когда я пришелъ въ ихъ домъ, жена и дочь приняла меня особенно ласково. Послѣ ужина я всегда прочитывалъ акаѣистъ, каѣизмы и молитвы. Со мною былъ молитвословъ и восковыя свѣчи. Я началъ по обычаю молиться, оглянувшись, и онъ стоялъ на колѣняхъ въ молитвенномъ расположеніи, я продолжаю и чувствую что къ моей молитвѣ примѣшивается тьма нечистаго воображенія. Далѣе я уже не могъ продолжать свое моленіе, а лишь только перелистывалъ: умъ мой былъ въ лѣтву. Я, несмотря на ночное время, готовъ былъ бѣжать изъ дому, но такую странную выходкой боялся

оскорбить возвышенное качество Авраамовскаго страннопріимства. Онъ усѣлся около меня съ благочестивыми разспросами, а учтиво соотвѣтственно ихъ вопросамъ отвѣчалъ. Онъ озбочиваются какъ бы успокоить меня на ночь; красивая дѣвушка изготавляетъ мнѣ постель на лавкѣ, я же притворяюсь дремлющимъ, думая что онъ уйдуть и не смѣю подвѣять глазъ моихъ, но тревога души не даетъ покоя, борьба и совѣсть терзають меня; опытъ этотъ обнаружилъ безсиліе во мнѣ котораго я не сознавалъ. Конечно, я скорѣе рѣшила бы умертвить себя чѣмъ позволить себѣ что-либо. За два часа до разсвѣта я поднялся въ путь. Онъ проводили меня съ истинно христіанскимъ радушіемъ, но этотъ случай и незавидное состояніе святой обители испарили мою энергію. Я двигался по Питерской дорогѣ какъ истуканъ: прошло какихъ-нибудь всего три мѣсяца, а сколько я испыталъ! Предо мною только лишь начинаетъ развертываться подобная борьба. Тогда былъ 1833 годъ, а излагаю сіе въ 1880 году. *Се море великое и пространное, тамо гадъ, и мѣ же несть числа!*

Каргополь я прошелъ какъ больной, изнуренный, но все цѣли необходимо. Скоро дорога раздѣлилась: вправо пошла Питерская на Вытегру, которую я оставилъ, а влѣво на Кирилловъ, можно сказать пустынная, а потому и болѣе для меня любезная. Иду себѣ одинъ съ Богомъ. Мнѣ предстоитъ перелѣсокъ болѣе двадцати верстъ. Не доходя до лѣсу съ версту стоитъ деревушка гдѣ я долженъ ночевать ранѣе обыкновеннаго времени. Хорошая хозяйка, мать благочестиваго семейства, предоставила мнѣ хорошій ужинъ изъ грибовъ и молока, говорила со мною вдоволь, уложила меня спать: „Подитка, доброхоть, чай утомился, засни съ Богомъ!“ Порядочно отдохнувши, проснулся подъ говоръ большаго семейства, возвратившагося съ работы и перебирающаго свою лѣсную добычу. Слышу, старуха разказываетъ про меня и рекомендуетъ меня: „да набожный какой! Поди-ка хоца и наморщилса, а сколько молился-то!“ Это ихъ расположило ко мнѣ. Согласились такъ чтобъ утромъ станцію эту отвезть меня на своей повозкѣ. Наконецъ кончили переборку, поужинали и разошлись по своимъ кѣткамъ спать. Старуха начала въ потѣхахъ Богу молиться, поклоны класть, а я выспавшись порядочно отдохнулъ. Что же я буду перевертываться съ боку на бокъ:

разсудилъ лучше идти. Въ потьмахъ обудся, всталъ, прошу хозяйку отпустить меня. „Ахъ ты, доброхоть, куда ты? Ночью-то?“—Да для меня все равно.—„Ну нѣтъ, поди-ка, страшно! Вѣдь лѣсъ, да така глушь, и днемъ-то жутко!“ Но сколько она ни уговаривала меня, сколько ни представляла неудобствъ, а должна была отпустить. Я поблагодарилъ ее, и она радушно проводила меня. Отшедши отъ дома, по обыкновенію помолился Богу. Иду съ добрымъ духомъ, перешелъ поле. По мѣрѣ приближенія къ лѣсу все темнѣетъ и темнѣетъ, но мнѣ извѣстно подобное измѣненіе. Черезъ поле тамъ и самъ слышны концерты лѣсныхъ жителей, и это для меня не новость. Наконецъ вошелъ въ лѣсъ, дорога все же столбовая, иду какъ бы длинною лещерой, съ боковъ вѣковыя деревья, а подъ ногами какъ клавиши бревенчатая дорога. Эта длинная лещера какъ бы покрыта со всѣхъ сторонъ небосклономъ убраннѣмъ мнѣриадами звѣздъ, ярко блестящихъ по прихоти сѣверной ночи. Всмотриваюсь въ красоту роскошнаго небснаго убора надъ моею головою и встрѣчаюсь со знакомыми мнѣ звѣздами, которыхъ ходъ и путь заучилъ я будучи кашеваромъ, чрезъ которыя всѣ стелняки и моряки располагаютъ временемъ такъ же какъ и вельможи великоцѣнными часами. Этотъ клочекъ земли по которой я шагаю сколько представляетъ полезнаго для души, воспѣвающей безмолвно величіе Творца вселенной: *хвалите Его небеса и бездны и всякая тварь*, въ числѣ ея и я идущій подъ симъ роскошнымъ уборомъ надъ головою моею. И какое сравненіе той ночи моего искушенія и настоящей минуты! Иду себѣ спокойно, горю духомъ, любознательствую. Но всему есть мѣра: мои ноги валомиваютъ сдѣлать имъ свисхожденіе. Значить я уже отмѣрилъ версть десятокъ, а притомъ началъ и сонъ склонять. Я выбираю мѣсто гдѣ бы передохнуть; къ счастью увидалъ въ сторонѣ ометы сѣна. Осмотрѣлъ ихъ: мѣсто ровное, сухое, удобное къ моимъ услугамъ. Я постлалъ себѣ постель, улегся. Полуночная тишина ручается за мою безопасность, и я въ ту же минуту уснулъ преспокойно. Долго ли я спалъ, не знаю. Просылаюсь подъ страшный крикъ. Думаю, что такое? А между тѣмъ немощь трусости заняла свое мѣсто, волосы стали дыбомъ, потъ въ моментъ охватилъ съ головы до ногъ. Крикъ повторяется ближе и ближе, съ гоготаньемъ и аукаваньями. Но ментально вмѣсто внезапнаго страха разсудокъ мой взялъ

перевѣсь надъ испугомъ. Не подвигая головы съ мѣста, задаю себѣ вопросъ: что бы это такое? Я всегда только бо- лался заснуть тамъ гдѣ могла подползти змѣя къ сонному, но здѣсь, на сѣверѣ, въ такое время года и ихъ не бываетъ. Но при испугахъ первая мысль бываетъ демонъ. Думаю, ка- кое ему дѣло до меня, онъ искушаетъ людей святыхъ и великихъ, а я ничтоженъ и грѣшенъ. Недобрый человекъ? но что ему отъ меня пользы? у меня ничего нѣтъ. И ду- мать о семъ крайне неразумно. Что же бы это такое нако- лецъ? Причудливые крики съ гоготаньемъ, присвистываньемъ, повторяются—причудливая гармонія!

Ахъ! Пропада ты совсѣмъ! Надѣлали смѣшной тревоги! Это сова и филины перекликаются, по закону своей природы, на необозримомъ пространствѣ дремучаго удобства; среди мертвой тишины они пользуются удовольствіемъ своей не- подзависимости и безопасности. Теперь дѣло разъяснилось; спать уже не хочется; иду далѣе, пріятно мнѣ, легко на душѣ. Любуюсь своимъ положеніемъ, забылъ весь свой трудъ и все житейское. Что это такое? Заревъ на небѣ. Слышалъ я о сѣ- верномъ сіяніи, но это не оно, это все увеличивается съ юж- ной стороны, а не на сѣверѣ, это или пожаръ, или какія- либо работы въ лѣсу при пылающемъ кострѣ, а можетъ-быть восхожденіе луны. Что бы то ни было, но дѣло въ томъ что покровъ лѣсной лещеры, по которой я иду, измѣнился: одна сторона ея позолотилась и деревья приняли другой видъ. Каждый листикъ можно видѣть отдѣльно какъ бы плаваю- щими въ огненномъ воздухѣ, а изъ цѣлага представлялись какъ бы массивныя разцвѣтающія фіалки съ золотистыми стволами. Духовеніемъ вѣтерка приводило въ движеніе ихъ вершины и переливы изумрудныхъ волвъ искрились въ золо- тистомъ воздухѣ. Моему ли перу описать эту красоту! Я могъ только усладить мою душу видѣніемъ неуловимой красоты въ природѣ и сознавать отчасти Всемогущаго премудрость, недосызаемую дремлющимъ, или спящимъ, или невнимающимъ челоуѣчествомъ.

Постепенное уменьшеніе зарева привело небосклонъ въ прежній порядокъ, немощь напомнила мнѣ что я прошелъ достаточно чтобы и отдохнуть; я выбралъ мѣстечко уже по выходѣ изъ лѣса. Не снимая съ себя чемодана, я сѣлъ спи- ной ко лѣю срубленнаго дерева и погрузился въ тонкую дремоту; въ такомъ утомленномъ снѣ представилось мнѣ какъ

бы на яву: двигается ко мнѣ огромный удавъ и обогнулъ мѣсто моего отдыха нѣсколькими кольцами, и во свѣ же смотрю на сіе какъ на алокаллическое чудовище, безъ страха и смущенія. Чудовище сдѣлало около меня нѣсколько передвиженій своего гибкаго, броненоснаго тѣла и направило свою широкую пасть на мою голову и, какъ готовую добычу, ей осталось только стиснуть ее. Я смотрю въ пасть и хладнокровно разсуждаю, что бѣ это такое, убѣжденный что для природы такого чудовища пригоденъ не сѣверъ, но югъ. Что же это такое? Мудрость души отвѣчаетъ: „Это твой врагъ, необузданная природа, гордость, сомнѣніе, злоба, дурныя страсти не страшнѣе ли чудовища поглощаютъ внутренняго человѣка, затмевая въ немъ разумъ и возвышенную красоту человѣческаго достоинства! Нужна борьба съ самимъ собою, и при помощи Божіей чудовище безсильно надъ нами. Слабость же человѣческая такова что и крикъ совы и филина можетъ привести насъ въ трепеть. Но сила души и разума превозможетъ ее.“ При такомъ размысленіи я еще оглянулся, чудовище двинулось отъ меня прочь и шорохомъ своимъ разбудило меня. Я не вставая съ мѣста началъ ловѣрять мой сонъ и созналъ что чудовище было истинно сонъ, подобно которому во всю жизнь мою мнѣ не представлялось.

Вотъ уже заря и свѣтаетъ день. Въ полуверстѣ предо мною деревня, какъ бы погруженная въ дымъ утренней толпки печей. Встрѣчныя женщины идутъ на источникъ за водой. Съ удивленіемъ онѣ смотрятъ на человѣка выходящаго изъ лѣса такъ рано какъ привидѣніе. На отдыхѣ у нихъ я разказалъ мое ночное путешествіе по ихъ лѣсу; онѣ съ удивленіемъ слушали, пересказывали другъ другу и собралась въ избѣ толпа со своими толками да перетолками. „Подитка, одинъ парень-то — одинъ одивехонекъ, ночью, скрозь нашъ лѣсъ!“ Я немного отдохнувъ въ теплѣ оставилъ ихъ съ ихъ удивленіемъ, да и побоялся какъ бы меня сельскія власти не задержали какъ необыкновеннаго человѣка.

Къ слѣдующей ночи я пришелъ въ село, гдѣ былъ храмовой праздики. Село я прешель, а въ концѣ онаго отдѣльно „поповка“, или по мѣстному названію логостъ. Я попросился ночевать. Тамъ и самъ мнѣ учтиво отказывали стѣсненіемъ семейства и направили меня къ матушкѣ-лопадѣ, она вдова и живетъ съ дочерью. Дѣйствительно, она приняла меня безъ оговорки. Едва я расположился къ сну, слышу монотонное

растѣваніе нѣсколькими мужиками и женскими голосами какой-то незнакомой для меня лѣсни; къ лѣснямъ и а имѣлъ въ свое время пристрастіе, но уже года два какъ оставилъ ихъ. Вся эта лоющая толпа вошла въ избу, всѣ по праздничному—навеселѣ, пришли поздравить съ праздникомъ мать-поладью и красавицу дочку. Кто же это? Самое ближайшее родство съѣхавшееся на праздникъ съ другихъ погостовъ по кѣстному обычаю: дочери, зятя, племянники и проч. Зоварь, пономарь, священникъ, мальчуганъ-семинаристъ съ растрепанными волосами, всѣ въ равноправствѣ—перездоровались, всѣ торжественно навеселѣ усѣлись за столъ на скамейкахъ и лавкахъ. Одна пожилая женщина выступила къ хозяйкѣ съ прѣвѣтвенною рѣчью. „Мы къ тебѣ матушка пришли не пить, не ѣсть, а повеселиться и твою сиротку позабавить“ (ибо въ этой компаніи былъ ея женихъ кончившій курсъ). Хозяйка что-то буркнула въ отвѣтъ. Тогда всѣ какъ бы по сигналу начали лѣтъ одну за другою лѣсни все относящіяся до духовенства, его удачнаго и неудачнаго быта, ихъ зависимости и страха, были и о проказахъ. Потомъ начались разныя грубыя и смѣшныя загадки, смѣшныя отгадки, грубые анекдоты про училищный и семинарскій бытъ, про дѣлежку доходовъ; далѣе игры въ зерна, въ кости. Я лежу какъ въ котлѣ, въ духотѣ, не смѣю шевельнуться, чтобы не погрѣшатствовать ихъ свободному разгулу. Судить ихъ, дѣлать мои заключенія, не мнѣ мальчишкѣ, невѣждѣ. Я еще самого себя не знаю. Начивилъ отрывочнымъ чтеніемъ изъ опыта; узнай прежде какую цѣной онъ дается: давно ли было мое пораженіе слабостью! Человѣкъ по мѣрѣ его устройства готовъ на всякую добродѣтель и на всякій порокъ, смотря по наклонности къ предмету, и первый случай залутываетъ его на цѣлую жизнь; онъ лѣвничествомъ своимъ услаждается какъ счастіемъ. Напротивъ, внимательный къ себѣ и понижающій значеніе и возвышенное достоинство существа своего, свободный отъ увлеченія и порабощенія, онъ за цѣлость души своей, за чистоту совѣсти всегда готовъ на самоотверженіе какого бы рода оно ни было. Я боялся прошедшаго. Тотчасъ какъ всѣ разошлись съ такимъ же лѣвнѣемъ, какъ и пришли, и я лустился въ путь, болѣе утомленный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ чѣмъ отдохнувшій.

Мой путь былъ направленъ на городъ Кирилловскъ, названный въ честь прелодобнаго Кирилла. Тамъ до сего

времени существуетъ островъ обители бывшей знаменитою въ свое время. Я долженъ былъ проходить мимо упраздненной обители преподобнаго Ферапонта, который былъ сотрудникъ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго. Въ эту обитель былъ сосланъ патріархъ Никонъ; трудился какъ простолюдинъ и оставилъ памятникъ своего трудолюбія: среди озера онъ изъ камней устроилъ островокъ, на которомъ водрузилъ крестъ. Государь Феодоръ Алексѣевичъ пожелалъ возвратити Никона на патріаршій престолъ, и почетное путешествіе его направилось по рѣкѣ Шекснѣ и Волгѣ до Ярославля, но онъ уже былъ боленъ смертельно и жестоко страдалъ. Въ Ярославлѣ стругъ его былъ заведенъ въ рѣку Котрость, гдѣ онъ и скончался. Обитель же сія обращена въ приходскую церковь. Отсюда я отправился въ Кирилловскъ.

Утромъ отстоявъ обѣдню у раки преподобнаго и помолвившись усердно Господу о своемъ спасеніи, я пустился въ путь. Скудное впечатлѣніе произвела на меня сія святая обитель. Она когда-то была въ цвѣтущемъ состояніи, что видно по ея устройству. Она раскинута на ровномъ мѣстѣ, одною стороною къ озеру; каменная ограда, говорятъ, имѣетъ кругомъ до 500 сажень; наружная сторона ея крѣпостнаго стіла, а внутри ограда расположена нишами, которыя служили въ свое время кельями, а теперь завалены мусоромъ обрушившихся сводовъ, гдѣ поросли кустарники и деревья. Около церкви настоятельская и братская кельи, еще въ одномъ строеніи помѣщено училище и правленіе. По монастырю пасется рогатый скотъ, входящій и выходящій воротами безъ растворовъ, а въ церкви грустное воспоминаніе прошлаго величія! На клиросахъ старики бѣлаго духовенства доживающіе свой вѣкъ, они не поютъ, а рычатъ; тутъ же мальчики-оборванцы...

Я въ послѣдствіи ясно видѣлъ и вижу причины разложенія сихъ знаменитостей. Но мое путешествіе было въ то время когда невѣжество моихъ понятій давало мнѣ тусклое представленіе предмета. Благо мнѣ что первый мой шагъ къ разумѣнію начался знакомствомъ съ Оптиною пустынею, съ братьями жившими подъ духовнымъ руководствомъ великаго старца Леонида, котораго я хотя и не видалъ, но сердце влекло меня къ которому. Потому я слѣдилъ вѣрнѣе на сады его жительства. Въ монастырѣ преподобнаго Александра Свирскаго скончался Феодоръ, другъ и наставникъ духовной жизни Леонида, положивъ конецъ своему многоскорбному и много-

трудному подвигу. Послѣ его блаженной кончины старецъ Леонидъ перешелъ въ Олгину пустынь съ преданными ему братіями. Вотъ я и слѣдилъ напастъ на ихъ подвижническіе слѣды.

Переправясь черезъ рѣку Свирь, я прошелъ версть десятокъ по песчаной дорогѣ сквозь боръ и наконецъ увидѣлъ вмѣсто одного монастыря два и между ними небольшое озеро. Одинъ изъ нихъ былъ въ залуценіи, съ перебитыми окнами, на каковыхъ сидѣли птицы, какъ обитательницы сего зданія; второй же какъ будто мавить своимъ пустыннымъ уединеніемъ. Мнѣ сказали что въ немъ почиваютъ новооткрытыя мощи преподобнаго Александра Свирскаго, моего ангела, а потому особенно чтимаго мною. Когда я взшелъ въ церковь, обѣдня еще продолжалась; братіи очень мало, на клиросѣ человѣка два, три, но лѣвіе стройное, чинное. Служащіе видимо совершаютъ съ благоговѣніемъ сіе великое таинство; но по сѣтителей никого кромѣ меня. Здѣсь-то душа моя наполнилась умиленіемъ и восторгомъ, сознавая что я слодобился быть въ обители моего ангела и чествовать его сватыя негѣбныя мощи. По окончаніи литургіи со смиреннымъ чувствомъ благоговѣнія приблизился я къ мощамъ угодника Божія и когда сталъ прикладываться меня всего обдало благовоіемъ. Я не имѣлъ обонанія во всю жизнь мою, но здѣсь до того утонченно я почувствовалъ благовоіе что оно не оставило меня во всю утреню и обѣдню на слѣдующій день. Тутъ же я просилъ монаха стоящаго у гроба отслужить ланнихиду на могилѣ схимонаха Θεодора; его эта просьба удивила, потому что послѣ отъѣзда отца Леонида съ учениками своими едва ли служили на ней ланнихиду. Исполнивъ свое желаніе, послѣ ланнихиды я спросилъ гробоваго старца, зналъ ли онъ отца Θεодора и отца Леонида. Да, онъ зналъ обоихъ и много мнѣ о нихъ разказывалъ. Слава Богу, я напалъ на старческій слѣдъ, но до жизни со старцемъ еще далеко; но я не терялъ надежды и видѣться и жить съ нимъ. Гробовой монахъ доставилъ мнѣ счастье ночевать въ кельѣ гдѣ скончался отецъ Θεодоръ и гдѣ потомъ жилъ отецъ Леонидъ съ учениками своими. Келья эта была занята монахомъ, который радушно меня пріялъ, но вовсе не зналъ о старцахъ, да и во всей обители память о нихъ въ какихъ-нибудь десять лѣтъ совершенно изгладилась.

Для послѣдовательности моихъ [впечатлѣній, весьма

грустныхъ, необходимо возвратиться къ Кирилловскому монастырю, въ которомъ я почерпнулъ ихъ достаточно. Вотъ вижу я одного изъ старожиловъ монастыря, одѣтъ онъ въ длинномъ полосатомъ подрясникѣ, обращаюсь къ нему за разъясненіемъ.

— Батюшка, вы здѣшній?

— Ну, здѣшній; что тебѣ?

А я молча посматриваю на развалины и пустошь монастыря.

— Ну что смотришь, больно любопытенъ.

— Правда-то правда что я любопытенъ, да грустно на все это смотрѣть.

— Грустно смотрѣть, а вотъ попробуй пожить тутъ, вотъ какъ я живу сколько лѣтъ.

— Что же, развѣ вы покеволѣ живете здѣсь?

— Э! хуже неволѣ! Живи хочешь не хочешь, какъ попадешь въ медвѣжьѣ лапы. Я дьячекъ, въ приходѣ меня любили за громкое горло. Да за вылику попался сюда. Въ это время жена померла, ну, — куда дѣваться, — а тутъ и остался, думалъ хорошо хоть для души будетъ, а потомъ осмотрѣлся, и вся обитель-то изъ такихъ-то горемыкъ какъ я! Вотъ этотъ, длинная оглобля, въ лестрадевой рясѣ, приславъ сюда съ запрещеніемъ священнослуженія. Онъ сдалъ мѣсто свое за дочью съ уступкой дома зятю, а зять обѣщался содержать его до смерти прилично его сану. Начинаютъ жить: зять оказался человѣкъ хорошій, прихожане его полюбили какъ отца, и поладья его хорошая; ну, одно слово люди рѣдкіе, да старикъ-то не оставлялъ привычекъ скверныхъ! Что дѣлать молодому священнику? напомнилъ ему разъ, другой. „Да ты меня учить сталъ!“ Лѣзетъ въ драку. „Ты, голубчикъ, у меня дубины отвѣдаешь!“ Дочь прежде не разъ прихожане замертво отнимали, но молодой драки не допустилъ, а заявилъ на общественномъ сходѣ что оставляетъ ихъ приходъ. Нѣсколько голосовъ закричали: „Знаемъ, знаемъ, отецъ, что тебѣ житья отъ этого разбойника нѣтъ, но мы тебя ни за что отъ себя не отлустимъ!“ Взяли, да помимо благочиннаго и донесли преосвященному. Преосвященный назначилъ нарочито строгую комиссію; жители подтвердили присягой свое доношеніе. Старога пола арестовали, и консисторія представила мнѣніе о снятіи сана священническаго; на это послѣдовало отъ владыки рѣшеніе, отправить

виновника въ Кирилловскій монастырь съ запрещеніемъ священодѣйствія и ежемѣсячно доносить о его поведеніи. Вотъ онъ подалъ телерь прошеніе о зачисленіи его въ число монашествующаго штата, въ постриженіе.

— Что же, неужели его постригутъ?

— Постригутъ, а тамъ, глядишь, пожалуй и въ начальники попадетъ! А вотъ, смотри на этого—тоже былъ дьячекъ. Жадный былъ до денегъ. Однажды въ церкви дѣлали доходъ: зашелъ споръ, что не рѣдко случается; дошло дѣло до ссоры, со всякими словами. Дьячекъ въ разгарѣ ссоры, видя что его дѣло не выгораетъ, схватилъ дьяконскую свѣчу во всю руку и пустилъ полу въ голову. Свѣча разлетѣлась въ дребезги, а полъ упалъ. Понялъ дьячекъ что ему придется плохо, струсилъ. Что дѣлать? Консисторія предложила ему совѣтъ—просить у папа прощеніе, чтобъ идти въ монастырь отмаливать свой грѣхъ. Думалъ, думалъ, и въ мысляхъ никогда не было монастыря, да за бугоръ сошлаютъ, въ Сибирь, уже лучше буду монахомъ. Явился къ батюшкѣ: будь отцомъ, не мѣшай моему давнему намѣренію идти въ монастырь, прости мою вину, буду вѣчно молить за тебя Бога. Священникъ тронулся его просьбами, простилъ ему, и вотъ видишь, онъ уже чуть не игумень. Да, у насъ вся почти братія такого сорта. Бывшіе сорванцы, оборванцы, голодные, нищіе, и живутъ всѣ поневолѣ, кто за драки, кто за лянство, лѣвтяи, неучи, дерзкіе, что ты съ ними будешь дѣлать,—потому я и держусь отъ нихъ подальше.

Разказъ его смутилъ мою душу. И въ умѣ моемъ начало двоиться. Онъ замѣтилъ мое смущеніе и слезы.

— Вотъ ты, братъ, не ѣвши горячего, да вотъ разинулъ ротъ для одного сладкаго! Развѣ только и монастырей въ Россіи что нашъ разоренный Кирилловскій. Есть всякіе: и штатные, и заштатные, и архіерейскіе дома, а есть и пустынные, изъ нихъ есть истинно подвижническіе. Тамъ-то святая жизнь! Вотъ какъ пойдешь туда все самъ увидишь. Я вѣдь говорилъ тебѣ отъ горя, также и самъ блажилъ, особенно въ началѣ все старался отличиться моимъ голосомъ и услугами, а мнѣ никто ни слова, да еще ругаютъ.

На пути моемъ, въ шести верстахъ отъ Кирилловска, находится Горницкій дѣвичій монастырь. Ихъ раздѣляла горная возвышенность, съ которой можно было любоваться на озеро, которое съ возвышенности представляется какъ бы

огромное зеркало вставленное въ зеленую раму окружающихъ лѣсовъ. Съ другой стороны подошву горы какъ бы обрѣзываетъ судоходная рѣка Шексна, соединяющая бѣлозерскія воды съ Волгой. Съ возвышенности видѣлъ за рѣкою пасущійся скотъ по лугамъ, лѣса, поля, движеніе людей работающихъ въ полѣ, вдали села съ церквами, а у самой рѣки монастырь раскинутъ со своими службами и хозяйствомъ. Я помѣстился въ монастырской страннопріимной гостиницѣ и сейчасъ же пошелъ къ вечернѣ, а потомъ и ко всеобщей; здѣсь я забылъ что сильно разстроены отъ странныхъ для меня разказовъ. Чистота, блескъ церковнаго украшенія, чинъ, тишина, скромное гнѣіе,—все это изумляло меня, хотя я бывалъ въ дѣвичьихъ монастыряхъ: въ Оловскомъ и Курскомъ, но здѣсь казалось мнѣ верхъ совершенства! Игуменьей сей обители была Маврикія, преданная духовная дочь знаменитаго старца Теофана, настоятеля Новоозерскаго Кириллова монастыря, духовника митрополита С.-Петербургскаго Амвросія. Эта счастливая случайность выпала на долю святой обители, которая была наполнена благочестивыми сестрами, руководимыми игуменьей Маврикіей. Въ настоящую минуту моего прихода она была по хозяйству на Бѣломъ Озерѣ для запаса рыбы и смятковъ для продовольствія монастыря. Здѣсь было четыреста сестеръ, которыя всѣ состояли подъ строгимъ общежительнымъ правиломъ и всѣ довольствуются общею трапезой. Церковная служба и правила исполняются по уставу Валаамской обители, которую и самъ старецъ уважалъ. Для сего въ опредѣленное время, минута въ минуту, безъ олуценія, и вечерню, и утреню отправляютъ безъ священника, все по уставу: читаютъ и поютъ, исключая лишь то что принадлежитъ священнику.

Въ церкви ни разговора, ни шепота, ни бѣготни,—каждая должна лишь знать себя. И въ трапезѣ тишина, чистота. Среди трапезы, одна изъ способѣйшихъ чтиць читаетъ дневнаго святаго житіе. Въ гостиницѣ постель, чистое бѣлье, довольство жизни. Весь этотъ лорядокъ, аккуратность, даже рачительное хозяйство изумляли меня въ сравненіи съ Кирилловскимъ монастыремъ! А былъ и Кирилловскъ когда-то въ блестящемъ состояніи. Все это въ пустой моей головѣ толилось безпредѣльно, а тутъ еще самозванецъ юридическій выдѣлывалъ штуки, а черницы къ чему: „Христовушко, Христовушко“, а онъ имъ разсыпаетъ такую чепуху что

языкъ только может делетать безсознательно, а простухи суетьрки перетолковывают на свой ладъ и другимъ поясняютъ какъ прозорливость и пророчество. Ложь эта возмущала и смущала мою неопытную голову.

Я по дорогѣ къ Новоозерску сошелся съ іеромонахомъ обителя сей, который былъ въ отпуску по дѣламъ своимъ и возвращался обратно въ обитель свою. Дорогой мы шли дружески и вочевали на монастырскомъ подворьѣ въ Бѣлоозерскѣ. Къ ужину вся пища была приготовлена прямо изъ озера, изъ свѣжихъ смятковъ, которыхъ помѣщается тридцать на ложку и прозрачной бѣлизны. Городокъ Новоозерскъ обнесень землянымъ валомъ и издали виднѣются лишь главы церквей. Во время нашего двухдневнаго пути отецъ Пафнутіи подтвердилъ мнѣ разказъ кирпаловскаго монаха, да своего опыта разказалъ влѣтеро болѣе, чего бы я не желалъ ни видѣть, ни слышать!

Наконецъ пришли мы къ берегу Новоозерска, гдѣ устроена гостиница для богомольцевъ и для ярмарки бывающей 17 марта. Намъ подали лодку и мы перелыли въ монастырь, который издали кажется какъ будто изъ озера выросъ. Онъ устроенъ на маленькомъ островкѣ, обнесенъ каменною оградой на гранитномъ фундаментѣ; въ оградѣ же устроены корпуса для жительства братіи, которыхъ въ это время здѣсь было до семидесяти на общежительномъ уставѣ, какъ пища такъ и всего что необходимо для челолика. Большая часть построекъ высатся какъ бы изъ озера и всѣ въ наилучшемъ порядкѣ. Лодка, которая служитъ для сообщенія съ берегомъ, всегда на замкѣ въ гранитной пристави, также какъ и монастырскіе ворота; безъ особой надобности и безъ позволенія никто не имѣеть права брать лодку. Все зависитъ до малѣйшей подробности отъ игумена, избраннаго изъ числа братіи подъ руководствомъ уважаемаго старца архимандрита Теофана, пріобрѣтшаго себѣ довѣріе и уваженіе когда былъ еще келейникомъ и сотрудиномъ подвижнической жизни митрополита Амвросія Подобѣдова. Въ послѣдствіи, бывъ настоятелемъ сей обители, при его свѣтломъ умѣ, подвижнической жизни, онъ служилъ примѣромъ для братіи и возвышалъ ихъ духомъ мудрости. Здѣсь каждая делга приносящихъ шла на пользу и украшеніе монастыря и осталась ламитникомъ золотого для нея времени. Въ соборномъ храмѣ почиваютъ мощи преподобнаго Кирилла,

гдѣ и я грѣшный принесъ лепту скуднаго моего моленія. Меня пригласилъ въ келью служащій чередной іеромонахъ, имя его заламятоваль. Въ продолженіе дневнаго моего у него пребыванія, онъ со мною, какъ съ роднымъ, былъ добръ и откровененъ. Онъ также до вступленія своего въ монастырь странствовалъ и разказывалъ мнѣ про многіе новгородскіе, вологодскіе и московскіе монастыри. Многіе изъ нихъ кирилловскаго типа... — Скажите мнѣ, батюшка, какая тому причина? — Что я тебѣ скажу? все доброе и худое зависитъ отъ начальника, а начальники зависятъ отъ архіереевъ. Ну что дѣлать! другъ другу свисходять: вотъ и выходитъ худо. Къ тому же посылаютъ въ монастыри всакій сбродъ, которымъ и на мысль не приходитъ высокая духовная жизнь монаха, а служатъ лишь для соблазна народа и укора монастыря.

Многіе его взгляды пришлись мнѣ по душѣ, онъ разказывалъ всю свою жизнь. Онъ тоже былъ изъ торговыхъ людей: ему было очень трудно оторваться отъ міра; родители сему долго прейятствовали, потому что въ сосѣдствѣ былъ монастырь гдѣ совершались одни только соблазны. Только послѣ кончины отца своего онъ вышелъ изъ-подъ зависимости и избралъ мѣсто здѣсь для спасенія души своей.

— Батюшка, скажи же мнѣ, есть ли гдѣ монастыри съ истинно-подвижническою жизнью братіи?

— О, Боже мой, во многихъ есть люди соответствующіе своему призванію. Вѣдь ты былъ въ Софроньевской, Главской пустыняхъ, въ Кіевѣ, въ Площанской и Бѣлобережской и Оптиной пустыняхъ и во многихъ мѣстахъ чудныхъ. А въ промежуткѣ и соблазнялся; безразсудно смотрѣть на все безразлично, тогда все худымъ будетъ казаться.

Онъ разказывалъ мнѣ про многіхъ старцевъ, отъ которыхъ душевно пользовался; въ послѣдствіи я нѣкоторыхъ коротко зналъ по жизни ихъ и по направленію ихъ мудрости. И такъ мы пріятно, отрадно провели дни эти и дружески разстались. Я по любимому моему обычаю отправился въ путь одинъ, но глубокая осень и пасмурные дни не давали мнѣ полнаго наслажденія природой. Пришлось мнѣ идти по ровному склону обширныхъ полей. Дорога столбовая въ два ряда обсажена березками. Вижу издали встрѣчную фигуру идущую другою стороною; устремила на меня глаза и вдругъ подходит: — „Здравствуй добрый человекъ“. Я тѣмъ же отвѣтилъ. —

„Куда Богъ несетъ?“ Я отвѣтилъ кратко.—„Охъ, сядемъ отдохнуть!“ — „Я не уморился.“.—„Возьми меня съ собою.“ — „Куда же я тебя возьму?“ — „Куда глаза глядятъ.“.—„Что съ тобой?“ — „Охъ, тошно мнѣ: бѣгу отъ мужа и семьи его.“ — „Въ такомъ случаѣ возвратись лучше и примиришься со всѣми?“ — „Охъ, лучше бы мнѣ умереть нежели возвратиться на поруганія!“ Съ версту она шла со мною и разказывала варварскіе съ нею поступки мужа и свекрови; тяжело было слушать ее и жаль, а для меня школа! Я спокойно старался ее убѣдить. Постоявъ нѣмного она повернула обратно своею дорогою, а въ моей головѣ бродили мысли что я начинаю видѣть успѣхъ нравственной жизни, но мечта самоубійствія—опаснѣйшій врагъ, посредствомъ котораго совершаются всѣ пороки.

Я съ любопытствомъ слѣдилъ за передвиженіемъ барокъ по каналамъ посредствомъ шлюзовъ, которыхъ насчитывается болѣе ста до Тихвина. Уму человеческому служить всѣ стихіи. Въ продолженіе года тысячи судовъ проходятъ этими каналами; въ нѣсколько минутъ судно понижается посредствомъ двойныхъ воротъ. Каждое судно сопровождается рабочими, а изъ Тихвина они артелями возвращаются, проходя лѣшкомъ болѣе ста верстъ во всякое время. Здѣсь же пролегаетъ Ярославская большая дорога, по которой ѣзда безпрерывная, а потому и здѣсь мое ночное путешествіе было безопасно.

Не доходя 15 верстъ до Тихвина, въ сторонѣ отъ дороги, есть обитель преподобнаго Филиппа, котораго нетлѣнныя мощи еще подъ спудомъ. Онъ же былъ и основатель сей обители. Не доходя версты четыре, я ночевалъ въ деревнѣ и утромъ вмѣстѣ съ хозяевами пришелъ въ обитель. Тамъ обычай чтобы поклонники искупались въ озерѣ и послѣ сего обряда уже я отправился въ церковь къ обѣднѣ. День былъ воскресный, и настоятель монастыря пригласилъ меня въ трапезу. Тамъ было человѣкъ 20 монаховъ. Я послѣ трапезы хотѣлъ было отправиться въ путь, но казначей и отецъ Израиль, настоятель, пригласили меня въ келью, разспрашивали меня о моемъ житіи-бытїи и о путешествіи. Я имъ высказалъ намѣреніе мое твердое и стремленіе къ исполненію моего душевнаго желанія духовной жизни. Они предлагали мнѣ остаться у нихъ, но я сказалъ что не окончивъ моего странствованія не могу располагать собою. Отецъ казначей сказалъ мнѣ: „Да и правда, братъ, держись этого правила, не

рѣшайся скоро выборомъ мѣста.“ Отецъ Израиль со вздохомъ подтвердилъ: „Да, и я согласенъ съ этимъ! Мнѣ близко къ сердцу вопросъ этотъ. Сколько мы приглашали благонамѣренныхъ и хорошихъ людей въ обитель сію. Они въ некоторое время оставались довольны, но когда время приходило что ихъ необходимо приуказить чтобы человекъ имѣлъ значеніе по своему истому призванію, тогда наше приглашеніе оказывалось для нихъ наказаніемъ, а для насъ карою!“ У отца Израйла слезы были на глазахъ при этихъ словахъ. Думаю, видно горько ему эти слова. Помолчавъ онъ сказалъ: „Боже мой! Горько, право горько, но накопѣло на сердцѣ, произношу какъ бы жалобу или предостережительный разказъ молодому человекѣ, но увѣренъ что благонамѣренный человекъ пойметъ въ свою пользу. Мы оба изъ кулеческаго званія и поступили въ монашество такъ же какъ и вы, и вотъ начальство меня вызвало на служеніе въ этомъ монастырѣ, а въ скоромъ времени и моего товарища въ качествѣ казначея. Мы сошлись въ единомысліи наклонности къ духовной жизни и потому другъ другу необходимы, но къ сожалѣнію монастырь нашъ заштатный и приписанъ къ архіерейскому дому! Архіерейскій домъ не секретъ, это извѣстный тиль. Экономъ, да консисторія—вотъ двѣ неисцѣлимыя болячки, а боль отъ нихъ производитъ уничтоженіе всего святаго въ такихъ монастыряхъ. Народъ-то православный еще въ чистотѣ сердца стремится къ духовной жизни, чтить монастыри, какъ святое мѣсто, а какъ станетъ ближе, поступить въ число братіи, то нельзя скрыть уже мерзости залуствѣнія. Главное что пополамяются не по призванію. Благополучительная консисторія печется, напримѣръ, о сиротахъ духовнаго званія. Куда ихъ дѣвать? Конечно въ бурсу, на казенное содержаніе, гдѣ бѣдный мальчикъ голодень и холодень, потому что нагота его едва прикрыта плохою одеждою. Казармы помѣщеній немного теплѣ сарая, казенное отолпеніе не безъ грѣха и соблазна для эконома; также и продовольствіе истомляетъ жизненные силы мальчика еще въ зародышѣ его жизни. При томъ же нечистота, наскѣкомья, короста. Онъ холодный и голодный, безъ сна отъ наскѣкомыхъ. Въ рекреациі онъ не согрѣется, лица жидкій кулешъ. При такихъ условіяхъ экзамень его не двигается, науки въ его головѣ не лѣлятся, а дьячковыхъ ивѣсть нѣтъ, а иногда и съ дьячковскаго мѣста просить священникъ перемѣнить за неспособность. Чтѣ тогда съ нимъ

дѣвать? Приискивать родъ жизни, но страшно жить подъ условіями повинностей. Въ монастырь его. Даютъ ему отношеніе въ руки, а почтой посылаютъ предписаніе настоятелю: впредь до усмотрѣнія, а другихъ для испытанія въ монашеской жизни, а цвѣхъ присылаютъ уже зачисленныхъ въ монашескую братію. 200 верстъ онъ идетъ Христовымъ именемъ, а мы уже ожидаемъ получивъ предписаніе. Является наконецъ членъ обители, у него никогда и помысла не приходило о монашествѣ, и испытавъ горькое скитаніе по милости черной расы экономовъ-педагоговъ, онъ приобрѣлъ уже взглядъ на монаха какъ на своего злодѣя. А если еще попадаются-то и къ настоятелю такого же рода, живущему въ безпросыльномъ царствѣ и въ ненасытной жадности, то уже они живутъ какъ имъ угодно. Изъ сего выходятъ послѣдствія жалкія и соблазнительныя для народа и служація пищей для раскола. Неспособные ни къ какому труду, ни къ какой обязанности, сутаги, пьяницы, подслѣдственные присылаются въ монастырь на исправленіе. Весь этотъ хаосъ слагается въ одну массу и своими ябедами и доносами стараются повредить начальнику если онъ не за одно съ ними. По необходимости заставляютъ быть въ консисторіи и у преосвященнаго. Начальникъ заранѣе знаетъ какъ будутъ привѣтствовать заставляющіе около зеркала почти всѣ въ одинъ голосъ: „Отецъ Израиль, вы не ладите съ подначальными!“—„Отцы святыя, это по милости вашей зависитъ ихъ у меня подчиненіе, можете недовольныхъ возвратитъ къ себѣ подъ ваше милостивое благопопеченіе.“—„Да подите-ка, владыка этимъ недовольны“. Являешься ко владыкѣ. Тотъ же привѣтъ, только на нѣсколько градусовъ посерьознѣе: „Вотъ на тебя все жалобы да доносы, это нехорошо, я ихъ оставляю безъ послѣдствія, а если ихъ пустить въ ходъ, то тебѣ худо будетъ, понимаешь ты это?“—„Владыко, вы будьте такъ милостивы и справедливы, судите меня по документамъ, я неуклонно готовъ подвергнуться отвѣтственности, но и со своей стороны представляю всю картину монастырскаго хаоса“. Начинаю ему разказывать крупыя дѣянія. Онъ и слушать не хочетъ. „Знаю, знаю. Всѣ разночинцы не расположены къ левитскому племени, вотъ про нихъ-то не разказалъ.“—„Да у насъ и разночинцевъ нѣтъ никого, кромѣ меня да отца казначелъ.“—„Почему же нѣтъ?“—„Вашему преосвященству извѣстно что кто же, узнавъ нашъ хаосъ, пожелаетъ поступитъ къ намъ, кто

пожелаетъ жить съ нами!“ И такъ разговоръ нашъ доидеть до того что онъ толчетъ ногой и крикнетъ: „вонъ“, или „молчать!“ Послѣ олять призываетъ, просишь словесно чтобъ уволили отъ должности. Ни за что.“

Итакъ наслушавшись этихъ повѣстей, я хоть и прежде ихъ слышалъ и лично зналъ, но грустно мнѣ было. Распростившись съ добрыми отцами, направился я на ту же дорогу съ разбитою душой, слыша какими отборными милостями переполнены въкоторыя православныя монастыри и чрезъ нихъ хулятся имя Божіе, а мірскіе люди не зная дѣла получаютъ къ монастырямъ отвращеніе. Мнѣ же извѣстно было человѣкъ 18 изъ сосѣднихъ съ нашимъ городомъ людей достойныхъ поступившихъ въ монастырь въ то время когда я отправился странствовать. Они поступили по истинному призванію къ духовной жизни, и кажется язычникъ возблагоговѣлъ бы предъ ихъ залогомъ душевнымъ, а здѣсь все это подвергнуто поруганію! Я въ такомъ раздумьѣ и не видѣлъ какъ дошелъ до маленькаго монастыря Николая Чудотворца, но не зашелъ туда, слышалъ къ вечерни въ Тихвинскій монастырь, но опоздалъ.

Тихвинскій монастырь благоустроенный, онъ расположенъ саженяхъ во ста отъ Ярославской дороги, на ровномъ мѣстѣ, и по глазомѣру должно-быть подъ нимъ будетъ квадратная верста. Святые ворота никогда не запираются, ибо, какъ мнѣ рассказывали, проѣзжающіе въ разное время дня и ночи просятъ служить молебны у чудотворной иконы Божей Матери. Почему учреждено такое распоряженіе что чередной іеромонахъ и пѣвчіе были бы всегда готовы, лишь только вѣстовой колоколъ ударитъ—чтобы сейчасъ начинать службу. Соборный храмъ съ портикомъ, а чудотворная икона устроена у колонны, противъ окна выходящаго на лортикъ, предъ окномъ рѣшетка, и по окончаніи вечерни раскольники у этого окна остаются на всю ночь и молятся по своему шлогда до самой заутрени. Въ обители большой лорядокъ и благочиніе. Напѣвъ не вполнѣ столбовой, но стройный, стихиры поютъ на гласъ съ канонаркомъ. При обители есть училище, но устроено оно отдѣльно отъ монастыря. Я отдохнулъ душой въ этой обители, какъ у вѣжвой матери. Меня привѣтствовалъ въ своей келіи старецъ занимающій послушаніе садовника и огородника. Онъ изъ одного города съ настоятелемъ архимандритомъ Иларіономъ Курской губерніи, города Фатежа, онъ

много мнѣ разказывалъ какъ они поступили въ монашество, разказалъ про многихъ учениковъ старца Паисія; какъ великій подвижникъ старецъ Василискъ съ отцомъ Зосимою Верховскимъ отправился на Иртышъ, Томской губерніи, въ дѣственные лѣса, гдѣ занесенные снѣгами, зимовали въ гущи, но душа ихъ стремилась къ подвигамъ ради имени Христа среди невѣрующихъ. И моя душа оживала отъ этихъ разказовъ! Старецъ разказывалъ мнѣ о знакомствѣ ихъ съ отцомъ Леонидомъ Олтинскимъ. Разказъ этотъ придавалъ мнѣ бодрости, значить суцная правда что монастыри имѣютъ великое различіе по духу и благоустройству. Много зависитъ отъ настоятеля. Примѣромъ сему можетъ служить сія святая обитель. По волѣ митрополита Гавріила былъ вызванъ строитель Пѣшношскаго монастыря отецъ Игнатій для возведенія общежительства въ сей обители. Съ тѣхъ лоръ Тихвинъ значитса общежительною пустынею. Конечно начало еще не конецъ; послѣ него были два настоятеля при которыхъ общежитіе состояло только на бумагѣ, а самое дѣло ждало отца Иларіона. Онъ ввелъ обитель въ уставъ и приложилъ много труда къ устройству общежитія. Когда я былъ тамъ оно уже было введено. Въ послѣдствіи я не разъ слышалъ объ отцѣ Иларіонѣ отъ отца Леонида въ Олтинѣ, какъ о рѣдкомъ чловѣкѣ изъ настоятелей: У него на первомъ планѣ было благочестіе и забота о чинюположеніи церкви, которой онъ никогда не оставлялъ до послѣдней минуты жизни своей, какъ разказывалъ мнѣ отецъ Леонидъ. Онъ къ заутреніи всегда первый, а изъ церкви послѣдній, такъ же и трапезу всегда посѣщалъ; если задерживали его посѣтители, кто бы они ни были, онъ приглашалъ въ трапезу вмѣстѣ съ братіей обѣдать; посѣтители всегда оставались довольны его приглашеніемъ, потому что въ трапезѣ порядокъ, чистота и благочіе, во время обѣда и ужина читають житіе святаго, при томъ и пища вкусная и самая скромная. Монаху при общежитіи вся забота его о спасеніи души своей. Пища, одежда и проч. суетное все ему доставляется монастыремъ. Если нужно перевести монаха изъ его кельи въ другую, то ему не надо брать съ собою ровно ничего кромѣ обуви и одежды; по возрасту его сшитыхъ, а прочее все есть одинаковая принадлежность всѣхъ келій. Этотъ старецъ уговаривалъ меня остаться, звалъ меня къ архимандриту, но я отказался потому что задумалъ уже идти къ отцу Леониду, и старецъ

распростился со мною, но остался въ душѣ моей никогда незабвеннымъ.

Что же въ послѣдствіи случилось съ сѣю обителью и примѣрнымъ общежитіемъ? Архимандритъ Иларіонъ скончался въ 1851 году, на его мѣсто опредѣляемъ изъ Иверскаго монастыря архимандритъ Петръ. Онъ былъ прежде въ Киево-Печерской Лаврѣ. Въ Тихвинѣ ему общежительный порядокъ пришелся не по вкусу, къ заутренѣ идти тяжело. „Я и въ Лаврѣ не ходилъ. Также и въ трапезу: сиди, молчи, слушай одно да одно чтеніе! Не видалъ я ихъ шей да каши! Въ келью можно пригласить кого я знаю и поговорить въ мое удовольствіе.“ И такъ въ продолженіе его трехгодичнаго правленія ослабѣло и разстроилось общежитіе, которое архимандритъ Иларіонъ учреждалъ около тридцати лѣтъ. Отецъ Петръ собравъ кое-какія дѣлашки отправился въ Петербургъ и скоропостижно окончился.

Переходя рѣки Ваю и Ояты, замѣтилъ я что берега ихъ покрыты дровами и сѣномъ заготовляемыми для славя въ столицу и толпы рабочаго народа кимать какъ въ муравейникъ. Около этихъ пристаней расположены большія села и деревни, практика гнѣхода ежедневно открывала мнѣ новыя живыя картины народныхъ свойствъ въ различныхъ племенахъ. Измѣрять свое путешествіе собственными ногами—дѣло одно, лѣтѣть съ подорожнымъ дѣло другое. Отъ Онеги до Каргополя народъ учтивый, привѣтливый, честный и красивый собою, страннопріимный. Переночуешь и утромъ спросишь что имъ слѣдуетъ заплатить за ночлегъ и ужинъ, они выслушаютъ со смущеніемъ и скромно отвѣчаютъ: „О какъ можно, доброхотъ, съ тебя деньги брать за то что намъ Богъ послалъ даромъ.“ По рѣкамъ Ваю и Ояты, гдѣ славляются дрова и сѣно въ столицу, народъ промышленный и рѣчные бурлаки. Это упражненіе требуетъ усиленныхъ трудовъ съ ранняго утра до поздней ночи въ работахъ. Гдѣ случается и не въ моготу; на пристаняхъ, тамъ уже безъ смущенія употребляютъ крѣпкія слова, и привычка вносить ихъ и въ семью. Не разъ приходилось мнѣ удивляться и смущаться, но у насъ они вошли въ употребленіе. За то солгать считаютъ за великій грѣхъ, „хотя бы и умереть, а ложнаго слова не уронить“, „да лошито лгать-то, вѣдь въ народѣ-то лгуномъ прослывешь!“ Около Оловеца я ночевалъ у Корелдвѣ. Они вѣры православный, народъ благочестивый и тихій,

въ высшей степени честный, но по сосѣдству съ ними, я слышалъ, много живетъ раскольниковъ разныхъ толковъ. Тѣ вѣчно грызутся и дѣло иногда доходитъ до драки между членами одной и той же семьи.

Пришедши на Оловецъ, я увидалъ что мостъ въ немъ разведенъ для сплава судовъ. Я спросилъ когда можно отправиться на Валаамъ, мнѣ сказали что одно судно въ родѣ корабля завтра же идетъ на Валаамъ для ловли семги и лососины. Я попросилъ взять меня и они взяли меня съ собою. На кораблѣ или, какъ они называютъ, „сайше“ мы познакомились воѣ и сошлись съ Керелами какъ съ близкими товарищами. Они въ такую опасность какъ бѣломорскіе Поморы не пускаются. Говорятъ Керелы своимъ нарѣчіемъ. Одивъ изъ нихъ со мною до того сдружился что интересовался моею жизнью, входилъ въ мои нужды и заботился обо мнѣ, укрывалъ на ночь своею шубой, какъ будто братъ или другъ. Имя его было Корнилій, онъ разказывалъ мнѣ о своихъ обычаяхъ. Многие изъ нихъ меня поражали своею младенческою простотой; нужно замѣтить что у нихъ честность и супружеская вѣрность хранятся какъ непреложный законъ. Мы ночевали на островѣ, на которомъ порядочная деревня и въ ней часовня. Въ семьѣ гдѣ мы ночевали воѣ были заняты приготовленіемъ рыболовныхъ сѣтей. Въ слѣдующій день мои добрые хозяева причалили свою сайшу въ западный заливъ у острова Валаама, гдѣ на берегу стоитъ давній курень зависимый отъ монастыря, въ который мы вошли встроены. Изъ слѣдоваго явиться къ ѡконному для условія на право рыбной ловаи; другіе же остались опрaвлять курень. Я распрощался съ ними какъ съ искренними друзьями.

Шли мы узенькою дорогою между вѣковыми соснами, много они мнѣ дорогою разказывали и показывали: около этого острова свой архидіакопъ, до семидесяти мелкихъ островковъ, бoльшая часть изъ нихъ лoкрыта лѣсомъ, между этими островками они проиаводятъ рыбную ловаю. Семгу и лососину продаютъ здѣсь же промышленникамъ которые доставляютъ ее въ столицу. На самыхъ же глубокихъ мѣстахъ рыбная ловая недоступна. Мнѣ указывали на скотный дворъ гдѣ молочными произведеніями занимаются послушники, также какъ и въ Соловахъ. Это показалось мнѣ тогда, да и потомъ страннымъ. Также и братская прачечная при банѣ въ которой тоже занимаются послушники. Огороды для меня

казались удивительными, брюква говорятъ доходила до двадцати фунтовъ, а свекла и рѣдка чуть не до аршина, при соответствующей толщинѣ, чему способствуетъ грунтъ, образующійся изъ дикаго камня. Насколько камень этотъ промерзаетъ зимой, настолько образуется изъ него самый лучший грунтъ, а потому удобреніе со скотнаго двора добавляетъ силу плодородія.

Въ гостиницѣ помѣстили меня въ большой комматъ, гдѣ уже до меня было два странника. Личь только я расположился, сейчасъ же отправился къ вечернѣ. Храмъ въ самомъ лучшемъ устройствѣ, даже противъ Соловецкаго монастыря; церковное богослуженіе, чиноположеніе въ церкви и тралезѣ, скажу и теперь, примѣрныя. Отрада и утѣшеніе для утомленнаго сердца христіанина. Пѣніе въ соборѣ столовое, оно казалось мнѣ чудеснымъ, да и ново въ сравненіи съ другими монастырями. Канонархъ одинъ на оба клирова изъ теноровъ. Разказывали мнѣ тамъ случай: канонархъ во время всеобщей возгласилъ; „меня ждутъ праведницы“, и идя съ книгой на другой клирость, противъ царскихъ вратъ упалъ. Пока подошли его поднять, онъ уже отошелъ душой къ ожидающимъ его праведникамъ. Послѣ вечерни позвали насъ къ новому игумену, который требовалъ чтобы всѣ богомольцы являлись къ нему, говоря что начальникъ долженъ знать что у него дѣлается и какіе именно люди посѣщаютъ обитель. У игумена были собраны всѣ старшіе братіе. Стоять и слушаютъ какое-то дѣльное и крупное замѣчаніе. Доложили и объ насъ. Мы вошли, подошли къ благословенію. Игуменъ благословилъ насъ не приподнявшись даже изъ своего покойнаго кресла. Рѣдкая, жиденькая бородка и не болѣе сорока лѣтъ.

— Ну, извините голубчики! хочу завести въ этой заглушенной обители новые порядки. Хочу чтобы каждый поклонникъ являлся лично, а то что за начальникъ, не знаетъ кто у него въ обители бываетъ!

— Точно такъ, ваше высокопреподобіе, пріятно пріялеть благословеніе отъ святаго отца! сказалъ кто-то изъ богомольцевъ.

— Вотъ слышите ли? обратился онъ къ стоящимъ и молчащимъ братіямъ,—а вы вотъ утверждаете: жили мы по старому просто, на что намъ эти новости заводить!

Много онъ имъ говорилъ крупно и порядочно покрикивалъ. Изъ этихъ объясненій я ничего не полагалъ, но товарищи мои

до слова привали все въ свое сердце. Я ихъ спросилъ: что съ ними? Кажется все хорошо.

— Ахъ, Александръ Степановичъ, что ты знаешь! А вотъ поживи въ монастырѣ подъ зависимостью такого начальника! Ты лояль бы какво братіи съ нимъ! Ты видѣлъ предъ его кресломъ стоящихъ братій: это великіе старцы. Одинъ изъ нихъ подвижникъ, пустынножитель, который отказался отъ начальства; другой прожилъ на Валаамѣ сорокъ лѣтъ наставникомъ и духовникомъ братіи, а этотъ Дамаскинъ истинный монахъ, а тотъ казначей служившій Валааму двадцать лѣтъ безукоризненно. И вотъ на такихъ-то старцевъ онъ покрикиваетъ. О Валаамъ, до какихъ черныхъ дней ты дожилъ! И въ Святѣйшемъ Синодѣ когда приходилось по дѣламъ бывать симъ почетнымъ старцамъ ихъ не заставляли такъ стоять на вытѣжку предъ кресломъ митрополита. Игуменъ этотъ переведенъ изъ Коневца, вслѣдствіе несогласія братіи при выборахъ начальника. Онъ поступилъ изъ монастыря Кирилло-Бѣлозерскаго. Онъ былъ келейникомъ великаго старца Теофана, баювень судьбы, но не подражатель добродѣтели старца, вотъ и думаетъ показать свою власть надъ Валаамомъ.

— Но какія же несогласія въ выборахъ? спросилъ я.

И они мнѣ рассказали что обитель сія не болѣе какъ лѣтъ десять именуется первоклассною и вотъ по какому случаю: Не задолго до кончины своей посѣтилъ этотъ монастырь государь Александръ Павловичъ. Его эта святая обитель очаровала, во время богослуженія онъ забывалъ себя. Онъ посѣтилъ многія братскія кельи, бесѣдовалъ въ нихъ съ братіей, изволилъ кушать съ братіей, былъ въ скиту, посѣщалъ кельи пустынниковъ и неоднократно выражался:

— Счастливы вы, отцы святые, не прочь бы я самъ отъ такой жизни, но видно я не призванъ къ ней! Но живите такъ какими вижу васъ, здѣсь со многими изъ васъ я говорилъ и каждый самоотверженно живетъ ради одного спасенія. Это наши ходатаи у Бога!

Когда государь вознамѣрился возвратиться, то сказалъ:

— Отцы святые, скажите мнѣ откровенно, не имѣете ли въ чемъ нужды или какой просьбы?

Изъ старшихъ братій сказали:

— Ваше величество, позвольте намъ посоветоваться между собою въ чемъ найдемъ нужнымъ безлокоить вашу священную особу помазанника государя.

— Да, сказалъ государь, совѣтъ—великое дѣло, еслибъ имъ руководились всѣ для общей пользы, какъ вы святые отцы.

На слѣдующій день въ присутствіи всей братіи депутация явилась къ государю и старцы благодарили царя за милостивое расположеніе.

— У насъ все есть, государь, въ церквахъ нашихъ благолѣпіе, у братіи продовольство есть, что же намъ болѣе нужно? Излишество и въ мірѣ осуждается, намъ ли чего домогаться, когда мы и отъ своего отказались поступивъ на служеніе Богу? Но есть въ порядкахъ обители волюющія нужды, о которыхъ осмѣливаемся просить ваше величество.....

Здѣсь, къ великому сожалѣнію, прерывается разказъ многоуважаемаго отца Антонія. Хотя во всѣхъ письмахъ своихъ ко мнѣ онъ говорилъ что продолжаетъ описаніе своей монастырской жизни и предназначаетъ свой трудъ въ мое распоряженіе, но оставшіяся послѣ его кончины рукописи я не могла до сихъ поръ получить изъ Лавры. Жаль что мы лишены назидательнаго зрѣлища борьбы и постеленнаго духовнаго развитія души человѣческой. Изъ грубаго *дѣтяти природы*, какъ самъ себя называлъ многоуважаемый старецъ, онъ достигъ высокой нравственной мудрости которая глубоко выразилась въ его письмахъ, съ которыми надѣюсь вскорѣ познакомиться читателей. Въ письмахъ этихъ личность Антонія особенно ярко обрисовывается: наблюдательный умъ, любовь къ человечеству и вѣрность своему призванію. До послѣдней минуты душа его горитъ любовью ко Христу. Старецъ шестидесяти лѣтъ ѣдетъ въ Иерусалимъ, и читая его *Душевные впечатлѣнія при поклоненіи Святымъ Мѣстамъ на Востокъ* его можно сравнить съ крестоносцемъ жаждущимъ положить жизнь свою у Гроба Предвѣчнаго. Когда онъ служилъ тамъ литургію на Иорданѣ въ день Крещенія Господня, то взялъ изъ-подъ алтаря устроеннаго подъ открытымъ небомъ святой земли и просилъ чтобъ ею послѣ кончины его засыпали гробъ его. Воля его была исполнена. 10 октября 1880 года онъ скончался семидесяти трехъ лѣтъ, отъ воспаления въ легкихъ. Скоротечная болѣзнь отвѣла у него возможность распорядиться своею рукописью. Тѣмъ не менѣе я почитаю себя счастливою что могла познакомиться хотя отчасти пубliku со столь высоко-христіанскимъ образцомъ.

ГР. М. Т.

ЗЛОЙ ДУХЪ*

Р О М А Н Ъ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVI.

Марья Ивановна не на шутку занялась квартирой: цѣлые дни ѣздила по городу, подымалась съ лѣстницы на лѣстницу, удивлялась, пожимала плечами, даже сердилась, и никакъ не могла примириться съ условіями петербургскаго жилья. Ей не доставало дѣвичьихъ, людскихъ, чулановъ, кладовыхъ, „темненькихъ“, прачечныхъ, погребовъ и великаго множества другихъ деревенскихъ приспособленій, о которыхъ въ Петербургѣ и не слыхали, и обойтись безъ которыхъ ей представлялось рѣшительно невозможнымъ. Въ особенности почему-то ей непремѣнно нужны были „темненькія“, хотя она и не умѣла объяснить для чего именно, и на вопросы управляющихъ и дворниковъ отвѣчала нѣсколько неопредѣленно: „да какъ же, всегда это нужно въ домѣ!“ Наконецъ квартира была найдена въ одномъ изъ старинныхъ, избѣжавшихъ строительной мании домовъ—тѣхъ уже немногихъ нынче лямпаиковъ былого барства, въ которыхъ и теперь можно

* См. Русск. Вѣст. №№ 4, 5, 7, 9 и 10.

было бы расположиться со всею дворовою челядью, съ годовыми запасами подвозимыми изъ деревни и чуть ли не съ домашними мастерскими по всеѣмъ отраслямъ хозяйства. Марья Ивановна вовсе не намѣрена была держать помѣщичій штатъ прислуги, но почему-то ей казалось удобнѣе окружить себя деревенскимъ просторомъ.

Затѣмъ начались грандіозныя хлопоты съ отдѣлкой и устройствомъ. У Марьи Ивановны обнаружилось какое-то особенное къ Петербургу отношеніе соперничества. Она считала необходимымъ показать что оныя не Богъ-знаетъ какія сюда прѣѣхали и могутъ жить по-петербургски, а пожалуй даже и получше многихъ петербургскихъ. Поэтому она рѣшила отдѣлать квартиру на широкую ногу „чтобы хоть кого угодно не стыдно было принять“. Декораторы и обоищики наводнили домъ, а сама Марья Ивановна ѣздила съ Ларисой по магазинамъ, накупая всевозможные предметы моды и роскоши, которыми вскорѣ квартира была совсѣмъ загромождена. „Мы здѣсь чужія, насъ не знаютъ, такъ пусть на первый разъ хоть по обстановкѣ судятъ“, повторяла она въ видѣ оправданія.

Лариса подчинялась увлеченію матери, оставаясь сама совершенно равнодушною къ тому что дѣлалось. Она садилась въ коляску чтобы ѣхать въ магазины, рѣшала почти со скучающимъ видомъ выборъ между нѣсколькими вещами, подавала мнѣніе въ вопросахъ цвѣта и фасона, и вернувшись домой отвѣчала односложными „да“ или „нѣтъ“ на оживленные толки Марьи Ивановны, совершенно поглощенной всеми этими заботами. Только когда уже перѣѣхали на квартиру, она вдругъ занялась своею комнатою, собрала въ нее множество вещей отъ которыхъ прежде отказывалась, добавила мебели, затянула только-что оклеенныя обоями стѣны и нѣсколько дней была точно охвачена идеей устроить что-то совсѣмъ необыкновенное, не похожее на бездарно-однообразныя претензіи петербургскаго комфорта. Но потомъ она вдругъ охладѣла къ своей затѣѣ такъ же внезапно какъ увлеклась ею, и комната осталась недоконченною, сохранивъ только странный безпорядокъ полу-артистической фантазіи.

— Пусть ужъ такъ... когда-нибудь... къ чему? отвѣчала она на вопросы матери.

И на ея измѣнчивомъ лицѣ при такихъ вопросахъ снова выступало равнодушное и какъ бы скрытно-надменное

выраженіе—не окуки, а какого-то безнадежнаго безразличія, которое такъ пугало Марью Ивановну.

— Но вѣдь надо же утѣшиться.. вѣдь жить будемъ... удивлялась та.

— Ну и проживемъ; а хлопотать, для кого, для чего? возражала Лариса, чуть примѣтно хмура брови.

— Зимой придется принимать; я думаю дни назначимъ? продолжала Марья Ивановна.—Танцовать неудобно, трауръ; а такъ, для общества, чтобы видѣли тебя... посмотрѣли бы...

Лариса старалась удержать задрожавшіе уголки губъ, но не могла и вдругъ размѣялась.

— Ахъ, какъ вы иногда забавно говорите, мама! сказала она.

Марья Ивановна въ послѣдніе дни совсѣмъ не слыхала ея смѣха и очень обрадовалась. Теперь она рѣшилась высказать свою мысль до конца.

— Да право же, проговорила она, тоже усмѣхнувшись;— вѣдь то все Ипполитъ Сергѣичъ былъ на виду, а теперь надо людей посмотрѣть и себя показать. Въ Петербургѣ молодежи дѣлать некуда, не то что въ Волчьемъ Долѣ. Ты все шутишь, а двадцатый годъ скоро пойдетъ.

— Дочка засидѣлась, мамаша бояться начинается, сказала почти весело Лариса.

— Ну, бояться за такую невѣсту нечего, а все лучше людей посмотрѣть. Было бы изъ кого выбрать, а ужъ за ними-то остановки не будетъ, отвѣтила Марья Ивановна, подразумѣвая подъ ними ту неопредѣленную и нѣсколько враждебную ея материнскому чувству породу изъ которой извлекаются женихи.—А не встрѣтишься, и судьбы не будетъ, добавила она уже какъ бы строго.

— А вѣдь это—судьба? вѣдь суженаго конемъ не объѣдешь? молвила все тѣмъ же шутивымъ тономъ Лариса, тогда какъ по лицу ея скользяло что-то совсѣмъ не веселое.

— А ты какъ думаешь! отозвалась Марья Ивановна.—Отчего несчастныя-то бываютъ? Оттого что скоро это дѣлается. Ждетъ вотъ такъ дѣвушка-то, ни о чемъ не думаетъ, да вдругъ судьба и столкнетъ. А потомъ и начинаютъ разбираться да каются. А и долго тянуть тоже мало хорошаго; сколько я видѣла, все расходится. Вотъ какъ съ Ипполитомъ Сергѣичемъ.

— Но вѣдь если судьба, значитъ ея ужъ не передѣлаешь... Вѣдь бываетъ что вотъ кажется все рѣшено и готово, и

вдругъ расходятся, и тогда... тогда-то и начинается судьба... проговорила Лариса, задумчиво поднявъ глаза.

— Еще и такъ бываетъ что тотъ-то, за котораго раньше и думать выходить не хотѣли, тутъ-то и подвернется какъ разъ. Вотъ отчего пословица-то... продолжала серьезно Марья Ивановна, очень любившая такіе разговоры.

— Ну и что жь тогда? спросила Лариса, чуть дрогнувъ рѣсницами.

— А разное бываетъ.... какъ кому судьба пошлетъ, отвѣтила Марья Ивановна.—И о судьбѣ вѣдь всякій по своему думаетъ; иные и не вѣрятъ вовсе.

— А вы?

— А я вѣрю. Я вотъ какъ вѣрю: если кому суждено съ кѣмъ сойтись, то хоть три раза за другихъ выходи, а не миновать его. Хоть грѣхомъ, хоть силой возьметъ.

Длиныя рѣсницы Ларисы какъ будто опять дрогнули.

— Что это, мама, какая вы фаталистка! сказала она и отвернулась.

Марья Ивановна задумалась, но чрезъ минуту возобновила разговоръ.

— Вотъ князю Павлу Платоновичу тоже судьба, сказала она:—жена бросила, а теперь сынъ убѣжалъ. А сынъ-то, говорятъ, не его. И куда дѣвался, не знаютъ. Можетъ-быть къ матери ушелъ за границу. Только наврядъ ли!

— Странный онъ, промолвила Лариса.

— Дрянной мальчишка, продолжала Марья Ивановна.—Князь-то какъ потрясенъ былъ: заболѣлъ вѣдь, въ нѣсколько дней совсѣмъ было его скрутило. Да и для всей семьи какое огорченіе. Анна Всеволодовна чужая почти, а какъ мучилась чрезъ него, плакала. Жаль мнѣ ее сердечно. А князь-то, я думаю, знаетъ что-нибудь. Не говорить, а кажется мнѣ что получилъ какое-нибудь извѣстіе. Анатолий Павловичъ вчера, я слышала, сказывалъ Глѣбу Дмитриевичу что онъ въ заграничные революціонеры поступилъ, вотъ что убили Мезенцова. И откуда въ такой порядочной семьѣ мальчишка могъ набраться всего этого, ума не приложу. Такъ мнѣ это тяжело было, душой переболѣла за нихъ всѣхъ. Единственнае для насъ близкіе люди были, а теперь до насъ ли имъ? Вотъ еще Глѣбу Дмитриевичу спасибо, заходить.

Лариса неволью улыбнулась этой простодушной способно- сти матери относиться въ концѣ концовъ къ каждому

обстоятельству со своей эгоистической точки зрѣнія. Но улыбка только скользнула по ея выразительному лицу и пропала въ задумчивой глубинѣ глазъ. Она потянула со стола какую-то иллюстрацію, но архитектура замы застѣдней Берлинскаго конгресса и изображеніе торжественной встрѣчи лорда Беконсфильда мало интересовали ее. Рука машинально перебирала листки, а голова думала о другомъ. Случайно произнесенное имя Глѣба Дмитріевича напомнило ей что съ самаго прѣзда изъ-за границы, бывая у нихъ почти каждый день на правахъ деревенскаго сосѣда, онъ никогда на одинъ намекъ не возвращался къ тому что было. Въ его отношеніяхъ не выражалось даже признака ухаживанья; онъ какъ будто совершенно примирился съ неудачною развязкой своего романа и безропотно принялъ условія стараго дружескаго знакомства. Лариса говорила себѣ что она очень рада что такой умный человекъ какъ Глѣбъ Дмитріевичъ не могъ поступить лучше; но втайнѣ что-то удивляло и раздражало ее, и возбуждало безлокойное любопытство. Тамъ, въ Волчьемъ Долѣ, ее пугала глубина и необъятность чувства, которая она подозрѣвала въ натурѣ Глѣба Дмитріевича; ей представлялось что-то мрачное и неотразимо-властное въ этомъ человекѣ, умѣющемъ любить не такъ какъ любятъ другіе, легкіе, удобные люди, для которыхъ страсть составляетъ десертъ жизни, неистощимую и радостную игру впечатлѣній. Она припоминала исторію его прежней любви и ей было страшно представить себя на мѣстѣ той женщины которая медленно умирала подъ его мстительнымъ призоромъ. Но было почти обидно ошибиться въ этихъ страхахъ, догадаться что она преувеличивала опасность, что въ его чувствѣ не заключалось того необъятнаго демоническаго избытка который пугалъ ее. Онъ такъ легко примирился съ отказомъ, такъ скоро, умно и просто загладилъ все неудобное въ ихъ отношеніяхъ и устоявилъ эту дружескую безпритязательность, за которую она должна была благодарить его...

„Ну и конечно такъ лучше... такъ всего лучше...“ мысленно въ сотый разъ повторила Лариса, и рука ея нетерпѣливымъ движеніемъ отбросила расплавіеся листки иллюстраціи.

XVII.

Оркестръ Лангенбаха съ добросовѣстною и немецкою скукой разыгрывалъ увертюру изъ *Цамты*. Публика, привлеченная споснымъ теплымъ вечеромъ, какіе изрѣдка вылаждаютъ въ концѣ августа, тѣснилась на обширной площадкѣ залитой газовымъ свѣтомъ. Этотъ свѣтъ, весело играя въ разноцвѣтныхъ стеклахъ, кажется одинъ только сообщалъ оживленіе и мохнатымъ елямъ, какъ будто съ усиліемъ протягивавшимъ свои отяжелѣлыя вѣтви, и скучнымъ фигурамъ гуляющихъ, медленно двигавшимся между скамьями и стульями. И доброкачественныя звуки оркестра, и мѣрное движеніе толпы въ заколдованномъ кругу, и туманная влажность воздуха, сквозь которую кажется такъ и грозилъ просыпаться мелкія дождевыя капли—все придавало вечеру неизмѣнный заказной и прѣсный характеръ, удивляющій иностранцевъ и заставляющій ихъ утверждать что мы не умѣемъ веселиться.

Въ сторонѣ отъ эстрады на стульяхъ сидѣли знакомыя намъ лица: Марья Ивановна съ дочерью, Анна Всеволодовна, Паша и Глѣбъ Дмитріевичъ. Анатолий прохаживался у фонтана съ молодежавымъ генераломъ, который несмотря на свѣжій вечеръ щеголялъ въ одномъ сюртукѣ и отъ холоду только подрагивалъ затянутою въ корсетъ таліей.

Анна Всеволодовна за короткое время замѣтно похудѣла и какъ будто потеряла свою несокрушимую веселость и живость: на нее катастрофа съ Володей очень подѣйствовала и она въ первые дни даже совсѣмъ не выѣзжала и не принимала. Сегодня она въ первый разъ рѣшилась пріѣхать въ Павловскъ, уступая желанію мужа, который успѣлъ уже соскучиться дачною жизнью и испытывалъ свойственную свѣтскимъ людямъ тоску по большому обществу.

— Какіе они всѣ противные тутъ ходятъ, такъ бы кажется и наговорила имъ всѣмъ дерзостей, ворчала Анна Всеволодовна, дѣлая гримаску губами и глазами.—Вѣдь между ними всѣми просто ни одного сколько-нибудь интереснаго человѣка нѣтъ... право, хоть бы черти попадались, а люди ужъ нестерпимо скучны.

— Я боюсь что и черти нынче очень измелъчали, засмѣялся на это Глѣбъ Дмитріевичъ.—Нынѣшній чортъ долженъ

быть ужасно скученъ. Онъ непрестанно занимается политикой и держится либеральнаго образа мыслей. Можетъ-быть онъ даже пишетъ статьи въ газетахъ или иждѣвается надъ обвинительною властью въ судѣ. Представьте себѣ демона во фракѣ, съ адвокатскимъ значкомъ... или въ пиджакѣ газетнаго сотрудника... это даже со стороны обидно.

— Постойте, вотъ идетъ знаменитость... великій Флютентааль... а подзову его, сказала Анна Всеволодовна, и дѣйствительно сдѣлала знакъ проходившему мимо высокому, такъ-сказать изящно откормленному господицу, съ розовыми, гладко выбритыми щеками и огромными нѣмецкими ногами.

Великій пианистъ, съ тѣхъ поръ какъ мы съ нимъ расстались, успѣлъ уже вознаградить себя за тѣ неприятныя впечатлѣнія какія выпали ему во время войны, вслѣдствіе сокращенія большихъ концертовъ и званыхъ обѣдовъ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы отпущеннымъ Берлинскимъ конгрессомъ, и поэтому никогда еще кажется не имѣлъ такого самоувереннаго и торжественно-успокоеннаго вида. Онъ приблизился, улыбаясь и приподымая шляпу. Ему предложили стулъ; онъ сѣлъ, осторожно обтянувъ полы пальто и приподнявъ лакированные носки.

— Прекрасный солистъ! сказалъ онъ, слегка преклонивъ въ сторону встрады блистающую циммермановскимъ глацемъ шляпу.

— Полоте, скука какаа! смѣло возразила Анна Всеволодовна.

— О, какъ вы можете говорить! изумился Флютентааль:— вы достойны понимать хорошую музыку. Это только русскіе дилеттанты притворяются что понимаютъ, а они вовсе не понимаютъ высокой музыки... Русскимъ всегда кажется, что они все понимаютъ, а они вовсе ничего не понимаютъ!

И онъ разсмѣялся короткимъ, глухимъ смѣхомъ, какимъ смѣются люди заранѣе рѣшившіе сказать вещь послѣ которой необходимо разсмѣяться, какъ необходимо на письмѣ поставить знакъ препинанія.

Гдѣбъ Дмитріевичъ не безъ любопытства взглянулъ на Флютентаала: ему показалось что великій пианистъ имѣетъ забавное сходство съ тѣмъ самымъ Крапцомъ котораго онъ стегнулъ въ Берлинѣ.

— Вы, monsieur Флютентааль, всегда очень строги къ намъ, бѣднымъ Русскимъ! сказала съ примирительною улыбкой Анна Всеволодовна.

— О, только не къ такимъ русскимъ дамамъ! отвѣтилъ, снова склонивъ шиммермановскую шляпу, Флютенгаль.—Я говорю про русскій диалектизмъ надъ которымъ всегда очень смѣются въ Европѣ. Русскіе всё диалектизмы: они думаютъ что все могутъ сдѣлать, и никогда ничего не умѣютъ!

— Ну, кое-что кажется сумѣли сдѣлать, скромно возразилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

Флютенгаль съискодительно потянулъ углами губъ.

— Ничего не сдѣлали для цивилизаціи, сказалъ онъ.—Русскій характеръ не годится для культуры, потому что онъ не можетъ идти дальше диалектизма. Тутъ, въ Россіи, кажется какъ будто все такъ сдѣлано какъ въ Европѣ: академіи есть, университеты, министерства, войско, генералы—генераловъ даже больше чѣмъ капитановъ въ Германіи,—а все это нигуда не годится. На Берлинскомъ конгрессѣ Россія въ политическомъ отношеніи уже выброшена изъ Европы. Теперь она только географически принадлежитъ къ Европѣ, а въ сущности вещей ей показано что она только передовая азіатская держава.

— А вы, господина Флютенгаль, безъ сомнѣнія Нѣмецъ? спросилъ тѣмъ же скромнымъ тономъ Зимовьевъ.

— О да, я Нѣмецъ! отвѣтилъ съ нѣкоторымъ какъ бы недоумѣніемъ великій лѣнивецъ.

— Я такъ и догадался, потому что вы напомнили мнѣ одного вашего соотечественника въ Берлинѣ, которому я принужденъ былъ объяснить что для иностранца, говорящаго о Россіи въ присутствіи Русскихъ, обязательна известная сдержанность, сказалъ совершенно спокойно Глѣбъ Дмитріевичъ.

Великій лѣнивецъ сначала какъ будто даже не помалъ—онъ никогда ничего подобнаго не слышалъ въ Петербургѣ,—но затѣмъ на губахъ его явилась сконфуженная гримаса.

— О, я вижу вы патриотъ! оказалъ онъ совершенно дружелюбно, въкрадчиво-ироническимъ тономъ. И затѣмъ, обратившись къ дамамъ, добавилъ:

— Я столько лѣтъ живу въ Россіи и всегда былъ благодаренъ за русское гостепримство. Я самъ давно ужъ совсѣмъ Русскій.

Лариса излодтишка улыбулась Зимовьеву и промолвила вполголоса:

— Ваши уроки удивительно дѣйствуютъ...

Глѣбъ Дмитріевичъ повернулся къ ней и въ его взглядѣ выразился вопросъ, заставившій Ларису смутиться.

— Можетъ быть потому что я имѣю преимущество большой и печальной опытности, сказалъ онъ.

Это очевидно не относилось къ Флютентаю, и Лариса еще больше смущалась..

— Скорѣе потому что вы слишкомъ умны, сказала она почти нечаянно.

— Нѣтъ, это было бы уже слишкомъ большое неудобство, возражалъ Зимовьевъ. — Я знаю нѣсколькихъ умныхъ людей въ Россіи, и мнѣ кажется что они очень несчастны.

— Умъ—это сила, сказала Лариса.

— Бездѣйствующая, поправилъ Глѣба Дмитриевичъ; — и потому она давить своею тяжестью того кто несетъ ее. Гораздо пріятнѣе пройти жизнь съ облегченною ношею.

— И уступить тому кто сильнѣе! сказала Лариса.

Зимовьевъ опять взглянулъ на нее съ выраженіемъ интереса, и Лариса почувствовала какъ лицо ея загорѣлось отъ прилившей крови. Она сдѣлала уже столько ходовъ впередъ что съ его стороны было оскорбленіемъ не идти навстрѣчу такому разговору, который происходилъ между ними независимо отъ высказанныхъ словъ. А онъ какъ будто только выражалъ взглядомъ что понимаетъ ея рѣчь, и не отвѣчалъ на нее....

— Если только сильные люди не уклоняются отъ борьбы, сказалъ онъ.

— Какая гордость! молвила быстро Лариса.—Видь вы хотите сказать что если вамъ не локорамтея сразу, не падаютъ предъ вашимъ превосходствомъ, то следовательно не заслуживаютъ.... вашего вниманія!

Въ глаза Глѣба Дмитриевича выразилась мгновенная улыбка.

— Я ничего этого не хотѣлъ сказать, отвѣтилъ онъ совершенно спокойно; — и я вовсе не увѣренъ въ своемъ превосходствѣ. Я только вижу и чувствую многое не такъ какъ другіе и потому пожелалъ долженъ оставаться въ сторонѣ. А насколько я правъ, это не мнѣ рѣшать.

Лариса поняла что онъ нарочно, съ раздражающимъ упрямствомъ послѣдшилъ дать совсѣмъ другой смыслъ ихъ разговору — не тотъ смыслъ который оба они чувствовали... Она испытывала непонятную, почти злую досаду.

— Простите, я забыла что со времени заграничной поѣздки вы заняты исключительно одною политикою.... сказала она.

Въ серіозныхъ глазахъ Зимовьева опять появилась улыбка и не пропала, а оживила выраженіемъ неожиданной ласки все лицо.

— Напротивъ, я никогда такъ страстно не желалъ уйти совсѣмъ отъ пелитики какъ въ настоящее время, сказалъ онъ;—и я думаю что вы знаете это, потому что существуютъ двѣ очень важныя причины....

— Какія? спросила какъ бы равнодушнымъ тономъ Лариса.

— Вопервыхъ, вы знаете почему въ послѣдніе годы я держалъ себя въ сторонѣ отъ всякаго дѣла, продолжалъ Зимовьевъ;— вы знаете что это происходило не отъ лѣни и не по капризу оскорбленнаго честолюбія, а потому что для меня, съ моими убѣжденіями, нѣтъ мѣста среди того что у насъ дѣлается. Я не могу идти рука-объ-руку съ тѣми кто управо выбираетъ ложную дорогу. Въ настоящую минуту болѣе чѣмъ когда-нибудь торжествуетъ именно то что глубоко ненавистно мнѣ. Въ Берлинѣ разорвалась послѣдняя томелькая нить за которую держались убѣжденные русскіе люди, разчитывавшіе служить своей родинѣ подъ русскимъ, а не подъ нѣмецкимъ флагомъ. Нынче этимъ людямъ приходится окончательно сложить руки, и можетъ-быть надолго. Имъ остается только терзаться, наблюдая какъ сверху будетъ давить насъ Европа, а снизу подрывать тайная революція. Праздникъ не на нашей улицѣ, а вотъ у этихъ господъ...

Онъ взглянулъ на Фаулетталя, который, отдуваясь розовыми щеками, объяснялъ что-то Марьѣ Ивановнѣ и Алѣѣ Всеволодовнѣ. Лариса слушала Зимовьева съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Да, это очень грустно, сказала она;—я понимаю что вамъ, съ вашимъ характеромъ и образомъ мыслей, здѣсь нечего дѣлать.

— До такой степени нечего дѣлать что я конечно и не показался бы въ Петербургѣ, еслибы не вторая, совершенно личная причина... продолжалъ Глѣбъ Дмитриевичъ, и сбоку, засвѣтившимися и ласково улыбающимся глазами взглянулъ на Ларису. Та тоже подняла на него вопрошающіе и улыбающіеся тайною внутреннею радостью глаза.

— Какая же вторая причина? высказала она свой вопросъ.

— А вотъ то дѣловое письмо о которомъ я говорилъ вамъ въ день пріѣзда, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитриевичъ съ натянутою серіозностью, сквозь которую, озаряя чѣмъ-то милымъ и вѣжливымъ строгое лицо, звучала ласковая шутливость.

XVIII.

На площадке, предъ сидящими на стульяхъ, продолжалъ медленно и тѣсно двигаться все тотъ же нескончаемый кругъ гуляющихъ. Отъ него рябило въ глазахъ. Марья Ивановна, не привыкшая къ толпѣ, чувствовала ужасное утомленіе и съ трудомъ вслушивалась въ разговоръ Анны Всеволодовны съ Фаулентелемъ. Анатолий не возвращался, и Паша, всталъ чтобъ отыскать его. Лариса чувствовала себя какъ будто вдвоемъ съ Глѣбомъ Дмитриевичемъ, но не испытывала того страшнаго страха который находилъ на нее въ такихъ случаяхъ прежде, въ Волчьемъ Долѣ. Она, напротивъ, боялась растерять эти минуты попятнаго имъ однимъ разговора... Ей опять казалось будто она скользитъ надъ какою-то опасностью, но это была не страшная, а только безмѣрно любопытная опасность; и она, смущаясь, готова была торопить что-то еще не сказанное между ними....

— Ахъ да, жальмо; вы почему-то не хотѣли объяснить намъ причину вашего внезапнаго приѣзда въ Петербургъ, сказала она.

— Я не имѣю права посвящать васъ въ свои дѣла, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитриевичъ, и въ глазахъ его пропало смѣющееся выраженіе.— Но скажите пожалуйста, гдѣ Нестужевъ? Я давно уже не вижу его у васъ, вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ.

Это было первый разъ что онъ вспомнилъ о Нестужевѣ, и хотя вопросъ былъ сдѣланъ какъ бы незначительнымъ тономъ, Лариса почувствовала огромный тайный смыслъ соединенный съ нимъ.

— И я тоже его совсѣмъ не вижу; можетъ-быть онъ также занятъ какими-нибудь дѣлами и также не считаетъ себя въ правѣ посвящать меня въ нихъ, отвѣтила она съ веселомъ и нѣсколько задержанною ироніей.

— Но онъ можетъ окончить свои дѣла и снова появиться? спросилъ все тѣмъ же какъ бы незначительнымъ тономъ Глѣбъ Дмитриевичъ.

— Не знаю; мы не запрещали ему! отвѣтила Лариса.

Глѣбъ Дмитриевичъ, все время не курившій, досталъ сигару и всталъ ея. Лариса поправила перчатки и взяла со стула зонтикъ.

— Мнѣ наконецъ надоѣло сидѣть; хотите пройтись? вдругъ сказала она, и обернувшись къ матери, прибавила:

— Мама, вы разрѣшаете намъ faire un tour?

Она не узнавала себя. Необъяснимое любопытство точно обжигало ее, злило и какъ-то жутко забавляло. Ей хотѣлось бы убѣжать куда-то съ Глѣбомъ Дмитриевичемъ на эти нѣсколь-ко минутъ, отъ этой страшной олясности быть прерванны-ми среди ихъ разговора, среди наслажденія изящной и томительной борьбы, завязавшейся между ними.

Глѣбъ Дмитриевичъ подалъ ей руку и они пошли въ толпѣ, между рядами газовыхъ фонарей, озарявшихъ почти фантастическимъ мерцаніемъ туманъ петербургской ночи.

— Развѣ вамъ не все равно—появится у насъ олять Иллонтъ Сергѣевичъ или нѣтъ? спросила Лариса.

— Развѣ вы забыли наши разговоры въ Волчьемъ Долѣ? отвѣтилъ другимъ вопросомъ Зимовьевъ.

— Я ни одного слова не забыла; мнѣ пришлось часто, очень часто и грустно вспоминать то что вы говорили.... сказала Лариса.

— Значитъ вы убѣдились что я былъ.... немножко правъ? снова спросилъ Зимовьевъ.

— Убѣдилась ли я, не знаю.... Вы были обвинителемъ, а я никого не могу обвинять. Я вѣроятно сама не умѣла сберечь ваше чувство или ошибалась въ немъ.... не поняла что въ немъ было еще слишкомъ много ребяческаго.... отвѣтила Лариса.

— Какое счастье что вы все-таки вовремя поняли это! сказалъ Глѣбъ Дмитриевичъ и даже вздохнулъ.

Лариса молча сдѣлала нѣсколько шаговъ.

— Если это и счастье, то оно не очень дешево куплено, сказала она печально.

— Дешево, ужасно дешево! возразилъ Зимовьевъ.—Вы еще не знаете во что обходятся такія ошибки. А эта маленькая драма, этотъ печальный опытъ полу-ребенка, полу-женщины... это забудется, и не оставитъ другаго слѣда кромѣ ускоренной зрѣлости ума и сердца. Такіе опыты воспитываютъ. Я былъ несказанно радъ когда тамъ, въ моемъ удивленіи, до меня докатилась вѣсть о вашемъ разрывѣ.

— Какъ, вамъ писали обо мнѣ.... туда? воскликнула Лариса.

— Развѣ я не говорилъ вамъ о дѣловомъ письмѣ изъ Петербурга? отвѣтилъ весело Зимовьевъ.

Лариса почувствовала какъ краска словно обожгла ей лицо. Но она не спрятала этого лица, а смѣло, блистающими глазами взглянула на Глѣба Дмитриевича.

— И вы... вслѣдствіе этого письма уѣхали въ Петербургъ? спросила она.

— Въ тотъ же день, отвѣтилъ Зимовьевъ.

Разговоръ вдругъ упалъ. Они продолжали молча подвигаться въ толгѣ которая заставляла ихъ тѣснѣе жаться другъ къ другу. Ларисѣ какъ будто опять страшно стало, но было что-то радостное и гордое въ этомъ страхѣ. „Да, этимъ нельзя не гордиться; онъ не броситъ своего чувства къ ногамъ обыкновенной женщины.... Но вѣдь гордиться не значитъ любить; это не любовь, нѣтъ, нѣтъ, не любовь!“ думала она съ закруживающею голову быстротой.

— И вы рѣшаетесь скучать здѣсь въ Петербургѣ только для того чтобы.... наблюдать за мною? сказала она.

— Я не скучаю здѣсь, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитриевичъ, на котораго какъ будто непріятно подѣйствовалъ этотъ вопросъ.— А быть праздымъ не все ли равно гдѣ?

Они въ эту минуту проходили мимо Марьи Ивановны и Анны Всеволодовны, къ которымъ только-что вернулись Анатоль и Паша.

— Я сяду. тебѣ, сказала Лариса, послѣшно освобождая руку.

Она чувствовала досаду на себя за свой вопросъ. Это походило какъ будто она напрашивалась на признаніе и дала ему случай уклониться отъ него. „Но только это не правда, не правда!“ повторала она мысленно, съ разгорающимся ощущеніемъ обиды.

Она сѣла въ кружокъ гдѣ Анатоль, успѣвшій уже встрѣтиться со множествомъ знакомыхъ, съ оживленіемъ передавалъ только-что подхваченную новость: „Пашетъ Долицына бѣжала отъ мужа; она, эта красавица Пашетъ, эта мраморная Диана петербургскаго свѣта, дала увлечь себя внезапно и межданно. Это счастливое супружество, на которое съ завистью любовались, рушилось со скандаломъ.... и съ какимъ скандаломъ! Мужъ гнался за любовникомъ по улицамъ „водянаго“ городка, стрѣляя изъ револьвера и производя неописанный переполохъ въ домахъ мирно уснувшихъ обывателей. Заграничныя газеты были наполнены нескончаемыми подробностями; *Figaro* послалъ на мѣсто спеціальнаго репортера....“

Анна Всеволодовна, очень хорошо знавшая Доллицыныхъ, всплеснула руками.

— Но съ кѣмъ же она бѣжала? съ какимъ-нибудь „водянымъ“ маркизомъ или виконтомъ? спросила она.

— Нѣтъ, съ Русскимъ, съ Жѣдровскимъ, отвѣтилъ Анатоль, отчетливо выговаривая эту фамилию, какъ будто въ ней-то и заключалась главная пикантность скандала.

И дѣйствительно, эта никому неизвѣстная фамилия произвела эффектъ, именно потому что никто не зналъ ея. Жѣдровскій! что это такое? откуда онъ взялся? кто его видѣлъ? Никто, или почти никто во всей этой избранной публикѣ, среди которой имя его въ тотъ вечеръ перелетало какъ мячъ, подбрасываемое необузданною смелости. И публика, словно оскорбленная именно тѣмъ что какой-то совершенно неизвѣстный ей герой романа вдругъ заставилъ говорить о себѣ, съ ожесточеніемъ рвала это имя какъ дорого доставшуюся добычу.

— Но объясни же наконецъ кто онъ такой—военный, статскій? петербургскій или Москвичъ, или провинціалъ? пристава Анна Всеволодовна къ мужу.

— Статскій, отвѣтилъ Анатоль;—а откуда онъ, это опредѣлить труднѣе, потому что онъ жила въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ провинціи, и за границей.

— Но значить онъ не изъ нашего общества, если его здѣсь никто не знаетъ, продолжала маленькая княгиня.

— Напротивъ, *homme du monde*, но онъ появлялся здѣсь не надолго, и притомъ еще молодъ, объяснилъ Анатоль.—Что-то въ родѣ дилеттанта-композитора или художника, добавилъ онъ тономъ нѣкотораго пренебреженія.

— Но Пашеть—это такая мраморная натура! я не могу придти въ себя отъ изумленія, сказала Анна Всеволодовна.

— Тѣмъ болѣе онъ можетъ гордиться своею побѣдой, замѣтилъ съ пролическою гримаской Анатоль.—Но главное въ томъ что этотъ романъ уже конченъ, и Мше Доллицынь уѣхала въ деревню каяться въ прегрѣшеніи и пережидать пока утихнетъ шумъ скандала. Исторія нѣсколькихъ недѣль, можетъ-быть даже дней....

— Ахъ, какое несчастіе.... но онъ долженъ быть очень негодный человекъ, этотъ Жѣдровскій, сказала съ искреннею печалью княгиня.

Анатоль, приберегавшій нѣчто къ концу, вдругъ всталъ, и вытанувъ шею, взглянулся въ проходящую мимо толпу.

— Вотъ онъ! вдругъ сказалъ онъ, указывая глазами на высокаго, очень красиваго бровета въ сѣрой луховой шляпѣ и въ такомъ же сѣромъ, нѣсколько широко отдѣвшемъ на немъ пальто.

Всѣ посмотрѣли по тому направлению въ какомъ показавъ Анатоль; даже Марья Ивановна вытанула шею, любезноотвѣдно взглянуть на опаснаго и очевидно безнравственнаго человѣка.

— Онъ очень подурень; въ немъ есть что-то задержное... сказала Анна Всеволодовна.

— Только не лучшаго вкуса, замѣтилъ съ прежнею грациозностью Анатоль.

— Нѣтъ, напротивъ, что-то свободное и своеобразное, но somehow не visible, не согласилась княгиня. — Какъ вы находите? обратилась она къ Ларисѣ.

Та сдѣлала легкое движеніе бровями, выражавшее что она не имѣетъ опредѣленнаго мнѣнія.

— Задержное — это вы кажется вѣрно замѣтили, отвѣтила она безразличнымъ тономъ.

— И должно-быть видѣть что о себѣ думаетъ, встала Марья Ивановна, относившаяся вообще къ мужчинамъ, и въ особенности къ самонадѣяннымъ, съ нѣкоторою какъ бы враждебностью.

— Угодно я вамъ представлю его? предложилъ дамамъ Анатоль.

— Что жь... мнѣ все равно, отвѣтила съ запиской Марья Ивановна.

— Ты развѣ знакомъ съ нимъ? удивилась Анна Всеволодовна.

— Насъ сейчасъ познакомили. Я вообще встрѣтилъ многихъ изъ нашего общества; ты тутъ сидишь никого не видишь, сказалъ какъ бы тономъ упрёка Анатоль. — Между нами, этотъ невѣдомый герой мнѣ не очень нравится, но имъ всѣ интересуются, надо чтобъ онъ бывалъ у насъ. Я приведу его.

И онъ, небраживая шлорамъ, быстро пошелъ вслѣдъ за Жедровскимъ, и чрезъ минуту вернулся вмѣстѣ съ нимъ.

XIX.

Анатолий напрасно сдѣлалъ, предупредивъ жену что „герой“ ему не нравится. Анна Всеволодовна привыкла къ постоянному разладу съ мужемъ въ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Этотъ разладъ не нарушалъ ихъ семейнаго мира, но оба они чувствовали его, и какъ это часто бываетъ, взаимно преувеличивали его значеніе и относились къ нему съ нѣкоторымъ застарѣлымъ раздраженіемъ. Анатолий, убѣжденный что для нихъ обоихъ обязательна только свѣтская точка зрѣнія на людей, испытывалъ какую-то неловкость когда жена искала ума, таланта, вообще внутренняго человека; онъ называлъ это философіей и старался какъ умѣлъ смѣяться надъ тѣми къ кому она относилась серьезно. Онъ не былъ ни очень золъ, ни очень глупъ, но принадлежалъ къ разряду тѣхъ взысканныхъ, самолюбивыхъ и самоувѣренныхъ ничтожностей, которые считаютъ присутствіе въ человѣкѣ внутренняго значенія чѣмъ-то въ родѣ личной для себя обиды. Карьера, положеніе, связи — всего этого по его мнѣнію было очень достаточно для относительной оцѣнки людей и для расстановки ихъ по мѣстамъ; въ такой оцѣнкѣ онъ признавалъ что-то авторитетное, законное, а всякую другую относилъ къ мечтательству. Онъ понималъ что можно быть кавалерійскимъ поручикомъ и стоять въ обществѣ гораздо выше заслуженнаго стараго генерала и мѣтить въ послѣдствіи на лучшее мѣсто; такой порядокъ онъ даже одобрялъ; но чтобы можно было отдавать предпочтеніе уму или образованности предъ воспитаніемъ въ Пажескомъ корпусѣ или предъ тѣмъ особеннымъ шикомъ который отличаетъ петербургскія военно-придворныя сферы — это совсѣмъ не укладывалось въ его красивой съ античнымъ профилемъ головѣ.

Анна Всеволодовна, выйдя замужъ очень молодою, сначала не замѣчала этой разницы въ понятіяхъ, но замѣтивъ ее, почувствовала что не можетъ быть такъ близка къ мужу какъ ей хотѣлось и какъ она считала необходимымъ для семейнаго счастья. Она тоже любила свѣтъ и многое принадлежащее только свѣту; но въ ней не погасалъ тотъ внутренній огонекъ который заставляетъ искать въ людяхъ чего-то приподымающаго ихъ надъ другими людьми и властно

затрогивающаго воображеніе. И въ тѣ минуты когда она считала мужа неправымъ предъ собой и сильнѣе чувствовала ихъ неравенство, его манера судить людей, въ которой выражался цѣлый складъ ума и характера, дѣйствовала на нее особенно раздражительно.

Можетъ-быть именно потому что Анатолий говорилъ о Жедровскомъ съ ироническою гримаской, подчеркивая все то въ чемъ по его мнѣнію выражалась непрочность его общественнаго положенія, Анна Всеволодовна была расположена отнестись къ нему снисходительнѣе и одѣлать въ немъ именно ту сторону которая должна не нравиться мужу. Она съ удовольствіемъ замѣтила что Жедровскій держитъ себя совершенно свободно, съ нѣкоторою даже безобидною небрежностью, какъ человѣкъ который не отказывается отъ новыхъ встрѣчъ, но и не много на нихъ разчитываетъ; что онъ не стѣсняется брать всякую предложенную тему, не исключая разговора о погодѣ, и о самыхъ банальныхъ вещахъ выражается съ какой-то своеобразно-умной точки зрѣнія, придавая имъ неожиданный интересъ; что умъ у него вообще болѣе артистическій, склонный къ блестящимъ парадоксамъ и смѣлымъ сближеніямъ, ироническій и неистощимый въ мелочахъ. Ей понравилась даже что онъ такъ охотно говоритъ о себѣ, чуть-чуть при этомъ рисуясь сквозь тонкую и красивую пропію надъ самимъ собою... Она спросила какъ случилось что никогда не видала его въ петербургскомъ обществѣ; онъ отвѣтилъ съ нѣскольکو преувеличенною скромностью, осылаясь на свое неумѣнье попасть ни въ какую обязательную для порядочнаго человѣка колею и на свои инстинкты артистическаго бродяжничества.

— Я изъ тѣхъ которые никогда не будутъ принадлежать обществу, сказалъ онъ, и добавилъ улыбаясь:—но которые могутъ быть терпимы въ немъ.

Лицо его, когда онъ произносилъ эти слова, приняло замысловатое и лозозрительно-простодушное выраженіе, которымъ онъ какъ бы хотѣлъ сказать что не придавалъ никакого значенія мнѣнію свѣта, онъ въ то же время можетъ успокоить тѣхъ которые боятся чтобъ онъ за обѣдомъ не ѣлъ съ вожа.

— Вы проводили лѣто за границей? спросила Анна Всеволодовна.

— О нѣтъ, я не мѣряю жизнь такими большими кусками какъ дѣло или вина, отвѣтилъ Жедровскій.—Въ теченіе лѣта

а успѣлъ быть покемвожу вездѣ—въ Крыму, въ Константинополь, въ деревнѣ, въ Москвѣ, за границей. Я больной, которому нужно постоянно наблюдать за своимъ недугомъ, и при первомъ опасномъ симптомѣ принимать быстрыя мѣры.

— Но по наружности вы вовсе не похожи на больнаго! возразила съ небольшимъ смѣхомъ Анна Всеволодовна, обведя взглядомъ его высокую, молоджавую фигуру и свѣжее, съ блистающими глазами и зубами лицо.

— Я боленъ нервами, княгиня! отвѣтилъ нѣсколько комическимъ тономъ Жедровский;—и мнѣ запрещено скучать. Вы видите предъ собой несчастнаго который принужденъ при первомъ приступѣ скуки укладывать чемоданы и сниматься съ мѣста. Можете себѣ представить какъ это стѣпенательно для человѣка дорожащаго болѣе всего на свѣтѣ свободой.

— Какъ, вы можете каждую минуту „снятьея съ мѣста“ и бѣжать куда глаза глядятъ, и называете это стѣпененіемъ свободы? воскликнула Анна Всеволодовна.

— Но представьте себѣ что вѣдь иногда вовсе не хочется бѣжать, возразилъ Жедровский.

— Если не хочется, тогда значить не скучно.

— Это иногда очень трудно рѣшить: счастье и скука такъ близки между собою! Мнѣ случилось скучать въ минуты... во всякія минуты. Помните это чудовище, эту десятую казнь египетскую, придуманную Пушкинымъ для Фауста?

— Вы или шутите, или очень несчастный человѣкъ, сказала княгиня.

— Изумительно вѣрное опредѣленіе, если выкинуть имя, продолжалъ Жедровский.—Я шучу и я очень несчастный человѣкъ. Я шучу гигиенически, по совѣту того самаго доктора который велѣлъ мнѣ спастись отъ скуки. Цѣль въ обоихъ случаяхъ одна—избѣжать преждевременной старости. Я колдобю при одной мысли о старости. Брр!.. что можетъ быть ужаснѣе!

И онъ съ комическимъ выраженіемъ передернулъ плечами.

— Знаете, вы должны быть нестерпимы, сказала совершенно серьезно Анна Всеволодовна.

Жедровский тоже одѣлалъ серьезное лицо.

— Соглашаюсь, но съ очень важною оговоркой, отвѣтилъ онъ.—Представьте себѣ больнаго который, чтобы поддержать жизнь, находится въ непрерывной борьбѣ со своимъ недугомъ, окружаетъ себя всевозможнымъ комфортомъ,

летучими предосторожностями. Здоровый человекъ убѣжитъ отъ него на другой день, но для такого же большого бы-де бы очень пріятно воспользоваться теми введенными имъ удобствами. Я боюсь скукой; а борюсь съ ней какъ со забытымъ врагомъ, задаю своимъ нервамъ непрерывную работу, жду ихъ если они чувствуютъ влѣость... Развѣ это не находка для того кто самъ скучаетъ какъ я?

— А потомъ, когда вѣшь врагъ убеждаетъ васъ? молвила Анна Всеволодовна.

Глаза Жедровскіа пріяли виноватое выраженіе.

— Спасаетъ бѣгствомъ! отвѣтилъ онъ скромно.

Анна Всеволодовна невольна улыбнулась и этому выраженію, и этому тону.

— Однако нельзя сказать чтобы вы слишкомъ цѣнили себя, замѣтила она.

— Никогда и ни въ чемъ! подтвердилъ Жедровскій.

— Но прибавьте: въ шутку, какъ и весь этотъ разговоръ, поправила княгиня.

Жедровскій измолнулъ на нее и разсмѣялся, но въ этомъ смѣхѣ въ первый разъ выразилось у него что-то серьезное.

— Согласитесь что нѣтъ ничего безобиднѣе какъ шутать надъ самимъ собою, сказалъ онъ.

— Привычка очень скрываемыхъ людей, добавила Анна Всеволодовна.

Жедровскій хотѣлъ что-то возразить, но въ эту минуту надъ его головой изащю перемѣлилась высокая и тонкая какъ камышъ фигура молодого человека, въ сѣромъ цилиндрѣ и въ желтоватомъ пальто, застегнутомъ въ обтяжку на всѣ пуговицы.

— Bonjour, princesse! какъ я радъ опять васъ видѣть! раздались горланые звуки, сопровождаемые небрежнымъ и ловкимъ взмахомъ руки, мгновенно посадившимъ на мѣсто чернаховой менока.

Затѣмъ Коко (ибо кто же это могъ быть какъ не Коко?) сдѣлалъ легкій оборотъ къ Маріѣ Ивановнѣ и также выразилъ удовольствіе ее видѣть; съ тѣмъ же изяществомъ приподнял шляпу предъ Ларисой и сказалъ что съ восхищеніемъ припоминаетъ гостепрѣмство оказанное ему въ Вольскомъ Домѣ.

Всѣ были поражены, не исключая и Анны Всеволодовны,

которая, встрѣвая Кoko уже давно, могла бы нѣсколько къ нему нѣжвыкнуть.

— Вы орать въ Петербургѣ! воскликнула она съ такимъ недвусмысленнымъ выраженіемъ что Лариса должна была быстро отвернуться чтобы скрыть невольную улыбку.

— Пс, неужели вы думали что я закопаюсь въ деревнѣ? прощадилъ Кoko, озираясь гдѣ бы сѣсть.—Merci, я и такъ нахожу что погулявъ тамъ за лѣто.

Съ этими словами онъ сдѣлалъ маленькое движеніе въ сторону, выхватилъ съ невозмутимою наглостью чей-то стулъ изъ-подъ положеннаго на него зонтика, поставилъ его предъ нашими дамами и сѣлъ.

— Нѣтъ, право, продолжалъ онъ,—въ провинціи очень приятно проѣхать такъ, не надолго, но сидѣть тамъ, это ужасно. Тамъ нѣтъ общества; уморительные типы, увѣряю васъ. Я хочу набросать кое-какія замѣтки, въ родѣ фельетона. Разумѣется они смотрятъ на пріѣзжаго изъ Петербурга во всѣ глаза, точно онъ свалился съ другой планеты, но когда вы узнаете ихъ ближе, вы увидите что не стоить даже держать себя съ ними какъ въ порядочномъ обществѣ. И скука страшная. У насъ въ провинціи образъ жизни отсталъ на сто лѣтъ. Представьте себѣ, я гостилъ тамъ у одной помѣщицы, и меня заставляли дожидаться спать въ одиннадцать часовъ.

— Что жь, это очень хорошо для здоровья, замѣтила, скрывая улыбку, Анна Всеволодовна.

— Пс, они тамъ помѣшаны на здоровьѣ. Меня заставляли жечь все одни и тѣ же блюда чтобы укрѣпиться. Это глупо! Но наконецъ жена вызвала меня въ Петербургъ. Я долженъ былъ нанять квартиру—двѣ съ половиной тысячи. Вы бы посмотрѣли какъ ее отдавливаютъ! У насъ опять будутъ вечера. Знаете, вѣдь жена вернулась. Находить что она похорошѣла. Мы рѣшили вести grand train; вы увидите!

И Кoko почти съ угрожающимъ видомъ обвелъ глазами все общество. Затѣмъ онъ вдругъ вытянулъ изъ-подъ рукавовъ маншеты и повернулъ запонками наверхъ.

— Вы конечно знаете волкъ въ бриллиантахъ. Какъ вы это находите? обратился онъ къ княгинѣ, подставляя ей подарочекъ Татьяны Ивановны Полторазовой.

Анна Всеволодовна похвалила.

— Это мнѣ подарилъ одна изъ самыхъ красивыхъ женщинъ какихъ я зналъ, скромно объяснилъ Кoko.

Сказавъ такимъ образомъ все что онъ считалъ въ настоящее время необходимымъ повѣдать всѣмъ своимъ знакомымъ, изящный молодой человекъ сѣлалъ общій поклонъ и вошелъ помахивая тросточкой въ непрерывно движущійся кругъ публички.

XX.

Коко былъ снова совершенно счастливъ. Вернувшись въ Петербургъ и повертѣвшись въ хорошенькихъ комнатахъ занятыхъ Полиной на лѣто въ одномъ изъ лучшихъ отелей, онъ сразу, всѣми пятью чувствами, ощутилъ нѣчто новое. Воздухъ окружающій Полину дышалъ романомъ. Но это былъ не тотъ бесполезно-тревожный романъ какой заводитъ измученное, изстрадавшееся сердце, ловишущая нестрашимой потребности создать себѣ свою личную жизнь среди пятнающей грязи и охлаждающей пошлости. Нѣтъ, вокругъ Полины вѣяло другимъ; въ ея романъ слышались успокоительный шепель: оплаченныхъ счетовъ, онъ словно сверкалъ бриллиантами и шуршалъ шелковыми складками. По множеству неумовимыхъ признаковъ Коко тотчасъ понялъ что въ домѣ есть деньги; нѣтъ, не деньги, но чья-то услужливая рука, охраняющая Полину отъ уважительныхъ затрудненій просроченныхъ платежей и хлопотливаго сведенія концовъ съ концами. Чья рука? Это интересовало Коко только въ смыслѣ простаго любопытства, или развѣ для соображенія о большей или меньшей прочности новаго благополучія, внезапно обрѣтеннаго или счастливое супружество.

— Ну, ты тутъ очень мило устроилась, сказалъ онъ осматрѣвшись.— Но вѣроятно мы не останемся въ отелѣ?

— Конечно нѣтъ, мы тутъ только пока отдѣлывается квартира, отвѣтила Полина.

— Пс, ты манява квартиру?

И Коко, пріятно возбужденный, любилъ посмотреть что за квартира и какъ это она отдѣлывается. То что онъ увидѣлъ тамъ еще пріятнѣе поразило его. Полина распорядилась всѣмъ на широкую ногу, съ присущимъ ей вкусомъ и изящемъ. Она простерла заботливость до того что приготовила ему очень приличный и достаточно удаленный отъ ея кабинета кабинетъ. Коко вернулся погруженный даже въ нѣкоторую задумчивость, и его долговаая фигура нѣсколько дней

моталась подлѣ жены, выжидая, высматривая, нюхая носомъ все что могло навести его на какія-нибудь заключенія. Скоро она почувствовала подъ собою почву.

— Ну, этотъ Пахтаевъ ухаживаетъ за тобой, сказалъ она женѣ, усаживаясь на диванчикъ и вытягивая ноги.

— Можетъ-быть. Тебя это интересуешь? отозвалась Полина.

— Не очень много, я согласенъ. Я говорю только для того чтобы ты не думала что я ничего не понимаю, объяснилъ Коко.

Полина прорзительные жовела плечами.

— Тѣмъ хуже для тебя, сказала она.

— Пс! произнесъ Коко, не предвидѣвшій такого отвѣта.— Однако я не желаю бы чтобы о тебѣ чортъ знаетъ что говорили.

— Пожалуста думай больше о себѣ. Я имѣю право дѣлать что хочу съ деньгами которыми мнѣ даетъ отецъ.

— Отецъ? процѣдилъ Коко.

— Да, отецъ, подтвердила Полина и отвернулась.

Коко тоже замолчалъ и больше не возобновлялъ этого разговора, но за то возобновилъ всѣ свои прежнія знакомства, разказывая всадѣ что старый князь наконецъ выдалъ Полину за приданое и что она намѣрена нынѣшнюю зиму принимать.

Помахивая тросточкой и вытирая голову чтобы лучше рассмотреть всѣхъ, она наконецъ подошла къ группѣ въ которой сидѣла жена. Общество Полины состояло всего изъ нѣсколькихъ лицъ: Евгенія Саввича Безбѣднаго съ женой, урожденною Каричъ, самого Карича и его молодой жены, все такой же изощренной и очаровательной Софьи Александровны, успѣвшей уже вернуться изъ своего исполненнаго значенія воина и удивлявшей петербургскихъ дамъ разнообразіемъ и роскошью своихъ заграничныхъ туалетовъ. Генералъ Пахтаевъ прохаживался тутъ же не вдалекѣ, но по свойственной ему осторожности рѣшался присѣсть только на минутку, нѣсколько стѣсняясь показывать себя въ этомъ обществѣ.

— Ну, я сейчасъ говорилъ съ этою маленькою княгиней Ладожской; она очень подурнѣла, объявилъ Коко.

— Вы все такъ же остроги! упрекнула его Софья Александровна.

— Нѣтъ, подурнѣла; въ Петербургѣ вообще женщины очень скоро дурнѣютъ, продолжалъ Коко.— Но за то съ ней сидитъ одна барышня, съ которою я познакомился когда ѣздилъ въ деревню — вотъ это прелесть!

— Неужели? отозвалась Полина.

— Я думаю я понимаю въ этихъ вещахъ, процѣдилъ Кoko. — И изъ очерь богатаго семейства: Волчехъ-Соколинская. Еслибъ я не была уже женою, я непременно ужасивалъ бы за ней. Можетъ-быть полмилліона.

— На васъ эта цифра всегда удивительно дѣйствовала, замѣтила Мше Безбѣдная, переглянувшись съ мужемъ, которому она еще недавно со смѣхомъ разказывала какъ Кoko дѣлалъ ей предложеніе.

Евгеній Саввичъ свисходительно улыбнулся.

— На кого же такая цифра и не дѣйствуетъ! оказалъ онъ откровенно.

Знаменитый адвокатъ, съ тѣхъ поръ какъ мы съ нимъ разстались, успѣвалъ въ одинъ годъ значительно измѣниться. Онъ потолстѣлъ, борода и усы у него значительно потемнѣли, въ лицѣ пропало испомненное молодого задора выраженіе. Онъ продолжалъ все такъ же быстро двигаться впередъ, но уже другою дорогою. Адвокатуру онъ оставилъ и занялъ на государственной службѣ довольно видное мѣсто. При благопріятныхъ обстоятельствахъ ему еще предстояло шагнуть далеко: Но это уже не была успѣкъ завоеванный личною борьбой, первами, талантомъ. Блескъ этихъ первыхъ удачъ какъ будто обжигалъ съ его наружности. Его уже толкала общія сила вещей, борьба сошла на рутинный путь связей, искательства, процентовъ съ прибрѣтеннаго капитала. Безбѣдный отяжелѣлъ, обаянился и глядѣлъ впередъ съ сложнымъ видомъ чловѣка ожидающаго чего-то неизбежнаго. Онъ былъ оптимистъ и ко всему совершающемуся въ Россіи относился какъ опытный политическій дѣятель, увѣренный что его время придетъ и что поэтому надо предоставить вещамъ идти своимъ чередомъ. Въ этомъ смыслѣ у него только-что завязался разговоръ съ Каричемъ, который оба они и продолжали въ настоящую минуту, предоставивъ дамамъ заниматься Кoko.

— Видъ все это только для очистки совѣсти, а въ сущности кто же думаетъ чтобы можно было бороться подобными мѣрами! говорилъ Безбѣдный. — Производить аресты, закидывая какія-то дырчатыя сѣти, сквозь которыя ускользаетъ вся крупная рыба; отыскиваютъ тайныя типографіи и въ подпольныхъ гаветахъ находятъ свои собственныя, облеченныя величайшею тайною распоряженія и даже свои разговоры за семейнымъ столомъ...

— Все еще вѣрять въ репрессивныя мѣры, отозвался Каричъ.

— Я думаю что даже и не вѣрять, а просто не умѣютъ ничего другаго придумать, продолжалъ Безбѣдный;—но чрезъ годъ, чрезъ два, событія докажутъ что полагаться на эти мѣры невозможно, и тогда волей-неволей придется прибѣгнуть къ единственному средству...

— То-есть? спросилъ Каричъ.

— Къ либеральной политикѣ, что жъ еще остается! отвѣтилъ Безбѣдный.—Измѣнить направленіе, пойти на встрѣчу общественнымъ стремленіямъ, возстановить довѣріе земства, интеллигенціи, печати...

— Ну, это легко сказать, усомнился Каричъ.

— Да непременно такъ и будетъ, ничего другаго не остается, настаивалъ Безбѣдный;—съ нынѣшними органами власти, разумѣется, нельзя этого сдѣлать; но обратятся къ другимъ людямъ, къ другимъ теченіямъ,—и тогда...

— Что же тогда?

— Ну, тогда безъ насъ не обойдутся! со спокойною самоувѣренностію доказывалъ Безбѣдный.

Каричъ помадилъ свою подстриженную, засеребрившуюся уже просѣдью бородку, и по лицу его разлилось задумчивое и словно лакомое выраженіе.

— Долга пѣсня! сказалъ онъ тономъ неисправимаго пессимиста.

— Нѣтъ, не долга, не долга! не согласился Безбѣдный.

— Да полно вамъ, и безъ того здѣсь скука какая, обернулась къ нимъ Аннетъ Безбѣдная.—Я даже проголодалась.

— Что жъ, и отлично! подхватилъ Каричъ.—Пойдемте къ Татарамъ, у насъ еще полтора часа впереди.

Онъ оживился, всталъ и глядѣлъ на всѣхъ еще болѣе лакомымъ взглядомъ, вода обѣими ладонями по жирнымъ бокамъ. Рестораны до сихъ поръ сохраняли для него почти такую же заманчивость какъ для только-что произведеннаго пралорщика.

Полина сдѣлала знакъ проходившему мимо Пахтаеву.

— Мы идемъ къ Татарамъ; займите намъ комнату, сказала она.

Генералъ слегка вслыхнулъ (онъ все еще вслыхивалъ когда говорилъ съ Полиной), поклонилась и направилась коротенькими, невнятыми шагами къ выходу.

Черезъ десять минутъ все общество сидѣло за столомъ. Чадный воздухъ ресторана какъ будто на всѣхъ подѣйствовалъ возбуждительно. Софья Александровна оживилась, и услышавъ съ вожжами на широкой оттоманкѣ, рассказывала еще не подвѣченными слетавшей подробностями о романѣ Жедровскаго съ Долицыной и объ ихъ разрывѣ. Она была почти свидетельницей скандала и знала больше всѣхъ. Безбѣдный припомнилъ по этому случаю какую-то похожую и еще болѣе забавную исторію съ Флютенталемъ. Эту исторію разболталъ самъ Флютенталь, и вся соль заключалась въ томъ, что великій лианистъ заканчивалъ свой разказъ словами: „Ну, и когда я спускался съ лѣстницы, я себя сказалъ: это надо содержать въ большомъ секретѣ, потому что это есть интрига съ высокопочтенною дамой!“ Аннетъ и Каричъ хохотали, а Полина въ сторовѣ вполголоса разговаривала съ Пахтаевымъ, вертя пальцами его аксельбантъ и подшучивая надъ запахомъ реан d'Espragne, которымъ было проникнуто какъ бы все существо молодого генерала.

— Увѣряю васъ что я не душусь, это отъ саше, оправдывался тотъ, слегка розовѣя отъ близкаго взгляда Полины.

— Но однако это вашъ любимый запахъ, приставала она.

— Я его люблю потому что онъ очень хорошъ въ соединеніи съ Iris, отвѣчалъ генералъ, и наклонясь къ платку, который Полина держала въ рукѣ, напряженно нюхалъ его, закрывая имъ все лицо. При этомъ онъ держалъ руку Полины повыше браслета и изподтишка цѣловалъ ее.

Коко между тѣмъ леталъ въ буфетъ и даже на кухню, распоряджаясь. Онъ обыкновенно не платилъ своей части въ такихъ случаяхъ, и потому всегда преувеличенно суетился.

Аннетъ присѣла къ пианино, взяла аккордъ и вдругъ оказала, обращаясь ко всѣмъ:

— А вѣдь въ этой самой комнатѣ мы ужинали въ прошломъ году, когда тамъ за отъной застрѣлился баронъ Поль!

Мимолетное тягостное впечатлѣніе какъ будто отразилось на всѣхъ лицахъ.

— Да, бѣдный баронъ... не умѣлъ жить! сказалъ Каричъ.

— Мнѣ давно казалось что онъ долженъ кончить въ такомъ родѣ, повторилъ свою всегдашнюю мысль Безбѣдный.

— А куда дѣвался баронъ Андрей? спросила Софья Александровна.

— Препалъ совсѣмъ; должно-быть спалъ въ деревнѣ застрѣлъ, отвѣтилъ мужъ.

— Да, сколько сошло съ тѣхъ лоръ съ нашей сцены, вспомнила Полина:—Лилочка, Даша Ломовская... вѣкъ о нихъ не слыхала.

— Я думаю онѣ вернулись, сообщили свое предположеніе Каричъ.—Тамъ ужь все кончено, на дняхъ и гвардія вступитъ. Но въ Петербургѣ люди терзаются какъ на необитаемомъ островѣ.

Безбѣдный при имени Лилочки слегка сдвинулъ брови.

— Что это, шедевреш, вѣдь мы не на ломовки собрались! сказалъ онъ, и подойдя къ женѣ, громко забарабанилъ въ басахъ.

— И правда! отозвалась Мме Каричъ.—Chère Annette, что-нибудь цыганское, пожалуйста. Евгенийъ Саввичъ будетъ аккомпанировать.

Аннетъ встала, и сжимая гортань, чтобы придать цыганскій акцентъ, залѣва своимъ попрежнему свѣжимъ и красивымъ голосомъ:

Время минувшее, счастья година,

Вы отъ меня отошли далеко...

.....

Да, я страдала, за то я любила,

Рада я вновь и любить и страдать!

У Софьи Александровны глаза все больше геръби, и скопившись къ мужу, она покачивала головой и все больше подликала Паттаевъ, блѣднѣя, не сводила влюбленныхъ глазъ съ Полины.

XXI.

Лариса, возвращаясь въ городъ, позволила Гайбу Дмитріевичу сѣсть подлѣ себя. У нея, съ тѣхъ лоръ какъ прервался ихъ разговоръ, что-то залегло на сердцѣ, какое-то почти нѣжное раздраженіе, заставляющее злиться безъ злости, съ непреодолимымъ желаніемъ продолжать то что злится.

Прямо противъ нихъ Жѣдровскій усадилъ Анну Всеволодовну. Марья Ивановна позамѣшкала и должна была сѣсть въ сторону. Паша, имѣвшій привычку много курить, ушелъ въ другой вагонъ.

Лариса глядѣла въ окно, въ непроглядную черноту осенней ночи, и опять какъ въ тотъ вечеръ когда она возвращалась съ острова и пропѣвала стихи Лермонтова, ей

казалось все темнымъ и непроницаемымъ въ крошечномъ уголкѣ гдѣ она жила со своими мечтами и со своимъ влекоимымъ своевольнымъ сердцемъ. А еще недавно, пока лѣто не остыло и деревья не успѣли пожелтѣть, все было такъ ясно впереди, все представлялось такъ просто и хорошо рѣшеннымъ. Она медленно отвернулась отъ окна и поправилась, усаживаясь поглубже. При свѣтѣ огарка мерцавшаго въ фонарѣ лицо ея казалось до прозрачности блѣднымъ и хмурымъ.

— Глѣбъ Дмитричъ, вѣдь это скучно, сказала она.

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Живешь все какъ-то въ половику, объяснила она.

Глѣбъ Дмитріевичъ улыбнулся.

— Какъ вы мадо хотите! сказалъ онъ. — Кто же живетъ полною жизнью? Развѣ минутами...

— Зачѣмъ же вы мнѣ обѣщали! неожиданно, и калризно молвила Лариса.

— Я обѣщала? изумился Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Разумѣется. Не помните? А когда мы въ послѣдній разъ встрѣтились предъ отъѣздомъ вашимъ за границу, что вы сказали? „Научитесь, и тогда узнаете... и настрадаетесь!“ Вы сказали: „Когда это пройдетъ, берегите свое сердце, не шутите имъ какъ теперь...“ И вотъ прошло, а я ничему не научилась и даже не настрадалась...

— Тѣмъ лучше! сказалъ съ ватаутою улыбкой Глѣбъ Дмитріевичъ. — Я былъ плохой пророкъ, но вы можете только радоваться если мои предсказанія не сбылись.

— А вотъ видите, я не рада, негромко отвѣтила Лариса.

Глѣбъ Дмитріевичъ сбоку бросилъ на нее быстрый взглядъ.

— Вамъ хочется страдать? спросилъ онъ съ тою же напряженною улыбкой. — У женщинъ это обыкновенно значитъ только что имъ хочется заставить страдать другаго.

— Можетъ-быть, но къ сожалѣнію когда сама не страдаешь, это не интересно, возразила Лариса.

— А, вы поняли это, а говорите что ничему не научились! промолвила Глѣбъ Дмитріевичъ какъ будто злымъ тономъ.

На Ларису этотъ тонъ почему-то радостно подѣйствовалъ.

— Да, недавно это было, а кажется точно цѣлые годы прошли, сказала она. — Любовь учить.

Глѣбъ Дмитріевичъ ничего не отвѣтилъ и глядѣлъ какъ будто разсѣянными глазами на сидѣвшихъ противъ нихъ Анну Всеволодовну и Жедровскаго, между которыми завязался

разговоръ все болѣе понижавшійся: повидимому обоимъ имъ не хотѣлось чтобъ ихъ слышали.

Лариса плотнѣе задвинулась въ уголъ куле, такъ что лица ея почти не было видно въ тѣни. Ее олять раздражало молчаніе Глѣба Дмитріевича. „Онъ угадалъ, мнѣ дѣйствительно хотѣлось бы чтобъ ему сдѣлалось больно.... больно отъ меня...“ думала она.

— А вамъ развѣ не скучно? вдругъ спросила она.

— Скучно? нѣтъ, мнѣ чаще бываетъ гадко, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Ахъ да, политика, Берлинскій конгрессъ... подтрунила съ натанутымъ смѣхомъ въ голосъ Лариса.

Ей хотѣлось сказать что-нибудь мстительное и злое, и поймать на его упрямомъ, непроницаемомъ лицѣ выраженіе боли.

— Но почему вы задали этотъ вопросъ? спѣхойно обратился къ ней Зимовьевъ.

— Нѣтъ, я ошиблась. Я забыла что вѣдь вы политическій человекъ, что все остальное, чѣмъ живутъ обыкновенные люди, на васъ дѣйствуетъ только въ промежуткѣ между двумя телеграммами... продолжала тѣмъ же тономъ Лариса.— У меня это все вылетѣло изъ головы и представилось будто мы съ вами находимся отчасти въ одинаковомъ положеніи.

— Я все-таки не понимаю, отозвался Зимовьевъ.

— Развѣ я не сказала вамъ съ наивною можетъ-быть откровенностію что прежнее прошло, кончено? А мнѣ казалось что и у васъ тогда было... и теперь прошло. Но вы съѣздили за границу и все забыли, а мнѣ скучно, мнѣ нечѣмъ замѣнить того что было.

Въ полутемномъ углу куле ея лицо слабо вспыхнуло и она съ досадою отвернула его къ окну. Она мгновенно почти возненавидѣла себя за эти взволнованно вырвавшіяся слова. „Что онъ думаетъ? что онъ скажетъ?“ пронеслось въ ея мозгу, и напряженные нервы ея какъ будто усиленно чувствовали въ эту минуту его присутствіе. Ей казалось что она слышитъ какъ тяжело и взволнованно дышетъ его грудь, что онъ тѣснитъ ее.

Глѣбъ Дмитріевичъ въ самомъ дѣлѣ подвинулся чтобы заглянуть въ ея лицо.

— Если вамъ скучно, то мнѣ хуже, сказалъ онъ.

— Потому что ваши интересы такъ серіозны? спросила Лариса.

— Потому что мое чувство сильнѣе того которое было и прошло у васъ; потому что вы молоды и вознаградите свою утрату, а мнѣ вѣчнѣе вознаградить мою, объяснилъ Зимовьевъ.

Лариса перестала смотрѣть въ окно.

— Я не знаю какая у васъ утрата, сказала она.

Глѣбъ Дмитриевичъ усмѣхнулся.

— Вамъ хочется подразнить меня? Что жь, я готовъ доставить вамъ это удовольствіе, отвѣтилъ онъ.—Дразните, торжествуйте. Я потерялъ право говорить вамъ о моемъ чувствѣ, но если вы сами спрашиваете, если вамъ хочется усмѣяться, хотя бы изъ лустаго женскаго тщеславія, я откажу. Я настолько взрослый человѣкъ что у меня уже нѣтъ эгоизма любви, самелюбія улыбка. Я искалъ счастья, а не торжества.

— Говорите, молвила Лариса, блѣднѣя.

— Извольте, продолжалъ Зимовьевъ, понижая голосъ и усмѣхаясь натянутою улыбкой.—Я васъ люблю, люблю больше чѣмъ прежде. Вы довольны? вамъ нравится что я сознаюсь въ этомъ, безъ надежды чтобы вы когда-нибудь полюбили меня?

Лариса вся сжалась въ темномъ углу вагона и лугливо по-смотрѣла на Анну Всеволодовну. Та съ задумчивымъ вниманіемъ слушала Жедровскаго и даже не взглянула на нихъ.

— Вы не замѣчаете сколько презрѣнія въ вашихъ словахъ, Глѣбъ Дмитриичъ... сказала Лариса.—Изъ женскаго тщеславія, вы говорите? Но почему же не изъ потребности женскаго сердца принять руку друга, если ее проталкиваютъ безъ... безъ этой каменной мстительности и слишкомъ большой гордости?

Глаза Зимовьева блеснули.

— Какъ могли вы найти что-то презрительное въ моихъ словахъ? возразилъ онъ.—Если я отнесъ вашъ вопросъ къ простому любопытству, можетъ-быть даже къ некоторому извинительному женскому тщеславію, то развѣ причина не понятна сама собою? развѣ я могъ забыть недавній урокъ? Я вамъ сказалъ правду. Я не умѣю разлюбить васъ (голосъ его, повинаясь, замѣтно дрогнулъ), но я ни однимъ намекомъ не позволилъ себѣ напомнить вамъ о моемъ чувствѣ, пока вы сами шути или серьезно не предоставили мнѣ этого права.

— Боже мой, сколько дипломатіи! воскликнула Лариса, улыбнувшись еще блѣдыми губами.—Но видите, я смотрю

на вещи гораздо проще, и еслибы вы вздумали воспользоваться этимъ правомъ безъ моего позволенія, я можетъ-быть не очень бы разсердилась...

Она повернула къ свѣту свою изящную головку и взглянула въ лицо Зимовьеву смѣющимися, ласковыми, освѣщенными до дна глазами. Ей вдругъ стало весело, хотѣлось шутить и школьничать.

— Ахъ, мудрый дипломатъ, вы совсѣмъ не знаете женскаго сердца. Вы не подозреваете какъ мы всё хотимъ чтобы насъ любили... добавила она.—Но позвольте, я замѣчаю что вы сдѣлали очень хитрое улуцженіе. Я говорила о другѣ... вашъ дипломатическій азыкъ допускаетъ такіа слова?

Глѣбъ Дмитріевичъ только улыбнулся, но его вслыхнувшій взглядъ словно обжегъ Ларису. Ея длинная рѣсница чуть дрогнула.

— А если такъ, то не извольте злопамятствовать и подавлять меня этимъ ледянымъ величіемъ... дайте себѣ немножко оттаять... сказала она быстро съ тѣмъ жуткимъ и закруживающимъ чувствомъ, съ какимъ поддаются внезапно охватывшему радостному раздраженію.—Вы забываете что женщина бываетъ иногда хитрѣе самаго умнаго и провицательнаго мужчины. Вамъ казалось что я не разглядѣла вашей маленькой игры, не поняла этой дипломатической сдержанности? Вы думаете я не знала отчего вы вдругъ появились въ Петербургъ? не знала что только безмѣрная гордость и боязнь за свое самолюбіе заставляли васъ молчать? И вотъ видите, я пошла впередъ, я не торговалась съ самолюбіемъ, я заставила васъ заговорить. Вы не очень на меня озлитесь за это, не правда ли?

Глѣбъ Дмитріевичъ, блѣднѣя, щипалъ губами кончики усовъ.

— Но зачѣмъ? зачѣмъ вамъ это нужно было? проговорилъ онъ, съ безлокойствомъ взглянувъ на Анну Всеволодовну и Жѣдровскаго, которые въ эту минуту замолчали и какъ кажется слушали ихъ.

— Зачѣмъ? вѣдь я вамъ сказала: скучно такъ! отвѣтила нервнымъ тономъ Лариса.

— Вы сказали: скучно жить вполонину, напомнилъ Зимовьевъ.

— Ну, да... Анна Всеволодовна, вѣдь скучно! вдругъ обратилась Лариса къ маленькой княгинѣ, и все съ тѣмъ же нервнымъ возбужденіемъ, которое напрасно старалась скрыть, завязала общій разговоръ.

XXII.

Анна Всеволодовна была очень благодарна Ларисѣ за ея внимательство, потому что оно помогло ей не отвѣтить на вопросъ только-что предложенный Жѣдровскимъ. У нихъ, какъ только они сѣли въ вагонъ, тоже завязался очень интересный обоимъ разговоръ. Любопытство Анны Всеволодовны было возбуждено еще раньше. Красивая наружность Жѣдровскаго, его оригинальная, нѣсколько небрежная и какъ бы бессознательно-кокетливая манера держать себя, что-то своевольное и даже дерзкое въ этой манерѣ, не столько выражавшееся сколько подозрѣваемое и ожидаемое — все это производило впечатлѣніе.

Анна Всеволодовна была больна тѣмъ самымъ недугомъ которымъ часто болѣютъ молодыя свѣтскія женщины, пока въ нихъ еще не гаснетъ Богъ-вѣсть откуда занесенная искра: она таготилась ничтожествомъ ежедневно встрѣчаемыхъ лицъ и чего-то искала за плечами каждаго изъ нихъ. Стереотипныя фигуры наводили на нее тоску; вначалѣ она пыталась разглядывать ихъ ближе, создавать себѣ подставныхъ героевъ подъ гербовыми пуговицами и фраками отъ Тедески, но скоро эти неблагодарныя усилія собственной фантазіи утомили ее, а ближайшее знакомство съ мужемъ научило сразу понимать крошечную цѣну того что считается въ свѣтѣ крупною монетою.

Разъ или два случилось ей сталкиваться съ людьми другаго склада, но они попадали въ ея кругъ случайно и торопились выскочить изъ него, словно не находя въ немъ достаточно воздуха. А маленькая княгиня послѣ этихъ мимолетныхъ встрѣчъ становилась то безпокойнѣе, то задумчивѣе и болѣе прежняго теряла вкусъ къ тѣмъ кто окружалъ ее.

Она съ ужасомъ замѣчала что эта порча вкуса относилась также и къ ея мужу. Во время его продолжительнаго отсутствія она, какъ это часто бываетъ, немножко отвыкла отъ него, и вспоминая о немъ представляла его себѣ гораздо лучше, проще и серьезнѣе чѣмъ онъ былъ. Въ человѣческихъ отношеніяхъ дѣйствуетъ обратный законъ перспективы, и близкіе намъ люди иногда кажутся крупнѣе по мѣрѣ отдаленія. Когда Анатолий вернулся и возобновилась вся обычная

цѣлительная мелочь жизни, для Анны Всеволодовны какъ будто видѣе прежняго обозначилось то что повсемому было затупшевано разлукой. Можетъ-быть впрочемъ что и сама она за эти полтора года, оставаясь чаще одна со своими мыслями или съ книгой, сдѣлалась требовательнѣе, привыкла уходить куда-то дальше того что даетъ обыкновенная, вырожденная по утвержденному образцу человеческая натура...

На показалося какъ будто ужасно тѣсно когда Анатолю слюкотиво и радостно заикалъ лодкѣ неа свое мѣсто, сразу окруживъ ее своими маленькими пошлостями и огромными, но совершенно дрянными претензіями. Тутъ уже и искать нечего было, и толкаться некуда было: въ натурѣ Анатоля все отличалось такою размырвемою и нерушимою ограниченностью что можно было бы разбить себя лобъ, но не прошибить стѣны въ которую упиралась каждая его мысль и каждое чувство. Походная жизнь, впечатлѣнія громадной драмы которую онъ просматривалъ съ луки сѣдла, въ изящный бинокль, сообщили ему еще болѣе отвердѣлыя формы.

Анна Всеволодовна сравнивала мужа съ другими людьми своего круга и находила что онъ лучше ихъ. Лучше всего было то что онъ ея мужъ, за котораго она шла если не по любви, то совершенно охотно, и что икогда она различала на немъ нѣчто какъ-будто приставшее отъ нея самой, отъ ея собственнаго ума и сердца. Только за это, нѣчто "она и любила его. Въ такіа минуты она готова была обвинять себя въ излишней романтичности, въ сентиментальности, располагающей скучать среди дѣйствительности и требовать отъ жизни того чего она не можетъ дать. Но сравнивая себя съ другими скучающими женщинами, она находила огромную разницу. Она замѣчала въ нихъ пресыщеніе, испорченную острогу крови, заставляющую бросаться въ противорѣчія, томиться по неопредѣленному и въ сущности ничего не стоящему идеалу или искать нездороваго возбужденія. А ея идеалъ былъ почти налицо, онъ бродилъ между людьми, оставляя у каждаго частицу самого себя, заставляя чувствовать свое незримое присутствіе. Какая-нибудь черта въ человѣкѣ, чье-либо слово (и чаще всего слово подсказанное книгой) заставляли его отгадывать; казалось что онъ тутъ, что его видишь и слышишь, и между тѣмъ чрезъ минуту призракъ рассылаеся, дробилеся въ отдѣльныхъ потухающихъ искрахъ. А этотъ

превратъ былъ живой человѣкъ. Онъ принадлежалъ этому же самому свѣту, подчинялся тѣмъ же условнымъ формамъ обществя которыя Анна Всеволодовна привыкла вѣдѣть. Только въ этихъ обязательныхъ формахъ у него укладывалось недостающее другимъ людямъ содержаніе: самобытный умъ, гнѣвно заданный наблюдѣніемъ и творчествомъ, художественный взглядъ на жизнь, тонкая игра нервовъ, горячка крови или скептической авторитетъ опыта, что-то такое что даетъ человѣку блескъ помимо позолоты герба или мудра. Развѣ это такъ много, развѣ это такъ недостижимо?

Когда Жѣдровскій попросилъ позволенія сѣсть подлѣ нея въ вагонѣ, Анна Всеволодовна, подбирая отсырѣвшія складки платья, отвѣтила съ улыбкой:

— Пожалуйста, я очень жалѣла что помѣшали нашему разговору.

И она добавила весело:

— А такъ какъ я здѣсь буду вашею единственною слушательницей, то вы можете перестать кокетничать и трувить надъ самимъ собою. Серіозно, мнѣ хочется предложить вамъ капитальный вопросъ: кто вы такой?

— Неслужащій дворянинъ, тридцати лѣтъ отъ роду, холостъ и особыхъ примѣтъ не имѣю, отвѣтилъ Жѣдровскій, дѣлая серіозное лицо и приподымая шляпу.

— Прекрасно. Отчего вы не служите?

— По неспособности къ опредѣленнымъ занятіямъ и къ постоянному образу жизни.

— Что же вы дѣлаете?

— Я ужъ вамъ говорилъ: спасаюсь отъ скуки.

— Какими способами?

— Всѣми, не исключая даже нѣкоторыхъ недозволенныхъ закономъ.

— Перестаньте гримасничать. Серіозно, вѣдь занимаетесь же вы чѣмъ-нибудь? Мнѣ сказали что вы любите музыку, живопись... вы немножко художникъ?

— Немножко, *c'est le mot*.

— Но что же вы любите больше всего на свѣтѣ?

— Себя, и потомъ женщинъ. Нѣтъ, женщинъ, и потомъ себя.

— Очень важная поправка, и я даже понимаю въ какомъ смыслѣ: себя вы любите постоянно и неизмѣнно, и потому это чувство спокойное, почти незамѣтное для васъ самихъ;

а женщинами вы увлекаетесь внезапно, страсть вспыхиваетъ какъ огонекъ, который черезъ минуту погаснетъ, но пока горитъ, онъ бьетъ въ глаза.... Такъ? спросила Анна Всеволодовна, улыбувшись на этотъ разъ странною, какъ будто невеселою улыбкой.

— Такъ! подтвердилъ Жѣдровскій, и въ глазахъ его, вопреки забавно-виноватому выраженію лица, тоже блеснуло что-то невеселое.

— И у васъ никогда не было ни одной серьезной привязанности? продолжала Анна Всеволодовна.

Жѣдровскій пожалъ плечами.

— Кто же станетъ смотрѣть на меня серьезно? возразилъ онъ.

— Полноте, вы все гримасничаете, сказала княгиня, — я увѣрена что это все вздоръ.

— То-есть что такое вздоръ?

— Все что вы говорите про себя. Я не вѣрю. Когда-нибудь вы любил.

— О, Боже мой, сто разъ! подтвердилъ Жѣдровскій.

— Сто разъ не любить, возразила Анна Всеволодовна. — Вы любил однажды, и можетъ-быть очень рано, и можетъ-быть несовсѣмъ удачно, и разочарованіе васъ испортило. Я увѣрена что вы въ сущности ненавидите женщинъ.

— Вы такъ думаете?

— Я убѣждена. У васъ есть что-то мстительное, и это отгадывается чутьемъ. Мнѣ даже кажется что для васъ самое главное — насмѣяться надъ той которая васъ любитъ. Вы ищете жертвы.

Она взглянула на Жѣдровскаго и опять замѣтила невеселый блескъ въ его глазахъ и какую-то необозначавшуюся прежде морщинку между бровями, отъ которой лицо его вдругъ дѣлалось серьезнѣе и какъ будто старѣе. Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Вы заблуждаетесь, хотя есть нѣчто очень тонкое въ вашемъ замѣчаніи, сказалъ онъ. — Мнѣ не было случая разочароваться, потому что я никогда не былъ серьезно очарованъ. И я не ищу жертвъ — ломилуйте, зачѣмъ мнѣ онъ? Но знаете, когда романъ кончается, — а вѣдь всякій романъ кончается — преимущество всегда на сторонѣ того кто чувствуетъ себя свободнѣе. И я очень дорожу этимъ преимуществомъ.

— Но вѣдь это преимущество того кто меньше любитъ, замѣтила Анна Всеволодовна.

— Или того кто короче любить, поправилъ Жѣдровскій.— Ахъ, княгиня, наша молодость такъ коротка, а я такъ легкомысленъ! добавилъ онъ прежнимъ шутовымъ тономъ.

Княгиня сдѣлала отрицательное движеніе головой.

— Нѣтъ, не то, не то! сказала она.

— Беретесь разрѣшить загадку? спросилъ Жѣдровскій.

— И очень просто: васъ не умѣли удержать, отвѣтила Анна Всеволодовна.

Жѣдровскій засмѣялся.

— Я думаю и не брались даже! сказалъ онъ.— У меня очень мало добродѣтелей, но несомнѣнно есть одна: я не лицемеренъ. Я никогда ни одну женщину не увѣрялъ въ вѣчной любви. Среди множества грѣховъ тяготящихся на моей совѣсти нѣтъ ни одной ложной клятвы. Я знаю, женщины требуютъ ихъ даже когда не вѣрятъ имъ, и моя тактика выкупа не годится. Mais c'est plus fort que moi. Я боюсь женщинъ расположенныхъ идеализовать того кого любятъ. Мнѣ въ этихъ случаяхъ все кажется будто играешь какую-то подставную роль, пользуешься краденымъ счастьемъ. Нѣтъ, когда знаютъ что я могу каждую минуту „насмѣяться“, какъ вы выразились, что моя любовь можетъ дать только немножко счастья и много страданія, и все таки-любить—вотъ для такого увлеченія еще стоить жить!

Анна Всеволодовна посмотрѣла на него и слегка покачала плечами.

— Знаете, это все похоже на... фатовство, сказала она, и засмѣявшись прибавила:—Простите, вѣдь вы должны цѣнить откровенность...

— Тѣмъ болѣе что она даетъ мнѣ случай разъяснить ошибку, продолжалъ Жѣдровскій.— Никто менѣе меня не заблуждается на счетъ тѣхъ маленькихъ услѣховъ какіе выпадали на мою долю. Никогда и никому я не внушалъ настоящаго, глубокаго чувства. Все это дѣло скуки, увѣряю васъ. Когда женщина скучаетъ, скучаетъ хронически, она должна раньше или позже пасть.

— Должна? переспросила, не взглянувъ на него, Анна Всеволодовна.

— Непременно. Нынѣшнее поколѣніе не переноситъ скуки, и въ этомъ можетъ-быть его главное несчастье. Всѣ живутъ нервами—скверная жизнь! Развѣ вы не замѣчаете что нынче

совоѣмъ нѣтъ счастливыхъ женщинъ? Прежній типъ молодой, здоровой, спокойной жены (главное спокойной), безсознательно влюбленной въ мужа, занятой дѣтьми, хозяйствомъ, лежащей спать въ одиннадцать часовъ, послѣ легкой семейной сѣботы за деревенскимъ ужиномъ—гдѣ онъ? Покажите мнѣ такую женщину!

— Однако объ этомъ счастливомъ типѣ вы выражаетесь не безъ прощія, улыбулась Анна Всеволодовна.

— Да помилуйте, что бы я стала съ нимъ дѣлать! воскликнулъ Жѣдровскій.—Я вѣдь тоже испорченный человекъ. Я хочу только объяснить, почему нынче такъ много романовъ и почему не стоить придавать имъ значенія. Все дѣло въ томъ что нынче нѣтъ счастливыхъ женщинъ, повторяю вамъ. Да вы должны это лучше знать.

— Я? но почему же? спросила со врезаннымъ тайнымъ смущеніемъ княгиня.

— Потому что вы можете сами себя спросить, продолжалъ Жѣдровскій.—Вы молоды, красивы, богаты—кажется чего вамъ недостаетъ? А между тѣмъ развѣ вы счастливы? развѣ вамъ не скучно?

Анна Всеволодовна съ неопредѣленнымъ выраженіемъ повела взглядомъ.

— Что за вопросъ! сказала она.—Все на свѣтѣ относительно.

— Нѣтъ, имѣйте мужество отвѣтить прямо: развѣ вы удовлетворены? настаивалъ Жѣдровскій.

Княгиня показалось что глаза его, обращенные прямо на нее, блестятъ болѣе обыкновеннаго, и что есть что-то пролически-торжествующее и словно злорадное въ этомъ блескѣ... Ей было неловко, она въ первый разъ въ жизни какъ-будто терялась подъ взглядомъ мушкетера.

— Анна Всеволодовна, вѣдь скучно! обратилась къ ней въ эту самую минуту Лариса.

Жѣдровскій засмѣялся неожиданному совладенію, и разговоръ сдѣлался общимъ и не серіознымъ. Княгиня была рада, она могла не отвѣтить на затруднявшій ее вопросъ.

При выхождѣ изъ вагона, Жѣдровскій просилъ позволенія быть у нея.

— Непремѣнно, вѣдь намъ надо окончить нашъ разговоръ! сказала Анна Всеволодовна, улыбаясь и чувствуя себя слова свободою.

Но не сейчасъ, а когда-нибудь, ей все-таки хотѣлось отвѣтить на его вопросъ...

XXIII.

Со времени таинственнаго похищенія Володи, вся семья Ладожскихъ жила какъ будто не своею, несравненно болѣе скучною жизнью. Всѣ чувствовали гнетъ домашняго горя, тѣмъ болѣе тягостнаго что обстоятельства катастрофы еще ни для кого не выяснились и давали поводъ къ самымъ тревожнымъ предположеніямъ. Князь Павелъ Платоновичъ, оправившись отъ болѣзни, сказалъ только домашнимъ что получалъ отъ Володи письмо изъ-за границы, и что вѣроятно у него была мысль перенять жить къ матери и докончить тамъ образованіе. Никто этому не повѣрилъ, но понимая что надо избѣгать разговора объ этомъ съ отцомъ, всѣ сдѣлали видъ какъ будто удовлетворены объясненіемъ. О томъ что болѣе всего его угнетало и поверило, Павелъ Платоновичъ никому не сказалъ ни слова... Анастоль, алая какъ жена была расположена къ Володѣ, первые дни старалась даже у себя дома прикидываться будто не одобряетъ только таинственности его отъѣзда, но потомъ не выдержала и самъ первый объявилъ что мальчишка безъ сомнѣнія ушелъ въ революцію, и что если онъ когда-нибудь съ нами встрѣтится, то непременно оборветъ ему уши. Анна Всеволодовна такъ перемучилась постоянною мыслью о Володѣ что приняла это предположеніе почти равнодушно: она уже передумала обо всемъ, и безыкопная боль успѣла притупиться.

По переездѣ съ дачи, жизнь все еще не укладывалась въ свои обычныя формы. Анастоль скучалъ, и оставался дома, лежачивалъ усы и придумывалъ новую расстановку мебели. Анна Всеволодовна чувствовала что онъ дѣйствуетъ ей на нервы и отсылала его въ клубъ. Въ квартирѣ медленно тлались передѣлки, обойщики приносили по одному креслу, и Анна Всеволодовна не торопила ихъ, очень довольная что все это мѣшаетъ открывать вечера. Но такъ какъ Анастоль успѣлъ уже вездѣ быть и сердился находя у швейцара кучу карточекъ, то княгиня рѣшилась принимать по субботамъ утромъ.

Въ одну изъ первыхъ субботъ пріѣхалъ Жѣдровскій. Въ маленькой гостиной, которая пока одна только была открыта, то и дѣло появлялись и уходили гости. Жѣдровскій сѣлъ

на первое попавшееся мѣсто, очевидно недовольный этимъ непрерывнымъ приливомъ и отливомъ по большей части незнакомыхъ ему лицъ, очень мало говорилъ и наконецъ, пересѣвъ къ хозяйкѣ, сказалъ ей прямо:

— Вы всегда будете меня такъ принимать? Я ненавижу общество.

На его выразительномъ лицѣ лежала такая печать скуки и нервнаго утомленія, что Анна Всеволодовна не могла удерживать улыбки.

— Нѣтъ, нѣтъ, это такъ случилось, я забыла предупредить васъ, послѣднѣе отвѣтила она.—Этотъ день для всѣхъ; а вы займите какъ-нибудь вечеромъ, я пока постоянно дома.

Жѣдровскій поблагодарилъ и черезъ минуту простился.

— Это тотъ самый Жѣдровскій? тотчасъ по его уходѣ спросили нѣсколько голосовъ.

И затѣмъ было высказано множество мнѣній, въ большинствѣ вовсе для него неблагопріятныхъ. Его назвали очень обыкновеннымъ, очень страннымъ, замѣтно фатоватымъ, слишкомъ робкимъ, совсѣмъ не романтической наружности и болѣе ничего какъ красивымъ собой. И все это было высказано не потому чтобы впечатлѣніе было дѣйствительно неблагопріятно, а потому что Жѣдровскій представлялъ собою, благодаря роману съ Пашетъ Долицыной, самую свѣжую свѣтскую новостъ, самаго сегодняшняго героя дня, и каждая изъ присутствовавшихъ у Анны Всеволодовны дамъ была очень недовольна что его въ первый разъ показываютъ именно здѣсь, у Анны Всеволодовны, а не у нея. Княгиня настолько знала свѣтъ что тотчасъ поняла это и только улыбалась, увѣряя всѣхъ что находить его очень милымъ... Дамы не соглашались и возражали что онъ даже говорить не умѣетъ и что онъ былъ бы въ большомъ затрудненіи еслибы пришлось просидѣть съ нимъ вдвоемъ.

— Это на него находить! отвѣчала Анна Всеволодовна закусывая губы, готова въдрожать отъ внутренняго смѣха.

Ее дѣйствительно не раздражалъ, а какъ-то радостно смѣшилъ этотъ неслыхъ Жѣдровскаго. „Герой романа“ какъ будто еще рѣзче выдѣлился изъ окружавшаго ее общества и словно возникла ни для кого незримая связь между ними обоими.

Прошло однако нѣсколько дней, а Жѣдровскій не являлся. Анна Всеволодовна стала жалѣть что не назначила ему

опредѣленнаго дня. Онъ могъ принять ея приглашеніе за вынужденную любезность; приходите когда-нибудь — это почти всегда значитъ: мнѣ не очень нужно васъ видѣть. Анатолий со свойственною ему аккуратностью отдалъ визитъ, но не засталъ его дома; написать княгиня не рѣшилась... „А можетъ-быть онъ уже успѣлъ къ-мнѣ-нибудь заинтересоваться... начать новый романъ...“ думала она, и при этой мысли ей какъ-то еще скучнѣе дѣлалось.

Спустя недѣлю, Жѣдровскій ваковецъ пріѣхалъ. Анатолий въ тотъ день обѣдалъ въ клубѣ и не вернулся. Анна Всеволодовна приняла гостя въ своемъ маленькомъ кабинетикѣ и велѣла подать туда чай.

— Не боитесь проскучать? сказала она, внезапно озадаченная этимъ вечеромъ вдвоемъ, котораго ждала и желала, и который теперь вдругъ оказался ей чѣмъ-то очень труднымъ.

Жѣдровскій отвѣтилъ обычною фразой.

— Впрочемъ вы навѣрное больше любите говорить чѣмъ слушать, а я какъ разъ наоборотъ, продолжала Анна Всеволодовна.—Слѣдовательно мы поладимъ.

— Не знаю, улыбнулся Жѣдровскій,—я, напротивъ, пріѣхалъ къ вамъ за отвѣтомъ.

— За какимъ? спросила княгиня, хотя сразу его ловила.

Жѣдровскій напомнилъ вопросъ предложенный въ вагонѣ.

— Ахъ, вы не забыли! какъ будто удивилась Анна Всеволодовна.—Но вѣдь это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ на которые всего труднѣе отвѣчать. Если я вамъ отвѣчу общимъ мѣстомъ что человѣческое счастье такъ условно или что никто никогда не бываетъ вполне доволенъ своею судьбой—васъ не удовлетворитъ это, вы предложите рядъ другихъ вопросовъ...

— Смотря по вашему расположенію отвѣчать на нихъ, промолвилъ Жѣдровскій.

— Но можетъ-быть отвѣты потребуютъ откровенности, а для откровенности нужна большая привычка другъ къ другу, продолжала Анна Всеволодовна.

— Или что-то другое... возразилъ Жѣдровскій.—Я очень избалованъ въ этомъ отношеніи, мнѣ случалось встрѣчать откровенность съ перваго раза и я приписываю это тому тонкому чутью которымъ обладаютъ женщины и которое заставляетъ ихъ угадывать во мнѣ способность ловить женское сердце со всѣми его зигзагами, обыкновенно ускользающими отъ мужскаго ума...

— Очень можетъ быть; я вижу что вы знаете женщину, такъ какъ это... ваша специальность, вы кажется сказали? слова увыбулись Анна Всеволодовна.—Но вѣдь съ вашей стороны было бы простымъ любезнѣствомъ искать откровенности.

— Не сомнѣнь, возразилъ Жѣдровскій.—Во первыхъ, быть понятю—всегда доставляетъ удовольствіе, а вторыхъ... вторыхъ я ужасно люблю несчастныхъ женщинъ!

— Право? переспросила тономъ сомнѣнія княгиня.—А я знаю одну очень счастливую женщину которую вы любили... и сдѣлали ее несчастною.

Жѣдровскій кинулъ на Анну Всеволодовну быстрый, смущенный взглядъ.

— А, вы знаете! сказалъ онъ, теряясь отъ этой неожиданной, словно въ упоръ брошенной ему нескромности.—Но въ подобныхъ случаяхъ никогда нельзя всего знать...

— Я не добиваюсь, я не любопытна... продолжала княгиня, тоже смущаясь и не отъ собственной нескромности, а отъ непонятнаго и страшнаго волненія которое она испытывала какъ только разговоръ зашелъ о послѣднемъ романѣ Жѣдровскаго, словно она сама была чѣмъ-то связана съ этимъ романомъ.—Я только знаю что эта женщина была счастлива, что ея счастьемъ завидовали, что она была окружена спокойствіемъ, уваженіемъ...

Глаза Жѣдровскаго приняли проницательное выраженіе.

— Да, была счастлива, разумеется... знаете, это очень похоже на то когда спрашиваютъ какъ лучше играть: по большой или по маленькой? По маленькой конечно столько не проиграешь... сказалъ онъ.

— Но если вы за большую игру, то примѣръ неудачный, потому что та женщина о которой мы говоримъ только проиграла... и очень много! возразила Анна Всеволодовна.

— А то что даетъ страсть вы также ставите въ выигрышъ? въ свою очередь возразилъ Жѣдровскій.

— Я понимаю любовь, а не страсть, отвѣтила Анна Всеволодовна.—Любовь можетъ дать счастье, а страсть—только раскаяніе.

Жѣдровскій вдругъ замолчалъ и спокойно принималъ болѣе удобное положеніе въ креслѣ.

— Вотъ одинъ изъ вопросовъ о которыхъ я никогда не спорю, сказалъ онъ черезъ минуту.

— Потому что это дѣло вкуса? улыбнулась княгиня.

— Нѣтъ, дѣло омыта. Я знаю что такое страсть, а вы не знаете; какъ же мы будемъ спорить?

Разговоръ на минуту слова оборвался. Въ маленькой комнатѣ становилось жарко отъ разгорѣвшагося камина. Красная полоса свѣта тянулась изъ-подъ экрана по ковру, задѣвая кончики туфель въ которыя были обуты извѣстная своею миниатюрностью ножки княгини. Она потянулась на диванѣ чтобы подобрать ихъ подъ платье.

— И вы ругаетесь что это невѣдомое мнѣ чувство можетъ вознаградить за то что теряетъ женщина... даже счастливая женщина, уступая увлеченію? спросила съ замѣтно натянутою проницей Анна Всеволодовна.

Жѣдровскій пожалъ плечами.

— Нѣтъ, не ручаюсь, отвѣтилъ онъ.—Вѣдь вопросъ о вознагражденіи — чисто женскій вопросъ; мужчина, влюбляясь, никогда не задаетъ его себѣ.

— Потому что онъ ничѣмъ не жертвуетъ.

— Мужчина ничѣмъ не жертвуетъ? переспросилъ тономъ величайшаго изумленія Жѣдровскій.—Я всегда находилъ что мы жертвуемъ гораздо больше чѣмъ женщины.

Это было такъ неожиданно что Анна Всеволодовна разсмѣялась.

— Напримеръ? спросила она.

— Во первыхъ, отвѣтилъ Жѣдровскій, сохраняя совершенно серьезное лицо,—мы жертвуемъ свободой; во вторыхъ, мы жертвуемъ всѣми остальными женщинами.

— Перестаньте, съ вами нельзя говорить серьезно, сказала Анна Всеволодовна, пожимая плечами.

— Но развѣ можно разсуждать, спорить объ этомъ? возразилъ Жѣдровскій.—Страсть—вѣдь это болѣзнь... отъ которой не хочется выздоравливать и которою хотѣлось бы заразить весь міръ, или по крайней мѣрѣ всѣхъ кто достоинъ ея въ этомъ мірѣ.

Онъ вдругъ взглянулъ на княгиню такимъ выразительнымъ и жаднымъ взглядомъ что она съ досадою отвернулась.

— Прелестно, вы теперь начинаете лѣтъ какъ сирена, сказала она съ натянутымъ смѣхомъ.—И что жь, вы всюду разнесите съ собою эту заразу?.. Но я забыла велѣть подать еще чаю.

Она подвигалась чтобы дернуть советку и не сѣла на прежнее мѣсто, а стала у камина, и оттуда, въ этой какъ бы обороняющейся позѣ, глядя на Жѣдровскаго немощко испуганными и болѣе чѣмъ когда-нибудь любящими глазами.

XXIV.

Съ этого вечера между Анной Всеволодовной и Жѣдровскимъ завязалась тайная борьба. Она старалась избѣгать его, и встрѣчала почти каждый день. Если она ѣхала въ театръ, онъ былъ тамъ; если ей случалось быть у кого-нибудь изъ знакомыхъ, оказывалось что онъ тоже тамъ познакомился; если она выходила изъ кареты чтобы зайти въ магазинъ, онъ отворялъ ей дверцу. Можно было подумать что онъ сторожить каждый ея шагъ, и между тѣмъ всѣ эти встрѣчи походили на случайныя. Иногда ей казалось что онъ забавляется, развлекая себя этимъ упорнымъ и ловко замаскированнымъ преслѣдованьемъ. Онъ улыбался, привѣтствуя ее почтительнымъ поклономъ, и въ его выразительныхъ глазахъ блистало что-то провическое и какъ будто злорадное, когда на ея лицѣ при неожиданной встрѣчѣ съ нимъ отражалось смущеніе. Она пыталась показать холодность, уйти въ условную безразличность случайнаго знакомства; Жѣдровскій, какъ будто не замѣчая ея усилій, сохранялъ на лицѣ спокойное, почтительно-страстное выраженіе человѣка упорно преслѣдующаго ее на такомъ разстояніи на которомъ самъ онъ оставался недосигаемъ. Ее брала досада, она чувствовала что онъ сторожить минуту когда можно будетъ уничтожить это разстояніе... Она не выдерживала тона, переходила къ провіи, къ сарказмамъ, къ натавутому смѣху; онъ спокойно отшучивался, иногда даже давалъ еще болѣе вѣдкій смыслъ ея собственной, обращенной къ нему шуткѣ; онъ обезоруживалъ ея смѣхъ, смѣялся надъ собой громче и ядовитѣе ея. И въ ту минуту когда она, раздраженная, утомленная, чувствовала его превосходство въ этой тайной борьбѣ, она читала въ его упорно и страстно устремленномъ на нее взглядѣ: „Я люблю васъ!“ Онъ не произносилъ этихъ словъ, но она слышала ихъ всѣми безлокойно возбужденными нервами и словно видѣла какъ они жгутъ его красивыя губы...

Разъ, не зная какъ употребить незапятанные утренніе часы,

Анна Всеволодовна поѣхала на художественную выставку. Въ большой и холодноватой залѣ было очень малоллюдно. Подвигаясь между картинами, княгиня вдругъ замѣтила Жéдровскаго, внимательно разглядывавшаго какой-то гилъсъ. Онъ быстро обернулся на ея шаги и на этотъ разъ очевидно самъ былъ пораженъ неожиданностью встрѣчи. Глаза его радостно засвѣтились.

— Я не зналъ что вы иногда оказываете вниманіе нашему бѣдному искусству, сказалъ онъ.

— Я очень люблю искусство, но сегодня заѣхала сюда совершенно случайно, отвѣтила Анна Всеволодовна.

— Случай мнѣ иногда покровительствуетъ, произнесъ Жéдровскій.—Позвольте предложить къ вашимъ услугамъ мои скромныя познанія въ этихъ вещахъ? добавилъ онъ, поведя глазами по холстамъ и мраморамъ.

— Мерси, поблагодарила княгиня.—Но скажите пожалуйста, развѣ вы никогда ничего не дѣлаете? спросила она съ невольною проніей.—Я васъ встрѣчаю утромъ и вечеромъ, какъ будто вы самый праздный человѣкъ во всемъ Петербургѣ.

— Напротивъ, я никогда не былъ такъ занятъ какъ въ настоящее время, отвѣтилъ Жéдровскій тѣмъ серьезнымъ тономъ сквозь который у него всегда сквозилъ какой-то прозрачный внутренній смѣхъ.

Княгиня взглянула на него, улыбувшись однимъ уголкомъ губъ.

— И можно узнать чѣмъ вы такъ заняты? спросила она.

— Я иду васъ, отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Жéдровскій.

Анна Всеволодовна съ выраженіемъ нетерпѣнія повела плечами.

— Полноте, нельзя же вѣчно только шутить, сказала она.

И сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, заговорила опять:

— Мнѣ серьезно хотѣлось бы наконецъ узнать что вы дѣлаете? Вѣдь вы немножко художникъ? Можетъ-быть тутъ есть что-нибудь ваше?

— Пустяки... старая и совершенно ничтожная вещица, отвѣтилъ Жéдровскій.

— Покажите.

Жéдровскій подвелъ княгиню къ модели изъ красной глины, изображающей лежащую въ запрокинутой позѣ женщину. Глаза этой женщины были полузакрыты, но чувствовалось присутствіе жизни и какого-то тайнаго напряженія въ ихъ

глубокомъ разрѣзѣ, такъ же какъ въ изящномъ и страстномъ очеркѣ полуоткрытыхъ губъ и во всемъ этомъ молодомъ, роскошномъ, тонко и вмѣстѣ какъ будто небрежно выдѣленномъ тѣлѣ. И въ позѣ, и въ общемъ выраженіи модели было что-то напоминающее избитыя и все-таки неустойчивыя варіаціи вакханки, но Анна Всеволодовна напрасно отыскивала атрибуты составляющіе необходимую принадлежность этого сюжета. Ни тигровой шкуры, ни виноградныхъ листьевъ залутанныхъ въ разметавшихся волосахъ, ни зрѣлыхъ гроздій, ни бубна изъ слоновой кости,—ничего этого не далъ художникъ своей модели. Это была квинъшная, можетъ-быть даже русская вакханка, хотя ея распростертое тѣло, казалось, было охвачено солнечнымъ зноемъ, и въ немъ чувствовался трепеть.

— Я не подозрѣвала что у васъ такой серьезный талантъ, задумчиво сказала Анна Всеволодовна.

Ей въ самомъ дѣлѣ статуэтка показала прелесть выдѣленной и съ очень сильною экспрессіей.

Жѣдровскій пожалъ плечами.

— Вы называете это серьезнымъ талантомъ? Художники находятъ въ этой вещицѣ бездну логрѣшностей, а публика совсѣмъ не замѣтила ея, сказалъ онъ равнодушно.

— Я не могу судить; могу высказать только свое личное впечатлѣніе, продолжала княгиня.—Мнѣ чрезвычайно нравится. Тутъ можетъ-быть недостаетъ серьезной техники, но талантъ бросается въ глаза. Вѣдь сила выраженія уже составляетъ талантъ, не правда ли? А тутъ выраженія очень много... можетъ-быть даже слишкомъ много...

— Вы находите? отозвался Жѣдровскій.

— Доказательство что не глядя въ каталогъ я могу назвать вамъ ваше произведеніе. Эта женщина должна изображать ту страсть о которой вы мнѣ говорили... вашу заразу...

У нея при этихъ словахъ что-то напряженное дрогнуло въ голосѣ, и уголки губъ потянулись со страаннымъ, почти страдающимъ выраженіемъ. Жѣдровскій никогда не видалъ у нея такого выраженія...

— Вы угадали, модель называется *Страсть*, сказалъ онъ.— Но это одинъ изъ тѣхъ мотивовъ съ которыми всего легче совладать. Увѣряю васъ, вещица не заслуживаетъ вашего вниманія...

Анна Всеволодовна продолжала задумчиво разсматривать статуэтку.

— Не знаю... мнѣ кажется что во всякомъ случаѣ тутъ много вашего собственнаго, личнаго... сказала она;—это все-гда возвышаетъ произведеніе, хотя...

— Хотя что? переспросилъ Жѣдровскій.

— Хотя именно это личное мнѣ меньше всего нравится, досказала Анна Всеволодовна.—Тутъ только одна сторона страсти, и вѣроятно потому что вы только одну и признаете...

— Позвольте мнѣ защитить себя отъ такого заключенія, возразилъ какъ будто печально Жѣдровскій.—Вѣдь я не художникъ, я жалкій диалектикъ, которому природа, въ довершеніе своихъ обидъ, дала безсильное стремленіе къ искусству. Съ этимъ даромъ я умѣю выразить только ничтожную часть того что тѣснится въ мысли или въ воображеніи. Настоящій художникъ, напротивъ, часто выражаетъ гораздо больше чѣмъ можетъ вмѣстить его маленькое сердце. Въ этомъ и заключается ничтожное преимущество насъ, простыхъ смертныхъ; въ насъ человѣкъ иногда бываетъ больше нашихъ произведеній.

Анна Всеволодовна ничего на это не отвѣтила и перешла къ картинамъ. Жѣдровскій шелъ за ней съ какимъ-то несвойственнымъ ему, покорнымъ и какъ будто печальнымъ видомъ.

— Вы сегодня не въ духѣ? замѣтила наконецъ княгиня.

— Изъ чего вы заключаете? улыбнулся Жѣдровскій.

— Я не привыкла васъ такимъ видѣть. Вы какой-то тихій...

— Я боленъ, княгиня, отвѣтилъ Жѣдровскій.

Анна Всеволодовна черезъ плечо взглянула на него.

— Скукой? спросила она.

— Нѣтъ, хуже. Я боленъ вами, отвѣтилъ Жѣдровскій такимъ же печальнымъ и покорнымъ тономъ.

Губы княгини чуть-чуть поблѣднѣли, но она засмѣялась, дѣлая видъ что принимаетъ его слова за шутку.

— Желаю вамъ скорѣе выздороветь... сказала она, и оставившись предъ какою-то сложною композиціей, наполненною бархатными кафтанами, галунами, сѣдыми бородами, расплывшимися карнизами и всяческою ученическою пестротой, составляющею принадлежность руской исторической живописи, поднесла къ глазамъ лорнетъ.

— Отчего это всѣ такія сцены у насъ лишутся точно онѣ въ стеклянномъ ящикѣ происходили? Посмотрите, вѣдь ни

одного темнаго угла вѣтъ; даже весь коверъ выписанъ какъ на канвовомъ узорѣ... выходитъ не картина, а какая-то археологическая иллюстрація въ родѣ учебнаго атласа... критиковала она.

— Совершенно вѣрное замѣчаніе, равнодушно отозвалась Жѣдровскій.

Анна Всеволодовна опять въ полоборота взглянула на него и на этотъ разъ что-то злорадное быстро блеснуло въ ея глазахъ.

— А вы теперь работаете что-нибудь? спросила она черезъ минуту безразличнымъ тономъ.—Вы только скульпторъ?

— Всего по возможности, отвѣтилъ Жѣдровскій.

— Что-нибудь лѣпите? или лишаете?

— Лѣплю бюстъ... по памяти, съ одной женщины которая никогда не испытала страсти...

— А! протянула княгиня.—Какимъ образомъ васъ могла заинтересовать такая женщина?

— Человѣческая природа полна несообразностей. Вы помните исторію Пигмалиона? Овидій увѣряетъ что она очень счастливо кончилась.

— А именно?

— Афродита оживила статую, и съ мраморныхъ губъ сорвались страстные поцѣлуи.

— Сказка! молвила, отворачиваясь, княгиня.

— Да, эти милые греческіе боги и богини, столь благосклонны къ художникамъ, уже не управляютъ міромъ, сказалъ Жѣдровскій;—и даже я, язычникъ, пересталъ въ нихъ вѣрить... Вы не полюбоблѣтствуете взглянуть на мою новую работу? Я могъ бы прислать ее къ вамъ.

— Нѣтъ, merci, лоблагодарила Анна Всеволодовна.—Зачѣмъ вы сами разочаровали меня въ вашемъ искусствѣ? Я опасаюсь что вы не справитесь съ задачей и что ваша новая модель будетъ очень напоминать вотъ ту...

Она оглянулась назадъ, на статую *Страсти*, и засмѣялась какимъ-то нехорошимъ смѣхомъ.

— До свиданія, я уже все видѣла! добавила она, протягивая руку въ перчаткѣ.

— Прощайте, сказалъ Жѣдровскій.

— Развѣ мы не увидимся больше? спросила Анна Всеволодовна, которую вдругъ поразило что-то странное въ томъ какимъ онъ произнесъ это „прощайте“.

— Кто же можетъ знать? отозвался онъ тѣмъ же тономъ. Они разошлись, и съ этого дня Жѣдровскій точно оквозъ землю провалился. Ни въ театрахъ, ни въ обществахъ, ни на улицахъ, нигдѣ его не было видно. Къ Ладожскимъ онъ тоже не показывался. Анна Всеволодовна недоумѣвала, спрашивала у знакомыхъ, и получала въ отвѣтъ что они тоже его давно не видѣли и что чуть ли онъ не уѣхалъ.

И вдругъ, когда это предположеніе въ первый разъ было высказано при ней, она внезапно почувствовала такую тоску, такъ скучно и противно сдѣлалось у нея на душѣ, что она точно въ испугъ залерлась въ своей комнатѣ, изумленная и словно разбитая съ одного удара.

Прошли двѣ недѣли, Жѣдровскій нигдѣ не показывался. Анна Всеволодовна, съ разгорающеюся досадою на себя, съ раздраженіемъ наказаннаго за собственную неосторожность ребенка, съ тоской и скукой но чѣмъ-то внезапно и жестоко отпавшимъ у нея, то ѣздила на вечера и въ театры, разчитывая на случайную встрѣчу, какія доставались такъ легко еще недавно, то просиживала цѣлые дни дома, въ невысказанную даже себѣ самой надеждою что можетъ-быть онъ заѣдетъ, хотя бы только проститься. Но Жѣдровскій не заѣхалъ и не встрѣчался.

Наконецъ въ свой аномальный день въ оперѣ, она увидѣла его внизу. Онъ стоялъ спиной къ барьеру, съ какими-то господиномъ съ верусскимъ лицомъ, и обводилъ биссеклемъ лека. Когда ихъ отекла встрѣтились, она чуть-чуть кивнула ему головой. Онъ отвѣтилъ глубокимъ поклономъ и, опустивъ биссекль, тотчасъ заговорилъ со своимъ сосѣдомъ. „Неужели онъ не заѣдетъ?“ подумала съ тоскливою тревогою Анна Всеволодовна. Жѣдровскій продолжалъ спокойно разговаривать съ иностранцемъ и ни разу больше не взглянулъ на нее. Ей показалось что оба они имѣютъ видъ совершенно чужихъ людей въ этой многоголовой толпѣ, видъ путешественниковъ заѣхавшихъ изъ отеля прослушать международную музыку, взглянуть на незнакомое общество, и завтра слова сѣсть въ вагонъ. Богъ вѣсть почему ей такъ казалось, но въ глазахъ и во всей наружности Жѣдровскаго что-то говорило о завтрашней отъѣздѣ...

„Неужели онъ не заѣдетъ?“ продолжала она думать въ теченіе всего акта, и странное, злое и вмѣстѣ до боли разнѣженное чувство томила ей нервы. Когда занавѣсъ наконецъ

ушла; она почти перегнулась черезъ барьеръ, стараясь разглядѣть Жѣдровскаго среди движущейся къ выходамъ толпы. Она видѣла какъ онъ, выждавъ съ минуту, медленно пошелъ между рядами креселъ.

— Не хочешь ли въ фойѣ? жарко ужасно, предложилъ Анатоль.

— Нѣтъ, не хочется; ты иди, а я посижу въ аванложѣ, отвѣтила княгиня.

Анатоль ушелъ, а черезъ минуту Жѣдровскій тихонько отворилъ непритворенную дверь.

— Гдѣ вы пропадаете! встрѣтила его княгиня, и по губамъ ея почти судорожно скользнула напряженная, радостная и вымученная улыбка.

Жѣдровскій быстро оглянулъ ее, и глаза его какъ будто вспыхнули.

— Я очень радъ что васъ встрѣтилъ и могу лично съ вами проститься; дома вы можетъ-быть не примали бы меня, сказалъ онъ, не отвѣчая на ея восклицаніе.

— Вы уѣзжаете? спросила княгиня слегка поглядѣвшими губами.

— Да, подтвердилъ Жѣдровскій.

Онъ сѣлъ противъ нея, положивъ на колѣни свой кабакъ. Онъ не смотрѣлъ на нее, а она какъ будто чувствовала на себѣ его взглядъ...

— Сегодня я случайно взглянулъ въ афишу и увидалъ *Трагедію*. Старая, олошленная вещь, но у меня связаны съ нею такія хорошія впечатлѣнія. Мнѣ захотѣлось еще разъ ее услышать... говорилъ онъ, и въ его спокойномъ по обыкновенію голосѣ чуткое ухо Анны Всеволодовны различало что-то новое.

Она понимала что онъ говоритъ только для того чтобы что-нибудь сказать, и что оба они думаютъ совсѣмъ о другомъ. Но это другое точно жгло ей губы и не слетало съ нихъ. И вмѣсто того чтобы вернуться къ тому что одно наполняло ихъ обоихъ, она спросила:

— Кто это съ вами? какой-то иностранецъ?

— Это одинъ очень даровитый испанскій художникъ, пріѣхавшій сюда взглянуть на эффекты русской зимы, отвѣтилъ Жѣдровскій.—Къ сожалѣнію онъ имѣлъ неосторожность повѣрить своему севильскому профессору географіи и вообразилъ

вѣта здѣсь морозъ и снѣгъ въ то время когда у нихъ еще „померанцы зрѣютъ“ и „ночной зефиръ струить вѣпръ“.

— Бѣдный, ему придется написать этуль петербургской слякоти, сказала Анна Всеволодовна.

— Нѣтъ, я завтра увожу его съ собой, отвѣтилъ Жѣдровскій.

Съ минуту оба молчали.

— Куда вы уѣзжаете? спросила наконецъ княгиня.

— За границу, въ Италию...

— Отчего?

— То-есть какъ отчего? улыбнулся на этотъ странный вопросъ Жѣдровскій.—Отчего именно въ Италию?

— Нѣтъ, отчего вы уѣзжаете вообще? зачѣмъ?

— Я вамъ говорилъ, княгиня, что я боленъ, отвѣтилъ Жѣдровскій.—Мнѣ надо лѣчиться.

Анна Всеволодовна играла вѣеромъ, черепаховыя пластинки котораго такъ и звякали въ ея рукѣ.

— Но вы могли бы остаться? спросила она, не глядя на него.

— Да, еслибы вы сказали что мнѣ не надо ѣхать, отвѣтилъ Жѣдровскій.

— Такъ оставайтесь, быстро и тихо проговорила княгиня.

Жѣдровскій въ упоръ взглянулъ на нее блыстающими глазами. Этотъ взглядъ словно обжогъ ее.

— Мнѣ не надо ѣхать? переспросилъ онъ.

— Не надо, еще тише отвѣтила Анна Всеволодовна и отвернулась.

(До слѣд. №.)

В. АВСѢНКО.

НАШЕ МАЛОЗЕМЕЛЬЕ

И

КРЕСТЬЯНСКІЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ

I.

Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ перешелъ у насъ изъ Хуманной области газетныхъ толковъ на болѣе твердую почву практическихъ мѣръ. Мы говоримъ это главнымъ образомъ потому что вслѣдствіе созыва экспертовъ представители общества впервые могли ознакомиться съ богатымъ фактическимъ матеріаломъ находившимся пока только въ рукахъ правительства и почему-то остававшимся подъ слудомъ канцелярій. Въ самомъ дѣлѣ, при теперешнемъ состояніи нашей статистики частному лицу почти недоступны всѣ изслѣдованія о какомъ-либо общемъ явленіи нашей экономической жизни, если у него нѣтъ подъ рукой официальныхъ источниковъ. Вотъ почему такія изслѣдователи большею частію строятъ свои выводы не на критикѣ фактовъ, а на гадательныхъ, часто даже на предвзятыхъ положеніяхъ. Этой общей судьбы не миновала и литература переселенческаго вопроса.

Такъ мы часто слышали про могучую волну народнаго движенія, стремящуюся на приволье южныхъ и восточныхъ

стелей, но о цифрѣ ежегоднаго переселенія не имѣемъ даже приблизительнаго понятія. Мы знаемъ также что законъ и администрація препятствуютъ свободному передвиженію крестьянъ; но въ какой мѣрѣ эти тормазы ваіяютъ на нашу эмиграцію, этого мы опредѣлить не въ состояніи. Наконецъ, относительно причинъ вызывающихъ переселеніе у насъ сложилось очень опредѣленное и логичному вполне основательное представленіе: малоземелье, обусловленное недостаточными надѣлами, создало крестьянскую бѣдность и она-то гонитъ въ глубь степей изъ центральныхъ губерній излишекъ рабочаго населенія. Все это, на первый взглядъ, кажется яснымъ и вполне соответствующимъ положительнымъ даннымъ. Но кажущаяся ясность и простота сложныхъ вопросовъ часто бываетъ обманчиваго свойства и скрываетъ за собою недостаточное ихъ изученіе. Комиссія экспертовъ тѣмъ именно и поставлена въ благоприятное условіе по отношенію къ переселенческому вопросу что члены ея, во первыхъ, будутъ имѣть возможность взаимно провѣрить данныя собранныя каждымъ изъ нихъ на мѣстѣ и, во вторыхъ, подчинить свои выводы тѣмъ несравненно болѣе общимъ и многочисленнымъ фактамъ которыми ихъ снабдилъ правительство. Что факты эти далеко не соответствуютъ ходившимъ у насъ представленіямъ, видно уже изъ рѣчи министра Государственныхъ Имуществъ оказанной при открытіи засѣданій. Министръ улюлюнулъ, между прочимъ, о томъ что значительная часть переселенцевъ, въ прошломъ году прошедшихъ черезъ Батраки, принадлежала къ числу достаточнаго крестьянскаго населенія, то-есть обладала денежными средствами и лошадьми. Изъ этого слѣдуетъ что не одна нищета, а также побужденія иного свойства подвигаютъ крестьянъ съ мѣста ихъ поселенія. И въ самомъ дѣлѣ, мы уже въ газетахъ неоднократно встрѣчались съ извѣстіями о томъ что черноземные крестьяне продаютъ свои надѣлы въ видахъ барыша при дешевомъ приобрѣтеніи казенныхъ или частныхъ земель въ степяхъ *.

Если окажется что число такихъ переселенцевъ значительно, то станетъ понятнымъ отчего эмиграція идетъ у насъ преимущественно изъ чернозема, гдѣ продажа надѣловъ можетъ показаться выгодною.

* Припомнимъ корреспонденцію изъ Симбирска, помещенную въ одномъ изъ майскихъ нумеровъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Подобное толкованіе представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ что въ черноземной полосѣ имѣется значительное ододворческое населеніе (свыше милліона ста тысячъ душъ) * владѣющее землей на личномъ правѣ (такъ-называемыя четвертные земли) и потому свободно могущее отчуждать свои надѣлы. Мы лично убѣдились по справкамъ изъ нотаріальныхъ архивовъ что, по крайней мѣрѣ въ Орловской губерніи, случаи перехода земель изъ рукъ ододворцевъ очень многочисленны, что главнымъ образомъ объясняется крайнею дробностію многихъ изъ подворныхъ участковъ. Въ ододворческихъ селеніяхъ размѣры подворныхъ участковъ вообще очень неодинаковы. Они колеблются между 50 и 1,5 десятинами на дворъ; понятно что владѣльцамъ наиболее мелкихъ участковъ нѣтъ расчета ихъ сохранять въ рукахъ. Но и крестьяне общинами имѣютъ полную возможность, хотя и безъ совершенія купчихъ и нотаріусовъ, передавать свои надѣлы даже не односельчанамъ, хотя законъ и поставилъ эту передачу въ такіа условія что владѣлецъ передаваемого надѣла не можетъ получить за него настоящей цѣны. Понятно что домохозяева у которыхъ всего одинъ или полтора душевыхъ надѣловъ не видятъ особеннаго расчета въ веденіи хозяйства на такомъ небольшомъ клочкѣ земли. Но если таковъ одинъ изъ главныхъ контингентовъ эмиграціи, то конечно всякая мѣра поощренія къ ней, какъ на примѣръ даровая раздача казенныхъ земель, еще усилитъ стремленіе изъ центра къ окраинамъ.

Другое обстоятельство вполнѣ подтвержденное официальными данными—это почти исключительное проявленіе эмиграціи въ черноземныхъ губерніяхъ, причеиъ самыя населенныя изъ промышленныхъ участвуютъ въ ней крайне слабо.

Этотъ фактъ, на который у насъ давно указывали, хотя о немъ достовѣрно не знали, во всякомъ случаѣ доказываетъ что сравнительная тяжесть платежей не имѣетъ на переселеніе ровно никакого вліанія. Не стоить повторять что сравнительно съ цѣнностію надѣловъ крестьянскіе платежи въ черноземныхъ губерніяхъ въ вѣсколько разъ выше нежели въ черноземныхъ. А между тѣмъ населеніе не бѣжитъ отъ нихъ въ степь, потому что имѣетъ у себя подъ рукою болѣе удобную и близкую эмиграцію—отхожіе промыслы.

* Преимущественно въ губерніяхъ Курской, Тамбовской, Тульской и Орловской.

Но тотъ же фактъ приводитъ и еще къ другому заключенію. Мы давно слышимъ что крестьяне желающіе переселиться встрѣчаютъ тому прелатствіе въ своемъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ общество бѣднѣе, чѣмъ его платежная способность болѣе зависитъ отъ числа наличныхъ рабочихъ рукъ, тѣмъ менѣе охотно согласится оно на выселеніе одного изъ своихъ членовъ. Обстоятельство это конечно значительно стѣсняетъ выходъ изъ общества крестьянъ промышленной области, и чѣмъ бѣднѣе домохозяинъ тѣмъ труднѣе ему освободиться отъ связи съ обществомъ. Но затрудненіе это, очень стѣснительное въ нечерноземной полосѣ, на черноземѣ не имѣетъ ровно никакой силы, по крайней мѣрѣ относительно переселенія. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянскому обществу одной изъ черноземныхъ губерній всегда выгодно получить надѣлъ уходящаго домохозяина; сколько бы на немъ ни лежало недоимокъ, цѣнность надѣла всегда ихъ покроетъ съ избыткомъ. Мы этимъ вовсе не думаемъ возставать противъ свободы выхода крестьянъ изъ общества, напротивъ въ обезпеченіи этой свободы мы видимъ одно изъ лучшихъ средствъ къ облегченію крестьянской нужды. Мы хотѣли только сказать что на размѣры эмиграціи изъ черноземныхъ губерній дѣйствующій нынѣ стѣснительный законъ едва ли имѣетъ какое-либо вліяніе. Нѣтъ основанія думать чтобы съ устраненіемъ его этотъ размѣръ усилился, и потому теперешнее число переселенцевъ изъ этой области мы можемъ разсматривать какъ нормальное и постоянное.

Переселенческой вопросъ у насъ постигла странная участь. Теоретическое его рѣшеніе до того просто, до того очевидно что казалось бы призадумываться надъ нимъ нечего. Съ одной стороны избытокъ рабочихъ рукъ тѣсно ищущихъ занятій при несомнѣнной тѣснотѣ крестьянскаго землевладѣнія, съ другой—обширныя и богатыя степи тѣсно ожидающія сохи. Простое сопоставленіе этихъ двухъ данныхъ ясно показываетъ что избытокъ населенія слѣдуетъ направить къ разработкѣ нетронутыхъ почвенныхъ богатствъ, обезличивая тѣмъ самымъ и бытъ переселенцевъ, и приращеніе общей производительности страны. Необходимо устранить искусственныя прелатствія созданныя закономъ для задержанія населенія въ центрѣ Россіи, и содѣйствовать его историческому тяготѣнію къ окраинамъ, надѣливъ его землей на льготныхъ условіяхъ. Вотъ что говоритъ теорія съ кажущоюся

очевидностію. Но какъ скоро мы отъ этихъ простыхъ положеній переходимъ къ практическимъ мѣрамъ, какъ скоро мы вдаемся въ изученіе подробностей, мы наталкиваемся на цѣлый рядъ недоумѣній. Простыя очертанія вопроса вдругъ становятся крайне запутанными.

Нельзя не замѣтить въ самомъ дѣлѣ что въ переселенческомъ вопросѣ сведены въ одно три стороны нашей экономической жизни, имѣющія между собою очень мало общаго. Это, во-первыхъ, свобода передвиженія вообще, крайне стѣсненная закономъ и необходимая помимо всякой заигранціи на окраины. Вторыми, это дѣйствительное или мнимое объединеніе крестьянъ происходящее отъ малоземелія. Третьими, наконецъ, необходимостью правильнаго устройства колонизаціи, относительно которой до сихъ поръ господствовали самые смутные и нерациональные пріемы.

Наша литература приводитъ эти три вопроса въ тѣсную логическую связь.

Не трудно убѣдиться что связи этой не существуетъ вовсе. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, откуда преимущественно выселяются, крестьянскими обществами вовсе невыгодно прелатствовать такому выселенію. Обыкновенно думаютъ что необходимость получить отъ своего общества уважительныя свидѣтельства и отъ новаго пріемнаго приговоръ—это главное затрудненіе прелатствующаго эмиграціи. На самомъ дѣлѣ это вовсе не такъ. Общества разумѣются охотно увеличиваютъ своихъ членовъ тамъ гдѣ рента съ земли превышаетъ размѣръ повинностей, то-есть на всемъ черноземѣ. Но для эмиграціи такого увеличенія не нужно вовсе: крестьяне могутъ выселиться на новую мѣста не переставая быть членами прежняго общества, причемъ они совершенно такъ же возобновляютъ свои паспорта какъ дѣлаютъ то рабочіе или торговцы въ столицахъ, часто по нѣлымъ годамъ не видящіе своихъ деревень *. Что касается пріемнаго приговора, то часто его и получить нѣтъ никакой возможности, такъ какъ переселенцы нерѣдко идутъ на совершенно пустынные земли. Вообще ошибаются тѣ кто полагаютъ что законъ у насъ

* Мы лично убѣдились что изъ Тербунской и Богатолаатовской волостей, Елецкаго уѣзда, въ шестидесятыхъ годахъ выселилось на Кубань 21 семейство, не перестающее числиться въ окаядахъ прежнихъ обществъ.

ведетъ къ ограниченію мѣстожительства лицъ податныхъ сословій: онъ требуетъ лишь того чтобы каждое изъ этихъ лицъ было непременно приписано къ какому-нибудь обществу; и въ этомъ онъ конечно преслѣдуетъ совершенно химерическую цѣль, обезпеченіе порядка и исправнаго отбыванія податей. Ни того, ни другаго, какъ извѣстно, законъ этимъ не обезпечиваетъ.

Но за то онъ ложится тяжкимъ бременемъ вовсе не на свободу передвиженія, какъ обыкновенно думаютъ, а на имущественное благосостояніе крестьянъ, на свободное распоряженіе своею собственностью. Крестьянинъ желающій уйти на сторону, благодаря этому закону, необходимо долженъ понести убытки, передавая своей надѣль временно или навсегда въ чужія руки. Разрѣшеніе общества становится для него источникомъ произвольнаго налога, такъ какъ оно даетъ это разрѣшеніе только съ выгодною для себя. Откупиться отъ этой кабалы увольняемый крестьянинъ долженъ во всякомъ случаѣ, уходитъ ли онъ на заработокъ, или переселяется въ степь. Обезпечить крестьянину свободу передвиженія, возможность избрать любое мѣсто жительства, не спрашивая ничьего разрѣшенія, значитъ обезпечить за нимъ полную стоимость его собственности и возможность извлечь изъ своего труда наибольшую для себя пользу. Вопросъ этотъ, какъ видно, гораздо шире и гораздо настоятельнѣе переселенческаго.

Причинная связь будто бы имѣющаяся между нашимъ малоземельемъ и крестьянскою нуждою считается, какъ извѣстно у насъ чуть ли не аксіомой. Это одно изъ тѣхъ положеній которыя становятся непреложною истиной потому что повторяются часто. Въ самой комиссіи свѣдущихъ людей гг. Марковъ и Колюпановъ высказались въ этомъ смыслѣ съ большою настойчивостью, усматривая въ малоземелии общій источникъ бѣдности и эмиграціи.

Пока мы ограничимся лишь двумя замѣчаніями. Существуютъ въ Россіи, какъ извѣстно, двѣ области гдѣ надѣлы обширны, цѣны на землю не высоки, и потому для земледѣльца представляется достаточный просторъ. Это сѣверо-западная лѣсная половина нечерноземной полосы, гдѣ арендные цѣны на землю почти вездѣ стоять много ниже рубля за десятину, и заводская степная полоса, гдѣ цѣны, правда, значительно выше, благодаря крупнымъ съемщикамъ, но за то плодородіе почвы въ иные годы достигаетъ баснословныхъ размѣровъ.

Надѣлы здѣсь не ниже пяти — семи десятинъ на душу, а на крайнемъ востокѣ доходятъ до восемнадцати. А между тѣмъ населеніе Псковской, Новгородской и лѣсныхъ уѣздовъ Тверской и Костромской губерній находятся въ состояніи хронической нищеты, а населеніе Самарской, Уфимской и Оренбургской чаще всѣхъ въ Россіи посылается голодомъ. Стало-быть во всякомъ случаѣ многоземеліе само по себѣ не обезпечиваетъ довольства. Въ то же время одинъ изъ эксп-лертовъ, г. Вышеславцевъ, увѣряетъ насъ что слишкомъ 90% переселенцевъ изъ Тамбовской губерніи принадлежатъ къ государственнымъ крестьянамъ, надѣлы которыхъ въ полтора раза обширнѣе чѣмъ у бывшихъ владѣльческихъ. Стало-быть сравнительно большее малоземеліе не соответствуетъ болѣе сильному теченію эмиграціи. Если при этомъ верѣдко встрѣчаются печальные случаи безвыходной нищеты переселенцевъ, въ родѣ того который прошлаго весной встревожилъ наше общество, то они служатъ лишь доказательствомъ неосмотрительности съ которою наши крестьяне иногда поднимаются со своего поселенія, не отдавая себѣ отчета ни въ трудностяхъ луги, ни въ условіяхъ хозяйства той страны куда ихъ манятъ несбыточныя надежды. И въ самомъ дѣлѣ, если число такихъ несчастныхъ велико, то гораздо значительнѣе число тѣхъ которые возвращаются нищими изъ степей, куда за годъ или два предъ тѣмъ они шли съ деньгами и съ лошадьми.

Если есть настоящій переселенческій вопросъ, то прежде всего онъ долженъ занять защитой отъ разоренія тѣхъ кто пошелъ свои ложики вдаль, довѣрясь мечтамъ о степномъ богатствѣ. Ихъ невѣдніе въ самомъ дѣлѣ настоятельно требуетъ помощи, въ этомъ-то и заключается то *упорядоченіе* переселенія, о которомъ говорится въ Высочайшемъ повелѣніи о созывѣ свѣдущихъ людей. Такимъ образомъ мы должны признать что въ нашей печати совершенно напрасно отыскиваютъ прямую связь между колонизаціей восточныхъ окраинъ и дарованіемъ рабочему классу свободы передвиженія.

Можно даровать эту свободу: это даже необходимо сдѣлать скорѣе, и оставить притомъ колонизацію въ теле-решаемъ безпорядочномъ ея состояніи. Можно поступить и наоборотъ. Нельзя даже утвердительно сказать, окажетъ ли свободный выборъ мѣста жительства значительное вліяніе на усиленіе эмиграціи. Во всякомъ случаѣ заселеніе нашихъ окраинъ мы должны разсматривать какъ вопросъ самостоятельный,

и тѣмъ правильнѣе будетъ его рѣшеніе чѣмъ менѣе мы ставимъ его затѣмлять разными побочными соображеніями, хотя бы они были самаго гуманнаго свойства. Мы знаемъ что съ каждою весной извѣстное число крестьянъ изъ центральныхъ губерній тянется къ Уралу и Кубани, хотя это движеніе мы въ цифрахъ выразить не въ состояніи. Мы знаемъ также что нѣкоторая часть этихъ переселенцевъ не достигаетъ своего назначенія, будучи застигнута на пути совершенною нещетою, и что даже изъ числа тѣхъ которые успѣваютъ дойти, очень многіе возвращаются назадъ разоренными.

Въ то же время богатые степныя пространства остаются безо всякой обработки, находясь въ номинальномъ владѣніи кочевыхъ ивородцевъ, и остатки казенныхъ земель въ Европейской Россіи съ каждымъ годомъ все болѣе расхищаются.

Все это факты тысячу разъ доказанные и въ высшей степени ненормальные. Каковы бы ни были причины, онѣ сами по себѣ представляютъ серіозную задачу требующую сознательнаго и обдуманнаго внимательства власти. Но какъ должно выразиться это внимательство? На рѣшеніе этого вопроса прежде всего должны вліять два обстоятельства: какія причины обуславливаютъ переселеніе и какія цѣли должна преслѣдовать сама колонизація.

II.

Едва ли кто станетъ утверждать чтобы крестьянскія переселенія слѣдовало у насъ задерживать. Правда, взгляда этого наша администрація придерживалась очень долго, слѣдуя при этомъ болѣе инстинктивнымъ чѣмъ сознательнымъ побужденіямъ. Въ особенности сильны были ея опасенія въ семидесятомъ году, когда миновалъ девятилѣтній періодъ послѣ освобожденія, и многіе у насъ воображали что въ Россіи повторятся средневѣковыя переселенія народовъ. Ничего подобнаго, какъ извѣстно, не случилось. Было десятка два случаевъ въ которыхъ полечительная администрація сочла нужнымъ *убѣждать* крестьянъ остаться на мѣстѣ, когда разомъ хотѣли подняться цѣлыя селенія. Затѣмъ движеніе стихло, вошло въ извѣстную опредѣленную колею, и даже мѣстныя власти перестали ему прелятствовать, хотя и не дѣлали ничего

чтобы придать ему правильное теченіе. Въ обществѣ давно признано что эмиграція не только не представляетъ собою опасности, но что она служитъ естественнымъ истокомъ накопившагося въ центрѣ населенія и въ то же время является послѣдствіемъ историческаго движенія Русскаго народа на востокъ. Само собою разумѣется что не препятствовать движенію, оставаться къ нему нейтральнымъ, далеко еще не значитъ разрѣшать задачу имъ представляемую.

Принципъ *laissez faire* во всякомъ случаѣ не применимъ тамъ гдѣ благодаря ему разоряются и гибнутъ сотни людей, идущіе оцую по темнымъ слухамъ въ невѣдомую даль. Не оставляя въ сторонѣ такой нейтралитетъ, все-таки можно слѣдовать относительно переселеній совершенно различнымъ приѣмамъ. Можно ограничиться пособіемъ тѣмъ изъ эмигрантовъ которые застряли на пути или разорились на новыхъ мѣстахъ. Можно идти далѣе этого и озаботиться самимъ поселеніемъ ихъ, отводя имъ пригодныя земли и строительный матеріалъ и доставляя имъ земледѣльческія орудія. Наконецъ можно и не ограничиваться устройствомъ наличныхъ переселенцевъ, а прямо зазывать ихъ въ степь изъ внутреннихъ губерній обѣщаніемъ даровыхъ земель, и такимъ образомъ дать колонизаціи возможно широкое развитіе. Каждая изъ этихъ системъ имѣетъ у насъ своихъ сторонниковъ. Очевидно что каждая изъ нихъ отвѣчаетъ особому взгляду на колонизацію и притомъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: волевыхъ, по отношенію къ нуждамъ самихъ переселенцевъ, во вторыхъ, къ развитію богатствъ нашихъ обширныхъ незаселенныхъ пространствъ.

У насъ, какъ извѣсто, въ литературѣ вопросъ этотъ разсматривался почти только съ первой изъ этихъ сторонъ. Про развитіе и процвѣтаніе самихъ нашихъ колоній говорилось вскользь и лишь общими мѣстами. Намъ кажется однако что недостаточно еще обезлечить земельнымъ надѣломъ прошлое населеніе, необходимо подумать и о томъ какъ примется и разовьется хозяйство новыхъ поселеній. Есть также причины, какъ кажется, ограничивать вопросъ о судьбѣ нашихъ колоній областями наиболѣе близкими къ европейской Россіи. Съ точки зрѣнія колоніальной политики въ этотъ вопросъ также входитъ будущее устройство нашихъ дальнихъ приамурскихъ и туркестанскихъ владѣній.

Обратимся сначала къ первому изъ двухъ факторовъ эмиграціи — къ переселенцамъ. Мы знаемъ уже что въ умѣ

большинства изъ нашихъ публицистовъ давно рѣшено въ вопросѣ о томъ чѣмъ должно быть у насъ переселеніе. По мнѣнію ихъ оно прежде всего должно служить къ увеличенію крестьянскаго землевладѣнія, въ виду его яко бы несомнѣнной тѣсноты въ центральныхъ губерніяхъ. Мы видѣли уже что мнѣніе это не подтверждается даже тѣми скудными фактами которыми мы обладаемъ. Въ переселеніи участвуютъ въ значительной долѣ государственные крестьяне и то далеко не всегда бѣднѣйшіе изъ нихъ.

Намъ кажется что побудительную причину явленія эмиграціи нечего долго и глубоко отыскивать. Она лежитъ въ простомъ желаніи найти дешевый просторъ въ полевои хозяйствѣ, который всегда составлялъ идеалъ русскаго крестьянина. Если двумъ-тремъмышленнымъ переселенцамъ повезло на новыхъ мѣстахъ, и слухи о томъ проникли на родину, этого совершенно достаточно чтобы возбудить желаніе тоже попытаться счастья тамъ гдѣ земли вволю и она отдается даромъ или почти даромъ. Наши крестьяне привыкли брать подъ соху столько земли сколько они могутъ пахать, а иногда и больше того, конечно въ ущербъ хорошей обработкѣ. При такомъ стремленіи, понятно, какой бы то ни былъ хотя пяти-десятиновый надѣлъ покажется тѣснымъ, въ особенности когда съ каждымъ годомъ дорожаютъ съемочныя земли частныхъ владѣльцевъ. При этомъ самъ собою представляется будущему переселенцу слѣдующій расчетъ: при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ десятина чернозема можетъ быть всегда продана за 80 рублей, стало-быть даже одиошувый домохозяинъ, если онъ на полномъ надѣлѣ, можетъ за 2 $\frac{1}{2}$ до 3хъ десятинъ всегда получить отъ 200 до 240 руб., не прибавляя даже ничего за огороды. Затѣмъ его хата съ прочими постройками въ самомъ неблагоприятномъ случаѣ можетъ всегда быть продана за 250 рублей. Стало-быть не долагая ничего за продажу движимости, самый бѣдный крестьянинъ можетъ взять съ собою въ дорогу отъ 450 до 500 рублей если онъ на полномъ надѣлѣ, и 350 если онъ на уменьшенномъ. * Допуская что на немъ состоитъ недоимка за два полные года, что очень много, изъ этой суммы придется

* Въ статистикѣ поземельной собственности въ 8 центральныхъ губерніяхъ (изд. 1879 года) цѣнность средняго крестьянскаго двора, какъ извѣстно, опредѣлена въ 1.000 рублей.

вычестъ въ первомъ случаѣ 26 рублей, во второмъ 18 руб. (за каждую душу). *

Такимъ образомъ переселенцу кажется что даже при неблагоприятныхъ условіяхъ ему выгодно сбыть свой надѣлъ если только онъ въ самомъ дѣлѣ найдетъ для новаго поселенія дешевую землю и главное—дешевый строительный матеріалъ.

Отправляясь въ путь на своей телѣгѣ и со своими пожитками, онъ надѣется истратить не болѣе 50 или 60 рублей на дорогу, а остальныхъ денегъ, какъ онъ думаетъ, ему хватитъ на обзаведеніе.

Выгоду при этомъ онъ главнымъ образомъ видитъ въ томъ что на новыхъ мѣстахъ будетъ пахать въ ширь сколько ему угодно. Понятно что этотъ расчетъ одинаково заманчивъ и для бѣднаго, и для достаточнаго хозяина, если онъ дома ведетъ свои дѣла не съ особенною выгодой. Нѣтъ стало-быть ничего удивительнаго если переселеніе не находится въ прямой связи съ бѣдностію или съ тяжестію налоговъ. Не менѣе извѣстно конечно и то что дѣйствительно ставить вверхъ дномъ эти расчеты. Дорога оказывается не подъ силу многимъ изъ эмигрантовъ. Хотя самые бѣднѣйшіе изъ нихъ, какъ мы видѣли, должны быть все-таки при деньгахъ, путевые расходы, въ которыхъ конечно должное мѣсто занимаетъ кабакъ, часто поглощаютъ эти деньги цѣликомъ. Степное хозяйство, при всемъ своемъ просторѣ, также не всегда оправдываетъ надежды переселенца.

Какъ бы то ни было, слѣдуетъ спросить себя, представляетъ ли эмиграція, конечно при иномъ, болѣе правильномъ ея устройствѣ, естественный и наиболѣе желательный исходъ для существующаго у насъ будто бы избытка рукъ? Другими словами, слѣдуетъ ли въ интересахъ населенія поощрять ее, или какъ выразилось правительство только *упорядочить*?

Допустимъ что многихъ переселенцевъ, положимъ, большинство ихъ, гонить съ мѣста нужда. Отвѣтъ на поставленный нами вопросъ все-таки не будетъ зависѣть отъ этого обстоятельства. Чтобы рѣшить какого образа дѣйствія слѣдуетъ придерживаться относительно нашей эмиграціи—не достаточно знать, много ли насчитывается бѣдняковъ въ

* Мы полагаемъ годовою сборъ по всѣмъ повинностямъ, при полномъ надѣлѣ, по 13 р. съ души, а при уменьшенномъ въ 9 рублей.

числѣ переселенцевъ, необходимо прежде всего опредѣлить какое вліяніе переселеніе должно оказывать на бытъ нашего рабочаго класса въ цѣломъ его составѣ. Тутъ рѣшающее значеніе имѣеть стало-быть, мы повторяемъ это, не единичное обидианіе того или другаго семейства, даже цѣлаго селенія, а общія, такъ - сказать постоянныя экономическія условія жизни цѣлаго края. Если они обнаруживаютъ дѣйствительное переполненіе, то нельзя очевидно ограничиваться упорядоченіемъ переселенія, а слѣдуетъ открыть предъ нимъ возможно широкую дорогу, усиливая по возможности его токъ. Таково, напримѣръ, исконное положеніе Ирландіи. Насъ увѣряютъ что явленіе это оказывается уже въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ и при этомъ ссылаются на статистическія данныя, показывающія явную недостаточность крестьянскаго землевладѣнія. Такъ, напримѣръ, статистика поземельной собственности показала что въ восьми центральныхъ губерніяхъ * имѣется до полумилліона душъ владѣющихъ землей не свыше двухъ десятинъ на душу, что составляетъ около 11% всего населенія этихъ губерній. Если къ этому присоединить крестьянъ получившихъ четвертые надѣлы въ губерніяхъ Саратовской и Симбирской, о которыхъ точныхъ свѣдѣній пока не имѣется, то общее число крестьянъ черноземной полосы ставшихъ на уменьшенный надѣлъ можно приблизительно опредѣлить въ 650.000 душъ. ** Ссылаясь на эти цифры, наши публицисты часто утверждали что черноземная полоса содержитъ уже значительное почти безземельное поселеніе и выводили отсюда что населенію этому не представляется другаго исхода кромѣ эмиграціи. Они даже не останавливаются на этомъ сравнительно скромномъ выводѣ и увѣряютъ насъ что душевой надѣлъ отъ двухъ до трехъ десятинъ нельзя считать удовлетворительнымъ, почему слѣдуетъ признать что цѣлая половина населенія черноземной полосы крайне нуждается въ увеличеніи своихъ надѣловъ. Мы не станемъ входить здѣсь въ обсужденіе вопроса о

* Калужской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской.

** Въ упомянутыхъ двухъ губерніяхъ надѣламъ вообще значительнаго числа въ центральныхъ, почему можно допустить что такіе-же крестьяне, за исключеніемъ получившихъ даровые надѣлы, имѣютъ боже двухъ десятинъ на душу.

предѣлахъ достаточности крестьянскаго землевадѣнія. Указаніе такой нормы едва ли будетъ точнымъ и всегда будетъ основано на производныхъ данныхъ. Но какова бы ни была эта норма, главное основаніе приводимаго нами мнѣнія заключается въ томъ что каждый Русскій непременно долженъ быть землевадѣльцемъ и притомъ въ извѣстномъ размѣрѣ, а что затѣмъ, если этого размѣра не окажется, государство или общество непременно обязаны отыскивать ему гдѣ-либо свободныя земли. Такую постановку вопроса мы рѣшительно отвергаемъ и считаемъ источникомъ многихъ ошибочныхъ выводовъ. Мы думаемъ что осуществленіе такой программы въ довольно близкомъ будущемъ натолкнудось бы на явную физическую невозможность, а прежде достиженія такого предѣла, вело бы не къ обогащенію страны, а къ ослабленію ея производительности.

Чтобы доказать это положеніе допустимъ что изъ Россіи началась эмиграція въ такихъ размѣрахъ которые обезпечивали бы остающемуся населенію достаточный просторъ, и посмотримъ какое вліяніе она оказала бы сперва на это населеніе, а затѣмъ и на самихъ эмигрантовъ. Мы будемъ имѣть въ виду лишь центральныя черноземныя губерніи, какъ главный источникъ наличнаго переселенія.

Въ этихъ губерніяхъ населенность, какъ извѣстно, колеблется между 2.100 и 2.500 душъ обоого пола на квадратную милю, то-есть на пространство въ 5.000 десятинъ. Мы знаемъ изъ статистики поземельной собственности что во владѣніи крестьянъ семи черноземныхъ губерній приходится отъ 49% (Тульская) до 64% (Воронежская) всей территоріи; стало-быть на каждыя 230 душъ обоого пола (мы беремъ среднюю цифру населенія) имѣется отъ 2.450 до 3.200 десятинъ крестьянскихъ земель. Мы уже сказали что опредѣлить норму достаточности крестьянскаго наделъ мы не беремъся.

Но есть иная норма, къ которой подойти можно ближе, — именно средній наилучшій размѣръ крестьянскаго двора какъ хозяйственной единицы. Не трудно доказать что чрезмѣрное измельчаніе подворныхъ участковъ вообще нежелательно, потому что какъ трудъ хозяина, такъ и капиталъ заключающійся въ постройкахъ и орудіяхъ не находятъ себя тогда выгоднаго примѣненія. У насъ, при экстенсивности нашего хозяйства, эти неудобства еще значительнѣе. Князь Васильчиковъ, въ своей книгѣ о землевадѣніи и земледѣліи, какъ извѣстно, находитъ что размѣръ подворнаго участка долженъ

соответствовать силамъ рабочей семьи, и потому его нормальный размѣръ для средней Россіи долженъ быть въ десять десятинъ. Мы остановимся на этой цифрѣ, хотя и считаемъ такой размѣръ недостаточнымъ. Возвращаясь къ нашему расчету, мы найдемъ что полагая по пяти человѣкъ на среднюю крестьянскую семью, на каждую квадратную милю нашихъ черноземныхъ уѣздовъ получится 460 крестьянскихъ семей, на которыя потребуется 4.600 десятинъ. Стало-быть въ Тульской губерніи у крестьянъ вообще окажется земель почти вдвое меньше, а въ Воронежской, гдѣ крестьянское землевладѣніе всего обширнѣе, немного болѣе двухъ третей этого числа. Такимъ образомъ, оставаясь вѣрными основному взгляду нашихъ противниковъ, мы должны пожелать чтобы эмиграція унесла изъ центральной черноземной полосы по крайней мѣрѣ одну треть ея населенія. Защитники теоріи нормального надѣла, какъ извѣстно, находятъ что всякое арендованіе крестьянами чужихъ земель, всякое фермерство есть зло, котораго въ Россіи мы должны всячески избѣгать. Вотъ почему мы не приняли здѣсь въ расчетъ земель частныхъ владѣльцевъ. Какъ бы то ни было, мы приходимъ къ невѣроятному заключенію что наша черноземная полоса, то-есть одна изъ самыхъ плодородныхъ мѣстностей въ мірѣ, будетъ процвѣтать лишь тогда когда населеніе ея опустится до 1.600 душъ на квадратную милю, то-есть далеко ниже самыхъ пустынныхъ мѣстностей Европы. Даже такая мѣра какъ отчужденіе частныхъ земель лишь бы нѣсколько расширила рамки предполагаемаго населенія и довела бы его крайній предѣлъ до 2.500 душъ, то-есть все-таки до очень скромной величины.

Такимъ образомъ еслибы мы признали необходимость поголовнаго надѣленія земель всего нашего рабочаго класса, то тѣмъ самымъ мы вынуждены были бы признать что самая плодородная наша губерніи въ состояніи прокормить лишь такое число жителей которое на Западѣ встрѣчается какъ рѣдкое исключеніе. Выводъ этотъ тѣмъ болѣе страшный что въ Европѣ эти слабонаселенныя мѣстности въ то же время какъ разъ самая бѣдная и что лишь при извѣстной густотѣ населенія возникаетъ та промышленная дѣятельность, благодаря которой на Западѣ такъ разрослось и распространилось движимое богатство. Но, возразятъ намъ, быть-можетъ, западная Европа примѣромъ намъ

служить не должна; страна наша исключительно земледѣльческая, и потому народное благосостояніе въ ней можетъ быть обезпечено только при условіи всеобщаго надѣленія землей. Но разсуждать такимъ образомъ значило бы вращаться въ завѣдомо ложномъ кругу. Весь узелъ занимающаго насъ вопроса и заключается именно въ томъ что при достиженіи извѣстной населенности никакая страна не можетъ оставаться исключительно земледѣльческою, потому что одно земледѣліе не даетъ ея жителямъ достаточнаго заработка.

Даже тамъ гдѣ площадь обрабатываемыхъ земель занимаетъ почти всю территорию, она не можетъ доставить занятія всему наличному рабочему населенію нѣкоторыхъ изъ нашихъ центральныхъ уѣздовъ. Будучи его единственнымъ промысломъ, земледѣліе сверхъ того сосредоточиваетъ всѣ его усилія на короткомъ промежуткѣ времени и обрекаетъ его большую часть года на бездѣйствіе.

Всякое усовершенствованіе культуры, какъ травосѣяніе и введеніе лучшихъ орудій, еще сократитъ число рабочихъ нужныхъ для сельскаго хозяйства. Стало-быть, если мы будемъ смотрѣть на него какъ на исключительное занятіе нашихъ черноземныхъ крестьянъ, мы тѣмъ самымъ должны будемъ признать нежелательнымъ всякое его улучшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ въ каждой отрасли труда заключается въ полученіи возможно большаго числа продуктовъ при возможно меньшемъ напряженіи. При условіяхъ нашей исключительно земледѣльческой промышленности, будто бы для насъ необходимою, всякій такой успѣхъ будетъ оставлять безъ работы, а стало-быть вынуждать къ эмиграціи, часть нашихъ крестьянъ. Мы такимъ образомъ не можемъ избѣжать слѣдующей дилеммы: либо населеніе нашихъ центральныхъ губерній никогда не должно переступить за извѣстный очень низкій уровень промышленнаго развитія; либо причины теперешняго неудовлетворительнаго положенія нашихъ крестьянъ мы должны искать не въ чрезмѣрной тѣснотѣ, а въ иныхъ условіяхъ нашего экономическаго быта. Считать эмиграцію въ широкихъ размѣрахъ неизбѣжнымъ исходомъ изъ нашего теперешняго положенія значило бы не исправить его, а увѣковѣчить, по крайней мѣрѣ на все то время пока хватитъ у насъ удобныхъ земель для заселенія. Не лучше ли помириться съ тѣмъ неизбѣжнымъ фактомъ что по достиженіи данною мѣстностію извѣстной населенности, часть наличныхъ рабочихъ

должна перестать поключительно быть земледѣльцами. Развитие промышленности въ каждой странѣ, какъ и всякій успѣхъ бываетъ плодомъ усилій созданныхъ суровою необходимостію. Тяжкіе роды часто даютъ здороваго ребенка. Этотъ кризисъ, рано или поздно, наступающій повсюду, сопровождается конечно временными лишеніями для людей не знающихъ иной работы кромѣ земледѣлія, но за то въ немъ и заключается вѣрный залогъ успѣха; между тѣмъ какъ рѣки текуція медомъ до сихъ поръ не обогатили никого. Въ томъ разнообразіи занятій къ которому населеніе приходитъ благодаря тѣснотѣ заключается лишь широкое примѣненіе къ цѣлой странѣ начала раздѣленія труда. Намъ почти совѣстно повторять здѣсь такіа азбучныя истины. Но что же дѣлать когда въ нашей печати признается слорнымъ даже то что давнымъ давно стало общеизвѣстною аксіомой. Впрочемъ, безо всякихъ теоретическихъ доказательствъ, сама русская жизнь довольно богата фактами подтверждающими сказанное выше. Въ самой Европейской Россіи есть достаточно мѣстностей, и на сѣверѣ, и на востокѣ, и на югѣ, безъ людей которыхъ доставляетъ ихъ рѣдкому населенію желаемый просторъ. Направляясь отъ центра къ окружности мы переходимъ чрезъ всѣ стелени населенности, и потому на каждомъ шагѣ можемъ наглядно убѣдиться насколько благосостояніе жителей увеличивается по мѣрѣ того какъ число ихъ рѣдѣетъ. Въ тѣсныхъ мѣстностяхъ сѣвера и на черноземныхъ земляхъ, дающихъ богатые урожаи бѣлотурки, вездѣ мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ: обиліе земель и сравнительная ихъ дешевизна приковываетъ населеніе къ мѣсту и не даетъ развиваться никакому промыслу, ни отхожему, ни кустарному. Въ то же время это обиліе не предохраняетъ населеніе отъ голода, и какъ разъ тамъ, гдѣ надѣлы всего обширнѣе и гдѣ дешевле съемочныя земли, мѣстному земству всего чаще приходится испрашивать и выдавать ссуды на продовольствіе жителей. Оставимъ въ сторонѣ сѣверныя уѣзды съ ихъ бѣдною почвой почти никогда не вознаграждающею труда; но какъ объяснить хроническое повтореніе голода въ такихъ губерніяхъ какъ Самарская, Саратовская, Оренбургская? Намъ возразятъ что частныя и казенныя земли здѣсь берутся въ аренду крупными съемщиками и эти недобросовѣстные посредники искусственно набиваютъ на нихъ цѣну. Но какъ бы то ни было, при всемъ

хищничествѣ кулаковъ, изобиліе земель не даетъ чересчуръ возвыситься этой цѣнѣ, и арендная плата за десятину въ сѣверныхъ уѣздахъ Саратовской губерніи (гдѣ всего чаще и появлялся голодъ) колеблется между 3 и 5 рублями за десятину, а въ Самарской опускается до 2 рублей, конечно за исключеніемъ ковыльныхъ степей. Самые надѣлы здѣсь гораздо больше чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. Отъ четырехъ десятинъ на душу въ сѣверныхъ уѣздахъ Саратовской губерніи, они доходятъ до 8 въ Николаевскомъ уѣздѣ и до 12 въ Новоузенскомъ, а между тѣмъ, какъ скоро эти мѣстности постигаетъ неурожай, населеніе голодаетъ и вынуждено прибѣгать къ земской или правительственной ссудѣ. Не доказываетъ ли это наглядно что никакой просторъ и никакое плодородіе не могутъ обезпечить населенія отъ нужды тамъ гдѣ заработокъ не даетъ ему денежныхъ средствъ на покупку хлѣба въ неурожайный годъ? И въ самомъ дѣлѣ, единственный и притомъ дорогой заработокъ въ этой мѣстности—уборка хлѣба у помѣщиковъ—тоже изсякаетъ въ тяжелые годы, то-есть какъ разъ въ то самое время когда рабочему онъ всего болѣе нуженъ.

На югѣ, вдоль Чернаго и Азовскаго морей, мы видимъ, правда, картину иную. Здѣсь мы не такъ часто слышимъ о голодѣ среди крестьянъ, но за то частыя ишвінія въ этомъ чисто помѣщичьемъ краѣ остаются безъ рабочихъ, и плата за трудъ по уборкѣ хлѣба здѣсь достигаетъ такихъ размѣровъ что иногда урожайный годъ убыточнѣе для владѣльца чѣмъ неурожайный. Послѣдствія этой дороговизны труда слишкомъ извѣстны чтобы стоило на этомъ настаивать. Хищническое производство, разчитанное на случайную удачу, истощеніе полей и задолжаніе хозяевъ—вотъ то неутѣшительное состояніе въ которомъ находится хозяйство южнаго края, въ особенности же въ восточной его части. Такимъ образомъ крайняя экстенсивность культуры даетъ въ общихъ чертахъ тѣ же результаты на помѣщичьихъ и на крестьянскихъ земляхъ. И на тѣхъ и на другихъ отсутствіе капитала и нерациональная обработка превращаютъ земледѣіе, то-есть наиболѣе вѣрный изъ всѣхъ промысловъ, въ какое-то азартное предпріятіе, одинаково разорительное и для хозяина, и для почвы. Да если сравнить и въ цѣлой Россіи условія хозяйства помѣщиковъ и крестьянъ, мы едва ли многимъ ошибемся, обобщивъ этотъ выводъ. Отсутствіе капиталовъ, хозяйничанье въ

ширь, а не въ глубь, господствуетъ почти новосельство и въ тѣхъ и въ другихъ и служатъ главною причиною общей недостаточности. Въ самомъ дѣлѣ, если ближе въ нихъ всмотрѣться, причины разоренія многихъ землевладѣльцевъ окажутся очень схожими съ тѣми которыя влекутъ за собою обниданіе крестьянъ, и оба эти явленія, тамъ гдѣ они встрѣчаются, коренятся въ одинаковой почвѣ.

Но обобщая такимъ образомъ условія и недостатки нашего сельскаго хозяйства, мы должны остановиться и на иномъ, весьма характерномъ явленіи. Ни въ одномъ изъ европейскихкихъ государствъ рабочій классъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не надѣленъ землей въ такомъ размѣрѣ какъ въ Россіи. Крестьянскіе надѣлы занимають у насъ 55% до 60% всѣхъ хозяйственныхъ земель. Такого сравнительнаго размѣра собственно мелкое землевладѣніе * не достигаетъ нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ небольшихъ областей, какъ напримѣръ Альзасъ и части Франціи, Бельгіи и Швейцаріи; между тѣмъ нигдѣ кромѣ Россіи денежная помощь со стороны государства для продовольствія жителей не составляетъ хроническаго явленія. Только въ особенно тяжелые годы и каждый разъ для небольшого района, какъ три года тому назадъ, въ Верхней Силезіи, встрѣчается нужда въ такой помощи. У насъ, напротивъ, каждый годъ земству той или другой губерніи приходится выдавать осуды тѣмъ самымъ рабочимъ землевладѣльцамъ которые благодаря надѣленію землей поставлены въ такое исключительное выгодное положеніе. Даже въ текущій урожайный годъ на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ уже возбуждены вопросы о такихъ осудахъ, и никто, этому у насъ не удивляется, хотя въ сущности подобное явленіе означаетъ лишь то что ежегодно одна часть населенія должна заимать деньги у остальнаго чтобы свести концы съ концами!

Посмотримъ теперь на обратную сторону той же картины. У насъ тоже есть мѣстности болѣе другихъ счастливыя, гдѣ недоимокъ мало или нѣтъ вовсе, гдѣ продовольственные

* Сравнивая между собою русское и заграничное мелкое землевладѣніе слѣдуетъ конечно принимать въ расчетъ различіе производительности и цѣнности, почему крайніе предѣлы этого землевладѣнія у насъ значительно выше чѣмъ за границей. Вообще принято считать мелкою собственностью такую, гдѣ обработка производится безъ помощи постороннихъ рабочихъ.

осуды составляютъ рѣдкость, гдѣ крестьяне покупаютъ частныя земли, гдѣ наконецъ рабочая плата сравнительно высока. И что же оказывается? Находимъ ли мы эти мѣстности тамъ гдѣ населеніе рѣдко, а земли вдоволь? Нисколько. Мѣстности эти въ самомъ сердцѣ Россіи, въ самыхъ густонаселенныхъ губерніяхъ, хотя и нечерноземныхъ, и въ самыхъ густонаселенныхъ уѣздахъ этихъ губерній. Такъ, напримѣръ, въ плодородной и небогатой Тверской губерніи имѣется Кашиинскій уѣздъ съ населеніемъ въ 65 душъ на квадратную версту (то-есть значительно превышающимъ среднюю населенность центральной полосы). Не только въ этомъ уѣздѣ недоимокъ нѣтъ и никогда не было, но крестьянами скупо уже около одной трети помѣщичьихъ земель. Такъ, въ Ярославской, въ Костромской, во Владимірской и въ Калужской губерніяхъ самыми достаточными являются наиболѣе густо населенные уѣзды. * Известно что у насъ рабочая плата въ нечерноземной полосѣ тѣмъ выше чѣмъ плотнѣе населенность. А между тѣмъ количество пахотной земли у крестьянъ этой мѣстности не можетъ сравниться не только съ пространствомъ зашашекъ въ степяхъ, но и съ количествомъ ихъ у крестьянъ сѣверныхъ лѣсныхъ уѣздовъ. Путевыя замѣтки В. П. Безобразова, помѣщенные въ газетѣ *Русь*, содержатъ, между прочимъ, любопытное описаніе быта крестьянъ Угодичской волости, Ростовскаго уѣзда, гдѣ надѣлъ около одной десятины на душу, но гдѣ съ этого небольшого пространства, благодаря высокой культурѣ и тщательной воздѣлкѣ дорогихъ овощей, получается большій доходъ чѣмъ на черноземѣ. Дѣло въ томъ что главный источникъ благосостоянія рабочаго класса заключается въ правильномъ употребленіи его работы, а умѣнье это приобретается не иначе какъ въ борьбѣ съ тѣми условіями которыя создаетъ суровая необходимость. Причина сравнительнаго довольства населенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изъ числа менѣе плодородныхъ заключается единственно въ болѣе правильномъ употребленіи рабочей силы, между тѣмъ какъ въ чисто земледѣльческихъ уѣздахъ время не занятое полевыми работами пропадаетъ даромъ. Только путемъ

* Если въ этомъ отношеніи Московская губернія составляетъ исключеніе, то это надо приписать обобому развитію пьянства, благодаря близости столицы.

развитія промысловъ, — мы не можемъ здѣсь не повторить этого, — можетъ быть достигнуто обогащеніе Россіи. Ни правительство, ни земство не могутъ оставаться въ этомъ вопросѣ нейтральными. Вмѣшательство ихъ здѣсь не стѣснить ничьихъ правъ и не нарушитъ ничьей патиативы, но оно можетъ дать толчекъ довольно вѣлому ходу нашего экономического развитія. Поддерживать домашніе крестьянскіе промыслы тамъ гдѣ они существуютъ, развивать ихъ тамъ гдѣ они слабы, — это самая настоятельная экономическая задача и правительства, и земства. Мы имѣли уже случай высказать на страницахъ этого журнала какими средствами это можетъ быть достигнуто. Мы здѣсь добавимъ только одно замѣчаніе. Производительность не можетъ быть искусственно вызываема, мы не думаемъ этого забывать, и размѣры ея обыкновенно опредѣляются спросомъ. Но домашнее крестьянское производство у насъ такого свойства что при дешевизнѣ и употребительности своихъ продуктовъ оно способно къ значительному распространенію, и недостатокъ спроса зачастую является лишь вслѣдствіе отсутствія товара на рынкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ гдѣ предметы домашняго обихода, даже самые простые изъ нихъ, получаютъ изъ дальнихъ губерній и, проходя чрезъ руки прасоловъ, значительно дорожаютъ, потребление ихъ сокращается, и деньги, которыя могли бы тратиться на нихъ, относятся въ кабакъ.

Въ настоящее время правительство озабочено сокращеніемъ льянства. Пусть же деньги которыя населеніе сэкономитъ на этой главной статьѣ крестьянскихъ расходовъ послужатъ къ развитію потребления въ другихъ статьяхъ, въ одеждѣ, обуви, посудѣ, и тѣмъ самымъ усилить и народную производительность, и народное довольство.

III,

Посмотримъ теперь какія послѣдствія имѣеть эмиграція для самихъ переселенцевъ. Вопросъ объ этомъ близко сродни другой задачѣ, устройству колоній, и потому мы коснемся здѣсь обоихъ одновременно.

Совѣщаніе экспертовъ постановило что казенныя земли должны служить фондомъ для надѣленія крестьянъ внутреннихъ губерній, чѣмъ оно высказало требованіе давно

выраженное у насъ въ печати. Земли эти, лежація въ Европейской Россіи, имѣютъ въ ряду прочихъ свободныхъ земель то преимущество что находятся ближе къ центру. Но по своему объему въ общемъ итогѣ нашихъ колоній онѣ занимаютъ очень скромное мѣсто. Ихъ всего около четырехъ миліоновъ десятинъ (въ томъ числѣ довольно много неудобныхъ земель) не считая лѣсныхъ угодій и мелкихъ оброчныхъ статей.

За этими землями имѣются несравненно болѣе обширныя пространства, состояція въ фиктивномъ владѣніи кочующихъ инородцевъ, въ губерніяхъ Ставропольской, Пермской, Оренбургской, въ Кубанской области и въ землѣ внутренней Буковской орды; пространство не измѣренное, но приблизительно доходящее до огромной цифры пятнадцати миліоновъ десятинъ. * Еще далѣе лежатъ обширныя незаселенныя, но удобныя земли въ южныхъ уѣздахъ Тобольской и Томской губерній. Наконецъ, какъ послѣдній, неисчерпимый запасъ будущей колонизаціи, имѣются необъятныя пространства Семилалатинской и Семирѣчннской областей, вновь пріобрѣтенныя владѣнія въ Средней Азіи и Приамурскій край. Про богатство этого запаса и про необходимость скорѣйшаго исполненія нашей колонизаторской задачи на Востокъ написано у насъ уже очень много. Но слѣдуетъ ли изъ наличности такого богатства что мы должны съ посрѣдностію приняться за искусственное заселеніе нашихъ восточныхъ окраинъ? Другими словами, находимся ли мы въ такомъ положеніи чтобы наши полупустынные восточныя земли могли обратиться въ цвѣтущія колоніи?

Для успѣха колонизаціи не достаточно изобилія незанятыхъ плодородныхъ земель. Одна почва безъ оборотнаго капитала всегда даетъ работнику только его собственное пропитаніе, и если онъ не умѣетъ взяться за дѣло, то даже пропитаніе скудное. Помимо нравственныхъ и физическихъ качествъ эмигрантовъ, всякая новая колонія прежде всего нуждается въ трехъ главныхъ условіяхъ: въ значительномъ капиталѣ, въ путяхъ сообщенія и въ существованіи готоваго рынка для сбыта своихъ продуктовъ. Тамъ гдѣ этихъ условій нѣтъ, самыя богатыя земли будутъ лишь поприщемъ неудачныхъ

* Князь Вислицковъ, *Землевладѣніе и Земледѣліе*. Томъ II, глава 14.

попытокъ и образованіяся на нихъ поселенія мало-по-малу станутъ гнохнуть и вымирать. Такова судьба нашихъ колонистовъ на Амурѣ и на Уссуріи.

Въ Сѣверной Америкѣ такъ успѣшно идетъ заселеніе и разработка луговыхъ степей потому что эмигранты приносятъ съ собой и знаніе и капиталъ высокоразвитой страны, что съ ними вмѣстѣ пролагаетъ себѣ путь и паровозъ, что наконецъ непосредственно за ними лежатъ богатые рынки восточныхъ и среднихъ штатовъ, а затѣмъ по морскому пути еще болѣе богатые рынки Европы. Очень ошибаются тѣ кто воображаютъ что большинство переселенцевъ на американскомъ западѣ состоитъ изъ неимущихъ европейскіхъ эмигрантовъ. Большею частью эти неимущіе являются тамъ лишь въ качествѣ рабочихъ у фермеровъ. Американское правительство не раздаетъ земель даромъ, и пионеры дальняго Запада хорошо понимаютъ что успѣшное хозяйство даже на степи требуетъ затратъ. Хозяйство это конечно экстенсивное, какъ оно иначе и не можетъ быть на дѣйственныхъ почвахъ, но ведется оно всѣми приемами усовершенствованной культуры, рассчитанной на усиленіи производительности при возможно меньшемъ числѣ рабочихъ. Оно—хозяйство въ высшей степени торговое, предназначенное для вывоза. Ни одного изъ этихъ условій не встрѣчается на нашемъ Востокѣ, хотя повидимому Сѣверная Америка и представляетъ единственную въ мірѣ страну имѣющую по своимъ очертаніямъ нѣкоторое сходство съ Россіей. Классъ эмигрантовъ-фермеровъ у насъ не существуетъ вовсе. Да и въ цѣлой странѣ вѣтъ тѣхъ свободныхъ капиталовъ которые могли бы быть употреблены на промышленную разработку степей. Желѣзныя дороги еще не проникли на нашъ Востокъ, и будущія наши сибирскія и среднеазиатскія колоніи отдѣляются отъ рынковъ образованнаго міра почти безконечнымъ мертвымъ расстояніемъ.

Сама Россія не можетъ служить мѣстомъ сбыта для ихъ продуктовъ, такъ какъ въ земледѣльческихъ сырыхъ произведеніяхъ она не нуждается, такимъ образомъ, даже самыя трудолюбивыя нашія переселенцы, даже на самыхъ богатыхъ почвахъ дальняго Востока найдутъ себѣ развѣ просторъ, но не найдутъ того что служитъ единственнымъ средствомъ къ обогащенію и потому единственнымъ рычагомъ производства—любимыхъ рынковъ. Для нихъ просторная степь вѣчно останется

чѣмъ-то въ родѣ золота царя Мидаса. Какой бы ни сдѣланъ былъ ими починъ, ихъ хозяйство очень скоро сузится до тѣсныхъ предѣловъ собственнаго потребленія, этой всегдашней рамки производства у первобытныхъ народовъ, у которыхъ довольство очень сходно съ нищетой. Впрочемъ не зачѣмъ здѣсь ограничиваться одними гадательными предположеніями. Будущая судьба сибирскихъ колоній можетъ быть достаточно опредѣлена примѣрами изъ нашего прошлаго. Всѣ знаютъ, какимъ успѣхомъ закончились правительственныя попытки для правильнаго устройства быта ссыльныхъ поселенцевъ и сосланныхъ на житье. Были возведены крестьянскія избы по officialнымъ планамъ, были отведены надѣлы, заводилась скоть и выдавались казенныя сохи и бороны, а спустя десять, много пятнадцать лѣтъ, отъ тщательно выстроенной деревни оставались развалины. Населеніе же предпочитало вольное занятіе бѣлаго обезпеченному труду земледѣльца.

Правительственная олека надъ развитіемъ промышленности возможна лишь тамъ гдѣ она подлаживается къ естественнымъ условіямъ края, а не пытается создать ихъ по произволу. Не многимъ успѣшнѣе пошло заселеніе Амурскаго и Уссурийскаго края. Городъ Николаевскъ остался административнымъ центромъ, ведущимъ жалкую торговлю съ Китаемъ, а превосходная гавань Владивостока служить главнымъ образомъ для ввоза товаровъ на потребленіе его жителей. По теченію большихъ рѣкъ возникли поселенія кое-какъ прозябающія, но лишеныя всякой возможности отвоевать что-либо у окружающей ихъ пустыни. Обобщать эти факты, какъ нѣчто вполне непреложное, конечно, нельзя. Но вѣроятно что въ большинствѣ случаевъ такова будетъ судьба новыхъ поселеній которыя заведутся съ казенною помощію въ южной Сибири. Мы думаемъ что предметомъ вывоза изъ нашихъ восточныхъ владѣній — а только вывозною торговлей и можетъ разбогатѣть колонія — могутъ служить лишь такіе продукты которыя выносятъ дальнюю перевозку.

Даже при постройкѣ желѣзной дороги, главные земледѣльческія произведенія, хлѣбъ и скоть, не вывезутъ перевозки въ 5.000 верстъ, не считая Россіи, которую они также должны будутъ проѣхать для достиженія рынка, вотъ почему промышленную будущность имѣть не Сибирь и не Амурскій край, а лишь наши среднеазиатскія владѣнія, откуда могутъ быть

вывозимы цѣнные произведенія, какъ хлопокъ и шелкъ. Но упоминая о будущности Туркестанскаго края мы должны оговориться что это еще отдаленная будущность. Пока рельсовый путь не провикъ къ Аральскому морю, вѣчего конечно и думать о вывозѣ оттуда товаровъ. Въ настоящее время для поселенія нашихъ эмигрантовъ мы поэтому можемъ имѣть въ виду одну лишь Европейскую Россію. Впрочемъ сокрушаться объ этомъ нѣтъ причины, такъ какъ и Европейская Россія обладаетъ почти 20 милліонами десятинъ свободныхъ земель. Нѣтъ, какъ намъ кажется, повода желать колонизаціи болѣе отдаленныхъ окраинъ, прежде заселенія ближайшихъ. Въ двухъ отношеніяхъ по крайней мѣрѣ, со стороны путей сообщенія и близости рынка, послѣднія имѣютъ несравненныя преимущества. Къ нимъ можно присоединить еще одно—климатъ менѣе рѣзко отличающійся отъ того къ которому привыкли эмигранты. Впрочемъ, съ точки зрѣнія развитія мѣстной производительности, наши среднеазиатскія владѣнія и не нуждаются особенно въ русскихъ переселенцахъ. Сравнительно это наиболее густо населенныя изъ нашихъ окраинъ, и поэтому намъ вѣчего заботиться о привлеченіи сюда новыхъ рабочихъ рукъ.

Но, ограничиваясь Европейскою Россіей, мы и здѣсь должны сдѣлать выборъ между отдѣльными частями обширной территоріи пригодной для заселенія. Примѣняя къ этой области сказанное выше о необходимыхъ условіяхъ успѣшной колонизаціи, мы увидимъ что они встрѣчаются въ ней не вездѣ въ одинаковой мѣрѣ. Впрочемъ, и независимо отъ этого есть достаточно основаній стремиться лишь къ постепенному заселенію нашихъ свободныхъ земель, насколько вообще отъ правительства зависитъ направлять въ ту или въ другую сторону движеніе эмиграціи. Волервыхъ, только при извѣстной сосредоточенности переселенцевъ, они будутъ въ состояніи дойти до нѣкоторой зажиточности, восторыхъ, администрація будетъ въ состояніи принести пользу при устройствѣ ихъ быта лишь если обратитъ свое вниманіе на опредѣленную мѣстность, не разбрасывая своего усердія отъ Урала до Кавказа; втретьихъ, наконецъ, какъ бы великъ ни былъ нашъ запасъ свободныхъ земель, съ нимъ обходиться надо все-таки возможно бережливо; а раздача земель одновременно на всемъ протяженіи нашей юго-восточной окраины была бы тоже своего рода расхищеніемъ. Этихъ трехъ доводовъ,

кажется, достаточно для выбора какой-либо мѣстности главнымъ образомъ предназначенной къ заселенію. Мы постараемся указать эту мѣстность; но сначала намъ слѣдуетъ теперь вернуться къ главному фактору нашихъ колоній—къ самимъ переселенцамъ.

Мы видѣли уже что экономическія условія нашихъ вундэрландъ губерній вовсе не требуютъ выселенія изъ нихъ мѣстныхъ крестьянъ въ значительныхъ размѣрахъ. Съ этой точки зрѣнія мы въ правѣ утверждать что на переселенческое движеніе слѣдуетъ лишь смотрѣть какъ на фактъ съ которымъ надо считаться, а вовсе не какъ на цѣлѣбную мѣру необходимую для спасенія насъ отъ чрезмернаго накопленія рабочаго класса. Но, быть-можетъ, сами переселенцы могутъ на новыхъ мѣстахъ устроиться до того лучше, чѣмъ у себя дома, что ихъ выгода во всякомъ случаѣ требуетъ всякаго поощренія эмиграціи. Въ самомъ дѣлѣ, если они могутъ купить за безцѣнокъ, а еще лучше приобрести даромъ сколько угодно земли, если имъ укажутъ гдѣ и какъ достать лѣса, орудій, лошадей и т. д., ихъ положеніе ничего не оставитъ желать лучшаго. Такъ было бы дѣйствительно еслибы большая часть нашихъ переселенцевъ состояла изъ опытныхъ и домовитыхъ хозяевъ. Между тѣмъ мы хорошо знаемъ что эти хозяева остаются на мѣстѣ, что эмигранты, достаточные или бѣдные, во всякомъ случаѣ принадлежатъ къ числу тѣхъ которымъ хозяйство на родной сторонѣ не пошло въ прокъ. Мы не думаемъ чтобъ оно пошло многимъ лучше и на новыхъ земляхъ.

Не думаемъ мы такъ потому что мало вѣрится въ успѣхъ труда на даровой землѣ съ казенными сохами и даровымъ лѣсомъ. Мы видѣли уже что большіе надѣлы не спасаютъ отъ неурожаевъ. А отъ нихъ конечно не будутъ обезпечены и переселенцы. Чѣмъ далѣе они уйдутъ отъ родины, тѣмъ незнакомѣе для нихъ почвенныя и климатическія условія новаго края и тѣмъ вѣроятнѣе хозяйственные промахи съ ихъ стороны. Во всякомъ случаѣ, если надѣлы ихъ будутъ очень значительны, то безъ помощи батраковъ,—а гдѣ достать ихъ въ степи?—обработка новыхъ земель будетъ крайне плохая, въ рѣдѣ той которая применяется съемщиками на земляхъ Башкирѣ въ Уфимской и Пермской губерніяхъ. Такая обработка, конечно, ведетъ къ частымъ неурожаемъ, и въ особенности къ быстрому истощенію почвы.

А что станутъ дѣлать переселенцы въ неурожайный годъ? Заработковъ они найти не въ состояніи, хлѣба имъ будетъ купить не на что, и съ ними повторится исторія самарскихъ крестьянъ, съ періодическими голодовками, и съ вѣчными ссудами отъ казны.

Вотъ почему въ интересахъ переселенцевъ, точно также какъ для блага нашихъ центральныхъ губерній, мы не можемъ согласиться съ тѣми кто желаютъ усилить и поощрить эмиграцію. Всякую приманку посредствомъ дешевой раздачи земель, всякій отводъ надѣла съ олекой или безъ нея, мы рѣшительно отвергаемъ. Мы убѣждены въ томъ что переселенческое движеніе можетъ вызывать лишь такіа мѣры которыя бы обезпечили эмигрантовъ отъ послѣдствій ихъ неосторожности и незнанія мѣстности въ которую они направляются. Мѣры эти, какъ мы думаемъ, могли бы быть слѣдующія: Прежде всего должны быть приведены въ точную извѣстность не только казенныя земли, но и пустолорожнія мѣста состояція во владѣніи инородцевъ, которыя могутъ быть приобрѣтаемы эмигрантами.

По выбору изъ числа этихъ мѣстностей тѣхъ гдѣ правительство считаетъ всего выгоднѣе устроить поселеніе, во всѣ губерніи разсылаются подробный перечень продающихся угодій, съ указаніемъ подесятиной цѣны и иныхъ условій, какъ-то: наличности и цѣны строевыхъ матеріаловъ и разстоянія славныхъ рѣкъ, селеній, городовъ и такъ далѣе *. Крестьяне желающіе выселиться обращаются съ заявленіемъ о томъ въ мѣстную управу, которой всѣ указанныя свѣдѣнія должны быть сообщены губернаторомъ. Тамъ желающіе узнаютъ про условія своего поселенія, а также про стоимость и направленіе пути по которому они должны слѣдовать, какъ скоро они избрали мѣстность куда направляются. Главнымъ условіемъ должна быть при этомъ совершенная свобода селиться отдѣльными семьями или цѣлыми деревнями, при общинномъ или участковомъ порядкѣ владѣнія. Роль администраціи исчерпывается тѣмъ что она снабжаетъ переселенцевъ всевозможными

* Само собою разумѣется что эти свѣдѣнія не должны храниться подъ слудомъ въ губернаторскихъ канцеляріяхъ, а что извлеченія изъ нихъ слѣдуетъ разсымать оттуда въ значительномъ количествѣ экземпляровъ въ волостныя правленія.

свидѣніями и облегчаетъ имъ приисканіе земель. Всякая регламентація хозяйничанья на этихъ земляхъ должна быть устранена. Продажныя цѣны ивородческихъ земель приводятся въ извѣстность посредствомъ сношенія мѣстныхъ губернскихъ властей съ владѣльцами. Цѣны на казенныя угодья опредѣляются по соразмѣрности съ мѣстными цѣнами на частныя земли. Никакой льготы въ опредѣленіи цѣны допускать не слѣдуетъ. Мы выше сказали почему. Но можетъ и должно быть оказано облегченіе въ способѣ уплаты, которая разсрочивается на извѣстное число лѣтъ съ прилатой процентовъ.

Неимущимъ переселенцамъ можетъ быть выдаваема казенная ссуда, съ тѣмъ чтобъ она постепенно погашалась тѣмъ же порядкомъ какъ и плата за самую землю. Въ подробности этой операціи мы здѣсь входить не станемъ. Журнальная статья можетъ, по нашему мнѣнію, лишь указать основанія данной мѣры, не вдаваясь въ законодательную регламентацію.

Крестьянинъ заявляющій о своемъ намѣреніи переселиться тѣмъ самымъ выходитъ изъ состава прежняго общества. Мы уже сказали выше что порядокъ увольненія крестьянъ отъ своихъ обществъ долженъ подвергнуться коренному измѣненію, но здѣсь мы эту реформу разбирать не будемъ, потому что она составляетъ собою вопросъ вполнѣ независимый отъ переселенческаго, требующій разрѣшенія помимо тѣхъ мѣръ которыя будутъ приняты для устройства эмигрантовъ. За то въ кругъ разсматриваемыхъ нами мѣръ прямо входить опредѣленіе новыхъ правъ по состоянію переселенцевъ. Намъ кажется что для нихъ можетъ быть сдѣлано первое исключеніе изъ установившагося у насъ правила что каждое лицо изъ податнаго состоянія должно быть къ чему-либо приписано.

Переселенцы должны будутъ получить отъ мѣстной полиціи особыя свидѣтельства, замѣняющія имъ паспортъ, въ которыхъ они будутъ значиться просто крестьянами такой-то губерніи, безо всякаго означенія мѣста приписки. Приемный приговоръ отъ новаго общества станетъ для нихъ тѣмъ болѣе излишнимъ что во многихъ случаяхъ такого общества вовсе и не будетъ существовать. Мы убѣждены что представленіе о необходимости приписки основано на совершенной иллюзіи, и что ровно никакого неудобства не произойдетъ отъ появленія на Руси крестьянъ не приписанныхъ ни къ какому обществу. Само собою разумѣется что отвѣтственность за лежація

на нихъ повинности станутъ уже личною. Это будетъ у насъ первымъ опытомъ отмѣны круговой поруки. Слѣдуетъ думать что наши финансы не пострадаютъ отъ паденія этой фактивной мѣры обезличенія.

Мы сказали уже выше что не слѣдовало бы отводить переселенцамъ казенныя или широдческія земли безразлично на всемъ пространствѣ отъ Урала до Кавказа. Не стоить доказывать что всего болѣе выгодъ представляетъ заселеніе тѣхъ мѣстъ которыя сравнительно ближе къ центру страны и которыя представляютъ наиболѣе данныхъ для успѣшнаго веденія хозяйства. Выгода отъ этого будетъ двоякая: и для самихъ мѣстностей, которыя не подвергнутся при такихъ условіяхъ слишкомъ хищнической эксплуатаціи, и для переселенцевъ, судьба которыхъ будетъ сопряжена тогда съ меньшимъ рискомъ. Вотъ почему намъ кажется что нечего и думать теперъ о заселеніи калмыцкихъ и башкирскихъ земель, о колонизаціи земли Букеевской орды или такъ-называемаго Зауралья (Екатеринбургскій и Шадринскій уѣзды). Мы знаемъ что въ Самарской губерніи имѣется еще свыше милліона десятинъ свободныхъ казенныхъ земель. Пространства этого хватитъ на цѣлыхъ 60.000 семей переселенцевъ, полагая кругомъ по 15 десятинъ на семью. Мы не думаемъ чтобы наша эмиграція особенно скоро достигла этой почетной цифры. * Нельзя конечно опредѣлить какую-нибудь точную норму продаваемыхъ казенныхъ участковъ. Но если за нихъ будетъ полагаться достаточная подесятинная плата, нѣтъ повода думать чтобы многіе крестьяне приобрѣли участки большаго размѣра. Со своей стороны мы полагаемъ что черезчуръ обширныя подворные надѣлы нежелательны, такъ какъ они поощрали бы лагубное залежное хозяйство. На крайнемъ югѣ, области нашихъ будущихъ европейскихъ колоній, мы находимъ вторую мѣстность пригодную для немедленнаго заселенія. Это Кубанская область и все побережье Чернаго Моря до турецкой границы. Сообщение по морскому пути и сравнительная близость Владикавказской желѣзной дороги уравниваютъ неудобство отдаленности этого края отъ центра

* Мы не упоминаемъ о казенныхъ земляхъ въ губерніяхъ Таврической, Херсонской и Екатеринославской, всего около 600 тысячъ десятинъ, именно потому что заселеніе этихъ земель крайне настоятельно въ виду недостатка рабочихъ рукъ въ этихъ мѣстностяхъ.

страны, природныя его богатства обезпечиваютъ его хозяйственную будущность.

На всемъ протяженіи нашей территоріи нѣтъ мѣстности болѣе удобной для колонизаціи. Такимъ образомъ, если мы допускаемъ необходимость правительственнаго вмѣшательства въ дѣло переселенія, мы должны признать что оно не можетъ безразлично направлять его куда полагало, и что его первый выборъ долженъ остановиться на казенныхъ земляхъ Самарской губерніи и на Кубанской области съ черноморскимъ побережьемъ. Говоря это, мы вовсе не желаемъ ограничить свободу переселенцевъ, они могутъ, если хотятъ, идти далѣе въ глубь степей. Но правительственная помощь должна быть оказываема только для заселенія упомянутыхъ нами двухъ мѣстностей. Первая изъ нихъ будетъ предназначена для переселенцевъ изъ сѣверныхъ и центральныхъ губерній; вторая для полосы чернозема лежащей къ югу отъ Тулы до Рязани.

Въ чемъ же должна заключаться правительственная помощь на самомъ мѣстѣ поселенія? Какъ всякая олека власти она будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе чѣмъ менѣе она станетъ направлять и регламентировать хозяйство переселенцевъ. Задачей правительства должно быть лишь устраненіе тѣхъ неблагопріятныхъ условій которыя возникаютъ отъ невѣжества эмигрантовъ-крестьянъ и отъ слабости ихъ денежныхъ средствъ. Первою облегчительною мѣрой должно быть введеніе вагоновъ четвертаго класса съ пониженнымъ тарифомъ въ теченіе весеннихъ мѣсяцевъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ ведущихъ къ югу и къ юго-востоку отъ Москвы. Затѣмъ у самаго входа въ обѣ указанныя нами области должны быть устроены переселенческія конторы въ какомъ-либо пунктѣ близъ желѣзныхъ дорогъ Моршанско-Сызранской и Владикавказской. * Тутъ же происходилъ бы пріемъ эмигрантовъ въ особенныхъ баракахъ, гдѣ бы они могли помѣститься до окончательнаго выбора ими мѣста поселенія, здѣсь также они получали бы необходимыя свѣдѣнія для покупки лѣса, скота, лошадей и другихъ предметовъ нужныхъ для хозяйства. Въ центрѣ каждой изъ двухъ областей было бы учреждено особое управленіе дѣлами переселенцевъ, находящееся въ прямомъ подчиненіи

* Одна изъ этихъ конторъ могла бы остаться въ Батракахъ, гдѣ она уже устроена.

мѣстнаго губернатора или областного начальника. Въ нихъ должны быть сосредоточены всѣ планы на продаваемые участки и къ нимъ обращались бы переселенцы со своими прошеніями. Собственно олеки надъ переселенцами эти управленія не должны имѣть вовсе. Ихъ вмѣшательство должно строго ограничиваться тѣми случаями когда переселенцы станутъ просить о томъ; во всемъ остальномъ они должны подчиняться лишь общей полиціи. *

Вотъ каковы, по нашему мнѣнію, должны быть главныя черты *упорядоченія* нашего переселенія. Мы вполнѣ отрицаемъ пользу всякаго искусственнаго оживленія нашей колонизаціи. Мы также весьма скептически относимся къ административному поощренію надъ переселенцами. Роль такою поощренія, думается намъ, должна быть очень скромна. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, правительство быть-можетъ и не достигнетъ особенно блестящихъ результатовъ, но за то оно навѣрно избѣгаетъ одной довольно серьезной опасности. При такихъ условіяхъ наши крестьяне не будутъ увлекаемы въ стель обманчивыми увѣреніями. Имъ не посулятъ золотыя горы, но за то они и не подвергнутся неизбежному обнищанію и не станутъ въ то же время расточать на вѣтеръ наши почвенныя богатства. Такими напротивъ кажутся намъ неизбежныя послѣдствія противоположной системы, несогласной ни съ требованіями здравой политики, ни съ священными требованіями чести.

К. ГОЛОВИНЪ.

* Такимъ образомъ въ кругъ дѣятельности означенныхъ правленій могло бы входить устройство складовъ дешевыхъ земледѣльческихъ орудій и выдача поселенцамъ въ случаѣ нужды особыхъ краткосрочныхъ денежныхъ ссудъ на обзаведеніе скотомъ, сѣменами и т. п., если хозяйство ихъ постигло случайное несчастье.

КАКТУСЪ

РАЗКАЗЪ.

Несмотря на ясный июльскій день и сѣнной залахъ со скотеннаго дуга, я, принимая хививъ, боялся обѣдать въ цвѣтникѣ подъ елками,—и накрыли въ столовой. Кромѣ трехъ человекъ небольшой семьи, за столомъ сидѣлъ молодой мой пріятель Ивановъ, страстный любитель цвѣтовъ и растений, да очень молодая гостыя.

Еще утромъ, проходя чрезъ биллиардную, я замѣтилъ что единственный бутонъ бѣлаго кактуса (*cactus grandiflora*), цвѣтущаго разъ въ годъ, готовится къ разцвѣту.

— Сегодня, въ шесть часовъ вечера, сказалъ я домашнимъ,—нашъ кактусъ начнетъ распускаться. Если мы хотимъ наблюдать за его разцвѣтомъ, кончающимся увяданіемъ пополуночи, то надо его снести въ столовую.

При концѣ обѣда часы стали звонко выбивать шесть и, словно втора дрожанію колокольчика, золотистые концы наружныхъ лепестковъ бутона начали тоже вздрагивать, привлекая наше вниманіе.

— Какъ вы хорошо сдѣлали, умѣрая свой голосъ, словно боясь залугать распускающійся цвѣтокъ, сказалъ Ивановъ,— что послушались меня и убрали бѣднаго Индіица подальше отъ рукъ садовника. Онъ бы и его залилъ, какъ залилъ его стараго отца. Онъ не можетъ помириться съ мыслію, чтобы растеніе могло жить безъ усердной полівки.

Пока лица кофе, золотистые лепестки настолько раздвинулись что позволяли видѣть посреди своего вѣнца нижніе края бѣлоснѣжной туники, словно сотканной руками фей для своей царицы.

— Вѣрно онъ вполнѣ распустится еще не скоро? спросила молодая дѣвушка, не обращаясь ни къ кому особенно съ волросомъ.

— Да, пожалуй не раньше какъ къ семи часамъ, отвѣтилъ я.

— Значитъ я услѣю еще побренчать на фортепьяно, прибавила дѣвушка и ушла въ гостиную къ роялю.

— Хотя и близкое къ закату, солнце все-таки мѣшаетъ цвѣтку, замѣтилъ Ивановъ.—Позвольте я ему помогу,—прибавилъ онъ,—задвигая бѣлую занавѣску окна, у котораго стоялъ цвѣтокъ.

Скоро раздались цыганскія мелодіи, которыхъ власть надо мною всецѣльна. Вниманіе всѣхъ было обращено на кактусъ. Его золотистые лепестки, вздрагивая то тамъ, то сямъ, начинали принимать видъ лучей, въ центрѣ которыхъ бѣлая туника все шире раздвигала свои складки. Въ комнатѣ послышалась залахъ ванили. Кактусъ завладѣвалъ нашимъ вниманіемъ, словно вынуждая насъ участвовать въ своемъ безмолвномъ торжествѣ; а цыганскія лѣсны калризными вздохами врывались въ нашу тишину.

Боже! думалось мнѣ, какая томительная жажда беззавѣтной предаваемости, безпредѣльной ласки слышится въ этихъ тоскующихъ нагѣвахъ. Тоска вообще чувство мучительное; почему же именно эта тоска дышетъ такимъ счастьемъ? Эти звуки не приносятъ ни представленій, ни понятій; на ихъ трепетныхъ крыльяхъ несутся живыя идеи. И что, по правдѣ, даютъ намъ наши представленія и понятія? Одну враждебную логію за неуловимую истинной. Развѣ самое твердое астрономическое понятіе о неизмѣнности луннаго діаметра можетъ заставить меня не видать что луна разрослась на востокъ? Развѣ философія, убѣждая меня что міръ только зло или только добро, или ни то, ни другое, властно заставить меня не содрогаться отъ прикосновенія безвреднаго, но гадкаго насѣкомаго или пресмыкающагося, или не слышать этихъ зовущихъ звуковъ и этого нѣжнаго аромата? Кто жаждетъ истины, ищи ее у художниковъ. Поэтъ говорить:

Баагоговѣя богомольно

Передъ святыней красоты.

Другой высказываетъ то же словами:

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я навстрѣчу.

Этому по крайней мѣрѣ вѣрили въ сороковыхъ годахъ. Эти вѣрованія были общимъ достояніемъ. Поэтъ тогда не могъ говорить другаго, и Цыгане не могли идти тѣмъ путемъ на который сошли теперь. И они вѣрили въ красоту и потому ее и знали. Но вѣдь красота-то вѣчна. Чувство ее наше при-рожденное качество.

Цыганскіе напѣвы смолкли, и крышка рояля тихонько стукнула.

— Софья Петровна, позвалъ Ивановъ молодую дѣвушку;— вы кончили какъ разъ вовремя. Кактусъ въ своемъ алоевозѣ. Идите, это вы не скоро увидите.

Дѣвушка подошла и стала рядомъ съ Ивановымъ, при-сѣвшимъ противъ кактуса на стулъ, чтобы лучше разглядѣть красоту цвѣтка.

— Посмотрите какая роскошь тканей! Какая дѣвственная чистота и свѣжесть! А эти тычинки? Это лалское кропило, концы котораго напоены золотымъ растворомъ. Теперь взгляните туда; въ глубину таинственнаго фіала. Глазъ не различаетъ конца этого не то свѣтло-голубаго, не то свѣтло-зеленаго грота. Вѣдь это волшебный водяной гротъ острова Капри. Повелѣнь вѣришь средневѣковымъ фэямъ. Эта волшебная пещера создана для нихъ!

— Очень похоже на подсолнухъ, сказала дѣвушка и ото-шла къ нашему столу.

— Чтò вы говорите, Софья Петровна! съ ужасомъ воскликнулъ Ивановъ;— въ чемъ же вы находите сходство? Развѣ въ томъ только что и то и другое растеніе, да что и то и другое окаймлено желтыми лепестками. Но и между послѣд-ними кричащее несходство. У подсолнуха они короткіе, эллип-тические и мягкіе, а здѣсь, видите ли, какая лучистая звѣзда, словно ковванная изъ золота. Да самъ-то цвѣтокъ? Вѣдь это храмъ любви!

— А чтò такое по вашему любовь? спросила дѣвушка.

— Понимаю, отвѣтилъ Ивановъ.—Я видѣлъ на вашемъ ото-ликѣ философскія книжки или по крайней мѣрѣ желающія быть такими. И вотъ вы меня экзаменуете. Не стѣсняясь никакими въ мірѣ книжками, скажу вамъ: любовь—это самый

непроизвольный, а потому самый искренный и обширный диапазонъ жизненныхъ силъ индивидуума, начиная отъ васъ и до этого прелестнаго кактуса, который теперь въ этомъ диапазонѣ.

— Говорите опредѣленнѣе, я васъ не понимаю.

— Не калризначайте. Что сказалъ бы вашъ учитель музыки услышавъ эти слова? Вы можетъ - быть хотите сказать что мое опредѣленіе говорить о качествахъ вещи, а не объ ея существѣ. Но я не мастеръ на опредѣленія и знаю, что они бываютъ двухъ родовъ: отрицательныя, которыя собственно ничего не говорятъ, и положительныя, но до того общія что если и говорятъ что-либо, такъ совершенно неинтересное. Позвольте же мнѣ на этотъ разъ остаться при своемъ, хотя и одностороннемъ, за то высказывающемъ мое мнѣніе...

— Вѣдь вы хотите, прервала дѣвушка,—объяснить мнѣ что такое любовь и приводите музыкальный терминъ, не имѣющій по моему ничего общаго съ объясняемымъ предметемъ.

Я не выдержалъ.

— Позвольте мнѣ, сказалъ я,—вступить за своего пріятеля. Напрасно вы проводите такую рѣзкую черту между чувствомъ любви и чувствомъ эстетическимъ, хоть бы музыкальнымъ. Если искусство вообще недалеко отъ любви (эроса), то музыка, какъ самое между искусствами непосредственное, къ ней всѣхъ ближе. Я бы могъ привести собственный примѣръ. Сейчасъ, когда вы наигрывали мои любимыя цыганскіе налѣвы, я подъ двойнымъ вліяніемъ музыки и цвѣтка, взаимкашаго любви, унесся въ свою юность, во дни лозвѣи и любви. Но чтобы еще нагляднѣе оправдать слова моего пріятеля, я готовъ разказать небольшой эпизодъ, если у васъ хватить терпѣнія меня выслушать.

— Хватить, хватить. Сдѣлайте милость разкажите, торолливо проговорила дѣвушка, присаживаясь къ столу со своимъ вязаньемъ.

Ровно 25 лѣтъ тому назадъ я служилъ въ гвардіи и проживалъ въ отпуску въ Москвѣ; на Басманной. Въ Москвѣ встрѣтился я со старымъ товарищемъ и одноклассникомъ Аполлономъ Григорьевымъ. Никто не могъ знать Григорьева ближе чѣмъ я, знавшій его чуть не съ отрочества. Это была природа въ высшей степени талантливая, искренно преданная тому что въ данную минуту онъ считалъ истиной, и художественно-чуткая. Но къ сожалѣнію онъ не былъ, по

выраженію Дюма сына, изъ числа людей *знающихъ* (des hommes qui savent) въ нравственномъ смыслѣ. Вѣчно въ поискахъ новаго во всемъ, онъ постоянно мѣнялъ убѣжденія. Это они называютъ развитіемъ, забывая слово Соломона что это уже было прежде насъ. По крайней мѣрѣ онъ былъ настолько уменъ, что не сѣтовалъ на то что ни на какомъ поприщѣ не могъ пустить корней, и говаривалъ что ему не суждено *протерировать*. Въ означенный періодъ онъ былъ славянофиломъ и носилъ несуществующій въ народѣ кучерской костюмъ. Несмотря на лалацій зной, онъ чуть не ежедневно являлся ко мнѣ на Басманную изъ своего отцовскаго дома на Полянкѣ. Это огромное разстояніе онъ неизмѣнно проходилъ гѣшкомъ и въ добавокъ съ гитарой въ рукахъ. Смолоду онъ учился музыкѣ у Фильда и хорошо игралъ на фортепиано, но ставъ страстнымъ цыганистомъ, промѣнялъ роль на гитару, подъ которую слабымъ и дрожащимъ голосомъ глѣлъ цыганскія глѣси. Къ вечернему чаю ко мнѣ не рѣдко собирались два, три пріятеля-энтузіаста, и у насъ завязывалась оживленная бесѣда. Входилъ Аполлонъ съ гитарой и садился за нескончаемый самоваръ. Несмотря на бѣдный голосокъ, онъ доставлялъ искренностью и мастерствомъ своего глѣнія, дѣйствительное наслажденіе. Онъ собственно не глѣлъ, а какъ бы пунктиромъ обозначалъ музыкальный контуръ глѣсы.

— Спойте, Аполлонъ Александровичъ что-нибудь.

— Спой въ самомъ дѣлѣ. И онъ не заставлялъ себя упрашивать.

Пѣвалъ онъ по цѣлымъ вечерамъ, время отъ времени остижалось новымъ стаканомъ чаю, а затѣмъ, нерѣдко около полуночи, уносилъ домой гѣшкомъ свою гитару. Репертуаръ его былъ разнообразенъ, но любимую его глѣсней была венгерка, перемежавшаяся приглѣвомъ:

Чибиракъ, чибиракъ, чибирачекки,
Съ голубыми ты глазами моя душечка!

Понятно почему эта глѣсня пришлась ему по душѣ, въ которой набѣгавшее скептическое вѣяніе не могло загасить пламенной любви къ истинѣ и правды. Въ этой венгеркѣ сквозь комически-пласовую форму орывался тоскаивый разгулъ погибшаго счастья. Особенно отгнѣлялъ онъ куплетъ:

Подъ горой-то оаька,
На горѣ-то вишва;
Любилъ баринъ Цыганочку,—
Она замужъ вышла.

Однажды вечеромъ, сидя у меня одинъ за чайнымъ столомъ, онъ пустился въ эстетическія тонкости вообще и въ похвалы Цыганъ въ особенности.

— Да, сказалъ я. — Цыганской лѣсни никто не споетъ какъ они.

— А почему? подхватилъ Григорьевъ. — Они прирожденные, кровные, а не вымуштрованные музыканты. Да и положеніе ихъ примадоннъ часто способствуетъ дѣлу. Любовь для лѣсни та же музыка. Эхъ, братъ! — вскрикнулъ онъ вдругъ, вытирая лобъ пестрымъ платкомъ, — надо показать тебѣ чудо. Ты знаешь, я часто таскаюсь въ Грузины въ хоръ Ивана Васильева. Онъ мой пріятель и отличный человекъ. Тамъ у нихъ есть Цыганочка Стеша. Ты ее не знаешь? не замѣтилъ?

— Гдѣ же мнѣ ее было замѣтить? Я почти нигдѣ не бываю.

— Ну такъ надо тебѣ ее увидеть. Во первыхъ, она — прелесть. Какіе глаза и рѣсницы и, я знаю твою страсть къ волосамъ, какіе волосы! Но этого мало. Надо чтобы ты ее услышалъ съ глазу на глазъ. Бѣдняжка влюблена въ одного гусара. Я его видѣлъ. Дѣйствительно, красавецъ кавалера. А ты знаешь какъ хоръ ревниво бережетъ своихъ примадоннъ. Тутъ братъ идеями не возьмешь. Выкули! — а на это мало охотниковъ. Ужъ не знаю какъ они тамъ лугаются. Но видно дѣло не выгоритъ, а дѣвочка-то вѣдалась. Послѣ обѣда хоръ-то разойдется отдыхать, а она возьметъ гитару, да сядетъ подъ окошечко, — словно кого поджидаетъ. Заносетъ, и слезы градомъ. Тутъ нерядко Иванъ Васильевъ подойдетъ и въ полголоса ей вторитъ. Жалко что ль ему ее станетъ, или ужъ очень забористо она поетъ, только поглядишь, онъ тутъ какъ тутъ. Вотъ какъ бы тебя подвести подъ эту штуку, ты бы узналъ какъ поютъ. Поезія — да и только! Да вотъ, чѣмъ откладывать, я завтра къ тебѣ приду въ двѣнадцать часовъ, а въ часъ мы поѣдемъ. Вѣдь ваша братія кавалеристы лаохіе ходоки.

— Да какже, любезный другъ, я-то вотрусь? Вѣдь она при мнѣ и лѣтъ не станетъ.

— Ну это я какъ-нибудь оборудую. Вѣдемъ что ль?

— Хорошо, приходи.

На другой день хотѣлъ было я велѣть заперчь свою скромную пролетку, но подумалъ: Григорьевъ безъ гитары не придетъ. Убѣждать его дѣло напрасное. А куда я въ мундирѣ поѣду чрезъ всю Москву съ какимъ-то не то кучеромъ, не то торбанистомъ, что подумаетъ плацъ-адъютантъ? Я велѣлъ

нанять извозничью карету. Въ двѣнадцать часовъ вошелъ Григорьевъ съ гитарой, въ поддевки, въ лацсовыхъ шароварахъ въ салогн, словомъ во всей формѣ.

— Что жь это мы въ каретѣ? спросилъ онъ.

Я сослался на зубную боль, которою, въ добрый часъ мочь, во всю жизнь не страдалъ. Однако онъ догадался и начались препирания.

Тѣмъ не менѣе мы доѣхали до Грузинъ и бросили карету не вдалекѣ отъ Цыганъ. Григорьевъ быстро зашагалъ звонить, а я подослѣлъ вовремя, когда дверь открыли.

Въ передней уже слышалось бряцаніе гитары и два голоса.

— Это она, шелтулъ Григорьевъ, и вошелъ въ залу. Я за нимъ.

— Здравствуйте, Стеша! сказалъ онъ, протягивая руку сидящей у окна дѣвушкѣ съ гитарой.—Здравствуй, Иванъ Васильевичъ! Продолжайте, я вамъ не помѣха.

Но дѣвушка, отвѣтивъ на его рукожатіе, бросила недовѣрчивый взглядъ въ мою сторону и положила гитару на столъ, быстро пошла къ двери ведущей во внутренніе покои. Григорьевъ также быстро заступилъ ей дорогу и схватилъ ее за рукавъ.

— Куда вы? Что за вздоръ? Ну не хотите лѣтъ, не пойте. Что жь изъ себя дикую птицу корчить? Для кого? Иванъ Васильевичъ, да уговори ее посидѣть съ нами! Я пришелъ ее, дорогую, проводить, а она вонъ. Ну садитесь, садитесь, моя хорошая, говорилъ онъ, подводя ее на прежнее мѣсто. Начался разговоръ про разные семейныя отношенія членовъ хора, въ продолженіе котораго Григорьевъ, между рѣчами, подъ сурдинкой наигрывалъ разные мотивы. Въ теченіе всей этой сцены я, чтобы скрыть свое неловкое положеніе, пристально разсматривалъ въ окно упряжку стоявшаго по другую сторону улицы извозчика, словно собирался ее купить.

— Присядьте, сказалъ мнѣ подошедшій Иванъ Васильевъ. Я сѣлъ.

— Ты объ немъ не безлокойся, сказалъ Григорьевъ,—онъ, братецъ, не по нашей музыкальной части. Его дѣло лошади. Онъ, пока мы поболтаемъ, пусть себѣ посидитъ да покурить.

Я махнулъ отчаянно рукой и снова обернулъ голову къ окну изучать извозчика. Между тѣмъ Григорьевъ, наигрывая все громче и громче, сталъ подлѣвать. Мало-по-малу самъ онъ входилъ въ пассію, а какъ дошелъ до своей любимой:

Подъ горой-то оаха,
 На горѣ-то вишня,
 Любилъ баринъ Цыганочку—
 Она замужъ вышла—

очевидно забылъ и цѣль нашего посѣщенія и до того загорѣлся лѣвнѣемъ что невольно увлекалъ и другихъ. Когда онъ жестко заглѣлъ:

Въ село красно стегоула,
 Эхъ—стегоула,
 Моя дорогая—

ему уже вторилъ бархатный баритонъ Ивана Васильева. Вскорѣ, сперва слабо, а затѣмъ все смѣлѣе, сталъ проникать въ лѣвнѣ серебряный сопрано Стеши.

— Эхъ, Господи! Да что же я тутъ вамъ мѣшаю, восклицалъ Григорьевъ. — Мнѣ такъ не сыграть, а не то чтобы слѣть. Голубушка Стеша, спойте что-нибудь, прибавилъ онъ, подавая ей ея гитару.

Она уже безъ возраженій заглѣла, поддерживаемая по временамъ Иваномъ Васильевымъ. Слегка откинувъ свою оригинальную, дѣтски задумчивую головку на дѣйствительно тѣжеловѣсную съ отливомъ воронова крыла косу, она вся унеслась въ свои лѣвни. Увѣренный что теперь она не обратитъ на меня ни малѣйшаго вниманія, я придвинулъ слѣдующій стулъ настолько, что могъ видѣть ее почти въ профиль, тогда какъ до сихъ поръ могъ любоваться только ея затылкомъ. Когда она заглѣла:

Вспомни, вспомни, мой любезный
 Прежнюю нашу любовь—

чуть замѣтная слезинка сверкнула на ея темной рѣсницѣ. Сколько нѣги, сколько грусти и красоты было въ ея лѣвни! Но вотъ она взяла нѣсколько аккордовъ и заглѣла лѣвню, которую я только въ первой молодости слыхивалъ у московскихъ Цыганъ, такъ какъ современные лѣть ее не рѣшались. Пѣсня эта, не выносящая посредственной лѣвницы, известная:

„Слышишь ли, разумѣешь ли.“

Стеша не только заглѣла ее мастерски, но и расположила куллеты такъ что только съ тѣхъ поръ самая лѣвня стала для меня понятна, какъ высокій образецъ народной лѣвни. Она слѣла такъ:

Ахъ ты злодѣй, ты злодѣй
 Добрый молодецъ.

Во моемъ ли саду
Сомовой поетъ,
Громко свищетъ.
Слышишь ли
Мой сердечный другъ?
Разумѣешь ли
Жизнь, душа моя?

Пѣсня исполнена всевозможныхъ переживовъ, управляемыхъ минутнымъ вдохновеніемъ. Я жадно смотрѣлъ на ея лицо, отражавшее всю охватившую ее страсть. При послѣднихъ стихахъ слезы градомъ лобжили по ея щеки. Я не выдержалъ, вскочилъ со стула, закричалъ: браво! браво! и въ ту же минуту оломился. Но уже было поздно. Степа какъ испуганная птичка упорхнула.

— Что же вы на это скажете, скептическая дѣвица? Развѣ эта Степа не любила? Развѣ она могла бы такъ лѣтъ не любя? Стало-быть любовь и музыка не такъ далеки другъ отъ друга какъ вамъ угодно было утверждать?

— Да, конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ.

— О, скептическій духъ противорѣчія! Да вѣдь все на свѣтѣ, даже химическія явленія, происходятъ только въ извѣстныхъ случаяхъ. Однако вы льете воды и вамъ надо рано вставать. Не пора ли намъ на покой?

Когда стали расходиться, кактусъ и при лампѣ все еще сіялъ во всей красѣ, распространяя сладостный запахъ ванили.

Ивановъ еще разъ подѣлъ къ нему полюбоваться, надышаться, и вдругъ обращаясь ко мнѣ сказалъ:

— Знаете, не срѣзать ли его теперь въ этомъ видѣ и не поставить ли въ воду? Можетъ быть тогда онъ проживетъ до утра?

— Не поможетъ, сказалъ я.

— Вѣдь все равно ему умирать. Такъ ли, сякъ ли.

— Дѣйствительно.

Цвѣтокъ былъ срѣзанъ и поставленъ въ стаканъ съ водой. Мы распрощались. Когда утромъ мы собрались къ кофею, на краю стакана лежалъ бездушный трулъ вчерашняго красавца кактуса.

А. ФЕТЪ.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ *

ЗАПИСКИ НЕИЗВѢСТНОЙ

Х.

Въ Одессѣ мы остановились въ Новороссійской гостиницѣ. Инспекторомъ Лицея былъ добрый пріятель моего мужа Михаилъ Давидовичъ Деларю, вѣкогда уволенный отъ службы за переводъ слишкомъ страстныхъ стиховъ Виктора Гюго.

Онъ намъ очень обрадовался и разказалъ что Княжевичъ, полечитель учебнаго округа, отправившійся за границу на неопредѣленный срокъ, былъ очень недоволенъ что министръ назначаетъ ему помощника безъ его согласія и не хотѣлъ воротиться въ Одессу если мой мужъ пріѣдетъ управлять округомъ. Министръ далъ понять моему мужу что, разчитывая на отставку Княжевича, онъ и назначилъ моего мужа въ Одессу, но тѣмъ не менѣе поставилъ его въ ложное, неопредѣленное положеніе, и онъ со своей стороны рѣшился оставить службу если возвратится Княжевичъ. Несмотря на всѣ несприятности которыя онъ имѣлъ въ послѣднее время, онъ не охлаждался къ исполненію своей обязанности и принялся за дѣло съ такою же любовію какъ и въ Киевѣ.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 9 и 10.

Вникая во всё подробности, посвящая лекцій, осматривая Лицей сверху до низу, онъ простудился и четыре недѣли былъ сильно боленъ. Сколько горя и слезъ стоила мнѣ болѣзнь эта! Бѣда эта достигла насъ когда мы переѣхали уже на квартиру. Мы наняли большой домъ, весь меблированный и потому предпочли его другимъ, не желая до поры до времени ничѣмъ обзаводиться въ Одессѣ. Жить двоимъ въ такомъ огромномъ домѣ было не уютно, весь верхъ былъ наглухо залерть и внизу было много пустыхъ комнатъ. Страшное предчувствіе продолжало томить меня и мнѣ тяжело было въ этихъ нарядныхъ комнатахъ, гдѣ предъ нами, какъ мы слышали, много веселились, и гдѣ теперь было такъ грустно. Но мой мужъ поправился, и мы провели зиму довольно пріятно. Разъ въ недѣлю принимали у себя. Познакомились, разумѣется, со всѣмъ обществомъ, бывали въ оперѣ и абонированы были на французскіе спектакли. Тогда въ Одессѣ давала представленія знаменитая Mlle Georges съ привезенною ею труппой, прекрасно составленною, но она сама была вовсе не привлекательна. По тому что мы видѣли нельзя было судить о томъ какова она была прежде. Не знаю сколько ей было тогда лѣтъ, но она казалась семидесятилѣтнею старухой, съ дребезжающимъ голосомъ, съ тяжелою походкой, съ неповоротливыми движеніями. Классическія пьесы Расина и Корнеля, произносимыя нараспѣвъ, по правиламъ старинной декламации и такую безобразною перестарѣлою актрисой, производили непріятное впечатлѣніе, такъ что противъ злополучной Mlle Жоржъ образовались кабалы и ее освистали.

Опера была очень хорошо составлена и доставляла мнѣ большое удовольствіе.

Въ день именинъ государя, 6 декабря, Воронцовы, по обыкновенію, открыли свой домъ блестящимъ баломъ. На немъ-то я увидѣла одесское общество во всемъ его составѣ. Гости собрались прежде нежели показались хозяева. Когда всѣ комнаты были наполнены, двери главной гостиной отворились и послѣдовалъ торжественный входъ графа, подававшего руку графинѣ, они привѣтливо всѣмъ раскланивались, прошли въ танцевальную залу, оркестръ грянулъ, и балъ открылся. Воронцовы были такъ привѣтливы, такъ много сдѣлали добра въ жизни и такъ много продолжали дѣлать что имъ охотно извивали эти царскіе приемы.

Воронцовы разъ въ недѣлю давали балы для всего города; кромѣ того ежедневно приглашали въсколько особъ изъ общества къ себѣ обѣдать, и всѣ призжавшіе въ Одессу и представившіеся графу немедленно получали приглашеніе на обѣдъ. Обѣды были въ англійскомъ вкусѣ; такіе же поздніе (въ 7½ часовъ) и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ англійскихъ аристократическихъ *dinner-parties*. Ростбифъ и овощи *au naturel* были неизбѣжны. Хересь, портеръ и портвейнъ преобладали. На эти обѣды гости съѣзжались въ назначенный часъ, тоже до появленія хозяевъ; когда всѣ оказывались въ сборѣ, двери отворялись. Графъ подъ руку съ графиней являлись, приветствовали любезно всѣхъ гостей, входилъ величавый дворецкій, объявлялъ что кушать подано. Мущинамъ адъютантъ или кто-нибудь изъ приближенныхъ графа говорилъ кому надобно вестъ какую даму (это назначалось съ утра), и всѣ отправлялись въ столовую и такимъ порядкомъ садились. Старались устраивать такъ чтобы каждой дамѣ былъ пріятный для нея собесѣдникъ во время обѣда. Любезность графини, распорядившейся приглашеніями или имѣвшей на нихъ вліяніе, была такъ велика что она старалась соединять вмѣстѣ людей которые находились между собой въ хорошихъ отношеніяхъ и которымъ пріятно было встрѣтиться. Въ провинціи все это было извѣстно.

Люди съ чрезвычайъ строгими правилами находили эту предупредительность Воронцовыхъ излишнею и имъ не нравилось что приглашали молодыхъ жевщицъ и вмѣстѣ съ ними ихъ отъявленныхъ локонниковъ, не исключая впрочемъ и мужей. Мы всегда приглашались вмѣстѣ съ М. Д. Деларю и его милою, веселою женою, съ которыми мы очень подружились.

Приготовленія къ маскараду, долженствовавшему быть у Воронцовыхъ, чрезвычайно оживили Одессу. Я избрала русскій костюмъ и оны вышла великолѣпнѣе, при помощи моей доброй знакомой гжи Лачиновой (рожденной графини Толстой), которая помогла его устройству и вкусомъ своимъ и брилліантами. Въ то время у меня и своихъ было много, а черезъ въсколько лѣтъ ни одного не осталось. Сарафанъ мой былъ изъ темнаго бархата *oreilles d'ours*, прекраснаго цвѣта, обшитый серебрянымъ галуномъ, пуговицы были брилліантовые, лифъ и повязка тоже были вышиты брилліантами по изящному узору, фата вышитая серебромъ была наброшена на повязкѣ. Мой нарядъ имѣлъ большой успѣхъ, и я очень

веселилась на этомъ блестящемъ маскарадѣ. Много было прекрасныхъ, замысловатыхъ костюмовъ, разнообразныхъ кадрили, разнохарактерныхъ танцевъ; всѣ комнаты были убраны цвѣтами и растеніями. Столы были великолепно украшены и блистали изобиліемъ роскошныхъ плодовъ, всевозможныхъ сладостей, яствъ и напитков. На этомъ маскарадѣ я познакомилась съ однимъ Англичаниномъ, консуломъ въ Керчи, необыкновенно привлекательнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ не уходилъ отъ меня цѣлый вечеръ и въ долгой мазуркѣ мы успѣли поговорить вдоволь. Знакомство наше не долго продолжалось, онъ скоро долженъ былъ уѣхать въ Керчь, но такъ какъ мой мужъ собирался весной осматривать округъ и я предполагала сопровождать его, то мы и обѣщались повидаться съ нимъ въ Керчи, чему онъ очень обрадовался. Къ несчастію же суждено мнѣ было сдѣлать этого пріятнаго путешествія, и въ послѣдствіи я узнала что мой знакомый Англичанинъ зарѣзался. Причина самоубійства осталась таймой. Вѣроятно въ экипажѣ сумашествія.

Воронцовскій маскарадъ повторился въ залѣ биржи, и тутъ же въ одно время разыгрывалась лотерея въ пользу бѣдныхъ. Всѣ многочисленныя и очень красивые призы разставлены были въ отдѣльной комнатѣ. Мнѣ особенно понравилась маленькій дѣтскій шкафчикъ съ необыкновенными затѣями, я выразила большое желаніе его выиграть, и несмотря на то что было роздано 9.000 билетовъ выиграла именно его.

Зимой профессоръ физики при Лицѣхъ г. Ливеролуло задумалъ читать публичныя лекціи. Мой мужъ испросилъ разрѣшеніе министра, и лекціи состоялись. Очень неудачна была первая лекція.

Помню какъ я страдала за бѣднаго Ливеролуло. Вѣроятно его привела въ смущеніе многочисленная и нарядная аудиторія собравшаяся его слушать. Онъ совсѣмъ растерялся, заикался, не находилъ словъ, и его маленькая фигура, имѣвшая претензіи на бонтонаность, была бы очень смѣшна если бы не возбуждала состраданія. Слѣдующія лекціи были лучше, но я не скажу чтобъ я почерпнула изъ нихъ много свѣдѣній.

Въ Одессѣ, какъ и въ Кіевѣ, у насъ былъ положенный вечеръ, кажется воскресенье. На вечерахъ этихъ собирались большею частью профессора Лицеа и служившіе по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Между посѣтителеми упоминаю о Нордманѣ, профессорѣ ботаники, пользовавшемся какъ мнѣ

говорила европейскою извѣстностью. Обширный, прекрасный ботаническій садъ былъ обязанъ ему своимъ устройствомъ. Далѣе Беккеръ, профессоръ всеобщей исторіи, Мурзакевичъ, археологъ и нумизматъ. Между профессорами былъ одинъ котораго мы нѣсколько знали еще въ Петербургѣ, В. В. Г., профессоръ восточныхъ языковъ. Онъ очень часто бывалъ у насъ и близко съ нами сошелся.

Приступлю теперь къ самому горестному событію моей жизни. 13 февраля, тяжелый для меня день кончины матери, бѣдный мой мужъ простудился въ Лицеѣ и занемогъ. Доктора не умѣли опредѣлить его болѣзни, она была вѣроятно слѣдствіемъ недуга которымъ онъ страдалъ болѣе двухъ лѣтъ, который проявлялся въ различныхъ формахъ. Но такъ какъ мой мужъ рѣдко доходилъ до того чтобы слечь въ постель, даже въ послѣдней своей болѣзни все былъ на ногахъ, то казалось опасности не было, но предчувствіе терзало меня, и нельзя передать что я испытала въ это время. Въ болѣзнь свою мой мужъ еще болѣе полюбилъ Г., онъ тосковалъ если не видѣлъ его; онъ сдѣлался нашимъ ежедневнымъ присутствіемъ, нашимъ другомъ, нашею отрадой.

Поутру, 20 марта, у мужа сдѣлались такія страшныя слезы въ горлѣ что доктора думали что онъ черезъ часъ умретъ и принуждены были объявить мнѣ что онъ безнадеженъ. Когда я это услышала, то по какому-то судорожному движенію бросила стаканъ который держала въ рукахъ, онъ отлетѣлъ на край комнаты и въ дребезги разбился. Не помню что потомъ со мной происходило и что я ощущала.

На другой день мой мужъ пожелалъ приобщиться Св. Таинъ. Онъ сидѣлъ въ креслахъ когда привесли Святые Дары. Съ глубокимъ чувствомъ, на колѣнахъ, принималъ онъ ихъ, но былъ такъ слабъ что казался умирающимъ. Онъ любилъ жизнь, считалъ себя счастливымъ, у него было столько благихъ замысловъ; ему такъ хотѣлось жить, дѣйствовать для добра ближнимъ и приносить пользу Россіи. Я поняла что обязанность моя была приготовить его къ смерти. Богъ далъ мнѣ для этого сверхъестественныя силы.

Умирающій благодарилъ меня за счастье которымъ наслаждался, говорилъ что былъ вполне, вполне счастливъ, и это увѣреніе служило мнѣ утѣшеніемъ во всю мою жизнь.

Послѣднія минуты моего мужа были торжествомъ его чистой, исполненной добра жизни. Только тѣ могутъ такъ

умирать у которыхъ совершенно слокотна совѣсть и которыхъ души блаженствуютъ уже здѣсь сознаниемъ что совершили свое назначеніе на землѣ. Одна моя знакомая, гжа Петерсонъ, жила у насъ, добрѣйшій Михаилъ Даниловичъ Деларю проводилъ цѣлые дни и иногда ночевалъ. Г. также былъ безпрестанно.

Въ субботу больной началъ чаще забываться. Цѣлый день я не отходила отъ него ни на минуту, держала его за руку и почувствовала какъ она начала холодѣть... Я бросилась предъ нимъ на колѣна, просила благословить меня, сама его благословила и потомъ не помню что со мной было...

Когда пришла въ себя я лежала въ гостиной на диванѣ, друзья наши сидѣли около меня. Я думала что все уже кончено и не смѣла спросить. Вдругъ няня пришла сказать что мужъ мой желаетъ меня видѣть... Что я почувствовала въ эту минуту — объяснить невозможно. Я думала что въ этой жизни мы не увидимся болѣе, что мы уже простились навсегда, и вдругъ узнаю что онъ живъ... Я была такъ разбита что не могла волочить ногъ, меня съ трудомъ довели до спальни. Я нашла его сидящимъ на креслахъ у кровати. Улыбка которою онъ меня встрѣтилъ сохранится навсегда самымъ святымъ воспоминаніемъ моей жизни. Въ ней выразилось столько любви, радости, счастья!

Мужъ нѣсколько минутъ посидѣвъ при мнѣ въ креслахъ, вспомнилъ о преосвященномъ Иннокентіи, котораго тепло любилъ, потомъ началъ забываться... Его положили въ постель. Такъ прошелъ день воскресенья, къ вечеру началась агонія; меня увели еле живую и уложили въ гостиной. Я ежеминутно ожидала страшной вѣсти и сама впала въ забытѣе; не помню сколько времени это продолжалось, но когда я очнулась, то увидѣла что моя добрая няня, не отходившая отъ моего мужа, сидѣла возлѣ меня съ образомъ которымъ благословила меня мать. Г. стоялъ напротивъ. Я поняла что все кончилось. Меня ночью же увезли къ Мте Петерсонъ. Нельзя описать того что я чувствовала выходя изъ этого дома и взглянувъ на окно той комнаты гдѣ онъ теперь лежалъ мертвый!.. Михаилъ Даниловичъ Деларю не отходилъ отъ меня и самъ горько плакалъ...

На другой день я почувствовала такую слабость въ глазахъ что казалось будто лишаясь зрѣнія. Михаилъ Даниловичъ послугался, поспекалъ отыскивать докторовъ, привезъ

изъ нѣсколько: они нашли нервное пораженіе дѣла и глазъ, прописали нѣкоторыя средства, прилѣпили что-то за уши, но сказали что лучшимъ лѣкарствомъ были бы слезы, а я плакать не могла... Хотя мы не долго еще жили въ Одессѣ, но всё жалѣли о моемъ мужѣ, всё принимали большое участіе въ моемъ горѣ. Мнѣ сказали что студенты Лицея, въ томъ числѣ и молодой графъ Воронцовъ, по очереди дежурили у его грѣба. Я не въ состояніи была сойти съ постели, не только присутствовать при похоронахъ.

Въ Одессѣ и Кіевѣ есть обычай хоронить съ музыкой не однихъ только военныхъ, но также статскихъ и даже женщинъ... Я молилась все утро когда хоронили его, и вдругъ до меня долетѣли звуки погребальнаго марша; я упала въ обморокъ.

Я никакъ не могла рѣшиться переѣхать на нашу прежнюю квартиру, хотя за нее заплачено было за годъ, и наваяла новую вмѣстѣ съ Петерсонами. Какъ только здоровье мое нѣсколько окрѣпло, я изъявила желаніе поѣхать на могилу моего мужа. Михаилъ Даниловичъ Деларю долго противился этому, находя что я недовольно еще окрѣпла, но я упростила его, и мы вмѣстѣ отправились. Тамъ сдѣлался со мной нервный припадокъ, послѣ котораго я опять нѣсколько дней пролежала.

Я такъ была разбита что не могла даже почти ничего ни читать, ни писать. Въ это время только духовныя книги и нѣкоторыя любимыя мои стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Шиллера были для меня доступны, а все-таки дни шли быстро. Въ сильной радости и въ глубокой печали время однаково летитъ, оно медленно таетъ только при однообразной, празднои, неосмысленной жизни. Морскія ванны, которыя я брала два раза въ день, принесли мнѣ большую пользу. Нигдѣ я не купалась съ такимъ наслажденіемъ какъ въ Одессѣ. Купальни были устроены прекрасно, дно совершенно гладкое, глубина доходящая до шеи, и что мнѣ нравилось, теплая вода; холодной я не могла переносить.

Кромѣ друзей, которые останутся незабвенны во всю жизнь, у меня было нѣсколько выдающихся знакомыхъ. Старикъ Стурдза, Грекъ по рожденію, Русскій по призванію и умный человекъ по преимуществу. Онъ былъ извѣстенъ хорошимъ переводомъ проповѣдей митрополита Филарета на французскій языкъ и многими статьями религіознаго содержанія... Я

замѣтила что людей высоко религиозныхъ, любящихъ бесѣды духовныя, стремящихся сдѣлать что-нибудь доброе и полезное, часто называютъ лицемѣрами и ханжами. Стурдза также имѣлъ много недоброжелателей и часто приходилось слышать объ немъ неблагоклонные отзывы, но такъ какъ я никогда не заподозрѣвала черной стороны въ хорошихъ дѣлахъ, то и уважала безусловно Стурдзу. Онъ былъ женатъ на дочери знаменитаго Гуфеланда. Гжа Стурдза на видъ была настоящая Нѣмка, очень добродушная, необыкновенно привѣтливая. Дочь Стурдзы, княгиня Гагарина, была также замѣчательная женщина. Она была исполнена сильнѣйшимъ желаніемъ добра.

Знакома я была также въ Одессѣ съ Анной Петровной Зонтагъ, написавшей *Салонную Исторію для дѣтей*, бывшую одно время чрезвычайно популярною. Зонтагъ была родною сестрой Л. П. Елагиной, матерью незабвеннаго И. В. Курьевскаго; въ послѣдствіи я познакомилась и съ нею въ Москвѣ, гдѣ домъ ея служилъ сборищемъ для славянофиловъ и гдѣ она сама пользовалась общимъ уваженіемъ и любовью.

Я провела почти три мѣсяца въ Одессѣ. Часто ѣздила на могилу мужа, при себѣ поставила ему лампадникъ: на гранитномъ пьедесталѣ большой, бѣлый мраморный крестъ окруженный рѣшеткой. Я узнала что послѣ моего отъѣзда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ на могилѣ каждую весну разсаживались кустарники и цвѣты; это вѣрно дѣлалъ кто-нибудь полюбившій моего мужа или благодарный за оказанную услугу.

Въ это время я получила нѣсколько писемъ отъ А. И. Васильчиковой. Она приглашала меня ѣхать съ нею за границу, куда она отправлялась на два года со всѣмъ семействомъ. Я рѣшилась ѣхать. Желаніе видѣть Италію, мечту моей юности, способствовало этому рѣшенію. Мы обмѣнялись по этому поводу еще нѣсколькими письмами. Положено было что я приѣду въ Петербургъ, гдѣ мое присутствіе кромѣ того требовалось по нѣкоторымъ дѣламъ.

Въ концѣ іюня я выѣхала изъ Одессы, и послѣ длиннаго пути и кратковременной остановки въ Москвѣ, прибыла въ Петербургъ. Здѣсь я остановилась у брата моего мужа; родные и друзья сердечно меня встрѣтили. При свиданіи съ Васильчиковыми я не нашла того утѣшенія какого ожидала. Они всѣ были слишкомъ счастливы чтобы понимать меня...

Планы наши впрочем не изменились и решено было что я проведу съ ними два года за границей. Они отпавались прежде меня сухимъ путемъ, въ чудесномъ огромномъ дилижансѣ сдѣланномъ по данному рисунку, со всевозможными удобствами, извѣотамъ московскимъ каретникомъ Ильинымъ. Я по денежнымъ дѣламъ принуждена была остаться въ Петербургѣ до 30 августа и отправилась моремъ на пароходѣ *Николай*.

XI.

Плаваніе наше было самое благополучное, какого можно было только желать. Погода стояла чудесная, не было ни малѣйшей качки, за то общество было вовсе не интересное. Я по дѣльнымъ часамъ смотрѣла на море... Прошлага года, когда мы приблизились къ Трансунду, мнѣ также было не радостно; но тогда многое еще занимало меня, тогда я пламенно желала здоровья и счастья моему мужу, а теперь я ничего не ожидаю, ничего не надѣюсь, и даже почти ничего не желаю! Чтѣ можетъ быть грустнѣе этого состоянія?

Въ Любекѣ я остановилась въ *Hôtel du Nord*. Я очень люблю старинные нѣмецкіе города и съ удовольствіемъ гуляла по Любеку, показывааа его моей горничной, очень милой молодой дѣвушкѣ, воспитывавшейся въ школѣ, которую Александра Ивановна устроила въ одномъ изъ своихъ имѣній для сиротъ и дочерей своихъ дворовыхъ.

4 сентября, въ шесть часовъ утра, выѣхали мы въ Гамбургъ въ дилижансѣ, а оттуда въ Магдебургъ на пароходѣ. Пароходъ былъ малъ, грязенъ, неудобенъ. Постелей было мало, не по числу пассажировъ. Тѣ дамы которыя заранѣе не успѣли захватить себѣ ночнаго ложа должны были спать на диванкахъ въ общей каютѣ, хорошо еще что не съ мужчинами,—имъ была отведена особенно большая каюта. Мы тащились три дня и двѣ ночи, безпрестанно попадали на мель и разъ наткнулись на такую глыбу песку что простояли 12 часовъ. Пароходъ принужденъ былъ выгрузить пассажировъ и отвезти на какой-то необитаемый островъ, гдѣ мы часа три гуляли по тростяку. При всѣхъ этихъ приключеніяхъ пассажиры познакомились другъ съ другомъ и сблизились. Было много небогатыхъ изъ Гамбурга, молодыхъ и старыхъ, большею частью людей очень образованныхъ. Вечеромъ на палубѣ

происходило глѣннѣе и декламация, преимущественно стиховъ Шиллера. Какъ медленно тащились мы отъ Гамбурга до Магдебурга, такъ быстро мчались по желѣзной дорогѣ отъ Магдебурга до Лейпцига.

Въ Лейпцигѣ была ярмарка, не было уголка гдѣ бы вы торговали: на улицахъ, въ воротахъ, на дворахъ, весь городъ обратился въ огромные склады и въ безчисленные магазины.

Въ дилижансѣ, въ которомъ мы вѣхали изъ Лейпцига, сидѣло девять человекъ, и какъ я посмотрѣла на всѣ эти незнакомыя и большею частью неблагообразныя лица, мнѣ стало страшно и противно, но потомъ я приглядѣлась и примирилась съ нашими спутниками: они были очень вѣжливы, почти тельны и съ большимъ любольствомъ слушали нашъ русскій разговоръ съ Машенькой.

Мнѣ такъ надоѣло путешествовать что я чувствовала потребность собраться съ силами и отдохнуть дни два въ смиренномъ Байрейтѣ. Поклониться могилѣ Жанъ-Поля Рихтера было первою моею заботой. Отправились на кладбище, гдѣ обелискъ изъ сѣраго мрамора поставленъ надъ прахомъ одного изъ самыхъ даровитыхъ и самыхъ туманныхъ писателей Германіи. Единственный его сынъ погребенъ вмѣстѣ съ нимъ, но послѣ него остались еще вдова и двѣ дочери. Я спросила у жевщины провожавшей насъ на кладбище, посвящаютъ ли гробницу Жанъ-Поля?—Прежде гораздо болѣе нежели теперь, отвѣчала она,—вотъ уже два года какъ его жена не приходила сюда.

Была въ Фантази, загородномъ замкѣ герцога Виртембергскаго, гдѣ искусство и трудъ украсили неживописную мѣстность и сдѣлали ее прелестью. Но замокъ интересовалъ меня болѣе сада. Верхній этажъ былъ приготовленъ для Маріи Виртембергской, дочери короля Лудовика-Филиппа. Замѣчательна была эта молодая артистка. Рано умерла она для искусства и для счастія. Мужъ обожалъ ее и до сихъ поръ неутѣшенъ. Марія Виртембергская умерла не выдавъ жилища для нея приготовленнаго. Но въ немъ сохраняются ея вещи, ея бібліотека, ея альбомы, бюстъ Іоанны д'Аркъ и ангелъ ея работы. Знаменитая статуя Іоанны д'Аркъ находится въ Версальскомъ музеѣ.

Была въ Эрмитажѣ, также загородномъ замкѣ принадлежавшемъ какому-то Баварскому герцогу. Тамъ есть фонтаны, слускаемые только въ торжественные дни, кофейни оживленныя

только по воскресеньямъ, аллея заросшій травой, но, всего любопытнѣе портретъ блѣдой женщины. Легенда о блѣдой дамѣ и опера Бозальде порожденная ею всѣмъ извѣстны. Но можетъ-быть не всѣ знаютъ что въ некоторые изъ нѣмецкихъ царствующихъ домовъ имѣютъ свою блѣдую женщину какъ принадлежность придворнаго штата. Какъ Австрийскимъ, такъ и Виртембергскимъ царствующимъ особамъ, по преданію, является блѣдая дама въ предзнаменованіе какого-нибудь несчастья. Разказываютъ что даже въ нашъ скелтичскій вѣкъ подобное явленіе было предъ смертію герцогини Маріи. Изъ Эрмитажа я посѣтила домикъ находившійся по дорогѣ въ Байрейтъ, гдѣ жилъ Жанъ-Поль Рихтеръ и гдѣ онъ написалъ почти всѣ свои творенія. Въ мезонинѣ находится завѣтная комната, не красивая, но удивительная. Мебель, состоящая изъ стола, канале, двухъ или трехъ стульевъ, находится точно въ такомъ порядкѣ какъ стояла при немъ. Изъ окна видны долины и горы по которымъ онъ блуждалъ обдумывая свои сочиненія. Домикъ этотъ обращенъ въ родъ гостиницы, гдѣ содержательница угощала посѣтителей прекраснымъ кофе.

Многіе ѣздятъ въ Мюнхенъ черезъ Нюренбергъ; я выбрала самую кратчайшую дорогу черезъ Ренсбургъ. Пріѣхавъ въ этотъ древній городъ, столь замѣчательный въ исторіи Среднихъ Вѣковъ, я вѣсколько минутъ колебалась остаться ли мнѣ въ немъ чтобы посѣтить Валгаллу или ѣхать впередъ. Дѣнь и желаніе какъ можно скорѣе добраться до мѣста отдыха взяли верхъ надъ любопытствомъ. Черезъ часъ я уже находилась на Мюнхенской дорогѣ.

Въ 1806 году, когда несчастная Германія, казалось, утратила всю свою нравственную силу, лишилась навсегда своей самостоятельности, въ эту годину бѣдствій, принцъ Баварскій, молодой человекъ лѣтъ 20, задумалъ соорудить великимъ воспоминаніямъ и великимъ дѣтелямъ германскаго племени памятникъ который возбуждалъ бы патріотизмъ и чувство чести. Говорятъ мысль этого памятника была внушена припадку Лудовику чтеніемъ исторіи Іоанна Миллера, и первый бюстъ заказанный для Валгаллы былъ бюстъ знамени-таго историка.

Мюнхенъ былъ чрезвычайно оживленъ когда я пріѣхала. Готовился октябрьскій праздникъ. Изъ окрестныхъ мѣстъ и даже изъ отдаленныхъ провинцій городскіе и деревенскіе жители стекались большими массами чтобы участвовать въ немъ,

иностраницы—чтобы взглянуть на него. Всѣ гостиницы были наполнены; мы съ трудомъ нашли помѣщеніе зана Goldenen Hirsch. Въ этомъ же отелѣ жилъ Тьеръ.

Къ сожалѣнію я не могла остаться долго въ Мюнхенѣ и изучить во всѣхъ подробностяхъ его пересозданіе, учиненное королемъ Лудовикомъ. Первый день мы посвятили наружному обозрѣнію города. Царственный зодчій надѣлалъ Мюнхенъ всѣмъ что только могло способствовать его духовному и умственному преуспеванію. Соорудилъ церковь Св. Дѣвы Маріи, церковь Св. Лудовика, придворную капеллу, Базиліку. На Лудвиговой улицѣ построилъ университетъ, семинарію, бібліотеку съ 400.000 томами и 8.000 манускриптами, институтъ благородныхъ дѣвицъ, и всѣ эти зданія, нѣсколько въ византийскомъ вкусѣ, великолѣпны. Не забыты были королемъ Лудовикомъ и историческія воспоминанія; онъ поставилъ на театральн. площади, статую Іосифа I, на Вителбахской Максимилиана Вителбаха, родоначальника нынѣшней династіи, на Бринской улицѣ воздвигнулъobelisksъ въ память Баварцевъ погибшихъ въ Россіи въ полчищахъ Наполеона. Для искусствъ воздвигнуты дворцы, Пинакотека, Глиптотека, Театръ съ колоннами и фресками. Базаръ или пале-роамъ, не такой огромный какъ парижскій, но за то съ галереями украшенными видами Италіи, съ начертаніемъ наверху стиховъ сочиненныхъ королемъ Лудовикомъ. Какъ восторженный художникъ, король страстно любилъ Италію и восгѣвалъ эту страну искусствъ, поэзіи, любви.

На другой день была въ Пинакотека, построенной Клеменде. Первый камень былъ положенъ въ 1826 году, 3 мая, въ день рожденія Рафаэля. Здѣсь на каждомъ шагѣ находишь или патріотическую, или поэтическую мысль. Пинакотека построена въ видѣ продолговатаго параллелограмма, какъ мнѣ объясняли. Чрезвычайно эффектные бюсты знаменитыхъ живописцевъ стоящіе на фронтонахъ, они какъ будто вышли изъ храма посвященнаго имъ и привѣтствуютъ приходящихъ наслаждаться ихъ произведеніями. Внутренность Пинакотеки соответствуетъ ея наружной красотѣ. Нельзя было создать лучшей картинной галереи: превосходное освѣщеніе, величественные размѣры, благородная простота отдѣлки. Но галерея не обладаетъ первоклассными произведеніями великихъ художниковъ; одна только картина Рафаэля. Король Лудовикъ, несмотря на готовность всѣмъ жертвовать для искусствъ,

не могъ приобрести произведеній этого царя живописи, произведеній которыя въ каждомъ обладающемъ ими государствѣ хранятся какъ народное сокровище.

Въ первой комнатѣ, служащей какъ бы преддверіемъ, находятся портреты государей Баварскихъ положившихъ начало галлерей (еще до короля Лудовика существовала галлерей, собраніе картинъ, но въ другомъ помѣщеніи). За нею—древніе нѣмецкіе живописцы, между которыми блеститъ Альбрехтъ Дюреръ; во второй залѣ нѣмецкіе художники XV и XVI вѣка, уже знакомые съ искусствомъ Италіи. Тутъ можно познакомиться съ Гемлингомъ, этимъ Перуджи Германіи, котораго мы такъ мало знаемъ и котораго девять лучшихъ картинъ находятся въ Пинакотекѣ и между ними замѣчательна голова Спасителя. Въ третьей находятся произведенія Фламандской школы, между прочимъ чудесный портретъ Рембранта; въ четвертой—исключительно господствовалъ Рубенсъ. Мы не понравились его *Страшней Судъ*; много натянутости въ вымыслѣ и много матеріальности въ исполненіи. Рубенсъ изумительнъ по плодovitости своихъ произведеній и по блестящему колориту, но онъ слишкомъ расточалъ свой даръ на декоративныя и эффектныя картины и потому не создалъ ничего особенно высокаго. Въ пятой залѣ Фламандская и Голландская школы, имѣющія много общаго, соперничали одна предъ другою. Въ шестой соединены школы Французская и Исламская: тутъ находятся Мурильо, Лебренъ, Клодъ Лоренъ, Ватто, Жозефъ Вернетъ. Въ седьмой и восьмой находится Италіанская школа: на первомъ планѣ Караччи со своими учениками и учителями Венеціанцами, потомъ Гвидо, Караваджъ, Гверчинъ, Доменикинъ; въ послѣдней находятся произведенія новѣйшихъ художниковъ.

Въ кабинетахъ соединены картины небольшого размѣра; для того чтобъ онѣ не терялись посреди огромныхъ рамъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ галлерейхъ, въ этихъ кабинетахъ соблюдена та же классификація школъ какъ и въ большихъ залахъ. Вдоль главнаго фасада Пинакотекы во всю длину тянется корридоръ, въ которомъ окна отдѣляются одно отъ другаго сводами расписанными фресками, изображающими черты изъ жизни какого-нибудь знаменитаго живописца.

Галлотеку также построилъ Кленце. Онъ сдѣлалъ изъ нея достойное вмѣстительное сокровище скульптуры. Говорятъ,

король особенно любилъ Глиптотеку. Стѣны великолѣпныхъ залъ облечены чистымъ бѣлымъ мраморомъ словно привезеннымъ изъ Парроса, помы устланы красивыми узорами сложенными изъ разныхъ мраморовъ, потолоки разрисованы фресками Корнелиуса. Въ этихъ залахъ вмѣстѣ съ изваяніями древнихъ Фидіа, Праксителя, видимъ статуи Кановы, бюсты Торвальдсена, Шадова, Рауха. Мечта переносится изъ Греціи въ Римъ, изъ Рима въ мастерскую Кановы: Все такъ стройно и изящно! Воображаешь себя подъ благодатнымъ небомъ Аттики и забываешь что Глиптотека находится въ прозаической странѣ Тевтоновъ.

Новый дворецъ есть также твореніе Кленде. Король, поручивъ ему постройку, изъявилъ желаніе чтобы было какъ можно менѣ шелковыхъ обоевъ, роскошной драпировки, рѣзбы изъ дерева, но какъ можно болѣе мрамора и позолоты, картинъ, фресокъ, статуй и бюстовъ. И художникъ утѣшилъ короля, осуществилъ его мысли. Вступаете во дворецъ, и фрески овлаживаютъ всѣмъ вашимъ вниманіемъ и не оставляютъ васъ до самой послѣдней комнаты. Когда обошедъ весь дворецъ вы невольно закрываете глаза, утомленные всѣмъ видѣннымъ, вы не скоро соберетесь съ мыслями и предъ вами долго еще мелькаютъ Ахиллъ, Агамемнонъ, Рудольфъ Габсбургскій и пр. и пр., и вы невольно подумаете: бѣдная королева, вѣрно герои эти будутъ грезиться ей ночью и не дадутъ уснуть спокойно.

Дворецъ не былъ еще совершенно оконченъ когда мы его видѣли. Въ нижнемъ этажѣ находятся два отдѣленія, одно украшено изображеніями взятыми изъ *Илиады*, другое изъ *Нибелунговъ*. Греція и Германія нераздѣльно жили въ душѣ короля Лудовика. Певзію гомерическую передалъ скульпторъ Швангалеръ, который вмѣстѣ и превосходный рисовальщикъ. Когда у него въ рукахъ нѣтъ рѣзца, то онъ чертитъ карандашомъ статуи или этюды картинъ. Другъ его дѣтства, Гельтенбергеръ, приводилъ въ исполненіе во фрескахъ всѣ его мысли такъ удовлетворительно что Швангалеръ оставался вполне довольнымъ и говорилъ что самъ не сдѣлалъ бы лучше еслибъ умѣлъ владѣть кистью.

Трудно было расписывать нижній этажъ; онъ нѣсколько сыръ, потому что нѣсколько комнатъ обращены на сѣверъ, а климатъ суровъ и непостояненъ, но въ Мюнхенѣ умѣютъ устранять препятствія: воспользовались способомъ который

употребляли древніе и котораго секретъ отыскали въ Геркуланумъ и Помпей. Секретъ этотъ состоитъ въ томъ что въ краски примѣшиваютъ растопленнаго воску; это прикрѣпляетъ ихъ къ стѣнѣ и придаетъ имъ блескъ. При насъ гомерическія фрески не были еще готовы, но *Нибелунги* были почти кончены. Ихъ писалъ Шноръ. Здѣсь увидите вы короля Генстера и мрачное лицо Брунегильды, навлекшей своими страстями столько бѣдствій на свой родъ; увидите пламеннаго, но задумчиваго Зигфрида, Зигмунда и всѣ воинственные и нѣжныя, яркія и туманныя лица ужасной поэмы. И на всемъ лежитъ печать народности, во всемъ проявляется чувство индивидуальности, которымъ въ высшей степени владѣлъ Шноръ. Посѣтивъ только разъ дворецъ я не могла заломнить всѣхъ его сокровищъ, но не забуду тронной залы, прекрасной по формѣ и изумительной по 12 колоссальнымъ золоченымъ статуямъ королей Баварскихъ стоящихъ между колоннами залы. Греческая поэзія нераздѣльно господствуетъ въ комнатахъ короля, нѣмецкая въ комнатахъ королевы. Воображеніе Швагилера и смѣлая кисть Гесса украсили жилище короля героями Элады, богами Олимпя. Граціозная кисть Линдшмита и Фольца воспроизвели въ кабинетѣ королевы плѣнительныя созданія Шиллера. Даровитый Каульбахъ избралъ для себя великаго поэта Германіи, изобразивъ въ спальнѣ королевы героя въ Гете, изъ коихъ особенно хорошъ Эгмондъ. Въ прочихъ комнатахъ находились изображенія изъ Клопштока, Виланда, Бюргера, Тика. Дворецъ этотъ не только великолѣпное жилище короля, но вѣсть и олицетвореніе художественной мысли, проникнутой духомъ народности. Германская поэзія и германская слава, несмотря на эллинскія наводненія, все-таки преимущественно господствуетъ во дворцѣ, и художники создавшіе и украшавшіе его большею частію были Нѣмцы. Въ немъ, по-моему, одинъ недостатокъ, это излишество фресокъ; отъ нихъ просто некуда дѣваться, и понятно что у королевы, какъ говорятъ, были отдѣльныя маленькія комнаты, гдѣ нѣтъ ни одной картины и гдѣ она особенно любила находиться.

Придворная церковь великолѣпна; Кленде соорудилъ ее въ византійскомъ стилѣ, который такъ понравился королю въ Палермской дворцовой церкви. Много драгоценностей было предоставлено въ распоряженіе Кленде и онъ воспользовался ими съ необыкновеннымъ искусствомъ. Полъ церкви

устьянъ порфиромъ, яшмой и другими камнями, стѣны одѣты флорентинскою мозаикой, алтарь сдѣланъ изъ чистаго серебра, потолокъ расписанъ фресками Гессе.

Въ Мюнхенѣ есть еще два замѣчательные храма: церковь Святаго Лудовика и Дѣвы Маріи въ предмѣстьѣ; первую построилъ Гартнеръ и расписалъ Корнелиусъ, вторую построилъ Давидъ Оамулеръ въ готическомъ вкусѣ.

Много терзалъ свое воображеніе Корнелиусъ сочиняя фрески церкви Святаго Лудовика и произвелъ трудъ исполненный если не вдохновеніа, то глубокой обдуманности. Онъ представилъ всю исторію религіи. Въ главномъ куполѣ изображено міровданіе: по одной сторонѣ престола Вседержителя находится архангелъ Михаилъ, каратель зла, съ другой—Рафаилъ, возвѣститель благодати, въ четырехъ отдѣльныхъ куполахъ представлены пророки и патриархи. Это Ветхій Заветъ. На стѣнахъ развертывается исторія Новаго Завета, изображена жизнь Іисуса Христа, начало и конецъ Его искупительнаго пришествія, Богоматерь, апостолы, учредители разныхъ монашествующихъ орденовъ, проповѣдники, мученики. На стѣнѣ алтара нарисованъ Страшный Судъ, какъ развязка земной жизни и какъ улованіе будущей.

Самое лучшее назначеніе искусства—передать высокія ощущенія и духовную красоту. Богоматерь, какъ выраженіе материнской вѣжности и предъизбранной чистоты, Христосъ, проявитель Божества въ человечествѣ, святые, одушевленные религіознымъ восторгомъ, всегда будутъ сильно трогать душу. Но есть предметы которымъ, по понятіямъ современнымъ, нельзя сочувствовать. Микель-Анджело могъ нарисовать *Страшный Судъ*; въ его вѣкъ любили матеріализовать всѣ ощущенія, хотя и теперь мы стремимся къ реальности, но насъ не поражаютъ осязательные образы, если они представляются наперекоръ нашему воображенію. *Страшный Судъ* Корнелиуса, со Христомъ малопинающимъ Юпитера, съ изображеніемъ короля Лудовика блаженствующимъ въ числѣ самыхъ избранныхъ, а Гёте и Лютера терзающимся въ мученіяхъ ада, — все это кажется какимъ-то жестокимъ анахронизмомъ. Исключая вѣсколько отдѣльныхъ группъ, я нахожу что во всѣхъ отношеніяхъ это неудачная картина, съ блѣднымъ, однообразнымъ колоритомъ.

Церковь Maria Hilf особенно замѣчательна по прекраснымъ расписаннымъ окнамъ — это торжество возстановленія

живописи на стеклѣ. Если не влодавъ проникнута тайна колорита и яркости красокъ живописи XVI вѣка, то изобрѣтенія новыя средства по которымъ мюнхенская живопись на стеклѣ можетъ соперничать съ прежнею и даже превосходить ее красотой рисунка. Хороши для храмовъ расписанныя окна! Они какъ будто скрываютъ отъ молящихся весь внѣшній міръ и заслоняютъ его святыми изображеніями, проливающимися въ душу какой-то дивный, отрадный свѣтъ. Жаль что у насъ въ Россіи эта живопись почти неизвѣстна.

Галерея герцога Лейхтенбергскаго принадлежитъ къ числу лучшихъ достопримѣчательностей Мюнхена; она отличается не многочисленностію художественныхъ произведеній, но прекраснымъ выборомъ. Тамъ находится одна изъ лучшихъ Богоматерей Мурильо, чудесный Велисарій Герарда, дивная Магдалина Кановы и его прелестныя три граціи, столь извѣстныя по безчисленнымъ воспроизведеніямъ въ алебастрѣ, мраморѣ и бронзѣ. Галерея эта обладаетъ также семейными портретами Бонапартовъ, мебелью изъ кабинета Наполеона въ Мальмезонѣ, столъ на которомъ онъ работалъ возлѣ любимой женщины.

Была въ мастерской Каульбаха. Въ просторномъ уединенномъ дворѣ построено нѣчто въ родѣ сараа. Постучали въ дверь, и она немедленно отворилась. Въ углубленіи мастерской у камина полулежа читалъ книгу человекъ еще не старыи, съ длинными волосами à la Рафаэль, съ выразительнымъ лицомъ, въ какомъ-то живописномъ костюмѣ съ висящими рукавами. Это былъ Вильгельмъ Каульбахъ. Увидавъ меня онъ всталъ, привѣтливо подошелъ и выслушавъ просьбу посмотреть его произведенія, самъ повелъ по обширной своей студіи. Много было тамъ прекрасныхъ картинъ, портретовъ, но я особенно восхищалась картономъ „покоренія Іерусалима“. Онъ производилъ впечатлѣніе какъ бы нарисованная уже картина. На небѣ показываються четыре пророка, возвѣщавшіе о паденіи Іерусалима, и съ упрекомъ указываютъ на книги въ которыхъ находятся ихъ пророчества. Подъ ними являються ангелы, сходящіе на землю и размахивающіе смертоноснымъ орудіемъ которымъ они, по повелѣнію Бога, должны карать беззаконныхъ. На первомъ планѣ представлены всѣ ужасы кровопролитной осады—тутъ Еврей бѣжитъ преслѣдуемый ангеломъ, ужасъ изображенъ въ чертахъ его: это эмблема гоненія и разсвѣнія по лицу земли народа

Иудейскаго. Въ среднѣмъ картонѣ, предъ алтаремъ, первооцѣнникъ, не имѣя твердости пережить паденіе своей вѣры и своего народа, закалывается посреди женщинъ окружающихъ его и отъ ужаса ладающихъ лицъ; съ правой стороны на первомъ же планѣ христіане выходятъ изъ роковаго города, освѣляемые ангелами, лица ихъ ясны, кротки, праведники эти держать въ рукахъ пальмовыя вѣтви и не замѣчаютъ даже разрушенія окружающаго ихъ. Ангелы - хранители несутъ предъ ними изображеніе Креста Спасителя. На второмъ планѣ справа идутъ легионы Римлянъ; имъ предшествуетъ Титъ, въ его осанкѣ замѣтны владычествующія черты, на лѣво между колоннами виднѣтся во святая святыхъ пылающій Кивотъ Завета, вокругъ него толпятся Израильяне и съ отчаяніемъ простираютъ руки къ небу. Эта картина цѣлая поэма.

Къ сожалѣнію я не успѣла посѣтить всѣхъ человѣколюбивыхъ заведеній которыхъ въ Мюнхенѣ очень много. Тамъ есть хорошо устроенныя больницы, богадѣльни, воскресныя школы, куда приходятъ преимущественно дѣти ремесленниковъ. Они въ продолженіи недѣли работаютъ, а по воскресеньямъ и праздникамъ, бывающимъ довольно часто въ католическихъ земляхъ (хотя все-таки далеко не такъ часто какъ у насъ), посѣщаютъ школу, гдѣ имъ преподаютъ Законъ Божій, начала физики, химіи, приложения геометріи къ ремесламъ, столь необходимое для образованія хорошихъ ремесленниковъ. При школѣ находятся библіотека, физическіе инструменты, химическіе снаряды, модели машинъ и пр. Много слышала хорошаго о Мюнхенской исправительной тюрьмѣ. Въ ней каждый заключенный долженъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Ремесленники занимаются своимъ ремесломъ, тѣ которые не умѣютъ ничего дѣлать научаются какой-нибудь работѣ. Если заключенные зарабатываютъ сверхъ того что потребно на ихъ содержаніе, то излишекъ обращается въ ихъ же пользу и отдается имъ при окончаніи срока ихъ заключенія. Содержать ихъ въ большой строгости, притомъ же постоянный трудъ, правильность жизни, надежда на будущую обезпеченность, основаніе которой сами же положили,—все это сильно дѣйствуетъ на ихъ нравственное улучшеніе, и рѣдко случается чтобы разъ вышедшіе изъ тюрьмы снова въ нее попадали. Есть преступники заключенные на цѣлую жизнь; они также работаютъ, но не имѣютъ надежды когда бы то

ни было воспользоваться плодами своего труда, за то имъ дозволено нѣкоторое утѣшеніе, какъ-то курить и нюхать табакъ; для Нѣмца это очень важно.

Ежегодно въ октябрѣ бываетъ въ Мюнхенѣ народный праздникъ. Король учредилъ его въ ознаменованіе своей свадьбы и для поощренія сельскаго хозяйства и сельской промышленности. По окончаніи лѣтнихъ трудовъ и по уборкѣ хлѣба поселяне стекаются въ Мюнхенъ повеселиться во имя короля. Тѣ которымъ посчастливилось что-нибудь изобрѣсти или сдѣлать какое-нибудь улучшение по земледѣлю сообщаютъ объ этомъ кому слѣдуетъ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ октября: имъ предстоитъ получить награду и одобреніе отъ самого короля.

Третьяго октября начался праздникъ. Множество народа, омнибусы и экипажи всевозможныхъ видовъ тянулись по улицамъ. Я ожидала видѣть многолюдный обыкновенный нѣмецкій праздникъ, но зрѣлище представившееся мнѣ превзошло ожиданіе. Прекрасная зеленая поляна, называемая Терезиной (Theresen-Wiese), замкнута пригоркомъ возвышающимся въ видѣ амфитеатра. Этотъ природный амфитеатръ былъ устроенъ толпами народа въ разнообразныхъ костюмахъ, но много было поселянокъ въ ихъ національныхъ уборахъ сдѣланныхъ изъ газета на подобіе шпалки и ярко сіяющихъ на солнцѣ. На этомъ же возвышеніи, справа, была построена эстрада для музыкантовъ и для дамъ. Внизу противъ эстрады находилась красивая палатка для королевской фамиліи и ея приглашенныхъ, противъ нея другая въ такомъ же родѣ для участвующихъ въ скачкѣ; направо отъ королевской палатки, въ нѣкоторомъ разстояніи, тянулись разныя постройки для увеселенія народа, въ родѣ нашихъ балагановъ. Вокругъ огромной площади протянуты были въ два ряда веревки для скачки, вдоль которыхъ толпились зрители, а экипажи стояли въ центрѣ. Такимъ образомъ всѣмъ было удобно видѣть безъ давки и замѣшательства.

Въ 2 часа пушечные выстрѣлы возвѣстили о королевскомъ выѣздѣ изъ дворца; черезъ четверть часа по всей долинѣ раздался *vivat*, заиграли хоры музыки, и король съ королевой, въ блестящей каретѣ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, подъѣхалъ къ палаткѣ. Для короля и его свиты былъ приготовленъ завтракъ, въ продолженіе котораго музыка играла національные мотивы. Послѣ завтрака король сталъ

у лѣстницы палатки и самъ раздавалъ призы тѣмъ кто оказались ихъ достойными. Къ нему подходили безъ робости и замѣшательства. Король со многими ласково разговаривалъ и своимъ лестнымъ одобреніемъ придавалъ цѣну наградѣ. Музыка во все время не умолкала. По раздачѣ призовъ начались приготовления къ скачкѣ. Изъ противоположной палатки выходили попарно ковюхи живописно одѣтые въ костюмъ Среднихъ Вѣковъ и несли въ рукахъ маленькія разноцвѣтныя лозолоченныя знамена для раздачи вмѣстѣ съ призами, потомъ показались лошади, которыхъ медленно провели взадъ и впередъ. Все умолкло и ожидало. Сигналъ былъ поданъ, и нѣсколько лошадей со своими легкими, красивыми всадниками понеслись съ быстротой молніи. Народъ покрывавшій пригорокъ и долину шумно изъявлялъ свое сочувствіе. Нѣсколько разъ лускали лошадей, и нѣсколько разъ какой-нибудь счастливецъ, на быстромъ скакунѣ, первый достигалъ назначенной цѣли. Наконецъ скачка кончилась, любители получили призы и знамена, которыя торжественно держали въ рукахъ, красуясь на своихъ усталыхъ бѣгуновъ. Король уѣхалъ, народъ сталъ расходиться весело, но безъ шума и суеты.

Увеселенія обыкновенно продолжаются цѣлую недѣлю, всякій день народъ толпится на Терезиной Полянѣ: тамъ бываетъ стрѣльба въ цѣль, театральныя представленія, скачки, лотереи и въ послѣдній день блестящій феерверкъ заключаетъ всѣ радости. Поселяне развѣзжаются, унося съ собою много пріятныхъ воспоминаній, залазъ веселыхъ разказовъ на зимніе вечера и много полезныхъ свѣдѣній, которыя пріобрѣтаютъ отъ общенія съ опытными и уже отличившимися хозяевами.

XII.

Я покинула Мюнхень прежде окончанія праздника. Скоро мы вѣхали въ страну Тирольскихъ альпъ; горы то расходятся на большое пространство, и между ними протекаетъ быстрая рѣка, то суживаются, высятся надъ головами или стоятъ вертикальною стѣной. Безпрестанно слышала то крикъ птицъ укрывавшихся отъ непогоды, то журчанье источника, или шумъ падающаго каскада, при этомъ шелъ не

переставая проливной дождь и висѣлъ густой туманъ. Картина представляла вѣчто хаотическое.

Нѣсколько часовъ мы пробыли въ Батуенѣ славящемся виноградомъ и изобиліемъ фруктовъ. Прошлаго года покойный мужъ предполагалъ лѣчиться тамъ виноградомъ, но послѣдшій воротиться въ Россію. Мнѣ показалось въ Батуенѣ такъ душно и такъ сжато что ни лѣченіе ни пребываніе тамъ не должно быть пріятно. Ночью проѣхали Ровередо; въ его окрестностяхъ, говорятъ, не безопасно, недавно ограбили нѣсколько путешественниковъ; насъ сопровождала эскорта. За Ровередо горы сближаются и образуютъ узкій дефилей, въ которомъ едва вмѣщается русло Адижа и почтовая дорога. Потомъ горы примѣтно уменьшаются, замѣняются холмами, которые мало-по-малу также исчезаютъ; наконецъ взорамъ представляется пространная равнина, особенно пріятная для насъ, Русскихъ, не привыкшихъ быть стѣсненными горными преградами. Посреди обширныхъ полей засѣянныхъ пшеницей растутъ шелковичныя деревья, дома окружены виноградниками.

Мы были уже въ Италиі, на насъ вѣяло уже теплымъ воздухомъ юга. Слышался уже языкъ Тасса, встрѣчались черные, блестящіе глаза женщинъ, смуглыя, выразительныя лица мушницъ.

Дорога отъ Вероны до Мантуи прелестна. Ничто не напоминаетъ о мнимомъ уладкѣ Италиі. Широкое шоссе, цвѣтущія виллы, древнія церкви, деревни похожія на города съ широкими улицами, съ большими домами. Это Италиа Римлянъ, или владычества Лонгобардовъ, когда, по словамъ Павла Дьякона (жившаго въ началѣ IX вѣка и оставившаго драгоценную исторію Лонгобардовъ), *дѣлались чудеса, не употреблялась самопроизвольная расправа, не учились обману, не обирали несправедливо, не отягчали налогами, не было ни грабежей, ни мошенничества: все жили въ спокойствіи.* Не знаю могутъ ли Австрійцы возвратитъ золотой вѣкъ Лонгобардовъ, но они сумѣли сохранить наружное благоденствіе, и это уже что-нибудь да значить. Солнце садилось когда мы подъѣхали на Мантуѣ. Она живописно лежитъ на двухъ озерахъ и отражается въ ихъ свѣтлыхъ водахъ, любуйся собою какъ красавица окруженная зеркалами. Сильное впечатлѣніе произвела на меня Мантуя; италянская жизнь представилась мнѣ во всей своей прелести и, можетъ-быть, потому еще

болѣе обаятельною что была вечеръ и тѣма скрывала антипоэтическую ея сторону. Ночь была темная, съ синимъ небомъ и ярко горящими звѣздами, какія бываютъ только на югѣ. Улицы кивали народомъ, гармоническій языкъ звучалъ со всѣхъ сторонъ въ веселыхъ возгласахъ, живой болтовнѣ и въ красивыхъ напѣвахъ любимыхъ ариѣ, кофейни были арко освѣщены, оттуда слышался смѣхъ и громкіе разговоры, гдѣ-то играла музыка. На площадяхъ лежали груды чудесныхъ плодовъ, грозды винограда, сладкія фиги и сочныя груши; торговки приглашали покупать ихъ вкусный товаръ; люди съ засученными рукавами, въ фартукахъ, жарили каштаны на жаровняхъ, стоявшихъ длиною вереницей, и громогласно съ энергичными жестами приглашали полакомиться дешевымъ кушаньемъ. Во всемъ этомъ была какая-то радость жизни, какая-то роскошь ощущеній.

Изъ Мантуи въ Болонью мы ѣхали въ курьерской каретѣ, это не то что дилижансъ, нѣсколько дороже, но за то экипажъ лучше, просторнѣе и ѣдетъ скорѣе. Въ каретѣ у насъ лежали заряженные пистолеты, вооруженные жандармы сопровождали насъ. Эта предосторожность была принята потому что недавно ограбили почтовую карету и похитили изъ нея важныя бумаги и всѣ находившіяся деньги. Я безпечно дремала, и когда просыпалась, то толпотъ скачущихъ жандармовъ и тѣни ихъ мелькавшія около оконъ экипажа казались чѣмъ-то фантастическимъ. На разсвѣтѣ пріѣхали въ Модену. У заставы съ заботливостію спросили нашего кучера, благополучно ли онъ совершилъ свой путь? Кучеръ, вѣжливый Флорентинецъ, отвѣчалъ: „Grâce à la puissante protection du Grand Duc.“ Это была нѣкотораго рода элиграмма. Пока закладывали лошадей мы пошли взглянуть на дворецъ. Онъ слушкомъ великолѣпенъ для Моденскаго герцога.

Погода была чудесная, прелестныя виллы, роскошныя виноградники встрѣчались на каждомъ шагу, лошади скоро бѣжали, что не послѣднее также наслажденіе для тѣхъ кто шажкомъ проѣхали по Германіи; при всѣхъ этихъ условіяхъ я думала что мы очень пріятно доѣдемъ до Болоньи и находилась въ хорошемъ настроеніи, но къ сожалѣнію оно было непродолжительно, какъ все хорошее въ жизни. Подѣхали мы къ Палскимъ Владѣніямъ, курьеръ пошелъ прописывать наши паспорты. Дожидаемся, дожидаемся, курьеръ нашъ не идетъ! Наконецъ возвращается съ длиннымъ лицомъ, объявляетъ

что такъ какъ наши паспорта не визированы, то насъ не пускаютъ впередъ. Я рѣшилась отправиться сама, убѣждать палскія власти не задерживать насъ; истощила весь лексиконъ недавно выученныхъ италянскихъ фразъ, говорила самымъ умоляющимъ голосомъ, но ничто не тронуло жестокосердыхъ охранителей Палскихъ Владѣній, они остались непреклонны и увѣрили что по настоящему надобно было бы насъ самихъ отправить въ Модену, да изъ уваженія къ нашему полу дѣлаютъ намъ снисхожденіе и дозволяютъ остаться въ Кастельнуово пока не привезутъ намъ разрѣшенія ѣхать въ Болонью. Нечего дѣлать, надобно было послать въ Модену визировать паспорта, въ Болонью просить разрѣшенія выѣхать въ Палскія Владѣнія, потерять цѣлый день, скучать и истратить много денегъ на эту нелѣпую проделку. Признаюсь я подосадовала на его святѣйшество за такое притѣсненіе путешественниковъ и за эту закладку въ которую много попадаютъ. Тѣ которые ѣдутъ въ Римъ конечно имѣютъ предосторожность визировать свои паспорта. Но когда ѣдешь въ Южную Францію или Сардинію и знаешь что только мимоѣздомъ коснешься Палскихъ Владѣній, то въ голову не придетъ чтобъ и для этого понадобилось особенное разрѣшеніе. Просто это маленькое надувательство въ пользу жителей Кастельнуово. Путешественники перевозъ остаются тамъ цѣлый день и должны заллатить все что потребуютъ за посылку въ Модену и Болонью и наконецъ должны для себя нанять какую-нибудь каріолаку чтобы довѣхать до Болоньи; само собою разумѣется что ни курьерская карета, ни дилижансъ не дожидаются задержанныхъ путешественниковъ, продолжаютъ свой путь, и деньги за мѣсто потеряны если онѣ заллачены до Флоренціи, что случилось и съ нами.

Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Болонью, но все-таки я встала рано чтобъ имѣть время обозрѣть городъ и его достопримѣчательности.

Большое наслажденіе бывать въ италянскихъ церквахъ безо всякаго докучливаго сопровождающаго, совершенно одной, стать среди храма, окинуть сначала всѣ фрески, всѣ картины, и потомъ долго оставаться предъ изображеніемъ которое произвело особенное впечатлѣніе; усвоить мысль художника, созерцать небесную благодать въ ликѣ Пресвятой Дѣвы, земную красоту въ ангелахъ (лицо младенца Іисуса никогда

влодѣ не удовлетворяло меня), жеманную прелесть и неустрашимость въ мученицахъ, твердость въ мученикахъ, слово, влодѣ предаться міру духовному, дивно воспроизведенному художникомъ, и не слышать вокругъ себя избитого толкованія чичероне и пошлыхъ восклицаній поствителей. Это наслажденіе начинаешь испытывать въ большихъ церквахъ, но по выходѣ изъ нихъ, какъ противоположность благодатному настроенію, находишь прозу жизни являющуюся въ Болоньѣ съ самой невзрачной стороны и кшащей подъ ея арками. Арки тянутся по всѣмъ улицамъ, нѣтъ дома который бы не имѣлъ ихъ, но этотъ родъ архитектуры, красивый когда предложенъ кстату, вовсе не украшаетъ города, арки эти не имѣютъ изящной формы, грязны, ветхи и подъ сѣнью ихъ обрѣтается невообразимая нечистота. Италіявцы не могутъ жить въ стѣнахъ дома, они хотятъ дышать теплымъ воздухомъ, грѣться на ихъ красномъ солнышкѣ и потому занимаются разными ремеслами и исполняютъ разныя житейскія потребности подъ открытымъ небомъ, шьютъ салоги, кроютъ плаща, брѣютъ бороды, одѣваются, чешутся, бранятся, ссорятся, бьютъ дѣтей, кричатъ, плачутъ, смѣются. Въ деревняхъ и въ некоторыхъ городахъ Италіи все это происходитъ на улицѣ и на площадяхъ, въ Болоньѣ подъ арками.

Картинная галлерея составлена большею частью изъ произведеній Болонской школы. *Богоматерь Франціо*, основателя школы, *Святая Семейство Иммонье*, ученика Франціо, цѣлое поколѣніе Каррачій, *Причащеніе святаго Геронима*, почти такое же превосходное какъ то же причащеніе Доминикино, находящееся въ Римѣ; *Скорбящая Богоматерь Гвидо*, съ прелестными херувимчиками у ногъ Ея и съ плачущими съ Нею ангелами вверху; *Избѣненіе Младенцевъ*; *Мученіе святой Агнесы* Доминикино и наконецъ *Святая Цецилія Рафаэля*— вотъ главныя сокровища Болонской галлереи. Можно было бы провести нѣсколько часовъ не сводя глазъ со *Святой Цециліи*, такъ вдохновенно ея лицо, естественна поза, такъ выразительны лица окружающія ее, столько восторженности въ серафимахъ вторящихъ на небесахъ лѣснямъ святой! Нельзя любоваться другими картинами когда смотришь на произведенія Рафаэля; послѣ *Цециліи* Рафаэля какою неудачною, какою манерною кажется святая *Цецилія* Карла Долчи играющая на гусляхъ.

Въ Болоньѣ много замѣчательныхъ палатцо, церквей и

частныхъ галлерей. Мы не успѣли всего видѣть. Были однако въ палатко Бачіони, принадлежавшемъ Наполеоновой сестрѣ Элизѣ. Въ немъ болѣе вкуса нежели великолѣпія, болѣе воспоминаній семейныхъ нежели произведеній искусствъ. Наполеонъ изображенъ во всевозможныхъ видахъ и рѣзцомъ Кановы, и кистью Журдана, и въ солнечныхъ лучахъ, и въ лавровомъ вѣнкѣ, и наконецъ на одрѣ смерти.

Любопытна такъ-называемая зала портретовъ, гдѣ находятся бюсты и изображенія всѣхъ членовъ Бонапартовской фамиліи. Кромѣ красоты сестеръ Наполеона, въ прочихъ лицахъ не находишь ничего замѣчательнаго, и всѣ они прошли бы безслѣдно въ мірѣ семь елибы посреди ихъ не родился мощный геній, который выдвинулъ ихъ изъ колеи обыкновенной жизни, поставилъ на первыя ступени общества и почти всѣхъ увлекъ въ своемъ ладеніи.

Арки до того любимы въ Боловнѣ что ихъ встрѣчаемъ всюду. Боловнды имѣютъ большее уваженіе къ Мадоннѣ святаго Луки, находящейся въ пяти миляхъ отъ города, и начиная отъ городскихъ воротъ до самой церкви тянутся арки, для того чтобы подъ ихъ защитой во всякое время народъ безъ затрудненія могъ ходить поклоняться Пресвятой Дѣвѣ. Всѣ сословія народа строили эти арки, отрасль ихъ идетъ также къ Campo Santo. На каждой аркѣ написано имя ея строителя, богатые воздвигали по нѣскольку арокъ, самые бѣдные складывались и строили хоть одну.

Во Флоренціи я нашла Васильчиковыхъ. Они жили въ Hôtel de l'Arno, гдѣ я также остановилась. Помѣщеніе ихъ было великолѣпно: огромная гостиная съ фресками, съ мраморными статуями, терраса на которой журчалъ фонтанъ и открывался прекрасный видъ на Флоренцію. Гостиница находилась на берегу Арно, грязной, мелкой рѣчки, недостойной омыватъ такой городъ какъ Флоренція. Послѣ одиночества, казавшагося мнѣ такъ невыносимымъ въ продолженіе длиннаго моего путешествія, я очутилась среди милаго семейства принявшаго меня какъ родную, увидѣла голубое небо Италіи во всей его прелести, такъ какъ стояла великолѣпная погода. Я отогрѣвалась на жаркомъ, несмотря на сентябрь, солнышкѣ юга, утопала въ цвѣтахъ, въ благоуханіи, была окружена всевозможною роскошью жизни, наслаждалась высокими произведеніями искусствъ. Все это могло и унылой душѣ доставить нѣсколько свѣтлыхъ ощущеній, но они

скоро были омрачены печальными извѣстіями изъ Россіи. Намъ писали о повсемѣстномъ неурожаѣ, пожарахъ и бѣдствіи народа.

Флоренція такъ извѣстна что описывать ее значить повто- рять. Скажу только нѣсколько словъ о палаццо Питти. Мно- гие его критикуютъ, но мнѣ нравится его строгая, благо- родная архитектура. Его началъ строить знаменитый Бру- неллески и въ архитектурѣ его есть нѣчто мрачное. Весь дворецъ не чтó иное какъ богатая сокровищница, начи- ная съ подвального этажа, гдѣ хранятся золотыя драго- цѣнности, и до самаго верхняго, гдѣ помѣщается огромная библіотека герцога. Въ кладовой перваго этажа показываютъ серебряныя, золотыя приборы и разныя украшенія для стола, которымъ нѣтъ цѣны, потому что они лю большей части сдѣ- ланы или самимъ Бенвенуто Челлини или по его рисункамъ. Ничего нельзя вообразить замысловатѣе, изящнѣе и краси- вѣе этихъ тарелокъ, вазъ, кубковъ и пр. и пр. Совѣстно, ка- жется, употреблять ихъ для стола, ими можно только любоваться. Смотра на произведенія Бенвенуто Челлини, иногда досадуешь зачѣмъ художникъ дѣлалъ вазы, вырѣзы- валъ кольца, вымѣливалъ лампазы, онъ, который могъ бы создать столько произведеній равносильныхъ Персею. Конечно, все чтó достигаетъ совершенства въ области изящнаго есть уже искусство, но изъ этихъ украшеній тщеславія и роскоши многія исчезли, иныя разсѣяны по неизвѣстнымъ угламъ, а Персей красуется во всемъ своемъ блескѣ, и смо- тря на него нельзя не пожалѣть что Бенвенуто Челлини не всегда предпочиталъ бронзу золоту.

Картинная галлерей дворца Питти превосходна. Она до- стойная соперница галлерей degli Uffizi. Тамъ Верера Ме- дицейская, здѣсь Венера Кановы, въ одной Форнарина Ра- фаэля, въ другой Мадонна della Sedia. Въ одной болѣе дра- гоцѣнныхъ мраморовъ, въ другой болѣе произведеній Рафаэля. Къ величайшему нашему сожаленію мы не видали Мадонны della Dusa, по мнѣнію многихъ, она перлъ твореній Рафаэ- ля. Мы съ трепетнымъ ожиданіемъ входимъ въ комнату гдѣ находится Мадонна della Dusa. Пустое мѣсто. Гдѣ же Мадон- на? съ прискорбіемъ спросили мы у сторожа. Герцогъ, от- вѣчалъ онъ, взялъ ее на время къ себѣ въ комнату. Онъ, бѣдный, столько имѣлъ горя что захотѣлъ посмотрѣть на Мадонну. У герцога недавно умерла дочь, дѣвушка лѣтъ

восьмидцати, подававшая много прекрасных надежд. Герцогъ глубоко огорченъ и находитъ утѣшеніе только въ молитвѣ и въ созерцаніи дивнаго произведенія Рафаэля. Поймутъ эту потребность тѣ которые страдали и лишались дорогихъ сердцу. Не одни искусства гоелодствуютъ во Флоренціи, въ ней также процвѣтаютъ и науки, которымъ герцогъ усердно покровительствуетъ. Нѣсколько библиотекъ наполнено книжнымъ богатствомъ. Естественно-историческій музей одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ. Тосканское герцогство, конечно, самый счастливый уголокъ въ мірѣ. Въ немъ соединены всѣ условія земнаго счастья: прекрасный климатъ, богатство растительности, роскошь дѣлцовъ, довольство народа, кроткое, благоразумное правленіе и, что всего лучше, неприкосновенность народныхъ воспоминаній и независимость гражданскаго существованія. Находясь во Флоренціи не вспоминаешь съ прискорбіемъ что находишься на гробницѣ отжившаго народа, не досадуешь что видишь наследіе несправедливо захваченное другимъ, чуждымъ правительствомъ. Тосканды сохранили свое названіе, происходящее отъ древнѣйшаго народа въ Италіи, остались любезными, веселыми, остроумными, какими были искони въ ковѣ, цѣнятъ своего законнаго государя и свои независимыя права. Благотворительность также не забыта во Флоренціи. Обширная, хорошо содержимыя больницы снабжены всѣмъ что можетъ принести облегченіе страждущему человечеству. Много есть другихъ богоугодныхъ заведеній; нѣкоторыя изъ нихъ мы посѣтили. Сильное впечатлѣніе произвело на меня Братство Милосердія (*Les frères de la Miséricorde*). Оно учреждено въ 1244 году послѣ моровой язвы терзавшей Италію въ XIII вѣкѣ, до сихъ поръ сохранило свое первоначальное основаніе и измѣнилось только въ частности. Его составляютъ семьдесятъ братьевъ изъ свѣтскихъ людей, прелатовъ, артистовъ; къ этимъ представителямъ артистическаго и аристократическаго класса присоединяются сто пятнадцать другихъ братій изъ класса рабочаго, какъ представителей народа. Ежедневно дежурятъ по одному члену изъ обоихъ сословій; одинъ дежурный долженъ быть возвѣстителемъ, другой—немедленно явиться на призывъ. На соборной площади находится церковь Братства Милосердія. Мы посѣтили ее. Въ ней нѣтъ ничего замѣчательнаго, но посреди ея стоятъ наготовѣ носилки для переноски страждущихъ. Направо изъ церкви находится комната въ которой

по всѣмъ стѣнамъ подѣланы ящички; каждый изъ братьевъ имѣеть отдѣльный для того чтобы хранить свою черную расу, похожую на одежду кающихся, съ отверстіемъ только для рта и глазъ. Подъ расой этою должно скрываться доброе дѣло. Какъ только дежурный братъ узнаеть о какомъ-нибудь несчастіи, въ которомъ братство можетъ подать помощь, онъ послѣдуетъ на колокольню своей церкви и ударяетъ въ призывный колоколъ: одивъ разъ для обыкновенныхъ случаевъ, два раза для тяжкаго страданія, три раза для возвѣщенія смерти. И другой братъ, обязанный явиться на призывъ, разслышать, гдѣ бы онъ ни былъ, вѣщій колоколъ, бросить всѣ житейскія дѣла, не кончить начатаго разговора, не дописать нужнаго письма, бѣжить въ братство, надѣваетъ свою смиренную одежду, и оба брата вмѣстѣ слѣдуютъ туда куда призываютъ ихъ страданія. Если находятъ раненаго, перевязываютъ ему раны, больнаго относятъ въ больницу, умершаго въ церковь. Страждущимъ доставляютъ слободу выльчиться, осиротѣлымъ даютъ денежное пособіе, умершихъ въ нищетѣ погребаютъ. Братья милосердія должны были сопровождать также преступниковъ на смертную казнь, но въ благодатное царствованіе телерешаго герцога не строилось ни одного эшафота, и братья отвыкли отъ этой тяжелой обязанности. Самъ великій герцогъ участвуетъ въ братствѣ; онъ также, когда приходитъ его очередь, скрывается подъ черною расой, но его узнають по щедрой милостынѣ которую онъ послѣ себя оставляетъ, и часто въ бѣдной хижинѣ, на мрачномъ чердакѣ, на постели умирающаго, возносятся благословенія герцогу Фердинанду. Ремесленникъ и аристократъ, богачъ и бѣдный въ одинакомъ одѣяніи влачатъ вмѣстѣ драгоценную ношу, милосердіе соединяетъ классы раздѣленные столь рѣзко въ житейскомъ быту и такъ часто враждебные между собою. Трогательное сочетаніе! На немъ безъ сомнѣнія почіетъ благодать Божія.

XIII.

Я пріѣхала въ Ниццу 13 октября. Цѣлую недѣлю прожила я здѣсь безъ Васильчиковыхъ, и очень скучала, пріискивала для насъ помѣщеніе на зиму, но это занятіе было болѣе утомительно нежели пріятно. Къ счастью, нашла одно полурусское семейство, долго жившее въ Россіи. Глава семейства

былъ женатъ на русской барынѣ, гдѣ Ртищевой, принадлежавшей къ высшему обществу, былъ съ ней очень счастливъ и сохранилъ благодарное воспоминаніе о Россіи. Онъ и его дочери отъ перваго брака поселились навсегда въ Ниццѣ, гдѣ имѣли свою виллу. Они были пріятны ко всѣмъ Русскимъ и оказали намъ много услугъ. Тяжело было мнѣ въ первый разъ провести одной 19 октября, день нашей свадьбы, который мы въскольکو лѣтъ такъ весело проводили.

По пріѣздѣ Васильчиковыхъ, мы наняли за шесть или восемь тысячъ франковъ на сезонъ дачу въ предмѣстьѣ города, съ обширнымъ садомъ. Я была очень довольна выборомъ. Нельзя ничего было придумать милѣе собственнo моего помѣщенія. Большой домъ, величавшіяся лапцo, занимали Васильчиковы: онъ стоялъ на первомъ этажѣ въ саду, гдѣ по разнымъ направленіямъ тянулись аллеи померанцевыхъ деревьевъ и между ними цвѣли кусты высокихъ бенгальскихъ розъ. Одна изъ аллей вела къ прелестному павильону, находившемуся въ углубленіи сада, гдѣ я поселилась. У меня была хорошенькая спальня, съ огромною кроватью подъ бѣлыми занавѣсками, мраморнымъ каминомъ, красивая, очень большая гостиная которой многіе завидовали, потому что на виллахъ Ниццы рѣдко бываютъ большія комнаты, тамъ заботятся только о томъ чтобъ устроить какъ можно болѣе помѣщенія. Даже въ лапцo Васильчиковыхъ не было такой гостиной какъ у меня. Въ семействѣ Васильчикова я нашла самое радушное вниманіе. Алексѣй Васильевичъ былъ исполненъ пріятности и сердечнаго благодушія какія рѣдко встрѣчаются въ людяхъ; онъ умѣлъ тепло сочувствовать чужому горю, и я всегда сохранию благодарное воспоминаніе о его дружескихъ отношеніяхъ ко мнѣ. Александру Иванову я глубоко любила за ея непоколебимыя нравственныя убѣжденія, за ея правдивость, прямоту, за пламенное желаніе быть полезною. Старшая дочь, Анна (въ послѣдствіи графиня Б), была очень добрая, благовоспитанная дѣвушка и необыкновенно красивая. Герцогъ Девонширскій, давній знакомый Александры Ивановны, просилъ позволенія хорошему живописцу срисовать портретъ Анны для его коллекціи красавицъ, которую онъ имѣлъ въ Англіи. Вторая, Катея (княгиня Ч.) имѣла прекрасную, возвышенную натуру и поэтическое дарованіе. Жаль что она его не развивала. Въ Ниццѣ я была очень занята, вставала въ половинѣ

седьмого, читала, училась перспективѣ у учителя рисованія котораго Васильчиковы привезли изъ Флоренціи, брала уроки италіянскаго языка, играла на арфѣ. Въ часѣ всѣ вмѣстѣ завтракали въ большомъ домѣ и отправлялись до обѣда гулять. Обѣдали въ четыре часа. У насъ былъ отличный поварь, которому платили шесть франковъ съ человѣка.

Какъ только мы устроились, Александра Ивановна назначила по субботамъ вечера и желала чтобъ я на нихъ присутствовала; я не отказывалась, потому что сначала вечера эти были не многочисленны; бывали только Русскіе, но потомъ знакомство умножилось, каждую недѣлю общество увеличивалось и на субботнихъ вечерахъ начали показываться лица всевозможныхъ націй, преимущественно Англичаде. Не буду описывать всѣхъ моихъ соотечественниковъ находившихся тогда въ Ниццѣ, припомню только тѣхъ которые были съ нами въ короткихъ отношеніяхъ, съ которыми мы ѣздили на ослѣхъ и дѣлали загородныя прогулки. Княгиня Шаховская (рожденная Мусина-Пушкина) съ дочерью; очень добрая и сердечная женщина, одаренная русскимъ чувствомъ. Княгиня Долгорукова (рожденная Давыдова, внучка графа Орлова), чрезвычайно образованная женщина, знавшая въ совершенствѣ нѣсколько языковъ и носившая во всей своей особѣ отпечатокъ знатной барыни.

Въ Ниццѣ было еще семейство Галаганъ, мать, сынъ и дочь. Старушка, потерявъ нѣжно любимаго мужа, облеклась навсегда въ черное и посвятила себя воспитанію дѣтей. Дочь ея вышла по любви за графа Комаровскаго, страстнаго музыканта. Сынъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ въ университетѣ. Они въ Ниццѣ жили всѣ вмѣстѣ въ любви и неволе согласіи. У молодой Комаровской родился сынъ, и когда я видѣла какъ за ней ухаживалъ мужъ, съ какою нѣжностью смотрѣла мать, то невольно завидовала ей.

Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ, какъ старшій изъ всѣхъ Русскихъ находившихся въ Ниццѣ, пожелалъ праздновать 6 декабря именины государя. Объ этомъ праздникѣ было столько разговоровъ, столько было къ нему приготовленій что я не знала куда дѣваться. Сначала предполагали дать вечеръ, но графиня Деорестисъ упростила вечернее чествованіе уступить ей. Хотя она давно оставила Россію и вышла за иностранца, но все-таки любилъ еще отечество и особенно государя. Алексѣй Васильевичъ не хотѣлъ лишать ее удовольствія

выразить ему свое сочувствіе и согласилась вечеръ замѣнить обѣдомъ, что было и дороже и хлопотливѣе.

Общимъ совѣтомъ сочинили *тепи* обѣда. Наканунѣ высокопразднественнаго дня устали всю лѣстницу цвѣтами, и съ самаго утра мы всѣ дѣлали букеты и гирлянды для украшенія комнатъ и столовой изъ разныхъ цвѣтовъ: розановъ и fleurs d'orange, которые намъ приносили большими корзинами. Контрастъ поразительный: у насъ 6 декабря глубокая зима, здѣсь—тепло и цвѣты.

Тяжело мнѣ было въ первый разъ послѣ моей потери надѣть бѣлое, нарядное платье съ короткими рукавами и ходить на великолѣпномъ лиршествѣ. Я и не хотѣла было на немъ показываться, но уговорили Васильчиковы и увлекло патристическое чувство. Къ обѣду этому были приглашены всѣ Русскіе находившіеся въ Ниццѣ, всѣ иностранцы жившіе долго въ Россіи, меръ и другія власти города. Герцогъ Девонширскій явился во всемъ своемъ блескѣ, въ ордентъ Подвязки, и привезъ хозяйкѣ великолѣпный букетъ изъ фіалокъ, на которомъ изъ желтыхъ иммортелей составленъ былъ вѣзель Николая I, букетъ выписанный изъ Генуи, славящейся своими букетами. Когда всѣ приглашенные собрались, меръ д'отель провозгласилъ что кушанье поставлено. Музыка заиграла *Боже Царя зрими*. Александра Ивановна подала руку герцогу Девонширскому, и за ней послѣдовали всѣ лоларно. Эффектно было когда нарядныя дамы, нѣкоторыя въ шифрахъ, подъ руку съ кавалерами въ блестящихъ мундирахъ, чинно сходили съ лѣстницы въ столовую, находящуюся въ первомъ этажѣ. Въ продолженіе обѣда музыка играла преимущественно русскіе мотивы. Мы этимъ обязаны были графу Комаровскому, взявшемуся аранжировать для оркестра нѣсколько пѣсень русской музыки, который подъ его руководствомъ изучилъ также и нашъ народный гимнъ. Столъ былъ красиво убранъ цвѣтами и гирляндами розъ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ государя, обвитый также гирляндами розъ. Среди обѣда, хозяинъ провозгласилъ здоровье государя. Всѣ встали и почтительно выслушали нашъ народный гимнъ, который на чужбинѣ казался для всѣхъ еще пріятнѣе. Послѣ обѣда музыка продолжала играть подъ окнами въ саду, прекрасно иллюминированномъ. На воротахъ сіялъ русскій орелъ. Гости не слѣшили развѣзжаться, и это доказывало что всѣмъ было пріятно. Открыли окна чтобы смотрѣть на иллюминацію и

нѣсколько разъ просили музыкантовъ повторять *Боже Царя храни*, до того понравился всѣмъ нашъ народный гимнъ. Наконецъ въ 9 часовъ домъ нашъ опустѣлъ, но любопытные долго еще толпились въ саду и смотрѣли на русскаго орла. Все лучшее общество отправилось на раутъ, который говорить былъ великолѣпнень. Разумѣется я не поѣхала и рѣшительно отказалась ото всѣхъ шумныхъ увеселеній Ниццы. Такъ-то Русскіе отпраздновали именины своего государя на берегу Средиземнаго Мора.

Наступило католическое Рождество Христово. Здѣсь было какъ-то не похоже на праздникъ, не такъ какъ у насъ, гдѣ къ празднику въ каждомъ домѣ все ставится вверхъ дномъ: чистятъ, моютъ, шьютъ обшвы, покупаютъ подарки, готовятъ угощеніе.

Здѣсь праздникъ ознаменовался только тѣмъ что наканунѣ съ вечера началась стрѣльба по улицамъ, на гавани, и продолжалась до глубокой ночи; шуму было много, а торжественности никакой. Въ день Рождества мы были въ англійской церкви, куда ходили каждое воскресенье. Хотя реформатское богослуженіе мало дѣйствуетъ на воображеніе, но я любила прямой смыслъ молитвъ, сильное убѣжденіе проповѣди и благоговѣніе молящихся. Въ наше время было въ Ниццѣ множество *миллордовъ твердой земли* (такъ называются всякіе торговцы которые за предѣлами Англіи очень важничаютъ), но были и настоящіе аристократы. Аристократія эта держала себя обыкновенно въ сторонѣ, ограничиваясь кругомъ знакомыхъ изъ ихъ сферы, не жметъ рукъ кому ни попало, не говоритъ безсознательныхъ любезностей, и за это ее называютъ надменною, а она только предусмотрительна.

Вечеромъ, наканунѣ ихъ Новаго Года, намъ пришли сказать что молодые люди нашего квартала желаютъ дать намъ серенаду и поздравить съ Новымъ Годомъ. Александра Ивановна разумѣется изъявила согласіе, и подъ окнами нашими раздалась, хотя не совсѣмъ складная, но веселая музыка; потомъ два молодые человѣка, очень чисто одѣтые, съ корзиною цвѣтовъ пришли поздравить насъ, приняли съ благодарностію 10 франковъ и съ новымъ усердіемъ возобновили серенаду. Въ Новый Годъ, какъ только я проснулась, садовникъ принесъ мнѣ корзину цвѣтовъ и фруктовъ.

Наступили и наши праздники, и пришла и тамошняя зима, то-есть шелъ дождь, иногда снѣгъ, ночи были холодныя,

бывалъ иногда даже легенькій морозикъ. Но я въ жизни никогда такъ не забла какъ въ Ниццѣ, тамъ только я испытала страданія отъ холода, которыхъ вовсе не знала. Днемъ бывало тепло, особливо когда грѣло солнце, но вечеромъ становилось холодно и въ комнатахъ невыносимо. Каминны не нагрѣвали комнату, а грѣли только тѣхъ которые сидѣли вблизи. Всѣ руки мои были отъ холода покрыты красными пятнами и растрескались; это были анжелюры (*les angelures*), о которыхъ въ Россіи мы не имѣли понятія. Когда я ложилась спать въ свою громадную постель, то облакалась въ теплое одѣяніе какъ бы готовясь въ дорогу. Затопляли каминъ, куда накладывали большія полѣна дровъ чтобы долѣ горѣли, и я укутывалась еще чѣмъ могла. Поутру было также холодно въ комнатѣ какъ и съ вечера и также неприятно вставать и одѣваться, хотя опять предъ лылающимъ каминомъ. И пресловутый климатъ Ниццы для меня былъ вовсе неблагопріятенъ; я никогда не чувствовала себя такъ дурно какъ въ Ниццѣ, особливо когда дулъ сирокко я страдала и не знала куда дѣваться. Не я одна, но многіе другіе жаловались на дурное вліяніе на здоровье рѣзкаго воздуха.

Въ день Рождества шелъ большой снѣгъ; пріятно было смотреть на него, это было какъ бы осязательное воспоминаніе отечества, какъ бы привѣтъ отъ него для праздника. Снѣгъ покрылъ весь садъ, померанцевыя деревья и кусты розъ красиво обозначились на бѣломъ фонѣ. У насъ обѣдали тѣ изъ Русскихъ которые считались нашими короткими знакомыми: княгиня Шаховская, княгиня Долгорукая, графъ и графиня Штейнбокъ, Туманскіе.

Въ Ниццу пріѣзжалъ для свиданія съ Галаганами ихъ пріятель Э. В. Чижовъ. Я познакомилась съ нимъ еще въ Петербургѣ у Сенковскихъ. Гжа Сенковская представила мнѣ его какъ человѣка котораго они особенно любили. Онъ занималъ тогда въ С.-Петербургомъ университетѣ кафедру математики. Въ Ниццѣ онъ часто бывалъ у меня, и мы разстались большими друзьями.

Александра Ивановна съ Алексѣемъ Васильевичемъ и старшею дочерью поѣхали въ Римъ на Страстную Недѣлю. Путешествіе это задумано было еще съ начала зимы. Здоровье меньшей дочери было такъ слабо что для нея утомительно было бы присутствовать при всѣхъ религіозныхъ процессіяхъ и духовныхъ торжествахъ которыми тогда ознаменовывалась

въ Римѣ страстная седмица. И она находилась бы въ безпрестанномъ волненіи желала все видѣть и не имѣла на то силы. Докторъ находилъ что ей нужна спокойствіе и солнце Ниццы. И путешествіе-то за границу было предпринято собственно для ея здоровья. Александра Ивановна просила меня, какъ доказательства дружбы, остаться въ Ниццѣ съ ея дочерью и сыновьями.

Въ Ниццѣ мы пробыли до середины апрѣля. Сначала Васильчиковы предполагали провести лѣто въ Via Reggia, пользоваться морскими купаньями. Планъ этотъ мнѣ очень не нравился, потому что въ такомъ случаѣ я поѣхала бы одна въ Италію, а путешествовать одной мнѣ не хотѣлось. Пріѣхавъ въ Римъ Александра Ивановна перемѣнила намѣреніе и рѣшилась провести лѣто въ окрестностяхъ Неаполя. Мы всѣ съ большою радостью объ этомъ узнали, тѣмъ болѣе что Александра Ивановна просила меня къ нашей Святой Недѣлѣ пріѣхать въ Римъ, и слѣдовательно намъ предстояло скоро оставить Ниццу, которую мы всѣ не любили и которая намъ всѣмъ до крайности надоѣла.

15 апрѣля, въ 10 часовъ утра, выѣхали мы изъ Ниццы, при большомъ стеченіи народа, собравшагося смотрѣть на нашъ огромный и красивый дилижансъ, дѣлавшій честь московскому каретному мастеру Ильину. Не хотѣли вѣрять чтобы такая славная штука была сдѣлана въ Москвѣ! Даже Англичане любовались ею, и въ продолженіе нашего странствованія по Европѣ съ дилижанса этого было снято нѣсколько рисунковъ. Вѣхать намъ было очень спокойно и просторно. Въ дилижансѣ было тринадцать мѣстъ, а насъ было только восемь. Мы взяли веттурино, обязавшагося не только везти, но и продовольствовать насъ, такъ что мы ни о чемъ не заботились. Пріѣзжали на первую стоянку въ 12 часовъ, оставались недолго; намъ подавали завтракъ сытный какъ обѣдъ. Въ 6 и 7 пріѣзжали на ночлегъ, выбирали въ гостаницѣ лучшія комнаты, затапливали каминъ, обѣдали и пили чай, счета никакого въ глаза не выдади: веттурино за все расплачивался и бралъ за наше продовольствіе съ человѣка 7 франковъ. Первый ночлегъ нашъ былъ въ Ментонѣ. Съ нами ѣхало еще нѣсколько каретъ изъ Ниццы; въ одной изъ нихъ путешествовала какая-то нѣмецкая баронесса, сидѣла одна въ каретѣ, въ которой стояла небольшая ванна съ лягушками, рыбами и всякими водяными породами и висѣли кѣтки съ разными птицами. Странные

бываютъ вкусы! По этой дорогѣ нѣтъ ни одного замѣчательнаго города, но каждый такъ красиво лежитъ близъ моря что кажется прелестнымъ. Близъ Санъ-Ремо находится лальмовая роща, изъ которой до сихъ поръ семейство Брико управляетъ лальмовыя вѣтви въ Римъ къ Вербному Воскресенью.

На четвертый день самаго благополучнаго и пріятнаго путешествія мы прибыли въ Геную, гдѣ насъ встрѣтилъ Алексѣй Васильевичъ, отсюда продолжали путь моремъ.

На Средиземномъ Морѣ столько компаній пароходства что конкуренція эта докучлива; директора компаній стараются всѣми силами вредить другъ другу и переманивать на свои пароходы путешественниковъ. Мы рѣшились отправиться на *Виргили*, снисходя на неотступную просьбу директора этой компаніи приходившаго уговаривать Алексѣя Васильевича и сдѣлавшаго большую уступку противъ назначенной цѣны за мѣста.

Въ положенный часъ мы отправились на пароходъ, но къ сожалѣнію дилижансъ нашъ никакъ не могъ помѣститься на *Виргили*; болѣе часа пробились стараясь какъ-нибудь его поставить, но вотще. Алексѣй Васильевичъ разсердился, хотѣлъ уйти съ парохода и жаловаться на директора который увѣрилъ что на его пароходѣ всякій экипажъ можетъ помѣститься. Несчастный директоръ былъ въ отчаяніи и упрости насъ остаться, давъ *письменное* обѣщаніе что на другой же день отправить нашъ дилижансъ на *Леопольдъ*, огромномъ пароходѣ австрійской компаніи. Итакъ мы отправились въ десять часовъ вечера. Была прелестная лунная ночь, вокругъ парохода ныряли медузы и распространяли фосфорическій свѣтъ. Но я такъ страдала морскою болѣзнію что не въ состояніи была наслаждаться всею этою поэзіей. Къ счастью, заснула и проснулась совсѣмъ здоровая въ Ливорнской гавани. Мы пробыли часовъ пять въ Ливорно и все это время провели въ лавкахъ. Александра Ивановна поручила намъ сдѣлать много покупокъ. Въ Ливорно есть нѣсколько фабрикъ на которыхъ выдѣлываются разныя вазы и статуи и нѣсколько художниковъ занимающихся производствомъ столовъ à la scalioli. Столы эти составлены изъ какой-то композиціи твердой какъ камень, на которой рисуютъ виды разныхъ извѣстныхъ городовъ, коліи съ знаменитыхъ картинъ, все это украшается разными арабесками, инкрустаціями, скомпоновано съ такимъ вкусомъ, съ такимъ изяществомъ что

хотѣлось бы приобрести нѣсколько такихъ столовъ, но жаль что дороги. Васильчиковы всего много накупили. Въ четыре часа мы были опять на *Виргиліи*, а на другой день, въ десять часовъ утра, прибыли въ Чивита-Веккію, остановились въ очень хорошей гостиницѣ, гдѣ намъ предстояло ожидать нашего дилижанса. На другой день *Леопольдъ*, котораго мы ожидали, по какому-то случаю не пришелъ. У насъ не было ни одной книги, никакой работы, все это осталось въ дилижансѣ. Гулять было негдѣ, мы исходили Чивита-Веккію вдоль и поперекъ. Сидѣть сложа руки мы не любили; оставалось только одно, бесѣдовать, но и разговоры не клеятся когда находишься въ дурномъ настроеніи въ какомъ мы были по случаю замедленія *Леопольда*; мы надѣялись сегодня же быть въ Римѣ. Отъ скуки мы рѣшились пойти въ театръ; консулъ далъ намъ свою ложу. По лѣстницѣ, шатавшейся подъ нашими ногами, привели насъ въ какой-то ужасный сарай, угрожавшій скорымъ паденіемъ. Насъ помѣстили въ ложу какой-то маркизы, потому что не могли отпереть ложу консула. Пять лампъ освѣщали залу, и что касается сцены, костюмовъ и актеровъ, все это было отвратительно. Алексѣй Васильевичъ зашелъ въ нашу ложу и ушелъ домой сказавъ что въ такомъ театрѣ стыдно даже быть.

23 апрѣля насъ разбудили пріятнымъ извѣстіемъ что *Леопольдъ* пришелъ и съ нимъ нашъ дилижансъ. Пока привезли его, укладывались въ немъ и приводили все въ порядокъ, прошло не мало времени, и мы могли выѣхать не прежде 12 часовъ. Дорога до Рима очень однообразна, но не показалась мнѣ скучною. Въ восемь часовъ мы были у заставы Рима...

(До слѣд. №).

КЪ ВОПРОСУ

КТО БЫЛЪ ЕРМАКЪ ТИМОШЕЕВЪ ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ

Избра Богъ ни отъ славныхъ мужъ, ни отъ царска повелѣнія воеводъ, а вооружи славою и ратоборствомъ и вольностью атамана Ермака Тимошеева сына и съ нимъ пятьсотъ сорокъ человекъ.

(Лѣтоп. Саввы Есипова, гл. VII.)

... И по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ и слава наша вѣчна будетъ.

(Строгановск. Лѣтоп. гл. XVII.)

Въ сентябрьской книжкѣ нынѣшняго года *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, помѣщена статья г. Майкова озаглавленная „Хронологическія справки по вопросу о празднованіи 300лѣтняго юбилея Сибири“. Мы полагаемъ что какъ этою статьей, такъ и разъясненіями сдѣланными на засѣданіяхъ устроенныхъ Н. В. Калачовымъ и Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, вопросъ, какой срокъ слѣдуетъ считать за 300 лѣтъ присоединенія Сибири къ Россіи, почти установленъ, а именно конецъ января 1883 года; но въ чемъ будетъ состоять празднованіе этого событія и гдѣ, еще не опредѣлено, хотя и высказаны были желанія

чтобы празднованіе совершилось въ Томскѣ, какъ центральномъ пунктѣ всей Сибири и будущемъ университетскомъ городѣ. Тамъ могла бы состояться выставка разныхъ коллекцій по археологіи, этнографіи и исторіи Сибири, которыя со временемъ могли бы послужить къ основанію музея при университетѣ. Наши ученые общества и между ними главнымъ образомъ Географическое предприняли уже давно чествовать 300лѣтіе Сибири изданіемъ трудовъ по исторіи, картографіи и статистикѣ Сибири. Археографическая коммиссія въ лицѣ своего почтеннаго члена г. Зоста уже прекрасно издала краткую сибирскую лѣтопись, именуемую Кунгурскою.

Съ воспоминаніемъ о покореніи Сибири у всѣхъ насъ неразрывно связано имя Ермака Тимофеева, народнаго героя, о которомъ къ сожалѣнію сохранилось весьма немного свѣдѣній, притомъ сбивчивыхъ. Въ этомъ причина почему историки наши мало останавливались на личности завоевателя Сибири. Въ лѣтописяхъ откуда почерпались свѣдѣнія о походѣ въ Сибирь встрѣчаются противорѣчія не только въ самихъ фактахъ, но и въ хронологіи событій, что конечно вселяло недовѣріе къ лѣтописямъ и вызывало не разъ полемику между учеными. Вспомнимъ напримѣръ о спорѣ по вопросу былъ ли Ермакъ со своею дружиной призванъ съ Волги Строгановыми или онъ самъ, спасаясь отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ, пришелъ съ Волги къ Строгановымъ чтобъ идти далѣе въ Сибирь. Относясь недовѣрчиво къ сибирскимъ лѣтописцамъ, историки еще болѣе скептически относились къ извѣстіямъ о происхожденіи Ермака, относя иногда какое-нибудь свѣдѣніе, не имѣющее ничего невѣроятнаго, къ области народнаго вымысла, легенды. Другіе же изслѣдователи сообщая любопытныя данныя о Ермакѣ, хотя и совершенно различныя, не дѣлаютъ ссылокъ на источники которыми они пользовались.

Въ настоящей замѣткѣ мы не имѣемъ претензіи разрешить вопросъ о происхожденіи Ермака, остающійся открытымъ. Наша задача скромнѣе. Мы желаемъ только выставить тѣ разнорѣчія какія встрѣчаются въ историческихъ повѣствованіяхъ о Ермакѣ.

Въ памятникѣхъ народнои поэзіи не разъ воспѣвался Ермакъ Тимофеевъ и покореніе имъ Сибири. Такъ въ пѣснѣ *Ермакъ взялъ Сибирь*, находящейся въ древнихъ русскіихъ

стихотвореніяхъ собранныхъ Киршей Даниловымъ *, описанъ походъ Ермака, а въ замѣчательномъ изданіи *Русскія народныя картинки*, собранныя и описанныя Д. Ровинскимъ, можно видѣть что среди народа личность Ермака Тимоѣева связана съ былинной объ Ильѣ Муромцѣ, которому Ермакъ приходится племянникомъ. Съ нимъ Илья Муромецъ освобождаетъ Кіевъ отъ Батыя Батыевича и бабищи Мамаевны. Племянникомъ же Ермакъ приходится и великому князю Владимиру (см. Киршевск. стр. 61—65). Далѣе встрѣчаются картинки гдѣ цѣловальники и кулачные бойцы именуются Ермаками, Ериотками. По замѣчанію Д. Ровинскаго въ народѣ цѣловальники звались Ермаками, т.-е. Еремками; подъ этими же именами они участвуютъ въ похоронной процессіи погребенія kota **.

Имени Ермакъ нѣтъ между христіанскими именами, и надо допустить что это либо кличка, либо передѣлка какого-нибудь имени. Карамзинъ, сѣдѣя лѣтописи Ремезова, производитъ также какъ и онъ имя Ермака отъ Германа, *** между тѣмъ въ *Новомъ Лѣтописцу* по списку князя Оболенскаго **** Ермакъ вездѣ называется Ермолаемъ. Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ мы видѣли экземпляръ описанія Сибири Миллера, лично принадлежавшій автору; въ этой книгѣ, на стр. 92, противъ § 22, рукой Миллера сдѣлано примѣчаніе: „Ермолай полуименемъ Ермакъ“.

Относительно отчества „Тимоѣевъ“ нѣтъ противорѣчій, но у нѣкоторыхъ лѣтописцевъ и за ними историковъ оно является въ связи съ прозваніемъ „Повольскій“—*Ермакъ Тимоѣевъ сынъ Пвольскій*, ясно указывающее что мѣстомъ

* *Древн. Рос. Стих.*, собр. Киршей Даниловымъ. Изд. 1878.

** Т. V, стр. 236. Въ этомъ большомъ собраніи народныхъ картинокъ не встрѣчается портрета Ермака; но намъ извѣстно что въ Сибири не рѣдко попадаются въ деревняхъ по избамъ изображенія Ермака.

*** *Истор. Госуд. Росс.* изд. 1842 кн. IX гл. VI, стр. 224, Тобольскій лѣтописецъ или Ремезовская лѣтопись. Авторъ ея, тобольскій боярскій сынъ Семень Емельяновичъ Ремезовъ, составилъ ее въ концѣ XVII вѣка, около 1697—1699. Въ ней сказано: „и въ каковой храбрости Германъ въ дружинѣ своей Ермакомъ просавъ и атаманомъ нарѣченъ.“

**** *Новый Лѣтописецъ*. Изд. кн. Оболенскаго, 1853. Составленъ въ царствованіе Михаила Федоровича.

родины или жительства Ермака было Поволжье. Но послѣднее наименованіе у составителей учебныхъ руководствъ не принято.

Ниже мы вернемся къ прозванію Ермака, а теперь обратимся къ тѣмъ свидѣніямъ какія имѣются о происхожденіи его.

Въ *Строгомовской лѣтописи* говорится: „слышаху бо сіа Семевъ и Максимъ и Никита Строгомовы отъ достовѣрныхъ людей о буйствѣ и храбрости Поволжскихъ казаковъ и *атамана Ермака Тимофеева съ товарищи*“ (изд. Спасскимъ 1821, стр. 13).

Въ *Есиповской лѣтописи*: * „...вооружи славою и ратоборствомъ и вольностью *атамана Ермака Тимофеева сына Повольскаго*.“

Въ Ремезовской или краткой Сибирской лѣтописи (Букгурской): ** „И въ таковой храбрости *Германъ въ дружинѣ своей Ермакомъ прослылъ и атаманомъ нарѣченъ*, яко зрѣшъ воюя бусы по Хвалынскому морю и по Волгѣ со многими своевольными вои, яко и царскую казну шарпалъ“.

Въ *Новомъ Лѣтописицѣ* по списку князя Оболенскаго: „Единъ же отъ нихъ казаковъ старѣйшина *атаманъ Ермакъ*, да съ нимъ шестьсотъ человекъ“.

Карамзинъ *** причисляетъ Ермака „къ числу буйныхъ атамановъ волжскихъ“ на ряду съ Иваномъ Кольцомъ и другими, точно также какъ Соловьевъ, который называетъ Ермака атаманомъ казаковъ.

Историкъ Донскаго войска В. Броневскій, желая возвеличить заслуги Донскихъ казаковъ, прямо причисляетъ Ермака къ Донцамъ и говоритъ **** что онъ былъ избранъ старшиной отъ Качалинской станицы (на Дону) и назначенъ въ 1577 году охранять границы отъ Астрахани до рѣки Дона, но что вмѣсто того чтобъ охранять, явился разбойникомъ на Волгѣ. „Не удовольствовавшись этимъ, онъ вошелъ въ Каспійское море и тамъ потопилъ суда персидскихъ и бухарскихъ пословъ и

* По списку принадлежавшему Миллеру и хранящемуся въ библіотекѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

** Изд. Археографической комиссіи, стр. 3.

*** *Исторія Государства Росс.* 1842, кн. I, т. IX, гл. VI, стр. 224.

**** В. Броневскій. *Исторія Донскаго войска.* Т. I, стр. 60, 61.

завладалъ всѣмъ ихъ имуществомъ. Войсковою атаманъ по волю царя созвалъ народъ для совѣщанія на кругъ, гдѣ повелѣно Ермака и вмѣстѣ его сообщниковъ взять и подъ стражей отослать въ Москву; рядовыхъ же казаковъ служившихъ подъ начальствомъ его, при сборѣ наказать ослобвѣями. Государь осудилъ Ермака съ четырьмя его атаманами на смерть лютую и позорную.“

Затѣмъ ниже въ той же исторіи Донскаго войска на стр. 641 встрѣчаемъ слѣдующее: „Ермакъ уроженецъ Качалинской станицы, родомъ неизвѣстный, начавшій поприще свое ремесломъ обычнымъ его современникамъ, измѣнившись душою является героемъ.“

Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно по какимъ источникамъ г. Броневскій сообщаетъ эти любопытныя біографическія свѣдѣнія, утверждая что родина Ермака есть Качалинская станица на Дону. Проверить это указаніе невозможно, такъ какъ ссылокъ на матеріалы откуда взяты эти извѣстія * въ его исторіи не имѣется.

Теперь соlostавимъ другое свѣдѣніе относящееся до біографіи Ермака, крайне интересное, хотя и совершенно различное съ извѣстіями которыя имѣются въ лѣтописяхъ.

Въ *Исторіи въ жизнеописаніяхъ ея дѣятелей* г. Костомаровъ на стр. 529 говоритъ о Ермакѣ слѣдующее: „Что касается до Ермака Тимофеевича, то нѣтъ основанія предполагать чтобъ онъ принадлежалъ къ разряду волжскихъ удалцовъ, навлекшихъ на себя опалу своими разбоями. Напротивъ, оказывается что въ качествѣ казацкаго атамана онъ находился въ царской службѣ, и въ концѣ іюня 1581 года **

* Этими извѣстіями о Ермакѣ можетъ быть объяснено рѣшеніе поставить въ городѣ Новочеркасскѣ памятникъ Ермаку Тимофееву какъ казачьему атаману земли Войска Донскаго и что на этотъ предметъ уже собрана довольно почтенная сумма. Тамъ же, какъ мы слышали, возникъ вопросъ о надписи на будущемъ памятникѣ Ермаку; нѣкоторые лица утверждали что будто бы Ермакъ за покореніе Сибири былъ пожалованъ Іоанномъ Грознымъ въ сибирскіе князья, а потому и надпись на памятникѣ должна была быть соотвѣтственно этому высокому титулу; но, говорятъ, начальство которому надлежало разрѣшить этотъ вопросъ обратилось за справкой въ одно изъ ученыхъ учрежденій—былъ ли Ермакъ пожалованъ въ князья, и получило конечно отрицательный отвѣтъ.

** Припомнимъ тотъ фактъ что 26 октября 1581 года столица Кучума, послѣ побѣды 23 октября, была занята Ермакомъ.

вмѣстѣ съ русскими силами былъ подѣ Могилевымъ на Днѣпрѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1582 онъ находился въ Перми на царской службѣ, и это доказывается царскою грамотою Строганову, въ которой, дѣлая выговоръ послѣднему за Уралъ, царь приказывалъ возвратить Ермака въ Пермь на мѣсто его службы.“

Въ другомъ мѣстѣ той же исторіи помѣщено: „Царь въ грамотѣ къ Строгановымъ изъяснилъ свой гнѣвъ когда узналъ что Ермакъ пошелъ за Уралъ и приказалъ *Ермака отослать въ Пермь, гдѣ прежде вѣльно было ему находиться на службѣ* и отнюдь не затѣвать ссоры съ Сибирскимъ саятаномъ.“

Эти любопытныя извѣстія въ сочиненіи г. Костомарова также не сопровождаются ссылками на источники откуда они взяты; опальная же грамота на которую ссылается авторъ была послана царемъ 16 ноября 1582 года и не заключаетъ въ себѣ никакого свѣдѣнія о томъ что Ермаку прежде было вѣльно находиться на службѣ въ Перми.

Перейдемъ къ лѣтописи извѣстной подѣ именемъ *Черепиновской*. Лѣтопись эта составлена въ Тобольскѣ въ 1760 году ямщикомъ Черепановымъ. Слѣсокъ этой лѣтописи находится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подлинникъ же ея, по словамъ покойнаго Спасскаго, хранится въ Императорской Академіи Наукъ. Въ этой лѣтописи подробно описывается происхожденіе Ермака слѣдующими словами:

„Въ нѣкоторой сибирской исторіи упомянуто о родѣ атамана Ермака, а писатель этой исторіи при ней своего имени не объявилъ. Онъ и началъ свою исторію тѣмъ якобы самъ Ермакъ о происшествіи своей природы объявилъ: дѣдъ его былъ города Суздаля посадской человекъ, а жилъ въ великой скудости и искалъ нищетѣ своей перемѣны, старался сыскать себѣ пропитаніе; того ради перешелъ онъ въ городъ Володимиръ, именемъ ево звали Аѳанасій Григорьевъ сынъ Аляннъ, и тутъ вскормилъ онъ двухъ сыновъ, которыхъ именами звали, перваго Родіонъ, а другой Тимофей, и съ ними кормился извозомъ; и въ нѣкоторое время оной Аѳанасій былъ изъ найму въ подводахъ у нѣкоторыхъ воровъ на Муромскихъ лѣсахъ и съ ними поймавъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и по случаю изъ оной тюрьмы бѣжалъ, а въ городѣ жить ему было нельзя, то онъ взялъ жену и дѣтей, съ ними перѣехалъ въ уѣздъ

Повольскій и тамъ вскорѣ умеръ, * а дѣти ево Родіонъ и Тимофей отъ скудости своей искали себѣ лучшаго пропитанія, переѣхали жить на рѣку Чюсову въ вотчины Строгоновы, *оттого они прослави Пвольскіе*; тутъ родились у нихъ дѣти: у Родіона было два сына, Дмитрій да Лука; у Тимофея дѣти: Гаврило, Флоръ да Василиій. Василиій весьма былъ силенъ и рѣчистъ и ходилъ овъ на стругахъ по рѣкамъ Камѣ и Волгѣ въ работѣ и отъ той работы вступилъ овъ въ такую отвагу, прибралъ къ себѣ прежде небольшую артель и съ тою пошелъ овъ отъ работы и на разбой, а артельщики видѣли его смѣлость и проворство; для того по выбору назвали его атаманомъ, а потомъ артель его или лучше сказать шайка разбойническая такъ до знатнаго числа умножилась *изъ донскихъ казаковъ* и прочихъ своевольниковъ.

„Еще когда овъ Василиій находился на судахъ въ работѣ, тогда овъ названъ былъ отъ товарищевъ своихъ Ермакомъ, для оказанныхъ отъ него услугъ при вареніи артельной каши, а *ермакъ* по ихъ назывался дорожный таганъ, либо по волжскому нарѣчію такъ же *ермакомъ* жерновой ручной камень называютъ, которымъ знаменованіемъ тѣ жъ ево к артелямъ услуги показываетъ.“ **

Карамзинъ въ примѣчаніи къ *Исторіи Государства Россійскаго* привелъ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями это показаніе, но вслѣдъ затѣмъ говоритъ: „Это сказка—думаю“; *** къ этому лаковическому выраженію затѣмъ ничего не прибавлено.

II. Небольсинъ въ статьяхъ помѣщенныхъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* о покореніи Сибири также излагаетъ это показаніе о происхожденіи Ермака, но не соглашается съ мнѣніемъ Карамзина что это сказка. Мы со своей стороны полагаемъ также что это не сказка. Напротивъ правдоподобность этихъ біографическихъ извѣстій заслуживаетъ болѣе вниманія чѣмъ тѣ сбивчивыя и отрывочныя показанія которыя приведены нами выше. Вотъ почему было бы крайне

* У Карамзина же сказано: „Черезъ нѣкоторое время бѣжалъ взявъ жену и дѣтей въ уездѣ *Юрьева Пвольскаго*.“ Въ книгѣ *Большой Чертежъ*, изд. Спасскимъ, имѣется слѣдующее: „На Волгѣ городъ Юрьевецъ—противъ устья рѣки Умжи“.

** По такому же словарю Даля *ермакъ*—по волжскому нарѣчію—знамый жерновъ для ручныхъ крестьянскихъ мельницъ.

*** *Ист. Госуд. Россійскаго*. Кн. I, т. IX, гл. VI, стр. 152.

желательно найти ту *нѣкоторую сибирскую исторію* о которой говоритъ Черепановъ, гдѣ излагается это извѣстіе о происхожденіи Ермака.

Не входя въ разборъ всѣхъ вышеприведенныхъ биографическихъ свѣдѣній о Ермакѣ, остановимся только на томъ общепринятомъ званіи какое обыкновенно дается Ермаку, а именно *казаки, казачій атаманъ*. Это слово въ повѣстіяхъ летописцевъ было совершенно различно съ тѣмъ повѣстіемъ о казакахъ какое мы имѣемъ въ настоящее время. Въ XVI столѣтіи слово *казакъ* было тождественно съ гуляющимъ человекомъ, бродягой.*

Въ селеніяхъ были лица не входившія въ тягло, и до тѣхъ поръ пока они не были записаны въ тягло, они были совершенно свободны: эти люди были—„гуляціе“. Они имѣли право переселяться, занимать, поступать въ холоды, верстаться въ служилые люди. Изъ этихъ-то гулящихъ людей образовался классъ принявшій названіе „казаковъ“. Въ половинѣ XVI столѣтія казаки появились не на одномъ Дону, но въ разныхъ краяхъ Россіи, какъ на сѣверѣ такъ и на югѣ и въ Литвѣ. По народному повѣстію, казакъ былъ не только тотъ кто шелъ на Донъ или въ Сѣчь и поступалъ въ военное братство для всѣхъ открытое: всякій удалецъ, который искалъ воли, не хотѣлъ подчиняться власти и тягостямъ, всякій шатавшійся бѣглець былъ въ народномъ смыслѣ казакъ. Даже разбойничьи шайки называли себя казаками, а предводителя своимъ атаманомъ. Слово *атаманъ* образовалось изъ слова *ватманъ*, что означало прежде всякаго начальника на рыболовномъ суднѣ, начальника экспедиціи промышленниковъ, начальника ватаги.

Намъ кажется весьма естественнымъ допустить что Ермакъ принадлежалъ именно къ этимъ свободнымъ не тягловымъ людямъ. Что касается именованія его Ермакомъ, то не беремся рѣшить есть ли Ермакъ полуимя отъ Ермолая, или Еремѣя, или это есть не болѣе какъ одно изъ тѣхъ прозваній какія въ до-Петровское время были въ большомъ ходу. Такъ, въ дѣлахъ и грамотахъ XVI и XVII вѣковъ часто встрѣчаются имена: Алмазъ Иваровъ, Дьякъ Дружина

* Н. Костомаровъ. *Русск. Исторія съ физическимъ ея описаніемъ главныхъ дѣятелей*. Вып. III.

Петехинъ, Гулай Золотаревъ, Третьякъ, Истома и друг. Не рѣдко подобныя прозванія усваивались лицами которыя имѣли основаніе почему-либо скрывать свое имя. По мнѣнію Н. В. Калачова, встарину многіе принимали также какое-нибудь прозвище, помимо православнаго имени, отъ заговора. Ермакъ же, какъ атаманъ шаекъ, могъ принять прозвище чтобы преслѣдовавшія его власти не знали его настоящаго имени.

Первый сибирскій архіепископъ Киприанъ, желая воздать должную память павшему Ермаку и его слодвижникамъ, собралъ отъ оставшихся въ живыхъ казаковъ свѣдѣнія о погибшихъ ихъ товарищахъ и внесъ ихъ для поминовенія въ синодикъ. Въ немъ покоритель Сибири именуется также Ермакомъ, а не христіанскимъ именемъ, слѣдовательно многіе изъ казаковъ и никто въ Сибири не знали истиннаго прозванія Ермака. Въ концѣ лѣтописи Саввы Есипова находится слѣдующее мѣсто:

„Синодикъ казакѣмъ написанъ сице:

Гл. ѿг (33)

...Атаману Ермаку стоварищи его которые любіени съ нимъ казаки по Вагаю реке на переколы отъ нечестивыхъ отъ Кучума царя вѣчная память и возгласъ болшей“.

Вотъ тѣ отрывочныя извѣстія о Ермакѣ Тимофеевѣ съ которыми мы желали подѣлиться съ тѣми кому дорого все касающееся Сибири и ея славнаго завоевателя. Въ заключеніе обращаемъ вниманіе устроителей будущаго празднества 300-лѣтія Сибири на эпитафій къ настоящей замѣткѣ; эти слова, взятые изъ Строгоновской лѣтописи, будто бы были произнесены самими Ермакомъ въ рѣчи казакамъ предъ рѣшительною битвой:

„...И по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ и слава наша вѣчна будетъ (Строг. лѣт. гл. XVII)“.

Полагаемъ что эти слова могли бы быть высечены на имѣющемся уже памятникѣ Ермаку въ городѣ Тобольскѣ.

М. ПУЦИЛО.

* Намъ передавали что въ синодикѣ Николао-Угрѣтскаго монастыря въ дворянскихъ родахъ помѣщенъ родъ Болтина Балма Фодороича; слѣдовательно въ синодики вписывались и нехристіанскія имена.

ДУХОВНЫЯ ПѢСНИ

ПЕРЕЛОЖЕНІЯ И ПОДРАЖАНІЯ

Царь Давидъ. Изъ псалма 140.

Вечерней жертвою моею
Горѣ несется дымъ кадиальный:
Да вознесется вслѣдъ за ней
Моя молитва, о Всесильный!

Услышь, о Господи! меня,
Когда Тебя я призываю,
Свой слухъ божественный склона,
Когда съ мольбой къ Тебѣ взываю.

Да будетъ мысль моя чиста,
Грѣхи въ нее да не тѣснятса,
И огражденные уста
Тобой, какъ двери, охранятса!

Да сердце гордое мое
Не уклонится въ луть лукавыя
И беззаконіе свое
Да не сочтетъ стезею правыхъ.

Услышь, о Господи! меня,
 Когда съ мольбой къ Тебѣ взываю,
 Твой слухъ божественный склона,
 Когда Тебя я призываю.

А н т и ф о н ы.

1.

Отъ ранней юности моей
 Одоляемъ я страстами:
 О, Боже! милостью своей
 Спаси болящаго грѣхами.

2.

О, ненавистники Сіона!
 Господь огнемъ васъ посрамить;
 Васъ, лоругатели закона,
 Онь какъ траву испелелить.

3.

Отъ силы Духа всеблагой
 Душа и крѣпнеть и бодрѣть,
 И, возвышаясь чистотой,
 Единствомъ троицнымъ свѣтаѣть,
 Подобно золоту въ огнѣ,
 Въ священнотайной глубинѣ.

Т е о д о р ь С т у д и т ь .

Сегодня постъ мы воспоемъ,
 Всему онъ доброму начало:
 У удрученнаго грѣхомъ
 Исторгнетъ беззаконья жало.

**

Сегодня, братья, разорвемъ
 Грѣховное рукописање,
 Гдѣ братъ нашъ вписанъ должникомъ
 Корыстолюбнаго стяжанья.

**

Сегодня Богу воспоемъ
 И вищимъ раздадимъ имѣнье:
 Да въ локаяньи обрѣтемъ
 Души скорбщей исцѣленье.

Иоаннъ Златоустъ.

Мы херувимовъ клиръ святой
 Таинственно изображая
 Творящей Троицѣ живой
 Пѣснь тресвятую воспѣвая,—
 Отвергнемъ отъ души своей
 Въ сіи священныя мгновенья
 Всѣ о житейскомъ помышленья:
 Да вознесемъ Царя царей
 Незримо ангеловъ чинами
 Кольеносимаго надъ нами.

Григорій Двоеславъ

Съ незримой силой въ сослуженьи
 Мы нынѣ Богу предстоимъ:
 Царь славы въ жертвоприношеньи
 Таинственно коленосимъ.
 Приступимъ съ вѣрою любовной
 И „аллилуйя“ воспоемъ,
 Да къ жизни вѣчной и духовной
 И мы по смерти оживемъ.

Василій Великій.

Да замолчить въ насъ все плотское
 И трепеть да обыметъ насъ;
 Да мысль откинетъ все земное
 Въ сей страшный и великій часъ:

**

На добровольное страданье
 Грядеть Всесильный Царь царей
 И насъ, отдавшись на закланье,
 Питаетъ плотію своей.

**

Лицо крылами закрываетъ
 Многоочитый херувимъ,
 И „аллилуйя“ возглашаетъ
 Шестикрылатый серафимъ.

Ѳеостириктъ монахъ.*

I.

Хоть недостойные, всегда
Тебя безсильно воспѣвая,
Мы не умолкнемъ никогда,
О Богородица Святая!

Когда бъ предъ Господомъ за насъ
Не Ты съ молитвой предстояла,
То кто бы мѣръ отъ бѣдствій спасъ
И къмъ свобода бъ намъ сіяла?

Мы не отступимъ отъ Тебя,
Міровладычица благая!
Насъ ради Сына возлюбя,
Слеси, отъ лютыхъ избавляя.

II.

О, не вручи, Святая Дѣва,
Меня предстательству людей;
Отъ скорби, нужды и отъ гнѣва
Явись Заступницей моею!

Обуреваемый страстями,
Печалью лютой омраченъ,
Всегда поверженный врагами,
Безсиленъ, нищъ, изнеможенъ,—

Не въ силахъ я стерпѣть страданья,
Не знаю гдѣ найти локовь,
Чѣмъ утолить души роптанья,
Куда укрыться отъ враговъ.

Отъ скорби, нужды и отъ гнѣва
Явись Заступницей моею
И не вручи, Святая Дѣва,
Меня предстательству людей.

* Избранныя мѣста канона который поется „въ скорби душевной и въ обстояніи“.

III.

Благая Мать благаго Сына,
Скорбь у подножіа Креста,
Щедротъ и милостей лучина,
Всепелорочность, чистота!

*
*
*

О Ты, надежда безнадежныхъ,
Убогихъ лица и покровъ!
Слеси отъ думъ и дѣлъ мятежныхъ
Твоихъ озлобленныхъ рабовъ!

*
*
*

Не презри наше глѣснолѣвье,
Нась на молитву ускори
И, ускорясь на умоленье,
На насъ съ любовью воззри.

Псаломъ III, Давидовъ. *

Возстало множество людей,
Грозить мнѣ вражье ополченье,
И говорятъ душѣ моей:
„Нѣтъ въ Богѣ для него спасенья!“

*
*
*

Господь, какъ щить, передо мной,
Мнѣ славой голову вѣнчаетъ;
Къ Нему возвышу голосъ мой,
И Онъ съ горы святой внимаеть.

*
*
*

Я спать ложуся и встаю,
Зане Господь моя защита:
Пусть врагъ умножитъ рать свою,
Пусть тмами ихъ вся стель покрыта!

*
*
*

Возстань, о Господи! сласи
Меня отъ полчищъ нечестивыхъ;
Въ лицо ихъ прямо лоразу,
Людей мятежныхъ и строптивыхъ.

*
*
*

* Когда возсталъ на него Авессаломъ.

Господь на помощь мѣ придетъ,
 Мое единое спасенье,
 И приметъ отъ него народъ,
 Какъ отъ отца благословенье!

Изъ псалма LIV.

Не отъ врага страдаю я,
 Не недругъ мой меня порочить;
 Не онъ и злобу на меня,
 Какъ мечъ на бой, усердно точить.

* * *

О, я стерпѣлъ бы отъ врага,
 Воздалъ бы недругу презрѣньемъ,—
 Моя не дрогнула бъ нога,
 Духъ не исполнился бъ смущеньемъ.

* * *

Но ты!... Кого я такъ любилъ,
 Съ кѣмъ и скорбѣлъ, и веселился,
 И хлѣбъ и помыслы дѣлилъ,
 И въ храмъ Божию молился!

Псаломъ XXXVII, Давида.

Господь! не въ ярости Твоей
 Разоблачи мое дѣянье
 И не во гнѣвѣ, Царь царей,
 Назначь за грѣхъ мой воздаянье!

* * *

Я пораженъ Твоей стрѣлою,
 Она влилась глубоко въ тѣло;
 Надъ беззаконной головой
 Твоя рука отяжелѣла.

* * *

Нѣтъ мѣста цѣлаго во мнѣ
 Отъ гнѣва Твоего, Всесильный;
 Вся внутренность моя въ огнѣ,
 Я возмердѣлъ какъ трулъ могильный.

* * *

Умножились грѣхи мои
И съ головой меня покрыли;
Какъ бремя тяжкое, они
Въ земную персть меня вдавили.

* *

Влачусь, шатаюсь какъ тѣнь,
Согбенъ, страдаю безпримѣрно,
И горько плачу цѣлый день,
И сѣтую душой безмѣрно.

* *

О, Боже! явны предъ Тобой
Мои сердечныя желанья,
И не покрыты леденой
Ни плачъ, ни скорбь, ни воздыханья.

* *

Смутилось сердце, сокрушенъ,
Оставленъ силою моею,
И свѣтъ очей моихъ, и онъ
Меня бѣжить, стремясь за мною.

* *

Меня покинули друзья
И стали ближніе далече
И, одинокъ, готовлюсь я
Съ врагами къ непосильной сѣчѣ.

* *

Чтобъ мнѣ сильнѣе досадить
Бранятся вслухъ какъ злыя дѣти
И ищутъ душу погубить,
И на нее готовить сѣти.

* *

А я не слышу какъ глухой
И усть своихъ не открываю,
Я безотвѣтенъ какъ нѣмой,—
Но я на Бога уповаю.

* *

Да не порадуется врагъ
Что я оставленъ ужь Тобою.
Нѣтъ силы у меня въ ногахъ,
И воззгодились надо мною!

* *

Яви же милость мнѣ свою,
Тебя, о Боже! умоляю:
Влоливъ я грѣхъ свой сознаю
И беззаконья не скрываю.

* * *

Я падаю въ могильный ровъ,
И душу мнѣ печаль ловила,—
А все растеть число враговъ
И укрѣпляется ихъ сила!

* * *

За то что дружествъ я съ добромъ
Глумятся надо мной обидно
И, залативъ за благо зломъ,
Возстали на меня безстыдно.

* * *

Не удаляйся, не оставь,
Меня, о Боже, мой Спаситель!
И отъ враговъ меня избавь,
Помощникъ мой и Покровитель!

Псаломъ XLII, сыновъ Кореевыхъ.

Какъ жаждеть въ знойный часъ олень
Отъ водъ источника напиться,
Такъ духъ мой жаждеть въ горькій день
Тобой, о Боже, усладиться.

* * *

Возжаждала душа моя
Могучаго, живаго Бога...
Когда жь Твой ликъ увижу я,
Лицо и благоство, и строго?

* * *

Насытилась душа моя
Солено-горькими слезами;
И день, и ночь скитался я,
Гонимый мощными врагами.

* * *

И возглашаютъ мнѣ они:
„Гдѣ Богъ, твой щитъ и оборона?“
И вспомнилъ я былые дни,
Тѣ дни, какъ жилъ въ стѣнахъ Сіона;

* * *

Когда народомъ окружень,
 Я въ Божій домъ входилъ ликуя;
 Когда, побѣдой окрыленъ,
 Я громко славилъ „аллилуйя“.

* *

Что ты смутна, душа моя,
 И злою скорбью омрачилась?
 Еще спасеть Господь меня,
 Чтобъ ты хвалою Ему излилась.

* *

Но Ты покрылъ меня волной,
 Но духъ мой въ горѣ утопаетъ,
 И бездна бездну надо мной,
 Шума водами, призываетъ.

* *

Богъ явить милость мнѣ Свою,
 Даетъ ополчить меня на битву,
 И пѣснь я ночью воспою,
 Живому Господу молитву.

* *

Скажу: „зачѣмъ меня забылъ,
 Мнѣ душу напоилъ слезами?
 Зачѣмъ, о Боже! попустилъ
 Мнѣ быть лоругану врагами?“

* *

Что ты смутна, душа моя,
 И злою скорбью омрачилась?
 Еще спасеть Господь меня,
 Чтобъ ты хвалою Ему излилась!

Псаломъ СII, Давидовъ.

Благослови, душа моя,
 Господне имя пресвятое;
 Не забывай что насъ любя
 Господь даруетъ все благое.

* *

Онъ отпускаетъ тяжкій грѣхъ,
 Насъ отъ болѣзни исцѣляетъ
 И, Дарователь всѣхъ утѣхъ,
 Нашъ домъ щедротами вѣнчаетъ.

* *

Онъ, прогоняя ада мгла,
 Насъ избавляетъ отъ могилы;
 Какъ вѣчно-юному орлу,
 Господь намъ обновляетъ силы.

* *

Къ различію добра и зла
 Путь указалъ Онъ Моисею;
 Свершилъ Израилю дѣла
 Высокой мышцею Своею.

* *

Свой судъ обиженнымъ творить;
 Богатъ и щедръ долготерпѣвьемъ,
 Не до конца свой гнѣвъ хранить,
 Насъ наказуя съ снисхожденьемъ.

* *

О, многомилостивъ Творецъ!
 Не вѣчно Онъ враждуетъ съ нами;
 Онъ насъ ущедритъ какъ отецъ
 И наречетъ себѣ сынами.

* *

Всѣ беззаконья отстранить
 Господь отъ чадъ своихъ далеко:
 Такъ западъ темный отстоитъ
 Отъ свѣтозарнаго востока.

* *

Онъ помнитъ что мы прахъ земной,
 Онъ скоротечность нашу знаетъ:
 Растемъ траввою полевой,
 Какъ цвѣтъ жизнь наша увядаетъ.

* *

На поле вѣтеръ набѣжитъ,
 И цвѣтъ погибъ отъ дуновения!
 И не узнаетъ гдѣ лежитъ,
 Ни мѣста своего цвѣтеня!

* *

Преходитъ быстро человекъ
 И скроется въ земное лоно;
 Но милость Божія во вѣкъ
 На всѣхъ хранителяхъ закона.

* *

Господня правда на сынахъ
И внукахъ вѣрныхъ пребываетъ.
Его престолъ на небесахъ,
Какъ царь Онъ всѣмъ обладаетъ.

* *

Благословите же Творца
Всѣ ангелы его святые,
Творя съ веселиемъ лица
Его вѣднія благія.

* *

Благословите всѣ дѣла,
Творенье рукъ его высокихъ,
И да гремитъ Его хвала
Въ предѣлахъ близкихъ и далекихъ.

* *

Благослови, душа моя,
Господне имя пресвятое!
Не забывай что насъ любя,
Господь даруетъ все благое.

Ученіе любви Апостола Павла.*

Господь за насъ пролившій кровь
И плоть отдавшій на закланье
Вложилъ намъ въ сердце улованье,
Святую вѣру и любовь.
Три пребываютъ нынѣ съ нами,
Но двухъ другихъ любовь сильнѣй:
Владѣи я всѣми языками
И силъ небесныхъ, и людей,
Но еслибы притомъ не знала
Святой любви душа моя,—
Звенящей мѣдью былъ бы я,
Пустымъ брацаніемъ кимвала.

* *

О, Боже! силою любви
Унылый духъ мой обнови.

* *

* I Кор. XIII.

Владѣя даромъ прорицанья,
 Имѣя всякое познанье,
 Пусть мы и вѣру обрѣли
 Переставляющую горы,
 Пусть проникають наши взоры
 Всѣ тайны неба и земли,
 Пусть раздаримъ мы все имѣнье
 И отдадимся на сожженье,—
 Но если нѣтъ въ душѣ любви,
 То всѣ дѣянiя сiи
 И безлолезны, и ничтожны,
 Какъ мiръ и призрачны, и ложны.

* * *

О, Боже! силою любви
 Мой духъ унылый оживи.

* * *

Любовь добра, любовь мирна,
 Кротка и долготерпѣлива;
 Не возносяся горделиво,
 Не знаетъ зависти она.
 Строптивой думой не бушуя,
 Любовь не ищетъ своего;
 Объ истинѣ одной ревнуя,
 Не мыслить зла ни на кого.
 Ея богатство—упованье,
 Она свисходить ко всему
 И вѣра волреки уму
 Все перевозитъ безъ ролтанья.

* * *

О, Боже! силою любви
 Унылый духъ мой обнови.

* * *

Умолкаетъ гордый человекъ,
 И прорицанье прекратится,
 И даже разумъ упразднится,
 Но будетъ жить любовь во вѣкъ.
 Неполово нынѣ наше знанье,
 Но совершенное придетъ;

Любовь съ собою принесеть
Всесовершенство, созерцанье.

* * *

О, Боже! силою любви
Мой духъ увылый обнови.

* * *

Когда дитятею я былъ,
То какъ младенецъ говорилъ,
Согласно съ дѣтскимъ разумѣньемъ,
Съ моимъ ребяческимъ сужденъемъ.
Я мужъ—и дѣтское забылъ.
Мы нынѣ видимъ какъ въ гаданьи:
Лицомъ къ лицу, при полномъ знаньи,
Познаю я, какъ познавъ былъ.

* * *

О, Боже! силою любовной
Насъ къ жизни воскреси духовной.

Д. АВЕРКІЕВЪ.

Августа, 1881.

Любань.

ПО НИЛУ

И

НА СУЭЗСКОМЪ КАНАЛѢ *

Х.

6 февраля.

• Сегодня мы осмотрѣли на западномъ берегу Рамезеумъ или Мемноніумъ Рамезеса II, гробницы Шеикъ Абдъ-эль-Гурне, храмъ Деиръ-эль-Мединъ и группу разваливъ Мединетъ-Абу, а на восточномъ болѣе подробно ознакомились съ Луксорскимъ храмомъ.

Къ западнымъ памятникамъ общество поѣхало тѣмъ же путемъ, чрезъ каналъ, потомъ мимо колоссовъ; другой дороги кажется нѣтъ. Далеко за колоссами въ пустынѣ, у подошья скалъ, черною нитью тянулось похоронное шествіе; повернувъ по направленію къ востоку, оно выпло къ намъ изъ колоннадъ Рамезеума. Процессія состояла почти исключительно изъ женщинъ, въ обычныхъ черныхъ одѣяніяхъ. Мушны присутствовали только въ качествѣ переносчиковъ: подъ звуки сподручной лѣсви медленно тащили они на носилкахъ тѣло зашитое въ грубый мѣшокъ.

По внѣшнему виду, кромѣ величественности присущей всѣмъ египетскимъ храмамъ, Мемноніумъ отличается еще

* См. *Русск. Вѣстн.* 1881 №№ 9 и 10.

изяществомъ, которымъ отчасти обязанъ разрушенію. Наружныя его стѣны сохранились въ немногихъ мѣстахъ, такъ что съ перваго взгляда храмъ являетъ собраніе однихъ колоннъ, нерѣдко очень красивыхъ. Большая часть ихъ изображаетъ стебли лотоса и папируса, увѣчанные распутившимися цвѣтами и усѣченными бутонами; есть и такъ-называемые „озириды“—четырегранные столбы, подпертые съ одной стороны кариатидою представляющею слепенатаго владыку подземнаго царства. Четыре такіа колонны съ обезглавленными статуями какъ бы служатъ фасадомъ.

Внутри три четверти помѣщеній тоже разорены. Изъ уцѣлѣвшихъ достойны замѣчанія большая зала, потолокъ которой съ ларящими по звѣздному небу орлами поддержанъ 48 колоннами, и комната рядомъ, „гдѣ хранились книги Тота“, т.-е. бібліотека съ надписью надъ входомъ: „услада души“ * и символическимъ изображеніемъ на плафонѣ двѣнадцати египетскихъ мѣсяцевъ. По стѣнамъ примѣтилъ я лишь нѣсколькихъ наполовину стертыхъ боговъ съ выколупанными головами, да какое-то непонятное дерево, симметрично распростершее свои вѣтви и листья. Мастера живописать людей и особей животнаго царства, коимъ въ картинахъ придается только извѣстная степенъ безобразія, имѣваемая египетскою печатью, художники фараоновъ совсѣмъ не умѣли рисовать растеній—впрочемъ и рисовали-то ихъ рѣдко. Тогда какъ всякій ребенокъ можетъ на рисункахъ египетскихъ памятниковъ опредѣлить породы млекопитающихъ, птицъ и рыбъ, изображенія деревьевъ и злаковъ ставить въ туликъ самыхъ смѣлыхъ египтологовъ, даже тѣхъ что вращаясь въ кругу своихъ обычныхъ изысканій, трудно поддающихся посторонней провѣркѣ, ни на минуту не задумаются надъ истолкованіемъ мудренѣйшихъ іероглифовъ, иносказательныхъ знаковъ или эмблемъ.

Самыя важныя картины—богатый матеріалъ для исторіи Рамзеса II—иссѣчены частью на уцѣлѣвшихъ наружныхъ стѣнахъ, частью на завалившихся пропилонахъ: это длинная боевая поэма,—мѣстная *Илиада* въ лицахъ, поясненная краткимъ текстомъ.

На стѣнахъ передано со всѣми подробностями сраженіе на

* Діодоръ. (Теперь надписей боаѣ не существуетъ.)

берегу „Арунты“ (Оронтеса), подъ крѣпостью Кедешомъ, главнымъ городомъ азіятскаго племени *Хиттимъ* или *Хата* (Хеттеи Библии), приведены нѣкоторыя церемонія, какъ-то коронація, священное „обрѣзаніе виноградныхъ лозъ“ и т. п., а также изображены двадцать три сына и три дочери великаго завоевателя.

На западномъ пропилонѣ Рамзесъ въ четвертый годъ своего царствованія беретъ пятнадцать азіятскихъ городовъ; въ списокѣ ихъ встрѣчается имя іероглифическаго Салама, библейскаго Иерусалима. Военныя сцены довольно разнообразны: сомкнувъ щиты, идетъ египетская пѣхота, за нею движется отрядъ *конныхъ* колесницъ (вчера въ первый разъ видѣлъ я южнѣ Каира лошадь въ натурѣ, сегодня въ первый разъ вижу ея барельефное подобіе. Лошади, какъ сказано выше, были введены въ Египетъ Раксами, * но встрѣчаются онѣ лишь на памятникахъ XVII и позднѣйшихъ династій); побѣдители овлаживаютъ военною добычей—угонаютъ скотъ, уносятъ драгоценности; лѣвыхъ ведутъ на веревкахъ, бьютъ, хватаютъ за бороду и проч.

На восточномъ пропилонѣ совершаются событія пятаго года царствованія. Рамзесъ идетъ походомъ противъ того же племени Хета. Всюду исподвольскаго роста въ непередаваемо-хвастливомъ тѣлоположеніи, онъ пускаетъ стрѣлы въ бѣгущаго непріятеля или стоитъ среди сражающихся съ боевымъ топоромъ въ рукѣ.

Вблизи Мемноніума находится развалившаяся сводчатая постройка; на кирпичахъ ея выбито кельмо Рамзеса II; говорятъ, она предназначалась для изготовленія мумій.

Однако любопытнѣе всего лежація на пескѣ возлѣ самыхъ колоннъ храма Каменные глыбы. Сначала онѣ показались мнѣ безформенными, потомъ я призналъ въ нихъ части огромной статуи. Это невѣдомою силой поваленный и разбитый колоссъ Рамзеса Великаго, размѣрами превосходящій даже болвановъ Амунофа III. По приблизительному расчету обломки въ совокупности вѣсятъ 900 тоннъ. Ноги отъ колѣнъ внизъ и престолъ раздроблены на мелкіе куски; остальная часть перебита у пояса. Несмотря на всѣ старанія, я ни откуда не могъ на нее вскарабкаться. На подставѣ было написано: „я царь царей, Озимандіасъ; кто хочетъ знать, какъ я великъ и гдѣ лежу, тотъ превзойди меня въ одномъ изъ моихъ

* XIII—XVI династіи (2194—1701).

твореніи!“ * Но люди забывшіе думать о величій „царя царей“ давно нашли мѣсто гдѣ онъ лежалъ ** и, ограбивъ, уничтожили его гробъ; въ лучшемъ его „твореніи“, полуразрушенномъ Мемноніумѣ, какою-то несмолкаемою насмѣшкой звучать дерзкій пискъ и щебетаніе воробьевъ, въ несмѣтномъ числѣ гнѣздящихся по архитравамъ и карнизамъ, а изъ поверженнаго каменнаго туловища Арабы выпиваютъ себѣ жернова...

Въ скалистыхъ горахъ, саженяхъ въ двухстахъ отъ храма, чернѣютъ на разной вышинѣ прямоугольные, почти квадратные входы могилъ Шеихъ Абдъ-эль-Гурнэ. *** Названіе это заимствовано у жалкой деревушки, отчасти залѣпившей кладбище. Гробницы преимущественно бени-гассанскаго типа (горизонтальная комната на одномъ уровнѣ со входомъ), хотя и пронумерованы тѣмъ же г. Гарднеромъ Цилькинсомъ, однако не рѣдко обращены въ жильё; снаружи пристроены лишь небольшія свѣцы въ видѣ закутъ. Мы посѣтили только свободный отъ постоа тридцать латый номеръ, усыпальницу знатнаго жреца времени Тутмеса III. **** Главное помѣщеніе представляетъ сначала низкій, а потомъ очень высокій корридоръ; полъ его постепенно опускается, тогда какъ потолокъ остается горизонтальнымъ. Стѣны сплошь покрыты тонкою живописью на цементѣ, испорченною во многихъ мѣстахъ путешественниками, но тѣмъ не менѣе сохранившею прелесть законченнаго эпического разказа. Разнообразныя сцены переносятъ зрителя въ мирное теченіе стародавней будничной и праздничной жизни.

Весьма тщательно написанные коричневые люди ростомъ съ небольшую куклу, разсыпавшись по всей гробницѣ, изсѣкаютъ колоссовъ и сфинксовъ, готовятъ кирпичи или канаты, занимаются кузнечнымъ мастерствомъ, обѣдаютъ при звукахъ музыки и т. п. Между прочимъ на разграфленной стѣнѣ въ пяти вереницахъ одни надъ другими слѣдуютъ старѣйшины нѣкоторыхъ африканскихъ и азіатскихъ племенъ,

* Діодоръ.

** Номеръ седьмой въ Бабъ-эль-Медюкъ.

*** См. выше. Относятся къ XVIII и XIX династіямъ.

**** Интересны также номера шестнадцатый и четырнадцатый; въ послѣднемъ изображено множество свиней, кажется, нигдѣ на другихъ египетскихъ памятникахъ не встрѣчающихся.

предлагающіе подарки или платящіе дань Тутмесу III. Въ верхней половѣ идутъ черные и бурые Негры, „изъ страны Пуэты“ съ леопардами, обезьянами, мѣхами, слоновою костью, сухими плодами и т. п. Во второй язычники изъ Куфы, краснокожіе люди въ сандаліяхъ и съ длинными вьющимися черными какъ смоль волосами, несутъ въ даръ ожерелья и вазы изящныхъ очертаній. Третьими шагаютъ „язычники съ полудня“, Эіюлы, съ золотыми кольцами, мѣлкими золотой пыли (или драгоценныхъ камней), страусовыми яйцами и перьями, звѣринными шкурами, чернымъ деревомъ, рогатымъ скотомъ, жирафами и борзыми собаками. Въ четвертомъ ярусѣ двигаются начальники какого-то бѣлолицаго племени „Ротену“ (Каладокійцы?); у нихъ длинные бѣлые одѣянія, перчатки, бывшія, по Ксенофонтѣ, въ употребленіи у Персовъ, и небольшія бороды, представляющія на египетскомъ рисункѣ рѣдкое исключеніе; подношенія состоятъ изъ сосудовъ, лошадей, колесницы, слона и медвѣдя. Въ пятой, нижней графѣ идутъ Египтяне, „южныя язычницы“, съ дѣтьми въ корзинахъ, и жены Ротену. Противъ каждаго ряда подъячіе дѣлаютъ подробную опись сваленнымъ въ кучи дарамъ.

Децръ-эль-Мединэ, куда мы отправились изъ Шеикъ-Абдъ-эль-Гурэ, есть небольшой храмъ богини Аторъ, обнесенный высокою кирпичною городьбой. Въ позднѣйшее время, какъ указываетъ самое его названіе (*децръ*—церковь или точнѣе монастырь), а равно и множество арабскихъ надписей по стѣнамъ, онъ служилъ христіанскою церковью. Храмъ заложенъ Филопаторомъ * и оконченъ Фискономъ **. На барельефахъ оба эти Птолемея, а также Птолемей VII, Филометоръ *** и мать его—правительница Клеопатра I приносятъ жертвы богамъ. На одной стѣнѣ представлено судилище того свѣта. Сорокъ два неизвѣстныхъ судіи подъ предсѣдательствомъ Озириса вершаютъ судьбы умершихъ; предъ Озирисомъ на бутонѣ лотоса стоятъ четыре генія смерти, возлѣ изображенъ египетскій Церберъ женскаго пола, а на посохѣ бога сидитъ Хака-ле-хротъ, передѣланный Греками въ Гарлократа (богъ молчанія.) Орусь вѣситъ сердце покойнаго, то-есть его

* Птолемей IV (221—204 до Р. X.).

** Фисконъ, т.-е. толстобрюхъ—прозваніе Птолемея X Эургета II (169—116 до Р. X.).

*** (181—145 до Р. X.).

добрыя дѣла; сердце лежитъ на одной чашкѣ вѣсовъ, а на другой лежатъ страусовыя перья, символъ чистоты и безпорочности. Богиня справедливости, Ма, со страусовымъ перомъ въ прическѣ, приводитъ душу, шествуя въ двойномъ образѣ— и спереди, и сзади нея. Ма носить иногда ловазку на глазахъ и называется также Мец, съ членомъ—Т'Мец, звукъ напоминающій имя соответствующаго греческаго божества, *Θεμίδυ* *. Тотъ, ибисоголовый богъ письменъ и всякой премудрости, отмѣчаетъ что-то на дощечкѣ, вѣроятно записываетъ вѣсь добрыхъ дѣлъ и подводитъ итоги качествамъ души.

— Въ ней нѣтъ грѣха! говоритъ богиня справедливости.

Группа Мединетъ-Абу состоитъ изъ двухъ храмовъ, малаго и большаго, и остатковъ дворца Рамзеса III. Мы заключаемъ ею всякіе осмотры на лѣвомъ берегу рѣки. Название Мединетъ-Абу принадлежитъ колтскому городку, скоропреходящія развалины котораго еще лежатъ кругомъ вѣчныхъ развалинъ древне-египетскихъ памятниковъ.

Малый храмъ посвященный Аммону-Ра замѣчателенъ развѣ количествомъ своихъ зиждителей; въ немъ встрѣчаются имена основательницы, неразгаданной фараонши Хатасу, братьевъ ея Тутмесовъ, Рамзеса III, Тазарка, Ахориса, Нектанебо, Фискона, Латира, ** Автократора (Августъ Цезарь Октавіанъ), Адриана Діонисія, Тита, Элія, Антонина Благодѣтельнаго и другихъ.

Большой храмъ являетъ образецъ живописнѣйшей египетской руины; онъ не похожъ на тѣ хорошо сохранившіяся

* Нѣкоторые производятъ *Θεμиду* отъ Т'Мец, но Геродотъ, переимчившій главныхъ египетскихъ боговъ на ладъ греческой мѣологии, исключаетъ *Θεμиду* изъ числа тѣхъ божествъ имена коихъ перешли, по его словамъ, изъ Египта въ Грецію (§ L, кн. II.)

** *Тазарка* фараонъ XVIII династіи (VII и VIII вѣкъ до Р. X.) разбиваетъ Ассирійскаго царя Сеннахериба (Сеннахеримъ Бибаіи) и освобождаетъ Іерусалимъ; въ послѣдствіи побѣжденъ сыномъ его Асаргадономъ, и при попыткѣ возстанія противъ ассирійскаго владычества, усмиренъ внукомъ Сеннахериба Асурбанипаломъ (Сарданпаломъ). Упоминается въ Бибаіи подъ именемъ Тургаки: „И усамшалъ оъ (Сеннахеримъ) о Тургакъ, царѣ Египетскомъ и проч.“ (Четв. кн. Царствъ, гл. XIX, ст. 9, также книга прор. Исаіи, гл. XXXVII, ст. 9). *Ахорисъ* отъ 393 до 380 до Р. X. (XXIX династіи). *Нектанебо* 358—340 (XXX дин.). *Латиръ*—Птоломей X, Сотеръ II, отъ 116 до 81 г. до Р. X.

капища, наглухо замураванныя, подобныя снаружи каменнымъ гробамъ египетскихъ развалинъ и осматриваемыя внутри, какъ могильныя скалы, при свѣтѣ факеловъ: здѣсь всѣ крыши давно рухнули, и внутренность храма обратилась въ вереницу залитыхъ блескомъ дворовъ, соединенныхъ между собою красивыми пилонами, которые длинною свѣтлою перспективою уходятъ въ глубь. И какъ хороши теперь эти небесныя залы съ ихъ высокими стѣнами, съ рядами колоннъ вдоль перистилей, съ легкою воздушною окраской карнизовъ и капителей, еще не влодѣвъ выцвѣтшею на ослѣдительномъ солнцѣ, и съ небомъ вмѣсто потолоковъ.

На стѣнахъ жрецы жгутъ куренія предъ Рамзесомъ III, а онъ приносить жертвы божествамъ, участвуетъ въ праздничныхъ церемоніяхъ или коронуется надвѣя „вѣнецъ верхнихъ и нижнихъ областей“, * о чемъ голуби-вѣстовщики летать объявить богамъ полудня, полумочи, восхода и заката“.

Снаружи барельефы касаются почти исключительно военныхъ событій его царствованія. Десять главныхъ картинъ слѣдуетъ отнести къ походамъ противъ племенъ Ребу или Либу (Ливійцевъ) и неизвѣстныхъ Таккаро или Ти-ку-ри: 1) фараонъ на колесницѣ въ сопровожденіи ручнаго льва дѣлаетъ смотръ своимъ воскамъ. ** 2) Въ кроволитной сѣчѣ Египтяне одерживаютъ побѣду надъ Ребу. 3) Приводится въ извѣстность количество боевыхъ трофеевъ, то-есть отрѣзанныхъ рукъ и языковъ непріятели, часть уже сосчитана, другая въ гудахъ подъ наблюденіемъ военачальниковъ подносится фараону. 4) Составляется опись военной добычѣ—отбитымъ у враговъ палицамъ, лукамъ и дротикамъ. 5) Египетскія войска продолжаютъ свое побѣдное шествіе въ непріятельскомъ краѣ; предводилцій имъ Рамзесъ держитъ въ одной рукѣ мечъ и лукъ, въ другой ллетку. 6) Египтяне обращаютъ въ бѣгство Ти-ку-ри, женщины и дѣти коихъ спасаются въ повозкахъ запряженныхъ быками. 7) При переходѣ черезъ болото фараонъ чуть не погибаетъ отъ дикихъ львовъ; два уже убиты имъ, а третьяго готовится встрѣтить ударомъ копья. 8) Происходитъ сраженіе на водѣ: боевыя каторги, не похожія на обыкновенныя гребныя и парусныя суда, имѣютъ особыя

* Вѣнецъ фараоновъ обыкновенно состоитъ изъ соединенія двухъ отдѣльныхъ коронъ—верхне-египетской и ниже-египетской.

** Озимандіасъ, Рамзесъ II, по преданіямъ, тоже имѣлъ при себѣ льва на войнѣ.

ствѣки у бортовъ для прикрытія команды; египетскія лодки отличаются отъ непріятельскихъ львиною головою, изваянною на носу; съ берега Рамзесъ съ лѣхотинцами разитъ враговъ стрѣлами. 9) Египтяне ведутъ пленныхъ, складываютъ въ кучи предъ воеводами непріятельскія руки и получаютъ награды отъ фараона. 10) Возвращающійся съ похода побѣдитель торжественно вступаетъ въ Оивы и привоситъ жертвы Оиванской триадѣ божествъ: Аммову, Хонзу и Муть. *

Прочіе барельефы, частію на самомъ храмѣ, частію на его пропилонахъ, представляютъ войну съ какими-то Азіатами и сводятся къ штурмованію укрѣпленныхъ городовъ.

Дворецъ (отъ него сохранилось немногое) служилъ какъ бы дополненіемъ большаго храма. На наружныхъ стѣнахъ этой башнеобразной развалины изображены азіатскіе и африканскіе владетелины, побѣжденные Рамзесомъ III: „презрѣнный царь Аймаріевъ“ (не Амморей ли Библии?) „презрѣнный царь Хетовъ“ (Хеттеевъ), „князь враждебныхъ Таккаро“, „князь жалкихъ Хушитовъ“ и множество другихъ; все это очевидно портреты; сквозь обычныя уродства египетскаго рисунка проглядываютъ тилческія особенности каждаго лица. Живопись внутри дворца знакомитъ насъ съ тихими радостями семейной жизни, которыя когда-то вкушалъ Рамзесъ; жены и дочери олаживаютъ его вѣрами, предлагаютъ цвѣты или играютъ въ шашки, какія уже попадались намъ въ нусскихъ могилахъ. Домочадцы почтительно стоятъ окрестъ владыки; онъ одинъ сидитъ и милостиво держитъ за подбородокъ ближайшую подругу.

Завтракаемъ мы въ одной изъ залъ большаго храма, свободно вмѣщающей туристовъ, передвижную ярмарку, погонщиковъ, утомленныхъ ословъ, скученныхъ и неподвижныхъ какъ стадо овецъ въ жару во время привала, и верблюда съ провизіей и складными стульями для дамъ. Верблюдъ стоитъ въ одиночествѣ на солнцекѣ среди обломковъ завалившагося потолка; привязанный къ разбитой колоннѣ, остатку когда-то ютившейся здѣсь христіанской церкви, онъ неуклюже почесываетъ себѣ голову заднею ногою.

Передвижную ярмарку мы собрали по дорогѣ; всякій встрѣчный присоединялся къ намъ, примкнули даже два, три носиль-

* Муть богиня весьма схожая съ Изидой и Аторъ; имя ея часто употребляется вмѣсто имени Изиды.

щика отдѣлившіеся отъ похороннаго шествія. Я узнаю вчерашнихъ продавцовъ антиковъ, водоносовъ, мальчишекъ съ овчаркой, облеченныхъ по случаю вѣтренаго дня въ длинные какъ саванъ рубахи, Араба съ мертвою головой подъ мышкой, хаджі * продававшего мнѣ въ Бабъ-эль-Мелюкъ почернѣлую какъ обугленную мумію ибиса; ** словомъ, узнаю всѣхъ и каждаго. А сколько проходитъ предъ глазами до тонкости извѣстныхъ монетъ, священныхъ обезьянокъ Тота изъ голубой глазури, фальшиваго древняго стекляруса и въ особенности жучковъ только-что вышедшихъ изъ мастерской.

Въ числѣ случайныхъ посѣтителей Медиветъ-Абу находится и Фатьма, веселая, смѣющаяся, неузнаваемая. Утромъ, когда мы подѣзжали къ Рамезеуму, а она по-вчерашнему бѣжала рядомъ со мною, красиво опираясь на осла, Ирландецъ, который и на скаку не отрываетъ взоровъ отъ своей супруги, сшибъ мою вѣрную спутницу съ ногъ. Безъ крика, безъ шума, точно скомканная одежда упала она на песокъ, но вскочивъ на ноги, горько заплакала—оттого ли что кувшинъ разбился въ дребезги, или оттого что, падая, она прикусила себѣ кончикъ языка. Пока дѣвочка вылевывала на руку окровавленные серебряные полуіастры, смущенный Ирландецъ подошелъ къ ней и подарилъ пятифранковикъ. Отъ радости она мгновенно похорошѣла, если только могла похорошѣть; румянецъ дѣтскаго блаженства разлился по ея смуглому лицу, глаза расширились и засіяли ярче, свѣтлая улыбка показала два ряда сахарныхъ зубовъ, и если до сихъ поръ я не былъ влюбленъ въ Фатьму, то конечно теперь долженъ былъ влюбиться по уши. Іастры она положила въ прежній кошелекъ, а пятифранковикъ отдала мнѣ на храненіе; видно ей отъ роду не приводилось держать во рту такихъ большихъ денегъ. Между тѣмъ маленькіе водоносы и водоноски, глядя съ нѣкоторымъ смиреніемъ на красавицу Фатьму и завидуя въ душѣ ея благополучію, вѣроятнo представляли себѣ Фортуны не въ образѣ ловязанной женщины на колесѣ, а въ видѣ плотнаго туриста съ круглыми

* Правовѣрный побывавшій въ Меккѣ носить вокругъ головы обмотъ (турбанъ) и зовется хаджі.

** По словамъ Геродота, были и „весьма черные ибисы“. Порода эта кажется существуетъ и теперь,—прилетаетъ въ Египетъ только летомъ. Скончавшихся ибисовъ сохраняли въ высокихъ ганчяныхъ горшкахъ или вазахъ.

глазами, который на всемъ скаку сшибаетъ своихъ избранниковъ.

Возвратившись на правый берегъ, мы приступили къ осмотру Луксорскаго храма, или точнѣе пошли гулять по деревнѣ, расположенной главнымъ образомъ поверхъ его замъ и переходовъ. Снаружи надъ землей отъ него сохранилось мало признаковъ: двойной рядъ столбовъ, на двѣ трети погруженныхъ въ пескахъ консульской площади, группа колоннъ въ одномъ концѣ деревни, да пропилоны въ другомъ. Но какъ естествоиспытатели по одной челюсти допотопнаго животнаго рисуютъ все его обличіе, такъ археологи по немногимъ остаткамъ Луксорскаго храма возстановили его общій планъ. Конечно, путешественникъ предоставленный самому себѣ ни до чего бы не додумался.

Храмъ строился Амунофомъ III, Орусомъ * и Рамзесомъ II; позднѣйшіе цари прибавили только нѣсколько украшеній и іероглифовъ. Зданіе сооружалось у самаго Нила, вдоль его берега, и Рамзесъ, продолжая постройку въ длину, долженъ былъ въ виду загиба образуемаго рѣкой слегка отклониться отъ первоначальнаго направленія, вслѣдствіе чего ось храма представляетъ не прямую, а ломаную линію. Обстоятельство это служитъ къ выщепленію лутавницъ при ориентировкѣ.

Еще труднѣе по жалкимъ и рѣдкимъ развалинамъ судить теперь о великолѣпнѣи громадной божицы, которую Арабы въ прежнія времена принимали за собраніе дворцовъ: Луксоръ, т.-е. „эль-Косуръ“ (мавританское „Аль-Казаръ“), значитъ—дворцы.

Четырнадцатиколонная галлерей, гдѣ пригнѣздился Мустафа Ага, воздвигнута Орусомъ. Если, дойдя до нея, отъ пристани повернуть налѣво, то-есть приблизительно къ сѣверо-востоку, очутись надъ переднимъ отдѣленіемъ храма, или большимъ Рамзесовымъ дворомъ, на главной деревенской улицѣ. Отъ двора поверхъ земли ничего не осталось; въ одномъ только мѣстѣ выглядываетъ изъ пыли капитель служащая опорой для убогой лачужки. На улицѣ находится единственная въ деревнѣ мечеть и грязная лавочка съ продажей гвоздей, веревокъ и мѣшаной дрови. Въ концѣ улицы триумфальными воротами стоятъ высокіе пропилоны, отъ которыхъ вель къ Карнаку трехверстный дромось; на вершину одного изъ нихъ можно взойти по внутренней лѣстницѣ, перебравшись

* Иначе Оремхемъ, фараонъ XVIII династіи (1597—1447).

сначала чрезъ крышу присоединеннаго къ нему домика; однако лѣстница обвалилась, и восхождение не безопасно. На пропилонахъ въ числѣ другихъ рисунковъ изсѣчена картина схожая по содержанію съ однимъ изъ барельефовъ Мемноніума, а именно взятіе Кедеша на Арувѣ,—событіе изъ войны съ Хеттеями. Тутъ же по обыкновенію главная надпись превеличиваетъ заслуги Рамзеса II: „Божественный охранитель“, говорится въ ней, завоеватель Нубіи, онъ въ одно мгновеніе истребилъ десять милліоновъ и народы обратилъ въ прахъ. Никого нельзя съ нимъ сравнить.“ Хвастливость текста переступаетъ на этотъ разъ предѣлы дозволеннаго; самъ же фараонъ въ карикатурно-напыщеннои позѣ смахиваетъ немного на продавцовъ Арабовъ, когда они высокомерно запрашиваютъ за какую-нибудь совершеннѣйшую дрянь „twenty five sovereigns“. По ту сторону пропилоновъ сливой къ нимъ сидятъ его черногранитные колоссы, по грудь ушедшіе въ землю, какъ каменные бабы на нашихъ курганахъ. Впрочемъ до верху остроконечныхъ шпатаковъ остается еще три сажени; между плечъ считается $4\frac{1}{2}$ аршина; лица совсѣмъ выбиты. Повернувъ изъ триумфальныхъ воротъ нѣтъ выходясь въ некоторомъ отдаленіи на такого же точно колосса. У праваго пропилона возлѣ колосса стоитъobeliskъ изъ краснаго гранита, покрытый отъ основанія до верху глубоко вѣзданными лисьменами. Это одинъ изъ лучшихъ въ мірѣobeliskовъ; въ немъ почти сорокъ аршинъ вышины. Онъ продолжаетъ благоденствовать подъ жизнедарнымъ небомъ Египта, въ то время какъobeliskъ увезенный Наполеономъ I въ Парижъ на Place de la Concorde быстро вывѣтривается и гибнетъ на чужбинѣ.*

Вернувшись къ столбамъ Оруса и направившись отъ нихъ въ сторону противоположную пропилонамъ (то-есть на юго-западъ), вступаешь въ самую старинную часть храма, построенную Амувофомъ III. Слѣва она кажетъ изъ-подъ почвы группы своихъ колоннъ, далѣе же мало-по-малу исчезаетъ; арабскіе домики стоятъ надъ его крышей, и въ нѣкоторые локи входилъ какъ въ подземелье. Стѣнная живопись и барельефы этого отдѣла сохранились довольно хорошо. Въ

* Для нарузки его отъ рѣки до его подножія былъ прорытъ каналъ.

помѣщеніи служившемъ Колтамъ церковью, на рисункахъ египетской мѣлологіи написаны христіанскіе образа,

Но краски новыя съ годами
Спадають ветхой чешуей.

Иероглифы упоминають о походахъ противъ племенъ Еѳіопіи и Мессопотаміи—Хумъ и Нахарейнъ.

XI.

7 февраля.

Въ пустыню, на волю, на охоту! Хоть на нѣсколько часовъ отдохнуть отъ заведеннаго порядка, отъ г. Кука, отъ Анджего, отъ обѣда среди тѣхъ же лицъ за общимъ столомъ, отъ арабской предупредительности „русскаго консула“, а также отъ осмотра въ большой компаніи примѣчательностей,—осмотра, который напоминаетъ воскресное посвященіе школой кабинета рѣдкостей...

Еще третьяго дня я и Фавъ-день-Бошъ выразили Мустафа-Агъ желаніе поохотиться „на звѣря“ и просили указать намъ вѣрнаго проводника. Вчера въ 5 часовъ пополудни, когда мы явились въ консульство во всеоружіи охотничьихъ дослѣжковъ, проводникъ, благообразный отъѣвшійся Арабъ, уже сидѣлъ въ кабинетѣ возлѣ заветной книги.

— Положитесь на него какъ на меня, важно, съ разстановкой говорилъ Мустафа-Ага и надвигалъ мурло свое то на меня, то на Бельгійца:—онъ честный человекъ и хороший человекъ; ступайте къ нему въ домъ; его зовутъ Абдуррахманъ и у него отличное ружье, и онъ поведетъ васъ куда слѣдуетъ, и вы вернетесь съ богатою добычей. Онъ другъ моего дома, вы же совѣтъ молодые люди, и то истинное почтеніе и уваженіе, та сосредоточенность, отличающая возвышеннаго сердца...

Далѣе я пересталъ понимать, и видѣлъ только что подслѣповатые глаза Мустафы обмѣниваются пріязненными взглядами съ умными, не безъ нѣкоторой хитринки, глазами „друга дома“.

Повѣзка на Карнакскія развалины была назначена на

слѣдующій день (то-есть на сегодня) въ 8 часовъ послѣ breakfast'a, и утренняя заря была въ нашемъ распоряженіи, но чтобы захватить и вечернюю зрю, до которой оставалось часа полтора, не слѣдовало тратить время на обсужденіе нашихъ заслугъ и душевныхъ качествъ Абдурахмана. Въ виду этого мы послѣдшнею заѣхали консула въ отвѣтномъ съ нашей стороны уваженіи и, раскланявшись съ нимъ, вышли на площадь. Тутъ встрѣтились намъ мистеръ Кукъ и сивьборъ Анджеко, направлявшіеся въ деревню. Буфетчикъ пожелалъ намъ счастья и подмигнувъ прибавилъ: „nous aussi, nous allons avec l'amiraille tigrer des chascailles et des cocodrilles!“

Мы не вполнѣ уяснили себѣ смыслъ сей туманной шутки, и я право не знаю какое значеніе получила бы эта встрѣча въ кодексахъ охотничьихъ суевѣрій, но своеобразное произношеніе Итальянца разсмѣшило насъ до слезъ, и мы долго повторяли на всѣ лады его „cocodrilles“, „chascailles“ и „amiraille“. Переправившись черезъ Нилъ, Абдурахманъ, Беагидецъ и я поскакали во всю ослиную мочь мимо колоссовъ Амунофа чрезъ Рамезеумъ къ пустынному краю, у подножія котораго осыпи скалъ образуютъ высокій крутой откосъ. На верху откоса, на небольшой площадкѣ, къ стѣнѣ каменнаго хребта примостилась хижина, обнесенная съ трехъ сторонъ оградой: крайній ли это на югъ дворъ далеко раставувагоса Шейкъ-Абдъ-эль-Гурва, или уединенный арабскій хуторъ, я разобрать не могъ; въ быстро спускающихся сумеркахъ не было видно другаго жилья, и высокое убѣжище напоминало скитъ первыхъ временъ христіанства. То былъ домъ нашего проводника. На дворъ выбѣжалъ его батракъ или сожитель, худой, живой, несмолкаемо-болтаивый Арабъ, по имени Хаиреддинъ, и мы, раздѣлившись на два отряда, немедленно отправились лѣшкомъ въ разныя стороны: Абдурахманъ съ Фанъ-денъ-Бошемъ, пройдя песчаную равнину, исчезли въ развалинахъ Мемноніума, а я съ безоружнымъ болтуномъ, держась подошвы края, отошелъ на четверть версты къ югу и остановился въ устьѣ небольшого скалистаго ущелья. Здѣсь, въ двухъ пыльных ямахъ, нарочно устроенныхъ засадахъ или быть-можетъ могилахъ, до половины разрытыхъ гиенами, залегли мы головой къ вершинѣ ущелья, ногами къ нивамъ. Предъ утромъ пришлось бы лежать наоборотъ: звѣрь днюющій между обломками храмовъ, въ пещерахъ

и колодцахъ гробницъ, ночью выходитъ на добычу въ поля, а къ разсвѣту снова возвращается отдыхать въ пустыню. Камни обогнувшіе кольцомъ каждую изъ ямъ служили мнѣ и Хаиреддину прикрытіемъ, изъ котораго можно было приподнявшись немного на локтяхъ наблюдать за всѣмъ что дѣлается вокругъ, не опасаясь быть замѣчену. Араба даже вблизи, изъ моей ямы,—она находилась немного впереди,—рѣшительно нельзя было различить: голова его съ каленымъ лицомъ, облеченная въ сѣрый коλλαхъ, казалась лишнимъ камнемъ, прибавленнымъ къ общей кучѣ. Цвѣтъ лица я конечно не могъ позаимствовать у Хаиреддина, но головной уборъ отъ него отобралъ и надѣлъ самъ. Затѣмъ оставивъ дуло ружья между камнями, затаилъ дыханіе и обратился въ зрѣніе и слухъ. На небесахъ только готовится торжественная ночь, и слабо телятся двѣ три звѣздочки, пока еще мелкія какъ уколъ булавки; а въ тѣснихъ уже совсѣмъ темно; еле-еле могу я разглядѣть впереди себя тропинку, уходящую въ глубину горъ и теряющуюся среди каменныхъ стременихъ и овраговъ. Въ лицо дуетъ слабый, едва уловимый вѣтерокъ, который и вѣтеркомъ нельзя назвать: это теплый воздухъ, лѣниво улыбающій отъ нагрѣтыхъ утесовъ чтобы прохладиться на Нилѣ. Все же съ точки зрѣнія охоты мы *за стѣною*, насъ не почуветь дичь.

И вотъ я въ Африкѣ, лицомъ къ лицу съ суровою природою; въ дикомъ становищѣ звѣрей... Сейчасъ услышу вблизи голоса египетской ночи, быть-можетъ встрѣчу огненный взглядъ гіены и совершу одинъ изъ тѣхъ охотничьихъ подвиговъ о которыхъ мечтаютъ юные читатели и почитатели Майнъ-Рида. Однако дѣйствительность всегда менѣе заманчива чѣмъ живыя картины воображенія. *На мѣсть* Африка мною не чувствуется, не сознается, не имѣетъ для меня обаянія: мнѣ въ высшей степени неловко,—слишу ломить, локтямъ невыносимо больно, ноги затекли и по нимъ будто лоскакиваютъ глубоко вливаясь въ тѣло безчисленное множество тонкихъ какъ волосъ иголокъ, а кругомъ вмѣсто голозовъ ночи и фосфорического блеска глазъ, темнота, тишина и ничего нѣтъ.

Но я люблю самую охоту, гдѣ бы она ни происходила—въ Египтѣ ли, въ Россіи, и надежда на удачу укрѣпляетъ и бодритъ меня. Несмотря на физическія неудобства, я не шевелюсь чтобы какъ-нибудь не зашумѣть, а главное чтобы не

сдвинуть присловеннаго къ плечу и направленнаго на тропику ружья, на которомъ давно исчезла цѣль. Хаиреддинъ тоже ведетъ себя отлично, и я долженъ сознаться что неосновательно опасался его докучливой живости. Впрочемъ не заснулъ ли онъ? Какъ бы въ опроверженіе этой догадки, камешекъ величавой въ лѣсной орѣхъ ударилъ меня въ затылокъ; другой, когда я повернулъ голову, рѣзко щелкнулъ меня по виску. Послѣ секунднаго недоумѣнія я понялъ что Арабъ предупреждаетъ меня о приближеніи чего-то, и глаза мои стали пристально всматриваться въ окрестный мракъ, густѣвшій по мѣрѣ того какъ на небѣ разгоралось мерцаніе звѣздъ. Каменные выступы и неровности ущелья къ которымъ я давно приглядывался, ближнія и дальнія чернильно-черныя пятна по темному полю скалъ, едва брежжащая полоса тропику,—все пребываетъ въ мертвой неподвижности. Кругомъ тихо какъ и сперва, и нѣтъ ничего, рѣшительно ничего, только камешки летятъ мнѣ въ голову, и я задыхаюсь отъ сдержаннаго волненія. Наконецъ я не вытерпѣлъ.

Такъ поздною осенью охотникъ, притаившись въ опухкѣ, съ замираемъ сердца прислушивается къ быстро приближающемуся гову собакъ и глядитъ въ лѣсную чащу сквозь прутья осылавшейся лощины. Съ каждымъ мгновеніемъ громче и громче разноголосые визгъ, плачь и рыданіе многочисленной стаи. Вотъ-вотъ появится, маленькая между голыхъ деревьевъ, сторожка какъ лань, легкая на бѣгу, лышная лиса... Сердце несносно стучить, мутится въ глазахъ; черезъ поминуты покажутся и собаки, но ея все нѣтъ... Охотникъ не выждалъ и безцѣльно въ страстномъ забытіи сдѣлалъ шагъ впередъ. Сучекъ хрустнулъ подъ ногой, черный дроздъ почокивая взлетѣлъ съ земли на обнаженную лилу... Впереди же громкій какъ органъ звучитъ надвигающаго собачій концертъ, и вдругъ оборвался, и спустя мгновеніе вынеслась сбившаяся стая. Глуло вилая хвостами, разстѣлись кругомъ черные съ подпалинами лсы. Вотъ маленькая сучка, вѣчный залѣвало, подава въ сторонѣ голосъ тонкій какъ флейта; къ ней привалилъ старый басъ, потомъ заились другіе голоса исполненные необузданнаго отчаянія, и слова безъ удержу несутся собаки черезъ лщи и валежникъ, будя отзвукъ въ гулкомъ осеннемъ лѣсу. Но теперь гонъ быстро удаляется: лиса задала колѣно! Охотникъ если и увидитъ ее, то развѣ убитую товарищемъ. Чу... выстрѣлъ раздался въ отдаленіи... И схватившись за

вдосы онъ проклинаетъ свою олошность, и хрустувшую дѣтку, и дрозда, а въ смокнувшемъ чернотѣсьи попрежнему пахнетъ сыростью, олавшими листьями и грибами...

Иди на облавъ торопливо осматриваешься въ дѣской прогалцѣ, замѣтить отчаянные знаки присѣвшаго за толстымъ дубомъ сосѣдняго *нумера*: * „береги!“ говорятъ его страшные глаза съ приподнятыми бровями; „береги!“ говорятъ его руки, ноги, все положеніе тѣла; „вонъ онъ, вонъ,—береги!“ беззвучно произносятъ его губы. И это длится цѣлую минуту, — она кажется часомъ! Напрасно смотришь направо, налево....

— Да гдѣ же? спрашиваешь наконецъ и сходишь съ мѣста, выѣ себя отъ безумнаго нетерпѣнія.

— Предъ самымъ вашимъ носомъ! отвѣчаетъ во весь голосъ раздосадованный сосѣдъ.

И въ самомъ дѣдѣ впереди въ трехъ саженяхъ мелькнула испуганная харя оглянувшася на меня волка, который стоялъ задомъ, скрытый деревомъ, и долго, не подозрѣвая близости человѣка, прислушивался къ нестройному гулу голосовъ и постукиванію дубинокъ. Увидавъ охотниковъ, онъ метнулся въ сторону и мгновенно исчезъ; вы лишь успѣли дать ему въ догонку въ пустое мѣсто два промаха...

Каждый камешекъ посылаемый мнѣ Арабомъ означалъ это томительное и вмѣстѣ съ тѣмъ чудное слово „береги“, а я дичего не видѣлъ. Уже въ совершенной агоніи, самъ не свой, повернулся я въ ямѣ; сдѣлалъ я это безо всякой цѣли, мнѣ просто не улежалось, не хватило терпѣнія. Вслѣдствіе моего поворота часть камней у ямы обрушилась, и ближее изъ чернильныхъ лятевъ унеслось въ гору огромными скачками, безшумными и лавными, какъ взмахи большой воцной лгицы,—хотя бы осколокъ какой загремѣлъ подъ лалой, хотя бы коготь черкнулъ на скалѣ,—и все было кончено, все отлетѣло, все умерло!.. На душѣ осталась только невыразимая, подступающая къ горлу досада, хотѣлось бы вскочить, разбить ружье о скалы, или, сдвинувъ горы, наметать ихъ одна на другую, чтобы въ слѣпой ярости дѣзть воевать съ небесами. А тутъ еще какъ нарочно, со стороны Рамезеума донесся выстрѣлъ, и словно издѣваясь, нѣсколько секундъ грохоталъ надъ каменными громадами. Потомъ олять настала

* На облавахъ охотники становятся по нумерамъ.

тишина, и бархатная ночь безъ звука, безъ просвѣта окувала убитую душу. Я пересталъ терзаться—точно уснулъ отъ избытка скорби. Такъ прошло полчаса. Вызвалъ меня къ жизни новый камешекъ, пребольно угодившій мнѣ въ ухо, какъ знатный щелчокъ учителя зазѣвавшегося ученику. Въ этотъ разъ я какъ бы чутьемъ ловаль куда смотрѣть—взглянулъ и воскресши тотчасъ же обмеръ: по тропикѣ, которую я давно пересталъ видѣть, но знаю на память, движется неопредѣленная тѣнь: она то стелется по землѣ, вытягиваясь въ подоску, то расплывается большимъ пятномъ, то сузившись, ростетъ вверхъ, то вдругъ ни съ того ни съ сего исчезаетъ вовсе. Если, зажмуривъ на мигъ глаза, я надавливаю ихъ пальцами и смотрю опять, ночь становится не такою черною, и тѣнь слова колеблется на тропикѣ въ таинственныхъ вѣмыхъ упражненіяхъ. Я изнемогаю отъ сердцебіенія и сердцазамирапія,—сердце душитъ меня. Ружье давно сдвинулось; самъ я уже не лежу, а стою на колынахъ, согнутый въ три погибели. И вотъ внезапно она утратила свою неопредѣленность и загадочность, ужъ я не могу улустить ее изъ виду; для меня она точно воплотилась, стала живымъ существомъ, и существо это увеличивается съ каждымъ мгновеніемъ, идя прямо на меня. Очертанія его конечно неясны, я не знаю что оно такое, но вѣщее сердце угадываетъ что то не чело-вѣкъ, что то дичь. Не обманетъ охотника инстинктъ, и когда овъ, подобно великому художнику, чувствуетъ священный внутренній трепетъ, когда мурашки расползаются по кожѣ и волосы шевелятся на головѣ, когда въ груди его рай и адъ, жизнь и смерть, пусть овъ страхуетъ съ себя страстную отороль, пускай, не задумываясь убиваетъ, чтобы самому не умереть отъ избытка нахлынувшихъ ощущеній... Я приложился навскидъ и нажалъ спускъ; выстрѣлъ огненнымъ жаломъ прошилъ ночь; что-то забилось, кувыркаясь и скребя лапами по каменистой почвѣ, и хриплый вой въ перемежку съ визгомъ разбудилъ ущелье. При этихъ знакомыхъ, надрывающихъ душу звукахъ мое вдохновеніе погасло, точно ушатъ холодной воды вылилъ мнѣ на голову. Охотничій пылъ смѣнили жалость, стыдъ и злость: инстинктъ обманулъ меня—я подстрѣлилъ собаку...

— It is a dog, * воскликнулъ я въ бѣшествѣ, накидываясь на Араба.

* Это собака.

— Wolf, wolf, el-havagia, * оралъ онъ, увлекая меня къ несчастному животному.

— Но волки не визжать...

— Визжать, эль-хавагіа, визжать, если въ нихъ попадешь!

Не пустить ли второй зарядъ въ спину этому мошеннику который въ неистовой пляскѣ скачетъ вокругъ бѣднаго пса и съ криками „hip, hip, hurrah“ лобиваетъ его камнями. Не будучи долге въ силахъ выносить подобное зрѣлище и желая изъ состраданія пристрѣлить жертву моего увлеченія, я оттащилъ Хаиреддина за шиворотъ... Но вдругъ стоны прекратились, животное справилось, вскочило на ноги и неожиданно исчезло въ темнотѣ. Арабъ бросился было за нимъ, но вскорѣ вернулся зальхавшійся и ни съ чѣмъ.

— Me find him! говорилъ онъ, отдаваясь:—if he no sleepy to day, he sleepy tomorrow. Онъ хотѣлъ сказать что „волокъ“ если не сегодня, такъ завтра издохнетъ.

— Абдуррахманъ, Абдуррахманъ! загадѣлъ Арабъ, едва окончивъ свои обращенія ко мнѣ.

Отвѣта не послѣдовало.

— Абдуррахма-а-а-анъ! заоралъ онъ еще громче, чуть не долаясь отъ натуги.

Секунда чрезъ десять со стороны Рамезеума изъ-за гряды песчаныхъ холмовъ донесся слабый звукъ человѣческаго голоса. То отозвался Абдуррахманъ,—послѣ чего Хаиреддинъ, хриля и задыхаясь, сталъ выкрикивать ему за версту всю повѣсть моей удачи. Для большей ясности онъ сопровождалъ свое ораніе пояснительными жестами, которыми, разумѣется, никто кромѣ меня не могъ любоваться,—крался по тропинкѣ, то подымаясь во весь ростъ, то припкая къ землѣ, потомъ, хлопнувъ въ ладони для изображенія ружейнаго выстрѣла, бросился на полъ, завылъ и задрогалъ ногами, наконецъ повторилъ фантастическій танецъ вокругъ того мѣста гдѣ билась раненая собака.

— Абдуррахма-а-а-анъ, перебивалъ онъ самого себя на полусловъ, надсаживаясь изъ послѣднихъ силъ:—Абдуррахманъ слышишь ли ты?

Утвердительные отвѣты раздавались все ближе и ближе. Охотники шли къ намъ.

Однако неужели Хаиреддинъ притворяется и надуваетъ

* Волкъ, волкъ, эль-хавагіа (господинъ).

меня чтобы получить бакшишь покрупнѣе? Вѣдь то обстоятельство что животное ушло представляетъ совершенную случайность; оно могло остаться на мѣстѣ. Впрочемъ утормъ я его безъ сомнѣнія найду: если это окажется какаа-либо дворняга съ хвостомъ закорючкой, каково будетъ положеніе Араба? Мало того что ему не видать награды, какъ своихъ ушей, онъ еще подвергнется за плутни всякимъ неприяностямъ; по крайней мѣрѣ я силюсь убѣдить его въ этомъ, страшаю его и his excellency губернаторомъ, и his excellency консуломъ, и всѣми превосходительными властями Египта. Въ отвѣтъ на мои угрозы Хаиреддинъ только лучше божится, кладетъ непонятные зарюки на арабскомъ языкѣ и даже не хочетъ брать назадъ своего колпака. Въ меня уже закрадывается сомнѣніе касательно вѣрности моихъ догадокъ, хуже всего смущается мысль воспоминаніемъ объ испытанномъ священномъ ужасѣ: до сихъ поръ онъ ни разу такъ измѣннически меня не выдавалъ. Къ несчастію я знаю по опыту что волки не визжать, если въ нихъ даже попадешь. Но съ другой стороны, Бельгіецъ, которому я передаю свои соображенія, увѣряетъ будто слышанные имъ послѣ выстрѣла стоны вовсе не походили на собачьи, и что египетская порода волковъ (*canis variegatus*) быть-можетъ визжитъ, а Абдурахманъ на мое заявленіе—*it was a dog* * самымъ добродушнымъ образомъ, не безъ отгѣака легкой прощія, отвѣчаетъ: „но, my dear sir“. ** Такъ пусть же хоть до утра это будетъ волкъ. Легко вѣрится тому чему хочется вѣрить.

Отъ охотниковъ я узнаю что выстрѣлъ прокатившійся надъ утесами въ то время какъ я, прозѣваяъ перваго звѣря, умирая съ досады, былъ сдѣланъ Абдурахманомъ. Проводникъ убилъ небольшого шакала. *** Этотъ единственный плодъ нашей ловитвы мы рассмотрѣли дома. Онъ былъ меньше обыкновенной лисы, не имѣлъ ея длиннаго пушистаго хвоста, большихъ ушей съ чернobarхатною каемкой и пламеннаго цвѣта шерсти.

Тутъ какъ-то совсѣмъ не кстати между Бельгійцемъ и мною произошло объясненіе, какія впрочемъ случаются въ

* Это была собака.

** Нѣтъ, дорогой господинъ.

*** Шакаловъ въ Египтѣ нѣсколько породъ: *Canis niloticus*, *s. aureus*, *s. familiaris*, *s. mesomelas* и другія.

романахъ именно между охотниками вернувшимися на ночь.

— Я не особенно жалю, сказалъ онъ задумчиво,—что не мнѣ выпало на долю застрѣлить этого звѣрька.

— Отчего? спросилъ я:—вы развѣ брезгаете шакалами?

— Ахъ нѣтъ! отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою горечью:— Въ другое время я былъ бы очень счастливъ, теперь же мнѣ надо убить что-нибудь большое, по крайней мѣрѣ гіену. Я собственно за этимъ и поѣхалъ съ вами.

— Почему же именно теперь?

Фонъ-день-Бошъ съ жаромъ схватилъ мою руку:

— Вамъ непонятны мои слова, простите меня, я очень виноватъ предъ вами, потому что давно долженъ былъ открыться вамъ. Знайте же что я ее обожаю всѣми силами души... (я конечно понималъ что она значило не гіена, а миссъ Поммерой, но Бельгіецъ ее не называлъ). И настоящимъ водопадомъ потекла:

Его любви маадаа повѣсть,

Обильный чувствами разказъ.

Съ послѣдовательностью влюбленнаго рисовалъ онъ радужныя картины будущаго своего благоденствія, клалъ женское кокетство и непостоянство, говорилъ о ея измѣнѣ, зовѣралъ восторженными шепотомъ какъ она его любитъ, какой онъ счастливый человекъ, и тутъ же доказывалъ гробовымъ голосомъ что онъ заолучившее твореніе въ мірѣ, ибо она къ нему равнодушна.

— О, я заставляю ее полюбить себя, такъ заключилъ Бельгіецъ свою исповѣдь:—она тщеславна, я это знаю, и если въ присутствіи всѣхъ пассажировъ я поднесу ей гіену моей охоты, она полюбитъ меня искренно и навсегда. Я конечно предпочелъ бы убить льва или тигра, къ сожалѣнію ихъ здѣсь не водится, но чего бы я желалъ отрастно и чего она навѣрно не захочетъ—это застрѣлить просто-напросто мистера Джонсона.

Фонарь съ грязными разбитыми стеклами тускло освѣщалъ нашъ пріютъ, пропитанный запахомъ лыжи и кизяка. Жилецъ состоитъ изъ двухъ комнатъ: въ первой, съ однимъ входнымъ отверстіемъ, находится очагъ, нѣсколько глиняныхъ кувшиновъ и въ углу куча домашняго скарба; во второй, представляющей высѣченную въ скалѣ гробницу, неровныя стѣны и своды которой не хранятъ впрочемъ слѣдовъ живописи,

ломѣщается всего двѣ полупродавленные куриныя клѣтки въ видѣ кониковъ, летеныя изъ сахарнаго тростника. Мы легли на нихъ одѣтые.

Воспользовавшись минутой когда Фояз-денъ-Бошъ измышлялъ про себя казнь своему сопернику, я загасилъ огонь и прикинулся спящимъ. Но я не спалъ до утра. Хотя наружный входъ и арка въ скалѣ; соединявшая комнаты, ничѣмъ не были закрыты, съ надворья, гдѣ не хватало мерцанія звѣздъ чтобы сколько-нибудь разсѣять египетскую тьму безлунной ночи, не проникало ни единого луча свѣта; могильный мракъ давилъ меня и населался грезами одна другой велѣтѣе и страшнѣе. То чудилось мнѣ что гена съ кровавымъ высунутымъ языкомъ крадется къ Бельгійцу, и это оказывалась не гена, а Абдурахманъ. То входила Фатъма въ парчѣ и золотѣ, съ бѣлыми крыльями за плечами, и кругомъ нея изъ полу выросталъ хороводъ мумій; приподнявшись съ одра, я боязливо смотрѣлъ имъ въ лицо широко открытыми глазами.... то Мустафа-Ага, близко насовываясь и произнося возвышенныя рѣчи, душилъ меня своими желѣзными пальцами, борода его щекотала мнѣ подбородокъ, и окованный смертнымъ испугомъ, я не могъ ни вскрикнуть, ни пошевелиться. Но чаще всего гробницу наполняли летучіе и ползучіе годы самаго безмысленнаго вида, въ родѣ тѣхъ что на картинахъ Теньера въ такой же точно лещерѣ Оивадской пустыни повалрасну являютъ свое безобразіе, искушая Святаго Антонія.

Часа за два до солнечнаго восхода, надъ горизонтомъ, какъ разъ на створѣ дверей, появился мѣсяцъ; сіяніе его блѣднымъ призракомъ встало въ глубинѣ гробницы, и прочія видѣнія исчезли. Пора было собираться.

Я вышелъ во дворъ. Отсюда какъ изъ орлинаго гнѣзда въ утесѣ видна одна половина міра, другая скрывается за цѣлью волшебныхъ горъ. Внизу на песчаной глади точно изъ середины серебрянаго озера подымается величественный дворецъ боговъ, Рамезеумъ, и надъ нимъ и надо всѣмъ міромъ просулась полная невидимой жизни ночь:

И молчитъ она, и поетъ она,

И душѣ одной ночи лѣсъ слышна.*

* Кв. Вяземскій.

Слушавшись въ равнину, мы всѣ четверо прошли мимо ущелья гдѣ я лежалъ вечеромъ, и направились дальше къ югу. Меня и Хаиреддина главный распорядитель Абдуррахманъ помѣстилъ въ пиловѣ Деиръ-эль-Мединскаго храма, убранный предварительно съ порога древне-египетскій гробъ, несомнѣнно притащенный сюда кышкншею ночью, такъ какъ вчера днемъ, когда мы посѣщали развалины, его здѣсь не было. Бельгійца же, которому вслѣдствіе его изящнаго costume de chasse и прекрасной двустволки центрального боя, проводникъ отдаетъ явное предомноу предпочтеніе, онъ повелъ еще южнѣе, вѣроятно въ самое добычливое мѣсто.

Что касается моей засады, то она положительно никуда не годилась. Я стоялъ совсѣмъ на виду, точно подѣ висѣлицей, и вдобавокъ долженъ былъ вертѣться какъ флюгеръ, наблюдая съ одной стороны пространство между пиломомъ и храмомъ, а съ другой—мѣстность предѣ фасадомъ: песчаные холмы, склоны каменныхъ горъ и вблизи русло довольно глубокой стремнины. Иногда мнѣ приходило на мысль что Абдуррахманъ въ наказаніе за мои вчерашнія сомнѣнія откровенно подлинности „волка“ поставилъ меня сюда на помѣщище звѣрямъ. Черезъ часъ въ той сторонѣ куда онъ скрылся съ Бельгійцемъ послышался выстрѣлъ, но кругомъ Деиръ-эль-Медина до самаго утра все было безнадежно спокойно. Если порой и лаяли въ отдаленіи шакалы, то конечно лаяли они на меня, на то чучело которое обращалось во всѣ стороны, охваченное дрожью ожиданія.

Стало свѣтать, охота кончилась. Я досадовалъ на судьбу; однако заря сулила мнѣ безцѣнную награду: съ каждою минутой крѣпло во мнѣ убѣжденіе что вчерашняя моя дичь будетъ разыскана, и что она окажется не волкомъ, а... я и въ умѣ не договаривалъ чѣмъ она окажется... уже слишкомъ было бы хорошо!... Между тѣмъ Хаиреддинъ прислушивался къ солнѣио и щелканію нѣсколькихъ совъ собравшихся въ горномъ оврагѣ, и та же самая мысль одновременно родилась у насъ обоихъ.

— Не *sleepy there!** воскликнулъ Арабъ.

Но мы сначала пошли ко вчерашнимъ ямамъ чтобы посмотреть не ведетъ ли отъ нихъ кроваваго слѣда. При утреннемъ свѣтѣ пополамъ съ луннымъ можно было различить на

* Онъ спитъ тамъ.

тропикѣ въ пыли и щебѣнъ взрытыя когтами полукруглая борозды и брызги крови на нѣкоторыхъ камняхъ; слѣда однако не было. Затѣмъ, грема отломками, цѣляясь за выступы и нависи скалъ, добрались до края оврага, но и тамъ ждало насъ разочарованіе: совы вились и солѣли надъ давнымъ трупомъ осла. Замѣтивъ людей, онѣ вынеслись вверхъ навесышнихъ крыльяхъ и размѣстились по выбоинамъ утесовъ. Послѣ головоломнаго лазанья, когда уже разсвѣло, мнѣ удалось убить одну: не велика, сѣро-желтаго цвѣта, съ ушами какъ у филина, наломываетъ европейскую *strix silvestris*.

Такъ какъ мы взобрались довольно высоко, мнѣ вздумалось встрѣтить солнечный восходъ на вершинахъ хребта. Не успѣвъ я однако сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ какъ совершеннымъ сюрпризомъ показался надъ чертой земли обрѣзокъ горячаго солнца. Отъ ночнаго таинственно-причудливаго образа горъ не осталось и помину; пустынная, мертвая, одѣтая въ желто-сѣрыя складки своихъ каменныхъ ллащей, онѣ теперь наводятъ лишь тоску. Ни травинки, ни засохшаго кусточка... Подъ ногами какъ черелки одновзвучно бракаютъ осколки и катятся въ пропасть. За то подя по обоимъ берегамъ Нила ожили въ утреннемъ сіяніи, и среди ихъ неогладнаго простора цари Фивянской равнины, колоссы Амунофа кажутся отлитыми изъ красной мѣди. Безстрастно, слѣпыми глазами смотрять они за аравійскіе холмы, на золотой свѣтъ, и кажется терпѣливо ждуть того времени когда изъ-за горизонта больше не появится солнце.

— Абдуррахманъ! внезапно заревѣлъ Хаиреддинъ, открывая при послѣднемъ слогѣ двѣ челюсти ослѣпительныхъ зубовъ: *—Абдуррахма-а-анъ, Абдуррахма-а-анъ!

Держась подошвы кража, сылучими лесками шли по направленію къ намъ Фавъ-день-Бошь и охотникъ Арабъ; я съ трудомъ разглядѣлъ ихъ, такъ они были далеко, и Абдуррахманъ не скоро откликнулся на отчаянный зовъ Хаиреддина. Когда разстояніе сократилось, впрочемъ не настолько чтобъ Европейцу можно было обойтись безъ помощи рулора, горластые Арабы завязали такого рода разговоръ: любознательный Хаиреддинъ, которому сегодня со своей стороны сообщать не о чемъ, въ виду молчаливости

* Обыкновенно у Арабовъ они нехороши, и Хаиреддинъ въ этомъ разѣ составляетъ исключеніе.

Абдуррахмана, рассказываетъ за нашихъ товарищей предполагаемую исторію ихъ вывѣшной охоты и черезъ каждыя двадцать словъ спрашиваетъ: такъ ли? а лѣзвивый собесѣдникъ ограничивается утвердительными или отрицательными отвѣтами. Послѣ слова „дѣба“, съ восторгомъ повторяемого Хаиреддиномъ, всегда слышится утвердительный отвѣтъ. Еще не догадываясь въ чемъ дѣло, но уже мучась не похвальною, хотя и весьма естественною завистью, я все яснѣе и яснѣе различаю что-то огромное на плечахъ Абдуррахмана. Фанъ - дѣвъ - Бошъ широко и побѣдоносно машетъ шляпой.

— *J'ai tu-é une hu-è-ne!* кричитъ онъ наконецъ, разверзая мнѣ за полверсты свои объятія.

— *Hièpe—дѣба*, пояснилъ Хаиреддинъ на случай еслибы по-французски я не понималъ.

— *Je vous felicite de tout mon coeur*, отвѣчаю я, приставивъ ко рту руки раструбомъ, и затѣмъ вполголоса, но отъ чистаго сердца, шлю его... въ оврагъ къ ослу.

— *Merci...* Вы знаете для меня это не одно пустое удовлетвореніе охотничьяго самолюбія, для меня это жизнь, блаженство, все...

Тутъ ужъ мнѣ немного стыдно за свои чувства: въ его улыбкѣ сказывается безграничное счастье, его походка и всѣ движенія радостны какъ египетское утро, а въ молодомъ пріятномъ голосѣ звучать и слезы и смѣхъ.

— Я убилъ ее у большаго храма Мединетъ-Абу, продолжаетъ онъ выкрикивать,—почти въ упоръ, у лѣваго ствола... лудя, полавъ въ заднюю лопатку, вышла въ грудь, а она, несмотря на это, еще шаговъ двадцать проковыляла и прокувыркалась...

Въ нетерпѣннѣйшими большими шагами спускаюсь я по крутому скату, не сводя глазъ съ ноши Абдуррахмана, ходящемъ ходящей на его сплнѣ; у пояса скрещиваются четыре мощныя далы, крѣпко скрученныя веревкой; съ одного плеча свѣсилась большая покрытая шерстью голова съ кровавымъ языкомъ, совсѣмъ подобная той что мерещилась мнѣ ночью; съ другаго бока болтается короткій „хищный“ хвостъ... Еще минута, и Арабъ ловкимъ движеніемъ туловища въ высшей степени эффектно сбросилъ животное къ моимъ ногамъ: улавъ на земь съ высоты человѣческаго роста, оно рывнуло, точно

живое, хрустнуло всѣми суставами, качнулось студенемъ и замерло въ локоѣ смерти.

— *Hip, hip, hurrah!* заголосилъ Хаирредивъ, лускаясь въ круговой плясъ...

Предо мною во всемъ великолѣпнн своей дымчатой мохнатой шкуры лежала безъ дыханія та самая овчарка, которую мнѣ не разъ случалось видѣть по эту сторону рѣки... Въ недоумѣнн взглянулъ я на Абдуррахмана; онъ покровительственно смотрѣлъ на Фанъ-день-Боша, и какъ бы гордясь его удачей, смѣялся добрымъ беззвучнымъ смѣхомъ.

— *Eh bien?* спрашивалъ Бельгидецъ, встревоженный моимъ молчаніемъ.

— *Mais je crois que c'est, пробормоталъ я,—c'est à dire je crois que ce n'est pas...*

— *Au nom du ciel, pas un mot de plus,—ces braves gens vous comprennent peut-être, прервалъ онъ меня, и лицо его сразу привало выраженіе какого-то тоскливаго безпокойства:—comment? serait-ce possible? Vous croyez? Non... mon, mille fois non!.. Et pourtant un instant j'ai moi même eu cette hideuse idée **.*

Я неумолимо продолжалъ разрушать воздушный замокъ его счастья.

— Существуютъ кажется два вида гienъ, сказалъ я,—*huæna striata* и *huæna punctata*, полосатая и пятнистая; послѣдней, насколько мнѣ извѣстно, въ Египтѣ не водится.

Фанъ-день-Бошъ все это зналъ.

— Въ такомъ случаѣ укажите мнѣ на мѣхѣ этой... этого животнаго хотя слѣды какихъ бы то ни было полосъ, и вдобавокъ смотрите: длинная вьющаяся шерсть.

— Абдуррахманъ говоритъ что это ничего не значитъ, возразилъ онъ,—что еслибы дать ей перелинять, появились бы и полосы...

— Обратите также вниманіе на уши: они почти висячія.

— Абдуррахманъ говоритъ что это ничего, что она молодая, поэтому они и висятъ, а въ послѣдствіи перестали бы висѣть...

— А хвостъ? замѣтили ли вы что онъ не отъ природы къцъ, что онъ обрубленъ? взгляните-ка!

— Видѣлъ, все видѣлъ... Абдуррахманъ говоритъ... Ахъ, я умоляю васъ не трогайте! Je vous jure que ces braves gens comprennent de quoi il retourne.

Braves gens сразу почували во мнѣ врага. Безъ сомнѣнія они знали застрѣленную собаку не только въ лицо, но и по кличкѣ, и потому хоть и не понимали по-французски, все же конечно догадывались о чемъ идетъ рѣчь; тѣмъ не менѣе Хаиреддинъ беззаботно доверялся послѣднѣя колѣна, Абдуррахманъ улыбался еще добродушнѣе, и оба со спокойною совѣстью смотрѣли мнѣ въ глаза, очевидно насколько меня не опасаясь.

— Не never did see a hyaena? * шутливо спросилъ Абдуррахманъ, указывая на меня.

— Oh certainly you never did, ** обратился ко мнѣ Бельгіецъ, ободренный нежданною поддержкой.

Но комедія разыгрываемая Арабами начинала мнѣ надоедать, и я постановилъ въ умѣ, не откладывая, разрушить ихъ замыслы откровеннымъ объясненіемъ съ Бельгійцемъ.

— Другъ мой, началъ я, стараюсь подкупить его сладкими рѣчами,—это было генеральное сраженіе, слѣдовало выиграть его во что бы то ни стало, другъ мой,—послѣ того какъ вы подарили меня своимъ довѣріемъ, я позволяю себѣ называть васъ этимъ именемъ,—разрѣшите мнѣ дать вамъ совѣтъ: бросьте вашу добычу, не возите ее на пароходы и никому не разказывайте про сегодняшнее ваше... приключеніе. Иначе надъ вами будутъ насмѣхаться, вы наживете рядъ неприятностей и покроете себя позоромъ въ охотничьемъ смыслѣ. Не обольщайтесь, вы убили собаку, увѣряю васъ, я ее зналъ, я ее даже ласкалъ, я не могу ошибиться. Ваши braves gens въ ожиданіи богатой подачи собираются провести васъ самымъ наглымъ образомъ. Одумайтесь пока время не ушло...

Фанъ-день-Бошъ колебался; Абдуррахманъ съ помощію Хаиреддина торопливо взваливалъ на плеча трупъ овчарки.

— Мнѣ вѣдь не получать съ васъ бакшита, продолжалъ я, когда мы двинулись къ дому:—я забочусь исключительно о вашемъ благѣ; мое безкорыстіе, моя дружба...

* Онъ никогда не видалъ гіены.

** О конечно вы никогда гіены не видали.

— Because not he did kill, * перебилъ меня Абдурахманъ, подмигнувъ самымъ добродушнымъ образомъ Бельгійцу, что мгновенно придало послѣднему бодрости.

— Я не стану съ вами спорить, сухо сказала онь, — но какъ хотите, *дружескій* совѣтъ вашъ пропадетъ даромъ!!...

Нѣсколько минутъ шли мы молча; Бельгіецъ былъ грустенъ, а сердить, Абдурахманъ по обыкновенію невозмутимъ, Хаиреддинъ суетливъ какъ всегда.

— Вонъ на встрѣчу идетъ человекъ: что-то онь скажетъ? какъ бы про себя загадалъ Фанъ-день-Бошъ.

Рысы глаза Хаиреддина давно замѣтили приближающаго Араба.

— Бекиръ, Бек-и-и-рь!!... заоралъ онь, маша колакомъ надъ бритой головой, и затѣмъ, надсѣдаясь, передалъ въ малѣйшихъ подробностяхъ исторію счастливой охоты, такъ что когда Бекиръ подошелъ къ намъ, ему уже не о чемъ было спрашивать, оставалось только поздравить охотника „съ полемъ“ и полюбоваться на звѣря, котораго Абдурахманъ попрежнему удалски сбросилъ на песокъ. Бельгіецъ въ продолжительномъ руколоженіи чуть не раздавилъ прибывшему пальцевъ, Бекиръ не продолжалъ своего пути и, чуя ложиву, послѣдовалъ за гіеной.

Еще три Араба по одиночкѣ встрѣтились намъ дорогой: каждый на ружейный выстрѣлъ оловѣщаль Хаиреддинъ о ловлгъ Бельгійца, предъ каждымъ Абдурахманъ картинно сбрасывалъ ношу, каждый поздравлялъ отважнаго охотника и сдѣлавъ съ нимъ shake-hands, увязывался за нами. Когда собака общими усилиями была втащена на крутой откосъ, къ жилищу, Хаиреддинъ снова пустился танцовать вокругъ нея, а приставшіе четыре Араба, слегка похлопывая въ ладоши, обступили Фанъ-день-Боша.

— They did congratulate you, ** сказала вполголоса Абдурахманъ, и Бельгіецъ роздалъ имъ бакшиши.

Былъ восьмой часъ въ началѣ, намъ надо было торопиться назадъ чтобы не опоздать къ отъѣзду остальнаго общества въ Карнакъ, но любезные хозяева никакъ не хотѣли

* Оттого что не онь убилъ.

** Они поздравили васъ.

отлустить насъ голодными. Съвъ въ гробницѣ на полъ предъ миской съ буйволовымъ молокомъ, мы похлебали его, черная поочередно рюмкой съ отбитою ножкой, выпили затѣмъ лимонаду изъ душистыхъ зеленыхъ лимончиковъ съ грецкй орѣхъ и закурили папиросы, въ которыя Хаиреддинъ накрошилъ гашшу *. Пока онъ училъ меня, какъ слѣдуетъ, загибаясь, жмурить глаза, Абдуррахманъ тихомолкомъ увелъ Фанъ-день-Боша въ первую комнату и тамъ въ темномъ углу съ минуту шептался съ нимъ. Я слышалъ за стѣной звонъ отсчитываемыхъ денегъ.

На возвратномъ пути настроеніе духа Бельгійца мѣнялось безпрестанно: онъ глядѣлъ то маемъ, то сентябремъ, смотря по тому, предавался ли воздушному зодчеству или тогулъ въ морѣ сомнѣній. Въ послѣднемъ случаѣ утопающій хватался за соломенки, въ сотый разъ разспрашивая Абдуррахмана относительно мохнатой шерсти, висячихъ ушей, обрубленнаго хвоста.... Арабу рѣдко приходилось отвѣчать, ибо въ подобныя минуты насъ обыкновенно обгонялъ осель, на которомъ поперекъ сѣдла болталось всеми членами окровавленное животное, чтò неминуемо повергало Фанъ-день-Боша въ кровавадный восторгъ. Порою при какомъ-либо его вопросѣ, всегда весьма кстати, овчарка съ хрустомъ сваливалась на землю, и молчаливый Абдуррахманъ вмѣсто отвѣта съ улыбкой указывалъ Бельгійцу на ея полуоткрытые черные какъ смола близко посаженные глаза, дѣйствительно имѣвшіе дикое выраженіе. Соломенки мало-по-малу сплывались въ крѣпкій мостъ, влюбленный счастливецъ благополучно выбирался по нему на желанный берегъ, и на душѣ его, какъ въ небѣ, плѣли жаворонки.

— Дѣба, азимъ - дѣба, большая гіена, кричали встрѣчные Арабы.

— Вотъ вамъ ясное доказательство! говорилъ Бельгіецъ.

Однако это не могло служить доказательствомъ, потому что Хаиреддинъ вѣхалъ за четверть часа впереди насъ,

* Гашшъ готовится изъ особой конопля (cannabis indica); курить его много считается порокомъ, какъ пьянство. Людей буйныхъ называютъ бравно „курителями гашша“ *ашашинне*, откуда, какъ извѣстно, произошло французское слово *assassin* (убійца).

конечно съ тѣмъ чтобы въ этотъ разъ негласно оповѣщать о чемъ нужно прохожихъ и проезжихъ.

Нѣсколько дѣтей, сидя въ лыжи на корточкахъ, съ недоумѣніемъ оглядывали „гіену“, про которую нашъ проводникъ наговорилъ имъ столько чудесъ.

— Мушь дѣба, кэдбъ! * воскликнулъ одинъ маленькій мальчикъ.

Фавъ-девъ-Бошъ хотя и плохо зналъ не-арабски, однако понималъ страшное значеніе этихъ словъ произнесенныхъ устами младенца. Съ нимъ чуть не сдѣлалось дурно: онъ прозрѣлъ на мгновеніе, и еслибъ я воспользовался этимъ „свѣтлымъ промежуткомъ“ для новой атаки, то быть-можетъ одержалъ бы полную побѣду надъ Абдуррахманомъ и его сторонниками, но среди дѣтей я узналъ Фатьму, Фатьма узнала меня, и мы уже неслись рядомъ, позабывъ объ остальномъ мірѣ.

При первомъ свиданіи напередъ она сказала что любитъ меня, чего же мнѣ больше? Я счастливъ и не думаю о будущемъ. Какое мнѣ дѣло что она перестанетъ быть очаровательнымъ ребенкомъ, выйдетъ замужъ за какого-нибудь Хаиреддина и начнетъ производить на свѣтѣ замарашекъ подобныѣ тѣмъ что ее сейчасъ окружали, или же въ крайнемъ случаѣ попадетъ въ гаремъ къ какому-либо богатому лашѣ. Лучшаго ей и пожелать нельзя. Я отгоняю отъ себя эти мысли, я живу настоящимъ, слушаю ея нѣжный голосокъ, люблюсь ея лучистымъ взглядомъ, и пью студеную воду. Ветхая черная юбка, босые ножки, убогое маисовое ожерелье, въ ушахъ мѣдныя кольца съ напизанными бусами—все это мнѣ такъ знакомо, мило и дорого.... Только новый кувшинъ, неказанно радующій Фатьму, мнѣ не особенно нравится: я уже привыкъ, такъ-оказать припаса къ старому.

Пока степенная, полная добродушія и наивной простоты, слова Абдуррахмана цѣлительнымъ бальзамомъ льются въ измученное сердце Фавъ-девъ-Боша, я уговариваюсь съ хитрою красавицей о томъ какъ бы намъ не разлучаться въ теченіе цѣлаго дня.

— Say you want Fatma, ** учить она меня,—а то Фатьму не перевезутъ въ Луксоръ.

* Не гіена,—собака!

** Скажите что вамъ нужна Фатьма.

Въ самомъ дѣлѣ ожидавшіе насъ на Нилѣ лодочники не захотѣли было влустить ее, и только тогда позволили ей свѣсть съ самаго края на бортъ, когда я за нее вступился.

— Она мнѣ нужна, сказалъ я.

Тѣмъ временемъ Фанъ-день-Бошъ платилъ Арабамъ бакшиши—однимъ за то что сняли собаку съ осла, другимъ—что перенесли ее въ лодку, третьимъ—за поздравленія.

— Совсѣмъ другой звѣрь, съ тѣхъ поръ какъ пересталъ трястись на сѣдлѣ, угрюмо говорилъ онъ, глядя на свою добычу.

„Звѣрь“, надо признаться, лежалъ совсѣмъ не живописно на сплнкѣ, согнутый въ дугу, съ окоченѣлыми лапами, торчавшими вверхъ въ разныя стороны, и столько же походилъ на гіену сколько въ эту минуту самъ Фанъ-день-Бошъ на побѣдоноснаго охотника.

— Хотя бы поскорѣе кончилось, шепталъ онъ увыло; но какъ на зло, мы никакъ не могли выбраться на средину рѣки и чрезъ каждыя три сажени натыкались на мель. Въмѣсто того чтобы сплхивать лодку, гребцы преспокойно складывали руки въ чаяніи посторонней помощи. Тогда, приподнявъ длинныя рубахи, медленно брели къ намъ съ берега Арабы, Фанъ-день-Бошъ торопился и ихъ, и лодочниковъ, грозя, умоляя и платя неизсякаемые бакшиши. Ничто однако не помогало, и мы не переставали садиться на мель до тѣхъ поръ пока у него не вышли всѣ деньги.

Еще издали увидали мы что не послѣбли къ прогулкѣ: на *Saoudie* прохаживался одинъ буфетчикъ въ блескѣ чистаго бѣлья и сіяніи золотыхъ цѣлочекъ, а на площади противъ колоннъ стояли только два осла, очевидно предназначенные для меня и для Бельгійца.

— Angelo, j'ai tué une hyène! въ какомъ-то отчаяніи закричалъ Фанъ-день-Бошъ, призвавъ на помощь послѣднія силы: *et d'un seul coup!.. j'ai tiré contre le temple de Medi.* *

Но Хаиреддинъ перебилъ его и, не жалѣя гораа, сообщилъ дальнѣйшія подробности. То была послѣдняя его услуга Бельгійцу: хозяйственные обязанности звали его назадъ въ Шекъ-Абдъ-эль-Гурнэ, и какъ только мы по слущенному тралу

* Анджело, я убилъ гіену! И съ одного выстрѣла! Я стрѣлялъ противъ храма Меди.

взошли на пароходъ, волоча за собой на веревкѣ убитое животное, онъ отбылъ обратно въ той же лодкѣ, увоза самое пріятное воспоминаніе о легковѣрїи и щедрости иностранцевъ. Абдуррахманъ остался: надо было сдать насъ съ рукъ на руки консулу и представить отчетъ о результатахъ охоты.

Когда буфетчику предъявила овчарку, онъ ни на минуту не задумался.

— Non, ça n'est pas un chien, сказалъ онъ, хотя при немъ никто и не говорилъ что это собака; et ça n'est pas non-plus la véritable hyène, mais je connais cet animal: c'est ce que le directeur appelait l'hyène terre-neuve... *

У Фанъ-девъ-Боша точно вырвали зубъ: сомнѣнія его разсыпались навсегда, какъ пороховой дымъ послѣ выстрѣла, на душѣ залѣла уже не жаворонки, а какія-то райскія птицы, и ровнымъ неомраченнымъ счастьемъ засвѣтилось его лицо. Еслибы пронырливый Италіанецъ не солгалъ, Бельгіецъ съ негодованіемъ отвернулся бы отъ него, назвалъ бы его невѣждой и убѣждалъ бы на край свѣта съ Абдуррахманомъ; но теперь онъ вѣрилъ въ бывшего спутника Брѣма и благодарилъ его въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ „за правду“. Онъ сожалѣлъ лишь о томъ что хотя это и гіена, однако все же не настоящая... Но буфетчикъ возразилъ что, напротивъ, слѣдуетъ этому радоваться, такъ какъ гіена-водолазъ и рѣже обыкновенной гіены и гораздо ея оласкѣе, потому что она какъ дьяволъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Бельгіецъ,—я очень доволенъ собой, ибо когда стрѣлялъ, не испыталъ ни малѣйшаго страха...

Впрочемъ Анджемо больше не слушалъ: онъ замѣтилъ Фатьму и подбирался къ ней какъ кошка къ мыши; въ глазахъ его зажглись огоньки.

— Ты какъ сюда попала? спросилъ онъ ее.

Хареддивъ, на пути въ Шенкъ Абдъ-эль-Гурнѣ, наблюдая изъ лодки за всѣмъ что происходило на пароходѣ, чрезъ Нилъ уведомилъ буфетчика что Фатьма перевезена вслѣдствіе моихъ настояній.

— Значить и васъ можно поздравить? обратился ко мнѣ Анджемо;— подстрѣлили птиачку! Что же, вкусъ у васъ

* Нѣтъ, это не собака, и съ другой стороны не настоящая гіена; но я признаю звѣря: это то что директоръ звалъ *гіеной-водолазомъ*.

недурень: она очень хороша! И безстыдная улыбка скривила его румяныя губы.

Я отвѣчалъ сухо поставивъ ему на видъ что намеки его не только не остроумны, но и лишены всякаго смысла, что дѣвочка лѣтъ Фатьмы....

— Дѣвочка? воскликнулъ Анджело и захохоталъ своимъ жирнымъ, противнымъ хохотомъ.—О притворщикъ! ужь будто и въ самомъ дѣлѣ вы не знаете что здѣсь въ ея лѣта выходятъ замужъ. Шутки въ сторону, je vous la recommande beaucoup, она премилая, j'en sais quelque chose, moi, еще вчера вечеромъ, avec l'amiraille, я ее искалъ и никакъ не могъ найти. Мы съ нею старинные пріятели, видъ это я надоумилъ ее назваться Фатьмою, сперва она звалась Аишъ. Voulez-vous que je vous explique?..

Нѣтъ! съ меня было довольно, я не нуждаюсь въ поясненіяхъ.

Вспомнились мнѣ двусмысленныя взгляды которыми сталъ обмѣниваться лодочникъ съ той минутой какъ я взялъ этого ладшаго ангела подъ свое покровительство; вспомнилось что Абдуррахманъ и Хаиреддинъ, лишь только я отъ нихъ отворачивался, смотрѣли мнѣ вслѣдъ съ какими-то заорадствомъ, точно къ спитъ мой былъ прицѣпленъ лоскутокъ бумага. Я не могъ, подобно Фанъ-день-Бошу, не вѣрить тому что было ясно какъ день. А Фатьма, услѣвшая со вчерашняго дня еще похорошѣть, спокойно смотрѣла на насъ своими большими невинными глазами. Снова пришла мнѣ на память дѣвочка погибшая противъ Яффы... Для меня было бы легче еслибы и эта утонула.

— Ты мнѣ больше не нужна, можешь идти куда знаешь, окказалъ я ей съ нѣкоторою жестокостью.

Не то удивленная, не то озадаченная, она въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ не двигалась, потомъ быстро выкула изъ ушей сережки, сняла съ пальца оловянное кольцо съ голубымъ камешкомъ, перекусила ожерелье, и все отдала мнѣ. Когда же вскочивъ въ сѣдло, я оглянулся на пароходъ, Анджело одною рукою обхватилъ станъ Фатьмы, другою держалъ ее за подбородокъ и цѣловалъ прямо въ губы.

Промелькнула мимо меня главная Луксорская улица съ ея убогими домиками, лавочкой и мечетью; триумфальныя ворота умчались въ даль; уже по сторонамъ дороги стелются, уносясь назадъ, молодые посѣвы риса, а я все еще угощаю

буфетчика разными лобранками, сожалѣя о томъ что онъ не можетъ ихъ слышать.

„Самъ ты huène terre-venue!“ бормочу я, шлюря каблуками осла: „chacaille ты эдакій, animaille, cocodrille противный!“

— Не правда ли, говорить между тѣмъ едва слышная за мною Франкъ-де-Шанъ-Бошъ,—не правда ли какой Анджело умный и приятный человекъ.

Жалкое существо! онъ думаетъ лишь о своей собацѣ..

То что теперь извѣстно подъ именемъ Карнака * представляло когда-то цѣлый кварталъ, почти цѣлый городъ храмовъ, которые прижимали другъ къ другу, другъ друга пересѣкали, а иногда стояли одинъ въ другомъ. Часть пространства, по расчету Дидора 13 стадій, была обнесена оградой изъ необожимаго кирпича, сохранившеюся въ видѣ невысокаго землянаго вала. Когда-то впамята развѣвались на уходившихъ въ небо бесчисленныхъ башняхъ, старужи у входовъ и во внутреннихъ храмовыхъ дворахъ сидѣли на стражѣ ларшые колоссы фараоновъ, высоко надъ ними пылали какъ жаръ позлащенные верхи обелисковъ, а съ колоннъ и со стѣнъ, нестрѣвшихъ вѣтми цвѣтами радуги, глядѣли въ грозномъ величьи въ то время еще живые могущественные боги.

Теперь мѣстность представляетъ площадь въ нѣсколько десятковъ десятинъ, устланную щебнемъ и обломками, среди коихъ обрывки громадами возвышаются полотаща стѣнъ съ изуродованными изваяніями, группы столбовъ безъ капителей, анфилады полуразрушенныхъ башенныхъ веротъ,—и Карнакъ служитъ для человека подавляюще-грустною разгадкой той судьбы какая ожидаетъ всѣ его тщеславныя земныя затѣи.

Однако слѣдуетъ, настроивъ рѣчь на сухой ладъ, снова войти въ археологическія подробности. Путешествовать, такъ путешествовать серьезно.

Верстахъ въ полутора отъ Луксора изъ почвы по краямъ пути выросли ряды сфинксовъ съ бараньими головами и небольшою статуей Амунофа III между передними лапами. Это аллея идущая отъ Луксорскихъ пропилоновъ; ближе къ Луксору сфинксы почиваютъ подъ землей. Бодрствующіе на привольѣ находятся въ печальномъ состояніи: у большей

* Деревушка Карнакъ, разсыпанная среди развалинъ, совершенно незамѣтна.

части отбиты головы, нѣкоторые вовсе искалѣчены, иныя, будучи соединены между собою галчаными или земляными отвѣсками, вошли въ составъ заборовъ, охватывающихъ придорожные огороды.

Аллея приводитъ къ храму бога Хонзу, воздвигнутому Рамзесомъ III. Здѣсь среди изображеній другихъ фараоновъ встрѣчается чуть ли не единственный въ Египтѣ портретъ похитителя престола Херхора, главы безславной династии жрецовъ *. На пилонѣ поставленномъ Эургетомъ I ** въ честь Хонзу и Мутъ извѣсны Озирисъ-Унеферъ, подземный владыка, вѣрная супруга его Изида, мать ихъ Нутъ, богиня пространства и небесъ, ученый Тотъ, Аторъ, Орусъ, богъ вечераго солнца и повелитель сѣвернаго вѣтра Атумъ, сестра и супруга Тифона Небти или Нефтисъ *** и многіе другіе.

Рядомъ съ храмомъ Хонзу помѣщается небольшое святилище Але, богини съ головой бегемота, покровительницы Фивъ; святилище построено Эургетомъ II (Фискономъ).

За этими двумя зданіями расположилса великолѣпнѣйшій изъ египетскихъ памятниковъ, Большой Карнакскій храмъ. Строился онъ слишкомъ 2.000 лѣтъ и затѣмъ въ теченіе 2.000 лѣтъ постепенно разоралса. Персидскіе цари, а позднѣе европейскія научныя экспедици и туристы понемногу ограбили его. Дѣлу олустоженія помогъ отчасти и Нилъ, новынѣ ежегодно притекающій въ капище на поклоненіе своимъ милымъ, всѣми забытымъ божествамъ. Осъ храма отъ сѣверо-запада къ юго-востоку приходится подъ прямымъ угломъ къ аллеѣ сфинксовъ, и чтобы поласть въ главные восточные ворота со стороны рѣки, надо свернуть влѣво обогнуть разныя безыменныя развалины.

Первые пропилоны, если не ошибаюсь, огромнѣйшіе въ

* XXI по числу (отъ 1095 до 965). На дочери одного изъ фараоновъ этой династии былъ женатъ Соломонъ. „Когда утвердилось царство въ рукахъ Соломона) Соломонъ породнился съ фараономъ, царемъ Египетскимъ, и взялъ за себя дочь фараона“ и проч. (Третья Книга Царствъ, глава III, стр. 1).

** Птоломей III, отъ 246 до 221 до Р. X.

*** Небти принадлежитъ къ числу свѣтлыхъ божествъ. Она вмѣстѣ съ Изидой оплакиваетъ смерть Озириса, который однажды, принявъ ее во мракѣ за свою супругу, раздѣлилъ съ нею брачное ложе. Отъ этой связи родился собачеголовый Анубисъ.

Египтъ, * образуютъ фасадъ зданія. За ними открывается просторный дворъ. Въ проходъ между башнями, на правой стѣнѣ, отъявленная воронка французская ученая экспедиція какъ бы взамѣнъ увозимыхъ ею барельефовъ выставила географическое опредѣленіе важнѣйшихъ египетскихъ памятниковъ. Если она думала что оказываетъ тѣмъ услугу человечеству, то въ концѣ ошибалась: и не прикрѣпленные къ извѣстнымъ градусамъ широты и долготы памятники не сдвинулись бы со своихъ мѣстъ, а Кармакскій храмъ ни въ какомъ случаѣ не утратился бы для потомства, хотя бы и не былъ помѣченъ „великимъ народомъ“.

Дворъ пристроенъ къ существовавшимъ уже частямъ храма фараонами Шетенкомъ, Озаркомъ и Такелотомъ. **

Посреди двора стояло двѣнадцать громаднѣхъ колоннъ; изъ нихъ уцѣлѣла всего одна съ именами Тахарки (Тиргакъ), Псамметиха и Птолемея Филопатора. *** Справа и слева вдоль стѣнъ тянутся перистилы. Налѣво въ ближнемъ углу двора Менестрой II воздвигнуть особый храмикъ, а направо въ дальнемъ концѣ, по странной прихоти Рамзеса II, стѣна прорѣзана перпендикулярнымъ къ ней зданіемъ Аммонова храма, такъ что одна часть послѣдняго стоитъ внутри Большаго Храма, другая внѣ его. На противоположной сѣверо-восточной стѣнѣ двора, снаружи, начертана живописательная исторія военныхъ подвиговъ Шетенка, греческаго Сезопанса, уломинаемаго въ русскомъ переводѣ Библии подъ именемъ Сусакима, **** и приведенъ, между прочимъ,

* Шириной въ 370, вышиной во 140 и толщиной въ 50 футовъ.

** Фараоны XXII династіи (отъ 965 до 791 до Р. X.). Про Шетенка смотри ниже примѣчаніе. Озаркомъ названъ въ Библии Зараемъ (Zerah). „И вышелъ на нихъ (воиновъ Ассы) Зарай Эіоплянинъ съ войскомъ въ тысячу тысячъ и съ тремя стами колесницъ и дошелъ до Марети“ (Вторая кн. Паралипоменонъ, гл. XIV, стр. 9.)

*** Псамметихъ I (XXVI династія) отъ 654 до 616. Птоломей IV Филопаторъ отъ 221 до 204. Тѣ же имена встрѣчаются и на остаткахъ другихъ одиннадцати колоннъ.

**** Во французскомъ переводѣ Sisak, въ англійскомъ — Shishak, въ нѣмецкомъ — Schischak. Вторая книга Паралипоменонъ, глава XII, стр. 2: „На пятомъ году царствованія Ровоама, Сусакимъ царь Египетскій пошелъ на Іерусалимъ, потому что они (Израильтяне) отступили отъ Господа. 3: Съ тысячею и двумястами колесницъ, и съ шестьюдесятью тысячами всадниковъ; и не было числа народу,

перечень покоренныхъ имъ 133 городовъ, странъ и народовъ.

Дворъ замыкается второю парой пропилоновъ, теперь полуразвалившихся; за ними находилось Мемнониумъ Сети I, зала въ 325 футовъ ширины и 160 длины (или глубины), наполненная столбами, великанами, предъ которыми даже колонны Луксорской площади показались бы карликами. Ихъ 124; двѣнадцать среднихъ (высшней въ 62 фута) имѣютъ около 34 футовъ въ окружности; остальные (болѣе 42 футовъ высоты) считаютъ въ обхватъ 27 футовъ. Такимъ образомъ ни одной изъ колоннъ не обоймутъ взявшись за руки пять человѣкъ. Часть потолка обрушилась, и плиты его безпорядочно громоздятся на полу въ тѣсныхъ промежуткахъ между столбами подпирающими небо. Кто видѣлъ эту залу, тому не захѣтъ смотрѣть другихъ развалинъ: на всемъ свѣтѣ не найдеть онъ ничего столь поразительнаго и чудеснаго.

Странствуя по далекимъ краямъ мысленно созываешь избранныхъ полюбившихся какимъ-либо необычайнымъ зрѣлищемъ: выборъ падаетъ прежде всего на насъ, а потомъ на кого-нибудь изъ родственниковъ или друзей. Но здѣсь сначала становишь въ тулукъ и, раздавленный, уничтоженный, рѣшишь только ни о комъ не думать; когда же нѣсколько попри- выкнешь къ каменнымъ чертогамъ, хочется на весь мѣръ каккнуть кличъ чтобы шли сюда всѣ безъ изъятія незнакомцы, знакомые, близкіе сердцу и заклятые враги.

Рисунки внутри Мемнониума носятъ религіозный характеръ: надменные цари, преимущественно Сети, явотствуютъ въ общеніи съ надменными богами. Снаружи представлены военныя событія: Сети побѣждаетъ племена Ремемель (Армяне?), Шели, Шазу, Техи, Хета, Ротелу; одна за другою падаютъ крѣпости Канапа (Ханаанъ?), Нивуан (Нивевія?), знакомый Кедешъ, окруженный киларисовыми роцями, и др. На одномъ рисункѣ дѣйствующими лицами являются одновременно Сети и сынъ его Рамзесъ II. Нѣкоторыя картины посвящены исключительно послѣднему: такъ онъ сражается подъ стѣнами Аскалуна (Аскалонъ) и въ послѣдствіи заключаетъ миръ съ

который пришелъ съ нимъ изъ Египта, Ливіанамъ, Сукхитамъ и Еео- лланамъ;“ „9: И пришелъ Сукакимъ, царь Египетскій, во Иерусалимъ и взялъ сокровища дома Господня и сокровища дома царскаго; все взялъ онъ, взялъ и щиты золотые, которые сдѣлалъ Соломонъ.“

Хетазиромъ, царемъ Хетовъ, причемъ, согласно обычаю удержавшемуся до нашихъ дней, договаривающіяся стороны объявляются въ той *стѣнной* дружбѣ что обыкновенно нарушается когда имъ снова придетъ время поссориться. Однако въ данномъ случаѣ цари, кажется, сдержали свое слово; по крайней мѣрѣ изъ надписи въ какомъ-то другомъ храмѣ, не помню гдѣ именно, усматривается что Рамзесъ породнился съ Хетазиромъ, женившись на его прекрасной дочери Ра-Маа-Урь-Нефру. Въ договорѣ идетъ также рѣчь о союзѣ. Въмѣсто амнистіи, непрѣмьнаго условія телеренскихъ мирныхъ трактатовъ, постановлена наоборотъ обоюдная выдача перебежчиковъ.

Изъ Мемноніума черезъ двѣ слѣдующія пары пропилонновъ совсѣмъ разрушенныхъ, входимъ въ самую старинную и вмѣстѣ самую разоренную часть храма, заложенную Узертесеномъ I * и сооружавшуюся потомъ Амесомъ, ** Тутмесами I и IV, Амунофомъ III, Рамзесомъ II и др. Тутъ стоитъ первый по красотѣ и вышины обелискъ (93 фута), на которомъ въ мужскомъ нарядѣ со шлемомъ изображена сестра Тутмесовъ II и III Ра-Маака-Амель-Хвумтъ-Хатасу, объявляющая грядущимъ родамъ что ею въ теченіе семи мѣсяцевъ, считая отъ начала работъ въ каменоломняхъ, воздвигнуты въ честь отца ея Тутмеса I два обелиска, „ихъ же позлащенные вершины касаются небесъ“. Гдѣ-то на стѣнѣ говорится что оба были сплошь покрыты чистымъ золотомъ.

Отсюда еще двѣ пары пропилонновъ, тоже разсылавшихся, указываютъ путь къ порфирнымъ останкамъ святой святыхъ, построенной Филлипомъ Аридземъ на мѣстѣ прежняго разобраннаго Персамъ *adytum*'а; къ срединной комнатѣ примыкаютъ большіе и малые локои; близъ нея въ узкомъ проходѣ помѣщается живописаніе войнъ Тутмеса III.

Далѣе, все еще въ стѣнахъ Большаго Храма, помѣщается дворецъ этого послѣдняго. Главная палата, когда-то обращенная христианами въ церковь, сохранила слѣды роскошныхъ украшеній. Въ одномъ изъ отдѣловъ, такъ-называемой комнатѣ предковъ (*chambre des ancêtres*), скорѣе похожей на рядъ

* XII династіи (2354—2194).

** По-гречески Амосъ (не слѣдуетъ смѣшивать съ Амазисомъ), XVII династіи (1597).

стоялъ чѣмъ на комнату, найдена обрѣтающаяся теперь въ Парижѣ прославленная „Карнакская таблица“, на которой Тутмесь III подноситъ дары пятидесяти шести своимъ предметамъ.

За дворцомъ Карнакскій храмъ кончается, протянувшись на разстоянн безъ малаго 1.200 футовъ. У задней половины его близъ юго-западной стѣны расположено небольшое озеро, именуемое „озеромъ дагаби“ и вѣроятно служившее для извѣстныхъ обрядовъ. * Отъ середины той же стѣны перпендикулярный къ ней рядъ дворовъ, соединенныхъ или вѣрнѣе раздѣленныхъ проливами и затѣмъ дромось (аллея сфинксовъ) направляются къ храму богини Муть, съ именами Латура и Аулета Птолемея ** на остаткахъ воротъ и множествомъ изувѣченныхъ, разбросанныхъ по полу червогранитныхъ статуй львинообразной богини Пахтъ. За этимъ храмомъ огибая его лежитъ другое озеро—лодковидное.

Внутри кирпичной ограды, измѣренной Дюдоромъ, и кругомъ нея находится еще много храмовъ (числомъ до двадцати) всякихъ размѣровъ и образца; за рѣдкими исключениями они почти совсѣмъ уничтожены; большій, отъ коего видѣтся одно основаніе, построенъ Амунофомъ III и дополненъ Менесфтой, Рамзесомъ IV и Птолемеями.

Мы больше ничего не осматриваемъ, мы скачемъ обратно въ Луксоръ: вѣсть о счастливой охотѣ Фанъ-денъ-Боша мигомъ облетѣла общество, застигнутое нами среди великихъ развалинъ, и оно слышитъ подивиться на убитаго звѣря.

На *Saudie* вокругъ животнаго полнымъ синклитомъ собралось консульское семейство: сосредоточенный Мустафа, губернаторъ оливковый и мрачный какъ градовая туча, Ахметъ, малолѣтніе Добчинскій и Бобчинскій и „другъ дома“ Абдурахманъ. Безъ сомнѣнія дѣло уже выяснилось, Абдурахману досталось отъ предержавшихъ властей за мошенничество, и консулъ ждетъ нашего возвращенія лишь затѣмъ

* По Геродоту такіе обряды происходили ночью и заключались въ мимическихъ представленіяхъ. Названіе озера быть-можетъ заимствовано древними Египтянами, у коихъ священныя лодки играли въ обрядахъ важную роль.

** Аулетомъ, т.е. флейтовщикомъ, назывался Птоломей XIII (отъ 80 до 52), отецъ знаменитой Клеопатры (VII).

чтобы всеародно извиниться предъ Бельгійцемъ. Въ воздухѣ чувствуется какой-то скандалъ. Онъ имѣеть произойти неизбежно: мнѣ остается только быть его непричастнымъ свидетелемъ. Я вынимаю лампартную книжку.

Путешественники, шумя и толкаясь, взошли на пароходъ, но увидавъ распростертую овчарку, смолкли въ замѣшательствѣ; вскорѣ послышалось хихиканье и глухіе протесты, обращенные къ Анджемо, который сталъ надъ мохнатымъ трупомъ въ позѣ импрессарио. Безлокойнѣ всѣхъ былъ мистеръ Поммерой.

— Помнится, я слушалъ лекціи изъ естественной исторіи, говорилъ онъ вполголоса,—и много посѣтилъ на своемъ вѣку всякихъ звѣриновъ и зоологическихъ садовъ, но подобныхъ гнѣвъ видѣлъ только на скотномъ дворѣ...

Но задѣтый за живое Анджемо доказывалъ что недостаточно гулять по зоологическимъ садамъ чтобы знать естественную исторію, и что путешествіе въ обществѣ такого свѣтила науки какъ Брэмъ можетъ замѣнить слушаніе курсовъ въ университетѣ.

Никто однако не обращался прямо къ Фанъ-день-Бошу; даже коварная miss Emely не раскрывала устъ. Конечно, неприятная и вмѣстѣ съ тѣмъ трудная задача вывести Бельгійца изъ заблужденія лежала на консулѣ.

— До слезъ скорблю, началъ онъ, взявъ за руку Фанъ-день-Боша, и я потупилъ взоръ, вчуя страхась послѣдствій предстоящаго приговора:—до слезъ скорблю о томъ что вашъ товарищъ ничего не убилъ, но за васъ я радуюсь какъ за роднаго сына...

— А лучшее мѣсто всегда имѣлъ the other one (другой), вставилъ Абдуррахманъ, указавъ на меня пальцемъ, и такъ при этомъ улыбнулся что мнѣ невольно вспомнилась моя потерянная казнь подъ воротами Деиръ-эль-Медине.

Остановивъ его знакомъ, консулъ продолжалъ... Къ сожалѣнію до смысла рѣчи я опять-таки никакъ не могъ добраться: расточались похвалы и увѣренія въ преданности не то Фанъ-день-Бошу, не то нашимъ ружьямъ, не то мнѣ, не то проводнику, выводилось какое-то общее заключеніе о западномъ прогрессѣ и даже упоминалось про согласіе великихъ державъ. „Въ такомъ случаѣ обманъ еще не разоблачился“, подумалъ я; „все равно, губернаторъ, только изъ вѣжливости не леребивающій отца, сейчасъ пристыдить Абдуррахмана и откроетъ глаза Бельгійцу.“

Однако когда Мустафа-Ага кончалъ растопыривъ въ воздухъ всѣ десять пальцевъ, губернаторъ, грозное лицо котораго еще болѣе насушилось, торжественно промолвилъ: „it is a hyaena!“ * Какъ будто вопросъ только и зависѣлъ что отъ рѣшенія мѣстоаго начальства.

А что же Ахметъ, этотъ милый, ловкій, почти образованный юноша? развѣ онъ не слышитъ сдержаннаго смѣха туристовъ? Развѣ онъ не замѣчаетъ ихъ вопросительныхъ взглядовъ? Ему бы такъ легко замать дѣло или обратить его въ шутку... Нѣтъ! Взявъ Бельгійца сзади за плечи, онъ съ беззаботною игривостью шелчетъ ему въ ухо какія-то льстивыя слова, отъ которыхъ тотъ еще лучше сіяетъ и улыбается.

Благовоспитанные Мустафа-Баши ибнъ Мустафа-Баши и Амивъ-Баши ибнъ Мустафа-Баши не смѣли вовсе говорить въ присутствіи родителя, да еслибъ и смѣли, то врядъ ли могли выжать изъ себя малѣйшее словечко; видъ моеи книжки, гдѣ были увѣковѣчены ихъ имена, привелъ юныхъ пашей въ состояніе блаженнаго столбняка.

Такъ заключилась церемонія обращенія собаки въ гіену, и консулъ пригласилъ меня и Бельгійца зайти въ большую книгу итогъ нашей охоты.

Первообразъ той ямы или провала, что слѣдовало бы выдумать для туристовъ,—фолиантъ заключалъ множество крупныхъ и бисерчатыхъ записей. Пока Фанъ-деъ-Бошъ сидѣлъ надъ нимъ подбирая приличный обстоятельству оборотъ рѣчи, я читалъ ихъ черезъ его плечо. Послѣдняя была отъ 17 февраля новаго стила: „Mr. and Lady Elisabeth Z. Melchior Carter“, значилось въ ней, „and Miss Carter, on their return from Wadi-Halfa shot three crocodiles, but two of them got away into the river, and one was also lost.“ ** Подъ этими словами Бельгіецъ написалъ: „Nous soussignés déclarons avoir rapporté de la chasse une hyène terre-neuve, abattue d'un seul coup de fusil par mr Edmond Van den Bosch“, *** и мы оба приложили

* Это гіена.

** Такіе-то при обратномъ слѣдованіи изъ Вади-Хальфы застрѣлили трехъ крокодиловъ, но два изъ нихъ ускозили въ рѣку, а третій тоже пропалъ.

*** Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ что привезли съ охоты гіену-водолаза убитую съ одного выстрѣла Эдмондомъ Фанъ-деъ-Бошемъ.

руку. Въ ту минуту мнѣ не приходило въ голову что я за вѣдомо подкрѣпляю совершеннѣйшую хотя и невивую чепуху. Мнѣ казалось что иначе я не могу поступить, что связанный рекомендательнымъ письмомъ, любѣжденный Абдурахманомъ и многочисленными его союзниками, я подписываю калитупацію.

Фавъ-деъ-Бошъ отсылалъ проводнику крупный бакшишъ— не знаю сколько именно, но видѣлъ что золотомъ.

— Зачѣмъ это? спросилъ я,—вѣдь вы ему уже дали.

— Увѣраю васъ, нѣтъ.

— А какъ же? въ его домѣ; еще помните ушли отъ меня въ уголь?

— То я у него двухъ жуковъ купилъ,—неолокко было отказаться... Впрочемъ я доволенъ; заплатилъ пустяки, 50 франковъ, а посмотрите что за прелести!..

Жуки были лоддѣльные, цѣною въ два лиэтра.

Обѣдали у губернатора. Двери его даже были убраны пальмовыми вѣтвями, а на веревкѣ протянутой надъ пескомъ между ближними акаціями горѣло десятка два цвѣтвыхъ фонарей. Такими же фонарями были увѣшаны потолоки приемныхъ. Въ одной находились три круглые обѣденные стола: не было на нихъ ни скатертей, ни стакановъ, ни приборовъ. Скатерть замѣняла жестяная крышка съ загнутымъ кверху какъ у подвеса ободомъ; на ней, намѣчая мѣста, лежали одѣжки да большіе ломти сѣраго хлѣба. Меня, мистера Поммера и Бельгійца посадили между дамами за почетный столъ, гдѣ въ коричневыхъ халатѣ и шароварахъ африканскимъ праотцемъ предсѣдалъ Мустафа-Ага. Губернаторъ и его братья вмѣстѣ съ босовогами Арабами служили за столами.

Обѣдъ изъ 13 перемѣнъ прошелъ очень быстро; кушанья, помѣщавшіяся для общаго пользованія на средину стола, ѣлись руками (кромѣ сула, который доставался ложками). Мясо и птицы были къ тому приспособлены, то-есть настолько распарены что волокна ихъ расплзались сами собою и вслѣдствіе этого можно было безъ малѣйшаго труда добыть себѣ любой кусокъ,—стоило лишь, воткнувъ въ блюдо пальцы, скрючить ихъ тамъ на подобіе ястребиной лапы и тащить къ себѣ. Если же какая-нибудь индѣйка или барашекъ оказывали сопротивленіе, ихъ раздирали въ четыре руки подослѣвшіе губернаторъ и Ахметъ, а потомъ уже Мустафа

собственноручно одѣлалъ дамъ самыми сочными кусками, причеиъ съ пальцевъ жиръ стекалъ по его рукаиъ за рукаиъ.

Трапеза зажиточныхъ Арабовъ, сохранившая первоначальную простоту, несравненно характернѣе стола богатыхъ Турокъ, весьма ладкихъ на европейскую обстановку. Однажды въ Рамазанъ я былъ приглашенъ на официальный *ифтаръ* къ верховному визирю *. Тамъ столы, подносы, какъ вѣчто постыдное, были прикрыты скатертами, блестяли хрустальные графины и судки, приборы красовались полностью, и прислуга приносила подъ полой красное вино для иностранныхъ гостей. Словомъ, все было совсѣмъ какъ слѣдуетъ, совсѣмъ „à la frança“. ** Но когда одинъ изъ дипломатовъ, хорошо знавшій турецкiе обычаи, взялъ что-то пальцами съ блюда, оттоманскiе министры перемигнулись, засмѣялись, закивали головами, повторяя: „à la turça, à la turça!“; *** съ той поры стѣснительные ножи и вилки были оставлены: куски, мизуя тарелки, эту лишнюю въ домашнемъ обиходѣ инстанцію, отправлялись въ ротъ непосредственно руками.

Что касается выбора блюдъ, ихъ числа и порядка сервировки, *ифтаръ* мало отличался отъ обѣда луксорскаго губернатора. Помню, у верховнаго визиря подавали *кебабъ*, **** горячее варенье изъ айвы, начиненные кабачки, рубленую говядину въ виноградныхъ листьяхъ, сладкое блюдо изъ протертыхъ филеевъ цыплятъ, лилавъ на костовомъ мозгу и прозрачно-желтую жидкость, въ родѣ взвара, который въ Малороссiи „кушается“ на сочельникъ съ кутьей. Почти всѣ эти яства, такъ же странно стасованныя, жаркiя послѣ пирожныхъ, соусы послѣ жаркихъ—повторились и въ Луксорѣ.

Такъ какъ за обѣдомъ не обо что было утираться, то по окончанiю его губернаторъ Ахметъ и старикъ Мустафа подали гостямъ умыться: одинъ держалъ тазъ, другой лилъ на руки воду, третiй завѣдывалъ полотенецемъ. Арабское радушiе проявлялось во всей своей патрiархальной простотѣ.

* Рамазанъ, мусульманскiй постъ, заключается въ полномъ воздержанiи отъ пищи въ теченiе дня. Съ закатомъ солнца садятся за обильный обѣдъ. Это-то ежедневное розговѣнье и называется *ифтаромъ*.

** Константинопольское выраженiе. Значить „по-европейски“.

*** Т.-е. по-турецки

**** Жареные кусочки баранины, наломанные татарскiй шамлыкъ.

Въ гостиной убранной персидскими коврами г. Кукъ передалъ намъ желаніе губернатора чтобы кто-либо изъ насъ отъ имени всѣхъ путешественниковъ произнесъ какую-нибудь рѣчь, и мистеръ Поммерой въ витиеватыхъ выраженіяхъ поблагодарилъ любезнаго хозяина, „который, познаквивъ въ нашемъ лицѣ западную цивилизацію съ восточнымъ хлѣбосоольствомъ, доказалъ что на Востокѣ ѣдятъ вкуснѣе чѣмъ на Западѣ, и что слѣдовательно хлѣбосоольство выше цивилизаціи“. Шутникъ сумѣлъ настолько поддѣлаться подъ красоты арабской реторики что его было такъ же трудно ловить какъ самого Масафа-Агу. Губернаторъ, добивавшійся слеча только затѣмъ чтобы въ отвѣтномъ словѣ явить собственное краснорѣчіе, вышелъ на средину комнаты.

„My ladies and my lords“, сказалъ онъ, окинувъ насъ начальствующимъ взоромъ, и смолкъ подъ напылкомъ удовлетвореннаго тщеславія. Кругомъ него въ пестрыхъ лутевыхъ нарядахъ сидѣли и стояли передовые люди разныхъ странъ, представители той цивилизаціи о которой сейчасъ такъ хорошо было сказано, своего рода посланники аккредитованные къ нему на сегодняшній вечеръ со всѣхъ концовъ земли; тутъ было самое аристократическое общество, высокопоставленныя лица, блестящая молодежь Стараго и Новаго Свѣта... Какія булавки въ галстукахъ, что за ленточки въ петлицахъ, сколько лорнетокъ и бантовъ! У губернатора высохло во рту и сдавило горло; прошло минуты двѣ, онъ все молчалъ... Онъ сознавалъ что опростоволосился, и все-таки ему было невыразимо пріятно: правда, ему крайне недовко, всѣ видятъ его смущеніе, быть-можетъ смѣются надъ нимъ, но вѣдь онъ всему причиной, на него устремлены всѣ взгляды, отъ него ожидаютъ чего-то, и делегаты народовъ, затаивъ дыханіе, не шелохнутся... Полжизни отдалъ бы за эти мгновенія.

— Господа, желаю вамъ здоровья, выговорилъ онъ наконецъ остылшимъ отъ молчанія голосомъ, когда путешественники, послѣ долгаго напряженнаго вниманія, стали уже перешептываться между собой.

Все семейство провожало насъ до пароходовъ; спереди и сзади прислуга жгла бенгальскіе огни, озаряя ими то песчаную поляну, то груллу пальмъ. Отъ времени до времени вдали, куда едва доносился отблескъ огней, неопредѣленный призракъ, перебравшись съ ворчаніемъ чрезъ улицу, взлеталъ

на земляную изгородь; приблизясь, мы различали лесью морду, уставившуюся на ночное шествіе.

—There is a good shot for you, mister Van den Bosch,* воскликнулъ однажды мистеръ Джонсонъ, и день чуть не закончился катастрофой.

Пылкій Бельгіецъ схватилъ меня подъ руку.

—Такъ какъ вы расписались въ книгѣ, сказалъ онъ доверительно,—то прошу весь быть моимъ секундантомъ.

И вотъ было къ чему повело мое легкомысліе!.. Къ счастью мнѣ удалось убѣдить Фанъ-день-Боша что Джонсона вызывать не слѣдуетъ, ибо, вопервыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ онъ какъ Англичанинъ откажется драться, во вторыхъ, если не откажется, то дуэль будетъ неприятна для Miss Emely,—и дѣло обошлось безъ кровопролитія.

8 февраля.

Колеса работаютъ съ самаго разсвѣта, Луксоръ скрылся, и трехдневная стоялка наша въ Фивахъ отошла въ область волюмпаній,—даже „на память“ не сохранилось у меня ни одной вещицы: кулленныхъ жучковъ я растерялъ, мумію убиса стащилъ кто-то, а колечко, серьги и ожерелье Фатъмы пришлось выбросить за бортъ, такъ отъ нихъ воняло касторовымъ масломъ (его, надо полагать, употребляютъ вмѣсто духовъ). Впрочемъ *Saidie* увозитъ изъ Фивъ живой залогъ—Ахмета Мустафу: онъ ѣдетъ съ нами до Ассуана и обратно. Сначала каюта моя съ лустующею койкой очень привлекала его вниманіе, но ключъ отъ нея я пряталъ какъ драгоценность, и Анджело былъ принужденъ отвести гостю особое помѣщеніе,—маленькую канурку, откуда было предварительно вынесено много цвѣтныхъ галстуковъ и бархатныхъ жилетовъ.

Послѣ завтрака пришли въ Эсна или Исна, небольшой городокъ**, съ неизмѣнными глиняными домиками, жалкими кофейнями и запахомъ дыма. Мѣсто славится лучшимъ въ Египтѣ климатомъ. Построенная на развалинахъ древняго Латополиса, города богини Аторъ и рыбы Латуса, Исна сохранила среди своихъ хижинъ храмъ временъ Птолемеевъ.

* Отащный для васъ выстрѣлъ мистеръ Фанъ-день-Бошъ.

** На западномъ берегу.

Ко храму этому мы отправились лѣшкомъ черезъ кварталъ *Gavazi*—ночныхъ бабочекъ, невидимыхъ дневною порою, а потомъ черезъ базаръ, гдѣ продаются грубыя полотенца съ кушеческимъ узоромъ, вышитымъ канителью и шелками. Кругомъ насъ изобрѣтательныя мальчишки вертѣлись колесомъ или притворялись калѣками,—у кого вскакивалъ за плечами горбъ, у кого витушкой сводило руку: цыне разбивали о собственную голову арбузы и угощали ими путешественниковъ. Безобразныя старухи въ черныхъ лохмотьяхъ недвижимо сидѣли у стѣвъ, подобныя угольнымъ мѣшкамъ выставленнымъ для продажи... Мѣшки были когда-то веселыми, безлечными баадерками, сіявшими въ ореолѣ молодости, красоты и счастья, но давно отлясали они свою красную весну, и теперь, всѣми покинутыя, доживаютъ вѣкъ въ уличной пыли.

Храмъ находится подъ почвой и набить пломъ и щебнемъ; только внутренность портика опростана (по приказанію Мехмедъ-Али, посѣтившаго Эсна въ 1842 году). Противъ заоченьныхъ лачугъ торчатъ изъ земли верхи переднихъ колоннъ, поддерживающихъ нетронутую крышу, и съ надворья можно какъ съ хоръ смотрѣть въ глубокое темное помѣщеніе. Надъ остальными частями (не откопанными) вдоль и поперекъ пересѣкаются городскія улицы. Общимъ видомъ портикъ напоминаетъ „Большой Небесный Покой“ въ Дендерѣ, но колонны, подъ стѣвъ которыхъ спускаешься по крутой лѣстницѣ, стройнѣе и выше*. Калители ихъ представляютъ цвѣты палируса, виноградныя листья, вѣтви пальмъ и проч. Колонны и стѣны однообразно-сѣраго цвѣта, безъ признаковъ краски, до верху покрыты вѣзными рисунками и мелкими іероглифами. Картины изображаютъ боговъ-супруговъ Нумъ Ра и Небъ Ну и дѣтище ихъ Хака Пе Хротъ, которымъ царя привосятъ по заведенному порядку жертвы. Основателями названы Птоломей VII Филометоръ, мать его Клеопатра I и Эургеть II. Полагаютъ однако что первымъ закладчикомъ былъ Тутмесъ III. Въ надписяхъ упоминаются также римскіе императоры: Тиберій, Клавдій, Веспасіанъ, Домиціанъ, Траянъ, Адріанъ и Антонинъ Благочестивый. Дверь ведущая изъ портика въ локои наоса завалена до архаива камнями и мусоромъ; предъ нею стоишь какъ на

* 55 футовъ высоты, при 16 съ чѣмъ-то въ обхватѣ; какъ и въ Тенгирскомъ храмѣ богини Аторъ,—ихъ 24.

порогъ новаго, еще неизвѣданнаго міра, и подъ обаяніемъ тайны воображаешь не вѣсть какія чудеса, а тамъ навѣрно тотъ же сѣрый камень, такіа же вереницы царей въ коллаковидныхъ шлемахъ и боговъ съ птичьими и другими головами, состязующихся въ неуклюжести и высокомеріи, тѣ же звуки и фигуры вѣловатыхъ писменъ, безсвязные и утомительные какъ горячечный бредъ....

Но мы уже снова въ пути. Общество, ища по обыкновенію пролады и воздуха, расположилось наверху подъ тентомъ, и здѣсь моимъ поверхностнымъ наблюденіямъ открыто широкое поле. Другъ противъ друга, зарывшись въ нумерахъ *New York Herald'a*, какъ-то лакомо дремлютъ мистеръ и мистрисъ Поммерой. Лица ихъ и во снѣ продолжаютъ выражать двѣ крайности—насмѣшливый умъ и сентиментальную глупость. Miss Emily, болтая вперерывъ со всѣми туристами, сторонится одного Фанъ-денъ-Боша: она, кажется, возненавидѣла его за собачью шкуру подаренную ей вчера при всемъ собраніи. Убитый горемъ, пламенѣя любовью и ревностью, онъ притворяется однако равнодушнымъ и усердно твердитъ арабскія вокабулы... Анджело, сумѣвшій остаться съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, дружески развлекаетъ его какими-то небылицами. Непосѣда-ученый, глядя за горизонтъ, мыслить о судьбахъ человѣчества. Обновляя подарокъ Бельгійца, подозрную трубу, Ахметъ-Мустафа тщетно старается увидать въ нее Эль-Кулу, самую южную и чуть ли не самую незначительную изъ египетскихъ пирамидъ. Прочая компанія подъ предсѣдательствомъ мистера Джея и миссъ Монро, играетъ въ загадки, а серьезные люди—я и Miss Gertrude—залисываютъ свои путевыя впечатлѣнія.

— Dear me! * какъ у васъ много выходитъ, удивленно говорить она,—изъ этого пожалуй цѣлая книга наберется. Но для чего вы пишете по-русски? Какой вы право забавный! Кто же васъ будетъ читать?

Дневникъ Miss Hertrude болѣе сжатъ чѣмъ мой. Событія намѣчены въ немъ общими чертами. Напримѣръ:

„Cairo, 11 march (n. s.). All day we were shopping with Ма“ **.

* Непереводимое восклицаніе, соответствующее нашему „Боже мой“.

** Весь день ходили по лавкамъ съ Мама.

„Сіута 14 марта. Мой donkey „boy“ раздавилъ мою шапку. „Ра“ очень смѣялся *.

„Кэнъ, 15 марта. Emily отдала мнѣ свой розовый атласный поясъ“.

„Луксоръ, 18 марта. Я умѣю сказать: gawareety-lee we ra goosku. ** Меня научилъ одинъ господинъ“ (это былъ я).

„Исна, 20 марта. „Ра“ утверждаетъ что здѣсь есть большой модный магазинъ; мы съ „Ма“ его не нашли“...

Шумъ колесъ, жара, блескъ солнца и рѣки, чѣмъ дальше ѣдешь—все болѣе и болѣе располагаютъ къ нѣгѣ и сну. Туристы ежеминутно зѣваютъ, потягиваясь, и сами пароходы какъ будто лѣниwie лѣзятъ Нилъ. А кругомъ васъ все заснуло. Подобный неизмѣримоу дугу, освѣщенный рѣдкими пальмами, лочиваетъ въ истомѣ Египетъ. Надъ нимъ въ небесахъ слять коршуны, ширяя на распростертыхъ крыльяхъ. По отмелямъ слять орлы и пеликаны, и пробужденные выстрѣлами, въ какомъ-то изнеможеніи, какъ бы нехотя, снимаются съ обсиженныхъ мѣстъ; напрасно! картечь, не долетѣвъ до берега, сонная ладаеть въ рѣку.

Суматоха на палубѣ вывела насъ изъ сладостнаго оцѣлевнїя: буфетчикъ, прислуга, команда, все бѣжитъ къ кухнѣ; машина свиститъ, капитанъ кричитъ и машетъ рукой; наконецъ передній пароходъ останавливается и съ него съѣзжаетъ къ намъ Итальянецъ докторъ. Оказывается, одинъ изъ лакеевъ, доставая вино, улялъ въ трюмовый логребъ и расшибся: лежитъ блѣдный, съ помутившимся взглядомъ, тяжело дышетъ, не отвѣчаетъ на разпросы. Докторъ прописалъ ему... слабительное. Какъ большая часть итальянскихъ медиковъ, онъ употребляетъ это средство ото всякихъ болѣзней, и еще недавно къ тайной радости Бельгійца въ лошадиныхъ приемахъ давалъ оное Джонсону противъ зубной боли. Къ вечеру слугъ стало лучше.

Въ сумерки прошли мимо Эль-Каба (восточный берегъ) съ остатками набережной, крѣпостною стѣною толщиной въ 82 фута и гробницами древняго Элеѳіасполиса, а когда совсѣмъ стемнѣло, замочевали противъ деревеньки Эдфу, древній Ар-роліііоролііс Магна (въ іероглифахъ Тебъ или Худъ).

* „Ра“ и „Ма“ сокращенное отъ „рара“ и „мамма“.

** Т.-е. говорите ли вы по-русски.

Знаменитый мореплаватель пришелъ объявить что завтра утромъ мы посѣщаемъ ея храмъ и что въ виду этого breakfast назначенъ въ половинѣ седьмого. Но возгласы, хохотъ и шиканіе заглушили его слова. Туристы возмущались поголовно, никто не хотѣлъ вставать въ шесть часовъ, и г. Кукъ долженъ былъ дать намъ полуторачасовую отсрочку, послѣ чего удалился осыпанный какъ цвѣтами рукописаніями.

9 февраля.

Ослы... Замѣчаю что слишкомъ часто говорю въ своихъ наброскахъ объ ослахъ и о логонщикахъ, но что же дѣлать? Начиная день среди ихъ шумнаго табора, мы проводимъ съ ними полжизни, и какъ *преобладающее* „путевое впечатлѣніе“ они невольна на каждой страницѣ просятся подъ перо... Ослы, которыхъ на утренней зарѣ пригнали изъ Эдфу, отстоящаго за версту отъ рѣки, были тщедушнѣе и ободраннѣе чѣмъ гдѣ-либо; за то такихъ горластыхъ и бѣсноватыхъ мальчишекъ мнѣ равнымъ образомъ нигдѣ еще не случалось видѣть: живи они въ менѣе благодатномъ краѣ, навѣрно всѣ кончили бы чахоткой. Своихъ жалкихъ скотинокъ они тащали и за узду, и за стремя, и за хвостъ, били ихъ, полагывали щелкой, вскакивали на нихъ, ныряли подъ нимъ, и все это безъ малѣйшей видимой надобности. Возгласы и крики тоже не имѣли никакого значенія: англійскихъ словъ здѣсь знаютъ гораздо меньше чѣмъ въ Оивахъ и въ обхожденіи съ цыганами почти исключительно употребляется привѣтствіе „good morning“, повторяемое десятки и сотни разъ; оно оглушительно какъ все что произносятъ ослашки и къ тому же выкрикивается такъ торопливо и озабоченно что всякій разъ непременно вздрогнешь,—въ невинныхъ словахъ положительно слышится какое-то залоздаое остереженіе отъ неминуемой уже гибели. Каирскій и александрійскій обычай рекомендовать ослѣ по имени дошелъ и сюда. Предъ туристами точно на переключкѣ провозглашались разные „Кяли“, „Дервиши“, „Джериды“ и проч. Одинъ логонщикъ оралъ: „My donkey Michael, my donkey christian“ * и для большей убѣдительности крестился, хотя обмотъ вокругъ его головы

* Моего осла зовутъ Михаилъ, мой оселъ христіаникъ.

показывалъ что онъ мусульманинъ и даже *хаджи*, т.-е. побывалъ на богомольи въ Меккѣ.

Мальчуганъ подбѣгавшій ко мнѣ разъ восемь чтобы на слѣхъ прокричать въ лицо „good morning“, въ девятый разъ остановился протѣвъ меня какъ вколпанный и размахивая руками принялся твердить во все горло и на всѣ лады: „I donkey, you donkey, you donkey, I donkey...“ Предлагалъ ли онъ свое животное, думалъ ли блеснуть знаніемъ англійскаго языка, или просто хотѣлъ огорошить меня любезностями—не знаю, но подобное спряженіе такъ подѣйствовало на мои нервы что замухнувшись на спрягателя бамбуковою тростью, я прогналъ его грознымъ „пошелъ вонъ, болванъ!“

— Comment dites-vous? *pacho... pacho! vonn?* переспросилъ Бельгіецъ:—Ah, mais vous me devancez en arabe. N'est-ce pas, ça veut dire: *va-t-en, laisse moi tranquille!* П vous а compris, il а pris la fuite, * и русскія слова мои, не исключая и *болванъ*, были записаны въ арабскія вокабулы.

Храмъ въ Эдфу похожъ на Дендерскій, съ которымъ находится въ сокровенной религіозной связи: боги ихъ—Орусъ, покровитель Арролінополис Магнае, и Аторъ, владычица Тентеры, сѣзжались по Нилу на свиданіе. Впрочемъ храмъ въ Дендерѣ отколпанъ лишь изнутри, тогда какъ Эдфускій весь наружи, на свѣту: далеко во всѣ стороны разгребены камни и сухая грязь, наполнявшіе до верху его дворы и покои. Лѣтъ двѣнадцать назадъ все зданіе было подъ землею; надъ его кровлей стояла деревня, и только высокія башни-пропильны выросли изъ почвы словно вскинутыя къ небу руки утопленника-великана. Земля сберегла кладъ во всей его не прикосновенной прелести: входные ворота, красивый дворъ, некрытые переходы, колонны, потоки, карнизы, плиты пола—все цѣло и невредимо. Если въ другихъ храмахъ надписи приходится читать урывками на разрозненныхъ обломкахъ, то здѣсь, напротивъ, онѣ не имѣють пробѣловъ. Барельефы непрерывными рядами тянутся по стѣнамъ внутри и наружи. Правда, головы боговъ, фараоновъ, священныхъ лицъ и животныхъ посвѣчены какъ вездѣ, кромѣ того у человѣческихъ фигуръ выколупаны кисти рукъ и ступни, но изъявъ

* Какъ вы сказали? *pacho... pacho! vonn?* Да вы меня обгоняете въ изученіи арабскаго языка. Неправда ли, это значитъ: *уйди, оставь меня въ покои?* Онъ понялъ васъ—убѣждалъ.

замѣтенъ лишь вблизи, для науки же онъ не представляетъ важности, потому что рисунокъ всюду поясненъ текстомъ. Такимъ образомъ храмъ Appolinopolis Magnae являетъ самую полную главу каменной библии Египта.

Сохранность памятника тѣмъ болѣе удивительна что выстроенъ онъ изъ непрочнаго песчаника, на которомъ и нѣгооть оставляетъ глубокой слѣдъ. Я своими глазами видѣлъ какъ возлѣ святой святыхъ, гдѣ въ гранитномъ ларѣ хранилась статуя Оруса, молчаливѣйшій изъ нашихъ спутниковъ, безъ помощи какихъ бы то ни было орудій, посредствомъ одного лишь большого пальца, выцарапалъ на какомъ-то фараонѣ свой адресъ: „John Oister, U. S. Chicago. 99“.

Кромѣ всякихъ религіозныхъ, историческихъ, географическихъ и астрономическихъ свѣдѣній, на стѣнахъ храма выгравирована еще довольно подробная его автобіографія. Въ ней говорится что торжество закладки произошло „седьмого элифа, десятого года царствованія Птолемея III Эургета I“, то-есть 11го или 12го августа 237 до Р. X., что зданіе сооружалось разными царями до Птолемея XIV Аулета включительно, что планъ принадлежитъ архитектору Эй-эли-хотель-Эръ-Си-Пта и проч. * На воротахъ приведены въ египетскихъ локтяхъ размѣры какъ всего храма, такъ и отдѣльных его частей. За дворомъ и многоколоннымъ портикомъ каждое помѣщеніе имѣетъ свое названіе. Есть тутъ „звѣздная комната“ для омовенія царя, предъ входомъ его въ дальнѣйшія, заветныя палаты, „библіотека“ съ заглавіями содержавшихся въ ней сочиненій, „Поварская“, „Храмъ Побѣдъ“, „Чертогъ Приношеній“, „Покой бога Сахема“, охранителя драгоценныхъ камней, и другіе.

Пропилоны, замыкающіе дворъ спереди, любопытны во многихъ отношеніяхъ. На лицевой ихъ сторонѣ выдолблены четыре отвѣсныя жолоба, куда были вдѣланы древки знаменъ; знамена, повѣствуется на западномъ пропилонѣ, предназначались къ тому „чтобы сломить непогоду небесъ“. Слова эти наводятъ Бругша на мысль, не были ли такіе мачтовые флаштыки первообразомъ громоотводовъ. 242 ступени, такъ мало поддержанныя что въ сравненіи съ ними истертая лѣстница европейскихъ колоколенъ показались бы тысячелѣтними,

* Судя по одной надписи можно предположить что этотъ храмъ воздвигнутъ на мѣстѣ другаго времямъ Тутмесса III.

ведутъ круговымъ ходомъ сквозь четырнадцать ярусозъ на верхнія террасы башень: во всякомъ ярусѣ къ ходу примыкаетъ полутемная комнатка; свѣтъ имѣеть въ нее доступъ лишь чрезъ небольшой пробой, снаружи незамѣтный. Съ террасы открывается строгій и вмѣстѣ прекрасный видъ на храмъ. Правильное, соразмѣрное, изящное зданіе лежитъ внизу какъ на ладони, и все въ немъ особенно свѣжо, чисто, прибрано... Если отсюда долго всматриваться въ памятникъ, со зрителемъ происходитъ что-то чудное: всѣмъ существомъ отлетаетъ онъ въ далекія минувшія времена, какъ будто и впрямь уносится куда-то назадъ въ безконечное пространство, стремась такъ быстро что въ головѣ не удерживается мыслей, онъ отстають по дорогѣ; несется онъ, несется, и прилетаетъ въ обильный край съ пышными городами-столицами, фараономъ-самодержцемъ, великими жрецами, шлемоблещущимъ войскомъ, въ древній край, который понятенъ, близокъ, почти осязаемъ. Безъ усилія постигаешь воображеніемъ могущественное государство, покорившее „стразы полудня и полночи“, духовнымъ чутьемъ чуешь стародавнсе прошлое, исповѣнное жизни и молодости, съ его килучею дѣятельностью, богатствомъ, роскошью и празднествами, съ его ремеслами и искусствами, со всѣмъ его блестящимъ и многостороннимъ развитіемъ, безвозвратно отошедшимъ въ вѣчность, и до котораго въ потѣ лица дохалываются нынѣшніе ученые.

Стоить только оглянуться чтобъ изъ прежняго Египта сразу примчаться обратно въ нынѣшній: въ противоположной сторонѣ, то-есть предъ храмомъ, высыпана деревня, въ 1864 году сметенная съ его крыши Марьеть-беемъ. Низенькія ограды, пересѣкаясь подъ разными углами, образуютъ свѣтлыя кѣлѣтки, среди коихъ глиняными кубами стоятъ глухія избушки; на однихъ лежитъ солома, на другихъ сушится навозъ, третьи ничѣмъ не прикрыты своей наготы, и не разберешь, гдѣ закуты для скота, гдѣ человѣческое жильё? А внизу у подножья башни оборванная толпа, смѣшавшаяся съ ослами, вотъ уже полчаса безъ умолку кричитъ: „бакшишъ“, „ка-тархеракъ“ и „good morning“.

Верстахъ въ 35 отъ Эдфу рѣку олять спирають утесистыя горы по имени Джебель Сильсилъ (200 фут.). Ширина Нила не достигаетъ здѣсь и двухсотъ сажень (1.095 футовъ). Въ

отвѣсахъ горъ съ обѣихъ сторонъ видѣются старинныя каменоломни, поставлявшія материалъ для большей части сооруженій Нильской долины,—каменоломни, гдѣ на живой скалѣ, какъ на скрижали записано какимъ царемъ и для какой надобности выпилены брусья. Нѣкоторыя угабленія обращены въ мемноіумы съ фараонами и богами по стѣнамъ. Изъ боговъ чаще другихъ встрѣчается богъ Нила или Алимуну: ему ввѣрялась судьба славляемыхъ камней.

Миновавъ Оилъсилъ, мы „по расписанію“ очутились въ Нубіи. Фирма Томаса Кука изъ долгаго опыта убѣдилась что и тѣмъ туристамъ которые не продолжаютъ пути къ Вади-Хальфѣ хотѣлось бы по возвращеніи разказывать знакомымъ что они провели въ Нубіи нѣсколько дней, и потому „путешественная“ компанія старается поддержать въ этихъ туристахъ нѣкоторыя иллюзіи.

Черта отдѣлявшая древній Египетъ отъ Еѳіопіи проходила черезъ Джебель Сильсилъ. По преданію основанному на томъ что „Джебель Сильсилъ“ въ переводѣ значитъ „Гора Цѣвли“—къ выдавшейся столпообразной скалѣ была прикрѣплена желѣзная цѣвь, которою въ минуты опасности замыкался Египетъ. Означенное преданіе разказали мнѣ агенты Кука; въ путеводахъ же я прочелъ то чего они не договаривали, а именно что легенда эта басня, ибо гора заимствовала свое названіе у близъ дежавшаго города Silsilis.

Какъ только пароходы прошли Сильскіе ворота мы почувствовали „нубійскую“ жару, и Анджело, вмѣсто сюртука, сверхъ бархатной жилетки надѣлъ въ накидку парусинную курточку. Мѣстность тоже пошла совсѣмъ нубійская. Дѣйствительно кулы пальмъ попадаютъ рѣже, полосы воздѣланной земли становятся все уже и уже, и волнистая желто-сѣрая пустыня все чаще то здѣсь, то тамъ надвигается къ самой рѣкѣ. Неподалеку отъ Джебель Сильсилъ барабарское или берберское нарѣчіе—языкъ Нубіи и Судана—одерживаетъ побѣду надъ арабскимъ. За Джебель Сильсилъ „начинаются“ крокодилы,—такъ выразился мистеръ Кукъ, опредѣлившій даже въ точности мѣсто гдѣ мы ихъ застанемъ (что снова дало поводъ мистеру Поммерою увѣрять что они фальшивы). И подлинно Ахметъ Мустафа увидалъ въ подзорную трубу какъ съ одного низменнаго острова два гада юркнули въ воду; потомъ мы всѣ видѣли этотъ островъ. А какіе Негры за Джебель Сильсилъ черпаютъ журавлями воду изъ рѣки! Они

не лоснятся какъ ихъ поблекшіе собратья сѣвернаго Египта, принужденные вытираться какимъ-то составомъ чтобъ исправить цвѣтъ кожи; они черны какъ смазанный ваксой, но еще не отчищенный салога. За то бѣлки и зубы ослабительно бѣлы; право у цыныхъ ротозвеевъ на берегу чрезъ губы и гѣлки точно свѣтитъ дневной свѣтъ, то-есть отверстія рта и глазъ кажутся сквозными, какъ у сидѣтотъ изъ черной бумаги. Въ прошломъ году за Джебель Сильсилэ буфетчикъ очень дешево купилъ для жены Негра, однако вскорѣ былъ вынужденъ его сбыть, потому что онъ кусался. Словомъ, если новѣйшіе географы и переносили границу Египта за Ассуаль, то случилось это по недосмотру: на картѣ разумѣется можно нарисовать что угодно, но на дѣлѣ нельзя измѣнить климата, природы, языка людей. Рѣшительно за Джебель Сильсилэ „наступаетъ“ Нубія, и по такому расчету мы пробудемъ въ ней три дня.

Къ вечеру *Saudie* и *Белера* стали противъ Кумъ-Омбо.

— Какое звучное, чисто африканское имя, замѣтилъ помощникъ г. Кука, младшій агентъ мистеръ Александръ, дожившій намъ объ остановкѣ.

— Кумъ-Омбо стоитъ на мѣстѣ древняго Омбоса, сказалъ явившійся вслѣдъ за нимъ г. Кукъ,—а древній Омбосъ назывался въ іероглифахъ *Нуби*.

Но зачѣмъ они утруждаютъ себя и доказываютъ то во что туристы, начиная съ *Madame de Seville* и кончая *Miss Gertrude*, уже влоднѣ увѣровали.

Miss Gertrude, только-что написавшая въ журналъ: „Эдфу 21 февраля. *Emily* и я надѣли бережевыя платья“, и, казалось, покончившая на этомъ со впечатлѣніями дня, снова раскрыла книжку, провела подъ вышеозначенными словами черту и прибавила: „того же числа, *Нубія*. Здѣсь такъ душно что я думаю снять пелеринку“. Даже завзятый скептикъ мистеръ Поммерой притворяется что вѣритъ. Я слышалъ, какъ онъ сказалъ своей младшей дочери, посмотрѣвъ запись ея о пелеринкѣ: „Они, darling, они, только пожалуста по возвращенію въ Египетъ надѣвь снова, а не то простудишься“.

Какъ бы то ни было, въ Египтѣ ли мы или въ Нубіи, мы находимся въ какомъ-то далекомъ захолустьи. Когда мы шли къ храмамъ Омбоса, пробираясь по сухимъ водосточнымъ канавкамъ, между распадами четырехъаршиннаго табаку,

двухсаженной касторки или клещевины (*Rizinus*) на небольшой прогалинѣ предстала нашимъ взорамъ картина домашняго негритявскаго быта: мущина и ребенокъ, вѣроятно отецъ и сынъ, первый съ холстивою крутомъ бедръ, второй безъ холстины, сидя на корточкахъ, разводили костеръ для ужина, а вонѣ стоялъ верблюдь привязанный къ стеблю сахарнаго тростника, и больше ничего; тутъ совмѣщались сарай, кухня, мочлеги—и все это, какъ въ сказкахъ, было „вѣбомъ покрыто, свѣтомъ огорожено“. Затѣмъ на пути попались еще три такіе же семейные очага, обнесенные впрочемъ соломенными заборами.

Храмовъ въ Куль Омбо два: посвящены они господину Нильскихъ разливовъ Себекъ-Ра, зеленому крокодилоголовому богу, * и относятся ко временамъ Птолемеевъ. Одинъ начатъ Филометромъ, другой Фискономъ, кончены же оба при Аулетѣ. Стоять они рядомъ, надъ самымъ Ниломъ, на крутомъ берегу, подмываемомъ рѣкой, и ожидаютъ скорого паденія; да и теперь часть ихъ уже обрушилась въ рѣку, утѣлавъ обломками скать. Зданія завесенныя тонкимъ бѣлымъ пескомъ едва примѣтны надъ землей; одно вовсе завязло, и ходу въ него нѣтъ; отъ другаго остался наружи лишь верхъ лортика: сначала, между первыхъ колоннъ можно еще подвигаться, не рискуя задѣть плафона, потомъ идешь среди капителей, и надо горбиться, потомъ надо ползти, а потомъ уже и ползти нельзя, тогда какъ сверху большіе бруссы, хребеть крыши, сломанные и цѣльные, ничкомъ и стоймя, долго еще тянутся беспорядочною грядою, захлебываясь въ волнахъ песка; послѣдніе два камня, вывырнувъ въ предсмертномъ усиліи, встали почти во весь ростъ и вершинами оперлись другъ на друга; дальше лесокъ подымается во всѣ стороны пологимъ пологомъ, образуя котловину, и на верху беретъ приступомъ развалины брошенной деревушки, полукругомъ оцѣлившія храмы точно зубчатая стѣна.

Но частности храмовъ насъ не занимаютъ. То ли дѣло заходустье во всей его совокупности, оловасавшееся теперь огненною полосой въ полгоризонта и все сіяющее и сверкающее въ прощальномъ блескѣ дня. Червонымъ золотомъ позлащены холмы пустыни, рѣдкія плантаціи и поля, отмели

* Въ одномъ впрочемъ есть также придѣлъ Оруса.

Мѣсурія, острова противъ Кумъ Омбо, унизанные бабамиллицами, храмовой фасадъ, одинокая колонна съ совою усѣвшеюся на верхушкѣ и выгнутыя изъ стѣнъ летучія мыши не меньше ястреба... * Только на Нилѣ не хватило позолоты, онъ разлился серебромъ на нѣсколько верстъ въ ширину, — да лаавы у самаго края земли ушли въ сумерки, подобныя ядовитымъ грибокѣмъ — крохотныя, фіолетовыя, на хилыхъ ножкахъ.

(До слѣдующ. №.)

Ю. ЦЕРБАЧЕВЪ.

* Я было полагалъ что это Pteropus, летучая собака, но говорятъ порода эта въ Египтѣ перевелась.

ДЮПОНЪ И ДЮРАНЪ

ДИАЛОГЪ

(ИЗЪ АЛФРЕДА МЮССЕ)

ДЮРАНЪ.

О тѣви праотцевъ, какъ я тоской томимъ!
Къ богамъ воззвалъ бы я, когда бы зналъ къ какому.
Вотъ скоро тридцать лѣтъ какъ я на свѣтъ маюсь
И ужь издателя лѣтъ десять добиваюсь.
Никто живой моихъ тетрадей не читалъ
И въ мѣрѣ только я что я пишу узналъ.

ДЮПОНЪ.

О, Брутъ! Ты вѣдаешь какъ мнѣ приходится жутко!
Съ картофелемъ лишь сидрѣ не ободраютъ желудка.
И чтобъ не задремать въ тоскливомъ забытьѣ
Не встрѣчу ль съ кѣмъ бы рѣчь затѣять о Фурье?
Какія времена! Какой обѣдъ ужасный!

ДЮРАНЪ.

Кого я вижу тамъ вдали? Кто тотъ несчастный,
Что дуется въ кулаки, въ которыхъ чувства вѣтъ,
А самъ бредеть дрожа,—по лѣтнему одѣтъ?
У Фликото кажись встрѣчалъ я горемыку.

ДЮПОНЪ.

Не ошибаюсь я. По горестному лицу,
По взору томному въ задумчивыхъ глазахъ,
По шалѣ вытертой на сальныхъ волосахъ
Дюрана узнаю, стариннаго собрата.

ДЮРАНЪ.

Ты ль это, другъ Дюпонъ? Радъ встрѣтилъ я Пелада
И одноклассника. Другъ друга обойдемъ.
Такъ не попалъ еще ты въ сумашедшій домъ?
Я думалъ что въ Бисетръ сдала тебя родевка.

ДЮПОНЪ.

Молчи. Въ окно сейчасъ я выпрыгнулъ умненько,
И вотъ бѣгу тайкомъ сострелять фешетонъ.
А ты, ужели твой вочлеги не Шарантонъ?
Вѣдь говорили мнѣ что твой высокій геній...

ДЮРАНЪ.

Увы! Дюлонъ, нашъ свѣтъ исполненъ злыхъ сужденій!
Что за животное нашъ глухой родъ людской,
И сколько трудностей на луть пробиться свой!

ДЮПОНЪ.

Братъ, мнѣ ли говоришь? Услѣлъ я въ нашемъ вѣкѣ
Извѣриться вполнѣ во всякомъ челоѣкѣ.
Нашъ миръ становится упрямѣи съ каждымъ днемъ
И въ тулоуміе все глубже мы идемъ.

ДЮРАНЪ.

Ты помнишь ли, Дюпонъ, когда еще ребята,
Познаемъ бѣдаки, а гордостью богаты,
Мы, хотъ учитель насъ лѣвивцевъ дралъ порой,—
Въ забвеньи неизменномъ вкушали сомъ съ тобой?
Въ душѣ моей тѣ дни блаженства сохранились!

ДЮПОНЪ.

Лѣвивцевъ, ты сказалъ. Мы съ гордостью лѣвивились;
Невѣждъ, Богъ видитъ! Все что сдѣлалъ я съ тѣхъ поръ,
Рѣшаеть о моемъ быломъ ученьи споръ.

Но запахъ сладостный какой бывалъ въ столовой!
 Бывало ѣшь и пей, обѣдъ всегда готовый!
 Согнувшись надъ столомъ бывало припадешь
 Къ книжонкѣ жерзостой, стогованной за грошъ.
 Варнава, Демулень мнѣ горько доставались,
 А милыя статьи Сень-Жюста укрывались
 На сердцахъ у меня.—Я руку подавалъ,
 Какъ римскій бы ее сенаторъ простиралъ.
 Ты жребій мой дѣлалъ, не кончилъ ты ученья.

ДЮРАНЪ.

Ты правъ, у генія повсюду тревоженья.
 Мой черель, созданный для лавровъ на заказъ,
 Ослиной шалкою увѣнчанъ былъ не разъ.
 Мое призваніе однакожь видно было,
 Во мнѣ писательство всемошно говорило;
 Презрѣвъ у сверстниковъ, взронченъ на кулакѣ,
 Я риёмовалъ въ таши, согнувшись въ уголѣ.
 Въ пятнадцать лѣтъ моя зарокотала лира,
 Я Шиллера глоталъ и Гёте и Шекспира
 И лобъ чесался мой при чтеньи чихъ стиховъ,
 А что касается прославленныхъ шитовъ
 Какъ Тацитъ, Цицеронъ, Гомеръ или Вергилій,
 Мы, слава Богу, ихъ какъ должно оцѣнили.
 Постигнувъ таинство легко о всемъ писать,
 Заикъ музъ я далъ волю шоровать,
 Поочереди дралъ я Англичанъ, Испанцевъ,
 Символъ Италиі и выспремникъ Германцевъ.
 Терзался я что тѣмъ варъчемъ не владѣлъ
 Которымъ нѣкогда башмачникъ Саксъ гремѣлъ.
 Я бѣ вѣрно произвелъ великое творенье;
 Но связанъ лоплостью природнаго реченья,
 Себѣ я клятву далъ по крайней мѣрѣ въ томъ
 Что книги не издамъ съ хоронимъ ланжонъ.
 Сдержалъ ли слово я—не будешь сомнѣваться.

ДЮПОНЪ.

Когда придетъ зима—и ласточки умчатся.
 Куда умчался хоръ счастливыхъ тѣхъ годовъ,
 Когда желудокъ въ насъ завистѣлъ отъ зубовъ?
 Какіе ключица ломти намъ отрѣзала!

ДЮРАНЪ.

Не вслomniaй уже; на свѣтъ счастья мало.
Скажи, прошу тебя, ты что же предпринялъ,
Когда покинулъ ты Латвискій свой кварталъ?

ДЮПОНЪ.

Когда?

ДЮРАНЪ.

Въ осмнадцать лѣтъ, когда оставилъ школу.

ДЮПОНЪ.

Что дѣлалъ я?

ДЮРАНЪ.

Скажи.

ДЮПОНЪ.

Да такъ, по произволу—

Что лица дѣлаешь свалившись съ гнѣзда,
Что Богъ благословить и что велить нужна.

ДЮРАНЪ.

Однакожь?

ДЮПОНЪ.

Ничего. По улицамъ таскался
Куда глаза глядятъ. По волѣ озирался,
Раздѣтый, впроголодь я спалъ по чердакамъ,
Откуда въ срокъ найма я убирался самъ;
Влачась по прихоти судьбы своей коварной,
Сживался я съ мечтой Фурье гуманитарной,
Насколько я лишь могъ повсюду занималъ,
А заведется грошъ, сейчасъ его слускалъ.
Скрывая пошлость фразъ за лишвыя словъ туманомъ
И сидя безъ бѣлья съ такимъ пустымъ карманомъ
Что въ мирѣ лишь мой умъ съ нимъ равенъ пустотой,
Я жилъ оборванный, завистливый и злой.

ДЮРАНЪ.

Я знаю; чтобъ тебя совсѣмъ не затомило,
Когда желудокъ твой кричалъ: „ужь шесть пробило“,
Тебѣ пять франковъ я изъ жалости втиралъ,

А ты у Беназе ихъ тотчасъ же спускалъ.
 Но что же далѣе ты дѣлалъ? Не могу я
 Представить, чтобъ досель влачилъ ты жизнь такую.

ДЮПОНЪ.

Всегда! Сливоза мнѣ и Брутъ поручкой въ томъ
 Что въ платѣ, что на мнѣ, я проходилъ въ одномъ.
 И какъ его смѣнить? Кто судить справедливо?
 Вездѣ царить расчетъ и скупость, да нажива.
 Затѣвалъ я проектъ... Скажу тебѣ тайкомъ...
 Проектъ! но я прошу, ты помолчи о немъ...
 Куда тебѣ Ликургъ,—на свѣтѣ не видали
 Чудеснѣй ничего, коль помѣстятъ въ журналѣ.
 Вселенную, мой другъ, переверну вверхъ дномъ,
 И съ прошлымъ сходства съ ней не будетъ ужъ ни въ чемъ.
 Богатый станетъ нищъ, а сильный будетъ слабый,
 Зло будетъ намъ добромъ, мушкетера станетъ бабой,
 А женщины тогда,—ну станутъ чѣмъ хотять,
 Стариннѣйшихъ враговъ дни счастья примирять—
 Россію съ Турціей, Французовъ съ Альбіономъ,
 Безвѣріе души съ божественнымъ закономъ,
 А драму съ здравостью разсудка.—Да чего?
 Царей, правителей, судей—ни одного,
 Начальства—не могу; законовъ—не желаю.
 Семейство я гоню и браки расторгаю:
 Кому охота есть и добывай дѣтей,
 Кто хочетъ разыскать отца—ищи смѣлѣй.
 Затѣмъ уже, мой другъ, ты не увидишь болѣ
 Долинъ иль горъ, дѣсовъ иль колоколенъ въ поляхъ.
 Все это пустаки! Мы всѣ ихъ подберемъ,
 Мы раскидаемъ ихъ, завалимъ и сождемъ,
 И всюду коли лишь раскинутся съ рудами,
 Тропинки, хижинны, поля подъ овощами,
 Морковь, горохъ, бобы,—кто хочетъ тотъ говѣй.
 За то обѣдать въ сласть никто уже не смѣй.
 Изъ Пекина въ Парижъ желѣзный луть блестящій
 Мою республику связуетъ дружбой ващей;
 Народы разные, въ огромный сѣвъ вагонъ,
 Смѣшавши языки, представятъ Вавилонъ.
 А пышущій огнемъ колоссъ гуманитарный

Всѣ косточки найдеть планеты благодарной,
 И нузмится всякъ съ такого корабля
 Что подъ калустой вся да рѣлюю земля.
 Земля получить видъ подчищенный и низкій,
 Гуманитарности міръ сдѣлается миской,
 И шаръ нашъ безъ волосъ, безъ бороды—обрить,
 Какъ тыква гладкая по небу полетить.
 Какой проектъ, мой другъ! Нельзя не восхищаться,
 Что можетъ съ лавнами подобными сравняться?
 Въ свободные часы я ихъ въ статьѣ провелъ.
 Но вѣришь ли, Дюранъ, никто ихъ не прочелъ?
 Чего жъ хотѣтъ? Нашъ свѣтъ и глухъ и слѣпъ ужасно,
 Ты кладъ ему даешь или чудо,—все напрасно:
 Слѣша на биржу, онъ къ тебѣ ужъ сталъ сливой,
 Одинъ нашелъ законъ, каналъ ведетъ другой;
 Имъ денегъ хочется; ложить, лѣсть послать,
 А есть бездѣлячки что землю лапнуть даже.
 Да, въ наши дни людей такъ трудно просвѣтить,
 И я отчаялся ихъ даже возродить.
 А твой каковъ удѣлъ? Я чай ты мнѣ не лара.

ДЮРАНЪ.

Сперва ученикомъ я сталъ ветеринара.
 Пожалуй получалъ я франка по два въ день,
 Да не понравилось мнѣ не вставать съ колѣнь,
 Чтобъ лошади больной втирать въ копыто сало,
 За что она не разъ брыканьемъ отвѣчала.
 Какъ надоѣло мнѣ, я вздумалъ улизнуть
 И съ Божьей помощью побрелъ куда-нибудь.
 Пошелъ я къ продавцу эстамповъ. Мастеръ рыяный,
 Онъ иллюстрировалъ извѣстные романы.
 Два года прожилъ я. Въ листки негодныхъ книгъ
 Совалъ я очерки еще негоднѣй ихъ.
 Я пользу отыскалъ въ трудѣ отъ всѣхъ сокрытомъ,
 Я приучилъ свой умъ быть ловкимъ паразитомъ,
 Хватаюсь за другихъ, у нихъ же воровать.
 Но трудъ ученика сталъ мнѣ надоѣдать.
 Однажды за столомъ у старика Тюиля
 Я встрѣтилъ Дюбуа, олову водевиля.
 Онъ вылить не дуракъ, задорно слѣтъ кулаеть,
 И въ полпивныхъ ему весельемъ равныхъ нѣтъ.

Съ правописаніемъ онъ далъ мнѣ чувство стила.
 Сострапала вдвоемъ мы четверть водевиля,
 По армаркамъ его давали иногда,
 Хотя гоненья онъ претерпѣвалъ всегда.
 Вскипѣла желчь во мнѣ отъ этой неудачи;
 Рѣшилъ безплодный мозгъ я повернуть иначе.
 Придя домой я сѣлъ, сказавши: логодя жь,
 Моимъ писаніемъ я изумлю Парижъ.
 Задавшись риземами, мозги мои смѣлае
 Впервые будто бы приблизились къ идеѣ.
 Я залерся на ключъ писателей читать,
 Которыми себя задумалъ вдохновлять.
 Подъ полусотней книгъ трещалъ мой столъ несчастный,
 Я долго мучился лозмою ужасной.
 Луна и солнце въ ней вступали во вражду
 Венера со палкою лясала въ ней въ аду,
 Сознай насколько мысль моя философична,
 Все чтѣ являлось намъ въ твореньяхъ единично,
 Какъ Брама напрымѣръ, Юпитеръ, Могометъ,
 Платонъ и Мармонтель, Неронъ и Боссюэтъ,
 Я это все собралъ въ созданіи всецѣломъ.
 Но главный капиталъ въ твореньи этомъ смѣломъ —
 Такъ это ащерицъ надъ рѣчкой дружный хоръ.
 Рассивъ въ сравненіи съ подобнымъ гимномъ вздоръ...
 Меня не поняли. И книжкѣ символичной
 Моей пришлось лежать въ пыли, гробамъ приличной.
 Печальный результатъ и дѣвственность плохая!
 Но скоро въ путь меня умчала цѣль цная.
 Сошелся старичокъ со мною журналистъ;
 Онъ промотавшійся былой семиваристъ,
 Разъ десять по цѣвѣ распроданный дешевой,
 И на честныхъ людей за франкъ плевать готовый.
 Въ ливрею старичка одѣлся я сейчасъ;
 Желчь у меня съ пера просилась въ этотъ разъ.
 Я возродился самъ и вѣбаса въ это дѣло.
 Дюловъ! какъ сладостно надъ всѣмъ ругаться смѣло.
 Мертворожденный умъ такъ любить подходить
 Къ своей же глупости и всѣмъ за это мстить.
 Когда чужой услѣхъ предстанеть настоящій,
 И ты придешь домой, чтѣ можетъ-быть тутъ слаще,
 Какъ личность растерзать и честь испачкать всю

И вылить на нее чернильницу свою,
 Игнъ гдѣ-нибудь такой журналъ несчастный,
 Гдѣ можно отрицать что самъ увидѣлъ ясно!
 Ложь анонимная отрадитъ всего.
 На авторовъ, царей, на Бога самого,
 На всѣхъ я клеветалъ, стараясь всѣхъ позорить,
 И горе, кто меня хотѣлъ бы переслорить!
 Когда Парижъ таилъ какой-либо секретъ,
 Я къ вечеру тащилъ его въ столбцы газетъ.
 Провохиwвалъ я все. И съ улицъ на паркетъ
 Тащилъ на каблучкахъ я грязные предметы,
 Въ скандальный этотъ вѣкъ я каждый зналъ скандалъ
 И оглашалъ его.—Тутъ я не признавалъ
 Ни жалобъ, ни угрозъ,—меня ты слишкомъ знаешь.
 Но ты молчишь, Дюпонъ, о чемъ ты размышляешь?

ДЮПОНЪ.

Увы! Дюранъ, когда бъ найти я только могъ
 Хоть сердце женщины, принять мой страстный вздохъ!
 Такъ нѣтъ. Напрасно я ищу лѣзвять въ Парижъ;
 Плохъ курсъ твоихъ статей, меня же цѣнять ниже.
 Себя я предлагалъ всѣмъ встрѣчнымъ—не берутъ.
 На ложе хладное бреду я въ свой пріютъ—
 И жду—никто нейдетъ.—Вѣдь можно утолиться!

ДЮРАНЪ.

Ужель ты не искалъ подъ вечеръ веселиться?

ДЮПОНЪ.

Къ Проколу въ домино хожу играть подчасъ.

ДЮРАНЪ.

Прекрасная игра—и развиваетъ насъ;
 Тотъ человекъ уже не сдѣлаетъ промашки,
 Что мастеръ въ домино подладитъ деревяшки.
 Войдемъ въ кофейную. Самъ делту я взнесу.

ДЮПОНЪ.

Коль безъ реванша дашь ты мнѣ лятнадцать су,—
 Согласенъ.

ДЮРАНЪ.

Погоди! Сыграемъ-ко мы прежде
На угощеніе, чтобъ вѣрится надеждѣ.
Навѣрно рюмочку на счетъ твой пролущу.

ДЮПОНЪ.

Боюсь ликеровъ я. Ужь пивомъ угощу.
Что въ кошелькѣ твоемъ?

ДЮРАНЪ.

Три су.

ДЮПОНЪ.

Въ харчевню ближе.

ДЮРАНЪ.

Ступай впередъ.

ДЮПОНЪ.

Нѣтъ ты.

ДЮРАНЪ.

Нѣтъ ты, прошу—иди же.

А. ФЕТЪ.

О ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ

НОВАГО ДОГОВОРА РОССИИ СЪ КИТАЕМЪ

Только-что возвратившись изъ-за границы, съ возстановленнымъ здоровьемъ, я былъ обрадованъ найдя въ своемъ кабинетѣ документъ большой важности, близко меня интересующій. Я говорю о напечатанномъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* новомъ договорѣ между Россіей и Китаемъ, заключенномъ 12 февраля и ратификованномъ 4 августа текущаго года. Да и для кого изъ нашихъ соотечественниковъ онъ не важенъ? не говоримъ уже о дѣятеляхъ нашей сухопутной торговли съ Китаемъ.

Вращаясь въ сферѣ нашихъ сношеній съ Китаемъ почти сорокъ лѣтъ, я не могу позабыть того времени когда въездъ въ Китай, или точнѣе въ Пекинъ нашихъ соотечественниковъ, въ лицѣ немногихъ членовъ духовной миссіи, происходилъ подъ строгимъ контролемъ со стороны тамошней полиціи; когда ни одинъ изъ нашихъ торговцевъ не смѣлъ не только вступить на землю Китая, но даже и въ Кяхтѣ, единственномъ уголкѣ гдѣ происходили наши торговые сношенія съ Китайцами, встрѣчалъ множество преградъ въ разнообразныхъ устарѣлыхъ регламентаціяхъ, очень отъссылавшихъ торговлю, тогда мѣловую. Это значительно вліяло на

высокія цѣны чая въ Россіи. Наши же сосѣди Китайцы въ Матмадченѣ (ихъ поселеніе рядомъ съ Кяхтой) тѣми же самыми регламентаціями были поставлены въ привилегированное, чрезмѣрно прибыльное положеніе. Мало того, даже и во внутренней торговлѣ Сибири мы не знали простора, ибо были отрѣзаны, благодаря Китайцамъ же, отъ сообщенія съ Восточнымъ Океаномъ.

Тогда, во время пребыванія моего въ Пекинѣ, слѣдя за стѣсненіями нашей торговли съ Китайцами, а съ другой стороны за военными угрозами и дѣйствіями Англичанъ въ Кантонѣ, ради лучшаго расширенія ихъ торговли, я не разъ задавался вопросомъ: выйдетъ ли наконецъ и наша торговля изъ постыдной зависимости отъ Китайцевъ, откроются ли наконецъ и для насъ рынки сосѣдней страны и порты Восточнаго Океана и во что обойдется и то и другое?

Время взяло свое. За послѣднія тридцать лѣтъ Россія постепенно добилась отъ Китая цѣлаго ряда уступокъ. Эти уступки выразились: въ 1851 году въ Кульджинскомъ договорѣ, открывшемъ намъ рынки въ Кульджѣ и въ Чугучакѣ; въ 1858 году въ Айгунскомъ договорѣ, благодаря которому мы приобрѣли обширный Амурскій край; въ томъ же году, въ Тяньцзинскомъ договорѣ, и особенно въ дополнительномъ Пекинскомъ договорѣ въ 1860 году, когда безъ браня и боя, оказывая доброжелательное посредничество между Китаемъ съ одной стороны, Англійей и Франціей съ другой, мы достигли того что для нашей торговли въ Китаѣ были открыты всѣ рынки уже открытые для Англійи и нѣкоторыхъ другихъ державъ. Затѣмъ послѣдующими переговорами мы получили еще нѣкоторыя льготы для торговли въ Китаѣ. Всѣ эти успѣхи приобрѣтались Россіей исключительно дипломатическимъ путемъ, мы всегда сохраняли традиционную дружбу съ Китаемъ, никогда не воевавъ съ нимъ.

Естественно что наше кулечество послѣдшило воспользоваться предоставленными ему правами. Съ 1861 года въ китайскомъ портѣ Тяньцзинѣ, потомъ въ Хаанкоу и позже въ Фуцжоу водворились наши коммерческія фирмы, а въ Калганѣ открылись ихъ отдѣленія. Повято что съ такимъ перемѣщеніемъ торговой дѣятельности послѣдовало отвлеченіе главной коммерческой силы изъ Кяхты во внутренніе рынки Китая. Наши торговцы стали покупать чай и другіе

мѣстные продукты изъ первыхъ рукъ. Кяхта стала терять свое прежнее значеніе. Она сдѣлалась второстепеннымъ рынкомъ; большая часть ея прежнихъ оборотовъ стала достояніемъ нашихъ коммерсантовъ въ китайскихъ портахъ. Это было время когда многие изъ нашихъ экономистовъ, близко взглянувъ на ошибочнымъ заключеніемъ о паденіи нашей торговли съ Китаемъ. Чтобъ убѣдиться въ противоположномъ, стоить бросить взглядъ на постоянно возрастающіе въ лотченыхъ цифрахъ итоги нашего вывоза чая изъ Китая въ Россію, далеко опередившіе цифры его вывоза въ самые цвѣтущіе годы кяхтинской торговли. И дѣйствительно, въ лучший періодъ для кяхтинской торговли, считая въ дѣсятилѣтней сложности,

въ 1857—1861 годахъ изъ Кяхты вывозилось чая ежегодно.....	434.000 пудовъ.
Въ 1871 году изъ Китая въ Россію было вывезено байхового чая.....	238.543
Кирличнаго чая.....	359.709
	<hr/>
Всего	508.252 пудовъ.
А въ 1875 году изъ Китая въ Россію было вывезено байхового чая.....	439.631
Кирличнаго чая.....	624.657
	<hr/>
Всего	1.064.288 пудовъ.

Но несмотря на то что Китай сталъ доступенъ для всемірной торговли и его богатые рынки привлекли къ себѣ огромныя капиталы со всего свѣта, еще далека та пора когда можно будетъ сказать что для иностранной торговли тамъ открыты всѣ пути и рынки, и иностранцы столь же удобно и спокойно могутъ торговать тамъ во всѣхъ мѣстностяхъ какъ торгуютъ въ любой странѣ просвѣщенныхъ народовъ. Китайское правительство, еще недавно тщеславившееся изолированностью страны отъ остальнаго свѣта, по сію пору не перестаетъ отстаивать сколько можетъ неприступность своей территоріи. Влеченію иностранцевъ къ богатымъ рынкамъ Китая и нежеланіе, скажу точнѣе, боязнь Китайцевъ допустить иностранцевъ свободно торговать въ ихъ имперіи суть два противоборствующіе стимула играющіе главную роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ обогатившихъ въ послѣднія пять

десять лѣтъ Пекинскій архивъ иностранныхъ дѣлъ. Не желая отвлекаться отъ предмета настоящей статьи, я не стану останавливаться на поясненіяхъ отчего Китайское правительство въ дѣйствительности боится дать иностранцамъ полную свободу торговать въ Поднебесной Имперіи, и даже болѣе, отчего volens-nolens открывъ для иностранной торговли нѣсколько своихъ портовъ оно все-таки сочло бы великимъ патриотическимъ подвигомъ освобожденіе страны отъ такой непрощенной торговли. Я не могу забыть характеристическаго отвѣта, полученнаго въ Пекинѣ лѣтъ десять тому назадъ однимъ изъ европейскихъ дипломатовъ, добивавшимся для своихъ соотечественниковъ торгующихъ въ Китаѣ исполненія справедливаго требованія, въ какомъ китайскіе министры отказывали въ своихъ дѣлесахъ. Онъ выразился что при подобныхъ условіяхъ его соотечественникамъ невозможно и торговать въ Китаѣ. Министры отвѣтили: „да, правда; пусть бы они и не торговали у насъ“.

Упомянувъ о Пекинскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ за послѣднее полустолѣтіе, скажу еще что было бы крайне интересно и поучительно разобрать находящіяся въ немъ документы. Въ новой исторіи международныхъ сношеній документы эти несомнѣнно займутъ весьма видное мѣсто и бросать свѣтъ на тѣ способы воздѣйствія на Китайское правительство какими руководились иностранныя державы для пріобрѣтенія правъ торговать въ Китаѣ. Каждый шагъ взять съ бою, но бои бывали неоднородны. Англія дѣйствовала по преимуществу лущками; Россія исключительно дипломатіей. Мы никогда не воевали съ Китайцами, хотя сосѣдямъ поссориться было бы легче чѣмъ отдаленной отъ Китая Великобританіи. А между тѣмъ мы не отстали ни отъ кого, ни даже отъ Англичамъ, въ пріобрѣтеніяхъ въ Китаѣ правъ торговли. И еще вопросъ, какой путь былъ легче. Хорошо вооруженные фрегаты быстро дѣйствовали на невоинственныхъ Китайцевъ. А переговоры, даже при болѣе или менѣе счастливомъ выборѣ дипломатовъ, были крайне тяжелы, при извѣстныхъ отличныхъ дипломатическихъ способностяхъ Китайцевъ. Наши правительственные дѣятели, въ заботахъ о нашей торговлѣ въ Китаѣ, не мало полортили своей крови чтобы переломить настойчивое упрямство китайскихъ дипломатовъ.

Но, признавая что мы, Русскіе, въ силу договоровъ, ни въ

чемъ, сравнительно съ другими иностранцами, не обдѣлены въ правахъ торговли въ Китаѣ, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать что другія націи, Англичане въ особенности, во много кратъ прибыльнѣе насъ пользуются своими правами. Англичане и отчасти Сѣверо-Американцы и Нѣмцы орудуютъ на китайскихъ рынкахъ въ портахъ сбытомъ собственныхъ произведеній, а мы являемся на тѣхъ же самыхъ рынкахъ едва замѣтными продавцами, отдавая драгоценные металлы для пріобрѣтенія у Китайцевъ мѣстныхъ товаровъ. На вопросъ: почему наша торговля поставлена въ портахъ Китая въ столь невыгодное положеніе, отвѣтить легко. Всѣ вообще существующіе договоры съ Китаемъ приспособлены преимущественно для торговли иностранцевъ въ его портахъ; а кто же въ состояніи переселить Англичанъ въ морской торговлѣ, при громадѣ ихъ коммерческаго флота, изобиліи и быстротѣ передвиженія товаровъ. Къ тому же никто кромѣ Англичанъ не сбываетъ на китайскіе рынки оліума, среднимъ числомъ слышкомъ на 60 милліоновъ рублей ежегодно. И наконецъ по сію пору никто, ни одна мануфактурная страна не въ силахъ конкурировать съ Великобританіей въ дешевизнѣ бумажныхъ тканей, которыми завалены склады въ китайскихъ портахъ и которыя почти вытѣснили оттуда ткани другихъ странъ. Только съ недавнихъ лѣтъ Сѣверо-Американцы со своими сѣрыми шерстингами и Нѣмцы со своими сукнами стали показываться на тѣхъ же рынкахъ. Между тѣмъ, мы прежде обильно снабжавшіе Китайцевъ изъ Кяхты своими сукнами, бумажными и льняными тканями, и мѣхами, затѣмъ вынуждены были въ китайскихъ портахъ уступить болѣе насъ счастливымъ конкурентамъ и ограничиваемся теперь сбытомъ того же товара въ Калганѣ много-много если на полтора милліона въ годъ.

Наше правительство хорошо понимало что въ національныхъ интересахъ нашихъ мы не должны довольствоваться правомъ торговли въ открытыхъ портахъ Китая; видѣло что для нашей торговли съ Китаемъ и для сбыта нашихъ товаровъ необходимо искать и другихъ путей и другихъ рынковъ.

Дѣйствительно, при континентальномъ сосѣдствѣ Россіи съ Китаемъ и при большей склонности нашего народа къ сухопутной, чѣмъ къ морской торговлѣ, пространства Средней Азіи представляютъ готовые рынки для нашей торговли.

Прямой путь влечетъ нашу торговлю не къ портамъ Китая, а въ Китай Застѣный, то-есть Монголію, Манчжурію и къ полосамъ китайскихъ степей въ Средней Азіи. Тутъ, въ окрестностяхъ степей, наша торговля можетъ также господствовать на оазисахъ, богатыхъ своими рынками, какъ Англичане съ ихъ коммерческимъ флотомъ господствуютъ въ портовыхъ рынкахъ внутренняго Китая. Тутъ намъ трудно встрѣтить соперниковъ; тутъ наши мануфактурныя ткани не могутъ оцѣниться конкуренціи со стороны Англичанъ. Еслибъ англійскія ткани и попали на одинъ рынокъ съ нашими, то за дальностію ихъ пересылки изъ китайскихъ портовъ, сопряженной съ платежами на внутреннѣхъ таможенныхъ и заставахъ, ихъ стоимость была бы слишкомъ высока.

Интересы нашей караванной торговли не забыты ни въ одномъ изъ договоровъ заключенныхъ Россіей съ Китаемъ въ послѣднее тридцатилѣтіе. Такъ Кульджинскій договоръ открылъ для насъ рынки въ Кульджѣ и въ Чугучакѣ; Обгунскимъ договоромъ была намъ предоставлена свободная торговля въ мѣстностяхъ по теченію рѣкъ Амура, Усури и Сунгари. Тяньцзинскимъ договоромъ уничтожено всякое ограниченіе относительно свободы торговли въ кахтинскомъ Маймаичей. А дополнителнымъ Пекинскимъ договоромъ, усвоившимъ для Россіи всѣ выгоды договоровъ Англіи, Франціи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ по торговлѣ въ открытыхъ портахъ Китая, и расширившимъ наши за-Амурскія владѣнія до границы Кореи, вмѣстѣ съ тѣмъ была открыта свободная, беспошлинная торговля по всей граничной линіи отъ пункта слиянія рѣкъ Шилки и Аргуни, вплоть до границы Кореи; открыта наша торговля въ Ургѣ и въ Калганѣ; свободное хожденіе нашихъ каравановъ въ Китай, и получено право торговать въ Кашгарѣ. Потомъ, въ 1862 году, въ Пекинѣ были постановлены правила о нашей сухопутной торговлѣ съ Китаемъ; въ 1869 году они получили еще большее развитіе. Этими правилами русскіймъ подданнымъ предоставляемо: право беспошлинной торговли по всей нашей границѣ съ Китаемъ, въ районѣ 50-тиверстнаго разстоянія въ ту и другую сторону; также беспошлинно торговать въ тѣхъ округахъ Монголіи гдѣ есть китайскія власти. Имъ же опредѣлены всѣ условія для свободнаго движенія нашихъ каравановъ изъ Кяхты чрезъ Калганъ до Тяньцзина и условія нашей торговли

въ Калганѣ. Въ 1862 году была значительно сбавлена пошлина за вывозъ кирпичнаго чая, и именно: за 100 гинновъ (140 русскихъ фунтовъ) съ 2½ ланъ (почти 5 руб. монетою) на 2 фанъ (почти 40 коп. монетою).

Повторяю, всѣ эти приобретения были нами сдѣланы вполнѣ миролюбиво. Несмотря на известную настойчивость Пекинскаго правительства и крайнюю его скупость даже къ обещаніямъ, и тѣмъ лаче къ уступкамъ въ нуждахъ торговли иностранцевъ и несмотря даже на то что въ переговорахъ съ Китайцами наши представители никогда не находили ни сочувствія, ни содѣйствія, а напротивъ, встрѣчали противодѣйствіе со стороны резидентствующихъ въ Китаѣ иностранныхъ представителей, мы умѣли ладить, и хотя медленно, но удачно достигали желаемыхъ результатовъ.

Точно также мы поладили и теперь, при заключеніи съ Китаемъ новаго договора.

Я не стану касаться политической стороны новаго договора, по которому Шэйский край возвращается Китаю. Замѣчу только что Россія, принявъ въ 1871 году Шэйскій край подъ свою опеку, не отказывалась возвратитъ его Китаю. На, обходя вопросъ политическій, я не могу не обратить особеннаго вниманія на тѣ статьи новаго договора которыя касаются нашей сухопутной торговли въ Застѣнномъ Китаѣ.

1. Право которымъ русскіе подданные пользуются, благодаря прежнимъ договорамъ, для безпошлинной торговли въ Монголіи, новымъ договоромъ широко распространено на всѣ города и мѣстности во всѣхъ областяхъ въ Застѣнномъ Китаѣ. А для локовителства и для наблюденія нашей сухопутной торговли въ означенномъ краѣ, кромѣ нашихъ консульствъ въ Кульджѣ, Чугучакѣ, Камыгарѣ и Ургѣ, новымъ договоромъ предоставляется нашему правительству учрежденіе такихъ же консульствъ въ городахъ: Турфанѣ, Кобдо, Улуктаѣ, Хами, Урумци, Чунмѣ и въ Цзя-юй-гуань *. Во всѣхъ названныхъ городахъ, и тоже въ Калганѣ, — втомъ лучшемъ рынкѣ для сбыта нашихъ мануфактурныхъ и лучшихъ товаровъ, — русскіе подданные могутъ навѣщать и приобретать покупкой медвжжамую собственность и имѣть свои склады товаровъ. А дабы освободиться отъ прежняго неудобства

* Находится въ проходѣ чрезъ Великую Стѣну во внутрь Китая, значительный торговый городъ съ таможеней.

происходившаго отъ слишкомъ ограниченаго числа пограничныхъ пунктовъ открытыхъ для входа нашихъ каравановъ въ Застѣнный Китай, новымъ договоромъ опредѣлено, для сокращенія длинныхъ обходовъ, открыть 35 пограничныхъ карауловъ.

2. При многотысячно-верстномъ просторѣ для хожденія нашихъ каравановъ въ Застѣнномъ Китаѣ и при безплодной торговлѣ новый договоръ предоставляетъ нашимъ купцамъ еще и другую льготу, прибыльную для каравановъ и выгодную для нашихъ чайныхъ фабрикъ въ портахъ Китая и которая, кромѣ того, въ большихъ размѣрахъ можетъ сократить уплывъ за границу нашей монеты. Я хочу сказать о послѣднихъ строкахъ XII статьи договора. Онѣ постановляютъ:

„Русскіе подданные могутъ ввозить въ упомянутыя выше китайскія области (во всемъ Застѣнномъ Китаѣ) и вывозить изъ нихъ всякія произведенія какого бы происхожденія они ни были. Покупки и продажи они могутъ совершать на деньги или посредствомъ обмѣна товаровъ; уплаты же имѣютъ право производить товарами всякаго рода.“

Каждый изъ нашихъ торговцевъ въ Китаѣ оцѣнить приведенныя строки по ихъ достоинству. Торговцы знаютъ что въ Китайской имперіи нѣтъ другой ходячей монеты кромѣ мѣдной, и въ крутыхъ коммерческихъ расчетахъ въ ходу только серебро въ кускахъ, и рѣже прутковое золото. За исключеніемъ серебра казеннаго вылука, которое дорого, обращающіяся серебро и золото весьма разнообразны по достоинству какъ въ своей пробѣ, такъ и по вѣсу; да и единица вѣса почти въ каждой мѣстности Китая различна. Тѣ же торговцы знаютъ далѣе что при такихъ неудобствахъ въ расчетахъ драгоцѣннымъ металломъ все населеніе въ Застѣнномъ Китаѣ охотнѣе раслачивается самымъ общепотребительнымъ, необходимымъ у него продуктомъ, кирличнымъ чаемъ, которымъ оно дорожитъ столько же какъ мы хлѣбомъ. Такимъ путемъ кирличный чай самъ является къ его потребителямъ, въ противорѣчіе известной пословицы: „хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ“. Такъ, Китайцы, отправляя караваны въ свои застѣнныя области, вмѣсто кусковъ серебра, обыкновенно берутъ грузы кирличнаго чая, который и уходитъ на платежи; между тѣмъ какъ наши караванные старшины по сію пору запасались китайскимъ серебромъ и російскою монетою. Теперь нѣтъ сомнѣнія они воспользуются данною льготой,

чтобы избѣжать платежей серебромъ, которое мало знаютъ степные Азіяты и слабѣются которыми обходится слишкомъ накладно и не всегда безопасно. Между тѣмъ кирличный чай цѣнится въ названныхъ мѣстностяхъ лучше серебра. А съ развитіемъ платежей кирличнымъ чаемъ спросъ на него очень увеличится, расходы же при пересылкѣ грузовъ изъ Китая до Сибири уменьшатся. Довня въ доставку чая въ Кяхту мы обыкновенно платили ежегодно Монголамъ около милліона рублей монетой, а иногда и слишкомъ. Наконецъ изашше уломивать что такой усиленный спросъ на кирличный чай въ значительныхъ размѣрахъ увеличитъ дѣятельность нашихъ чайныхъ фабрикъ въ китайскихъ портахъ.

3. Статья XVI въ свою очередь есть крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ усиленія нашего вывоза изъ внутренняго Китая. Она опредѣляетъ что „вывозныя пошлины взимаемая нынѣ съ нѣкоторыхъ сортовъ чая низшаго качества, въ размѣрѣ одинаковомъ съ пошлинами на чай высшаго достоинства, будутъ уменьшены соразмѣрно со стоимостью этихъ низшихъ сортовъ чая. Опредѣленіе этихъ пошлинъ на каждый сортъ чая послѣдуетъ по согласію Китайскаго правительства съ російскимъ посланникомъ въ Пекинъ, не позже одного года со дня размѣна ратификаціи.“

Къ такому относительному сокращенію пошлины былъ сдѣланъ первый шагъ на кирличномъ чаѣ, въ 1862 году, благодаря извѣстному Чунъ-хоу, тогда главноуправляющему по сношенію съ иностранцами въ трехъ сѣверныхъ портахъ въ Китаѣ. Пошлина на названный чай, по сравненію съ байховымъ чаемъ, была сокращена въ двѣнадцать разъ. Эта мѣра была сильнѣйшимъ толчкомъ къ быстро развившемуся огромному вывозу въ Сибирь кирличнаго чая. Наши настоянія для подобныхъ же сокращеній пошлинъ относительно другихъ низшихъ сортовъ чая были безуспѣшны, и это было причиною что наши торговцы, послѣ нѣсколькихъ убыточныхъ опытовъ, когда пошлины на чай превышали ихъ стоимость, перестали вывозить ихъ изъ Китая. Между тѣмъ китайскіе рынки изобилуютъ такими дешевыми чаями, составляющими любимый напитокъ во всемъ Застѣнномъ Китаѣ и въ Тибетѣ, въ Бухарѣ и во всѣхъ областяхъ нашего Туркестанскаго края. Между ними на первомъ мѣстѣ должно поставить: дянь-лянь и байлянь, извѣстные у насъ подъ именемъ полѣвчататаго

чая; сабать ча, атбашъ ча и другіе. * Оттого вѣтъ сомнѣнія что наши торговцы, благодаря новому договору, переломившему настойчивость Китайцевъ, будутъ столь же охотно отправлять изъ Китая грузы дешевыхъ чаевъ въ названныя мѣстности, какъ нынѣ возятъ въ Сибирь кирпичный чай. **

4. Статьей XVIII еще болѣе закрѣплено право подданныхъ двухъ имперій ходить на судахъ своихъ по рѣкамъ Амуру, Сунгару и Усури, и торговать съ жителями въ расположенныхъ по этимъ бассейнамъ мѣстностяхъ. Хотя это же право было намъ предоставлено уже въ 1858 году (Айгунскимъ договоромъ), но извѣстно что по сію пору Китайское правительство не переставало его тормозить, особенно въ плаваніи по Сунгару. Между тѣмъ такая свобода плаванія можетъ быть одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для быстрого оживленія нашей торговли съ Манчжуріей.

На этомъ я останавлиюсь, не разбирая относящихся до нашей торговли остальныхъ статей новаго договора и приложений къ нему правилъ для сухопутной торговли съ Китаемъ, которыя, съ большею или меньшею перемѣною въ редакціи, повторяютъ, подтверждаютъ или же разъясняютъ наши права утвержденныя въ прежнихъ договорахъ.

Въ заключеніе я радъ сказать что нашъ новый договоръ съ Китаемъ несомнѣнно займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ числѣ актовъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Для нашей торговли въ Китаѣ и особенно въ наиболѣе желательномъ прогрессѣ торговли сухопутной въ Застѣнномъ Китаѣ новымъ договоромъ сдѣланъ весьма цѣнный вкладъ, что конечно вскорѣ отразится какъ въ оборотахъ нашихъ торгов-

* Коллекція названныхъ чаевъ съ другими высшими сортами была подарена мной, въ 1860 году, въ товарный кабинетъ С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища.

** Большой спросъ изъ Сибири на кирпичный чай имѣетъ благотворное вліяніе на улучшение въ его издѣліи, которое, какъ извѣстно, находится въ Китаѣ почти исключительно въ рукахъ русскихъ фабрикъ. По инициативѣ г. Черепанова, нынѣ большая часть нашихъ фабрикъ перенесена изъ окрестностей въ самые порты, Ханькоу и Фуцжоу, и вмѣсто китайскихъ ручныхъ прессовъ поставлены паровые. Уже второй годъ какъ на фабрикѣ г. Пономарева въ Ханькоу прессуютъ на гидравлическомъ прессѣ новый сортъ чая, названный „платочнымъ“, представляющій очень большія удобства для походной провизіи и особенно въ арміи.

цевъ въ Китаѣ, такъ и на лучшемъ спросѣ въ нашей мануфактурной промышленности. Мы получаемъ множество новыхъ рынковъ въ Застѣнномъ Китаѣ, гдѣ долго намъ не встрѣтить конкурентовъ.

Такимъ образомъ, оглядываясь назадъ, вспоминая старину, можно уже съчесть почти баснословными тѣ времена когда вся наша торговая съ Китаемъ пряталась въ Кяхтинской слободѣ, когда не мы съ Китайцами, а Китайцы торговали съ нами, когда наши Кяхтинцы пріобрѣтали свои выгоды не отъ Китайцевъ, обыкновенно отдавая имъ въ убытокъ наши товары, а только отъ потребителей чая въ Россіи. Не могу не вспомнить и любимаго выраженія моего наставника, знаменитаго Іоакима Бичурина; онъ говаривалъ: „Китай есть земля неприступная“. Вѣрное еще лѣтъ сорокъ тому назадъ, нынѣ это выраженіе стало анахронизмомъ. Теперь Китай открытъ, сталъ вполне приступлемъ для иностранцевъ, хотя и остались еще нѣкоторыя тѣни ожидающія своей очереди исчезнуть; онъ намъ открытъ въ столь широкихъ размѣрахъ что нынѣ вмѣсто небольшой Кяхты российская торговля можетъ раскинуть свои сѣти на всемъ необозримомъ пространстве сосѣдней намъ Поднебесной Имперіи.

Дай Богъ успѣховъ нашей караванной торговлѣ въ Застѣнномъ Китаѣ, въ поощреніе нашихъ мануфактуръ и къ лучшему обезлеченію нашихъ промышленныхъ дѣятелей.

Съ нашими караванами, въ глубинѣ стелей Застѣннаго Китая, могутъ появиться и пионеры для изслѣдованія странъ по сію пору невѣдомыхъ и пріумножиться слава неутомимыхъ путешественниковъ, которыми, съ Н. М. Пржевальскимъ во главѣ, наше отечество столь справедливо гордится.

К. СКАЧКОВЪ.

23 октября 1881 г.

О СОБРАЩЕНИИ ВОЕННОЙ СМЪТЫ *

Ожидаемыя въ военномъ вѣдомствѣ реформы имѣють громадное значеніе не только въ экономическомъ и военномъ, но и въ государственномъ отношеніи.

Было бы поэтому желательно чтобы всѣ относящіяся сюда вопросы были разобраны возможно подробно, не одною только официальной военною печатью, но и независимыми органами, имѣющими возможность безпристрастно рассмотреть отношеніе ихъ ко всѣмъ захватываемымъ ими сторонамъ государственнаго механизма.

Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ затронуты въ настоящей статьѣ. Для освѣщенія ихъ пришлось указать на общіе не-

* Даемъ мѣсто статьѣ *Штабнаго*, хотя соглашаемся не со всѣмъ въ ней высказаннымъ. О многомъ намъ уже не разъ приходилось высказываться въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, кое-что оговариваемъ въ примѣчаніяхъ. Во всякомъ случаѣ статья эта, составляя серьезный, обдуманый трудъ, заслуживаетъ полнаго вниманія въ настоящее время, когда вопросъ о сокращеніи военнаго расхода, безъ ущерба боевому достоинству арміи, поставленъ на первомъ планѣ и когда Военнымъ Министерствомъ задуманы обширныя реформы, съ которыми по направленію близко сходятся мысли высказываемыя авторомъ статьи. *Ред.*

достатки военной системы преобладавшей у насъ въ періодъ 1862—1880 годовъ. Приводимые факты не могутъ не обращать на себя вниманія каждаго сочувствующаго интересамъ нашей арміи.

Прежде всего считаемъ нужнымъ констатировать тѣ общія положенія которыя, по нашему мнѣнію, могутъ послужить масштабомъ правильной оцѣнки военной организаціи вообще. Эти общія основанія (если они вѣрны) укажутъ лучше всего ошибки разбираемой нами системы, они же могутъ указать и на тѣ начала которыя было бы желательно принять при ея преобразованіи.

1) *Армія есть не что иное какъ орудіе исполнительной власти.*

Исторія указываетъ что каждый разъ когда забывалось это правило, то-есть когда армія, выходя изъ своей роли, сама становилась властью, участвуя въ законодательныхъ или распорядительныхъ функціяхъ, она необходимо получала характеръ явнчарства или преторіанства, характеръ несовмѣстный съ понятіями благоустроеннаго общества. Отъсюда выводъ: что *военное въдолство должно оставаться исключительно военнымъ*: не его дѣло заботиться о заботахъ о распространеніи цивилизаціи, о народномъ просвѣщеніи, объ усовершенствованіи педагогіи, медицины, юриспруденціи. Подобныя занятія порождаютъ лишь духъ партій, несвойственный принципу единства военного организма; они же отвлекаютъ главныхъ дѣятелей отъ ихъ прямыхъ обязанностей, обязанностей настолько многосложныхъ и трудныхъ что добросовѣстное ихъ исполненіе, при громадности нашихъ военныхъ учрежденій, становится почти не по силамъ направляющимъ это дѣло лицамъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не удивляться дѣятельности прежняго министерства, находившаго время заботиться, спеціально, разными сложными посторонними вопросами. Но позволено думать что быть-можетъ было бы полезнѣе еслибы время потраченное до 1877 года на заботы о педагогіи и на заведеніе женскихъ акушерскихъ курсовъ и т. п. было посвящено болѣе производительной заботѣ о дальнобойныхъ орудіяхъ, занятіяхъ полевыхъ инженеровъ и о другихъ подобныхъ чисто военнымъ дѣлахъ.

2) Армія каждаго государства должна основываться на индивидуальных качествах своего народа, на его исторических преданіяхъ и на местныхъ условіяхъ.

На этомъ основаніи едва ли можно признать рациональнымъ механическое заимствованіе на нашу почву разныхъ военныхъ порядковъ западной Европы.

Сомнительна польза отъ ослабленія казачества, отъ измѣненія его внутреннего быта, отъ его регулярнаго обученія и т. п. По меньшей мѣрѣ странно ослаблять приращенный, готовый военный элементъ, дабы замѣнить его искусственнымъ, новымъ созданіемъ, удача котораго еще не доказана.

Точно то же можно сказать о нашей военно-судной системѣ и о многихъ мѣрахъ внутреннего устройства частей, напр. учрежденіе въ нихъ коллегіальнаго офицерскаго суда; вся наша исторія доказываетъ что такіе парламенты къ намъ не идутъ: если они до сихъ поръ привнесли мало вреда въ нашихъ полкахъ, такъ это только благодаря вліянію тѣхъ командировъ частей которые личнымъ преобладающимъ авторитетомъ сумѣли парализовать послѣдствія этого парламента и порожденныхъ имъ партій.

3) Армія должна быть школой военнаго воспитанія и военнаго образованія войска.

Несомнѣнно что армія играетъ роль не только военной, но и обще-воспитательной школы для проходящихъ чрезъ ея ряды людей: такой результатъ неминуемо достигается *попутно* при правильной постановкѣ воспитанія; но военный долженъ смотрѣть на это обще-нравственное развитіе лишь какъ на средство для достиженія военнаго превосходства, а отнюдь не долженъ задаваться такою задачей какъ цѣлью своей дѣятельности. Разъяснимъ это примѣромъ: мы обязаны, между прочимъ, развивать въ рекрутѣ физическую силу и ловкость; но едва ли кто-нибудь вздумаетъ утверждать будто цѣль арміи состоитъ въ развитіи въ народѣ большаго процента ловкихъ и здоровыхъ людей. Исполняя свой долгъ, строго преслѣдуя цѣли военнаго воспитанія рекрута, мы конечно достигнемъ улучшенія здоровья, и физическаго, и нравственнаго, но мы должны добиваться этого только въ такомъ размѣрѣ насколько оно необходимо для военно-воспитательной цѣли. Задача наша развить въ солдатѣ духъ порядка и подчиненности,

уваженіе къ авторитету, приучать его къ безпрекословному исполненію дѣла и обязанностей. Нравственныхъ результатовъ армія должна достигать развитіемъ военной доблести. Далекое то будетъ если станемъ развивать эти нравственныя качества путемъ резонерства и лекцій. Мы, военные, должны воспитывать не сентиментальныхъ барышень и благовоспитанныхъ лансіонерокъ, а суроваго солдата, который не можетъ и *не долженъ* походить на профессора международнаго права.

Такъ же какъ бесполезно стремиться къ достиженію солдатомъ совершенства гимнастовъ цирка, такъ же неумѣсто пересаливать по части учености.

Еще болѣе неумѣсто ставить исходною точкой будто армія должна быть подспорьемъ народной школы грамотности (идея преобладавшая у насъ въ 60хъ годахъ). Уже выше выражено желаніе чтобы военные оставались только военными, а не отвлекались тяжелой заботой о народномъ просвѣщеніи. Много соблюдается этимъ экономіи во всѣхъ отношеніяхъ. Печально влечь сколько истратили несчастные армейцы въ прежнее время трудовъ въ дѣлѣ покаяннаго обученія грамотности, на изученіе системы Столянскаго, или на оставленіе фактивныхъ сласковъ процента грамотныхъ.

4) *Управленія, канцеляріи и штабы созданы для арміи, а не наоборотъ.* Чѣмъ ихъ меньше и чѣмъ меньше число чиновниковъ тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ дѣло. Ни въ одной арміи нѣтъ такого множества штабовъ и канцелярій какъ у насъ, нигдѣ не отвлекаютъ они отъ строя такого множества военнослужащихъ, развивая фалангу бюрократовъ или „штабныхъ фазановъ“, по данному имъ въ 1877 году за Дунаемъ прозвищу. А между тѣмъ, чѣмъ болѣе канцелярскихъ инстанцій, тѣмъ болѣе вырастаетъ масса переписки и тѣмъ меньше возможности начальнику управлять своею частью. Переписка стала намъ рѣшительно не по силамъ во время похода, а бюрократія взялась до того что ей бессознательно жертвовали живымъ дѣломъ: а между тѣмъ масса чиновниковъ и канцелярскихъ штабовъ не помѣшала, во время войны, тому что нужныя распоряженія доходили до насъ вовремя и поздно, или же вовсе не доходили! По неволѣ влечь мы читавое о прусской штабной организаціи 1870 года: чиновниковъ тамъ было меньше, распоряженія

передаваюсь зачастую пусто, собраннымъ адюльтатомъ, скорѣе, правильнѣе, точнѣе.

Многочисленная канцелярская машина, повсюду или впрочемъ, наедитъ массу цвструкцій, правилъ, формъ, безцелесмысленныхъ, нѣкимъ не читаемыхъ доисесей и вѣдомостей. Все это въ свою очередь вызываетъ противорѣчя, дополненя, измѣненя, объясненя и, въ результатъ, безпорядокъ и громадное увеличеняе расходовъ.

Пока не сократится система канцелярій и изобиліе переписки, старшіе начальники будутъ до того поглощены чернильною текущею работою что имъ, при лучшемъ желаніи не останется времени для фактическаго контроля надъ живыми дѣлами; текущая переписка о дѣлѣ окроетъ отъ нихъ сущность дѣла. Послѣдствія такого перадака повятимъ: въ нихъ кроется одна изъ причинъ тѣхъ громадныхъ злоупотребленій и непродуманныхъ затратъ по хозяйственнымъ операціямъ, которыми столь богато посѣднее десятилѣтіе.

Но зло бюрократизма не ограничивается этимъ. Канцелярія привлекаетъ, къ сожалѣнію, массу способныхъ, дѣльных и образованныхъ людей, которые могли бы привести войскамъ несомнѣнную пользу, а между тѣмъ она, ставушисъ въ чернильную рутину, болѣе другихъ становится вреднымъ для живаго дѣла. Какъ это ни кажется страннымъ и парадоксальнымъ, но объясняется оно довольно просто. Военная организація страны не можетъ быть продуктомъ одной логической аргументаціи, также какъ государственнй строй, она основана на историческомъ и бытовомъ развитіи и на характерѣ народа. Очень многое изъ существующаго на дѣлѣ окажется, можетъ-быть, на основаніи *формальной логики* нецѣлымъ, а тѣмъ не менѣе оно имѣетъ свою raison d'être, свое законное право существованія. Кто привыкъ обращаться съ живымъ организмомъ, понимаетъ эти особенности какъ бы чутьемъ. У канцелярскаго же дѣателя притупляется это живое чувство. Создаваемая такимъ дѣтелемъ система можетъ быть стройна, но въ томъ-то и бѣда что она вымыслена и создана на бумагѣ, и вѣтъ у нея ни крови, ни плоти, нѣтъ жизненной силы, и неправильность ея доказать словами и перепиской трудно, а докажетъ ее, но къ сожалѣнію очень поздно, олыгъ жизни. За примѣрами ходить не далеко, укажемъ на два получившіе главную извѣстность путемъ

судебныхъ разбирательствахъ,* а именно: на устройство всей вообще военно-хозяйственной администраціи, различная отъ главныхъ управленій и конечная хозяйствомъ полка, и на внутреннюю организацію офицерскаго общества, перенесенную къ намъ изъ Пруссіи.

При всемъ томъ, сколько ни желательнo уменьшеніе числа штабовъ и канцелярій, сокращеніе это однако невозможно, пока не изменены другія некорректныя основанія нашего военного строя. Это оказалось, между прочимъ, при устройствѣ округовъ (1865); въ то время выдвинулось, что труды окружныхъ управленій упрощать работу центральныхъ; на дѣлѣ оказалось обратное: окружные управленія завалены работой, а въ главныхъ управленіяхъ лишь увеличилось число входящихъ и исходящихъ бумагъ.

5) *Военный мундиръ*, столь почетный при правильной постановкѣ военного сословія, долженъ быть отдѣльно съ достоинствомъ военнымъ званіемъ; право ношенія этого мундира въ другихъ арміяхъ недоступно никакимъ *инымъ военнымъ достоинствамъ*, ни знанію педагогики, ни полицейскимъ способностямъ, ни умѣнію писать, декламировать стихи и строить барки и здания, или распознавать свойства холста, мѣди, сажи, кирпича и т. п. Совершенно естественно видѣть эполеты на плечахъ мажора, который, вравши со строевымъ офицеромъ, подвергается непріятельскому огню, повѣстно видѣть ихъ на топографѣ, производящемъ маршевою шапку, подвергая жизнь опасности, но крайне трудно повѣсть, чѣмъ заслужилъ эту честь разнаго наименованія *чиншеники*? Сюда относятся: артиллерійскій, вѣдущій за сраженіе покупать снаряды или наблюдающій за ея приемкой на заводѣ, витебскоіи, вѣдущій открывать дѣла на фуражъ въ Орловской губерніи или въ Торжокѣ покупать салоны, инженерный, вѣдущій отопленіемъ и чистотой казармъ или состоящій при думѣ для осмотра гражданскихъ зданий, канцелярскій всякаго наименованія, писюконъ вѣка сидящій въ своемъ отдѣленіи, учебный, со временемъ выхода изъ академіи обучающій рисованію или методъ Столянского, провинтскій и комиссаріатскій,

* Процессъ о поджогѣ завода Овсянникова, о растратахъ Хвощинскаго, Кронштадтскаго артиллериста, командира Драгулскаго полка полковника М., агентовъ компаній Грегера, Варшавскаго и т. д., и на дѣла гг. Квитницкаго, Раговскаго, Бланка, Миллера и др.

завѣдующій складами снарядовъ или консервовъ, административный, состоящій казначеимъ при полицейскомъ управленіи и т. д.

У насъ вообще переименіемъ три совершенно отличныя одно отъ другаго званія: дѣйствительно *военное, техническое* и званіе *класснаго чиновника*.

Подобное смѣшеніе не однородныхъ величинъ влечетъ всегда за собою вредныя послѣдствія; болѣе всего оно вліяетъ на духъ войскъ и на ихъ дисциплину. Другое послѣдствіе этого смѣшенія состоитъ въ уменьшеніи числа военныхъ офицеровъ, въ которыхъ армія ощущаетъ столь сильный недостатокъ. Людей спеціально подготовленныхъ для офицерства мы посылаемъ на должности которыя также легко и еще удобнѣе могли бы быть заняты техниками, чиновниками и выслужившимися писарями.

6) *Воинскій, призвантій быть орудіемъ исполненія и охраны закона, долгуемъ и въ своей средѣ привнесемъ къ безусловному уваженію законности.*

Не говоря уже о высоко-правственномъ значеніи такого правила, оно принесло бы и громадную экономическую пользу.

Уваженіе законности повліяло бы на весь нашъ внутренній бытъ и, вѣроятно, парализовало бы и бюрократію.

О предметъ положенномъ по закону, писать вообще приходится очень рѣдко; большая часть нашей переписки относится именно къ тому что по закону не разрешено или къ затмѣнію того что закономъ требуется, а нами не исполняется.

7) Въ механизмъ столь сложномъ какъ армія болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимъ *строгий порядокъ*. Порядокъ этотъ поддерживается, между прочимъ, *механическою привычкою* къ известнаго рода формамъ, правиламъ и къ строю іерархіи.

Поэтому степень порядка прямо зависитъ отъ *устойчивости* этихъ правилъ и формъ *.

Сказанное относится ко всемъ сторонамъ военного быта: къ уставамъ учений и формамъ одежды, также какъ къ администратіи частей и къ ихъ тактическому устройству; но, болѣе всего, къ *устойчивости внутренняго, штатнаго состава частей*.

* Конечно при условіи что правила и формы какъ въ общемъ такъ и въ частностяхъ вѣрны и удовлетворяютъ современному состоянію военного дѣла. Безъ этого получится не *устойчивость*, а *застой*. Ред.

Резюмируя сказанное и принимая эти положенія къ разбору военной росписи * получаются слѣдующіе выводы:

А) Къ военному вѣдомству отнесены явныя нѣкоторыя части не имѣющія необходимой внутренней связи съ военнымъ дѣломъ и такія которыя имѣютъ другіе, спеціальныя общегосударственныя, центральныя органы (министерства или департаменты).

Сосредоточеніе въ центральныхъ органахъ всего относящагося къ ихъ спеціальности дало бы значительную экономію; независимо отъ этого, такое сосредоточеніе однородныхъ дѣлъ въ одномъ спеціальномъ министерствѣ оказало бы благотворное вліяніе и на существо дѣла, упрочивая единство правительственной системы вообще. Такъ напримѣръ, извѣстная діаметральная противоположность взглядовъ на систему воспитанія прежняго Военнаго Министерства и Министерства Народнаго Просвѣщенія; возникшія отсюда антагонизмы значительно повліяли на возбужденіе оппозиціи противъ военной правительствомъ классической системы.

Передача постороннихъ спеціальныхъ отдѣловъ въ вѣдѣніе подлежащихъ министерствъ не увеличитъ вовсе расхода тѣхъ министерствъ, расходъ же на соответственныя военные департаменты сократился бы лавностью.

Къ разряду разбираемыхъ отдѣловъ относятся слѣдующіе четыре:

а) *Военноучебныя заведенія*: прежде всего вопросъ, насколько вообще, въ чисто военномъ отношеніи, необходимы военныя гимназій и прогимназій?

Прежніе кадетскіе корпуса со строгою дисциплиной были дѣйствительно *военно-учебными* заведеніями.

Въ тѣхъ заведеніяхъ принимались преимущественно сыновья военныхъ, которые находили поэтому въ корпусахъ обезпеченіе будущности своихъ дѣтей ** на почвѣ военного элемента.

* При смыскѣ на военный бюджетъ мы руководствовались сенатскимъ изданіемъ государственной росписи 1881. Поставленные предъ денежными суммами, въ скобкахъ, нумера соответствуютъ послѣдовательной нумераціи росписи (по заголовку они обозначаютъ „№ приложеній по порядку“). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, для большей ясности, обозначена соответственная страница этой росписи.

** Нынѣ это далеко не такъ, что доказываетъ кредитъ на воспитаніе дѣтей (№ 133) далеко не достигающій цѣли и мало доступный младшимъ чинамъ.

Если ихъ общеобразовательный уровень былъ даже выше гимназій, * за то военный духъ былъ несравненно выше. Они были выражениемъ идеи *военной школы*, идеи служачей оживленіемъ офицерскаго корпуса и въ Пруссіи. Нынѣшнія же гимназіи не что иное какъ обыкновенныя реальныя училища, ** съ тѣмъ развѣ отягченіемъ что воспитанники ихъ носятъ плечевыя погоны, обучаются въ свободное время военной гимнастикѣ и отдаютъ зачастую честь офицерамъ; поступаютъ же туда, по конкурсу, дѣти всѣхъ классовъ населенія.

По статьямъ свѣдѣній 1881 года (№№ 125 — 129) подсчитано по главному управленію военно-учебныхъ заведеній всего 5.069.262 р., *** лѣпчемъ дѣйствительно военныхъ тутъ, если не ошибемся, только три училища: Палаурское, Константиновское и Кавалерійское.

Эти три военные училища вовсе не нуждаются въ особомъ центральному управленіи, а могли бы легко быть подчинены и другому органу, напр. Главному Штабу; вѣдь подчинены теперь военная академія и спеціальныя училища своимъ соответственнымъ главнымъ управленіямъ, и главный разсудникъ офицеровъ, то-есть юнкерскія училища подчинены нѣмѣ окружнымъ начальникамъ, а не главному управленію военно-учебныхъ заведеній. Къ чему же послѣ этого отдѣльное центральное управленіе (119.107 руб.) со своимъ ученымъ комитетомъ, педагогическимъ музеемъ и т. д. и т. д.?

б) *Главно-Военно-Медицинское Управленіе*. У насъ существуетъ медицинскій департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, со своимъ ученымъ комитетомъ, аптечными, инструментальными и другими коммисіями; не проще ли соединить во одно эти однородныя учрежденія двухъ министерствъ? Расходы по медицинскому вѣдомству видны изъ слѣдующихъ цифръ росписи:

* Это не вѣрно; ни по программамъ, ни по учебному плану кадетскіе корпуса не только не были ниже нынѣшнихъ военныхъ гимназій, но были выше ихъ. *Ред.*

** Военныя гимназіи далеко не обыкновенныя реальныя училища, онѣ даже не похожи на то что подъ этимъ именемъ разумется у насъ. *Ред.*

*** Военно-учебныя заведенія расходуютъ столько же сколько положено на содержаніе *всѣхъ* гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія!

	По Министерству Внутренн. Дѣлъ.	По Военному Мини- стерству.	По Мор- скому Ми- нистер- ству.	По Туре- станско- му ген- -губерн.	По Кав- казскому Намест- ничеству.
1) Центральные ор- ганы	61.238 (№ 309)	(142, 146 - 148)	188.228		15.408
2) Ученые комите- ты, совѣты и ученые консультации.....	13.533 (№ 302 4)	(142, 147)	81.413	—	—
3) Мѣстныя учре- жденія и службѣ..	1.948.884	(143)	575.245	?	108.978
4) Содержаніе боль- ныхъ	2.284.811 (326 332)	(67)	3.388.360*	170.149	?
5) Академія и учебн. заведенія.....	—	(144)	470.209	—	—
6) Награды и по- собія	—	(149)	17.798	Входитъ въ общій вѣдѣнн.	51.767
7) Оперативныя..	—	(145)	762.109	?	—
Всего	4.308.416		5.298.362	170.149	178.148
					Всего 10 ¹ / ₂ милл.

* Не считая содержания лазаретовъ въ войсковыхъ частяхъ (№ 75) 484.915 рублей.

** То же что о медицинскій части морскаго вѣдомства можно сказать и о со-
держаніи въ этомъ вѣдомствѣ отдѣльных учрежденій интендантскихъ, артиллерійскихъ,
и судебныхъ.

Замѣтимъ что таблица эта далеко не полна, такъ какъ въ нее не вошло много цифръ заключающихся въ статьяхъ *общихъ* расходовъ, для выдѣленія которыхъ у насъ не было данныхъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ обязано озаботиться о здо-
ровьи и врачеваніи 80 милліоновъ населенія, Военное же всего
800.000; казалось бы поэтому что расходы *общихъ* вѣдомствъ

должны, хоть сколько-нибудь соответствовать этимъ цифрамъ; на дѣлѣ нѣтъ и тѣни такого соответствія. Замѣтимъ что при этомъ нами вовсе не приняты въ расчетъ огромный расходъ Военнаго Министерства на содержаніе войсковыхъ врачей и фельдшеровъ; этотъ расходъ показанъ, по № 72, въ общей цифрѣ служащихъ въ войсковыхъ частяхъ, и не имѣлось данныхъ для выдѣленія изъ этой общей цифры частной медицинской.*

Въ числѣ расходовъ военнаго главнаго управленія фигурируетъ медицинскій ученый комитетъ (№ 142) суммой въ 67.413 рублей, тогда какъ весь расходъ на Медицинскій Департаментъ составляетъ лишь 61.238 рублей, а на медицинскій совѣтъ (№ 302.304) 13.533 рубля; отсюда выводъ что развитіе *медицинской учености* стобитъ Военному Министерству въ пять разъ болѣе чѣмъ общегосударственному *спеціальному* вѣдомству!

Разборъ этихъ цифръ наводитъ на мысль что, даже въ случаѣ учрежденія отдѣльнаго *Министерства* военно-гражданской медицины, расходъ сократится противъ настоящаго, потому что всѣ однородные совѣты и коммисіи обоихъ департаментовъ слились бы воедино. Подобное учрежденіе упростило бы обязанности военнаго министра,** а министру медицины дало бы возможность пользоваться для надобностей народнаго здравія услугами военныхъ врачей и массы фельдшеровъ запаса; сохранились бы расходы на командировки врачей изъ столицы, усилился бы мѣстный врачебный надзоръ и, вѣроятно, уменьшились бы страшныя олустошенія производимыя разными эпидеміями: дифтеритомъ, сифилисомъ и т. д. По хозяйственнымъ же операціямъ улучшился бы можетъ-быть порядокъ, вслѣдствіе перекрестнаго контроля разнородныхъ вѣдомствъ (военнаго, морскаго и внутреннихъ дѣлъ) за медицинскимъ.

Опасаться что внимательство въ военные госпитали посторонняго министерства можетъ породить внутренней антигонизмъ администраціи нечего, всакому извѣстно что этотъ

* Авторъ упускаетъ изъ виду что кромѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на народное здравіе тратитъ деньги земство. *Ред.*

** Тутъ кстати вспомнить, сколько хлопотъ и заботъ причинила Военному Министерству одна медицинская академія и устройство женскихъ акушерскихъ курсовъ, и несмотря на всѣ эти хлопоты, едва ли и до сихъ поръ достигнуть желаемый результатъ.

антагонизмъ существуетъ въ сильной степени и въ настоящее время, при самостоятельномъ распоряженіи одного Военнаго Министерства.

Устройство же полевыхъ госпиталей военного времени состоялось бы въ такомъ случаѣ также просто какъ учрежденіе полевыхъ казначействъ, почти и, наконецъ, частныхъ госпиталей Краснаго Креста. *

в) *Военнонародныя управленія.* Что управленіе Туркестанскаго края оставляетъ желать весьма многого, это давно извѣстно: убѣдиться въ этомъ легко изъ любопытныхъ корреспонденцій *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* изъ Ташкента. Расходъ же на эти управленія возрастаетъ постоянно: на 1881 ассигновано 3.381.000 руб., въ томъ числѣ: на геологическія развѣдки 25.000, на *льсоразведеніе* 69.000, на типографію и изданіе газеты 22.000 и т. д. Спрашивается, кто изъ военного начальства въ состояніи сѣдѣть надъ, на успѣхъ спеціальнаго дѣла *льсоразведенія*? сколько извѣстно, оно не влодитъ дается даже спеціальному учрежденію Государственныхъ Имуществъ. Позволено думать что было бы гораздо удобнѣе передать подобныя дѣла въ непосредственное вѣдѣніе компетентныхъ спеціальныхъ органовъ. **

Прямимъ послѣдствіемъ изыятія народныхъ управленій изъ военного вѣдомства было бы значительное сокращеніе числа лицъ носящихъ военное званіе, но не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго, кромѣ мундира и военного чина. Молодого офицера конечно соблазняетъ мысль поступить на хорошо оплачиваемое и спокойное мѣсто пристава, дѣлопроизводителя и т. п., отдѣлаться отъ трудовъ строевой службы и получать при этомъ чины, дойти очень спокойно до штабъ-офицерскаго званія, и тогда уже имѣть возможность претендовать на полученіе высшихъ военныхъ званій, т.-е. на командованіе строевою частью; въ случаѣ успѣха, такіа лица вносятъ

* Авторъ впадаетъ въ крайность. Въ военное время въ тылу арміи всегда будетъ хаосъ если всѣ части ей служація будутъ подчиняться не военному начальству, а гдѣ-то далеко находящему своему министерству. Армія всюду имѣетъ свой медицинскій персоналъ. Ред.

** Что такая передача возможна, видно изъ самой же росписи, въ которой (№ 285 стр. 106) Ташкентское училище шефководства отнесено непосредственно къ вѣдѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ.

въ нашъ военный бытъ привычки и рутину другого быта, не вполне съ нами согласныя и не совсѣмъ удобныя даже въ экономическомъ отношеніи; въ случаѣ же неустѣха, они остаются въ числѣ вещей „состоящихъ по роду оружія“ и получающихъ, такъ или иначе, по военному бюджету содержаніе, пособія, пенсія, эмеритуры и т. д.

Сказанное о военно-народныхъ управленіяхъ относится одинаково къ корпусу жандармовъ и къ полицейскимъ учрежденіямъ. Стоитъ прочесть „приказы по военному вѣдомству“ чтобъ убѣдиться объ основательности сказаннаго: постоянно встрѣчаются переводы чиновъ этихъ вѣдомствъ въ военно-строевыя части, переводы *тѣмъ же* чиновъ который приобрѣтеть въ не военной службѣ.

Какая громадная экономія получалась бы отъ исключенія изъ военного бюджета * этихъ излишнихъ чиновъ, видно изъ слѣдующаго разчета. **

Содержаніе отпускаемое по сѣтъ (№ 7³) военнымъ гражданскимъ и духовнымъ чиновамъ составляетъ (*независимо отъ содержанія управленій и учреждений*) 34.092.617 р. Всѣхъ же офицерскихъ чиновъ состоитъ въ строевыхъ частяхъ (полевыхъ, резервныхъ и мѣстныхъ) круглымъ числомъ около 600 генераловъ, 4.000 штабъ-офицеровъ и 22.000 оберъ-офицеровъ, число гражданскихъ чиновъ составляетъ около 5% военныхъ. *** Принимая среднюю норму содержанія: для оберъ-офицеровъ 500 рублей, для штабъ-офицеровъ 1.750, а для генераловъ 4.300 р., получится для всѣхъ круглымъ числомъ 21.600.000 р., т.-е. менѣе противъ сѣтлага назначенія на 12½ милліоновъ рублей. Эта громадная разниа объясняется, главнымъ образомъ, массой тѣхъ

* Не должно впрочемъ смѣшивать экономію военного бюджета съ экономіей государственнаго бюджета вообще. При соображеніяхъ экономіи необходимо имѣть въ виду въ какихъ размѣрахъ исключаемое изъ военного бюджета перемѣстится въ бюджетъ другихъ вѣдомствъ. Ред.

** Разчеты сдѣланы приблизительно по даннымъ опубликованнымъ въ *Военномъ Сборникѣ* и *Ежегодникѣ*.

*** Мы здѣсь касаемся одной экономической стороны этой мѣры, принятіе коей увеличитъ число военныхъ офицеровъ, въ которыхъ ощущается недостатокъ для надобностей арміи. Административныя вѣдомства тоже выиграли бы отъ предлагаемой мѣры: вышшіе офицеры-чиновники недостаточно дорожатъ своими административными мѣстами, имѣя всегда въ резервѣ, на случай неудачи, возможность поступить обратно въ полкъ.

безполезныхъ для военнаго дѣла сверхштатныхъ и состоящихъ по роду оружія, о коихъ упомянуто выше.

г) *Военно-судная часть.* По бюджету этого управленія (стр. 73 № 152) встрѣчается расходъ на отдѣльную Военно-Юридическую Академію 55.831 рубл.; прежде существовало еще отдѣльное юридическое училище, въ безполезности котораго однако убѣдились и закрыли его, если не ошибаемся, въ 1877 году. Базалось бы вполнѣ послѣдовательнымъ точно также отказаться и отъ академіи, а взамѣнъ ея открыть при любомъ изъ юридическихъ факультетовъ или при Училищѣ Правовѣднія двѣ или три катедры военныхъ законовъ.

Б) Соответственность военной организаціи индивидуальнымъ качествамъ народа и положенію государства влечетъ за собою естественность и простоту учрежденій. Послѣдствіемъ этихъ достоинствъ является съ одной стороны *устойчивость и дешевизна*, съ другой же уменьшается бремя воинской повинности въ мирное время и *усиливается контингентъ вооруженныхъ силъ въ военное время.* Къ сожалѣнію, эти главные основы не были приняты во вниманіе при реформахъ 1861—1880 годовъ.

Начиная съ 1861 года наша армія подвергалась многочисленнымъ преобразованіямъ: выработанныя канцелярскимъ путемъ реформы измѣнили всю ея организацію. Хотя къ новымъ положеніямъ прилагались всегда объяснительныя записки, убѣждавшія въ цѣлесообразности и логичности создаваемой системы, тѣмъ же менѣе жизнь и дѣйствительность приводили постоянно къ сознанію капитальныхъ недостатковъ этого искусственнаго созданія. Многое изъ того что было положено въ 1864 году пришлось опять возстановить, созданное въ 1874 году было упразднено въ 1878; въ особенности названія: „резервныхъ, заласныхъ и крѣпостныхъ“ частей мѣнялись столько разъ что теперь трудно даже составить точное понятіе объ ихъ настоящемъ значеніи. И послѣ всѣхъ этихъ увлеченій канцелярскою теоріей, мы опять-таки убѣдились горькимъ опытомъ 1878 года что не достаетъ очень и очень многого для соответственнаго развитія нашихъ военныхъ силъ и, болѣе всего, недостаетъ намъ главнаго, то-есть твердаго и прочнаго основанія.

Полная критика вышшняго военнаго строя повела бы насъ къ подробностямъ, которыя не идутъ къ настоящей статьѣ, посвященной преимущественно разбору экономического вопроса.

В) Стремленіе къ достиженію такъ-называемаго *научнаго* и технического совершенства составляетъ оригинальную болѣзнь нашей арміи; неудобства этой системы, къ сожалѣнію, нельзя выразить явными бюджетными цифрами. Наши армейскіе оберъ-офицеры обязаны яко бы изучать статистику, топографію, педагогію, уголовное законодательство, составлять диспозиціи и дислокаціи для цѣлыхъ корпусовъ, строить ба-раки и лікарни, разбивать форты и т. д. и т. д. Унтеръ-офицеры и даже рядовые чертятъ маршруты, глазомѣрныя кроки, занимаются въ лабораторіяхъ, рекруты зазубриваютъ мелочатными имъ отвѣченныя фразы о разныхъ возвышенныхъ предметахъ...

Результатомъ этого является навъкъ къ шарлатанству и невольное улуцженіе прямыхъ служебныхъ обязанностей. Ротному командиру некогда наблюдать за ротой послѣ бессонной ночи проведенной за рѣшеніемъ „задачи“, нижнимъ чинамъ отъ этой учестости претитъ и они рады отпуску дабы отъ нея избавиться; было бы конечно еще хуже еслибы всѣ эти чины къ ней пристрастились и увеличили бы этимъ рядъ нашихъ *déclassés*. Даже занятіе учебною стрѣльбой доведено до степени увлеченія, не оправдываемаго опытомъ послѣдней войны.

Вообще мы улускаемъ изъ виду положеніе убѣдительно доказанное генераломъ Драгомировымъ: „*дѣло не въ образованіи, а въ воспитаніи солдата*“, а между тѣмъ этимъ воспитаніемъ заняться рѣшительно некогда, когда все время занято этою сомнительною учестостью. Что это направленіе отражается на увеличеніи расхода, въ этомъ нельзя сомнѣваться: хозяйство частей страдаетъ, число штабныхъ чиновъ приходится увеличить, также какъ учебныя кадры для образованія новобранцевъ.

Г) *Канцелярія и штабы*. Значеніе этихъ учрежденій въ экономическомъ отношеніи видно изъ цифръ слѣдующей таблицы:

НАЗВАНІЕ УПРАВЛЕНІЙ.	№№ стр.		Слѣжное назначеніе.		% отно- шеніе кан- целар. къ личному составу.
	росписк.	стр.	На личный составъ.	На канце- ларіе и хозяйств. расходы.	
Интенданство. Ц. *.....	59	61	300.548	22.108	7,3%
М. *.....	60	—	1.970.664	121.182	6,1
Артиллерійское. Ц.	94	64	220.644	17.070	7,7
М.	95	65	1.065.920	103.831	9,3
Нижегородское. Ц.	111	67	159.712	9.150	5,7
М.	112	68	1.187.096	161.172	13,5
Всѣхъ учебн. заведеній Ц.	125	69	—	—	—
М.	128	70	125.686 **	28.421	23
Главный штабъ. Ц.	126	—	2.038.073	—	—
М.	130	70	394.615	54.089	13,5
М.	131	—	1.290.506	59.857	4,6
Кавказскихъ войскъ.	139	71	128.940	9.087	7
Медицинское. Ц.	142 ***	72	166.419	7.725	4,3
М.	143	—	327.514	29.366	9,1
Военно-Судное. Ц.	150	73	117.906	7.051	6
М.	151	—	828.681	73.075	8,9
Канцелярія	154	74	444.909	10.950	2,3
Всего	—	—	11.732.831	710.634	среди 6%

Къ этимъ бюджетнымъ цифрамъ слѣдуетъ присовокупить:

а) Содержаніе писарей въ войсковыхъ частяхъ и учрежденіяхъ. Число этихъ писарей намъ въ точности неизвѣстно; принямая нормой для его *приблизительнаго* исчисленія штатъ пѣхотнаго полка и считая всѣ отдѣльныя административныя части (штабы полковъ, отдѣльныхъ баталіоновъ, бригадъ, дивизій, корпусовъ, управленій уѣздныхъ и губерскихъ начальниковъ и т. п.), всего 1.800, получимъ приблизительно 10.000 писарей, полное содержаніе (вещевое, продовольственное и денежное) каждаго изъ нихъ составитъ по меньшей мѣрѣ 100 рублей, а всего 1.000.000 рублей.

б) Канцелярскіе расходы всѣхъ этихъ частей составляютъ (по № 74) 485.729 рублей.

* Ц. означаетъ центральныя, а М. мѣстныя учрежденія.

** Сюда включена статья „командировки“ весьма трудно об-
яснимая въ такомъ специальномъ вѣдомствѣ.

*** Здѣсь считаемъ расходъ только по статьѣ 142, поэтому разница
между приводимой цифрой и показанною выше стр. 381.

Предполагая что изъ суммы 11.732.831 рублей, $\frac{3}{4}$ относятся на содержаніе главныхъ и второстепенныхъ *распорядителей*, а лишь 40% на *канцелярскихъ* дѣателей въ тѣсномъ смыслѣ слова, окажется всего на канцелярію: 4.693.132 руб. + 710.634 + 1.000.000 + 485.729 руб., то-есть 6.889.495 руб.

Но это не все: извѣстно что расходы войсковыхъ частей на канцелярію не ограничиваются однимъ *бюджетнымъ* назначеніемъ: кромѣ штатныхъ писарей, вездѣ множество „учениковъ“, т.-е. солдатъ отвлекаемыхъ отъ строя для чернильныхъ занятій, кромѣ штатныхъ назначеній, дѣлаются еще болѣе или менѣ негласные расходы изъ хозяйственныхъ суммъ.

Сюда же слѣдуетъ прибавить расходъ на наемъ помѣщеній для канцелярій, для служащихъ въ нихъ и для *архивовъ*. Эти послѣдніе займутъ современемъ немаловажныя помѣщенія, благодаря приватнымъ у насъ (не по одному впрочемъ военному вѣдомству) формамъ. Было бы гораздо полезнѣе помѣщенія этихъ безполезныхъ учрежденій обратить въ казармы и этимъ подвинуть хоть нѣсколько впередъ рѣшеніе неотложнаго, и жгучаго вопроса столь важнаго для благоустройства нашихъ войскъ.

Для сокращенія канцелярскаго расхода могли бы, на первое время, быть приняты хотя бы слѣдующія мѣры:

1) Строгое примѣненіе и развитіе правилъ о сокращеніи переписки изданныхъ въ 1862 генераломъ Сухозанетомъ (бывшимъ военнымъ министромъ). Пояснимъ это примѣромъ. По положенію 1862 слѣдуетъ при всякой возможности, вмѣсто отдѣльныхъ бумагъ, ограничиваться надписями; нынѣ же, въ случаѣ полученія ходатайства требующаго разрѣшенія высшихъ инстанцій, постулившая бумага переписывается цѣликомъ въ каждой изъ послѣдующихъ инстанцій при ея восхожденіи, точно также при нисхожденіи и возвращеніи ея въ каждой инстанціи заводится *дѣло*, вносится оно въ разные журналы, снимаются черновыя и зачастую все это дѣлается изъ-за вопроса не имѣющаго *никакого значенія*, по дѣлу по коему можно бы ограничиться однимъ словомъ: „разрѣшается и представляется“ или „отклоняется“, безъ оставленія о томъ слѣда по разнымъ „входящимъ и исходящимъ“ журналамъ.

2) Измѣненіе формата. Бумаги лишутся, въ видахъ оказанія уваженія къ старшимъ, на бумагѣ in folio, оставляя обыкновенно 2—3 страницы пустыми. Надо бы наконецъ понять что уваженіе не измѣряется форматомъ бумаги и

установить вообще форматъ $\frac{1}{8}$; расходъ на бумагу сократился бы этимъ на $\frac{3}{4}$, и настолько же уменьшатся мѣста храненія архивовъ.

Минимумъ экономіи отъ этихъ двухъ мѣръ составилъ бы $\frac{1}{2}$ суммы на канцелярскіе расходы (485.729 для войсковыхъ частей и 710.684 р. для учреждений), эта половина составитъ 598.181 руб.

3) Измѣненіе срочной отчетности. Въмѣсто литературной, слѣдовало бы установить *одну числовую* отчетность; такъ какъ первая составляетъ лишь непроизводительную потерю времени для низшихъ инстанцій и едва ли читается высшими, а въ особенности министерствомъ, а между тѣмъ изъ-за литературнаго отѣла (напр. годовыхъ отчетовъ) зачастую пренебрегаютъ цифровымъ. Вообще слѣдовало бы: а) эти цифровые отчеты представлять полностью лишь въ началѣ или въ концѣ года, въ теченіе же года лишь происшедшія въ извѣстный періодъ перемѣны, б) представлять эти вѣдомости не болѣе чѣмъ въ двухъ экземплярахъ *, т.е. двумъ лишь непосредственно старшимъ административнымъ инстанціямъ, и в) вѣдомость о численности и

* Главная изъ срочныхъ вѣдомостей это *лѣсные рапорты*, представляющіе толстыя тетради in folio, листовъ отъ 12 до 20. Въ мирное время ихъ представляютъ и ближайшимъ инстанціямъ и въ Главный Штабъ. Въ военное же время, когда необходимо *сокращать* переписку, эти грузные рапорты представляются еще въ нѣсколькихъ лишнихъ экземплярахъ воиъ полевымъ, отряднымъ и корпуснымъ штабамъ. Выпуски изъ нихъ и изъ приказовъ по части посылаются контролю. Въ этихъ рапортахъ масса лишняго: неизвестно для какой цѣли выписывается каждый разъ „сколько положено по штату“ чиновъ; потомъ прилагается подробный списокъ офицеровъ (съ обозначеніемъ имени, отчества, исповѣданія, времени поступленія на службу, на должность, въ чинъ, команднаго положенія или мѣста нахожденія), всѣ эти свѣдѣнія переписываются ежемѣсячно цѣликомъ, хотя бы въ теченіе мѣсяца не послѣдовало никакой перемѣны. Цѣлые листы этихъ рапортовъ заключающіе въ себѣ на одной первой страницѣ помѣтку не было (напр. о числѣ ваенниковъ). Многія части доходятъ до такого увлеченія что переписываютъ въ приказахъ по части (полку или дивизіи) все относящееся до нихъ изъ Высочайшихъ приказовъ или приказовъ по военному вѣдомству, на что изводятъ бумаги болѣе чѣмъ стоала бы выпуска изъ Га. Штаба лишнихъ экземпляровъ этихъ приказовъ, не говоря уже о содержимыхъ для этого лишнихъ, негласныхъ писаряхъ.

другія положенныя свѣдѣнія сообщать контролю не изъ каждой части отдѣльно, а изъ окружныхъ штабовъ, одну переписку о всѣхъ частяхъ входящихъ въ районъ округа *.

4) Ограниченіе числа канцелярскихъ начальниковъ. По духу законодательства, войсковые начальники дѣлятся на *исключительно-командныя* и такихъ которые сверхъ того вѣдаютъ и *административно-хозяйственную* часть; къ первымъ относятся баталіонныя, бригадныя и корпусныя командиры, ко вторымъ полковыя, дивизіонныя и окружныя: первымъ изъ нихъ вовсе не слѣдовало бы придавать *канцелярій*, ко вторымъ же слѣдовало бы, собственно для канцелярскихъ и хозяйственныхъ дѣлъ, назначать *классныхъ чиновниковъ*, а отнюдь не военныхъ офицеровъ. Произведенный изъ писарей чиновникъ гораздо лучше строеваго офицера справится съ канцелярскою рутиной, со счетомъ мундировъ въ цейхаузѣ или по вѣркой извѣстныхъ $\frac{2\frac{1}{2}}{30}$ гарнцевъ муки. Хорошіе офицеры не будутъ отвлекаться отъ дѣла, не поладутъ въ бюрократы меркантильнаго направленія, даже сама канцелярія выиграетъ отъ этого, а внутреннія интриги несомнѣнно уменьшатся и расходъ вѣроятно сократится. **

Экономія по стг. 3 и 4 выразится въ уменьшеніи числа писарей и штабныхъ чиновъ.

5) Децентрализація. Казалось бы необходимымъ уменьшить число дѣлъ восходящихъ безо всякой надобности и въ теченіе всего года на рѣшеніе высшаго начальства. Разъ

* Въ *немедленности* высылку контролю вѣдомостей не можетъ предостоять надобности, такъ какъ ревизія отчетности въ палатахъ запаздываетъ на цѣлыя годы.

** Въ числѣ многихъ причинъ плодящихся у насъ канцелярскую переписку, проволочку въ дѣлахъ, неясность въ приказахъ, циркулярахъ, штатахъ и всякихъ положеніяхъ едва ли не первое мѣсто принадлежитъ незнакомству высшихъ административныхъ начальствъ съ подробностями дѣла. Было время когда въ штабахъ и канцеляріяхъ все дѣлали писаря и такъ-называемые „межотравчатые“ чиновники. Намъ кажется слѣдуетъ хлопотать не объ устраненіи офицеровъ изъ штабовъ и управленій, а о сокращеніи числа штатовъ послѣднихъ. Тотъ кто въ послѣдствіи долженъ быть начальникомъ распорядителемъ долженъ хорошо и во всѣхъ подробностяхъ знать служебное дѣло. Не умѣя быть исполнителемъ нельзя быть и командиромъ. *Ред*

что существуютъ окружныя начальства, облеченныя, столь высокою властью, казалось бы рациональнымъ поручать имъ же назначенія, переводы и всякаго рода увольненія всѣхъ вообще оберъ-офицерскихъ чиновъ, веденіе ихъ послужныхъ списковъ и, наконецъ, производство ихъ на вакансіи по старшинству, опредѣливъ это производство точными, безусловными правилами и разчитывая его не по полкамъ, а по дивизіямъ или по корпусамъ. Всѣ эти предметы восходятъ вышѣ въ Министертво, которое не въ состояніи справиться аккуратно и входить въ *дѣйствительное* подробное обсужденіе этихъ мелочныхъ дѣлъ относительно 30.000 оберъ-офицеровъ. *Въдѣліе дѣлами* этихъ оберъ-офицеровъ составляетъ поэтому въ настоящее время не что иное какъ канцелярскую формальность министерства, и передача этихъ дѣлъ въ округа можетъ лишь возвысить значеніе центральнаго органа, избавивъ его отъ постоянныхъ нареканій по предметамъ которыми онъ не въ состояніи заняться какъ слѣдуетъ по существу.*

Такъ какъ у насъ дѣла по личному составу (инспекторскія) по неизвѣстной причинѣ не сосредоточиваются въ одномъ центральномъ органѣ (главномъ штабѣ), а распределены по всѣмъ главнымъ управленіямъ, изъ коихъ каждое вѣдаетъ чинами своей спеціальности, то предполагаемая нами децентрализація уменьшила бы сразу на $\frac{2}{3}$ дѣлопроизводство по инспекторскимъ отдѣленіямъ всѣхъ этихъ управленій, въ войскахъ же отъ этого дѣла бы не прибавилось, такъ какъ всѣ эти дѣла и вышѣ восходятъ по командѣ.

6) Упрощеніе хозяйственной отчетности. Это упрощеніе тѣсно связано съ устройствомъ штатнаго состава частей; этого вопроса мы коснемся въ подробности ниже сего при разборѣ (л. Д.) объ устойчивости военной организаціи.

Общій размѣръ экономіи отъ принятія этихъ мѣръ не можетъ быть опредѣленъ заранее, такъ какъ сюда войдетъ множество неясныхъ факторовъ (наемъ помѣщеній, негласныя передержки, канцелярскіе гласные и негласные чиновники войсковыхъ частей и т. п.). Сокращеніе бюрократіи разчитать атмосферу и откроетъ возможность старшимъ и центральнымъ начальникамъ приступить къ капитальнымъ,

* Увольненіе отъ службы, производство и награды офицеровъ составляютъ и должны составлять предметъ вѣдѣнія высшихъ инстанцій и восходить на утвержденіе высшей власти. Въ Германіи этимъ завѣдуетъ военный кабинетъ императора. Ред.

систематическимъ преобразованіямъ, — оно освободить ихъ отъ безполезныхъ мелочей, лишающихъ ихъ нынѣ возможности вникать въ существо хозяйственныхъ операцій и заяться *фактически* контролемъ этого дѣла.

Д) Устойчивость военныхъ учрежденій составляетъ, какъ выше сказано, одно изъ главныхъ условій ихъ преуспѣванія. Для нашего сложнаго механизма необходима извѣстная рутина, къ которой всѣ составныя части его привыкли бы до того чтобы могад дѣйствовать такъ-сказать машинально въ желаемомъ направленіи. Постоянныя передѣлки составныхъ частей этого механизма сбиваютъ съ толку всю прислугу, отдѣльныя части машины портятся, общая гармонія частей нарушается, и въ результатѣ получается что-то сложное изъ разнородныхъ, ничѣмъ не связанныхъ обрубковъ. Не касаясь вліянія этихъ перемѣнъ на духъ войскъ и на ихъ численность, мы ограничимся здѣсь однимъ лишь изслѣдованіемъ *экономическаго вліянія неустойчивости состава частей* и остановимся на тѣхъ мѣрахъ по сему предмету которыя вызываются необходимостью сокращенія расходовъ.

Прежде всего замѣтимъ что дѣйствительныхъ штатовъ въ настоящее время вовсе и не существуетъ. Для доказательства обратимся къ разбору мѣсячнаго отчета любого армейскаго лѣхотваго полка; изъ отчета узнаемъ что по спискамъ числятся столько-то людей, и что изъ нихъ столько-то состоитъ въ госпиталѣхъ, подѣ судомъ, въ отпускахъ и въ *командировкахъ*; наконецъ, за вычетомъ всѣхъ этихъ отдѣльных итоговъ показано *наличное*. Въ дѣйствительности наличное число болѣе показаннаго, что видно изъ помѣщенной тутъ же отдѣльной пространной описи всѣхъ *не показанныхъ* въ числовой вѣдомости *прикомандированныхъ*.

Система этихъ командированій практикуется такъ широко что командиры частей никогда не въ состояніи составить твердый планъ распределенія занятій. Существуютъ полки въ которыхъ числятся по списку всѣ 64 (положенныхъ по штату) офицера, но изъ нихъ откомандировано 25 (въ академіи, въ штабы, министерства, управленія, юнкерскія училища и т. д.); а взамѣнъ этого прикомандировано изъ другихъ полковъ 18. То же относится и къ нижнимъ чинамъ: люди командированы въ штабы, округа, корпуса, дивизіи, бригады, въ госпитали, типографіи, обмундировальныя мастерскія, интендантскіе склады, полицейскія управленія, въ Сибирь при

переведенномъ туда офицерахъ, при якорскихъ училищахъ и т. д.; вслѣдствіе этого состоятъ хотя въ меньшей мѣрѣ прикомандированные изъ другихъ частей. Отсюда выходитъ что ни полкъ, ни всѣ эти названныя части и учрежденія твердаго, опредѣленнаго и соответствующаго ихъ надобностямъ штата не имѣютъ. Дальнѣйшее послѣдствіе этихъ переселеній, лишній расходъ и слутанность хозяйственной отчетности. Вѣдь, казалось бы, что можетъ быть проще точнаго опредѣленія штата офицеровъ. Командиръ полка, его помощникъ, четыре баталіонные командиры, въ каждой ротѣ по два * офицера (командиръ и субалтеръ), а затѣмъ при штабѣ полка три офицера штабные, четыре запасные и четыре классные чиновника (для канцеляріи, казначейскаго отдѣла, лазарета и хозяйственнаго дѣлопроизводства); это составило бы всего 47 офицеровъ и четыре чиновника, вмѣсто положенныхъ 64 офицеровъ и одного чиновника. Опредѣливъ такимъ образомъ нормальный штатъ офицеровъ, можно бы отлускать частямъ содержаніе только на это штатное число, не входя ни въ какіе предварительные о томъ расчеты и не подвергая произведенный расходъ никакому внѣшнему постороннему контролю. То же относится и къ числу нижнихъ чиновъ, штатъ которыхъ очень легко опредѣлять въ предѣлахъ сметы, еже-третью, впередъ, по представленію дивизионныхъ начальниковъ, сообразуясь со среднимъ размѣромъ большихъ и съ предлагаемымъ размѣромъ отлусковъ, или сборовъ. На такое опредѣляемое число можно бы отлускать содержаніе и продовольствіе полвостью. Всякія прикомандированія и откомандированія по произволу штабовъ могли бы, въ такомъ случаѣ, быть отмѣнены, да они стали бы и невозможными есаубы была отягата возможность довольствоваться прикомандируемыхъ. Экономія же отъ случайнаго некомплекта противъ нормальнаго штата составила бы такую ничтожную сумму изъ-за которой не стоило бы заводить обширную *предварительную* переписку съ ея громадными требовательными вѣдомостями (въ трехъ экземплярахъ), именными списками, тюками „документовъ“ и отчетными вѣдомостями: ревизію

* Имѣніе въ каждой ротѣ по одному субалтеръ-офицеру въ помощь ротному командиру это *primus desiderium* всѣхъ командировъ частей. А между тѣмъ этого-то *необходимаго* звена по большей части не бываетъ (см. *Армейскія Записки* генерала Драгомирова), несмотря на многочисленность *штатнаго* состава.

можно бы тогда ограничить одну, *следующую* должной отчетныхъ книгъ расхода и строгимъ наблюдениемъ достигъ, доходить ли до каждаго служащаго все что ему назначено. Такая ревизія могла бы конечно быть поручена ближайшему начальству, съ отнесеніемъ могущихъ оказаться ничтожныхъ остатковъ къ хозяйственнымъ или запаснымъ суммамъ частей.

Изданіе говорить, насколько выиграли бы ото всѣхъ этихъ мѣръ порядокъ и благоустройство частей: Командированныхъ не стали бы держать бесполезныхъ служащихъ; развивая чиновъ своей части, они бы знали что эти чиновъ остаются въ полку, а не будутъ взяты въ разные штабы и учрежденія, какъ это дѣлается нынѣ; служащіе отвѣсались бы гораздо строже къ обязанностямъ службы въ *своей* части, зная что имъ нельзя будетъ устроиться *вне* ея, продолжая числиться въ ея числѣ; сокращеніе и упроченіе штатовъ дало бы возможность, безъ новаго обремененія бюджета, усилить содержаніе строевыхъ чиновъ. Наконецъ, получаемая экономія дала бы, сверхъ сего, возможность *увеличить* число пополняемыхъ въ военное время *кадровыхъ частей*—вещь болѣе всего необходимая, если мы не желаемъ рисковать безопасностью Россіи въ виду вооруженій западныхъ сосѣдей.

Противъ всего сказаннаго могутъ возразить что сдѣланные нами замѣчанія касаются одной только мелкой и канцелярской экономіи, оставляя въ сторонѣ главный вопросъ о хищеніи по хозяйственнымъ отдѣламъ.

Въ отвѣтъ на это мы, прежде всего, повторимъ еще разъ что искорененіе бюрократизма (этого преобладающаго при бывшемъ министрѣ управленія) дастъ главнымъ распорядителямъ возможность, *если* только они *позволятъ*, вникнуть въ сущность хозяйственнаго дѣла. Нынѣ они этого сдѣлать *не могутъ, хотя бы и хотѣли*, ибо между ними и дѣломъ завѣса перелиски. Вовторыхъ, экономія предполагаемыхъ мѣръ образовала бы по меньшей мѣрѣ 10 милліоновъ, что нельзя считать мелочью. Наконецъ, втретьихъ, полное искорененіе злоупотребленій зависитъ не отъ одного военнаго вѣдомства и личности его главныхъ распорядителей, но также и отъ системы и устройства контроля.

Нынѣ у насъ нѣтъ дѣйствительнаго *военнаго* контроля, а существуетъ лишь вѣдшій, „*государственный*“, то-есть бюрократическое учрежденіе повѣряющее *счета*, въ смыслѣ

согласія ихъ съ существующими *формами* и положеніями. Подобная система укрѣпляетъ лишь въ военныхъ канцеляріяхъ навыкъ къ обходамъ: пунктъ очищается, дѣло остается. Тутъ упускается изъ виду коренное различіе существующее между военнымъ и другими *распорядительными* министерствами. Военное вѣдомство представляетъ, по существу, нѣчто въ родѣ обособленнаго механизма или завода: оно назначено *приготовить и развивать, для своихъ спеціальныхъ цѣлей, матеріалъ или же самихъ приобретаемый или построенный, матеріалъ живой (солдаты), вещевой, охранный (крѣпости) и взрывчатый (оружіе).*

Понятно что внутренній бытъ этого спеціального учрежденія можетъ быть контролируемъ только своими же спеціальными дѣятелями, преимущественно тѣми которые заинтересованы въ его благоустройствѣ, ичѣмъ въ виду его употребленіе въ случаѣ надобности; ревизіи же *общегосударственной* могутъ подлежать лишь *способы приобретения* этого матеріала, *размѣръ заготовленій, цѣнность, первоначальная доставки* и т. п. Поэтому ревизія государственнаго контроля можетъ имѣть характеръ только *предварительный, до поступленія* матеріала въ военное вѣдомство. Конечно необходимо допустить чтобы контроль ревизовалъ и штатный расходъ *центральныхъ распорядительныхъ отдѣловъ*, * отъ примѣра которыхъ зависить нравственное направленіе подчиненныхъ имъ строевыхъ частей, во въ дальнѣйшее внутреннее движеніе военнаго механизма, *въ особенности строевыхъ частей*, контролю вовсе входить бы не слѣдовало: ** разъ что военный

* Этого у насъ не дѣлается: кредиты на личный составъ, на пособия, награды, командировки и пр. по существу изъяты отъ ревизіи, также какъ несвойственныя военнымъ отдѣламъ операціи по типографскимъ, типографскимъ и другимъ подобнымъ дѣламъ коммерческаго характера.

** Пояснимъ примѣромъ: контроль *ревизуетъ* отчетность по фуражному довольствію, т. е. смотритъ то ли показано число лошадей какое положено по штату и тѣ ли цѣны которыя назначены приказомъ по округу. Между тѣмъ извѣстно что лошадей содержать въ дѣйствительности менѣе штатнаго, а дѣйствительныя покупки цѣны рѣдко сходятся съ установленными; обыкновенно торговля ниже послѣднихъ, поэтому кромѣ этого *формальнаго* отчета для контроля существуетъ другой *полковой*, тоже офиціальныи и тоже невопоянъ вѣрный, для своего *военнаго начальства* и нерѣдко еще

матеріалъ поступалъ окончательно по назначенію, его дальнѣйшее употребленіе, кормленіе и т. п. должны подлежать исключительно *военной* ревизіи, то-есть своему спеціальному надзору, съ тѣмъ чтобы полный результатъ операцій и вся подробная ихъ картина были въ подробности открываемы государственному контролю, дабы служить ему неопровержимымъ основаніемъ при дальнѣйшемъ предварительномъ об-сужденіи смѣтныхъ проектовъ. Еслибы практиковалась такая система, то контроль могъ бы уже давно указать на экономическій вредъ отъ непрочности и несообразности нашихъ штатовъ, на несообразность военного расхода на учительскія семинаріи, акушерокъ, музеи и на другія странности, о коихъ уломянуто выше, и для уразумѣнія коихъ вовсе не нужно быть специалистомъ. Контроль могъ бы давно остано-вить вниманіе правительства на странностяхъ военного хозяйства, на системѣ пріобрѣтенія орудій, оружія и прила-совъ, на несообразности ихъ стоимости, системы ихъ пере-возки, на заковтракованіяхъ провіанта безъ опредѣленія цѣны, на доставку провіанта изъ далека вмѣсто покупки его дешевле на мѣстѣ, на громадномъ расходѣ по дровяному * отопленію и пр. пр.

третій, *невынужденный*, но *неизбѣжный* для должностныхъ. Подобные порядки извѣстны и начальству. Къ чему же лишняя переписка для контроля, и зачѣмъ учить войска офиціальному обману?

* На отопленіе расходуется по одной статьѣ 115 (2)—2970.000 рублей для войскъ и зданій; околько идетъ на управленія и учрежде-нія (заводы) неизвѣстно, также какъ расходъ земства по сему пред-мету. Извѣстно только что отопленіе составляетъ статью негласной экономіи для всѣхъ заготавливающихъ и употребляющихъ топливо, несмотря на то что „казенныхъ дровъ вообще не жалуютъ“. Казна содѣйствуетъ при этомъ истребленію лѣсовъ, игнорируя совершенно новѣйшія усовершенствованія—въ родѣ экономическихъ Давыдов-скихъ ячей, или отопленія углемъ, или нефтью. На околько экономіи получается отъ этого послѣдняго матеріала извѣстно изъ отчетовъ акціонерныхъ компаній, въ правленіяхъ коихъ принимаютъ участіе эти же военные. На околько преувеличенъ расходъ на отопленіе видно изъ послѣдняго отчета Министерства Путей Сообщенія; на отопленіе всѣхъ зданій и службы тага Главное Общество Россійскихъ Же-лѣзныхъ Дорогъ (не отличающееся экономіей) расходуетъ лишь 2½ милліона рублей, при протяженіи въ 2.200 верстъ, при 100 станціяхъ, множествѣ зданій, паровозныхъ и др. заведеній, на отопленіе зимой всѣхъ вагоновъ и т. д.

Совершенно иной характеръ *внутренняго* контроля, чисто военного, который долженъ преимущественно быть *фактически* подобная ревизія недоступна гражданскимъ чинамъ государственнаго контроля. * Войска и военный матеріалъ готовятся для военныхъ цѣлей, состояніе ихъ близко сердцу и пониманію военныхъ, которымъ придется употреблять въ дѣло этотъ матеріалъ, имъ однимъ только и можно поручить наблюденіе за ихъ благоустройствомъ.

Такая фактическая ревизія войскъ и учреждений (можетъ быть произведена только посредствомъ инспекцій; отчасти эти инспекціи устроены и въ настоящее время, но кругъ дѣйствій ихъ недостаточно широкъ, самостоятельность ихъ ограничена ** и наконецъ старшіе начальники слишкомъ завалены канцелярскою работою чтобы надлежащимъ образомъ заняться этимъ дѣломъ первостепенной важности. Къ этимъ инспекторамъ и войска, и учрежденія отнесутся совершенно иначе чѣмъ относятся къ ревизіямъ контрольных палатъ съ которыми можно отыгаться продолжительною формальною отпиской и перепиской; отъ инспекторовъ имѣющихъ прямую дисциплинарную власть и обладающихъ полною спеціальною компетенціей нельзя отдѣлаться канцелярскими резовами и увертками. Притомъ же инспектора прямо ответственны за беспорядокъ могущій въ послѣдствіи оказаться за время производства ревизіи.

Въ видѣ завершения этого высшаго контроля, необходимы еще особыя, высшія инспекціи, производимыя лицами состоящими внѣ командныхъ отношеній съ повѣряемыми учрежденіями и постами и командироваемыми по особому непосредственному велѣнію Августѣйшаго Верховнаго Вождя; такіа лица обязаны обращать вниманіе не только на отступленія отъ положенныхъ правилъ, но и на соотвѣтственность самихъ правилъ; они, эти лица, поддерживаютъ единство направленія всѣхъ частей громаднаго военного механизма. Эти инспекціи

* Во время послѣдней войны сдѣланъ былъ опытъ допустить контрольных чиновниковъ къ фактическому контролю по хозяйственнымъ дѣламъ; результатъ, какъ извѣстно, оказался неудачнымъ.

** Мы тутъ имѣемъ въ виду въ особенности лицъ инспектирующихъ заводы техническихъ хозяйственныхъ вѣдомствъ; лица эти подчинены главнымъ управленіямъ этихъ же ревизуемыхъ вѣдомствъ. Ergo....

существовали у насъ до 1870 годовъ, когда командировались ежегодно для этой цѣли по представленію министра нѣкоторые изъ членовъ военнаго совѣта,—но эта мѣра, какъ кажется, оставлена и не дала даже въ то время надлежащихъ результатовъ, потому ли что самая идея инспекцій не была ясно сознава, или потому что находили неумѣстною извѣстнаго рода критику, или потому, наконецъ, что подобное живое единеніе съ войсками не соответствовало канцелярскому управленію тогдашняго режима.

ШТАБНЫЙ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Материалы для исторіи императоровъ Александра I, Николая I и Александра II. Сочиненіе Заблудкаго-Десятовскаго. Четыре тома.

Покойный Ю. Э. Самаринъ выразился однажды что въ убѣжденіи всей Россіи имя графа Киселева неразрывно связано съ вопросомъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что именно съ этой стороны пользовался онъ обширною извѣстностью. Судьба устроила такъ что Киселевъ не принималъ участія въ окончательномъ разрѣшеніи упомянутаго вопроса, но онъ трудился надъ нимъ въ то время когда еще очень немногіе сознавали его важность и когда даже самъ императоръ Николай, при всей энергіи своего характера, отступалъ предъ встрѣчаемою имъ оппозиціей. Къ царствованію этого государя относится наиболѣе важная дѣятельность графа Киселева, хотя при его предшественникѣ онъ уже обращалъ на себя вниманіе, а при его преемникѣ призванъ былъ оказать Россіи услуги на такомъ поприщѣ которое до тѣхъ поръ было ему совершенно чуждо. Мы вообще имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія о нашихъ государственныхъ людяхъ въ

выѣшшемъ столѣтїи, но особенно слѣдуетъ это сказать о людяхъ Николаевскаго царствованїя. Извѣстная книга барона Корфа о Сперанскомъ, неоконченный трудъ П. П. Ковалевскаго о графѣ Блудовѣ, біографїя адмирала Мордвинова составленная г. Иконниковымъ, вотъ кажется и все чѣмъ богата въ этомъ отношенїи наша литература; затѣмъ въ историческихъ нашихъ журналахъ можно найти кое-какіе мемуары, документы, разказы, но все это слишкомъ случайно и отрывочно. Тѣмъ болѣе цѣны имѣеть обширное сочиненїе г. Заблоцкаго-Десятовскаго, съ которымъ мы намѣреваемся познакомиться нашихъ читателей. Авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженїи въ высшей степени разнообразный и интересный матеріалъ: онъ пользовался архивомъ оставшимся по смерти графа П. Д. Киселева, въ которомъ хранятся документы относящіеся къ служебной дѣятельности этого государственнаго человѣка, частная его корреспонденція и собственныя его записки, которыя сначала велъ онъ урывками, а затѣмъ, съ переездомъ его въ Парижъ, постоянно въ видѣ дневника съ 1856 по 1872 годъ. Г. Заблоцкому открыты были также архивы Великаго Князя Константина Николаевича, министерствъ Военнаго и Государственныхъ Имуществъ; наконецъ важнымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ считать то что авторъ зналъ графа Киселева, былъ близокъ къ нему и могъ слѣдовательно дополнить многое своими личными воспоминанїями. Неудивительно поэтому что книга его исполнена огромнаго интереса. Читатели должны быть благодарны г. Заблоцкому за то что богатымъ матеріаломъ скопившимся въ его рукахъ подѣлился онъ съ нами очень щедро, и если онъ не встрѣтилъ при этомъ препятствїй, то по всему вѣроятїю объясняется это высокимъ покровительствомъ которое оказано было его труду. „Два первые тома, говоритъ онъ въ предисловіи къ нему, еще въ рукописи удостоились прочтенїя покойнаго государя императора Александра Николаевича и едва ли не были послѣднимъ его чтенїемъ.“

Біографїя графа Киселева написана также какъ большая часть біографїй пишется въ Англіи: разказъ ведется собственно для того чтобъ установить связь между документами, которымъ принадлежитъ первое мѣсто. Изъ этого не слѣдуетъ однако чтобъ авторъ скрывалъ собственный взглядъ на изображаемое имъ лицо. Г. Заблоцкій ставитъ чрезвычайно

высоко графа Киселева не только какъ государственнаго дѣятеля, но и вообще какъ человека; во всей карьерѣ его не видить онъ ни одного темнаго пятна; по его мнѣнію, къ нему по справедливости могутъ быть приписаны слова сказанныя древнимъ ораторомъ при погребеніи одного знаменитаго Римлянина: „gratias agere debemus dis immortalibus, quod ille vir in hac republica potissimum natus esset“. Г. Заблоцкій отражаетъ всѣ упреки обращенныя противъ дорогой ему личности. Кому не извѣстны стихи Пушкина:

На генерала Киселева
 Не положу моихъ надеждъ;
 Онъ очень милъ, о томъ ни слова;
 Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
 За жирнымъ медленнымъ обѣдомъ
 Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
 До ночи слушать радъ его;
 Но онъ... придворный, обѣщанья
 Ему не стоить ничего!

Не трудно поколебать укоръ заключающійся въ этихъ строкахъ уже потому что писаны онѣ когда Пушкину было только 19 лѣтъ, а въ такіе годы Пушкинъ при всей своей гениальности не могъ быть конечно основательнымъ знатокомъ людей. Другое дѣло графъ М. А. Корфъ, занимавшій должность государственнаго секретаря въ то время когда графъ Киселевъ былъ министромъ Государственныхъ Имуществъ. Записки его не обнародованы, но г. Заблоцкій благодаря самому покойному автору имѣлъ возможность ознакомиться съ ними и счелъ долгомъ прежде чѣмъ появятся онѣ въ свѣтъ возразить противъ содержащихся въ нихъ черезчуръ рѣзкихъ приговоровъ. Корфъ удивлялся многостороннимъ способностямъ графа Киселева, его блестящему уму, умѣнью овладѣвать самыми сложными вопросами, но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчались у него такіе отзывы: „Въ тонѣ и приемахъ Киселева все еще проявляется прежній легкомысленный и вѣтранный флигель-адъютантъ... Весь умъ, всѣ дарованія, вся заманчивая бесѣда Киселева въ приложеніи на практикѣ болѣе или менѣе блестящій фейерверкъ... Послѣдствія его преобразованій доездѣ (1845) имѣли только тотъ результатъ что казенные крестьяне хуже чѣмъ были прежде и всѣ единодушно ропщутъ на его логику (домку?)... Усилія его къ уничтоженію у насъ крѣпостнаго состоянія, то что онъ называетъ

своею миссией на землѣ, нисколько не доказываютъ ни филантропическихъ видовъ, ни истиннаго стремленія къ общественной пользѣ: это просто блестящая игрушка, которую онъ хочетъ внести свое имя въ исторію, плодъ того же хвастливаго честолюбія изъ котораго онъ далъ конституцію Румынскимъ княжествамъ". Въ другомъ мѣстѣ Корфъ говоритъ: „Сердце его (Киселева) никогда не было согрѣто и отцовскою любовью, потому что у него нѣтъ дѣтей... Друзей, даже людей которыхъ бы онъ искренно любилъ, Киселевъ не имѣетъ никого, и съ сердцемъ своимъ, на мѣстѣ котораго мозгъ, имѣть не можетъ... Онъ не ознаменуетъ себя истинною пользою и истинными доблестями потому что руководится только расчетомъ своихъ выгодъ, ставя выше всего собственное я... Въ этомъ человѣкѣ вездѣ и во всемъ дѣйствуетъ только умъ, честолюбіе и расчетъ; сердце холодное, мало знакомое съ высшими чувствами, вообще мало расположенное къ добру". Наконецъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Корфъ не советуетъ вообще имѣть дѣло съ графомъ Киселевымъ: „онъ васъ непременно выдастъ и продастъ". Авторъ разбираемой нами книги, можно сказать, по пунктамъ возражаетъ противъ каждаго изъ этихъ обвиненій утверждая что выступивъ съ нами Корфъ явился лишь отголоскомъ партіи которая ненавидѣла Киселева за его дѣятельность по крестьянскому вопросу, и готова была приписывать ему всякія дурныя побужденія. Повидимому есть въ этомъ значительная доля правды, но вообще судить о личныхъ свойствахъ человѣка въ состояніи только тѣ кто очень близко знали его, а для публики подобный судъ совершенно невозможенъ. Слушая однихъ которые безусловно хвалятъ, и другихъ которые жестоко порицаютъ, она имѣетъ средства оцѣнивать государственныхъ людей лишь по результатамъ ихъ дѣятельности; если результаты эти были благотворны, то оставитъ ли она въ виду что при достиженіи ихъ не обнаружено было достаточно сердечной теплоты и играло большую роль честолюбіе? Тѣмъ лучше если честолюбіе было направлено въ хорошую сторону. А что Киселевъ былъ далеко не чуждъ ему и служба дѣлу не упускала изъ виду и собственнаго возвышенія, на это, какъ кажется намъ, указываютъ нѣкоторые факты изъ его служебной карьеры.

Воспитаніе получилъ онъ очень недостаточное и если приобрѣлъ въ послѣдствіи многостороннія свѣдѣнія, то обязанъ

былъ этимъ исключительно самому себѣ. Онъ рано сдѣлался извѣстенъ императору Александру, который былъ лѣтвенъ его блестящимъ умомъ и способностями, и назначивъ его своимъ флигель-адъютантомъ, улюотреблялъ его не рѣдко для разныхъ болѣе или менѣе важныхъ и даже щекотливыхъ порученій. Посылая его въ 1817 году въ Южную армію, онъ выразился о немъ такимъ образомъ въ письмѣ къ главнокомандующему Беннигсену: „честный и правдивый (probe et véridique) характеръ этого офицера поможетъ вамъ ознакомить меня съ подробностями кои вы желаете повергнуть на мое воззрѣніе чрезъ лицо честности коего мнѣ извѣстна“. Порученія даваемыя Киселеву касались конечно главнымъ образомъ арміи, но исполняя ихъ, онъ обращалъ вниманіе на многое другое и возвращаясь представлялъ свои соображенія государю, который вступалъ съ нимъ по этому поводу въ откровенные разговоры. Мы видимъ напимѣръ что въ одной изъ этихъ бесѣдъ Киселевъ высказалъ свой взглядъ о состояніи нѣкоторыхъ южныхъ губерній. „Управленіе дюка Руншелье, замѣтилъ онъ между прочимъ, могло быть полезно, теперь же сдѣлалось отягощающимъ и даетъ поводъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ; новое положеніе и общія правила мнѣ кажутся необходимы. Южная Россія не то что была; нынѣ она заселена Русскими и можетъ имѣть уже одинаковое съ Россіей управленіе. Странно видѣть что въ одномъ государствѣ, у одного народа, на каждомъ шагу права и управленіе разные. Еслибъ я не былъ тому очевиднымъ самъ свидѣтелемъ, вѣрить бы конечно не хотѣлъ, и вотъ, я полагаю, причина затрудненій для управляющихъ: всѣ жалуются, всѣ ропщутъ. Всего сдѣлать вдругъ нельзя, отвѣчалъ государь;— обстоятельства до нынѣшняго времени не позволили заняться внутренними дѣлами какъ было бы желательно, но теперь мы занимаемся новою организаціей. Смерть императрицы (Екатерины) не позволила ей азіатскіе обычаи и многое въ правленіи, по желанію ея, перемѣнить. Мы должны теперь идти равными шагами съ Европой; въ послѣднее время она столько просвѣтилась что, по внѣшнему положенію нашему, оставаться назади мы уже не можемъ, но на все надо время, всего вдругъ сдѣлать нельзя; уменьшать злоупотребленія конечно должно, но одинъ всего не услѣдшь сдѣлать, помощниковъ нѣтъ, кругомъ видишь обманъ...“

Продолжая бесѣду, государь спросилъ Киселева что онъ видѣлъ и слышалъ на возвратномъ пути въ Петербургъ. На отвѣтъ Киселева что повсюду раздавались жалобы, между прочимъ на обременительность военныхъ расходовъ онъ замѣтилъ что „у насъ всѣ судятъ по слухамъ“.

„И по тому что видятъ, возразилъ Киселевъ. — Мысли вашего величества не всѣ знаютъ, а видятъ прибавленіе арміи и недовольны. Я самъ, государь, обвинялъ васъ; да къ тому же люди которые должны были бы васъ защищать, которые сами часто кругомъ виноваты, васъ же обвиняютъ и выставляютъ наружу. Васъ, государь, не всѣ берегутъ, и мнѣніе падаетъ на васъ, а оно не то что было тридцать лѣтъ назадъ; теперь всѣ говорятъ, о всемъ судятъ и какъ-то въ обычай вошло всѣмъ быть недовольными; напримѣръ назначеніе губернаторовъ въ Тулу и Калугу сдѣлало дурное впечатлѣніе; думаютъ что вы не любите дворянъ и даже Русскихъ.“

Государь ссылаясь на то что одинъ изъ губернаторовъ былъ рекомендованъ ему его братомъ, а другой фельдмаршаломъ, и что трудно было отказать.

„— А очень недовольны? спросилъ Александръ.

„— Очень, государь, и болѣе отъ того что полагаютъ вашу въ томъ немилость къ коренному Русскому.

„— Вотъ всегдашій вздоръ, отвѣчалъ государь;—я тысячу разъ это слышалъ и не понимаю что дало къ тому поводъ.“

Въ 1819 году Киселевъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2й арміи, командованіе кою послѣ Бенингсена принялъ графъ Витгенштейнъ. Въ книгѣ г. Заблоцкаго подробно изложены важныя услуги оказанныя имъ на этомъ полрищѣ. Киселеву приходилось бороться здѣсь и съ недоброжелательствомъ, и съ разными препятствіями, но онъ вышелъ изъ нихъ съ торжествомъ, благодаря прежде всего своимъ личнымъ достоинствамъ, а также и тому обстоятельству что имѣлъ сильную поддержку въ Петербургѣ. Начальникъ главнаго штаба князь П. М. Волконскій былъ очень расположенъ къ нему, а съ А. А. Закревскимъ, занимавшимъ должность дежурнаго генерала, связывала его самая тѣсная дружба. Въ разбираемой нами книгѣ личность Закревскаго выступаетъ въ особенно выгодномъ свѣтѣ. Изъ множества писемъ принадлежащихъ ему мы видимъ что это былъ человекъ съ большимъ здравымъ смысломъ, не кривившій душой и проникнутый глубокимъ патріотическимъ чувствомъ. Съ заботливымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за дѣятельностью Киселева, часто

обращался къ нему съ разумными совѣтами и вообще много помогалъ ему въ устройствѣ арміи, чего не могъ не цѣнить Киселевъ, какъ видимъ изъ слѣдующихъ строкъ его письма: „Участіе которое принимаешь по дѣламъ 2й арміи видимъ, чувствуемъ и благодаримъ; имя Закревскаго произносится у насъ съ уваженіемъ и признательностью; всѣ ко мнѣ доходящія просьбы упираются на тебя; попросите Арсенія Андреевича, если можно, то вѣрно сдѣлаетъ—вотъ отголосокъ всѣхъ тѣхъ которые нуждаются въ помощи и знаютъ тебя цѣнить“. Время было трудное. Вліяніе Аракчеева одинаково тяжело отзывалось какъ въ гражданской, такъ и въ военной сферѣ. О порядкахъ господствовавшихъ въ арміи и о томъ какъ относились къ нимъ лучшіе люди можно судить по слѣдующему письму генерала Сабанѣева, который былъ въ послѣдствіи корпуснымъ командиромъ: „Учебный шагъ, хорошая стойка, быстрый взоръ, скобка противъ рта*, параллельность шеренгъ, неподвижность плечъ и всѣ тому подобныя ничтожныя для истинной цѣли предметы столько всѣхъ заняли и озаботили что нѣтъ минуты заняться полезнѣйшимъ. Одинъ учебный шагъ и переправка амуниціи задушили всѣхъ отъ начальника до нижняго чина... Какое мученіе несчастному солдату и все для того только чтобъ изготовить его къ смотру. Вотъ гдѣ тиранство! Вотъ въ чемъ достоинство Шварца, Клейнмихеля, Желтухина и имъ подобныхъ! Вотъ къ чему устремлены всѣ способности, всѣ заботы начальниковъ. Гдѣ же тутъ польза? Гдѣ ваши обязанности? Какихъ достоинствъ ищутъ нынѣ въ полковомъ командирѣ? Достоинство фронтоваго механика, будь онъ хоть настоящее дерево. Отъ сихъ правилъ даже фронтовая служба сдѣлалась труднѣе, а тиранство стало необходимостью... Нельзя безъ сердечнаго сокрушенія видѣть ужасное уныніе измученныхъ ученьемъ и передѣлкой амуниціи солдатъ. Нигдѣ не слышно другаго звука кромѣ ружейныхъ приемовъ и командныхъ словъ, нигдѣ другаго разговора кромѣ крагъ, ремней и вообще солдатскаго туалета и учебнаго шага. Бывало вездѣ глѣсни, вездѣ весело, теперь нигдѣ ихъ не услышишь. Вездѣ *уыз-гаузы* и цѣлая армія учебныхъ командъ. Чему учать? Учебному шагу. Не совѣстно ли старика, ноги котораго исходили десять тысячъ верстъ, тѣло котораго покрыто ранами, учить наравнѣ

* При держаніи ружья на караулъ.

съ рекрутомъ, который конечно въ короткое время сдѣлается его учителемъ. Необходимо ли это? Какое же честолюбіе поселимъ мы въ войскахъ если служба и раны не будутъ уважены.“ И въ Петербургѣ многіе смотрѣли на дѣло совершенно такъ же. Закревскій писалъ Киселеву: „Ни въ чемъ командованіе гвардейскимъ корпусомъ не назначали такихъ командировъ какъ теперь, и полагаю что съ сего времени гвардія будетъ во всѣхъ отношеніяхъ уладать кромѣ ногъ, на кои особенно обращаютъ вниманіе. Скажите по совѣсти: что ноги безъ головы и куда годятся? Ты долженъ мнѣ на сіи замѣчанія сказать свое мнѣніе. Я думаю что никогда не должно было такъ заниматься какъ теперь гвардіей и имѣть хорошихъ начальниковъ, къ которымъ имѣли бы уваженіе. Война (то-есть если случится война)—и гвардія наша будетъ несчастная.“

Киселевъ, не сочувствовавшій системѣ усиленныхъ фронтowychъ занятій, очень заботился однако о строгомъ примѣненіи ея во второй арміи. Даже біографъ его долженъ былъ сознаться что въ этомъ случаѣ онъ увлекался „желаніями и одобреніями свыше“. Увлеченіе заходило иногда далеко. Не странно ли что въ началѣ 1821 года, когда вѣрили въ возможность войны и дѣлали даже приготовленія къ ней, такой умный человѣкъ какъ Киселевъ обращаясь со слѣдующими жалобами къ Закревскому: „Не ловишь, сколько нынѣшнія обстоятельства разстраиваютъ учебныя наши занятія; всѣ желанія устремлены къ войнѣ, и учебный шагъ остается въ небреженіи; боюсь будущаго смотра и особенно если полувоенное наше состояніе нѣсколько продолжится“. Закревскій на это отвѣчалъ: „Отыдно, любезный Павелъ, такъ жалѣть что васъ не увидать въ знаніи учебнаго шага; вѣдь ты какъ умный, честный и благородный человѣкъ такъ судить не долженъ; я замѣчаю что ты очень перемѣнился и потому хочу лично съ тобой видѣться“.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра Киселевъ тяготился своимъ положеніемъ, особенно послѣ того какъ Аракчееву удалось вытѣснить князя Волконскаго изъ должности начальника главнаго штаба. Закревскій также долженъ былъ покинуть Петербургъ. Его назначили генералъ-губернаторомъ Финляндіи, чего онъ вовсе не желалъ. Такъ какъ въ дальнѣйшемъ разказѣ намъ уже не придется встрѣчаться съ нимъ, то считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько

словъ о дѣятельности его на новомъ полприщѣ, олять-таки выставяющей его съ наилучшей стороны. Мы уже упомянули сейчасъ что она вовсе не улыбалась ему. „Напрасно ты думаешь что я располагаю оставаться въ Финляндіи, писалъ онъ Киселеву; напротивъ, я преждее имѣю намѣреніе ѣхать туда, пробывать назначенное мною время и показать что я не упряма и готовъ исполнить волю государя, со мной несправедливо поступившаго. Послѣ двухъ докладовъ по Финляндіи я еще болѣе убѣдился что полезень быть не могу, и государь никакъ не полагаетъ чтобы Финны ненавидѣли Русскихъ, тогда какъ это замѣтно почти на каждомъ шагу. Впрочемъ въ званіи моемъ телерешнемъ я не могу оказать никакой пользы моему отечеству, а что Финны меня хвалятъ или ругать будутъ, для меня все равно.“ Гораздо характеристичнѣе еще другое его письмо, относящееся какъ и приведенное сейчасъ къ 1824 году. Вотъ что говорилъ онъ въ немъ.

„Я лѣтніе мѣсяцы мучился объѣзжая Финляндію. Хотѣлось все вдругъ осмотрѣть не теряя времени. Теперь веду жизнь однообразную. Общества для меня здѣсь совсѣмъ нѣтъ, ибо нѣтъ Русскихъ. Что же касается до здѣшнихъ уроженцевъ, то еслибъ и нашлись между ними люди съ достоинствомъ, то частныя сношенія наши не могутъ быть пріятны находясь въ необходимости вести таковыя посредствомъ третьяго. Ты спрашиваешь, доволенъ ли я своею чуждой и что у меня творится? Къ прискорбію долженъ сказать что не столько чувства прежней ихъ самобытности какъ бессмысленныя поступки предмѣстника моего закоренили въ Финляндахъ вражду ко всему русскому. Г. Штейнгель (предмѣстникъ Закревскаго) не только съ равнодушіемъ Нѣмца смотрѣлъ на непріязненныя ихъ соотношенія съ Русскими, находящимися въ здѣшнемъ краѣ на службѣ, но поддерживалъ ихъ и даже въ сношеніяхъ своихъ съ людьми обѣихъ націй; онъ, казалось, напрягалъ усилія свои дабы противопоставить однихъ другимъ. Устанавливая зимою дни въ недѣли, на которые Русскіе и Финны сзывались каждыя порознь, потворствовалъ народной и разгоряченной гордости послѣднихъ, которымъ даже часто предоставлялъ преимущества надъ Русскими. Послѣдствія такого образа поведенія естественны: Финны отчуждены совершенно отъ Русскихъ; офицеровъ нашихъ, и такъ уже достаточно наказанныхъ ссылочною ихъ здѣсь жизнію, къ себѣ не принимаютъ, дѣлая однимъ словомъ все что отъ нихъ зависитъ чтобы не сблизиться съ нами. Ты можешь себѣ представить какъ съ пріѣзда моего сюда я стараюсь дать всему этому иное направленіе. На вечерахъ моихъ являются офицеры наши въ большемъ

множествѣ, несмотря часто на неумѣнье и неловкость ихъ, отъ казарменной жизни, въ свѣтскомъ обращеніи. Я не пролускаю ни одного случая напоминать этимъ Шведамъ великодушіе которымъ они одолжены государю, и что благодарность ихъ можетъ отчасти излиться въ общественныхъ и дружескихъ ихъ отношеніяхъ съ Русскими. Что же касается собственно до меня, то мнѣ жаловаться никакъ нельзя. Въ стараются исполненіемъ моихъ желаній доказывать готовность свою содѣйствовать моимъ видамъ, къ достиженію скорого отправленія правосудія и соблюденію необходимой точности въ другихъ отрасляхъ управленія Финляндіи. Судопроизводство здѣшнее все основано на ложныхъ началахъ и часто противно здравому смыслу. Я не распространяюсь съ тобой о семъ предметѣ; надѣюсь разказать объ ономъ при первомъ нашемъ свиданіи. Положеніе русскихъ офицеровъ здѣсь находящихся ужасно и гораздо даже хуже солдатскаго. Последніе получаютъ порціонныя деньги, на каждый полкъ по 20 т. р.; многие офицеры отказываютъ себѣ даже въ денщикѣ, чтобъ отпущаемымъ на него провіантомъ замѣнить хотя сколько-нибудь свои недостатки. Ты легко можешь себѣ представить какъ такое неимущее ихъ состояніе, отдаленіе отъ родины и совершенное лишеніе гостепріимства должны сильно дѣйствовать на ихъ нравственность. Добавь къ тому что они постоянно имѣютъ предъ глазами финскія войска, которыя собираются только на шесть недѣль въ году занимаемая остальную часть года: рядовые работая на себя или обращаясь къ различнымъ промысламъ, офицеры же занимаясь хозяйствомъ. Однимъ словомъ живутъ для себя и какъ хотять, на окладѣ четверномъ противъ жалованья получаемаго Русскими“...

Одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ относящихся къ пребыванію Киселева во 2й арміи, это—близкія сношенія его съ такъ-называемыми декабристами. Нѣкоторые изъ нихъ пользовались подлымъ его довѣріемъ и состояли даже при немъ адъютантами. Тѣсныя узы соединяли его, между прочимъ и съ Пестелемъ, который вначалѣ былъ адъютантомъ князя Витгенштейна, а потомъ командиромъ Вятскаго полка. Что касается сего послѣдняго, то у Киселева не было недостатка въ предостереженіяхъ; еще начиная съ 1819 года Закревскій неоднократно писалъ ему чтобъ онъ былъ остороженъ, но Киселевъ оправдывался тѣмъ что дѣлать въ Пестелѣ главнымъ образомъ его умъ и способности. „Радуюсь, отвѣчалъ ему Закревскій, что ты отъ Пестеля въ восхищеніи, но прошу имѣть его въ томъ мнѣніи какъ я къ тебѣ писалъ; время все открываетъ, а не минутное удовольствіе“. Черезъ нѣсколько времени новое письмо Закревекаго:

„До меня слухи доходятъ что тебя въ арміи не любятъ и что ты свободное время проводишь болѣею частію съ Пестелемъ. Не вѣря сему, я желалъ бы знать отъ тебя истину... И какая связь дружбы соединила тебя съ Пестелемъ, о характерѣ и нравственности котораго ты писалъ мнѣ неоднократно? Люби тебя не могъ сего скрыть и потому можешь судить что я дружбу цѣнить умѣю.“ Тѣмъ не менѣе Киселевъ не удалялъ отъ себя Пестеля и никого изъ лицъ оказавшихся потомъ дѣятельными заговорщиками. Онъ обращался съ ними какъ человѣкъ не имѣющій ровно никакого понятія объ ихъ замыслахъ, и не могъ въ послѣдствіи не возбудить противъ себя нареканій, ибо занимая видный постъ долженъ былъ конечно нести отвѣтственность за то что происходило у него въ штабѣ. Къ тому же онъ обладалъ особыми средствами для надзора: съ разрѣшенія высшаго начальства учредилъ онъ у себя тайную полицію для раскрытія всякаго рода злоупотребленій въ арміи. Агенты его ничего однако не открыли. Г. Заблоцкій объясняетъ это тѣмъ что заговорщики вкравшись въ довѣріе Киселева могли своевременно принимать мѣры къ сокрытію своихъ замысловъ или къ отклоненію наблюденій въ другую сторону. Значитъ и лѣтъдесять лѣтъ тому назадъ случалось какъ и въ наше время когда злоумышленники такъ часто были въ состояніи узнавать о всемъ что предпринимается противъ нихъ. Какъ бы то ни было, неудивительно что многіе обвиняли Киселева чуть ли не въ соучастіи съ заговорщиками. Одинъ изъ декабристовъ, Якушкинъ, говоритъ даже прямо въ своихъ запискахъ: „нѣтъ никакого сомнѣнія что Киселевъ зналъ о существованіи тайнаго общества и смотрѣлъ на это сквозь пальцы“. Г. Заблоцкій отвергаетъ эти обвиненія, и намъ кажется что доводы его вполне убѣдительны. Чтобы судить о роли Киселева надо принять во вниманіе обстоятельства того времени. Вслѣдствіе несчастной системы съ которою связано имя Аракчеева, повсюду господствовало неудовольствіе. Люди которыхъ ужъ не какъ нельзя заподозрить въ легкомысленномъ либерализмѣ съ негодованіемъ смотрѣли на дѣятельность фаворита императора Александра. „О Чугуевскихъ поселеніяхъ мы давно знаемъ, писалъ Закревскій, ибо четыре полка пѣхоты изъ первой арміи пошли туда на помощь. Злѣй (т.-е. Аракчеевъ) также туда отправился и вскорѣ сюда ожидается. Признаться

надо что онъ *единственный государственный злодѣй*... У насъ теперь существуютъ двѣ чумы: одна ваша, которая при мѣрахъ осторожности исчезнетъ, а другая, Аракчеевъ, не прежде изведется съ земли какъ послѣ смерти, которой ожидать намъ долго. Надо признаться что онъ вреднѣйшій человекъ въ Россіи.“ Въ двадцатыхъ годахъ сильный подъемъ національнаго чувства возбужденъ былъ возстаніемъ Грековъ, но общество съ разочарованіемъ и грустью убѣждалось что одушевлявшія его стремленія не встрѣчали отголоска въ высшихъ сферахъ. „Легко можетъ быть что войны совсѣмъ не будетъ, писалъ Закревскій Киселеву, ибо есть (т.-е. у правительства) большое желаніе остаться въ мирѣ, несмотря на то что Турки оскорбляютъ Русскихъ и тѣмъ унижаютъ наше величіе предъ другими державами. Дай Богъ чтобы все шло къ лучшему, а по порядку и дѣятельности существующимъ вынѣ ничего хорошаго ожидать нельзя. Надо быть здѣсь (въ Петербургѣ), видѣть все и потомъ судить чего Россія можетъ ожидать. Вотъ, любезный другъ, какъ Русскій Русскому говорить долженъ.“ Если Закревскій, отличавшійся своею осторожностью и мало способный къ увлеченіямъ, судилъ такъ о тогдашнемъ порядкѣ вещей, то неудивительно что Киселевъ относился къ нему еще менѣе сочувственно. Именно тутъ и была точка соприкосновенія между нимъ и декабристами. „Въ такихъ бесѣдахъ, разказываетъ Басаргинъ, гдѣ участвовали посторонніе, т.-е. не принадлежащіе къ нашему обществу (Союзъ Благоденствія), разговоръ болѣе всего обращенъ былъ на предметы серіозные, болѣе или менѣе относящіеся къ тому что занимало насъ. Нерѣдко генералъ Киселевъ участвовалъ въ подобныхъ бесѣдахъ, и хотя былъ душой преданъ государю, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ, но говорилъ всегда только откровенно; соглашался въ томъ что многое надо измѣнить въ Россіи и съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нѣсколько рѣзкія сужденія Пестеля.“ Очевидно что для Киселева все ограничивалось оживленнымъ разговоромъ, болѣе или менѣе язвительною критикою существовавшихъ порядковъ, тогда какъ у окружающихъ его уже созрѣлъ планъ преступныхъ дѣйствій. Однимъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ въ пользу его служить то обстоятельство что императоръ Николай нисколько не измѣнилъ къ нему своего расположенія; событія 14 декабря почти вовсе не отозвались на его карьерѣ, чего не

было бы конечно еслибы были противъ него сколько-нибудь основательныя подозрѣнія. Никакая ловкость не слава бы въ этомъ случаѣ Киселева, хотя нельзя не замѣтить что ловкости было у него очень много. Вотъ кстати одинъ изъ обрашковъ ея. Шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ его объ увольненіи въ отставку А. П. Ермолова и просилъ сообщить какое впечатлѣніе произвело это въ армию. Киселевъ отвѣчалъ: „Общественное мнѣніе не имѣетъ у насъ своихъ органовъ, и потому трудно что-нибудь о немъ сказать. Офицеры, разбѣянные на огромномъ пространствѣ, весьма мало интересуются дѣлами не относящимися до нихъ непосредственно, и не имѣя служебныхъ отношеній къ генералу (Ермолову) говорятъ о немъ съ равнодушіемъ. Къ этому я прибавлю что перемѣна лица, какова бы то ни было, не можетъ имѣть важности когда довольны общимъ ходомъ дѣлъ; въ противномъ случаѣ это имѣетъ свое значеніе. Отозваніе фельдмаршала Румянцева почти не было замѣчено, а онъ пользовался огромною славой; въ другое время перемѣна лица далеко незначительнаго кажется преступленіемъ. Все это относительно, особенно въ мнѣніяхъ. Такова моя мысль.“ Киселевъ, какъ видимъ, вывернулся очень искусно изъ щекотливаго положенія въ которое поставилъ его графъ Бенкендорфъ, но трудно вѣрить чтобъ онъ думалъ такъ какъ говорилъ, чтобы не понималъ онъ значенія той мѣры вслѣдствіе коей человекъ оказавшій важныя услуги, пользовавшійся огромною популярностью, съ именемъ коего было связано столько славныхъ воспоминаній, вдругъ долженъ былъ сойти со сцены и обречь себя на томительное бездѣйствіе.

Мы не будемъ останавливаться на участіи Киселева въ военныхъ дѣйствіяхъ 1828 и 1829 годовъ противъ Турціи. Участіе это было, какъ могутъ убѣдиться читатели изъ книги г. Заблоцкаго, значительно, но не выдавалось такъ чтобы могъ онъ пріобрѣсти извѣстность. Г. Заблоцкій ставитъ по этому поводу вопросъ—обладалъ ли Киселевъ способностями военачальника—и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: „Замѣчательно что всякій разъ когда онъ искалъ случая дѣйствовать на военномъ поприщѣ самостоятельно, обстоятельства слагались такъ что это ему не удавалось. Когда онъ изъ начальниковъ штаба 2й армии просился въ дивизионныя начальники, императоръ Александръ на это не согласился, желаніе его принять участіе подъ начальствомъ Дибича въ

Персидской войнѣ 1827 года не осуществилось потому что Дибичъ не остался за Кавказомъ; побѣду надъ пашой Скордскимъ (въ 1829 году), въ которой онъ былъ такъ увѣренъ, похитилъ у него Адрианопольскій миръ; желаніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ не состоялось за смертью Дибича“. Хотя, по мнѣнію автора разбираемой нами книги, способности военачальника „не были чужды“ Киселеву, нельзя не видѣть что главнымъ образомъ преобладали въ немъ способности администратора. Онъ имѣлъ случай обнаружить ихъ въ блестящемъ свѣтѣ тотчасъ по прекращеніи войны. Императоръ Николай, назначивъ его полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ Дунайскихъ княжествъ, поставилъ его во главѣ этихъ областей съ порученіемъ дать имъ на будущее время правильное устройство. Съ 1829 по 1834 годъ занимающійся Киселевъ этою задачей и выполнилъ ее какъ нельзя болѣе успѣшно. По истеченіи пяти лѣтъ Молдавія и Валахія были неузнаваемы,—дѣятельность его коснулась всего и на всемъ оставила слѣдъ. Мы видѣли выше что баронъ Корфъ упрекалъ его за дарованіе Княжествамъ представительныхъ учреждений; г. Заблоцкій оправдываетъ его тѣмъ что инициатива такъ-называемаго органическаго регламента, самая программа его были уже въ ходу прежде назначенія Киселева полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ. Дѣйствительно, еще въ 1828 году, въ самый разгаръ войны, былъ посланъ въ Княжества статсъ-секретарь Дашковъ чтобы начертать проектъ инструкціи для составленія регламента, и инструкція сочиненная имъ удостоилась Высочайшаго утвержденія. Можно только сожалѣть что въ послѣдствіи Киселевъ, имѣвшій возможность гораздо ближе чѣмъ Дашковъ познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Молдавіи и Валахіи, не возвысилъ голоса противъ несчастной мысли установить представительную форму правленія въ этихъ областяхъ, гдѣ высшій классъ и чиновничество заражены были крайнимъ растлѣніемъ нравовъ, гдѣ средняго класса не существовало, а народъ былъ парабольщенъ и задавленъ. Не трудно было предвидѣть что должно было произойти изъ всего этого.

Еще въ то время когда Киселевъ находился въ Букурештѣ мелькнула для него надежда занять роль которая значительно возвысила бы его. Распря между султаномъ Махмудомъ и египетскимъ пашой Мегметомъ-Али вызвала дружжелюбное для Турціи вмѣшательство со стороны Россіи. Флотъ нашъ

готовился идти въ Босфоръ и была мысль одновременно съ тѣмъ двинуть корпусъ нашихъ войскъ къ Константинополю. Начальство надъ нимъ предназначалось Киселеву. Этимъ объясняется конечно восторженный тонъ съ какимъ въ своихъ письмахъ отзывался онъ о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ нашей политики на Востокъ. „Событія о которыхъ я вамъ говорю—высшей важности, писалъ онъ Чернышеву. Дѣло идетъ о славѣ государя и будущности Имперіи (!). Я не смѣю говорить ничего о рѣшеніи государя императора, но въ просьбѣ султана я вижу благоволеніе неба къ царствованію нашего государя. Присутствіе нашихъ силъ на Босфоръ будетъ имѣть огромныя послѣдствія для дѣлъ Европы“ и т. д. Едва ли ошибемся мы сказавъ что когда Киселевъ писалъ эти строки, имъ руководило гораздо болѣе славолубіе чѣмъ вѣрная и безпристрастная оцѣнка происходившихъ событій. Надежды его однако не оправдались: войска наши не пошли къ столицѣ султана, но Киселеву нечего было сожалѣть объ этомъ, ибо вскорѣ по возвращеніи его въ Петербургъ, гдѣ ожидало его назначеніе членомъ Государственнаго Совѣта, открылось для него полрище на которомъ могъ онъ выказать свои блестящія дарованія. Онъ тотчасъ же привлеченъ былъ къ крестьянскому вопросу, не перестававшему занимать императора Николая въ теченіе всего его царствованія.

Случилось это такимъ образомъ. Въ 1835 году учрежденъ былъ секретный комитетъ для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ. Государь вскорѣ убѣдился что пользы отъ этого комитета ожидать нельзя. Сперанскій доказывалъ ему что первымъ шагомъ къ преобразованію крѣпостнаго права должно быть устройство крестьянъ казенныхъ, находившихся въ крайне незавидномъ положеніи, и государь выразилъ готовность приняться прежде всего за это дѣло, въ которомъ онъ не разчитывалъ встрѣтить многосторонней и упорной оппозиціи, и выборъ его для исполненія его предначертаній палъ на Киселева.

Вотъ что было записано Киселевымъ по этому поводу:

„Я имѣлъ честь обѣдать у его императорскаго величества съ графомъ Головкинымъ и Бенкендорфомъ. Послѣ обѣда, по отъѣздѣ сихъ господъ, государь приказалъ мнѣ остаться и посадивъ меня противъ своего стула, началъ слѣдующій разговоръ: „Мнѣ съ тобой нужно объясниться по дѣлу, которое тебѣ извѣстно, ибо ты, кажется, въ комитетѣ съ Васильчиковымъ. Дѣло объ устройствѣ крестьянъ (казенныхъ). Я

„давно убѣдился въ необходимости преобразованія ихъ положенія, но министръ финансовъ, отъ упрямства или неумѣннн, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю, а потому настаивалъ на необходимости заняться пристально, и увидѣвъ что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ. Я желаю прежде всего сдѣлать испытаніе на Петербургской губерніи, и какъ во всякомъ преобразованіи надо прежде всего имѣть понятіе о томъ что есть, то размежеваніе земель которое Канкринъ всегда представляетъ невозможнымъ должно быть первоначальнымъ дѣйствіемъ этого занятія. Я приказывалъ Сперанскому объясниться по сему съ Шубертомъ (тогдашнимъ директоромъ военно-топографическаго бюро) и получилъ въ отвѣтъ что онъ имѣетъ возможность дать на сей предметъ свое пособіе; вотъ начало, но тутъ много подробностей, которыми и некогда мнѣ занимался, и которыя, признаюсь, мнѣ мало знакомы. Посему мнѣ нуженъ помощникъ, и какъ я твои мысли на этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подъ свое поличеніе и заняться со мною предварительнымъ, примѣрнымъ устройствомъ этихъ крестьянъ, послѣ чего мы перейдемъ въ другія губерніи и мало-по-малу кругъ нашего дѣйствія расширится. Канкринъ самъ уже убѣдился что на нынѣшнемъ основаніи отъ департамента ожидать не можно, а я ему доказалъ по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю что они лишутъ вздоръ, что онъ бумагъ этихъ не видитъ и что все дѣло идетъ безъ толку. Поручить же преобразование петербургскихъ крестьянъ Эсену (с.-петербургскому генералъ-губернатору)—кромѣ вздора ничего не будетъ. А потому не откажи мнѣ и прими на себя трудъ этотъ въ помощь мнѣ.“

„Я всталъ и сказалъ государю что готовъ съ душевнымъ удовольствіемъ посвятить всѣ свои силы и усердіе на дѣло столь важное и тѣмъ болѣе для меня лестное что я почитаю устройство крестьянъ какъ дѣло великое его царствованія и какъ дѣло необходимое для будущаго спокойствія государства; что я готовъ быть его секретаремъ, лишь бы я могъ имѣть ту силу нравственную въ дѣлахъ которая необходима для успѣха; что министръ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ это новое учрежденіе не будетъ видѣть съ удовольствіемъ; что борьба была бы неравная для меня, если все дѣло не будетъ совершаться подъ его, государевымъ, личнымъ вліяніемъ; что наконецъ я на этотъ предметъ совершенно полагаюсь на его величество и благодарю за довѣріе которое потщусь оправдать всѣми силами доколѣ ихъ не утрачу.“

Бесѣда закончилась слѣдующими словами, сказанными государемъ Киселеву: „Я увѣренъ что дѣло пойдетъ хорошо, потому что мы другъ друга понимаемъ; ты будешь мой начальникъ штаба по *крестьянской части*“.

Рѣчь шла, какъ видимъ, о казенныхъ крестьянахъ, но устройство ихъ быта должно было, по мысли императора Николая, служить лишь преддвѣріемъ къ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Императоръ не упустилъ изъ виду этой главной цѣли, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, другой разговоръ его съ Киселевымъ, происходившій вскорѣ по возвращеніи Киселева изъ Придунайскихъ княжествъ:

„Императоръ изволилъ мнѣ сказать что занимаясь подготовленіемъ труднѣйшихъ дѣлъ, которыя могутъ пасть на наследника, онъ признаетъ необходимѣйшимъ преобразование крѣпостнаго права, которое въ настоящемъ его положеніи болѣе оставаться не можетъ. „Я, продолжалъ Го- сударь, говорилъ со многими изъ моихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны. Несмотря на то я учредилъ комитетъ изъ семи членовъ для разсмотрѣнія постановленій о крѣпостномъ правѣ. Я нашелъ противодѣйствіе. По отчету твоему о Княжествахъ я видѣлъ что ты этимъ дѣломъ занимался и тѣмъ положили основаніе къ будущему довершенію этого важнаго преобразования; помогай мнѣ въ этомъ дѣлѣ, которое я считаю должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи и для того подумай какимъ образомъ надлежитъ приступить безъ огласки къ собранію нужныхъ матеріаловъ и составленію проекта или руководства къ постепенному осуществленію мысли которая меня постоянно занимаетъ, но которую безъ добраго пособія исполнить не могу.“

„Я не скрылъ отъ Государя удовольствія съ которымъ выслушалъ христіанское его предложеніе, которое, при удачномъ совершеніи, возвыситъ Россію и его царствование; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не умолчалъ о предстоящихъ затрудненіяхъ, которыя потребуютъ большихъ усилій и энергіи. Въ нѣсколькихъ словахъ я объяснилъ различіе нашего законодательства отъ того которое сохранилось въ Княжествахъ: тамъ съ XVI столѣтія гражданская свобода установилась соборною грамотой господаря Гики; бояры, т.-е. исключительно владѣльцы земли, мало-по-малу исказили статьи этой первоначальной грамоты, замѣняя ее произволомъ, по ихъ сказанію *обычаямъ*; основной законъ былъ измѣненъ произвольнымъ дѣйствіемъ землевладѣльцевъ безъ участія законодательной власти, при слабомъ и корыстномъ господарскомъ управленіи; у насъ, напротивъ, крѣпостное право постепенно входило въ составъ законовъ и утвердилось наконецъ понятіе что чело- вѣкъ живущій на помѣщицкой землѣ есть вещь принадлежащая помѣщику. Въ Княжествахъ я могъ, основываясь на коренныхъ законахъ никогда не отмѣненныхъ и не замѣненныхъ другими, составить предварительное положеніе, которое

хлѣбопашцами было встрѣчено съ восторгомъ, а боярами безъ особаго неудовольствія. Это положеніе было моимъ прощальнымъ привѣтомъ. Оно показало однакоже мнѣ всѣ трудности предмета и недостаточную мою опытность въ подобномъ дѣлѣ; не менѣе того я съ душевнымъ удовольствіемъ принимаю ваше приказаніе, болѣе уповаю на усердіе чѣмъ на способности коими располагать могу.

„Государь перебивъ мои слова, изволилъ сказать: „И я не омытень, но твердо уповаю на внушеніе Всевышняго, который насъ просвѣтитъ и направитъ“ (это изреченіе было ему обычно, и я не разъ слышалъ его при разрѣшеніи затруднительныхъ и спорныхъ вопросовъ).“

Любопытно замѣчаніе вырвавшееся у императора Николая во время изложенной выше бесѣды. Поручая Киселеву переговорить со Сперанскимъ о „крестьянскомъ вопросѣ вообще“ онъ замѣтилъ: „Сперанскій одаренъ необычайною памятью и всегда готовъ отвѣчать положительнымъ образомъ на всѣ обстоятельства того времени; онъ *пострадалъ невинно*, я это слышалъ отъ императора Александра Павловича, который говорилъ что онъ въ долгу предъ этою жертвою политическихъ столкновеній, которыя тогда преодолѣть не могъ, но которыя онъ себя обязаннымъ вознаграждать считаетъ. Покойный государь началъ, а я долженъ это довершить“.

Въ прежнее время управленіе казенными крестьянами сосредоточивалось въ одномъ изъ департаментовъ министерства финансовъ; съ 1837 года переходитъ оно во вновь учрежденное министерство государственныхъ имуществъ, во главѣ коего поставленъ былъ Киселевъ. Значительная часть втораго тома сочиненія г. Заблоцкаго посвящена изображенію тѣхъ услугъ которыя онъ оказалъ на этомъ поприщѣ; читатели найдутъ тутъ подробныя свѣдѣнія о томъ въ какомъ положеніи находились государственныя имущества вообще и казенные крестьяне до реформы, какія административныя мѣры были послѣдовательно принимаемы Киселевымъ и что было результатомъ этихъ мѣръ. Авторъ не скрылъ порицаній которымъ подвергался министръ. Неудивительно что въ дѣятельности своей по управленію государственными имуществами Киселевъ встрѣчалъ много враговъ, такъ какъ преобразование совершенное имъ затрогивало много частныхъ интересовъ. Государственные крестьяне жили не только въ близкомъ сосѣдствѣ, но не рѣдко даже въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ съ крестьянами крѣпостными; заботы объ огражденіи ихъ правъ, объ обезпеченіи ихъ судьбы представлялись

для многих опаснымъ примѣромъ и не встрѣчади, разумѣется, сочувствія. До учрежденія министерства государственныхъ имуществъ господствовалъ мнѣніе что такъ какъ казенные крестьяне не несутъ помѣщичьихъ повинностей, то они и должны преимущественно если не исключительно отправлять натуральныя земскія повинности: уравненіе иже въ этомъ отношеніи съ крѣпостными отражалось на матеріальныхъ интересахъ помѣщиковъ. Стремленіе министерства уменьшить въ селахъ число кабаковъ, не дозволить откупщикамъ выходить за предѣлы откупныхъ условій раздражало людей занимавшихся откупами. Недовольство отражалось и въ высшихъ сферахъ. Баронъ Корфъ упоминаетъ о немъ въ своихъ запискахъ: „Еще на дняхъ, говоритъ онъ, слышалъ я отзывы о немъ (Киселевѣ) трехъ лицъ, поставляемыхъ всѣми въ число ближайшихъ его друзей, а именно графа Левашева, графа Орлова и великаго князя Михаила Павловича. Всѣ они единогласно повторяютъ общій отзывъ публики насчетъ безуспѣшнаго управленія Киселева: множество писемъ, плановъ, проектовъ, денегъ, а дѣла мало, и во всякомъ случаѣ больше неудовольствій и ропота нежели пользы. Левашовъ намекаетъ что конечно лучше дѣйствовать какъ Перовскій нежели все только писать и говорить какъ Киселевъ. Орловъ прямо говоритъ что такъ не можетъ идти далѣе, прибавляя впрочемъ что едва ли и всѣмъ нареканіямъ которыя Киселевъ на себя навлекъ и усиліямъ его враговъ удастся его уронить въ царской милости. Великій князь со своей стороны сказывалъ мнѣ что знаетъ и любитъ Киселева уже двадцать лѣтъ и отдаетъ полную справедливость его неоспоримымъ дарованіямъ, что общее мнѣніе въ глазахъ его, великаго князя, ничтожно потому что слагается изъ сказокъ и коммеражей, разносимыхъ нѣсколькими праздыми вѣстовщиками, но что притомъ томъ онъ, великій князь, и самъ видитъ неудачу и безуспѣшность многихъ предпріятій Киселева и потому откровенно съ нимъ объяснится. Между тѣмъ городъ по своему тѣшится шуточками и каламбурами. Отчего Клейнмихеля и Киселева, хотя въ ихъ занятіяхъ нѣтъ ничего однороднаго, въ одинъ и тотъ же день пожаловали графамъ? Какъ, помилуйте, l'un a bâti le chateau d'hiver et l'autre ne fait que bâtir les chateaux d'Espagne.“ Находились лица которыя, относясь безпристрастно къ дѣятельности Киселева, считали ее далеко не во всемъ безупречною, жаловались на

излишества регламентаціи, на чрезмѣрное внимательство въ дѣла казенныхъ крестьянъ окружныхъ начальниковъ, дававшее поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ, но главная причина нападковъ на Киселева была совсѣмъ другая. Самъ Корфъ указалъ на нее, замѣтивъ въ своихъ запискахъ что нерасположеніе къ Киселеву „превратилось почти въ ненависть съ тѣхъ поръ какъ прошла молва что отъ него возникла мысль о прекращеніи крѣпостнаго состоянія“. Слѣдующій случай, описанный барономъ Корфомъ, показываетъ какого рода отношенія существовали между Киселевымъ и его противниками въ высшихъ административныхъ сферахъ.

„Въ 1845 году, по вопросу о томъ чему отдавать въ спорныхъ съ казной дѣлахъ предпочтеніе—межеванію или давности владѣнія, Киселевъ, отстаивая мнѣніе свое о томъ что давность не распространяется на казну, позволилъ себѣ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта между прочимъ сказать: „Я знаю что говорю одинъ противъ всѣхъ и не могу не надѣяться ни на чью симпатію; меня поддержитъ развѣ только министръ юстиціи, *который исполняетъ свой долгъ*“. При этой дерзкой фразѣ его прервалъ общій ролотъ выразившійся довольно слышными восклицаніями: „да развѣ мы не исполняемъ своего долга? можно ли такъ говорить? да что это значитъ?“ и т. л. Нисколько не смутясь произведеннымъ имъ волненіемъ, онъ продолжалъ: „Знаю что нынче общее мнѣніе всегда и вездѣ направлено въ пользу помѣщиковъ и частныхъ лицъ; но я давно уже обрекъ себя на жертву и не перестану защищать права казны и исполнять мою обязанность какъ я ее разумѣю“. Несмотря на все это, вопросъ, послѣ блестящей рѣчи графа Блудова, съ воодушевленіемъ подкрѣпленный и мною, былъ рѣшенъ такъ: съ министромъ государственныхъ имуществъ 3, съ нами 25; результатъ этотъ такъ взбѣсилъ Киселева что онъ сейчасъ ухалъ, не ожидая конца засѣданія. Дерзость его—однако на этотъ разъ не обошлась даромъ. Обѣдавъ въ тотъ же день у государя, князь П. М. Волконскій вдругъ за столомъ сталъ просить увольненія, лояльности и слабости, отъ присутствія въ Совѣтѣ.

— Это что за вздоръ? спросилъ государь.

— Нѣтъ не вздоръ, ваше величество, отвѣчалъ Волконскій;—силы мои точно не позволяютъ уже мнѣ сидѣть такъ долго въ Совѣтѣ, а лѣта и прежняя служба не позволяютъ слушать тѣ наставленія которыя даются намъ отъ людей не начинавшихъ еще служить когда мы давно уже были генералами“.

И вслѣдъ затѣмъ старикъ разказалъ всю утреннюю сцену. Государь чрезвычайно разгнѣвался.

— Киселевъ, сказалъ онъ,—конечно виновать, но виновать кругомъ и Левашевъ (предсѣдавшій въ Совѣтѣ за

большую Васильчикову), который не заставлял его замолчать. Будь впрочемъ слокоевъ; я имъ обоимъ такъ вымою голову что впредь уже ничего подобнаго не случится.

„И государь, призвавъ графа Орлова, приказалъ объявить Оресту и Паладу строгій высочайшій выговоръ. Все это однако не помышало и Левашову и Киселеву къ слѣдовавшей затѣмъ Паскъ получить на ихъ Андреевскія звѣзды брилліанты.“

Конечно, дѣятельность графа Киселева по министерству государственныхъ имуществъ не возбуждала бы особаго противъ него ожесточенія еслибы не было всѣмъ извѣстно что со ветуленія своего на престолъ императоръ Николай постоянно имѣлъ въ виду затронуть крѣпостное право и подступалъ къ этому вопросу разными путями. Изъ преданности къ государю не дерзали ролтать на него самого и охотно приписывали его дѣйствія внушеніямъ его министра, тогда какъ Киселевъ былъ не болѣе какъ его орудіемъ и съ самаго начала во всемъ руководился его волей. Борьба происходившая по этому поводу составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ исторіи царствованія императора Николая; она еще ждетъ своего историка, и г. Заблоцкій только отчасти пролилъ на нее свѣтъ, впрочемъ свѣтъ довольно яркій. Чего желалъ императоръ Николай, какъ далеко намѣревался онъ идти въ занимавшемъ его мыслѣ преобразованіи? Онъ самъ далъ вполне ясный и опредѣленный на это отвѣтъ въ рѣчи произнесенной имъ въ Государственномъ Совѣтѣ когда обсуждался проектъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Императоръ говорилъ что онъ никогда не рѣшится на предоставленіе полной свободы крѣпостнымъ, считая эту мѣру преждевременною и неисполнимою, что „если время когда можно будетъ къ тому приступить вообще весьма еще далеко, то въ настоящую эпоху всякій помыслъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства“. Но, по словамъ монарха, нельзя было оставлять существовавшій порядокъ безо всякихъ измѣненій. Многія причины заставляли безотлагательно заняться столь важнымъ вопросомъ. „Если, продолжалъ государь, настоящее положеніе таково что не можетъ продолжаться, а рѣшительныя къ прекращенію онаго мѣры безъ общаго потрясенія невозможны, то необходимо по крайности приготовить средства для постепеннаго перехода къ иному порядку вещей и не утрущаясь предо всякою перемѣной хладнокровно обсудить ея пользу и послѣдствія. Не должно давать волюности, но должно открыть

путь къ дружелю пераходному состоянию.“ При этомъ для устранения опасеній государь заявлялъ о желаніи своемъ видѣть поземельную собственность „навсегда неприкосновенною въ рукахъ дворянства“; онъ говорилъ что никогда не откажется отъ мысли что „земля есть собственность не поселенныхъ на ней крестьянъ, а помѣщиковъ“. Въ этихъ словахъ, занесенныхъ въ журналъ Государственнаго Совѣта 30 марта 1842 года, выражалась ясно программа правительства по вопросу о крѣпостномъ правѣ: никакой ломки, никакихъ мѣръ которыя затрогивали бы вопросъ во всемъ его объемѣ, а рядъ частныхъ узаконеній съ цѣлью устранить мало-помалу наиболѣе волюющія злоупотребленія крѣпостнаго права и подготовить почву для того времени—весьма отдаленнаго, по мнѣнію императора Николая—когда оно рухнуло бы такъ-сказать почти незамѣтно, безо всякихъ потрясеній. Нельзя не сознаться что задача была скромная, а между тѣмъ, какъ настойчиво ни желалъ государь разрѣшить ее, онъ не успѣвалъ въ этомъ, и каждая изъ его попытокъ встрѣчала упорное, но тѣмъ не менѣе непреодолимое противодѣйствіе.

Можно ли было однако при разрѣшеніи вопроса о крѣпостномъ правѣ идти медленными шагами какъ имѣлъ въ виду императоръ Николай? На этотъ счетъ могутъ быть различныя мнѣнія. Киселевъ повидимому вполнѣ раздѣлялъ программу государя. „Очень ошибочно думали о моихъ воззрѣніяхъ, говоритъ онъ. По тому что было сдѣлано въ Княжествахъ, и еще болѣе по разнымъ запискамъ которыя я имѣлъ случай представлять въ качествѣ члена комитета бывшаго подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, можно достаточно убѣдиться въ томъ что никогда не было рѣчи объ абсолютномъ освобожденіи (émancipation absolue), а только единственно о регуляризаціи крѣпостнаго права съ цѣлью отнять у дурныхъ помѣщиковъ возможность злоупотреблять своими правами случайно введенными въ сводъ нашихъ законовъ и несогласными со справедливостью. Я могу сказать что этого и до сихъ поръ желаю изъ страха (par peur), потому что чѣмъ болѣе я всматриваюсь, тѣмъ болѣе страшусь возстанія крестьянъ (jacquerie), грозящаго спокойствію Россіи и существованію дворянства. Предупредить зло было бы конечно разумнѣе чѣмъ дать ему развиться и сложа руки ожидать его печальныхъ послѣдствій.“ Но далѣе Киселевъ замѣчаетъ: „Какъ бы то ни было, вопросъ о крѣпостномъ правѣ есть

вопросъ жгучій и очень сложный. *Едва ли можно коснуться одной части его чтобы не разрушить цѣлаго.*“ Лишь весьма не многіе держались противнаго взгляда. Къ числу ихъ принадлежалъ князь М. С. Воронцовъ. „Вы думаете, писалъ онъ Киселеву, что нельзя ничего сдѣлать, не сдѣлавъ всего; я, напротивъ, думаю что сдѣлать все еще долго будетъ невозможно; но я думаю и убѣжденъ въ томъ что можно сдѣлать что-нибудь и даже многое теперь же и безъ шума, мало-помалу, не давая ни причинъ, ни даже предлога въ руки тѣхъ которыхъ мнѣнія, а можетъ - быть и намѣренія, совершенно противоположны нашимъ.“ Огромное большинство государственныхъ людей того времени—не говоря уже о массѣ дворянскаго сословія—склонялись скорѣе къ воззрѣніямъ Киселева чѣмъ Воронцова. И оно не сомнѣвалось что стоить только коснуться крѣпостнаго права, и тотчасъ же неупорядоченною силою вещей не останется отъ него и слѣда. Но вопреки Киселеву, который доказывалъ что нельзя же сидѣть сложа руки и выкидать пока зло приметъ такіе размѣры что нельзя будетъ справиться съ нимъ, люди о которыхъ мы говоримъ, не допуская никакихъ, даже лалліативныхъ мѣръ, полагая что эти мѣры послужатъ лишь—по французскому выраженію—началомъ конца (*le commencement de la fin*). Императоръ Николай, не считавшій возможнымъ полное освобожденіе крестьянъ, отступалъ предъ мрачною картиною тѣхъ послѣдствій которую рисовали противники благихъ его попытокъ.

Въ теченіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ, начиная съ 1826 года, попытки эти возобновлялись въ разныхъ видахъ, касаясь тѣхъ или другихъ отношеній между помѣщиками и принадлежавшими имъ крестьянами. Не подвергая ихъ здѣсь подробному разсмотрѣнію, мы остановимся здѣсь лишь на одной изъ нихъ, имѣвшей своимъ послѣдствіемъ законъ 2 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ. Сущность этого закона состояла въ слѣдующемъ: помѣщикамъ, которые сами того пожелали бы, предоставлялось заключать съ крестьянами своими по взаимному соглашенію договоры, съ тѣмъ чтобы помѣщики сохраняли принадлежащее имъ полное право вотчинной собственности на землю, а крестьяне получали отъ нихъ участки земли въ пользованіе за условленныя повинности; заключенные на семъ основаніи договоры должны были оставаться навсегда ненарушимыми, съ помѣщика

слагалась отвѣтственность за подати крестьянъ, за продовольствіе ихъ и за пособія имъ въ пожарныхъ случаяхъ. Право суда и расправы оставалось за помѣщикомъ или за учрежденнымъ имъ же вотчиннымъ управленіемъ. Законъ этотъ, проектированный Киселевымъ, замѣчательнъ, между прочимъ, по горячему личному участию которое принималъ въ немъ императоръ Николай Павловичъ. Онъ самъ прибылъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, занимавшееся его разсмотрѣніемъ, и произнесъ тамъ рѣчь, на которую мы уже ссылались выше. Въ рѣчи этой Государь указывалъ, между прочимъ, на то что означенный законъ не заключалъ въ себѣ ничего принудительнаго и обязательнаго для помѣщиковъ: „онъ содержитъ лишь главныя начала и указанія; онъ открываетъ всякому способъ, подъ защитой и при пособіи закона, слѣдовать сердечному своему влеченію; въ огражденіе помѣщиковъ ставится добрая ихъ воля и собственная заботливость....“ Конечно личному внимательству Государя слѣдуетъ приписать то что законъ объ обязанныхъ крестьянахъ вызвалъ мало возраженій въ Государственномъ Совѣтѣ (говорили противъ него только графъ Голенщевъ-Кутузовъ, графъ Гурьевъ и князь Волховскій), хотя нерасположеніе къ нему было почти общее. Законъ былъ изданъ, но прошло нѣсколько лѣтъ, а онъ оставался мертвою буквой. Услѣхъ его зависѣлъ онъ добровольной инициативы помѣщиковъ, которые не обнаруживали ни малѣйшаго желанія воспользоваться имъ. Нашлись лишь два лица которые на основаніи этого закона вступили въ сдѣлку со своими крестьянами— князь Воронцовъ въ селѣ Мурино и князь Витгенштейнъ въ имѣніи его находившемся въ Царкосельскомъ уѣздѣ (всего 662 души)! И тутъ императоръ, сильно заинтересованный въ услѣхѣ дѣла, вознамѣрился лустить въ ходъ свое личное вліяніе. По закону дворяне, по окончаніи выборовъ, могутъ отправлять депутаціи для выраженія вѣролюдаданической благодарности за дарованныя имъ права и преимущества. Никогда императоръ не принималъ такихъ депутацій, но въ 1847 году, въ отвѣтъ на ходатайство Смоленскаго дворянства, онъ выразилъ желаніе видѣть представителей его въ Петербургѣ. Всѣ тотчасъ же поняли что есть у него какая-то особая цѣль, и предположеніе это оправдалось. Государь привалъ Смоленскую депутацію (г. Фонтонъ де-Вераионъ, генерал-майоръ Шембель; что касается губернскаго предводителя

князя Друцкого-Соколинскаго, то онъ не могъ прибыть по бо-
лѣзни) очень милостиво и обратился къ ней, между прочимъ,
со слѣдующими словами:

„Я хочу поговорить съ вами *келейно* объ обязанныхъ кре-
стьянахъ. Въ указѣ моемъ по этому предмету я ясно выра-
зилъ мысль мою что земля, заслуженная нами, дворянами, или
предками нашими, есть наша, дворянская; замѣтите что я
говорю съ вами какъ первый дворянинъ въ государствѣ; но
крестявину, находящуюся нынѣ въ крѣпостномъ состояніи,
утвердившемся у насъ почти не по праву, а обычаемъ чрезъ
долгое время, не можетъ считаться собственностью, а тѣмъ
болѣе вещью; слѣдственно мое желаніе при обнародованіи из-
вѣстнаго указа было и теперь есть, чтобы дворянство помогло
мнѣ въ этомъ дѣлѣ, столь важномъ для развитія благосо-
стоянія отечества нашего, постепеннымъ переводомъ крестьянъ
изъ крѣпостныхъ въ обязанные, хотя бы и на разныхъ
условіяхъ, примѣненныхъ каждымъ въ мѣстности, ибо я убѣж-
денъ что такой переходъ долженъ предупредить крутой ме-
реломъ. Со всѣмъ тѣмъ доселѣ только нѣкоторыми изъ по-
мѣщиковъ представлены условія и между ними есть такія
кои не соответствуютъ предполагаемой цѣли. Знаю что про-
тивъ обязанныхъ крестьянъ есть возраженіе; кто дворянамъ
поручится что крестьяне будутъ исполнять принятая ими на
себя обязанности, суды не хороши и пр. На это я скажу что
поручкой обоюднаго исполненія обязанностей дѣйствительно
должны служить суды, состоящіе изъ дворянъ же, и если су-
ды эти не хороши, то виноваты сами дворяне олутивъ долж-
ности по выборамъ. Я, напротивъ, нахожу что всѣ сіи долж-
ности достойны быть заняты лицами достигшими не ма-
лыхъ чиновъ на коронной слѣжбѣ, имѣющихъ знаки отличія.
Основываясь на всемъ этомъ я желаю, господа, чтобы вы,
потолковавъ *келейно*, какъ я дѣлаю теперь съ вами, написа-
ли мнѣ о томъ свое мнѣніе.“

Послѣ аудіенціи у Государя, депутаты оставались еще нѣ-
которое время въ Петербургѣ, занимаясь, какъ говорилъ
г. Фовтонъ, въ письмѣ къ князю Друцкому, „собираніемъ свѣ-
дѣній нужныхъ по предмету объ обязанныхъ крестьянахъ“;
они посѣтили министра внутреннихъ дѣлъ, который сказалъ
имъ что „въ этомъ дѣлѣ нужно дѣйствовать съ крайнею осто-
рожною, дабы не породить преждевременными толками
безлокойствъ“ и что во всякомъ случаѣ они должны сооб-
щить ему копию съ того что будетъ ими написано Государю.
По возвращеніи домой занялись они составленіемъ записки
на Высочайшее имя, и въ январѣ 1848 года князь Друцкой-
Соколинскій отвезъ ее въ Петербургъ. Прямо и откровенно
говорилось въ ней что дворяне не могутъ и не желаютъ вос-
пользоваться закономъ 2 апрѣля 1842 года, что прелятствуютъ

ему различныя причины, а именно: „1) низкое нравственное и умственное состояніе народа, не имѣющаго понятія о свободѣ въ смыслѣ гражданскомъ, а понимающаго ее какъ вольность *въ смыслѣ естественнаго права*,—народа, не признающаго что земля есть собственность помѣщиковъ или даже общая ихъ съ помѣщиками, но убѣжденнаго что земля есть Божья; убѣжденія такіа гремятъ гибелью государству; 2) затрудненія матеріальныя въ необезпеченности договоровъ съ крестьянами, въ лишеніи вслѣдствіе того доходовъ, послѣдствіемъ чего будетъ разореніе и дворянства и государственныхъ кредитныхъ уставовленій, гдѣ заложены почти всѣ имѣнія и наконецъ разореніе самихъ крестьянъ.“

Опытъ такимъ образомъ не удался. Мы указали на противодѣйствіе со стороны дворянскаго сословія, но не менѣе интересно противодѣйствіе обнаружившееся въ другой сферѣ. Какъ упоминаю выше, князь Воронцовъ вознамѣрился сдѣлать обязанными своихъ Мурынскихъ крестьянъ. Хлопоты его по этому предмету продолжались не менѣе восьми мѣсяцевъ. Изъ дѣлага рада писемъ его къ Киселеву, помѣщенныхъ въ разбираемой нами книгѣ, видно что на каждомъ шагѣ встрѣчалъ онъ прелатствія уже чисто административнаго свойства. „Посылаю вамъ, любезный Павелъ Дмитриевичъ, писалъ онъ, письмо только-что полученное мною отъ моего управляющаго въ Петербургѣ. Оно, кажется, подтверждаетъ мои опасенія относительно прелатствій которыми хотять затормозить Мурынское дѣло. Этого бѣднаго человѣка допрашиваютъ, ему предлагаютъ кучу вопросовъ, какъ будто онъ участникъ въ какомъ-нибудь очень подозрительномъ дѣлѣ, не во вкусъ правительства.“ Жалобы такого рода повторяются непрерывно, и жалобы эти исходятъ отъ государственнаго сановника, отъ человѣка пользовавшагося почетомъ и виднымъ положеніемъ въ обществѣ. „Конечно, я преодолѣю все, говоритъ Воронцовъ, но очень боюсь что много подобныхъ дѣлъ, и особенно вдали отъ столицы, могутъ быть остановлены и залутаны такими затрудненіями и проволочками“... „Способъ какимъ министерство внутреннихъ дѣлъ дѣйствуетъ въ настоящемъ случаѣ не можетъ поощрять другія явленія такого же рода.“

Графу Киселеву не суждено было принять участіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, совершившемся по волѣ Императора Александра II. Въ 1856 году назначенъ былъ онъ посломъ при Тюльрийскомъ дворѣ. Дипломатической его

дѣтельности посвященъ третій, самый обширный изъ всѣхъ томовъ сочиненія г. Заблудкаго, но едва ли ошибемся мы сказать что онъ представляетъ наименѣе интереса. Повидимому слѣдовало бы ожидать совсѣмъ другаго, ибо съ 1856 года графъ Киселевъ постоянно велъ свой дневникъ, и разказъ объ его пребываніи въ Парижѣ основанъ именно на этихъ собственноручныхъ его замѣткахъ, но въ нихъ нѣтъ ничего послѣдовательнаго, онѣ слишкомъ случайны и не касаются сколько-нибудь подробно ни одного изъ вопросовъ занимавшихъ въ то время умы. Самъ авторъ говоритъ: „Такъ какъ Павелъ Дмитриевичъ не имѣлъ привычки заносить въ свой дневникъ содержаніе своихъ дописаній Петербургскому кабинету, то біографу, не пользующемуся официальнымъ источникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, весьма трудно догадаться какой въ то время Киселевъ имѣлъ взглядъ на взаимныя политическія отношенія государствъ.“ Возьмемъ для примѣра стр. 216—217:

„Въ дневникѣ не упоминается ничего о томъ что сказалъ императоръ Наполеонъ на сдѣланное ему сообщеніе о комитетѣ польскихъ агитаторовъ въ Парижѣ, но вѣроятно Наполеонъ III порядкомъ пожурилъ своего безлокойнаго двоюроднаго брата и велѣлъ ему лично объясниться съ русскимъ посломъ, потому что подъ 22 января графъ Киселевъ записалъ: „Неожиданный визитъ принца Наполеона, съ которымъ я имѣлъ продолжительный разговоръ, и высказанныя принцемъ сужденія изложены въ письмѣ моемъ Государю Императору, посланномъ въ Петербургъ съ курьеромъ.“

„Вслѣдъ за посѣщеніемъ принца, на балѣ 23 января въ Тюильри, графъ Киселевъ имѣлъ разговоръ съ императоромъ, конечно не чуждый объясненіямъ графа съ принцемъ накануне. Содержаніе разговора съ императоромъ не приводится въ дневникѣ, изъ котораго видно только что оно передано въ особой делешѣ на имя князя Горчакова.

„Въ отвѣтъ на письмо графа Киселева Государю о разговорѣ съ принцемъ Наполеономъ было получено письмо князя Горчакова отъ 4 февраля. Изъ дневника не видно также содержанія и этого письма; записано только что 18 февраля графъ Киселевъ вѣздилъ въ Пале-Рояль къ принцу Наполеону для предьявленія ему отвѣта князя Горчакова.

„Къ чему служатъ сообщенія такого рода? они лишь возбуждаютъ любопытство, нисколько не удовлетворяя его. Намъ кажется что дневникъ графа Киселева будетъ имѣть нѣкоторую цѣну когда въ послѣдствіи представится возможность на основаніи документовъ изобразить дѣятельность этого государственнаго чловѣка въ Парижѣ, но самъ до себѣ онъ далеко недостаточенъ чтобъ обрисовать его фізіономію какъ дипломата. Мы не отрицаемъ однако что въ замѣткахъ графа

Киселева есть много интересныхъ подробностей, — особенно останавливаются на себѣ вниманіе его сужденія и отзывы о членахъ Наполеоновской семьи.“

Быть-можетъ нѣкоторые найдутъ что книга г. Заблоцкаго, Десятовскаго слишкомъ отзывается панегирикомъ, но нельзя конечно поставить ей этого въ вину. Если авторъ ни въ личныхъ свойствахъ, ни въ дѣятельности графа Киселева не видитъ ровно ничего заслуживающаго упрека, то по всему замѣтно что таково вполнѣ искреннее его убѣжденіе. Нужно однако соблюдать мѣру, а къ сожалѣнію г. Заблоцкій иногда забываетъ объ этомъ мудромъ правилѣ. Онъ уже черезчуръ смотритъ на все глазами своего покровителя и друга. Подтвердимъ наши слова примѣромъ: мы узнаемъ отъ него что однимъ изъ неутомимыхъ противниковъ Киселева по управленію государственными имуществами былъ М. Н. Муравьевъ, которому Киселевъ мстилъ тѣмъ что въ бесѣдахъ съ близкими людьми называлъ его Робертъ-Макеромъ. Нечего удивляться этому—мало ли что въ минуты раздраженія срывается съ языка противниковъ: Киселевъ не имѣлъ причины любить Муравьева, хотя мы не сомнѣваемся что позднѣе, когда М. Н. Муравьевъ оказалъ драгоценныя услуги, поставившія имя его высоко во мнѣніи всего русскаго общества и графъ Киселевъ со свойственнымъ ему патриотизмомъ оцѣнилъ вѣроятно его подвигъ. А г. Заблоцкій даже теперь, близко принимая къ сердцу чужую вражду, позволяетъ себѣ употребить такую фразу: „Однажды этотъ Робертъ-Макеръ пріѣхалъ съ визитомъ къ Киселеву“ и т. д. Не думаемъ чтобъ это было прилично.

P.

II.

Школа здоровья. Домашній учебникъ. Практическое руководство къ самосохраненію здоровья и продленію жизни. Полный популярный курсъ медицины. Изданіе второе. Составилъ Dr. Андреевскій. Москва 1881 года.

„Что можетъ быть человеку ближе его здоровья, необходимѣе знанія собственного тѣла, всего что въ немъ совершается, что ему полезно и что вредно, какъ сохранить здоровье и избавляться отъ болѣзней? Тѣмъ не менѣе у насъ до сихъ поръ не было издано ни одной книги которая знакомила бы въ общедоступномъ изложеніи со всѣмъ этимъ. Между тѣмъ она

доступна не менѣ астрономіи, химіи, технологіи и прочимъ наукъ, по части которыхъ издается много прекрасныхъ популярныхъ сочиненій, и для пониманія ея вовсе не нужно быть врачомъ, какъ для знакомства съ астрономіей не требуется быть астрономомъ. Издаемъ *Школы здоровья* мы желали пополнить этотъ важный пробѣлъ въ нашей литературѣ“ (предисловіе I).

Такъ начинается авторъ предисловіе къ своей книгѣ. Доброму намѣренію можно только сочувствовать, хотя и нельзя счесть указаніе автора на абсолютное отсутствіе общедоступныхъ книгъ по медицинѣ достаточно точнымъ. Дѣйствительно, что можетъ быть человѣку дороже здоровья и что можетъ быть важнѣе распространенія въ обществѣ элементарныхъ медицинскихъ знаній, особенно въ странѣ которая такъ не богата наглядными медицинскими силами какъ наше отечество? Вѣдь собственно народной медицины, медицины для народа, лѣченія народа въ массѣ, у насъ до сихъ поръ почти не существуетъ, несмотря на старанія земствъ. Тамъ гдѣ приходится одинъ врачъ на весь уѣздъ во 100.000 жителей, конечно не можетъ быть и рѣчи о поданіи медицинской помощи всѣмъ заболѣвающимъ, и нашъ народъ полпрежнему, за отсутствіемъ докторовъ, идетъ къ разнымъ бабкамъ, знахарямъ и колдунамъ. Всякій жившій среди народа знаетъ какъ дорого для его здоровья обходится подобное лѣченіе, и нельзя не быть благодарнымъ за каждую попытку распространенія здравыхъ медицинскихъ понятій.

Но къ сожалѣнію отъ добрыхъ желаній и намѣреній до ихъ исполненія громадный шагъ, и къ сожалѣнію шагъ этотъ не перейденъ и книгой г. Андреевскаго.

Медицина принадлежитъ къ числу наукъ чрезвычайно трудно поддающихся популяризаціи. Можно написать народный лѣчебникъ, привораживаясь всецѣло къ пониманію народныхъ массъ и къ ихъ выраженіямъ, то-есть ввести въ свою книгу такія рубрики болѣзней какъ *ложота, лихорадка, простуда, одышка, кашель* и такія врачебныя средства какъ *деревянное и касторовое масло, спускъ, мѣта, шалфей, ромашка*, слѣдовательно оставить совсѣмъ въ сторонѣ медицину какъ науку и преподать просто рядъ практическихъ совѣтовъ касательно медицины какъ *искусства лѣченія*. Можно написать книгу стоящую на уровнѣ настоящихъ медицинскихъ знаній. Но такая книга будетъ понятна и доступна только

специалистамъ. Специальная книга рассчитываетъ на специальный кругъ читателей, предполагаетъ въ нихъ известную предварительную подготовку и потому называя известный рядъ явленій известнымъ научнымъ терминомъ она не опасается быть непонятою, не находитъ необходимымъ объяснять его своими словами на цѣлой страницѣ. Совсѣмъ не то съ медицинскою книгой претендующею на научность, но рассчитанною на читателей неспециалистовъ. Тутъ необходимо начинать *ab ovo*, особенно если задаться, какъ авторъ *Школы здоровья*, задачей изложить въ одной книгѣ все, всю теоретическую и практическую медицину. Авторъ имѣетъ въ виду именно такое *универсальное* руководство, говоря: „предлагаемая книга представляетъ хотя сжатый, но полный курсъ медицины. Въ составъ ея вошли всѣ необходимыя свѣдѣнiя объ устройствѣ человеческого тѣла въ здоровомъ и больномъ состоянiи, правилъ для сохраненiя жизни и здоровья, происхожденiя и сущности болѣзней, беременности, родовъ и вскормленiя дитяти, правилъ приготовленiя домашнимъ способомъ лѣкарствъ, наложенiя повязокъ, производства мелкихъ операцiй, ухода за больными, разлознаванiя и лѣченiя болѣзней и пр. Само собой разумѣется что вполнѣ понимать сущность послѣднихъ, успѣшно распознавать и лѣчить ихъ возможно только при основательномъ знакомствѣ съ вышесказанными отдѣльными частями медицины. Поэтому всякому желающему основательно ознакомиться съ медициною и съ успѣхомъ пользоваться нашею книгой необходимо изучить ее съ начала до конца.“ (II) И прибавимъ отъ себя, всякій изучившiй эту книгу съ начала до конца все-таки не ознакомится съ медициною, а только залуцается въ массѣ подробностей. Напрасно увѣряетъ г. Андреевскiй что „для пониманiя медицины во все не нужно быть врачомъ, какъ для знакомства съ астрономiей не требуется быть астрономомъ“. Онъ забылъ прибавить что читая популярныя книжки по астрономiи вовсе не будешь знакомъ съ астрономiей; прiобрѣтешь только способность говорить съ чужаго голоса *о множествѣ мировъ* по Фламмариону и *о небесныхъ пространствахъ* по Митчелю.

Точно также и съ медициною. Недостаточно купить *Школу здоровья* чтобы научиться распознавать и лѣчить болѣзни. Это было бы слишкомъ легко. Не чтенiемъ популярныхъ книгъ, а опытомъ и наблюденiемъ надъ больными добывается

искусство распознаванія и лѣченія болѣзней. Для того чтобы сдѣлать самую мелкую операцію надо сначала умѣть производить ее на трупѣ; для того чтобы умѣть различать болѣзненные формы и пораженія надо сначала изучать наиболее рѣзкія, выдающіяся изъ нихъ въ секціонномъ залѣ при вскрытіяхъ и въ различныхъ музеяхъ на спиртовыхъ препаратахъ и гипсовыхъ слѣпкахъ; для того чтобы произвести какой-нибудь анализъ, надо поучиться въ лабораторіяхъ. Только такимъ путемъ приобретаются основательныя медицинскія знанія, но за то эти знанія не будутъ похожи на тѣ которыя предлагаетъ Дг. Андреевскій.

Книга раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ; справедливость требуетъ сказать что нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ составлены прекрасно, какъ на примѣръ *правила для жизни и здоровья* (гигіена и діететика), *краткій очеркъ беременности и родовъ*, *общія правила ухода за больными*. Они безъ сомнѣнія принесутъ пользу читающей публикѣ и принесли бы еще больше еслибы были короче. Вообще еслибы всю книгу сократить на три четверти, то оставшаяся четверть только выиграла бы отъ этого. А то, смотря на *Школу здоровья* въ настоящемъ ея видѣ, мы невольно недоумѣваемъ, для чего именно, для какой части публики она написана. Практическій врачъ ее не купитъ, такъ какъ имѣетъ по каждой отрасли медицины специальныя сочиненія. Крестьянинъ ее не купитъ тоже, такъ какъ не имѣетъ возможности платитъ за какую бы то ни было книгу по 3 рубля, а если и купитъ, то ничего въ ней не пойметъ. Повидимому она разчитана на такъ-называемую „сельскую интеллигенцію“, учителей, фельдшеровъ, помѣщиковъ и помѣщицъ, занимающихся врачеваніемъ, священниковъ и т. д. Но масса свѣдѣній сообщаемыхъ въ этой книгѣ, свѣдѣній собранныхъ изъ различныхъ медицинскихъ учебниковъ, для нихъ совершенно бесполезна. Къ чему, на примѣръ, имъ знать различныя тонкости анатоміи, подробное перечисленіе мышцъ, венныя и нервныя сплетенія. Они ихъ никогда не видали и не увидятъ. Что поймутъ они читая: „Для пара нервъ верхней косою или блоковидной мышцы, начинается въ такъ-называемомъ мозговомъ коллѣкѣ и двухъ заднихъ возвышеніяхъ четырехолмія. Эти нервы меньше всѣхъ прочихъ черепно-мозговыхъ нервовъ. Они проходятъ черезъ соответственныя отверстія клиновидной кости въ полость глазницы, а также содѣйствуютъ движенію глазнаго

аблока". (Стр. 99). Сумѣетъ ли человѣкъ знакомый не съ медициной, а только съ этою книгой, опредѣлить мѣловое или лагментное перерожденіе, произвести химическое или микроскопическое изслѣдованіе, отличить амфорическій или тимпаническій звукъ? А между тѣмъ обо всемъ этомъ трактуетъ авторъ.

Еще одно замѣчаніе. Г. Андреевскій лишеть для публѣки, для лицъ не получившихъ спеціальнаго медицинскаго образованія. А между тѣмъ онъ часто при лѣченіи болѣзней рекомендуетъ сильно дѣйствующія средства и не даетъ никакихъ правилъ предосторожности при ихъ употребленіи. Напримеръ, совѣтуя лѣчить наперстянкой органическіе пороки сердца онъ говоритъ: „наперстянка не только усложиваетъ сердце, но представляетъ въ то же время наиболѣе дѣйствительное средство противъ названныхъ расстройствъ компенсаціи и явленій какъ водянка, кровавой кашель и проч.“ (стр. 505). Все это прекрасно; наперстянка при болѣзняхъ сердца представляетъ дѣйствительно могучее цѣлебное средство, но только въ рукахъ врача. Иначе употребленіе ея положительно не можетъ быть допускаемо, тѣмъ болѣе что г. Андреевскій неизвѣстно на какомъ основаніи предлагаетъ ее въ несоразмѣрно большомъ приѣмѣ, приѣмѣ превышающемъ высшую дозу допускаемую *Россійскою Фармакопеею*. Именно онъ рекомендуетъ ее въ настоѣ изъ подражмы травы на четыре унціи воды, чрезъ два часа по столовой ложкѣ, такъ что больной въ сутки приметъ больше тридцати гранъ, между тѣмъ какъ по *Россійскою Фармакопеею* высшій суточный приѣмъ двадцать гранъ. Далѣе, какъ врачъ г. Андреевскій долженъ знать что наперстянка принадлежитъ къ такъ-называемымъ сердечнымъ ядамъ, что еще изслѣдованія Траубе показали что она обладаетъ кумулятивнымъ (накопляющимъ) дѣйствіемъ, что даже при осторожномъ ея употребленіи вдругъ чрезъ нѣсколько дней можетъ развиться асистоля, сердечная слабость и т. д. вплоть до признаковъ полнаго отравленія. А между тѣмъ ни малѣйшаго указанія на это нѣтъ у г. Андреевскаго, и больной рѣшившійся послѣдовать его совѣту и подвергнуть себя лѣченію наперстянкой можетъ въ одинъ прекрасный день очутиться въ очень плохомъ положеніи.

И. З.

III. Новый романъ Шпильгагена.

Angela. Roman von Friedrich Spielhagen 2 Bände, Leipzig. Staackmann 1881.

Одинъ изъ самыхъ даровитыхъ, быть-можетъ наиболѣе даровитый изъ всѣхъ современныхъ германскихъ критиковъ, Поль Линдау, чрезвычайно мѣтко характеризуетъ талантъ Шпильгагена въ только что появившемся въ ноябрьской книжкѣ журнала *Nord und Süd* анализѣ новаго романа *Angela*. Характеристика эта такъ вѣрна, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить читателей съ сужденіемъ нѣмецкой критики которое сами вполне разделяемъ.

Я гдѣ-то читалъ, говоритъ Линдау, о тѣхъ измѣненіяхъ которыя внесены въ наши чувства различными новѣйшими изобрѣтеніями и приложеніемъ ихъ къ нашей современной жизни. Я помню какъ авторъ доказывалъ что зрѣніе и слухъ жителей большихъ городовъ постоянно и непрерывно держатся въ чрезвычайномъ возбужденіи и что вслѣдствіе этого живопись и музыка должны прибѣгать теперь къ другимъ, гораздо болѣе сильнымъ, средствамъ чтобы достигнуть на публику впечатлѣнія получавшагося прежде несравненно болѣе простыми и скромными способами. Совершенно естественно что слухъ жителя большого города до такой степени притупляется наконецъ постояннымъ трескомъ вѣды, криками и говоромъ на улицахъ, свистками локомотивовъ, тысячью различныхъ городскихъ шумовъ, что нервы становятся неспособными къ болѣе тонкой работѣ, что разказы объ остротѣ слуха встрѣчаемой у дикихъ народовъ кажутся чѣмъ-то неправдоподобнымъ и вымышленнымъ. А зрѣніе? Развѣ не произошло съ нимъ того же самаго явленія? Развѣ зрѣніе наше не притупилось замѣтнымъ образомъ за послѣднія 20—30 лѣтъ? Сцена освѣщалась прежде масляными лампами, и освѣщеніе это казалось намъ обыкновенно яркимъ. Теперь даже газовый свѣтъ совершенно меркнетъ предъ электрическимъ освѣщеніемъ. Этими совершенно измѣнившимися условіями впечатлительности нашихъ чувствъ и воздѣйствія на нихъ объясняются особенности замѣчаемая въ нѣкоторыхъ современныхъ

художникахъ, въ Курбѣ и Макартѣ, въ Вагнерѣ и Берлиозѣ. Этими условіями объясняются и особенности Шпильгагена.

Линдау характеризуетъ впечатлѣніе производимое новымъ романомъ Шпильгагена. „Это не уютный и мирный свѣтъ прадѣдовской лампы; это ослабительный, яркій, электрическій свѣтъ. Читатель дѣйствительно увлеченъ. Но онъ увлеченъ сильною поэтической рукой которая хватается его почти насильно и стремительно тащить за собою. Черезъ новый романъ проходитъ сильное поэтическое вѣяніе. Поэтъ весь отдается своему творенію. Шпильгагенъ не удовлетворяетъ требованіямъ эстетическихъ учебниковъ относительно абсолютной объективности злическаго писателя; на всемъ романѣ лежитъ печать индивидуальности; черезъ уста различныхъ дѣйствующихъ лицъ съ нами говорить одна и та же полная темперамента личность, та же самая которая съ такою удивительною живописностію рисуетъ предъ нами ландшафтную обстановку и съ такою поразительною выглядностію изображаетъ психологическіе процессы. У Шпильгагена свой собственный колоритъ и свой особенный стиль, которымъ онъ вездѣ и постоянно остается вѣренъ. Это личность совершенно законченная и совершенно отдѣльно стоящая. Къ ней можно чувствовать влеченіе или антипатію; это составляетъ вопросъ личнаго чувства. Но во всякомъ случаѣ критика не можетъ присваивать себѣ право спорить съ этою поэтической индивидуальностію и относиться отрицательно къ тѣмъ ея особенностямъ которыя какъ бы образуютъ основныя условія авторскаго существованія Шпильгагена. Наиболѣе мудрое и примирительное слово относительно ограниченій налагаемыхъ на критику въ отношеніи къ поэту произнесъ Гёте: *Gewissen Geistern muss man ihre Idiotismen lassen*. Благодаря своему громадному таланту Шпильгагенъ можетъ требовать одинъ изъ первыхъ чтобы не „придирались“ къ его особенностямъ. *Анжела*—это произведеніе поэта обладающаго сильнымъ, легко возбуждаемымъ и легко возбуждающимся темпераментомъ. Произведеніе это написано въ огневомъ ритмѣ и шумно цинструментовано. Зрѣлость, приносящая съ собою обыкновенно извѣстное спокойствіе, только ускорила шагъ поэта. Читая этотъ романъ испытываешь ощущеніе какъ будто авторъ въ бурной послѣдственности стремится скорѣе

избавиться от избытка силъ. Лишь немногія страницы выдержаны въ спокойномъ темнѣ, а затѣмъ—

Помчались... комъ бѣжить, летить,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

„Изображеніе поэта уносящаго насъ съ собою на фантастическомъ, мчащемся конѣ,—это вѣрное изображеніе Шпильгагена. Картины такъ быстро мчатся мимо насъ что по временамъ захватываетъ духъ; а поэтъ все не выпускаетъ читателя, и читатель испытываетъ странное чувство, что-то среднее между наслажденіемъ и мукой. Поэтъ крѣпко держитъ насъ силой своего громаднаго и роскошнаго таланта, и мы все снова изумляемся отважности его искусства, удивительному мастерству и удивительной увѣренности съ которыми онъ насъ ведетъ за собою. Шпильгагенъ говоритъ очень громко и очень полнозвучно. Давно извѣстно что лѣвцы спавшіе съ голоса или никогда его не имѣвшіе постоянно находятъ что „кричать“ тѣ которые пользуются своимъ прекраснымъ органомъ. Можно допустить что Шпильгагенъ слишкомъ часто пользуется всею силой своего голоса, но не слѣдуетъ забывать что его голосовыя средства позволяютъ ему это дѣлать.“

Во всѣхъ произведеніяхъ Шпильгагена есть какой-то совершенно особый, ему одному лишь свойственный порывъ, который сразу охватываетъ читателя и неудержимо влечетъ его за собою. Читатель иногда невольно слотыкается о тѣ или другія подробности положеній, стила и красокъ, подробности часто рискованныя, еще чаще слишкомъ бьющія по нервамъ своею излишнею яркостью, своимъ излишнимъ лаэосомъ; Линдау совершенно правъ когда онъ сравниваетъ яркость романовъ Шпильгагена съ силой электрическаго свѣта и когда онъ говоритъ про громкость и полнозвучіе голоса автора. Все равно. Вы слотыкаетесь на подробностяхъ, но вы не можете вырваться изъ увлекающаго васъ потока пока его бурное теченіе не принесетъ васъ на берегъ, не выкинетъ васъ съ послѣднею строчкой романа олять на обычную лочву. Шпильгагенъ необыкновенно своеобразенъ и необыкновенно вѣренъ самому

себѣ. Подъ словомъ „своеобразность“ мы не подразумеваемъ какой-либо литературной специальности и не хотимъ сказать этимъ чтобы Шпильгагенъ отличался исключительностію въ выборѣ темъ, извѣстною тенденціозностію направленія, преимущественнымъ пристрастіемъ къ изображенію извѣстныхъ лишь общественныхъ слоевъ, добра или зла, высокаго или низменнаго. Въ романахъ его встрѣчаются всевозможныя лица и характеры, описываются и выводятся на сцену люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ, самыхъ различныхъ взглядовъ. Своеобразность Шпильгагена заключается въ его отношеніи къ описываемымъ имъ людямъ, въ необыкновенной горячности и страстности съ которыми онъ вступаетъ въ теченіе ихъ судебъ, въ необыкновенномъ подъемѣ который получаютъ подъ его перомъ обычныя людскія страсти, въ какомъ-то демоническомъ элементѣ вдыхаемомъ имъ въ каждое изъ его произведеній. Чувство и чувственность, добро и зло, поэзія и проза, идеаль и реальность одинаково равноправны въ романахъ Шпильгагена; за то трудно, быть-можетъ невозможно найти другаго романиста у котораго съ такою рѣзкостію выстулали бы контрасты характеровъ, у котораго характеры были бы доведены до такихъ крайнихъ обостреній, обостреній неизбѣжно носящихъ въ себѣ роковыя сѣмена катастрофы. Вотъ почему Линдау правъ говоря объ электрическомъ свѣтѣ которымъ Шпильгагенъ освѣщаетъ свои фигуры; но къ этому нужно добавить что рѣзкость и яркость освѣщенія вполне соответствуютъ яркости красокъ, что все расположеніе художественнаго произведенія заранѣе разчитано на такое освѣщеніе что электрическій свѣтъ имѣетъ свои несомнѣнныя права и что не каждый художникъ можетъ имъ пользоваться для своихъ картинъ. Шпильгагенъ одинъ изъ тѣхъ писателей которымъ нельзя подражать, которые не оставляютъ послѣ себя школы. Подобно Вильгельму Раабе, котораго мы по своеобразности и интенсивности таланта могли бы, одного изъ всѣхъ современныхъ нѣмецкихъ романистовъ, поставить на ряду со Шпильгагеномъ, подобно Вильгельму Раабе Шпильгагенъ слишкомъ индивидуаленъ для того чтобы каждое подражаніе ему не осталось бы лишь чисто внѣшнимъ, было бы чѣмъ-нибудь инымъ какъ не поддѣлкой подъ внѣшніе приемы, простою поддѣлкой стили, не оживленною тою горячностью и

страстностию внутренняго лерыва, которая такъ увлекательно действуютъ въ Шпильгагенъ своею обширнѣею и искреннѣею и заставляють, если не забывать, не прощать ему тѣ или другіе мелочныя недостатки.

Понятно что въ такомъ резко индивидуальномъ и типичномъ талантѣ каковъ талантъ Шпильгагена почти невозможно ожидать перемѣлъ и поворотовъ. Шпильгагенъ перестаетъ бы быть собою если бы онъ началъ писать иначе нежели онъ дѣлаетъ это; оставая бы талантъ, но этотъ талантъ обезличился бы. Вотъ почему мы встрѣчаемъ въ новомъ романѣ *Анжела* всѣ типическія особенности Шпильгагена, всѣ тѣ черты которыя представляютъ его сильныя и его слабыя стороны. Къ числу этихъ слабыхъ сторонъ относятся: нѣкоторый избытокъ громогласности, нѣкоторый избытокъ напряженности, нѣкоторая искусственность цѣлыхъ выраженій. Такъ, напримеръ, онъ называетъ женщину *das creatürlichste Geschöpf*, на что Поль Линдау весьма основательно замѣчаетъ что можно было бы съ одинакомъ удобствомъ сказать *die geschöpflichste Creatur*. Все это мелочи въ сравненіи съ главнымъ, съ тою удивительною энергіей, силой и горячностью которыя такъ и кипятъ каюкомъ въ этомъ новомъ произведеніи. Шпильгагенъ не можетъ измѣниться; но совершенствоваться въ данномъ направленіи всегда возможно. Новый романъ представляетъ чрезвычайно отрадное явленіе въ томъ отношеніи что мы не только видимъ предъ собою произведеніе стоящее на высотѣ всѣхъ прежнихъ, но представляющее въ то же время шагъ впередъ. Мы оцѣнимъ всю важность такого явленія лишь когда вспомнимъ что Шпильгагену уже 52 года.

„Изъ всѣхъ романовъ Шпильгагена“, говоритъ Линдау, „*Анжела* есть быть-можетъ наиболее законченный и лучший по компоновкѣ. Если Шпильгагенъ и взялъ здѣсь саишкѣмъ сильныя ноты, то все-таки нельзя отрицать что онъ даетъ намъ высокій поэтическій гимнъ; а когда онъ хочетъ заставить звучать болѣе нѣжныя струны, то онъ даетъ намъ такія сцены, какова, напримеръ, сцена *Анжелы* играющей съ дѣтми Моора, образецъ нѣжнаго поэтическаго чувства и художественно-тонкаго вылоавленія. Намъ вообще ни разу не локудаетъ впечатлѣніе того что съ нами говоритъ выдающійся поэтъ. Даже особенности, противъ которыхъ можетъ возражать тотъ или другой читатель, составляютъ лишь цѣлѣвизмъ

поэта, а не представляютъ недостатковъ. *Анжела* есть—сколько бы ни возражали противъ этого—характеристическій памятникъ нашего перво возбужденнаго времени, нашего безпокойства, нашей торопливости и поспѣшности, есть произведеніе которое могъ создать лишь дѣйствительный поэтъ современной жизни и большого города.“ Остается добавить что въ новомъ романѣ Шпильгагена встрѣчается одна страница за которую нѣкоторые ревнители предлагали даже привлечь автора къ суду какъ за оскорбленіе нравственности, въ то время какъ романъ *Анжела* печатался въ формѣ фельетона въ одномъ изъ берлинскихъ журналовъ. Нѣмецкая печать единодушно возстала противъ этого обвиненія въ безнравственности брошеннаго въ одного изъ наиболее идеальныхъ писателей Германіи. Возстала совершенно справедливо, ибо въ любомъ изъ современныхъ романовъ, мы не называемъ ни писателей, ни странъ, можно встрѣтить сцены гораздо болѣе чувственныя и, что главное, не оправдываемыя, какъ у Шпильгагена, художественною необходимостію композиціи. „Было бы, прибавляетъ Поль Линдау, недостойнымъ оскорбленіемъ знаменитаго писателя, постоянно относящагося къ своимъ произведеніямъ съ величайшею серіозностію (*dem es immer heiliger Ernst um seine Schöpfungen ist*), еслибы мы, изъ фривольнаго любопытства, стали отыскивать ту или другую страницу о которой ходила рѣчь то здѣсь, то тамъ. Произведеніе Шпильгагена слишкомъ хорошо и слишкомъ честно для этого. Не слѣдуетъ искать въ немъ ничего другаго кромѣ повѣсти о страданіяхъ своеобразнаго и исключительнаго существа называемаго Анжелой.“

Въ чемъ содержаніе новаго романа Шпильгагена? Постараемся разказать его такъ чтобы сохрмить по возможности болѣе мѣста для передачи, хотя бы въ сокращеніи, нѣкоторыхъ характеристикъ и сценъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Вевѣ. Осень. Туристы начинаютъ уже мало-по-малу развязаться. За табль д'ота въ *Grand Hôtel du Lac* собралось лишь тридцать человекъ, вмѣсто сорока восьми которые обѣдали здѣсь вчера. Но если уѣзжаютъ одни, то на мѣсто ихъ являются другіе. Такъ и теперь. Въ отель только-что прибыла новая семья: извѣстный берлинскій живописецъ Мооръ съ женой и дѣтьми. Для нихъ накрытъ особый столъ, и обычные участники табль д'ота

чрезвычайно заинтересованы новоприбывшими. Идут толки, пересуды, разспросы. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ увидѣть новоприбывшихъ. Говорятъ что Мооръ гениальный пейзажистъ; говорятъ что жена его очень хороша собою, что они чрезвычайно богатые люди и живутъ на очень широкую ногу. Наконецъ является Мооръ съ тремя маленькими дѣтьми сопровождаемыми сердитою бонной. Жена его устала отъ дороги и осталась обѣдать въ своей комнатѣ. Одинъ ребенокъ начинаетъ плакать на всю залу. Замѣтивъ всеобщее вниманіе обращенное на него и его дѣтей, Мооръ выскакиваетъ изъ-за своего стола и быстро удаляется. Леди Великеставъ, самая знатная и богатая изъ обитательницъ отеля, выходитъ изъ-за общаго стола, садится къ дѣтямъ и начинаетъ ихъ кормить. Дѣти залуганы ея колоссальною, эксцентричною фигурой. Но вотъ опять является отецъ, сухо благодаритъ незнакому ему леди, беретъ дѣтей и почти увлекаетъ ихъ изъ залы.

— Досталось Англичанкѣ! шепчутся между собою обѣдающіе.—По дѣломъ.

— Зачѣмъ она вмѣшивается гдѣ ее не просятъ!

— Совсѣмъ не по-англійски!

— А Мооръ все-таки, кажется, эксцентричный человекъ.

— Всѣ художники эксцентричны!

— Жаль бѣдныхъ дѣтей!

Дѣти приведены опять на верхъ и не знаютъ что съ ними будутъ дѣлать. Вѣроятно ихъ будутъ бранить. Нѣтъ! Бонна уводитъ ихъ обѣдать въ другую комнату. Мать сидитъ и молчитъ. Отецъ стоитъ у окна и также молчитъ. Страшно!

Мооръ беретъ шляпу и пальто.

— Что ты хочешь дѣлать? спрашиваетъ его жена.

— Дать тебѣ на часъ спокойствіе.

— Ты хочешь уйти?

— Какъ видишь.

— Но вѣдь обѣдъ только-что начался?

— У меня пропалъ аппетитъ.

— Я такъ и не узнаю, слѣдовательно, что у васъ тамъ произошло?

— Произошла сцена которая уместна только въ дѣтской. Она была некстати въ залѣ гдѣ обѣдаютъ человекъ двадцать, и я тотчасъ же положилъ ей конецъ.

— Положилъ конецъ! А деньги за лать приборовъ такъ и выброшемъ за окно!

— За три съ половиной прибора. Дѣти платятъ половину. Прощай!

— За три съ половиной или за лать, это все равно. Деньги все-таки платить мой отецъ.

Мужъ выбѣгаетъ изъ комнаты какъ безумный. Молодая женщина остается одна. Вся комната загромождена сундуками. Бонна ворчитъ и бранится. Дѣти плачутъ. Собаченка лаетъ. Утомленіе, скука, пустота. По корридору слышатся шаги, раздаются веселые голоса. Какъ она несчастна! Правда, ей бы не слѣдовало говорить ему того что она сказала; но за время ихъ путешествія онъ съ каждымъ днемъ становился все задумчивѣе, все холоднѣе, все болѣе отчуждался отъ нея. Вотъ, напримѣръ, вчера вечеромъ. Они только-что прѣѣхали и вышли прогуляться на набережную. Онъ все молчалъ. Какіе-то мушеры бросали чайкамъ крошки хлѣба. Это ее удивило. Она думала что чайки питаются только рыбой и спросила его объ этомъ. А онъ? Онъ горько улыбнулся и сказалъ: „Да, когда онъ въ открытомъ морѣ, а кто не умѣетъ жить тамъ, тотъ долженъ вѣсть хлѣбъ изъ рукъ.“ Мушеры кормившіе чаекъ обернулись и посмотрѣли на него и на нее. Ей сдѣлалось совѣстно. Ужъ не скодитъ ли онъ съ ума? Вотъ у ея подруги мужъ тоже года два былъ такимъ страннымъ, а потомъ помѣшался. Его помѣстили въ заведеніе для умалишенныхъ, онъ тамъ прожилъ еще четыре года и все на счетъ тестя. Зачѣмъ похвалъ онъ путешествовать? Чтобы дѣлать этюды! Какой вздоръ! Этюдовъ у него столько что хватало бы года на три еслибъ онъ хотѣлъ работать. Но онъ совсѣмъ бросилъ живопись. Онъ ничего не дѣлаетъ. Зачѣмъ она похвала съ нимъ? Зачѣмъ она выходила за него замужъ? То ли дѣло было бы еслибъ она была теперь свободна! Она могла бы сейчасъ стать женой этого милаго Бевверуто. Онъ тоже художникъ. О! у нея не было бы недостатка въ обожателяхъ, въ людяхъ которые бы ее дѣйствительно и страстно любили! Что дѣлаетъ онъ теперь? Оудитъ вѣроятно въ салонѣ, болтаетъ съ дамами, насмѣшивается надъ нею. Чьи это шаги? Это онъ! Скорѣе платокъ къ глазамъ: пусть онъ думаетъ что она плачетъ. Нѣтъ! кто-то прошелъ мимо. Какой вѣтеръ бушуетъ на дворѣ! Какъ страшно! какъ скучно! А она одна. Какой онъ былъ странный

когда убѣжалъ изъ комнаты! Онъ часто говорилъ что лишить себя жизни. Ахъ, какъ завываетъ вътеръ! Какъ страшно, какъ страшно...

Нанни (такъ зовутъ жену Моора) выбѣгаетъ въ корридоръ: носильщики несутъ что-то большое, черное, мокрые. Это онъ... вѣтъ! Это большой черный сундукъ. Все равно: она слишкомъ потрясена и испугана: она падаетъ въ обморокъ.

А между тѣмъ онъ блуждаетъ по улицамъ, и все кажется ему точно происходящимъ во снѣ. Вотъ магазины; вотъ освѣщенныя окна; вотъ играютъ и шуматъ дѣти; вотъ предъ лавкой выгружаютъ съ воза послѣднюю бочку. Какая славная, здоровая, сильная лошадь! Какъ она послушно идетъ вслѣдъ за мальчонкой который бѣжитъ предъ нею съ коломъ сѣна и ведетъ ее въ конюшню! А эта женщина стоящая въ полуосвѣщенной двери и разговаривающая со своими: какой славный мотивъ для жанровой картины! На что ему эти мотивы? Онъ все-таки не станетъ, не можетъ писать! Да, она права: онъ живетъ на деньги ея отца. И это она говоритъ ему! Это онъ долженъ слышать отъ нея! О униженіе! О позоръ! Не сѣдуетъ однако обращать на себя вниманіе прохожихъ. Довольно сцены которая произошла въ столовой. Ахъ, эта сцена! Теперь, благодаря своей женѣ, онъ олять сдѣлался предметомъ разговора на все время своего пребывания здѣсь. Зачѣмъ ей понадобилось переѣзжать изъ спокойнаго маленькаго отеля въ которомъ они было остановились? Зачѣмъ ей нужно непремѣнно жить въ бельэтажѣ? Зачѣмъ рядиться? Тщеславіе, одно пустое тщеславіе. Одна пустота. Постоянные слоры изъ-за лустаковъ. Она не хотѣла надѣтъ сѣрое платье; ей хотѣлось въ первый разъ выдти къ обѣду въ оливковомъ; она потеряла ключъ отъ сундука, расплакалась, осталась въ своей комнатѣ подъ предлогомъ мигрени. Знаетъ ли она какъ онъ несчастенъ съ нею? Знаетъ ли она какъ онъ стремится, безумно стремится къ свободѣ? Возвратить ли она ему эту свободу? Что такое въ глазахъ ея душа художника? Да, еслибы рѣчь шла о шпалкѣ или о браслетѣ! А то—душа! Художественная душа! Какіе лустаки! Какіе бредни! Что ожидаетъ его въ будущемъ? Его ожидаетъ одно: онъ сойдетъ съ ума. Ахъ, какъ стремится и рвется душа его къ *той*, къ той доброй, благородной, возвышенной! Какое невыразимое никакимъ словомъ стремленіе испытываетъ онъ къ *той*! Стремленіе это не пресѣчетъ сама смерть.

Онъ увидитъ ее тамъ, въ томъ мірѣ. Она повесится къ нему на встрѣчу съ небеснымъ сіяніемъ въ большихъ, влажныхъ глазахъ. Она скажетъ ему: я знаю какъ ты страдалъ. Я тебѣ простила. Что это? Какая картина! Какой удивительный видъ! Какъ сіяетъ высокое чело Аальтъ облитое ровнымъ отблескомъ солнца давно уже зашедшаго для низменныхъ жителей земли! Вотъ что онъ долженъ былъ бы, вотъ что онъ могъ бы передать на полотнѣ. Вотъ задачи на которыя даю ему силы благое Провидѣніе. А онъ, несчастный, онъ потерялъ эти силы, нѣтъ, хуже: онъ продалъ ихъ, продалъ за блюдо чечевицы!

Чья эта фигура сидитъ тамъ на берегу? Кого онъ видитъ? Онъ весь похолодѣлъ. Сердце бьется такъ сильно что кажется сейчасъ разорвется въ груди. Онъ хочетъ закричать... и не можетъ. Последнее усиліе:

— Ангела!

Крикъ вырывается глухой и стемнящей, точно изъ груди утолающаго. Она повернула голову. И вотъ онъ стоитъ уже предъ нею на колѣняхъ, рыдая, плача, ликуя, произнося безсвязныя слова, прижимая лицо къ ея платью. Первымъ движеніемъ ея было оттолкнуть его, клятвопреступника, измѣнника. Потомъ ея простертая рука безсильно опустилась на его голову и лежала на ней, точно благословляя. Но вотъ волна гнѣва вернулась опять. Она освободилась изъ охватывавшихъ ее рукъ и молча пошла впередъ. Онъ пошелъ рядомъ съ нею, едва осмѣливаясь обращать къ ней взоръ. Онъ боялся прервать это ужасавшее его молчаніе. Что было ему сказать ей! Наконецъ онъ не могъ долѣе выдержать этой муки:

— Говори со мной, прошу тебя!

Прошло нѣсколько мгновеній показавшихся ему безконечными. Потомъ къ нему принесли ея отвѣтъ:

— Мы увидались. Это несчастье. Мы въ немъ неповинны. Но мы не должны превратить его въ вину которая страшно отомстить за себя.

Ея голосъ! Все тотъ же мягкій, альтиновый голосъ, тотъ который онъ въ продолженіи семи лѣтъ своихъ страданій постоянно вызывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ наиболѣе мучительные и скорбные часы, въ часы когда близилось къ нему сумашествіе.

— О, говори далѣе, говори изъ состраданія, изъ жалости.

Ты не знаешь какъ это меня успокоиваетъ! Ты не знаешь какъ безыпно я несчастенъ!

— Есаибъ я не предчувствовала что ты несчастенъ, я увидала бы это теперь. Именно поэтому расстаемся. Я не могу тебѣ помочь. Моя судьба не легче оттого что я убѣдилась въ твоёмъ несчастіи. Прощу тебя: уйди!

— Ты не совсѣмъ оттолкнула, не совсѣмъ забыла меня? Ты не можешь меня простить, это я знаю. Только не ненавидь меня, не сердись на меня. Внутри меня все выгорѣло отъ страданій. Я сталъ тѣнью самого себя. Я все думаю, ежедневно, ежечасно думаю о томъ что бы я былъ, чѣмъ бы я сталъ живя съ тобою, окруженный, обвѣваемый близостью тебя, твоею сладкою, чистою близостію. Я убѣжалъ сюда какъ изгнанникъ по сѣдамъ котораго несутся Эринни, который только чудомъ можетъ быть спасенъ отъ самоубійства. Я нахожу тебя. Развѣ это не чудо? Я иду подлѣ тебя, я говорю съ тобою, я слышу шелестъ твоего платья, я вижу твои милыя черты которыя носятя предо мной на яву и во снѣ, во снѣ отъ котораго я просылаюсь весь облитый слезами...

— Ты бредишь. Опомнись, ради Бога! Уйди! Я не прошу. Я приказываю.

Изъ его блѣднаго лица смотрѣли на нее глаза умирающаго. Губы дрожали и дергались и, какъ у умирающаго, не издавали звуковъ. Онъ повернулся и пошелъ.

— Арнольдъ!

Тишина. И снова раздался крикъ, крикъ страха:

— Арнольдъ!

Онъ остановился.

— Куда ты идешь?

— Чтò тебѣ?

Она опять была подлѣ него, заграждая ему дорогу:

— Общай мнѣ...

— Не могу. Оставь меня.

Она схватила обѣ его руки. Онъ стремительно старался ихъ освободить; они почти боролись другъ съ другомъ. По дорогѣ проходила молодая крестьянская дѣвушка, съ удивленіемъ взглянула на странную чету и, удаляясь, нѣсколько разъ обернула къ нимъ голову. Они распустили свои руки и стояли неподвижные, едва переводя дыханіе, между тѣмъ какъ въ сердцахъ ихъ гнѣвъ и любовь все продолжали свою ужасную борьбу.

— Я была неправа, сказала она тихо.— Мы не можемъ такъ разстаться. Пройди со мной еще нѣсколько шаговъ... Несчастье гораздо больше нежели я думала; вотъ что сдѣлало меня такою растерянною. Я не была къ этому приготовлена. Но, это не должно быть такъ и этого не будетъ. Еслибъ это было такъ, то значить я напрасно боролась, должна была бы сначала начинать борьбу, борьбу въ тысячу разъ болѣе ужасную, и погибла бы въ этой борьбѣ, безвозвратно погибла бы. Нѣтъ! скажи мнѣ что это не такъ! Что ты не такъ несчастливъ. Скажи мнѣ что ты любишь твою жену! Отъ насъ зависть вспоминать объ этихъ минутахъ безъ стыда и раскаянія. Я благословляю ихъ. Теперь—прощай!

Онъ не слушалъ ея. Душа его была полна однимъ всепоглощающимъ желаніемъ: удержать ее, удержать навсегда. Но какъ? Уласть предъ нею? Обхватить ея колѣни, заклипать ее чтобы она уѣхала съ нимъ? Увлечь ее силой, бѣжать съ нею куда не проникъ бы ни чей глазъ? Умереть вмѣстѣ съ нею? Все равно! Только не разставаться съ нею.

— Ни шага далѣе, Арнольдъ. Мы должны разстаться.

— Гдѣ ты живешь? Въ Вевѣ?

— Мы въ Кларансѣ. Я живу съ одною нѣмецкою дамою. Я ея компаньонка. Она безлокоится обо мнѣ, домашніе безлокоятся о тебѣ.

— Когда мы увидимся?

— Никогда.

— Ты не помѣшаешь мнѣ видѣть тебя.

— Ты самъ не сдѣлаешь этого.

— Мнѣ трудно этого не сдѣлать. Мы живемъ въ Вевѣ, проживемъ здѣсь недѣлю по крайней мѣрѣ. Я буду работать. Мнѣ нужно дѣлать этюды, бродить по окрестностямъ. Какъ могу я помѣшать встрѣчѣ съ тобою? Въ обществѣ мы навѣрное будемъ встрѣчаться. Это не опасно. Моя жена ничего не знаетъ, не слыхала даже твоего имени. Мы можемъ жить въ одномъ отелѣ, обѣдать за однимъ столомъ. Кому до этого дѣло кромѣ насъ самихъ? Я тебя не искалъ, ты не искала меня. Не наша вина что міръ такъ узокъ.

Онъ говорилъ все это не подчеркивая ни одного слова, какъ будто все подразумѣвалось само собою, какъ будто нельзя было не согласиться съ нимъ. Но она слышала своимъ чуткимъ ухомъ какимъ страхомъ разлуки дрожало его сердце.

— Не обманывай себя. Ты знаешь что права я, а не ты.

Пусть первое мое слово будетъ и послѣднимъ: то что мы встрѣтились есть несчастіе; оно не зависѣло отъ насъ; пусть не превратится оно въ вину отъ которой мы сами должны будемъ погибнуть. Въ послѣдній разъ—прощай!

Завязка драмы дана съ удивительнымъ мастерствомъ. Послѣ прелестной жанровой картинки обѣда въ оубѣ, послѣ картины будничной жизни, съ ея самодовоольными, мелкими, узкими характерами и типами, съ поразительною яркостію контраста выступаетъ сцена встрѣчи и объясненій между двумя существами которыя такъ глубоко любятъ другъ друга и такъ глубоко несчастны отъ этой любви. Съ перваго же мгновенія уже чувствуется неизбѣжность роковаго исхода. Воздухъ насыщенъ электричествомъ, нервы читателя наэлектризованы. Однако мы все-таки не знаемъ еще кто Анжела, каковы были отношенія ея къ Арнольду. И вотъ романистъ съ необыкновеннымъ искусствомъ начинаетъ намъ мало-по-малу раскрывать завѣсу покрывающую прошедшее. На сцену выступаютъ все новыя лица. Солнце еще по временамъ проглядываетъ изъ-за облаковъ, но облака надвигаются все гуще и гуще, клубятся въ тучи, заволакиваютъ весь горизонтъ. Электричество достигаетъ высшей степени напряженія и разрывается наконецъ страшнымъ ударомъ уносящимъ жизнь двухъ любящихъ существъ.

Опомнившись отъ своего обморока Нанни оказывается въ комнатѣ леди Беллукестль, близъ двери которой она упала въ корридорѣ.

— Я леди Элеонора Беллукестль изъ Беллукестля, рекомендуется молодой женщиной владѣтельница комнаты.—Какъ ваше имя? Мистрисъ Мооръ? Хорошее имя, его по крайней мѣрѣ можно выговорить не сломавъ себѣ языка. Кто вашъ мужъ? Живописецъ? А painter? Мужъ васъ не любитъ? Постоите, я поговорю съ нимъ, сама поговорю. Главное дѣло: энергія. У васъ нѣтъ энергіи. Вы доброе, кроткое дитя, вы при каждомъ случаѣ готовы проливать слезы и падать въ обморокъ. Нужно имѣть энергію. Какъ? вы говорите что я отлично разговариваю по-нѣмецки? И этому я обязана своей энергіи. Мой сынъ, Эдвардъ-Гордонъ Беллукестль (онъ теперь въ Норвегіи охотится на медвѣдей) былъ въ Германіи и учился тамъ въ университетѣ, well! Я никогда не была въ Германіи. Я ненавижу ее и ненавижу Нѣмцевъ. У нихъ только умъ и фантазія, но нѣтъ сердца, нѣтъ энергіи, нѣтъ послѣдовательности.

Всѣ они вѣроломны, мужчины и женщины! Не возражайте. Я знаю это изъ опыта. Куда ни ступить Нѣмецъ, всюду онъ надѣлаеть бѣдъ; а когда онъ одѣлаеть бѣду, то исчезаетъ ночью, потихоньку, какъ воръ. Такъ поступила и она, эта змѣя, которую я шесть лѣтъ кормила у своей груди, которую я считала за родную дочь и которая въ благодарность задумала отать леди Белликестль. Можете вы себѣ это представить? Молодая нѣмецкая дѣвушка которой я платила жалованье! Знаете отчего происходятъ всѣ несчастные браки? Они происходятъ отъ того что люди женятся на дѣвушкахъ стоящихъ ниже ихъ, или же дѣвушки выходятъ замужъ не за равныхъ.

Анжела рассказываетъ баронессѣ Грааске, у которой она живетъ и которая любитъ ее какъ мать, про свои отношенія къ леди Белликестль и ея сыну. За что такъ любитъ ее баронесса? За то что Анжела, случайно встрѣтивъ ее въ Брюссель, гдѣ онѣ жили въ одной гостиницѣ, помогала баронессѣ ухаживать за ея единственнымъ сыномъ раненымъ подъ Седаномъ и умирающимъ отъ этой раны. Въ минуту смерти сынъ указалъ глазами на Анжелу, какъ бы отдавая ее подъ покровительство своей матери, и съ той поры баронесса не разлучается съ этою молодою дѣвушкой, къ которой она привязалась всѣмъ сердцемъ. Что съ Анжелой? Отчего вернулась она вчера съ прогулки такою блѣдною, такою разстроенною? Въ Кларамсѣ не хорошъ воздухъ. Они поѣдутъ жить въ Вевъ, въ *Hôtel du Lac*; комнаты уже заказаны. Баронесса подозреваетъ что разстройство Анжелы происходитъ отъ ея любви къ Эдварду Белликестль. Каковы были ихъ отношенія? И Анжела рассказываетъ ей все. Она уѣхала въ Лондонъ чтобы зарабатывать средства для содержанія своего семейства. Шесть лѣтъ выжила она у леди Белликестль, получая громадное содержаніе, осыпанная подарками, окруженная всѣми удобствами комфорта и роскоши. Леди Белликестль происходитъ изъ стариннаго аристократическаго рода Гленвилей. Она была красавица. Отецъ, покрытый долгами, принудилъ ее выдти замужъ за прлаядскаго спекулянта владѣвшаго громаднымъ богатствомъ и возведеннаго въ званіе баронета. Его убили въ собственномъ паркѣ. Неизвѣстно кто это сдѣлалъ, всѣ его ненавидѣли. Леди Белликестль осталась молодою вдовою. Она была богата и несчастна. Она ненавидѣла свою семью принудившую ее къ позорному браку. И вотъ она начала

чудить. Тщеславіе и гордость развились въ ней до чрезвычайныхъ, до болѣзненныхъ размѣровъ. Она задалась мыслию поработить всѣхъ подъ свою волю, раздавить всякое сопротивленіе своею эмергіей. Шестъ лѣтъ прожитыхъ Анжелой у леди Белликестль были непрерывною борьбой между двумя этими характерами. Полуломѣшанная Англичанка ненавидѣла молодую вѣмецкую дѣвушку за то что она не подчиняется ей, и въ то же время находила наслажденіе въ постоянной борьбѣ съ ея твердостью, съ ея самостоятельностью. Необыкновенно странныя отношенія существовали между леди Белликестль и ея сыномъ, капитаномъ Эдвардомъ. Она не могла видѣть его когда онъ былъ ребенкомъ. Мальчикомъ она отослала его учиться во Францію; когда ему минуло семнадцать лѣтъ, онъ уѣхалъ въ Германію, къ своему товарищу Бобу, учившемуся живописи въ Мюнхенѣ, и задумалъ самъ сдѣлаться живописцемъ. Мать всеми силами возстала противъ такого намѣренія. Ее прежняя ненависть смѣнилась необычайною любовью. Она умоляла сына возвратиться къ ней и дала ему княжеское содержаніе, когда онъ, убѣдившись въ отсутствіи достаточныхъ способностей къ живописи, поступилъ въ Кембриджскій университетъ. Мать мечтала для своего сына о политической карьерѣ, мечтала о томъ какъ онъ раздавитъ ненавистныхъ ей Гленвилей. Сынъ не чувствовалъ склонности къ политикѣ. Онъ поступилъ въ военную службу и уѣхалъ въ Индію. Это было страшнымъ ударомъ для честолюбія леди Белликестль, для ея неукротимой гордости. Какъ? Она не могла подчинить себѣ сына? Не могла принудить его быть тѣмъ что она хотѣла? Къ концу шестаго года пребыванія Анжелы въ Англии капитанъ пріѣхалъ обратно изъ Индіи чтобы поправить свое здоровье. Онъ полюбилъ Анжелу. Она не любила, она только уважала его. Компаньйонка леди Белликестль, миссъ Флиучъ, давно завидовавшая Анжелѣ, сумѣла воспользоваться удобною минутой и рассказала своей госложѣ про любовь Эдварда. Произошла страшная сцена, въ отсутствіи капитана. Анжела уѣхала и непосредственно затѣмъ встрѣтилась въ Брюсселѣ съ баронессой Гранске.

Арнольдъ Мооръ встрѣчаетъ въ горахъ товарища, живописца Бенвенуто. Это лустой фатъ, хвастунъ и трусъ, чело-вѣкъ со смазаннымъ личикомъ, правящійся чувственнымъ женщинамъ; никогда не бывшій въ состояніи повять что такое

дѣйствительная любовь, никогда не можешь влечь къ себѣ дѣйствительной любви. Веквенуто начинаетъ болтать и хвастаться. Онъ разказываетъ что влюбленъ въ Анжелу и передаетъ въ разказѣ Арнольдъ дальнѣйшія подробности ея исторіи, которая такимъ образомъ вся выступаетъ предъ нами. Мы узнаемъ что Анжела фонъ - Зеебургъ происходитъ изъ древняго аристократическаго рода. Отецъ ея, обвѣнчанный дворянинъ, былъ женатъ на пѣвицѣ; Анжела училась въ консерваторіи и принуждена была своими трудами содержать семью. Затѣмъ послѣдовалъ отъѣздъ въ Англію, жизнь въ Белликестлѣ, знакомство съ баронессой Гранске. Арнольдъ все слушаетъ; онъ одинъ знаетъ зачѣмъ Анжела уѣхала въ Англію; онъ знаетъ что она сдѣлала это послѣ того какъ онъ, увлекшись красивымъ личикомъ и богатствомъ Нанны, женился на послѣдней, измѣнивъ своей прежней любви. А между тѣмъ въ дѣйствіе вступаютъ новыя лица. Товарищъ Эдварда, живописецъ Бобъ Свифтъ, знавшій про любовь Эдварда къ Анжелѣ и про внезапное и безслѣдное исчезновеніе ея изъ Белликестля, нечаянно натолкнулся въ Италіи на баронессу. Въ сопровождавшей ее дѣвушкѣ онъ, по описанію, узналъ Анжелу, бросилъ всѣ свои дѣла и принялся слѣдовать за ними по пятамъ, точно тѣнь. Когда баронесса и Анжела пріѣхала въ Вевъ, Бобъ телеграфировалъ Эдварду, и послѣдній явился изъ Норвегіи. Узелъ драмы завязывается все болѣе и болѣе. Въ *Hôtel du Lac* живутъ теперь подъ одною крышею: Анжела и баронесса Гранске, Арнольдъ Мооръ и его жена Нанны, оказывающаяся племянницей баронессы, и леди Белликестль. Послушаемъ какъ описываетъ Бобъ Анжелу.

„Я видалъ дѣвушекъ болѣе красивыхъ, но не видалъ еще ни одной у которой благородство души такъ явственно отпечатывалось бы на челѣ и устахъ. Глядя на нее испытываешь то же чувство какое овладѣваетъ при первомъ вступленіи въ храмъ Св. Петра: хочется ластъ къ ней и молиться; стыдно только людей которые стоятъ вокругъ, перелистываютъ гиды и справляются все ли такъ какъ тамъ сказано. Я находилъ немного людей которые оставались бы предъ ней равнодушными. Я наблюдалъ за нею на улицахъ: изъ ста людей не находилось ни одного кто не взглянулъ бы на нее съ удивленіемъ. Часто случалось что люди, занятые разговоромъ, проходили мимо не обративъ на нее вниманія, но пройдя шаговъ сто, они внезапно останавливались

и оборачивались, какъ будто ихъ понуждала къ этому какая-то невидимая рука. Въ Веронѣ забылъ свою роль даже слѣпой женщиной сидѣвшій у дверей собора. Я самъ и вся Верона поклялись бы что онъ дѣйствительно слѣпъ. Прошла Анжела. И что же? Слепой забылъ свой жалостный призывъ *in povero cisco*, поднялъ руки и воскликнулъ: *Die mio! quanto è bella!*

Эдвардъ и Бобъ находятъ Арнольда лежащаго въ окрестностяхъ Везе окровавленнымъ и безъ чувствъ. Онъ не былъ въ состояніи болѣе переносить терзающія его страданія и бросился внизъ съ обрыва. Бобъ привозитъ Арнольда въ *Hôtel du Lac* въ то время когда только-что пріѣхавшія туда баронесса и Анжела стоятъ у окна.

„Большая деревенская повозка медленно подѣхала по дорогѣ и остановилась у подѣзда отеля. Изъ нея вылезъ какой-то господинъ и быстро взбѣжалъ по ступенямъ лѣстницы. Баронесса, увлеченная разговоромъ, лишь вскользь взглянула на торопливо пробѣжавшаго; теперь деревенская повозка предъ отелемъ привлекла ея вниманіе и, къ своему удивленію, она узнала въ возвратившемся между тѣмъ молодомъ человѣкѣ того Англичанина который ѣздилъ за нею какъ ея тѣнь. Съ нимъ были швейцаръ отеля и два кельнера; онъ тихо говорилъ съ ними и кажется сообщалъ имъ что-то важное. По крайней мѣрѣ лица этихъ людей были очень серьезны и они съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на высокую повозку въ которую олять влѣзалъ Англичанинъ. Работникъ быстро принесъ низенькую лѣстницу; швейцаръ приставилъ ее сзади къ повозкѣ. Прибѣжали еще два кельнера и самъ хозяинъ отеля; всѣ столпились у задняго конца повозки.

„— Что это значить? повторяла баронесса, слѣдившая за этою сценой съ удивленіемъ все болѣе возрастающимъ.—Нравѣрное случилось какое-нибудь несчастье. Не говорила я развѣ? Уйдите, Анжела. Вы и безъ того взволнованы. Вамъ незачѣмъ видѣть такія вещи.

„Но неподвижные взоры Анжелы не могли оторваться отъ кучки людей которая подвигалась къ подѣзду неся въ срединѣ что-то тяжелое. Они дошли уже до первой ступени. Людей было слишкомъ много, они были слишкомъ усердны, неловко несли тяжесть и теперь перехватили ее еще неосторожнѣе. Равенный оломился отъ обморока и судорожно

задвигался среди несшихъ его рукъ. Его на половину выпустили. Онъ внезапно сталъ на ноги, энергически отстранилъ всякую дальнѣйшую помощь и съ яввою неохотою ожерся на руку Боба.

„— Анжела! воскликнула баронесса, вѣдь это мужъ Навни! Что съ нимъ случилось? А Навни нѣтъ дома! Дѣти въ саду и перелугаются до смерти! Бѣгите, удержите ихъ тамъ, а я посмотрю что съ нимъ. Я его совсѣмъ почти не знаю, но это все равно, не даромъ же зовутъ меня теткой.

„Повозка уѣхала. Крестьянинъ весело защекалъ бичомъ. Площадка предъ подъездомъ опустѣла. Работникъ подметалъ нѣсколько соломинокъ вытащенныхъ изъ повозки вмѣстѣ съ раненымъ. Баронессы уже не было въ комнатѣ. Анжела медленно пошла къ двери и остановилась. На губахъ ея появилась горькая усмѣшка:

„— Мнѣ бы не пришлось повторять то же самое во второй разъ. Не потому ли я и не сдѣлала этого?

„Ее охватило какое-то бѣшенство гнѣва:

„— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я этого не сдѣлала потому что не должна была это дѣлать, потому что я хотѣла доказать ему что и онъ можетъ жить, долженъ жить. Онъ этого не понималъ. Но онъ пойметъ это, долженъ будетъ понять!“

Какъ сласти Арнольда? Какъ возвратить его семейству, искусству, женѣ, жизни? Анжела рѣшается воздвигнуть преграду между собою и Арнольдомъ. Послѣ долгаго разговора съ Бобомъ, выступающимъ краснорѣчивымъ ходатаемъ за своего друга Эдварда, Анжела соглашается стать женой послѣдняго. Является Эдвардъ. Это рыцарски честный, спокойный и ясный человекъ, котораго Анжела не можетъ не уважать самымъ глубочайшимъ образомъ. Она достойна его. Она не можетъ упрекнуть себя ни въ чемъ въ своемъ прошедшемъ; прошедшее это совершенно чисто. Любовь ея къ Арнольду была и осталась незалытавною никакимъ упрекомъ. Любовь эта и впредь останется идеальною. Происходитъ бурная сцена объясненія между баронессой и леди Белликестль, затѣмъ другая не менѣе бурная сцена между Эдвардомъ и его матерью. Леди Белликестль ни за что не соглашается на бракъ Эдварда и Анжелы. Вдругъ наступаетъ перемѣна.

Въ *Hôtel du Lac* живетъ старый Испанецъ Лерма, больной старикъ изможденный страданіями. Леди Белликестль разъ было опрокинула его въ коридоръ; съ той поры они

познакомились и рядомъ обѣдаютъ за общимъ столомъ. Въ ту минуту когда Эдвардъ, послѣ бурной сцены съ матерью, выходитъ изъ ея комнаты, леди Белликестль слышитъ шаги:

„Она обернулась и увидала нѣчто столь непонятное, столь необычное что даже она, привыкшая къ страннымъ, таинственнымъ явленіямъ, могла только смотрѣть неподвижными глазами на совершавшееся предъ нею. Черный слуга болѣе всего нежели велъ старика сенора Лерма, одѣтаго въ красный шелковый плафрокъ и туфли. Достигнувъ середины комнаты Лерма остановился, прямо подъ люстрой, кивнулъ съдюю головой и затѣмъ зашуркалъ далѣе, къ кресламъ стоявшимъ вкругъ стола.

„Непонятно! Не то откуда онъ вдругъ явился, нѣтъ. Она вчера сама приказала отнести въ его комнату, находившуюся рядомъ, большой, спокойный диванъ, который могъ пройти только черезъ дверь соединявшую оба номера; дверь эта осталась потомъ незапертою на ключъ. Это было просто, она даже и не удивилась этому. Но что могло значить появленіе Лермы? Какъ осмѣлился этотъ изящный старый джентльменъ войти къ ней въ такое время, въ такомъ костюмѣ, войти безъ приглашенія, безъ доклада? Что ему нужно? Совѣтъ? Помощь? Или онъ хотѣлъ пожаловаться на слухомъ громкій разговоръ помѣшавшій его покою? Во всякомъ случаѣ старикъ, говорившій только по-испански и по-французски, не понималъ этого разговора!

„Черный слуга опустилъ своего господина въ одно изъ креселъ и удалился къ портьерѣ закрывавшей дверь въ комнату Лермы, послѣ того какъ послѣдній сказалъ ему нѣсколько непонятныхъ словъ. У этой двери онъ сѣлъ на стулъ и неподвижно устремилъ глаза на своего господина сидѣвшаго въ противоположномъ концѣ комнаты. Время отъ времени бѣлки его глазъ искрились при свѣтѣ ярко горѣвшей люстры.

„Нѣтъ, это уже слухомъ! Такого нарушенія приличій нельзя было простить даже необразованности иностранца. Высоко поднявъ голову, съ гнѣвными словами на гордо закинутыхъ губахъ, леди Белликестль приблизилась къ сенору Лерма.

„Но вотъ ноги ея точно приросли къ ковру. Слова замерли на губахъ. Тѣло судорожно приподнялось на костяхъ, холодъ пробѣжалъ по спицѣ. Ужели мертвые начали вставать изъ гробовъ? Ужели она должна была узнать глаза, улыбку

черты того человека въ этомъ обращенномъ къ ней лицѣ покрытомъ восковою блѣдностью, въ этомъ лицѣ съ котораго онъ теперь дрожащею рукой откидывалъ свѣдую гриву волосъ нависшую на лобъ, въ лицѣ столь страшно искаженномъ и все-таки напоминающемъ нѣчто столь страшное?

„— Да, Элеонора, это я. Дѣйствительно я.

„Изъ груди ея вырвался глухой, ужасный крикъ, крикъ человека пораженного на смерть. Она отшатнулась назадъ, тяжело упала въ кресло и неподвижно лежала въ немъ съ глубоко влѣпшими глазами, изъ-подъ черныхъ рѣсницъ которыхъ видѣлась лишь стеклянная бѣлизна бѣлковъ.

„Но это продолжалось лишь нѣсколько секундъ. Затѣмъ она поднялась, бросилась какъ тигръ на старика и отскочила отъ чернаго слуги который незамѣтно приблизился, сталъ между нею и Лермой и протянулъ ей на встрѣчу длинный, острый ножъ высоко занесенный въ поднятой рукѣ.

„— Я это предчувствовала, сказалъ Лерма.—Вы видите, Элеонора, что этого нельзя сдѣлать. Садитесь и слушайте.

.....

„— Я требую и приказываю, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, но отчеканивая каждое слово какъ бы для того чтобы устранить всякую возможность недоразумѣннн, —я требую и приказываю чтобы вы признали дѣвицу Анжелу фонъ-Зеебургъ невѣстой вашего сына въ лисьмѣ на ея имя, которое я вамъ сейчасъ продиктую; я приказываю чтобы вы немедленно же сообщили въ другомъ лисьмѣ это рѣшеніе вашему сыну и взяли назадъ все то что было внушено вамъ въ разговорѣ съ нимъ минутнымъ гнѣвомъ. Вы должны признать всѣ права его на имѣніе и деньги Мориса, баронета Белликестля; его отца—слышите: *его отца*—равно какъ и на доходы съ помѣстій Чарлаза Белликестля, его дѣда. Вотъ на столѣ я вижу портфель. Потрудитесь его открыть. Пишите.

„— Я не напишу ни одного слова.

„— Вы ошибаетесь, миледи. Вы въ продолженіи десяти минутъ напишите каждое слово которое я потребую.

.....

„Она очнулась отъ своей галлюцинаціи и дико озиралась вокругъ себя. Вотъ ея комната. Вотъ горять люстры и свѣчи. Вотъ сидитъ старикъ Лерма съ часами въ рукѣ и говорить: одна минута уже прошла!

„Она провела рукой по лбу, точно желая снять что-то тяжелое лежавшее тамъ. Рука увлажилась каллами холодного пота. Она протянула ее къ портфелю.

„— Вы одумались? Я зналъ что это такъ будетъ. Опусти-те перо въ чернильницу. Такъ. Рука ваша очень дрожить. Соберитесь немного съ силами. Мои силы также подходятъ къ концу; но ихъ еще доставеть.

„Она опять провела рукой по лбу и склонилась надъ бумагой:

„— Чтò я должна писать?

„— Пишите—

„— Только одно! Одно условіе, или я сломаю перо и задушю васъ вотъ этими руками, хотя бы вашъ слуга и всадилъ въ меня ножъ!

„— Какое условіе?

„— Вы никогда не скажете ни одного слова ей—Анжелѣ!

„Она уронила перо и съ мольбой протянула къ нему сложенные руки. По изможденному лицу старика мелькнула улыбка.

„— Никогда! сказалъ онъ.

„— Клянитесь!

„— Клянусь спасеніемъ моей души!

„— Аминь!

„Она глубоко вздохнула и во второй разъ взяла перо:

„— Я готова!“

Эдвардъ сынъ Лермы. Леди Белликесталъ убила своего мужа.

А между тѣмъ Анжела узнаетъ что Нанни обманываетъ Арнольда. Онъ не можетъ быть счастливъ съ нею. Было бы тщетно стараться возратить его женѣ. Она недостойна его. Къ чему тогда самопожертвованіе Анжелы? Къ чему ея бракъ съ Эдвардомъ? Развѣ Арнольдъ не можетъ разойтись со своею женой, разойтись по праву, по закону, какъ оскорбленный? Развѣ не можетъ Анжела свободно отдаться тогда своей единственной любви, любви къ Арнольду? Какъ будутъ они наконецъ счастливы послѣ столькихъ страданій! Но какъ отказать Эдварду чтобы не оскорбить этой чистой и свѣтлой души? Исходъ одинъ. Нужно сказать что безъ благословенія матери союзъ ихъ никогда не будетъ счастливъ. За леди Белликесталъ можно поручиться. Она никогда, *никогда* не благословитъ этотъ бракъ. Ахъ, какъ они будутъ счастливы!

— Письмо отъ леди Белликестль, перерываетъ баронесса мечтанія Анжелы.

Это письмо продиктованное Лермой. Последняя надежда рушилась. Отступить нельзя. Поздно. Какое-то безуміе охватываетъ Анжелу. Во время прогулки она при двигающейся бурѣ одна идетъ все далѣе и далѣе въ лѣсъ, въ горы, среди мрака, подъ хлопьями снѣга. Эдвардъ, Бобъ и Арнольдъ бросаются ее искать. Арнольдъ находитъ ее первый въ какой-то одинокой хижинѣ на вершинѣ горы, среди глухаго лѣса. Она лежитъ въ горячемъ забытіи. Она слышала утромъ отъ Нанны какъ сладки поцѣлуи. И вотъ она въ полусознаньи льетъ поцѣлуи Арнольда и произноситъ безсвязныя, чувственныя слова, слова которыя говорила ей жена Арнольда и которыя въ бреду всплываютъ ей теперь. Забытіе это длится лишь одно мгновенье. Анжела опомнилась, вскакиваетъ и повелительно указываетъ Арнольду на дверь. Съ его поцѣлуями на устахъ Анжела не можетъ уже быть женой Эдварда. Она ищетъ смерти и находитъ ее спасая маленькаго сына Арнольда который неосторожно забѣжалъ на набережную подмытую водой и обрушивающуюся во время бури. Анжела бѣжитъ за нимъ, успѣваетъ перебросить его чрезъ открывшійся провалъ въ руки Боба, а сама летитъ внизъ вмѣстѣ съ падающими камнями и сваями и безвозвратно погибаетъ въ водоворотѣ изъ котораго не можетъ спасти ее никакая человѣческая помощь. Арнольдъ умеръ днемъ ранѣе ея, отъ воспаления въ мозгу; жена его убѣжала съ Бенвенуто.

Мы очертили ходъ дѣйствія и въ крупныхъ чертахъ наметили главныя фигуры. Но въ романѣ Шпильгагена есть еще цѣлый рядъ замѣчательныхъ эпизодическихъ фигуръ и превосходныхъ эпизодическихъ сценъ. Анализъ ихъ завлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Мы предпочитаемъ привести примѣры; пусть Шпильгагенъ самъ говорить за себя. Вотъ сцена гдѣ мамзель Пильцъ, гувернантка въ семьѣ Мооровъ, встрѣчается въ саду отела съ Анжелой, которую она принимаетъ за приживалку баронессы. Арнольда только что привезли равнаго въ голову и уложили въ постель; жены его нѣтъ дома; дѣти остались одни въ саду, и Анжела играла съ ними. Является мамзель Пильцъ.

— Вы изъ дома? воскликнула Анжела.—Вы видѣли... господина Моора? Какъ онъ?

„Мамзель Пильцъ съ насмѣшливою улыбкой посмотрѣла на ея взволнованное лицо.

„— Господи, liebes Fräulein, сказала она,—да есть ли какая-нибудь возможность такъ волноваться о чужихъ людяхъ! Нѣтъ, не хватитъ силъ! И безъ того довольно дѣла. Вотъ поднимется теперь шумъ за то что я на минутку отлучилась, а безъ меня, какъ на грѣхъ, случилась бѣда. Впрочемъ на что же мы, бѣдныя дѣвушки, и существуемъ на свѣтѣ какъ не для того чтобы насъ всячески шпынять да вымѣщать на насъ свою злость! Ваша баронесса тоже, вѣроятно, не лучше другихъ?

„Мамзель Пильцъ подмигнула при этомъ своими блѣдно-голубыми глазами. Анжела повторила вопросъ болѣе сложнымъ голосомъ: — Не правда ли, вѣдь господиизъ Мооръ не въ безнадежномъ положеніи?

„— Въ безнадежномъ? воскликнула мамзель Пильцъ и засмѣялась при этомъ еще ядовитѣе. Да кто же вамъ это сказалъ? У него ужъ сидитъ докторъ. Ушибся немножко, больше ничего. И вѣдь какъ сейчасъ раздуютъ каждый лустякъ! Мы вотъ руку можемъ сломать, ногу переломить, шею свернуть—никому до этого дѣла нѣтъ. Сначала-то и я подумала что не вѣсть что случилось, когда вся комната набралась полна людей. Ну да, слава Богу, безъ меня обошлось; командуетъ всѣми ваша баронесса; ей и книги въ руки, она вѣдь вашей-то тетка. Думала что я пришла съ дѣтьми прямо изъ сада; разумѣется я не стала ее разувѣрять. Вѣдь вы не скажете что я отлучалась безъ спроса? Намъ вообще нужно держаться поближе и дѣйствовать за-одно. Я это сейчасъ же подумала когда наша-то вѣжала въ комнату и объявила что пріѣхала баронесса и что при ней есть компаньонка—барышня, да еще благородная. Ну, думаю себѣ, благородная тамъ или нѣтъ, терпѣть-то ей со старухой приходится не меньше чѣмъ мнѣ съ ребятами. А ужъ какое мнѣ наказанье съ вами, этого вы себѣ и представить не можете. А какъ мои хозяева живутъ между собою,—просто смѣхъ. Я вамъ-то могу поразказать...

„— Дѣтямъ, кажется, пора домой, сказала Анжела.

„— Подождутъ, не бѣда, сказала мамзель Пильцъ. Исторіи бываютъ такія — просто волосъ дыбомъ становится. Ну да вѣдь и я при каждомъ случаѣ умѣю подлустить шпильку.— Сейчасъ идемъ, сейчасъ! Одѣвайтесь пока сами; помогайте одинъ другому.—Да, что я хотѣла сказать? Не знаете ли кто этотъ Англичанинъ который его привезъ? Ваша баронесса съ вами точно сто лѣтъ знакома.—Да иду же, иду! Что за

несносныя дѣти, ни на минуту не дадутъ покоя! Такъ до свиданья, *liebes Fräulein*, до свиданья.

— Вѣдь вы не станете говорить дѣтямъ про болѣзнь отца? спросила Анжела.

— Чтобъ они разревѣлись на улицѣ? возразила мамзель Пильцъ. — Что вы это! вотъ пріѣдетъ сама, тогда пусть она и дѣлаетъ какъ знаетъ.“

Въ гостиницѣ *Grand Hôtel du Lac* живутъ два купеческія нѣмецкія семейства: семейство Зибольдъ и семейство Банзе. Они знакомы между собою. Госпожа Зибольдъ постоянно интересуется каждою мелочью касающеюся болѣе знатныхъ обитателей отеля и чрезвычайно досадуетъ что съ нею не хотятъ знакомиться и не приглашаютъ ее къ себѣ. Цѣлая кавалькада ѣдетъ на прогулку; мужъ и жена Зибольдъ сидятъ въ саду. Онъ приглашаетъ ее подойти къ рѣшеткѣ чтобы взглянуть какъ садятся амазонки на коней.

— Я не хочу смотрѣть, сказала госпожа Зибольдъ и взяла въ руки вышиванье, между тѣмъ какъ сама съ напряженіемъ прислушивалась къ шуму людскихъ голосовъ и топоту лошадей довосившемуся въ садъ.

— Право стоить взглянуть! Полгорода сбѣжалось глазѣть, сама послѣ пожалѣть, говорилъ господинъ Зибольдъ.

— Это мое дѣло!

— Такъ позволь по крайней мѣрѣ.

— Оставайся здѣсь! воскликнула госпожа Зибольдъ и бросила свое вышиванье на скамью подлѣ себя.— Ни съ мѣста!

Ея мужъ, послѣшившій было къ рѣшеткѣ, вернулся назадъ и противъ воли вздохнулъ довольно громко.

— Очень мило съ твоей стороны такъ вздыхать, когда жена просила тебя посидѣть съ нею, сказала госпожа Зибольдъ.

— Я совсѣмъ не вздыхаю, сказалъ ея мужъ и медленно свѣлъ подлѣ нея.—Я только думалъ что тебѣ будетъ интересно взглянуть...

— Какъ же не быть интереснымъ! Дѣвица фонъ-Зеебургъ наряжена амазонкой.

— Но вѣдь и госпожа Мооръ въ амазонкѣ.

— Дѣло совсѣмъ не въ госпожѣ Мооръ. Вы всѣ влюблены только въ одну, въ вашу несравненную, неопѣвную!

— Влюблены по уши, сказалъ господинъ Зибольдъ съ принужденною улыбкой и сейчасъ же замолкъ и сталъ серіознымъ лодъ серіознымъ взоромъ своей супруги.

„— Ты вѣдь тоже смѣялась, сказалъ онъ какъ бы извиняясь.

„— Мой смѣхъ и твой—это двѣ совершенно различныя вещи. Небо и земля. Мнѣ есть надъ чѣмъ смѣяться.

„— Но, Сусанночка, дѣвица фонъ-Зеебургъ....

„— Если ты еще разъ произнесешь это имя, я съ тобой разведусь.

„— Но, Сусанночка...

„— Стыдись!

„— Но...

„— Молчи! Стыдись, говорятъ тебѣ. Мнѣ дѣлаютъ афронты. На меня она не глядитъ, а госпожа Банзе приглашаютъ къ себѣ? Что такое госпожа Банзе? Дура, которая положительно не умѣетъ сосчитать дальше пяти, не говоритъ ни слова по-французски, одѣвается такъ...

„— Да вѣдь это-то я и хотѣлъ тебѣ показать! воскликнулъ мужъ, хватаясь за послѣднее выраженіе супруги.—Ты посмотри только какъ она сегодня вырядилась! Шляла съ красными и синими лентами, пальто зеленое съ мѣхомъ—по этой-то погодѣ!—и сидитъ она рядомъ съ баронессой въ коляскѣ. Стоитъ взглянуть, еще не поздно...

„На улицѣ послышался шумъ экипажей, голоса стали шумнѣе, по камнямъ застучали колыта. Госпожа Зибольдъ быстро поднялась и сейчасъ же олять сѣла.

„— Нѣтъ, сказала она,—не хочу.

„— Да теперъ ужъ опоздали, отвѣтилъ мужъ.“

Какъ всякій писатель съ ясно очерченною индивидуальностію Шпильгагенъ имѣетъ свой особый стиль, составляющій одну изъ самыхъ привлекательныхъ и оригинальныхъ сторонъ его произведеній. Такою характерностію стиля отличается въ особенности его новѣйшій романъ, а въ немъ по преимуществу одно лицо, баронесса Гранске, безпрестанно примѣшивающая къ своимъ рѣчамъ провинціализмы померанскаго говора. Эта своеобразность и непринужденность стиля придаетъ удивительно живой и теплый колоритъ всѣмъ разговорнымъ рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ. Въ то же время особенность эта составляетъ весьма серьезное препятствіе для перевода новѣйшаго романа Шпильгагена, если только переводчикъ не хочетъ быть, по италіанской поговоркѣ, *traduttore* вмѣсто *traduttore*. Вотъ почему каждый кто пожелалъ бы получить полное впечатлѣніе отъ новѣйшаго романа Шпильгагена долженъ прочитать его въ подлинникѣ.

С. В.

IV. Книжныя новости.

Вышедшій въ Петербургъ послѣдній тридцать третій томъ *Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества* содержитъ письма барона Гримма къ императрицѣ Екатерины II, затѣмъ письма Гримма къ вице-канцлеру князю А. Н. Голицыну, письма Хрисста-Иоаанна Бирона къ посланнику Герману Кейзерлингу и письма Дидро къ императрицѣ Екатерины II.

Общество Любителей Древней Письменности въ Петербургъ издало „Книгу избранную вкратцѣ, о девяти мусахъ и семи свободныхъ художествахъ“ Иоанна Дамаскина, заимствованную изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка принадлежащаго князю П. П. Вяземскому. Изданіе имѣетъ заглавіе: *О девяти музахъ и семи свободныхъ художествахъ. О разумѣ. О мысли.* (Изъ діалектики Иоанна Дамаскина.) Главы о „разумѣ“ и „мысли“ тѣмъ особенно любопытны что въ философіи Иоанна Дамаскина онѣ не встрѣчаются ни въ печатномъ, ни рукописномъ греческомъ подлинникѣ и слѣдовательно составляютъ ту часть грамматическаго сочиненія Дамаскина которая оставалась неизвѣстною западнымъ ученымъ.

Изданіе Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: *Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854—1856*, продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Вышелъ третій выпускъ третьяго тома. Общее заглавіе его: *Die Völker des Amur-Landes*.

G. L. C. de Kaemmerer издалъ въ Петербургъ брошюру на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Une visite au musée Imperial de Tsarskoï-Selo. Collection privée des armes rares, anciennes et orientales, de sa Majesté l'Empereur*.

Вышли въ свѣтъ на русскомъ языкѣ третій и четвертый выпуски изданія г. Суворина: *Наизъ Внѣкъ*, Отто фонъ-Лейкнера.

Предпринятое г. Суворовымъ изданіе въ русскомъ переводѣ сочиненія Фр. Гельвальда *Естественная Исторія племенъ и народовъ* съ иллюстраціями художника Келлера-Лейцингера

выходить безостановочно. Отпечатаны третій и четвертый выпуски.

Въ Петербургѣ напечатанъ четвертый выпускъ путешествія А. Х. Нордешельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ *Vege* въ 1878—1880 годахъ.

Г. П. Полевой, издавшій десять лѣтъ тому назадъ *Исторію русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ*, предпринялъ четвертое значительно дополненное изданіе своей книги. Сочиненіе состоявшее изъ одного тома раздѣлено теперь на два тома. Вышедшій на дняхъ первый томъ заключаетъ въ себѣ всю древнюю литературу отъ начала письменности и до эпохи преобразованій.

На дняхъ въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ IX часть *Записокъ историко-филологическаго факультета* Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Въ этой части помѣщено изслѣдованіе К. Я. Грота „Моравія и Мадыяры съ половины IX до начала X вѣка“.

Въ мартѣ 1879 германскіе ученые Оскаръ Гебгардъ изъ Геттингена и Адольфъ Гарнахъ изъ Гиссена сдѣлали весьма важное открытіе въ археологическомъ отношеніи. Они открыли весьма древнюю греческую рукопись Евангелія отъ Матѳея и Марка (последнее до 14 стиха последней 16 главы), писанную серебромъ и отчасти золотомъ на пурпуровомъ пергаментѣ (греческихъ рукописей писанныхъ на пурпуровомъ пергаментѣ извѣстно было только четыре), принадлежитъ капитулу кафедральной церкви въ Россано (въ Калабріи). Въ августѣ 1880 германскіе ученые издали въ свѣтъ свое сочиненіе подъ названіемъ *Evangeliorum codex graecus purpureus Rossanensis*, въ которомъ довольно подробно описали свою находку и снабдили свою книгу хромофотографическими образцами съ рукописи и снимками съ миниатюръ. Описаніе миниатюръ рукописи сдѣлаемо на русскомъ языкѣ г. Усовымъ, который напечаталъ въ концѣ октября въ Московской Синодальной типографіи *Миниатюры къ греческому кодексу Евангелія VI вѣка, открытому въ Россано*. Копіи съ миниатюръ, на 7 листахъ, приложены къ труду г. Усова.

Въ С.-Петербургѣ предпринято изданіе полного собранія

сочиненій **Ф. М. Достоевскаго**. Оно будетъ состоять изъ четырнадцати томовъ. Въ первомъ томѣ будетъ помѣщена біографія Достоевскаго, составленная **О. Ф. Миллеромъ** и **Н. Н. Страховымъ**, письма **Федора Михайловича** къ разнымъ лицамъ, замѣтки изъ его „записной книжки“. Къ этому тому будетъ приложенъ портретъ писателя. Въ настоящее время отпечатаны томъ шестой, въ которомъ помѣщенъ романъ *Преступленіе и Наказаніе*, и седьмой томъ, въ которомъ помѣщенъ романъ *Идіотъ*. Все изданіе будетъ окончено печатаніемъ чрезъ полтора года.

Въ вышедшемъ двадцать восьмомъ томѣ *Сборника отдѣленія русскаго языка и словесности* Императорской Академіи Наукъ помѣщенъ подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями подъ редакціей **И. И. Срезневскаго** „Жизни и дѣяній великаго Тамерлана съ описаніемъ земель подъ его владѣніемъ и господствомъ, написаннымъ **Рюи Говзалесомъ** де-Клавихо, камергеромъ Великаго и могущественнаго государя дона Енрике третьяго этого имени короля Кастиліи и Леона“. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ 1403—1416.

Редакція журнала *Русская Старина* издала сборникъ посвященный памяти **Л. А. Сѣрякова**, скончавшагося 2 января 1881. Сборникъ озаглавленъ *Русскіе дѣятели въ портретахъ* гравированныхъ академикомъ **Лаврентіемъ Сѣряковымъ**. Въ сборникѣ помѣщены гравюры, большею частию портреты, сдѣланныя Сѣряковымъ къ статьямъ помѣщавшимся въ журналѣ *Русская Старина* въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ.

Въ Москвѣ издано Московскимъ Публичнымъ и Румянцевскимъ музеемъ описаніе собранія рукописей хранящихся въ музеяхъ извѣстнаго путешественника по Востоку **П. И. Севастьянова**. Описаніе составлено г. **Викторовымъ**.

Собраніе рукописей оставшееся послѣ смерти профессора Московскаго университета **И. Д. Бѣляева** было приобретено въ 1875 году Московскимъ Публичнымъ и Румянцевскимъ музеемъ. Въ настоящее время вышло въ Москвѣ печатное его описаніе, подъ заглавіемъ: *Собраніе славяно-русскихъ рукописей И. Д. Бѣляева*.

Въ Москвѣ же издано изсѣдованіе В. О. Ключевскаго, подъ заглавіемъ *Боярская дума древней Руси*. Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.

—

Въ С.-Петербургѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:
Souvenirs d'un règne glorieux. Dediés à sa Majesté l'Empereur Alexandre III.

Эллада и Римъ. Культурная исторія классической древности Якова Фалке. Выпускъ 27й. Изд. Суворина.

Паденіе крепостнаго права въ Россіи. Сочиненіе И. Иванюкова, профессора Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи.

Отчетъ о Бѣломорской экскурсіи 1880, профессора Л. Ценковскаго.

А. Д. Голохвостовъ. *Обская желѣзная дорога*.

Ө. М. Уманецъ. *Изъ моихъ наблюденій по крестьянскому дѣлу*.

Сочиненія Ксенофонта. Перевелъ Г. Янчевскій. III т. Киропедія. Изд. второе исправленное и дополненное.

А. Ильинъ. *Подробный атласъ всѣхъ частей свѣта*. Выпускъ 13й. Карты Франціи, Англіи и Кавказа.

Библіотека современныхъ писателей. *Деревенская неурядица*, Глѣба Успенскаго. Т. III.

Сельско-хозяйственная архитектура. Руководство къ построенію всѣхъ сельско-хозяйственныхъ зданій, съ атласомъ чертежей. Составилъ Ф. Федоровичъ.

Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Составилъ П. Бѣлоха. Изд. 19е.

Методическій курсъ нѣмецкаго языка, построенный на изученіи и усвоеніи связнаго текста. Для высшихъ классовъ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Германъ Недеръ. Часть первая. Изд. 2е.

Выгоды общаго наказанія и описаніе привилегированной хлѣболекарной печи. Л. М. Иванова.

А. Погоскій. *Земля, вода и воздухъ*. Изд. 4е, дополненное рисунками.

Сорго-сахарное производство. Выпускъ первый. Культура соргового тростника и извлеченіе изъ него сока. М. Дунинъ-Барковскаго.

Л. Федоровичъ. *Жизнь польщенія рабочихъ*.

Учебная карта Европейской Россіи для самообученія. Составилъ И. Михайловъ.

Полный стенографическій отчетъ о Кутаисскомъ дѣлѣ, разбившемся въ Тифлисской соединенной судебной палатѣ по протесту прокурора Кутаисскаго окружнаго суда.

Алфавитный указатель вопросовъ разрѣшенныхъ уголовнымъ кассационнымъ и общимъ собраніемъ кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената 1866—1880 годовъ. Составилъ Г. И. Трахтенбергъ. Изд. 3е.

Записка о недостаточности нынѣ существующей технической отчетности по работамъ на частныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Юбилейная книжка. Премія къ Собранію Романовъ 1881, издаваемыхъ гжой Ахматовой.

Борьба съ дикарями. Техаскіе разказы Кулера, переведенные для юношества. Переводъ съ нѣмецкаго Софьи Макаровой. Изданіе книгопродавца Бителажя.

Батрачка. Повѣсть Т. Г. Шевченко. Перевелъ съ малороссійскаго Л. Мей. Изд. С.-Петербургскаго Комитета Грамотности.

Армія и казаки. Разказъ для дѣтей А. Круглова.

Сара Бернаръ. Біографическій очеркъ Франциска Сарсе.

Звѣздочка. Азбука. Составилъ Н. П. Столяновскій.

Червоная Шестерка. Юмористическій листокъ.

Кула Матрена. Юмористическій листокъ.

Врачебный ежегодникъ на 1882. Изданіе редакціи Врачебныхъ Вѣдомостей.

Александровское техническое желѣзнодорожное училище.

Табель на 1882. Изданіе Академіи Наукъ.

Lepidoptères du district de Kouldja et des montagnes environnantes par Sefge Alpheraky.

Histoire élémentaire de la littérature française par Jean Fleury. Seconde partie.

Зима и весна 1881—22. Полный карманный путеводитель по Россіи.

*О предметахъ вызывающихъ на размышленіе. Десять писемъ султана Мендаля Пиралиева въ редакцію *Новаго Времени*.*

Въ Москвѣ напечатаны:

Желѣзнодорожный календарь на 1881—1882.

Сборникъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій о присяжныхъ засѣдателяхъ. Составилъ секретарь Московской городской управы М. А. Лучинскій.

Воскресенскіе Иверскіе ворота въ Москвѣ, съ рисункомъ.

Русская баня и ея простыя цѣлебныя средства. Изд. 3е.

Кабинетная памятная книжка. Календарь на 1882.

Годичный отчетъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы за 1880—1881.

Краткое руководство по ситценабиванію. Составилъ инженеръ-технологъ П. П. Петровъ.

А. С. Пушкинъ. Сборникъ новайденныхъ его произведеній. Его черновыя письма. Письма къ нему разныхъ лицъ. Замятки на его сочиненія.

Строеніе скелета туловища и хвоста рѣчной миноги. К. Перелекина.

Полтавскій бой. Историческій очеркъ, составленный Е. Тихомировымъ. Изд. Общ. Распространенія Полезныхъ Книгъ.

Четвертая русская книга для чтенія. Гр. Л. Н. Толстаго. Изданіе 7е.

Лѣчебникъ болѣзней желудка. Составилъ Покровскій.

Евгеній Сю: *Семь главныхъ смертныхъ грѣховъ.* Переводъ В. Коломнина.

Годичный актъ въ Московскои Духовнои Академіи 1 октября 1881 года.

Систематическій каталогъ книгъ библіотеки Московскои Духовнои Академіи, составленный библіотекаремъ Московск. Духовн. Академіи И. Корсунскимъ. Выпускъ первый.

Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Семитовъ, Хамитовъ и Гафетитовъ для религіознаго развитія этихъ группъ народовъ. Соч. Александра Бѣляева.

Самостоятельность начала органической жизни. В. Д. Кудрявцева-Платонова.

Викторъ Рагозинъ: *Матеріалы къ изученію кустарной промышленности Волжскаго бассейна.* Приложение къ изданію Волеа.

Всеподданнѣйшій отчетъ о дѣйствіяхъ и суммахъ Высочайше утвержденаго Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года.

Русскій Календарь на 1882. Изданіе Баркова.

Отчетъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ округа Московскои судебной палаты за 1880—1881.

Работы и ремесла для дѣтей различныхъ возрастовъ. Футлярное и переплетное ремесла. Составилъ И. Я. Гердь. Изданіе 2е.

Правила движенія по желѣзнымъ дорогамъ открытымъ для общественнаго пользованія.

Ревматизмъ и ломота. Практическое руководство къ излеченію. Составилъ Покровскій.

Календарь на 1882, иллюстрированныйъ подъ редакціей Гатцука.

О мѣрахъ къ сокращенію пьянства. А. Кошелева.

Стрѣлокъ. Сборникъ оперъ, водевилей, шансоетокъ.

А. В. Погожевъ: *Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Верейскаго и Рязскаго уѣздовъ.* Съ 12ю планами фабрикъ и заводовъ. Изданіе Московскаго губернскаго земства.

Горе отъ ума. Комедія московской жизни въ 4хъ дѣйствіяхъ. Соч. Марка Ярона.

Память. Вѣрныя средства возстановлять потерянную, возрождать новую и сохранять хорошую память до самой глубокой старости. Соч. Дг. К. Гартенбаха. Изд. 3е.

Веніаминъ Франклинъ. А. Любимова.

Въ чуждой средѣ. Повѣсть В. П. Гамулецкаго.

Любовь Еврейки Ли. Историческій романъ изъ временъ народоваго польскаго рѣзача въ 1863 году. Переводъ съ нѣмецкаго.

Тайны европейскихъ дворцовъ во второй половинѣ XIX столѣтія.

Коварство и любовь маркизы Паллануани. Историческій романъ изъ второй половины XIX столѣтія. Переводъ съ нѣмецкаго.

Въ Воронежѣ напечатана брошюрка, подъ заглавіемъ: *Н. В. Гоголь*, очеркъ составленный А. Т. Чалковскимъ.

Въ Калугѣ напечатано *Пособіе дѣтямъ къ изученію русскаго языка*, составленное В. Воскресенскимъ.

А. А. Титовъ издалъ въ Ярославлѣ *Вкладныя и кормовыя книги* Ростовскаго Борисоглабскаго монастыря въ XV, XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ.

Въ Казани изданъ *Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній* русской словесности съ логическимъ разборомъ, выводомъ основной мысли и объясненіемъ каждой статьи, съ 200

темъ и плановъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Сборникъ составленъ г. Невзоровымъ.

Адресъ-календарь города Казани и Казанской губерніи.

Первая книга для чтенія, составленная для Татаръ восточной Россіи. Изд. 3е.

Нѣкоторые случаи движенія несжимаемой жидкости. И. Громеки.

Пятидесятилѣтній юбилей Н. И. Пирогова. Рѣчи произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Казанскаго университета и состоящихъ при немъ ученыхъ обществъ 24 мая 1881.

Измѣдованіе органовъ груди и живота. Аускультация. Н. Котовщикова.

—
Въ Харьковѣ издана брошюрка подъ заглавіемъ *Еврейскій вопросъ въ Россіи*, А. М. Калмыковой.

—
Въ Варшавѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:

Русскія минеральныя воды. Очерки П. К. Нефмана.

Kalendarz Gospodairski на rok 1882.

Ordo Divini officii ad usum Dioecensis Kielcensis pro anno Domini 1882.

—
Въ Тифлисѣ напечатано *Собраніе дѣтскихъ разказовъ*, переведенныхъ съ французскаго и англійскаго К. фонъ-деръ Нунне.

—
Въ Самарѣ напечатана *Каталогъ Самарской общественной бібліотеки.*

—
Въ Киевѣ напечатана книга:

Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи. И. Жданова.

—
Въ Каменецъ-Подольскѣ издана книжка подъ заглавіемъ: *Народныя преданія въ Подоліи.* Графъ Мотыка. Сочиненіе Г. Бибирштейна.

**XIII ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1882 ГОДЪ**

НИВА

**НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ,**

**выходящій еженедѣльно, то-есть 52 номера въ годъ (болѣе 2.000
рисунковъ и чертежей. 2.000 столбцовъ текста) съ ежемѣсяч-
нымъ приложеніемъ**

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 500 модныхъ рисунковъ въ годъ, 400 выкроекъ чер-
тежей въ натуральную величину и 300 рисунковъ руководяльных
работъ).

*Подписка принимается въ С.-Петербургъ, въ конторѣ редакціи
по Большой Морской, № д. 9.*

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“ съ правомъ на
полученіе всѣхъ безплатныхъ премій въ теченіе 1882 года:

Безъ дост. въ С.-Пе-

тербургъ 4 р.

Съ доставк. въ С.-Пе-

тербургъ 5 „ 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ

черезъ отд. конт. „Нивы“

у Н. Печковской 5 р.

Съ дост. въ Москвѣ и др.

городахъ и мѣстечкахъ

Имперіи 6 „

„НИВА“ даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно изъ
русской исторіи, разказы, романы, біографіи при портретахъ замѣ-
чательныхъ лицъ, статьи по естествознанію (особенно зоологіи), гигиенѣ
(ученіи о здоровьѣ), географіи, этнографіи, путешествіяхъ, технологіи,
астрономіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, свѣдѣніи изъ
внутренней жизни страны, ежемѣсячное политическое обзорніе,
смѣсь, хозяйственные совѣты, шашечныя, шахматныя и математиче-
скія задачи, загадки и пр.

Для помѣщенія въ „НИВѢ“ въ будущемъ 1882 году мы имѣемъ
кромѣ массы художественно-исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ
капитальныхъ литературныхъ произведеній. Какъ премію на бу-
дущій 1882 годъ мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ
исключенія и когда бы они ни представили свои подписки, кромѣ
большаго стѣннаго календаря 1882 года, очень большую роскошную
олеографію съ новой картины извѣстнаго русскаго художника про-
фессора В. И. ЯКОВЛЯ:

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“.

Картина писана по заказу „НИВЫ“; сюжетъ заимствованъ изъ
извѣстнаго романа *Князь Серебряный*, графа А. К. Толстаго. Ва-
стація копій олеографій будутъ имѣть именно величину оригинала,
то-есть 62 сант. ширины и 82½ сант. высоты — саовомъ большой
форматъ.

Желающихъ подписаться на будущій 1882 годъ „НИВЫ“ просятъ
заблаговременно обращаться въ главную контору редакціи „НИВА“
(помѣщается въ С.-Петербургѣ, Большая Морская улица, домъ № 9).

К. 11.824.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. Марксъ.

ПО НИЛУ

И

НА СУЭЗСКОМЪ КАНАЛѢ *

XIV.

10 февраля.

Ночь я провелъ въ пустынѣ за храмами, далеко отъ спутниковъ. Сначала Кукъ и его клеветы, опасаясь какъ бы я не задержалъ пароходовъ, прибѣгали къ чисто арабскимъ хитростямъ и пытались напугать меня небывалыми страхами. Анджело придумывалъ, между прочимъ, разныхъ хищныхъ звѣрей, видѣнныхъ де имъ въ бытность здѣсь Брэма, на самомъ же дѣлѣ не существующихъ ни въ Старомъ, ни въ Новомъ Свѣтѣ. Но когда я торжественно обѣщалъ вернуться живой или мертвый къ пяти часамъ утра, опасности разсѣялись какъ туманъ, звѣри убѣжали куда-то южнѣе, и я былъ сданъ съ рукъ на руки деревенскому шейху, которому навѣрно вѣнчали въ обязанность, хотя бы силой, привести меня обратно съ разсвѣтомъ.

Нельзя сказать чтобъ я охотился: со мной было ружье, я даже волокъ за собою на длинной веревочкѣ полуоциланнаго цыллѣнка, однако вслѣдствіе темноты въ пяти шагахъ ничего нельзя было различить, и такимъ образомъ охота становилась немислимою.

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* 1881 №№ 9, 10 и 11.

Если кромѣшная тьма не позволяла видѣть что дѣлается кругомъ, то съ другой стороны воображенію открылся люный просторъ; оно могло населять эту безмолвную, душистую ночь какими угодно образами. Вокругъ песчаныхъ полянъ, вмѣсто зарослей низкаго кустарника или бурьяна, я видѣлъ семейства кактусовъ съ причудливыми цвѣтами; отдаленныя возвышенности преобразились въ лѣса баобабовъ, а шагавшій съ боку нѣмой шейхъ огромнаго роста, облеченный съ головы до пятъ въ бурнусъ, казался духомъ земли, ревниво оберегающимъ свои владѣнія отъ человѣка. Порою онъ таялъ какъ призракъ и безслѣдно исчезалъ во мракѣ, — затѣмъ, образовавшись изъ мрака, снова шагалъ подлѣ меня: иногда останавливался и, сдѣлавъ земной поклонъ, долго лежалъ простертый на песокъ... Разсматривалъ ли онъ слѣды гнѣнь или творилъ заклинанія? Отдыхая надъ рѣкой, у самой черты берега, подъ лалчатыми листьями невѣдомаго растенія (мнѣ не хотѣлось узнавать въ немъ касторку), я видѣлъ предъ собою Нилъ, не тотъ по которому лаву вторую недѣлю, а другой, прежній Нилъ, Нилъ моего дѣтства, хрустальный, тихій и широкій какъ стелвные лиманы, заросшій по берегамъ густымъ очеретомъ, обвѣянный крыльями незримыхъ марабу * и пробужденный осторожнымъ плесканіемъ бегемотовъ, пускающихъ круги по водяной глади; отъ этого-то плесканья, отраженія звѣздъ въ водѣ колеблются, извиваясь вѣткою.

Въ раннюю пору жизни, съ именемъ какой-либо незнакомой мѣстности обыкновенно связывается представленіе о ней, — представленіе не соответствующее дѣйствительности; дѣйствительность по большей части бываетъ куда хуже:

Но въ возрастъ поздній и безплодный,

На поворотѣ нашихъ лѣтъ,

когда „хладныя заботы“ и „строгія мечты“ заглушаютъ бесполезную въ нашъ вѣкъ фантазію, мы ограничиваемся тѣмъ что мысленно ставимъ на географической картѣ черную точку въ томъ мѣстѣ гдѣ должны находиться городокъ или деревушка, выдвинутые политическими событіями изъ области полной неизвѣстности; новыхъ картинъ воображеніе не рисуетъ. Но прежнія, давнія представленія о странахъ

* Самая большая порода аистовъ, ростомъ до шести футовъ; водится въ центральной Африкѣ.

столицахъ, горныхъ хребтахъ, моряхъ, рѣкахъ, долго живутъ въ памяти и даже не совсѣмъ изглаживаются въ томъ случаѣ если приведется увидѣть самый оригиналъ. Однако по мѣрѣ того какъ свыкаешься съ оригиналомъ, онъ завлакивается туманомъ, и только въ глухую ночь, когда ни зги не видать, воскресаютъ въ темнотѣ отчетливыя и ясныя, со всѣми своими чарами.

Мѣсяцъ доживающій свою послѣднюю четверть, едва поднявшись надъ горизонтомъ, слабо освѣтилъ лустыню и прогналъ марево. Можно было открыть охоту. Пока мы бездѣла скитались въ окрестностяхъ Кумъ-Омбо, шакалы съ голоднымъ лаемъ, отчасти напомиавшимъ кошачье мяуканіе, брели по нашему слѣду. Чтобы подстеречь ихъ, я спрятался между стоящими торчкомъ конечными камнями храма, еще не остывшими отъ зноя; но лукавыя хищники не появились на песокъ; они засѣли въ развалинахъ деревни и сверкали оттуда глазами: казалось среди забуривъ темныхъ стѣнъ слышываютъ и тотчасъ же гаснутъ ларыя свѣтающія точки. Однако цыпаенка оставленная мною на порогѣ каменной палатки я по выходѣ изъ нея не нашелъ: воры утащили его изъ-подъ самыхъ моихъ ногъ.

Простившись до зари со своимъ таинственнымъ вожакомъ, лица котораго мнѣ такъ-таки и не пришлось увидать, я расположился на верхней палубѣ въ самой покойной качалкѣ и проснулся только къ полудню. Ландшафтъ измѣнился: Нилъ гораздо уже, теченіе его быстрее, вода не такъ мутна; мѣстами изъ нея торчатъ вершины подводныхъ скалъ. Замкнутая непривѣтными каменными берегами, рѣка какъ будто не имѣетъ дальнѣйшаго теченія, какъ будто тутъ же многоводная рождается изъ земли. *

На восточномъ берегу у подножія утесистой горы скучались арабскія строенія; предъ ними двѣ большія акаціи шелестятъ сухими стручьими. Мы въ Ассуанѣ, въ самомъ устьѣ первыхъ пороговъ.

Когда-то людная и славная Тіена, куда былъ сосланъ изъ Рима неисправимый Ювеналъ и продолжалъ писать свои сатиры, обратилась въ обыкновенный арабскій городишко,

* По одному изъ разказовъ, записанныхъ Геродотомъ, Нилъ вытекаетъ изъ бездонной пропасти между Элефантовой и Ассуаномъ и отсюда течетъ въ обѣ стороны, на сѣверъ и на югъ.

прояблание коего поддерживается лишь транзитнымъ движениемъ: произведенія Дарфура, Кордофана и странъ Центральной Африки, пришедшія на парусныхъ судахъ къ верховьямъ пороговъ, перевозятся сухимъ путемъ въ Ассуанъ и здѣсь снова грузятся на суда. Городъ встрѣтилъ насъ по праздничному, выставивъ на пристань живописнѣйшіе образчики своего разноплеменнаго, хотя и не многочисленнаго населенія *—красивыхъ темнокожихъ Нубійцевъ, Нубіанокъ съ волосами залетевшими въ косички въ видѣ тонкихъ замасленныхъ ремешковъ, отвратительныхъ, ни на что не похожихъ дервишей арабскаго происхожденія и главнымъ образомъ Негровъ всѣхъ возрастовъ и оттѣнковъ—черныхъ, шоколатныхъ и оливковыхъ, бритыхъ, курчавыхъ и съ волосами по плечи, одѣтыхъ, полуодѣтыхъ и совсѣмъ голыхъ съ одною кожаной бахромой кругомъ пояса, вооруженныхъ кольями, стрѣлами, луками, съ кольцами въ ушахъ, въ носу и на большихъ пальцахъ ногъ... Это не простые любопытные собравшіеся поглазѣть на иностранцевъ, а торговые люди: всякій принесъ свой товаръ, ижьющій, правда, мало сходства съ предметами продажи въ другихъ городахъ Египта. Въ Ассуанѣ рѣдко услышишь египетское: „real, antic!“ Другія обаятельныя для истиннаго путешественника слова носятъ въ воздухѣ: „Cataracta, Soudan, Nubia...“ Поддѣльные офинкошки, статуэтки и жучки представляютъ исключеніе, а старинныхъ монетъ вовсе не видать; вмѣсто того, продаются страусовыя перья, страусовыя яйца вылуценныя и дѣльныя, рога антилопы и газелей, шкуры, щиты, дротуки. Маленькая дѣвочка съ ушами нетопыря, въ лохмотьяхъ, плохо укрывающихъ ея товенькіе какъ лалки члены, вся увѣшенная украшениями и амулетами, предлагаетъ намъ соломенную шляпу китайскаго фасона. Кольеносецъ свирѣлой наружности, съ виду воинъ Заггебара или Момомоталы, навязываетъ нубійскій вѣтеръ въ родѣ тѣхъ бумажныхъ флаговъ что въ Москвѣ красуются подъ Рождество на елкѣ: къ четырехъугольной дѣльной цѣновочкѣ пришита съ краю ручка тщательно увернутая въ доскутокъ грязнаго ситца. Облѣзлый старикъ продаетъ кисть свѣтлокоричневыхъ плодовъ, сморщенныхъ какъ онъ самъ. Плодъ въ дѣтскій кулакъ внѣшностью напоминаетъ кокосовый орѣхъ, но ни зерна, ни молока въ немъ нѣтъ. Волокнистая оболочка, до такой степени твердая что

* Всего 4.000 жителей.

ее не разобьешь никакимъ молоткомъ, содержитъ еще болѣе твердое ядро, служащее, какъ утверждаютъ, матеріаломъ для издѣлій изъ „слоновой кости“.

Кромѣ товара въ тѣсномъ значеніи слова, можно также покушать и другія вещи, напимѣръ наряды и уборы „съ плеча“. Все что видишь продается: отъшло вынимаютъ серьги изъ ушей, кольца изъ носа, стрѣлы изъ вазавокъ: снимаютъ съ женщинъ головныя покрывала, кожаныя ладони-талис-маны, бусы и раковины, снизанныя въ ожерелья; снимаютъ съ мужчинъ самодѣльныя сумки-кошельки и пояса, оснащенные ремешками (тоже въ раковинахъ и бусахъ). Быть-можетъ, съ извѣстною ловкостью и кого-нибудь изъ торговцевъ можно сторговать у его одноклассниковъ; но крайней мѣрѣ буфетчикъ зорко оглядываетъ сбродъ асуанскихъ представителей, точно выбирая новаго Негра для madame Angelo.

Впрочемъ, привести какую-либо сдѣлку къ успешному окончанію не такъ легко какъ кажется: одинъ видъ покупателя вооруженнаго кнутомъ, хлыстомъ или тростью, наводитъ такой ужасъ на купца что всякое *сблизженіе* становится невозможнымъ. Особенно трусливы дѣти. Фанъ-день-Бошъ купившій недавно чудный курбачъ (кнутъ), вырванный цѣликомъ изъ кожи носорога, никакъ не могъ подманить ближе чѣмъ на десять шаговъ ушастую дѣвочку съ китайскою шаялой; и на это разстояніе подходила она медленно, дрожа всѣмъ тѣломъ какъ плохо прирученная мартышка. На предѣльной чертѣ она замирала вливаясь въ Бельгійца взглядомъ, будто дѣлала надъ нимъ стойку. При малѣйшемъ движеніи Фанъ-день-Боша, ее отбрасывало назадъ; только когда онъ догадался положить курбачъ на землю,—состоялась торговая операція, и то не прямо, а косвенно,—черезъ обязательное посредство замгебарскаго воина. Безоружнаго туриста постигаетъ другое горе: его, наоборотъ, никто не боится и предложеніе настолько превышаетъ запросъ что коммерческія дѣла опять-таки приостанавливаются. Какъ только я ступилъ на берегъ, меня со всѣхъ сторонъ окружили и притиснули. Я слабо защищался, съ предосторожностью потрясая въ воздухѣ кулакомъ. Цена напоминала мои пререканія на *Константиль* съ александрійскими лодочниками; но здѣсь вмѣсто человѣческихъ лицъ надвигались какія-то рыла, и я задышался отъ запаха кастороваго масла и верблюжьаго сала*.

* Туземцы для чего-то имъ смазываются.

Избавилъ меня Мехмедъ. Онъ долго стерегъ толпу, притаившись между креселъ и качалокъ, и вдругъ однимъ львинымъ скачкомъ передетѣлъ съ верхней палубы подъ свѣтъ акацій. Внезапное появленіе его произвело неизобразимую сумятицу: въ клубахъ поднятой пыли замелькали икры и лятки, дробью зачастилъ толотъ босыхъ ногъ, и чрезъ мгновеніе кошмары исчезли; на пристави остался одинъ Мехмедъ, позеленѣлый, со сверкающими глазами и зубами, съ бичомъ въ каждой рукѣ.

Въ крытомъ базарѣ, тотчасъ за входными городскими воротами, кромѣ того что мы уже видѣли, продаются дешевыя матеріи, нужнѣйшіе предметы домашняго обихода, ненадѣванная принадлежноти нубійскаго наряда, мужскаго и дамскаго, хорошенькія, крѣпкія корзинки съ крышками, плетенныя изъ жгутовъ разноцвѣтной соломы, желѣзные наковечники для стрѣлъ и копій и т. п. Здѣсь какъ-то безопаснѣе, кукиморы мерещатся рѣже, преимущественно попадаются обыкновенныя Арабы. Оживленіе впрочемъ большое. Впереди туристовъ, кривляясь и кувыркаясь, двигаются асуанскіе замухрышки; нѣкоторые услаждаютъ нашъ слухъ игрой на самодѣльныхъ тростниковыхъ дудкахъ, за что получаютъ бакшишъ изюмными и винными ягодами; самую дудку можно добыть за одну винную ягоду или за пять изюмины. Взрослые туземцы гремятъ серебряными деньгами, предлагая размѣнять sovereignъ или долларъ: „кассура, эль хавѣгія, кассура!“ * слышится со всѣхъ концовъ. Согласиться на такое предложеніе значитъ оказать Арабу услугу, за которую онъ вѣжливо поблагодаритъ васъ и даже не потребуетъ бакшиша. Во всемъ Среднемъ и Верхнемъ Египтѣ, отъ пирамидъ Гизы до пороговъ, феллахи усердно собираютъ золото, вѣроятно для того чтобы удобнѣе припрятать свои капиталы отъ сборщиковъ податей. Долларъ (на мѣстномъ нарѣчій всякая серебряная монета латифранковаго достоинства) самъ по себѣ не представляетъ преимуществъ, но здѣшніе аферисты, размѣнивая его, сбываютъ другія, менѣе крупыя иностранныя монеты, — полтинники, шиллинги, франки, четвертаки, кои выше Луксора въ лавкахъ не принимаются. Какъ ходячія монеты, за долларомъ непосредственно слѣдуютъ лиастры и полулиастры.

* Кассура вѣроятно значитъ мелочь; эль хавѣгія — господицъ.

При размиѣ не замѣчается пополозновеній къ обману. Если не доплатить вамъ нѣсколькихъ франковъ, импровизованный мѣшала, уважаемый товарищемъ, скроется, спора во все горло и размахивая руками, это ничего не значитъ: онъ въ послѣдствіи разыщетъ васъ и отдастъ долгъ сполна. При сдачѣ покупщикъ тоже не обчитывается. Вообще, несмотря на всю назойливую алчность мѣстныхъ обывателей, въ нихъ сказывается нѣкоторое уваженіе къ чужому карману. Среди базарной суеты мнѣ случилось рассыпать цѣлую горсть мелочи; я уже мысленно распростился съ нею, но кувыркающаяся молодежь почтительно разступилась, и пождой мушкетеръ принялся подбирать монетки, кладя ихъ одна за другою на мою ладонь: всѣ оказались налицо.

Однако честные (сравнительно) граждане Ассуана, въ особености ихъ дѣти, не мѣряютъ другихъ на свой аршинъ и на каждомъ шагѣ подозрѣваютъ иностранцевъ въ надувательствѣ. Получая пиастръ за проданную вещь, они долго разсматриваютъ его, обнюхиваютъ, пробуютъ на зубъ и вдругъ рѣшительно возвращаютъ назадъ.

— „Кайро!“ кричатъ они:—кайро! кайро!

Этого кабакистическаго слова я сначала никакъ не могъ понять.

— Bad, no good! * толковалъ Ахметъ Сафи, но болѣе точнаго объясненія дать не сумѣлъ.

Я было думалъ что пиастръ *кайро* когда въ немъ просверлено ушко или есть какой-либо изъянъ, однако и совсѣмъ новыя ветронутыя монеты встрѣчали неблагоклонный подозрительный пріемъ и по тщательномъ разсмотрѣніи и обнюхиваніи оказывались „кайро“. Слѣдующій случай навелъ меня на иную мысль. Мальчишка, крикливый, живой, точно налитой ртутью, продавъ мнѣ сулею изъ цѣльной тыквы, взглянулъ на полученныя деньги и не задумываясь отдалъ ихъ обратно, затѣмъ дрыгая руками и ногами, подскакивая и перекидываясь, сталъ кричать на весь базаръ: „кайро, кайро, кайро!...“ Порывшись въ портмоне, я вынулъ ту же самую монету, и къ моему изумленію только-что отвергнутый пиастръ былъ признанъ годнымъ, получилъ поцѣлуй и спрятался во рту веселой египтянки. Изъ этого я заключилъ что *кайро* значитъ „фальшивыя деньги“ и что насъ принимаютъ за

* Не хорошій, дурной.

монетчиковъ не настолькоъ впрочемъ безстыдныя чтобы по всенародномъ участіи не внять голосу собора.

А мы, видите Богъ, не дали повода къ недоверію. Сами мы съ такимъ упованіемъ шли на дудки и свирѣи, такъ охотно поддавались на заманчивыя „Catacacta, Soudan, Nubia“, что лучшаго не оставалось желать. И какъ дикари времешъ Кодумба уступали свое золото за лобракушки, такъ въ настоящее время мы платили дикарямъ большія деньги за ненужныя или ни къ чему непригодныя вещи. Туристы накупили страусовыхъ ащъ, опалахъ изъ цѣнновки, всякихъ доясовъ, амулетовъ... Я возвратился съ лучкомъ страусовыхъ перьевъ, и сознаюсь что можно бы купить ихъ дешевле въ Парижѣ. Tristan de Seville приобрѣлъ лукъ съ „ядовитыми“ стрѣлами: лукъ былъ сдѣланъ изъ вегнущейся расщелившейся на концахъ палки, которая отбывъ свой срокъ у ослатника, нарядилась въ обрѣзки зеленого сафьяна; тетивой служила сахарная веревочка, а стрѣлы явились изъ колчана безъ наконечниковъ. Мистеръ Поммерой, принявъ серьезный видъ, водилъ къ себѣ всѣхъ по очереди чтобы показывать „costumes complets“ Нубійца и Нубіянки: то были колѣе и пара сережекъ. Кто-то изъ безличныхъ путешественниковъ купилъ цѣлую связку колець для носа. Одинъ Ахметъ, сынъ консула, не потратилъ даромъ ни денегъ, ни времени; онъ ничѣмъ не хвалился, но я видѣлъ какъ практичный молодой человѣкъ промешъ въ свою каюту великолѣпный слововый клыкъ.

Въ Ассуанѣ есть и произведенія искусства, серебряныя вещи изящной и своеобразной работы. Съ ними явился на пароходъ степенный Колгъ, чистый, весь въ черномъ, принесшій въ складкахъ одежды залахъ ладона и розоваго масла. Неторопливо развертывалъ онъ своими смуглыми руками съ красивыми длинными пальцами кѣтчатыя платки, заключающіе всякія драгоценности, и предъ восхищенною Miss Emily чередою проходили массивныя браслеты, кольца и другія женскія украшенія. Все это сдѣлаю изъ нашихъ и иностраныхъ денегъ.

Берегъ насупротивъ города не материкъ, а довольно обширный островъ, охваченный рукавами рѣки. Арабы зовутъ его Дезиреть-эль-Захеръ, * „Островъ Цвѣтовъ“, поэтическое имя, ничѣмъ не оправдываемое. Въ сѣверной части, на

* Также Дезиреть-Ассуанъ.

каменностей и пыльной почвѣ, растутъ одніе пальмы; южная, гдѣ находилась Элефантина, завалена грудями мусора и обломковъ, и видѣнъ вѣтъ ни малѣйшаго цвѣтка. Отъ Элефантины не осталось интересныхъ слѣдовъ. Послѣдніе ея памятники, Нилониръ и описанныя французскою экспедиціей храмы Амунофа III и Тутмеса III, разрушены въ 1822 году асуанскимъ губернаторомъ для постройки ковѣка. * Исторіа или по крайней мѣрѣ путеводители не сохранили имени этого египетскаго Вандала.

На островѣ, гдѣ находятся двѣ деревушки, заселенныя исключительно Нубійцами, женщины и дѣвочки ждали насъ съ соломенными подносами, полными всякихъ рѣдкостей, а мальчишки, собравшись въ кучу на берегу, покачиваясь и выбивая тактъ въ ладоши, пѣли односложную лѣснь, въ которой только и слышалось что завитное словцо, девизъ всего Востока. Выходило что-то въ родѣ:

Элла, элла, эль бакшишъ,

Элла, элла, эль бакшишъ.

При каждомъ брошенномъ піастрѣ налѣвъ обрывался, десятку рукъ взметывались вверхъ, слышались сдавленная брань, крики, топотъ, и затѣмъ снова безконечная нищенская злолея терзала ухо и тавула за душу.

Вечеромъ Кукъ по обыкновенію оповѣстилъ насъ о томъ что происходитъ завтра: „Get up at six, breakfast at half past seven, start to Philae at seven; donkeys and camels will be provided.“ ** Изъ Фиаэ желающіе въ случаѣ благопріятной погоды могутъ „shoot the cataracts“, т.-е. спуститься чрезъ пороги въ дагабіи.

Итакъ, намъ предстоитъ новыя впечатлѣнія—взда на верблюдахъ и быть-можетъ the shooting of the cataracts. Это shooting входитъ въ кругъ самыхъ необходимыхъ для туриста продѣлокъ и считается весьма опаснымъ, хотя нечастій ни съ кѣмъ не случалось. Разумѣется, подобнаго рода опасность служить только лишнею приманкой, и всѣ пассажиры безъ исключенія приняли участіе въ складчинѣ для найма дагабіи. (Фирма не беретъ на себя этого расхода.)

* Губернаторскій домъ.

** Вставать въ шесть, завтракъ въ половинѣ седьмого, отъѣздъ въ Фиаэ въ семь; ослы и верблюды будутъ заготовлены.

Но въ данную минуту обсуждается другой вопросъ: мы опять не хотимъ вставать такъ рано и, волнуясь, требуемъ часовой отсрочки. Кукъ упорствуетъ; онъ понимаетъ что власть его сильно пошатнулась, что для поддержанія ея непременно слѣдуетъ привести въ повиновеніе взбунтовавшійся экипажъ, и есабмъ не мистеръ Поммерой, мы пожалуй встали бы въ 6 часовъ.

„Ladies and gentlemen“, сказалъ толпачъ, подражая голосу нашего оппонента; всѣ стояли, предугадывая шутку: „Ladies and gentlemen, to morrow the get up at 2 after midnight, breakfast at 2 and half, start for the ruins of Thomascooksonia Maxima at 3 hours; torches for the road will be provided; dromedarios and jiraffs have already been telegraphed from Tombooktoo. At quarter past 3 morning, the ropes of the Thomas Cook's and son's Nile crocodile will be removed. If any further informations!“... *

Опасаясь дальнѣйшихъ насмѣшекъ, знаменитый мореплаватель послѣдилъ согласиться.

XV.

11 февраля.

День мой начался маленькою неприятностью: ненавидимый Анджело не распорядился чтобы меня разбудили вовремя и, несмотря на выторгованный у Кука часъ, я постыдно проспалъ верблюдовъ, ихъ разобрали на расхватъ. Пароходы и пристань были пусты; только Ахметъ Сафи, не улавлившійся съ посудой, наскоро перетиралъ послѣднія тарелки, и въ тѣни акацій лохуро дремали два осла безъ уздечекъ и стремянъ. Кончивъ работу, Ахметъ предложилъ мнѣ тронуться въ путь.

Съ туземнымъ способомъ верховой ѣзды осваиваешься быстро; теперь мнѣ не трудно скакать на расфланномъ

* Милостивыя государыни и государи, завтра вставанье въ два часа пополуночи; завтракъ въ два съ половиною, отъѣздъ къ развалинамъ Thomascooksoniae Maximae въ 3 часа; факелы для поѣздки будутъ приготовлены, дромадеры и жирафы уже затребованы до телеграфу изъ Томбукуту. Въ четверть четвертаго утра нильскій крокодилъ принадлежачій Томасу Куку и Сыну будетъ приведенъ въ движеніе посредствомъ веревокъ. Если какія-нибудь дополнителныя свѣдѣнія...

и невзвуданномъ ослѣ; я даже умѣю урывать имъ, тѣкая въ шею щелкой, отпаваю у логонщика, который, хряпая, давась устрицами, бѣжитъ сзади съ пустыми руками и пускаетъ въ ходъ свои пальцы.

Двѣ-три улицы, нѣсколько сводовъ, нѣсколько воротъ (они преграждаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ улицы), и мы за городомъ въ утрѣ знойнаго нубійскаго дня. Хотя все сурово и мертво кругомъ, но весеннее небо свѣтится такою лазурью, въ воздухѣ чуются такіа животворныя струи, что кажется къ полудню лесокъ долженъ стоять подобно случайному лѣтнему свѣгу, а гравитная почва покрыться цвѣтами и зеленью. Дорога идетъ долиной; изъ тонкаго сѣраго песку, то тамъ, то здѣсь вырастаетъ каменная глыба или могильная часовенка съ кувическою надписью. Долина служила когда-то русломъ Нилу, и на куполообразныхъ сглаженныхъ водою скалистыхъ берегахъ ея встрѣчаются іероглифныя обращенія къ богу Нумъ Ра, покровителю пороговъ. Нынешніе пороги остаются справа, незримые за возвышенностями. Слѣва видны каменоломни, откуда особымъ способомъ добывался *огнитъ*: * въ дыры просверленныя въ скалѣ плотно заговялись палки, которыя смачивались, вслѣдствіе чего разбухли и ломали камень. Тутъ есть статный обелискъ, частью уже отдѣланный и разубранный іероглифами, но не вынутый изъ утеса.

Общество впереди насъ, версты за три; его едва можно различить. Дорога устлана лѣшходами, преимущественно женщинами съ корзинами на головахъ. Жители ближнихъ деревень ежедневно ходятъ на базаръ въ Ассуанъ продавать сырыя произведенія. Разобщенные съ нашими спутниками, одинокіе въ пестрой вереницѣ туземцевъ, мы вступаемъ съ Ахметомъ Сафи въ дружескій разговоръ. Онъ предлагаетъ мнѣ лошадку въ Хартумъ: пусть я скажу одно слово, *only one word*, и онъ, заллативъ 5 фунтовъ стерлинговъ неустойки, немедленно распространится съ *Saudie*, гдѣ имъ помыкаеть *signor Angelo*; въ Филэ мы найдемъ дагабію до Вади Хальфы, потомъ въ другой дагабіи доберемъ до третьихъ пороговъ, потомъ изъ Ханека отправимся въ Донголу, изъ Донголы въ Меравъ, въ Моравъ, немного ниже четвертыхъ пороговъ,

* Родъ гранита; главныя составныя его части—полевои шпаты и кварцы.

покинемъ на время Нилъ и въ перерѣзъ на верблюдахъ двинемся чрезъ Баюдскую пустыню... Собственно дальше Донгола ѣхать не захвѣмъ; въ Донгола можно все увидѣть, тамъ есть много фруктовъ, много пальмъ, много крокодиловъ и гиппопотамовъ... Какъ тамъ хорошо, какъ тепло зимой! И какіе тамъ славные люди живутъ!

— Это моя родина, прибавилъ онъ, обративъ ко мнѣ свое доброе, сіявшее гордостью лицо;—потому я и честный человекъ что оттуда родомъ; но вы меня не знаете... Дайте срокъ я прочитаю вамъ полученные мною аттестаты; они у меня спрятаны въ Каирѣ: съ собою не вожу, еще, чего добраго, потеряешь. Вотъ когда соберуся къ своимъ, непременно возьму показать.

Тутъ старый Нубіецъ казалось забылъ о моемъ существованіи. Преобразившееся лицо его улыбалось какому-то прекрасному видѣнію. Видѣнію этому онъ молился всею душой, всѣми помыслами, и дѣлалъ ему признанія въ ровной слокотной, беззаветной любви. „O Dongola Dongola!“ тихо шелтали его губы.

— А ваша родина гдѣ? спросилъ онъ, очнувшись, и подождалъ вислоухихъ лѣвтяевъ, которые, заслушавшись своихъ сѣдоковъ, давно сблизь на самую меакую рысь.

— Въ Россіи, отвѣчалъ я.

Ахметъ пристально поглядѣлъ на меня.

— Вы навѣрно не Англичанинъ?

— Навѣрно.

— Ну, такъ я сердечно радъ что вы Русскіи! Russia—great country, great people, great king... * Подарите мнѣ вашу визитную карточку; благодарю васъ, my good master. Послѣ своей родины я больше всѣхъ странъ люблю вашу родину и многое хотѣлъ бы о ней узнать; къ несчастію, до нынѣшняго дня я никогда не видалъ настоящаго Русскаго кромѣ г. Л., ** да и его встрѣчалъ я только на улицѣ и конечно не смѣлъ подойти къ нему съ разпросами. Не откажите же поучить меня уму-разуму. Правда ли что Россія больше Англіи, больше Америки и больше Бельгіи? Правда ли что она гладкая какъ поле и что тамъ нѣтъ съ обѣихъ сторонъ горъ и пустынь какъ въ Египтѣ? Гдѣ же въ такомъ случаѣ ваши могилы и храмы? Справедливо ли что въ эту пору года ваша

* Россія—великая страна, великій народъ, великій царь.

** Нашъ дипломатическій агентъ въ Египтѣ.

рѣка, the Russian Nile; отъ истока дѣлается твердоемъ какъ стекло, а вѣтено дождя съ неба падаетъ ишей и покрываетъ всю Русскую землю бѣлымъ бурнукомъ?

Мы настаиваемъ между тѣмъ хвостъ каравана; опередилъ щеголя въ цвѣтномъ галстукѣ, въ полосатой жакеткѣ, въ штанахъ раструбомъ; остановившимся лоперекъ дороги и сдвинувъ на затылокъ цилиндръ, кто-то важно закуривалъ полуаршинную сигару. Свѣже выбритыя губы и подбородокъ съ отливомъ слѣдлого чернослица, пышные баки какъ два воронова крыла, брови въ родѣ усовъ—все было очень знакомо. Я припоминалъ, припоминалъ... и вдругъ, нарядивъ мысленно франтъ въ бѣлый колпакъ, фартукъ и куртку, узналъ въ немъ нашего повара-Француза, „qui a voulu faire un petit tour avec la société“.

— La fumée de mon havana ne vous dérange pas? осведомился онъ когда мы, поравнялись.

Нечего и говорить что „havana“ лахала капустой, однако нисколько меня не безпокоила.

Далѣе встрѣтили покинутую всѣми миссъ Монро; сѣдло ея свернулось на сторону, и она не могла продолжать путь.

— Чего вы стали? говорила она охвачась;—учитесь вѣжливости у Британцевъ, берите примѣръ съ того любезнаго gentleman что ведетъ въ поводу своего верблюда. Я умоляла его помочь мнѣ. Въ отвѣтъ онъ предложилъ помѣняться животными: „Тогда, говорить, я поправлю сѣдло... впрочемъ что дамское—усижу“. Я конечно отказалась, и мистеръ Джонсонъ ушелъ, не оглядываясь. А мальчишка его никакъ не сладить съ подругами, не ототегиваетъ пражекъ.

Обогнали и мистера Джонсона, успѣвшаго отойти довольно далеко пока мы выручали изъ бѣды молодую дѣвушку.

— И вы не хотите мѣняться? спросилъ онъ;—напрасно! Можетъ вы боитесь что такъ высоко лѣзть? Но вѣдь онъ станетъ на колѣни; и къ тому же если угодно я вамъ пособлю. Прекроткое, преспокойное животное!

Какъ мнѣ ни хотѣлось согласиться, негодование взяло верхъ, я проскакалъ мимо, и такимъ образомъ чтобъ отомстить за миссъ Монро наказалъ самого себя.

Тотчасъ за порогами, на восточномъ берегу, находится пристань * для перегрузки товаровъ минующихъ катаракты.

* На картахъ она именуется Эль-Бербе, но у мѣстныхъ жителей я не могъ добиться какъ ее зовутъ.

Здѣсь, вокругъ сикоморы, отдыхая отъ работъ по транзиту, естелись и горлавили Берберы * со всевозможными диковинками. По рукамъ ходили оловянные кольца съ кремнями вмѣсто самоцвѣтныхъ камней, чучело двухдѣльной газели, похожее на дѣтскую лошадку, живая газель, ровесница, а можетъ-быть и сестра чучелы, голова селедки съ широко открытымъ ртомъ, бережно высушенная и выдаваемая за голову „young crocodile“, три набитые соломой настоящія крокодила тоже съ разинутою пастью и пр. (въ крокодилахъ болѣе сажени; просятъ по 25 франковъ за штуку). Мальчишки продаютъ довольно хорошенкые агаты, отшлифованные рѣкой, и свои незатѣливыя игрушки—дагабѣи—особымъ образомъ расщепленныя и оперенныя тростянки бѣгущія при вѣтрѣ по землѣ. Ивы свимаютъ съ себя для продажи ожерелья и ладонки; но многимъ и свять было нечего; эти-то и кричатъ больше всѣхъ.

Теперь я неоспоримо въ Нубіи, какъ по древнимъ, такъ и по новѣйшимъ географіямъ. Мѣстность представляетъ что-то совсѣмъ особенное, египетскаго нѣтъ ничего. Нила—не рѣка, а озеро безъ предшествующаго и послѣдующаго теченія, стиснутое кольцомъ темныхъ скалъ и валуновъ, не широкое, глухое озеро, изъ середины котораго горбомъ подымается каменный островъ увѣчаный развалинами храмовъ; вода съ зеленоватымъ оттѣнкомъ гладка какъ зеркало и сравнительно прозрачна.

Не знаю есть ли устья легенды о Филахъ, но при взглядѣ на островъ исторія его, несложная и ясная, сама собою бросается въ глаза: отстраняясь отъ докучливыхъ людей боги ушли въ пустыню, на край Египта, разгребли тамъ скалы, образовали прудъ, нагромодили посреди его гору и на ней создали себѣ палаты для вѣчнаго сна и покоя. Вѣчный сонъ оспивилъ боговъ именно въ Филахъ. Греческая надпись на одномъ изъ храмовъ показываетъ что спустя семьдесятъ четыре года послѣ знаменитаго эдикта Θεодосіа ** здѣсь собиравлось *последнее* вѣче жрецовъ Изиды.

Но люди поселившіеся какъ на островѣ, такъ и по берегамъ Нила давнымъ давно нарушили миръ священнаго

* Нубійцы; единственное *берберы*, множественное *барабра*, отсюда слово „варваръ“.

** Въ 453 году по Р. Х.

затихая, и только замороженный вѣтеръ домыль не съестъ рабѣть поверхности воды.

Дарабія, не дѣтская игрушка и не роскошная египетская яхта, а какая-то грязная, грубая, неповоротливая разшива, перевозить насъ черезъ рукавъ отдѣляющій Филы отъ восточнаго материка. Она набита биткомъ: кромѣ туристовъ, сюда забралась и вся прибрежная деревушка; приходится стоять какъ на паромѣ. По бортамъ вмѣсто весель медленно топятъ и вывыраютъ пластины и расколотыя бревна, причемъ гребцы юютъ особую *нубійскую* „дубинушку“, отличную отъ арабской. Радушные поселане продолжаютъ орать, торгуясь и предлагая товаръ, орутъ мальчишки, прося бакшишъ, оремъ и мы, и все-таки въ общемъ гамѣ не можемъ слышать другъ друга; кажется орутъ и крокодилы подъ мышками своихъ продавцовъ, надуваясь, кружась и все шире развѣвая пасть безъ того уже хватающую имъ за уши.

А баржа не подвигается, только глубже садится въ Ниль, словно попавшее не въ свою стихію жалкое, грузное чудовище, которое мѣшкотно барахтается неуловимыми лалами и утопаетъ, оглашая утесы ржаніемъ и гоготомъ. Въ водѣ, на цѣльныхъ и расщепленныхъ чурбанахъ, большими лягушками плаваютъ люди: одни грѣются на солнцѣ сверкая мокрою глянцовитою кожей, другіе кружатъ около безпомощнаго дива. Длинныя бревна умищаютъ по два человѣка; подбородокъ задняго лежитъ на спинѣ передняго; выходитъ безобразное сплетеніе рукъ и ногъ, но лягушечье подобіе не утрачивается. Такимъ первобытнымъ способомъ часть туземной лубаки перебирается въ Филы.

Ни душегубокъ, ни лодокъ здѣсь нѣтъ; Нубіецъ, котораго призракъ важны или всецѣльная любовь манятъ на другой берегъ, раздѣвается, если есть что скинуть, обматываетъ латемъ голову и переѣзжаетъ на бревнѣ. Подобнаго рода лавательными снарядами наши гребцы замѣнили весла, съ тою вѣроятнo цѣлью чтобы въ случаѣ крушенія благополучно ульнуть отъ неловкихъ иностранцевъ.

Однако мы не лотовули, и въ концѣ концовъ невредимые пристали къ каменной лѣствицѣ съ римскою аркой въ вышивѣ, чуть не единственному доступу на островъ. Оцѣпляющая его со всѣхъ сторонъ набережная съ убылью воды превратилась въ непреступную стѣну. Островъ, посвященный супругѣ Озириса, въ древности назывался *Илакъ* или съ

челомъ Пилакъ „мѣсто гравиды“ (Philaë). Онъ не великъ, всего 1.200 футовъ длины при 400 ширины, и для карнакского храма на немъ врядъ ли хватало бы мѣста. Камень, пыль, заустѣннѣе, костицы храмовъ, все наводитъ на унылыя мысли, и только яркіе цвѣта рисунковъ на памятникахъ, да прихотливость зодчества, вовсе исключившаго изъ плановъ прямыя углы, немного развлекаютъ воображеніе. Храмы, если не принимать въ расчетъ ихъ угловъ, мало отличаются отъ прочихъ египетскихъ храмовъ: на фронтонахъ лѣзятъ тотъ же окрыленный дискъ соавца, тѣ же маски богини Аторъ смотрятъ внизъ съ капителей колоннъ, по стѣнамъ такіе же Птоломеи и римскіе императоры * потрясаютъ боевымъ топоромъ надъ *азанкама* враговъ, вокармливаются грудью Изиды или съ чванною осанкой привѣтствуютъ чванныхъ боговъ.

Въ воротахъ главнаго храма, на стѣнкѣ праваго пропаса на вырѣзаны слѣдующія слова: „L'an six de la République, le 13 Messidor une armée française commandée par Bonaparte, est descendue à Alexandrie. L'armée ayant mis vingt jours, après les mamelouks en fuite, aux Pyramides, Desaix commandant la première division les a poursuivis au delà des cataractes où il est arrivé le 13 Ventose de l'an 7. Les Généraux de brigade, Daoust, Briant et Belliard, Donbellot, chef de l'état major, la Tournerie, commandant l'artillerie, Eppler chef de la 2-ème légère. Le 13 Ventose l'an 7 de la République, le 3 Mars an de J. C. 1799. Gravé par Castex sculpteur.“ **

По бокамъ этой надписи, заключенной въ четверугольникъ, замѣтны на камнѣ короткіе горизонтальныя желобки—

* Встрѣчаются изображенія и имена Августа, Тиберія, Клавдія, Домиціана, Нервы, Траяна, Луція, Вера, Автонина, Себаста и другихъ.

** Въ шестой годъ Республики, 13 мессидора, французская армія подъ предводительствомъ Бонапарта высадилась въ Александрію. Послѣ того какъ армія въ двадцать дней дошла до пирамидъ, двигаясь за бѣгущими мамелюками, Дессэ, командующій первою дивизіей, преслѣдовалъ ихъ (до сего мѣста) за порогами, куда онъ прибылъ 13 Вентоза седьмого года. Бригадные генералы Дау, Бриакъ и Бѣлаиаръ, Донбелло, начальникъ главнаго штаба, Латурьеръ командующій артиллеріей, Эпплеръ, начальникъ второй легко-кавалерійской дивизіи. 13го Вентоза 7го года Республики, 3 марта 1799 года отъ Р. X. Гравировано скульпторомъ Кастексомъ.

свѣды другихъ соскобленныхъ словъ, безъ сомнѣнія подлисей туристовъ, пожелавшихъ увѣковѣчить свои имена, а надъ четвероугольникомъ крупными буквами отпечатано: „une page d'histoire ne doit pas être salie“ *.

— Parbleu! certainement non! говорилъ ловарь, еще не докурившій своей гаванской сигары:—il y a par ici Bonaparte, et République, ça doit être respecté. **

Между тѣмъ имена путешественниковъ, изгнанныя съ одной стороны прохода, появились среди древнихъ изображеній противоположной стороны. Да и самая похвальба Французской республики святотатно легла на 20тивѣковомъ рисункѣ: подъ фамиліями Наполеоновскихъ генераловъ сбита и сглажена цѣлая пелена барельефовъ и іероглифовъ, и такимъ образомъ страница другой исторіи, если не болѣе обаятельной, то во всякомъ случаѣ менѣе извѣстной чѣмъ походъ Наполеона въ Египеть, исчезла на вѣки никѣмъ не прочтенная.

Въ покояхъ храма еще двѣ большія надписи: одна отъ имени французской экспедиціи объ островѣ Филэ, другую, весьма темнаго значенія, кѣкто Antonio Calvi свидѣтельствуеъ о spedizione Romana времяъ папы Григорія XVI.

Съ террасы начальныхъ пропилоновъ, куда ведетъ такая же лѣстница какъ въ Эдфу, видны à vol d'oiseau съ одной стороны внутренніе дворы храма, съ другой пересѣкающіяся черты улицъ разрушеннаго селенія; ко храму премыкають другіе храмы; неподалеку стоитъ „кіоскъ Траяна“, бесѣдка изъ однѣхъ колоннъ, легкая, какъ сооруженія аѳинскаго Акрополя ***. За рукавами Нила, обнявшими островъ, высятся темные гранитные утесы; кое-гдѣ между ними зеленѣетъ финиковый кустарникъ или грезятъ четы стройныхъ пальмъ. Западный берегъ не сплошной: онъ прорѣзанъ невидимымъ отсюда рукавомъ, отмежевывающимъ островъ Бигэ ****; окончность послѣдняго въ половодіе образуетъ еще другой самостоятельный островъ, Коноссо. На сѣверѣ, сузившись

* Страницу исторіи не должно марать.

** Чортъ возьми! конечно не должно; здѣсь стоитъ „Бонапартъ“ и „Республика“, это слѣдуетъ почитать.

*** Лишь въ нижней своей части колонны соединены стѣнками.

**** Одинъ изъ двухъ острововъ, Филэ или Бигэ, при Геродотѣ назывался Тахомпсо.

рѣка со слабымъ ропотомъ, пролаждаетъ у подножія скалъ, среди крульныхъ валуновъ. Сейчасъ въ той сторонѣ скрылась, точно въ скалы ушла, изящная дагабія подъ американскимъ флагомъ. Выше Филъ, Нилъ заворачиваетъ на юго-западъ, и тамъ гдѣ онъ исчезаетъ отгадываешь прежніе широкіе плёсы и прежній просторъ. На восточномъ берегу, подъ живымъ наметомъ изъ лальныхъ вершинъ, дымится пароходъ; возлѣ него на зеленой полоскѣ берега для туристовъ, только-что возвратившихся со вторыхъ пороговъ, раскинуто нѣсколько бѣлыхъ палатокъ. Завтра пароходъ идетъ въ Вади-Хальфу. Это послѣдній рейсъ въ нынѣшнюю зиму.

Террасы пропилоновъ обнесены паралетомъ толщиной въ сажень, и чтобы что-нибудь видѣть, надо взобраться на него, лечь изъ предосторожности плашмя и выставить за край кончикъ носа. Оно и въ такомъ положеніи страшновато. Вѣтеръ навѣваетъ всякіе нелѣпые ужасы: то вообразишь что внезапно зареветь ураганъ и, сорвавъ тебя съ высоты, раздробить о сосѣднія кручи, вспомнится Клавдій Фролло и Квазимодо надъ кровлями Notre-Dame de Paris и съ суевѣрнымъ содраганіемъ замѣчаешь что у мирнаго проводника съ сережками въ верхнемъ и нижнемъ краяхъ уха и съ ожерельемъ изъ спущенныхъ кусочковъ тростника на одномъ глазу бородавка!.. То вздумается что слетишь ни съ того, ни съ сего самъ собою, голова перевернется и кувырнешься лятами къ верху. Вдобавокъ, когда смотришь внизъ вдоль каменнаго отвѣса, гдѣ нѣтъ ни выступа, ни выбоины, за которые можно бы падая уцѣлиться, становится такъ тоскливо, такъ грустно что кажется самъ готовъ броситься въ глубину. Я поскорѣ спустился на земь отъ соблазна.

Завтракали въ Трояновомъ кіоскѣ. Трусливые Берберы осторожно подбирался къ намъ, держа въ зубахъ холстъ рубахи, спереди у ворота, такъ чтобы между рубахой и тѣломъ оставалось пустое пространство, имѣющее притуллить удары курбача. Но удары Мехмеда притуллить не легко, и послѣ завтрака Нубійцы, жалобясь какъ комнатныя собаченки, показывали другъ другу ссадины и красные рубцы на различныхъ частяхъ тѣла.

Здѣсь же распростились съ немногими путешественниками продолжающими „trip“ до вторыхъ пороговъ. Общество наше

лишается, между прочимъ, знаменитаго мореплавателя и гробивана мистера Джонсона. Последний къ общему изумленію обошелъ всѣхъ съ самыми сердечными рукопожатіями, а г. Кукъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи произнести прочувствованную рѣчь о томъ какъ въ жизни люди сходятся и затѣмъ снова расходятся.

Спустившись изъ бесѣдки на высокую береговую стѣну, остающіеся, или точнѣе возвращающіеся, провожаютъ болѣе счастливыхъ товарищей возгласами, выстрѣлами, маханіемъ платковъ и салфетокъ. Пока лодка, высланная съ парохода, утываетъ по ровной водѣ, увозя странниковъ къ бѣлоснѣжнымъ палаткамъ, я ѣду воображеніемъ въ Вади-Хальфу и до сдѣзъ завидую Джонсону: неутоленная, неутолимая жажда впечатлѣній влечетъ меня далѣе и далѣе. И мнѣ кажется не я одинъ испытываю мучительную тоску по незнакомой странѣ; на многихъ лицахъ написаны зависть и досада, прикрытыя улыбками и заглушенные дикими криками.

Драка между Негромъ и Арабомъ отвлекла наше вниманіе отъ тягостной перспективы чужаго счастья. Поссорились они изъ-за бараньей кости и въ одно мгновеніе раскровянили другъ другу лица; каждый силится сбросить противника со стѣны; слышалось рычаніе, щелканье зубовъ; одежда летѣла клочьями. Негръ видимо одолѣвалъ; со своими длинными, хваткими руками и исковерканною отъ злобы рожей онъ подходилъ на гориллу, которая, остервенившись въ борьбѣ съ человѣкомъ, грызетъ ему плечи, щеки, горло. Сынъ консула, Ахметъ-Мустафа, обнаружилъ при этомъ случаѣ рыцарскія чувства. Завязавъ въ салфетку куллемную имъ живую газель, онъ устремился на помощь къ побѣжденному, бросился сзади на Негра, скрутилъ его, закинулъ далеко въ рѣку кость раздора и, спокойный какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся бесѣдовать съ дамами.

Насъ ожидаетъ другое досадное обстоятельство: мы не будемъ „стрѣлять катарактовъ“. Надъ Филами дуетъ сѣверный вѣтеръ, и хозяинъ дагабіи наотрѣзъ отказывается везти насъ въ Ассуанъ. „Кабы немного раньше, то было бы можно“, утѣшаетъ онъ.

Говорять, спускаться порогами очень весело. Переѣздъ длится менѣе часа: дагабія летитъ стрѣлою, извертываясь

среди скалъ и надводныхъ камней, а вы смотрите себѣ на быструю съ высокою улыбкой, вызванною сознаниемъ „опасности“ на дѣлѣ не существующей. Но подыматься противъ теченія если и не веселѣе, то во всякомъ случаѣ любопытнѣе: такой картины не увидишь нигдѣ. Безусловно нагіе люди съ бичевой карабкаются по береговымъ скаламъ; безусловно нагая команда лихается шестами. Ежеминутно по манію раиса * десятки людей то съ берега, то съ дагабіи скачутъ въ воду и переплываютъ потокъ. Стономъ стоятъ изступленная брань и завываніе „дубинushки“. А судно упорствуетъ, едва подвигаясь; иногда вовсе станеть и стоитъ часы съ костью убитаго кита, котораго сотни дикарей не въ силахъ стащить съ мѣста. Случается вѣхать трое сутокъ. Конечно, по простествіи получаса сценой насладишься вдоволь.

Владѣлецъ судна рѣшается подвести насъ только къ рожденію пороговъ, откуда мы направимся сухимъ путемъ въ деревню эль-Махату чтобы взглянуть на ихъ полный разгулъ.

Съ острова вслѣдъ намъ несется унылая лѣсна: „элла, элла, эль башишъ“, сопровождаемая скаканіемъ и хлопаніемъ въ ладоши. Кругомъ попрежнему плаваютъ люди-лягушки, имѣвшіе спуститься вмѣстѣ съ дагабіей въ Ассуанъ; путешественники погружаютъ ихъ въ воду, упирая въ осклизалыя спины конецъ трости или зонтики; вынырнувъ амфибія ловко садится верхомъ на бревно и протягиваетъ руку за наградою. Лодочники и продавцы, получивъ отъ буфетной прислуги остатокъ нашего студна, притихли и вѣдятъ, но вдругъ раздается слово *ханзыръ* (свинина) и они приходятъ въ смущеніе; нѣкоторые суютъ свои куски въ носъ туристамъ, вѣжливо прося ихъ понюхать, не ханзыръ ли? Студень дѣйствительно оказывается ханзыромъ и выкидывается за бортъ; мы продолжаемъ плаваніе въ голодномъ молчаніи. Наконецъ, дагабія увлекаемая теченіемъ слѣшитъ причалить къ берегу и неудачно натыкается на скалу. Мы частью прыгаемъ на сушу, частью спускаемся по упертымъ въ утесъ шестамъ, и безъ оглядки въ перегонки бѣжимъ къ верблюдамъ; оглядываться не на что, Нилъ стѣсненный горами камней, около которыхъ

* Порогами завѣдуютъ нѣсколько старшинъ называемыхъ *раисами*

вода слегка журчитъ и пѣвнится, чрезъ какія-нибудь двадцать сажень пропадаетъ за крутымъ поворотомъ. То же видно и съ пропильновъ. Выборъ верховой скотины составляетъ теперь главнѣйшій жизненный интересъ. Я намѣтилъ себѣ самаго большаго верблюда и опрометью лечу къ нему; въ то же время съ удивленіемъ замѣчаю что многие мушоны стремительно накидываются на ослонъ. Верблюдъ мой, я добѣжалъ первый!

Вотъ онъ, этотъ „корабль пустыни“ столько прославляемый поэтами и путешественниками, въ натурѣ жалкій и загнаный, плохо кормленый, вовсе не чистенный, съ вытертою шерстью, съ желѣзнымъ кольцомъ звѣрски продѣтымъ въ носовой перегородкѣ... Онъ лежитъ въ ожиданіи сѣдока и реветъ не то злобно, не то страдальчески, слюнявя бритый затылокъ жоака-мальчишки, который обѣими ногами стоитъ на его согнутой ногѣ чтобы помѣшать ему приподняться раньше времени. Мальчуганъ не замѣчаетъ противныхъ движеній звѣздовой шеи, не чувствуетъ что горбоносая морда какъ въ щипцы взяла сзади его голову; онъ весь ушелъ въ созерцаніе новаго эль-хавагіи посылаемаго ему судьбой.

А эль-хавагія и не взглянетъ на него, эль-хавагія не по себѣ, эль-хавагія озабочена... Вотще праздные ребятишки стараются развлечь его вниманіе особаго рода вальсомъ и акробатическими упражненіями на песткѣ. Напрасно блещетъ небо и свѣтитъ солнце... Онъ только-что влѣзъ на какой-то жесткій остовъ сѣдла прикрытый дырявымъ ковромъ, чуть не слетѣлъ впередъ, когда животное подымаясь встало сначала задними ногами, чуть не свернулся назадъ когда затѣмъ оно водрузилось на переднихъ, и потомъ очутился на такой высотѣ, такимъ сирымъ и одинокимъ что ему больше ничего не остается дѣлать какъ крѣпко-прекрѣпко держаться за деревянную луку и упорно смотрѣть между ушей исполна животнаго.

Верблюдъ оказался тѣмъ самымъ что везъ мистера Джонсона. Послѣ первыхъ шаговъ я понялъ почему этотъ предупредительный кавалеръ столь любезно предлагалъ его миссъ Монро: меня швыряло изъ стороны въ сторону; я едва удерживался на высокомъ горбѣ и являлъ противъ желанія какой-то обрѣзокъ опрокинутаго маятника. По неровному пути верблюдъ шелъ такою развалистою походкой что съ него пожалуи скатился бы и болѣе отважный наѣздникъ чѣмъ я; по этому въ небезопасныхъ мѣстахъ жоакъ ссаживалъ меня

на землю. Чтобы заставить верблюда лечь, онъ дергалъ за привязанную къ кольцу веревку какъ за сурокъ звонка, послѣ чего всегда слѣдовалъ гнѣвливыи, мученическій ревъ, крайне неприятный для уха.

У деревни эль-Махаты, соотвѣтствующей въ торговомъ отношеніи Ассуану (мѣстечко насупротивъ Филэ есть лишь пристань этой деревни), подъ сикоморами и думмовыми пальмами, истомленные жарой туристы, погонщики и животныя налили воды изъ общаго колодезнаго бревна и затѣмъ двинулись къ Нилу мимо огромныхъ кучъ финиковъ одѣтыхъ какъ въ сѣрые чехлы въ дорожную пыль; странно видѣть въ такомъ небреженіи сласть продающуюся въ другихъ мѣстахъ по фунтамъ и въ коробкахъ. Здѣсь это хлѣбъ насущный, а хлѣбъ, какъ извѣстно, нигдѣ не пользуется особеннымъ почетомъ. На воздухъ подъ лучами солнца плоды обратились въ тощія, сухія деревяшки.

Противъ эль-Махаты тѣ же каменные груды по берегамъ, то же теченіе сильное и могучее, но безъ гула, безъ грохота, безъ плеска горныхъ рѣкъ; журчаніе струй у камней да вѣчный шелоть лѣвы не въ силахъ разбудить мертво-скалистой окрестности, и еслибы померкъ всеоживляющій свѣтъ египетскаго неба, Нилъ казался бы настоящимъ Коцитомъ.

Вообще пороги не живописны и даже не величественны. На всемъ ихъ протяженіи нѣтъ ни одного водопада. Въ самомъ бурливомъ мѣстѣ, узкомъ проходѣ Бабъ-эль-Шелала, гдѣ фараоны, по пути въ Эіолю, въ громкихъ надписяхъ хвалились идучи на рать, 150 футовъ теченія имѣютъ лишь десятифутовой уклонъ.

Человѣкъ двадцать деревенскихъ жителей прыгали съ высокаго камня въ рѣку, выносились на берегъ ниже шагахъ въ пятьдесятъ, бѣжали нагишомъ назадъ, прыгали снова, и казалось этому круговому движенію не будетъ конца. Нѣкоторые мошенничали, окунаясь въ водоворотъ лишь тамъ откуда прочіе выползали послѣ крушительнаго плаванія; иные мѣдные лбы не давали себѣ даже труда намочиться и какъ бы за то просили бакшишъ что сняли съ себя рубаху или ремешковый поясъ. Голый старикъ держалъ за плечи голаго юношу и съ отеческимъ самодовольствомъ повторялъ: „Real, cataracta, Soudan, Nubia“... Оба были совершенно сухи.

На верблюдѣ я опять почувствовалъ себя одинокимъ сиротой разобщеннымъ съ прочимъ міромъ. Когда свернувъ вправо,

долинкой, выѣхали мы на утрешній путь, я пробовалъ, но также безуспѣшно какъ мистеръ Джонсонъ, промѣнять верблюда на осла. Пришлось до самаго Ассуана маяться на „корабль пустыни“ и выносить его боковую и килевую качку. Подъ конецъ я немного попривыкъ: пересталъ держаться за луку и даже клалъ ноги кренделемъ по-арабски, однако въ общемъ итогѣ жестоко поплатился за страсть къ новымъ впечатлѣніямъ: мои икры, бедра, тѣло кругомъ стана и плечо, чрезъ которое висѣла на ремнѣ нубійская тыква для воды, были растерты въ кровь.

Въ наше отсутствіе на пароходахъ случилось несчастье: дагабія подъ американскимъ флагомъ, примѣченная мною изъ Филъ, благополучно миновавъ пороги, съ разбѣга налетѣла на *Saudie*, и двое матросовъ упали съ ея мачтъ на нашу палубу: одинъ проломилъ крышу кѹхонной рубки и попалъ въ корзину съ посудой—онъ сильно расшибся и изрѣзался (*Un Arabe, vous savez, ça ne compte pas*, залапчиво говорилъ Анджело, *mais l'Americain doit me payer une indemnité pour la vaisselle*); * другой убится на мѣстѣ, разможживъ голову о дверь моей каюты.

Взоръ нарасно искалъ кругомъ слѣдовъ этой близкой смерти, столь же неожиданной сколько и безразличной для всѣхъ. Все уже было прибрано, крыша кухни задѣлана, полъ вымытъ, покойнаго услѣли похоронить. ** Лишь на нижней половинѣ моей двери выступало широкое едва замѣтное свѣтлорозовое пятно, котораго сперва не было.

„C'était ici la cervelle“, пояснилъ буфетчикъ; „On a lavé, mais ça ne s'en va pas“ ***.

И чрезъ полчаса всѣ забыли объ убитомъ и о раненомъ, и по старому безлечально потекла наша пароходная жизнь.

* Арабъ конечно не считается! Американецъ долженъ уплатить мнѣ вознагражденіе за посуду.

** По понятіямъ мусульманъ душа умершаго не можетъ отдѣлаться отъ тѣла прежде его погребенія, и потому правовѣрные со слѣхомъ хоронятъ своихъ мертвыхъ; въ Стамбулѣ покойниковъ несутъ почти бѣгомъ.

*** Тутъ былъ мозгъ; дверь мыла, но пятно не сходить.

XVI.

12 февраля.

Вчерашній день, полный разнородныхъ ощущений, заключился для меня великолѣбною ночью, проведенною безъ сна подъ звѣзднымъ небомъ. Послѣ обѣда, несмотря на усталость, я отправился за городъ караулить звѣрей. Еще утромъ условился а съ охотникомъ, принесшимъ на пристань трехъ небольшихъ поджарыхъ длинноухихъ зайцевъ * (ихъ мѣхъ, подобно оперенію здѣшнихъ ласточекъ, подходитъ подъ цвѣтъ лустыни). Вечеромъ онъ явился за мною въ каютъ-кампанію, неся на одномъ плечѣ кремневую пицаль, казенная часть которой въ предохраненіе отъ сырости была обвязана тряпкой, а на другой—большую желѣзную кирку, на случай еслибы пришлось добывать подстрѣленную добычу. Это былъ сухой, маленькій каштановый Негръ въ длинномъ одѣяніи халатнаго покроя и увѣсистой бѣлой чалмѣ: самоувѣренно-медленные и спокойные приемы обличали въ немъ царя одного изъ племенъ внутренней Африки. Мы отправились самъ другъ. Сторожа спавшіе поперекъ мостовой, подъ уличными воротами, узнавъ его, свободно пропускали насъ. Минуть черезъ пять мы уже пробирались за городскою околицей среди холмовъ Сіенскихъ развалинъ. Здѣсь находился колодезь, доселѣ не разысканный, дно котораго, по свидѣтельству древнихъ, въ полдень солнцестоянія было все освѣщаемо солнцемъ,—обстоятельство, приведшее Страбона, Сенеку и Плинія къ ошибочному заключенію будто Ассуанъ стоитъ на тропикѣ. Въ дѣйствительности онъ находится подъ 24° с. ш., то-есть сѣвернѣе тропика Рака на $\frac{2}{3}$ градуса, и надо слѣдовательно полагать что колодезь не былъ отвѣсенъ. Неправильно стало-быть и землеизмѣреніе Эратосѣена, основанное на вычисленіи при лѣтнемъ солнцестояніи длины полуденной тѣни въ Александріи въ связи съ совершеннымъ будто бы отсутствіемъ ея въ Ассуанѣ. Однако я слишкомъ распространяюсь объ „отсутствіи тѣни“; это тѣмъ болѣе не кстати что въ настоящую минуту господствуетъ обиліе всевозможныхъ тѣней, сливающихся въ непроницаемую тьму. Я не могу признать мѣстности, хотя конечно видѣлъ ее днемъ. Сначала мы, казалось, шли по дорогѣ въ Филы, потомъ свернули влѣво и спустились

* *Lepus aegyptius*, по-арабски *Арнабъ*.

ложбиной на продолговатую песчаную полянку; съ одной стороны къ ней примыкаетъ поле, съ другой волнообразная каменистая пустыня. Поляна, едва брежущая близкой песку, вся окружена одинаковою темною массой, и о поля догадываешься лишь по залаху какихъ-то цвѣтовъ, да по едва уловимому шелесту растущей травы. Мы растаянулись рядомъ на краю вивы въ общей засадѣ, подобной тѣмъ что скрывали меня и Хайредина въ устьѣ одного изъ египетскихъ ущелій. Легли мы ничкомъ, ногами къ полю, головой къ пустынѣ (часть отдѣляла отъ нея ширина песчаной пелены). Чтобы ружья не гремѣли о низенькую заставу, эоіолскій владыка обложилъ ее спереди свернутымъ въ жгутъ халатомъ. Затѣмъ, развѣвъ чалму и оставшись безъ ничего, онъ спряталъ длинный обмотъ подъ себя, привелъ свои руки въ положеніе переднихъ лапъ сфинкса и окаменѣлъ въ логовѣ.

Теперь это былъ уже не африканскій царь, а обломокъ древне-египетскаго храма, изваяніе изъ чернаго гранита, безличное, безстрастное, угловатое и алаяповатое, сглаженное столѣтїями и покрытое прахомъ времени. Будь вмѣсто меня другой такой же обломокъ, звѣри навѣрно наткнулись бы на засаду, но я былъ человекъ и не могъ лежать смиренно; въ ямѣ подъ слоємъ пыли находилось много мелкихъ камешковъ, мертвившихъ локти и мозаикой вливавшихся въ тѣло какъ въ глину. Чтобы не кричать отъ боли, надо было постоянно мѣнять положеніе, а при всякомъ поворотѣ, какъ бы остороженъ онъ ни былъ, камешки подо мною слабо скворчали, и звукъ этотъ удерживалъ дичь въ почтительномъ разстояніи. Если я, хотя бы въ теченіе минуты, не шевелился, кругомъ уже зараждалась и творилась воровская жизнь, слышалось какое-то чиханіе, щелканье, голодное мауканіе; тѣни, отдѣлившись отъ темной полосы, въ ровномъ рваніи безшумно сновали по песку, и вдругъ при новомъ скрипѣ подо мною камешка, какъ стая услуганныхъ рыбъ, проворно улывали во мракъ; все стихало. Раза два я хотѣлъ выстрѣлить. „Да!“ * произносило каменное изваяніе: это значило—по шакаламъ выпускать заряда не стоить, слѣдуетъ дожидаться чего-либо по крупнѣе.

И мы дѣйствительно дождались... Сзади послышалось шуршаніе раздвигаемыхъ стеблей, мѣрные шаги, сапѣаніе... Что-то

* Отрицаніе „нѣтъ“.

большое и тяжелое направлялось полемъ въ нашу сторону. Вотъ шелестъ травы прекратился, когда стучать по камню... Оно вышло изъ нивы, оно стоитъ надо мной у самыхъ моихъ лятокъ, шумно нюхаетъ воздухъ и порою издастъ то отрывистое рыканье или хрюканье съ которымъ невольно связывается представленіе о желѣзной клѣткѣ... Еще два-три шага, и звѣрь долженъ очутиться противъ насъ на свѣтлѣющей полянѣ. Полумертвый отъ волненія, я не оглядываюсь чтобы не испугать его, и съ трепетнымъ нѣмымъ вопросомъ смотрю на товарища. Надъ сфинксомъ протекло еще нѣсколько вѣковъ; онъ уже не черный, онъ посѣрѣлъ отъ времени и принялъ цвѣтъ пыли, въ которую обрушилась много тысячелѣтій назадъ; только полузакрытые глаза бѣлѣютъ бѣлками, зрачки же, пристальные и зоркіе какъ у кошки, ушли въ самый уголъ вѣкъ. Я перевелъ взглядъ на песокъ и жду въ какой-то агоніи...

Еслибы прошлое вернулось съ его очарованіями, еслибы воскресли давно схороненныя чувства, мечты и дорогія сердцу существа, еслибы всѣ мои заветныя желанія сбылись въ одинъ мигъ, или еслибы будущее развернулось предо мною мрачное и ужасающее, я бы не вздрогнулъ, не двинулся, не моргнулъ... Мнѣ было все равно: я былъ звѣрь, который съ зампаньемъ сердца подстерегалъ другаго звѣря; я былъ богъ, который предался любимой страсти со всѣмъ пыломъ безсмертной души...

Подозрительное нюханье и фырганье раздавалось все въ той же точкѣ надъ моими лятками; со стороны сосѣда дуло лицали понемногу всползало ко мнѣ на спину; самъ я наводилъ ружье на то мѣсто гдѣ по соображеніямъ моимъ долженъ былъ показаться неизвѣстный звѣрь... Но вдругъ, чѣмъ-то встревоженный, онъ быстро ушелъ назадъ, шума травами. Конечно было невыразимо досадно, какъ въ Оивандѣ, когда я собирался громоздить другъ на дружку горы чтобы лѣзть на войну съ небесами; съ другой стороны чувство душевнаго спокойствія, нахлынувъ волной, всецѣло охватило меня, и я былъ радъ отдохнуть: напряженное состояніе не могло длиться болѣе, оно переходило въ несносную боль.

„Дѣба“, промолвилъ безжизненный камень и глубоко вздохнулъ.

Въ это время черезъ поляну прошли два человѣчскіе образа; вѣроятно гѣну обратилъ въ бѣгство ихъ англійскій

разговоръ, урывки котораго только теперь долетѣли до насъ, въ отдаленіи; слѣдомъ, шла еще двуногая фигура.

Отдавшись на произволъ воображенія, я могъ бы оживить въ этомъ мѣствѣ свой разказъ эпизодомъ свиданія между миссъ Поммерой и мистеромъ Джонсономъ. Последнему не трудно было бы придти изъ Филъ лѣшкомъ. Я могъ бы также узнать ревниваго Фанъ-деъ-Боша, слѣдящаго за влюбленнымъ съ княжломъ въ рукѣ. Но подобныя догадки имѣли бы етоль же мало основанія какъ догадки князя Вяземскаго о происхожденіи его „Тропинки“, * и еслибы блеснула яркая зарница или дневной свѣтъ внезапно осіялъ землю, быть-можетъ вмѣсто счастливой молодой четы и злополучнаго ревнивца я увидѣлъ бы Ирландца, любующагося въ темнотѣ на свою Ирландку, а за ними мирнаго ученаго, открывающаго въ одиночествѣ новые кругозоры мысли.

Такъ или иначе, гіена скрылась, шакалы, ловидимому, тоже раслугнутые, мяукаютъ гдѣ-то вдали подъ самымъ городомъ, и улованіе на удачу покинуло меня. Я принялъ болѣе удобную позу, протянулъ на спинѣ головой къ нивѣ, ногами къ песчаной полянѣ, сплелъ пальцы подъ затылкомъ и отрѣшился ото всякихъ охотничьихъ помысловъ. Одно ружье, высушившись на половину за оградю, продолжаетъ стеречь ночныхъ станичниковъ. На мгновеніе задумался я, самъ не знаю о чемъ, и мнѣ уже не до охоты. Что-то чудное происходитъ во мнѣ. Я испытываю неземное блаженство. Исчезла самая память о какихъ бы то ни было тревоженіяхъ, забыты мелочныя терзанія тщеславія, самолюбія, славолюбія. Внутри меня, какъ при отъѣздѣ изъ Каира, звучитъ лѣсъ безъ звуковъ и слагается въ поэму внѣ времени и мѣста.

Но что же это за *поэма безъ рѣчей*? Если нѣтъ словъ для ея выраженія, то она не мысль... Неужели же я собственно ни о чемъ не думаю; неужели все это не что иное какъ ощущеніе мозговаго отдыха.

Нѣтъ, быть не можетъ! Конечно, созерцаая необъятное пространство, гдѣ въ волшебной неподвижности

„вокругъ міровъ вращаются міры“,

* Заглавіе извѣстнаго стихотворенія, начинающагося словами:

„Кто тебя моя тропинка
Проложилъ здѣсь въ первый разъ.“

я безсознательно читаю книгу вселенной, недоступную человеческому уму при обыкновенномъ процессѣ мышленія, и душа моя любитъя всѣмъ твореніемъ съ высоты птичьяго полета. Конечно, на краткій промежутокъ мнѣ сама собою раскрывается та загадка надъ разрѣшеніемъ которой безплодно трудились всякія головы

Häupter in Hieroglyphenmützen
Häupter in Turban und schwarzem Barett
Perückenhäupter und tausend andre
Arme schwitzende Menschenhäupter! *

Конечно, посѣщаютъ меня дивные образы, неосязаемые и дѣйственные, коихъ до сихъ поръ не провидѣлъ ни одинъ художникъ, кои не одѣлись еще въ краски, не воплотились въ мраморъ и не вылились въ міръ ни словами, ни звуками.

Спалъ ли я на яву въ обаяніи молодости и поэзіи или носился мечтой надъ бездной мірозданія, я во всякомъ случаѣ переживалъ въ темнотѣ самый свѣтлый изъ свѣтлыхъ праздниковъ безлечнаго моего странствованія. Много часовъ покоился я навзничъ безъ движенія. Камешки уже не тревожили меня, я къ нимъ прилежался. Надо мною блестяли звѣзды, одна другой краше и таинственнѣе. Въ ночной тишинѣ можно было уловить чуть слышный ролоть пороговъ, схожій съ глухимъ урчаніемъ подпочвеннаго ключа. Позади меня горы Ассуана (я смотрѣлъ на нихъ, запрокинувъ голову) проводили своею незыблемою чертою рѣзкій рубежъ между черною землей и темносинимъ небомъ...

Но тутъ внезапно совершилось нѣчто весьма странное: одна изъ горъ, самая крутая и высокая, лошатнулась, измѣнила мгновенно очертанія и, выросши до полярной звѣзды, обрисовалась недвижная въ новомъ своемъ устоѣ; за такимъ вулканическимъ переворотомъ не послѣдовало ни землетрясенія, ни ударовъ подземнаго грома; окрестность спокойно спала...

Недоумѣніе мое длилось секунду. Я смигнулъ, и оптичскій обманъ разоблачился: то что казалось мнѣ главною возвышенностью на горизонтѣ было чѣмъ-то живымъ, сравнительно не огромнымъ, но стоявшимъ отъ меня въ двухъ шагахъ.

* Heine. *Fragen*. „Головы въ іероглифныхъ колпакахъ, головы въ тюрбанахъ и черныхъ беретахъ, головы въ парикахъ и тысячи другихъ бѣдныхъ потныхъ человеческихъ головъ“.

Оно качнулось, нагнулось еще ближе, и я увидалъ надъ собою гіену. Книга вселенной, разгадка жизни, не воплощенные идеалы, все навсегда задернулось для меня непроницаемою завѣсой. Весь я замеръ, обратившись съ ногъ до головы въ какой-то застывшій порывъ. Я различалъ звѣря въ мельчайшихъ подробностяхъ, видѣлъ широкую подустую * харю съ настороженными ушами, щетинистый сутулый хребеть: мускулистая лапы, которыя могъ бы схватить, не двинувшись съ мѣста, и не былъ въ состояніи шевельнуть пальцемъ.

Пока гіена, хрюкая, лыхала мнѣ въ лицо смѣшанною вонью ливны, нашатырнаго спирта и падали, на меня снова тихонько взбиралась лищаль, въ этотъ разъ на грудь. Вскорѣ красная молнія сверкнула подъ носомъ, грянулъ оглушительный выстрѣлъ, и я захохоталъ въ пороховомъ дыму... Однако сразу угадалъ я промахъ; чуткое ухо поймало на лету звенящій свистъ пули умчавшейся въ пространство. Негръ, не оглядываясь, просунулъ подъ мышку свое крѣпостное орудіе и выстрѣлилъ на звукъ.

Упрутій, исполненный жизненныхъ силъ, вскочилъ онъ на ноги, страхнувъ съ себя пыль и лѣвсень столѣтій. Сфинксъ исчезъ, но и прежняго царя я не узнавалъ. Его величество очевидно позабылъ о своемъ саяѣ: въ подергиваніяхъ всего тѣла махалъ онъ надъ головой ружьемъ и киркой и долго, захлебываясь въ проклятіяхъ, вопилъ и визжалъ какъ поросенокъ.

13 февраля.

О вчерашнемъ днѣ я ничего не занесъ въ свой дневникъ, да и заносить-то было почти нечего: пароходы съ утра пустились въ обратный луть, мимо знакомыхъ мѣстъ, утратившихъ для насъ всякую прелесть; пассажиры ходили какъ въ воду олуценыя, страдая обычнымъ Katzenjammer'омъ туристовъ,—тоской по неизвѣданнымъ странамъ, отъ которыхъ удаляешься; Ахметъ Сафи утѣшалъ меня перспективой поѣздки въ Дангалу „когда-нибудь“...

Вечеромъ, миновавъ Матану, славящуюся своими садами (у одного губернатора ихъ четыре, всѣ превосходно содержимы), остановились въ Луксорѣ. У консула насъ ожидала всегдашняя фантазія. Танцовщицы, музыка тутъ были тѣ же,

* Подустою называется собака у которой нижняя челюсть короче и вообще меньше верхней.

и представитель многихъ державъ съ такою же торжественностью наблюдалъ за порядкомъ и благочиніемъ вечеринки; но теперь бдительность его не вполнѣ достигала цѣли: на прощаніе все безъ совѣсти просило бакшишъ.

„Бакшишъ!“ подъ звуки зуръ презрительнымъ шелотомъ повелѣвала мнѣ „царица Савская“, точно дарила монаршею милостью.

„Бакшишъ!“ дѣтскимъ голоскомъ лѣла мнѣ въ ухо шаловливая плясунья, не переставая сѣменить ногами и дрожать всѣмъ тѣломъ.

„Бакшишъ!“ лепетала арабская красавица, постукивая кастаньетами. Она смотрѣла мнѣ въ глаза, она наклонялась ко мнѣ и въ ея устахъ ненавистное слово звучало какимъ-то признаніемъ въ любви.

„Бакшишъ! бакшишъ!“ шилѣли и ласкали татуированная Негритянка и вѣдьмы.

Когда, подойдя къ сидѣвшимъ на полу музыкантамъ, я разсматривалъ двуструнную скрипку изъ скорлупы кокосоваго орѣха и особаго устройства барабанъ—кувшинъ съ пробитымъ дномъ, затянутый кожей,—внизу чьи-то руки осторожно ловили меня за ноги, за полы платья,—чьи-то губы цѣловали мои колѣна и въ воздухъ носилось слово „бакшишъ“ такое же тихое, едва слышное, какъ вѣяніе тѣлаго вѣтерка, который врывался въ открытыя окна и колыхалъ бумажные фонари подъ потолкомъ.

Часть нынѣшняго дня мы проводимъ среди Карнакскихъ развалинъ. Извѣстные до тонкости поговщики, водовосы, продавцы поддѣльныхъ антиковъ, мальчики и дѣвочки безъ опредѣленныхъ занятій встрѣчаютъ насъ какъ давнихъ пріятелей. Изъ Шеихъ-Абдъ-эль-Гурна прибыли Абдуррахманъ и Хайреддинъ; вѣроломная Фатма, болѣе не вызывающая во мнѣ сердечнаго трепета, тоже появилась на восточномъ берегу. Всѣ вымогаютъ милостыню.

Предъ отплытіемъ пароходовъ я зашелъ къ Мустафа-Агѣ. За вторымъ чубукомъ и третьей чашкой кофе, онъ предложилъ мнѣ на память крошечнаго мандрила изъ царскихъ гробницъ, котораго съ четверть часа не выпускалъ изъ пальцевъ и держалъ у рваннаго носа, распространяясь въ туманной рѣчи о томъ что не надо забывать друзей, что подарки поддерживаютъ глубочайшее почтеніе и таковую же преданность, что рекомендованный имъ Абдуррахманъ оказался хорошій охотникъ и истинный другъ...

Я снялъ со шляпы купленный въ Бейрутѣ полосатый шелковый платокъ и отдалъ его мошеннику-проводнику, увязавшемуся за мною и сидѣвшему тутъ же возлѣ большой книги. Консулъ смутился и замолчалъ. Чувствуя въ некоторую неловкость, я произнесъ ни къ селу, ни къ городу нѣсколько непослѣдовательныхъ словъ о погодѣ, заявилъ что непременно поставлю г. Л. въ извѣстность о радушіи луксорскихъ властей, спросилъ какъ проживаютъ дѣти, но Мустафа не могъ придти въ себя и долго моргалъ тусклыми глазами, перевода ихъ съ меня на Абдуррахмана, съ Абдуррахмана на платокъ... Мнѣ казалось онъ смотритъ на меня съ упрекомъ, на истиннаго друга съ завистью, и удивляется русской непонятливости.

Губернаторъ (которому я тоже сдѣлалъ *visite de congé*), отвѣчая на изъявленія благодарности по поводу его ласковаго приѣма, выразился только о прочности нашихъ кожаныхъ издѣлій и похвалилъ мою дорожную сумку.

Въ послѣдній разъ шелъ я песчаною площадкой отъ столповъ Гора къ берегу рѣки, посылая прощальный привѣтъ всѣмъ чудесамъ великой столицы, а кругомъ гремѣлъ хоръ всякихъ пожеланій, „катархераковъ“ и неосмысленныхъ криковъ.

„Бакшишъ, эль-хавагія“, твердилъ голосъ, знакомый и назойливый, какъ нота безъ конца повторяющаяся въ налѣвѣ.

Я не оставался.

— *Catacacta, Soudan, Khartoum Nubia...*

Столь необыкновенное здѣсь восклицаніе невольно заставило меня оглядѣться: въ толлѣ оборванныхъ Арабовъ шелъ красивый щеголеватый Ахметъ Мустафа, благополучно вернувшійся подъ родительскій кровъ; это онъ проказничалъ, неотвязно приставая къ туристамъ.

— Чтѣ здоровье литомицы? спросилъ я его. Весь вчерашній день молодой человѣкъ просидѣлъ въ каютѣ, няньчась съ больною газелью.

— Такая жалость, издохла! отвѣчалъ онъ,—а въ будущемъ году взялъ бы за нее хорошія деньги... Ну чтѣ же? До свиданья, бакшишъ, эль-хавагія!

Потѣхи ради я подаль ему піастръ.

— Каиро, каиро! воскликнулъ онъ, возвращая монету и затѣмъ, перемѣнивъ тонъ, какъ-то всколзь освѣдомился, видѣлъ ли я подзорную трубу, которую подарилъ ему Фанъ-день-Бошъ.

Издали, съ того берега, смотрѣли на насъ колоссы, и въ эту минуту мнѣ почудилось что я вполне разгадалъ ихъ: они во все не ждали кончины міра, они тоже просили бакшишъ.

14 февраля.

Возвратное путешествіе внизъ по теченію идетъ голово-
ломно быстро.

Сегодня мы еще дѣлаемъ экскурсію въ Абидосъ, но затѣмъ до самаго Каира не будемъ останавливаться иначе какъ для ночевки. Да и вышняя прогулка почти не задерживаетъ пароходовъ: пока изъ Беліани мы направляемся сухимъ путемъ къ Абидосу, они идутъ порожнякомъ въ Джирдже, гдѣ мы снова на нихъ садимся, вернувшись съ осмотра другою дорогой. „Время—деньги“, и все такъ разчитано чтобъ его не тратить попустому.

Въ Беліани я отказался отъ осла и захвативъ ружье пошелъ лѣшкомъ по нивамъ. Съ первыхъ же шаговъ застрѣлъ красивую крокодилову птицу. Родственница нашему чибезу, она меньше и стройнѣе его. Цвѣта ея траурные: грудь чернobarхатная съ бѣлымъ ошейникомъ, крылья сверху черныя, снизу бѣловатыя; на локоткахъ ихъ, то-есть на первомъ отъ плеча сгибѣ торчатъ длинныя, твердыя какъ сталь шпоры, оружіе пригодное развѣ соколу для его охоты въ поднебесіи и повидимому неумѣстное у болотной птицы. Пускается ли оно въ ходъ на поединкахъ когда споръ идетъ о сердцѣ траурной красавицы или же дѣйствительно, какъ увѣряетъ Анджело, назвавшій мѣвъ птицу, служить ей своего рода громоотводомъ при рискованныхъ ея прогулкахъ въ раскрытомъ зѣвѣ крокодила, гдѣ по Геродоту она исправляетъ должность зубнаго врача, выковыривая изъ зубовъ остатки пищи. Хотя Эзоповскій волкъ посовѣтился откусить голову журавлю вытаскивавшему у него изъ горла кость, однако надо полагать что крокодилъ стоящій неоспоримо на низшей стелени нравственнаго развитія съ удовольствіемъ полакомился бы своимъ пернатымъ даятистомъ, есlibъ острые шпоры крыльевъ не грозили наколоть ему нѣбо.

Четверо наемныхъ Арабовъ, идя со мной врьдъ, толчуть сочные злаки полей. Черезъ каждые три шага изъ-подъ чьихъ-либо ногъ съ особымъ хрустомъ и слабымъ мурлыкающимъ посвистомъ срывается крупный, жирный перелель. На зимніе мѣсяцы они улетали далеко за тропикъ, къ самому экватору; теперь же съ возвращеніемъ жаркихъ дней, какъ саранча, наводнили южную часть долины. Подъ вечеръ несется въ небо ихъ влюбленный вой. Собственно они пробуютъ

голосъ, настоящую же лѣсью перепелешой любви услышать только русская весна. Я отстрѣляю довольно неудачно, хотя и съ азартомъ (убилъ всего 14 штукъ). Впрочемъ стрѣльба здѣсь не такъ-то легка. Рыхлый и мягкій грунтъ встрѣчается рѣдко; большею частью приходится ковылять по жесткимъ комьямъ, и предъ выстрѣломъ не успѣваешь твердо установиться на ногахъ, которыя часто застреваютъ въ трещинахъ разошедшей лахоты и преобладаю ущемляются въ щиколкахъ.

Иду дуливами, * ячменями и пшевицей; первые такъ густы что сквовъ нихъ насилу можно продраться, хлѣба же темнозеленые и пышные, только что заколосившіеся, достаютъ уже до пояса, а недавно еще ихъ всходы едва пробивались, подобные нашимъ осеннимъ озимямъ. Диву даешься глядя какъ быстро выползаетъ наружу изъ нѣдръ земли растительное царство, и какъ слышитъ оно развернуться на славу въ царствѣ свѣта и тепла **.

Встрѣчные крестьяне благодушно относятся къ моей облавѣ, несмотря на производимое ею опустошеніе и на наше „сейламъ алейкумъ“, неизмѣнно отвѣчаютъ дружелюбнымъ „алейкумъ селамъ“ *** Въ этой богатой и нищей странѣ такого рода „droit du seigneur“ въ полной силѣ признается за туристомъ, быть-можетъ потому что, несмотря на всю производительность ежегодно обновляемой почвы, въ его бакшишахъ Арабы видятъ болѣе надежный источникъ дохода чѣмъ въ урожаяхъ олаачиваемыхъ непожѣрными податями.

Арабать-эль-Матфузъ, деревня на мѣстѣ бывшего Абидоса, расположена въ пескахъ, за рубежомъ воздѣланнаго края, верстахъ въ двѣнадцать отъ Белліани. Абидосъ, по-колтски Аботъ, на азыкъ іероглифовъ Ти или Абу, древнѣйшая изъ

* *Lupinus*. У насъ ихъ сажаютъ въ садахъ.

** Главныя произведенія Египта суть слѣдующія: сахарный тростникъ, хлопокъ, пшевица, ячмень, кукуруза, рисъ, ленъ, клеверъ (берсимъ), конопля, всякіе бобы и горохъ, дулины, чечевица, рисъ, табакъ, макъ, сезамъ, изъ зеренъ котораго изготовляютъ хааву, красильныя вещества хенэ (*Lawnonia inermis*), сафлоръ, лѣкарственное растеніе хелбе и проч.

*** Обычное на Востокѣ привѣтствіе собственно „эсъ-селаму алейкумъ“ и „ве-алейкумъ эсъ-селаму“—„да спидеть на васъ благодать“, „да почіеть на васъ благословеніе“.

метрополій Египта *, считался мѣстороженіемъ Мецы и въ числѣ другихъ мѣстъ некрополею Озириса. ** Отъ разваливъ посѣщавшихся со времени римскаго владычества осталось два храма Сети I и Рамзеса II и цѣлый холмъ обломковъ.

Великолѣпный храмъ Сети I, воздвигнутый въ честь умершаго влечнаго бога, былъ издавна засыпанъ мстительнымъ богомъ убійцей, и большаго труда стоило опростать отъ песку обширныя помѣщенія. Планъ зданія настолько отличенъ отъ общаго типа египетскихъ храмовъ что трудно опредѣлить гдѣ лортики, гдѣ наосъ, гдѣ секосъ. Стѣны испещрены всякими мѣологическими, географическими и историческими надписями и картинами. Въ семи комнатахъ (одинаковаго размѣра) посвященныхъ Ору, Изидѣ, Озирису, Амоу, Армаху, Пта и Сети I (подобно другимъ фараонамъ онъ произвольно причислялъ себя къ лику полубоговъ) изображены порядкомъ жертвоприношенія, служеніе различнымъ божествамъ, священныя сосуды, утварь и проч. Кругомъ залъ панелями тянутся длинныя росписи номеновъ (провинцій). Въ узкомъ проходѣ, на одной стѣнѣ, Сети I и наследникъ его, мальчикъ съ залетеными волосами, будущій Рамзесъ II, изъясняютъ почитеніе семидесяти пяти своимъ предшественникамъ, имена, или лучше іероглифическія печати *** коихъ тѣсятыя предъ названными царями въ двухъ горизонтальныхъ рядахъ; третій, нижній рядъ заключаетъ много разъ повторяемое имя самого Сети, 76го по числу. Родословная начинается съ Менеса; фараоны приведены не всѣ, а только покровители Абидоса; на противоположной сторонѣ прохода Сети съ сыномъ покланяются 130 именамъ боговъ.

Храмъ Рамзеса II, равнымъ образомъ посвященный ламати Озириса, почти незамѣтенъ: верхъ стѣны еде выглядываетъ изъ земли. Не знаю спускаются ли внутрь. Судя по давнимъ описаніямъ были здѣсь и художественныя изваянія, и

* Фараоны первой династіи зовутся Тинитами (отъ This Thinis). Противъ Абидоса стоялъ Lepidotum, жители коего поклонялись рыбѣ Lepidotus (?).

** По легендѣ, тѣло Озириса было разрублено Тифономъ на 14 частей и разбросано по всему Египту. Изца во всякомъ мѣстѣ, гдѣ находила обрубку бога, воздвигала могильный памятникъ.

*** Научное названіе ихъ *картунш* (cartouches).

богатыхъ цвѣтовъ рисунки, и архитектурныя украшенія изъ порфѣра и сіенита, и святилище, обложенное все восточнымъ алебастромъ. Ничего этого не сохранилось. Ученые и туристы что сумѣли ободрали, а чего взять не могли на томъ выгравировали исполнинскими буквами свои фамиліи. Во храмѣ найдена копія съ родословной Сети, такъ-называемая Абидосская таблица, въ послѣдствіи перевезенная въ Парижъ. На ней предъ собраніемъ печатей одинъ, безъ отца, уже взрослый стоитъ вступившій на престолъ Рамзесъ.

Хоамъ разваливъ въ окрестностяхъ Арабата-эль-Матфуна, Комъ-эсъ-Султанъ, представляетъ бывшее Абидосское кладбище. Здѣсь надъ усыпальницей Озириса вѣками нагромождали другъ на друга гробницы знатныхъ Египтянъ (мастабы).

Въ главной залѣ храма Сети, въ то время какъ мы закусывали подъ надзоромъ четырехъ прикомандированныхъ къ намъ солдатъ, я имѣлъ довольно непріятное объясненіе съ Мехмедомъ. Арабовъ сюда не пускаютъ и заведеннаго акомпанимента попрошайничествъ и всякихъ торговыхъ предложеній на этотъ разъ не было; даже заговщиковъ моихъ не впустили. Такимъ образомъ Мехмеду некого было бить, и вотъ, пошелтавшись съ буфетчикомъ, онъ послѣ минутнаго колебанія подошелъ ко мнѣ.

— Кто вамъ позволилъ раздавать Арабамъ нашу провизію? дерзко спросилъ онъ (я дѣйствительно вынесъ по куску хлѣба своимъ заговщикамъ и, кажется, Аджело это замѣтилъ);—сами ѣшьте сколько хотите, но кормить всякое животное вы не смѣете!

Сцена заключилась тѣмъ что М. Alexandre, агентъ, замѣтившій господина Кука, выхвативъ кнутъ у моего солдата, осыпалъ его градомъ ударовъ. Надо отдать справедливость Мехмеду: если онъ любитъ поведѣвать, то умѣетъ и подчиняться. Онъ скрежеталъ отъ боли зубами, но выносилъ наказаніе безъ ропота и медленно, волчьей походкой удался изъ храма.

— Rasch vonn bolvann! кричалъ ему вслѣдъ другой мой заступникъ, Фавъ-денъ-Бошъ, какъ видно хорошо замѣтившій мое „арабское“ восклицаніе.

15 февраля.

Въ Сіутъ, мѣсто вочевки, прибыли за нѣсколько часовъ до солнечнаго захода, и я еще разъ прошелся съ ружьемъ по полямъ. Впрочемъ, здѣсь перепеловъ почти не было; *Sau-die* и *Багера* уже оставили ихъ за собой. Въ стремительномъ плаваніи мы настигаемъ отсталыхъ жаворожковъ и скоро обгонимъ самую весну.

Одновременно съ нами пришелъ въ Сіутъ пароходъ изъ Каира, послѣдній въ этомъ году (не принимающій пассажировъ въ Вади-Хальфу). Онъ привезъ почту. Я получилъ нѣсколько писемъ съ родины и обрадовался имъ какъ морякъ на пути кругомъ свѣта; однако долго не распечатывалъ, стараясь разобрать что во мнѣ происходитъ. Порою не только чужая, но и своя душа—потемки. Къ моей радости какъ будто примѣшивается нѣкоторое недовольство... Не отъ того ли что безграничный эгоизмъ туриста потревоженъ во мнѣ истиннымъ чувствомъ? И зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ вѣсть на меня цною, далекою, дорогою жизнью, воспоминанія о которой, какъ вѣчто излшнее, были такъ удобно засунуты въ самый темный уголокъ души? Зачѣмъ подъ знойнымъ небомъ Египта лѣпятся мнѣ въ лицо морозною, свѣговою Россіей съ ея широкими святками, утреннимъ благовѣстомъ и вечернимъ катаньемъ въ троечныхъ саняхъ? Къ чему встаетъ эта веревка неясныхъ, призрачныхъ картинъ, вызывающихъ сладостное томленіе въ груди? Грязные конверты, прошедшіе черезъ столько рукъ, исписаны милыми почерками; сверху надъ французскимъ стоитъ русскій адресъ; наклеены русскія марки... Самое поздавее письмо отъ 17 января, а есть одно отъ 21 декабря. Надо отвѣчать, скорѣе отвѣчать! Беру перо и исписываю нѣсколько листовъ. Затѣмъ самъ отвожу на почту свои посланія. Скачу по шоссированной лѣстинѣ ко главнымъ воротамъ, вѣзжаю въ городъ (послѣ Бенъ и Ассуана онъ кажется мнѣ столицей) и остановившись у окошечка съ надписью „administration des postes“, покупаю египетскія марки; на нихъ изображены Большія Пирамиды и голова сфинкса.

Вечеромъ каютъ-компанія *Sau-die* наполнилась выходцами съ другихъ пароходовъ и съ дагабитъ: по случаю воскресенія, бѣлокурый нашъ пасторъ говорилъ проповѣдь, хорошо

обдуманную и гладко выраженную, но подходящую болѣе къ магистерской диссертациі чѣмъ къ христіанскому слову. Онъ изучалъ о томъ что общеніе между людьми уподобляетъ ихъ другъ другу въ умственномъ, нравственномъ и даже физическомъ отношеніи. Когда онъ кончалъ, на его мѣсто всталъ американскій миссіонеръ, проведшій много лѣтъ въ Сіути и служившій отчасти живымъ подтвержденіемъ тезиса только-что произнесенной проповѣди: загорѣлый, испитой, съ безпокойнымъ взглядомъ черныхъ глазъ, онъ очень напоминалъ переряженнаго Араба. Рѣчь его—не проповѣдь и не диссертациа—была бѣглымъ отчетомъ его собственной миссіонерской дѣятельности и вообще того состоянія въ какомъ находится протестантская церковь въ Египтѣ. Говорилъ онъ о мѣстныхъ американскихъ школахъ, * изъ коихъ ватагами убѣгаютъ ученики, о протестантскомъ храмѣ баизъ Луксора, построенномъ шесть лѣтъ тому назадъ и въ которомъ до сихъ поръ служеніе не разрѣшено, о дикой нетерпимости помещичьихъ шейковъ, преслѣдующихъ феллаховъ-протестантовъ и т. п. Неуклюже размахивая руками, онъ призывалъ Бога и людей на помощь угнетеннымъ христіанамъ, и была какая-то неотразимая сила въ его молбѣ; звучала въ ней крѣпкая вѣра, сознаніе праваго дѣла, самоотверженіе фанатика.

Позже, когда общество лѣло гимны, и молодые свѣжіе голоса, вырываясь наружу, неслись далеко въ безмолвную ночь, а надъ ними, точно царь надъ подданными, господствовать, увлекая ихъ за собою, голосъ неизвѣстной, прекрасной какъ серафимъ, Англичанки съ голубыми глазами, вѣчно поднятыми къ небу,—миссіонеръ казался прозіралъ въ ней небесное видѣніе, и какъ язычникъ уже обращенный, но еще весь черныи отъ грѣха, молился ей, не смѣя поднять на нее глаза.

16 февраля.

Прощай ослѣпительный Нилъ, убогія деревушки въ зелени лалымъ и акацій, просторъ благоухающихъ нивъ, хребты дальнихъ горъ съ пещерами, не то птичьими гнѣздами въ отвѣсахъ. Прощай прелестное однообразіе объятое египетскимъ

* Въ городѣ ихъ двѣ: воспитываются въ нихъ полтора ста арабскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

небомъ и обдаваемое воздухомъ пустыни: завтра приедемъ въ Каиръ. Вслѣдствіе предаемся мы вѣгъ нашей поѣздки, этого морскаго путешествія безъ каютнаго залака, безъ бури, безъ качки, безъ дождя и холода. Но между нами есть совсѣмъ несчастный человѣкъ. Онъ ничѣмъ не наслаждается и смотритъ убійцей осужденнымъ на смертную казнь. Бѣдный Фанъ-день-Ботъ! Съ того злополучнаго дня какъ онъ подарилъ Американкѣ собачій мѣхъ, отношенія ихъ вове измѣнились. Давно ли съ такимъ увлеченіемъ охотились они вмѣстѣ, давно ли, сидя рядомъ въ качалкахъ и позабывъ на колѣнахъ ружья, смотрѣли они другъ другу въ очи, и графы, цалли, разнородныя утки продолжали блаженно дремать на песчаныхъ отмеляхъ. Теперь лока миссъ Поммерой кокетничаетъ напрадую со всѣми остальными путешественниками, Бельгидъ одинокій и сумрачный безъ промаху бьетъ на лету голубей, только перья несутся по воздуху. Осиротѣлая стаи, вѣсь надъ мутными волнами, смотрятъ какъ теченіе кружить и увоситъ убитыхъ товарищей, а Miss Emily хочеть во все свое звонкое горло, и серебристыя пушкы, вѣнымъ упрекомъ стоящія въ небѣ, ничего не говорятъ ея черстой душѣ.

17 февраля.

Вотъ она уже лотавулась нескончаемая цѣль мелкихъ житейскихъ заботъ и полеченій! Проснувшись, долго не встаю съ постели и думаю не придумаю какъ уложить и куда спрятать всѣ эти бесполезныя страусовыя яйца, ветхія ожерелья, серги, масляные пояса, глянцую посуду—на половину уже побитую, человѣческія руки и ноги, увернутыя въ проржавѣвшіе боты и рассыпающіеся отъ малѣйшаго прикосновенія... Послѣ утренняго кофе, залершись у себя, считаю бѣлье выстиранное въ Луксорѣ (тамъ-таки оказалась прачка, но бѣлье, пройдя чрезъ ея руки, стало грязнѣе чѣмъ было; оно окрасилось въ какой-то желтый оттѣнокъ, быть-можетъ отъ полосканія въ вильской водѣ; вдобавокъ платки сложенные по обыкновенію книжкой слиплись и не развертываются: ихъ видно накрахмалили вмѣстѣ съ рубашками); привожу въ порядокъ разрозненныя страницы записокъ, составляю смѣту предстоящимъ расходамъ. Ирландка, только сейчасъ узнавшая отъ кого-то что я Русскій, невыразимо мѣшаетъ мнѣ, забрасывая сквозь дверь всевозможныя

разспросами о Россіи, гораздо менѣе поэтичными и гораздо болѣе невѣжественными чѣмъ разспросы Ахмета Сафи. Далѣе, участвую въ изготовляеміи аттестатовъ: 1) лакеямъ, 2) драгоманамъ (какъ Ормузду-Ахмету, такъ и Ариману-Мехмету), 3) повару, 4) Анджело, 5) капитану, 6) M. Alexandre. Для полноты мистеръ Поммерой предлагаетъ сочинить заодно аттестатъ и хедиву.

За послѣднимъ обѣдомъ назначеннымъ въ два часа ждетъ насъ сюрпризъ, вѣроятно повторяющійся при каждомъ рейсѣ: на приборахъ красуются *menus* съ золотымъ обрѣзомъ, заказанныя по телеграфу въ Каиръ и доставляемыя на *Saïdie* по почтѣ. Наименованія блюдъ, какъ усматривается ниже льстятъ народному чувству всѣхъ туристовъ:

Paquebot-poste Chédivié. Service des bateaux du Nil.
Agence Cook. Bateau Saïdich.

Menu du diner du 28 Fevrier 1876.

Potage général.

Poisson, sauce Américaine.

Gigot d'agneau à la Française.

Pigeons à l'Anglaise.

Asperges en branches, à la Russe.

Dindonneau à l'Irlandaise.

Salade, sauce crocodile.

Entremets à la Belge.

Dessert cosmopolite.

Café à la savant Allemand (au cognac).

Подается и шампанское; его выставилъ буфетчикъ, которому досталась львиная часть бакшиша, собраннаго по подлинкѣ для прислуги. Расправивъ цѣпочки на жилетѣ, онъ всѣмъ намъ выдаетъ изустно аттестатъ въ хорошемъ поведеніи: никогда, увѣряетъ онъ, не случалось ему совершать поѣздку въ такомъ приятномъ, образованномъ и миролюбивомъ обществѣ; обыкновенно *trip* кончается тѣмъ что туристы переругаются, а то и передерутся (!). Теперь же ничего подобнаго не произошло.

— Это потому что большинство присутствующихъ Американцы, заключилъ хитрый ученикъ Макиавелли.

Ссоръ между нами дѣйствительно не было. Проведя двадцать дней съ утра до вечера вмѣстѣ, мы не то чтобы

подружились, а сжились, привыкли другъ ко другу, стали взаимною потребностью, и въ настоящую минуту мысль о близкой разлукѣ нагоняетъ на насъ неподдѣльную печаль. Приходитъ мнѣ на память прощальная рѣчь Кука о томъ какъ въ жизни люди сходятся и затѣмъ снова расходятся. Отчего тогда слова его показались мнѣ смѣшными? Слетѣвшися какъ птицы съ разныхъ концовъ земли, мы завтра какъ птицы разлетаемся по всему міру, и больше во вѣкъ не увидимся. Къ чему же это взаимное влеченіе, если ему суждено исчезнуть въ зародышѣ? Къ чему это начало духовной связи, если не окрѣпнувъ она должна навсегда лорваться? Всѣмъ намъ грустно до слезъ. Потому-то словно дѣти, которые бѣснуются чтобы не плакать, мы такъ шумно хохочемъ и такъ весело носимся по лалубѣ въ какомъ-то американскомъ гросфатерѣ, затѣянномъ мистеромъ Поммеромъ и мистеромъ Джэемъ.

А по Нилу плывутъ парусныя баржи, нагруженныя соломой; съ берега, изъ подгородныхъ деревень, горластые мальчишки безкорыстными криками привѣтствуютъ наше возвращеніе, какъ три недѣли назадъ привѣтствовали наше отплытіе; вдали, освѣщенный дымнымъ и пыльнымъ пологомъ, показался Каиръ съ тонкими очертаніями своихъ мечетей; вовъ и ливія моста, по которому точно спизанный бисеръ движутся туда и сюда лѣшеходы, всадники и экипажи...

Тамъ, впереди, снова жизнь, снова безлокойства, снова суета и томленіе духа...

XVIII.

21 февраля, Измаілія.

Послѣ четырехдневной легкой хандры и сожалѣній я съ отрадой вспомнилъ что до окончательнаго возвращенія съ гулянокъ въ вѣчную школу жизни мнѣ предстоитъ еще поѣздка на Суэзскій каналъ, и сегодня утромъ, исполненный свѣжихъ силъ, увлекаемый новымъ наплывомъ безлечности, я дѣтвѣлъ по желѣзной дорогѣ въ Измаілію, нацулывая въ карманѣ рекомендательное письмо къ г. Лесселсу, письмо имѣвшее конечно совсѣмъ иное значеніе чѣмъ обыкновенныя рекомендательныя письма. Услаждали меня свѣтъ и зелень, тѣшили безтолковые звонки на станціяхъ, смѣшались

кондукторъ слѣдившій въ залахъ за пассажирами, какъ вѣсѣлка за дылкатами.. Даже голодный завтракъ на подорожѣ въ Загаиу и брань ресторатора, коему путешественники отказались уплатить сполна требуемые деньги, не омрачили во мнѣ юного настроенія духа.

Завтракъ прошелъ довольно забавно. Путешественники сами накрыли себѣ столъ, достали тарелокъ, вилокъ, ножей и пр. Единственный слуга, въ хламидѣ и босоногій, былъ занятъ кормленіемъ прѣихавшихъ со встрѣчнымъ поѣздомъ изъ Измаиліи и Суэза. Кушанья доставлялись намъ уже съ ихъ стола и сведенныя къ алгебраическому нулю. Такъ представляли поочереду: маленькая котлетка плававшая въ огневомъ морѣ остъ-индскаго соуса (онгу), утиная лапка на опустошенномъ въ конецъ блюдѣ и три судка, въ коихъ недавно еще былъ салатъ, а теперь оставался грязноватый уксусъ съ масляными глазками. Мы хоромъ требовали содержателя буфета; цѣны вызывали его какъ вызываютъ актеровъ въ театръ. Напоследокъ онъ явился въ сопровожденіи того же слуги съ подвосомъ.

— Съ васъ 5 франковъ, и съ васъ 5 франковъ, и съ васъ 5 франковъ! говорилъ онъ громко, отчетливо, голосомъ не допускаяшимъ возраженій, точно командовалъ на военномъ суднѣ.

— Позвольте, намъ еще ничего не дали, прекословили за обнесеннымъ столомъ;—мы пожаауи и по 10 франковъ заплатимъ, только сперва накормите насъ.

— Это лустая отговорка, недостойная джентльменовъ! Вы должны были ѣсть въ свое время, а не ждать пока другіе все съѣдятъ. Съ васъ 5 франковъ и съ васъ 5 франковъ...

Однако мы положили на поднось всего по 2½ франка каждый, чѣмъ привели буфетчика въ ярость. До тѣхъ поръ онъ изъяснялся лю-англійски, но тутъ сразу перешелъ на родной италіанскій языкъ и забросалъ насъ какъ лущечвою картечью самыми крупными неалолитанскими ругательствами.

— Согггго di Вассо, соггггго di cassetto! рычалъ онъ въ промежуткахъ чтобы перевести духъ. — Мы воображаемъ, засраменто, что мы порядочные люди?! Какъ бы не такъ! Онъ одинъ, чортъ лобери, въ двѣнадцать разъ болѣе джентльменъ чѣмъ всѣ мы двѣнадцать вмѣстѣ, cap'della Madonna!...

Соплеменнику Петрарки и Данте безнаказанно сошли его дерзости. Никто изъ насъ какъ слѣдуетъ не обидѣлся, быть-

можетъ потому что оскорбленіе равномерно распредѣлялось между нами двѣнадцатью и на долю каждаго пришлось отъ него весьма немного. Да и вообще въ путешествіи обижаться очень мало. Всякій туристъ какъ бы соблюдаетъ известное incognito при которомъ вопросы личной чести почти утрачиваютъ смыслъ, и подобно тому какъ для малолѣтнихъ существуетъ спящая давность, такъ для взрослыхъ на время странствованія возникаетъ honoг dogmiens. Мистеру Джонсону въ Филе мы пожали на прощаніе руку, а Мехмедъ и Анджело получили отъ насъ аттестаты и награды...

До Загазига поѣздъ шелъ цвѣтущею страной; послѣ Загазига началась пустыня. Изъ вагона виденъ только желто-сѣрый песокъ съ рѣдкими пучками травы, торопливо кланяющейся подъ вѣтромъ, да желто-сѣрый песочный туманъ, и сквозь него неопредѣленнымъ пятномъ желтѣетъ солнце.

Но въ окно звать некогда: я потерялъ свой билетъ! Надъ душой стоитъ кондукторъ и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотритъ какъ я въ десятый разъ и уже безо всякой надежды заглядываю въ портъ-моузъ, въ сумку, въ шалашу, подъ сидѣнье... По пріѣздѣ въ Измаилію онъ ведетъ меня какъ преступника къ начальнику станціи съ серебряными локомотивчиками нашитыми на воротникѣ сюртука.

Я предлагаю заллатить.

— У насъ этого не водится, любезно говоритъ онъ;—не откажите лишь снять отвѣтственность съ кондуктора, то-есть засвидѣльствуйте на бумагѣ что билетъ вами дѣйствительно потерянъ.

Описательная географія моей фантазіи въ числѣ другихъ представленій заключала и картинку городовъ Суэзскаго канала. Измаилію я почему-то воображалъ себѣ чаднымъ городомъ съ многоэтажными зданіями, черными трубами фабрикъ, запахомъ каменнаго угля, громомъ каретъ и крикомъ уличныхъ продавцовъ. Но когда съ платформы выходящей въ степь я прошелъ на крыльцо, обращенное къ обширной песчаной площади съ игрушечными дачками по краямъ, и вмѣсто фиктивного города увидалъ подлинникъ, меня охватило чувство деревни, испытываемое при переѣздѣ изъ пыльной столицы на лѣтнія вакаціи,—какое-то предвкушеніе душевнаго отдыха, длинныхъ безцѣльныхъ прогулокъ и долгаго безцѣльнаго лежанія на спинѣ подъ открытымъ небомъ...

На станціи мнѣ сказали что г. Лесселса нѣтъ дома, следовательно къ нему не зачѣмъ было теропиться, и по дорогѣ въ гостиницу я извѣздалъ городъ вдоль и поперекъ. Его негородской чистый воздухъ, предместье садика, новелькіе небольшіе дома съ верандами окончательно опровергли мои бывшія географическія догадки, и на этотъ разъ дѣйствительность оказалась лучше мечты. Схожая во многомъ съ Портъ-Саудомъ, Измаилія еще меньше, еще мало-виднѣе его *; это тоже ребенокъ, благовоспитанный, вымытый, причесанный, но бѣгающій покамѣсть въ одной рубашонкѣ. Не видать разбрасываемыхъ старыхъ демоновъ, холмовъ мусора и известки огороженныхъ досчатыми заборами: гдѣ отсутствуетъ хорошенькая дача или садикъ, тамъ ровный, какъ вода въ безвѣтріе, лежитъ песокъ. Улицы широки и прямы. На главной, строенія ближе тѣснѣе другъ ко другу; есть здѣсь лортионъ безъ вывѣски, съ модною картонкой за стекломъ, парикмахеръ расписавшійся во всю стѣну: „Lepelletier, coiffeur et parfumeur“, магазинъ сукомъ, въ которомъ преобладаютъ ситцы и коленкоръ, нѣсколько табачныхъ лавокъ съ молодыми прикащиками въ галстукахъ цвѣта утренней зари и брѣкахъ отблеска солнечнаго заката, но чаще всего попадаются тихія, скромныя какъ молодая дѣвушка кофейни. Въ сѣхъ пріютахъ бездѣлья не слышать ни лязговыхъ возгласовъ, ни дребезга посуды, ни звона стакановъ; доносится лишь чоканіе биллиардныхъ шаровъ, сосредоточенное и важное какъ споръ двухъ философовъ. Экипажей, разнощиковъ, даже обыкновенныхъ прохожихъ на улицахъ не встрѣчаешь; впрочемъ, двѣ женщины несли въ корзинахъ крашенныя яйца (по какому случаю ихъ здѣсь красятъ, не знаю), да у пороговъ дверей не громко разговаривали черноволосые обвѣтренные люди, котми избилуютъ всѣ южныя гавани. Наблюдательному путешественнику хорошо извѣстны ихъ полушарольскія шляпы, черныя куртки порой съ синимъ отливомъ и коротенькія трубочки или длинныя тонкія сигары, заканчивающіяся соломенкой. Къ какой національности принадлежатъ эти господа,—Исландцы ли они, Генуэзцы, Греки—вѣроятно они и сами того не знаютъ.

* Въ Измаиліи всего 3.000 жителей, въ Портъ-Саудѣ (основанномъ раньше) 10.000.

Измаилия расположена въ близкомъ соседствѣ Тимсы (Timzah) „Крокодилово озеро“. Отъ вокзала къ нему ведетъ прямая, широкая, обсаженная молодыми акаціями „авеню“ сначала пересѣкающая городъ и затѣмъ продолжающаяся за городомъ. Я проѣхался по „авеню“ до озера. Когда зданія кончились, справа разостлалась степь, широко обнявшая Измаилию, а слева, на узкой полосѣ между обводнымъ Нилскимъ каналомъ и озеромъ, протянулись огороды, поставляющіе овощи въ Каиръ. Не успѣвъ я доѣхать до берега какъ лѣтній ливень съ крупными задорными каплями больно застегалъ меня по лицу, по рукамъ и по шеѣ. Я лоскорѣ спрятался въ одинъ изъ деревянныхъ балагановъ, торгующихъ вѣнскимъ пивомъ и другими заграничными налитками. Минуть черезъ десять дождь уже стоялъ за Тимсой косыми темносѣрыми полосами; солнце еще не проглянуло, на небѣ не очистилось ни клочка лазури, между тѣмъ озеро подобное огромному лѣсному ковру ореди сылучихъ лесковъ свѣтилось самымъ вѣжкимъ голубымъ свѣтомъ.

Лучшая гостиница въ Измаилии Hôtel de Paris. Но я почему-то попалъ въ café du Luxembourg. Дорогой ослатникъ (другихъ извозчиковъ здѣсь нѣтъ) указалъ мнѣ бюетъ графа Адольфа Сала (Sala), основателя Измаилии, умершаго во время работъ по проведенію морскаго канала, и домъ Лессельса на quai du Khédive, двухъэтажное зданіе въ швейцарскомъ вкусѣ, съ бѣлыми и темнокирличными полосами по стѣнамъ и надънавное вдоль фасада цвѣтникомъ. Café du Luxembourg, находящійся возлѣ православной церкви, не то въ степи, не то въ городѣ, снаружи мало чѣмъ отличается отъ балагановъ; за то внутри все блеститъ чистотой и опрятностью. Хозяйка, madame Aspert, отвела мнѣ хорошенькую комнату съ окномъ „на улицу“, то-есть на лесокъ, и со стеклянною дверью во дворъ, увитый зеленью. Въ это постели она предложила на выборъ три катафалка съ бѣлыми какъ смѣгъ пологами, смѣющіеся, обворожительные катафалки, исключающіе всякую мысль о смерти.

Одѣвшись прилично обстоятельству, отправился я къ Лесселсу.

— Теперь онъ вернулся, привѣтливо сообщали мнѣ на разныхъ нарѣчіяхъ портовые люди.

— Г. Лессельсъ дома, говорили мнѣ вслѣдъ прикащики.

— Vous le trouverez chez lui, уведомилъ меня г. Денелетъ.

Я ни о чемъ не спрашивалъ... Очевидно извѣстные обыватели сами догадались куда я иду; быть-можетъ они уже знали кто я такой, зачѣмъ прїѣхалъ, когда уѣзжаю и проч.

Въ швейцарскомъ домикѣ за рѣшеткой ландшафтныя. Я не могъ отворить ни одной изъ лицевыхъ дверей; онѣ собственно не были залерты, къ нимъ только придвинули что-то изнутри.

„Бѣдный, подумалъ я, онъ несомнѣнно заставился комодами отъ иностранцевъ, прїѣзжающихъ къ нему на поклонъ...“ Но меня уже теребилъ за рукавъ юный господинъ Лессельсъ, здоровякъ-мальчишка лѣтъ семи, и кричалъ во все горло саовно доподлинно зная что я глухъ какъ чурбанъ:

— Papa m'envoie vous dire d'entrer par le jardin, par ici.

Мы пошли кругомъ.

Лессельсъ, добродушный старикъ въ серебряныхъ сѣдинахъ, съ радушною улыбкой встрѣтилъ меня на порогѣ, впустилъ въ гостиную, подвелъ къ своей женѣ, пригласилъ обѣдать и потомъ уже распечаталъ рекомендательное письмо, немного подмоченное дождемъ. Есть люди съ которыми въ первый разъ встрѣчаешься точно вѣкъ съ нами знался. Мнѣ казалось что самая наружность Лессельса, его живой взглядъ исполненный ума, бритый подбородокъ, коротко-подстриженные усы, знакомы мнѣ изстари. Я видалъ также его оулругу, красивую молодую женщину неподражаемой простоты и изящества, только не помню гдѣ и когда.

Нѣсколько дѣтей малъ-мала меньше, подъ наблюдениемъ краснощекой няньки-Альзаски, возились на полу. Ихъ шестеро; всѣ какъ двѣ капли воды похожи на отца; двое младшихъ, близнецы, едва ползаютъ. Старшій, тотъ что привелъ меня въ домъ, не выпускаетъ моего рукава.

— Maintenant, проголосилъ онъ мнѣ въ ухо, послѣ того какъ „papa“ узнавъ изъ письма что я служу въ Константинополѣ, оувѣдомился о генералѣ Игнатъевѣ и его семействѣ—Maintenant il faut que vous alliez au jardin chez les lapins et les antilopes.

У Лессельсовъ круглый годъ открытый столъ, какъ у русскаго помѣщика сороковыхъ годовъ; разница въ томъ что здѣсь „сосѣди“ съѣзжаются къ обѣду не изъ ближнихъ имѣній, а со всѣхъ концовъ свѣта. Сегодня, кромѣ меня,

Русскаго, съ береговъ Босфора, за столомъ сидятъ дочь испанскаго консула въ Каирѣ, уроженка Андалузіи, французскій военный агентъ въ Японіи, проѣздомъ изъ Нагасаки въ Марсель, кто-то изъ Бразиліи, еще кто-то чуть не изъ Полинезіи, наконецъ прожившій несколько лѣтъ въ Бомбей и Калькуттѣ M. Victor, сынъ Лессепа отъ перваго брака, молодой человекъ лѣтъ 30—35, носящій на себѣ тотъ особый отпечатокъ скужающей лѣтъ, который накладывается Востокомъ на Европейцевъ.

— Il avait servi dans diplomatie, mais depuis peu a quitté la carrière...

— Не интересная страна, отвѣчалъ онъ на мои жадные вопросы объ Индіи,—совсѣмъ въ родѣ Египта: зеленыя поля, пальмы, рѣки, мутныя какъ Нилъ, города изъ глины, скрипящія днемъ и ночью колеса водокачекъ, храмы въ утесахъ, храмы въ лѣсу, храмы въ равнинѣ—et avec ça, adieu raisonnce, ras de société...

— А охота, тигры, jungles? *

— Jungles въ томъ видѣ какъ вы себѣ ихъ представляете встрѣчаются лишь въ романахъ, а тигры такая же рѣдкость какъ крокодилы въ Египтѣ: надо ѣхать за ними Богъ знаетъ куда; да и охота на слонахъ изъ-за желѣзной рѣшетки не представляетъ никакой опасности и потому скучна. Не ѣдите же въ Индію, тамъ право скучно.... какъ впрочемъ скучно всюду, за исключеніемъ Парижа.

Послѣ кофе Лессепъ-отецъ долго разсматривалъ висящій на стѣнѣ планъ Измаиліи съ блѣдною канвою будущихъ улицъ и съ черными полосками въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ городъ уже застроенъ: вдоль овера, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, расположены въ одинъ рядъ раздѣленные проспектами квадратные кварталы съ круглыми площадями посрединѣ (font-ports) и съ перекрестными улицами по перпендикуляру и по диагоналямъ; откуда бы ни дулъ вѣтеръ, онъ будетъ свободно гулять по всему поселенію и увосить миазмы.

— Понравился ли вамъ городъ? спросилъ меня старикъ:— не правда ли, онъ не можетъ не понравиться? Какой климатъ, какой воздухъ, какое купаніе и зимой, и лѣтомъ....

Я конечно отвѣчалъ что понравился, и онъ общалъ

* Jungles—дѣвственные степи Ост-Индіи, покрытыя травами и кавышами.

подарить мнѣ карту Суэзскаго канала съ маленькимъ лавомъ *Измаиля*. Ничѣмъ нельзя такъ обрадовать Лессежа какъ похвалить любезный его городокъ. Онъ относится къ нему съ родительскою лѣткостью, какъ къ своему *Victor*'у, въ которомъ не чаешь души.

— Се *revivre Victor*, не разъ повторилъ онъ, взглядывая на сына:—*sans doute il va mieux, mais il a été bien malade, oh, bien malade!*

При блескѣ мѣсяца *Измаиля* еще лучше чѣмъ днемъ, и на возвратномъ пути въ „*Luxembourg*“ я снова слѣдую вдоль и поперекъ всего города. Вѣтеръ слабо вздыхаетъ за низкими оградками въ темныхъ садикахъ; совы перекакиваются съ крышъ; въ небѣ лоскутываютъ кулички; тѣни летучихъ мышей мелькаютъ у ногъ монахъ, на жескѣ, гдѣ въ вырытыхъ ямкахъ озаренная луной спятъ собаки. Торговые улицы еще бодрствуютъ. У дверей лавокъ прикащики бесѣдуютъ обо мнѣ съ приморскими людьми, въ сущности совсѣмъ безобидными, но смахивающими подъ вечеръ на бандитовъ. Въ кофейняхъ слышится несложная музыка, да бильярдные шары продолжаютъ вести между собою философскій разговоръ.

22 февраля.

Славно спалось мнѣ подъ кисейнымъ балдахиномъ на одной изъ катафалокъ. Раннее воркованіе египетскихъ голубей, * что-то среднее между лѣтнимъ кукушки и горленки, запахъ особой веревки, *citronelle*, изъ которой въ Дамьетѣ дѣлаютъ духи, ** деревенскій благовѣсть, врывающійся вмѣстѣ съ яркимъ свѣтомъ въ растворенное окно и какъ бы напояющій комнату,—все это въ общей сложности разбудило меня. Сквозь пологъ въ стеклянную дверь видны клокъ голубаго неба, часть двора съ зеленью на трельяжахъ и *madame Aurore* въ утреннемъ уборѣ, чистящая баклажаны и бобы для стола своего единственнаго постояльца. Но мнѣ не суждено отвѣдать ея кухни: меня звали завтракать и обѣдать къ Лесселсамъ на все время моего здѣсь пребыванія.

* Ихъ двѣ породы, весьма схожія: *turtur senegalensis* и *turtur abellinus*. Прилетаютъ они съ юга въ то самое время когда наши горленки отбываютъ на сѣверъ.

** „*Citronelle*“—*arboise augone*—переводитъ на франко-латинскій языкъ Вѣшфель. Названіе веревки дано этому растенію совсѣмъ ошибочно.

Я лежу еще въ постели, а слуга Арабъ уже вноситъ два рукомойника и полоскательницу съ тазъ величиной.... Однако это не умывальныя принадлежности: въ одномъ рукомойникѣ кофе, въ другомъ молоко, полоскательница же должна служить мнѣ чашкой; потомъ является хлѣбъ, „rain de ténage“, длинный какъ балясина перилъ, и на тарелкѣ кусокъ масла вѣсомъ въ вѣскольکو фунтовъ. По такимъ порціямъ можно съ выгодной стороны судить объ измаильскомъ аппетитѣ.

Что дѣлать сегодня? Собственно надо бы ѣхать на раскопки города Рамзеса или Раамсеса, построеннаго Израильянами для фараона-утѣскителя. * Но пока тамъ открыта лишь стѣна храма и сфинксъ, что для туриста только-что вернушагося изъ Египта представляетъ мало любопытнаго. Начиная съ того что иду къ Лесселсамъ и кончаю тѣмъ что провожу съ ними весь день: сперва бѣгаю и играю съ дѣтми подъ надзоромъ цвѣтущей какъ піонія Альзаски, потомъ Лессельсъ показываетъ мнѣ машину, *usine*, качающую прѣсную воду въ Портъ-Саидъ, дагѣ по приглашенію мадамъ Лессельсъ ѣду со многочисленнымъ обществомъ ловить рыбу въ Тамсѣ.

Къ машинѣ на другой конецъ набережной ** (*quai du Khedive*) повезла насъ пара сытыхъ, рослыхъ лошадей, запряженная въ крѣпкій помѣщичій экилажъ въ видѣ плетеной корзины на колесахъ.

Кругомъ зданія, содержимаго въ образцовомъ порядкѣ и похожаго на загородный дворецъ, съ большимъ вкусомъ разбитъ крошечный садикъ, который можно смѣло назвать ботаническимъ, столько въ немъ разныхъ породъ мимозъ, банановъ и лихтъ; здѣсь, между прочимъ, мнѣ впервые приходится видѣть каучуковыя деревья съ ихъ гладкими какъ змѣи вѣтвями. Смотри на толстые стволы въ вѣскольکو сажень вышиною не вѣришь что деревья посажены которыя девять, которыя семь лѣтъ назадъ. Такую изумительную силу

* „И поставили надъ нимъ (то-есть народомъ сыновъ Израилевыхъ) начальниковъ работъ чтобъ изнуряли его тяжкими работами. И онъ построилъ фараону Пиомъ и Раамсесъ, города для запасовъ.“
Исходъ, гл. I, ст. 11.

** Набережная эта, съ которой ни берега, ни воды не видать, а виденъ одинъ песокъ, находится не надъ озеромъ, а надъ прѣсноводнымъ каналомъ.

растительности слѣдуетъ приписать сосѣдству нильской воды, проведенной сюда изъ окрестностей Каира и обтекающей въ обводномъ каналѣ городъ. Въ Суэзѣ, въ Измаиліи и Портъ-Саидѣ она также какъ въ Нильской долинѣ превращаетъ сыпучій песокъ въ плодороднѣйшую почву. Среди извилистыхъ дорожекъ и миниатюрныхъ искусственныхъ скалъ устроено нѣсколько бассейновъ и небольшой прудъ-резервуаръ, изъ коего гонится вода цвѣта жидкой грязи.

Въ просторной комнатѣ, святилищѣ чистоты и тишины, безъ малѣйшаго шума обращается колесо десяти метровъ въ поперечникѣ и съ еле слышнымъ шипѣніемъ движется поршень. Конечно, гулъ и стукотня самой смиренной швейной машины показались бы въ сравненіи небеснымъ громомъ. И въ этой торжественной нѣмотѣ творится великое дѣло: 10.000 человѣкъ круглый годъ снабжаются водой. Ее ежедневно перекачивается до 2.000 кубическихъ метровъ. Вода бѣжитъ по двумъ чугуннымъ трубамъ проложеннымъ чрезъ пески вдоль канала; гонится она только до Эль-Гифа (верстахъ въ четырехъ отъ Измаиліи), вышей на ея дорогѣ точки, а далѣе сама уже стремится въ низменный стоящій на морскомъ уровнѣ Портъ-Саидъ, куда вслѣдствіе прохожденія по трубамъ на разстояніи шестидесяти слишкомъ верствъ притекаетъ настолько чистою что ее можно пить не цѣдя. Между Портъ-Саидомъ и Измаиліей станціи канала надѣлены водоемами и, кромѣ того, на пути трубъ приблизительно чрезъ каждыя пять верствъ устроены цистерны. На югъ прѣсной воды не гонится: каналъ проведенный отъ Нила къ Измаиліи продолженъ отсюда вдоль морскаго канала до Суэза. Прѣсный каналъ отъ Каира до Измаиліи въ послѣднее время расширенъ и на дняхъ обращается въ судоходный, работаютъ надъ послѣднимъ его шлюзомъ.

Рыбная ловля на ракушки донными удочками безъ тростей была не особенно добычлива. Сперва попытали мы счастья на пристани. Тутъ никто ничего не поймалъ, кромѣ хозяйки, наудившей множество горбоносыхъ дорядъ. Куда она ни садилась, закидывала ли замороженную свою удочку во всю длину леси или роняла ее въ бирюзовую воду у самыхъ свай, чрезъ мгновеніе рыба уже трелетно билась на поводкѣ. Часъ спустя паровой катеръ увезъ насъ въ „лучшія мѣста“, но тамъ перестало клевать и у madame Лессепсъ.

Крючки только цѣплялись за подводный тамариксъ, росшій когда-то на сухомъ днѣ озера и теперь кажущій изъ воды мертвыя вѣтки, мѣстами густыя и узловатыя какъ вершины потолченнаго лѣса. А въ оцѣвленной песчаными буграми бухтѣ, надъ которою ища гдѣ приткнуться, вилась стая рѣзвкрылыхъ чирятъ, рыбаки съ сѣтью на нашихъ глазахъ взяли богатую тою, вытащили, между прочимъ, аршинное чудо-юдо, полу-ерша и полу-окуна.

Въ заключеніе, когда удильщики приступили къ коробу съ закусками и винами, налетѣлъ съ Чермнаго Моря дождь, еще болѣе задорный и веселый чѣмъ вчера, и въ нѣсколько приѣмовъ окатывалъ насъ какъ изъ ведра. Я пострадалъ менѣе другихъ, благодаря заботливости Лесселса. На машинѣ онъ долго воевалъ со мной по поводу того что пальто мое оставлено дома и наконецъ самъ заѣхалъ за нимъ въ гостиницу.

Послѣзавтра предположена ловля въ Горькихъ Озерахъ, любименномъ притонѣ всякой рыбы; но меня не будетъ. Въ этотъ день я непременно долженъ съ утреннимъ поѣздомъ вернуться въ Каиръ.

Въ моемъ распоряженіи остался одинъ завтрашній день, а я еще не приступалъ къ осмотру канала, видѣлъ лишь его фарватеръ на Тимсѣ отмѣченный буями. Лесселсъ совѣтуетъ съѣздить въ Портъ-Саидъ и обратно на одномъ изъ маленькихъ пароходовъ ежедневно отходящихъ изъ Измаиліи: если я выѣду завтра утромъ, то на слѣдующій день послѣю назадъ къ желаемому каирскому поѣзду. Я благодарю за совѣтъ, соглашаюсь ему послѣдовать.... однако стоить ли тратить цѣлыя сутки на каналъ? Онъ вездѣ одинаковъ и на него достаточно взглянуть въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, а къ тому же съ маленькаго парохода ничего не увидишь; если ѣхать, такъ ужъ ѣхать на океанскомъ, съ котораго далеко видно во всѣ стороны, да когда его дождешься?... Въ Портъ-Саидѣ я уже былъ. Возвращаться придется ночью... Короче, я подбираю всякіе предлоги чтобъ усложнить въ себѣ безпкойную совѣсть туриста; на самомъ же дѣлѣ мнѣ не хочется ѣхать, потому что я предпочитаю провести лишнія сутки здѣсь, въ милomъ обществѣ Лесселса, его жены и товарищей моихъ дѣтскихъ игръ.

XIX.

23 февраля.

Директоръ эксплуатаціи Суэзскаго канала былъ очень удивленъ когда и сегодня увидалъ меня за своимъ завтракомъ. Я послѣдшилъ увѣрить что съ вечера долго писалъ письма и потому нынче проспалъ пароходъ; но писемъ я никакихъ не писалъ, а египетскіе голуби, запахъ citronelle и звонъ колоколовъ разбудили меня въ урочный часъ.

— Видно мнѣ самому придется показывать вамъ каналъ, vous faire les honneurs, сказалъ онъ улыбаясь,—однако сегодня въ моемъ распоряженіи нѣтъ парохода. Надо будетъ ѣхать верхомъ по берегу.

И вотъ мы въ степи: Лесселсы, отецъ и сынъ, служащій въ Обществѣ г. R. и я. вмѣсто того чтобы держаться берега Тамсы, кавалькада направляется къ каналу въ перерѣзъ чрезъ степь, на сѣверъ. Измаилія скрылась за нами; кругомъ безпредѣльный просторъ, океанъ свѣта и воздухъ пустыни, чистый и вкусный какъ ключевая вода. Красивыя арабскія лошади, уходя по бабки въ песокъ, стулаютъ широкимъ шагомъ; изъ-подъ ихъ копытъ, слегка загнувъ кверху хвосты, быстрыя какъ мысль, убѣгаютъ ящерицы; на прилѣтѣ опрокидываются черныя лузатые жуки, какихъ я видѣлъ на кладбищѣ Мемфиса; особые большіе скакуны въ бѣлыхъ крапинахъ (cicindella) сторожатъ мелкихъ букашекъ; въ почвѣ видны небольшія отверстия, всегда обращенныя на востокъ, это норы ядовитыхъ Клеопатриныхъ змѣекъ (vipères de Cléopâtre).

Вдемъ мы по библейской странѣ Гесемъ, когда-то плодородной и богатой *, но давно обратившейся въ пустыню. Теперь съ прорытіемъ морскаго и прѣсноводнаго каналовъ пустыня олять понемногу становится живымъ краемъ: большая

* Книга Бытія, гл. XLVII, стих. 6. „Земля Египетская предъ тобою, на лучшемъ мѣстѣ земли посели отца своего и братьевъ своихъ; пусть живутъ они въ землѣ Гесемъ, ст. 11. И поселилъ Юсифъ отца своего и братьевъ своихъ, и далъ имъ владѣніе въ землѣ Египетской въ лучшей части земли, въ землѣ Раамсесъ, какъ повелѣлъ Фараонъ.“ Вѣроятно этимъ послѣднимъ именемъ Моисей называетъ страну анахронически, т.-е. по имени города выстроеннаго Израильянами въ послѣдствіи (см. прим. выше).

водная площадь вновь образовавшихся озеръ распространяетъ влажность и притягиваетъ дожди, что способствуетъ произрастанію злаковъ; по берегамъ каналовъ открылись ластбища, въ озерахъ завелась рыба, въ травѣ наскомья; скоть удобряетъ землю; наскомья и рыба приманиваютъ сухоземную и морскую птицу, а торговля привлекаетъ людей, которые на новомъ морскомъ пути заводятъ поселенія и города. Такимъ образомъ, мало того что Лессельсъ, создавъ морской проливъ, открылъ прямое сообщеніе между далекими землями, онъ еще вызвалъ къ жизни мертвый край, воскресилъ прежній Гесемъ. Оттого-то онъ и глядитъ на страну какъ сельскій хозяинъ на свое помѣстье, интересуется каждою ея былинкою, каждою мухою, заглядывается на всякій видъ и съ наслажденіемъ вдыхаетъ воздухъ. Здѣсь все обязано ему своимъ существованіемъ. Измаилія въ особенности составляетъ его слабость: этой своей „усадыбы“ онъ не промѣняетъ ни на что въ мірѣ и быть-можетъ любить ее больше чѣмъ свое главное созданіе—каналъ.

Въ открытой степи Лессельсъ пустилъ свою лошадь рысью.

— Si je trotte, замѣтилъ онъ,—c'est que j'ai quatre petits clous... je voudrais les aplatis. *

М. Victor, хвастая достоинствами своего гнѣдаго четырехлѣтка, началъ вскачь описывать окрестъ насъ лавные круги.

— Ménage-toi, говорилъ отецъ,—n'oublie pas que tu as été malade—и потомъ уже кряхтѣлъ и восклицалъ: „pristi“, что безъ сомнѣнія относилось къ собственнымъ petits clous.

Конь молодаго человѣка, изъ всѣхъ лучшій, скакалъ ровно, вытаскиваясь въ струнку, какъ борзая собака; онъ не закосился, не задавалъ козла, не трясъ гривой, не вставалъ на дыбы и на шагъ не показывалъ ни малѣйшаго поползновенія прясть ушами или танцовать. Будучи самыхъ изящныхъ статей, онъ тѣмъ не менѣе отнюдь не походилъ на того звѣря который извѣстенъ нашему воображенію подъ именемъ кровной „арабской“ лошади и у которой изъ глазъ сыплются искры, изъ рта клубится лѣва пополамъ съ кровью, а изъ ноздрей и ушей пышутъ пламя и дымъ. Образъ этого баснословнаго животнаго, вмѣстѣ съ давними представленіями

* Вду я рысью потому что у меня четыре небольшие чирья... Мнѣ бы хотѣлось ихъ приплюснуть.

Египта, Алжира и другихъ африканскихъ мѣстностей, до сихъ поръ сохранила моя память, хотя я уже нѣсколько лѣтъ познакомился съ дѣйствительною арабскою лошадью, благородно-прекрасною, но лѣнливою и спокойною какъ корова.

Меня мало занимають эволюціи г. Виктора. Я люблю стелью и въ то же время слушаю Лесселса, разказывающаго мнѣ славную повѣсть Суэзскаго канала.

Въ общемъ стель несказанно хороша; если же вникать въ частности, то, пожалуй, нѣтъ въ ней ничего привлекательнаго: песокъ, мѣстами рѣдкіе свивающіеся стебельки травъ и больше ничего. Кругомъ Измаиліи часто бывають миражи, дальше же къ Портъ-Саиду они прекращаються только на ночь. Но мало кто видитъ ихъ въ здѣшнихъ безлюдныхъ равнинахъ, и эти далекія воздушныя видѣнія—живыя картины въ полгоризонта, разнообразясь и перемежаясь въ вѣчной игрѣ, по большей части для себя однихъ ведутъ свой хороводъ. Сегодня небо покрыто серебристыми легче луха тучками, вслѣдствіе этого миражей нѣтъ: въ замѣвъ прихотливая стель ежеминутно обманываетъ зрѣніе порою скрадывая, порою увеличивая разстоянія, такъ что ни о чемъ нельзя судить по глазомѣру. Вотъ надъ чертой земли на свѣтломъ небосклонѣ вырѣзаются фигуры двухъ великановъ, стерегущихъ крошечныхъ овецъ, которыя проворно перебѣгаютъ отъ одного лучка травы къ другому. Все это гдѣ-то далеко-далеко, на краю свѣта. Однако на рысяхъ мы быстро настагаемъ стадо. И что же? овцы ростомъ не отличаются отъ обыкновенныхъ, а пастухи-Голіаѳы оказываются мальчишками.

Бдемъ далѣе: въ какихъ-нибудь ста саженяхъ пасутся два верблюда, нагибая на ходу длинныя шеи. Пастуха при нихъ нѣтъ, они сами вернутся къ ночи на мѣсто привала. Мы направляемся прямо къ нимъ, рысимъ минуту, двѣ, три, а они едва подвигаясь все отдаляются отъ насъ. Мы повернули въ сторону такъ-таки и не нагнавъ ихъ.

Лесселсу не въ тягость говорить о каналѣ, хотя то что онъ говоритъ повторяется имъ въ сотый, если не въ тысячный разъ. Въ словахъ его слышится теплое сочувствіе къ предмету рѣчи, сочувствіе съ какимъ художникъ относится къ своей оконченной повѣсти. Лесселсъ охотно вдается въ подробности и не скудится отвѣтами на невѣжественные вопросы. Благодаря ему я узнаю исторію канала отъ древнѣйшихъ временъ.

Первая мысль соединенія Чермнаго и Средиземнаго морей

принадлежить Сезострису *, но приведена она въ исполненіе лишь при царѣ Нехо **. Нехо прокапываетъ прѣсноводный каналъ отъ Пелузійскаго рукава Нила къ теперешнимъ Горькимъ Озерамъ, тогда еще соединеннымъ съ Краснымъ Моремъ чрезъ естественный протокъ и представлявшимъ древній Геареопольскій заливъ. Въ послѣдствіи протокъ этотъ мало-по-малу обмелѣваетъ. Дарій Гистаспъ *** углубляетъ его. Однако вскорѣ Пелузійскій рукавъ становится несудоходнымъ и каналъ перестаетъ существовать. Траянъ, какъ полагаютъ одни, или какъ утверждаютъ другіе, полководецъ Амру, устраиваетъ новый каналъ, взявъ исходною точкой русло самаго Нила (у самаго Каира). Но тутъ Геареопольскій заливъ окончательно исчезаетъ съ земной карты. Сначала протокъ обращается въ сухую песчаную долину, потомъ испаряются и оставшіяся озера.

Такимъ образомъ, первоначальныя попытки направлены къ тому чтобы связать моря *посредствомъ Нила*. Впрочемъ, уже Геродотъ (совершившій свое путешествіе по Египту въ 454 году до Р. X.) замѣчаетъ что кратчайшій путь между „Сѣвернымъ“ и „Южнымъ“ морями шелъ бы по границѣ Египта и Сиріи (то-есть по Суэзскому перешейку), что каналъ царя Нехо гораздо длиннѣе этого пути, ибо дѣлаетъ много изворотовъ.

Проходить долгій срокъ; разобщенныя моря постепенно отдаляются другъ отъ друга, и мысль объ ихъ соединеніи дремлетъ вдали отъ человѣчества. Въ 1798 году она возрождается въ безлобномъ и тщеславномъ умѣ генерала Бонапарта. Главокомандующій французскою арміею въ Египтѣ поручаетъ инженеру Лелеру составить проектъ о прямомъ каналѣ между морями, но Лелеръ находитъ большую разность въ уровнѣ морей: Чермное, по его наблюденіямъ, на 30 футовъ выше Средиземнаго, и затѣя Наполеона падаетъ на морское дно.

Въ 1831 году въ Александрію, въ качествѣ élève-consul, пріѣзжаетъ сынъ бывшаго французскаго представителя въ Египтѣ, никому невѣдомый Ferdinand de Lesseps, и

* Греческое имя Сети I, коего Греки смѣшивали иногда съ Рамсесомъ II.

** Отъ 616 до 600 XXVI^е династіи. При немъ было также первое омытіе южной оконечности Африки (?)

*** Отъ 521 до 486 XXVII династіи (персидское владычество).

задерживается въ карантинѣ, гдѣ случайно прочитываетъ *mémoire* Делера. 28 лѣтъ спустя (13 апрѣля 1859 года) уже всему міру извѣстный Лессельсъ, окруженный десяткомъ Европейцевъ и сотней Арабовъ, первый ударяетъ лопатой въ песокъ на мѣстѣ будущаго Портъ-Саида.

О своей дѣятельности Лессельсъ выражается съ тою прелестью скромностью, что въ большей части случаевъ не отличаетъ великихъ людей. Выставляя впередъ товарищей и помощниковъ, онъ о самомъ себѣ говоритъ лишь вскользь, какъ-то между прочимъ.

Проектъ былъ выработанъ, концессія добыта, но много помѣхъ и препятствій предстояло еще одолѣть для исполненія обширной задачи. Тяжелыхъ хлопотъ стоило достать, хотя и въ разные сроки, 17.000.000 фунтовъ стерлингъ *, потребныхъ на производство работъ въ общей ихъ сложности; одно время вслѣдствіе недостатка средствъ работы были приостановлены и исполнскому плану грозило надолго остаться мечтой. Въ теченіе многихъ лѣтъ приходилось бороться съ просвѣщеннымъ Англійскимъ правительствомъ, которое изъ эгоистическихъ расчетовъ всячески мѣшало осуществленію замысла, имѣвшаго цѣлью общечеловѣческую пользу. Знаменитый мой чичероне съ чувствомъ глубокой благодарности уломивалъ объ энергической поддержкѣ оказанной ему нашимъ константинопольскимъ посломъ **. Но главныя затрудненія встрѣтились въ дѣлѣ самаго прорытія. Тяжка была борьба съ природой. Пустыня стойко охраняла свои владѣнія, лалила рабочихъ зноемъ, изжуряла ихъ голодомъ, мучила жаждой... Сначала одно снабженіе людей прѣсною водою обходилось ежегодно въ 3.000.000 франковъ; подводомъ ея было занято 1.600 верблюдовъ; другаго средства сообщенія не было. Въ послѣдствіи вода была проведена изъ Нила къ Тимсѣ и отсюда къ Суэзу.

— А мнѣ все-таки жаль что вы не съѣздили сегодня въ Портъ-Саидъ, говорилъ Лессельсъ, вздыхая за меня.

— Я напротивъ былъ въ восторгѣ. Положимъ я видѣлъ бы если не весь каналъ, то бѣольшую его часть, но тогда наша прогулка не состоялась бы, и *самъ Лессельсъ* не служилъ бы мнѣ путеводителемъ.

* Изъ нихъ 8.418.000 уплачены Египетскимъ правительствомъ; ему никогда не возмѣстилась эта затрата.

** Н. П. Игнатьевъ.

Въ бѣгломъ сжатомъ очеркѣ овъ далъ мнѣ такое ясное представленіе о дорогѣ проходимоѣ каваломъ что совѣсть туриста совершенно во мнѣ усложилась и послѣдняя тѣнь угрызеній исчезла; безъ сомнѣнія, на пароходѣ я не услышалъ бы всѣхъ этихъ драгоценныхъ комментаріевъ.

Въ сѣверной части перешейка къ Средиземному морю примыкаетъ широкое мелкое озеро Мензала, отдѣленное отъ моря узкою низменною косой, мѣстами не шире двухсотъ аршинъ. На этой-то косѣ, покрываемой въ бурю волнами и лѣной, было начато современное чудо свѣта: вырыта гавань, далеко по мелководному взморью продолженъ фарватеръ и поставлены съ двухъ сторонъ каменные молы. Устройство порта Саида стоило большихъ жертвъ и усилій.

— А теперь въ награду за труды, прибавилъ Лессельсъ,— мнѣ нерѣдко случается слышать отъ путешественниковъ подобнаго рода комплиментъ: „*Sependant vous avez eu de la chance d'avoir rencontré sur votre tracé un port comme celui du Port Said!*“

Каналь этотъ въ длину 150 километровъ. Общее направленіе его — съ сѣвера на югъ съ едва замѣтнымъ уклоненіемъ отъ запада къ востоку. Русло канала пролегаетъ прежде всего чрезъ озеро Мензала (съ краю вдоль восточнаго берега). * На озерѣ бываетъ пролетомъ множество всякой птицы; попадаются и живыя карикатуры голенастыхъ фламинго, не видѣнные мною на Нилѣ. Рыба водится въ изобиліи, и съ арендуемыхъ ловель правительство выручаетъ 1.500.000 франковъ. По выходѣ изъ Мензала каналъ идетъ къ небольшому озеру Балла и пересѣкаетъ его. Между Мензала и Балла, по большой Азіато-Африканской дорогѣ, въ разныя историческія эпохи, перекочевывали народы. Ассирійскія, персидскія, арабскія, эллипскія, римскія, французскія и египетскія войска ходили этимъ путемъ на побѣды и пораженія. Дорога существуетъ понынѣ и чрезъ каналъ устроена переправа.

Между озерами Балла и Тимса каналъ прорѣзаетъ эль-Гисръ (мостъ), граду незначительныхъ возвышенностей футовъ въ сорокъ надъ уровнемъ моря, послужившую, какъ

* Вся эта часть озера, которая находится по восточную сторону канала, засыпана и обращена въ материкъ.

полагаетъ Шлейденъ, начальнымъ основаніемъ перешейку: по объясненію названнаго ученаго, это тѣ дюны и коса, которые, образовавшись въ доисторическомъ Азіато-Африканскомъ проливѣ, поставили первое живое урочище между двумя морями.

Въ Тимсѣ издавна не было воды.

— Помните какъ озеро постепенно наливалось? обратился Лессельсъ къ г. R.—Помните какъ мы скакали по зарослямъ тамарикса, когда уже шлюзы были подняты. Несчастные кустарники! Агонія ихъ длилась долго: они утопали въ теченіе вѣсколькихъ сутокъ.

Далѣе каналъ соединяетъ Тимсу съ Горькими Озерами. Горькія Озера суть, по предположенію Бругта, Мерра Библии.* Съ виду какъ и Мензалэ они представляютъ настоящія моря; низменный берегъ исчезаетъ за водною чертой. Въ сѣверномъ, вдвое большемъ противъ южнаго, около тридцати верстѣ длины и слишкомъ десять ширины. Средину его, когда оно было сухо, занималъ эллиптической солончакъ во сто квадратныхъ верстѣ. Глубина обоихъ озеръ около тридцати футовъ, такъ что проводить фарватера не было нужды.

Дѣло прорытія канала заключилось именно въ бассейнѣ Горькихъ Озеръ. Какъ только на сѣверѣ и на югѣ все было готово, въ озера—еще пустыя—сквозь дверцы двухъ чудовищныхъ плотинъ потекла вода въ ежедневномъ количествѣ семнадцати милліоновъ кубическихъ метровъ, и вскорѣ волны морей, до тѣхъ поръ разобщенныхъ, братски слившись, услокоплись и сравнялись зеркальною гладью. Бѣдный Леперъ со своею разницей въ уровняхъ окончательно олростоволосился.

Теченіе на каналѣ образуется только во время прилива или вѣтра. Почти незамѣтный въ Средиземномъ морѣ приливъ

* *Исходъ*, гл. XV, 22. „И повесть Моисей Израильтянъ отъ Чермнаго Моря, и они вступили въ пустыню Сурь; и шли они три дня по пустынѣ, и не находили воды.“

23. „Пришли въ Мерру и не могли пить воды въ Меррѣ, ибо она была горька, почему и наречено тому (мѣсту) имя Мерра, т.-е. горечь.“

Быть-можетъ вѣрнѣе было бы въ переводѣ 23 стиха вмѣсто „въ Мерру“ поставить къ Меррѣ (въ англійскомъ переводѣ „to Marah“ въ Лютеровомъ „*gen Mara*“), а въ скобкахъ слово „мѣсто“ замѣнить словомъ „озеро“. Впрочемъ, не зная еврейскаго языка, предоставляю людямъ болѣе свѣдущимъ судить основательно ли подобная догадка.

гораздо значительнѣе въ Красномъ; * онъ производитъ теченіе съ юга на сѣверъ, иногда доходящее до Тимсы. При сѣверномъ вѣтрѣ наблюдается обратное явленіе: вода стремится изъ Мензала къ Тимсѣ. Водораздѣлъ морей находится между Тимсой и Горькими Озерами.

Отъ Горькихъ Озеръ до Суэза не далеко...

Но подробностей объ этой части канала мнѣ не суждено было услышать. ** Лессельсъ оборвалъ рѣчь на полусловѣ и, пристально взглянувъ въ даль, какъ борзятникъ воззрѣвшійся въ звѣря, съ мѣста пустилъ коня во всю прыть.

— Un trois-mats ***, закричалъ онъ намъ уже на полномъ скаку.

Всѣ бросились за нимъ. Лошади взрывая песокъ неслись черезъ бугры и наносы въ ту сторону гдѣ надъ волнистою равниной, точно кресты семейнаго кладбища, чернѣли три мачты съ поперечными реями. Вскорѣ г. R. и я далеко отстали отъ Лессельсовъ; для насъ они преобразились въ двѣ темныя точки на свѣтломъ бездорожьѣ пустыни. Однако можно было разглядѣть что M. Victor, несмотря на превосходство своей лошади, оставался назади отъца. Изъ насъ четырехъ бѣлѣтій старикъ оказался лучшимъ ѣздокомъ. Когда я настигъ его, онъ красовался на вершинѣ холма, неподвижный въ своей ловкой посадкѣ.

— J'aime à voir passer des navires comme ça, говорилъ онъ съ какимъ-то юношескимъ жаромъ; глаза его блестя ярче обыкновеннаго, а по лицу разлился широкій молодой румянецъ.

Тѣмъ временемъ странное, ни съ чѣмъ несообразное, хотя и величественное зрѣлище проходило предъ моими глазами. Среди стелнаго песку какъ будто посуху неслышно и плавно двигалось большое океанское судно. Воды я не замѣчалъ; каналъ имѣеть всего 58 метровъ ширины, и чтобы видѣть его надо подѣхать къ самому берегу.

Пароходъ, по имени *Бугара*, идетъ прямымъ рейсомъ изъ Бомбея въ Суутгамлтонъ, останавливаясь за углемъ только

* Въ Черномъ 1 метръ 30 сантиметровъ, въ Средиземномъ всего 10 сантиметровъ.

** На означенномъ протяженіи при землекопныхъ работахъ находили кости гиппопотамовъ, акулъ и разнообразныхъ кимовъ (Бадекеръ).

*** Трехмачтовое судно.

въ Аденѣ, Суэзѣ, Мальтѣ. Много пассажировъ высыпало на палубу и смотрять на насъ. Догадываются ли они кто этотъ свѣдой всадникъ на вороной лошади, посылающій рукою привѣтъ калитану? Наврядъ! да и какое имъ дѣло. Слѣдуютъ они по своимъ надобностямъ, утомлены долгимъ путемъ; дорожная скука тускло отражается въ ихъ стальныхъ взорахъ; съ Лесселсомъ они незнакомы и all right! Многие быть-можетъ забыли какъ его зовутъ, другіе, если и помнятъ, то пожалуй еще недовольны имъ, такъ какъ за билетъ и багажъ съ нихъ взяли лишнія деньги для покрытія 10франкового сбора, который платится съ пассажира и съ тонны проходящими по каналу судами... Я самъ не разъ слышалъ такой жалобы. А Суэзскій каналъ конечно обогатилъ мѣръ болѣе чѣмъ калифорскіе золотые прииски, давшіе нажитья отдѣльнымъ людямъ на счетъ общаго пониженія цѣнности золота. Вслѣдствіе открытія индо-европейскаго пути, во все-свѣтномъ торговомъ хозяйствѣ образуется громадная экономія каменнаго угля и времени,—экономія отзывающаяся въ известной степени на благосостояніи всѣхъ и каждаго *. Но современники мало цѣнятъ заслугу человечеству, и только вѣчно залаздывающая исторія подноситъ великимъ тѣнямъ свою лежужную признательность.

* Моремъ отъ Петербурга до Бомбея мимо мыса Доброй Надежды считается 11.610 морскихъ миль, черезъ каналъ всего 6.770, слѣдовательно выгадывается 4.840 миль пути.

Старый морской путь отъ Марсея до Бомбея равняется 10.560 милямъ. Новый—4.620. Разница 5.940 миль.

Изъ Нью-Йорка въ Бомбей сперва было 11.520 миль, теперъ 7.920. Разница 3.600.

Изъ Лондона въ Бомбей было 10.860, теперъ стало 6.020. Разница 4.840.

Движеніе по каналу возрастаетъ въ быстрой прогрессіи.

Въ 1870 году	прошло	486	судовъ съ	493.911	тоннъ.
" 1871 "	" "	765	" "	761.467	"
" 1872 "	" "	1.062	" "	1.439.169	"
" 1873 "	" "	1.173	" "	2.065.073	"
" 1874 "	" "	1.264	" "	2.423.672	"
" 1875 "	" "	1.494	" "	2.940.708	"

Однако, вслѣдствіе измѣненій тарифа, увеличеніе доходовъ по експлуатаціи не прямо пропорціально увеличенію движенія. Такъ въ 1871 чистый сборъ былъ въ 340.000 фунтовъ стер., въ 1872 418.000 ф. с., въ 1873.—916.000, въ 1874—808.000 ф. с., въ 1875—1.150.000.

Нѣсколько разъ отпускали мы *Бузару* на далекое разстояние. Большая скорость дозволенная въ каналѣ—10 километровъ въ часъ, такъ что лошади всегда могли безъ особыхъ усилій нагнать пароходъ. Когда корлусъ скрывался за песчаные горбы и однѣ мачты крестами высилась надъ стелюю, мы снова неслись во весь опоръ, и чрезъ три минуты огромное судно опять находилось въ нашей непосредственной близости. Медленно совершая обороты, винтъ слегка лѣвчилъ ровную, прямую какъ стрѣла ленту голубой воды, упорно и равнодушно смотрѣли на насъ стальные глаза и капитанъ улыбался и кланялся Лесселсу.

— *J'aime à voir passer les navires*, повторялъ восхищенный какъ дитя старикъ.

— Однако мы сами дождемъ такъ до *Портъ-Саида*, сказалъ онъ слыхвываясь, и кавалькада повернула назадъ.

Тутъ только лошади вздохнули, и я немного оглядѣлся. Каналъ всюду одинаковой приблизительно ширины, около 60 метровъ. Выкопавъ онъ, по выраженію Лесселса, „*en cuvette*“ (лоханкой) и только середина его шириной въ 10 метровъ имѣетъ 27футовую глубину. При такомъ устройствѣ два встрѣчныя судна не могли бы разминуться елибы не было станцій для скрещенія. На станціяхъ каналъ собственно не расширенъ, но глубина въ 27 футовъ начинается отъ самыхъ береговъ. До сихъ поръ не случилось ни одного столкновения.

Вырытый изъ русла песокъ образуетъ съ двухъ сторонъ канала цѣли невысокихъ холмовъ скуло поросшихъ травой. Въ низменныхъ мѣстахъ она гораздо гуще и лучки ея разрастаются въ граціозные шелковистые кусты. По берегамъ видѣются слѣды рабочихъ таборовъ, прошедшихъ здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ: разбитыя бутылки, обрѣзки желѣзныхъ листовъ, дребезги посуды, сардиночные и бисквитные ящики, гвозди, банки отъ различныхъ консервовъ, закорюзлые дырявые башмаки и тому подобное старье, изъ котораго парижскій трапичникъ въ недѣлю составилъ бы себѣ состояніе. И среди всего этого хлама, точно огромные рельсы тянутся вдоль проводы—двѣ параллельныя чугунныя трубы до половины погребенныя въ песокъ. Первоначально онѣ были совсѣмъ зарыты, но вѣтеръ всюду докопался до нихъ.

Проехавъ нѣсколько верстъ, мы увидали надъ каналомъ городокъ съ бѣленькими домиками, мечетью, часовней и

пирамидальными тополями. Это Эль-Гисръ, бывшая стоянка артефактов, окрещенная именемъ возвышенной гряды. Теперь, кулленная у общества хедивомъ, она нѣкъмъ не обитаема, и песокъ всецѣло завладѣлъ ею: повалилъ заборы, устлалъ садики глубокою зеленою, замель сугробами стѣны, ворвался въ разбитыя окна молельнъ и полновластнымъ хозяиномъ всыпался въ непритворенныя двери домовъ. Тихо и мертво въ Эль-Гисръ, но притомъ все въ немъ такъ ново: такъ современно, такъ свѣтло и чисто, что будто чудится городокъ безъ обитателей живетъ самостоятельную жизнью, не слышать же его потому что онъ крѣпко задумался, отдавшись славнымъ воспоминаніямъ.

Мы объѣздили одну за другою безлюдныя улицы.

— Здѣсь былъ госпиталь для христіанъ, объяснилъ Лессельсъ,—а здѣсь для мусульманъ. Самъ я жилъ вонъ въ томъ домѣ. А это главная улица Rue Richelieu, гдѣ... которая... то-есть... Ah! non! je vous plante là, воскликнулъ онъ и взвивая клубы песку, помчался какъ полоумный на каналъ по заносамъ Ринельевской улицы. М. Victor и я настигли его лишь у берега. Проходило другое большое судно.

— Que c'est joli! Ah que c'est joli! шепталъ онъ, мѣня отъ восторга.

Въ концѣ названной имъ улицы надъ самымъ каналомъ стоитъ курганъ, съ котораго далеко видно на югъ: верстахъ въ двухъ начинается бирюзовая Тимса, подернутая во всю ширь мелкою какъ песокъ рябью, вдали стелются зеленоватая Горькія Озера съ водами другаго моря; еще дальше синѣютъ справа Джебель Аттака, слѣва вершины Синая. На этомъ курганѣ, въ день открытія канала, императрица Французовъ, при кликахъ „vive l'impératrice“, схватила Лессельса за плечи и выдвинула его впередъ.

На память объ Эль-Гисръ я увезъ ржавый ключъ валявшійся на полу, а Лессельсъ, бойко спрыгнувъ съ лошади, поймалъ какую-то сухопутную саламандру и бережно закуталъ ее въ платокъ.

— C'est pour les enfants, пробормоталъ онъ, какъ бы оправдываясь.

Добравшись до Тимсы, мы направились въ городъ вдоль сѣвернаго берега озера по „avenue“, подобной той что соединяетъ вокзалъ съ пристанью. Вѣхали мы лѣнивымъ шагомъ; кажется, никому, кромѣ Виктора, не хотѣлось разставаться

со стелью. Молодой человекъ, давно уже позвывавшій, при первыхъ капляхъ набѣжавшаго дождя вихремъ помчался домой.

— *Pa raison*, сказалъ заботливый отецъ, — *il faut qu'il rentre, il prendrait froid.*

Аvenue ведетъ къ необитаемому дворцу на краю Измаиліи, воздвигнутому единственно для бѣды которымъ начался рядъ блистательныхъ празднествъ Суэзскаго канала. Насколько они были пышны можно судить изъ того что одно торжество „открытія“ (4 (16) ноября 1869) обошлось въ общемъ итогѣ сто милліоновъ франковъ.

По окончаніи прогулки я горячо поблагодарилъ своего безсмертнаго путеводителя.

— Совсѣмъ не за что, возразилъ онъ, — напротивъ я долженъ васъ благодарить: вамъ обязаю я этою прелестною *partie de plaisir*; вы мнѣ доставили случай побывать еще разъ въ Эль-Гисръ, куда я уже три года не заглядывалъ. Сколько милыхъ давно забытыхъ образовъ встало предо мною, сколько проснулось дорогихъ воспоминаній!... Et puis, прибавилъ онъ съ довѣрительною улыбкой, — *vous savez je les ai arlatés, les clous.*

Послѣ обѣда Лессельсъ, свѣжій и бодрый, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ надъ своимъ любимымъ планомъ; прогулка ловчидому нисколько его не утомила. За то бѣдный *M. Victor* былъ совершенно разбитъ и въ изнеможеніи лежалъ на диванѣ. Позже, къ концу вечера, склонясь на просьбы дамскаго кружка, онъ показывалъ обществу свое искусство жонглировать, вывезенное вмѣстѣ со сливомъ изъ Индіи, — перебрасывалъ два яйца, то загоня ихъ подъ самый лотокъ, то слуская ниже подбородка; перебрасывалъ три мячика; перебрасывалъ апельсинъ и столовый ножъ... Последнюю штуку жонглеръ заключилъ тѣмъ что поймалъ ножъ за ручку, поставилъ клинокъ подъ апельсинъ, и тяжелый плодъ съ разлету грузно свѣлъ на лезвее какъ на колѣ.

— *Ce cher Victor!* въ неудержимомъ порывѣ воскликнулъ отецъ.

XX.

24 февраля.

Что за утро! Какое голубое небо надъ свѣтлою Тимсой! Какой блескъ и сіяніе! Въ степи миражи навѣрно завели уже свою волшебную игру. И какъ грустно въ такую погоду разставаться съ *Измаиліей*! Всецѣло предаюсь я особому чувству нѣжности, точно навсегда разлучаюсь съ дорогимъ существомъ. Улицы, садики, дачи, производятъ на меня обаятельное впечатлѣніе. Влюбленными глазами смотрю я на окружающее: на старухъ съ корзинами красныхъ яицъ (они остались для меня неразрѣшенной загадкой), на портовыхъ людей съ надвинутыми на глаза тирольскими шляпами, — этихъ знакомыхъ незнакомцевъ, вѣчно обвѣянныхъ табачнымъ дымомъ и надо полагать замышляющихъ какой-то государственный переворотъ, на кофейни, на магазины, на прикащиковъ... И мнѣ хочется всѣмъ и всему засвидѣтельствовать свою сердечную привязанность, чѣмъ-нибудь ее выразить, заказать что ли платье у портнаго, накупить въ лавкахъ розовыхъ и зеленыхъ галстуконъ или хотя побриться и постричься у милаго *Lepelletier*. Но надо слѣзнуть къ завтраку у *Лесселсовъ*. Прямо отъ нихъ иду я на вокзалъ. Счеты съ *Mme Aspert* сведены, и моя стелная гостиница уже исчезла на вѣки за поворотомъ...

По расписанію поѣздъ въ Каиръ отбываетъ въ половинѣ одиннадцатаго, однако поѣзда въ Египтѣ неукоснительно олаздываютъ, кромѣ курьерскаго между Каиромъ и Александріей, отличающагося хронометрической правильностью. Въ настоящемъ случаѣ на часы еще и потому не зачѣмъ смотрѣть что станціонныя власти предупреждаютъ *Лесселса* о близкомъ отходѣ поѣзда. До повѣстки съ вокзала я спокойно наслаждаюсь чаемъ, деревенскимъ сливочнымъ масломъ, чудною клубничкой „*Victoria*“, произведеніями измаильскихъ огородовъ, и другими яствами, которыми *Mme Лессельсъ*, стремящаяся ловить рыбу въ Горькихъ Озерахъ, услѣдуетъ меня угощать среди своихъ сборовъ и хлопотъ. По полученіи повѣстки, откланиваюсь хозяевамъ, жму руку *M. Victor'u*, изъявляю уваженіе рдѣющей нянюшкѣ, наскоро обнимаю дѣтей..

Но отъ этихъ господъ не такъ-то легко отдѣлаться; надо сперва проститься съ кроликами и антилопами, и молодые люди ведутъ меня въ садъ, гдѣ въ одномъ изъ бассейновъ утопаетъ вчерашняя саламандра, признанная ими за лягушку и посаженная на жительство въ воду.

Помня свое обѣщаніе, Лессельсъ поднесъ мнѣ карту морскаго канала съ планомъ Измаиліи. Внизу мелкимъ красивымъ почеркомъ были написаны слѣдующія десять словъ: „Souvenir d'une aimable visite à Ismailia. Ferdinand de Lesseps“.

На платформѣ въ ожиданіи суэзскаго поѣзда гулялъ начальникъ станціи съ серебряными локомотивчиками на воротникѣ. Толпа Арабовъ ждала неподвижная въ припадкѣ полуденной лѣны. Грязныя и полинялыя дохмотья одеждъ ярко сіяли на египетскомъ солнцѣ; преобладающій оттѣнокъ ихъ всегда небесный. Кругомъ какъ море стелется лесокъ, въ отдаленіи зеленымъ островомъ стоитъ семейство деревьевъ, скрывающихъ мечеть; отъ нея виденъ одинъ минаретъ.

Наконецъ мы размѣщены въ вагоны. Когда поѣздъ отъѣхалъ саженъ на 50 я усмотрѣлъ что минаретъ и деревья воображаемые... На мѣстѣ ихъ торчалъ небольшой каменный столбъ, окруженный травяными кустами. Степь на прощаніе еще разъ провела меня.

Въ луть мы пустились не вдругъ. Версты полторы бѣжали за нами стрѣлочникъ ломаживая краснымъ флагомъ и крича „осбурь!“ * Видно забыли что-то. Кондуктора, перевѣсившись изъ оконъ, тоже кричали „осбурь“ и махали флагами, однако дойти до тендера полѣвились. Механикъ должно-быть уже самъ догадался, остановилъ машину и покатавъ обратно въ Измаилію. Потомъ, отъѣхавъ версть десять, опять стали, и высадили на лески двухъ Бедуиновъ не имѣвшихъ билетовъ. Суровые, загорѣлые, въ длинныхъ бурнуссахъ, цвѣта окрестной степи, долго стояли они, не шевелясь, у дороги, и, заслонивъ отъ солнца глаза, смотрѣли вслѣдъ удаляющемуся поѣзду. А онъ, безучастный, неся себѣ впередъ, вслугивая со шпалъ безчисленныхъ ящерицъ, которыя задрать острые хвосты рѣзво взбѣгали по крутымъ песчанымъ откосамъ.

* Погоды, стой.

25 февраля—15 марта.

На пути въ Константинополь.

Конецъ путешествію!

Давно бы пора назадъ, не осталось больше ни денегъ, ни времени, отлукъ мой сократили на полтора мѣсяца, такъ что вмѣсто половины апрѣля я долженъ бы вернуться къ началу марта, но какая-то сокровенная сила приковываетъ меня къ Каиру. Проходятъ часы, дни, недѣли, а все не рѣшаюсь ѣхать.

Послѣ малеръкой европейской Измаиліи, послѣ незначительныхъ арабскихъ городовъ Верхняго и Средняго Египта, послѣ подерой и стеной ташины, дивная столица съ ея подувосточнымъ полувападнымъ характеромъ, съ ея яркопестрою уличною живью, кажется мнѣ какою-то великолѣпною несообразностью, какою-то причудливою путаницей дворцовъ, виллъ, садовъ, мечетей, окруженныхъ праздничною тождатей народа. Въ сущности же Масръ-эль-Кахира * представляетъ для меня мало новаго. Даже строй моеѣ жизни складывается по старому. Помыщаюсь я въ томъ самомъ номерѣ Abbats Hotel что занималъ мѣсяць назадъ. Въ гостиницѣ вѣтъ перемѣнъ, также въ ней укромя и хорошо, развѣ что къ веснѣ стало еще сильнѣе пахнуть ораажереей. То же цѣмящее чувство близкое къ физической боли испытываю я при видѣ за общимъ столомъ сосѣдей больныхъ. И они все тѣ же, съ большими блестящими глазами, съ обтянутыми, обтаявшими лицами, которыя насмѣшница чачотка во всю щеку раздумавила своими тонкими румянами. Швейцаредъ еще живъ, но уже не выходитъ къ обѣду; ночью продолжаю я слышать его короткій и частый кашель въ родѣ лая дряхлой цѣлвой собаки. По утрамъ у лодъзда стерегутъ меня продавцы аятаковъ и синайскіе локлованики, торгующіе фидиковою колбасою; это кожаные глухіе мѣшечки подушкой, туго начиненные мясомъ финиковъ и миндалинами. По гореду возить меня старый пріятель Гекторъ. Въ виду наступающаго тепла онъ выстриженъ какъ вся его братья; только для красоты оставленъ узоръ изъ шерсти. Пошлаепывая желтыми туфлями, бѣжить сзади кривой Тольби, и при раздачѣ бакшишей во время прогулокъ, при раскладѣ въ лавкахъ, при

* Арабское названіе города.

всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ старается меня об-
считать; принимая во вниманіе скорый мой отъѣздъ, онъ уже
не такъ дорожитъ своею репутаціей и торопится извлечь
изъ меня наибольшую для себя пользу.

— Хоть! хоть! покрикиваетъ онъ когда Гекторъ вступаетъ
въ полосу орошенной мостовой. Междоуміе это можно пере-
вести словами: „не поскользнься, легче“. Умный Гекторъ
понимаетъ, идетъ тише.

— Go on! кричу я.

— *Oa ragglek!* Пошелъ, берегись!

Я тороплюсь, мнѣ некогда. Мнѣ бы хотѣлось предъ отъѣздомъ
сызнова поблуждать всюду, видѣть все, вдоволь всѣмъ налюбо-
ваться; хотѣлось бы разомъ объять весь Каиръ, такъ чтобы
самаго малаго мѣстечка не осталось необнятымъ. Въ какой-
то духовной жадѣ спую я по улицамъ. Летать мнѣ на
встрѣчу красивые лавдо, предшествуемые бѣгунами; слышатся
мулаты и Арабы съ рубцами на щекахъ и на губахъ *,
женщины—ходячія тайны, въ темныхъ покрывалахъ **, про-
давцы рыбы, бьющейся въ деревянныхъ клѣткахъ, вожаки
мандрилей; голыя дѣти плачутъ сюда верхомъ на матеряхъ
или играютъ въ пыли, приголубленные южнымъ солнцемъ; въ
широко растворенныхъ кузняхъ, чуть не на мостовой, куютъ
на рукахъ лошадей; у овощныхъ лавокъ режутъ разгружаемые
вербауды; звенятъ мѣшалы, волятъ разнощники, всхлипываютъ
ослы, и любы мнѣ блескъ, и гулъ, и суматоха дикаго, но
несравненнаго города...

На „Муски“ (главной торговой улицѣ), гдѣ красные товары
вылираются изъ оконъ, изъ дверей и изъ огромныхъ во всю
лавку пробоевъ, трудно опредѣлить что лестрѣе: вещи въ
лавкахъ или люди наружи. Толпа течетъ безпрестаннымъ,
звучнымъ потокомъ, не разберешь только въ какую сторону.
Въ мечетяхъ—прохладный сумракъ и благоговѣйная тишина.
Какъ выходишь изъ мусульманской могилы, въ турбанѣ и
саванѣ, плывешь впереди мулла, скользя по плитамъ босыми
ногами. Въ городскомъ саду Эзбекиѣ, надъ цвѣтами, порхаютъ
бабочки и задумчивые лебеди ѣдятъ у меня хлѣбъ изъ рукъ.
Въ театрѣ взвивается тотъ же занавѣсъ съ изображеніемъ

* На Востокѣ 12 арабскихъ племень, отдичающихся другъ отъ
друга особыми насѣчками на лицѣ.

** Онѣ завѣшиваютъ лица только въ городахъ и то не всегда.

Измалъ-лѣти на стулеяхъ Пареевона. Но теперь самъ оригинальнѣе занимаетъ литературную ложу. Въ ложѣ рядомъ сидятъ старшіе его сыновья: Мохамедъ-Тевфикъ и Гуссейнъ-Кямаль-лѣши, и съ ними Якубъ-ханъ, посланникъ Капгарскаго эмира. Отца сіяютъ, избитая французская оперетка въ полномъ разгарѣ, актрисы подъ визъ скрилокъ поютъ развѣселе кулаеты, лублика аплодируетъ, а на дворѣ безмолвіе, полнолуніе и сказочная ночь.

Все мнѣ знакомо въ Каирѣ—не только его площади, дома, вывѣски, но и человѣческія лица: узнаю я водомосовъ, евнуховъ, ослатниковъ, собирательницъ навоза, узнаю нарядныхъ дамъ и кавъчатыхъ господъ на террасахъ гостиницъ, не говоря уже о томъ что на каждомъ перекресткѣ сталкиваюсь съ нильскими туристами, тѣми самыми что казалось расстались со мною на всю жизнь. Всѣ налицо, за исключеніемъ семейства Поммероевъ и Бельгійца: Поммерои отправились въ Іерусалимъ, а Бельгіецъ вѣроятно ищетъ по свѣту „гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“. При встрѣчахъ мы не испытываемъ никакого сладостнаго порыва, никакого желанія излить другъ другу души. Напротивъ того, стѣснены и смущены, не придумаемъ что сказать и ощущаемъ большое облегченіе когда наконецъ расходимся въ противоположныя стороны. Хуже всего дѣйствуютъ на мои нервы бездѣятельныя личности; если я не замѣчалъ ихъ во время путешествія, то теперь какъ бы въ наказаніе, пока они глуло улыбаются мнѣ, я признаю ихъ до мельчайшихъ подробностей, до послѣдней бородавки. Одну особу вижу я съ наслажденіемъ оттого что съ нею не знакомъ. Она промелькнула предо мною метеоромъ „какъ геній чистой красоты“. Это тотъ ангелъ въ образѣ дѣвушки на котораго въ Сіутѣ такъ горячо молился смуглый миссіонеръ.

Однѣжды въ номерѣ докладываютъ мнѣ о приходѣ посетителя.

— Въздѣль съ вами на Кукъ, говоритъ слуга, и подаетъ мнѣ русскую визитную карточку съ моимъ собственнымъ именемъ, отчествомъ и фамиліей. Приказываю просить своего двоюбника. Входитъ Ахметъ-Сафи, блестящій, чистый, въ бѣлыхъ какъ свѣтъ шароварахъ, новой съ иглочки бедушкѣ, богатой шелковой чапмѣ, зеркально вычищенныхъ полусаложкахъ и съ такимъ лабиринтомъ часовыхъ цѣпочекъ какому позавидовалъ бы самъ Анджео. Онъ тщательно сберегъ мою

карточку, подаренную ему въ Фидлахъ, и послалъ ее съ человѣкомъ при докладѣ, какъ дѣлается въ высшемъ обществѣ. Старый Нубецъ держитъ себя хотя скромно, но съ большимъ достоинствомъ; пожавъ мою руку, онъ безъ стѣснительныхъ церемоній садится на предложенный ему стулъ. Есабы не добродушное лицо съ крупными губами и прелестнымъ взглядомъ, кроткимъ какъ у газели, кто бы могъ узнать того Ахмета что перетиралъ тарелки на *Caude* и выплескивалъ въ Нилъ помои. Пришелъ онъ показать свои аттестаты; вынимая ихъ поочередно, каждый изъ отдѣльнаго фуляра, какъ ассуанскій торговецъ свои серебряные браслеты, онъ развертываетъ грязные документы и повергаетъ ихъ на мою одежду. Вообще аттестаты интересуютъ лишь тѣхъ кому они выданы, и для посторонняго человека не содержатъ ничего особенно заманчиваго. Однако изъ вѣжливости я пробѣгаю ихъ всѣ. Собесѣдникъ мой сидитъ довольный и смущенный какъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ, въ присутствіи котораго читаютъ первые его стихотворные опыты, и одинъ изъ ѣдкихъ дѣлаетъ робкія замѣчанія относительно лица выдавшаго то или другое свидѣтельство.

— Этотъ живетъ здѣсь постоянно, говоритъ Ахметъ-Сафи,— а этотъ уѣзжаетъ только на лѣто; мы съ нимъ проотраствовавали семь мѣсяцевъ, и онъ показываетъ на картѣ до куда они доходили по Бѣлому и до куда по Голубому Нилу.

Конецъ путешествію! Каиръ уже задернулся темною дымкой, пирамиды скрылись въ опаловой дали. Я месусъ черезъ Дельту обратно въ Александрію. Среди зеленыхъ нивъ и въ скудной тѣни лавровыхъ рощъ ходятъ Феллахи и Феллашки, покрывшись съ головой отъ солнца; буйволы вертять надъ колодцами колеса; испуганные поводомъ лѣтучи отъ взвоянїемъ шумно взлетаютъ на навозныя крыши лачугъ. Деревушки здѣсь несравненно жалче египетскихъ, не потому ли что онѣ подъ рукой у правительства и что съ нихъ легче собирать „недоимки“ за будущіе годы. Бѣлыхъ ибисовъ стало какъ будто меньше; * вмѣсто нихъ у полотна сидятъ или вѣрнѣе стоятъ на широко разставленныхъ ножкахъ влетѣвшія въ большое количество крокодиловы птицы: въ складѣ ихъ, въ посадкѣ проглядываетъ что-то совсѣмъ египетское и неподвижныя какъ изваянія онѣ такъ и

* На лѣто они перекочевываютъ въ южную Россію; мнѣ случилось видѣть ихъ въ іюлѣ на Дону.

ближе къ свѣтлой водѣ: дельфины, играя, рѣзвятся въ ней и порои въ стремительномъ бѣгѣ выхватываются на воздухъ... Имъ легко путешествовать по морямъ и океанамъ: времени свободнаго вдоволь, денегъ же не надо. Еслибъ и я могъ вѣчно странствовать, то жилъ бы какъ они, со дня на день, забывая о вчерашнемъ и не думая о завтрашнемъ днѣ. А теперь воля, беззаботность, жизнь, все улетѣло назадъ; впереди ничего кромѣ скуки. Еслибъ еще я вѣхалъ къ себѣ, домой. Нѣтъ! Я возвращаюсь на службу въ постылую Турцію! Какъ же не оглаживаться, не подводить итоговъ прошедшему, не жаловаться на судьбу? И со злости я стараюсь убѣдить себя что въ концѣ-концовъ вѣдуть въ Египетъ вовсе не стоило. Въ самомъ дѣлѣ, что осталось отъ далекой поѣздки? послѣдствія вѣды на верблюдѣ—струлья по всему тѣлу? Верхне-египетскія и вубійскія рѣдкости, отъ которыхъ болѣе или менѣе лахветь касторкой? или въ лампѣ вѣсколько имевъ погорѣл, столь отдаленной что къ ней не перенесешь мысляю, что прославившіеся ея дѣтели являются, воображенію не какъ живые люди, а какъ обтертые и обезличенные временемъ истуканы. Правда, я увожу запасъ воспоминаній, освѣщенныхъ африканскимъ солнцемъ и обѣщавшихъдыханіемъ не нашей весны. Но что жь изъ этого? Я буду лишь пуще тосковать по краю гдѣ цвѣтутъ фишки и бананы, да по своимъ отошедшимъ въ вѣчность свѣтлымъ праздникамъ! *Nessun malog dolore...*

Вдобавокъ меда уже томить неслолненная безумная мечта. Мелкія ощущенія, обрывки чувствъ, клочки мыслей, все испытанное и передуманное за послѣдніе два мѣсяца, все что я безпорядочно заносилъ въ настоящій дневникъ и чего не заносилъ,—все это мнѣ мучительно хочется ослотить въ одно стройное цѣлое, въ одно фантастическое созданіе, которое обнимало бы все рода искусства, которое было бы вмѣстѣ и стихами, широкими и могучими какъ Нилъ, и картиной гдѣ надъ раздоломъ нивъ, освѣщенныхъ лалымаи, надъ лалоскими крышами городовъ, надъ дальними цѣлами скаль сгнѣвали бы другъ друга египетскіе день и ночь,—было бы и музыкой, то необузданною какъ палѣвы балдерокъ, то пѣжною какъ трели жаворонка, было бы и статуей изображающею арабскую дѣвушку съ кувшиномъ на плечѣ,—статуей, предъ которою, устыдившись своего ничтожества, разсыпалась бы въ прахъ сама Милосская Венера. Но тутъ мои ролютанія и

утопіи прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ. Съ юга грянулъ рѣзкій выстрѣлъ, и знакомый голосъ кричитъ:

— Vous l'avez atteint Miss Pommeroy, vous l'avez atteint.. *

Взбѣгаю на верхъ: Бельгіецъ и американская семья—папа, мама, Emily, Gertrude—стоятъ ко мнѣ спиной и облокотясь на перила смотрятъ какъ раненый дельфинъ, тяжело барахтаясь и кувыркаясь, окрашиваетъ кровью голубую воду. Этихъ лицъ я вижу съ истиннымъ удовольствіемъ, быть-можетъ оттого что встрѣчаюсь съ ними не въ городѣ, а въ пути; въ городѣ и туристы становятся обременительными знакомыми, въ пути же наоборотъ всякій знакомый низводится на стелея туриста и по тому самому дѣлается человѣкомъ если иногда и не особенно пріятнымъ, то во всякомъ случаѣ не обременительнымъ.

Съ ихъ стороны высказывается шумная радость. Возгласы, объятія, горячіе поцѣлуи Фавъ-дель-Боша, кто-то пытается оторвать у меня руку... а хорошенькая дѣвочка въ реблеческомъ восторгѣ прыгаетъ вокругъ меня и повторяетъ: „gawageety lee we pa goosky, gawageety lee we pa goosky...“

— Возвращаетесь во свояси? кричитъ толстый мистеръ Поммерой;—неправда ли какая прелесть путешествовать? Всякому въ Америкѣ накажу... Кто только можетъ, пусть непременно ѣдетъ, и чѣмъ дальше тѣмъ лучше: ему будетъ такъ весело возвращаться домой. Счастливецъ вы, право! А мы все еще подвигаемся впередъ: дочь везетъ насъ ко Святымъ Мѣстамъ!

И неподдѣльный вздохъ воколыхнулъ его широкую грудь.

Между тѣмъ Бельгіецъ шепчется съ Miss Emily: не то спорить съ нею, не то убѣждаетъ; вотъ она беретъ его за руку, и оба подходятъ ко мнѣ.

— Если я не на краю свѣта, говоритъ онъ,—то благодаря лишь добротѣ миссъ Поммерой; вотъ уже недѣля, то-есть даже девять дней, то-есть собственно восемь...

Здѣсь Бельгіецъ окончателно слутался и, помолчавъ съ минуту, прибавилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Зачѣмъ распространяться, поздравьте насъ... Я счастливъ, я женюсь.

— Его, пожалуй, поздравляйте, а меня не съ чѣмъ, встала миссъ Поммерой и, обратившись къ нему, шуточно погрозила пальцемъ:—J have not yet forgiven you your dogskin, mind that, ** сказала она.

* Вы въ него попали, миссъ Поммерой; вы въ него попали.

** Я еще не простила вамъ собачьей шкуры, помните это.

— Дорогая миссъ Поммерой, увѣрю васъ это была гiena...

Объяснѣ послѣднихъ фразъ произошеи въполголоса, и предостереженіе Американки очевидно не предназначалось для моихъ ушей, но оно воскресило въ моемъ умѣ всѣ подробности нашей охоты на *hûne terre-neuve* и мнѣ стало такъ сѣбно что я громко захохоталъ.

— Чѣму вы хохочете? спросила Miss Emily.

— Да вотъ тому самому, отвѣчая я съ непростительною безтактностью.

— То-есть какъ это тому самому?

— Нашей олошности... Вы еще сами въ Оивахъ такъ сѣбялись.

— Объяснитесь пожалуйста, я васъ не понимаю...

— Какъ же, когда мы убили съ вашимъ женихомъ собаку и торжественно привезли ея на пароходъ!

— *Parlez pour vous*, сухо перебила она меня, не на шутку разсердившись,—что касается моего жениха, то онъ убилъ настоящую гиену, да и кому же это знать какъ не вамъ; вы, помнитса, сами расписались по этому случаю въ книгѣ у луксорскаго консула.

Зачѣмъ я расписался, я теперь и самъ не помню! Затменіе какое-то напало. Упрекаемый совѣстью я стоялъ предъ миссъ Поммерой сконфуженный и пристыженный; но гнѣвъ ея неожиданно смѣнился на милость и невеста принялась со мною кокетничать, безъ сомнѣнья съ тѣмъ чтобъ отмстить жениху за собачью шкуру. Факъ-де-Вомъ сталъ грозно мраченъ какъ въ былыя времена, когда въ безсознательной жестокости вымѣщалъ окъ досаду на голубяхъ, и если теперь несчастный любовникъ не казнить чаетъ, то только потому что Семенъ Семеновичъ, услышавъ выстрѣлъ по дельфину, просилъ убрать ружья въ каюту: „чего добраго еще кому-нибудь въ животъ попадутъ, а я за нихъ отвѣчаю!“ Впрочемъ Бельгіецъ такъ стрѣляетъ чаетъ, стрѣляетъ ихъ мысленно, одними глазами; а вижу это по въдрагиванью его лица, онъ бьетъ ихъ безъ промаха, безъ жалости, разстрѣливаетъ въ лухъ. А чайки возрождаются какъ фениксы; невредимыя и легкія продолжаютъ онъ безъ усилія и шума летѣть за кормой, освѣщенные отблескомъ вечерней зари, которая зажглась бенгальскими огнемъ надъ горизонтомъ и дѣлкомъ отдается въ ровномъ какъ зеркало морѣ.

Ю. ЦЕРБАЧЕВЪ.

АРХИМАНДРИТЬ ПИМЕНЬ

НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛО-УГРЬСКАГО МОНАСТЫРЯ *

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

(1810—1880)

ГЛАВА IV.

Казначей Пимень по назначеніи его управителемъ Угрьши въ первый разъ у митрополита Филарета.—Свиданіе съ Александровымъ.—Приготовленія къ открытію на Угрьшѣ общежитія.—Переговоры съ отцомъ намѣстникомъ Антоніемъ.—Открытіе общежитія въ 1852.—Пріѣздъ митрополита Филарета на Угрьшу.—Пимень-игуменъ.—Устроеніе новаго храма.—Недоброжелатели.—Мещовскій строитель, находчивость игумена Пименя.—Знакомство съ ректоромъ Московской семинаріи архимандритомъ Леонидомъ.—Сравненіе характера того и другаго.—Отдѣленіе отца Пименя съ Александровымъ рѣшившее судьбу Угрьши.

I.

По прошествіи нѣсколькихъ дней по отъѣздѣ игумена Иларія, казначей Пимень, назначенный временно исправляющимъ должность настоятеля Угрьскаго монастыря, отправился въ Москву чтобъ явиться къ митрополиту, доложить ему о принятіи монастыря и получить его приказанія. Это было 22 ноября 1852 года.

Въ десять часовъ утра онъ былъ на Троицкомъ подворьѣ съ довереніемъ и бумагами, въ трелетѣ ожидая когда его

* См. Русскій Вѣстникъ № 125 1850 и № 104 1851 года.

позовутъ ко владыкѣ, размышляя о томъ что онъ спроситъ и какъ и что ему отвѣчать. Но владыка, принявъ бумаги, не разсматривая ихъ и ничего не спросивъ у отца Пимена, положилъ ихъ на столъ и приказалъ ему только вторично явиться въ четыре часа того же дня.

„Эти пять, шесть часовъ ожиданія съ утра и до вечера были для меня самымъ томительнымъ временемъ“, разсказывалъ отецъ Пименъ; „я былъ въ лихорадочномъ ожиданіи вторичнаго явленія ко владыкѣ и еще болѣе взволнованъ чѣмъ поутру. Я воображалъ что владыка станетъ подробно разспрашивать меня о принятіи монастыря и опасался что я что-нибудь позабуду или не такъ ему отвѣчу.“

„Часть утра я провелъ у Александрова, который, видя что я очень взволнованъ, старался усложнить и ободрить меня. Сажу съ нимъ, разговариваю, а самъ все поглядываю на часы, какъ бы не опоздать... Пробило три часа; вотъ-вотъ скоро; и что ближе то страшнѣе; ударили къ вечеру, пора ѣхать. Павелъ Матвѣичъ и Марья Григорьевна крестятъ меня, желаютъ чтобы все обошлось благополучно и требуютъ чтобы я съ подворья тотчасъ же опять къ нимъ возвратился и имъ все подробно разсказалъ. Повѣхалъ, помолился у Иверской, спѣшу на подворье... Ни живъ, ни мертвъ захожу на лѣстницу, въ просительскую; пробило четыре часа, пошли докладывать... открылась дверь. — Пожалуйте.“

„Когда я принималъ благословеніе владыки онъ указалъ мнѣ на стулъ и примовилъ: садись!“

„До этого раза онъ никогда меня не сажалъ. Я сѣлъ. Владыка молча смотрѣлъ на меня минуты съ двѣ; я опустилъ глаза, но все чувствовалъ что его проницательный взглядъ обращенъ на меня и съ трепетомъ ожидалъ перваго вопроса...“

„И что же спросилъ онъ меня? совсѣмъ не то что я могъ бы ожидать или предположить даже...“

„— А можешь ли ты открыть общежитіе у себя въ монастырѣ? спросилъ онъ меня тихо и ласково.“

„Я всталъ и поклонившись ему отвѣчалъ:“

„— Ежели Богу будетъ угодно и вашему высокопреосвященству, я готовъ стараться...“

„— Садись... Что касается до меня, готовъ, буду помогать во всемъ что отъ меня зависитъ...“

„О принятіи монастыря не было и рѣчи, о бумагахъ моемъ представленныхъ ни слова.“

„У меня какъ гора съ плечъ оваалилась.

„Помолчавъ еще минуты съ двѣ владыка всталъ, а тоже всталъ; приемъ, значить, былъ конченъ.

„— Старайся же, сказалъ владыка меня благословая,— оправдай довѣрие.

„Когда я входилъ ко владыкѣ, у меня ноги подкашивались отъ страха, когда я выходилъ какихъ-нибудь десять минутъ спустя, я не чувствовалъ ногъ подъ собою отъ радости... Никогда, ни прежде ни послѣ я не ощущалъ такого страха, скажу прямо, такого ужаса какъ въ этотъ разъ.

„Я послѣднилъ съ подворья къ Александровымъ; оба меня ожидали съ нетерпѣніемъ...

„— Ну что, какъ? спросилъ меня Павелъ Матвѣевичъ едва я только успѣлъ войти.

„— Все слава Богу благополучно! отвѣчалъ я, сѣлъ и сталъ разказывать.

„Дослушавъ до конца разказъ о моемъ свиданіи со владыкой, Павелъ Матвѣичъ въ свою очередь перекрестился и воскликнулъ обвиняя меня со слезами:

„— Ну, слава Богу, стало-быть Богу угодно чтобъ исполнилось мое давнишнее желаніе устроить *общеземліе*.“

Желаніе Александра устроить на Угрьши общеземліе давно уже созрѣвало въ его умѣ и родилось вслѣдствіе одного разговора, который у него былъ однажды съ отцомъ Пименомъ за годъ предъ тѣмъ, т. е. зимой 1851 года.

Однажды, когда отецъ Пименъ сидѣлъ вечеромъ у Александра, тотъ ему и говорить:

— Мнѣ бы хотѣлось какое-нибудь доброе дѣло сдѣлать, и не знаю какое именно. Подумай-ка объ этомъ хорошенько, и въ слѣдующій разъ, какъ ты у меня будешь, скажи мнѣ...

Нѣсколько времени спустя, когда отецъ Пименъ опять былъ у Александра, онъ привезъ ему разрѣшеніе этого вопроса.

— Въ прошедшій разъ, какъ я у васъ былъ, Павелъ Матвѣичъ, вы говорили что желали бы какое-нибудь доброе дѣло сдѣлать, но не знаете какое именно, и поручили мнѣ придумать, и вотъ что я придумалъ.

— Ну-ка!

— Если вы устроите больницу, началъ отецъ Пименъ, — вы дѣйствительно исполните заповѣдь Христову имѣть пожеланіе о больныхъ: „*Болезнь бѣзъ, и-посѣтите Мѧ*“. Но спросите

больныхъ, добровольно ли они вступаютъ въ больницу, желаютъ ли они продолжше пребыть въ ней или поскорѣе выйти?

— Конечно, каждый скажетъ что желать бы и никогда не бытати въ ней, замятилъ Александровъ.

Пименъ продолжалъ:

— Если вы сдѣлаете богадѣльню, то это будетъ тоже по заповѣди евангелскои: *„отрапати бѣднѣ; в ѿидоме Мнѣ“*. Но посудите сами; кто именно поступаетъ въ богадѣльню? Тѣ люди которые потеряли всякую возможность сами самокормить себя пропитаніемъ, или по болѣзни, или по старости, или по немощи и бѣдности. И какъ думаете вы, явномъ у нихъ загра средства жить безбѣдно, остались бы они въ богадѣльнѣ?

— Ну кто же заставитъ ихъ еще тамъ оставаться? Конечно послѣднати выйти.

И помолчавъ немного Александровъ спросилъ въ недоумѣніи:

— Такъ что же послѣ этого остается дѣлать? Ты отако бытъ находимъ что всѣ богоугодныя заведенія не нужны?

— Да я развѣ сказалъ вамъ это? Нѣтъ, но я желалъ бы чтобы и заведеніе было Бога ради, но чтобы и вступающіе въ него шли не по немощи и по недостатку и нуждѣ; а добровольно, непринужденно, по свободному своему произволѣнію Бога ради.

— Такъ какое же это такое заведеніе, спросилъ Александровъ, — въ которое вступаютъ не по нуждѣ, а Бога ради? Ну-ка скажи!

— Вы, Павелъ Матвѣичъ, устройте въ какомъ-нибудь мѣстѣ, въ Угрюмскомъ, *обязубитѣ*, тогда будетъ все сдѣлано *Бого ради* а съ той и съ другой стороны: вы Бога ради устроите обитѣи, и приходящіе въ нее и пользующіеся вышнати благодѣяніемъ будутъ вступать добровольно, жителствовать будутъ въ ней по собственному желанію; Бога ради и для спасенія души. Тогда все будетъ сдѣлано Бога ради, и тотъ кто совершаетъ благодѣяніе, подаетъ Бога ради, и тотъ кто призываетъ и даетъ кровъ, и тотъ кто входитъ подъ омы, всѣ будутъ работать Господѣи, а не себя и не мірови.

На это Александровъ не сказалъ ни слова, задумался и видно было что онъ недоумѣваетъ что и сказать; потому что слышанное имъ было для него нечто совершенно новое.

Послѣ этой бесѣды отецъ Пименъ бывалъ неоднократно

Александрова, но объ обществѣ не было и рѣчи, ни малѣйшаго намёка на этотъ разговоръ ни съ той ни съ другою стороны.

Что мысль объ учрежденіи общества заронилась въ умъ Александрова онъ доказалъ это вопросомъ своимъ свидѣаннѣмъ владыкѣ предъ освещеніемъ. А можетъ ли быть открыто на Угрьшѣ общество? Но и послѣ весьма ласковатаго отвѣта владыки „что предсвѣтвѣй вѣтъ и что онъ самъ бы этого желалъ,“ при свиданіи съ казанскимъ угрьшскимъ опять не было сказано ни слова.

„Я совершенно недоумывалъ что мнѣ слѣдовало изъ этого заключить? говорилъ отецъ Пименъ. Напоминать или расспрашивать я не рѣшался изъ опасенія моимъ нетерпѣливымъ повредить дѣлу которое мнѣ было такъ близко, и потому я, скрепя сердце, ожидалъ что выйдеть; молчалъ онъ, молчалъ я.“ Таково было положеніе этого дѣла пока отецъ Пименъ, назначенный управителемъ Угрьши, не передалъ Александрову о сказанномъ ему митрополитомъ: тогда только Александровъ вполнѣ высказался. Зная мысли владыки онъ рѣшился осуществитъ намѣреніе.

— Тебѣ одному я бы не повѣрилъ, сказалъ онъ, — во всемъ что касается обществѣ, но молѣ Бога за Сватородца; я прочиталъ всѣ его книги и убѣдился вполнѣ что *общество* дѣйствительно дѣло душеполезное и счастливое. И теперь я готовъ начать это дѣло съ полнымъ усердіемъ.

Эта медлительность Александрова показываетъ что онъ не слѣпота рѣшился на предлагаемое ему, а отецъ Пименъ умѣлъ съ терпѣніемъ выжидать согласія благотворителей, но не *лежалъ ни лежку какое-нибудь пророчившееся или слово, чтобы тотчасъ же воспользоваться сказаннымъ и не дать времени челоуку одуматься.*

II.

Отецъ Пименъ долженъ былъ снова и неоднократно являться ко владыкѣ, чтобы передать ему подробности о рѣшеніяхъ Александрова и испрашивать указанія и благоволеніе какъ дѣйствовать.

Владыка потребовалъ отъ отца Пимена докладную записку порядкѣ существующемъ въ Угрьшскомъ монастырѣ, съ описовокуленіемъ того что онъ полагалъ бы полезнымъ измѣнить и ввести вновь.

Когда эта записка была представлена, тогда владыка, пребывавъ ее глазами и положивъ на столъ, сказалъ:

— Снесусь съ лаврскимъ намѣстникомъ отцомъ Антошемъ и истребую его мнѣніе для общаго обсужденія. А ты между тѣмъ объяви братія Угрюшской „что воля начальства такова чтебѣ Угрюшскій монастырь былъ преобразованъ въ общинный; кому не желательно оставаться, поуждаться же не слѣдуетъ, но о нежелающихъ представить мнѣ особую записку.“ Митрополитъ Филаретъ не любилъ дѣйствовать послѣдшно, опасаясь неосмотрительности, неизбежной при поверхностномъ и не вполне внимательномъ обсужденіи дѣла, и потому хотя и самъ былъ весьма опытенъ и искусенъ въ правленіи, но не считалъ для себя уважительнымъ прибѣгать къ совѣту подчиненныхъ даже и младшихъ его лѣтами, которыхъ онъ почиталъ болѣе себя свѣдущими въ какомъ-нибудь дѣлѣ. А такъ какъ онъ зналъ всю опытность отца намѣстника Антонія въ духовной жизни, не малое время жившаго въ Оранской и Высокогорской пустыняхъ и часто пользовавшагося совѣтами и назидаіями богомудраго и праведнаго саровскаго старца Серафима, особенно къ нему благоволившаго, то и счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ нему въ этомъ случаѣ. Отецъ намѣстникъ болѣе двадцати лѣтъ уже управлялъ Лаврой и своими дѣйствіями доказалъ вполне свою способность и умѣніе управлять, сдѣлавъ изъ весьма залущеннаго и оскудѣвавшаго монастыря, какова была Лавра при поступленіи его туда, обитель вполне благоустроенною и процвѣтающею. Владыка желалъ чтобъ отецъ Пимень лично переговорилъ съ отцомъ намѣстникомъ и приказалъ ему для этого съѣздить въ Лавру и обо всемъ обстоятельно передать отцу Антонію, про котораго и тогда уже говорили: „онъ потому и намѣстникъ называется что вполне на своемъ мѣстѣ“.

„Сознавая свою неопытность въ дѣлѣ правленія, говорилъ отецъ Пимень, и въ особенности при столь важномъ и существенномъ преобразованіи обители, я послѣдшилъ исполнить приказаніе владыки и отправился къ Троицѣ.“

Принявъ Пимена съ тѣмъ радушіемъ которое было отличительною чертой отца Антонія, онъ внимательно выслушалъ все что тотъ считалъ нужнымъ ему передать, и послѣ того преподалъ ему мудрый совѣтъ.

— Если вы желаете мира, спокойствія и порядка, отецъ

казначей, то хорошо сдѣлаете ежели выметете всю прежнюю братію и наберете вновь, хотя бы даже опять изъ той же братіи: тогда только водворите вы надлежащій порядокъ, иначе никогда его не достигнете; если оставите кого изъ прежней братіи, то останется прежняя закваска, а *малъ квасъ всякое смятеніе портитъ*, и это повредитъ всему порядку...

„Такъ и слѣдовало бы поступить, говаривалъ потомъ отецъ Пимень, но я не вполнѣ послѣдовалъ доброму и благоразумному совѣту и душевно о томъ сожалью, потому что чрезъ это избѣгъ бы многихъ скорбей и непріятностей, которыя имѣлъ въ послѣдствіи.“

Всей братіи было семнадцать человѣкъ; когда имъ было объявлено сказанное митрополитомъ, никто не изъявилъ желанія выйти, всѣ остались въ монастырѣ, оласаясь быть помѣщенными на запискѣ которую слѣдовало представить владыкѣ, и разумѣется не на хорошемя бы счету были они у него... Всѣ изъявили согласіе на общежитіе, но ничье заявленіе не было искреннее, и всѣ они пользовались малѣйшимъ поводомъ къ сопротивленію; между прочимъ и столбовое лѣніе, преимущественно введенное во обителяхъ общежительныхъ и которому начинали обучать на Угрѣшѣ, не пришлось имъ по мысли, и старшіе изъ братіи, сторонники стараго порядка вещей, всѣми силами вооружались противъ него потому только что оно составляетъ принадлежность обителей общежительныхъ.

Случайно посѣтившій въ 1853 году Угрѣшу преосвященный епископъ Дмитровскій Алексій, пріѣхавшій во время отсутствія отца Пимена, узнавъ отъ ризничаго іеромонаха Сергія что поютъ столбовымъ лѣніемъ, пожелалъ чтобъ обѣдню пѣли этимъ малѣвкомъ и такъ остался имъ доволенъ что по окончаніи обѣдни, когда сталъ благословлять братію, посоветовалъ совершенно оставить придворное потное лѣніе и болѣе упражняться въ столбовомъ, чтобы скорѣе въ нежъ усовершениться. Это и было съ тѣхъ поръ соблюдаемо, къ немалому прискорбію всѣхъ тайно не благоволившихъ къ уставу общежительному, но послѣ того по крайней мѣрѣ не смѣвшихъ уже ничего говорить противъ лѣнія столбоваго, одобреннаго архіереемъ. Преосвященныи Алексій былъ первый изъ викаріевъ съ незапамятныхъ временъ посѣтившій Угрѣшу, гдѣ бывали владыки Платовъ и Филаретъ, освящавшіе храмы; но викаріи почему-то дотошъ никогда на Угрѣшу не заглядывали.

Цѣлѣцъ двѣдцѣть лѣтъ продолжался приготовленіе на Угрѣшѣ для преобразованія монастыря штатнаго въ общежительный, т. е. съ ноября 1852 до октября 1853 года. Отецъ Пименъ находился въ постоянныхъ переговорахъ съ Александровичемъ, который, желяя этого, щедрою рукою давалъ все для того нужное: онъ опредѣлялъ ежегоднаго содержанія на 30 чело-вѣкъ по 50 руб. и одновременно ко дню открытія изъявилъ желаніе на свой счетъ приготовить для всѣхъ тридцати чело-вѣкъ все нужное одѣжаніе. По недостаточности въ то вре-мя кааіи пришлось вновь отдѣлать еще восемь, которыя и были устроены въ башнѣ надъ входными святыми вратами.

Когда все было уже наконецъ приготовлено, отецъ Пименъ явился съ докладомъ ко владыкѣ, который и назначилъ открытію быть 16 октября. Наканунѣ онъ прибылъ на Угрѣ-шу доутру; самъ совершалъ соборнѣ всеобщное бдѣніе въ Успенской церкви, приказавъ заранѣе чтобы новыя одежды для всей братіи приготовленныя во время бдѣнія были положе-ны около престола, и когда бдѣніе окончилось, онъ совер-шилъ про себя тайно молитву, послѣ чего отецъ Пименъ по-носилъ ему каждую одежду и онъ каждую благословялъ и окроплялъ святою водою. На слѣдующее утро вся братія об-лечлась въ эти новыя одежды и такъ явились всѣ къ литур-гіи, которую соборнѣ совершалъ самъ митрополитъ и въ этотъ день посвятилъ отца Пимена въ санъ игумена, что было для него совершенною неожиданностью.

Митрополитъ произнесъ поученіе братіи о вѣстятельно-сти, заимствованное изъ разказа евангельскаго о богатомъ юношѣ пришедшемъ ко Иисусу и вопросившемъ Его: *что благо совершу да чуждымъ не стану?*

Предъ выходомъ изъ храма, новому игумену владыка вру-чилъ настоятельскій посохъ и сказалъ ему краткое настав-леніе.

Послѣ литургіи митрополитъ пошелъ въ настоятельскія кельи, гдѣ кушалъ чай, а потомъ возвратился въ Успе-нскую церковь и, облечшись въ мантию, направился въ братскую трапезную палату въ предношеніи *панагіи* и въ предшествіи всей братіи, за которою слѣдовалъ новый игу-мень съ посохомъ въ рукѣ. Во время трапезы было чтеніе, изъ житій святыхъ, житія мученика Логгина Сотника и пре-подобнаго Евсемя, а по совершеніи трапезы впервые по-слѣдовало возношеніе *панагіи*, чинъ сего возношенія совер-

шается почти только въ однихъ обителяхъ общежительныхъ ежедневно и въ весьма немногихъ въ особенно великіе праздники.

Такъ совершилось это немаловажное для Угрьши преобразование, приведенное въ исполненіе отцомъ Пименомъ не только добросовѣстно, но и съ великою любовью, какъ человекомъ вполне преданнымъ уставу общежительному. И не удивительно это предпочтеніе, скажемъ даже пристрастіе къ монастырямъ общежительнымъ, ибо онъ полагалъ начало въ монастырѣ Новоезерскомъ, возобновившемся благодаря учрежденію въ ономъ общежитія при архимандритѣ Теофанѣ въ 1800 году, а юноша Петръ туда поступилъ въ 1832 году. Великая разница въ настоящее время съ тѣмъ что существовало за 80 или даже за 50 лѣтъ тому назадъ и, хотя монашескіе обѣты и уставы неизмѣнно одни и тѣ же, но такъ какъ потребности современнаго поколѣнія значительно измѣнились противъ прежняго, то и требованія и съ той и съ другой стороны, отъ настоятеля и отъ братіи, не могутъ остаться неизмѣняемыми, не въ самой сущности конечно и не въ главныхъ и основныхъ положеніяхъ устава, но въ приложеніи онаго къ дѣйствительности. Поздно или рано это должно совершиться для того именно чтобы прекрасное само по себѣ установленіе не шло совершенно въ разрѣзъ съ необходимыми потребностями современнаго монашества. Отецъ Пименъ въ этомъ отношеніи былъ чрезвычайно строгъ и не хотѣлъ понять что необходимо дѣлать не отступленія отъ устава общежительнаго, но отчасти смягчить его для удобоисполнимости современными подвижниками, самими даже строгими и вполне добросовѣстно желающими проходить полрице монашеской жизни.

„Пристрастіе отца Пимена къ уставу общежительному такъ сильно что сдѣлалось у него какъ бы пунктомъ помѣшательства“, говорилъ про него одинъ настоятель, почему-то не весьма къ нему расположенный.

Такой отзывъ слишкомъ преувеличенъ, но съ другой стороны и предубѣжденіе отца Пимена противъ монастырей штатныхъ было такъ велико что по его мнѣнію, въ штатныхъ монастыряхъ невозможно было найти цѣлѣбно благотворно живущихъ и непритворно и искренно помышляющихъ о душевномъ своемъ спасеніи.

Эта односторонность возрѣнія, усвоенная имъ съ юныхъ

лѣтъ отъ отца игумена Иларія (говорившаго что *общежитіе учрежденіе Божественное, а штатныя монастыри человѣческое*), объясняетъ отчасти его пристрастное расположеніе къ монастырямъ общежительнымъ и непреодолимое предубѣжденіе, неизвинительное въ столь неоспоримо-умномъ человѣкѣ противъ монастырей штатныхъ: подводить ихъ всѣ подъ одинъ уровень невозможно, ибо есть многіе изъ нихъ, гдѣ благодаря внимательной взыскательности настоятелей чинъ церковный и строй монастырскій не только не уступаютъ нѣкоторымъ общежитіямъ (приходящимъ въ уладокъ), но и далеко оставляютъ ихъ за собой.

Но человѣческое несовершенство таково что и самое лучшее въ немъ—стремленіе къ добру, къ хорошему и возвышенному пораждаетъ въ немъ пристрастіе, и вопреки его воли, безъ его вѣдома, дѣлаетъ его сужденія погрѣшительными и несправедливыми, лобуждая его съ одной стороны видѣть хорошее въ преувеличенно лучшемъ видѣ и отъ того хвалить оное безъ мѣры; съ другой стороны, представляя ему менѣе хорошее совершенно уже дурнымъ, до того приражаетъ его что прелятствуетъ ему совнаться что и лорицаемое имъ совсѣмъ не такъ худо какъ оно представляется его неумѣренно строгому сужденію и далеко не безпристрастному взгляду.

По прошествіи недѣли послѣ открытія общежитія на Угрюмѣ, игуменъ Пименъ съ просфорою и св. иконою отправился въ Москву ко владыкѣ благодарить его, и при этомъ ло старой привычкѣ надѣлъ камилавку съ крѣловымъ клобукомъ, который нашивалъ прежде. „Владыка тотчасъ обратилъ вниманіе на мой клобукъ, разказывалъ отецъ Пименъ, и такимъ прозительнымъ посмотрѣлъ на меня взглядомъ что я понялъ свою вину и ошибку что надѣлъ не тотъ клобукъ который владыка благословилъ, когда было открытіе общежитія, т.е. сукошный, а не креловый. Возвратясь къ себѣ, я креловый снялъ, спряталъ и съ тѣхъ лоръ таковыхъ болѣе не улотребляю.“

III.

Послѣ открытія общежитія Александровъ пожелалъ устроить небольшой смежный со старою братскою трапезою (мысль перенесенною въ иное мѣсто) храмъ во имя Св. Апостола

Матвѣя и мученицы Параскевы, въ память по своимъ родителямъ, дабы въ немъ совершать раннія заупокойныя по вѣхъ литургіи, а жена Александрова пожелала выстроить за монастыремъ напротивъ св. воротъ небольшой деревянный домъ для своего прѣзда. На то и на другое Александровъ опредѣлялъ по три тысячи рублей. Приступить къ устройству того и другаго пименъ Пименъ медлилъ, ожидая при каждомъ посѣщеніи Александрова что онъ вспомнитъ, а Александровъ упорно молчалъ, Пименъ же опасался упоминать; однако онъ однажды какъ-то рѣшился намекнуть, но весьма не кстати, потому что Александровъ его остановилъ на первомъ словѣ и сказалъ ему:

— Прошу тебя, никогда объ этомъ не напоминай, а то я и совсѣмъ ничего не сдѣлаю.

По неволѣ приходилось отцу Пимену послѣ такихъ словъ умолкнуть и терпѣливо ожидать чтобъ Александровъ самъ вспомнилъ о своемъ обѣщаніи.

Въ такомъ томительномъ ожиданіи прошелъ почти цѣлый годъ.

Что же было причиной этой нерѣшительности Александрова?

Вотъ разказъ самого отца Пимена:

„Нѣкоторые изъ окружавшихъ Александрова и пользовавшиеся его довѣріемъ, не улуская изъ вида собственныхъ своихъ выгодъ, встревожились когда увидѣли что Павелъ Матвѣевичъ, не ограничиваясь открытіемъ общежитія въ Угрѣшскомъ монастырѣ, намѣревается еще и кромѣ того благотворить обители, и потому старались всѣми возможными мѣрами отклонить его, представляя ему современное монашество съ самой невыгодной стороны, въ самыхъ черныхъ краскахъ.

„Опасно имѣть дѣло съ монахами, стращали они его;—выпросить они на что-нибудь тысячу, а потомъ—глади втянуть въ расходъ, такъ что и нѣсколькими тысячами не отдѣлаешься.

„Но всѣ эти продѣлки и прелятствія были мнѣ тогда еще неизвѣстны, и окружавшихъ Павла Матвѣевича я считалъ столь же благорасположенными къ нашей обители какъ и его самого... Въ послѣдствіи онъ самъ мнѣ все это высказалъ. Это-то вліяніе и было причиной медлительности въ устройствѣ прѣзда и въ постройкѣ дома; ихъ собственно лугала не

тратя этихъ 6.000, а характеръ Павла Матвѣевича, ибо она опасалась что ежели только имъ не удастся охладить его при самомъ началѣ, то онъ встанетъ, увлечется и тогда имъ уже не возможно будетъ съ нимъ сладить и оставить его.“

Въ одно изъ посвщеній игумена Пимена Александровъ сталъ ему разказывать что наканунѣ у него долго сидѣлъ новый строитель Мещовскаго Георгіевскаго монастыря и очень горевалъ что монастырь бѣдный, а братскія кельи всѣ развалились. „Я и самъ знаю что онѣ ветхи, сказалъ Александръ игумену Пимену, я бы и желалъ ихъ выстроить, да вотъ что вижу что строитель то неспособенъ, не сдѣлать ему этого дѣла.“ И сказавъ это Александровъ замолчалъ.

Отецъ Пименъ непримѣтно улыбнулся и помолчавъ переспросилъ Александра:

— Такъ у васъ вчерашній день былъ мещовскій строитель?

— Да, послѣдовалъ отвѣтъ.

— И говорилъ вамъ о ветхости братскихъ келій?

— Ну да, говорилъ.

— И вы говорите что и сами сознаете что ветхи кельи и что вы и готовы были бы выстроить ихъ, но только признаете что отецъ строитель неспособенъ къ этому дѣлу и потому его оставили?

— Ну да, опять повторилъ Александровъ,—такъ что же?

Тогда игумень сталъ самъ повторять слова Александра ему вслухъ.

— Вы, Павелъ Матвѣевичъ, для Мещовскаго монастыря готовы были бы пожертвовать, но признаете неспособность отца строителя и потому оставляете это дѣло такъ?

Александровъ кивнулъ головой.

Игумень продолжалъ:

— И въ этомъ дѣлѣ вы совершенно правы. Теперь я у васъ хочу спросить: почему же вы не строите въ Угринскомъ монастырѣ ни придѣла, ни дома, когда сами же говорите что признаете настоятеля способнымъ?

Эти слова игумена видимо встревожили Александра, онъ засуетился на своемъ креслѣ и, обращаясь къ бывшему при немъ человѣку Дмитрію, сказалъ:

— Вотъ какъ полагалъ, вотъ такъ полагался.

Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа; видно было что эта находчивость игумена понравилась ему и потому онъ ему сказалъ:

— Ну, люди поздравь жену,—домъ будетъ.

Послѣ этого игумень приступилъ къ устройенію пріѣзда и къ постройкѣ дома, и къ 26 октября 1855 года храмъ былъ освященъ и домъ выстроенъ.

Такъ осторожно и осмотрительно долженъ былъ дѣйствовать отецъ Пименъ, идти шагъ за шагомъ, не слѣша, и съ терпѣніемъ выжидать благоприятнаго случая чтобы можно было сказать о нуждахъ монастыря. Похоже ли послѣ этого на истину что Александровъ раскрылъ предъ отцомъ Пименомъ свою сокровищницу и только-что не примолвилъ: „На, бери, черпай, сколько тебѣ нужно, не стѣсняйся“...

Въ дѣйствительности это было иначе, какъ мы увидимъ далѣе.

IV.

Приостановившись теперь въ продолженіи разказа нашего о постройкахъ въ Угрѣшскомъ монастырѣ, мы должны по порядку времени перейти къ знакомству игумена Пимена съ тогдашнимъ ректоромъ Московской духовной семинаріи и настоятелемъ Заиконоспасскимъ, отцомъ архимандритомъ Леонидомъ, такъ какъ это знакомство въ послѣдствіи имѣло не малое вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ на отца Пимена и послужило началомъ къ той искренней, обоюдной, непрерывной и едва ли не единственной дружественной привязанности съ той и съ другой стороны которую они имѣли одинъ къ другому и которая продолжалась до самой кончины перваго изъ нихъ.

Передадимъ словесный разказъ слышанный нами отъ самаго отца Пимена.

„Былъ я какъ-то разъ у владыки съ докладомъ; а такъ какъ у него кто-то въ то время уже находился въ пріемной, то и пришлось мнѣ посидѣть и пождать въ просительской. Пока я дождался, вошелъ какой-то худощавый среднихъ лѣтъ монахъ, съ архимандричьимъ крестомъ, не то чтобы лицомъ красивый, нѣтъ, напротивъ того, онъ былъ скорѣе не хорошъ собой, но особенно благообразный, стройный, сложкойный и смиренно вѣжливый. Вошедши и помолвившись онъ поклонился мнѣ, я отдалъ ему поклонъ, и оба мы усѣлись поодаль другъ отъ друга, съ любопытствомъ изрѣдка поглядывая одинъ на другаго. Лицо его было мнѣ совершенно

незнакомо, по кресту я видѣлъ что это архимандритъ, но откуда—я не зналъ и заключилъ изъ этого что должно-быть какой-нибудь пробвзжій архимандритъ или ректоръ, потому что настоятели Московской епархіи были мнѣ всѣ извѣстны. Слѣдовательно этотъ, подумалъ я, не здѣшній, ежели я его не знаю. Раса была на немъ черная шерстяная, очень простая, но складно сшитая, и низенькая камилавка, какихъ у насъ не носятъ, въ родѣ аеонскихъ.

„Немного погодя вошелъ въ пріемную секретарь владыки (Николай Васильевичъ Давыловъ) выходящій отъ него, и подошедши къ незнакомому мнѣ архимандриту поздоровался съ нимъ:

„— Ахъ, здравствуйте, отецъ ректоръ.

„А! такъ это вотъ кто, подумалъ я и посмотрѣлъ на ректора съ большимъ вниманіемъ. Потомъ Николай Васильевичъ обратился ко мнѣ:

„— Что по дѣлу, отецъ игумень? спросилъ онъ.—Давно ли вы съ Угрьши?...

„Тутъ ректоръ посмотрѣлъ съ любопытствомъ въ мою сторону и на нѣсколько еще шаговъ подошедши ко мнѣ воскликнулъ:

„— Такъ это вы стало-быть отецъ Пимень, а я все воображалъ себѣ что вы большаго роста...

„— Да развѣ вы незнакомы? перебилъ насъ секретарь владыки.—Какъ же это такъ случилось что вы одинъ другаго не знаете?

„И онъ отрекомендовалъ насъ другъ другу. Отецъ ректоръ меня спросилъ:

„— Вамъ долго нужно говорить со владыкою, отецъ игумень?

„— Да, отвѣчалъ я,—у меня есть дѣло...

„— Въ такомъ случаѣ я буду просить васъ, пропустите меня впередъ, мнѣ всего только на пять минутъ; завтра долженъ говорить проповѣдь одинъ изъ учениковъ семинаріи, и мнѣ нужно представить владыкѣ, а васъ не задержу... Очень я радъ что случай свелъ меня съ вами.

„И онъ пошелъ ко владыкѣ, а я остался дожидаться его, но ждалъ весьма недолго, онъ вскорѣ вышелъ; мы еще обмѣнялись нѣсколькими словами: звали другъ друга къ себѣ и разошлись; онъ уѣхалъ, а я пошелъ ко владыкѣ.

„Это было въ началѣ осени; все мы собирались посѣтить

онъ меня, а я его и ни который изъ насъ одинъ къ другому поласть никакъ не умѣлъ. Такъ наступилъ ноябрь мѣсяцъ сдѣлалась слякоть, пошли заморозки. Разъ какъ-то вечеромъ на Угрѣшѣ мнѣ подали уже свѣчи, слышу я въ передней отворяютъ дверь, возня, голоса разные и суета, какая бываетъ когда кто-нибудь прѣдетъ. Не успѣлъ я позвонить чтобъ узвать что такое въ прихожей, бѣжить ко мнѣ келейникъ доложить что прѣхалъ отецъ ректоръ, архимандритъ Леонидъ. Это было первое его посѣщеніе; онъ вѣдалъ, не помню съ кѣмъ, на Перерву и попалъ вмѣсто того на Угрѣшу.“

Невозможно было бы прослѣдить постепенное сближеніе архимандрита — въ послѣдствіи епископа Дмитровскаго Леониды съ игуменомъ — въ послѣдствіи архимандритомъ Пименомъ, или подробно передать ихъ свиданія, бесѣды и посѣщенія другъ друга: это вышло бы далеко за черту той не весьма пространной біографіи отца Пимена каковую мы предположили себѣ написать, и потому, не вдаваясь въ излишнія подробности, въ общихъ чертахъ передадимъ самое главное что намъ извѣстно изъ дружескихъ отношеній обоихъ и о взаимномъ ихъ вѣдѣствіи и вліяніи другъ на друга. Теперь нѣтъ уже въ живыхъ ни котораго изъ нихъ, слѣдовательно можно безъ стѣсненія говорить сущую правду о томъ и о другомъ, отдавая преимущество каждому изъ нихъ, не опасаясь чтобы похвалы почлись за лесть, а истина за пристрастіе къ которому нибудь изъ нихъ.

Имѣвъ возможность видать обоихъ весьма близко въ продолженіе почти десяти лѣтъ (1867—1876) въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и разныхъ случаяхъ искренней неразрывной ихъ дружбы, знавъ коротко и того и другаго и обоихъ чисто-сердечно любивъ и уважавъ, постараемся насколько возможно самовидцу и свидѣтелю безпристрастно передать въ чемъ одинъ другаго превосходилъ, въ чемъ они походили другъ на друга, въ чемъ состояла разница между ними и въ чемъ наконецъ выразилось ихъ взаимное вліяніе.

Такъ какъ о рожденіи, воспитаніи и первоначальной жизни отца Пимена говорено уже нами столько и такъ подробно, то мы повторять не станемъ, но считаемъ необходимымъ въ краткихъ чертахъ передать что намъ извѣстно о происхожденіи, воспитаніи и восхожденіи преосвященнаго Леониды,—этого единственнаго друга отца Пимена,—дабы при сопоставленіи ихъ вмѣстѣ характеръ каждаго еще лучше очертился,

дать точное понятіе о томъ и о другомъ и помочь представить ихъ безъ лести и безъ преувеличенія ихъ достоинствъ, каковыми они въ дѣйствительности были.

Пресвященный Леонидъ, въ міру Левъ Васильевичъ Краснослѣвковъ, родился 16 апрѣля 1817 года въ С.-Петербургѣ, гдѣ тогда жили его родители и гдѣ отецъ находился на службѣ. Въ молодости отецъ Краснослѣвковъ былъ кабинетъ-секретаремъ или докладчикомъ при императрицѣ Екатеринѣ, а умеръ въ званіи помощника герольдмейстера, какъ значится въ подписи на его надгробномъ камнѣ, но въ какомъ именно чинѣ, мы въ точности сказать не можемъ. Состояніе Краснослѣвковыхъ было весьма незначительное, но родители воспитывали старшаго сына Льва какъ только могли лучше, сперва дома, а потомъ отдали его въ одну англійскую школу, гдѣ съ дѣтства онъ усвоилъ такъ хорошо англійскій и отчасти французскій и нѣмецкій языки, которые въ послѣдствіи принесли ему такую великую пользу, сдѣлавъ доступными иностранныхъ писателей. Пробывъ нѣкоторое время въ англійскомъ училищѣ, Левъ Краснослѣвковъ поступилъ въ Горный Институтъ, а въ 1834 году въ февралѣ зачисленъ юнкеромъ въ Балтійскій флотъ, въ XIV флотскій экипажъ; въ 1836 году произведенъ въ офицеры, а въ 1838 году вышелъ въ отставку съ чиномъ лейтенанта: слѣдовательно, вся служебная дѣятельность молодого моряка ограничилась четырьмя годами службы.

Свѣтская жизнь и суета житейская не манили его; можетъ-быть тому причиной была отчасти и та скудная обстановка которая окружала его въ домѣ родительскомъ. Во всякомъ случаѣ, тайное внутреннее стремленіе влекло Льва Васильевича оставить міръ и вступить въ монашество.

Отецъ его, по благоразумію свойственному людямъ уже пожилымъ, не давалъ своего согласія: „Ты еще молодъ, не олытень, послужи, потрудись; монахомъ всегда услѣшь быть“.

Старичокъ умеръ, и Левъ Васильевичъ, посоветовавшись съ митрополитомъ Филаретомъ и съ его благословенія, рѣшился поступить въ Духовную Академію сперва въ С.-Петербургскую, а потомъ перешелъ въ Московскую, гдѣ и окончилъ курсъ ученія въ 1842 году со степенью магистра XIII курса Московской Духовной Академіи. Между тѣмъ, небольшое помѣстье его матери, въ которомъ она и жила со

своими дѣтьми, было продано, и все семейство осталось безо всякихъ средствъ. Митрополитъ Филаретъ, расположившійся къ молодому академику, являлъ дѣятельное участіе въ его судьбѣ, и по возможности помогая ему естественно изыскивалъ средства доставить ему такое положеніе которое бы дало ему возможность оказывать достаточное пособіе всему семейству. Его заботливость о молодомъ академикѣ, а потомъ іеромонахѣ Леонидѣ, вполне высказывается въ его письмахъ * къ отцу намѣстнику Антонію, съ которымъ онъ совѣтуется какъ бы ему помочь и что сдѣлать для него такое что упрочивало бы благостояніе его и всего его семейства?

Эту заботливость владыки о положеніи Краснолѣвкова и его семейства раздѣлялъ съ нимъ и досточтимый его совѣтникъ, его помощникъ и намѣстникъ въ Лаврѣ, отецъ архимандритъ Антоній, который не довольствовался тѣмъ что напоминалъ владыкѣ о претерпѣвавшихъ нужду, но и самъ неоднократно подавалъ руку помощи.

Въ 1845 году рѣшился наконецъ совершенно разстаться съ міромъ магистръ Краснолѣвковъ и 28 сентября былъ постриженъ въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ въ монашество, сентября 30 посвященъ въ іеродіакона, а 1 октября того же года во іеромонаха. Въ 1849 году декабря 19—21 назначенъ ректоромъ Сласо-Визанской духовной семинаріи и настоятелемъ Московскаго Златоустовскаго монастыря, въ 1850 году января 1 посвященъ въ санъ архимандрита; декабря 31 того же года назначенъ быть настоятелемъ Московскаго Знаменскаго монастыря; въ 1853 года ректоромъ Московской духовной семинаріи, а въ 1854 году настоятелемъ Московскаго Заиконоспасскаго монастыря.

Здѣсь мы остановимся и не станемъ говорить о дальнѣйшемъ его возвышеніи до времени, но передадимъ что намъ извѣстно изъ разказовъ отца Пимена и изъ писемъ къ нему отца ректора архимандрита Леонида ** о ихъ духовномъ общеніи и о постепенно возрастающей ихъ дружбѣ.

* См. Письма м. м. Филарета къ намѣстнику Антонію № 307й, 1841 года декабря 12, № 322, 1842 года мая 7, № 380й, 1843 года августа 10, № 426й, 1844 года мая 25, № 489й, 1845 года сентября 18.

** Письма пресвященнаго Леонида къ отцу архимандриту Пимену были напечатаны въ 1877 году въ Чтен. Иж. Общ. Ист. и Древн.

Весьма жаль что многія письма утрачены, а шивя не поступила въ печать по совершенно официальному или совершенно личному ихъ характеру, но и тѣхъ которыя мы имѣемъ предъ глазами достаточно чтобы судить о взаимныхъ отношеніяхъ связывавшихъ въ продолженіи двухъ десятилѣтій этихъ другъ другу искренно преданныхъ друзей.

V.

Отецъ Пимень былъ на десять лѣтъ старѣе отца Леониды; щедро надѣленный отъ природы умомъ проникательнымъ, живымъ, смѣтливымъ и удивительною памятью, сохранявшемъ въ своихъ запасахъ однажды прочитанное, видѣнное и слышанное съ изумительными подробностями, онъ былъ и опытнымъ какъ въ монашеской жизни (ибо находился уже болѣе двадцати лѣтъ въ монастырѣ), такъ и въ хозяйственныхъ дѣлахъ и въ вещественныхъ потребностяхъ жизни, какъ человѣкъ уже давно улаживавшійся въ нихъ, и въ этомъ были его преимущества предъ отцомъ Леонидомъ.

Но не получивъ надлежащаго образованія, а только пріглядываясь и прислушиваясь къ обращенію и къ разговору людей благовоспитанныхъ, онъ старался усвоивать то что видѣлъ и слышалъ, что по большей части и удавалось ему, и въ особенности когда ему приходилось бывать подолѣе въ сообществѣ людей умныхъ и безукоризненнаго образованія, онъ умѣлъ стать въ уровень съ ними, не дѣлая ни въ чемъ слѣшкомъ большихъ логрѣнностей или ощутительныхъ отступленій; но когда онъ оставался одинъ или не достаточно слѣдилъ за собою, тогда прорывались и проглядывали выраженія и приемы съ дѣтства и въ швой средѣ имъ усвоенные и изобличавшіе несовершенный еще навыкъ держать себя какъ принято людьми вполнѣ благовоспитанными. Въ этомъ отношеніи превосходство было на сторонѣ отца Леониды, и въ особенности когда сдѣлавшись преосвященнымъ и самъ уже свыкшись со всѣми приемами и требованіями своего высокаго

Рос. въ 1 книгѣ, было 300 отдѣльныхъ оттисковъ. Писемъ 1857 года 2, 1858—7, 1859—2, 1860—3, 1861—5, 1862—1, 1863—1, 1864—1, 1865—2, 1866—7, 1867—3, 1868—7, 1869—11, 1870—1, 1871—1, 1872—3, 1873—23, 1874—11, 1875—11 и 1876—13.

сама онъ могъ евободѣе дѣлать свои замѣчанія, и тогда онъ весьма часто оставался вѣкъ отъца Пимена и отговаривалъ его, а тотъ, какъ человекъ умный, сознавая справедливость замѣчанія на счетъ сказаннаго имъ не ладно или одѣланнаго иначе чѣмъ принято, простодушно извинялся, благодарилъ несколько не оскорбляясь и никогда уже вторично не впадалъ въ ошибку однажды ему замѣченную.

— Послушайте, говорилъ ему иногда пресвященный, — вотъ вы давеча сказали въ разговорѣ то-то и то-то: такъ не слѣдуетъ говорить; это не принятое выраженіе; вотъ какъ бы можно было это сказать, и т. п.

Или когда случалось что не такъ употреблялъ отецъ Пимель какое-нибудь прочитанное имъ въ газетѣ или слышанное иностранное слово, пресвященный опять оставался вѣкъ отъца; „Ну зачѣмъ вы вставляете въ разговоръ не русскія слова, значеніе которыхъ не вполнѣ вамъ ясно? Во-первыхъ, вы не такъ и произносите какъ слѣдуетъ, это слово вотъ какъ говорится, — это первая ваша ошибка, — а вторыхъ, тутъ это слово даже и неумѣстно, потому что вотъ чтѣ значитъ оно, а вы хотѣли совсѣмъ не это сказать, вѣроятно, а вотъ чтѣ... Говорите ужъ лучше все по-русски, на чтѣ намъ иностранныя выраженія? они только засариваютъ и лестрятъ намъ прекрасный и богатый языкъ; да лицу духовному и не прилично безъ надобности прибѣгать къ иноязычнымъ словамъ.“

Но когда нужно было въ какомъ-нибудь ватруденіи поступить осторожно и искусно, пресвященный въ свою очередь обращался за совѣтомъ къ отцу архимандриту Пимену, который, выслушавъ намѣренія пресвященнаго, иногда вполнѣ одобрялъ и соглашался что это будетъ, дескать, хорошо; а иногда, соглашаясь отчасти, говорилъ что въ исполненіи вотъ бы чтѣ и вотъ какъ ему казалось бы не хуже было; доказывалъ самыми прѣстыми доводами и такъ ясно что нельзя было не согласиться что, дѣйствительно, какъ онъ совѣтуетъ, будетъ несравненно лучше и скорѣе или полезнѣе.

Но иногда онъ бывалъ совершенно противоположнаго мнѣнія, и тогда изъ деликатности, сначала не вполнѣ отвергая высказанное ему намѣреніе, весьма ловко и искусно начиналъ выставлять такіа послѣдствія могущія отъ того произойти что пресвященный, которому дѣло представлялось совершенно иначе и который улускалъ изъ виду то и то, начиналъ

мало-по-малу самъ отказываться отъ своего первоначальнаго мнѣнія и влюди́ усваивалъ мнѣіе отца Пимена, и никогда не расказывалъ что послушался его; это былъ опытный и добрый совѣтникъ .

Что касается монастырства, чина и благолѣпія церковнаго и въ особенности построекъ, то первенство какъ по опыту, такъ по умѣнію и по исполненію было на сторонѣ отца Пимена, несравненно болѣе въ этомъ свѣдущаго чѣмъ преосвященный .

Но въ постройкахъ своеобразность, а иногда и недостатокъ вкуса были поводомъ къ преніямъ между архимандритомъ и преосвященнымъ, который имѣлъ вкусъ несравненно изящнѣе и утонченнѣе, и тогда отецъ Пименъ признавалъ себя побѣжденнымъ, и мастеръ и учитель въ техническомъ дѣлѣ, онъ оказывался ученикомъ неопытнымъ и весьма неискуснымъ въ вопросахъ художественнаго свойства. Поэтому все то что было сдѣлано въ постройкахъ на Угрѣшѣ безъ совѣта или не по совѣту преосвященнаго выходило своеобразно, весьма часто не изящно, а иногда даже и вовсе некорошо и неудачно. Тогда завязывался споръ между преосвященнымъ и отцомъ архимандритомъ: первый порицалъ и хулилъ, второй доказывалъ что порицаемое хорошо, отспаривался какъ могъ, хотя и самъ чувствовалъ что спорить онъ не право, но не хотѣлось ему признаться что онъ видитъ и сознаетъ свою вину, и не рѣдко по отъѣздѣ преосвященнаго съ Угрѣши говорилъ своимъ приближеннымъ: „Вотъ преосвященный находятъ то-то и другое не такъ, не нравится ему! Ну чѣмъ же не хорошо? Нѣтъ, по моему это очень хорошо.. пожалуй можно бы и лучше сдѣлать, да что бы это стоило? тысячи! А мы это сдѣлали сотенками, и право хорошо, и лучше не надобно.“ Но это были рѣдкіе случаи, когда каждый оставался при своемъ мнѣніи, ни который не уступая другому; но и подобныя несогласія не нарушали ихъ взаимныхъ, неизмѣнно дружескихъ, отношеній.

Особенностью въ характерѣ отца Пимена было какое-то странное *иногда* упорство оставаться при своемъ мнѣніи не смотря на всѣ доводы, хотя бы и очень основательные и влюди́ справедливые; случалось что чѣмъ болѣе ему противорѣчили тѣмъ менѣе онъ соглашался даже съ тѣмъ что было весьма очевидно, и напротивъ того, когда понемногу и

незамѣтныхъ образомъ, не протнворѣча ему прямо, но отчасти соглашаясь съ нимъ, слѣды прекращали, тогда онъ уже мало-по-малу самъ начиналъ уступать, и въ послѣдствіи, перемѣнивъ свое мнѣніе, но не сознавая что онъ отступилъ отъ своей первоначальной мысли, дѣйствовалъ совершенно иначе.

Многіе изъ знавшихъ эту особенность его характера, не протнворѣча ему, соглашались съ нимъ или слегка только дѣлали намеки и такимъ образомъ достигали что онъ дѣйствовалъ или рѣшалъ не такъ какъ самому ему слѣдвало хотѣлось, а какъ подсказывали ему другіе; и этимъ искусно пользу зовались не всегда искренно желавшіе пользы ни ему лично и ни для блага обителя.

И весьма странно было иногда видѣть со стороны что такой неоспоримо умный и опытный человѣкъ такъ легко и такъ неловятно могъ поддаться и быть обманываемъ и ослѣвляемъ очевидною ложью и лукавствомъ или своекорыстіемъ людей далеко не умныхъ, но только хитрыхъ и представлявшихъ ему бѣлое чернымъ и наоборотъ, а онъ по непостижимой довѣрчивости своей, а можетъ-быть и по излишней самоувѣренности что его провести нельзя, не подозрѣвая лукавства подъ личиною преданности, усердія и простоты, совершенно поддавался самому грубому и наглому обману, не почувствовавъ что попадалъ въ подставленную западню.

Какъ и чѣмъ объяснить что онъ, который часто предусматривалъ и разгадывалъ то чего не дано видѣть и вѣдать каждому, людямъ даже не съ обыкновеннымъ и дюжиннымъ умомъ, напротивъ того тамъ именно, гдѣ и ограниченный человѣкъ замѣтилъ бы ловушку, онъ же видимо для всѣхъ дѣлалъ промахъ и попадалъ въ просакъ?

Почти однихъ и тѣхъ же лѣтъ оставили родительскій домъ и отецъ Пименъ, и отецъ Леонидъ. Одинъ вступилъ въ монастырь, другой пробывъ въ Горномъ Корпусѣ и въ морской службѣ вышелъ въ отставку и въ скоромъ послѣ того времени поступилъ въ Академію; слѣдовательно, оба съ юныхъ лѣтъ были предоставлены самимъ себѣ. И тотъ и другой находились подъ строгою дисциплиною, одинъ подъ монашескою, другой подъ военною. Оба сами себя воспитали: одинъ не получилъ никакого образованія, но самъ себя образовалъ; другой получилъ начало образованія въ мірѣ и продолжалъ образовываться въ замкнутой средѣ Духовной Академіи; но самостоятельной

широкой жизни со всеми ея примаками, бурями, скорбями и переворотами, не испытала ни ютъ ни другой, удалившись отъ міра въ юнашескомъ возрастѣ. Жизнь самостоятельная началась для обоихъ когда имъ было уже болѣе сорока лѣтъ, и востановленіе этого вся природная пылкость, не истощенная на удовлетвореніе страстей, не охлажденная и равствительными скорбями и не растроченная безполезно въ суетахъ житейскихъ, оставалась неприкосновенною въ нихъ когда они понувствовали твердую почву самостоятельности подъ своими ногами и почти неограниченную власть въ своихъ рукахъ. Оба зависѣли только отъ одного лица, отъ митрополита Филарета, котораго хотя любили и уважали, однако и трепетали; но въ его присутствіи они сами становились полновластными владыками и давали чувствовать своимъ подчиненнымъ силу, а иногда и жестокость своей власти, потому что не всегда могли умѣрять и сдерживать природную живость и пылкость своего характера. Наказывая виновнаго за поступокъ достойный порицанія, они иногда сами по излишней строгости становились виновными предъ виновнымъ, ибо не умѣли сообразности надлежащей соразмѣрности между виной и наказаніемъ. Не скоро сознавъ свою излишнюю строгость, происшедшую не отъ недостатка сердечной доброты и любви къ ближнему, а подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, оба они начинали сожалѣть о томъ что увлекались за предѣлы благоумной умѣренности и въ наказаніе себѣ за свою вину внутренно смирялись и старались предъ обиженнымъ и оскорбленнымъ или даже и предъ виновнымъ загладить собственную вину, что конечно весьма похвально какъ признакъ самоукоренія, но не всегда имѣло хорошія послѣдствія относительно подчиненныхъ.

— Вотъ что, человѣкъ обидѣвъ, оборвалъ какъ нельзя хуже, а теперь жаль стало, и началъ смиряться и заискивать; снявъ голову съ лапчъ по волосамъ нечего плакать, говаривали между собою подчиненные...

Оба они имѣли живое, пылкое воображеніе, но различно проявлявшееся: однимъ, какъ человѣкъ болѣе положительный и не столь образованный, высокое, прекрасное понималъ и выражалъ въ болѣе вещественныхъ образахъ, въ зданіяхъ и благолѣпныхъ украшеніяхъ (не всегда, впрочемъ, менографаительно изящныхъ), мало чувствовалъ красоты

поэтическихъ произведеній, находя въ нихъ саншкомъ много *мирскаго страстности* и потому считалъ ихъ непригодными для монашескаго чтенія; другой, напротивъ того, не охотникъ до вещественныхъ, строительственныхъ хлопотъ, въ зданияхъ и храмахъ преимущественно дорожилъ только изяществомъ древняго водчества, въ которомъ былъ знатокъ, и глубоко былъ проникнутъ красотаи поэтическихъ произведеній, живо чувствуя возвышенность мыслей, изящество и художественность выраженій, и, будучи аскетомъ въ душѣ, читая поэмы, умѣлъ отвлекаться отъ саншкомъ пластическихъ образовъ и останавливался болѣе на отвлеченныхъ красотахъ, на составномъ сочетаніи и созвучіи словъ и на художественности выраженій читаемаго писателя. Такъ онъ высоко цѣнилъ талантъ Пушкина и съ молодости зналъ многія его произведенія наизусть, какъ напр. *Пророка, Клеветника въ Россіи, Отца-пустынника и Жену непарочныя*; зналъ также *Молитву* Лермонтова, *Землетрясеніе* и *Самсона* Языкова, многія изъ стихотвореній графа Толстаго, Глинки и т. п. Когда онъ наизусть читалъ ихъ отцу Пимену, то и тотъ, такъ какъ въ нихъ не было ничего суетнаго и мірскаго, страстнаго, отдавая справедливость писателю и способенъ былъ понять возвышенность, глубину мысли и красоту слова.

Способный оценивать художественность и изящество слова въ другихъ, преосвященный Леонидъ и самъ имѣлъ этотъ даръ и писалъ свободно, хорошо, картинно и будучи въ частномъ и постоянномъ общеніи съ митрополитомъ Филаретомъ, симъ искуснѣйшимъ вателемъ отечественнаго языка, былъ проникнутъ его духомъ, оваренъ яркимъ свѣточемъ его ума, и ошутительно и мало-по-малу началъ отражать въ своихъ проповѣдахъ и письмахъ это имъ усвоенное умѣніе. Нѣкоторые хотѣли видѣть въ этомъ подражаніе: „Онъ копировалъ Филарета“, говорили эти откальватели чужихъ недостатковъ. Нѣтъ, скажемъ мы, онъ не копировалъ его, но бывъ изъ его школы, усвоилъ себѣ его пошибъ и былъ проникнутъ точностію его мышленія и изяществомъ выраженія. Въ особенноти это сдѣлалось ошутительно въ послѣднее десятилѣтіе его пребыванія въ Москвѣ, когда *подлинника* уже не было налицо и потому чувствовалось что не списываетъ онъ съ рукописей Филарета, но свое перо макаетъ въ его чернильницу, преименно къ нему перешедшую. Бесѣда преосвященнаго Леонида была пріятна, назидательна и

усладительна, но при всей привѣтливости въ'пріемѣ и въ обращеніи все-таки не производила того впечатлѣнія которое получалось при чтеніи имъ написаннаго.

Отца Пимень имѣлъ совершенно противоположныя дарованія: говорилъ мастерски и можетъ статья и писать могъ бы такъ же, еслибы при писаніи не затруднялся самымъ процессомъ писанія и сочетаніемъ словъ. Но его живое слово (по выраженію Гомера) было дѣйствительно *крылатое, орлиное*; это былъ широкій, стремительный потокъ, который течетъ, течетъ, катитъ волну за волной, мысль за мыслию, и все онъ полонъ, и все новое и новое является при каждомъ всплескѣ и переливѣ. Получи онъ надлежащее обученіе, онъ былъ бы великій ораторъ.

„Когда я сажусь писать и возьму перо въ руки, говаривалъ онъ, у меня какъ будто замерзають все мысли, потому что для меня писать затруднительно, а когда я говорю, я свободенъ, говорю то слово которое мнѣ приходитъ на умъ и попадаетъ на языкъ. Разказывать я могу, а записать что разказываю не въ силахъ; заставь меня разказывать, а другой лишн, это иное дѣло; но дѣлать самому и то и другое, заразъ приломинать да и писать еще, эти два дѣла вдругъ не по моимъ силамъ.“

Относительно нравственныхъ качествъ отца Пимена достаточно сказать что для себя онъ не былъ ни *корыстолюбивъ*, ни *стяжательнъ*, ни *вещелюбивъ*. Имѣя въ рукахъ десятки и сотни тысячъ, онъ не сберегъ собственно для себя ни одного рубля, и все что осталось денегъ велѣлъ записать монастырскимъ. Но не будучи стяжательнъ для себя лично, нельзя сказать чтобъ онъ былъ вовсе чуждъ стяжательности для обители. Напротивъ того, онъ постоянно помышлялъ о томъ и предлагалъ все свое стараніе чтобъ увеличить и упрочить вещественное благосостояніе Угрѣши и, какъ мы уже видѣли, радовался когда дѣлалось что-нибудь для обители и скорбѣлъ если желаемое имъ не осуществлялось или было замедляемо. Но повторяемъ, что при всей своей преданности интересамъ монастырскимъ и при всегдашнемъ и неусыпномъ о нихъ попеченіи, онъ прежде всего памятовалъ свое монашеское званіе и потому съ великою осторожностію дѣлалъ каждый шагъ, опасаясь подать поводъ къ невыгодному отзыву о монашествѣ, и съ великою осторожностію и осмотрительностію принималъ предлагаемое благотворителями, а совсѣмъ не

выпрашивалъ и не вымогалъ, какъ это хотѣлось нѣкоторымъ другихъ въ томъ увѣрить.

Не будучи лично стяжателемъ онъ ни мало не былъ и скулъ какъ для самой обители, такъ и для братіи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже скорѣе излишне щедръ чѣмъ расчетливо бережливъ. Для обители онъ дѣлалъ всѣ траты которыя почиталъ не только необходимыми или нужными, но и только даже полезными, и безъ которыхъ очень бы возможно было обойтись.

Будучи въ отхоженіи къ братіи вообще весьма взыскателемъ, онъ когда требовалось утѣшить кого-нибудь, наградить, помочь, не стѣснялся и давалъ *полною мѣрою, добръ напѣканною*. Старшимъ изъ братіи, когда отлускалъ ихъ любовать въ Москвѣ, давалъ по пяти, по десяти рублей и болѣе, а когда по простествіи многихъ лѣтъ жительства въ монастырѣ кто-нибудь изъ іеромонаховъ отпрашивался на богомолье въ Кіевъ или на родину и это было далеко, онъ давалъ значительное и съ избыткомъ достаточное для путешествія количество денегъ, сообразуясь съ потребностями каждаго, и были случаи что онъ давалъ и по нѣскольку сотъ рублей. Онъ умѣлъ требовать, умѣлъ взыскивать, и наказывая иногда даже слишкомъ строго, онъ любилъ и утѣшить человѣка достойнаго изъ братіи и умѣлъ щедро и не стѣняясь награждать и поощрять. Онъ всегда носилъ въ карманѣ множество серебряныхъ монетъ, и когда при встрѣчѣ съ нимъ просилъ у него прохожій, нищій, логорѣвый, рабочій или странникъ, онъ не отказывалъ никогда, и олутивъ руку въ карманъ и смотря по тому кто былъ просящій, давалъ ему столько сколько почиталъ нужнымъ и достаточнымъ.

Онъ не отказывалъ послушникамъ живущимъ въ монастырѣ и хорошо себя ведущимъ платить за нихъ подати или оброкъ, хотя бы это составляло и нѣсколько десятковъ рублей. „Онъ трудится для монастыря и братіи, говорилъ отецъ Пименъ, почему же монастырю и не помочь ему.“

Для себя собственно отецъ Пименъ хотя не тратилъ излишняго и ни въ чемъ не роскошествовалъ, но и не отказывалъ себѣ въ томъ что понадобится.

О просвѣщенномъ Леонидѣ мы скажемъ совершенно иное, мало того что онъ не былъ любостяжателемъ, онъ былъ совершенно нестяжателемъ, и, несмотря на то что въ молодости испыталъ великую нужду, онъ и въ послѣдствіи, когда имѣлъ

во всемъ изобиліе и излишество, умѣлъ сохранить себя въ чистотѣ отъ сребролюбія и стяжательности; онъ не только не собиралъ и не копилъ денегъ, онъ не прикасался къ нимъ какъ къ чему-то оскверняющему руки. Онъ не заботился о своихъ собственныхъ интересахъ, но мало помышлялъ и о вещественныхъ выгодахъ какъ монастыря ему подвѣдомственнаго такъ и подворья на которомъ жительствоваъ, и которое по своей мѣстности могло быть приведено въ болѣе цвѣтущее положеніе и приносить въ десять разъ болѣе нежели сколько оно приносить теперь.

Ему объ этомъ многіе говорили, неоднократно говорилъ и отецъ Пимень; онъ не хотѣлъ и слушать объ этомъ и однажды сказалъ ему: „Знаю что вы говорите правду и что точно можно бы многое сдѣлать съ пользой и получать болѣе, но я самъ этого сдѣлать не умѣю и не желаю себя на это употреблять, потому что все это *аферы* и барышничество, о чемъ архіерею хлопотать совсѣмъ не прилично, а поручить это мнѣ некому, да и вообще ежели бы и было кому, я не сталъ бы въ это ввязываться. Чтѣ же мнѣ мало что ли того чтѣ я умѣю? До меня викаріи довольствовались меньшимъ и объ этомъ не заботились: съ какой же стати стану я вдругъ объ этомъ хлопотать? вѣтъ, это не по моимъ убѣжденіямъ, это просто было бы не прилично и послужило бы не къ пользѣ мнѣ, а ко всеобщему соблазну, а я ближняго моего соблазнять не желаю; я напротивъ того долженъ помышлять о духовномъ назиданіи, а не служить предметомъ или поводомъ къ соблазну.“

Все чтѣ получалъ преосвященный онъ все издерживалъ и раздавалъ просившимъ у него пособія и давалъ щедрою рукой.

Безденежье преосвященнаго было таково что когда его назначили архіеписколомъ въ Ярославль онъ не зналъ съ чѣмъ ему вѣхать, и еслибы не явилась неожиданная помощь отъ одной благочестивой и щедрой особы, прослышавшей о его затрудненіи, ему не съ чѣмъ было бы и подняться; а когда онъ скончался, то собственныхъ денегъ у него осталось мѣнѣе двухъ рублей!

О *воздержаніи* отца Пимена и преосвященнаго Леонида мы скажемъ то же чтѣ и о ихъ нестяжательности. Оба они были весьма воздержны какъ въ лицѣ, такъ и въ питіи, но не въ равной мѣрѣ. Отецъ Пимень, по своему тѣлосложенію и по усвоенному съ юности навыку, употреблялъ пищу

простую, не изысканную и весьма умѣренно, но въ достаточномъ количествѣ чтобы не ощущать голода: онъ обѣдалъ въ обыкновенные будничные дни у себя въ кельѣ, требуя иногда братской пищи, или заказывалъ себѣ какую-нибудь похлебку, кашу, пирожекъ или что-нибудь тому подобное, незатѣливое и непрехотливое; предъ вечернею пила двѣ или три чашки чаю, и вечеромъ часовъ въ семь или восемь ему подавали что-нибудь закусить. Питья за столъ, когда онъ былъ одинъ, ему не подавали никакого, ни воды, ни квасу; а вина онъ и совсѣмъ не употреблялъ до послѣднихъ пяти-шести лѣтъ предъ кончиною, когда по настоянію врачей онъ сталъ пить во время обѣда по очень маленькой рюмкѣ десертнаго сладкаго вина въ помощь лицеваренію, а до того времени кромѣ чаю онъ весь день ничего не пила.

Когда случалось что къ нему прѣзжалъ какой-нибудь гость изъ настоятелей, онъ заказывалъ хорошій и сытный, но незатѣливый обѣдъ, и почти всегда приглашалъ еще человѣка три, четыре и до шести изъ старшей братіи, и если день былъ не постный, то непременно спроситъ у келейника: „а кофейкомъ ты насъ поможешь?“

— Какъ благословите.

— Нечего, нечего тутъ говорить *какъ благословите*; подавай, мы и благословимъ и польемъ.

Очень часто по воскреснымъ днямъ или въ праздникъ послѣ трапезы келейникъ подходитъ къ іеромонахамъ и іеродіаконамъ и говоритъ имъ: „къ отцу архимандриту на кофей“.

И такъ соберется къ нему человѣкъ лятнадцатъ и болѣе, онъ угощаетъ всѣхъ кофемъ, чаемъ, лакомствами, и когда бывалъ въ особенно веселомъ расположеніи духа, шутитъ и, услышавъ что-нибудь особенно смѣшное, смѣется до слезъ. И всегда при подобномъ собраніи онъ заведетъ рѣчь о старцествѣ и начнетъ разказывать про какого-нибудь замѣчательнаго старца, про котораго слышалъ отъ покойнаго отца-игумена Иларія, или кого онъ самъ зналъ, въ Новозерскомъ монастырѣ, въ Олтиной пустынѣ. Разказъ его живой, ясный, въ высшей степени бывалъ тогда занимателенъ, приятенъ и назидателенъ.

Въ постные дни и во время положенныхъ постовъ отецъ Пимень, согласно съ уставомъ, употреблялъ какъ и всегда умѣренно надлежащую пищу и въ продолженіе великой четьредесятницы хотя и строго воздерживался отъ рыбы,

когда былъ здоровъ, но не удручалъ себя чрезмѣрнымъ воздержаніемъ, а говаривалъ: „Дай Богъ собакусти въ точности и то что намъ положено по уставу, не мудрствовать, а въ простотѣ исполнять“. Такъ онъ всегда и дѣлалъ, пока послѣ продолжительной и изнурительной болѣзни достигшей его за семь лѣтъ до его кончины не пришлось ему, по указанію врачей и по благословенію владыки, разрѣшать по временамъ на болѣе питательную пищу, каковой требовалось при литіи водъ или для подкрѣпленія и восстановленія утраченныхъ силъ.

„Я за послушаніе исполняю что предписано врачами, говаривалъ онъ,—я ѣмъ не въ угодность себѣ, а по указанію принимаю и лѣкарства и пищу которыя мнѣ предписаны.“

Воздержаніе преосвященнаго Леонида было совершенно иного рода. Это было воздержаніе почти чрезмѣрное, такъ что однажды митрополитъ Филаретъ сказалъ ему: „ревность твоя не по разуму“. Во всю первую седмицу и въ страстную преосвященный только однажды въ четвертокъ подкрѣплялъ свои силы, принимая немного пищи; во всѣ же прочіе дни до субботы онъ совершенно ничего не ѣлъ и даже не пилъ, а только иногда ротъ полоскалъ водой, не позволяя себѣ даже и глотка воды. Такое чрезмѣрное самоумерщвленіе довело его однажды до обморока, который съ нимъ сдѣлался въ церкви, когда въ среду онъ собирался читать у себя мессимоны, такъ что его почти замертво вынесли изъ церкви. Это передали владыкѣ и тогда-то и сказалъ онъ, выговаривая преосвященному что ревность его не по разуму. Подъ предлогомъ что постное масло ему нездорово, онъ въ посты пищу употреблялъ безъ масла, о рыбѣ, конечно, не могло быть и рѣчи. Каждую недѣлю у него было положено въ среду или въ пятую оставаться совершенно безо всякой пищи, даже безъ чаю, и, желая скрыть свой постъ, онъ говорилъ:

— Мнѣ врачи сказали что полезно для желудка когда разъ въ недѣлю даютъ ему отдыхъ.

По этому поводу одинъ изъ слышавшихъ это сказалъ ему: „Отдыхъ, владыка святой, когда человекъ обходится безъ обѣда, ограничиваясь чаемъ поутру и вечеромъ, и это точно можетъ иногда быть полезно, но проводить цѣлыя сутки безъ пищи и питья для желудка не отдыхъ, а истома.“

Эта мнимая польза для желудка отъ чрезмѣрнаго воздержанія причиняла весьма нерѣдко несомнѣнный вредъ, такъ какъ желудокъ-то оставался въ совершенномъ бездѣйствіи,

то долженъ былъ усиленно работать. Это не рѣдко сопровождалось воспалениями, въ которыхъ приходилось прибѣгать къ помощи врача, и весьма правдоподобно что такая непослѣдовательность въ употребленіи пищи была одною изъ главныхъ причинъ до основанія поколебавшихъ его здоровье, которымъ онъ и съ дѣтства похвалиться не могъ, и можетъ-быть даже и причинила его преждевременную смерть.

Отецъ Пименъ былъ всегда усерденъ къ церкви и, глубоко проникнутый духомъ монашества, строго придерживался устава церковнаго и не позволялъ никакихъ отступленій ни въ самой службѣ, ни въ часахъ богослуженія, которые, однажды устоявленные, никогда не были измѣняемы. Самъ онъ, пока позволяло ему здоровье, всегда приходилъ къ утрени, начинавшейся въ три часа по буднямъ, а въ воскресные и въ праздничные дни часомъ или получасомъ раньше; самъ назначалъ кому изъ іеромонаховъ или іеродіакомовъ читать шестопсалміе и выбиралъ изъ пролога чтеніе по шестой лѣсни и оставался до конца, по равню обѣдню слушать не оставался, а приходилъ къ поздней. Весьма часто въ будни онъ самъ читалъ канонъ или канонъ, не очень громко, но такъ внятно и явственно что во всей церкви слышалось каждое его слово. Чтеніе его отличалось особенною простотою и плавностію: онъ ни понижалъ, ни возвышалъ голоса, читалъ мѣрно, не слѣшно, но и не медленно, и на слушающаго производилъ весьма пріятное впечатлѣніе. Онъ не одобрялъ тѣхъ которые при чтеніи, какъ онъ выражался, *выляютъ голосомъ*. „Читай просто и внятно, а голосомъ не вилай; слово божественное имѣетъ свою собственную силу и не требуетъ чтобы мы старались своимъ голосомъ придавать ему выраженіе; я почитаю это даже за самоубійствіе будто я могу своимъ чтеніемъ произвести болѣе впечатлѣнія чѣмъ смыслъ того что церковь положила читать; слово Божіе болѣе подѣйствуетъ чѣмъ нашъ голосъ.“ Когда ему приходилось по занятіямъ не бывать въ церкви, онъ не смущался тѣмъ что пропустилъ службу: „Послушаніе лаче поста и молитвы; если я въ церкви не могъ быть, стало-быть я былъ занятъ для монастыря же, а не по своей прихоти, или я не здоровъ, стало-быть Господь и не взыщетъ за это. Иное дѣло я могъ бы идти да не пошелъ.“

По воскреснымъ днямъ и въ праздники и въ поминковые дни по благотворителямъ, онъ постоянно служилъ

соборомъ, выходилъ на литію за всеобщей и совершалъ послѣ литургіи молебствіе или панихиду. При служеніи онъ былъ весьма взыскателемъ и къ служившимъ съ нимъ іеромонахамъ, и къ пономарямъ; онъ требовалъ чтобъ іеромонахи были внимательны и кланя положенные по уставу поклоны въ опредѣленное время, а неположенныхъ въ церкви не дѣлали. „У себя въ кельѣ молись и кланя поклоновъ сколько угодно, а во время служенія исполняй что предписано уставомъ, а самъ не мудруй; имѣешь усердіе, молись наединѣ, а не при народѣ, словно на показъ; другой еще соблазнется этимъ, почтеть за лицемеріе.“ Пономари и діаконъ должны были дѣлать все своевременно—и подать ему свѣчу и кадило, и выйти изъ алтара,—и если случалась малѣйшая въ чемъ-нибудь остановка, то онъ бывало такъ строго посмотреть на виновнаго что того обдасть какъ жаромъ, и отъ этого при служеніи въ его присутствіи былъ всегда величайшій порядокъ. Пономарямъ и діаконамъ за неисправность или за ошибку во время соборнаго служенія, или звонарю за то что не вовремя ударялъ въ колоколъ, приходилось не рѣдко во время трапезы класть поклоны. „За что это молится такой-то? спросить кто-нибудь изъ братіи одивъ у другаго.“ — Не знаю, чѣмъ-то провинился въ обѣдню, кажется кадила архимандриту не подавъ вовремя, или—звонарь прозѣвалъ, не вовремя ударилъ къ достойной“ и т. п.

Если діаконъ или чтець очень торопились, то весьма часто отецъ Пименъ подзывалъ пономаря и приказывалъ ему: „Поди скажи такому-то чтобы читалъ какъ слѣдуетъ; куда слѣштить? точно кто его логоняетъ, не то я его вею смѣнить... Скажи діакону чтобъ онъ не смѣлъ такъ говорить ектенію; если онъ такъ слѣштить и некогда ему служить порядкомъ, онъ у меня и безъ стихаря походить.“

Точно также если чтець читалъ медленно или невнятно, посылалъ ему дѣлать выговоръ, и не разъ случалось что посылалъ перемѣнить чтеца во время службы: „Что за *танючка* такой, мамлитъ, слова не разберешь, точно кашу жуешь. Не вели ему читать, пусть читаетъ такой-то.“ И потомъ, кромѣ того, призоветъ да и голову намылить, а не то и на поклоны не угодно ли становиться. Отъ его вниманія ничто не ускользало: криво свѣча стоитъ, лампада не оправлена, коверъ не вытрясенъ, стихарь распоролся и не зашить, или зашить

воскомъ и воскъ не выведенъ, словомъ сказать, онъ все видѣлъ и за все взыскивалъ съ кого слѣдовало, спуска никому не было. За то при служеніи все по стрункѣ ходило, и всѣ трепетали предъ нимъ. Многіе очень его трусили: „Того и гледи что не потрафишь, бѣда“. Во время служенія или во время службы когда онъ и не служилъ, стоялъ всегда какъ вкопанный, не обернется никогда на сторону и никуда не взглянетъ, и тогда подойти къ нему не по дѣлу или не по особенно важному дѣлу значило заранѣе идти на выговоръ и напрашиваться на неприятность; а такъ какъ его очень легко было *смутить* или *разстроитъ* иногда бездѣлицей, то отъ неосторожности одного человѣка могли пострадать всѣ: ибо когда онъ разстраивался, то все уже было не по немъ и угодить ему было весьма трудно, почти невозможно, и тогда и правый и неправый всѣ были виноваты. Зная эту особенность его характера, во время служенія всѣ были весьма осторожны и, какъ только могли, старались охранять его спокойное и мирное настроеніе духа.

Въ тѣ дни когда онъ служилъ литургію, онъ до выхода въ церковь рѣдко отворялъ свою дверь, и нужно было что-нибудь особенно важное и притомъ не неприятное чтобы рѣшиться постучаться въ его дверь и сотворить молитву, иначе бѣда и нарушителю покоя, и можетъ-быть и всѣмъ ежели вслѣдствіе этого онъ шелъ въ церковь не со спокойнымъ духомъ.

На первой седмицѣ великой чотырдесятницы онъ всегда самъ читалъ мессимоны и служилъ преждеосвященныя литургіи; въ субботу приобщалъ братію и послѣ литургіи самъ читалъ благодарственныя молитвы по принятіи Св. Таинъ.

Начиная съ Лазаревой субботы и до Фоминой недѣли ежедневно совершалъ всѣ службы, и на Страстной недѣлѣ, когда здоровье не препятствовало, самъ читалъ все Евангеліе, что было весьма продолжительно, въ особенности въ понедѣльникъ, когда чтеніе Евангелія отъ Матѳея и Марка продолжается болѣе четырехъ часовъ, и столько же литургія съ часами и вечернею. Въ этотъ день литургія, начавшись въ семь часовъ, оканчивалась обыкновенно въ исходѣ третьяго часа и въ слѣдующіе дни немного ранѣе. Неутомимость его во время служенія многихъ удивляла, и такое служеніе онъ совершалъ въ продолженіе болѣе двадцати пяти лѣтъ, и только въ послѣдніе два, три года его жизни по болѣзненности онъ долженъ былъ кое-что отмѣнить для себя: такъ чтеніе

всего Евангелія на Страстной недѣлѣ, чтеніе каноновъ, каѳизмъ и т. п., по самое служеніе литургіи и прочаго продолжалъ попрежнему безъ улущенія.

Тѣмъ не менѣ какъ въ воздержаніи отъ пищи, такъ и въ подвигахъ духовныхъ, отецъ Пименъ не обременялъ себя безмѣрно, не приневоливалъ себя идти къ службѣ когда несовсѣмъ здоровилось или было дѣло, и отъ этого не смущался. Онъ былъ глубоко и искренно благочестивъ, никогда не суемудрствуя и не сомнѣваясь въ ученіяхъ святой церкви или святыхъ отецъ. Ему часто случалось говорить мірянамъ въ отвѣтъ на какое-нибудь сомнѣніе или на извиненіе что они не исполняютъ въ строгости по уставу церкви: „Намъ тутъ сомнѣваться не въ чемъ, этому учить святая церковь, и извинять себя не можемъ своими мудрованіями; почитайте-ка чтѣ объ этомъ говорили святые отцы, вотъ и увидите, а они и Богу угодили, да и поумнѣе были многихъ вашихъ телерешныхъ ученыхъ умниковъ, которые только мудруютъ и сами заблуждаются, и другихъ вводятъ въ соблазнъ и въ грѣхъ. Отъ своихъ дѣлъ никто изъ насъ не оправдится, а если чувствуешь что дѣлаешь отступленія, такъ не оправдывай себя, а смиряйся, сознавай что ты согрѣшилъ и живешь худо, не такъ какъ слѣдуетъ, не по божественному слову, и прибѣгай къ милосердію Божию, а не говори: экая важность что я это дѣлаю или этого не дѣлаю. *Очень велика важность; ты не хотѣлъ знать чтѣ объ этомъ говорили святые отцы, прославленные угодики Божіи*, которые были не намъ чета, ты дѣлалъ завѣдомо отступленія отъ устава церкви, стало-быть ты отступникъ, и не исполнилъ законъ Христовъ, стало-быть ты повиненъ чему, знаешь ли? ни много ни мало, только *гееишь огненной*. Такъ кайся, а не оправдывайся. Со знай свою слабость, проси прощенія у Бога, а не смѣй говорить: *экая важность!* Сугубъ грѣхъ имаша. Такъ-то, *сударикъ*, больше церкви, выше святыхъ не будешь.“

И въ этомъ духѣ отецъ Пименъ очень часто говорилъ мірскимъ людямъ, нисколько не стѣсняясь значительностію лица. „Ежели мы говорить не будемъ, кто же скажетъ? Не спрашиваютъ, не навязывай своихъ убѣжденій, не лѣзь съ непрошенными совѣтами; а ежели спросили тебя, дали тебѣ поводъ говорить, желаютъ услышать *слово на пользу*, тутъ нечего стѣсняться и *деликатничать*; говори дѣло какъ есть, не на лицо зряце. Господь съ тебя же взыщеть: могъ сказать

правду, предостеречь брата твоего отъ грѣха и погибели, и не сдѣлалъ этого изъ лустаго, гаулаго мірскаго угожденія. Двумъ господамъ слугою не будешь: служи Богу, а не человѣку; а разсердится на тебя за правду, что тебѣ отъ этого? И онъ человѣкъ такой же какъ ты; дурно ему, а не намъ, мы сказали слово истины, не человѣкоугодствовали.“

Однажды одна довольно важная барыня, съ которою его познакомилъ преосвященный Леонидъ, желая похвастаться своимъ постничествомъ, сказала отцу Пимену какъ будто себя укоряя:

— Знаете ли, отецъ архимандритъ, я часто себя браню что не могу поститься какъ бы желала: здоровье не позволяетъ....

— Коли здоровье не позволяетъ, то вы не виноваты въ этомъ.... А вы поститесь?

— Ахъ какъ же, по средамъ и пятницамъ у меня столь рыбный, мяса не бываетъ.

— А молочное кушаете въ посты?

— Употребляю, какъ же иначе.

— А въ Великій Постъ?

— На первой и послѣдней недѣлѣ даже молочнаго не бываетъ, только рыбное.

— И на Страстной!..

— Если рыбы не будетъ, что же тогда ѣсть?

— Вотъ что: смущаться вамъ нечего; если вы поститься не можете, кушайте что угодно, только не обольщайте себя мыслью будто бы вы поститесь. Какой это постъ—молочное и рыба? Это разрѣшеніе поста.

— Правда, это постъ католическій.

— А вы развѣ католичка?

— Ахъ, что вы! Я православная, какъ это можно.

— Вотъ что, ваше сіятельство, католикъ который живетъ по своему закону не можетъ отвѣтить чѣмъ мы православные которые не исполняемъ своего. Такъ кушайте что хотите, но укоряйте себя и скажите что вы совсѣмъ не можете поститься, но не говорите что поститесь не столько сколько бы слѣдовало; вашъ мнимый постъ—совсѣмъ не постъ.

Послѣ этого разговора, эта особа очень охладѣла къ отцу Пимену, что онъ замѣтилъ при первомъ съ нею свиданіи у преосвященнаго и кажется болѣе у нея и не былъ.

— Вотъ, извольте думать, сердится на меня за то что я ей растолковалъ что она не постится. Она хотѣла предо

мною потщеславиться, думала что я подивлюсь... Не люблю я этихъ мірскихъ лицемѣрщицъ... Не вздумай она похвастаться предо мною, я ничего бы ей не сказалъ, а то сама навзвася на правду. Ужь не знаю жаловалась ли она на меня преосвященному, только онъ меня къ ней больше не посылалъ и не говорилъ мнѣ о ней,—видить что я не умѣю себя вести съ такими знатными боярами. Куда намъ, мы учились въ академіи у Пелагеи Егоровны! И очень радъ, избавился отъ излишней докуки.

Приводимъ эти мелочи потому что онъ вполне обрисовываютъ характеръ и лучше нашего описанія представляютъ читателю отца Пимена каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности, а что касается истинности передаваемого нами скажемъ что не разъ случалось намъ быть свидѣтелями подобныхъ разговоровъ, а многіе передавались намъ самимъ отцомъ Пименомъ. Слѣдовательно, читатель можетъ быть увѣренъ что разговоры которые мы приводимъ передаются почти съ дословною точностью.

Преосвященный Леонидъ удручалъ свое тѣло, не щадя здоровья, и церковными службами, и чрезмѣрнымъ воздержаніемъ. Онъ положилъ себѣ за правило ежедневно слушать всѣ службы, и если ему что-нибудь полпрелатствовало быть у утрени или вечерни, онъ непремѣнно вычитаетъ ихъ или заставитъ кого-нибудь у себя въ кельѣ вычитать. Очень часто онъ служилъ у себя вдвоемъ со своимъ келейникомъ, и если не могъ вечеромъ, то отправитъ поутру. Ежедневно ходилъ въ церковь когда бывалъ у себя дома или въ Саввинскомъ монастырѣ, а на Угрѣшѣ бывалъ иногда и у двухъ литургій.

Вотъ еще можетъ-быть немногимъ извѣстный анекдотъ изъ его жизни, доказывающій какую онъ имѣлъ надъ собою власть. До постриженія онъ имѣлъ привычку курить, и однажды, когда онъ набивалъ трубку, къ нему пришли сказать что ректоръ Академіи его зоветъ; онъ трубки закуритъ не успѣвъ и пошелъ къ ректору. Тотъ ему объявилъ что назначенъ день его постриженія. Возвратившись въ келью онъ не позволилъ уже себѣ выкурить трубку и такъ совершенно отсталъ отъ этой привычки непрличной и несвойственной монахамъ. Онъ монахомъ еще не былъ, но какъ бы почитая себя уже таковымъ, потому что ему объявленъ былъ день постриженія, не позволилъ себѣ то отъ чего хотѣлъ отстать по постриженіи.

Неутомимость его при служеніи, несмотря на его воздержаніе ослаблявшее силы, невообразима: онъ по нѣскольку дней сряду служилъ то у себя, то гдѣ-нибудь въ Москвѣ, освящалъ храмы, совершалъ погребенія, ѣздилъ на ланнихиды въ дома близкихъ знакомыхъ, и нѣкоторыхъ самъ соборовалъ; ходилъ въ крестные ходы не взирая ни на какую погоду, холодъ ли, дождь ли, *положено*, онъ идетъ. Однажды, послѣ какого-то крестнаго хода, мантия его до того была мокра что болѣе къ употребленію оказалась вовсе негодною. Онъ часто говорилъ поученія у себя на подворьѣ, въ монастыряхъ, въ церквахъ.

Достоинно замѣчанія что въ теченіе его семнадцатилѣтняго викариатства ни одна сельская церковь не упразднена, несмотря на неоднократныя ему о томъ напоминанія и даже неприятности. Онъ говорилъ: „Очень легко сидя на мѣстѣ издали приказывать: сдѣлай то, сдѣлай это; на бумагѣ все возможно. Но посмотри на дѣлѣ, сходи, съѣзди, выикни въ дѣло. Я самъ объѣзжалъ подвѣдомственные мѣста церкви и знаю что не только нельзя ни одной убавить, но слѣдовало бы еще много прибавить. Въ особенности гдѣ въ народонаселеніи много старообрядцевъ, тамъ и остальные православные уйдутъ въ расколъ когда мы лишимъ ихъ храмовъ: ни одной церкви не закрою.“

Нужно было видѣть его печаль когда разнесся слухъ что въ Москвѣ будутъ разрѣшены театральныя зрѣлища во время четырехдесятницы. Онъ написалъ отцу Пимену чтобы тотъ пріѣхалъ въ Москву, желая прочитатъ ему письмо которое онъ собирался послать къ митрополиту Иннокентію въ Петербургъ. Онъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ убѣждалъ владыку принять дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. „Петербургъ, говорилъ онъ, городъ почти не русскій, тамъ иностранцевъ столько же, а можетъ-быть и болѣе чѣмъ Русскихъ, тамъ это введено, дѣлать нечего, а не соблазняя насъ ходить на позорище въ то единственное время въ году которое оставлено для богомыслія и покаянія.“

Митрополитъ, по своей немогности и по нерѣшительности своего характера, затруднился исполнить моленіе своего викарія. Театры были разрѣшены. Съ грустію преосвященный принялъ это извѣстіе. Онъ не осуждалъ владыку, но сильно скорбѣлъ, и въ кругу близкихъ не рѣдко говаривалъ:

„Я увѣренъ что еслибы дѣло было своевременно представлено въ надлежащемъ видѣ, ничего бы этого не было. Что

значать для государства десятки тысячъ въ сравненіи съ нравственною раслуценностію народа. Покойный митрополитъ (Филаретъ) протестовалъ противъ театровъ наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней, и его послушали; то же было бы и теперь... Я ни за что отвѣчать не буду: и у меня здѣсь ластвы нѣтъ, моя ластва въ Дмитровѣ, здѣсь я только викарій; я сдѣлалъ что могъ, что считалъ своимъ долгомъ по совѣсти: меня не послушали, я въ этомъ не виноватъ.“

VI.

Прошло около года со времени открытія общежитія на Угрѣшѣ. Игуменъ Пименъ, надѣясь на обѣщанія Александрова, сдѣлалъ нѣкоторыя затраты и все выжидалъ что онъ догадается что монастырь въ стѣсненіи и неоднократно ему намекалъ. Тотъ дѣлалъ видъ что не понимаетъ и продолжалъ уловно молчать. Не зная что дѣлать, игуменъ рѣшился наконецъ открыться владыкѣ, со слезами разказалъ ему въ какомъ находится затрудненіи и просилъ у него указанія какъ ему дѣйствовать.

— Что же можемъ мы сдѣлать? сказалъ владыка.— Это не въ нашей власти... мы не имѣемъ права подводить благодѣтелей ни подъ какія условія или раслипки; они жертвуютъ— на то ихъ добрая воля... А должны мы молиться за нихъ и молить Господа чтобъ Онъ продлилъ жизнь и утвердилъ ихъ намѣренія.

Но и это свиданіе игумена со владыкою его не облегчило и быть-можетъ даже увеличило его безлокойство, убѣдивъ его „что стало-быть дѣлать было нечего когда и самъ владыка ничего не могъ придумать!“

„Я чувствовалъ что стою между двухъ огней: съ одной стороны владыка, который по своему довѣрію ко мнѣ, основываясь на моихъ словахъ, разрѣшалъ мнѣ дѣлать расходы на постройки и на другія нужды для общежитія; съ другой стороны Александровъ, который обѣщаль, но откладывалъ исполненіе обѣщаннаго. Повуждать и напоминать было не безопасно, пожалуй опять скажетъ: не смѣй ты мнѣ напоминать, сдѣлаю когда захочу, а будешь приставать, такъ ничего не сдѣлаю. Я чувствовалъ что есть какая-то преловна на моемъ лутѣ. Думаалъ, что мнѣ дѣлать, помолился и рѣшился

чистосердечно открыться Павлу Матвѣвичу и объяснить ему мое тяжелое положеніе.

„Не безъ страху исполнилъ я это... Онъ выслушалъ меня очень спокойно и сказалъ мнѣ: „Хорошо, подумаю, соображу, побывай вотъ тогда-то“ и назначилъ срокъ черезъ вѣсколько дней. Эти немногіе дни показались мнѣ весьма многими, продолжительными и томительными... Чего, чего я ни передумалъ въ ожиданіи роковаго дня рѣшенія! Что ежели мое ожиданіе не осуществится? Какъ я предстану предъ лицо владыки и чѣмъ буду предъ нимъ оправдываться? Онъ могъ мнѣ сказать: „Видь ты же мнѣ сказалъ что Александровъ обѣщалъ, а тебѣ вѣрилъ, а такъ ли оно было, почему могло мнѣ быть извѣстно?“ Онъ вѣру давалъ каждому моему слову, и вдругъ: окажется что все наговоренное мной не болѣе какъ ложь или лустая мечта... Зная характеръ владыки я чувствовалъ всю опасность и скользкость моего положенія, потому долженъ признаться что дѣйствительно трепеталъ... Кромѣ этого, меня еще мучила и та мысль что собравъ братію, что также не весьма легко... каково это—спроси настоятелей они тебѣ скажутъ... и вдругъ придется распускать если не будетъ средствъ чтобы содержать... и всѣ мои распредѣленія, какія я дѣлалъ по церкви и по монастырю, придется переименовать соответственно со скудостью доходовъ; я буду вынужденъ ограничить себя и придти снова въ то стѣсненное положеніе изъ котораго я силился вывести обитель...

„Отъ всѣхъ этихъ думъ и смущавшихъ меня сомнѣній у меня, какъ говорится, голова просто шла кругомъ.

„Наступило время и наконецъ насталъ назначенный рѣшительный роковой день. Трудно передать то что я чувствовалъ тогда: ожидалъ пораженія, какъ будто дѣло касалось меня лично, или великой радости, ежели послѣ испытаннаго мною томленія послѣдуетъ благополучное рѣшеніе, осуществленіе моихъ надеждъ...“

Когда отецъ Пимень вошелъ къ Александрову, онъ нашелъ его сидящимъ, и тотъ ему сказалъ:

— Ну, молись Богу, дѣло уже кончено.

И потомъ весьма растроганный и почти плача сталъ ему разказывать что съ нимъ случилось въ тотъ день:

— Сегодняшнюю ночь я почти всю не спалъ, меня тревожили разныя мысли, я очень изнемогъ и хотѣлъ отдохнуть послѣ обѣда. Меня стали укладывать спать, а я въ то время думалъ: Ну хорошо, я обстрою монастырь и келіи, а гдѣ же

онъ монашковъ-то возьметъ? такъ какъ теперь, сказываютъ, все больше изъ монастырей вонъ идутъ, а не вступаютъ. И только это я подумалъ, чувствую что я какъ будто совсѣмъ здоровъ и стою на какой-то площадкѣ; предо мною луговина и вся трава покрыта густою росой, которая такъ и серебрится точно иней, а изъ-за меня справа и слѣва вижу летать и очень не высоко какія-то птицы мнѣ совершенно неизвѣстныя, которыя какъ будто стремятся къ одной цѣли. Птицы крупныя, но какія не знаю и назвать ихъ не сумѣю, и должно думать что стало-быть близко ко мнѣ, потому что я даже слышалъ какъ онѣ машутъ крыльями. Я гляжу на нихъ и думаю себѣ: чтѣ же за птицы такія, и куда это онѣ летать, и слышу что кто-то мнѣ говоритъ: онѣ летать на Угрѣшу. Я очнулся, велѣлъ себя поднять и спрашиваю у моихъ двухъ людей, которые меня укладывали: чтѣ вы такое между собою говорили? А они меня увѣряютъ что они ничего не говорили, и разговору никакого не было. Тогда я самъ сталъ разказывать чтѣ я видѣлъ.

Чтѣ это такое было, сонъ ли, видѣніе ли, Богъ знаетъ, но только это видѣніе Александровымъ въ этотъ день навсегда рѣшило судьбу Угрѣши и онъ остался въ томъ убѣжденіи что это знаменіе воли Божіей.

И съ этого времени онъ сталъ уже не стѣсняясь благотворствовать Угрѣшской обители, будучи вполне убѣжденъ въ богоугодности своихъ начинаній, такъ что и тайные недоброжелатели не могли уже ничего болѣе сдѣлать; но, будучи не въ силахъ прелятствовать явно, они старались по крайней мѣрѣ замедлять его дѣйствія, такъ чтобы двухъ вѣстѣ не дѣлалось, и вслѣдствіе этого многое предполагаемое не могло быть довершено когда послѣдовала кончина Александра.

Это свиданіе отца Пимена съ Александровымъ его вполне успокоило.

— Мнѣ казалось что я какъ будто переродился и въ избыткѣ радости я послѣшилъ ко владыкѣ и подробно доложилъ ему всѣ обстоятельства этого свиданія съ Павломъ Матвѣвичемъ, на которое я полагалъ такія большія надежды, и эти надежды по большей части осуществились сколько позволило время.

Д. Б.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МУЗА

*По прочтении новой повести Тургенева **

Не проповѣдникъ я, учить я не умѣю,
Въ моихъ рѣчахъ гласить не строгій духовникъ:
Но какъ язычникъ я предъ Музой пламенью,
И дорогъ мнѣ одинъ поэзіи языкъ. —

И подъ нестройный хрипъ безсильной нашей прозы
Безумно кличу я подругу тайныхъ чаръ:
Хочу я посмотрѣть въ очахъ глубокихъ слезы,
На мраморѣ лица внезапной мысли жаръ.

И стана легкаго тотъ вдохновенный трепеть,
Что руку смѣлаю къ струнамъ живымъ влечеть...
Я жажду услышать и вѣжвой грезы лелеть,
И мощнаго крыла властительный полеть.

Напрасно! Чадный вихрь давно закрылъ тѣ очи,
Лавиты осквернилъ струей своихъ ларовъ;
Онъ Музу олоилъ для сладострастной ночи
И съ тѣла блѣднаго сорвалъ ея покровъ!

Л. П.

25 ноября. 1881.

* *Вѣстникъ Европы* 1881. Ноябрь.

ПОЧТОВЫЕ ГОЛУБИ НА ВОСТОКЪ

Огромный интерес возбужденный употреблением голубей для доставки писемъ и газетъ, нарочно для сего фотографированныхъ, во время осады Парижа, еще тогда вызвалъ образование нѣсколькихъ обществъ голубиной охоты и цѣлую серію брошюръ и всякаго рода статей. Услуги оказанной голубями доставкой въ Луарскую армию извѣстія о скоромъ прибытіи къ ней на баллонѣ „спасителя Франціи“, какъ тогда называли Леона Гамбетту, достаточно было чтобы показать всю важность и пользу какую можетъ оказать, въ извѣстныхъ случаяхъ, голубиная почта. Между прочимъ и у насъ въ Москвѣ, какъ извѣстно, существуетъ особое общество голубиныхъ охотниковъ, членами котораго, какъ передавалось въ газетахъ, въ прошломъ мѣсяцѣ, было учреждено состязаніе въ Зоологическомъ Саду съ выдачей премій.

Представляя переводъ небольшой книжки составленной на арабскомъ языкѣ Арабомъ-христианиномъ (Михаиломъ Саббагъ) въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на основаніи древнихъ арабскихъ источниковъ, мы думаемъ что переводъ этотъ, заключающій въ себѣ исторію голубиной почты и способы дрессировки голубей у Арабовъ, доставитъ нѣкоторый интересъ не однимъ только любителямъ голубей.

Курьеръ, молніи быстрѣйшій, облака легчайшій—голубь.

Хвала Богу, руководившему Ноя въ его недоумѣніи, когда онъ былъ въ ковчегѣ, внушивъ ему мысль послать голубя, который, исполнивъ вѣрно данное ему порученіе, возвратился къ нему съ доказательствомъ которымъ указалъ сколько

воды осталось еще на землѣ. Безконечная хвала нашему Творцу, который, отличивъ человѣка предъ всѣми живыми существами разумомъ и даромъ слова, въ то же время удѣлилъ и каждому роду существъ такіа особенноти что онѣ достойны тщательнѣйшаго вниманія нашего. Да пылаютъ наши сердца благодарностью къ Нему пока будетъ слышаться на землѣ сладкое воркованіе *жама* (голубя) и переливы *яма* (голубя).

Недавно я былъ въ обществѣ жителей этой страны, состоявшемъ изъ людей отличавшихся или ученостью, или краснорѣчіемъ и поэтическимъ талантомъ, или наконецъ изяществомъ слога и тонкостью ума. Дружески и безъ стѣсненія бесѣдуя въ этомъ обществѣ, мы разговорились о французской и арабской поэзіи. Разговоръ привелъ къ тому что меня стали просить чтобъ я составилъ двѣ строфы, предметомъ которыхъ было бы письмо влюбленнаго къ своей возлюбленной, находящейся въ разлукѣ съ нимъ. Немного подумавъ, я составилъ и продекламировалъ слѣдующіе стихи:

„Стулай голубокъ, лети скорѣе къ моей милой и неси мнѣ отвѣтъ отъ нея, такъ какъ любовь свела меня съ ума.

„Бумага этого письма такъ же дорога для меня какъ бѣлки моихъ глазъ; а буквы начертанныя на ней моею рукой такъ же дороги какъ мой зрачекъ. Прощай же нѣжный почтарь.“

Когда я сколько могъ объяснилъ имъ эти стихи и они хорошо поняли ихъ смыслъ, они одобрили мою аллегорію, но спросили: развѣ арабскіе поэты сравниваютъ курьера съ голубемъ, и почему для этого сравненія выбрали именно голубя, а не другую птицу? На это я отвѣтилъ:

— Это не есть ни сравненіе, ни аллегорія, это—дѣйствительный фактъ, свидѣтелями котораго мы были сами нѣсколько разъ. Голубь выбранъ для этого дѣла предпочтительно предъ другими птицами потому что онъ по инстинкту питаетъ непреодолимую привязанность къ тѣмъ кто заботится о немъ, и когда ему ввѣряютъ записку, онъ вѣрно сохраняетъ ее и въ короткое время доставляетъ тому лицу которому эта записка была адресована, хотя бы оно было и на большомъ разстояніи.

— У насъ думаютъ, возразили мои собесѣдники,—что это просто сказка настолько же правдивая, какъ и разказъ о *ласточкѣ*: будто бы, если взять ее и перенести изъ того мѣста гдѣ она живетъ въ другое мѣсто, то, желая отправить записку

въ мѣсто ея обычнаго житья, можно привязать къ ней записку, съ которою она возвратится въ свое гнѣздо; но за то она уже не возвратится въ то мѣсто откуда послана съ нею записка. Правда, мы слышали будто ласточка вновь прилетаетъ въ то мѣсто, но никто этому не вѣритъ.

На это я отвѣчалъ:

— Это вовсе не удивительно если птица, отнятая отъ своего гнѣзда и унесенная въ другое мѣсто, будучи отпущена, снова прилетаетъ въ свое гнѣздо; но требуется не то чтобъ она возвращалась въ свое гнѣздо, а чтобы можно было отправлять птицу когда угодно съ запиской, которую она передала бы по назначенію и немедленно принесла бы отвѣтъ. Голубя же отправляй сколько угодно разъ; доставивъ письмо, онъ возвратится къ вамъ; и чѣмъ чаще повторяете вы это тѣмъ больше онъ привыкаетъ и тѣмъ охотнѣе исполняетъ свою службу. Но для этого голубей надо соответственнымъ образомъ дрессировать, именно такъ какъ это дѣлали наши предки. Наши древніе султаны долгое время пользовались голубями для пересылки извѣстій, и наши поэты въ своихъ произведеніяхъ воспѣли природныя свойства и чувствительность этой птицы.

Это была послѣдняя чаша нашей бесѣды; рѣсницы нашихъ глазъ легли сурьюю на закрывающіяся вѣки, и мы разошлись. Послѣ этого я размышлялъ объ удивленіи которое произвелъ мой разказъ; мое затронутое самолюбіе прогоняло сомнѣ, такъ что я всю ночь не смыкалъ глазъ, слагая этотъ разказецъ озаглавленный мною: „Курьеръ молніи быстрѣйшій, облака легчайшій—голубь“. Я раздѣлилъ его на пять главъ, содержаніе которыхъ слѣдующее:

Глава I. Опредѣленіе слова *хамъз* (голубь) и его значеніе.

Глава II. О томъ какая порода голубей наилучшая, о ея свойствахъ и нравѣ.

Глава III. О томъ кто первый примѣнилъ голубей для пересылки извѣстій и о его подражателяхъ.

Глава IV. О воспитаніи и дрессировкѣ почтовыхъ голубей и о томъ что надо соблюдать при посылкѣ съ ними писемъ.

Глава V. Отрывки въ прозѣ и стихахъ изъ сочиненій различныхъ ученыхъ предшествовавшихъ вѣковъ по этому предмету.

Призываю содѣйствіе Бога, помощь котораго—моя единственная опора и основаніе моего улованія!

I. Определеіе слова *хамамъ* и его значеніе.

Слово *хамамъ* у Арабовъ есть родовое названіе всѣхъ птицъ имѣющихъ *нашейникъ* (то-есть голубей изъ породы *вазирой* и другихъ къ нимъ близкихъ). По словамъ Джевгари, это слово общаго рода и имѣетъ множественное число *хамамъ*; но Фирузабади говоритъ что самцовъ не называютъ *хамамъ*, а прибавленное къ этому слову окончанія женскаго рода служить лишь для обозначенія *единичности*, но не женскаго рода. По опредѣленію Аль-Асмаи, слово *хамамъ* есть синонимъ слова *ямамъ*, и когда говорится объ одной особи, то оба эти слова употребляютъ безразлично. По нашему же мнѣнію, продолжаетъ онъ, различіе между *хамамъ* и *ямамъ* состоитъ въ томъ что у *хамамъ* конецъ хвоста со спинной стороны бѣлый, а у *ямамъ* бѣлымъ это мѣсто никогда не бываетъ. *Хамамъ* есть птица съ *нашейникомъ* (этотъ *нашейникъ* образуется вокругъ шеи перьями зеленого, красного, черного или иного цвѣта); но такъ же называютъ и птицъ льющихъ *не переводя дуза*, залпомъ, и воркующихъ. По опредѣленію имама Шафеи, птица льющая залпомъ за одинъ духъ есть *хамамъ*; птицы же льющія по глоткамъ принадлежатъ къ породѣ *куръ*. Слово *хамамъ*, по своему филологическому значенію, обнимаетъ много породъ птицъ, но здѣсь мы разумѣемъ тотъ родъ *хамамъ* который дѣлается ручнымъ и выводитъ дѣтей въ населенныхъ мѣстностяхъ. Онъ дѣлится на два вида: одинъ очень нелюдимъ, почему и называется *дикимъ*; другой, имѣющій нѣсколько разновидностей и цвѣтовъ, легко приручается и живетъ въ жилыхъ строенияхъ, гдѣ и выводитъ дѣтей. По величинѣ послѣдній видъ равенъ куролаткѣ и нѣсколько больше дикаго; ноги у него красныя и покрыты лугомъ.

II. О томъ какая порода голубей наилучшая, о ея свойствахъ и нравѣ.

По словамъ жителей Ирака, наиболѣе годная къ прирученію и способная къ дрессировкѣ, вообще наилучшая: это *бѣлая* порода голубей съ *нашейникомъ*. Порода эта очень старательна и смѣтлива и переноситъ письма охотно и безъ

остановокъ въ дорогѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, природный инстинктъ этой породы голубей побуждаетъ ихъ стремиться къ своему гнѣзду, хотя бы они были отъ него за тысячу верстъ; въ короткое время они переносятъ письма на большое разстояніе. Многие ученые признали это свойство за данную разновидностью голубя; по мнѣнію же имама Шафенъ, въ книгѣ *Аль-мазхабъ*, употребленіе голубей для пересылки писемъ особенно важно во время войны; по его же мнѣнію голубей можно продавать даже во время ихъ отсутствія, ибо они подобны посланному по дѣлу рабу (и навѣрное возвратятся). Эта порода голубей летаетъ быстрее всѣхъ другихъ дикихъ породъ и очень любитъ свою родину, такъ что возвращается даже въ тѣ мѣста гдѣ прожила хотя бы только одинъ мѣсяцъ. Ибнъ-Кутейба, въ книгѣ подъ заглавіемъ *Ун-уль-ахбаръ* (источники исторіи), говоритъ: я не находилъ ни въ мужчинахъ, ни въ женщинахъ ни одного свойства котораго не встрѣчалъ бы и въ голубѣ; самка и самецъ постоянно стремятся другъ ко другу и остаются вѣрны до смерти одного изъ нихъ. Самецъ долгое время ухаживаетъ за самкой, прежде чѣмъ достигнетъ обладанія ею, точно также поступаетъ и самка. Никогда не встрѣчается чтобы самка сходилась съ другимъ самцомъ кромѣ своего, или чтобы самецъ жилъ съ другою самкой кромѣ своей. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, голуби имѣютъ еще то сходство съ человѣкомъ что у нихъ при любви употребляется поцѣлуй. Они кладутъ яйца и выводятъ дѣтей, смотря по климату страны и по температурѣ, или послѣдовательно въ теченіе всѣхъ мѣсяцевъ года, или же, minimum, въ теченіе шести мѣсяцевъ.

По словамъ Аристотеля, они могутъ жить до восьми лѣтъ. Мясо ихъ тепло и сухо: оно полезно для почекъ, увеличиваетъ количество крови и придаетъ силы. Если теплою кровью голубя брызнуть въ глазъ, то это приноситъ пользу при ранахъ и нагноеніяхъ въ глазахъ; она же останавливаетъ кровотеченіе изъ носу. Если разрѣзать живаго голубя и еще теплаго положить на мѣсто укушенное змѣею, то произойдетъ выздоровленіе. Что касается помета голубей, то онъ очень теплый; если его сварить въ водѣ и изъ этой воды сдѣлать ванну, нагрѣвъ сколько можно вынести, то ванна принесетъ большую пользу въ нѣкоторыхъ катарральныхъ страданіяхъ. Пометъ голубей помезень также если его смѣшать съ уксусомъ и сдѣлать припарку человѣку страдающему водянкой. Если выпить около

двухъ драхмъ краснаго голубинаго помета вмѣстѣ съ тремя драхмами корицы, то это принесеть пользу *страдающему каменною болѣзнию*.

III. О томъ кто первый примѣнилъ голубей для пересылки извѣстій и о его подражателяхъ.

Знай что всѣ народы согласны съ тѣмъ что Ной, находясь въ ковчегѣ, послалъ голубя чтобъ узнать убыль воды. Въ первый разъ голубь возвратился къ нему ни съ чѣмъ, указывая этимъ на то что онъ не нашель мѣста гдѣ бы могъ остановиться; во второй разъ голубь принесъ Ною масличную вѣтвь, давая чрезъ то знать что верхушки деревьевъ уже показались изъ воды. Этимъ онъ оправдалъ оказанное ему довѣріе. Послѣ Ноя потомки его также употребляли голубей для сношеній между собою, какъ повѣствуетъ объ этомъ Ибнъ-Софіан-ас-Соурн, до тѣхъ поръ пока ихъ не постигла кара Божія*. Послѣ же нихъ примѣненіе голубей для пересылки извѣстій не было въ употребленіи до времени царя Нуръ-эд-Динъ-Махмудъ сына Зенги. Въ 1146 году по Р. Х. отецъ уломянутаго султана, султанъ Амад-эд-Динъ Зенги осаждалъ крѣпость Джаберъ; при немъ находился вышеупомянутый сынъ его Нуръ-эд-динъ. Однажды утромъ Нуръ-эд-динъ нашель своего отца въ постели убитымъ однимъ изъ слугъ. Нуръ-эд-динъ рѣшилъ снять осаду крѣпости Джабара, и вмѣстѣ со своимъ войскомъ отправился на осаду Алеппо, который и взялъ. Затѣмъ онъ пошелъ на Дамаскъ, гдѣ въ то время намѣстникомъ султана былъ сельджукъ Тадж-ед-Дауля-Тутушъ-абу-Саидъ. Послѣ долгой осады Нуръ-эд-Динъ взялъ этотъ городъ и сдѣлалъ его столицей своего государства, а потомъ покорилъ также и прилегающія къ Дамаску области, каковы напримѣръ Хомсъ, Хама и пр. Послѣ этого онъ сталъ править всѣми дѣлами государства Багдадскаго и покорилъ много греческихъ земель, напримѣръ Бахсана, Марашъ и др. въ этомъ краю. Кромѣ того, онъ завоевалъ у Франковъ большое число крѣпостей, какъ-то: Харемъ, Эзазъ

* Здѣсь авторъ говоритъ о жителяхъ Содома и Гоморры, гибель которыхъ разказана въ Библии.

и Бавиасъ и др., всего числомъ болѣе 50. Царь Аль-Мансуръ-Ширку, дядя султана Салахъ-эддина (Саладинъ) и самъ Салахъ-эд-Динъ были отъ него въ зависимости. Онъ отправлялъ ихъ съ войскомъ въ Египеть въ три экспедиціи, пока наконецъ не завладѣлъ Египтомъ, отнявъ его у Шавара, визиря фатимитскихъ халифовъ.

Когда власть Нуръ-эддина утвердилась въ новомъ владѣніи, стали чеканить монету съ его именемъ; и со всѣхъ каедръ отъ границъ Нубіи до послѣднихъ предѣловъ Хамадана онъ сталъ упоминаться въ общественныхъ молитвахъ; тогда, покончивъ со всѣми спорами и наслаждаясь покоемъ, этотъ государь, принимая во вниманіе обширность своей имперіи и желая получать съ наибольшою быстротою свѣдѣнія обо всемъ происходящемъ въ разныхъ его областяхъ, приказалъ содержать голубей во всѣхъ замкахъ и крѣпостяхъ своихъ владѣній; онъ приказалъ дрессировать ихъ такимъ образомъ чтобъ они могли въ весьма малое время переносить письма на весьма большія разстоянія и чтобы слетавъ въ то мѣсто куда ихъ посылали, они снова прилетали обратно. Онъ съ большимъ жаромъ принялся за осуществленіе своего намѣренія и его планъ имѣлъ успѣхъ во все продолженіе его жизни.

Послѣ смерти его, это дѣло было оставлено пока на престолѣ халифовъ въ Багдадѣ не возсѣлъ Абасидскій халифъ Ахмедъ-Насеръ-адинъ-Алла; этотъ-то царь въ 1179 году христіанской эры возобновилъ голубиную почту и такъ пристрастился къ этимъ птицамъ что каждой изъ нихъ далъ особое имя, которое каждый разъ и помѣчалось въ посылаемомъ письмѣ, причемъ обозначалось что „такой-то самецъ есть сынъ такого-то, а такая-то самка мать такой-то“. Онъ довелъ это дѣло до совершенства и чрезъ голубей велъ переписку со всѣми наиболѣе отдаленными провинціями своей имперіи. Въ то время цѣна голубей дошла до необычайныхъ размѣровъ: хотя голубей было очень много, ибо многія лица занимались ихъ воспитаніемъ и дрессировкой, все-таки пару хорошо выдрессированныхъ голубей продавали за 1.000 золотыхъ динаріевъ.

Это не прекращалось и послѣ его смерти до времени халифа Аббасидскаго Мостасемъ-биллахъ, сына Мустасера. Этотъ государь, воцарившійся въ 1242 году, питалъ особенную страсть къ почтовымъ голубямъ, какъ повѣствуетъ объ

этомъ въ своей хроникѣ Григорій Абъ-ль-Фараджъ. Такъ дѣло продолжалось до 1258 года, когда, вслѣдствіе преступной измѣны визиря Аббасидскаго халифата, извѣстнаго подъ именемъ Аль-Камп, Монголы напали на Багдадъ, взяли городъ, убили халифа, перебили мужчинъ и увели въ плѣнъ женщинъ. Съ этого времени Багдадъ потерялъ весь свой блескъ; эта гибельная катастрофа, постигшая всю страну и всѣхъ жителей, была причиной того что учрежденіе почтовыхъ голубей было оставлено. Едва миновала эта катастрофа, едва народъ сталъ оправляться, какъ вдругъ снова появился татарскій ханъ Тимуръ; его нашествіе и совершенныя имъ неистовства были въ нѣсколько разъ ужаснѣе монгольскихъ: невозможно спокойно даже читать разказъ о пролитой имъ крови, о сожженныхъ имъ городахъ и о всѣхъ совершенныхъ имъ ужасахъ. Послѣ него также одна бѣда смѣнялась другою: жестокость и несправедливость суда и постоянныя междоусобныя войны царей удручали народъ. Довершеніемъ всѣхъ бѣдствій постигшихъ нашу страну было нашествіе Турокъ, націи, основу природнаго характера которой, по многочисленнымъ наблюденіямъ естествоиспытателей и другихъ ученыхъ, составляютъ несправедливость, свирѣпость и дикая жестокость. Вслѣдствіе этого мы видимъ что богатые жители нашей страны скрываются изъ страха потерять свое имущество, честь и даже самую жизнь, а бѣдные терпятъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ. Такое положеніе дѣлъ заставило насъ забыть многія полезныя знанія, которыми мы владѣли до того времени, въ томъ числѣ и голубиную почту, оставленную въ забвеніи и до настоящаго времени.

Однажды въ 1790 году, по окончаніи своихъ занятій съ моимъ учителемъ шейхомъ, Юсуфъ-аль-Харати, мы развлекались чтеніемъ отрывковъ изъ стиховъ; случайно разговоръ коснулся голубиной почты, и онъ разказалъ мнѣ что одинъ уроженецъ Туркестана, останавливающійся при мечети Аль-Азхаръ на персидскомъ рынкѣ, говорилъ ему что и теперь есть еще въ Туркестанѣ вельможи которые держатъ при себѣ голубей для этой цѣли.

При этомъ мой ученый наставникъ прибавилъ: въ одномъ изъ стиховъ Корана говорится что „есть демоны между людьми и между гениями,“ но есть демоны и между птицами, и это — голуби, ибо Пророкъ нашъ назвалъ ихъ *демонами*. Дѣйствительно, въ сборникахъ Абу-Дауда, Ибнъ-Маджа, Табарани и

Ибнъ-Хайянъ находится достовѣрное преданіе, переданное со словъ *Абу-Хорейра*: въ этомъ преданіи говорится что Магометъ, увидѣвъ однажды человѣка гонящагося за голубемъ, сказалъ: „этотъ человѣкъ гонится за своимъ демономъ“, или по разказамъ другихъ, „вотъ демонъ гонящійся за демономъ“.

Правда, эта цитата изъ Корана и самое преданіе могутъ показаться здѣсь неумѣстными; но я привелъ ихъ для того чтобы не олусть ничего изъ сказаннаго моимъ ученымъ наставникомъ по этому поводу, а равно изъ уваженія къ нему.

IV. О воспитаніи и дрессировкѣ почтовыхъ голубей и о томъ что надо соблюдать при посылкѣ съ ними писемъ.

Прежде всего надо покупать одного или *пару* голубей, но разнаго пола, дикихъ, не прирученныхъ, все равно, лишь бы они были *бѣлые* и съ *нашейникомъ*, ибо, какъ мы уже замѣтили выше, эта разновидность голубей обладаетъ болѣе тонкимъ инстинктомъ чѣмъ всѣ другія. Затѣмъ слѣдуетъ дожидаться пока они положить яйца и вывести дѣтей, такъ какъ взрослыхъ трудно дрессировать.

Какъ только на лтенчикахъ стануть появляться перышки, ихъ должно кормить изъ своихъ рукъ и лопть изъ своего рта. Для этого возьми голубочка на руку, подними ему голову, раскрой клювъ и положи въ его ротъ два или три пшеничныхъ зерна, такъ какъ глотка у него довольно большая. Когда, по твоему соображенію, онъ достаточно насытится, намери себѣ въ ротъ воды; возьми голубочка въ обѣ руки и помѣсти его клювъ въ свой ротъ, такъ чтобы клювъ погрузился въ воду: оставь его въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ пока ты не замѣтишь что онъ напился. Затѣмъ оставь его предъ собой и загрывай съ нимъ: иди предъ нимъ чтобы онъ шелъ за тобой, а потомъ возвращайся къ нему. Все это надо повторять каждый день по два или по три раза или лично самому, или же тому лицу которому ты поручилъ дрессировку. Это дѣлается съ тою цѣлью чтобы какъ можно болѣе приручить и приучить птичку къ себѣ. Когда же лтенчикъ начнетъ немного летать, то если это самецъ, къ нему надо посадить самку прирученную точно такимъ же образомъ;

если же это была самка, то къ ней надо посадить самца воспитаннаго точно также. Еще лучше если ты будешь кормить и поить ихъ обоихъ вмѣстѣ, по вышеизложенному нами способу, пока, они не начнутъ летать.

Когда птенчики настолько подрастутъ что станутъ летать, должно въ клеткѣ отнести ихъ въ то мѣсто куда вы хотите ихъ пріучить носить письма; при этомъ надо заботиться о томъ чтобы во время переноски клетка была открыта, такъ чтобы голуби видѣли дорогу. Привнеся ихъ туда, надо залереть ихъ и держать взаперти одинъ мѣсяць или болѣе, въ то же время играя съ ними и кормя ихъ изъ своихъ рукъ. Лучше дѣлать это даже цѣлые два мѣсяца, ибо иначе, возвратясь въ свое первое жилище, они могутъ остаться тамъ совсѣмъ и не воротиться къ тому кто ихъ послалъ. Это весьма важно и на это слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

По истеченіи двухъ мѣсяцевъ, птичка уже достаточно привыкнетъ ко второму своему жилищу, гдѣ она провела это время, и тогда можно ее отпускать, соблюдая слѣдующія предосторожности. Мы уже говорили что слѣдуетъ держать вмѣстѣ самца и самку; теперь прибавимъ что слѣдуетъ выпускать только одного изъ двухъ, ибо иначе, если ихъ выпустить вмѣстѣ, они могутъ увлечься и остаться по дорогѣ въ другой голубятнѣ. Хотя нѣтъ абсолютной необходимости держать вмѣстѣ непременно самца и самку сожительствующихъ между собою, тѣмъ не менѣе мы считаемъ эту методу лучшею по слѣдующимъ тремъ причинамъ:

1) Если выпустить одного изъ двухъ, онъ никогда не замедлитъ въ дорогѣ; ни любовь, ни деревья не увлекутъ и не удержатъ его, наоборотъ, страсть къ своей подругѣ побудитъ его возвратиться немедленно. 2) Если какая-либо случайность задержитъ его на дорогѣ,—попадетъ ли онъ въ другую голубятню или иная причина задержитъ его, стоить только отправить за нимъ его друга или подругу: одна приведетъ другаго, и ты вскорѣ увидишь ихъ обоихъ возвратившимися вмѣстѣ. 3) Если у васъ самецъ безъ самки или самка безъ самца, то можно опасаться что вашъ голубь встрѣтитъ когда-либо въ иномъ мѣстѣ другаго, который ему понравится—самца, если у васъ самка, самку, если у васъ самецъ; они сойдутся, твой голубь не рѣшится разстаться со своею ларой, не отнесетъ письма своему господину и не исполнитъ твоего порученія.

По моему мнѣнію, непростительная ошибка послать письмо съ голубемъ, самкой или самцомъ, не держа у себя въ то же время другаго, сжившагося съ посланнымъ.

Послѣ того какъ голубь съ письмомъ прилетитъ въ то мѣсто куда его посылали, всего важнѣе тотчасъ же отправить его обратно съ отвѣтомъ безъ задержки; въ противномъ случаѣ, если его оставить на свободѣ, онъ улетитъ не дождавшись отвѣта, если же его запереть, то можно опасаться что онъ умретъ съ горя по своей подругѣ и по своему гнѣзду, или же получить отвращеніе къ исполненію этихъ порученій на будущее время.

Что касается того какъ слѣдуетъ отправлять голубя съ письмомъ, то это дѣлается такъ. Привязавъ къ нему письмо такъ какъ мы опишемъ далѣе, занимающійся этимъ дѣломъ беретъ голубя, выносить его за жилия строенія, тщательно избѣгая ихъ, и уходитъ за городъ въ поле, въ ту сторону, куда хотятъ отправить голубя: по направленію къ востоку, западу или по другому направленію. Тамъ онъ выпускаетъ голубя. Когда голубь посылается въ первый разъ, слѣдуетъ наблюдать за нимъ и провожать его нѣсколько времени, приблизительно около четверти часа, для того чтобъ если голубь вмѣсто продолженія пути остановится на деревѣ, то побудить его продолжать своѣ луть.

Нѣкоторые при первыхъ посылкахъ голубей соблюдаютъ еще слѣдующую предосторожность. Письмо привязываютъ къ самцу, отдѣляютъ его отъ самки и выпускаютъ вмѣстѣ съ нимъ, другую самку, воспитанную и постоянно живущую тамъ куда хотятъ послать письмо съ первымъ голубемъ, и только-что оттуда принесенную. Когда она прибудетъ по назначенію, задерживаютъ самку, а самца съ отвѣтомъ посылаютъ одного. Какъ мы уже сказали, эту предосторожность употребляютъ только въ первый разъ, чтобы голуби привыкли летать впередъ и обратно.

Письмо посылаемое съ голубемъ должно писать на тончайшей шелковой бумагѣ; слѣдуетъ также тщательно избѣгать подробностей и излишнихъ словъ, а излагать только сущность передаваемого извѣстія и выражать все дѣло въ возможно сжатомъ изложеніи. Это письмо кладутъ подъ крыло, прищипывая его къ послѣднему булавкой, такъ дѣлаютъ обыкновенно, но мнѣ кажется что было бы лучше прищип-

ливать письмо къ одному изъ боковъ голубя, подъ крылья. Это предпочтительно потому что въсь письма въ такомъ случаѣ менѣе отягчаетъ крыло птицы при полетѣ, а равно и потому что письмо не рискуетъ отвалиться отъ ударовъ крыльями при полетѣ птицы.

Письмо помѣщаютъ подъ крыло такимъ образомъ чтобъ оно было сохранно отъ сырости, дождя и другихъ случайностей. Его должно прикрѣплять вдоль одного изъ перьевъ тонкою булавкой, заботясь въ то же время о томъ чтобъ остріе булавки не было обращено къ тѣлу и не могло уколоть птицу. Концы булавки подведенной подъ перо надо обмотать два или три раза тонкою, но крѣпкою шелковою ниткой и затѣмъ концы нитки связать хорошенько. Нужно также тщательно наблюдать чтобы края письма не торчали или не выдавались, иначе ихъ оборветъ вътеръ, они будутъ утомлять крыло и заставятъ птицу медлить и вообще затруднять полетъ.

Слѣдуетъ устроить у себя въ домѣ голубятню, то-есть возвышенное строеніе съ гнѣздами на довольно высокомъ отъ земли разстояніи, въ каждомъ изъ которыхъ могло бы помѣститься по парѣ голубей; въ каждое гнѣздо ведетъ входное отверстіе, чрезъ которое заразъ можетъ пройти только одна птица. Надъ дверью голубятни или въ другомъ мѣстѣ надо устроить высокое отверстіе чтобы голуби могли входить и выходить. Все это дѣлается для того чтобы при возвращеніи голубей изъ того мѣста куда они были посланы наблюдающій за этимъ человекъ не утруждалъ себя ловлею ихъ, а равно чтобы чрезъ это не утомлять и самихъ птицъ, ибо такимъ образомъ голубь самъ влетаетъ въ голубятню, а затѣмъ и въ свое гнѣздо.

Когда голубь отправленъ съ письмомъ, наблюдающій за этимъ долженъ непременно ожидать его возвращенія чтобы взять голубя тотчасъ же по прибытіи его въ голубятню. Не должно принимать во вниманіе того что господинъ его кушаетъ, пьетъ или спитъ или же занятъ другимъ дѣломъ и надо тотчасъ же извѣстить его о прибытіи голубя, такъ какъ можетъ случиться что принесенное голубемъ письмо содержитъ такіа извѣстія которыя господину важно узнать тотчасъ же. Это особенно важно въ томъ случаѣ если хозяинъ голубя должностное или важное лицо.

Даже когда и не послано ни одного голубя съ делешей, все-таки наблюдающій долженъ быть постоянно на сторожѣ, такъ какъ можетъ случиться что прилетитъ голубь посланный съ извѣстіемъ для его господина изъ какого-либо другаго мѣста.

Взявъ голубя съ письмомъ, не слѣдуетъ отвязывать письма отъ крыла: надо привести его къ господину чтобы тотъ самъ отвязалъ письмо, ибо письмо можетъ содержать свѣдѣнія которыя господину важно оставить въ тайнѣ.

Чтобъ избѣжать со стороны злоязычныхъ людей упрека въ пропускѣ или олущеніи, прибавлю еще указаніе относительно того можно ли выдрессированныхъ такимъ образомъ голубей употреблять для пересылки писемъ въ три различныя мѣста или же въ еще большее число мѣстъ. Это конечно дѣло весьма трудное и часто даже невозможное. Должно быть довольнымъ и тѣмъ что можно посылать ихъ оттуда гдѣ они воспитались, туда гдѣ они вывели дѣтей. Если же желаютъ все-таки приучить ихъ носить письма въ другое мѣсто, то должно сдѣлать такъ чтобъ они вывели тамъ другихъ дѣтей и затѣмъ воспитать ихъ при себѣ такъ какъ было описано выше. Это дѣйствительно практиковалось въ Багдадѣ, но рѣдко; за то голуби такъ выдрессированные стоятъ болѣе чѣмъ вдвое дороже другихъ. Чтобы достигнуть этого, надо держать ихъ по три мѣсяца или даже еще большее время въ каждомъ изъ тѣхъ трехъ мѣстъ, куда хотятъ приучить ихъ носить письма; затѣмъ, желая отправить съ ними письмо въ одно изъ этихъ трехъ мѣстъ, выносятъ ихъ за городъ, по направленію къ этому мѣсту, какъ мы уже говорили объ этомъ выше, и тамъ выпускаютъ. Голубь не имѣетъ столько ума какъ человѣкъ чтобъ онъ могъ научиться узнавать три различныя мѣста и чтобы, будучи посланнымъ въ одно изъ нихъ, не летѣлъ сбившись въ другое мѣсто. Если это и удавалось, какъ говорятъ, нѣкогда въ Багдадѣ халифу Мостасему аббасидскому, то изъ этого нельзя ничего заключать: исключеніе не есть правило. Гораздо лучше посылать ихъ съ письмами только между двумя мѣстами, какъ это мы уже и совѣтовали. Въ день голуби дѣлаютъ до 1.000 парсаанговъ и болѣе.

Въ этомъ изложеніи я опустилъ касательно дрессировки многія подробности, предоставивъ это опытности занимающагося

почтовыми голубями; желая быть краткимъ въ этой главѣ я изложилъ лишь сущность того процесса которому должно слѣдовать.

V. Отрывки въ прозѣ и стихахъ изъ сочиненій различныхъ ученыхъ предшествовавшихъ вѣковъ по этому предмету*.

Таджъ-ед-Динъ-бенъ-Ахмедъ-бенъ-аль-Асиръ говоритъ:

Голуби—это стрѣлы проникающія сквозь облака, несмотря на прелятствіе послѣднихъ; правду говорятъ тѣ которые назвали ихъ пророками среди птицъ, ибо они переносятъ письма.

Абу-Ахмедъ Кайровани сказалъ о нихъ стихами:

Удивительно какъ они обгоняютъ вѣтеръ быстротой своего полета; одно мгновеніе проходитъ между ихъ прилетомъ и отлетомъ. Они приносятъ извѣстіе съ необычайною быстротой и пролетаютъ мѣсячный путь съ письмомъ подъ своимъ крыломъ.

Алькади-ль-Фадиль сказалъ:

Залиски несомыя голубями на своихъ крыльяхъ служатъ для нихъ какъ бы вторыми крыльями. Во мгновеніе ока, однимъ взмахомъ крыльевъ они проходятъ далекое пространство; раскрывая крылья, приближаются къ звѣздамъ и сами улодобляются имъ. Они совершаютъ свой полетъ съ быстротой луценой стрѣлы; ихъ можно улодобить ангеламъ, ибо они суть вѣстники, которымъ Богъ предназначилъ совершать путешествія на большія и малыя разстоянія; несутъ вѣрныя имъ документы, и напейникъ, украшающій въ знакъ вѣрности ихъ шею, свидѣтельствуютъ о вѣрномъ исполненіи даваемыхъ имъ порученій. Когда на нихъ смотришь, то кажется будто видишь звѣзды счастья. Между всѣми другими птицами они заслуживаютъ названія „пророка“ и „вѣрнаго вѣстника“.

Абу-ль-Касемъ Зуль-балагатайъ говоритъ:

Почтовые голуби—клянусь Богомъ—составляютъ одно изъ чудесъ Божіихъ, за которыя мы должны прославлять Его... Вѣрно исполняя возлагаемыя порученія, они оправдываютъ

* Въ приведенныхъ въ этой главѣ отрывкахъ мы позволили себѣ некоторыя сокращенія въ виду частаго повторенія въ нихъ однихъ и тѣхъ же мыслей.

данное имъ прозваніе „счастливыхъ вѣстниковъ“. Небесный сводъ—ихъ поле, крылья—ларуса, вѣтеръ—свита. Они не боятся въ дорогѣ ни разбойниковъ пустыни, ни дорожныхъ опасностей.

Кади-Мохи-еддивъ-ибивъ-абдъ-аль-Дагеръ говоритъ:

Почтовые голуби замѣняютъ курьеровъ въ пробѣганіи пустынь. Они обгоняютъ зефиръ и быстрѣйшихъ бѣгуновъ. Они не даютъ знать лѣвому крылу что подъ правымъ, ни правому что подъ лѣвымъ. Вѣрно исполняютъ данное имъ порученіе, и знакомъ ихъ вѣрности служитъ украшающій ихъ шею нащельникъ... Самъ Соломонъ пользовался ими для пересылки самыхъ важныхъ извѣстій.

Таки-ед-дивъ-Абу-Бѣкръ-бенъ-Ходжа сказалъ:

Отпускай птицу съ письмомъ и во мгновеніе ока она исполнитъ твое порученіе.

Г. МУРКОСЪ.

ПСИХИЧЕСКІЙ МІРЪ ЖЕНЩИНЫ,

ЕГО ОСОБЕННОСТИ, ПРЕВОСХОДСТВА И НЕДОСТАТКИ *

(Посвящается Н. О. Астафьевой и М. И. Астафьевой.)

I.

Обыкновенно люди находятъ наиболѣе убѣдительными доводы доказывающіе имъ то въ чемъ они уже желали убѣдиться. Одинъ изъ крупнѣйшихъ писателей нашего вѣка выражаетъ даже сочувствіе тому человѣку въ баснѣ который на вопросъ, будетъ ли $5+6=11$, или больше или меньше, отказался дать отвѣтъ пока ему не скажутъ какое употребленіе изъ этого отвѣта будетъ сдѣлано. Въ этой-то легкой подкупности мысли, въ ея чрезмѣрной податливости на внушенія желаній и чувства и заключается одна изъ существеннѣйшихъ опасностей для эпохъ лишенныхъ, подобно нашему времени, одного идеала, достаточно общаго и сильнаго для того чтобы подчинить себѣ, объединить и направить всѣ безконечно-разнообразныя личныя страсти и стремленія. Въ этомъ и одна изъ главныхъ причинъ той умственной и нравственной разладицы отъ которой современное человѣчество

* Предлагаемая статья есть развитіе трехъ публичныхъ лекцій читанныхъ въ Кіевѣ въ истекшемъ году.

страдаетъ глубже, чѣмъ отъ чего-либо другаго. Чѣмъ болѣе жизненные интересы, желанія и чувства затрогиваются извѣстнымъ вопросомъ, тѣмъ болѣе требуется отъ мысли, для его безпристрастнаго и прочнаго рѣшенія, такъ - сказать, аскетизма, готовности отрѣшиться ото всѣхъ, и самыхъ даже удобныхъ намъ и любимыхъ симпатій и антипатій, потому что тѣмъ ближе опасность, вмѣсто проясненія сложнаго вопроса, безнадежно спутать и затемнить его. Въ особенности примѣнимо сказанное къ тому наиболѣе жизненному и непосредственно всѣмъ близкому изъ всѣхъ современныхъ „вопросовъ“ которому посвящены мои бесѣды, къ вопросу о естественныхъ особенностяхъ, и слѣдовательно призваніи и жизненномъ назначеніи женщины.

Едва ли необходимо долго останавливаться на доказательствахъ подавляющаго интереса этого вопроса, — вопроса о роли въ экономіи міра, общества и личной жизни, объ историческомъ и нравственномъ значеніи цѣлой половины человѣческаго рода, той половины къ которой принадлежатъ наши матери, воспитательницы и жены, первые и послѣдніе друзья наши, какъ въ тотъ моментъ, когда для насъ все еще впереди, такъ и тогда когда занавѣсъ опускается и

Больше не нужно ни слезъ, ни смѣхъ.

Но каково бы ни было значеніе этой половины человѣческаго рода въ чисто-личной жизни, въ личныхъ судьбахъ всякаго изъ насъ, и какъ высоко ни цѣнили бы мы сосредоточенныя въ ней разнообразныя силы, — не въ этомъ видимъ мы главное, откуда „женскій вопросъ“ почерпаетъ свое истинно жизненное значеніе. Центръ тяжести вопроса въ томъ культурномъ, социальномъ и политическомъ значеніи которое принадлежитъ *семьѣ* и въ томъ *положеніи* которое въ семьѣ естественно занимаетъ женщина. „Семья“, какъ замѣчаетъ профессоръ Шкляревскій, дѣйствительно „есть міръ въ миниатюрѣ, и во всякой благоустроенной семьѣ сама жизнь устрояетъ такъ что женщина становится центромъ, отъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются тысячи нитей, связывающихъ семью въ одно цѣлое.“ * А въ семьѣ коренится всякая жизнь, всякая

* *Объ отличительныхъ свойствахъ мужскаго и женскаго типовъ, актовая рѣчь 1874 года, с. 28.*

сила, всякая надежда, и личная, и общественная, и государственная; поэтому же въ ея судьбахъ какъ въ зеркалѣ отражается и вся современная ей жизнь, съ ея стремленіями и болѣзнями. Когда рушится семья, — прототипъ всякаго органическаго жизненнаго союза, — все рушится. *Внутреннее*, моральное единство утрачивается жизнью, и никакое высокое развитіе изолированныхъ личностей, противопологающихся одна другой въ своей единичности, не въ состояніи уже возратить жизненности свойственной лишь тому что органически связано, ставшему атомистическимъ общественному цѣлому. Прудонъ, мало знавшій женщинъ и еще меньше понимавшій и цѣнившій ихъ, безусловно правъ однако когда утверждаетъ что „безъ домашнего очага и безъ семьи нѣтъ справедливости, нѣтъ общества, остаются лишь эгоизмъ безъ примѣси, гражданская война и разбой“, * и что „безъ семьи политическій строй уже не будетъ союзомъ свободныхъ людей, семействъ и городовъ, но обратится въ теократическій или порнократическій коммунизмъ, худшую форму тиранию“. ** Тираниа, слѣдовательно общественная смерть, неизбежна тамъ гдѣ, за отсутствіемъ внутренняго единства между составляющими общество единицами, съ ихъ чисто личными, единичными убѣжденіями, интересами и страстями, внѣшняя цѣлость общества осуществляется въ концѣ концовъ лишь внѣшнею по отношенію къ намъ, только принудительною для нихъ силой лицъ или обстоятельствъ. Насколько правъ въ этомъ отношеніи Прудонъ, доказательствомъ тому служить вся исторія. Доказываетъ это и Римъ время *упадка*, когда, несмотря на законы направленные противъ безбрачія (начиная съ *lex Julia*), оно становилось все болѣе и болѣе общимъ явленіемъ. Доказываютъ это и Аѳины время *упадка*, когда лучшіе умы искренно сожалѣли о томъ что нельзя имѣть дѣтей безъ помощи женщины. Доказываютъ это же и Французы наканунѣ первой революціи, и Французы предъ катастрофой 70го года. Для тѣхъ и для другихъ женщина совершенно утратила свое истинное значеніе, перестала быть средоточіемъ семьи, и снизошла на стелень или орудія наслажденія, или экономически-

* Proudhon. *La pornocratie* p. 163 (*Oeuvres posthumes*).

** Ibid. p. 60.

производительной силы. Для тѣхъ и для другихъ самая семья, изъ „міра въ миниатюрѣ“, вводящаго одностороннюю дѣятельность и стремленія всякаго изъ своихъ членовъ въ полную систему разнообразныхъ цѣлей жизни, изъ волающей того что Модестанъ называлъ *consortium omnis vitae, veritatis humanae et divinae communio*,—обратилась въ простую ассоціацію въкоторыхъ интересовъ, терпимую лишь какъ необходимое зло, въ виду улучшеннаго производства или потребленія разныхъ благъ. Но въ томъ имело и достоинство, и великое нравственно-воспитательное значеніе и сила семьи (какъ и отечества, какъ и церкви, и человечества) что она не ассоціація, въ которую пытаются обратить ее, большинство сторонниковъ такъ-называемой „эманципаціи“ женщины, находящихъ въ послѣднее время поддержку своимъ стремленіямъ и въ парадоксѣ новѣйшей и якобы либеральнѣйшей (хотя это не мѣшаетъ ей быть и произвольнѣйшею въ своихъ выводахъ) части науки. утверждающей будто развитіе семейственности обратно пропорціонально развитію государственности (то-есть цивилизаціи). Никакая ассоціація, какъ союзъ эгоистическихъ лицъ въ виду осуществленія какой-либо специальной задачи, основанный на принципѣ обмена *точно эквивалентныхъ* услугъ и цѣнностей, не можетъ замѣнить семьи ни въ нравственномъ, ни въ юридическомъ смыслѣ. То что составляетъ индивидуальность и неотъемлемое превосходство личности, умственное ли, нравственное ли, физическое ли, въ обществѣ нравственныхъ и свободныхъ лицъ не продается, не представляетъ рыночной цѣнности. Между мужчиной и женщиной, повторимъ вслѣдъ за Прудономъ, вступающими въ бракъ, существуетъ не ассоціація имуществъ и выгодъ, какъ говорили и воображаютъ нѣкоторые, подобно какъ между кулаками и собственниками, но обоюдный, добровольный, прибавимъ, неограниченный никакою общою цѣнкой даръ, безусловная взаимная преданность. Брачный договоръ поэтому имѣетъ совершенно иные свойства чѣмъ договоръ мѣны, продажи или найма; онъ совершенная противоположность имъ. * Прежніе юристы и прежнее человечество вполне понимали и цѣнили эту особенность брачнаго договора;

* Proudhon l. c. pp. 49—50.

они вполнѣ цѣнили значеніе семьи какъ союза вводящаго эгоистическую жизнь и дѣятельность отдѣльной личности въ органическую, всестороннюю, а не только разсудочную, вѣдѣнную и непрочную, связь съ жизнью цѣлаго народа, государства. Было ясно всѣмъ почему, вмѣстѣ съ развитіемъ семейной жизни, шло объ руку и развитіе въ обществѣ гражданскаго духа, сознанія гражданскаго долга и способности подчинять задачамъ цѣлаго чистоличныя убѣжденія и страсти. Только въ семьѣ, въ ея школѣ, постигается человѣкъ непосредственно и всѣмъ своимъ существомъ что не исключительно *для него* и не исключительно по мѣрѣ его *личной оупки*, существуютъ всѣ союзы жизни, — и семья, и церковь, и отечество, и человѣчество, — но что и онъ самъ, со всѣми своими убѣжденіями и стремленіями, существуетъ *для нихъ*; что кромѣ *обязанностей*, большихъ или меньшихъ, смотря по размѣрамъ его личныхъ правомочій, существуетъ для человѣка и *долгъ*, не зависящій, ни по степени ни по качеству, отъ какихъ-либо личныхъ правомочій или притязаній. Поэтому-то люди семейные, какъ было часто замѣчаемо, и представляютъ болѣе тѣсно связанную съ интересами, стремленіями и учрежденіями окружающаго, болѣе *консервативную* часть населенія, сравнительно съ безсемейною и какъ бы безлочвенною частью его, живущею только личными интересами и страстями. Это морально-воспитательное значеніе семьи принадлежитъ ей, наравнѣ съ церковью и отечествомъ, именно потому что она, подобно имъ, *не есть ассоціація*, основанная на спеціальномъ, частномъ договорѣ, въ виду частныхъ же цѣлей, и охватывающая жизнь личности *не со всѣхъ* сторонъ и не органически. Поэтому никогда конкубинатъ, ассоціація „свободной“ любви (ассоціація въ точномъ смыслѣ слова), не можетъ замѣнить семьи ни въ морально-воспитательномъ, ни въ социальномъ, ни въ политическомъ отношеніи. Но это морально-воспитательное значеніе семьи реализуется, съ одной стороны, лишь благодаря нѣкоторымъ специфически свойственнымъ женщинамъ качествамъ ея, дѣлающимъ ее, естественное средоточіе семьи, какъ мы увидимъ далѣе, по преимуществу морально-воспитательнымъ агентомъ жизни и заставляющимъ насъ вполнѣ согласиться съ Лабулэ, когда онъ говоритъ что „цивилизация страны измѣняется не тѣмъ что думаютъ и

знаютъ образованные умы, но тѣмъ что думаютъ и знаютъ ея женщины, передающія новому поколѣнью свои мысли и предрасудки.“ Съ другой стороны, этими качествами женщины, по ихъ значенію для осуществленія задачъ семьи опредѣляется и *положеніе* женщины въ семьѣ, отражающееся, въ силу органической связи между всѣми союзами жизни, и на ея положеніи социальномъ и политическомъ. Такимъ образомъ, вопросъ о природныхъ особенностяхъ, склонностяхъ и силахъ женщины, чисто-психологическій; осложняется вопросомъ нравственно-политическимъ, о ея *нормальномъ* юридическомъ и политическомъ положеніи, и такое или иное рѣшеніе одного изъ этихъ вопросовъ тѣсно связано съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ другаго. Съ признаніемъ различія въ природѣ и призваніи половъ связывается и признаніе отличія семьи не только отъ „ассоціаціи“, но и вообще отъ всякаго чисто-юридическаго отношенія, и требованіе различія въ социальномъ и политическомъ положеніи половъ; съ признаніемъ тождества физическихъ и психическихъ силъ и задачъ двухъ половъ идетъ объ руку и отождествленіе семьи съ „ассоціаціей“, чисто-юридическимъ отношеніемъ, и требованіе *равноправности* половъ семейной, экономической и т. д.

Такимъ образомъ, вопросъ называемый женскимъ вращается на двухъ главныхъ пунктахъ. Первый изъ нихъ: *должно* ли семейное и гражданское положеніе женщины опредѣляться на основаніи особенностей ея физической и психической организаціи, а слѣдовательно и ея естественнаго призванія и жизненнаго назначенія? Этому пункту мы касаемся лишь настолько намъ необходимо для того чтобъ очистить путь къ рѣшенію нашей научной задачи отъ нѣкоторыхъ крупныхъ недоразумѣній.

Второй пунктъ: *существуютъ* ли действительно какія-либо различія въ физической и психической природѣ мужчины и женщины, не только фактически несомнѣнные, но и объясненныя въ своей естественности и необходимости (какъ зависящія не отъ случайныхъ и искусственныхъ условій воспитанія, положенія и т. п.) и въ то же время настолько существенныя чтобъ опредѣлять собою и коренное различіе въ естественномъ призваніи половъ? Этотъ антропологическій вопросъ и составляетъ собственно задачу нашихъ бесѣдъ.

Защитники такъ-называемой „равноправности“ половъ на оба вопроса даютъ отрицательный отвѣтъ. „Еслибы даже“, говорятъ они, „и существовало глубочайшее различіе между силами, способностями и наклонностями мужчины и женщины, гражданскія и политическія права ихъ, экономическое и социальное положеніе все-таки должны быть одинаковы во имя требованій экономической свободы, счастья самой женщины, выгодъ для всего человѣчества отъ привлеченія на всякія поприща массы новыхъ рабочихъ силъ и, главное, во имя требованія вѣчной и общей справедливости.“ Не входя въ разборъ аргументаціи на которую опираютъ свои требованія сторонники „равноправности“, постараюсь вкратцѣ устранивъ самыя крупныя изъ недоразумѣній, къ сожалѣнію извращающихъ правильное отношеніе многихъ къ вопросу, прискорбно обостряющихъ его и безнадежно залутывающихъ.

Прежде всего недоразумѣніе заключается уже въ самой формуловкѣ требованія, какъ требованія *равноправности*, то-есть одинаковыхъ правъ для женщины и мужчины, какъ въ тѣхъ сферахъ гдѣ *права* ихъ дѣйствительно различны, такъ и въ тѣхъ гдѣ никакого различія въ признаваемыхъ за ничто законами правахъ нѣтъ, различная же дѣятельность ихъ опредѣляется *правами*, такъ и наконецъ въ тѣхъ сферахъ гдѣ различія правъ, по самому существу этихъ сферъ, *не можетъ не быть*, пока самыя эти сферы еще существуютъ. Требуя, напримѣръ, для женщины *экономической* равноправности съ мужчиной, требуютъ очевидно реформы не правъ, но вправъ, такъ какъ въ извѣстныхъ намъ цивилизованныхъ странахъ никакихъ положительныхъ законовъ воспрещающихъ женщинѣ то или иное частное занятіе, тотъ или иной артистическій, литературный, хозяйственный или торговый услѣхъ, не имѣется. Въ особенности ярко бросается въ глаза это недоразумѣніе у нашихъ русскихъ агитаторовъ „эманципаціи“, съ жаромъ повторяющихъ негодующіе протесты англійскихъ и французскихъ авторовъ противъ чрезмѣрнаго неравенства правъ половъ во Франціи и Англии, не зная повидимому, или не желая звать что по *русскимъ* законамъ женщина не только въ экономической и чисто-гражданской области *сполннѣ* приравнена къ мужчинѣ, но и семейныя права ея несравнимы съ правами Француженокъ и Англичанокъ. Вообще можетъ быть рѣчь о дѣйствительномъ неравенствѣ *правъ* только относительно семейныхъ и политическихъ правъ мужчины и

женщины, вездѣ дѣйствительно болѣе или менѣе различныхъ. Предоставляя себѣ далѣе коснуться вопроса о политической правоспособности женщины, то-есть объ основаніи допускать ее или не допускать къ занятію государственныхъ и общественныхъ должностей, къ личному представительству въ собраніяхъ, къ исправленію воинской повинности (нужно же идти до конца!) и т. п., укажу здѣсь на характеръ требованія объ уничтоженіи того различія въ *семейномъ* положеніи мужа и жены которое опредѣляется законами, а не нравами. Это различіе очевидно возможно устранить только отнявъ у семьи значеніе юридической, общественной и политической *единицы*, то-есть по-просту уничтоживъ вовсе институтъ семьи, признавъ дѣтей за государственную собственность. Какъ единица несущая опредѣленную обязанность и отвѣтственность предъ обществомъ и государствомъ, такъ же какъ и обладающая относительно ихъ извѣстными нераздѣльными правами, семья необходимо нуждается въ *организации власти внутри ея и следовательно въ одномъ представителѣ* и этой власти, и этихъ правъ. Власть внутри семьи (например, опредѣленіе мѣста жительства, рѣшеніе спора о воспитаніи дѣтей или выборѣ занятій и т. п.) естественно должна быть соединена въ одномъ лицѣ съ представительствомъ семьи въ другихъ отношеніяхъ; и если изъ двухъ лицъ составляющихъ необходимое ядро семьи, представителемъ правъ, обязанностей и власти должно быть одно, то другое быть имъ естественно уже не можетъ. При этихъ условіяхъ, требованіе „равноправности“ равносильно требованію уничтоженія самаго повода къ необходимости организациі власти и представительства, то-есть уничтоженія семьи. Что же касается распредѣленія въ семьѣ *моральной* власти, распредѣленія *de facto*, а не просто *de jure*, то въ этомъ отношеніи друзьямъ современной женщины едва ли умѣстно усердствовать за реформу. Ни для кого не тайна что изъ ста браковъ на десять, въ которыхъ мужъ есть дѣйствительный глава, приходится девяносто, гдѣ дѣйствительное главенство принадлежитъ женщинамъ. И Милль, тотъ самый Милль, который называетъ бракъ „единственнымъ видомъ рабства въ полномъ смыслѣ слова, признаваемымъ новѣйшими законами“ *, допускаетъ что „большинство

* О подчин. женщинамъ, 203.

сулруговъ даже при существующихъ законахъ живутъ въ духѣ справедливаго законнаго равенства“, и что „въ сущности семейная власть и отвѣтственность распредѣляется отлично, исключая самые не удавшіеся браки“ *. Но, повторяю, въ этой цѣлѣнной моральной сторонѣ распредѣленія власти вслѣдствіе законовъ безсильны предъ нравами и личными характерами; желать же чтобъ это распредѣленіе было *регламентируемо* если не закономъ, то предварительнымъ *договоромъ* между сторонами или третьими лицами, значитъ вполнѣ отрицать моральныя отношенія и моральный характеръ семьи вообще, и желать регламентаціи въ той сферѣ гдѣ выше всего именно цѣнится внутренняя свобода. **

Въ экономическомъ отношеніи, благодаря чрезвычайному усложненію условій жизни, развитію въ обществѣ безбрачія, и въ некоторомъ перемѣнамъ въ области производства, въ силу которыхъ многія нужды семьи стали гораздо дешевле удовлетворять тѣмъ что производится внѣ дома, множество женщинъ дѣйствительно не находятъ приложенія своимъ силамъ и удовлетворенія своимъ нуждамъ въ семьѣ, или находятъ въ ней это приложеніе и удовлетвореніе лишь весьма мелочныя. Это несомнѣнно ставитъ серьезныя вопросы о положеніи современной женщины, и рождаетъ настоятельную необходимость открывать все большому и большому числу женщинъ доступъ къ разнымъ профессіямъ, могущимъ и матеріально и нравственно обезлечить ихъ помимо невозможнаго для нихъ брака. Но это относится, во первыхъ, не до женщинъ нашедшихъ себѣ сферу дѣятельности въ семьѣ. *** Въ вторыхъ же, требованію *равноправности* въ этомъ отношеніи и полной *свободы конкуренціи* половъ во имя *справедливости* здѣсь нѣтъ мѣста просто потому что свобода конкуренціи здѣсь для женщины вовсе не закрыта никакими законами. Она

* Ibid. 110 и 98.

** А это именно и дѣлаютъ тѣ кто, желая уничтоженія неравенства семейныхъ правъ *по закону*, всѣ отношенія между брачующимися понимаютъ какъ дѣло ихъ *договора*, и семью какъ простую *ассоціацію*.

*** Даже Милль признаетъ что „женщина, выходя замужъ, собственно говоря выбираетъ уже себѣ родъ занятій, также какъ и мужчина выбирающій себѣ профессию“.

дѣйствительно затрудняется для женщины, но затрудняется *правами*, косвенно, такъ какъ нравы до сихъ поръ *поощряютъ* женщину къ труду въ семьѣ, отвлекая ее отъ труда въ семьѣ. Но для борьбы противъ *этого* поощренія сторонники „равноправности“ уже не могутъ опираться на безусловныя требованія справедливости и свободы конкуренціи, а вынуждены сами прибѣгать къ *поощреніямъ* же въ противоположномъ направленіи, поощреніямъ для привлеченія ея къ труду въ семьѣ и отвлеченія ея отъ семьи,—къ превознесенію на примѣръ до небесъ „честной и самостоятельной труженицы“, возводимой въ перлъ созданія за то лишь что она въ бракъ сумѣла одѣть и прокормить свою особу—сравнительно съ матерью семейства, „костыющею въ рутинномъ, жалкомъ рабствѣ“ и т. п. Сами агитаторы признаютъ что безъ нѣкоторыхъ поощреній и привилегій въ пользу женщины женскій трудъ, какимъ мы его знаемъ, по крайней мѣрѣ *въ началѣ дѣла*, не выдержитъ конкуренціи съ мужскимъ. „Нужно, говорятъ они, помочь женщинѣ встать на ноги и укрѣпиться на новомъ пути; тогда она и безъ поддержки побѣдетъ дальше сама, и выкажетъ силы, которыхъ ни сама она, ни мы не знали, не видѣли до сихъ поръ только потому что ихъ развитіе было стѣснено: дайте имъ развиться и онѣ выдержатъ всякую конкуренцію.“ Можетъ-быть все это и прекрасно, но требуя поощреній и поощряя, нельзя уже говорить, будто мы требуемъ просто „свободы конкуренціи“ и снятія какихъ-то несуществующихъ въ *закомъ* преградъ; нужно сознаться что, борясь противъ преградъ въ нравахъ, мы стремимся искусственно *создать* конкуренцію. Нельзя также, требуя поощреній и поощряя, ссылаться на требованія *справедливости*; справедливость осуществляется не путемъ поощреній и привилегій, если не предположить конечно что справедливость для мужчины одна, а для женщины другая, особая, дамская. Нужно, наконецъ, не забывать и того что созданіе искусственной конкуренціи между полами путемъ поощренія женщины къ труду *въ* семьѣ, созданіе ей здѣсь привилегированнаго положенія есть въ то же время и *искусственное отвлеченіе женщины отъ семьи*. Насколько совмѣстимо исполненіе женщиной ея семейныхъ задачъ съ профессиональнымъ трудомъ въ семьѣ, это оставимъ спорнымъ, сославшись лишь на Д. С. Милля * и на примѣръ фабричныхъ

* См. выше.

женщины. * Не будемъ спорить и о томъ, выиграетъ ли или проиграетъ человѣчество съ отвлеченіемъ силъ женщины отъ семьи и привлеченіемъ ихъ къ разнымъ вѣдѣтельнымъ поприщамъ дѣятельности. Здѣсь возможна самая разнообразная оцѣнка: гжа Цебрикова, на примѣръ, не сомнѣвается въ томъ что талантливый писатель или общественный дѣятель ** безконечно полезнѣе воспитателя нѣсколькихъ дѣтей. Но намъ кажется несомнѣннымъ что отъ созданія искусственной конкуренціи между полами едва ли можетъ выиграть *счастье* чловѣка вообще и женщины въ особенности. Конечно, ничего нѣтъ разнообразнѣе и индивидуальнѣе понятій объ этомъ Протевъ-счастьѣ, и мало есть болѣе безплодныхъ споровъ, чѣмъ споры о счастье. Но во всякомъ случаѣ едва ли вѣроятенъ порадокъ въ той формѣ что личное счастье чловѣка выиграетъ отъ искусственнаго усиленія „борьбы за существованіе“ вообще, а тѣмъ болѣе—отъ вмѣшательства интересовъ и страстей этой борьбы въ тѣ отношенія между полами и членами семьи которыя до сихъ поръ доставляли наибольшую и наиприятнѣйшую, интенсивнѣйшую и глубочайшую долю счастья, какую удавалось ему взять отъ этой жизни. И можно быть увѣрену что предоставивъ рѣшеніе вопроса естественному теченію склонностей и нуждъ чловѣчества, мы гораздо лучше послужимъ его счастью чѣмъ всякимъ вмѣшательствомъ въ это теченіе, требующимъ искусственнаго пересозданія и направленія ихъ.

Переходя, наконецъ, къ требованію равноправности половъ въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, какъ прямо вытекающему *изъ основныхъ началъ общей человѣческой справедливости, требующей будто бы признанія за всеми вообще равной правоспособности*, скажемъ что и въ этомъ отношеніи владеютъ въ два недоразумѣнія. Ошибаются, во-первыхъ, въ самомъ опредѣленіи понятія справедливости, какъ *только уравнивающей, отрицающей* въ области права всякія различія лицъ и отношеній, и вовторыхъ—вводятъ въ заблужденіе, выставляя вопросъ о *правоспособности* какъ вопросъ *справедливости, а не целесообразности*, каковъ онъ въ

* Ср. на примѣръ у Шелгунова, соч. т. I, стр. 114.

** А вѣдь быть тѣмъ или другимъ такъ легко!!

дѣйствительности есть, и въ качествѣ какого онъ и долженъ быть рѣшаемъ. Конечно, *еслибы* „равноправность“ половъ была требованіемъ безусловной справедливости, установленіе ея было бы желательнѣе даже *наперекоръ* всякимъ другимъ соображеніямъ, ибо отъ него просто зависѣлъ бы моральный характеръ самыхъ всеобщихъ и элементарныхъ человѣческихъ отношеній. Но справедливость вовсе и не состоитъ въ равномъ распределеніи между всеми безъ различія установленныхъ въ *общей* абстрактной формулѣ закона правъ. Сколько ни думало и ни учило человечество о справедливости, оно видѣло ее совсѣмъ въ иномъ: въ примѣненіи общей формулы закона съ принятіемъ,—по опредѣленію Пухты,— „во вниманіе индивидуальности лицъ и отношеній“. Только чрезъ это принятіе во вниманіе индивидуальности лицъ и отношеній при распределеніи между ними общихъ правъ и осуществляется *равенство предъ закономъ*, справедливость. Безразличное примѣненіе и распределеніе, имѣющее въ виду *одну общую* абстрактную норму,—напримѣръ примѣненіе одного наказанія и въ одной мѣрѣ ко всѣмъ преступленіямъ одного рода, безъ соображенія степени злой воли, сознательности въ лицѣ преступника и особенностей самаго дѣянія, рождаетъ именно неравенство лицъ предъ закономъ, несправедливость, и убѣжденіе въ этомъ выражается въ старой поговоркѣ юристовъ: *visum ius—visita injuria*. Но вопросъ о правоспособности половъ вовсе и не есть вопросъ безусловной справедливости, а вопросъ цѣлесообразности, рѣшаемый, съ одной стороны, въ виду измѣнчивыхъ требованій *объективныхъ силъ* общежитія, а съ другой—измѣнчивыхъ же силъ и свойствъ *людей* которымъ предоставляется осуществленіе признаваемыхъ за ними правъ *своими* силами и въ *этомъ* общежитіи. Если вопросъ о правоспособности вообще имѣетъ какой-либо смыслъ, то рѣшить его окончательно по отношенію къ женщинамъ можно очевидно не иначе какъ на основаніи сколько-нибудь прочнаго и полнаго понятія о природѣ женщины, ея естественныхъ силахъ, способностяхъ и стремленіяхъ. До пріобрѣтенія такого понятія, агитація „женскаго вопроса“, въ особенности агитація искусственная, исходящая даже не отъ самой женщины, во всякомъ случаѣ есть дѣло преждевременное и рискованное; а размѣры риска здѣсь опредѣляются важностью вопроса, одного изъ важнѣйшихъ, какъ

мы видѣли. Если же правоспособность вообще вовсе не зависитъ отъ естественныхъ, физическихъ и психическихъ различій между лицами, но опредѣляется лишь безусловнымъ требованіемъ равенства, то и вопросъ о правоспособности вовсе упраздняется, вовсе устраивается и необходимость для рѣшенія разныхъ вопросовъ права и политики познанія дѣйствительной природы женщины, психологіи женщины. На эту почву и стараются главнымъ образомъ оставить вопросъ ревнители такъ-называемой женской эманципации, повидимому (вполнѣ ясное выраженіе избѣгается) рѣшающіе вопросъ о правоспособности по формулѣ: „сколько личныхъ нуждъ и интересовъ столько и личныхъ правъ“, и враждебные тому понятію о правоспособности по которому она опредѣляется, съ одной стороны, свойствами лицъ за которыми признаются или не признаются извѣстныя права, а съ другой — отношеніемъ этихъ свойствъ къ объективнымъ дѣламъ общежитія, какъ живущаго самостоятельной жизнью организма. Но полное и ясное отрицаніе этого понятія правоспособности въ пользу первого было бы въ настоящее время еще слишкомъ рискованнымъ, слишкомъ шло бы въ разрѣзъ съ имѣющими еще въ обществѣ силу нравственными и юридическими понятіями, и могло бы даже скомпрометтировать самое дѣло эманципации. Поэтому, ограничиваясь до времени частными наладеніями на несовмѣстимыя съ ихъ стремленіями нравственныя, юридическія и политическія понятія, — стараюсь на примѣръ замѣнить старое понятіе семьи понятіемъ ассоціаціи мужа, жены и дѣтей, понятіе государства — понятіемъ общества и т. п., — сторонники эманципации вынуждены, въ угоду существующимъ еще понятіямъ о правоспособности и ея условіяхъ, такъ или иначе высказаться и по вопросу о природѣ женщины, коснуться и женской психологіи. Дѣлается это ими чрезвычайно неохотно, и это вполнѣ естественно: нѣтъ ничего болѣе враждебнаго имъ чѣмъ дѣйствительная психологія женщины. Съ очевидными фактами и несомнѣнными законами не такъ легко играть какъ съ наиболѣе общими нравственно-юридическими понятіями, въ особенности при признаваемой шаткости современнаго нравственно-правоваго сознанія.

Первая задача сторонниковъ женской эманципации въ этомъ

отношеніи состоитъ въ томъ чтобы доказать что въ естественныхъ, физическихъ и психическихъ свойствахъ мужчины и женщины далеко *нѣтъ* настолько глубокаго и прочнаго различія чтобы на немъ основывать различіе ихъ семейнаго, общественнаго и политическаго положенія. Однако масса наблюденій собранныхъ историками, физиологами, медиками, психологами, поэтами, романистами всѣхъ вѣковъ и народовъ, и говорящихъ за существованіе весьма глубокихъ и всестороннихъ различій между мужчиной и женщиной такъ громадна, наблюденія эти такъ общеизвѣстны и такъ легко и часто могутъ быть провѣряемы всякимъ на ежедневномъ опытѣ что исполненіе такой задачи является очень труднымъ и неблагодарнымъ дѣломъ. Это самая слабая и неубѣдительная, даже для предубѣжденнаго въ пользу безразличія половъ читателя, часть въ трудахъ сторонниковъ эманципаціи. Не выручаетъ ихъ здѣсь даже возможность весьма свободнаго толкованія наблюденныхъ данныхъ, вытекающая изъ отсутствія твердаго научнаго начала, на которое эти данныя сводились бы и изъ котораго необходимо такъ а не иначе освѣщались бы и объяснялись. Несмотря на такое удобное отсутствіе научнаго начала, литература сторонниковъ эманципаціи въ своей *психологической* части исполнена слишкомъ явныхъ противорѣчій, натяжекъ, искаженій и софизмовъ. *Здѣсь напиримѣръ тѣ кто въ другихъ случаяхъ всего эмергичнѣе доказываютъ зависимость всякаго психическаго событія отъ организаціи тѣла и его измѣненій, отрицаая самостоятельное начало душевной жизни,—кто всего рѣзче настаиваютъ на томъ что духъ и тѣло не двѣ самостоятельныя половины, связанныя только внѣшнимъ образомъ и живущія отдѣльною жизнью,—кто считаютъ аксіомой что отправление органа есть прямое слѣдствіе строенія его, но никакъ не обратно,—именно они же и наиболее рѣшительно утверждаютъ, будто *по природѣ* не существуетъ никакого психическаго различія между мужчиной и женщиной, несмотря на глубокое различіе въ ихъ строеніи и отправленияхъ. Другіе, всего менѣе вообще расположенные противопоставлять авторитету науки авторитетъ Священнаго Писанія, не отрицаая факта всѣхъ различій между полами, физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ, отрицаютъ однако всякое социальное значеніе этихъ

различій, на томъ основаніи что „ле Писанію“ предъ Богомъ вѣтъ ни пола, ни возраста. Находя произвольнымъ предположеніе самостоятельнаго душевнаго начала и смѣшаннымъ всякій спиритуализмъ вообще, доказываютъ невозможность психическихъ различій между мужчиной и женщиной на основаніи даво забытаго и считающагося анатренизмомъ въ психологической наукѣ лоятія о духѣ, душевной субстанціи, какъ о какой-то тождественной во всѣхъ индивидахъ неиндивидуальной стихіи. Тамъ гдѣ факты слишкомъ очевидно говорятъ за различія, избѣгаютъ черезчуръ глубоко вникать въ нихъ и дѣлаютъ выводы безо всякаго отношенія къ психологіи, несмотря на сомнительную, по собственному признакію, возможность „дѣлать здѣсь какой-либо выводъ изъ опыта безъ помощи психологическаго анализа“ *. Еще чаще просто ссылаются довольно беззастѣливо на те будто бы „ли одна“ наука не доказываетъ различія психической жизни женщины и мужчины, благоразумно ограничиваясь общою ссылкою на „науки“ и не вдаваясь въ *содержаніе* ихъ (вѣдь *vita brevis, ars longa!*) ** и утверждаютъ что всѣ такіа различія суть лишь измышленія себлюбиваго и живаго тирана мужчины. Иногда ссылаются на какихъ-то естествоиспытателей, отрицающихъ различія половъ, умалявая объ имевшихъ этихъ любознательныхъ естествоиспытателей, а иногда и просто ограничиваются заявленіемъ *** что всѣ доводы о малой способности женщины къ отвлекаемому мышленію, о ея слабѣйшей физической организаціи и соответствующей слабости въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, доказываютъ только собственный недостатокъ логики мужчинъ **** и *punctum!* Не признавая въ ходѣ исторіи никакаго

* Д. Ст. Милла *О подчиненности женщины*.

** Г. Тарасовъ *Объ увязкѣнн къ женщины*, публичная лекція.

*** Гжа Цибрикова пред. къ *О подч. женщины*, Милла, с. XII.

**** Не дуремъ въ своемъ родѣ слѣдующій пріемъ. У одного изъ давнихъ и главныхъ агитаторовъ женскаго вопроса, Л. Ршера, мы читаемъ что гжи Женя д'Эрикуръ и Ж* Л*, полемизировавшія съ Прудомомъ, не уступили ему, и знаменитый полемикъ должеиъ былъ отказаться отъ борьбы. Онъ вышелъ изъ спора покрытый не слагою, а ранами и почти признавая себя побѣжденнымъ. (*Свободная Женщина*, 262). Мы не знаемъ навѣрное, уступили ли

участія произвола, доказываютъ *нерациональность* историческаго неравенства половъ тѣмъ обстоятельствомъ что „власть мужика надъ женщиной, при первомъ ея водвореніи, не была результатомъ *добросовѣстнаго сличенія* разнцыхъ способностей уладить строй общества“, какъ будто хотя одно изъ историческихъ учрежденій возникало путемъ „добросовѣстныхъ сличеній“! Еще худшій видъ принимаетъ дѣло тамъ гдѣ серьезный научный вопросъ обращаютъ „весьма глухо“, по выраженію Мишле, въ вопросъ личнаго самолюбія, личнаго тщеславія и личной борьбы,—въ вопросъ: кто лучше, кто хуже, мудрша или женщина? Съ этого пункта исчезаетъ уже всякая мѣра въ смѣшеніи понятій, недоразумѣніяхъ, взаимныхъ обвиненіяхъ и перекорахъ. Мужчина отнынѣ вообще является не иначе какъ въ видѣ тирана, поработившаго женщину ради своихъ выгодъ, и всеми мѣрами воспитанія, обычая и закона поддерживающаго ее въ положеніи рабыни; утверждается что „женщина только для того такъ усорно отстраняютъ ото всякой общественной дѣятельности, чтобъ удерживать ихъ въ повиновеніи въ домашней жизни“; * положеніе матери семейства приравнивается серьезно къ положенію рабыни, сравнительно съ рабочимъ, *самостоятельностью* котораго исключительно въ этомъ случаѣ превозносится; физиологическія и психологическія истины, говоряція за особенности женскихъ силъ и способностей, клейматся въ лицѣ ихъ изобрѣтателей печатью мужскаго эгоизма и себлюбія, являются лица специально посвящающія свои силы и время чтенію публичныхъ лекцій доказывающихъ что „самые даже просвѣщенные литераторы, драматурги и романисты все-таки

по *собственному* своему сужденію, гжи д'Эриккуръ и Л* „знаменитому полемику“ и побѣдили ли его или нѣтъ. Но мы, какъ и всякій видѣвшій изданіе Прудомовой *Pornocratie*, писанной противъ этихъ знаменитыхъ дамъ, хорошо знаемъ что сочиненіе *Pornocratie* Прудову окончить пожилаа *смерть*, и что оно такъ и лежало неоконченнымъ. Если умереть—значитъ „уступить“ и „почти признать себя побѣжденнымъ“, то конечно торжество этихъ дамъ надъ Прудомъ полное; но не будетъ ли такое толкованіе черезчуръ уже *свободнымъ* даже для свободныхъ дамъ? И на какую публичку разчитываютъ печатая подобную ложь?!

* Д. Ст. Миаль *О подчиненности женщины*, стр. 120.

относятся къ женщинамъ по-мужски, *то-есть* своекорыстно и лживо; * и т. л. Съ другою стороною, съ удивленіемъ узнаешь что женщину нужно уважать уже потому что самое имя ея звучитъ музыкой, ** что чуть ли не на одной доскѣ стоятъ Madame Шатле, популяризовавшая Ньютона—съ Ньютономъ, гжа Сталь, писавшая о нѣмецкихъ мыслителяхъ—съ этими мыслителями, миссъ Мартино, „сдѣлавшая порядочные успѣхи въ политической экономіи и написавшая статью о позитивизмѣ“—съ экономистами и философами, господа Губеръ, „помогавшая мужу наблюдать пчелъ“,—съ естествоиспытателями и т. л. И нужно сознаться что эти весьма мало достойные мотивы тщеславія, личнаго самолюбія, въ особенности ярко выступаютъ въ произведеніяхъ даже лучшихъ изъ женщинъ-писательницъ, подымавшихъ знамя „эмаципаціи“ своего пола. *** У всякой почти изъ нихъ мы встрѣтимъ стремленіе выдѣлиться изъ своего пола, который она презираетъ именно въ томъ что въ немъ есть лучшаго, чисто-женскаго, рядомъ съ завистью къ мужчинамъ; стремленіе выставить послѣдняго въ смѣнномъ или одіовномъ видѣ и въ то же время—сдѣлаться какъ можно болѣе на него похожою; отрицаніе всякаго достоинства женственности—рядомъ съ проловѣдью равнаго достоинства женщины и мужчины; декламациі о равенствѣ—наряду съ „мечтаніями, лично для себя, исключительнаго закона, который доставилъ бы ей, не въ примѣръ ея сестрамъ, политическія и семейныя привилегіи мужчины (Proudhon l. c. 92) Во всякомъ случаѣ, какъ ни непривлекательно зрѣлище этихъ проявленій чисто личныхъ тщеславій и неудачъ, представляемое намъ массою женскихъ произведеній по нашему вопросу, въ немъ видятся и несомнѣнныя черты всеобъясняющаго и всеизвиняющаго страданія. Этихъ чертъ не найдемъ мы въ массѣ другихъ произведеній (какъ обращикъ ихъ назову публичную лекцію профессора Тарасова: *Уваженіе къ женщинамъ*), принадлежащихъ перу мужчинъ и писанныхъ очевидно вовсе не потому чтобъ авторы ихъ что-нибудь определенное думали или хотѣли сказать

* Гжа Дерэмъ.

** Дора д'Истриа *Женщина о женщинахъ*.

*** Сталь. Гизо, Даніель Стеркъ и др.

чего именно они хотятъ, а „отъ пошлости сердца“ и избытка любезности. Въ этомъ лепетѣ ничего кромѣ обрывковъ мыслей, Маниловскихъ желаній, сладенькихъ ощущеньицъ и—главное всего—либеральныхъ присѣдавій, не найдешь. Хаосъ, въ которомъ даже нельзя разобрать: чтѣ же наконецъ опредѣленнаго думаютъ? Чего опредѣленнаго хотятъ?

Но не въ этихъ разсужденіяхъ, такъ или иначе толкующихъ относящіяся къ нашему вопросу, накопленные въ огромной массѣ, *факты* и эмпирическія обобщенія, сила сторонниковъ эманципаціи и психического безразличія половъ. Да они, какъ мы уже замѣтили, и вообще съ неохотой берутся за эту психологическую задачу, возлагая опус *probandi*, положительное доказательство кореннаго различія психической жизни половъ на своихъ противниковъ. А за непредставленіемъ противною стороною такихъ положительныхъ доказательствъ, имѣютъ основаніе отстаивать свое положеніе какъ такое противъ котораго выставляются лишь отрицательныя доказательства и перечисленіе различій, такъ какъ они давы эмпирически въ *случайныхъ, измѣнчивыхъ условіяхъ*. Масса эмпирическаго матеріала, самыхъ тонкихъ и глубокихъ наблюденій, самыхъ яркихъ фактовъ по вопросу о различіи половъ, какъ мы уже замѣтили, громадна. Но эти факты не сведены пока еще на одно несомнѣнное и прочное научное начало, которое не позволяло бы толковать ихъ по произволу и несомнѣнно указывало бы цѣнность и смыслъ всякаго изъ нихъ. Эти наблюденія даютъ лишь голые факты, ничѣмъ съ необходимостью не объясняемые, ничего сами по себѣ не говорящія о своемъ происхожденіи изъ основныхъ, неизбѣжныхъ законовъ психической жизни вообще или изъ случайныхъ измѣнчивыхъ условій среды и времени. Научная психологія, вслѣдствіе многихъ причинъ, до сихъ поръ вообще очень мало мѣста отводила главамъ о значеніи половъ, возрастовъ, темпераментовъ и т. п., и этотъ отдѣлъ представляетъ очень мало разработаннаго и прочно установленнаго. Нѣсколько страничекъ въ объемистомъ психологическомъ трактатѣ, вотъ по большей мѣрѣ все чтѣ мы найдемъ по нашему вопросу у одного на десять крутыхъ психологовъ, да и то больше эмпирическія сообщенія, отрывочныя замѣтки или самыя общія

аналогіи, чѣмъ точныя научныя дедукціи *. У писателей посвятившихъ цѣлыя спеціальныя труды разсужденіямъ о психологическихъ особенностяхъ женщины въ интересахъ борьбы противъ агитаціи женскаго вопроса, какъ соціально-политическаго (напр. у Прудона **), кромѣ отдѣльныхъ, часто мѣткихъ замѣчаній, мы также не найдемъ ничего что имѣло бы значеніе большее чѣмъ простаго матеріала для дѣйствительной психологіи женщины. У писателей же противоположнаго лагеря, сторонниковъ эманципаціи, какъ мы видѣли, интересъ гораздо менѣе въ научной разборкѣ матеріала женской психологіи чѣмъ въ отрицаніи существованія такой психологіи которая научно доказывала бы положительныя психическія различія между полами и объясняла бы ихъ необходимость, или въ отрицаніи значенія выводовъ такой психологіи для такого или иного практическаго разрѣшенія женскаго вопроса. Тѣмъ настоятельнѣе является необходимость пополнить этотъ пробѣлъ въ наукѣ психологіи. Но здѣсь сторонники соціально-политическаго безразличія половъ выступаютъ съ оружіемъ ловидимому навсегда обезличивающимъ почву на которой они стоятъ ото всякихъ возможныхъ наладеній: съ положеніемъ что психологіи научно доказывающей и объясняющей психическія различія между полами не только еще не существуетъ, но что психологія женщины вообще невозможна, что вообще невозможно положительное доказательство враждебнаго ихъ стремленіямъ различія половъ при настоящихъ условіяхъ, то-есть до тѣхъ поръ пока не введутъ соціально-политическаго равенства ихъ. „Дайте поламъ равное соціально-политическое положеніе, и тогда только попытайтесь доказывать психическое ихъ различіе; до тѣхъ же поръ всѣ доказанныя вами различія будутъ относиться нами на счетъ соціально-политическаго неравенства, а не законовъ природы,—всѣ ваши доказательства будутъ имѣть значеніе лишь отрицательныхъ доказательствъ.“

* Напримѣръ, превосходная глава въ *Микрокосмъ* Лотце, не выходящая изъ сферы общностей глава въ *Душа и тѣло* Ульрици, нѣсколько строкъ въ *Lehrbuch der Psychologie* Фолькманнъ-фонъ-Фолькшара и др. Больше сдѣлано для вопроса медики, какъ напр. проф. Шкаряевскій (актовая рѣчь, на которую мы указывали), Герцег, Гентъ и др.

** *Amour et Mariage*.

Вотъ послѣдній доводъ сторонниковъ безразличія половъ и психологическаго и социальнаго. Психологія женщины рѣшающая вопросъ о томъ, есть ли нѣтъ *основаніе для различнаго* положенія половъ въ обществѣ, возможна только послѣ того какъ поламъ будетъ дано *одинаковое* положеніе!

Пріемъ дѣлающей несомнѣнную честь остроумію и находчивости его изобрѣтателя. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что имъ съ особенною любовью пользуются всѣ сторонники „равноправности“ половъ, на всѣ лады повторяющіе его и отстраняющіе имъ отъ себя столь неудобную для нихъ психологію женщины какъ преждевременную и научно невозможную. Но дѣйствительно ли психологія женщины и преждевременна и научно-невозможна до такъ-называемой эманципации женщины въ практической жизни?

II.

Лучшіе и серіознѣйшіе изъ сторонниковъ равенства половъ не думаютъ отрицать громадной массы фактовъ и наблюденій говорящихъ за ихъ различіе. Пусть де эти наблюденія вѣрны и безпристрастны, но они не выражаютъ дѣйствительной, *настоящей* природы женщины. Они говорятъ намъ не о тѣхъ силахъ и способностяхъ какими женщину одарила природа, но о женщинѣ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ угнетаемой и законами и обычаями, установленными себялюбивымъ мужчиной, въ видахъ его интересовъ,—о женщинѣ многіе вѣка систематически обезличиваемой, отупляемой и приучаемой къ рабской покорности всѣми средствами воспитанія, нравовъ и законовъ, о женщинѣ природный образъ которой совершенно затемненъ и искаженъ этимъ вѣковымъ насиліемъ, несчастные результаты котораго, передаваясь въ рядѣ поколѣній отъ матери къ дочери, уже приобрѣли нѣкоторую устойчивость въ организмѣ современной женщины. И возможно ли по этому искаженному и затемненному образу судить о женщинѣ какова она по своей истинной *природѣ*? Возможно ли, по проявленіямъ ея отовсюду стѣсняемыхъ силъ въ исторіи, судить о дѣйствительномъ размѣрѣ и характерѣ этихъ силъ? Нѣтъ, ни психологія, ни исторія не могутъ, при этихъ условіяхъ, вести къ

познанію *настоящей* женщины! „Не женщину вы видите теперь“, восклицает Легуве со свойственным Французу пафосомъ, „не ее вы судите—она вымышленное существо, созданіе людей, а не Бога.“* Женщины, говоритъ Д. С. Милль, „до сихъ поръ держали въ такомъ неестественномъ состояніи относительно самостоятельнаго развитія что природа ихъ неизбежно является искаженною и замаскированою, и никто не можетъ съ увѣренностію рѣшить, была ли бы по сравненію съ мужчиною существенная или даже какая-либо разница относительно характера и способностей, еслибы женской натурѣ дали такую же свободу выбирать себѣ направленіе какъ и мужской, и еслибы не навязывали ей никакого искусственнаго склада, кромѣ того который требуется условіями всякаго человѣческаго общества и стѣсняетъ оба пола одинаково.“ Женщины еще не были поставлены въ условія благоприятнаго развитія ихъ способностей, заявляетъ гжа Цебрикова, и пока не будетъ сдѣланъ опытъ, всѣ ссылки на ихъ неспособность оказываются голословными отзывами.** Все это имѣетъ тѣмъ болѣе значенія что, какъ утверждаетъ Милль, „можно не задумываясь сказать что ни у какой другой категоріи зависимыхъ лицъ характеръ не былъ до такой степени искаженъ и отклоненъ отъ своего естественнаго развитія, вслѣдствіе отношенія къ порабощателямъ какъ у женщинъ“. Я отрицаю, заключаетъ Милль, „чтобы кто-нибудь зналъ или могъ знать природу обоихъ половъ до тѣхъ поръ пока мы ихъ видѣли только въ ихъ настоящихъ отношеніяхъ другъ къ другу. То что теперь называютъ природою женщины есть не болѣе какъ въ высшей степени искусственный результатъ принудительныхъ стѣсненій въ однихъ направленіяхъ и искусственнаго подстрекательства въ другихъ... умственныя способности женщины—это такой предметъ о которомъ ничего окончательно не можетъ быть извѣстно до тѣхъ поръ пока тѣми которыя однѣ могутъ въ самомъ дѣлѣ знать его, то-есть самими

* Легуве, *Исторія нравственнаго положенія женщины*, с. 308.

** Гжа Цебрикова забываетъ здѣсь что, допустивъ вѣрность ея разсужденія, совершенно непонятно то, какъ она сама знаетъ что-либо положительное о способностяхъ женщины, а сѣдовательно и объ условіяхъ благоприятныхъ или неблагоприятныхъ ихъ развитію?

женщинами, дано весьма мало показаній, а тѣ которыя даны можно заладозрить въ извращеніи.“ * Наконецъ ничего нельзя знать о психологіи женщины не только по недостатку вѣрныхъ и характеристичныхъ *данныхъ*, но и потому де что *наука объ образованіи характера*, или о вліяніи условій среды на это образованіе, можно сказать, еще не существуетъ, находится въ младенческомъ состояніи.

Нужно сознаться что противъ *такихъ* доводовъ въ доказательство невозможности женской психологіи спорить нетрудно. Эти доводы ничего не доказываютъ уже потому что доказывали бы, если ихъ допустить, гораздо болѣе того что желать имъ доказать. Усердствуя въ ихъ повтореніи, дѣлаютъ то что Нѣмцы называютъ *das Kind mit dem Bade ausschütten*, доказываютъ не невозможность женской психологіи, но невозможность *всякой психологіи и даже болѣе*. Дѣйствительно, неужели психологія женщины невозможна потому что женщина, „которая одна почему-то можетъ въ самомъ дѣлѣ знать здѣсь что-нибудь“, дала о себѣ весьма мало показаній, да и тѣ сомнительны? Но животныя и дѣти дали о себѣ конечно несравненно менѣе и менѣе точныхъ показаній чѣмъ женщина, а между тѣмъ наукѣ извѣстны и психологія дѣтей, и психологія животныхъ. И откуда это взяли, будто психологія возможна только на основаніи показаній тѣхъ кто сами себя хорошо знаютъ, то-есть психологовъ? Можно быть вполне спокойнымъ что недостатка въ показаніяхъ о природѣ женщины, необходимыхъ для ея психолога, не будетъ; женщина дала о себѣ ровно столько же показаній какъ и мужчина, и одинаковый запасъ этихъ показаній сложень и въ физиологіи, и въ исторіи, и въ произведеніяхъ всѣхъ литературъ. Не менѣе странно и утвержденіе будто женская психологія невозможна потому что *настоящая* природа женщины искажена, затемнена вліяніями искусственнаго воспитанія, искусственнаго положенія въ обществѣ, всякаго рода стѣсненій и насилій и т. п. Что разумѣютъ здѣсь подъ *настоящею* природой, *извращаемою* условіями ея существованія, и становящеюся вслѣдствіе этого *непознаваемою*? Всѣ существа міра существуютъ и развиваются въ какихъ-нибудь условіяхъ, такъ или иначе опредѣляющихъ:

* Д. Ст. Милль, *О подчиненности женщины*, с. 52 и слѣд.

„извращающих“ ихъ „настоящую“ природу, то-есть природу ихъ разсматриваемую внѣ всякаго отношенія къ средѣ; значить ли это что всѣ существа міра по настоящей природѣ своей непознаваемы? По этой логикѣ „настоящая природа“ оставалась бы и была бы познаваема лишь у существа не имѣвшего никакого развитія, никакого „воспитанія“ въ широкомъ смыслѣ этого слова, то-есть развѣ у физическаго атома, но все развившееся подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій среды и въ опредѣленномъ отчасти ими направленіи,—и человѣкъ, и животное, и растеніе,—оказалось бы „въ высшей степеніи искусственнымъ результатомъ принудительнаго стѣсненія въ однихъ направленіяхъ и искусственнаго подстрекательства въ другихъ“. Если на развитіе и жизнь смотрѣть какъ на результатъ *однихъ* вліяній среды, то „настоящей“ природы нигдѣ и ни у чего вовсе нѣтъ, и все изученіе направляется на одну среду (что конечно самопротиворѣчиво). Если же жизнь и развитіе понимать какъ результатъ взаимодействія *двухъ* факторовъ, какъ такое „приспособленіе внутреннихъ отношеній существа ко внѣшнимъ отношеніямъ среды“, которое одинаково опредѣляется и условіями среды и воспитанія, и свойствами живущаго въ нихъ существа, то не можетъ уже быть рѣчи о „настоящей“ природѣ, „извращаемой“ условіями ея жизни, можетъ же быть рѣчь лишь о дѣйствіяхъ этихъ условій на существо и реакціяхъ послѣдняго на нихъ. По свойству этихъ реакцій, и составляетъ опредѣленное понятіе о природѣ испытывающаго вліянія существа. Такъ постулають относительно всѣхъ живыхъ предметовъ познанія: почему же не приведетъ этотъ пріемъ къ познанію именно одной женщины? Условія ея жизни и дѣятельности извѣстны; извѣстны и ея дѣйствія, отвѣчающія на эти условія, будь они стѣснительны или подстрекающіе; извѣстно и то что, будь она другая, и ея реакціи на окружающія вліянія были бы другія: почему же все-таки должно оставаться неизвѣстнымъ *какая* она? Во всякомъ случаѣ, идя по указанному пути, можно скорѣе узнать что-нибудь о природѣ женщины чѣмъ разсуждая о рациональности или нерациональности условій ея развитія. Какъ бы то ни было, другаго пріема для изученія „природы“ живыхъ существъ эмпирическимъ путемъ (по ихъ проявленіямъ) нѣтъ, и надежность или безнадежность этого пути

одинакова въ отношеніи ко всѣмъ живымъ существамъ. Если, по разобраннымъ основаніямъ, невозможна женская психологія, то невозможна и мужская, и психологія животныхъ. Невѣрно и то будто *только* этимъ эмпирическимъ путемъ могутъ быть получаемы познанія о психической жизни разныхъ существъ, будто не можетъ быть психологіи женщины, потому что не существуетъ еще науки объ *образованіи характера*, которую Милль почему-то здѣсь ставитъ въ основаніе психологіи. Науки о характерѣ дѣйствительно еще нѣтъ, * но она—не замѣна или основаніе психологіи, а *выводъ* изъ ея общихъ законовъ, приложение ихъ къ особеннымъ условіямъ. Для построенія же психологіи какого-либо существа требуются, кромѣ эмпирическихъ фактовъ изъ его жизни въ какихъ бы то ни было условіяхъ, и общіе законы, установленные въ другихъ наукахъ, общія теоріи; а въ нихъ недостатка нѣтъ, и вопросъ только въ умѣстности и правильности ихъ приложенія къ тѣмъ фактамъ. Есть, въ помощь эмпирическому матеріалу женской психологіи, и общія біологическія, и общія психологическія теоріи, имѣя которыя въ виду, нельзя уже будетъ вѣровать что достаточно поставить женщину въ другія условія чѣмъ настоящія для того чтобъ она стала совершенно иною чѣмъ мы ее теперь знаемъ, и на этомъ основаніи отрицать всякое значеніе у нашего настоящаго знанія женщины. Невозможно будетъ опираться въ этомъ отрицаніи на то что особенности теперешней организаціи женщины будто бы суть лишь продуктъ односторонняго женскаго воспитанія, установившійся путемъ наследственной передачи отъ матери къ дочери въ длинномъ рядѣ поколѣній. Невѣрно это уже потому, выражаясь словами превосходной рѣчи профессора Шкляревскаго, что „женщина рождается не только отъ женщины, равно какъ и мужчина—не только отъ мужчины; вліяніе женскаго воспитанія чрезъ посредство матери должно уравниваться вліяніемъ противоположнаго мужскаго воспитанія чрезъ посредство отца, такъ какъ несомнѣнныя наблюденія доказываютъ что въ общей сложности дѣти совмѣщаютъ въ себѣ признаки обоихъ родителей.“ ** А между тѣмъ, кромѣ неудачныхъ возраженій противъ возможности психологіи женщины, въ

* Если не считать попытки Bahnsen'a.

** L. с. 12.

отрицаніи значенія современныхъ отрывковъ этой психологіи, какъ дающихъ дѣйствительное знаніе о женщинѣ, сторонники равенства половъ опираются единственно на *гьрованіе* что поставленная въ совершенно новыя условія женщина проявитъ и совершенно новыя свойства. „Можетъ-быть“, — вотъ послѣднее положительное основаніе въ пользу равенства половъ и отсутствія значенія у психологіи женщины, которое они противопоставляютъ массѣ наблюденій, всей исторіи и массѣ болѣе или менѣе научныхъ выводовъ изъ нихъ. „Поставьте женщину въ иные условія, не требующія отъ нея „женственности“, и *можетъ-быть* ея природа окажется совершенно иною чѣмъ та о которой говорятъ вамъ всѣ ваши наблюденія, вся ваша исторія и всѣ ваши біологическіе и психологическіе выводы,“ — вотъ въ сущности все на что опираются въ отрицаніи естественнаго психическаго различія половъ и въ требованіи соціально-политическаго равенства ихъ, *можетъ-быть* имѣющаго повлечь за собою массу благодѣяній для всего рода человѣческаго. Мы далеки отъ желанія колпировать грубыя полемическія выходки Прудона, но не можемъ не замѣтить въ этомъ случаѣ что едва ли предстоить надобность обращаться къ совершенно-гадательному будущему въ подтвержденіе надеждъ и вѣрованій для оцѣнки которыхъ имѣются факты изъ вполне достовѣрнаго настоящаго и прошедшаго. Факты эти — общіе всѣмъ древнимъ литературамъ разказы о какомъ-то *предшествовавшее* культурному времени царствѣ амазонокъ, съ одной стороны, и извѣстныя современныя намъ царства амазонокъ, находящіяся въ *центръ Африки*, подъ экваторомъ, то-есть тамъ гдѣ едва ли будутъ искать образцовъ культуры, съ другой. Факты эти конечно рѣшительнѣе и яснѣе говорятъ за или противъ такого или иного значенія женственности для человечества и исторіи чѣмъ всякія праздныя, ни на чемъ положительномъ не основанныя гаданія. А между тѣмъ во имя одного празднаго „можетъ-быть“ предлагаютъ и даже требуютъ произвести надъ обществомъ искусственный опытъ, — опытъ въ самомъ жизненномъ узлѣ общества, семьѣ и отношеніяхъ между полами; во имя его осуждаютъ и хотятъ не замѣчать ту совокупность особенностей которая выражается словомъ „женственность“ и въ наукѣ и въ практической жизни. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ бесѣдъ

выяснятся основанія вслѣдствіе которыхъ я считаю женственную женщину единственною и незамѣнимою право-воспитательною, морализующею жизнь силой человѣчества, и глубоко убѣжденъ въ томъ что если не отъ женщины можно ожидать умственного, экономического и политическаго возрожденія человѣчества, то только въ ея *женственности заложъ нравственнаго возрожденія его*. Теперь же замѣчу только что пока смыслъ и значеніе „женственности“ не установлены точною психологическою наукою, существованіе которой противники женственности отрицаютъ, рано и осуждать ее и игнорировать, и требовать опыта надъ обществомъ и самою женщиною. Такой крупный и общій опытъ не можетъ, конечно, оправдываться одною любознательностію изолированныхъ лицъ, ни даже потребностію разрѣшенія нѣкоторыхъ болѣе общихъ экономическихъ задачъ. Общество и люди—живые организмы, а надъ живыми организмами искусственныхъ опытовъ не производятъ. Роль опыта для изслѣдователя здѣсь играютъ патологическіе случаи, уродства, ненормальности. Да позволено мнѣ будетъ указать здѣсь что въ этомъ отношеніи представляется поучительнымъ самое возникновеніе вопроса о „женской эманципаціи“. Самый вопросъ главнымъ образомъ получаетъ raison d'être въ постоянномъ увеличеніи числа женщинъ не вступившихъ, вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ условій современной жизни, въ бракъ и остающихся такимъ образомъ безъ естественнаго примѣненія своимъ силамъ и соответствующаго ему экономического и соціальнаго положенія. Какъ бы ни смотрѣли мы на это явленіе, какъ на временное, случайное, или какъ на такое которому суждено пріобрѣтать болѣе и болѣе обширные размѣры, * его

* Такъ на примѣръ, авторъ брошюры „Les femmes qui tuent et les femmes qui volent“ Дюма - сынъ, признаетъ „очевиднымъ что при настоящемъ ходѣ дѣлъ мужчина все менѣе и менѣе будетъ давать женщинамъ любовь, уваженіе, покровительство и правильную семью... Надѣяться на то, говорить о томъ, чтобы при общемъ шатаніи, разрушеніи и гибели всего унаслѣдованнаго нами отъ прошлаго, мужчина вернулся снова къ этому прошлому въ отношеніи къ женщинамъ и принялся бы снова воздвигать семью на основахъ идеала, любви и единства, было бы новымъ заблужденіемъ въ добавокъ ко всѣмъ уже извѣстнымъ“. (22го изданія, стр. 141—142). Съ другой стороны, онъ увѣренъ что любовь не привлекаетъ къ браку и женщинъ уже освобожденныхъ посредствомъ труда, знаній и правъ

нельзя считать иначе какъ ненормальнымъ, однимъ изъ тревожнѣйшихъ симптомовъ глубоко болѣзненнаго состоянія общества. Не менѣе ненормаленъ и самый путь которымъ идетъ агитація вопроса. Агитація эта исходитъ главнымъ образомъ не отъ женщинъ, свидѣтельствующихъ своимъ отношеніемъ къ ней (въ массѣ), насколько ихъ нормальныя нужды, силы и склонности чужды стремленіямъ ихъ освободителей. И смѣемъ думать что не придавать никакого значенія этому послѣднему обстоятельству на томъ основаніи что и рабы де часто относились равнодушно и даже враждебно къ дѣлу ихъ освобожденія,—значить считать умственный и нравственный уровень женщины вообще гораздо ниже всего что могъ бы думать о ней даже послѣдователь Тертуліана. Во всякомъ случаѣ и здѣсь, какъ и въ вопросѣ о будущности брака, психологія женщины была бы наиболѣе надежнымъ и безпристрастнымъ руководителемъ и судьей.

Не будемъ же останавливаться предъ вышеприведенными недоразумѣніями, во имя которыхъ отрицаютъ возможность психологіи женщины тѣ чьимъ видамъ эта психологія не отвѣчаетъ и для кого слово женственность представляется или лишеннымъ всякаго опредѣленнаго смысла, или символомъ всего заслуживающаго только презрѣнія, и по большей мѣрѣ, свисхожденія *. Не будемъ пренебрегать громадною массою матеріала накопленнаго предшествовавшими вѣками для нашего вопроса и ждущаго только научной обработки, приведенія къ прочному научному началу, для того чтобы сдѣлать намъ психическія особенности половъ ясными и понятными въ ихъ „естественности“, необходимости. Вопросъ несомнѣнно такъ важенъ что, разъ онъ поставленъ, отступать отъ его рѣшенія не только трудно, но и просто

разныхъ мужескимъ (ibid p. 172). Впрочемъ, тотъ же Дюма, на другой страницѣ, утверждаетъ что женщина вовсе не стремится дѣлать дѣло мужчины; ея собственнаго, чисто-женскаго дѣла для нея достаточно, но за то ея она хочетъ уже дѣлать влоадѣ, „и только за невозможностью этого, то-есть за отсутствіемъ правильной семьи, стремится къ эманципаціи“. Какъ бы то ни было, будемъ надѣяться что французское общество, котораго современные нравы привели Дюма къ его неутѣшительному предсказанію насчетъ будущности брака, въ этомъ отношеніи составляетъ въ Европѣ не правило, а исключеніе.

* Таково отношеніе къ женственности преимущественно у женщинъ-писательницъ, какъ напр. у Сталь, Жоржъ Сандъ, Стёрль.

не хорошо. Однако гдѣ же тѣ несомнѣныя, безспорныя и точныя начала науки съ которыми можно было бы приступить къ обработкѣ неисчерпаемаго матеріала женской психологіи, а безъ которыхъ вся эта масса наблюденій и опытовъ лишена точно-опредѣленнаго значенія и объясненія, остается „кумуляомъ браважующимъ“? Откуда можно надѣяться заимствовать такія начала, если по мнѣнію многихъ самая психологія вообще еще ничего не представляетъ безспорно и несомнѣнно установленнаго, и существованіе ея какъ науки довольно сомнительно?

Въ нашемъ вопросѣ, благодаря связи его со всевозможными интересами и страстями, накопилось столько недоразумѣній, столько спорнаго и гадательнаго что въ установленіи основныя начала его рѣшенія представляется болѣе чѣмъ гдѣ-либо обязательнымъ избѣгать всего сколько-нибудь сомнительнаго, гипотетическаго и носящаго чисто личный характеръ. Поэтому я не буду касаться до сихъ поръ еще спорныхъ и слишкомъ тѣсно связанныхъ съ разнорѣчными метафизическими системами вопросовъ объ отношеніи души къ тѣлу, о природѣ души и т. п. Это тѣмъ болѣе умѣстно и законно что въ настоящее время наука уже сдала въ архивъ и старый матеріализмъ, и старый спиритуализмъ. Лучшіе изъ представителей современной науки, основываясь на совершенно несомнѣнномъ, *въ известнѣйшхъ предѣлахъ*, соответствіи явленій жизни тѣлесной явленіямъ психическимъ, довольствуются (тамъ гдѣ это допускается предѣлами задачи ихъ) тѣмъ что не утверждая между тѣми и другими отношенія причинности, по которому тѣло производило бы духъ, или духъ—тѣло, рассматриваютъ тѣ и другія лишь какъ *функции* одни другихъ, въ математическомъ смыслѣ, объясняя самый фактъ соответствія тѣмъ что духъ и тѣло—одно и то же существо съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, внѣшней и внутренней. Конечно, возводить это понятіе въ доктрину о природѣ духа и тѣла нельзя безъ значительныхъ ограниченій. Внутренняя точка зрѣнія и внѣшняя *не покрываютъ* одна другую ни по своему *объему*, ни по своему *значенію*: внѣшняя точка зрѣнія дана намъ только *со* внутренней и *черезъ* нее, а не обратно,—что дѣлаетъ между ними громадную разницу.* Вслѣдствіе этого одного уже нельзя утверждать

* И нельзя одновременно признавать теорію двухъ точекъ зрѣнія съ вытекающею изъ нея невозможностью выразить явленія одной

безусловнаго, простирающагося на *всѣ* безъ исключенія явленія духа и тѣла, соответствія между ними, параллелизма (какъ это чаще всего дѣлають, въ особенности англійскіе психологи, напримѣръ Бэвъ); нѣкоторыя изъ явленій одной изъ непокрывающихъ другъ друга точекъ зрѣнія могутъ остаться не имѣющими себѣ параллельныхъ въ другой, а при этомъ и самыя духъ и тѣло могутъ оказаться не двумя *только точками зрѣнія* на одну и ту же сущность (подобно выпуклой и вогнутой поверхности лустаго шара), но и стоящими другъ къ другу въ нѣсколько иномъ отношеніи. Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ *доктрины*, понятіе о душевныхъ и физическихъ явленіяхъ, какъ функціяхъ одни другихъ въ математическомъ смыслѣ, въ качествѣ *пріема* изслѣдованія, освобождающаго его ходъ отъ вліянія всякихъ предвзятыхъ и спорныхъ гипотезъ, несомнѣнно плодотворно и уже доказало свою плодотворность. Какъ въ измѣреніи движенія извѣстной массы съ извѣстною же скоростью, математикъ, если ему дано пройденное пространство, по немъ опредѣляетъ употребленное на его прохожденіе время; если же ему дано время, то по времени опредѣляетъ пространство,—

(физической) въ терминахъ другой (психической) и утверждать все-таки что духъ есть *отправленіе* тѣла, какъ дѣлаетъ Луисъ въ наименѣе слабомъ изъ своихъ философскихъ произведеній, *Объ изученіи психологіи* (и еще раньше — въ исполненныхъ недоразумѣній *Вопросахъ жизни и духа*). Отправленіе невыразимое въ терминахъ, выражающихъ производящій его органъ, очевидно можетъ быть названо отправленіемъ его только въ смыслѣ совершенно противорѣчащемъ общему словоупотребленію, гдѣ отправленіе есть только динамическая сторона статической—органа. Но уже бѣльшимъ чѣмъ простая ошибка формальной логики представляется принятіе предмета внутренней точки зрѣнія (духа) за отправленіе предмета внѣшней (тѣла), послѣ того какъ извѣстно что *непосредственно* дана только внутренняя точка зрѣнія, внѣшняя же только въ ней и черезъ ея посредство, что *мысль* второй безъ первой, и *есть* первая безъ второй, что можно вывести вторую изъ первой (какъ бы результатъ, напримѣръ, различенія *постоянныхъ* качествъ существомъ знающимъ себя непосредственно только въ *смыслѣ* переживаемыхъ имъ состояній), но не обратно. Нигдѣ отправленіе не есть предметъ особой внутренней точки зрѣнія относительно органа, какъ предмета внѣшней, и нигдѣ отношеніе органа къ отправленію не можетъ *объяснить* двойства этихъ точекъ зрѣнія, или быть къ нему приравниваемымъ.

такъ и психо-физиологъ, зная о соответствіи между душевными и тѣлесными явленіями, заключаетъ по даннымъ тѣлеснымъ явленіямъ о соответствующихъ душевныхъ и наоборотъ. Поэтому для современнаго психолога, въ известнѣйшихъ частяхъ его задачи, столько же необходима помощь физиологiи сколько и для физиолога помощь психологiи: признаніе этой истины есть одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній остающихся наукъ послѣ ожесточенной борьбы послѣдняго времени. * Поэтому вопросъ: откуда начинать изслѣдованіе, съ физиологическихъ ли фактовъ, или съ психологическихъ? въ значительномъ числѣ задачъ является только вопросомъ удобства и рѣшается такъ или иначе, смотря по тому, какіе изъ относящихся къ существу задачи факты даны намъ съ большею ясностью, полнотой и точностью,—физиологическіе, или психологическіе. Поэтому и я начну съ фактовъ тѣлесной жизни женщины, не потому чтобы считалъ душу за произведеніе тѣла, или съ Луисомъ—за его отправление, а убѣждаю въ совершенно иномъ, но потому что самые элементарные, начальные факты въ психологiи, ощущеніе, стремленіе и чувство, суть и наиболѣе сравнительно-темные во всей области ея факты, смыслъ и значеніе которыхъ наименѣе несомнѣвы, наиболѣе таинственны.

Изъ фактовъ физической жизни женщины мы имѣемъ для исхода два различныя ряда, между которыми приходится выбирать. Съ одной стороны мы имѣемъ анатомическое строеніе женщины, съ другой физиологическія отправления. Въ данныхъ анатомiи конечно болѣе точности и простоты чѣмъ въ данныхъ физиологiи. Но если данныя здѣсь и проще, и очевиднѣе, то *психологическій смыслъ* ихъ далеко не такъ ясенъ и несомнѣненъ, какъ психическій смыслъ данныхъ физиологическихъ. Можно сказать даже что въ главной для психологiи части анатомическихъ фактовъ, въ строеніи нервной системы и центровъ, далеко еще не найдено ничего истиннаго психологическаго смысла чего былъ бы ясенъ. И самое строеніе здѣсь еще далеко не съ достаточною въ этомъ отношеніи точностію и подробностію извѣстно, и связь особенностей этого строенія съ особенностями

* Ср. знаменитую рѣчь Геринга „О памяти какъ функціи органической матеріи“.

психической жизни вполнѣ опредѣляется до сихъ поръ только гадательно и только въ общемъ. Открытіе одинаковой структуры нервовъ и тождественности происходящаго въ нихъ процесса, изученіе нервныхъ путей и концевыхъ образований * мало-по-малу привели къ видоизмѣненію Беллева закона **, стараго понятія специфической эрергіи нервовъ и т. п., и оставили несомнѣннымъ только убѣжденіе въ томъ, во-первыхъ, что невозможно сложныхъ психическихъ дѣятельностей привязывать къ отдѣльнымъ частямъ нервно-мозговой системы, какъ дѣлала старая теорія локализаций, а во-вторыхъ, что самый специфическій характеръ эрергіи отдѣльных частей ея, *имплицитъ психо-физическое значеніе только въ своемъ цѣломъ*, въ полной системѣ, опредѣляется направлениемъ специализирующихся дѣятельностей цѣлаго и ихъ системой—характеромъ и исторіей *отправленій*. „Я не могу“, повторимъ мы вслѣдъ за Лусомъ, „безъ улыбки читать самоувѣренныя утвержденія ни тѣхъ кто приписываютъ однимъ нервнымъ клѣткамъ способность превращать впечатлѣнія въ чувствованія, а другимъ—способность превращать чувствованія въ представленія; ни тѣхъ кто сводятъ волю къ одному центру, ощущеніе къ другому, воспріятіе къ третьему, а чувство къ четвертому. Еслибы даже подробное знаніе анатоміи нервной системы было такъ совершенно какъ оно часто предполагается, и тогда бы значеніе его для психолога было не велико, сравнительно съ болѣе доступнымъ для насъ наблюденіемъ органическихъ функций. Пока изслѣдованіе нервныхъ клѣточекъ не дополнено изученіемъ организма какъ цѣлаго, оно не прольетъ свѣта на явленія психологическія, точно также какъ молекулярное строеніе чугунныхъ рельсовъ не объяснитъ желѣзнодорожной системы.“ ***

Значеніе изученія органическихъ функций, въ виду нашей

* „Специфичности функций отдѣльных нервныхъ элементовъ, говоритъ Вундтъ (*Основы физиологической психологии*, въ русскомъ переводѣ, I. 402), не существуетъ въ дѣйствительности, такъ что различіе свойствъ молекулярныхъ процессовъ обуславливается только родомъ связи отдѣльных элементовъ между собою и отношеніемъ къ нимъ, въ органахъ чувствъ, внѣшнихъ раздраженій“.

** Ibid. I. 387 ср. Брюкке, лучшее руководство физиологіи въ русскомъ переводѣ.

*** Лусъ, *Объ изученіи психологии*, стр. 117.

психологической задачи, очевидно. Особенности въ отправленіяхъ двухъ половъ прежде всего представляютъ намъ прямой и ясный *переходъ изъ области тѣлесной жизни изъ въ душевную*, такъ какъ связь между задачами, силой и быстротой органическихъ функций и характеромъ соответствующихъ наклонностей, чувствъ и даже представлений гораздо непосредственнѣе и извѣстнѣе, чѣмъ связь между психическою жизнью и особенностями строенія организма. Оно и не можетъ быть иначе. Можно сказать что нѣтъ органическаго отправленія которое такъ или иначе не отражалось бы въ мірѣ психическомъ, въ формѣ ли отчетливыхъ чувствъ и ощущеній, въ смутной ли формѣ общаго чувства или настроенія, само ли по себѣ какъ чувствуемая дѣятельность организма, или только своими результатами, то-есть измѣненіями въ положеніи тѣла и его внутреннихъ состояніяхъ. Съ другой стороны, повторимъ мы за Маршалъ Галлемъ, ни одна мысль, ни одно ощущеніе, ни одно чувство не могутъ явиться безъ того чтобы не отразиться въ разныхъ частяхъ животнаго организма *. Въ органической функціи *соединены обѣ стороны* того процесса которымъ характеризуется всякая животная жизнь. Всѣ органическія функціи суть извѣстнаго рода движенія или системы движеній: но это не простыя движенія, механически, безразлично совершаемыя тѣломъ, получившимъ толчокъ извнѣ, въ отвѣтъ на этотъ толчокъ: это движенія *извѣстныя* совершающему ихъ тѣлу и по своей *цѣлности* для его бытія, по своему согласію или несогласію со внутренними условіями этого бытія, и въ большей или меньшей мѣрѣ по своему *направленію* и согласію или несогласію съ подавшими поводъ къ нимъ внѣшними вліяніями. Въ этихъ движеніяхъ живое существо *чувствуетъ* испытываемыя имъ отвнѣ или извнутри возбужденія и такъ или иначе *познаетъ* и себя и воздѣйствующую на него среду; и только вслѣдствіе этого чувствованія, дающаго ему знать о необходимомъ для его жизни и несовмѣстимомъ съ нею, и этого познанія, хотя бы элементарнѣйшаго, своихъ

* Поэтому-то, какъ прекрасно замѣчаетъ профессоръ Манассинъ (*Материалы къ вопросу объ этиологическомъ значеніи психическихъ вліяній*), „малая мозговая дѣятельность *прямо* отражается на ухудшеніи питаніи организма“.

движеній по ихъ силѣ и направленію,—и становится возможнымъ то регулированіе *изнутри* движеній соответственно условіямъ среды, то приспособленіе внутреннихъ отношеній ко вѣшнимъ и однихъ внутреннихъ отношеній къ другимъ, которое составляетъ животную жизнь. Въ самомъ началѣ животной жизни обѣ стороны процесса, движеніе и чувствованіе, нераздѣльно слиты въ одномъ свойствѣ такъ-называемой раздражительности, равномерно разлитомъ во всей безструктурной, но живой массѣ; позднѣе обѣ стороны все болѣе и болѣе выдѣляются, расходятся, специализуются и по органамъ черезъ которые осуществляются, и по времени въ которое совершаются. Соотвѣтствіе ихъ другъ другу становится все сложнѣе, отдаленнѣе и специальнѣе; * но оно нигдѣ не представляетъ полнаго перерыва, нигдѣ органическое движеніе не бываетъ безусловно лишено солутствующаго чувства, хотя бы и въ самой смутной формѣ его (вслѣдствіе постоянства движенія, однообразія его, или чрезчуръ ограниченной подвижности органа) ** или чувство и ощущеніе безусловно лишены солутствующихъ движеній, хотя бы и очень мелкихъ и не сразу замѣтныхъ. „Нѣтъ чувствованія безъ движенія и нѣтъ движенія безъ чувствованія“—въ болѣе или менѣе явномъ признаніи этого положенія мы видимъ одинъ изъ главныхъ успѣховъ науки нашего времени и залогъ успѣховъ ея въ будущемъ (въ особенности въ виду массы фактовъ дѣлающихъ весьма вѣроятнымъ и *количественную* пропорциональность между ними: сколько движенія, столько и ощущенія, и обратно). Съ этой точки зрѣнія понятно, сколько разсмотрѣніе органическихъ функцій половъ можетъ дать для ихъ психологіи.

Съ другой стороны, органическія функціи, столь непосредственно и тѣсно связанныя съ жизнью *психической*, и такъ прямо указывающія на нее, не менѣе прямо связаны и съ отношеніями совершающаго ихъ организма къ окружающей его *средѣ*, физической ли только или и нравственной и соціальной, смотря по его развитію. А въ этой средѣ и подѣ

* Хорошо изображено это развитіе соотвѣтствія у Спенсера, въ его *Основанія психологіи*.

** Horwitz. *Psychologische Analysen auf physiologischer Grundlage*. I.

ея условіями совершается вся жизнь живаго существа, все его развитіе, и физическое и психическое, умственное и социальное; и вовсе отрицать необходимость принимать во вниманіе эту среду, какъ одинъ изъ крупныхъ факторовъ психическаго развитія, ни одинъ психологъ теперь не будетъ, хотя отсюда еще далеко конечно до Лисова признанія изученія социальной среды за одинъ изъ двухъ источниковъ психологіи. Наконецъ, предпочтеніе разсмотрѣнію органическихъ функцій предъ строеніемъ должно быть отдано уже и потому что самыя вѣковыя измѣненія въ строеніи организмовъ въ концѣ концовъ являются только *выраженіями въковаго наклоненія* (черезъ передачу по наслѣдству) безчисленныхъ слѣдовъ актовъ, отправленій, бывшихъ у ряда поколѣній болѣе и болѣе привычными, потому что при уже сложившихся свойствахъ ихъ, они становились все болѣе и болѣе необходимыми и легкими средствами приспособленія организмовъ къ окружающей ихъ средѣ, неизбѣжнаго для того чтобы не погибнуть. Этой измѣняемости органа, образованію самаго органа путемъ повторенія, спеціализаціи и т. л. отправленій, мы можемъ придавать значеніе *болѣе или менее общаго закона*, объясняющаго развитіе въ предѣлахъ одного ли вида, одного ли рода, класса, или и *всѣхъ живущихъ существъ*, проходя такимъ образомъ всѣ промежуточныя ступени отъ положенія „характеръ отправленія опредѣляется готовымъ органомъ“, до положенія „свойства органа опредѣляются характеромъ предшествующей дѣятельности отправленія“—положенія совмѣстимыя только съ радикально-противоположными взглядами на міръ и его исторію въ цѣломъ. Но *въ предѣлахъ* одного какого-либо рода несомнѣнно что усилія индивидуальнаго организма приладиться къ условіямъ своей жизни ради цѣлей этой жизни, постоянно повторяясь и съ повтореніемъ облегчаясь въ своемъ выполненіи, сказываются въ измѣненіи его наклонностей и инстинктовъ, и это измѣненіе, передаваемое по наслѣдству, ведетъ и къ установленію прочныхъ особенностей въ самомъ строеніи организма. Въ предѣлахъ, гдѣ возможно прослѣдить *развитіе* одной организаціи въ разныя, болѣе и болѣе совершенныя формы, зависимость организаціи отъ отправленія (движенія—ощущенія) есть несомнѣнный законъ. Строеніе такимъ образомъ, *въ своей разившейся* (а не ископной) части

представляется какъ бы организованною памятью несчетнаго числа однородныхъ актовъ цѣлаго генологическаго ряда родственныхъ индивидовъ, и въ этомъ смыслѣ можно говорить съ Герингомъ и другими о „памяти органической матеріи“, хотя конечно здѣсь самый терминъ „память“ есть только *denominatio a potiori*.

III.

Въ виду изложенныхъ соображеній мы начнемъ съ различія половъ въ ихъ органическихъ функціяхъ,—актахъ того приспособленія къ средѣ, которое кладетъ неизгладимую печать на строеніе, характеръ, жизнь и судьбы всѣхъ живыхъ существъ. Здѣсь, въ этомъ процессѣ приспособленія, намъ важно указать на слѣдующія условія его:

1) *Чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе отправленія какаго-либо организма, тѣмъ большее число условий окружающей среды илѣютъ возможность вліять на него, и тѣмъ большее число измѣненій испытываетъ его внутренняя среда, тѣмъ разнообразнѣе его внутреннія вліянія; слѣдовательно, сохраненіе такого организма требуетъ сравнительно болѣе разнообразнаго, тонкаго и точнаго приспособленія ко внешней и внутренней средамъ.*

2) *Большее разнообразіе органическихъ функцій, реакцій организма на внѣшнія и внутреннія вліянія, возбуждающія его, угрожающія ему разрушеніемъ или способствующія его сохраненію и развитію, требуетъ и болѣеи точности, быстроты этихъ реакцій, большаго распределенія между ними всего количества силы которою обладаетъ организмъ; тогда какъ въ организмѣ у котораго разнообразіе внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній, также какъ и реакцій на нихъ, сравнительно меньше, возможно и сравнительно большее сосредоточеніе силы во всякой изъ этихъ реакцій, болѣе массивность дѣйствія, при меньшей быстротѣ и точности его.*

Условія эти суть лишь простое примѣненіе къ живымъ организмамъ закона механики, выражаемаго обыкновенно такъ: „что выигрывается въ скорости, то теряется въ силѣ“. Положеніе это есть наиболѣе простое и общее выраженіе закона

лежащаго въ основѣ всей современной науки, какъ о физическомъ, такъ и о психическомъ, — закона *сохраненія силы*, который въ свою очередь есть лишь выраженіе *логическаго закона*: „ничто не есть нѣчто“, а следовательно ни ничто не можетъ перейти въ нѣчто, ни наоборотъ. Въ научной литературѣ нашего вопроса имѣется блестящее примѣненіе закона сохраненія силы и въ другой формѣ его, въ формѣ отношенія живой силы къ силѣ потенциальной: „чѣмъ болѣе силы тратится на живое дѣйствіе, тѣмъ менѣе остается ея въ формѣ напряженія“. Я говорю здѣсь о рѣчи профессора Шкляревскаго, на которую уже указывалъ выше. Проявленіе этого закона профессоръ Шкляревскій свидѣтъ на процессѣ которымъ поддерживается видовая жизнь растений и животныхъ, т.-е. генозисѣ, рисуя картину превращенія его, по мѣрѣ восхожденія въ іерархіи существъ, изъ *моногенозиса* (гдѣ всѣ части генетическаго процесса сосредоточиваются въ *одномъ* индивидуѣ, который какъ способный производить генеалогическую цѣль долженъ считаться женскимъ), путемъ двулолага гермафродитизма, въ *афигогенозисъ*, гдѣ генетическая дѣятельность вполнѣ специализовалась въ двухъ индивидуахъ, *женскомъ* и *мужскомъ*, причемъ генетическія клѣточки послѣдняго ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ развиться въ самостоятельный организмъ, выработка же клѣточекъ продолжающихъ жизнь вида выпадаетъ на долю организма женскаго. Поэтому естественно что въ мужскомъ организмѣ преобладаютъ формы живой силы и механической работы, такъ какъ запасъ его потенциальной энергіи можетъ быть вполнѣ истрачиваемъ (обращаемъ въ живую) для цѣлей индивидуальнаго существованія, тогда какъ въ женщинѣ жизненный процессъ имѣетъ болѣе скрытую форму напряженной, потенциальной энергіи, вслѣдствіе того что часть присущей ей силы должна всегда оставаться въ формѣ запаса для будущихъ поколѣній, зародыши которыхъ организмъ ея вырабатываетъ. „Въ силу общаго міроваго закона сохраненія силы, потенциальный индивидуумъ (предшествующій по времени) могъ превратиться въ актуальный только потерявъ способность производить генеалогическую цѣль... и если органическая жизнь сохраненіемъ своей непрерывности и первыми шагами на пути развитія обязана потенциальнымъ

индивидамъ, то своимъ безконечнымъ разнообразіемъ и рѣзко выраженнымъ, изъятымъ изъ власти случая, прогрессивнымъ характеромъ своимъ она обязана актуальнымъ своимъ представителямъ; первые составляютъ слѣдовательно существенно-консервативный, вторые—существенно реформирующий и обновляющій элементы органической природы.“ * Этимъ опредѣляется различное значеніе половъ и призваніе ихъ въ экономіи міра и исторіи, также какъ и главныя ихъ особенности. И какъ рѣшить, при этомъ, что выше: бoльшая мышечная сила, или бoльшая пластическая сила организма, бoльшая опредѣленность логическаго мышленія, или большее богатство бессознательной сферы, сохраненіе ли общихъ видовыхъ особенностей, или постоянное внесеніе въ рядъ новыхъ комбинаций? Очевидно что всѣ эти свойства равно важны, но такъ какъ они на извѣстной высотѣ развитія до нѣкоторой степени исключаютъ другъ друга, то и оказалось невозможнымъ совмѣщеніе ихъ въ одномъ индивидуумѣ, въ болѣе совершенныхъ видахъ... „Мечтать о томъ, заключаетъ профессоръ Шкляревскій, чтобы съ помощью воспитанія или общественнаго устройства можно было сдѣлать женщину подобною мужикѣ, значитъ колоссально заблуждаться относительно размѣровъ нашихъ собственныхъ силъ и относительно нашей независимости отъ общихъ законовъ природы. Мы безсильны произвести подобный регрессъ нашей природы, — и *въ этомъ наше счастье.*“ ** Небольшой трудъ профессоръ Шкляревскаго изобилуетъ мѣткими и тонко-прочувствованными психологическими замѣчаніями, частью какъ выводами, частью какъ иллюстраціями изложенныхъ общихъ біологическихъ понятій,—замѣчаніями, за которыми мы признаемъ всю ихъ цѣну. Но собственно психологии, прямого примѣненія указанной формулы закона сохраненія силы къ психическимъ даннымъ какъ такимъ, мы не найдемъ у него; *выводы* же въ этой области изъ общей біологической теоріи всегда оставляли и оставляютъ открытую возможность споровъ и разнорѣчащаго толкованія психологическихъ фактовъ. Съ другой стороны, хотя примѣненіе закона сохраненія силы въ формѣ отношенія напряженной силы къ живой

* L. с., 11.

** L. с. 35.

возможно и въ области чисто-психическихъ фактовъ, * (напримѣръ къ распредѣленію психической энергии между тремя ея коренными проявленіями—волею, чувствомъ и представленіемъ, къ отношенію между сферами сознательнаго и бессознательнаго),—это примѣненіе предполагаетъ уже предварительное установленіе довольно сложныхъ и безспорныхъ психологическихъ теорій. Этого нельзя сказать о болѣе простой и общей формулѣ закона, на которую мы равнѣ сослались, примѣнимой ко всѣмъ безъ исключенія явленіямъ дѣятельности (разсматриваемымъ только количественно) непосредственно, независимо отъ болѣе или менѣе сложныхъ и гипотетическихъ понятій о предполагаемыхъ свойствахъ этой дѣятельности. Поэтому мы и останемся при ней, какъ руководящемъ началѣ нашего очерка физическихъ и психическихъ особенностей половъ.

Что же дастъ намъ физиологическое примѣненіе закона: скорость (гегр. разнообразіе) дѣйствія обратно пропорціональна сосредоточенію его?

Нѣтъ конечно никакихъ сомнѣній въ томъ что на долю женскаго организма приходится одною важнѣйшею и сложнѣйшею функціей болѣе чѣмъ на долю мужскаго. Женскій организмъ вырабатываетъ зародышъ будущаго человѣка, онъ его зачинаетъ, носитъ, рождаетъ и кормитъ. Уже одно это большее разнообразіе отпавленій требуетъ, какъ мы видѣли, отъ женскаго организма болѣе точности, тонкости и быстроты реакцій на всякія, болѣе многочисленныя вѣншія и внутреннія возбужденія, тогда какъ занятый менѣе разнообразною и сложною работою мужской организмъ можетъ въ той же средѣ ограничиваться реакціями менѣе быстрыми и точными, хотя и вслѣдствіе этого болѣе сильными. Это различіе въ

* Но въ какой бы то ни было формѣ своей законъ сохраненія силы приложимъ лишь *внутри предѣловъ* всякой изъ двухъ областей, физической и психической, но не къ *переходу* отъ одной области въ другую, не къ превращенію физической силы (работы) въ психическую, напримѣръ силы потребной для рубки дровъ—въ работу мышленія. Допустивъ теорію *соотѣтствія* явленій нельзя уже говорить о *превращеніи* однихъ въ другія, ростѣ однихъ въ ущербъ другимъ. Прекрасно указалъ на нераціональность такого примѣненія закона сохраненія силы Ланге въ своей *Geschichte des Materialismus*. Ср. также у Владиславаева (*Современныя направленія въ наукѣ о душѣ*) стр. 116, 119 и слѣд.

быстротѣ и точности реакціи или ихъ силѣ и продолжительности, вытекающее изъ большей сложности отправления женскаго организма сравнительно съ мужскимъ, станетъ намъ ясно во всей своей важности когда мы вспомнимъ что специально-женское отправление, вопервыхъ, раждаетъ массу *внутреннихъ* вліяній, необходимость реагировать на которыя должна отвлекать нѣкоторую долю всей энергіи женскаго организма отъ воздѣйствія на вѣшнюю среду. Такъ у женщины, постоянно вырабатывающей зародыши будущаго чело-вѣка и нуждающейся въ постоянно готовомъ запасѣ веществъ для литаія его во время утробной жизни, *кровоотвореніе естественно гораздо энергичнѣе* чѣмъ у мужчины, откуда и является необходимость, за отсутствіемъ дѣйствительной надобности въ выработанномъ запасѣ (дѣйствительной беремености), періодическихъ кровоизліяній, занимающихъ у женщины въ общей сложности до 96 дней въ году. Изъ этого же обстоятельства,—такъ какъ процессъ кровоотворенія такъ или иначе отражается и на всѣхъ процессахъ литаія и траты въ организмъ,—видно какъ сильно заблуждаются тѣ кто не желаютъ видѣть что, тогда какъ половая функція въ органической жизни мужчины играетъ только *второстепенную и временную* роль, въ жизни женщины она является господствующимъ органическимъ явленіемъ, всесторонне, существенно и постоянно опредѣляющимъ эту жизнь (хотя бы женщина и не была дѣйствительно матерью и женой); * воторыхъ, что это отправление не только занимаетъ въ жизни женщины опредѣленное

* Это различное значеніе половой функціи и всего къ ней относящагося въ физиологической экономіи мужчины и женщины естественно должно отражаться на различномъ значеніи всего къ ней относящагося и въ *нравственной* экономіи ихъ. Не возмущаться поэтому предъ людскою несправедливостію нужно бы въ виду *различной* нравственной цѣны придаваемой издавна человечествомъ половой вѣрности или невѣрности, правильности или неправильности половой жизни у женщины и мужчины,—все это гораздо глубже и всестороннѣе захватываетъ и опредѣляетъ жизнь женщины чѣмъ мужчины,—но удивляться глубокому и вѣрному инстинкту человечества угадывающему истину гораздо ранѣе ея научнаго открытія. Между тѣмъ нѣтъ ничего обыкновеннѣе какъ декламациі на тему о несправедливости различной оцѣнки прилагаемой къ поламъ въ этомъ отношеніи, встрѣчаемыхъ у писателей и особенно писательницъ требующихъ „равноправности“.

время (Прудомъ высчитываетъ на одно рожденіе пять лѣтъ), не могущее идти на другія работы, но и осуждаетъ женщину временно на сравнительное бездѣйствіе, неподвижность и слѣдовательно на сравнительно большую зависимость отъ вліяній внѣшней среды. А этимъ еще увеличивается нужда въ быстротѣ и точности реакцій на эти вліянія, для того чтобы послѣдствія не стали разрушительными для организма, и въ то же время исключается возможность всякаго сосредоточеннаго, медленнаго и массивнаго употребленія силы организма на *активное дѣйствіе во внѣшн.* Такимъ образомъ *механическое* дѣйствіе женщины, одаренной даже равнымъ съ мужчиной запасомъ силы вообще, необходимо будетъ меньше механическаго дѣйствія организма мужскаго, у котораго остатокъ свободной отъ органической работы силы бываетъ больше. * И дѣйствительно, съ точки зрѣнія медиковъ и физиологовъ, мы повторимъ только несомнѣнные трюизмы, общія мѣста, когда скажемъ что женщина, вслѣдствіе того что она мать и организована быть матерью, необходимо *стечательнѣе мужчины и раздражимѣе его.* „Самыхъ легкихъ впечатлѣній достаточно, замѣчаетъ Гердеги, чтобы вызвать въ женщинъ живую реакцію и развитіе страннаго симпатіи (сочувственнаго явленія)“ **. Смысла впечатлѣній у женщины необходимо быстрее чѣмъ у мужчины, и въ силу тѣсной связи между впечатлѣніемъ и движеніемъ въ сосудодвигательной (ускореніе и замедленіе сердцебіенія, приливы крови къ кожѣ и т. п.) и отдѣлительной системахъ, въ игрѣ мускуловъ и выраженіи,—всѣ ея впечатлѣнія сопровождаются гораздо быстрее чѣмъ у мужчины и гораздо точнѣе измѣненіями выраженія и измѣненіями въ разныхъ органическихъ системахъ ея. Несомнѣнно далѣе что эти *двигательныя реакціи, какъ болѣе быстрыя, имѣютъ у женщины и болѣе отраженный, неудержимый характеръ.* А это очень важно. Движеніе, вызванное впечатлѣніемъ, само производитъ новое впечатлѣніе, которыхъ усиливается или видоизмѣняется первое; также какъ и *распространяетъ* дѣйствіе перваго впечатлѣнія на болѣе или менѣе отдаленныя

* Въ этомъ смыслѣ и должно понимать различіе, отношенія живой силы къ напряженной у мужчины и женщины; такое пониманіе вполнѣ свободно отъ всякой гипотетичности.

** *Женщина въ физиологическомъ, патологическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, 94.*

органическія области, вызывая въ нихъ явленія *сочувственности* этому, не прямо возбуждающему ихъ, впечатлѣнію. Все это въ гораздо меньшей мѣрѣ имѣетъ значеніе въ организмѣ, котораго впечатлительность слабѣе и двигательныя реакціи медленнѣе, слѣдовательно болѣе могутъ быть задерживаемы и направляемы,—въ организмѣ мужскомъ. Отсюда понятна, во-первыхъ, быстрая измѣнчивость у женщины; вслѣдствіе по-видимому ничтожныхъ причинъ, *общаго настроенія*, большая неустойчивость его, такъ-сказать хрупкость, въ сравненіи съ настроеніемъ мужчины. „Не подлежитъ сомнѣнію“, замѣчаетъ профессоръ Манассеинъ, „что нервная система отличается тѣмъ меньшею стойкостью чѣмъ сильнѣе бываетъ преобладаніе отраженной дѣятельности надъ произвольною въ данномъ организмѣ.“ Понятно отсюда, во-вторыхъ, и болѣе быстрое и роковое распространеніе у женщины раздраженія на *всю нервно-мышечную систему*,—легкость происхожденія сочувственныхъ явленій въ разныхъ частяхъ этой системы и сравнительно *меньшая сила сопротивленія* истерическимъ, судорожнымъ позывамъ. Все это необходимо слѣдуетъ изъ большаго разнообразія и сложности функцій женскаго организма, его естественной впечатлительности и быстроты и отраженности его реакцій, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объясняемо какъ продуктъ искусственнаго воспитанія и особыхъ условій жизни, какую силу и значеніе мы за ними ни признали бы. Идемъ дальше. Мы уже видѣли почему количество механическаго дѣйствія, при равенствѣ силъ у двухъ организмовъ, женскаго и мужскаго, у перваго необходимо окажется меньшее. Реакціи женскаго организма на болѣе многочисленныя внѣшнія и внутреннія вліянія быстрѣе, разнообразнѣе и точнѣе чѣмъ у мужчины, который ко внѣшнимъ вліяніямъ той же среды менѣе воспріимчивъ, внутреннихъ же вліяній менѣе чѣмъ она испытываетъ; но по тому же самому онъ и слабѣе, и менѣе постоянны и менѣе сосредоточены чѣмъ у мужчины, и *болѣе пригодны слѣдовательно къ приспособленію организма къ средѣ чѣмъ къ активному воздѣйствію на нее, измѣняющему ее.* Это вполне несомнѣнно выражается и въ строеніи женскаго организма, приуроченнаго къ цѣлямъ ея спеціальнаго отправления.

Отправленіе это очевидно требуетъ отъ женщины сравнительно-большой емкости туловища. А отсюда вытекаютъ

нѣкоторыя существенныя различія въ костяхъ, и можетъ-быть и въ органическихъ чувствахъ двухъ половъ. Прежде всего при относительно-большей емкости туловища, руки и ноги у женщины одинаковаго съ мужчиной роста необходимо окажутся *относительно-меньше* и слабѣе чѣмъ у мужчины; а ноги и руки—главныя орудія *борьбы, активнаго* воздѣйствія на внѣшній міръ и передвиженія въ немъ,—въ чемъ такимъ образомъ женщина естественно уступаетъ мужчине. Затѣмъ особое строеніе костей таза и отчасти груди * влечетъ за собой и нѣкоторыя особенности въ прикрѣпленіи къ нимъ костей рукъ и ногъ, а это даетъ начало и извѣстнымъ особенностямъ въ приемахъ движенія тѣхъ и другихъ при поднятіи напримѣръ и метаніи тяжестей, бѣганіи и борьбѣ. Плечи у женщины не такъ далеко отстоятъ отъ туловища какъ у мужчины и кости рукъ менѣе удаляются отъ оси тѣла, а этимъ естественно ограничивается пространство движенія ихъ. Также и ноги женщины, поддерживающія сравнительно большую массу, и болѣе короткія и ограниченныя въ пространствѣ движенія, не могутъ соперничать съ ногами мужчины не только въ бѣганіи, но даже и въ ходбѣ. Діана „съ легкою поступью“, конечно, можетъ представляться образцомъ ловкости и граціи; но не нужно забывать того

* Много было споровъ о томъ, есть ли дыханіе верхнею, а не нижнею частью груди у женщины явленіе естественное, необходимое, или вторичное, искусственно-развиваемое особыми условіями ея жизни. Что оно *не зависитъ* отъ требованія болѣе большой емкости туловища во время беременности, это повидимому вытекаетъ изъ того обстоятельства на которое Функе указываетъ въ своей *Физиологіи* что во время беременности емкость легкихъ у женщины, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, не уменьшается, но увеличивается. Но за то несомнѣнно что оно *зависитъ* отъ сравнительной слабости у женщины процесса дыханія; а меньше углекислоты она выдыхаетъ и меньше кислорода она вдыхаетъ необходимо потому что въ организмѣ ея естественно слабѣе процессъ сгорания, траты тканей, такъ какъ меньше происходитъ механической работы. Различіе съ этой точки зрѣнія вполне естественно и необходимо; оно есть, а не выдуманно, не вызвано искусственно корсетами, и съ нимъ нужно считаться. Но ужъ конечно совершенно праздно здѣсь всякія сентиментальныя декламации о сравнительно-большей баизости женщины къ небу и болѣе чистой и чистотѣ ея, вытекающихъ изъ этого дыханія верхнею частью груди (напримѣръ у Доры д'Истріи). Здѣсь дѣло не въ небесности или тѣлесности, а просто въ слабости процесса горѣнія, а следовательно и дыханія.

что идеалы создавшіе этотъ образъ, какъ идеалы женщины вообще въ классическую пору древняго искусства, были идеалы приближающейся къ мушницѣ и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи амазонки. Женщина новаго идеала рисуется не быстрого бѣгущей охотницей, но сидящею матерью семьи; дѣйствительная женщина, въ особенности вполнѣ развившаяся, то-есть съ полнымъ бюстомъ, широкимъ тазомъ, длиннымъ туловищемъ и короткими ногами, на бѣгу не можетъ казаться ни граціозною, ни легкой,—это безспорно. Во всемъ этомъ, то-есть, повторяю,—въ главныхъ орудіяхъ механическаго дѣйствія, передвиженія и борьбы, женщина естественно уступаетъ мушницѣ. „Большой интересъ представляло бы также, замѣчаетъ Лотце*, доказательство, если оно только возможно, какія особенности *жизненнаго чувства* пораждаетъ самая форма тѣла отношеніями своего строенія и отправления.“ Здѣсь конечно самое важное то что у мушницы центръ тяжести *выше* чѣмъ у женщины,—лежитъ въ области грудной полости, тогда какъ у женщины овъ ближе къ области полости брюшной. Лотце предположительно видитъ въ этомъ одно изъ возможныхъ побужденій къ дѣятельному движенію мушницы, „тогда какъ женщина, съ ея *болѣе устойчивымъ* равновѣсіемъ естественно ищетъ приложенія своей дѣятельности въ своей близости и ждетъ чтобы далекое отъ нея самой къ ней приблизилось.“ Признавая все ихъ значеніе за чувствами, сопровождающими болѣе или менѣе устойчивое равновѣсіе, мы позволимъ себѣ высказать предположеніе,—не настолько впрочемъ важное чтобъ усердно доказывать его и особенно имъ дорожить,—что нахожденіе центра тяжести тѣла въ грудной или брюшной полости можетъ быть важно и тѣмъ *что имъ можетъ опредѣляться болѣе или менѣе ясный характеръ и сильный тонъ тѣхъ органическихъ чувствъ которыя процессами той или другой полости развиваются.* Тогда у мушницы преобладали бы чувства грудной полости, у женщины брюшной; а это не могло бы не отразиться и на энергіи соответствующихъ процессовъ: дыханія или кровотоверенія и питанія. Быть-можетъ этимъ отчасти объяснялась бы и меньшая энергія дыхательнаго процесса у женщины и дыханіе верхней части груди. Какое значеніе, однако, ни придавать тому что здѣсь еще гадательно,

* *Mikrokosmos*. II. 367.

несомнѣваемыхъ изъ приведенныхъ фактовъ достаточно для утвержденія что женщина по условіямъ своего строенія безсилнѣе мужчины противъ окружающей ее среды, зависимѣе отъ нея, а это естественно должно дѣлать ее и болѣе робкою, болѣе боязливою и менѣе расположенною къ борьбѣ. Не искусство такимъ образомъ сдѣлало ее робкою и миролюбивою, а природа. Не искусство виной тому что вся двигательная система (мышцы и скелетъ), составляющая у мужчины 51,8% общаго вѣса тѣла, у женщины составляетъ лишь 43,8% этого вѣса, или тому что женская механическая сила относится къ мужской какъ 16 къ 26, или тому что метаморфоза у женщины вообще слабѣе чѣмъ у мужчины и въ особенности слабѣе дыханіе, такъ что онѣ и абсолютно и относительно выдыхаютъ менѣе углекислоты (менѣе работаютъ) и поглощаютъ менѣе кислорода. Виной всему этому то что природа ей, а не мышцы поручила образованіе зародыша, зачатіе, беременность и рожденіе; отсюда, а не изъ случайныхъ условій жизни, происходитъ—и происходитъ необходимо—что женщина, какъ сила производящая *механическую* работу, слабѣе мужчины.

Но и здѣсь, какъ вездѣ, то что теряется въ одномъ отношеніи, выигрывается въ другомъ. Неприспособленный къ задачамъ механическаго дѣйствія, женскій организмъ гораздо совершеннѣе мужскаго въ другихъ отношеніяхъ, иначе и гораздо *болѣе важнѣе* для существа на которое возможна задача поддержать существованіе рода. Самая быстрота актовъ, на которые женскій организмъ расходуетъ свою силу, и вытекающее отсюда слабое напряженіе всякаго изъ нихъ въ отдѣльности, дѣлаютъ и трату въ нихъ сравнительно меньшею, а слѣдовательно и вознагражденіе *сравнительно легчайшимъ*. Разнообразіе совершаемыхъ женскимъ организмомъ реакцій на массу возбужденій дѣлаетъ, по извѣстному закону, *утомленіе* * для этого организма гораздо рѣже наступающимъ и менѣе доступнымъ, привычнымъ явленіемъ чѣмъ для организма съ болѣе однообразною и медленною дѣятельностью.

* Утомленіе нерва, дѣятельнаго въ одномъ направленіи, повидимому, растетъ не пропорціонально росту времени этой дѣятельности, но какъ степень въ отношеніи къ ея показателю. На этомъ обстоятельстве въ особенности настаивалъ Delboeuf въ своей критикѣ Фехнера логарифмическаго закона какъ психо-физическаго, объясняя его какъ физическій (ср. напр. *Revue philosophique*, 1877 3 p. 242 et seqq).

Гиллократь былъ, поэтому, совершенно правъ, когда сказалъ что тѣло женское легче расточается чѣмъ мужское. И средствъ для вознагражденія сравнительно меньшихъ тратъ въ женскомъ организмѣ больше сравнительно съ мужскимъ. Та самая клетчатка, тѣ самыя пластическія железы, негодныя для исполненія какихъ-либо механическихъ работъ, которыя изобилуютъ у женщины какъ бы въ ущербъ нужной для механической работы мускульной ткани, и придаютъ тѣлу ея такую мягкость и вѣжность, а формамъ ея округлость, представляютъ громадный запасъ юныхъ клеточекъ, не имѣющихъ опредѣленнаго характера и способныхъ замѣнять истрачиваемыя, выбывающія составныя части мускульныхъ, мозговыхъ и другихъ специальныхъ тканей. Значеніе тѣхъ „рассадниковъ“ этихъ юныхъ клеточекъ, которыя называются пластическими железами“, очевидно изъ того что у „дѣтей“, собирающихся развиваться и жить, „онѣ“ сравнительно очень велики, и напротивъ, у стариковъ ихъ число и размѣры значительно сокращаются. Женщины гораздо богаче железами чѣмъ мужчины.“ * Все это, вмѣстѣ со сказаннымъ нами раньше о большей у женщины энергіи процесса кровотоженія, объясняетъ намъ такія повидимому противорѣчающія слабости и хрупкости женскаго организма явленія, какъ на примѣръ, тотъ признанный фактъ что слабая женщина однако выносливѣе сильнаго мужчины, что она меньше и легче мужчины спитъ и легче его переноситъ лишеніе сна, что она свободно дышетъ въ такой атмосферѣ которую мужчина съ трудомъ выдерживаетъ нѣсколько часовъ (на примѣръ, въ дѣтской или въ театрѣ), что она меньше мужчины ѣстъ и пьетъ и легче его переноситъ лишеніе ѣды и питья, при большей энергіи питанія, что, наконецъ, несмотря на болѣе медленный метаморфозъ у женщины, организмъ ея гораздо быстрее и легче мужскаго *возстанавливается* послѣ пораненій, кровотеченій, болѣзней и т. п. Эти свойства женской организаціи, ставящія ее выше мужской по жизнелюбности, заставляющія видѣть въ ней, вмѣстѣ съ профессоромъ Шкляревскимъ, „чрезвычайно гармоническое сочетаніе способностей и орудій тонко приспособленныхъ къ особеннымъ цѣлямъ женщины.“ ** Каковы же эти цѣли?—на этотъ вопросъ природа недвусмысленно

* Шкляревскій I. с. стр. 15.

** Шкляревскій I. с. стр. 13.

отвѣчаетъ намъ, не обращая вниманія на наши слоры и страсти: *сохраненіе рода*.

Дѣйствительно, женщина во всѣхъ отношеніяхъ является представительницей и хранительницей жизнениости рода. Истрачивая сравнительно малую часть своихъ силъ на дѣятельность внѣ организма и тѣмъ большее количество ихъ на дѣятельности *внутри организма*, имѣющія гораздо менѣ индивидуальный, болѣе родовой характеръ, тѣло женщины гораздо лучше мужскаго приуровнено къ цѣлямъ самосохраненія и слѣдовательно сохраненія рода. *Инстинкты* самосохраненія у женщины сильнѣе и неодолимѣе чѣмъ у мужчины, въ этомъ убѣждаютъ несомнѣнныя наблюденія. По Вагнеру (статистику) женскихъ самоубійствъ приходится сто на общую сумму 417 въ Пруссіи, 322 во Франціи и 380 въ Даніи, то-есть отъ 25% до 33% этой суммы; а въ общемъ ростъ числа самоубійствъ съ 1835—44 по 1851—60 годы на долю мужчинъ приходится увеличеніе на 43,8%, на долю же женщинъ лишь 37,9%. Въ своихъ таблицахъ Вагнеръ видитъ „лучшее доказательство того что здѣсь дѣйствуютъ очень общія причины, но никакъ не частныя, связанныя, на примѣръ, съ хозяйственными или нравственными состояніями среды въ которой живутъ мужчины“. Отсюда Вагнеръ заключаетъ что самоубійство въ женщинѣ есть вообще нѣчто болѣе противоестественное чѣмъ въ мужчинѣ. * Сравнительная сила и ясность инстинкта самосохраненія у женщины слишкомъ часто и ярко сказываются и въ мелочахъ и въ крупномъ, для всякаго безпристрастно наблюдавшаго въ этомъ отношеніи женщину; выражаются они и въ такихъ, не требующихъ особыхъ наблюденій какъ общеизвѣстные, фактахъ, какъ на примѣръ большая робость женщины и меньшая склонность ея къ разнаго рода истощающимъ и разрушающимъ организмъ излишествамъ, являющимся у мужчины одною изъ наиболѣе общихъ причинъ преждевременной дряхлости, сумашествія (особенно въ рѣдкой у женщинъ формѣ общаго паралича) и т. л. Сила и ясность этого инстинкта должны считаться въ числѣ причинъ того что на примѣръ мужчинъ сходящихъ съ ума вообще больше чѣмъ женщинъ, и что женщина, въ среднемъ, живетъ долѣе мужчины. Особенности ея организаціи предоставляютъ въ ея распорядженіе и лучшія, *болѣе*

* Wagner Ueber die Gesetzmässigkeit in den scheinbar etc. p. 23.

точныя, средства распознавать указанія этого пункта: она гораздо лучше и точнѣе мужчины знаетъ объ измѣненіяхъ въ состояніи своего тѣла. Общее настроеніе у нея, какъ мы уже говорили, сравнительно легко и быстро измѣняется, а органическія чувства у нея опредѣленнѣе и сильнѣе по тону. Поэтому не удивительно что другой Вагнеръ (знаменитый фізіологъ) замѣтилъ что женщины часто превосходятъ всякую мѣру точности въ описаніи безлокающихъ ихъ страданій. * Оно и не можетъ быть иначе, если въ жизни женщины сравнительно большее значеніе имѣютъ родовые (чисто жизненные) процессы, тогда какъ сила мужскаго организма значительною частью своею уходитъ на дѣятельности *отъ* организма, естественно имѣющія болѣе рѣзко выраженный *индивидуальный* характеръ. Отсюда видна истинность того, очень стараго взгляда, по которому „женщина по натурѣ своей первоначальнѣе, ближе къ основному *типу* чловѣка, отъ котораго мужчина составляетъ нѣсколько одностороннее уклоненіе“. ** Индивидуальность никогда не достигается женщиной въ той же стелени какъ мужчиной, и это одинаково вѣрно какъ относительно физической, такъ и относительно нравственной стороны ихъ. Мы далѣе увидимъ, какъ въ нравственной области женщина является выразительницей *улынаго и общаго типа чловѣчности*, равномерно и согласно проявляя всѣ его черты, тогда какъ всякій мужчина представляетъ болѣе или менѣе одностороннее, исключительное развитіе одной изъ этихъ чертъ въ ущербъ другимъ. Здѣсь же указываемъ на соотвѣтствіе этому физической стороны половъ. Самыя волнообразныя, мягкія формы женскаго тѣла не допускаютъ такой точной опредѣленности, такихъ рѣзкихъ различій между женщинами, какъ угловатыя, рѣзкія формы тѣла мужчины; женщины вообще болѣе *сложны* между собой и по вѣшности и по характеру чѣмъ мужчины, отъ чего, какъ вѣрно замѣтилъ профессоръ Шкляревскій, и такъ рѣдко удаются живыя художественныя изображенія женскихъ характеровъ сравнительно съ мужскими. Въ особенности характерно эта слабость индивидуализаціи у женщины проявляется въ половомъ подборѣ. Кантъ въ своей *Антропологиі* совершенно вѣрно указываетъ на то что при выборѣ, имѣющемъ

* *Общая патологія*, стр. 24.

** Шкляревскій l. c., стр. 22.

здѣсь мѣсто, индивидуальныя вкусы и склонности, играющіе у мужчинъ первостепенную роль, у женщины отступаютъ на второй планъ. Еще очевиднѣе это у животныхъ, гдѣ самка выжидаетъ исхода борьбы для того чтобъ отдаться побѣдителю,—часто самому злому, старому и изуродованному въ прежнихъ поколѣніяхъ изъ самцовъ. Справедливо, поэтому, находитъ Фолькманъ фонъ - Фолькмаръ что наибольшее значеніе въ характеристикѣ половъ должно придавать тому что въ душевной жизни мужчины преобладаетъ характеръ болѣе опредѣленнаго, рѣзко выраженнаго, тогда какъ въ женской преобладаетъ неопредѣленное родовое; различіе, которое имѣлъ въ виду уже Аристотель, опредѣляя отношеніе между полами какъ отношеніе матеріи и формы. Природа вездѣ ясно показываетъ значеніе женщины какъ представительницы и хранительницы рода. Разные роды скрещеній въ мірѣ растеній, животныхъ и людей, давно уже доказывали что не отцу, а матери предоставлена способность передавать характеристическій типъ потомству. Въ Америкѣ и на островахъ Южнаго Океана, по замѣчанію Вундта, туземцы на женщину смотрятъ какъ на представительницу рода, и только родство по женской линіи считаютъ дѣйствительнымъ родствомъ. Въ новое время и наука, отрекшись отъ стараго заблужденія (будто женщина въ генетическомъ процессѣ играетъ только пассивно-воспринимающую роль), на сторонѣ котораго стоялъ еще Прудонъ, пришла къ тому же результату, признавъ что зародышъ вырабатывается въ организмъ матери, и только оплодотворяется отцомъ. Все это до того громко говоритъ о естественномъ назначеніи женщины что невольно приходится на мысль: когда сама естественная представительница и хранительница рода повидимому возмущается противъ этого своего призванія, то не указываетъ ли это на „начало конца“, на то что и родъ уже усталъ и утратилъ силу жить дольше?! И такое пессимистическое заключеніе не было бы совершенно произвольнымъ еслибы по счастью значеніе самаго факта возмущенія не ослаблялось тѣмъ обстоятельствомъ что оно *искусственное*, что агитація его исходитъ не отъ женщины.

Въ заключеніе этого краткаго, но достаточнаго для нашей задачи очерка, замѣтимъ еще разъ что было бы большою ошибкой думать, будто указанная нами особенности женской организаціи имѣютъ примѣненіе лишь къ женщинамъ уже

дѣйствительно сдѣлавшейся женою и матерью. Онѣ опредѣляютъ физико-психическую судьбу *всякой* женщины и *во всякомъ положеніи*, уже потому что женщина и рождается и умираетъ съ организаціей предназначенною для материнства. Была ли женщина женою и матерью или нѣтъ,—процессы кровотоворенія и питанія у нея все-таки энергичнѣе нѣмъ у мужчины, а дыханіе и трата живой силы въ организмѣ слабѣе, кивчатки и пластическихъ железъ больше, а мускульной ткани меньше, выработка ящъ и соотвѣтствующія кровоизліанія не исчезаютъ, а впечатлительность и раздражительность, со всѣми ихъ послѣдствіями, не уменьшаются: женщина остается женщиной. Поставивъ женщину искусственно въ не соотвѣтствующія ея организациі условія, потребовавъ отъ ея организма свойственныхъ только мужскому организму работъ, и развивая въ немъ необходимыя для этихъ работъ формы живой дѣятельности, мы только можемъ въ нѣкоторой мѣрѣ отвлечь силы женщины отъ ихъ естественной органической задачи, ослабить въ ней кровотовореніе, кладку яичекъ, образованіе пластическихъ железъ и т. п., но не дадимъ ей мужской организациі, мужскихъ формъ дѣятельности; мы только *искалчили* ее, мать всѣхъ градущихъ поколѣній. Любопытно въ этомъ отношеніи свидѣнія сообщаемыя Дж. Гейтомъ (*Знаніе* 1871 года мартъ) о вырожденіи женщины въ нѣкоторыхъ штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ женщины ведутъ ту же лихорадочно дѣятельную общественную и экономическую жизнь, какъ и мужчины. Изъ статистическихъ таблицъ населенія видно что уже съ 1810 по 1850 годъ произошло уменьшеніе на 10% въ воспроизведеніи коренной расы поселенцевъ. У живущихъ теперь потомковъ ихъ число смертности превышаетъ число рожденій... Это вырожденіе Англо-Американцевъ характеризуется слѣдующими признаками, между прочимъ: увеличеніе роста, отсутствіе полноты, недостатокъ въ развитіи системы железъ, преимущественно у женщинъ которыя перестаютъ рожать дѣтей уже въ молодости. Не трудно видѣть въ этихъ чертахъ отклоненія отъ очерченныхъ выше существенныхъ особенностей женской организациі, и причины этого отклоненія ясно говорятъ сами за себя. У сосѣдей Канадцевъ (особенно плодovitыхъ, при спокойной домашней жизни ихъ женщинъ), нѣмецкихъ поселенцевъ сѣверныхъ штатовъ, при „незнающей покоя, неудовлетворенной, жгучей, борющейся энергіи ихъ, уже не

замѣчается той быстроты размноженія; а еще южнѣе, гдѣ условия во всякомъ случаѣ болѣе благоприятны, плодовитость Англо-Саксовъ, ведущихъ крайне дѣятельную жизнь, ниже средней плодовитости. "Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ несоотвѣтствующія условия жизни могутъ ослабить способность женщины къ материнству, но лишить ея организаціи предназначенной для материнства они не могутъ. Черты женственности, особенности этой организаціи проявляются гораздо ранѣ дѣятельнаго материнства и исчезаютъ много спустя послѣ того какъ исчезла возможность материнства; и только въ очень раннемъ или очень драхломъ возрастѣ половыя различія, по видимому, теряютъ существенное значеніе. Дѣятельное материнство въ этомъ отношеніи даетъ лишь естественный исходъ силамъ заложеннымъ въ организаціи и способствуетъ ея полному, здоровому развитію. Повторимъ здѣсь слова того медика на котораго ссылался еще Легуве: „женщина никогда не носившая въ себѣ человѣческаго созданія остается существомъ и неполнымъ и пораженнымъ часто болѣзненною слабостью. Для женщины еще недостаточно быть любовницей и супругой, нужно быть и матерью... Тѣло женщины только въ трудахъ беременности находить всю свою мощь развитія. Даже кормленіе грудью, это тяжелое отправление, возраждаетъ органы которые оно должно бы по видимому истощать: грудь расширяется, плечи раскрываются, голова возвышается на болѣе гибкой и сильной шеѣ“ *.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

И. АСТАФЬЕВЪ.

* Легуве: *Исторія нравственнаго положенія женщины*, стр. 240.

ДѢЛА О МОСКОВСКИХЪ СТАРООБРЯДЦАХЪ

ЧЕТВЕРТЬ ВѢКА ТОМУ НАЗАДЪ

Въ концѣ царствованія Николая I и въ началѣ царствованія Александра II, занималъ должность московскаго военнаго генераль-губернатора генераль-адъютантъ графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій. Въ качествѣ главнаго начальника древней русской столицы, графъ Закревскій по необходимости долженъ былъ войти въ такія или иныя отношенія къ московскимъ старообрядцамъ, имѣвшимъ здѣсь богатыя кладбища: едосѣевское Преображенское и лоловщинское Рогожское, которыя служили центрами безполовщинскаго и лоловщинскаго раскола для всей Россіи. Поэтому отношенія графа Закревскаго къ московскимъ старообрядцамъ могли имѣть не только мѣстное, но и общее государственное значеніе. Объ отношеніяхъ графа Закревскаго къ московскимъ раскольникамъ доселѣ имѣлись только смутныя свѣдѣнія, основанныя на анекдотическихъ разказахъ и темныхъ слухахъ. Извѣстно только что графъ Закревскій оказывалъ покровительство старообрядцамъ, ходатайствовалъ за нихъ и боролся съ Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и Святѣйшимъ Синодомъ. Сохранился

цѣлый рядъ всеподданнѣйшихъ записокъ, мнѣній и представлений его въ пользу московскаго раскола, которыя повели къ значительному измѣненію правительственной системы дѣйствій по отношенію къ раскольникамъ. Колии этихъ записокъ и относящихся къ нимъ бумагъ сохранились въ архивѣ С.-Петербургскаго митрополита Григорія, поступившемъ въ 1880 году въ Церковно-Археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи. Этими документами и пользовался авторъ настоящей статьи. Служа не маловажнымъ матеріаломъ для исторіи раскола въ Москвѣ, они вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ внутреннюю исторію происхожденія системы дѣйствій какой слѣдовало правительству по отношенію къ раскольникамъ въ прошедшее царствованіе. Мы постараемся изобразить дѣятельность графа Закревскаго, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ будемъ пользоваться, кромѣ архива митрополита Григорія, и нѣкоторыми печатными источниками.

I.

Въ концѣ 1846 года, С.-Петербургскій секретный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ и отступникахъ отъ православія, „разсуждая о предположеніяхъ генералъ-адъютанта Строганова касательно пресѣченія сводныхъ браковъ между раскольниками Пермской губерніи и признавая что дѣло это имѣетъ связь съ вопросомъ о раскольникахъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ“, находилъ что, прежде принятія какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ въ отношеніи къ пермскимъ раскольникамъ, необходимо изыскать средства къ сближенію прихожанъ Рогожскаго кладбища съ единовѣрцами; ибо, за сдѣланными распоряженіями о недозволеніи имъ принимать вновь бѣглыхъ половъ, у нихъ оставалось таковыхъ только два. Посему комитетъ полагалъ предложить Московскому совѣщательному комитету обсудить вопросъ: какія мѣры удобнѣе, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, принять для сближенія рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковью и прелоданія имъ духовныхъ требъ, въ случаѣ выбытія состоящихъ нынѣ у нихъ половъ. Въ слѣдствіи С.-Петербургскій комитетъ препроводилъ въ таковой же Московскій для совокулнаго рассмотрѣнія извлеченія

изъ представленийъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ о такъ-называемыхъ сводныхъ бракахъ между раскольниками, и наконецъ, согласно постановленіямъ своимъ удостоеннымъ высочайшаго утвержденія, передалъ на обсужденіе Московскаго комитета предложенія о раскольникахъ генераль-губернаторовъ Головина и Кокоткина *. „Въ 1848 и 1849 годахъ происходили о семъ предметѣ разсужденія въ Московскомъ секретномъ совѣщательномъ комитетѣ. Мнѣнія раздѣлились. Три члена полагали дать рогожскимъ раскольникамъ священниковъ зависящихъ отъ гражданскаго начальства. Одинъ членъ полагалъ что нужно дать раскольникамъ священниковъ, но что условіе независимости ихъ отъ духовнаго начальства несообразно съ іерархическимъ порядкомъ и можетъ послужить къ утвержденію и умноженію раскола. Одинъ членъ полагалъ что необходимо предоставить имъ священниковъ, но на какихъ условіяхъ,—не пріемлетъ на себя изложить свое мнѣніе. Одинъ членъ полагалъ что дать раскольникамъ священниковъ отъ гражданскаго начальства не было бы ни правильно, ни полезно **.“ Последнее мнѣніе принадлежало Московскому митрополиту Филарету, а представителемъ перваго мнѣнія былъ графъ Закревскій, недавно назначенный генераль-губернаторомъ въ Москву.

Въ запискѣ своей отъ 29 марта 1848 года, митрополитъ Филаретъ писалъ что для противодѣйствія своднымъ раскольничьимъ бракамъ достаточно Положенія 28 ноября 1839 года о непризнаніи такихъ браковъ дѣйствительными, о преданіи законной отвѣтственности сведителей и сведенныхъ и о приглашеніи послѣднихъ къ облегчителному приведенію въ законный порядокъ брака вѣнчаніемъ въ церкви, лишь бы это положеніе исполнялось со строгою точностію. Что же касается мѣръ для сближенія рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковію, то обзорѣніе мѣстныхъ обстоятельствъ показываетъ что московскіе раскольники особенно недоступны вразумляющему дѣйствію духовенства. „А сего причиною надлежитъ полагать особенный видъ самостоятельности,

* Мнѣніе графа Закревскаго „о такъ-называемыхъ раскольничьихъ бракахъ и раскольникахъ вообще“, 6 февраля 1849 года, л. 22.

** Записка митрополита Филарета „о домогательствѣ раскольниковъ имѣть священниковъ отъ гражданскаго начальства“, 1857 года, л. 5.

который въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія умѣлъ придать себѣ московскій расколъ и продолжаетъ сохранять донынѣ. "Здѣсь разумѣлось цвѣтущее состояніе Преображенскаго и Рогожскаго кладбищъ въ Москвѣ, особенно въ концѣ царствованія Александра I. „Въ царствованіе благочестивѣйшаго государя императора Николая Павловича, пишетъ митрополитъ Филаретъ, на расколъ вообще и въ особенности на московскія раскольническія кладбища обращенъ провинцательный взоръ; но прошедшимъ временемъ затруднено дѣйствованіе въ настоящемъ. Привычка московскихъ расколоводителей поступать съ самонадвіаніемъ мимо закона и установленнаго порядка продолжается и имѣетъ свои выраженія частію постоянныя, частію временныя, которыя должны сильно дѣйствовать на многолюдство. Законъ запрещаетъ оказательства раскола и на семъ основаніи не допускаетъ чтобы раскольническія часовни имѣли главы, кресты и колокола. Но Рогожское и Преображенское кладбища не допускаютъ сего закона въ свои ограды и показываютъ столицѣ на своихъ моленныхъ высокія главы и кресты и даютъ слышать звукъ своихъ колоколовъ, которые на Рогожскомъ такъ велики что иногда преждевременнымъ благовѣстомъ производятъ замѣшательство въ благовѣствѣ при православныхъ московскихъ церквяхъ. Въ 1844 году открыты на Преображенскомъ кладбищѣ такъ-названныя отеческія наставленія и преданіе отца Сергія, изъ коихъ послѣднее писано при настоятелѣ Семенѣ Кузмичѣ и полечителѣ Алексѣѣ Никифоровчѣ въ лѣто 1842, а первыя даже подписаны Алексѣемъ Никифоровымъ и заключаютъ въ себѣ разрушительное для общества и для нравственности ученіе, начиная отъ главнаго положенія что съ 1666 года установленная Богомъ царская власть упразднися. Тогда же открыта подлинная отъ старшинъ того же кладбища за подписью и печатью грамота данная наставнику опредѣленному ими въ иной городъ, иной губерніи. Сей послѣдній актъ обличаетъ организуемое преображенскими раскольниками управленіе простирающее власть свою не только даже Москвы, но и даже предѣловъ губерніи. Обстоятельство что, послѣ облечения сихъ незаконностей, облеченныя продолжаютъ оставаться въ покоѣ начальствующими и дѣйствующими, естественно должно увеличивать ихъ надежду на себя и надежду многолюдства на нихъ. Мысль чтобы Преображенское кладбище, признанное только въ качествѣ

богадѣннаго дома, постепенно освобождать отъ характера раскольническаго и приближать къ общему характеру человѣколюбивыхъ заведеній и такимъ образомъ сдѣлать оное доступнымъ православію, взятая лѣтъ за восемь предъ симъ, въ теченіе сего времени не подвинулась къ исполненію ни на шагъ. И несмотря на происшедшую въ минувшемъ году перемѣну зависимости сего кладбища, оно продолжаетъ сохранять исключительный раскольническій характеръ, несмотря и на то что бывшая въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго года въ Москвѣ эпидемическая болѣзнь давала особенный случай освободить оное отъ раскольнической нетерпимости и хотя отчасти обратить къ первоначальному назначенію. Мѣсто выпрошенное у начальства во время чумы для чумной больницы, и во время холеры не сдѣлалось мѣстомъ холерной больницы. Преображенскіе раскольники своимъ иждивеніемъ учредили такую больницу въ ближней части города, а Преображенскій богадѣленный домъ и въ сіе время сохранилъ неизмѣнно характеръ раскольническаго монастыря. Въ 1846 и 1847 годахъ отъ Австрійской границы до Сибири распространились между раскольниками постепенно вѣсти что буковинскіе раскольники получили себѣ особаго архіерея изъ Грековъ, что онъ рукоположилъ другаго архіерея собственно изъ раскольниковъ, что имъ же рукоположенный раскольническій архимандритъ Геронтій пріѣзжалъ къ московскимъ раскольникамъ и получилъ отъ нихъ денежныя пособія, что московскіе раскольники посылали отъ себя двухъ депутатовъ для дознанія о семъ архіерей, которое не одну могло имѣть цѣль, какъ принятіе отъ него рукоположенія. Событія сіи вредны, потому что поднимаютъ духъ раскола, колеблютъ умы единовѣрцевъ и останавливаютъ раскольниковъ на пути къ единовѣрцію, и могутъ сдѣлаться еще вреднѣе, если будетъ имъ получено продолжать свой ходъ.

„Такое обозрѣніе мѣстныхъ обстоятельствъ раскола въ Москвѣ приводитъ къ заключенію что для сближенія рогожскихъ раскольниковъ съ православною церковію первыхъ мѣръ искать должно въ томъ чтобы поколебать въ нихъ мысль о такой самостоятельности и неприкосновенности ихъ общества, которая позволяетъ имъ беззаботно уклоняться отъ исполненія законовъ и дѣйствовать въ нарушеніе оныхъ съ надеждою венаказанности. Вслѣдъ за симъ полезными мѣрами быть могутъ: 1) учрежденіе при Московской архіерейской

каедрѣ двухъ особыхъ священнослужителей изъ монашества или блага духовенства, съ причисленіемъ ихъ, смотря по обстоятельствамъ, къ монастырю или къ единовѣрческой церкви, и съ приличнымъ содержаніемъ, для употребленія ихъ въ качествѣ миссіонеровъ; 2) образованіе построенной по близости Рогожскаго кладбища единовѣрцами покойными купцами Бабкиными церкви съ домами въ единовѣрческой монастырѣ; 3) призваніе для опыта бывшего на Рогожскомъ кладбищѣ, потомъ присоединившагося къ православнои церкви и нынѣ служащаго у единовѣрцевъ Черниговской епархіи священника Александра Арсеньева, который, по прежней службѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, имѣлъ многихъ значительныхъ раскольниковъ духовными дѣтьми и пользовался ихъ уваженіемъ и потому съ надеждою можетъ дѣйствовать для сближенія ихъ съ православною церковію.

„Но еслибы даже и не имѣли успѣха эти мѣры, то во всякомъ случаѣ не должно ослаблять силы закона въ пользу раскольниковъ и возвращаться къ свисходительнымъ правиламъ 1822 года о дозволеніи раскольникамъ имѣть бѣглыхъ половъ; потому что такая мѣра была бы въ противорѣчій какъ съ церковными правилами, такъ и съ гражданскимъ закономъ и съ постоянствомъ и твердостью правительственнаго дѣйствованія, и потому что она сопровождалась бы болѣе опасностію вреда, нежели надеждою пользы. Твердость оказанная правительствомъ противъ раскола съ 1827 года приобрѣла церкви около 200.000 единовѣрцевъ. Новая уступка расколу, безъ сомнѣнія, остановитъ сіи успѣхи и даже можетъ поколебать единовѣрцевъ недовольно утвердившихся: уже и теперь есть случаи въ которыхъ православный болѣе затрудненъ нежели раскольникъ. Напримѣръ, раскольникъ совершаетъ бракъ не заботясь о разобраніи родства, о познаніи совершеннолѣтія, о выжиданіи дней губликаціи, о формальностяхъ обыска, о выборѣ дня брака по церковнымъ правиламъ. Мѣры употребляемыя правительствомъ въ отношеніи къ раскольникамъ, не преслѣдованіе ихъ, но ограниченіе силою общихъ законовъ, приглашеніе къ единовѣрцію, представленіе облегчительнаго способа совершать браки въ церкви, оставляютъ желать только приложенія оныхъ проищательнаго, вѣрнаго и тщательнаго.“ *

* Мнѣніе митрополита Филарета о сводныхъ бракахъ, 29 марта 1848 года.

Несмотря на эту записку митрополита Филарета, Московскій совѣщательный комитетъ, въ засѣданіи 29 мая 1848 года, признавая трудность разсматриваемаго предмета, положилъ имѣть дальнѣйшее разсужденіе впредь и особенно по вопросу, не надобно ли дозволить раскольникамъ поповщинскаго толка имѣть независимыхъ отъ духовнаго начальства священниковъ, и для сего войти съ раскольниками Рогожскаго кладбища въ секретное сношеніе. * Узнавъ объ этомъ постановленіи, Рогожскіе раскольники подали въ 1849 году просьбу о томъ чтобы имъ позволено было избирать изъ заштатныхъ или многоштатныхъ приходовъ и изъ находящихся на локоѣ священниковъ для отправления таинствъ. ** Имѣя въ виду эту просьбу, графъ Закревскій 6 февраля 1849 года вошелъ въ Московскій совѣщательный комитетъ запиской, въ которой, сдѣлавъ обзоръ существующихъ узаконеній и правительственныхъ дѣйствій по отношенію къ расколу, находилъ ихъ шаткими и не цѣлесообразными и предлагалъ свои способы къ усложненію раскольниковъ. „Обращая взоръ и вниманіе на прошедшее и обозрѣвая весь рядъ предположеній, дѣйствій и постановленій правительства въ отношеніи къ раскольникамъ приемиющимъ священство, въ продолженіи цѣлой четверти вѣка, лишетъ Закревскій, дѣлается яснымъ слѣдующее: 1) строгія преслѣдованія, а наконецъ повсемѣстное почти уничтоженіе бѣглыхъ половъ нимало не содѣйствовало достиженію предполагаемой правительствомъ цѣли сближенія сихъ раскольниковъ съ православіемъ или по крайней мѣрѣ съ единовѣрческою церковію; 2) мѣры эти возбуждѣвъ въ невѣжественномъ понятіи раскольниковъ оласное чувство фанатизма еще болѣе утвердили ихъ въ заблужденіи; 3) руководимые фанатизмомъ и потому упорствуя противу тѣснѣющей ихъ силы, раскольники предпочли вновь возникшее лжеученіе, убѣдившее ихъ въ возможности при совершеніи браковъ обходиться безо всякихъ религиозныхъ обрядовъ, сближенію съ православіемъ.“ Если же мѣры строгости и преслѣдованій по отношенію къ раскольникамъ приемиющимъ священство не только не привели никакой пользы, но и породили новое лжеученіе о

* Его же мнѣніе о томъ же предметѣ, 10 октября 1849 года, л. 70.

** О подачѣ этой просьбы говоритъ митрополитъ Филаретъ въ отношеніи своемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 21 сентября 1855 года, за № 104.

сводныхъ бракахъ, то „первымъ дѣйствиємъ правительства къ уничтоженію сводныхъ браковъ должно быть обращеніе къ терпимости, изъясненной въ высочайшемъ постановленіи 26 марта 1822 года. Это будетъ полезно не только въ политическомъ и гражданскомъ, но даже и въ религіозномъ отношеніи: ибо, содѣйствуя первоначально къ обращенію послѣдователей новаго лжеученія къ раскольникамъ пріемлющимъ священство, мѣра эта поведетъ ихъ постепенно и вмѣстѣ съ сими послѣдними къ сближенію съ православіемъ посредствомъ дарованія имъ поповъ, независимыхъ отъ духовнаго начальства, о чемъ просятъ рогожскіе раскольники.“

Нынѣ, указывалъ графъ Закревскій, у раскольниковъ Рогожскаго кладбища остаются только два престарѣлые пола. Съ выбитіемъ и этихъ половъ, раскольники поставлены будутъ въ то положеніе которое приблизитъ ихъ къ необходимому и неизбѣжному переходу къ православію или къ единовѣрію или же къ отрицанію всѣхъ религіозныхъ обрядовъ и къ своднымъ бракамъ. На первое, по мнѣнію Закревскаго, судя по предшествовавшему 25лѣтнему опыту, нѣтъ надежды, а второе вовсе не желательно. Единственно вѣрнымъ средствомъ первоначально къ удержанію рогожскихъ раскольниковъ отъ присоединенія ко лжеученію, а въ послѣдствіи къ постепенному и несомнительному обращенію ихъ въ нѣдра православной церкви Закревскому представлялось дарованіе имъ священниковъ, зависимыхъ отъ гражданскаго начальства, а не отъ духовнаго. „По тщательно собраннымъ мною свѣдѣніямъ, пишетъ Закревскій, я имѣю причины быть увѣреннымъ что старѣйшины Рогожскаго кладбища согласны будутъ на принятіе священниковъ и діаконовъ, кои пожелаютъ поступить къ нимъ добровольно отъ приходовъ или изъ находящихся за штатомъ и которые не состоятъ ни подъ судомъ, ни подъ запрещеніемъ. О такихъ священникахъ и діаконахъ они обязаны будутъ каждый разъ доносить московскому военному генералъ-губернатору для надлежащаго сношенія съ духовнымъ начальствомъ; въ случаѣ же совершенія какихъ-либо преступленій, духовныя лица сіи должны подлежать суду нашей іерархіи. Затѣмъ единственное желаніе старѣйшинъ состоитъ въ томъ чтобъ опредѣляемые такимъ образомъ къ нимъ священники во все время служенія своего и доколѣ они не совершили какихъ-либо преступленій состояли въ вѣдомствѣ гражданскомъ, а не духовномъ... Уступка эта будетъ

имѣть тотъ результатъ что масса раскольниковъ, пріобыкшая донныѣ видѣть въ бѣглыхъ пологахъ своихъ пастырей, независимыхъ отъ духовной іерархіи нашей, постепенно будетъ привыкать къ той мысли и къ тому убѣжденію что она не можетъ имѣть другихъ священниковъ кромѣ тѣхъ которые будутъ опредѣляемы съ вѣдома и согласія начальства, а случаи подсудности убѣдятъ современемъ массу раскольниковъ и въ томъ что священники ихъ не изъемятся и отъ подчиненности духовной власти нашей... Мнѣніе, будто раскольники лоповщинскаго толка, принимая къ себѣ бѣглыхъ половъ, подвергаютъ такъ-называемому переставу, заключающемуся въ проклинаніи уставовъ православной церкви, не подтверждается достаточными фактами.“

„Таковы предположенія мои, продолжаетъ Закревскій, относительно средствъ къ сближенію съ православіемъ рогожскихъ въ Москвѣ раскольниковъ. Если предположенія эти сочтены будутъ заслуживающими вниманія, то приступить къ исполненію оныхъ должно не иначе какъ чрезъ предоставленіе московскому военному генераль-губернатору войти въ предварительное секретное совѣщаніе съ нѣкоторыми изъ старѣйшинъ кдадбища. Совѣщаніе это должно имѣть видъ совершенно частный.“

„Рѣшая этотъ важный вопросъ, не должно опускать изъ виду и того что въ концѣ 1846 года, въ предѣлахъ нашего отечества, въ Буковинѣ, образовалась между тамошними русскими переселенцами раскольничья іерархія, обязанная своимъ существованіемъ преимущественно проискавъ нашихъ лоповщинскихъ раскольниковъ и поддерживаемая ихъ средствами. Хотя, сколько мнѣ извѣстно, по сношенію правительства съ Австрійскимъ дворомъ, явившійся въ Бѣлокриницкомъ раскольничьемъ монастырѣ греческій архіерей удаленъ оттуда, но онъ успѣлъ рукоположить епископа и священниковъ изъ мѣстныхъ раскольниковъ, а чрезъ то отдалилъ на долгое время сближеніе раскольниковъ съ православною и единовѣрческою церквами. Не подвержено никакому сомнѣнію что наши лоповщинскіе раскольники находятся въ тайныхъ сношеніяхъ со своими единомышленниками въ Буковинѣ и можетъ-быть получаютъ отъ нихъ половъ. А потому смѣю думать что при теперешнемъ опасномъ броженіи умовъ за границей правительству надлежитъ неопустительно принять всѣ нужныя мѣры чтобъ

отнять у раскольниковъ даже всякую надобность въ подобныхъ сношеніяхъ предоставленіемъ имъ необходимыхъ удобствъ и возможности исправлять ихъ духовныя требы.

„Но еслибы по какимъ-либо уваженіямъ предлагаемая мною мѣра была отклонена, то, имѣя въ виду приближающійся кризисъ вышшняго переходнаго положенія рогожскихъ раскольниковъ, и для предупрежденія склоненія ихъ на луть вознишкаго лжеученія, равно какъ и для разрѣшенія вопроса о средствахъ къ преподанію раскольникамъ этимъ духовныхъ требъ въ случаѣ выбитія состоящихъ нынѣ у нихъ поповъ, я не нахожу другаго слособа какъ только того чтобы правительство рѣшилось безъ потери времени возвратиться къ терлимости и снисхожденію, изъявленнымъ въ высочайшемъ повелѣніи 26 марта 1822 года.

„Въ заключеніе, отклоняя въ сторону религіозный вопросъ и взирая на этотъ предметъ исключительно съ политической и гражданской точки зрѣнія, говоритъ Закревскій, я долгомъ считаю обратить вниманіе правительства на то что въ наше время, когда къ несчастію мы видимъ что безвѣріе, буйство и крамольное своеволие необузданныхъ страстей волнуютъ умы сопредѣльныхъ намъ народовъ, когда лагубныя ученія, быстро разливаясь, разрушительно дѣйствуютъ на вѣковыя политическія и гражданскія условія обществъ, когда и стройность порядка благодѣтельнаго единства власти и священныя права семейства и собственности замѣняются искаженными установленіями безначалія и коммунизма, не должно, по мнѣнію моему, въ мирномъ отечествѣ нашемъ приступать къ мѣропріятіямъ возбуждающимъ тревогу совѣсти въ религіозныхъ ощущеніяхъ и чувства опасенія и недовѣрчивости въ сердцахъ пріобыкшихъ къ повиновенію, любви и преданности къ хранящей ихъ власти; ибо это было бы преступнымъ приготовленіемъ элементовъ къ лагубному нарушенію существующаго порядка и внутренняго спокойствія.“*

По поводу постановленія Московскаго совѣщательнаго комитета 29 марта 1848 года и записки графа Закревскаго, митрополитъ Филаретъ вошелъ въ этотъ комитетъ съ новою запиской, которая и прочитана была здѣсь въ засѣданіи 10 октября 1849 года. Въ этой запискѣ онъ доказываетъ, волевыхъ,

* Мнѣніе графа Закревскаго „о такъ-называемыхъ сводныхъ раскольничьихъ бракахъ и о раскольникахъ вообще“, 6 февраля 1849 года.

что несообразно съ достоинствомъ законной власти и вредно входить въ договоръ съ раскольническимъ обществомъ, отпадшимъ отъ законной власти и законнаго существованія не имѣющимъ, объ условіяхъ на какихъ оно могло бы принять священниковъ, и въ которыхъ, что не слѣдуетъ давать раскольникамъ священниковъ на предлагаемыхъ условіяхъ. Последняя мысль подтверждается различными соображеніями, направленными косвенно противъ записки графа Закревскаго и нѣкоторыхъ устныхъ сужденій въ комитетъ. Эти соображенія суть слѣдующія: „1) Дать раскольникамъ священниковъ, съ тѣмъ чтобы сіи священники перешли въ расколъ, было бы незаконно и вредно... Не трудно предвидѣть что раскольники втайнѣ будутъ продолжать исправу, которую и нынѣ по возможности не допускаютъ до свѣдѣнія начальства. 2) Но если и предположить возможность устраненія исправы—переходъ священника къ раскольникамъ съ тѣмъ чтобы не быть въ зависимости отъ іерархіи, чтобы зависѣть отъ нихъ и ими быть судиму, чтобы царя не именовать благочестивѣйшимъ или благовѣрнымъ, не есть ли уже переходъ священника въ расколъ? 3) Дать раскольникамъ священниковъ на вышеизложенныхъ условіяхъ нельзя иначе какъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ. 4) Нѣкоторые скажутъ: священникъ можетъ, поступая къ раскольникамъ, не отречься въ сердцѣ отъ іерархіи и отъ церковныхъ правилъ, но только по наружности быть внѣ сношенія съ іерархіей и исполнять обряды раскольниковъ по снисхожденію къ ихъ предразсудкамъ. Это значило бы что священникъ будетъ въ сердцѣ православнымъ, а въ глазахъ раскольниковъ и въ своихъ дѣйствіяхъ раскольникомъ, что онъ будетъ въ положеніи двусмысленномъ и двоедушномъ. Въ 1821 или 1822 годахъ предложено было Петербургскому секретному комитету сдѣлать опытъ—послать къ раскольникамъ искусныхъ священниковъ, которые бы явились между ними не какъ посланные отъ Церкви, но какъ бы пришедшіе къ нимъ по произволу и расположенные быть въ общеніи съ ними, и которые, войдя съ ними въ общеніе и снискавъ ихъ довѣріе, дѣлали бы имъ благопріятныя для православія внушенія. Благонамѣренность сего предложенія уважала комитетъ, и онъ составилъ о семъ опредѣленіе, которое между прочимъ подписано было блаженнаго памяти митрополитомъ Серафимомъ и удостоено утвержденія въ Божѣ почившаго государя императора Александра

Павловича. Но когда митрополиту Серафиму предоставлено было привести сіе въ исполненіе, онъ увидѣлъ что сего нельзя согласить съ церковными правилами и со свойственною служителямъ вѣры искренностью дѣйствования и предложилъ свое затрудненіе комитету. Комитетъ воспріалъ дерзновеніе представить государю императору объ отмѣненіи сдѣланнаго и утвержденнаго опредѣленія, и благочестивѣйшій императоръ на сіе соизволилъ, уважая ненарушимость церковныхъ правилъ и чистоту священнослужительской совѣсти. 5) Дать раскольникамъ священниковъ на вышеизложенномъ основаніи нельзя безъ того чтобы не произвести въ управленіи и въ законодательствѣ залутанностей и затрудненій, не имѣющихъ исхода. Напримѣръ, по правиламъ церковнымъ, священникъ имѣетъ право совершить таинство брака, но власть прекратить дѣйствіе сего таинства, то-есть расторгнуть бракъ, принадлежитъ высшей іерархической степени. Что будетъ въ такомъ случаѣ дѣлать независимый отъ епископа священникъ? 6) Раскольники, получивъ священниковъ, зависящихъ отъ нихъ самихъ и независимыхъ отъ архіереевъ, имѣли бы во многихъ случаяхъ выгоду надъ православными; потому что такіе священники своею зависимою отъ раскольниковъ были бы сильно побуждаемы угождать имъ, съ пренебреженіемъ церковныхъ правилъ и законовъ, къ чему вело бы и отсутствіе надзора отъ духовной власти. 7) Если приведенныя доказательства защищаемого мною мнѣнія справедливы, каковыми они должны быть какъ основанныя на церковныхъ правилахъ и законахъ, то необходимо заключить что доказательства противоположнаго мнѣнія могутъ быть только благовидны, а не строго справедливы, потому что два противоположныя мнѣнія не могутъ оба вмѣстѣ быть справедливы. 8) Раскольники стремясь къ неограниченной свободѣ дѣйствования, стараются всякое ограниченіе ихъ дѣйствій представить въ видѣ притѣсненія и гоненія, и терпимость, не оберегаемая справедливостью, можетъ склониться на сей образъ возрѣнія. Но если смотрѣть со стороны справедливости, то возбуждающее жалобы дѣйствование правительства на раскольниковъ очень далеко отъ того что въ древнія времена называли гоненіемъ. Это, или укрощеніе мятежа, или неизбѣжное охраненіе закона, или защищеніе господствующей церкви отъ сдѣланнаго на нее нападенія, или укрощеніе своевола

раскольниковъ и т. п. 9) Избыточествующая терлимость можетъ въ слишкомъ большомъ размѣрѣ приложить къ настоящему дѣлу то неотрицаемое правило что въ дѣлахъ вѣры и совѣсти всякое принужденіе должно быть устранено. Сводъ Законовъ назначилъ приложенію сего правила справедливыя предѣлы. Предоставленіе же раскольникамъ независимыхъ отъ іерархіи священниковъ принадлежало бы конечно не къ тому что Сводъ Законовъ допускаетъ, а къ тому что онъ запрещаетъ. И если признано что въ дѣлахъ вѣры и совѣсти не должно быть принужденія, то сіе конечно не для однихъ раскольниковъ, но и для православныхъ. А не было ли бы то дѣйствительнымъ принужденіемъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти, еслибы потребовалось отъ православныхъ архіереевъ дать раскольникамъ священниковъ не по всегдашнимъ правиламъ и чину церковному, но вопреки онымъ; еслибы архіереи сдѣлались только поставщиками священниковъ раскольникамъ и исполнителями наказаній надъ священниками которыхъ раскольники найдутъ достойными осужденія? 10) Могутъ представиться политическія соображенія требующія того чтобы по возможности удовлетворить раскольниковъ. Но политическія соображенія требуютъ также и того чтобы предоставленіемъ раскольникамъ вольностей, какихъ не позволяютъ церковныя правила и какихъ не имѣютъ православныя, не нарушить мира церкви и не разстроить духа православнаго народонаселенія; чтобы не благоприятствовать стремленію раскольниковъ образовать изъ себя отдѣльное общество, чтобы не благоприятствовать усиленію господствующаго у раскольниковъ демократическаго духа и проч. 11) Съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, при избыточествующей вѣротерлимости, отпаденія отъ православія вообще умножились и въ особенности расколы половщинскій и безполощинскій возрасли въ числѣ послѣдователей, моленныхъ и раскольническихъ заведеній. Въ настоящее царствованіе, при ограниченіи терлимости справедливою и предосторожною, православіе пріобрѣло отъ раскола, сколько извѣстно по отчетамъ духовнаго вѣдомства, за одиннадцать лѣтъ 182.328 душъ, а всего во всѣ года, конечно, не менѣе 200.000. При предполагаемомъ обезпеченіи раскола священниками, безъ сомнѣнія, вновь умножатся отпаденія, и особенно надлежитъ опасаться что поколеблются единовѣрцы, недавно примиренные съ православною церковью. Будутъ ли умѣренно дѣйствовать

раскольни, уже видно телерь. То о чемъ комитетъ сей нынѣ разсуждаетъ, имъ уже извѣстно; но, получивъ только надежду на дозволеніе принимать священниковъ, они свой выборъ не съ заштатныхъ священниковъ начали, и не съ незнатныхъ церквей, но съ московскаго кафедральнаго Архангельскаго собора. Сакелларія сего собора они пригласили быть священникомъ у нихъ на кладбищѣ.

„Такимъ образомъ возобновленныя изслѣдованія обращаютъ меня къ прежде предложенному мною заключенію что не представляется ни правильнымъ, ни удобнымъ, ни полезнымъ дать раскольникамъ отъ гражданскаго начальства священниковъ независимыхъ отъ начальства духовнаго. Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ отъ знающихъ положеніе раскольниковъ Рогожскаго кладбища, въ значительномъ числѣ ихъ возникаетъ расположеніе, по смерти остающихся священниковъ, сблизиться съ православною церковію на существующихъ донынѣ условіяхъ, и открывается надежда что одни образуютъ на самомъ кладбищѣ единовѣрческую церковь, а другіе присоединятся къ общеправославной церкви. Сельскіе раскольники, приглашаемые къ соединенію съ церковію, также не разъ отзывались что ожидаютъ начатія сего отъ Рогожскаго кладбища. Ничто, по моему мнѣнію, не препятствуетъ правительству продлить свою твердость въ настоящихъ правилахъ его дѣйствованія въ ожиданіи сего недалекаго предѣла времени и употребить стараніе воспользоваться онымъ.“

Въ концѣ своей записки митрополитъ Филаретъ уже прямо цитуетъ нѣкоторыя мѣста записки графа Закревскаго и дѣлаетъ о нихъ свои замѣчанія. Вотъ образецъ оригинальныхъ примѣчаній митрополита Филарета на заключительныя слова Закревскаго о раскольникахъ Рогожскаго кладбища. „Непосвятно для меня что именно значить *приступать къ мѣропріятіямъ возбуждающимъ тревогу совѣсти*, и къ какимъ именно дѣйствіямъ или предположеніямъ относится сіе сильное сужденіе, что *это было бы преступнымъ приготовленіемъ элементовъ къ пагубному нарушенію существующаго порядка*. Но какъ при паденіи гдѣ-либо сильнаго удара и стоящій въ сторонѣ невольнымъ движеніемъ устраняется далѣе, такъ я устраняюсь отъ изложеннаго сужденія, не имѣвъ съ моей стороны несчастія видѣть что-либо близкое къ сему ни

въ мѣрахъ принятыхъ или предполагаемыхъ правительствомъ и начальствами, ни въ разсужденіяхъ о сихъ мѣрахъ.“ *

По свидѣтельству митрополита Филарета, „мнѣнія сіи перенесены были въ С.-Петербургскій секретный комитетъ. Открытыхъ послѣдствій сего не было. Частнымъ образомъ извѣстно было что государю императору Николаю Павловичу угодно было оставить сіе дѣло безъ послѣдствій.“ ** Очевидно однакоже что мнѣніе митрополита Филарета восторжествовало. Мы имѣемъ даже основаніе думать что оно было принято къ свѣдѣнію при непосредственно слѣдовавшихъ затѣмъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно раскола, какъ это увидимъ въ слѣдующей главѣ. Несмотря на то и графъ Закревскій не думалъ сходить съ поля битвы и не пересталъ ходатайствовать за московскихъ раскольниковъ и покровительствовать имъ.

II.

Около 1852 года, министромъ внутреннихъ дѣлъ является Бибиковъ. Новый министръ получилъ въ 1853 году высочайшее повелѣніе „вникнуть ближайшимъ образомъ въ дѣла о расколѣ“. *** По вселоданныѣшему его докладу, государь императоръ, 18 февраля 1853 года, высочайше повелѣть соизволил: составить особый комитетъ изъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника статсъ-секретаря графа Блудова, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода и министра внутреннихъ дѣлъ, поручивъ сему комитету заняться во всей подробности пересмотромъ изготовленнаго уже свода дѣйствующихъ нынѣ постановленій о раскольникахъ и составить основной проектъ правилъ, которыя служили бы на будущее время руководствомъ

* Дополнительное мнѣніе митрополита Филарета о сводныхъ бракахъ, 10 октября 1849 года.

** Записка митрополита Филарета, о „домогательствѣ раскольниковъ имѣть священниковъ отъ гражданскаго начальства“, 1857 года, л. 5. Въ 1850 году Закревскій донесъ даже объ оказательствахъ раскола на Преображенскомъ кладбищѣ. См. *Собр. постановл. по части раскола*, 1857 г., вып. II, стр. 369—370.

*** Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ „О современномъ положеніи раскола и принятыхъ въ отношеніи къ оному мѣрахъ“, 12 марта 1855 года, л. 1.

при всѣхъ административныхъ распоряженіяхъ и въ судебныхъ дѣлахъ до раскола относящихся. И за симъ, представивъ эти основныя правила на высочайшее благоусмотрѣніе, испросить высочайшее повелѣніе о дальнѣйшемъ движеніи которое должно быть дано этому дѣлу. При семъ его величеству благоугодно было повелѣть предварительно свестись съ графомъ Протасовымъ, не нужно ли въ составъ комитета назначить одно лицо изъ духовныхъ. Духовнымъ лицомъ въ особый комитетъ былъ выбранъ Херсонскій архіепископъ Иннокентій. * 24 апрѣля 1853 года было первое засѣданіе этого комитета, который поручилъ оберъ-прокурору Св. Синода и министру внутреннихъ дѣлъ войти въ предварительныя соображенія и предположенія о духовно-нравственномъ дѣйствованіи на раскольниковъ и о постепенномъ подчиненіи ихъ дѣйствию государственныхъ постановленій. ** Оберъ-прокуроръ Св. Синода составилъ записку о томъ „что нужно сдѣлать по дѣлу о раскольникахъ со стороны духовнаго правительства“, которая пересмотрѣна была преосвященнымъ Иннокентіемъ и отчасти исправлена по его указаніямъ. Въ ней предлагаются преимущественно духовно-нравственная мѣра къ воздѣйствованію на раскольниковъ. *** Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ съ своей стороны двѣ записки, изъ коихъ въ первой излагалъ необходимость привести въ настоящую извѣстность современное положеніе раскола чрезъ начальниковъ губерній и чиновниковъ своего вѣдомства; во второй запискѣ, обращаясь къ предположенію о постепенномъ подчиненіи раскольниковъ общимъ государственнымъ постановленіямъ, предварительно обращаетъ вниманіе на то въ чемъ именно состоитъ ихъ нынѣшнее исключительное внѣзаконное положеніе и затѣмъ проектируетъ способы подчиненія раскольниковъ общимъ узаконеніямъ. Мы обратимъ преимущественное вниманіе на

* *Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*, выпускъ II, 1861, стр. 182—183.

** *Журналъ высочайше учрежденнаго комитета для пересмотра существующихъ постановленій о расколѣ*, 23 мая 1853 года. Здѣсь говорится и о предыдущемъ засѣданіи комитета, 24 апрѣля 1853 года.

*** На проектѣ этой записки имѣющемся въ архивѣ митрополита Григорія сдѣланы карандашомъ замѣчанія, писанныя рукою преосвященнаго Иннокентія. Вѣроятно подъ вліяніемъ этихъ замѣтокъ въ самой запискѣ нѣкоторые пункты проекта опущены, другіе измѣнены.

эту послѣднюю записку министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ она послужила въ послѣдствіи для графа Закревскаго исходнымъ пунктомъ для возраженій.

Основная мысль записки министра внутреннихъ дѣлъ та же самая какую высказалъ въ 1848 году митрополитъ Московскій Филаретъ, требовавшій ограниченія произвола раскольниковъ силою законовъ. „Раскольники нарушаютъ общественный порядокъ во многомъ, писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ, а именно: 1) не вписываясь въ метрики, многіе изъ нихъ избѣгаютъ и ревизіи, а чрезъ то уклоняются отъ податей и повинностей, какъ-то рекрутскихъ и другихъ. 2) Самовольно заводятъ сборища, въ которыхъ ненаказанно предаются разврату, укрываютъ дезертировъ и другихъ бѣглыхъ преступниковъ, занимаются дѣланіемъ фальшивыхъ актовъ и т. п. 3) Предаются въ видѣ иноковъ и инокинь бродяжничеству, посредствомъ котораго распространяютъ въ народѣ ненависть къ вѣрѣ и правительству и примѣры безправственности и изуверства. 4) Пользуясь наравнѣ съ православными почетными титулами и участіемъ въ общественной службѣ не подвергаются тѣмъ условіямъ какія установлены для православныхъ, а службу свою употребляютъ во зло, ставя ни во чтѣ святость самой присяги. 5) За преступленія противъ церкви оскорбленіемъ таинствъ ея и духовенства судятся особымъ порядкомъ, который обращаютъ въ свою пользу и выставляютъ чрезъ то свое особое состояніе. 6) Въ составленіи союза семейственнаго и въ разрушеніи его пользуются неограниченнымъ произволомъ, принимая и отвергая по нѣскольку женъ или дѣтей, и если не будетъ постановлено правилъ относительно гражданскихъ послѣдствій отъ браковъ въ половщинской сектѣ, то можно опасаться что между ними установится крайне соблазнительный для православныхъ бракъ гражданскій. 7) Законодательство, направляясь по сектамъ, къ однимъ изъ оныхъ чрезмѣрно строго, къ другимъ снисходительно. Такъ раскольники безполовщинской секты лишены права не только вступать въ кулечество, но даже приписываться къ городамъ; для секты половщинской не постановлено никакихъ ограниченій. Отъ сего происходитъ что безполовщинскіе раскольники или вовсе не причисляются ни къ какимъ сословіямъ, не платятъ податей и состоятъ внѣ общественныхъ условій, или же ищутъ покровительства у секты половщинской, которая чрезъ то получаетъ

новую силу. 8) Для ссылки раскольниковъ по суду за преступленія и выѣздъ съ тѣмъ для добровольнаго ихъ переселенія назначаются одни и тѣ же мѣста: прежде для сего назначена была Сибирь, потомъ Кавказъ. Отъ сего съ соотрѣтателями вновь соединялись тѣ которые безъ нихъ могли бы ослабить въ своихъ заблужденіяхъ; вообще въ раскольникахъ отъ сего еще болѣе усиливалось убѣжденіе что они составляютъ особое общество, особое братство, какъ бы связь родства, уважаемый до того что и ссылка не можетъ разлучить ихъ... Изъ сего слѣдуетъ что подчиненіе раскольниковъ дѣйствию общихъ гражданскихъ постановленій совершенно необходимо какъ для прекращенія безпорядковъ, которые, время отъ времени усиливаясь, могутъ имѣть весьма важныя послѣдствія, гибельныя для множества людей безсознательно вовлекаемыхъ въ эти безпорядки, такъ и для отклоненія прелютствій духовнымъ надзирателямъ церкви. Все сіе надлежитъ ввести и можетъ быть введено безо всякихъ потрясеній, вполне достойнымъ правительства способомъ, такъ чтобы всѣ распоряженія по сему случаю исходили изъ точнаго смысла существующихъ уже законовъ, не имѣя и вида утѣсеній за вѣру.“

Согласно предположеніямъ министра внутреннихъ дѣлъ особый комитетъ въ засѣданіи 23 мая 1853 года проектировалъ слѣдующія мѣры относительно раскола по гражданскому вѣдомству: „1) Привести въ тонамую извѣстность современное положеніе раскола во всѣхъ отношеніяхъ. 2) Въ мѣстахъ гдѣ жительствоуютъ раскольники усилить полицію, возложить на нее между прочимъ и веденіе подворныхъ описей о всѣхъ безъ изъятія жителяхъ, съ локазаніемъ своевременно случаевъ рожденія, брака и смерти и со внесеніемъ въ тѣ же описи и всѣхъ мѣстныхъ раскольниковъ. Это послужитъ къ убѣжденію ихъ въ томъ что они не составляютъ особаго какого-либо сословія, подчиняясь и въ этомъ случаѣ общему порядку. 3) Постепенно упразднить скиты и другія противозаконныя раскольническія сборища безо всякаго исключенія. 4) Для прекращенія бродяжничества, обязать начальства и помѣщиковъ обращать въ семь отношеніи вниманіе на крестьянъ и не дозволить отлучекъ тѣмъ изъ нихъ которые возвращены будутъ изъ скитовъ и окажутся въ какихъ-либо новыхъ безпорядкахъ по расколу. 5) На будущее время не утверждать раскольниковъ

въ зависящихъ отъ общественныхъ выборовъ должностяхъ, въ тѣмъ чтобы въ мѣстахъ гдѣ они составляютъ не менѣе четвертой части народонаселенія исправляющимъ сии должности лицамъ производить, для уравненія повинностей, жалованье изъ сбора съ раскольниковъ, на томъ основаніи на какомъ съ 1847 года введено съ явнымъ уснѣхомъ подобное распоряженіе въ Солонкомъ посадѣ, Покровской губерніи. А какъ сооруженіе и поддержаніе церквей составляетъ важнѣйшую общественную потребность, которая удовлетворяется пожертвованіями и усердіемъ прихожанъ, въ немъ по справедливости должны участвовать и раскольники, то взимать съ нихъ по 1 руб. съ ревизской души въ пользу церкви, въ приходѣ коей они жительствуютъ или ближайшей. 6) Какъ раскольники, не дающіе искренней присяги на вѣрность службы, признаются неспособными къ отправленію общественныхъ должностей, то по сему и по точному смыслу законовъ не удостаивать ихъ на будущее время знаками отличія и почетными титулами и войти въ сношеніе съ министромъ финансовъ касательно того чтобы они принимались въ гильдіи на временномъ правѣ. 7) Дѣла о преступленіяхъ раскольниковъ противу православной церкви обратить къ общему ходу дѣлъ уголовныхъ. 8) По дѣламъ о бракахъ и дѣтахъ раскольниковъ присутственнымъ мѣстамъ требовать представленія метрическихъ свидѣтельствъ, которыя сообщать на предварительное разсмотрѣніе мѣстныхъ духовныхъ начальствъ въ томъ отношеніи, не повѣнчалъ ли бракъ священникомъ дншенинымъ духовнаго сана на преступленія или выходящемъ изъ за границы, и затѣмъ, смотря по отрывамъ духовнаго начальства, поступать на законномъ основаніи. Но вмѣстѣ съ присоединеніемъ раскольниковъ къ церкви признавать законными браки и дѣтей ихъ, согласно съ разрѣшеніемъ послѣдовавшимъ въ 1850 году, приглашая ихъ однакоже освятить свои браки вначаніемъ въ церкви. 9) Переселеніе раскольниковъ въ Закавказскій край теперь же прекратить, ограничась ссылкою въ оныя по суду совратителей, впредь до приготовления всего нужнаго къ исполненію мысли министра внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ ссыльныхъ раскольниковъ на иныхъ основаніяхъ. 10) Всѣ означенныя мѣры вводить постепенно.“

Сии положенія комитета, изложенныя въ журналахъ его, удостоены высочайшимъ утвержденіемъ въ 10 день іюня,

9 іюля и 30 декабря 1853 года... Въ то же время, во исполненіе высочайшаго соизволенія, учреждено при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особое секретное по дѣламъ о раскольникахъ управленіе, къ которому допущено весьма малое число изъ служащихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и по духовному вѣдомству чиновниковъ, заслуживающихъ полное довѣріе по воспитанію, состоянію и положенію въ обществѣ. Съ того времени прекращена агентамъ сектъ всякая возможность проникать въ тайну правительственныхъ распоряженій и имѣть на оныя вліяніе.

Со времени открытія особаго комитета для пересмотра существующихъ постановленій о расколѣ до марта 1855 года сдѣланы были по высочайше утвержденнымъ постановленіямъ сего комитета распоряженія: „1) О неудостоеніи раскольниковъ почетными титулами и знаками отличія; 2) о порячкѣ производства дѣлъ относительно браковъ между ними; 3) касательно обращенія дѣлъ объ ихъ преступленіяхъ противъ вѣры и церкви къ общему уголовному порядку; 4) касательно выдачи имъ кулеческихъ свидѣтельствъ на временномъ правѣ; 5) прекращено добровольное переселеніе раскольниковъ за Кавказъ, и 6) приступлено къ приведенію въ точную извѣстность современнаго положенія раскола, и это исполнено въ отношеніи къ 12 губерніямъ окончательно, а по прочимъ въ нѣкоторыхъ частяхъ.“

Сверхъ того, на основаніи сей же системы, по обнаруженіи безпорядковъ и злоупотребленій въ разныхъ раскольническихъ сборищахъ, приняты въ отношеніи къ онымъ соотвѣтственныя мѣры *. Такія мѣры приняты были и по отношенію къ Преображенскому и Рогожскому кладбищамъ въ Москвѣ.

Поводомъ къ производству дознанія о Преображенскомъ кладбищѣ было слѣдующее: въ іюлѣ 1853 года Московскій митрополитъ Филаретъ просилъ обратить вниманіе на рукописи возмутительнаго содержанія найденныя на Преображенскомъ кладбищѣ и на дѣла о семъ, представленныя

* Мы пользовались здѣсь преимущественно докладомъ министра внутреннихъ дѣлъ 12 марта 1855 года, „о современномъ положеніи раскола и принятыхъ въ отношеніи къ оному мѣрахъ.“ Отрывки изъ этого доклада издааны Кельсиевымъ въ 11 выпускѣ *Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ*, 1861 года, стр. 192—203.

министерству еще въ 1844 году. * Къ этому присоединилось другое обстоятельство, скомпрометтировавшее преображенскихъ раскольниковъ. Жилъ въ Москвѣ богатый купецъ Григорьевъ, законнымъ наследникомъ котораго былъ его племянникъ, мѣщанинъ Смирновъ. Преображенскіе старшины, видѣвши что старику остается недолго жить, вынуждали племянника куда-то подальше отъ дяди, а умирающаго дядю уговаривали завѣщать все свое имущество и капиталы въ пользу кладбища. Племянникъ слыхватился, но уже было поздно: завѣщаніе сдѣлано было законнымъ образомъ, и ему приходилось оставаться безъ гроша денегъ. Онъ однако завелъ тяжбу, доходившую до Правительствующаго Сената, но безъ успѣха. Слухи объ этомъ происшествіи дошли до особаго комитета. Смирнову былъ данъ совѣтъ чтобъ онъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ Бибикову. Бибиковъ нарядилъ слѣдствіе и ввѣрилъ его бывшему члену совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ дѣйствительному статскому совѣтнику Безаку. Зная продажность своихъ писарей и умѣніе раскольниковъ узнавать обо всемъ на свѣтѣ, Безакъ каждый вечеръ зашивалъ всѣ свои бумаги въ лодушку чтобъ ихъ не стащили во время сна. Подчиненнымъ своимъ онъ не позволялъ отходить отъ себя ни на шагъ, чтобъ они не разболтали: они даже ходили за нимъ въ баню съ бумагами подъ мышками. Такое рвеніе должно было увѣнчаться успѣхомъ. Безакъ узналъ все что было нужно, и между прочимъ что Федосѣевцы часто лишали наследства не только племянниковъ, но и сыновей, что изъ домовъ умершихъ капиталистовъ обыкновенно деньги таскались въ кладбище каждымъ раскольниковъ, что старшины, которые всѣ кулцы и фабриканты, держать и у себя и въ пріютахъ проласть безпаспортныхъ бѣглыхъ, и проч. ** По слѣдствію обнаружилось также что Преображенское кладбище обратилось въ своего рода учрежденіе управлявшее раскольниками по всему государству, съ раздѣленіемъ его какъ бы на округи

* Тотъ же докладъ 12 марта 1855, по рукописи митрополита Григорія, л. 5 на об.

** *Сборникъ правит. свѣдѣній о раскольникахъ*, Кельсиева, вып. II, 1861, стр. 204—5, и въ архивѣ митрополита Григорія всеподданнѣйшая записка графа Закревскаго 20 марта 1855 „О настоящихъ дѣйствіяхъ правительства относительно раскольниковъ вообще“, л. 3.

въ которые посылались правители и наставники, чрезъ что расколъ какъ бы смыкался въ отдѣльныя гражданскія общины, подъ вліяніемъ возмутительнаго ученія, обнаруженнаго изъ рукописей найденныхъ на Преображенскомъ кладбищѣ. * Когда всѣ сіи злоупотребленія были обнаружены, Безакъ, по свидѣтельству графа Закревскаго, призывавъ къ себѣ сыновей раскольника Гучкова, требовалъ отъ нихъ подписки о присоединеніи къ единовѣрческой церкви, страшая, въ случаѣ несогласія, лишитъ всего отцовскаго достоинства. Гучковы, выпросивъ время на размышленіе, вѣдали по городу, объявляли многимъ о дѣлаемыхъ имъ насиліи и кончили тѣмъ что отправясь въ С.-Петербургъ дали тамъ министру внутреннихъ дѣлъ требуемыя подписки. **

По всеподданнѣйшему докладу министра Внутреннихъ Дѣлъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ раскольниковъ Преображенскаго въ Москвѣ кладбища, государь въ 21 день декабря 1853 года, между прочимъ, повелѣлъ: 1) Преображенскій богадѣльный домъ подчинить вѣдѣнію совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и ограничить значеніемъ благотворительнаго и притомъ временнаго учрежденія, до смерти, выбытія или перемѣщенія нѣкѣ тамъ призываемыхъ въ правительственныя богоугодныя заведенія. 2) Запретить содержать наемныхъ псаломщиковъ и псаломщицъ, дозволяя впрочемъ церковное пѣніе приходящимъ. 3) Завѣдываніе домою и всѣми приходами поручить эконому и другимъ, управителямъ, со строгимъ наблюденіемъ чтобы не было безгласныхъ ни расходовъ, ни доходовъ. Выборъ ихъ изъ числа призываемыхъ поручить смотрителю, съ утвержденія совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. 4) Определеніе смотрителя и преподаніе ему инструкціи предоставить министру внутреннихъ дѣлъ. Смотритель долженъ постоянно жить въ какомъ-либо помѣщеніи богадѣльнаго дома и получать содержаніе изъ суммъ министерства. 5) Бывшихъ старшинъ Преображенскаго богадѣльнаго дома, по существу проступковъ каждаго изъ нихъ и по вредному вліянію ими производимому, удалить *гласнымъ* изъ Москвы, а *мелче среднимъ* оставить въ Москвѣ подъ присмотромъ мѣстнаго

* Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 12 марта 1855 года.

** Записка графа Закревскаго, 20 марта 1855, „О настоящихъ дѣйствіяхъ правительства относительно раскольниковъ вообще“, л. 3.

начальства. 6) Изъявившимъ желаніе обратиться къ единовѣрїю объявить отъ имени его императорскаго величества монаршее удовольствіе въ томъ что обращеніемъ къ истинѣ они обезпечиваютъ нравственное благо для себя и для своего потомства, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявить надежду что они приложатъ всѣ старанія обратить къ истинѣ и прочихъ заблуждающихся, а прошеніе ихъ препроводить преосвященному митрополиту Московскому для дѣйствій о присоединеніи ихъ къ своей паствѣ и возбужденія въ нихъ ревности на пользу св. церкви *. Во исполненіе сего повелѣнія, удалены изъ Москвы бывшіе старшинами Преображенскаго кладбища, Гучковъ, Егоровъ, Стрѣлковъ, Гавриловъ, Бузыль и Кузьминъ, молодые люди удалены изъ кладбища и водворены на мѣстахъ ревизской приписки; назначенъ смотритель Преображенскаго кладбища изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ (Бартевевъ), Преображенскій богадѣльный домъ переданъ въ вѣдѣніе совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества **. Наконецъ въ 1854 году одна изъ трехъ молельныхъ Преображенскаго кладбища обращена и освящена была въ единовѣрческую церковь ***. Сначала обратившихся къ единовѣрїю было немного. 21 апрѣля 1854 года, московскій гражданинъ Семень Ижидовъ доносилъ чрезъ Татьяну Борисовну митрополиту Никанору слѣдующее: „На Преображенскомъ кладбищѣ, какъ уже извѣстно, было освященіе часовни, но присоединяющихся, какъ говорятъ, не болѣе 30 душъ, такъ что въ Вербное Воскресенье на другой день было въ церкви не болѣе 15 человекъ и то кое-какихъ. И между оными вражда и проклятіе другъ друга“ ****. Для укрѣпленія единовѣрїя, немедленно заведено было при Преображенскомъ богадѣльномъ домѣ училище для бѣдныхъ дѣтей единовѣрцевъ низшихъ сословій, куда допущены были дѣти не только единовѣрцевъ, но и раскольниковъ и

* *Собраніе постановленій по части раскола*, вып. II, 1863, стр. 419—421.

** Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 12 марта 1855 года, „О современномъ положеніи раскола и принятыхъ въ отношеніи къ оному мѣрахъ.“

*** Донесеніе гражданина С. Ижидова митрополиту Никанору 21 апрѣля 1854.

**** Тамъ же.

православныхъ, на основаніи высочайше утвержденного опредѣленія Святѣйшаго Синода 17 октября 1836 года *.

Московскій генераль-губернаторъ старался ослабить въ примѣненіи силу данного повелѣнія относительно Преображенскаго кладбища. По представленію графа Закревскаго, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Бартевевъ, назначенный смотрителемъ Преображенскаго кладбища, замѣненъ былъ однимъ изъ чиновниковъ московскаго генераль-губернатора, Потуловымъ **. Имъ-то вѣроятно и сдѣлано представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о переводѣ призываемыхъ въ Преображенской богадѣльнѣ единовѣрцъ въ другія загородныя богадѣльни и именно въ богадѣльню состоящую въ селѣ Богословскомъ-Алмазовѣ, съ оставленіемъ въ Москвѣ раскольниковъ. Но Московскій митрополитъ Филаретъ заблаговременно узналъ объ этомъ представленіи и помѣшалъ дѣлу. Въ декабрѣ 1854 году, онъ писалъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода слѣдующее: „Неофициально, однако съ признаками достовѣрности до свѣдѣнія моего дошло что совѣтъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества нѣкоторыхъ изъ призываемыхъ въ Московскомъ Преображенскомъ богадѣльномъ домѣ, присоединившихся отъ раскола къ единовѣрью, располагаетъ передать въ вѣдомство Московскаго комитета Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, а сей назначаетъ ихъ мѣсто въ богадѣльнѣ состоящей въ селѣ Богословскомъ-Алмазовѣ“. Митрополитъ Филаретъ спрашивалъ оберъ-прокурора, справедливы ли дошедшіе до него слухи, причемъ указывалъ на невыгоды сего проекта для единовѣрія и православія. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода прелпроводилъ отношеніе митрополита Филарета къ главному полечителю Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, который въ отвѣтномъ отношеніи своемъ, отъ 20 декабря 1854 года, писалъ оберъ-прокурору что совѣтъ Общества раздѣляетъ мнѣніе московскаго архипастыря, но что министръ внутреннихъ дѣлъ дѣйствительно входилъ въ сношеніе о переводѣ

* Отношеніе митрополита Филарета къ Петербургскому митрополиту Григорію отъ 25 ноября 1856, за № 83.

** Тамъ же, см. „проектъ изложенія особаго журнала секретнаго комитета 12 марта, 5 апрѣля и 16 мая 1856 года по дѣлу о дѣйствіяхъ раскольниковъ такъ-называемаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ“, л. 9.

семнадцати призрѣваемыхъ въ Преображенской богадѣльнѣ женщннъ въ другія богадѣльни *.

Подобную судьбу испытало въ это время и Рогожское поповщинское кладбище въ Москвѣ. „Безпорядки на кладбищѣ Рогожскомъ,—писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—стали ужасать и тревожить совѣсть самихъ раскольниковъ, почему нѣкоторые просили о присоединеніи ихъ къ единоувѣрнью и обращенію одной изъ тамошнихъ часовень въ единоувѣрческую церковь“ **. По словамъ митрополита Филарета, нѣкоторые изъ рогожскихъ раскольниковъ начали обращаться къ епархіальному начальству съ изъявленіемъ желанія учредить на Рогожскомъ кладбищѣ единоувѣрческую церковь, сперва предлагая нѣкоторыя особыя условія, а потомъ соглашавсь принять существующія правила единоувѣрія. Между тѣмъ уломые расколоводители, предварительно примѣчая въ значительныхъ членахъ своего общества направленіе къ единоувѣрнью, дабы подкрѣпить себя, чрезъ своихъ полечителей Винокурова и Зеленова просьбой домогались получить священниковъ въ свое распоряженіе внѣ законнаго іерархическаго порядка ***. Эту просьбу московскій генералъ-губернаторъ Закревскій препроводилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ при отношеніи отъ 10 апрѣля 1854 года ****. „Государь императоръ, по представленіи сей просьбы на усмотрѣніе его императорскаго величества, въ 6й день мая 1854 года соизволилъ написать слѣдующее: „На подобныя прихоти раскольниковъ соглашаться не должно; разсмотрѣть въ секретномъ комитетѣ, приглася и графа Закревскаго.“ Во исполненіе сей высочайшей воли, пригласивъ въ свое засѣданіе генералъ-адъютанта графа Закревскаго, комитетъ разсматривалъ упомянутую просьбу и постановилъ о ней слѣдующее заключеніе: „1) Двумъ старшинамъ Рогожскаго богадѣльнаго дома

* Отношеніе митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, за № 106, и отвѣтъ на это отношеніе отъ 20 декабря того же года.

** Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 12 марта 1855, „о современномъ положеніи раскола и принятыхъ въ отношеніи къ оному мѣрахъ.“

*** Отношеніе митрополита къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 марта 1855 года.

**** Журналъ секретнаго комитета 8 мая 1854 года. Здѣсь изложена и самая просьба раскольниковъ.

подписавшимъ уломянутую просьбу отказать въ оной чрезъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, со внушеніемъ что сія просьба и не могла быть принята во вниманіе; ибо она домогается того что противно не только церковнымъ, но и гражданскимъ постановленіямъ; что опискожденія какія могли быть имъ оказаны содержатся въ правилахъ о единовѣрїи, высочайше утвержденныхъ въ 1800 году, и что, на основанїи сихъ правилъ, имъ надлежитъ просить себѣ священниковъ для исправленія у нихъ христіанскихъ требъ и для богослуженій не только въ церквахъ, но и въ молельныхъ по мѣрѣ обращенія оныхъ въ единовѣрческія церкви, и 2) поручить Московскому митрополиту пригласить къ себѣ тѣхъ изъ рогожскихъ раскольниковъ которые извѣстны ему по благонамѣренности и праводушію и объяснить имъ подробности по какимъ причинамъ домогательство ихъ противно уставамъ церкви и законамъ гражданскимъ, а также что положенная на соборѣ 1667 года клятва не можетъ распространяться на тѣхъ которые вступаютъ въ единовѣріе, почему не возбранится имъ молитва за усопшихъ не усильвшихъ при жизни примариться съ церковію; а за оимъ предложить имъ вступить въ единовѣріе, обнадеживъ что при семъ будетъ оказано имъ всякое не противное церковнымъ правиламъ оискожденіе, съ обращеніемъ по ихъ желанію молельныхъ въ единовѣрческія церкви и съ опредѣленіемъ къ нимъ духовенства по ихъ избранію изъ священно-церковно-служителей имъ извѣстныхъ, или даже изъ среды ихъ самихъ. Журналь сей государь императоръ изволилъ разсматривать въ 13й день мая 1854 года.* *

Сохранилось отъ митрополита Филарета письменное „изъясненіе о проклятїи положенномъ отъ собора 1667 года“, составленное въ отвѣтъ на раскольникыя прошеніе. Здѣсь оиъ объясняетъ что проклятїе на этомъ соборѣ произнесено не на обряды, а на непокоряющихся св. церкви и собору и можетъ быть разрѣшаемо Св. Синодомъ и архіерейскою властію. „А что соборъ 1667 года не проклиналъ умершихъ прежде сего собора и тѣхъ которые разнились съ восточною церковію въ обрядахъ по невѣдѣнію,—писалъ митрополитъ Филаретъ,—то видно изъ самаго опредѣленія сего собора. Примѣру сего снисходительнаго

* Тамъ же. См. *Собраніе постановленій по части раскола*, вып. II, 1863 г., стр. 423—4.

сужденія православная церковь расположена слѣдовать и нынѣ. Еслибы кто изъ такъ-называемыхъ старообрядцевъ, прішедъ въ примиреніе со св. церковію, спросилъ—можетъ ли онъ поминать въ молитвахъ своихъ родственниковъ умершихъ въ такъ-называемомъ старообрядствѣ, православное священноначаліе не усомнится разрѣшить ему сіе по слѣдующему разсужденію. Проклятіе собора 1667 года всею силою своею ладаетъ на людей намеренно противляющихся церкви, каковы напримѣръ были Аввакумъ и Никита. Что касается до вашихъ родственниковъ умершихъ внѣ общенія съ православною церковію, по долгу осторожности и любви къ ближнему, который повелѣвается въ дѣлѣ неясномъ избирать снисходительнѣйшую сторону, за вѣроятнѣйшее полагаемъ что они оставались въ такомъ положеніи по невидѣнію истины, и потому примѣняемъ къ нимъ снисходительное сужденіе собора 1667 года о послѣдователяхъ Стоглаваго Собора.“ *

Въ 1854 году министръ внутреннихъ дѣлъ Вибиковъ доложилъ государю императору о сношеніи главныхъ раскольниковъ Рогожскаго въ Москвѣ кладбища съ раскольниками заграничными, а равно и о томъ что поучители сего кладбища въ видахъ поддержанія и распространенія раскола дозволяютъ себѣ дѣйствія незаконныя и воспрещаемыя. Вслѣдствіе сего государь императоръ въ 9 декъ августа 1854 года высочайше повелѣть соизволилъ: 1) находящагося въ Москвѣ чиновника министерства, впредь до усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, назначить смѣтрителемъ Рогожскаго кладбища, съ порученіемъ ему наблюдать за точнымъ исполненіемъ законныхъ постановленій; 2) въ помощь ему командировать изъ министерства чиновника, съ тѣмъ чтобы сей послѣдній постоянно жилъ въ зданіяхъ кладбища; 3) сихъ чиновниковъ, обязанныхъ доносить о всѣхъ своихъ занятіяхъ министру внутреннихъ дѣлъ, поручить руководству и распоряженію московскаго военнаго генералъ-губернатора и притомъ наблюдать чтобы дѣло сіе исполнялось осторожно и безъ малѣйшаго разглашенія, въ чемъ обязать предписаніемъ и командирuemыхъ

* „Изъясненіе о проклятій положеніи отъ собора 1667 года“, 1854 года. Здѣсь цитуются слова изъ прошенія рогожскихъ раскольниковъ, препровожденнаго Закревскимъ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 10 апрѣля 1854 года. Слѣд. журналъ секретнаго комитета 8 мая 1854 года, гдѣ изложено это прошеніе.

чиновниковъ; 4) по приведеніи въ извѣстность состоянія Рогожскаго кладбища, войти въ разсмотрѣніе о дальнѣйшемъ устройствѣ оного и представить на Высочайшее благоусмотрѣніе, и 5) если нѣкоторое число раскольниковъ, приписанныхъ къ Рогожскому кладбищу, изъявятъ желаніе присоединиться къ православію или единоувѣрію, то обратиться для нихъ въ православную или единоувѣрческую церковь одну изъ моленныхъ находящихся на Рогожскомъ кладбищѣ, по смощенію съ оберъ-прокуроромъ Святышаго Синода. * Во исполненіе сего повелѣнія, въ августѣ 1854 года назначенъ отъ Министерства смотрителемъ Рогожскаго кладбища статскій совѣтникъ Мосжаковъ и къ нему помощникомъ коллежскій секретарь Хомутовъ. **

Подъ совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ прописанныхъ обстоятельствъ, рогожскіе раскольники мало-по-малу стали обращаться къ единоувѣрію. Когда число желающихъ сего оказалось значительнымъ, съ высочайшаго разрѣшенія, 20 сентября 1854 года, освящена на Рогожскомъ кладбищѣ единоувѣрческая церковь, и съ 17 дня того же мѣсяца до конца января 1855 года, т.-е. съ небольшимъ въ четыре мѣсяца, присоединилось изъ половцискаго секты къ единоувѣрію душъ обоюго пола 1.451. *** Нужно, впрочемъ, замѣтить что увеличенію числа единоувѣрцевъ содѣйствовало объявленное въ октябрѣ того же года министромъ внутреннихъ дѣлъ повелѣніе: раскольникамъ, кои при объявленіи ими кулеческихъ капиталовъ не представляютъ метрическихъ свидѣтельствъ о принадлежности къ православной церкви безусловно или на правилахъ единоувѣрія, выдавать торговые свидѣтельства по гильдіямъ на временномъ правѣ. **** Вслѣдствіе этого „въ Москвѣ въ два послѣдніе дня 1854 года явилось для записи въ гильдію до 540 почетныхъ гражданъ и купцовъ раскольни-

* *Собраніе постановленій по части раскола*, вып. II, 1863 года, стр. 426.

** Проектъ изложенія особаго журнала секретнаго комитета 12 марта, 5 апрѣля и 16 мая 1856 года по дѣлу „о дѣйствіяхъ раскольниковъ такъ-называемаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ“.

*** Отношеніе митрополита Филарета къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 марта 1855 года.

**** Всеподданнѣйшая записка графа Закревскаго 20 марта 1855 года: „О перечисленіи раскольниковъ изъ кулеческаго сословія въ мѣщанство“.

ковъ.“ * Въ 1854 году присоединился къ единоиерической церкви и послѣдній раскольническій священникъ, оставшійся при двухъ прочихъ часовняхъ Петръ Русановъ (онъ же и Ермиловъ). „Тогда въ остальныхъ двухъ часовняхъ богослуженіе прекратилось или по распоряженію Министерства внутреннихъ дѣлъ или можетъ-быть само собою, потому что правила половщинскаго толка требуютъ совершенія богослуженія священникомъ. Раскольники входили въ часовни, возжигали свѣчи предъ иконами, молились каждый про себя, но правильнаго по уставу богослуженія не было.“ **

Наконецъ, 15 декабря 1854 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе: „1) Смотрителя Рогожскаго кладбища снабдить отъ министерства внутреннихъ дѣлъ подробною инструкціей. 2) Людей проживающихъ на семь кладбищъ и неправильно показанныхъ призрѣваемыми удалить оттуда на мѣста къ коимъ они принадлежать, съ учрежденіемъ строжайшаго за ними надзора, а лишенныхъ ума перевести въ правительственныя богоугодныя заведенія. 3) Войти въ сношеніе съ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ объ удаленіи раскольниковъ отъ содержанія эталовъ и постановить ему въ обязанность принять негласныя, но дѣятельныя мѣры къ отысканію скрывающихся раскольническихъ лжедуховныхъ лицъ и обращать строжайшее вниманіе на тѣхъ московскихъ раскольниковъ которые какими-либо способами прелятствуютъ присоединенію другихъ къ церкви, равно какъ и на тѣхъ которые воспитываютъ дѣтей чрезъ иностранцевъ, впредь до необходимаго общаго по сему предмету распоряженія, совокупно съ министерствомъ народнаго просвѣщенія“. *** Во исполненіе сего, въ декабрѣ 1854 года, для приведенія въ извѣстность состоянія Рогожскаго богадѣленнаго дома, учреждена особая коммиссія изъ смотрителя дома и чиновниковъ управленія генераль-губернатора. „Распоряженіями сей коммиссіи и съ утвержденія московскаго генераль-губернатора (Закревскаго) произведено слѣдующее: 1) умалишенные,

* Записка митрополита Григорія о томъ, какой системы держаться въ отношеніи къ расколу, 1858 года.

** Донесеніе митрополита Филарета Св. Синоду отъ 16 февраля 1856 года, объ оказательствѣ рогожскихъ раскольниковъ.

*** *Собраніе постановленій по части раскола*, вып. II, 1863 года, стр. 428.

лемъцавшіеся въ Рогожскомъ богадѣльномъ домѣ разбитыми въ большацы; 2) неправильно проживавшіе прирѣваемые мыслены въ мѣста ихъ рогожскихъ приписокъ и повѣрены приписки прирѣваемыхъ съ паспортами и 3) разсмотрѣно и повѣрено недвижимое имущество въ оградѣ кладбища находящееся, но права владѣнія онымъ еще не опредѣлены окончательно“.*

Казалось, рогожскому расколу нанесенъ былъ весьма этими распоряженіями рѣшительный ударъ, отъ котораго онъ не могъ уже оправиться. Такъ думали тогда и православные, и единовѣрцы, и сами раскольники. „Единовѣрцы, по словамъ митрополита Филарета, желали и большую часовню освятить въ церковь, православные также сего желали и надвѣялись; некоторые колеблющіеся между расколомъ и православіемъ ожидали сего, дабы принять сіе какъ знаменіе сильнѣе утвердившагося единовѣрія и присоединиться къ нему. Сіе можно было ожидать особенно отъ тѣхъ болѣе благонамѣренныхъ раскольниковъ которые не расположены были принимать раскольническую иерархію заграничную.“** Но сверхъ ожиданія, къ самому концу царствованія императора Николая I мы снова видимъ какое-то особенное возбужденіе въ раскольническомъ населеніи Рогожскаго кладбища и Москвы. „28 января 1855 года было необыкновенно большое собраніе раскольниковъ въ Рогожской часовнѣ и употребленъ былъ обрядъ употребляемый по уставу только въ Насху,—поотавленіе среди храма большой курильницы съ ладаномъ. Изъ разсѣдыванія зрителя Рогожскаго кладбища видно что собраніе сіе созвано было чрезъ нарочныхъ для слушанія будто бы въ пользу раскольниковъ указа. Слухи приписываютъ сіе дѣло расколоводителю купцу Свѣшникову и попечителю Зеленову.“*** Мы думаемъ что то были судорожныя движенія предчувствовавшаго свою кончину рогожскаго раскола. Но въ слѣдующемъ февралѣ мѣсяцъ скончался императоръ Николай I, и дѣла приняли другой оборотъ, благоприятный для московскихъ раскольниковъ.

* Проектъ изложенія особаго журнада секретнаго комитета 12 марта, 5 апрѣля и 16 мая 1856 года.

** Донесеніе митрополита Филарета Св. Синоду отъ 16 февраля 1856 года, объ оказательствѣ рогожскихъ раскольниковъ.

*** Отношеніе митрополита Филарета къ министру Внутреннихъ Дѣлъ отъ 7 марта 1855 года.

III.

„Когда Провидѣнію угодно было воззвать монарха нашего императора Николая I отъ насъ въ другой міръ, говорится въ одномъ секретномъ донесеніи С.-Петербургскому митрополиту Григорію, тогда расколоунители, ободренные смертію того коего имени они прежде трепетали, принялись за свое ремесло—ловить души простыхъ въ свои сатанинскія сѣти, въ новомъ предположеніи что новый императоръ, при первомъ своемъ вступленіи на престолъ, не захочетъ ссориться съ ними. Какое предположеніе свое и утвердили въ сердцахъ многихъ, именно будто нынѣшній императоръ по добротѣ своей позволилъ всякому кто только захочетъ идти въ старую вѣру изъ новой. Последняя-то сія молва дѣлается такъ гласною что явно всякій совращающій и совращающійся противопоставляетъ ее убѣжденіямъ добрыхъ и умныхъ людей. Причемъ, дабы болѣе придать вѣроятности такой клеветѣ, утверждаютъ что о семъ уже и указы объявлены въ городахъ. Вслѣдствіе чего последняя молва и есть явная и господствующая между раскольниками.“ *

Вѣроятно въ надеждѣ на милость новаго императора и московскіе раскольники начали „дѣйствовать съ бодрѣею прежняго смѣлостію и надеждою на себя“. Рогожскіе раскольники не хотѣли даже присягать новому императору въ православной церкви и при православномъ священникѣ, и только два дня спустя по убѣженію митрополита Филарета согласились на послѣднее законное требованіе, сами выбравъ для этого карачаровскаго священника, котораго и пытались переманить въ расколъ. Безпоповщинскіе же раскольники Преображенскаго кладбища приведены были къ присягѣ въ одной изъ своихъ часовень, чрезъ ихъ наставника. **

Надежды раскольниковъ повидимому начали сбываться. Ходатаемъ за нихъ вновь выступилъ графъ Закревскій. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ графъ Закревскій „имѣлъ счастье лично объяснить его императорскому

* Донесеніе безъ подписи доносителя и безъ означенія времени.

** Донесеніе митрополита Филарета министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 марта 1855 года.

величеству неудобства веденнаго въ послѣднее время порядка дѣйствию относительно раскольниковъ вообще. Его императорскому величеству благоугодно было поручить графу Закревскому „изложить“ свои „по этому предмету замѣчания“, * и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣть министру внутреннихъ дѣлъ представить докладъ „о современномъ положеніи раскола и принятыхъ въ отношеніи къ нему мѣрахъ“, который и изготовленъ былъ 12 марта 1855. Здѣсь министръ внутреннихъ дѣлъ излагаетъ исторію происхожденія и дѣятельности особаго секретнаго комитета, съ 1853 года. Изъ предначертанныхъ имъ мѣропріятій къ 12 марта 1855 года оставались неисполненными только слѣдующія: 1) объ усиленіи полицейскихъ управленій въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ жительствоуютъ раскольники; 2) о недопущеніи раскольниковъ къ должностямъ зависящимъ отъ общественныхъ выборовъ, и 3) о взиманіи съ раскольниковъ по 1 руб. въ пользу церквей; ** со своей стороны графъ Закревскій, во исполненіе высочайшей воли, составилъ двѣ записки о расколѣ, объ помѣченныя 20 марта 1855 года, изъ коихъ одна говорила „о настоящихъ дѣйствіяхъ правительства относительно раскольниковъ вообще“, а другая касалась частнаго вопроса „о перечисленіи раскольниковъ изъ купеческаго сословія въ мѣщанство“.

Въ первой запискѣ своей графъ Закревскій выражалъ слѣдующія мысли. „Правительство въ разное время принимало разныя мѣры относительно раскола. До 1852 года оно старалось дѣйствовать противу этого зла преимущественно мѣрами убѣжденія, строго карая совратителей и снисходя къ заблужденіямъ совращенныхъ. Доказательствомъ такой системы дѣйствию правительства можетъ служить объявленное въ 1845 году бывшему оберъ-прокурору Св. Синода генералъ-адъютанту графу Протасову высочайше повелѣніе о подтверженіи преосвященнымъ тѣхъ епархій гдѣ находится большое число раскольниковъ неизмѣнно исполнять всѣ данныя прежде предписанія о кроткомъ, благо разумномъ и осторожномъ

* Всеподданнѣйшая записка графа Закревскаго 20 марта 1855 года, О „настоящихъ дѣйствіяхъ правительства относительно раскольниковъ вообще“.

** Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 12 марта 1855 года, „О современномъ положеніи раскола и принятыхъ въ отношеніи къ оному мѣрахъ.“

образъ сношеній съ раскольниками православнаго духовенства, не выходя ни въ какомъ случаѣ изъ круга чисто духовныхъ дѣйствиі. Такая система дѣйствиі признавалась правительствомъ и въ частности къ разнымъ сектамъ раскольниковъ. Весь порядокъ этихъ дѣйствиі, вся система измѣнилась съ 1853 года.

„Въ этомъ году министръ внутреннихъ дѣлъ, принявъ поданную ему, мимо главнаго начальника Московской столицы, мѣщаниномъ Смирновымъ просьбу объ отдачѣ ему расхищеннаго будто бы старшинами Преображенскаго богадѣльнаго дома наследственнаго имущества и капиталовъ, оставшихся послѣ дяди его кулца Григорьева, распорядился произвести о семъ строжайшее слѣдствіе, несмотря на то что въ домогательствѣ Смирнова, по неосновательности оного, было уже отказано ему не только мѣстнымъ начальствомъ, но судебными мѣстами и даже Правительствующимъ Сенатомъ. По окончаніи изслѣдованія, генералъ-адъютантъ Бибииковъ, не подвергая оного надлежащему разсмотрѣнію по законамъ, испросилъ высочайшее повелѣніе на передачу Преображенскаго богадѣльнаго дома изъ вѣдомства попечительнаго совѣта въ вѣдѣніе Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и о ссылкѣ въ разныя губерніи прикосновенныхъ къ дѣлу Григорьева главнѣйшихъ безполовщинскихъ раскольниковъ Гучкова, Егорова, Стрѣкова, Гаврилова, Бузина и Кузьмина, а мѣщанину Смирнову предоставилъ предъявить свои права на наследство послѣ Григорьева, кому и какъ слѣдуетъ, въ законномъ порядкѣ. Въ то же время производитель означеннаго слѣдствія дѣйствительный статскій совѣтникъ Безакъ угрозами принудилъ сыновей раскольника Гучкова дать подписку о присоединеніи къ единовѣрческой церкви. Таковыя несогласныя съ достоинствомъ правительства дѣйствиі не могли не имѣть дурнаго вліянія на толпу безполовщинскихъ раскольниковъ. Если, по высшимъ соображеніямъ, министерство признавало необходимымъ удалить изъ столицы старшихъ раскола, то надлежало избрать поводомъ для сего дѣло во всѣхъ отношеніяхъ законное, а не такое которое признано всѣми судебными инстанціями, а наконецъ и самимъ министерствомъ, неправильнымъ. Никто не осмѣлился бы роптать, еслибы помянутыя лица подверглись ссылкѣ не произвольно, а на основаніи существующихъ узаконеній.

„Перехода къ дѣйствіямъ министерства относительно раскольниковъ Рогожскаго кладбища или лоповицкиихъ, весьма не убѣдиться что и принятая нынѣ министерствомъ въ отношеніи къ нимъ правительственная мѣра также едва ли осторожна. Въ прежнее время эти раскольники, имѣя половъ, удовлетворяли чрезъ нихъ религиознымъ нуждамъ своимъ. Но когда помы частію перемерли, а частію были ослаблены за преступленія противъ православія, тогда раскольники, нуждаясь въ пастыряхъ, придумали устроить за границей митрополию, которая снабжала бы ихъ панами. Предпріятіе ихъ, къ сожалѣнію, удалось. Но при этомъ надо сознаться что само правительство, если не дало повода къ подобной мѣрѣ, то, конечно, не предупредило ея вовремя. Съ самаго вступленія моего въ управленіе Московскою епархіей, я представлялъ о затруднительномъ положеніи раскольниковъ лоповицкой секты Рогожскаго кладбища и о необходимости дать имъ какіе-нибудь способы для отпращиванія у нихъ требъ. Раскольничья митрополія, устроенная въ Буковинѣ и въ Болгаріи, привлекла изъ Россіи множество раскольниковъ и значительные капиталы; наши же раскольники получали не только половъ, но даже мѣрархіереевъ. Хотя правительство и предпринимало мѣры противъ этихъ мѣластырей, но мѣры сіи не только не ослабили, а напротивъ еще болѣе усилили фанатизмъ. Раскольники толкуютъ такъ: насъ, говорятъ они, преслѣдуютъ православное духовенство и свѣтская власть потому собственно что боятся дабы правильная старообрядческая вѣра не восторжествовала надъ ихъ церковію; ибо не было бы надобности въ преслѣдованіи еслибъ они смотрѣли на насъ какъ на заблуждающихся, подобно тому какъ не преслѣдуютъ Жидовъ, магометанъ и другихъ иновѣрцевъ... * Этими сужденіями своими

* Кстати замѣтимъ что на послѣднее возраженіе еще въ 1826 году отчасти отвѣчалъ митрополитъ Евгеній. „Дозволеніе иностраннымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ имѣть у насъ свои церкви не можетъ входить ни въ какое сравненіе съ дозволеніемъ того же самаго нашего раскольниковъ. Иностранныя вѣроисповѣданія терпимы у насъ: 1) потому что каждое изъ нихъ есть вѣрованіе цѣлаго царства или народа, различнаго съ нами языкомъ и правительствомъ; 2) потому что оно есть то же самое христіанское, на тѣхъ же ученіяхъ и правилахъ вѣры, съ малыми въ нѣкоторыхъ обрядахъ различіями, основанное, и наконецъ 3) потому что и они къ нашей

раскольники естественно увлекаютъ невѣжественную толпу православныхъ. Изъ отчета оберъ-прокурора Св. Синода за 1853 годъ видно что въ томъ году присоединилось изъ раскола въ православіе и единоовѣріе только 5.670 человекъ, а не было на исповѣди и у св. причастія, по наклонности къ расколу, 669.757 человекъ.

Въ этомъ положеніи раскола и при непріязненныхъ дѣйствіяхъ Россіи съ сильнѣйшими европейскими государствами министерство внутреннихъ дѣлъ, не ограничиваясь одними частными мѣрами присоединенія къ св. вѣрѣ нѣкоторыхъ раскольниковъ, признало необходимымъ обращать раскольническія часовни въ единоовѣрческіе храмы, а для принужденія раскольниковъ къ переходу въ православіе, исходатайствовало въ октябрѣ мѣсяцѣ 1854 года высочайшее повелѣніе чтобы всѣ кулцы изъ раскольниковъ, при объявленіи капиталовъ, получали свидѣтельства только на временномъ правѣ. Эта мѣра, весьма несвоевременная, не могла не возбудить сильнаго ропота: кулцы, бывшіе въ этомъ званіи по нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ, приобрѣвшіе огромное состояніе, имѣющіе большіе обороты, учредившіе даже фабрики, сдѣлались мѣщанами, должны платить за себя подушный окладъ и отправлять рекрутскую повинность натурой. Подобная мѣра, конечно, имѣетъ видъ полнаго преслѣдованія раскольниковъ, лишая ихъ правъ и преимуществъ приобретенныхъ ими въ честномъ быту торговаго сословія. Они имѣетъ видъ преслѣдованія и потому еще что министерство разрѣшаетъ освобожденіе отъ рекрутства тѣхъ раскольниковъ изъ купеческаго, обращеннаго по новому распоряженію въ мѣщанское сословіе, которые согласятся принять единоовѣріе. Смѣю думать что подобныя средства едва ли согласны съ достоин-

церкви такое же, какъ и мы къ ихъ, имѣютъ уваженіе. Но при всемъ томъ сіи курки или церкви ихъ терпимы между нами на извѣстныхъ и утвержденныхъ положеніяхъ, отъ которыхъ они отступать не могутъ, а ежели бы отступили, то потеряли бы право на уваженіе къ нимъ наше и на дозволеніе существовать между нами. Какое же сравненіе можетъ быть между христіанскими другихъ державъ вѣроисповѣданіями и между отпадшими отъ нашей церкви нашими соотечественниками, которые не иное что суть какъ заблужденія козлица, не хотація быть ни въ единомъ стадѣ, ни подъ единымъ пастыремъ?" Копія съ этого документа находится въ архивѣ митрополита Григорія.

ствомъ правительства. Наконецъ, означенная выше мѣра нарушаетъ основные законы государства, въ ст. 60 коихъ положительно сказано что никакой законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ. Потому, еслибъ и признавалось полезнымъ не удостоивать раскольниковъ получать купеческое званіе, то это, за силою вышеприведенной статьи, можно было постановить для тѣхъ только раскольниковъ которые вновь пожелаютъ получить купеческое званіе. На всеподданнѣйшую просьбу раскольниковъ объ измѣненіи этого стѣснительнаго для нихъ узаконенія и о дозволеніи имъ имѣть половь, подчиненныхъ попрежнему гражданскому начальству, министромъ внутреннихъ дѣлъ объявлено просителямъ высочайшаго имени что просьба эта признана неправильною, а подача оной противозаконною.

„При такихъ распорядженіяхъ министерства, явно дѣйствующаго въ отношеніи къ раскольникамъ вопреки коренныхъ законоположеній, безъ надлежащей осторожности, нельзя ожидать чтобъ эти люди, которыхъ въ Россіи нѣсколько милліоновъ и къ коимъ по религіознымъ заблужденіямъ принадлежатъ большею частію наши Донскія и прочія пограничныя казачьи войска, были вѣрны правительству, икъ пресѣдующему. Подобныя неосторожныя дѣйствія во всякое время, а тѣмъ болѣе при настоящихъ чрезвычайныхъ военныхъ обстоятельствахъ, когда внѣшніе враги вторглись въ предѣлы нашего отечества, не могутъ не возбуждать самыхъ основательныхъ опасеній.

„Все это приводитъ меня къ заключенію о нетерпящей отлагательства крайней необходимости, положивъ немедленно конецъ подобнымъ дѣйствіямъ относительно раскольниковъ, дать онымъ прежнее направленіе, на изложенныхъ въ указѣ Св. Синода 5 апрѣля 1845 года правилахъ, или другихъ какія ваше императорское величество полезными признать соизволите. Любя Россію и будучи безпредѣльно преданъ вашему императорскому величеству, я приѣмлю смѣлость всеподданнѣйше повергнуть вышеизложенное на высочайшее усмотрѣніе вашего величества, соболъзуя что всѣ эти распорядженія дѣлались именемъ вашего августѣйшаго родителя, и что слѣдовательно неудовольствіе и даже негодованіе многочисленной и невѣжественной толпы было направлено и на его священную особу. Простите, всемилостивѣйшій государь, что столь смѣло и рѣзко высказалъ мои мысли. Въ мои лѣта и

въ моемъ положеніи я счелъ бы таковымъ грѣхомъ скрыть частію отъ вашего императорскаго величества.“ *

Вторая записка графа Закревскаго „о перечисленіи раскольниковъ изъ купеческаго сословія въ мѣщанство“ имѣетъ чисто дѣловой характеръ и испрашиваетъ высочайшаго соизволенія чтобы послѣдовавшее въ октябрѣ 1854 года законеніе, если его нельзя отмѣнить, было распространено только на тѣхъ раскольниковъ которые до того времени не состояли въ купеческихъ гильдіяхъ, давъ оному силу на будущее время, но ни въ какомъ случаѣ не присваивая ему обратнаго дѣйствія. **

Въ качествѣ оправдательныхъ документовъ къ запискамъ Закревскаго, вслѣдъ за ними поданы были безполовщинскими раскольниками два прошенія на высочайшее имя объ отмѣнѣ стѣснительныхъ для нихъ постановленій 1853 года и о дарованіи имъ нѣкоторыхъ льготъ. Въ прошеніи отъ 23 марта 1855 года, московскіе временные купцы безполовщинскаго толка „жалуются что записаны въ гильдію на временномъ правѣ, записаны въ мѣщане и поставлены на рекрутскую очередь, просятъ отмѣны сего.“ Къ прошенію приложена была записка о раскольникахъ именующихъ себя старообрядцами, въ первыхъ строкахъ которой сказано о раскольникахъ, „что къ нимъ принадлежатъ многіе въ войскахъ Донскомъ, Уральскомъ и Черноморскомъ и немалая часть населенія всего Сибирскаго края.“ Въ запискѣ послѣдовательно приводятся законы и распоряженія правительства, которыхъ значеніе составитель записки старается наклонить къ тому чтобы дать расколу характеръ отдѣльнаго вѣроисповѣданія, по примѣру иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Подъ конецъ записки раскольники просятъ, между прочимъ, правильнаго веденія списковъ рождающихся и умирающихъ и бракомъ сочетавающихся. Далѣе раскольники просятъ открыть залечатанныя часовни и возвратить отобранныя иконы и книги. Во второмъ прошеніи раскольниковъ безполовщинскаго толка, отъ 24 марта 1825 года, не говорится опредѣлительно чего просятъ, а сказано: „Осмѣливаемся

* Записка графа Закревскаго 20 марта 1855, „О настоящихъ дѣйствіяхъ правительства относительно раскольниковъ вообще“.

** Его же записка 20 марта 1855, „О перечисленіи раскольниковъ изъ купеческаго сословія въ мѣщанское“.

повергнуть на всемілостивѣйшее вниманіе краткую по дѣлу нашему записку.* „Но какъ особой записки вслѣдъ за симъ прошеніемъ не положено, то, по замѣчанію митрополита Филарета, должно заключить что указывается на записку положенную вслѣдъ за предыдущимъ прошеніемъ.“ Въ семъ прошеніи раскольники жалуются, между прочимъ, на распоряженіе—въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ ни женъ, ни дѣтей ихъ не включать. Особенность прошенія составляетъ слѣдующая подъ нимъ подпись: „на поднесеніе всеподданнѣйшаго прошенія испрошено было предварительное соизволеніе московскаго военнаго генералъ-губернатора“. *

Для разсмотрѣнія доклада министра внутреннихъ дѣлъ и записокъ графа Закревскаго, въ апрѣлѣ 1855 года, состоялось засѣданіе секретнаго комитета „въ личномъ присутствіи его императорскаго величества“ **. Когда члены комитета собрались, Государь сказалъ имъ слѣдующую рѣчь: „Господа, я васъ созвалъ чтобы посовѣтоваться съ вами объ одномъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ въ нашемъ отечествѣ. Надѣюсь что вы будете откровенны и поможете мнѣ узнать правду.“ Затѣмъ онъ обратился будто бы къ митрополиту; митрополитъ прочелъ какую-то записку, въ которой хулилъ прежній порядокъ, но ничего новаго не совѣтовалъ. Потомъ одинъ изъ присутствовавшихъ замѣтилъ что никогда не было столько жалобъ раскольниковъ на притѣсненія какъ въ послѣднее время. Бибиковъ (министръ внутреннихъ дѣлъ) на это спросилъ министра государственныхъ имуществъ, сколько жалобъ дошло до него. Всего нѣсколько, отвѣчалъ тотъ. Императоръ спросилъ, откуда это противорѣчіе?—Если вашему величеству угодно будетъ меня выслушать, отвѣчалъ Бибиковъ, то я постараюсь разъяснить дѣло. Понятно что мужики жалуются теперь не больше, чѣмъ они жаловались до меня: ихъ положеніе не измѣнилось.

* Въ архивѣ митрополита Григорія есть только приложенная къ прошеніямъ „Записка о раскольникахъ именующихъ себя старообрядцами“. О содержаніи же прошеній мы знаемъ изъ отношенія митрополита Филарета къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 21 сентября 1855, съ отзводомъ о сихъ прошеніяхъ.

** О личномъ присутствіи государя на этомъ засѣданіи см. записку митрополита Григорія о томъ, „какой системы держаться въ отношеніи къ расколу“, 1858 года.

Но обвиненія въ такъ-называемыхъ гоненіяхъ идутъ изъ другаго источника. Жалобы бѣднака когда его по несчастію гонять рѣдко доходятъ до трона; а когда официальныя свидѣнія откроютъ преступленія людей богатыхъ и имѣющихъ вліяніе, когда несмотря на богатство и на общественное положеніе ихъ разоблачатъ и подвергнуть строгости закона за ясно доказанныя мошенничества, то ихъ жалобы доходятъ до высшаго правительства. Вотъ почему въ послѣднее время заговорили о религіозныхъ преслѣдованіяхъ. Вотъ почему министръ получилъ больше жалобъ чѣмъ прежде. Одинъ изъ присутствовавшихъ, званіе котораго давало ему большой вѣсъ въ этомъ дѣлѣ, сталъ оправдывать мѣры принятыя въ прошедшее царствованіе противъ успѣха раскола. Императоръ кончилъ разсужденіе слѣдующими словами: „Господа, я нахожу что мѣры противъ гражданскихъ проступковъ принятыя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и утвержденныя моимъ покойнымъ отцомъ необходимы: полиція должна исполнять свою обязанность; духовенству слѣдуетъ проповѣдовать и поучать. Но уваженіе къ искреннимъ убѣжденіямъ! Я хочу чтобы въ моемъ государствѣ царствовала терпимость. Надѣюсь что вы окажете мнѣ искреннее содѣйствіе въ дѣлѣ твердаго слѣдованія путемъ правосудія“ *.

Такъ передаетъ о засѣданіи секретнаго комитета въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1855 въ личномъ присутствіи императора Александра II Кельсіевъ со словъ брошюры *Le Rascol*. Несмотря на темноту и сбивчивость этого разказа, для насъ однакоже очевидно что здѣсь обсуждались записки графа Закревскаго и докладъ министра внутреннихъ дѣлъ „о современномъ положеніи раскола и принятыхъ въ отношеніи къ нему мѣрахъ“. Въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ весь предыдущій ходъ дѣла, такъ особенно послѣдующее высочайшее повелѣніе, отвѣчавшее на докладъ министра внутреннихъ дѣлъ и на записки графа Закревскаго.

17 апрѣля 1855 года высочайше утверждены были слѣдующія рѣшенія секретнаго комитета:

„1) Особый секретный комитетъ утвержденный въ апрѣлѣ 1853 года для пересмотра существующихъ о раскольникахъ постановленій и для обсужденія мѣръ на будущее время,

* Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ Кельсіева вып. II, 1861, стр. 189—190.

нымъ по случаю окончанія симъ комитетомъ высочайше возложеннаго на него порученія закрыть.

„2) Затѣмъ дѣла о раскольникахъ и отступникахъ отъ православія производить попрежнему въ секретномъ комитетѣ состоящемъ подъ предсѣдательствомъ митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, порядкомъ для сего установленнымъ, передавъ въ сей комитетъ всѣ дѣла и бумаги особаго комитета 1853 года.

„3) Предположенія особаго секретнаго комитета 1853 года, удостоенныя высочайшаго утвержденія 10 июня, 9 июля и 30 ноября 1853 года о мѣрахъ правительственныхъ въ отношеніи раскольниковъ, оставить въ своей силѣ, съ тѣмъ чтобы мѣры сіи были приводимы въ исполненіе постепенно, съ осторожностію и соображаясь съ послѣдствіями кои на оныя оказываться будутъ отъ введенія оныхъ.

„4) Московскому военному генералъ-губернатору въ разрѣшеніе двухъ всеподданнѣйшихъ докладныхъ записокъ его отъ 20 марта 1855 года сообщить: а) что тѣмъ изъ раскольниковъ кои съ 1 января 1855 года получили торговыя свидѣтельства на временномъ правѣ и содержали прежде фабрики, заводы и другія заведенія дозволяется содержать оныя и на будущее время, соотвѣтственно разрядамъ ихъ свидѣтельствъ по примѣненію къ гильдейскимъ правамъ; б) что о тѣхъ раскольникахъ получившихъ торговыя свидѣтельства на временномъ правѣ кои будутъ ему лично извѣстны своею благонадежностію дозволяется ему ходатайствовать чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ *въ видѣ особой монаршей милости* высочайшаго его императорскаго величества дозволенія поступать имъ въ кулеческія гильдіи, съ тѣмъ чтобы отъ подобныхъ раскольниковъ отбираемы были подписки что они не дозволяютъ себѣ никакихъ дѣйствій къ распространенію раскола и соблазну православныхъ и не будутъ имѣть никакихъ религіозныхъ сношеній съ раскольниками другихъ сектъ внутри Имперіи и за границей; при отобраніи же сихъ подписокъ объявлять имъ что въ случаѣ нарушенія оныхъ они подвергнутся самому строгому взысканію по законамъ. Что же касается ходатайства генералъ-адъютанта графа Закревскаго о непривлеченіи къ отправленію рекрутской повинности по 12му очередному частному набору тѣхъ раскольниковъ кои при изданіи манифеста о семъ наборѣ состояли въ кулеческихъ гильдіяхъ; то его императорское величество

изволить находить что предмет сей въ настоящее время уже не требуетъ разрѣшенія, такъ какъ означенный наборъ конченъ 15 марта 1855 года*.

Независимо отъ рѣшеній по докладу министра внутреннихъ дѣлъ и запискамъ графа Закревскаго въ секретномъ комитетѣ выработаны были основныя правила для дѣйствія противъ раскола. Изъ числа этихъ правилъ удостоенныхъ высочайшаго утвержденія въ апрѣлѣ 1855 года известны слѣдующія: 1) Отстранять все то что можетъ придать расколу видъ законности, не допускать ему образованія изъ себя отдѣльное общество, не дозволить ему выгдѣ имѣть *оредоточіе* для соединенія власти; 2) не дѣлать ему ни малѣйшихъ религіозныхъ уступокъ, которыя противны достоинству православной церкви и могутъ унижить ее въ глазахъ народа; 3) подвергать строжайшему преслѣдованію выходцевъ изъ-за границы и всѣ заграничныя религіозныя сношенія и переписку раскольниковъ; 4) за наружное оказательство раскола подвергать раскольниковъ строжайшему преслѣдованію, на общемъ законномъ основаніи. **

Что же касается прошеній московскихъ безлоповцевъ на высочайшее имя, относящихся къ содержанію записокъ графа Закревскаго, то, кажется, они вовсе не были разсматриваемы въ секретномъ комитетѣ и не удостоены отвѣта: отвѣтъ на нихъ заключался въ высочайшемъ повелѣніи по поводу однородныхъ съ ними записокъ графа Закревскаго. Къ этимъ прошеніямъ прибавилось въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ еще два новыя прошенія московскихъ и богородскихъ поповцевъ, отъ 23 и 26 апрѣля, гдѣ они жаловались на отобраніе ихъ молитвенныхъ храмовъ, иконъ, облаченій и утвари, на недостатокъ священниковъ, и наконецъ просили чтобъ имъ позволено было „избирать изъ заштатныхъ или многоштатныхъ приходоу и изъ находящихся на покоѣ священниковъ для отправленія таинствъ“. Всѣ эти четыре прошенія 8 іюня 1855 года препровождены были министромъ внутреннихъ

* Тамъ же, стр. 190—192.

** Записка большинства членовъ секретнаго комитета о необходимости закрыть Рогожскія часовни, вѣроятно составленная въ мартѣ или апрѣлѣ 1856 года, къ одному изъ засѣданій секретнаго комитета 12 марта, 5 апрѣля и 16 мая.

дѣлъ, для разсмотрѣнія и заключенія, къ Московскому митрополиту Филарету, были имъ разсмотрѣны * и, кажется, оставлены безо всякихъ послѣдствій.

IV.

Испытавъ неудачу въ своей попыткѣ поколебать существовавшую систему дѣйствій по отношенію къ раскольникамъ, графъ Закревскій старался облегчить положеніе московскихъ раскольниковъ въ предѣлахъ существующихъ постановленій и предоставленной ему власти. Мы уже видѣли что по ходатайству Закревскаго, смотритель Преображенскаго богадѣльнаго дома Бартевевъ, изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, замѣненъ былъ чиновникомъ самого Закревскаго, Потуловымъ. Теперь такую же замѣну онъ сдѣлалъ и по Рогожскому кладбищу. 4 сентября 1855 года, Закревскій увѣдомилъ министра внутреннихъ дѣлъ что по доведенію имъ до свѣдѣнія государя императора что смотритель Рогожскаго дома Мосжаковъ, по крайне безпокойному и желчному характеру своему, не только не способенъ, но даже вреденъ для помѣнутой должности, ибо безпрестанными притязаніями своими возстановляетъ раскольниковъ противъ себя и противъ правительства, его величество высочайше повелѣтъ соизволять: статскаго совѣтника Мосжакова уволить отъ должности смотрителя Рогожскаго дома. Не имѣя въ то время въ виду способнаго для сей должности чиновника министерства, новый министръ внутреннихъ дѣлъ Ланскій предоставилъ графу Закревскому назначить для временнаго исправленія должности смотрителя Рогожскаго дома одного изъ состоящихъ при немъ чиновниковъ, вполнѣ ему извѣстныхъ по благонадежности, подобно тому какъ сіе было сдѣлано по Преображенскому богадѣльному дому, по случаю увольненія отъ должности смотрителя онаго, коллежскаго секретаря Бартевева. На это московскій генералъ-губернаторъ Закревскій отъ 14 того же сентября увѣдомилъ что для временнаго исправленія должности смотрителя Рогожскаго богадѣльнаго дома имъ назначенъ состоявшій при немъ надворный совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера, Лонгиновъ.

** О содержаніи этихъ прошеній см. отношеніе митрополита Филарета къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 21 сентября 1855 года.

Важнѣйшимъ по своимъ послѣдствіямъ событіемъ того времени было разрѣшеніе рогожскимъ раскольникамъ богослуженія въ молельныхъ кладбищахъ. Къ Пасхѣ 1855 года графъ Закревскій собственною властію далъ рогожскимъ раскольникамъ позволеніе отпереть большую изъ двухъ часовень для приходящихъ богомольцевъ, но безъ возобновленія богослуженія. Въ слѣдующемъ же 1856 году Закревскій попытался исходатайствовать рогожскимъ раскольникамъ законное разрѣшеніе на совершеніе богослуженія въ ихъ часовняхъ. Въ январѣ 1856 года по представленной Закревскому смотрителемъ Рогожскаго богадѣльнаго дома просьбѣ раскольниковъ онъ ходатайствовалъ предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи имъ совершать прекратившееся у нихъ служеніе въ часовняхъ. На это министръ внутреннихъ дѣлъ отъ 15 января того же года отвѣчалъ графу Закревскому „что такъ какъ по министерству не было распоряженія о воспрещеніи служенія въ сихъ часовняхъ, то совершенно достаточно смотрителю дома руководствоваться 60ю статьею XIV тома Св. Зак. (статья 60я касается вообще непреслѣдованія раскольниковъ за мнѣнія ихъ о вѣрѣ), съ тѣмъ однакоже чтобы при семъ не допускалось отправленія духовныхъ требъ и не было публичнаго оказательства ереси къ соблазну православныхъ и единовѣрцевъ“*. Рогожскіе раскольники приняли этотъ отвѣтъ министра за положительное разрѣшеніе имъ богослуженія и воспользовались имъ весьма неумѣренно. 21 января 1856 года, „въ теплой часовнѣ Рогожскаго кладбища, при собраніи множества раскольниковъ, открылось служеніе вечерни, въ которомъ начальствовалъ конторщикъ Иванъ Кручининъ, а 22 дня такимъ образомъ служена утренняя, и съ тѣхъ поръ, писалъ митрополитъ Филаретъ, продолжается подобное служеніе. Въ послѣдующіе дни замѣчено что во время службы отворяемы были царскія врата и служащій дѣлалъ возгласы; и какъ сего не можетъ сдѣлать мирянинъ, то заключаютъ что служащій былъ лжесвященникъ. Одежда на немъ была мѣщанская и онъ остриженъ по мѣщански; но могло быть что онъ подъ верхнею одеждою скрывалъ эпитрахиль. Полагаютъ что это именно Кручининъ, живущій близъ Рогожской заставы. Раскольники симъ ободрены, и напротивъ не только единовѣрцы, но и общеправо-

* Тамъ же, л. 2.

сдавшея весьма опечалены“*. „Восторжествовали раскольники, писавъ по этому случаю одинъ изъ единовѣрцевъ, и съѣхались во множествѣ, стали надъ нами смѣяться и хвалиться что церковь олатъ съ кладбища долой сгонять, что многихъ прихожанъ поколебало; а въ особенноти женщины возрадовались своему глупому услѣху и всѣхъ теперь увѣраютъ въ непрѣмномъ событіи что у нихъ все по старому будетъ къ Великому Посту, бѣглые полы или заграничные австрійскаго посвященія. Многіе отъ церкви отставать стали. Она хотятъ выхлопотать чтобъ явно ихъ полы служили въ часовняхъ и моленныхъ, а теперь они дѣйствуютъ много: крестать, вѣнчаютъ и отпѣваютъ, только въ тайнѣ, въ Москвѣ и въ Гуслицахъ, а на меня такъ жестоко возстаютъ и ругаютъ въ глаза Иудею Искаріотскимъ, предателемъ меня называютъ**.

По дошедшему въ началѣ февраля 1856 года до государя императора письму іеромонаха Пареевнѣ изъ Москвы объ этомъ происшествіи, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго сообщить подробныя по сему дѣлу объясненія, которыхъ въ свою очередь потребовалъ Закревскій у смотрителя Рогожскаго богадѣленнаго дома Лонгинова***. Этотъ послѣдній, между прочимъ, доносилъ что „торжество рогожскихъ раскольниковъ состояло въ общемъ веселіи и слезахъ радости при первой общей молитвѣ людей вѣрующихъ по-своему, но обязанныхъ за то отчетомъ не другимъ людямъ, а Богу! Если радость эта преступна, то виноваты въ ней тѣ которые осмѣлились самовольно отнять у нихъ это утѣшеніе и подали имъ тѣмъ самымъ поводъ изъяслять ее въ высшей степени при возвращеніи имъ законнаго права“****. На основаніи этого

* Тамъ же. См. донесеніе митрополита Филарета Св. Синоду отъ 16 февраля 1856 г.

** Письмо В. Салепкина къ А. Н. (Муравьеву) отъ 7 февраля 1856.

*** Проектъ изложенія особаго журнала секретнаго комитета 12 марта, 5 апрѣля и 16 мая 1856 по дѣлу о дѣйствіяхъ раскольниковъ такъ-называемаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, л. 13.

**** Выписка изъ объясненія смотрителя Рогожскаго богадѣленнаго дома, относящаяся къ 1856 году, съ чьими-то замѣчаніями на нее, въ которыхъ указывается на неблагонадежность тогдашняго Рогожскаго дома.

донесенія графъ Закревскій отъ 1 марта отозвался что данное раскольникамъ дозволеніе полпрежнему молиться въ часовняхъ ихъ не произвело никакихъ беспорядковъ; что вечеромъ 21 января призрѣваемые въ богадѣльнѣ отправляли службу въ часовняхъ, на другой же день, 22 числа, собралось большое число богомольцевъ, но при этомъ никакого особеннаго торжества и публичнаго оказательства ереси не было, а производилсь раскольниками внутри часовель чтеніе утреди, часовъ и вечерни, подобно тому какъ это дѣлается обыкновенно во всѣхъ дозволенныхъ правительствомъ раскольническихъ часовняхъ и моленныхъ *. Казалось дѣло наклонилось въ пользу раскольниковъ. Но ко времени доклада о немъ государю императору подослѣло донесеніе митрополита Филарета Св. Синоду отъ 16 февраля 1856 года о томъ же предметѣ и имѣло рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла. Въ этомъ донесеніи, между прочимъ, сказано: „Если принять въ разсужденіе что раскольники прежде и при особенномъ возбужденіи и надеждѣ не рѣшались открыть въ часовнѣ богослуженіе безъ священника, какъ замѣчено 23 января прошедшаго 1855 года, а вынѣ открыли и продолжаютъ оное, и если поставитъ сіе въ связь съ поѣздками значительныхъ раскольниковъ въ Петербургъ, то не безъ основанія можетъ представиться вопросъ, не получили ли они на сіе разрѣшеніе отъ начальства? Это былъ бы печальный случай, котораго послѣдствія не легко измѣрить. Это имѣло бы такой видъ что начальство само насаждаетъ и укореняетъ новую отрасль раскола, толкъ поповщико-безполовщинскій, поповщинскій по сохраняемому имъ признанію потребности священства и святаго причащенія, а по общественному богослуженію безполовщинскій, и, что особенно важно, это былъ бы самый удобный случай для раскольниковъ подъ личиною мірянъ скрывать лжесвященниковъ заграничной лжеіерархіи.“ ** По поводу этого донесенія послѣдовала 4 марта 1856 года слѣдующая высочайшая резолюція: „Разсмотрѣть не медля въ секретномъ комитетѣ и принять

* Проектъ изложенія особаго журнала секретнаго комитета 12 марта, 5 апрѣля и 16 мая 1856 года по дѣлу о дѣйствіяхъ раскольниковъ такъ называемаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, л. 13.

** Донесеніе митрополита Филарета Св. Синоду отъ 16 февраля 1856 года.

неотложныя мѣры къ обузданію преступнаго своеволія раскольниковъ“, а на самомъ донесеніи митрополита Московскаго, противъ словъ, „не получили ль они на сіе дозволеніе отъ начальства“, его величество изволилъ отвѣтить собственноручно же: „отъ какого?“ * Когда же послѣ этого министръ внутреннихъ дѣлъ Давидскій вошелъ съ докладомъ къ государю императору по поводу объясненія графа Закревскаго о томъ же обстоятельстве, то его императорское величество изволилъ собственноручно написать слѣдующее: „По сему самому дѣлу я на дняхъ получалъ, чрезъ Синодъ, формальный протестъ митрополита Московскаго и приказалъ дѣло это внести неотлагательно въ секретный комитетъ. По важности предмета необходимо и съ вашей стороны сообщить комитету всѣ полученныя вами свидѣнія и, обсудивъ въ совокупности, представить заключенія ваши на мое утвержденіе. Прошу дѣломъ этимъ не медлить“. **

Три раза собирался секретный комитетъ для сужденія о семъ предметѣ, именно 12 марта, 5 апрѣля и 16 мая 1856 года. Мнѣнія членовъ раздѣлились. Пять членовъ, митрополитъ Никаноръ, архіепископъ Григорій, протопресвитеръ Бажановъ, статсъ-секретарь Тавѣевъ и исправляющій должность оберъ-прокурора Св. Синода Карасевскій подали такое мнѣніе: „Высочайшими резолюціями на всеподданнѣйшемъ докладѣ о донесеніи митрополита Московскаго и на самомъ донесеніи его требуется: 1) принять неотложныя мѣры къ обузданію преступнаго своеволія раскольниковъ; 2) донести его императорскому величеству, отъ какого начальства они могли получить дозволеніе къ открытію богослуженія. Послѣднее изъ сихъ повелѣній можетъ быть приведено въ исполненіе не иначе какъ секретнымъ дознаніемъ или изслѣдованіемъ на мѣстѣ, къ чему и должно приступить для донесенія его величеству о томъ что окажется. Между тѣмъ во исполненіе перваго изъ сихъ повелѣній надлежитъ нынѣ же опредѣлить и принять неотложно мѣру обузданія рогожскихъ раскольниковъ въ настоящихъ и дальнѣйшихъ своевольныхъ дѣйствіяхъ ихъ... Таковымъ распоряженіемъ признается

* Выписка съ высочайшей резолюціи 4 марта 1856 года.

** „Проектъ изложенія особаго журнала секретнаго комитета 12 марта, 5 апрѣля и 16 мая по дѣлу о дѣйствіяхъ раскольниковъ такъ-называемаго Рогожскаго кладбища въ Москвѣ“, а. 13 и 14.

запечатаніе часовень рогожскихъ съ тѣмъ чтобы гдѣ-нибудь была основана въ православную или единоувѣрческую церковь, для чего и дать рогожцамъ мѣсяць срока на размышленіе; желаютъ ли они присоединиться къ православной церкви безусловно, или на правахъ единоувѣрія, причемъ объявить имъ рѣшительно что желаніе ихъ имѣть бѣглыхъ, независимыхъ отъ епархіальной власти священниковъ необыточно и никогда не будетъ принято правительствомъ, какъ противное кореннымъ законамъ церкви и государства.“ * Четыре члена, графъ Блудовъ, генералъ-адъютантъ графъ Биселевъ и дѣйствительные тайные совѣтники Лавской и статсъ-секретарь графъ Панинъ, полагали что до предварительнаго изслѣдованія достаточно лишь ограничиться воспрещеніемъ раскольникамъ торжественныхъ соборщъ для богомоленія на Рогожскомъ кладбищѣ. Но въ послѣднее засѣданіе одинъ изъ этихъ четырехъ членовъ, графъ Блудовъ, присоединился къ мнѣнію большинства, какъ скоро оно предложило среднюю, предупредительную мѣру, то-есть запечатаніе однихъ алтарей. „Сія мѣра, полагалъ онъ, можетъ быть принята безъ неудобства, даже съ пользой. Она покажетъ что правительство не отступаетъ отъ своего кореннаго правила не преслѣдовать раскольниковъ за ихъ мнѣнія о вѣрѣ, но и не допускать никакого публичнаго оказательства ихъ ереси въ соблазнъ православнымъ. Торжественное при многолюдномъ собраніи народа совершеніе раскольниками богослуженія въ оградѣ гдѣ призываются и приходятъ на молитву обращенные въ недавнемъ времени къ единоувѣрью принадлежатъ къ числу такихъ оказательствъ, и повтореніе сего будетъ предупреждено запечатаніемъ царскихъ и другихъ дверей алтаря“. ** Прочіе же три члена меньшинства „остались непреказовными, одинъ по опасенію какихъ-то неприятностей, а другой за неимѣніемъ въ дѣлѣ законнаго изслѣдованія... Въ то же послѣднее собраніе была предложена комитету записка статсъ-секретаря князя Голицына съ изложеніемъ высочайшей резолюціи, послѣдовавшей по просьбамъ рогожскихъ раскольниковъ, просящихъ себѣ священниковъ независимыхъ отъ

* Записка большинства членовъ секретнаго комитета 1856 г. о необходимости закрыть Рогожскія часовни.

** Мнѣніе шести членовъ секретнаго комитета 16 мая 1856 года.

архіересть, и раскольниковъ изъ другихъ губерцій“.* Вѣроятно, то была просьба старшинъ Рогожскаго кладбища Зеленова и Винокурова, ржевскихъ раскольниковъ Поганкина, Бѣлева и другихъ и государственнымъ крестьянъ села Кимры, Тверской губерніи, поданная въ апрѣлѣ 1856 года, которая государя императоръ повелѣлъ внести на разсмотрѣніе въ секретный комитетъ, написавъ собственноручно: „сообщить къ свѣдѣнію, объявивъ что я на это рѣшительно не согласенъ“ **.

„За симъ шесть вышеломенованныхъ членовъ полагали: 1) Рогожскія часовни хотя и слѣдовало бы закрыть, но единственно изъ снисхожденія къ призрѣваемымъ въ богадѣльномъ домѣ раскольникамъ залечатать въ нихъ одви лишь алтари, какъ вовсе излишніе безъ священниковъ и недоступныя для мірянъ, и дозволить раскольникамъ рогожскимъ приходить въ означенныя часовни только молиться про себя, безъ чтенія и пѣнія, какъ это и предложалось съ ноября 1854 до 21 января сего 1856 года; 2) независимо отъ сего собственно для дознанія о степени виновности раскольниковъ Рогожскаго кладбища въ самочинномъ оказаніи раскола, предоставить московскому военному генералъ-губернатору избрать изъ числа состоящихъ въ его вѣдомствѣ чиновника вполне извѣстнаго своею благонадежностію и безкорыстіемъ, которому и доверить обще съ избраннымъ для сего со стороны духовнаго вѣдомства чиновникомъ произвести упомянутое дознаніе по непосредственнымъ указаніямъ и наблюденіямъ Московскаго совѣщательнаго комитета; 3) поручить преосвященному митрополиту Московскому обще съ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, призвавъ къ себѣ старшинъ Рогожскаго кладбища, рѣшительно объявить имъ, а чрезъ нихъ всѣмъ рогожскимъ раскольникамъ, что желаніе ихъ имѣть священниковъ независимыхъ отъ архіерея никогда не будетъ принято правительствомъ, какъ противное законамъ церкви и государства, и что имъ остается присоединиться къ св. церкви или безусловно, или на правилахъ единовѣрія для освященія рогожскихъ часовень и для правильнаго

* Письмо митрополита Никанора къ митрополиту Филарету 21 іюля 1856.

** Записка статсъ-секретаря князя Голицына, съ резолюціей государя императора и при ней прошеніе московскихъ раскольниковъ поданное въ апрѣлѣ 1856 года.

въ оныхъ богослуженіяхъ; а также что если они дозволили себѣ оказательство ихъ ереси по недостаточному уразумѣнію даннаго имъ разрѣшенія молиться въ часовнѣ, то уже въ послѣдствіи не могутъ имѣть сего извиненія и потому за первое совершеніе въ нихъ раскольниками церковныхъ служебныхъ обрядовъ и вообще всего что не допускается въ обыкновенномъ домашнемъ служеніи, сіи часовни будутъ со-всѣмъ закрыты; 4) всѣ поступившія въ секретный комитетъ по сему дѣлу бумаги немедленно передать министру внутрен-нихъ дѣлъ въ подлинникахъ, а также копію съ настоящаго журнала, съ тѣмъ чтобъ онъ препроводилъ всѣ оныя къ московскому военному генералъ-губернатору: первыя въ подлин-никахъ, а журналъ въ копіи, для предложенія тамошнему се-кретному совѣщательному комитету къ надлежащему испол-ненію на точномъ основаніи высочайшей воли о принятіи неотложныхъ мѣръ къ обузданію преступнаго своеволія рас-кольниковъ; 5) таковое мнѣніе повергнуть на всемогущѣй-шее воззрѣніе его императорскаго величества.“*

Государь императоръ, рассмотрѣвъ особый журналъ секрет-наго комитета 12 марта, 5 апрѣля и 16 мая 1856 года по дѣлу о дѣйствіяхъ раскольниковъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, высочайше соизволилъ въ Царскомъ Селѣ въ 12 день іюня 1856 года написать на ономъ собственноручно: „Исполнить по мнѣнію шести членовъ, тѣмъ болѣе что такъ какъ на Ро-гожскомъ кладбищѣ священниковъ нѣтъ и не должны быть допускаемы если не присоединятся къ православію или едино-вѣрью, то и алтари для службы не нужны“**.

Митрополитъ Никаноръ 21 іюня 1856 года съ восторгомъ увѣдомлялъ московскаго митрополита Филарета объ этой ре-золюціи государя императора, „полагая,—какъ писалъ онъ,— что защитники лоловщинской секты не скоро сообщать вамъ рѣшительное утвержденіе, весьма утѣшительное и одобри-тельное для православныхъ и единовѣрцевъ... Утѣшительно

* Мнѣніе шести членовъ секретнаго комитета 16 мая 1856 года. Но призванные для уразумѣнія рогожскіе раскольники не хотѣли даже подписаться въ слыханіи высочайше утвержденнаго мнѣнія. См. объ этомъ записку митрополита Филарета „о домогательствѣ раскольниковъ имѣть священниковъ отъ гражданскаго начальства“, 1857 года.

** Отношеніе статей-секретаря Суковнина отъ 16 іюля 1856 года къ митрополиту Никанору, съ прописаніемъ высочайшей резолюціи.

было бы для православныхъ и единовѣрцевъ, прибавляя оны въ заключеніе своего письма, еслибы возможно было сообщать имъ высочайшія рѣшенія въ пользу православія и къ ослабленію раскола.“ * Но радость митрополита Никанора была преждевременна.

Мы видѣли что вторымъ пунктомъ высочайше утвержденнаго мнѣнія шести членовъ секретнаго комитета положено было произвести дознаніе на мѣстѣ о степени виновности раскольниковъ Рогожскаго кладбища въ самочинномъ оказательствѣ раскола. Но это дознаніе, руководимое графомъ Закревскимъ, не открыло никакого самочиннаго богослуженія и оказательства раскола, а слѣдовательно и виновныхъ въ этомъ, да и не могло открыть, какъ выражалось большинство членовъ секретнаго комитета, за недостаткомъ къ тому средствъ, тогда какъ къ закрытію истины раскольники имѣли и время и всѣ средства. По доведенію о результатахъ дознанія до высочайшаго свѣдѣнія, представители мнѣнія большинства членовъ секретнаго комитета: митрополитъ Григорій, протопресвитеръ Бажановъ, графъ Блудовъ и А. Тавѣевъ представили на высочайше усмотрѣніе *справку*. Въ ней они объясняли „что дѣйствительность самочиннаго раскольническаго богослуженія не только была уже прежде признана во мнѣніи большинства членовъ комитета, удостоенномъ высочайшаго утвержденія, но подтверждается и настоящимъ секретнымъ дознаніемъ. Не обнаружено только кто священнодѣйствовалъ. Посему, кажется, и нельзя согласиться со мнѣніемъ что будто бы самочиннаго оказательства не обнаружено. Съ другой стороны, дознаніемъ открыто что ящикъ Кричинъ есть джесвященникъ, принявшій сей санъ по желанію старообрядческаго общества (то-есть общества рогожскихъ раскольниковъ). Обстоятельство это ведетъ къ заключенію что между сими раскольниками могутъ быть и другіе священники, кромѣ Кричина“. Противъ статей этой справки государь императоръ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній. Вотъ два изъ нихъ. Большинство членовъ комитета, между прочимъ, объясняло что высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ сего большинства „положено было произвести дознаніе не о томъ, было ли на Рогожскомъ кладбищѣ въ январѣ 1856 года

* Письмо митрополита Никанора къ митрополиту Филарету отъ 21 іюня 1856 года.

самочинное оказательство раскола, а только о степени виновности раскольниковъ въ семь оказательствъ“. На это государь императоръ замѣтилъ: „Это совершенно несправедливо, ибо произносить приговоръ о степени виновности раскольниковъ, безъ предварительнаго дознанія, было ли дѣйствительно самочинное оказательство раскола, считаю несправедливымъ и крайне неблаговиднымъ“. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу предположенія составителей справки, что кромѣ Кричина, у раскольниковъ могутъ быть и другіе священники, государь замѣтилъ: „Весьма вѣроятно, но это есть послѣдствіе закона 1827 года, который ихъ заставляетъ или переходить въ безполовщину, или прибѣгать къ заграничнымъ раскольникамъ для посвященія тайныхъ священниковъ. Въ этомъ и есть главный вопросъ, на который я неоднократно обращалъ вниманіе членовъ секретнаго комитета, но доселѣ не было мнѣ представлено ни одной мѣры какъ намъ выйти изъ сего затруднительнаго и вреднаго положенія“. На самой же справкѣ, въ 15 день декабря 1857 года, положена была слѣдующая высочайшая резолюція: „Эта справка, по моему, ничего не доказываетъ, а напротивъ высказываетъ неосновательность многихъ выводовъ, какъ мною помѣчено противъ самихъ статей“. *

Мы не думаемъ чтобы рассмотрѣнное дѣло объ оказательствѣ рогожскихъ раскольниковъ, въ отдѣльномъ своемъ видѣ, имѣло дальнѣйшее движеніе. Изъ нѣкоторыхъ замѣчаній государя императора на справку большинства членовъ секретнаго комитета можно видѣть что мысль его величества устремлена была въ это время на другой болѣе важный вопросъ объ успокоеніи половщинскихъ раскольниковъ дарованіемъ имъ какихъ-либо священниковъ. За этимъ вопросомъ ступевалось частное дѣло объ оказательствѣ рогожскихъ раскольниковъ и совершенно сдѣлось съ нимъ. Вопросъ же о дарованіи половщинскимъ раскольникамъ священниковъ возбужденъ былъ снова олять-таки графомъ Закревскимъ. Къ этому вопросу мы теперь и обращаемся.

* Справка четырехъ членовъ секретнаго комитета, 1857, съ замѣчаніями и резолюціей къ ней государя императора.

V.

Въ видахъ поощренія единовѣрія и привлеченія къ нему раскольниковъ, московскій митрополитъ Филаретъ служилъ нѣсколько разъ въ единовѣрческихъ церквахъ по старымъ обрядамъ и книгамъ. Авторъ книги *Le Rascol* передаетъ что когда митрополита Филарета разъ позвали освятить одну изъ моленей Рогожскаго кладбища для обращенія ея въ церковь, онъ надѣлъ старинныя ризы и крестился двуперстнымъ сложеніемъ *. Это было 20 сентября 1854 года **. Въ другой разъ митрополитъ служилъ по старымъ обрядамъ въ 1856 году по слѣдующему случаю. 9 сентября 1855 года, посѣтилъ рогожскихъ единовѣрцевъ государь наслѣдникъ Николай Александровичъ и, въ память посѣщенія имъ здѣшной единовѣрческой церкви Св. Николая, пожаловалъ въ нее въ 1856 году икону Святителя Николая. По просьбѣ единовѣрцевъ митрополитъ Филаретъ 13 мая прелпроводилъ эту икону въ Никольскую единовѣрческую церковь, совершилъ здѣсь молебное пѣніе по чину единовѣрческой церкви и бесѣдовалъ съ прихожанами о предметѣ торжества и о единствѣ церковномъ ***. Вотъ это-то служеніе митрополита Филарета по чину единовѣрческой церкви или, иначе говоря, по старымъ обрядамъ, предусмотрѣнное и дозволяемое еще 4ю статьей правилъ о единовѣрціи 1800 года, внушило рогожскимъ раскольникамъ мысль о тождествѣ ихъ обряда съ единовѣрческимъ и правоспособности ихъ общества на законное существованіе и признаніе. Въ декабрѣ 1856 года они подали всеподданнѣйшую просьбу о дарованіи имъ половъ, не подчиненныхъ епархіальному начальству. Въ этой просьбѣ

* Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ, В. Кельсиева, вып. II, 1861, стр. 205.

** Что въ это время освящена Рогожская Никольская единовѣрческая церковь объ этомъ см. отношеніе митрополита Филарета къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 7 марта 1855 года.

*** Отношеніе митрополита Филарета къ генераль-адъютанту Н. В. Зиновьеву отъ 14 мая 1856 года. См. всеподданнѣйшее прошеніе раскольника Милона Фролова, поданное 3 мая 1859 года, гдѣ упоминается о служеніи митрополита Филарета въ единовѣрческомъ храмѣ.

раскольники, усиливаясь доказать „что они не отщепенцы православной церкви, а послѣдователи той вѣры которую со времени Св. Равноапостольнаго Владиміра и до патріарха Никона исповѣдывали сами цари и духовные сановники, во свидѣтельство законности своихъ вѣрованій представляютъ мощи святыхъ угодниковъ россійскихъ, почившихъ прежде времени Никона.“ Правила единовѣрческой церкви раскольники хотя и признаютъ одинакими съ ихъ правилами, но для принятія къ себѣ единовѣрческихъ священниковъ поставляютъ непреодолимою преградой подчиненіе ихъ архіереямъ, кои на бывшемъ въ Москвѣ въ 1667 году соборѣ положили проклятіе на всѣхъ приверженцевъ прежнихъ обрядовъ. Кромѣ того, развиваютъ въ просьбѣ своей мысль о несправедливости правительства, не уважающаго въ примѣненіи къ нимъ даже основныхъ государственныхъ законовъ и дѣйствующаго единственно въ видахъ православнаго духовенства, а не церкви. Духовенство же, по мнѣнію ихъ, съ умысломъ затмѣваетъ истину и скрываетъ отъ правительства тождество раскола съ единовѣріемъ. Поводомъ къ распространенію таковыхъ мыслей между раскольниками, по предположенію графа Закревскаго, послужило водвореніе внутри Рогожскаго богадѣльнаго дома въ Москвѣ, по настоянію бывшего министра внутреннихъ дѣлъ генераль-отъ-инфантеріи Бибикова, безъ предварительнаго сношенія съ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ, единовѣрческой церкви и отправленіе въ оной службы самимъ митрополитомъ московскимъ по правиламъ единовѣрческимъ.

Не получая отзыва на вселодданнѣйшую просьбу свою, рогожскіе раскольники въ началѣ 1857 года обратились къ посредничеству графа Закревскаго и, представивъ ему копію съ означенной просьбы, просили довести ее до свѣдѣнія государя императора. Графъ Закревскій, „не желая дать раскольникамъ поводъ думать что мѣстное начальство признаетъ просьбу ихъ основательною, предписалъ оберъ-полицеймейстеру объявить просителямъ что за неоднократными высочайшими повелѣніями объ отказѣ имъ въ подобныхъ просьбахъ, онъ не можетъ ничего сдѣлать къ удовлетворенію настоящаго ихъ домогательства.“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Закревскій признавалъ просьбу раскольниковъ справедливою и рѣшился ходатайствовать за нихъ предъ государемъ императоромъ. Во вселодданнѣйшей запискѣ своей отъ 11 апрѣля

1857 года онъ писалъ слѣдующее: „До тѣхъ поръ, пока раскольники просили о дачѣ имъ половъ подчиненныхъ гражданскому начальству, не выражая ни своего на это права, ни того что обряды и таинства ихъ не оскорбляютъ православной церкви, правительство могло еще оставлять означенныя просьбы ихъ безъ уваженія, подъ предлогомъ огражденія правъ православной церкви. Но коль скоро раскольники увидѣли что въ ихъ же кладбищѣ самъ митрополитъ дѣлаетъ все то что имъ воспрещаютъ и называютъ оскорбленіемъ православія, они получили убѣжденіе что запрещеніе имъ богослуженія и недача половъ подчиненныхъ гражданскому начальству, равно лишеніе ихъ гражданскихъ правъ есть несправедливое преслѣдованіе со стороны православнаго духовенства и что слѣдовательно правительство не можетъ уже оставить просьбу ихъ, подобно прежнимъ, безъ всякаго уваженія, въ чемъ ихъ обнадеживаетъ слово вашего императорскаго величества выраженное во всеимператорскомъ манифестѣ 19 марта 1856 года: *каждый подъ стѣною законовъ, для всѣхъ равно справедливымъ, есть равно покровительствуемый, да наслаждается плодами трудовъ невинныхъ.*“

Далѣе графъ Закревскій излагаетъ собственныя соображенія въ пользу дарованія раскольникамъ половъ и возвращенія имъ гражданскихъ правъ. Указывая на многочисленность раскольниковъ, опасеніе негодованія съ ихъ стороны на императора и на выселенія ихъ въ другія государства, графъ Закревскій писалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Изъ отчетовъ духовнаго вѣдомства видно что число православныхъ не бывшихъ на исповѣди и у св. причастія по наклонности къ расколу увеличивается ежегодно. Въ 1853 году ихъ было 669.757 человекъ, въ 1854 году 687.212, въ 1855 году 715.151. Съ отказомъ въ настоящей просьбѣ можно ожидать огромнаго переселенія раскольниковъ въ другія государства, внутреннихъ безпорядковъ и образованія новыхъ раскольническихъ сектъ, гораздо вреднѣйшихъ нежели половщинская. Дабы предупредить и отвратить возможность бѣдствія, правительство въ дѣйствіяхъ своихъ относительно раскольниковъ не должно увлекаться одними религіозными началами, но согласовать оныя съ пользами политическихъ и гражданскихъ видовъ... Правительство поступитъ совершенно предусмотрительно, если пользуясь настоящимъ домогательствомъ половщинскихъ раскольниковъ, дастъ имъ священни-

ковъ подчиненныхъ гражданскому начальству...“ Для приведенія сего въ исполненіе представляются три способа:

„Первый способъ—дать раскольникамъ половъ на тѣхъ самыхъ основаніяхъ какъ выражаютъ они въ своихъ просьбахъ, изложивъ въ секретномъ циркулярѣ высочайшее повелѣніе въ слѣдующемъ видѣ: 1) объявить раскольникамъ что ваше величество, по особенному милосердію своему, изволите дозволить имъ принимать къ молитвеннымъ ихъ зданіямъ священниковъ и діаконовъ, кои пожелаютъ поступить къ нимъ добровольно отъ православныхъ приходовъ или изъ заштатныхъ, которые никогда не были ни подъ судомъ, ни подъ запрещеніемъ. 2) Объ опредѣленіи къ раскольникамъ таковыхъ священниковъ и діаконовъ они ходатайствуютъ у высшаго мѣстнаго гражданского начальства, съ представленіемъ притомъ письменнаго согласія на то священнослужителя. 3) Гражданское начальство получивъ о семъ просьбу свосится съ епархіальнымъ, волервыхъ, о доставленіи свѣдѣнія не состоялъ ли до настоящаго времени подъ судомъ или запрещеніемъ изъясвившій согласіе на поступленіе къ раскольникамъ священникъ или діаконъ и, восторыхъ, въ случаѣ удовлетворительнаго на сіе отвѣта, объ исключеніи означеннаго священнослужителя изъ вѣдомства епархіальнаго начальства, какъ такое лицо которое оказываетъ неблагонадежность для православной паствы. 4) Духовнымъ лицамъ поступившимъ на такомъ основаніи къ раскольникамъ находится впредь подъ вѣдѣніемъ главнаго мѣстнаго гражданского начальства. 5) Гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ зданій, тамъ не позволять имѣть и священнослужителей. 6) Означенные священники должны вести метрики и представлять о томъ ежегодно вѣдомости гражданскому начальству. 7) За маловажные проступки таковыя духовныя лица судятся старѣйшими изъ среды себя священниками, а въ случаѣ уголовныхъ преступленій отсылаются для сужденія къ епархіальному начальству.

„Второй способъ—возобновить во всей силѣ высочайшее повелѣніе 1822 года, коимъ относительно бѣглыхъ священниковъ находящихся у раскольниковъ постановлялось: 1) Буде таковыя священники не сдѣлали никакого уголовного преступленія, о чемъ губернаторы должны сами разыскивать и спрашивать архіереевъ, то оставлять ихъ на мѣстѣ, какъ такихъ людей коими не дорожать. 2) На требованіе епархіаль-

ныхъ архіереевъ о высылкѣ таковыхъ священниковъ отмѣчать что они находятся при своихъ мѣстахъ. 3) Если бѣглый священникъ попадется у раскольниковъ и о немъ откроется что онъ учинилъ побѣгъ отъ своего мѣста по причинѣ сдѣланнаго имъ уголовного преступленія, то такого высылать по требованіямъ епархіальныхъ архіереевъ. 4) Гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ зданій, тамъ не держать ни подъ какимъ видомъ и бѣглыхъ священниковъ. 5) Священникамъ находящимся у раскольниковъ приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству.

„Третій способъ—дозволить расколыникамъ имѣть при молитвенныхъ зданіяхъ половъ какихъ хотять, но только поставленныхъ не російскими архіереями. Для сего по высочайшему повелѣнію дать знать циркулярно начальникамъ губерній: 1) Чтобъ они появляющихся при раскольническихъ молитвенныхъ зданіяхъ половъ заграничнаго посвященія, если они не учинили преступленій, не преслѣдовали на томъ же основаніи какъ не преслѣдуются духовныя лица Жидовъ, магометанъ и другихъ иновѣрцевъ. 2) Эти лица должны числиться по ревизіи, отправлять повинности и пользоваться правами тѣхъ сословій коимъ они по званію своему принадлежать. 3) Въ случаѣ совершенія уголовныхъ преступленій они судятся по законамъ на общемъ основаніи какъ лица гражданского вѣдомства. 4) Таковыхъ духовныхъ лицъ дозволить расколыникамъ имѣть только при молитвенныхъ зданіяхъ. 5) Эти полы обязаны для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости гражданскому начальству.“

Послѣдній способъ, по мнѣнію Закревскаго, представляетъ болѣе неудобствъ, поставляя расколыниковъ въ зависимость отъ высшаго заграничнаго духовенства, тогда какъ первый есть самый удобный, потому что и соответствуетъ желанію и нуждамъ просителевъ и даетъ расколыникамъ пастырей хотя вышедшимъ изъ-подъ власти епархіальнаго начальства, но не бѣглецовъ и преступниковъ, а правительство не можетъ не желать чтобы духовныя лица его подданныхъ были сколько возможно нравственнѣе.

„Съ принятіемъ того изъ первыхъ двухъ способовъ, говорить Закревскій, который признанъ будетъ удобнѣйшимъ, политическая самобытность нашихъ расколыниковъ исчезнетъ; находящіеся теперь въ Россіи джеархіереи и полы загранич-

наго посвященія сдѣлаются ненужными; уничтожится враждебное чувство раскольниковъ къ правительству; устранятся поводы къ переселенію ихъ за границу и къ переводу туда капиталовъ на поддержаніе чужеземныхъ митрополій.

„Разумѣется, что за симъ для приведенія въ дѣйствіе нашихъ коренныхъ законовъ о расколахъ и вѣротерлимости, которые въ послѣднее время разными мѣропріятіями были нарушены, необходимо, кромѣ дачи раскольниковамъ половъ, сдѣлать слѣдующее: 1) подтвердить циркулярно о точномъ исполненіи Т. XIV Свод. Зак., Уст. о пред. и яресѣч. прест. противъ вѣры, статей 60 и 77, по силѣ коихъ раскольники не преслѣдуются за мнѣніе о вѣрѣ, и потому ни гражданское начальство, ни духовенство православное не должны вмѣшиваться въ обряды и богослуженіе производимые раскольниками внутри ихъ часовень и молельнь, а обязаны только строго наблюдать чтобы раскольники въ молитвенныхъ зданіяхъ не осмѣливались обнаруживать оказательства ереси къ соблюденію православныхъ. 2) Отмѣнить распоряженіе по коему купцы не представившіе при объявленіи капиталовъ свидѣтельствъ о принадлежности къ православію или единовѣрью перечисляются въ мѣщанство, съ выдачей торговыхъ свидѣтельствъ только на временномъ правѣ. 3) Прекратить насильственное отягченіе у раскольниковъ ихъ молитвенныхъ зданій для обращенія въ единовѣрческіе храмы. Такое распоряженіе, заключаетъ Закревскій свою записку, кромѣ того, что предотвратитъ эмиграцію и могущіе быть безпорядки внутри Россіи, сдѣлаетъ изъ раскольниковъ самыхъ вѣрныхъ и исправныхъ подданныхъ вашему императорскому величеству, какъ виновнику ихъ духовнаго усложненія.“

Эта записка графа Закревскаго ислещрена была собственноручными замѣчаніями государя императора, который, мѣстами не соглашаясь съ доводами графа Закревскаго, въ другихъ мѣстахъ раздѣлялъ его мысли и оласенія, на примѣръ насчетъ образованія новыхъ раскольническихъ сектъ, гораздо вреднѣйшихъ нежели поповщинская, насчетъ эмиграціи и могущихъ быть безпорядковъ внутри Россіи, и наконецъ положилъ на этой запискѣ слѣдующую резолюцію: „Дѣло это внести неотлагательно на разсмотрѣніе секретнаго комитета, причемъ обращаю вниманіе гг. членовъ на важность сего государственнаго и, можно сказать, жизненнаго для насъ вопроса и ожидаю полнаго и откровеннаго ихъ мнѣнія, для

успокоенія колеблющейся моей совѣсти въ этомъ важномъ дѣлѣ, т.-е. какъ согласовать выгоды нашей церкви съ государственными выгодами, ибо дѣло идетъ о успокоеніи умовъ пяти миллионовъ людей.“ *

Несмотря однако на высочайшую резолюцію о неотлагательномъ внесеніи дѣла на разсмотрѣніе секретнаго комитета, по нашимъ документамъ мы не видимъ движенія этого дѣла въ теченіе болѣе полугода. Вѣроятно, въ это время собиралась и готовилась необходимая данная для его рѣшенія. Съ одной стороны, къ этому времени относятся отчетъ П. И. Мельникова о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи и записка его о расколѣ вообще, составленная для Великаго Князя Константина Николаевича; ** съ другой—къ тому же времени мы должны отнести замѣчанія московскаго митрополита Филарета на всеподданнѣйшую записку графа Закревскаго отъ 11 апрѣля 1857, которыя составлены были на основаніи только частныхъ свидѣній объ этой запискѣ и въ копіи пересланы были митрополитомъ Филаретомъ с.-петербургскому митрополиту Григорію. Но есть основаніе полагать что и въ этотъ промежутокъ времени происходили совѣщанія секретнаго комитета, но разстраивались по діаметральной противоположности рѣшительныхъ и рѣзкихъ сужденій заинтересованныхъ сторонъ—гражданской и духовной. Примѣръ рѣшительности това, замѣтной въ самой запискѣ Закревскаго, мы видимъ также въ замѣчаніяхъ митрополита Филарета на нее, которыя онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Изъ всего здѣсь изложеннаго нельзя вывести ниаго заключенія, какъ то, что на домогательство раскольниковъ получать отъ гражданскаго начальства независимыхъ отъ архіерея священниковъ отказъ, неоднократно сдѣланный въ Бозѣ почившимъ государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и неоднократно подтвержденный нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ есть дѣло царской правды и прозорливости, дѣло неколебимой твердости священнаго царскаго слова, дѣло поистинѣ благочестивѣйшаго защитника и покро-

* Записка графа Закревскаго 11 апрѣля 1857, съ замѣчаніями и резолюціей на ней государя императора.

** Изд. въ Сборникъ правительственныхъ свидѣній о расколѣ, В. Кельсиева, вып. 1, 1861, стр. 167 и слѣд.

отела православной церкви.“ * Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что этотъ товъ отразился и на преніяхъ членовъ секретнаго комитета, духовныхъ и свѣтскихъ. Большое различіе во взглядѣ православнаго духовенства и нѣкоторыхъ свѣтскихъ членовъ на избраніе системы дѣйствій въ отношеніи къ расколу засвидѣтельствовано высочайшимъ повелѣніемъ 10 января 1858 года ** и послужило поводомъ ко временному устраненію духовныхъ членовъ комитета отъ его засѣданій и къ ограниченію сферы дѣятельности этого комитета.

Слѣдующее засѣданіе комитета, подъ предсѣдательствомъ Великаго Кнзя Константина Николаевича, состоялось 10 января 1858 года, безъ участія духовныхъ членовъ. Августѣйшій предсѣдатель объявилъ собравшимся членамъ слѣдующее высочайшее повелѣніе. „Государь императоръ, при разсмотрѣніи представленныхъ его императорскому величеству въ разное время дѣлъ о раскольникахъ, соизволилъ замѣтить: 1) что несмотря на обиліе у насъ печатныхъ книгъ и рукописныхъ записокъ, исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны, и

* Замѣчанія митрополита Филарета на записку Закревскаго составленныя въ 1857 году, вкорѣ посаѣ ея подачи.

** Выписка изъ журнала секретнаго комитета 10 января 1858. Для примиренія этого разногласія предложена была средняя мѣра, о дарованіи раскольникамъ половъ съ непосредственнымъ подчиненіемъ ихъ Св. Синоду. Высочайше утвержденнымъ 15 декабря 1857 журналомъ секретнаго комитета предоставлено было митрополиту Григорію съ прочими членами Св. Синода и съ отсутствующими митрополитами, посредствомъ частныхъ и конфиденціальныхъ съ ними сношеній, обсудить представившуюся свѣтскимъ членамъ комитета мысль, — нельзя ли раскольникамъ, для поддержанія въ нихъ чувствуемой ими потребности въ духовной пищѣ и для удовлетворенія сей потребности, назначать вполнѣ соответствующихъ высокому своему призванію священниковъ, которые, совершая для нихъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и съ соблюденіемъ хранимыхъ ими особыхъ, но допускаемыхъ церковію обрядовъ, были бы поставлены въ прямую и непосредственную зависимость отъ самого Св. Синода, безъ всякаго на нихъ вліянія мѣстныхъ епископовъ ни въ отношеніи къ опредѣленію въ новые приходы, ни въ отношеніи къ переводу ихъ въ другіе или къ совершенному удаленію.“ Но этотъ проектъ, напоминающій положеніе нашихъ военныхъ священниковъ, не получилъ въ то время дальнѣйшей разработки.

что поэтому незнаніе всѣхъ обстоятельствъ раскола затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствія въ отношеніи къ расколу вообще; 2) что по сему предмету *существуетъ большое различіе во взглядѣ православнаго духовенства и некоторыя светскіея членовъ*, и вслѣдствіе этого тѣмъ болѣе становятся нужными полныя, систематическія и основательно обработанныя свѣдѣнія о расколѣ; 3) что нынѣшній комитетъ занимается гораздо болѣе разсматриваніемъ многочисленныхъ частныхъ случаевъ чѣмъ рѣшеніемъ общаго вопроса о системѣ дѣйствій правительства въ отношеніи къ расколу и 4) что существованіе этого комитета какъ бы изъеявляетъ раскольниковъ отъ зависимости ихъ отъ общихъ для всѣхъ подданныхъ государя императора правительственныхъ и судебныхъ учреждений и тѣмъ самымъ, нарушая общую систему и единство управленія, образуетъ изъ раскольниковъ какое-то особое сословіе, для котораго существуютъ особыя судебныя и правительственныя учрежденія.

„По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: обсудить въ собраніи комитета по дѣламъ о раскольникахъ, *не приглашая въ оное духовныхъ членовъ*, слѣдующіе вопросы: 1) Не признаю ли будетъ полезнымъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ употребить особыя, чрезвычайныя мѣры для составленія по возможности въ скоромъ времени подробнаго и основательнаго изслѣдованія о расколѣ всѣхъ различныхъ толковъ, изложивъ исторію ихъ, догматическое ученіе, законодательство о расколѣ и статистику его, или описаніе нынѣшняго состоянія его и численность, употребивъ на этотъ важный государственный трудъ самыхъ способныхъ чиновниковъ и лицъ спеціально знакомыхъ съ предметомъ. 2) Не слѣдуетъ ли ограничить кругъ дѣйствія комитета только обсужденіемъ общей системы дѣйствій правительства въ отношеніи къ расколу, а затѣмъ предоставить всѣмъ дѣламъ о расколѣ и раскольникахъ общее законное теченіе, то-есть дѣла законодательныя вносить подлежащимъ министрамъ въ Государственный Совѣтъ, высшія административныя въ Комитетъ Министровъ, а судебныя вести обыкновеннымъ порядкомъ чрезъ общія судебныя мѣста. 3) Обсудить не слѣдуетъ ли затѣмъ обратиться къ помянутому законному порядку всѣ дѣла о

раскольникахъ находящіяся нынѣ въ секретномъ комитетѣ, министерствахъ и другихъ учрежденіяхъ и еще нерѣшенные.“

Вслѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія и согласно съ нимъ комитетъ постановилъ: 1) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ сдѣлать распоряженіе о составленіи въ скорѣйшемъ сколь возможно времени: а) подробнаго и по возможности полнаго изложенія догматическаго ученія разныхъ раскольническихъ сектъ, не входя при семъ въ слишкомъ подробныя историческія изысканія, которыя могли бы замедлить сію работу и которыя составляютъ предметъ особаго историческаго изслѣдованія, порученнаго, по объясненію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ламского, двумъ спеціально занимающимся сею работой чиновникамъ; б) собраніе числовыхъ данныхъ о раскольникахъ разныхъ сектъ за время царствованія почившихъ въ Бозѣ государей Павла Петровича, Александра Павловича и Николая Павловича. Сіи двѣ работы, равно какъ и начатое уже по распоряженію министра печатаніемъ собраніе постановленій о расколѣ, вносить въ секретный комитетъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ комитетъ, имѣя въ виду что подобная исторія о расколѣ есть трудъ въ высшей степени важный и необходимый какъ въ правительственномъ, такъ и въ ученомъ отношеніи, ибо можетъ раскрыть многія темныя стороны раскола, предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ изыскать необходимыя на совершеніе этой работы денежныя средства. 2) Предоставить секретному комитету обсужденіе общей системы дѣйствій правительства въ отношеніи къ расколу. 3) Дѣла законодательныя по расколу вносить въ Государственный Совѣтъ послѣ приговорительныхъ работъ въ самомъ комитетѣ, высшія административныя въ Комитетъ Министровъ, а судебныя производить установленнымъ въ законѣ 10 іюня 1853 года порядкомъ (то-есть чрезъ судебныя мѣста). Что касается дѣлъ по совращенію изъ православія въ другія исповѣданія, то о тѣхъ изъ нихъ кои превышаютъ власть министра представлять въ Комитетъ Министровъ, вмѣнивъ министру внутреннихъ дѣлъ въ обязанность разсмотрѣть и внести куда слѣдуетъ для утвержденія свои соображенія о томъ какого рода дѣла по совращеніямъ изъ православія въ другія исповѣданія должны быть предоставлены окончателъному разрѣшенію самого министра или даже мѣстныхъ губернскихъ начальствъ. 4) Обратитъ къ означенному въ пунктѣ 3 порядку

всѣ дѣла о раскольникахъ и отступникахъ отъ православія которыя поступили въ секретный комитетъ, но еще имъ не рассмотрѣны, а равно и тѣ которыя находятся или будутъ находиться въ разныхъ министерствахъ.

Государь императоръ, рассмотрѣвъ сіе положеніе секретнаго комитета, удостоилъ оное въ двадцатый день января 1858 года высочайшаго утвержденія. Секретный комитетъ двадцать втораго числа того же мѣсяца опредѣлялъ: сообщить о томъ для свѣдѣнія и должнаго въ надлежащихъ случаяхъ исполненія высокопреосвященному Григорію митрополиту новгородскому и с.-петербургскому и всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями выпусками изъ журнала комитета *.

VI.

Послѣ того какъ кругъ дѣйствій секретнаго комитета ограниченъ былъ правомъ обсужденія общей системы дѣйствій правительства въ отношеніи къ раскольникамъ, с.-петербургскій митрополитъ Григорій, получивъ отъ митрополитовъ московскаго Филарета и кіевскаго Исидора возраженія и опроверженія на записку Закревскаго отъ 11 апрѣля 1857 года **, въ началѣ 1858 года составилъ свою записку о томъ „какой системы держаться въ отношеніи къ расколу, отмѣнить ли ту которая существуетъ 30 лѣтъ и утверждена двумя государями или замѣнить ее иною, какъ ходатайствуетъ генераль-адъютантъ графъ Закревскій.“ Записка шагъ за шагомъ слѣдитъ за доводами графа Закревскаго, старается опровергнуть ихъ и доказать что не слѣдуетъ раскольникамъ давать священниковъ отъ гражданскаго начальства, независимыхъ отъ архіерея. Покончивъ съ запиской Закревскаго, митрополитъ Григорій указываетъ въ своей запискѣ еще одну важную причину укрѣпленія и распространенія раскола, состоящую въ „удаленіи высшихъ классовъ общества отъ издревле уважаемыхъ церковію обычаевъ, которая несетъ порицаніе отъ раскольниковъ за все то что видитъ неправославнаго

* *Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ*, В. Кельсера, вып. II, 1861 года, стр. 207—213.

** Записки этихъ митрополитовъ въ архивѣ митрополита Григорія не имѣютъ хронологическихъ датъ, но во всякомъ случаѣ писаны не позже марта 1858 года.

въ допускѣемыхъ правительствомъ нововведеніяхъ“. Затѣмъ онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры противъ раскола съ духовной и гражданской стороны.

Соболѣзнуя заблудшимъ и желая подать имъ руку помощи къ выходу на луть правый, церковь, по словамъ митрополита Григорія, можетъ сдѣлать еще слѣдующее: „1) Болѣе прежняго облегчить порядокъ и условія перехода изъ раскола въ единовѣріе, устрояя по возможности всякія къ тому затрудненія. 2) Дать новое общее епархіальнымъ начальникамъ наставленіе о возбужденіи въ миссіонерахъ и священникахъ ластырской ревности къ просвѣщенію погибающихъ въ заблуденіяхъ раскола, о повсемѣстномъ обученіи народа первымъ началамъ вѣры, о непрерывномъ внушеніи народу необходимости исповѣди и причастія Св. Таинъ, о строгомъ соблюденіи благоговѣннаго богослуженія по уставу и старинныхъ напѣвовъ, о правильномъ исполненіи всѣхъ обязанностей вѣры въ примѣръ паствъ, о воздержаніи отъ мірскихъ обычаевъ и пр., въ послѣдствіи же возобновлять таковыя наставленія по мѣрѣ надобности. 3) Облегчить формы и условія въ разрѣшеніи постройки церквей, дабы оныя могли быть скорѣе открыты для богослуженія вездѣ, гдѣ сего просятъ прихожане, особенно же въ мѣстахъ зараженныхъ расколомъ или иновѣріемъ. 4) Какъ со введеніемъ нормальныхъ штатовъ для сельскаго духовенства послѣдовало при разныхъ церквахъ сокращеніе состава причтовъ, то возстановить прежній составъ, особенно въ приходѣхъ зараженныхъ расколомъ, и съ сею цѣлію подвергнуть пересмотру штаты сельскаго духовенства и правила объ обезлеченіи онаго окладомъ жалованья. 5) Разрѣшить между тѣмъ епархіальнымъ начальствамъ самимъ возстановить упраздненныя по штатамъ мѣста священно-и церковно-служителей, гдѣ таковыя уже существовали, и особенно гдѣ прихожане желаютъ сами давать имъ содержаніе. 6) Въ приготовленіи духовныхъ воспитанниковъ къ будущимъ ихъ ластырскимъ обязанностямъ усугубить заботу духовно-учебныхъ начальствъ о приученіи ихъ къ правильному богослуженію по уставу и къ исполненію христіанскихъ обязанностей согласно съ древними обычаями, внушая имъ всю важность и пользу сихъ условій къ назиданію паствы.“

„Съ гражданской стороны, по мнѣнію митрополита Григорія, правительство могло бы съ большою пользою постановить: 1) Чтобы мѣстныя гражданскія начальства дѣйствовали съ

духовными единодушно въ дѣлѣ раскола и для того были бы снабжены особенными предписаніями, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ со Св. Синодомъ. 2) Чтобы дѣйствія мѣстныхъ совѣтательныхъ комитетовъ по дѣламъ о раскольникахъ были, для успѣшнѣйшаго хода дѣлъ и сохраненія тайны, какъ можно болѣе упрощены, также по предварительному соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ со Св. Синодомъ. 3) Чтобы все вниманіе мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ было обращено на дѣйствія старшинъ и другихъ почетныхъ лицъ раскола, стараясь располагать ихъ въ пользу святаго дѣла возсоединенія съ церковію, а въ случаѣ неуспѣха подвергать строжайшему наблюденію всѣ ихъ неблагонамѣренныя дѣйствія, потому что они именно изъ личныхъ выгодъ удерживаютъ народъ въ слѣпотѣ предразсудковъ и отчужденіи отъ истиннаго свѣта вѣры. 4) Чтобы отстранялось все то что можетъ придать расколу видъ законности и особенно чтобы не дозволялось ему нигдѣ имѣть средоточія для соединенія власти. 5) Чтобы тщательно были отыскиваемы и подвергаемы строжайшему преслѣдованію выходцы изъ-за границы и всѣ заграничныя религиозныя сношенія и переписка раскольниковъ. 6) Чтобы не допускалось публичныхъ зрѣлищъ въ дни поста и наканунѣ праздниковъ и дней воскресныхъ. 7) Чтобы торги не назначались во дни воскресныя, отвлекая поселянъ отъ слушанія божественной литургіи. 8) Чтобы волостныя правленія и частныя владѣльцы не отвлекали поселянъ работами отъ исполненія христіанскаго долга очищенія совѣсти. 9) Чтобы нигдѣ не были поручаемы раскольникамъ такія сельскія общественныя должности которыя соединяются со властію и вліяніемъ на прочихъ, а въ частныхъ имѣніяхъ должности управителей и бурмистровъ. 10) Чтобы обращеніе паствы къ благоговѣльному чествованію святыхъ и храненію уставовъ церкви, во избѣжаніе народнаго соблазна, распространено было и на воспитывающееся юношество, и потому было бы установлено въ учебныхъ заведеніяхъ соблюденіе постовъ и другихъ благоговѣнныхъ обыкновеній, и такимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ обращалось бы въ привычку то что нужно къ исполненію каждому истинно Русскому и православному.“ *

* Записки митрополита Григорія, „о томъ какой системы держаться въ отношеніи къ расколу“, засаушанныя въ секретномъ комитетѣ 31 марта 1858 года.

Записка сія заслушана была въ засѣданіи секретнаго комитета 31 марта 1858 года. Комитетъ, признавая что многія изъ указанныхъ митрополитомъ Григоріемъ мѣръ могутъ принести пользу, положилъ предоставить Св. Синоду войти въ соображеніе о всѣхъ рекомендуемыхъ запиской мѣрахъ по духовной части, а министру внутреннихъ дѣлъ войти въ соображеніе относительно облегченія формъ и условій въ разрѣшеніи постройки православныхъ церквей и „подтвердить мѣстнымъ гражданскимъ начальствамъ чтобъ они дѣйствовали съ духовными единогласно въ дѣлѣ раскола, снабдивъ ихъ по соглашенію со Св. Синодомъ, особыми наставленіями, въ которыхъ положительно выразить что мѣстныя гражданскія начальства должны обращать особенное вниманіе на дѣйствія старшинъ и другихъ почетныхъ лицъ раскола, стараясь расположить ихъ въ пользу святаго дѣла воссоединенія съ церковію и имѣя постоянно въ виду что они почти всегда изъ личныхъ выгодъ удерживаютъ народъ въ слѣпотѣ предрасудковъ и отчужденіи отъ истиннаго свѣта вѣры.“ * Что же касается остальныхъ мѣръ по гражданской части, проектированныхъ запиской митрополита Григорія съ 4 по 10 пунктъ то онѣ оставлены комитетомъ безъ вниманія.

По особенной важности предметовъ заключающихся въ журналѣ комитета 31 марта 1858 года, покойный государь приказалъ разсмотрѣть этотъ [журналъ въ совѣтѣ министровъ. 24 апрѣля состоялось высочайшее повелѣніе: 1) въ просьбѣ раскольниковъ половщинской секты о дарованіи имъ священниковъ, независящихъ отъ мѣстныхъ епископовъ, отказать, какъ противной алостольскимъ и вселенскимъ правиламъ, на коихъ основана православная церковь; 2) предлагаемая секретнымъ комитетомъ мѣры какъ по духовной части, такъ и по гражданской, ко вразумленію заблуждающихся и къ удержанію вѣрныхъ чадъ церкви на пути истины—привести въ исполненіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ государю угодно было предложить на обсужденіе совѣта вопросъ возбужденный запиской митрополита Григорія, о томъ, какой системѣ въ отношеніи раскольниковъ слѣдовать на будущее время? Послѣ происходившихъ по сему предмету разсужденій, государь

* *Собраніе постановленій по части раскола, 1863, вып. II, продолженіе 1, стр. 31—33.*

указалъ что въ измѣненіи нынѣ дѣйствующей системы надобности не представляется, такъ какъ основаніемъ этой системы должны служить ст. 60, т. XIV Св. Зак. Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и указъ Св. Синода 5 апрѣля 1845 года. Въ означенной статьѣ Свода Законовъ опредѣлено: „что раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, но запрещается имъ совращать и склонять кого-либо въ расколъ, подъ какимъ бы то видомъ ни было, чинить какія-либо дерзости противу православной церкви, или противу ея священнослужителей, и вообще уклоняться почему-либо отъ наблюденія общихъ правилъ благоустройства, закономъ опредѣленныхъ.“ Въ указѣ же Св. Синода даны епархіальнымъ архіереямъ подробныя наставленія для дѣйствій въ отношеніи раскольниковъ, наставленія совершенно въ духѣ евангельскаго ученія и любви христіанской, причемъ весьма ясно и положительно опредѣленъ самый кругъ дѣйствій духовенства слѣдующими словами: „что оно не должно ни подъ какимъ видомъ вмѣшиваться въ раскольничьи требы, ниже въ какія-либо полицейскія распоряженія о противозаконныхъ дѣйствіяхъ, преслѣдованіе коихъ не есть дѣло духовенства; не должно ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола обращаться съ требованіями или доносими къ свѣтскимъ властямъ и ни въ какомъ случаѣ, не выходя изъ круга чисто духовныхъ дѣйствій, входить въ сношенія съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ только въ обстоятельствахъ дѣйствительной важности и въ отдѣльных случаяхъ совращенія изъ православія въ расколъ.“ Было признано что оказывающіяся неудобства происходят не отъ самой системы дѣйствій въ отношеніи раскольниковъ, но отъ *неточнаго* и *неправильнаго* исполненія оной, происходящаго или отъ неблагонамѣренности исполнителей въ низшихъ инстанціяхъ, или можетъ-быть и отъ неумышленности по недостаточному знанію многочисленныхъ и разнообразныхъ узаконеній насчетъ раскола въ различное время и по разнымъ вѣдомствамъ изданныхъ. Въ отвращеніе по возможности на будущее время послѣдняго обстоятельства, признано полезнымъ издать подробное наставленіе губернскимъ секретнымъ совѣщательнымъ комитетамъ, собрать и пересмотрѣть всѣ нынѣ существующія постановленія о раскольникахъ, и вслѣдствіе того состоялось высочайшее повелѣніе: 1) Поручить министерству внутреннихъ дѣлъ составить настав-

леніе секретнымъ губернскимъ совѣщательнымъ комитетамъ по соглашенію со Св. Синодомъ. Его императорское величество, желая чтобы въ основаніе этого наставленія были приняты начала изложенныя по 60 ст., т. XIV Устава о предул. и пресѣч. преступленій и въ указѣ Синода 5 апрѣля 1845, изволилъ находить необходимымъ чтобы при этомъ принято было въ соображеніе различіе которое существуетъ между совратителемъ или распространителемъ ереси и совратившимся, между раскольниковъ укловившимся изъ православія и родившимся въ расколѣ. 2) Собраніе, приведенія въ систематическій порядокъ и пересмотръ всѣхъ нынѣ существующихъ узаконеній о раскольникахъ возложить на II Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, причемъ слѣдуетъ опредѣлять по возможности различіе между ересями *положительно* вредными и *менѣе* вредными. *

Въ духѣ этого высочайшаго повелѣнія и составлено было, по соглашенію со Св. Синодомъ, и высочайше одобрено „наставленіе для руководства при исполнительныхъ дѣйствіяхъ и совѣщаніяхъ по дѣламъ до раскола относящимся“, препровожденное министромъ внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній при циркулярѣ отъ 15 октября 1858 года. Наставленіе состоитъ изъ пунктовъ ** и составлено на основаніи разныхъ источниковъ, которые мы постараемся по возможности показать въ примѣчаніяхъ. Вотъ эти пункты: „1) Въ дѣлѣ раскола гражданское начальство дѣйствуетъ единодушно съ духовнымъ и взаимно стремясь къ одной главной цѣли—къ искорененію въ народѣ раскольническихъ заблужденій. *** 2) Всѣ полицейскія распоряженія въ отношеніи противозаконныхъ дѣйствій раскольниковъ принадлежать гражданской власти, духовенство же въ подобныя распоряженія не вмешивается, ограничиваясь кругомъ дѣйствій чисто духовныхъ. 3) Приходское духовенство ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола не обращается съ требованіями или доносамы къ свѣтскимъ властямъ, а входитъ по таковымъ дѣламъ съ донесеніями къ своему епархіальному архіерею, и онъ со свѣт-

* Тамъ же, стр. 33—35.

** Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 15 октября 1858, съ препровожденіемъ этихъ наставленій. См. *Собраніе постановленій по части раскола*, 1863 года, вып. II, продолженіе I, стр. 44—46.

*** Изъ записки митрополита Григорія „о томъ какой системы держаться въ отношеніи къ расколу“, марта 1858 года.

скимъ начальствомъ входить въ сношеніе только въ обстоятельствахъ дѣйствительной важности и въ опредѣленныхъ случаяхъ соображенія изъ православія въ расколъ или въ случаяхъ соблазнительнаго для православія оказательства раскола. * 4) Духовное и гражданское начальства въ основаніи своихъ дѣйствій съ раскольниками соблюдаютъ коренное правило по которому состоящіе въ расколѣ отъ рожденія (то есть когда родители ихъ дѣйствительно раскольники, а не соверщенные изъ православія въ расколъ) не преслѣдуются за мнѣнія о вѣрѣ, но имъ строго воспрещается распространять свои заблужденія между православными и вообще уклоняться отъ исполненія общихъ законами опредѣленныхъ правилъ благоустройства. ** 5) Выступъ съ исполненіемъ существующаго закона о непреслѣдованіи давнишнихъ раскольниковъ за мнѣнія ихъ о вѣрѣ, не допуская отнюдь православныхъ къ соращенію въ расколъ, гражданское начальство заботится чтобы, при исправленіи раскольниками требъ по своимъ обрядамъ, не было съ ихъ стороны публичнаго оказательства раскола, соблазнительнаго для православныхъ, а потому гражданское начальство отнюдь не дозволяетъ совершенія раскольническихъ обрядовъ явно или съ признаками публичнаго оказательства. *Примѣчаніе.* Подъ публичнымъ оказательствомъ раскола должно разумѣть: крестные ходы, лѣвніе внѣ молельни и такое лѣвніе внутри молельныхъ которое было бы слышно внѣ оныхъ; торжественное совершеніе таинствъ крещенія и брака, сопровожденіе тѣлъ умершихъ на кладбища въ мартіяхъ, клобукахъ и иныхъ раскольническихъ особенныхъ одѣяніяхъ, съ лѣвніемъ, носеніе раскольниками монашескаго одѣянія, открытіе вновь раскольническихъ молельныхъ, поставленіе надъ молельнями новыхъ крестовъ или возобновленіе старыхъ и употребленіе въ молельняхъ или при оныхъ колоколовъ. *** 6) Домогательства раскольниковъ

* § 2 и 3 составлены на основаніи указа Св. Синода 5 апрѣля 1845 года, указаннаго въ высочайшемъ повелѣніи 24 апрѣля 1858 года.

** На основаніи высочайшаго повелѣнія 24 апрѣля 1858 года. См. высочайшее повелѣніе 9 января 1826 года въ *Собраніи постановленийъ по части раскола*, вып. I, стр. 65.

*** На основаніи Св. Зак. т. XIV, ст. 77 (изд. 1842) объ оказательствѣ раскола и высочайшаго повелѣнія 24 апрѣля 1858 года. См. высоч. повел. 5 декабря 1834 года въ *Собраніи постановленийъ по части раскола*, I, 114; высоч. повел. 10 октября 1843, ib. II, 296.

о дозволеніи имъ вступить въ бракъ, окрестить младенца или похоронить умершаго по ихъ обрядамъ, оставлять безо всякаго дѣйствія и, не заводя никакой переписку по такимъ домогательствамъ, объявлять просителямъ что правительство не вмѣшивается въ заблужденія противныя правиламъ истинной церкви. * 7) Гражданское начальство имѣетъ самое строгое наблюденіе за недопущеніемъ на будущее время изъ-за границы раскольническихъ лжеепископовъ и лжепоповъ **. 8) Гражданское начальство наблюдаетъ чтобы раскольники не заводили скитовъ или иныхъ сего рода обиталищъ, а также чтобы не строили новыхъ своихъ молитвенныхъ зданій и не обращали для сей цѣли жилыхъ помѣщеній; при сборищахъ же для молитвы въ существующихъ уже моленныхъ соблюдали во всей точности постановленныя выше (въ § 5) правила о неоказаніи публично раскола предъ православными ***. 9) Мѣстныя начальства обязаны обращать особенное вниманіе на дѣйствія старшинъ и другихъ почетныхъ лицъ раскола, стараясь при этомъ расположить ихъ въ пользу святаго дѣла воссоединенія съ церковію. **** 10) Къ преслѣдованію раскольника не иначе приступать какъ по неопровержимомъ убѣжденіи въ совращеніи имъ православнаго въ свой расколъ или при дѣйствительномъ оказательствѣ раскола послужившемъ соблазномъ для православныхъ, отнюдь не приступая къ слѣдствію по однимъ только слухамъ основаннымъ на бездоказательныхъ свѣдѣніяхъ. † 11) Изслѣдованіе о совращеніи православнаго въ расколъ начать не иначе какъ по полученіи отъ епархіальнаго начальства положительнаго о семъ увѣдомленія и не прежде какъ по испытаніи надъ совращеннымъ силы духовныхъ увѣщаній къ оставленію

* Кажется, примѣнительно къ высочайшему повелѣнію 16 мая 1836. См. *Собраніе постановленій по части раскола*, вып. I, стр. 150.

** На основаніи высочайшихъ повелѣній апрѣля 1855 и 4 апрѣля 1858 года.

*** На основаніи высочайшихъ повелѣній 26 марта 1832 года и 19 августа 1826 года. См. *Собраніе постановленій по части раскола*, 1863 года, вып. I, стр. 53, 71 и 149.

**** Изъ записки митрополита Григорія „о томъ какой системы держаться въ отношеніи къ расколу“, заслушанной въ секретномъ комитетѣ 31 марта 1858 года.

† Примѣнительно къ указу Св. Синода 5 апрѣля 1845 года.

заблужденій. * 12) При производствѣ слѣдствій о совратителяхъ и совращенныхъ, на которыхъ укажетъ епархіальное начальство, ограничиваться приведеніемъ въ полноту и ясность обстоятельствъ составляющихъ только сущность указанного случая, отнюдь не вдаваясь въ изслѣдованіе обстоятельствъ постороннихъ и не привлекая къ дѣлу лицъ не принимавшихъ въ ономъ прямого участія. ** 13) Слѣдствіе и судъ въ случаяхъ совращенія въ расколъ и публичнаго оказательства оного производить общимъ для уголовныхъ дѣлъ порядкомъ.“

Н. ПЕТРОВЪ.

* На основаніи того же указа.

** На основаніи высочайшаго повелѣнія 24 апрѣля 1858 года.

ПЕРЕЛОМЪ*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

V.

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, почувствовать успѣла...
Баратынскій.

—
Tra il dire e il fare c'è in mezzo il mare.

—
Sunt lacrymae rerum...

Слуста недѣлю по отъѣздѣ своемъ изъ Москвы Троекуровъ, только-что вернувшійся изъ Петербурга, подѣзжалъ въ одиннадцатомъ часу утра къ гостиницѣ Шевріе.

Онъ занялъ номеръ на дворѣ, спросилъ себѣ чаю, и пока Матвѣй, камердинеръ его, послѣшно выбиралъ изъ чемодановъ и раскладывалъ на столикѣ предъ зеркаломъ всякія туалетныя и бритвенныя принадлежности барина, опустился въ кресло съ усталымъ и недовольнымъ видомъ человѣка которому несмотря на всѣ его усилія не удалось уснуть и часу добрымъ порядкомъ въ вагонѣ.

Онъ чувствовалъ что не заснетъ и теперь, здѣсь, при всѣхъ условіяхъ комфорта и тишины, въ этомъ давно знакомомъ

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 6, 9 и 10я 1880, 1, 3, 4, 7, 8 и 11я 1881 года.

ему, удобномъ помѣщеніи во глубинѣ двора, куда не достигалъ уличный шумъ... Да ему и не до сна. Его *ждутъ* (онъ вчера получилъ отъ нея въ Петербургѣ письмо извѣщавшее его о ея пріѣздѣ въ Москву, въ Остроженковскій домъ), и онъ вотъ сейчасъ совершить омовенія свои и туалетъ, и поѣдетъ...

Его „ждутъ“, и самъ онъ трепетно ждалъ этого свиданія и не могъ заснуть всю дорогу въ немолчномъ помыслѣ о немъ. Онъ измаялся въ Петербургѣ отъ тоски и желчи, отъ гнетущаго сознанія бездарности, немощи и пустозвонства тамошняго люда и творимаго имъ дѣла. Онъ жаждалъ скорѣе скинуть съ себя вынесенныя имъ изъ ближайшаго общенія съ вами впечатлѣнія; „забывъ ихъ, забытый ими“, по выраженію древняго поэта, онъ рвался уйти всѣмъ существомъ своимъ въ свѣжія волны личнаго чувства, молодой любви возраждающей и уносящей...

Но, странное дѣло, онъ рвался... и медлилъ въ одно и то же время. Голова его горѣла лопытемъ при мысли что разстояніе на какія-нибудь десять минутъ ѣзды отдѣляетъ его теперь отъ той, чаемой, блаженной минуты... но онъ не двигался между тѣмъ и недвижно, съ зажмуренными глазами, полудлежалъ въ своемъ креслѣ въ какомъ-то безвольномъ состояніи полупфизическаго, полумистическаго оцѣлѣнія...

„Усталость“, объяснилъ онъ мысленно, силась превозмочь себя.

— Сходи, закажи мнѣ сейчасъ холодную ванну! обернулся онъ съ приказаніемъ къ камердинеру.

. Ванна освѣжитъ его, а пока изготовлять ее онъ оттянетъ себя еще на нѣсколько минутъ бездѣйствія, соблазнавъ его какой-то тайный голосъ.

Матвѣй вышелъ. Троекуровъ погрузился опять въ свою полудремоту.

Не надолго:

— Съ пріѣздомъ! Можно войти? донесся къ нему изъ-за полукрѣпкой двери въ переднюю чей-то знакомый голосъ.

— Войдите! нехотя произнесъ онъ въ отвѣтъ.

. Вошелъ Ашанинъ, красивый и оживленный какъ всегда.

. — Здравствуйте Борисъ Васильевичъ! Вы сейчасъ мимо меня проѣхали со станціи.

— Гдѣ это? машинально и лѣнливо спросилъ тотъ.

— На углу Садовой и переулочка тамъ одного будка стоитъ, такъ я оттуда видѣлъ.

— Изъ будки?

— Точно такъ, подтвердилъ Ашанинъ, принимая свой лукаво-невинный видъ, — я тамъ почитаю каждый день теперь пребываю въ эту пору.

— Что дѣлать? тѣмъ же лѣнливымъ тономъ произнесъ приѣзжій.

— А тутъ, изволите видѣть, у самой будки заборъ, а въ заборѣ калиточка въ садъ, а за садомъ домъ, а въ домѣ живутъ старый мужъ ревнивецъ и молодая жена. Въ домъ меня, а изъ дома ~~я~~ не пускаютъ, вслѣдствіе чего натурально и она, и я испытываемъ неодолимое желаніе соединяться какъ можно чаще для взаимныхъ жалобъ на нашу несчастную судьбу. Вотъ я и нашелъ единственно доступное намъ при такихъ враждебныхъ обстоятельствахъ, укромное мѣстечко по соседству съ садомъ, куда мужъ пускаетъ ее по утрамъ „для моціона“...

— И мѣсто это—будка? невольно усмѣхнулся Троекуровъ.

— Будка, Борисъ Васильевичъ! комически вздохнулъ шадуя, глядя ему въ лицо изъ-подъ опущенныхъ имъ смиренно ~~привидѣнь~~.

Но усмѣшка успѣла уже соскользнуть съ этого лица и смѣнилась какимъ-то брезгливымъ, чуть не суровымъ выраженіемъ. Ашанинъ съ прирожденнымъ ему тактомъ тотчасъ же почувалъ что собесѣдникъ его вислоколько не былъ расположенъ къ „легкому разговору“ въ эту минуту и, слегка покраснѣвъ, послѣдовалъ перейти на другой предметъ:

— Я къ вамъ лишь на мигъ, Борисъ Васильичъ, сказалъ онъ,—вопервыхъ, позвать вамъ руку, а затѣмъ передать вамъ о вашемъ Всесвятскомъ; я имѣлъ извѣстіе оттуда.

— А-а! протянулъ тотъ:—какимъ образомъ?

— Я вчера отправилъ туда нашу маленькую Лизавету Ивановну Срѣтенскую. Александра Павловна вытребовала ее къ себѣ письмомъ.

— Случилось что-нибудь? неудержимо вырвалось на это у Троекурова.

— Нѣтъ, почему вы думаете! послѣдовалъ усложнить его Ашанинъ:—въ письмѣ Александра Павловна говоритъ только, что Лизавета Ивановна давно обѣщала пріѣхать къ ней погостить на вѣсколько недѣль, а что теперь она настойчиво

просить ее исполнить не откладывая свое обѣщаніе. А такъ какъ наша Божья душа никогда изъ Москвы не выѣзжала, то и явилась вчера ко мнѣ съ просьбой „справдуть ее въ воажь“. Я ей нанялъ знакомаго троечника вплоть до самаго Всесвятскаго, и вчера же отправилъ.

Троекуровъ молча качнулъ головой, не отрываясь глазами отъ говорившаго.

— И ничего... больше? спросилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія съ новымъ усиленіемъ.

— Насчетъ чего?

— Въ письмѣ..

— Ахъ, да, въ письмѣ... Нѣтъ, ничего, сказалъ Ашанинъ, настороживъ уши (страненъ и подозрителенъ показался ему звукъ голоса спрашивавшаго),—никакихъ ни о себѣ, ни о *княжнѣ* извѣстій въ письмѣ этомъ не даетъ Александра Павловна. А, какъ вы, знаете, *pas de nouvelles—bonnes nouvelles..*

Черты Троекурова словно потемнѣли вдругъ; онъ чиркнулъ спичкой по крышкѣ портсигара, закурилъ лалгароску и, откинувшись въ спинку кресла, прижмурилъ глаза.

Ашанинъ зорко вглядывался въ него. Его какъ молніей озарила вспомнившаяся ему только теперь вѣская фраза изъ этого письма Александры Павловны, которое маленькая особа давала ему читать: „я одна, и вы мнѣ очень нужны“. Онъ въ первую минуту полагалъ что молодая женщина разумѣла подъ этимъ словомъ „одна“—отсутствіе мужа. „Но о, рассуждалъ онъ теперь, могло означать и совсѣмъ другое, и это тѣмъ болѣе вѣроятно что Троекурова такъ опредѣлительно говоритъ за этимъ что Лизавета Ивановна ей *очень нужна*. Специальность Лизаветы Ивановны извѣстно какая: утѣшать страждущихъ. Если она оказалась теперь такъ необходима Александрѣ Павловнѣ, то изъ этого можно заключить что та дѣйствительно осталась *одна*, что и княжны Кира нѣтъ болѣе во Всесвятскомъ, а если это такъ, то очевидно это не могло произойти иначе какъ вслѣдствіе ссоры между кузинами,—причину же такой ссоры угадать не трудно“... Плакая сообразительность московскаго Донъ-Жуана быстро зашагала по этому пути индукціи. Онъ вспомнилъ вечеръ проведенный имъ со старикомъ Овцынымъ во Всесвятскомъ, когда въ такомъ неожиданномъ для него обаяніи предстала предъ нимъ Кира въ черной сквозной тканѣ вѣтнаго барежеваго платья, и ту „язвительную нотку“ разслышанную его чуткимъ слухомъ

въ вѣжливыхъ рѣчахъ Троекурова, когда онъ, Ашанинъ, „призаялся невольнo княжной за ужиномъ“... Ашанинъ чутьемъ чуялъ теперь „семейную драму“; онъ прозрѣвалъ ее въ обрывистыхъ вопросахъ съ которыми сейчасъ обращался къ нему Троекуровъ, въ озабоченномъ, мрачномъ выраженіи его лица...

— На долго вы теперь сюда, Борисъ Васильичъ? спросилъ онъ насколько могъ естественнѣе.

Тотъ наполовину приподнял олущенные вѣки и процѣдилъ сквозь зубы:

— Право, не знаю...

Ашанинъ помолчалъ и спросилъ затѣмъ олятъ, тщательно заволакивая килѣвшее въ немъ любопытство тономъ полнѣйшей беззаботности:

— А отсюда куда думаете: назадъ, во Всесвятское?

Но Троекуровъ былъ не тотъ человекъ къ которому можно было бы относиться съ подобными допытываньями, какъ бы ни была прилична и ловка облекавшая ихъ форма. Онъ не отвѣтилъ, но чуть-чуть отдѣливъ голову отъ спинки своего кресла, обернулъ ее къ говорившему съ такимъ *серьезнымъ*, чтобы не сказать строгимъ, взглядомъ что тотъ не выдержалъ его и, противъ воли, съ досадою вызвавшею новую краску на его смуглыя щеки, опустилъ свои блестящіе цыганскіе глаза.

— Ванна готова, доложилъ, входя въ эту минуту въ комнату, Матвѣй.

Баринъ его тотчасъ же поднялся съ мѣста.

— Извините! обратился онъ съ вѣжливой улыбкой къ гостю.

— Помилуйте! воскликнулъ тотъ послѣшно вставая въ свою очередь:— дѣло первой необходимости... Извините *меня* что ворвался къ вамъ такъ не въ время... До свиданія, Борисъ Васильевичъ, желаю вамъ всякаго *успѣха!* чуть-чуть подчеркнулъ онъ.

— *Прощайте*, коротко сказалъ на это Троекуровъ, подавая ему руку. „Чай, думаетъ, у меня тоже въ мысли будка! оцаралало его что-то въ глубинахъ души; онъ гадливо поморщился и задумался.

„Ну, любезный мой, говорилъ себѣ въ то же время Ашанинъ, выходя на улицу,—почитаютъ меня, да и самъ я почиталъ себя до сихъ поръ, *ходокомъ*. Но сравнительно съ тобою я очевидно лишь мальчишка и щенокъ!“ заключилъ онъ

словами Расплюева, котораго такъ гениально изображалъ въ ту пору на московской сценѣ Садовскій.

Холодная ванна дѣйствительно освѣжила Троекурова и „привела, какъ выражался онъ, его нервы въ порядокъ“. Совершивъ свой туалетъ, бодрый духомъ и тѣломъ,—такимъ казался онъ самому себѣ во всякомъ случаѣ,—сѣлъ онъ въ коляску и велѣлъ везти себя на Покровку.

Была часъ первый пополудни. Осенній день стоялъ теплый и яркій. По Кузнецкому Мосту сновали экипажи, мелькали молодыя женскія лица...

„Quel beau jour,
Quel beau jour pour les amoureux“,

пришелъ на память Борису Васильевичу прилѣвъ куплета слышаннаго имъ въ оны дни на Кавказѣ отъ какого-то Француза, пріѣхавшаго туда волонтеромъ изъ „Африканской арміи“ и потѣшавшаго до истерики въ экспедиціи штабную молодежь своимъ неистощимымъ балагурствомъ... „Quel beau jour“, безсознательно прилѣвалъ онъ теперь, поводя моргающими глазами кругомъ себя. „Да, вотъ я вѣду, и она меня ждетъ, ждетъ счастье... и я не жалѣю ни о чемъ, ни о чемъ, со странною настойчивостью повторялъ онъ себѣ въ то же время;—тамъ Лизавета Ивановна, утѣшительница и совѣтчица, пойдутъ акаѳисты и молебны... все обойдется прекрасно... А вотъ тутъ сейчасъ, за этимъ проулкомъ... она, она съ ея золотисто-зелеными глазами, со всею этою прелестью дѣвственности и страсти... Ну да, жить, жить и еще жить,—кто въ правѣ отказать человѣку въ этомъ:“ врезаннымъ порывомъ, съ какою-то злостью противу чего-то будто отрицавшаго это его „право“, пронесилось у него въ головѣ. Коляска остановилась. Онъ выскочилъ изъ нея на ланель и, пробѣжавъ два шага, чуть не испуганно ухватился за ручку желѣзнаго замка тяжелыхъ дубовыхъ дверей стариннаго дома, ему представилось что онъ сейчасъ уладеть.

Онъ оправился, усмѣхнулся. Дверь распахнулась предъ нимъ подъ рукой сѣдовласаго, сгорбленнаго служителя въ ловошешномъ ливрейномъ фракѣ, стараго двороваго Остроженковъ, доживавшаго въ числѣ другихъ, по распоряженію Бориса Васильевича, свой вѣкъ на пенсіи въ этомъ родовомъ обиталищѣ бывшихъ господъ своихъ.

Онъ низко и робко склонилъ голову предъ „ловымъ баринѣмъ“, котораго не зналъ въ лицо, но ждалъ второй день „съ минутки на минутку“ по приказанію управляющаго домою, „поставившаго его за швейцара“ на это время.

Троекуровъ остановился въ сѣняхъ, ласково кивнулъ ему и спросилъ: дома ли княжна Кира Никитишна Кубенская?

— Дома, батюшка баринъ, дома, торолливо зашамкалъ на это старикъ,—и не выѣзжали никуда. Какъ изволили третьягось пріѣхать, такъ и не выѣзжали вовсе. И карета даже нанята была имъ на случай проѣздиться пожелаютъ, а только онъ на то согласиться не изволили, отослать приказали, потому, изволили сказать, имъ никуда не нужно. И въ сей часъ дома, въ кабинетѣ барина... Акима Ивановича, покойнаго, дяденьки вашего, царство ему небесное! не то вопросительно, не то жалостливо подымая глаза на Бориса Васильевича, протянулъ онъ:—въ кабинетѣ ихнемъ находится изволять. Пожалуйте!...

И онъ любѣжалъ впередъ беззвучными и мелкими шажками въ глубь пространныхъ, полутемныхъ, съ низкимъ сводомъ, поддерживаемымъ шестью каменными столбами, сѣней, въ концѣ которыхъ подымалась широкая каменная лѣстница съ „вальжными“, рѣзанными изъ темнаго дуба перилами, ярко освѣщенная двумя высокими, выходившими на дворъ окнами, съ огромною въ простѣвкѣ ихъ старинною картиною въ почернѣлой золотой рамѣ, изображавшею судъ Миноса у вратъ Тартара.. Чѣмъ-то зловѣщимъ и враждебнымъ ему, почувалось вдругъ Троекурову, вѣяло изъ каждаго угла этихъ массивныхъ старыхъ стѣнъ, внутрь которыхъ впервые ступалъ онъ ногой, нежданый наследникъ наследственныхъ недруговъ своихъ!..

А старый дворовый, останавливаясь и оглядываясь на него отъ времени до времени, продолжалъ бѣжать предъ нимъ, семеня ножками, по длинной анфиладѣ высокихъ и обширныхъ покоевъ, то отдѣланныхъ подъ порфиръ и мраморъ, то отштукатуренныхъ тяжелымъ, поблекшимъ отъ времени лѣонскимъ штофомъ, съ полуобдулившеюся позолотою старинной мебели, лѣльными карнизами и фамильными портретами Екатерининскихъ и Александровскихъ годовъ... Домъ къ пріѣзду княжны, во исполненіе приказанія Бориса Васильевича, былъ тщательно приведенъ въ порядокъ, окна вымыты до чистоты, мебель до лылилки выбита на дворъ, паркетъ вывоцены какъ

зеркало. Но еще *суше*, еще мертвеннѣе будто казалась отъ этого его старомодная, величавая и угрюмая лышность. Запахъ тлѣнія несся проливающимъ струей лодъ его расшитыми лафонами; нагуденные кавалеры и темноокія дамы съ розами на низко обнаженной груди съ какою-то высокомерно-насмѣшливою улыбкой глядѣли, казалось, на непростеннаго потомка со своихъ свѣже-премытыхъ полотень... Жуткое, раздражающее ощущеніе все сильнѣе охватывало Троекурова...

Но вотъ старикъ-слуга остановился у одной двери, занесъ руку къ золоченому замку ея и, какъ бы слыхватившись вѣдугъ, обернулся на него:

— Доложить прикажете? прошелталъ онъ какъ бы испуганно.

— Княжна одѣта? спросилъ на это машинально Борисъ Васильевичъ.

— Долодливо этого доложить вамъ не могу, батюшка баринъ, весь захлебываюсь отъ почтительности, зашептавъ таинственно тотъ,—потому какъ самъ я къ нимъ званъ не былъ; а только что въ сей часъ Авдѣй-буфетчикъ имъ чай носилъ, и какъ дочь моя, Аксюзкой прозывается, телерича къ нимъ, къ ихъ сіятельству, княжнѣ, значить, за горничную приставлена, такъ отъ нея слышалъ я такъ что онѣ еще въ девятомъ часу встать извоили; стало-быть въ сей часъ должны быть натурально въ своемъ видѣ...

— Хорошо, ступай! прервалъ его радею баринъ.

Онъ подошелъ къ двери и постучалъ въ нее костяжками пальцевъ.

— Войдите, кто это? донесся сквозь нея голосъ Киры.

— Я! сказалъ онъ, широко растворяя дверь.

— Борисъ Васильевичъ! дрогнувшимъ голосомъ произнесла она...

Она стояла только-что поднявшись съ мѣста, прямо къ нему лицомъ, за большимъ письменнымъ столомъ, въ глубинѣ пространной и на три четверти темной, съ завѣшенными впаотную окнами комнатъ. Только тамъ, рядомъ со столомъ, одна изъ половинокъ оконной занавѣси была откинута и дневной свѣтъ горячимъ и косвеннымъ токомъ падалъ оттуда на ея изящный и взволнованный обликъ... Она глядѣла на входившаго съ замирающимъ дыханіемъ...

Онъ стремительно зашагалъ къ ней... и остановился какъ бы въ недоумѣніи. „Развѣ она не вскинется, не бросится ко

нѣтъ?“ провеслось у него въ мысли:—такъ представлялъ онъ себя въ воображеніи до сихъ поръ эту первую минуту ихъ свиданія здѣсь...

Но она не двигалась. Неодолимое смущеніе очевидно превозмогало въ ней радость... Истерзанная, исколотая мѣрой сомнѣній и самоупрековъ, назойливо врывающихся ей въ душу съ того вечера, въ саду, когда сказала она ему: „Пойду!“ она трелетно ждала той же минуты свиданія, чая „все забыть“, воскреснуть, вспорхнуть какъ птица къ обѣтованному счастью... И вотъ онъ тутъ, и ждетъ, она понимаетъ это, видитъ,—а у нея словно крылья подрѣзали вдругъ, и на ногахъ гири, и голосъ замираетъ въ гортани отъ неотразимаго чувства какого-то „безмысленнаго“ страха...

Онъ невольно на мигъ сдвинулъ брови, подошелъ и протянулъ ей руку черезъ столъ:

— Здравствуйте!

Она дрожащими пальцами отвѣтила на его пожатіе, олутилась на мѣсто:

— Вы... сегодня прѣехали?

— Да, полтора часа тому назадъ... Не было возможности раньше выѣхать, какъ ни мучило меня что вы здѣсь одинъ, скучаете...

— Нѣтъ, пролетела она,—я нашла тутъ въ библіотекѣ интересныя книги...

И она чуть-чуть кивнула подбородкомъ на лежавшій предъ нею на столѣ старинный фолиантъ.

Троекуровъ сѣлъ насупротивъ ея, въ тѣнь, устремивъ на нее внимательно глаза.

Легкій румянецъ заалѣлъ на ея щекахъ, ноздри дрогнули; она чувствовала себя подъ властью этого зоркаго и жгучаго взгляда, и сердце ея учащенно билось не то отъ счастья, не то отъ новой муки. „О, сколько любви,—просилось у нея на уста,—сколько любви долженъ ты дать мнѣ чтобы заглушить то что выношу я изъ-за нея!“

Но она не выговорила этого громко, она спросила чуть не равнодушно:

— Чтò же, услѣли вы въ Петербургѣ?..

— Услѣвъ?... въ чемъ? повторилъ онъ, все также не отрываясь отъ нея взглядомъ.

— Вы поѣхали для Гриши Юшкова...

— Ахъ, да, на счетъ его! Услѣвъ, дѣло кончено: юношу выпустили.

— Слава Богу! воскликнула Кира;—и съ трудомъ добились?
„Развѣ объ этомъ, развѣ объ этомъ, проносилось оцѣть въ
головѣ Троекурова, будемъ мы, я думалъ, говорить теперь съ
нею!..“

— Не трудъ, а скука, отвѣтила онъ ей, приподнявъ плечи
досадливымъ движеніемъ,—а отвращеніе имѣть дѣло со всѣми
этими людьми... Къ счастью, перебилъ онъ себя тутъ же,—
пріѣхала Вѣра Ѳомишна, мать Гриши... Я составилъ для нея
всеподданнѣйшее письмо; въ немъ было сказано что есть на
самомъ дѣлѣ: что увѣчный отецъ отказывается просить за
сына преступнаго противъ своего Государя, но что онъ у
нихъ одинъ, одна надежда ихъ старости, и что старикъ умреть
отъ горя въ случаѣ его осужденія...

Кира качнула одобрительно головой:

— И ему простили?

— Вышла резолюція какую можно было ожидать отъ Того
къ кому обращена была эта просьба...

— Чтѣ именно? заторопилась она спросить.

— „Отдать сына отцу-герою; его надзоръ лучшая гарантія
въ исправленіи заблудшаго молодого человѣка.“

— Ахъ, какъ это хорошо! всплеснувъ руками воскликнула
дѣвушка.

Троекуровъ провелъ вдумчиво рукой по лицу:

— Да, въ другое время высоко бы цѣнили эту безконечную
милость! какъ бы про себя процѣдилъ онъ.

Настала минута молчанія... Они подняли одновременно гла-
за другъ на друга,—и разомъ опустили ихъ оба...

Онъ повелъ своими кругомъ.

— Неужели же, спросилъ онъ съ насилуванною усмѣшкой,—
домъ этотъ, по вашему, недостаточно мраченъ что вы сочли
еще нужнымъ занавѣсить здѣсь всѣ окна?

— Напротивъ, возразила она,—я занавѣсила ихъ потому
что при большемъ свѣтѣ здѣсь кажется еще тоскливѣе и не-
привѣтливѣе. Это былъ кабинетъ самого старика дяди ва-
шего; все такъ и осталось какъ было при немъ... Вы вѣдь
впрочемъ ничего этого еще не видѣли...

И она, подойдя къ окну, потянула за шнурокъ раздергивав-
шій объ половинки его драпри:

— Подлѣ васъ виситъ такой же шнурокъ,—держите!

— Къ чему? послѣшно вставая воскликнулъ Троекуровъ,—
ничего любопытнаго, ни радостнаго для меня въ этомъ домѣ

быть не можетъ... Чѣмъ скорѣе,—произнесъ онъ зазвенѣвшимъ мгновенно голосомъ, подвигаясь къ ней мимо стола,—чѣмъ скорѣе выйдемъ мы отсюда, Кира, тѣмъ счастливѣе я буду!..

Она неожиданно вздрогнула, переѣхнулась въ лицѣ... „Какъ, вотъ, вотъ сейчасъ!..“ Ей стало страшно опять...

Промежъ широко-раздернутыхъ ею между тѣхъ занавѣсей окна сверкающая волна свѣта влилась лашмя въ комнату длиннымъ параллелограмомъ, ударяя въ противоположную стѣну, на которой висѣла большая, въ рамѣ, отянутая синимъ сукномъ, доска съ навѣшенною по ней на гвоздикахъ коллекціей всякихъ акварельныхъ и фотографическихъ портретовъ.

— Старикъ, заговорила послѣшно Кира, хватаясь за первый предлогъ отдалить хотя еще на мигъ неизбежно предстоявшій между ними „настоящій разговоръ“,—старикъ любилъ собирать портреты всѣхъ молодыхъ лицъ какія онъ зналъ. Тутъ и мой между прочимъ я нашла, примолвила она, налаживаясь на улыбку, и направляясь къ той стѣнѣ.

Троекуровъ послѣдовалъ за нею.

— Вотъ онъ! указала она, останавливаясь предъ доской;—онъ выпросилъ его, и помню, у тетюшки Марьи Яковлевны, увидавъ меня у нея когда я въ первый разъ пріѣхала изъ-за границы въ Москву, четыре года назадъ.... Переѣхнулась я съ тѣхъ поръ? спросила она вдругъ неестественно веселымъ тономъ.

Эта искусственность раздражала его; онъ нервно закурилъ усь:

— Не особенно! какъ бы нехотя уронилъ онъ въ отвѣтъ ей.

Она быстро обернулась на него, вскинула глазами прямо ему въ лицо—и бѣлые, ровные зубы ея сверкнули, словно у молодого волка, изъ-за дрогнувшихъ и раскрывшихся губъ:

— Тутъ есть еще другая знакомая вамъ особа, какъ бы отчеканила она.

— Кто это? доса дливо спросилъ онъ.

— Узнайте! И она устремила указательный палецъ на другой портретъ.

Онъ взглянулъ... Это была фотографическая карточка его жены, шестнадцатилѣтней Сашеньки—„дѣвочки“, съ ея вѣчно-строгимъ выраженіемъ „волоокой Геры“, съ густымъ вѣнцомъ темныхъ волосъ надъ античною, словно вѣнчѣвшимся рѣзцомъ *пробранною* по мрамору головкой, экземпляръ той

самой карточки которую Женни Карнаухова „подъ большим секретомъ“ прислала ему, раненому, на Кавказъ, вслѣдъ за письмомъ въ которое извѣщала его что эта дѣвочка кодить каждый день тайкомъ съ навѣй, подъ предлогомъ прогулки, къ Спасскимъ воротамъ, ставить Спасителю свѣчку о его исцѣленіи... Онъ никакъ не ждалъ увидѣть это изображеніе здѣсь, въ эту минуту!.. Цѣлый міръ прошлаго,—цѣлый міръ чистыхъ, лучшихъ въ его жизни грезъ и помышленій мгновенно хлынулъ, будто внезапно прорвавшійся родникъ. и зажурчалъ въ душѣ его съ неотразимою силой. Онъ замѣтно смутился, вѣки его судорожно заморгали...

Лицо Киры въ то же мгновеніе покрылось смертельною блѣдностью. Она неотступно глядѣла на него,—она все замѣтила, все поняла...

Она отошла къ столу и тихо опустилась въ кресло, нажимая ладонями глаза...

Онъ успѣлъ тѣмъ временемъ овладѣть собою, обернулся, увидѣлъ ее въ этомъ положеніи и кинулся къ ней:

— Что съ вами, Кира, говорите... что съ вами? допрашивалъ онъ, захватывая эти руки у кистей и силась оторвать ихъ отъ ея лица.

— Оставьте, оставьте! шептала она обрывающимся голосомъ.

Онъ похлябъ въ свою очередь, отступилъ недоумѣло и молча...

Она уронила руки, откинула назадъ голову:

— Что я здѣсь дѣлаю, скажите, зачѣмъ я здѣсь? вырвалось у нея взрывомъ.

Онъ хотѣлъ отвѣтить. Она не дала ему на это времени:

— Развѣ я не видѣла сейчасъ, не прочла на лицѣ вашемъ? Вы ее любите еще: я это предчувствовала!...

— Послушайте, Кира, это ребячество! возразилъ онъ морщась;—да, я любилъ ее, я женился на ней потому что любилъ... Не знаю что могли вы „прочестъ на моемъ лицѣ“, но во всякомъ случаѣ это относилось къ прошлому, къ отжитому, къ чему возврата нѣтъ. Изъ-за чего же вы волнуетесь? Развѣ между вами и мной не все порѣшено еще, развѣ я не весь вашъ теперь?..

— Нѣтъ! рѣзко выговорила она:—вы говорили „безъ сожалѣнія и раскаянія“. А вы въ этомъ сами не властны!...

— Я не ждалъ отъ васъ этихъ улрековъ, Кира, сказалъ онъ,—вы точно ссоры ищете...

— „Ссоры“? горько повторила она: — знаете ли вы что я не сплю, не ъмъ съ той самой минуты... когда „все порѣшено“ было, какъ вы говорите!... Вы говорили о „правдѣ любви“, и за этимъ словомъ я согласилась идти за вами. Но правда ли это дѣйствительно? Не проходило еще мгновения съ той поры чтобы не думала я мучительно объ этомъ... Я улоствовала, я хотѣла вѣрить: „правда“ эта, увѣряла я себя, выше совѣсти, выше терзаній ея... выше тѣхъ униженій которыя вынесла я тамъ прежде чѣмъ уѣхала...

— „Униженія“? Отъ кого? вскрикнулъ онъ съ засверкавшими глазами.

— Не отъ нея, успокойтесь! Она, какъ всегда, чиста и великодушна, презрительно усмѣхнулась Кира:—такъ великодушна даже что постаралась оправдать меня въ собственныхъ моихъ глазахъ.

И вынувъ изъ кармана анонимное письмо полученное Александрой Павловной и передаврое, по ея приказанію, Анфисой княжнѣ въ минуту ея отъѣзда изъ Всесвятскаго, протянула его Троекурову:

— Прочтите!

Онъ развернулъ письмо... Первымъ дѣломъ кинулись ему въ глаза начертанныя слѣпшею и дрожавшею рукою его жены слова: „Если и правда, не ты виновата...“ Виноватымъ очевидно почитала она одного его... Его слово кто-нибудь кожомъ въ грудь ударилъ: вся кровь отлила ему къ сердцу. Онъ быстро обернулся, какъ бы къ свѣту, чтобы не выдать опять Киры своихъ ощущеній, и принялся читать далѣе съ презрительнымъ выраженіемъ на побѣлѣвшихъ и присохшихъ губахъ...

— Мерзавецъ! вскрикнулъ онъ дойдя до конца, — это Трожекковъ сочинялъ, очевидно... Но... но какъ могъ онъ узнать... о нашемъ разговорѣ?...

— Не все ли равно теперь? повела она ма это равнодушно плечомъ.

Онъ засмѣялся нежданно громкимъ, слишкомъ громкимъ чтобы быть вполнѣ искреннимъ, смѣхомъ (и Кира поняла это):

— И къ лучшему! сказалъ онъ,—этотъ господинъ избавилъ насъ ото всякихъ другихъ объясненій; всѣ луты лорваны, мы свободны теперь, Кира!...

— Свободны... на что? глухо проговорила она.

— Уѣхать прежде всего, уѣхать скорѣе!...

— И мучиться отъ этого, и страдать обоимъ?

— Кира, перестаньте! Это жестоко или безумно, вы это должны понять!...

— Жестоко, да! Я говорила вамъ, я это предчувствовала... И вижу ясно теперь...

— Что вы видите! перебилъ онъ ее, волнуясь и блѣднѣя,—вы выискали какой-то ребяческой, дѣйствительно, предлогъ, мучить и себя, и меня...

— Вы знаете сами что это не ребячество! пылко возразила она:—вы знаете что я не торговалась; я прямо, не задумываясь, рѣшилась идти съ вами на преступленіе. Я понимала что это *преступленіе*, что гублю ее, лишаю ея дѣтей отца ихъ,—и все же согласилась... Я слѣла была, я вѣрила, повторяю, въ эту силу, въ эту вашу „правду“ любви, и что предъ нею должно потонуть все, все прошлое, и мое и ваше, что съ него начнется новая, совсѣмъ новая жизнь... какъ вотъ послѣ смерти обѣщаютъ намъ,—и ничего уже въ этой жизни не будетъ кромѣ той же любви всепоглощающей, исключаящей все прежнее, все остальное...

— Вы не ошибались, горячо воскликнулъ онъ,—эта новая жизнь ждетъ насъ, ждутъ золотые дни счастья!..

Она засмѣялась теперь въ свою очередь,—засмѣялась надрывающимъ смѣхомъ:

— Покаянитесь же мнѣ, попробуйте,—я вашей клятвѣ повѣрю,—что никогда не вспомните *о ней*, не пожалѣете о томъ чѣмъ пожертвовали для меня!... Развѣ вы рѣшитесь дать эту клятву?.. Вѣдь я видѣла сейчасъ, я нарочно подвела васъ къ ея портрету, весь день вчера соображала я это... Да и кто знаетъ,—какою-то странною нотой зазвенѣлъ вдругъ голосъ Киры,—вы, можетъ-быть, сами показались бы мнѣ гадки если бы въ сердцѣ вашемъ не осталось ничего къ ней. Вѣдь и она же любила... и давала вамъ счастье—какое умѣла!... А между тѣмъ—и прозрачныя ноздри ея надменно дрогнули,—а между тѣмъ я и съ мертвою не согласна была бы дѣлаться ни единымъ помысломъ того... кого я люблю!..

У Троекурова двоилось въ глазахъ. Никогда еще ея своеобразная красота и то внутреннее содержаніе, [то]тъ пылъ и цвѣтъ душевный что заключались въ ней не представлялись ему въ такомъ обаяніи какъ въ этотъ мигъ, когда, блѣдая какъ мраморъ, съ горящими страстною энергіей глазами, безпощадно разгоняла она этою неожиданною горечью рѣчи марево

чаемаго—давно ли?—ими обоюднаго счастья. Соблазнъ этого счастья снова захватилъ и повлекъ его телерь. „Нѣтъ, что бы ни было, ты моя, ты должна быть моею!“ неудержимо подымалось ему къ горлу... Онъ рванулся впередъ, простирая руки... И остановился, вздрогнувъ, предъ ея внезапно испуганнымъ движеніемъ, перемогаая себя сверхестественнымъ усиленіемъ и чувствуя какъ краска мгновеннаго стыда выступала на его лицо... „Ашанинъ, будка“, гадливо провеслось у него олять въ головѣ...

Она повела на него съ мѣста долгимъ, лихорадочно вопрошающимъ взглядомъ:

— Я знала, вы честный человекъ, проговорила она тяжело дыша,—вы не дадите обѣта котораго сдержать не можете. Вы сами обманывались!..

— Не знаю, отвѣтилъ онъ, садясь и судорожно проводя рукой по лицу;—я былъ искрененъ съ вами, Кира, и чувство мое къ вамъ заглушало во мнѣ всѣ цыля чувства и мысли,—это вѣрно! Я шелъ къ вамъ отрѣшившись, казалось мнѣ, ото всѣхъ оковъ прошлаго. Вы сочли нужнымъ подвергнуть меня искушенію... Я не ждалъ... Оказывается дѣйствительно что не все то легко лорывается что хочешь, договорилъ онъ тихо.

Она глядѣла на него съ широко раскрытыми зрачками, съ высоко и неровно подымавшеюся грудью подъ темнымъ лифомъ ея платья.

Жилы на лбу Троекурова замѣтно натянулись. За страстнымъ лорывомъ наступала борьба...

— Я сжегъ свои корабли, вы это знаете, заговорилъ онъ послѣ тяжкаго молчанія;—но для васъ этого недостаточно... Я не упрекаю васъ за это,—послѣшно примолвилъ онъ, какъ бы предупреждая возможное возраженіе,—не въ вашей природѣ идти на компромиссы. Все, до невозможнаго, или ничего—девизъ вашъ.... Но я смѣлъ думать что вы будете великодушнѣе, добавилъ онъ съ чуть-чуть слышнымъ оттѣнкомъ желчи.

— Великодушнѣе? повторила она, не понимая.

— Да, что вы не станете въ эту минуту предъявлять вексель на мою „честность“.

— А когда же, пылко вскрикнула она на это,—когда, по вашему, слѣдовало бы мнѣ начать это? Когда сама дѣйствительность потребовала бы съ васъ уплаты и обратила бы для васъ любовь ко мнѣ въ тюрьму, изъ которой вы могли

бы вырваться только чрезъ смерть мою или вашу. Потому что вы сочили бы своимъ долгомъ, я знаю, не покидать меня до смерти... а я — я была бы уже не въ силахъ разстаться съ вами, хотя бы и видѣла, и чувствовала каждую минуту какъ гложетъ вамъ сердце червь воспоминаванія и сожалѣнія о прошломъ.... Вы сейчасъ сказали сами что „не все то легко порывается чѣ хочешь“. А понимаете ли вы, — возгласомъ отчаянія вырвалось изъ груди Киры, — что единственное право мое на васъ и единственное мое оправданіе въ собственныхъ глазахъ, это было бы убѣжденіе что вы не знали счастья до сихъ поръ, что я, одна я, въ состоянїи дать вамъ его... Я сказала вамъ сейчасъ что можетъ-быть я стала бы лчитать васъ дурнымъ человѣкомъ еслибъ у васъ ничего не осталось къ ней въ вашемъ сердцѣ. Я солгала!... Я можетъ-быть говорила бы вамъ это вслухъ, но въ душѣ я боготворила бы васъ за это.... Но вы не можете, не можете; призракъ все это было, одинъ призракъ!..

Троекурова точно повело всего внутренно. „Призракъ!“ съ вѣскою отчетливостью отпечатывалось это слово въ его мозгу, будто въ первый разъ приходилось ему слышать его... „Призракъ... Но въ какую же игру тогда играли мы оба съ нею до этой минуты“.... И глухая, но уже раздражающая боль заколола у него въ груди; лицо приняло мгновенно холодное, чуть не злое выраженіе....

— Послушайте, Кира, сказалъ онъ, — другой на моемъ мѣстѣ обратилъ бы можетъ-быть ваше же оружіе противъ васъ и сталъ бы вамъ доказывать что любовь прежде всего не терпитъ условій и уговоровъ, что она, какъ отъ вѣка положено ей быть, искренна только тогда когда *смысла*, что нѣтъ ея тамъ гдѣ нѣтъ безспорнаго, неограниченнаго довѣрія къ любимому предмету, довѣрія не допускающаго страховъ о будущемъ, на еще менѣе безполезныхъ сѣтованій за прошлое. Онъ могъ бы легко пожалуй вывести изъ этого что въ васъ самихъ лежитъ зародышъ тѣхъ недочетовъ которые, въ вашемъ понятїи, происходятъ отъ недостаточности гарантїй предлагаемаго вамъ счастья.... Но я къ этому оружію прибѣгать не стану. Мнѣ всегда противно было соблазнять софизмами чужую совѣсть.... Да и со своимъ не умѣла я это никогда дѣлать! безвольно вырвалось у него, подъ вліяніемъ той какой-то тяжелой работы совершавшейся въ немъ внутренно....

— Для чего это вы мнѣ говорите? со внезапною тревогой обернулась на него Кира.

— Я думалъ, это ясно для васъ,—и въ голосѣ его послышалось нетерпѣнiе:—мы, какъ сказочный царевичъ, стоимъ теперь на перелутьи, не зная куда идти, вправо или влѣво, впередъ или назадъ. Но такъ оставаться нельзя. Я, послѣ того что высказано вами, не почитаю себя въ правѣ заявлять свое слово. Выборъ зависитъ единственно отъ васъ. Рѣшайте!

Сердце страшно забилось у нея, рука похолодѣла, между тѣмъ какъ кровь горячею струей кидалась ей въ голову. „Что же, кинуться къ нему, въ его объятiя, сказать, *голосомъ съговорить*: я твоя, твоя безъ разсужденiй, дѣлай со мной что хочешь!“ зашевелила неожиданно въ ей какая-то мгновенная сила страсти.

Она уронила вѣки въ сматенiи охватившемъ все ея существо....

Онъ молчалъ и ждалъ....

Она вскинула опять олущенные зѣнцы, пылливо, трелетно вонзилась горящими зрачками въ его глаза.... и дрогнула вдругъ и замертвѣла вся:

„Поздно слишкомъ!“ прочла она какъ въ книгѣ въ этихъ стальныхъ, въ этихъ „безлощадныхъ“ глазахъ:—самъ онъ ничего уже не *могъ* теперь....

Она махнула въ себѣ силу устоять на ногахъ, улыбнуться.... Онъ всю жизнь свою потомъ не могъ забыть этой улыбки. Въ ней было все, примѣняя сюда слова поэта:

Любовь, страданье,
Упрекъ съ посажденю мольбой,
И безнадежное прощанье —
Прощанье съ жизнью молодой. *

Но самъ онъ словно оледенѣлъ весь въ эту минуту, и ни единого звука не исторглось изъ груди его въ отвѣтъ на ея муку.

Она сама одолѣла ее. Отвернувшiеся отъ него глаза ея устремились неопредѣленно въ глубь комнаты; дрожавшiя губы сомкнулись въ тонкую, чуть намѣченную линiю, какъ въ ликахъ святыхъ на картинахъ прерафаэлитовъ. Что-то сурово-безучастное слалось на ея блѣдномъ какъ саванъ лицѣ.

Такъ прошло нѣсколько мгновенiй, томительныхъ какъ зрѣлище агонiи приговореннаго больного....

Она еще разъ чуть-чуть усмѣхнулась:

* Лермонтовъ. *Демонъ*.

— Вы мнѣ позволите, произнесла она твердымъ голосомъ, — объ этомъ рѣшеніи моемъ извѣстить васъ не сейчасъ?

Онъ поклонился:

— Когда же прикажете явиться за нимъ?

— Неужели вы такъ любопытны? послѣднимъ, горькимъ взрывомъ уязвленнаго чувства вырвалось у нея. Но она тутъ же поборола это чувство, встала, протянула ему руку, и проговорила кроткимъ, дружественнымъ тономъ:

— Я не заставляю васъ долго ждать, Борисъ Васильевичъ.

Онъ наклонился, коснулся губами ея безжизненныхъ какъ у мертвой пальцевъ, поднялъ голову съ замѣтнымъ намѣреніемъ что-то сказать ей... но не сказалъ ничего, глубоко поклонился еще разъ, и тихо вышелъ изъ комнаты.

Холодная вся и недвижная какъ истуканъ, долго глядя ему во слѣдъ Кира... „Все кончено“, безсознательно произнесла она вслухъ затѣмъ, и опустилась опять на свое мѣсто предъ столомъ, роняя лицо на сложенные руки.

„Что же теперь?“ спрашивала себя она... Слезы подступали ей къ горлу, но она плакать не могла. „Въ родѣ нашемъ не плачутъ“, вспомнились ей слова отца ея на одрѣ смерти и та надрывавшая ей сердце улыбка которою пытался онъ при этомъ усложнить ея тревогу. И сама она при этомъ воспоминаніи присанулась вдругъ, и обвела безпокойно кругомъ себя глазами, какъ бы испугавшись чтобы чей-нибудь взглядъ не подсмотрѣлъ въ нихъ выраженія „слабости ея предъ горемъ“...

Преданія этого рода, честнаго рода ея, преданія нравственной *порядочности* воспринятая какъ бы съ молокомъ матери, воспитаніе въ дальнемъ краю, управляемомъ этимъ строгимъ отцомъ, говорившимъ: „Noblesse oblige et romvoir aussy“, сиротство ея затѣмъ, страстные идеалы „служенія человѣчеству“, ея петербургская дворская жизнь... и *вдругъ это, это* — все разомъ поднялось и зазвенѣло въ ея душѣ, словно набѣгомъ вѣтра на натянутыхъ струнахъ золотой арфы. „Все кончено“: преступныя надежды, блудящія огни недостижимыхъ для нея радостей жизни... Ладыя ея безъ кормила и весла набѣжала на утесъ и поглощена лучиною, создала она... Оставалось *душу живу* вынести изъ килени воды...

Глаза ея случайно остановились на открытой страницѣ развернутаго на столѣ фолианта, который она, въ ожиданіи Троекурова, вынесла изъ бібліотеки старика Остроженка,

привлеченная въ ту минуту его древнимъ, пергаментнымъ переплетомъ гораздо болѣе чѣмъ самымъ заглавіемъ. Это было изданіе XVI вѣка *Подразжанія Христу*, съ французскимъ переводомъ en regard Корнеля, автора *Суда* и *Les Horaces*... „*Ата nesciri et pro nihilo reputari*“, * прочла она, побѣжала безоознательно взглядомъ къ соответствовавшему французскому тексту... и вздрогнула вдругъ вся, какъ бы отъ вѣянія чьего-то таинственнаго и живительнаго дуновенія...

VI.

Напрасно вы бесѣдою шутовской
Мой тяжкій сонъ хотите перервать!

Пушкинъ.

Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.

Гр. А. Толстой.

„Призракъ, да, призракъ!“ повторялъ мысленно Троекуровъ, слускаясь по лестницѣ въ мрачныя сѣни дома, — „не любовь у нея, не увлеченіе, а все то же болѣзненное исканіе, зудъ безлокойнаго ума, рвущагося за предѣлы возможнаго.... А а?“... Онъ не договаривалъ.... На душѣ его было темно и трудно и онъ какъ бы боялся разобраться въ наводившихъ ее ощущеніяхъ. Ему хотѣлось отбиться отъ нихъ, отогнать, разсѣяться какимъ-нибудь вѣшнимъ, постороннимъ занятіемъ.... Онъ вспомнилъ о своей конторѣ, помѣщавшейся тутъ же рядомъ, на Покровкѣ, и, выйдя на улицу, направился туда.

Контора состояла изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ первая служила пріемною, вторая—„канцеляріей“, а третья, маленькая, выходившая на дворъ, съ локойною мебелью, неогараемымъ шкаломъ для храненія денегъ и письменнымъ столомъ, служила рабочимъ кабинетомъ Троекурову, когда онъ пріѣзжалъ по дѣламъ въ Москву.

Онъ вошелъ, засталъ конторщика и двухъ его писцовъ за счетами и, пройдя въ этотъ свой кабинетъ, потребовалъ полугодовой отчетъ по сахарному заводу „съ документами“.

* Возлюби невѣданнымъ быть и сытъ за ничто.

Онъ разчитывалъ что ему за этииъ „часа на два работы хватить“ и, потребовавъ какихъ-то предварительныхъ свидѣній отъ конторщика, выславъ его затѣмъ изъ комнаты, и погрузился въ дѣло съ карандашомъ въ рукѣ.

Ему приходилось перелистать и протворить страницъ пятнадцать всякихъ *статей*, исписанныхъ колоннами цифръ, но онъ не былъ въ силахъ одолѣть и одной. Цифры прыгали и путались предъ его усталыми глазами. Нервы, чрезмѣрно на-танутые бессонницей и прожитыми имъ сейчасъ ощущеніями, отказывались повиноваться ему. Его обымала неодолимая дремота. Онъ безотчетно откинулъ голову въ спинку стариннаго кресла на которомъ сидѣлъ предъ столомъ, и тутъ же заснулъ.

Такъ прошло довольно долго времени.

Но вотъ, еще сквозь сонъ, изъ-за не совсѣмъ примкнутой двери въ „канцелярію“ донесся до него полусмелчущій говоръ двухъ голосовъ:

— Къ Ахембаху поздно, говорилъ конторщикъ, — шестой часъ въ началѣ, конторы всѣ залпеты.

— Онъ непремѣнно просилъ чтобы сегодня же, возражалъ другой кто-то, — а не то, такъ золотомъ получить, все равно.

— Это можно; мѣнялы во всякій часъ сидятъ....

— Такъ ужъ потрудитесь, Иванъ Никитичъ, скорѣе. — Очень просили онъ.

Троекуровъ узналъ голосъ управляющаго его домомъ, — и открылъ глаза, прислушиваясь.

— Съ моимъ удовольствіемъ, говорилъ конторщикъ; — только вотъ какъ бы, шкаль отворявши, барина не потревожить: залочивали никакъ....

— Никитичъ! громко позвалъ его Борисъ Васильевичъ: — О чемъ у васъ тутъ!

— Изъ дому вотъ, господинъ Пазухинъ пришелъ, доложилъ тотъ, появляясь въ дверяхъ, — отъ княжны Киры Никитичны съ порученіемъ.

— Что такое? На счетъ какихъ-то денегъ, я слышалъ....

— Точно такъ-съ! У насъ въ кассѣ денегъ ихнихъ, полученныхъ мною, по довѣренности ихъ, изъ казначейства, 1.600 рублей лежатъ. Такъ онъ проситъ чтобъ эти деньги перевести траткою на Женеву или Лионъ, а то такъ золотомъ....

— Да, перебилъ его, кивая, Троекуровъ, — знаю.... Такъ вы пожалуста устройте это ей скорѣе!..

И пока тотъ, послѣшнню подбѣжавъ къ письменному столу, вынималъ изъ лотайнаго ящичка хранившійся тамъ ключъ отъ несгораемаго шкала, онъ подвинулся къ столу, подкинулъ себѣ тетрадку почтовой бумаги и, обращаясь къ управляющему:

— Я сейчасъ напишу два слова княжѣ, промолвилъ онъ, макая перо въ чернильницу лѣнливымъ какъ бы жестомъ;— отнесите и спросите, будетъ ли отвѣтъ?

— Слушаю-съ!..

„Я узналъ что вы собираетесь уѣзжать, писалъ Троекуровъ, угодно ли вамъ будетъ видѣть меня предъ этимъ?“

Онъ запечаталъ записку, надписалъ на обложкѣ короткій адресъ: „Княжѣ“ и отдалъ ее Пазухину.

Минуть черезъ десять тотъ вернулся съ отвѣтомъ:

— Княжна приказала сказать что онъ напишутъ и пришлютъ въ контору для доставленія вамъ.

— Хорошо! кивнулъ Борисъ Васильевичъ.—Такъ, когда получите, принесите ко мнѣ, къ Шевріе; я тамъ обѣдать буду, приказалъ онъ конторщику и, сдавъ ему обратно бумаги по заводу, велѣлъ подавать коляску и уѣхалъ.

Погода перемѣнилась тѣмъ временемъ. Задулъ холодный вѣтеръ, небо заволокло тучами. Обѣденное время разогнало гуляющихъ съ Кузнецкаго Моста. Все словно поспѣло и закисло кругомъ... „А давно ли проѣзжалъ я здѣсь и налѣзая-

„*Quel beau jour,*

Quel beau jour pour les amoureux!“

проислось въ памяти Троекурова...

— Троекуровъ, здравствуй, давно пріѣхалъ? послышался ему голосъ изъ обоглавленной его коляски.

Онъ обернулся.

Въ коляскѣ сидѣлъ Фифенька Веретеневъ, въ лиловомъ галстукѣ и шляпѣ на бекрень, и весело кричалъ ему, присвистывая въ пустое отверстіе недостававшихъ ему спереди зубовъ:

— Ты въ клубъ?

— Нѣтъ! коротко отрѣзалъ онъ въ отвѣтъ.

— Пріѣзжай, я тебя сейчасъ запишу; тамъ сегодня уха! крикнулъ еще разъ Фифенька, и промчался мимо.

Троекуровъ велѣлъ кучеру своему остановиться у ресторана Шевріе, вошелъ туда, спросилъ карту и усѣвшись въ углу за столикомъ, долго разглядывалъ ее, какъ бы не зная на чемъ

остановиться, и наконецъ, къ нѣкоторому удивленію почти-тельно выжидавшаго его приказанія офиціанта-Татарина, кинулъ карту на столъ и проговорилъ сквозь зубы:

— Все равно, подай чего-нибудь!..

— Слушаю-съ... Вина какого прикажете?

— Вина?.. повторилъ онъ, разсѣянно глядя на спрашивавшаго.

— Хозяинъ на дняхъ отличную партію бургонскаго получили, ваше сіятельство, прошелталъ наклоняясь къ нему тотъ, будто съ намѣреніемъ сообщить ему государственную тайну, — Шамбертенъ великолѣпнѣйшій!

— Хорошо, подай!..

Ѣда не шла въ горло Борису Васильевичу. Онъ отсылалъ, едва отвѣдавъ, подававшіяся ему блюда и морщился, словно прижавъ лѣкарство, вслѣдъ за каждымъ проглоченнымъ кускомъ. Но предложенную бутылку Шамбертена онъ выпилъ до дна и за послѣднимъ глоткомъ всталъ и отправился въ свой номеръ.

— Письмо есть? коротко спросилъ онъ вышедшаго ему на встрѣчу Матвѣя.

— Никакъ нѣтъ! отвѣтилъ тотъ, принимая шляпу и перчатки барина.

„Il faut pourtant en avoir le coeur net“, сказалъ себѣ мысленно и почему-то по-французски Троекуровъ, опускаясь на диванъ.

Онъ скользнулъ взглядомъ по лицу своего слуги, зѣвнулъ:

— Княжна Кира Никитишна здѣсь, остановилась въ Покровскомъ домѣ; она собирается уѣзжать, неопредѣленно проговорилъ онъ;—ты сходишь къ ней, скажешь что я тебя прислалъ, не будетъ ли какихъ приказаній... и все исполнишь если что ей нужно... А какой отвѣтъ будетъ, придешь мнѣ сказать.

— Слушаю-съ. Сейчасъ прикажете?

— Само собою!..

— Вы изволите телереча дома оставаться? осторожно спросилъ Матвѣй, зная что баринъ „вообще не терпять чтобъ ихъ спрашивали“.

Баринъ оглянулся, подумалъ...

— Я можетъ-быть въ клубъ уѣду, въ Англійскій... Ты туда приди съ отвѣтомъ.

— Слушаю-съ!

Онъ отправился. Борисъ Васильевичъ остался одинъ. Онъ растаялся на диванъ, прижмурилъ глаза и долго оставался такъ, погруженный въ глубокое внутреннее размышленіе.

На дворъ наступали сумерки; полумракъ обымалъ уже углы комнаты... Троекуровъ поднялся, прошелся раза два мимо оконъ, надѣлъ шляпу, машинально взглянувъ на себя при этомъ въ зеркало, вышелъ и, кликнувъ свою коляску, велѣлъ везти себя въ Англійскій клубъ.

Тамъ въ биллиардной, прямо противъ двери, въ углу, за ломбернымъ столомъ сидѣли Фифенька Веретеневъ, пріятель его, первый по Москвѣ игрокъ въ коммерческія игры monsieur Lescourt, пріѣзжій изъ Петербурга Чижевскій и такой же пріѣзжій гвардейскій гусаръ съ необыкновенно красными и толстыми губами. Они рѣзались въ преферансъ „по маленькой“. Подлѣ нихъ, на особомъ столикѣ, стояла въ холодильникѣ бутылка шампанскаго... Въ этой, извѣстной во всемъ клубѣ, „Лекуровской компаніи“ такихъ бутылокъ до перваго штрафа выпивалось играющими иногда до пятнадцати. Онъ записывались за каждымъ, поочереды, ставившимъ ремизъ, опорожнялись и замѣнялись новыми съ неимоверною быстротой.

— Спасибо! кивнулъ, подходя, Троекуровъ Фифенькѣ, записавшему его, подавъ руку знакомымъ, и опустился подлѣ него на диванъ.

— Человѣкъ, стаканъ!.. Выльешь? спросилъ его тотъ.

— Не буду, вѣтъ!..

— Жизнь—есть пиръ! съ поклатистымъ смѣхомъ проговорилъ, на манеръ лозунга, останавливаясь у стола, Мишка Тарановъ, остроумецъ и толстякъ, самъ уже нѣсколько лѣтъ промѣнявшій былое *журиство* на отчаянные слоры „о матеряхъ важныхъ“ въ „чернокнижной“.

Онъ подмигнулъ сквозь очки на играющихъ, дружески потряхивая между тѣмъ руку Троекурова.

— Пиръ, пиръ! съ хохотомъ подтвердилъ monsieur Lescourt, бѣлокурый весельчакъ съ выбритымъ начисто и ольывшимся лицомъ.—А вотъ тебѣ и карамболь по красному, съ тѣмъ же смѣхомъ отнесся онъ къ гусару, объявившему семь въ червахъ, и показалъ ему свои карты,—дама самъ-третей, тузъ и фуршетка козырей; ставь ремизъ! Я, братъ, строгъ, но справедливъ... Слѣдующая бутылка за тобой!..

Гусаръ, уже на половину *готовый*, мотнулъ головой въ

знакъ согласія, выписалъ надъ чертой лульки исповашскую цифру 20, причемъ мѣлокъ разлетѣлся въ куски подъ его здоровыми пальцами, и загѣлъ вполголоса:

А кокетка,
Какъ ракетка,
Въ мигъ взвоньется, заблеститъ...
— Ахъ, морозъ-морозецъ,
Молодецъ ты русскій,

проречитативилъ въ свою очередь, сдавая карты, Лесонт;— ты бы вотъ послушалъ какъ это Мава поетъ; косточки всѣ пробираетъ, чертовка...

— Поѣдемъ отсюда къ нимъ! послѣдно предложилъ молодой воинъ.

— Дѣло! Чижевскій, ѣдемъ?

— Охотно; я давно Цыганъ не слышалъ.

— Фифа, и ты?

— Не могу. У меня сегодня *soigée somme il faut*.

— У кого это, кого лѣвнять собою будешь, Фифочка ты моя?

— У купца Подсолнухина, на Пятницкой, по случаю бракосочетанія *илъ* съ дѣвицей Сыровѣшкиной, балъ съ угощеніемъ и *авес* le оркестръ Сакса, присвиставулъ Веретеневъ и подмигнулъ:—*sans* (то-есть безъ этого), говорю ему, я дирижировать не могу.

Вся компанія залилась смѣхомъ.

— А *авес*, спросилъ Тарановъ,—сколько ты у него призапалъ?

Фифенька скорчилъ жалобную гримасу:

— Вздоръ самый! Пятьсотъ всего, и то подъ вексель дамъ, аршинникъ!..

— Э, братъ, какъ ты съ цѣны съѣхалъ! протянулъ Лекуръ, высовывая языкъ,—въ распродажу видно товаръ пошелъ.

Всѣ расхохотались олять.

— И вотъ какъ видишь, громко сказалъ Тарановъ, обращаясь къ Троекурову,—это у нихъ 365 дней подрядъ въ году, и десять лѣтъ кряду,—та же гульба и лѣсна идетъ:

*Nous n'avons qu'un temps à vivre,
Amis, passons le gaiement!..*

— Вѣрно! крикнулъ Лекуръ, опорожняая вино остававшееся въ стоявшемъ подлѣ него стаканѣ и подвѣялъ его надъ головой:—*дю шампанъ, жюска ла моръ!*

— Не зайдешь *кз мамѣ* шелнулъ Троюкурову Тарановъ, разумѣя „чернокнижную“.

Это была въ тѣ дни узенькая, въ одно окно, съ единственнымъ диваномъ и тремя, четырьмя креслами комната, рядомъ съ „читальною“, куда собирались клубные „мудрецы“, какъ утверждала Лекуровская компанія, „Евролу дѣлать“. Не многочисленно, но необыкновенно задорно было собиравшееся тамъ каждый вечеръ общество; гулъ споровъ, перемежаемый взрывами хохота, вызываемаго забавными анекдотами, главнымъ поставщикомъ которыхъ былъ тотъ же Тарановъ, словно стоялъ неумолчно въ ней, какъ дымъ въ курной избѣ.

Тамъ уже „шли дебаты“ все о томъ же „европейскомъ парламентаризмѣ“ о которомъ до лѣвы у рта происходили здѣсь словоизверженія каждый вечеръ, когда пріятели вошли туда. Собралось уже человекъ лять. Противъ „радикала“ Сильванскаго выступалъ со ссылками на Гнейста Иванъ Алексѣевичъ Готовкинъ, почитавшійся предсѣдателемъ „чернокнижной“, бывалый, начитанный человекъ и кровный „тори“ по убѣжденіямъ.

Тарановъ, еще съ порога, такъ и ринулся въ преніе (шло дѣло о положеніи крестьянъ на Западѣ):

— Въ министерство 30 марта, загудѣлъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ,—вопросъ о коммунальномъ устройствѣ....

— Позвольте, прервалъ его озадаченный Сильванскій,—что это за министерство 30 марта?

— Второе министерство Тьера въ 1838 году, съ Odillon Barrot и Duvergier de Hauganne, слѣдовавшее за министерствомъ 2 февраля 1834 года Гизо и Моле (онъ зналъ назусть даты и составъ всѣхъ безчисленно смѣнявшихся министерствъ іюльской монархіи), когда оппозиція ...

— „Шумимъ, братецъ, шумимъ“, перебилъ его опять выступившій тѣмъ временемъ изъ читальной и остановившійся въ дверяхъ высокій и полный джентльменъ, съ нѣсколько какъ бы надменно откинутою назадъ головой и большими пальцами рукъ засунутыми за рукавные прорѣзы жилета. Это былъ извѣстный своимъ художественно-ботикими элиграммами, дружбой съ Пушкинымъ и налускою безцеремонностью пріемовъ, библиофилъ Горностаевъ.—А наставленіе самаго умнаго человека у Грибоѣдова забыли? прокически спросилъ онъ.

— Кто этотъ „самый умный человекъ“?

— Само собою, Скалозубъ! отвѣтилъ онъ авторитетнымъ тономъ:

Ученостью меня не обморочить!

Скалкай другихъ, а если хочешь,

Я князь-Григорію и вамъ

Фельдфебеля въ Волтеры дамъ...

— Онъ въ три шеренги васъ построитъ,

А пикнете, такъ мигомъ успокоитъ,

подхватилъ съ хохотомъ Тарановъ;—покорнѣйше благодаримъ nous sortons d'en prendre!

Намекъ этотъ имѣлъ огромный успѣхъ: вся „чернокнижная“ покатила сочувственнымъ смѣхомъ.

— А вы меня, Иванъ Алексѣевичъ, нисколько не убѣдили вашимъ Гнейстомъ, обратился къ Готовкину Сильванскій, возвращаясь къ первоначальному мотиву ихъ спора;—нѣтъ неопровержимой книги, вопервыхъ; книга затѣмъ можетъ содержать много болѣе или менѣе интересныхъ фактовъ, но по заключающемуся въ ней внутренно смыслу оказаться пустою.

Онъ не успѣлъ досказать свою мысль.

Горностаевъ, стоя все такъ же въ дверяхъ и не вынимая пальцевъ изъ прорѣзей жилета, неожиданно возгласилъ басистымъ своимъ голосомъ, предъ вѣскою звонкостью котораго голосъ Таранова могъ бы быть почитаемъ пискомъ младенца:

— Жилъ въ Вѣнѣ нѣкто Лихтенгааль, остроумный человекъ и—что не одно и то же, замѣтите!—писавшій остроумныя,—у насъ, разумѣется, совсѣмъ неизвѣстныя,—вещи. А между прочимъ слѣдующее: „Wenn ein Buch und ein Kopf zusammenstossen, und es klingt hohl,—ist das nicht immer im Buche“... *

Послѣдовалъ новый взрывъ смѣха. Сильванскій, съ краской въ лицѣ, быстро подмалъ глаза на говорившаго, но тотъ, спокойно и величественно повернувшись на каблукахъ, уже направлялся опять въ читальную.

— Горностаевъ, погоди! остановилъ его Тарановъ:—сегодня я совершенно нечаянно въ одной французской книгѣ напалъ на недурное размышленіе: „La presse quotidienne finira par appauvrir l'intelligence humaine, comme les mines du Mexique ont appauvri l'Espagne“. А пробуетъ?

* Когда книга и голова пришли въ столкновение и раздается затѣмъ пустой звонъ, то это не всегда въ книгѣ.

Горностаевъ повелъ одобрительно подбородкомъ:

— У меня украдено. Я еще двадцать лѣтъ тому назадъ доказывалъ Мериме,—который впрочемъ совершенно согласенъ былъ въ этомъ со мною,—что мѣръ видимо глупѣетъ по мѣрѣ увеличенія въ немъ чтенія газетъ... Я бы ихъ въ Россіи запретилъ всѣ до одной, за исключеніемъ официальной *Съверной Почты*.

Онъ повернулся еще разъ и исчезъ за дверью.

Въ ней въ ту же минуту показался одинъ изъ клубныхъ служителей. Онъ подошелъ къ Троекурову, безмолвно усѣвшемуся на диванъ и безучастно прислушивавшемуся къ предыдущему разговору, и доложилъ ему что его спрашиваетъ его человекъ.

Тотъ поднялся съ мѣста и прошелъ въ передую.

Матвѣй, едва завидѣвъ барина, быстро пошелъ ему на встрѣчу

— Княжна изволили увѣхать въ Петербургъ, почтительно и какъ бы таинственно прошепталъ онъ.

Троекуровъ сдержалъ готовый вырваться у него взгласъ и взглянулъ на него строго вопрошающими глазами. „Я вотъ тебя выгоню сейчасъ за это шелтаніе!“ прочелъ въ нихъ не въ мѣру прыткій и усердный малый, внезапно блѣднѣя.

— Ты видѣлъ княжну предъ отъѣздомъ или нѣтъ? обрывисто и громко спросилъ его чрезъ мигъ Борисъ Васильевичъ.

— Видѣлъ-съ, какже! Онъ, когда я прибылъ, въ Довскомъ монастырѣ изволили еще быть: ко князю, батюшкѣ ихнему. на могилу поѣхали, сказывали въ домѣ люди. А потомъ пріѣхали въ восьмомъ часу въ началѣ. Чемоданы и прочее, все это у нихъ въ акуратѣ въ сѣняхъ готово было; вышли онъ изъ кареты, изволили приказать что куда поставить. „Сейчасъ, говорятъ, я и на желѣзную дорогу“. Я тутъ и доложилъ имъ отъ васъ какъ изволили приказать. „Очень, говорятъ благодари Бориса Васильевича и скажи отъ меня извиненіе что никакъ не успѣла написать имъ сегодня, а что, какъ только прибуду въ Петербургъ, такъ непремѣнно напишу“ Очень онъ слышали чтобы не опоздать на поѣздъ; я ихъ и въ карету посадилъ... Съли онъ сейчасъ и поѣхали.

— Съ горчицной?

— Однѣ-съ. Горничную Матрену, что у нихъ во Всесвятскомъ служила, онъ, сказывалъ мнѣ управитель, какъ пріѣхали сюда, разчитали въ тотъ же день и отпустили, а

замѣсто ея въ прислужницахъ была у нихъ здѣсь одна взята изъ дома дѣвушка.

— Знаю, перебилъ его баринъ;—можешь идти!..

Онъ, теребя усы, съ нервно помаргивавшими вѣками, медленно зашагалъ обратно вдоль по длинной полосѣ ковра тянущагося по пространной анфиладѣ клубныхъ комнатъ. На душѣ его заняла опять раздражающая боль...

— Троекуровъ, не хочешь ли на мое мѣсто? Декуръ взаулилъ меня до живаго мяса. Баста! А тебя, Креза, распатронить и самъ Богъ велѣлъ, продолжалъ Фифенька, когда тотъ поравнялся съ ихъ столомъ.

— Спасибо!.. Играть, такъ ужь не въ это! отвѣтилъ сквозь зубы Троекуровъ.

— А хочешь въ настоящую, послѣшилъ заговорить Декуръ,—пожалуй въ „дифервальную“. Занесухинъ тамъ и противъ него компанія на паяхъ собирается; тебѣ очень рады будутъ...

— Нѣтъ, въ компаніи я играть не стану.

— А коли одинъ на одинъ, такъ тѣмъ ему пріятнѣе, обещаешь!.. Пойдемъ, я сейчасъ тебѣ это устрою.

Троекуровъ кивнулъ и пошелъ за нимъ.

Толстогубый гусаръ мотнулъ головой ему вслѣдъ и подмигнулъ Веретеньеву:

— Былъ матадоръ въ свое время! Бачманову разъ въ одну ночь девяноста тысячъ проигралъ на дамъ трефъ,—рутерки держался.... Давно впрочемъ этому. Какъ жемяса, говорятъ, закачался играть. А сегодня пропало, видно, опять?

Фифенька хихикнулъ:

— *Qui vivé viva!* проговорилъ онъ сентенціозно на своемъ французскомъ языкѣ испанской коровы.

Безногий генералъ Занесухинъ въ теченіе уже долгихъ лѣтъ состоялъ однимъ изъ крутнѣйшихъ игроковъ обихъ российскихъ столицъ. Онъ занималъ по своему служебному положенію и случайной женитьбѣ на особѣ знатнаго и богатаго рода видное мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ и пребывалъ обыкновенно, наѣзжая въ Москву раза два въ годъ по старой привычкѣ, въ виду все тѣхъ же игорныхъ цѣлей, хотя и выносилъ оттуда съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпнущее въ немъ и весьма для него тяжелое убѣжденіе что „въ Москвѣ перевелись деньги“....

„Былые богатыри“ зеленого поля, золотые годы игры до

десяти часовъ сѣдующаго утра и тысячныхъ штрафовъ,—все это въ Москвѣ дѣйствительно отходило давно уже въ царство тѣней, обращалось въ легенду. Въ „инфернальную“ Англійскаго клуба, полную незабвенныхъ воспоминаній о проигранныхъ въ ней баснословныхъ „кушахъ“ и „слушечныхъ“ крѣпостныхъ „душѣхъ“, вслѣдъ за 19 февраля дерзко

„Лѣзли изъ щелей
Мотки, да букашки“,

„каротѣры“, пробавлявшіеся колѣчки по три point въ „пикетецъ“.... Паденіе очевидно не могло идти далѣе.

Такъ, или весьма близко къ тому, разсуждалъ теперь генералъ Занесухинъ, „сеи остальной изъ стаи славной“, сидя угрюмо и одиноко на диванѣ, въ ожиданіи конца переговоровъ собиравшейся выступить противъ него компаніи лайщиковъ. Онъ не то презрительно, не то нетерпѣливо поглядывалъ на уголъ въ которомъ происходило ихъ совѣщаніе, позѣвывая и лотирая рукой чрезъ сукно разчесавшуюся оконечность отрѣзанной подъ колѣнкой ноги своей.

Услыхавъ отъ Лекура о неожиданномъ ратоборцѣ въ лицѣ Троекурова, генералъ просіялъ весь отъ удовольствія. Онъ зналъ о его прошломъ, зналъ и его телерешнія средства, какъ зналъ вообще до колѣнки *сколько* каждый играющій въ Россіи человекъ „могъ ему проиграть“.... „Тутъ очевидно, тотчасъ же сообразилъ онъ,—при случаѣ можетъ до сотни тысячъ дойти“....

Онъ послѣшно даже съ мѣста всталъ на встрѣчу Борису Васильевичу, протягивая ему руку, говоря что онъ помнитъ его еще „съ лажей“, что онъ „и съ батюшкой его былъ пріятель“, и „съ батюшкой, хе, хе, игрывалъ въ старыя времена“, и что онъ радъ, очень радъ....

— Вы какъ же, спросилъ онъ тутъ же,—съ этими господами въ долѣ, или...

— Нѣтъ, заявилъ Борисъ Васильевичъ,—играю я всегда одинъ, à mes risques et périls, и если эти господа позволяютъ....

— Сдѣлайте милость, мы отступаемся, рѣшила *компанія*, которую Занесухинъ „наказалъ“ наказунѣ тысячи на три.

— Такъ пойдемте! сказалъ тотъ, направляясь къ столу въ углу комнаты.

Онъ усѣлся въ самомъ этомъ углу, сливою и дѣвнымъ

бокомъ къ стѣнкѣ. Къ правой сторонѣ его, согласно давно заведенному имъ и вездѣ гдѣ онъ игралъ извѣстному обычаю, приставлена была слугами ширма, для воспрелатствованія любопытнымъ глядѣть въ его карты и съ этой стороны.

— Почему? коротко спросилъ онъ.

— Почему хотите! уронилъ Троекуровъ, за стуломъ котораго тотчасъ же столпилась галерея.

— Рубль point, pour com mencer, по десяти тузъ, и сто— комплектъ фигуръ? Обыкновенная, промолвилъ онъ, какъ бы не сомнѣваясь что садящійся съ нимъ играть не могъ не вѣдать его „обыкновенной“ цѣны.

Борисъ Васильевичъ кивнулъ въ знакъ согласія.

Занесухинъ пододвинулъ ему одну изъ колодъ лежавшихъ на столѣ, и самъ распечаталъ другую...

VII.

Сила въ немощи совершается.

Ап. Павелъ, 2 Коринѣ. XIII. 9.

Не даромъ ты металась и кутѣла,
Развитіемъ слѣша,

Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!

Баратынскій.

Три вечера сряду (вѣрнѣе, три ночи; они послѣ клуба от правлялись доигрывать въ гостиницу Шеваддышева, гдѣ остановилась генераль) игралъ съ Занесухинымъ Троекуровъ. Онъ былъ уже въ проигрышѣ тысячь лятнадцатъ... Игра нисколько не увлекала его, не портила ему крови, не обостряла нервовъ. Онъ искалъ въ ней лишь разсѣянія и физическаго утомленія, и достигалъ этого. Онъ возвращался часу въ шестомъ въ свой номеръ, ложился въ постель и засыпалъ тутъ же какъ убитый. Начинаяшееся для него не ранѣе полу— дня *утро* убивалъ онъ кое-какъ за чтеніемъ газетъ или от правляясь безцѣльно бродить по московскимъ бульварамъ и невѣдомымъ проулкамъ, вѣхалъ затѣмъ обѣдать въ клубъ, а въ урочный часъ садился опять въ томъ же углу „инфер— нальной“ противъ своего безногаго, желтаго какъ мумія про— тивника, съ автоматичностью кулаки безмолвно выкидывав—

шаго карты изъ своихъ старческихъ, чуть-чуть дрожавшихъ рукъ.... „Животная жизнь!“ прорывалось у него порою въ мысли съ какою-то внезапною потребностью и радостью самообличенія, съ мучительными проблесками воспоминаній о своей „той“, иной жизни... Но онъ улобно отгонялъ эти помыслы, какъ бы признавая ихъ *пока* еще ненужными; онъ чего-то ждалъ,—послѣ чего онъ „займется собою“, говорилъ онъ себѣ, кривя провидчески губы.

Онъ ждалъ письма отъ Киры,—онъ не сомнѣвался что получить его:—оно должно было окончателно „уяснить все“...

Оно пришло наконецъ. Матвѣй подалъ его барину вмѣстѣ съ первымъ стаканомъ утренняго чая... Троекуровъ взглянулъ на адресъ, узналъ руку и, не вскрывая обложки, отложилъ его на столъ.

Онъ принялся за чтеніе его лишь когда остался одинъ въ комнатѣ...

Мы позволимъ себѣ передать письмо это читателю съ полною точностью въ его торопливомъ, не совсѣмъ связномъ изложеніи, со всѣми его ложески подчеркнутыми или недописанными словами:

„Я сегодня пріѣхала сюда“, говорилось въ немъ, „хлопотала и развѣзжала весь день, и лишу вамъ теперь поздно ночью, утомленная, но *рѣшившаяся*, и *безъ возврата рѣшившись*.“

„Не подумайте чтобъ это была съ моей стороны внезапная сумашедшая выходка вслѣдствіе того что было въ Москвѣ... Нѣтъ, я давно, съ Женева, думала объ этомъ; я тамъ встрѣтилась съ однимъ сильнымъ, убѣжденнымъ человѣкомъ. Онъ мнѣ еще тогда указывалъ луть... Но меня унесло потомъ олять, вы знаете!... А теперь я чувствую себя твердо на берегу, на надежномъ берегу.“

„Въ томъ что было я никого не виню, ни васъ, ни даже себя. Я *поняла* что мнѣ *положено* было испытать и пере-страдать *и это*, и что потомъ оно *должно* было *непретѣнно* кончиться *такъ* какъ оно кончилось. Счастье, вы говорили. Никогда! Его бы не было ни для васъ, ни (для) меня, *vous vous serions mutuellement mangé le coeup*. Быть счастливымъ особая способность; ея у меня никогда не было. А въ васъ гордость, *le péché de Satan*. Лучше, гораздо лучше *такъ*, какъ вышло, Борисъ Васильевичъ! Прощайте... и простите (!)...

„Я прямо отсюда ѣду въ Лионъ. Тамъ есть *un couvent de Visitandines*, я у нихъ постригусь въ монахини.“

„Вась, я знаю, ничто никогда не удивляетъ, но (вамъ) мѣ- жеть-быть покажется страннымъ именно то que je me fais catholique. Я вамъ скажу почему. Тамъ—*узда*, тамъ—*дисциплина*; (тамъ) знаешь твердо *чего* хотѣть и *куда* идти. У насъ (этого) нигдѣ нѣтъ, *кому* себя *въ* руки *отдать*, а въ этомъ для меня одно спасеніе... Воля—бремя, невыносимая тяжесть, когда не знаешь какъ управляться съ нею.. и вы знаете лучше всѣхъ *что* умѣла я дѣлать изъ нея до сихъ поръ.

„Сашелькѣ я еще не имѣю духа писать, и очень мучусь этимъ... Но нѣтъ, не могу теперь... *Оттуда* напишу — une lettre humble et contrite, какъ это мнѣ *слѣдуетъ*, какъ она этого заслужила.

„А вы, *вернется?*... Она не меня считаетъ виноватою, вы теперь знаете... Когда-нибудь, когда *все* пройдетъ, вспомните—оба (обо) мнѣ.

„Кажется, все! Не могу болѣе... Прощай (те) всѣ, прощай, Россія! Когда вы получите это письмо я уже буду далеко отъ нея, ото всего...
„К.“

Вернувшійся было въ комнату, полчаса спустя, за какимъ-то спросомъ Матвѣй засталъ Бориса Васильевича съ уткну- тыми въ столъ локтями и опиравшеюся на нихъ головой недвижно склонившеюся надъ лежавшимъ предъ нимъ листкомъ,— и „такимъ разстроеннымъ“ въ этомъ положеніи показался ему „видѣ *испий*“, что онъ инстинктивно пошатаясь назадъ, въ переднюю, и исчезъ за своею перегородкой. Шустрый малый почувалъ что собственный *видъ* его въ эту минуту могъ бы вызвать только раздраженіе въ его „*мудреномъ* баринѣ“...

Троекуровъ не даромъ ждалъ этого письма, не даромъ от- кладывалъ минуту „заняться собою“ до времени полученія его. Онъ внезапно теперь, сразу, охватилъ мысленнымъ окомъ и воспринялъ занывшимъ до боли сердцемъ всю неприглядную *суть* своего положенія:—онъ стоялъ среди развалинъ... Ледянымъ холодомъ обдало его вдругъ при этомъ неумолимо сложившемся въ немъ теперь представленіи.... Онъ добровольно, безжалостно разбилъ *ту* свою, чистую и честную, жизнь, разбилъ для „призрака“, для задорнаго миража беззаконнаго счастья. Изъ-за чего? Страсть?... Нѣтъ, даже не страсть: вотъ она ушла изъ-подъ его власти, ее вынесло на берегъ, „на надежный берегъ“, увѣряетъ она, и онъ равнодушенъ къ этому, и пальцемъ не пошевелитъ чтобы

выманить ее оттуда олять на радужный лиръ жизни. Оля самъ уже въ этотъ лиръ не вѣруеть... „Гордость, говоритъ она,—сатанинскій грѣхъ“. Гордость, да, пожалуй, когда она *тамъ*, въ Остроженковскомъ домѣ, не кивулась ему прямо въ объятія. А ранѣе?... Ранѣе и того хуже—и краска стыда выступила ему на лицо:—тщеславіе, соблазнъ битвы и побѣды надъ дѣвственнымъ сердцемъ, и та,—прежде всего *та*—раслуценность воли, съ которою у насъ никто „управиться не умѣеть“, вспоминалъ онъ олять слова ея письма...

Все видѣнное, замѣченное и испытанное имъ за послѣдніе мѣсяцы, воскресало теперь въ его мозгу въ сплоченныхъ, живыхъ и говорящихъ образахъ, а съ ними возникала какая-то безплощадная ясность выводовъ и самоосужденія... „Безурядное время, бездарные люди, анархія и немошь умовъ, восходящее поколѣніе воспитываемое на отрицаніи всякой святости, — раздраженное и тупое поколѣніе варваровъ... А мы-то, мы-то сами, *лучшіе* изъ предшествовавшихъ ему,—сами-то мы *что?* „Эстетики“ мы были; уродство *формы* одно претило намъ въ жизни, одна *некрасивость* зла возбуждала въ насъ отвращеніе къ нему... Мы вѣрили въ „красоту“, мы „страсть“ возводили въ культъ,—и во имя ихъ все дозволяли, все извиняли; подъ ихъ флагомъ, убранные въ ихъ цвѣты, дерзко выступали у насъ всякая разнузданность, всякій преступный капризь безудержной фантазіи...“

Предъ нимъ съ неудержимою и мучительною силою представляли картины, воспоминанія столь еще для него недавняго прошлаго: — тиховѣйная лѣтняя ночь, высокая комната съ мерцающею предъ иконами лампадой, молодая мать-кормилица у кровати потонувшей въ широкихъ складкахъ бѣлоснѣжныхъ занавѣсей.... „Вся эта благодать, и чистота... и уваженіе къ себѣ,—гдѣ они?“ Все это лежало въ дребезгахъ у ногъ его, сокрушенное его же руками...

„Чего ждать отъ дѣтей такихъ отцовъ какъ мы?“ неслоь олять въ головѣ его горячими и обрывистыми взрывами... „Общество безъ устоевъ и корней, лывущее какъ облако въ пространствахъ по прихоти перваго вѣтра... Всеобщая ломка и погромъ; все долой: живые побѣги, родныя преданія, связи съ прошедшимъ, съ народомъ, съ его нерушимыми вѣрованіями... Вы, слѣлые вожди, дешевые *мыслители*, куда ведете вы страну теперь, что тянетъ васъ: злой

рокъ, fatum?.. Нѣтъ, даже этого нѣтъ! „Torrent“ безсмысленный какой-то, рабство нищаго ума предъ фантазмагоріей чего-то чужаго, безъ духа жизни, безъ почвы подъ собою.. Вы на этой слякоти и мрази зданіе вашихъ *реформъ* строите, *гражданскими правами* великодушно награждаете насъ намъ-ренны.. Вы прежде всякихъ правъ научите насъ *долгу*, научите *отцами* быть, вы *самыю* спасите въ Россіи!“ съ горечью и злостью, чуть же громкимъ воплемъ вырывалось изъ груди Троекурова...

„Она поняла, она ушла къ чужимъ, эта женская, томительно и безцѣльно алкавшая, молодая душа,—ушла за „уздой“ и „дисциплиной“, поняла что лишь подъ желѣзными веригами *послушанія* уймутся вѣчная тревога и судорожно тщетныя исканія ея. „Воля—бремя, воля—невыносимая тяжесть, говоритъ она,—для того кто, какъ всѣ мы, не умѣетъ подчинять ее высшему нравственному закону“...

Онъ всталъ, прошелся по всей длинѣ своихъ комнатъ, продолжая думать:

„Ей нужно было, она чувствовала, „отдать себя въ руки“, въ надежныя руки, а „у насъ—некому“.

Онъ остановился въ спальнѣ, глянулъ, вдумчиво прижмурясь, въ окно... Кресты ближней треглавой церкви сверкали сквозь его стекла въ мягкомъ сіяніи осенняго утра... Троекуровъ долго глядѣлъ на нихъ...

„Некому?“ вопросительно повторилъ онъ про себя:—уже ли-жь все прежнее, крѣпкое, прахомъ пошло и разнесено вѣтромъ?“...

Онъ ловилъ головой... поднималъ ее опять:

„Такъ себя-то хоть умѣй въ руки взять!“ проговорилъ онъ мысленно,—и въ стальныхъ глазахъ его сверкнуло выраженіе какого-то мгновеннаго и безповоротнаго рѣшенія....

Генералъ Занесухинъ тщетно прождалъ весь вечеръ того дня доходнаго своего противника въ Англійскомъ клубѣ. Курьерскій поѣздъ еще разъ уносилъ Троекурова къ берегамъ Невы.

VIII.

Some rise by sin, some fall by vertue.
Shakesp. *Measure for measure.*

...Да неизмѣннѣ жизни мовой
Доиду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходить дѣлый ко брегамъ.

Лысковъ.

Сентябрь стоялъ на исходѣ. Мелкій дождь шелъ съ утра, но его разогналъ поднявшійся къ полудню вѣтеръ, и пелены разорванныхъ тучъ уносились вдаль одна изъ-подъ другой по свѣтлѣвшему небу... Вотъ и засияло оно, выглянуло солнце и заиграло алмазною гранью по калямъ скатывавшимся съ широкихъ листьевъ старыхъ липъ въ большой аллеѣ Всесвятскаго. Въ сыромъ воздухѣ потянуло тепломъ. Воробьи, прилрятавшіеся отъ дождя подъ крышу дома, весело чирикаая запрыгали опять по террасѣ, предъ окнами гостиной, въ чаши хлѣбныхъ крошекъ которыми награждала ихъ каждый разъ какъ выходила изъ-за стола „Божья душа“, Лизавета Ивановна Срѣтенская.

Маленькая особа уже третью недѣлю гостила во Всесвятскомъ... Съ кротко-радостною улыбкой на своихъ увядшихъ губахъ стояла она въ эту минуту у одной изъ стеклянныхъ дверей гостиной и глядѣла сквозь нея на эти разносившіеся въ небѣ облака, на волшебные тоны разноцвѣтной осенней листвы подъ засверкавшими по ней внезапно солнечными лучами, на своихъ „воробушекъ-птичекъ сѣренькихъ, благодатныхъ, ни тоски людской, ни ехидства нашего не вѣдающихъ“, причитывала она про себя на своемъ своеобразномъ, не то лѣсенномъ, не то сказочномъ языкѣ.

— Вотъ и ведра дождались, андѣлъ мой, проговорила она полуоборачиваясь,—въ акурать какъ Николай Ивановичъ нашъ вчера съ предсказывалъ. Какъ ежели, говорилъ, завтра къ полудню вѣтеръ подыметъ, такъ къ перемѣнѣ значить, къ ведру, и надолго ужъ поидетъ тогда, говорилъ...

Она подыала крючокъ двери, полуоткрыла ее, быстро вытщила изъ кармана горсть кусочковъ разломаннаго сухара и кинула ее на террасу.

— Благодарь, милая, тепло стало такъ, благораствореніе... Надѣли бы вы калошки, андальчикъ мой, да на воздухъ вышли...

Александра Павловна Троекурова, къ которой относились эти слова, не отвѣчала. Она медленно, механически шагала, опустивъ голову и слегка сожмуривъ глаза, по длинному протяженію гостиной, отъ дверей въ садъ къ окнамъ выходившимъ на дворъ, и обратно... Онъ съ Лизаветой Ивановной за эти послѣдніе венастные дни привыкли привычку приходить сюда каждый день послѣ завтрака, и молодая мать, въ виду кормленія Васи, регулярно совершала здѣсь, ловиуясь предписанію доктора, свой „гигіеническій“, очень наскучавшій ей „моціонъ“.

— Право бы вышли, золотая моя, повторила Лизавета Ивановна;—Николай Ивановичъ, сами знаете, „первымъ дѣломъ говорить, воздухомъ пользоваться надо вамъ“...

Александра Павловна все такъ же механически повернула въ ея сторону:

— Поидемте, все равно... какъ бы нехотя выговорила она

— А погодите-жь, андаль мой, такъ нельзя, сыро. Я вамъ вотъ сейчасъ обуься и одѣться привесу потеплѣй...

Но въ это же время въ комнату вошла, съ ботинками на двойной подошвѣ въ одной рукѣ и бурнусомъ барыни на другой, догадливая Анфиса.

— Можетъ, въ садъ выйти вздумаете, сказала она съ улыбкой,—бабѣ *льто* зачинается, распречудесная погода сдѣлалася.

Александра Павловна отвѣтила ей благодарнымъ взглядомъ. „Какія обѣ онъ чудесныя, жалѣють и холятъ меня“, подумала она... „Кромѣ вихъ и некому телерь“, пронеслось тотчасъ затѣмъ у нея въ мысли съ болѣзненнымъ сжиманіемъ сердца...

Она перемѣнила обуь, окуталась въ бурнусъ, прикрывъ голову калюшомъ, и вышла въ сопровожденіи Лизаветы Ивановны на террасу.

Стало дѣйствительно такъ тепло и тихо что она калюшомъ этотъ отбросила тутъ же съ головы за спину и широко вдыхнула въ себя живительную струю свѣжаго воздуха. Большіе печальные глаза ея загорѣлись на мигъ, устремившись въ даль.

— Ахъ, какъ хорошъ свѣтъ Божій, какъ бы неволью и негромко вырвалось у нея изъ груди;—одни только люди его портятъ...

— Людямъ прощать надо, андаль мой! „Не вѣдаютъ бо что

творять“, сказано, робко и нѣжно воззрившись ей въ лицо, тихо проговорила ей маленькая пріятельница.

— Не могу! еще тише и обрывисто вымолвила на это молодая женщина, и спустилась съ террасы въ аллею.

Но гулять оказывалось не совсѣмъ удобнымъ: ноги ихъ вязли въ разжиженной четырехдневнымъ дождемъ почвѣ; съ падающими съ деревьевъ листьями несась имъ въ лицо холодныя брызги... Онѣ вернулись не пройдя и ста шаговъ.

Но вернуться въ комнаты не хотѣлось. Александра Павловна усѣлась на услѣвшую уже просохнуть скамью у самой стѣны дома, и погрузилась опять въ свое нѣмое раздумье.

Она не выходила изъ него теперь... Она, послѣ того какъ „узнала все“, въ одинъ изъ первыхъ дней по отъѣздѣ Клары, подъ гнетомъ нестерпимой муки, почувствовала неодолимую потребность „выплакаться предъ родною душой“,—и послѣднее вытребовала къ себѣ Лизавету Ивановну... Но когда пріѣхала та, встревоженная безотчетнымъ предчувствіемъ несчастья съ ея „анделомъ небеснымъ“, Александра Павловна осталась нѣма. Она кинулась на шею маленькой особы, едва успѣла она войти въ комнату, разрыдалась истерическимъ рыданіемъ... „Что съ вами, голубушка вы моя, золотая, ненаглядная?“ допрашивала ее та, вся дрожа отъ тревоги и жалости. Она не отвѣтила и только рукой замахала, какъ бы приглашая ее не спрашивать... И такъ не узнала бы ничего Лизавета Ивановна, еслибы не рассказала ей Анфиса.

„Мое горе,—я съ нимъ одна и справлюсь“, незыблемо стояла на этомъ рѣшеніи молодая женщина. Причина этого горя ея ни для кого не была тайной кругомъ неся, она знала,—но она почитала недостойнымъ себя, почитала оскорбленіемъ той святыни прошлаго, неугасимый огонь которой помимо ея воли упорно тлѣлся въ глубинѣ души ея, заговорить съ другими о томъ какъ безпощадно коругана была эта святыня, какъ стыдилась теперь она своего прежняго „безумнаго“ счастья, своего „идолопоклонства“ предъ человѣкомъ „котораго она болѣе уважать не можетъ“... Но она давно ли свято и слѣло вѣрила, любила этого человѣка, этого мужа, этого отца ея дѣтей,—и не могла, не хотѣла, „не должна была наконецъ“, признавала она, допустить теперь маѣвшее слово лорипанія ему изъ чьихъ бы ни было устъ. „Я молчу—уважайте это молчаніе!“ какъ бы говорилъ весь ея дышавшій теперь какою-то печальною величавостью обликъ,

сказывали ея вдумчивые и строгіе глаза... Сама она никогда не произносила имени мужа и съ замѣчательнымъ тактомъ умѣла предупредить всякій поводъ къ уломиванію о немъ другими, не принимала, подъ предлогомъ нездоровья, никакихъ посѣщеній, не допускала служить на занимаемой ею половинѣ никого, кромѣ Анфисы, изъ многочисленнаго персонала слугъ въ домѣ, и проводила весь день въ дѣтской, переступая за порогъ ея не иначе какъ для предписанныхъ ей докторомъ Фирсовымъ прогулокъ „съ гигиеническою цѣлью“... Темныя тѣни бѣжали отъ нея на все ее окружавшее. Пошлый недавно движенія и звуковъ, домъ Всесватскаго глядѣлъ теперь какимъ-то обиталищемъ мрачныхъ молчаливыхъ... И только маленькая Лизавета Ивановна, помѣстившаяся въ „шкальной“ Александры Павловны, рядомъ съ комнатою Анфисы, вела по ночамъ, сидя на кровати своей синевой „другая“, долгія и таинственныя съ нею бесѣды о „соблазнѣ смутившемъ мирное житіе честнаго дома сего“... „И все-то это это, врага человеческого, рукъ дѣло, милая, и смущаетъ онъ же опять телерича грѣхомъ умынія и ея душу чистую, душу страдальцы нашей неловивной“, лаяча и тоскуя объ этой ей дорогой душѣ, шептала она своимъ дѣтски-лелечущимъ голосомъ...

Болѣе практическая по природѣ своей, Анфиса не ограничивалась этими слезами участія и сътованіями на случившемся. Она неустанно *притыкивала* въ сообразительной головѣ своей „какъ бы этому самому горю помочь“, принимая въ основаніе своихъ разсужденій и упованій на это одно „удивительное“ извѣстіе, сообщенное ей управляющимъ заводомъ во Всесватскомъ, получившимъ его въ свою очередь изъ прямаго источника,—изъ московской конторы Бориса Васильевича. Изъ этого извѣстія оказывалось что княжна Кара Никитишна уѣхала въ Петербургъ на другой же день послѣ пріѣзда въ Москву, и что самъ Борисъ Васильевичъ прожилъ тамъ послѣ того еще четыре дня, пока не выѣхалъ въ тотъ же Петербургъ. „Хоть и въ то же мѣсто, да не выѣсть, значить—не въ одно время, не прямо въ собственномъ экипажѣ, за границу“, какъ передавалъ ей „подлецъ этотъ“ Треженковъ, соображала Анфиса, строя на этихъ данныхъ свои особыя догадки, о которыхъ изъ осторожности, не доверяя вполнѣ говорившему въ ней чутью, лишь далекими еще намеками сообщала она Лизаветѣ Ивановнѣ. Гораздо откровен-

нѣе разсуждала она съ докторомъ „съ Николаемъ Ивановичемъ“, съ которымъ установилось у нея большое дружество за послѣднее время. Она ждала чрезъ него „проѣзду себя“. У него, говорилъ онъ, былъ въ Петербургѣ другъ и пріятель одинъ, „шустрый малый“, который „всякую-моль шутку провухать можетъ“, и которому онъ, по ея просьбѣ, написалъ „нѣкое, какъ выражался шутъ, достойное дипломатическаго пера“ посланіе, прося „акуратненько разузнать, находится ли въ Петербургѣ его, Фирсова, *патронъ*, има рекъ, и гдѣ именно стоитъ, а если выѣхалъ, или на выѣздѣ состоитъ, то куда именно,—а тожь узнать достоверно и про отставную фрейлину и княжну такую-то, примѣты коей при семъ препровождаются“. Отвѣта на это посланіе докторъ и Анфиса съ равнымъ нетерпѣніемъ ждали со дня на день, находя въ этомъ вполнѣ основательный и законный предлогъ для продолжительныхъ перерывовъ вдвоемъ, приобрѣтавшихъ для нихъ какъ бы съ каждымъ днемъ все болѣе занимательности и значенія..

Лизавета Ивановна со своей стороны разговаривала насколько могла противъ этого „великаго грѣха умысла“, обымавшаго ея прежнюю, „какъ дитя малое счастливаю Сашеньку“. Она пользовалась всякимъ случаемъ напоминать ей о кротости душевной, о свисхожденіи къ людямъ, о прощеніи обидъ „во имя Стратотернца-Христа Спасителя нашего“... „Не могу!“ нежданно отвѣтила ей сейчасъ на это, къ глубокому изумленію ея и прискорбію, Александра Павловна,—и маленькая особа, присѣвъ къ ней на скамью, умыло поводила на нее искоса соболѣзующимъ взглядомъ, придумывая „съ какой стороны“ возобновить съ нею разговоръ о томъ же предметѣ.

Такъ сидѣли онѣ обѣ, уйдя въ себя, тоскливыя и безмолвыя. А солнце сіяло съ голубыхъ небесъ и послѣднее тепло увядавшей природы вѣяло на нихъ своими мягко-пронизающими струями. Обрывистое колѣнце какой-то лгички несло въ гулкомъ воздухѣ изъ ближайшей аллеи...

— Пѣвочка это съ радости завела... начала и не договорила „Божья душа“.

Со стороны двора послышалася явственно топотъ скачущихъ лошадей, и въ то же время раздались въ гостиной приближавшіеся мужскіе шаги.

— Кого-то Богъ далъ! проговорилъ докторъ Фирсовъ, выходя изъ нея на террасу.

— Кого это? вскрикнула тревожно молодая хозяйка.

— Не знаю. Военный какой-то, должно-быть:—я фуражку издали заметилъ съ околышкомъ...

— Ахъ, пожалуста, торопливо молвила она, — а никого не кричу... не желаю видѣть...

Фирсовъ услокнувшись усмѣхнулся:

— Такъ ему и донесутъ; чего жъ вамъ тревожиться, барыня? Приказъ вашъ извѣстенъ, слуги исполнить должны... А только-что можетъ-быть человекъ за дѣломъ за какимъ-нибудь нужнымъ прѣхалъ...

— Такъ вы тогда пожалуста спросите... А я ничего не знаю, никакихъ дѣлъ...

— Пойду, барыня, пойду сейчасъ... Сидите себѣ тутъ на околышкѣ, вамъ это пользительно...

И толстякъ повернулъ опять въ гостиную, направляясь къ спальнѣ.

На встрѣчу ему оттуда вынеслась Анфиса съ перевернутымъ лицомъ:

— Самъ... баринъ, Борисъ Васильевичъ!... задыхаясь отъ волненія, съ лучистымъ сіяніемъ глазъ проговорила она:— сказывала я вамъ, предчувствовала...

— Что это вы... гдѣ онъ? растерянно вскрикнулъ докторъ.

— Къ себѣ, къ своему крыльцу прѣхалъ... Я изъ прачечной шла, а они ѣдутъ... въ военномъ одѣты... Только я ихъ сейчасъ признала, покараулилась... и они мнѣ... Какже теперь съ барыней нашей быть? перебила она себя, понижая голосъ.

Изъ дверей ведущихъ на половину Троекурова выбѣжалъ въ то же время слуга съ громкимъ восклицаніемъ:

— Баринъ изволили прѣхать... Анфиса Дмитриевна, барыня гдѣ, Александра Павловна? Имъ доложить требуется...

— Хорошо, чего кричишь, сказала она;—ступай, и безъ тебя доложутъ!...

Онъ исчезъ.

— Идите къ ней сама, Николай Ивановичъ, отвеслась она опять къ Фирсову,—какъ бы съ ними дурно не сдѣлалось...

— А вы вотъ на всякій случай вынесите-ка мнѣ отъ нея одеколончику. Нюхнутъ дадимъ... Радость вѣдь, такъ думать надо? Живо въ томъ разѣ въ себя придетъ...

Но гулъ ихъ разговора, неясный, но слышный возгласъ слуги долетѣли уже до террасы... Александру Павловну что-то подвало вдругъ, какое-то внезапное острое ощущеніе. Кровь отлила въ ней къ сердцу. Блѣдная, съ вопрошающимъ

взглядомъ показала она въ дверяхъ, укутанная въ широкія складки своего плаща...

— Что такое, кто пріѣхалъ?...

Докторъ съ Анфисой кинулись къ ней.

— Сюрпризъ вамъ, барыня, сюрпризъ неожиданный, говорилъ онъ, стараясь принять самый веселый видъ.

— Сережа, братъ? пришло ей на мысль, хотя этого брата, усердно преслѣдовавшаго свои карьерныя цѣли въ Петербургъ и котораго она не видала со дня своей свадьбы, она не имѣла никакого основанія ожидать къ себѣ во Всесвятское.

— Поближе будетъ вамъ, барыня, поближе! шутковскимъ тономъ и лодмигивая произнесъ Фирсовъ, зорко въ то же время слѣдя за выраженіемъ ея лица.

— Борисъ Васильевичъ... вернулись, прошептала, наклоняясь къ ней въ свою очередь, Анфиса.

Ноги подкосились у молодой женщины. Она упала бы еслибы не поддержали ея... Но она тотчасъ же совладала съ собою, съ первымъ ощущеніемъ лихорадочной въ ней тревоги, кивнула, словно давая этимъ понять что онъ долженъ былъ пріѣхать и что она это знала, и улыбнулась черезъ силу.

— Анфиса, сказала она съ заботливымъ видомъ хозяйки распорядяющейся въ своей области вѣдѣнія, — пожалуста прикажите сейчасъ насчетъ обѣда ему: того чѣмъ мы питаемся съ Лизаветой Ивановной ему будетъ недовольно.

И за этими словами отправилась на свою половину, въ сопровожденіи маленькой особы.

„Пріѣхалъ... вернулся... для чего?“ недоумѣло спрашивала она себя мысленно; — „а она же что... для которой“...? Она не могла разобраться въ водоворотѣ вопросовъ подявшихся въ ея умъ, — только сердце ея нестерпимо ныло отъ чувства чего-то предстоявшаго ей, страшнаго... и *противнаго*...

Она опустила въ своемъ будуарѣ, судорожно прижмурила глаза, какъ бы съ тѣмъ чтобы не видѣть этого „чего-то“.

Вся похолодѣвъ отъ какого-то безсознательнаго, дѣтскаго страха, стояла предъ ней Лизавета Ивановна, широко раскрывъ глаза, съ нервной дрожью пробѣгавшею по всему ея жиденькому, слабому существу.

Но вотъ изъ двери въ корридоръ, отдѣлявшій комнаты молодой матери отъ помѣщенія ея малютокъ, вышла Анфиса.

— Борисъ Васильичъ къ дѣтямъ прошли, доложила она.

Александра Павловна откинулась отъ спинки куметки, подняла вѣки, задумалась какъ бы на мигъ, и, не отвѣчая, повела непредѣленно головой, будто говоря: „Хорошо, что же?“

— Они васъ спрашиваютъ, сказала еще разъ Авфиса;— прикажете просить ихъ сюда?

Рѣсницы дрогнули у молодой женщины, грудь высоко поднялась; мгновенный румянецъ пробѣжалъ по лицу.

„Сюда“,—въ эту ея интимную, *собственную* комнату, свидѣльницу бываго ея счастья и теперешней муки, гдѣ каждый уголъ словно говорилъ о какомъ-нибудь блаженномъ или скорбномъ мыслѣ о немъ, куда кромѣ его никакой еще *лицушка* не проникалъ никогда,—принять его здѣсь теперь, теперь, когда...

— Нѣтъ! неудержимо воскликнула она:—скажите что я въ гостиную и прошу его туда...

Она быстро поднялась и пошла.

Авфиса выбѣжала въ корридоръ... „Страстотерпче Іисусе Сыне Божій, помилуй насъ!“ пролетѣла оставшись одна Лизавета Иванова, быстро крестясь подъ своею шерстяною косышкой...

Александра Павловна усѣлась на маленькомъ диванчикѣ за длинною жардиньеркой съ растеніями, составлявшемъ искусственный, изолированный уголокъ по одной изъ стѣнъ длинной гостиной... Руки ея дрожали... „Зачѣмъ пріѣхалъ онъ.. что онъ мнѣ скажетъ?“—и то же чувство чего-то страшнаго и „противнаго“ предстоявшаго ей выло у нея нестерпимо на сердцѣ... Глаза ея не отрывались отъ двери откуда ждала она его входа...

Дверь эта, слегка скрипнувъ, отворилась настежь. Онъ вошелъ.

Дыханіе у нея сперлось, вѣки помимо воли потулились—и подвинулись опять. „Не я, онъ во всемъ виновенъ“, пронеслось у нея въ мысли, и темные зрачки ея безрешетно остановились на немъ...

Въ немъ было что-то неузнаваемое теперь, сказалось ей первымъ впечатлѣніемъ. Коротко, *форменно* стриженные волосы, военный, новоспшитый, съ блестящими погонами сюртукъ, не успѣвшій еще принять складокъ тѣла, отчего весь худощавый обликъ носившаго его представлялся будто обернутымъ въ какой-то лубокъ, тѣсный и недвижный, строгое, чуть не суровое выраженіе осунувшагося лица. „Что съ нимъ, для чего эта форма, мундиръ?“ недоумѣло спрашивала себя Александра Павловна...

Овъ подошелъ къ ея мѣсту, протянулъ ей руку:

— Bonjour Alexandrine, сказалъ онъ, противъ существовавшего у нихъ всегда обыкновенія, по-французски... Она любуясь: „по-русски онъ, по привычкѣ, невольно говорилъ бы мнѣ ты, а онъ не хочетъ... или боится“...

Овъ пожалъ ея пальцы, сѣлъ бокомъ на плетевый стулъ противъ нея, оперся о спинку его локтемъ и продолжалъ на томъ же языкѣ.

— Дѣтей я нашелъ процвѣтающими (florissants), Мама, мнѣ кажется, даже выросла за этотъ мѣсяцъ что я не видѣлъ ихъ.

— Она узнала васъ? вырвалось какъ бы само собою у молодой матери.

Овъ слабо усмѣхнулся:

— Времени прошло еще не такъ много чтобъ она успѣла забыть меня.

— Нѣтъ, я хотѣла сказать—въ этой формѣ, проговорила она нѣсколко смущенно, кивнувъ на его погоны,—вы опять поступили въ военную службу?

Овъ наклонилъ безъ словъ голову.

— Какой же это мундиръ?

— Армейскій. Я назначенъ командиромъ *** пѣхотнаго полка.

— А-а!.. Гдѣ же этотъ полкъ?

— Онъ стоитъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Люблинской губерніи.

— И вы тамъ теперь жить будете?

— Тамъ!..

Судорога пробѣжала у него по лицу; зѣнцы усиленно замигали:

— Такъ лучше! проговорилъ онъ съ трудомъ и какъ бы вопросительно.

Она по крайней мѣрѣ поняла это такъ—и дрогнула всѣмъ тѣломъ. Все, все что выстрадала она за это время подступило ей въ эту минуту къ горлу; въ зрачкахъ запрыгали искры...

— Какъ хотите!.. Но я не могу... не могу, Борисъ! Вы все жуть у меня убили! воскликнула она, указывая на сердце.

Овъ обнялъ быстрымъ взглядомъ ея измѣнившуюся наружность, ея измученныя черты—и повелъ медлительно головой.

— Я знаю... проговорилъ онъ чуть слышно, глядя куда-то неопредѣленно въ уголъ.

— Я такъ любила, такъ уважала васъ! продолжала она не-
удержимо:—вамъ какъ Богу вѣрила, Борисъ... И вы на это
рѣшились, вы,—такой человекъ какъ вы? Кому же, чему
послѣ того вѣрить! Рѣшились на такой грѣхъ... на такую на-
зость!

Все лицо Троекурова передернуло отъ этого слова, глаза
сверкнули, но онъ тутъ же опустилъ ихъ, закусывая устъ до
боли чтобы не выдать своего душевнаго смущенія.

Она замѣтила это. „Что я сказала ему!“ мучительно коле-
нуло у нея въ сердцѣ; но остановиться она была не въ со-
стоянн:

— Я знаю, я говорю вамъ ужасныя вещи... и вы не про-
стите ихъ мнѣ никогда... Но я не могу, я должна... не за себя
даже... Гдѣ Кира, что вы съ нею сдѣлали?

Онъ усмѣхнулся мимолетною и странною улыбкой.

— Какъ въ Лионѣ, спокойно выговорилъ онъ.

Александра Павловна растерянно глянула ему въ глаза.

— Почему въ Лионѣ?

— Тамъ женскій католическій монастырь; она хочетъ въ
немъ постричься.

— Въ монахи... въ католички!—И молодая женщина
всплеснула руками.—Да, тамъ, я знаю, одинъ abbé Legrand,—
медленно, какъ бы про себя заговорила она телерь;—Кира
была съ нимъ въ перелискѣ... Она и прежде говорила, но я не
хотѣла вѣрить... и сама она какъ бы забыла потомъ... Отчего
же это телерь вдругъ, не сказавъ объ этомъ слова предъ отъ-
ѣздомъ... даже напротивъ?..

— Вы получите отъ нея письмо оттуда; оно все объяснитъ
вамъ вѣроятно, молвилъ онъ на это сдвигая брови.

— Вы ее видѣли?

— Видѣлъ въ Москвѣ, тѣмъ же спокойнымъ тономъ отвѣ-
тилъ Троекуровъ, глядя на нее въ свою очередь своими
блѣдными глазами.

— Она долго оставалась тамъ?..

— Она прѣехала за сутки до дня возвращенія моего изъ
Петербурга и уѣхала въ тотъ же день туда съ курьерскимъ
повѣдомъ.

Голосъ задрожалъ у Александры Павловны.

— Но вы развѣ...?

Онъ понялъ чего не договаривала она.

— Я выѣхалъ опять въ Петербургъ *три днями позднѣе*

Александръ, подчеркнулъ онъ,—и прѣвѣхалъ туда когда она была уже за границей.

У Александры Павловны бѣдось сердце такъ какъ будто оно хотѣло выскочить изъ ея груди.

— Но отчего же не написали вы мнѣ тогда же, Борисъ, лихорадочно заговорила она,—когда узнали что она рѣшилась постричься?... Вы и совсѣмъ не писали, ни слова... а вы должны были понимать что я за муку выносила въ это время!

Онъ сдвинулъ брови.

— Что же было писать мнѣ? Я былъ уже осужденъ вами, тихо молвилъ онъ и, вынувъ изъ бокового кармана анонимное письмо полученное ею и переданное ему княжной, развернулъ его и положилъ на столъ.

Она узнала его, перемѣнилась въ лицѣ вся и, съ дрожащими слезами на рѣсницахъ, сжала руки умоляющимъ жестомъ.

— Борисъ, вскрикнула она по-русски, возвращаясь невольно къ обычной, дорогой рѣчи ея съ нимъ,— Борисъ, ради Бога, если то что написано въ этомъ письмѣ не правда,—скажи мнѣ! Я бы одному ему не повѣрила... Но сама Кира, то что она говорила мнѣ предъ отъѣздомъ, и что этотъ отъѣздъ ея вышелъ именно такъ и тогда какъ впередъ говорилъ это письмо,—мнѣ показалось все совершенно очевиднымъ... Я написала тогда на немъ эти слова... И теперь наговорила тебѣ такихъ ужасовъ... Если ты не виноватъ, скажи мнѣ одно слово,—я повѣрю тебѣ какъ прежде; я на колѣняхъ, я не постыжусь, готова умолять тебя простить мнѣ. Только скажи слово, милый, одно слово! слыжалъ ея голосъ сквозь прорывавшіяся рыданія.

Ему было невыносимо тяжело.

— Я наложилъ на себя эпитимію, словно отрубилъ онъ, дернувъ за бортъ своего военного сюртука,—что же еще могу я сказать!

— О Борисъ! въ силахъ была только произнести она, заливаясь слезами: ее будто кто съ горы спихнулъ оляты въ бездонную пропасть.

— Я лгать не умѣю; не дѣлаю, такъ намѣреніемъ — все равно это въ сущности — я виноватъ предъ вами... и предъ собою еще болѣе можетъ-быть, сурово досказалъ онъ, судорожно мигая и отворачиваясь.

И вота такой тоски и подавленной гордости зазвучала въ этихъ словахъ что молодой женщинѣ стало вдругъ жутко за

него. Она взглянула на мужа глазами полными безмѣрной жалости.

— Да, ты виноватъ, Борисъ, тихо начала она,—голосъ ея обрывался и дрожалъ, — ты забылъ меня, чуть не покинулъ навсегда дѣтей... для *грѣха*... Но ты капшьяся, ты мучаешься, я вижу, какъ мучалась я сама... Вѣдь я не врагъ тебѣ сдѣлалась! Развѣ я... развѣ я не могу...

Онъ быстро простеръ руку впередъ какъ бы приглашая ее не продолжать.

— Нѣтъ! твердо и хмурясь произнесъ онъ,—вы *это* легко забыть не можете... А великодушія я — не желаю!

„Это не великодушіе, Борисъ!“ чуть не крикнула она, — и удержалась. „Онъ бы сталъ презирать меня, еслибъ я ему *теперь* простила“, сказалось у нея чутьемъ на душѣ.

— Я ѣду сегодня же; меня въ полку ждуть... Все здѣсь остается попрежнему; кромѣ дѣтей вамъ не о чемъ заботиться. Я уже сдѣлалъ распоряженіе въ Москвѣ. Я возьму только Скоробогатова,—Матвѣя я отпустилъ, а вашъ кучеръ Алексѣй, человекъ не лющій, смиренный и при смиренныхъ лошадахъ... Все остальное попрежнему, прошу васъ очень!.. Юшковыхъ не забудьте, кланяйтесь имъ, они на радостяхъ теперь: сына ихъ удалось выволить... Скажите имъ что очень извиняюсь что не успѣвалъ побывать самъ... Некогда, на службу лора, въ странѣ тамъ не совсѣмъ покойно...

Онъ оборвалъ вдругъ эту нервно срывавшуюся съ устъ его рѣчь, подвѣлся съ мѣста и протянулъ ей руку опять.

Она уронила въ нее свою... Онъ пожалъ ее и удержалъ на мигъ въ своей рукѣ. Подъ рѣсницами его пробѣжала какая-то мягкая струя:

— Правъ я, Alexandrine, скажите? проговорилъ онъ прощающимся, чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ.

Она безъ слезъ теперь подвѣла на него глаза и медленно повела утвердительною движеніемъ головы.

Онъ поднесъ руку ея къ губамъ, быстро опустилъ ее, двинулся съ мѣста... и остановился.

— Вы будете писать мнѣ иногда?... У насъ дѣти... промолвилъ онъ, словно извиняясь.

— Да... Я буду молиться съ вами за васъ, вамъ это теперь *нужно*...

Троекуровъ въ свою очередь теперь какъ бы утвердительно наклонилъ голову, и направился на свою половину.

Она жадно устремилась взглядомъ ему въ слѣдъ... „Да, *такъ лучше*, пронеслось у нея въ головѣ, — ему надо дать время вымучиться до дна...“

Онъ уѣхалъ въ тотъ же день послѣ обѣда.

Словно кисеей какою-то заволоклись глаза Александры Павловны когда она вышла на крыльцо проститься съ нимъ, держа за ручку полудорожную дѣвочку дочь, когда няня подвѣла ребенка подъ губы отца и онъ съ обычною ему неловкою торопливостью въ этихъ случаяхъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ ея кудравую головку, а затѣмъ все такъ же послѣшно, замѣтно хмурясь на толпу домашнихъ и слугъ собравшихся на „проводы барина“, наклонилась къ рукѣ жены и молча поцѣловалъ ее, „точно учтивый гость“... Ей показалось только что руку эту онъ сжалъ крѣпче въ своей, что уста его не такъ скоро оторвались отъ нея какъ бы это сдѣлалъ „чужой“, и сердце ея инстинктивно забилось чѣмъ-то давнишнимъ, безконечно милымъ и влекущимъ... Но въ головѣ у нея стоялъ туманъ, тончайшихъ, разнорѣчивыхъ и раздражающихъ ощущений. Когда наконецъ онъ, какъ въ предшествовавшій этому отъѣздъ его, вскочилъ въ коляску, и Скоробогатовъ, въ послѣдній разъ правя своею любимую четверкой рыжихъ, подвѣла высоко вожжи надъ крутыми и лоснящимися крулами ихъ, она какъ бы безсознательно прижмурила глаза. „Ну и пусть, и пусть, не хочу видѣть“, пронеслось у нея въ мысли, между тѣмъ какъ ухо жадно прислушивалось къ мѣрному коновскому толоту уносившемуся все далѣе и далѣе отъ этого „роднаго крыльца“... Маша заплакала вдругъ. „И о чемъ это, ласточка ты моя сизокрылая, палы жаль, а?“ засуетилась около нея няня... Александра Павловна кинулась къ ней, схватила дѣвочку на руки и, судорожно покрывая ее поцѣлуями, любѣжала съ нею къ себѣ въ будуаръ. Но слезы душили ее самою. Мату няня увесла въ дѣтскую, по настоянію доктора. „А не то на весь домъ такой бы дуэтъ распѣли“... говорилъ онъ, подмигивая Амфисѣ „подать ему одеколону на всякъ случай“. Маленькая Лизавета Ивановна захватила обѣ руки молодой женщины и прижимая ихъ къ губамъ:

— Испытаніе захотѣлъ послать вамъ Гослодь, андѣлъ мой, шептала она своимъ дѣтскимъ и растроганымъ голоскомъ, — покориться съ кротостью и терпѣніемъ надо...

Амфиса, подошедшая къ своей барынѣ съ флакономъ въ рукѣ, многозначительно глянула ей въ лицо:

— Вы бы лучше такъ сказали, Лизавета Ивановна, протѣжно заговорила она,—что терпѣнья еще крошечку имъ требуется. Потому ни на что другое какъ на радость идетъ; не даромъ сегодня солнышко-то послѣ трехъ дней невѣстья выглядывало... Окаянный сквозь землю, Господь по землѣ, такъ я понимаю.

И такъ убѣдительно и радостно звучали ея слова что на душѣ у Александры Павловны мгновенно просвѣтлѣло какъ на отученномъ небѣ того утра. Она быстро отерла глаза платкомъ, чуть-чуть усмѣхнулась и проделетала какъ бы смущенно:

— Я всегда терпѣлива была... Поидемте къ дѣтямъ, Лизавета Ивановна! промолвила она за этимъ, быстро подымаясь съ мѣста и направляясь, въ сопровожденіи маленькой особы, къ двери въ корридоръ.

Анфиса двинулась было за ними.

— А погодите-ка, вдовушка! остановилъ ее Фирсовъ.

— Чего вамъ? спросила она, оборачиваясь, съ тою дружескою и насмѣшливою грубоватостью тона съ которою привыкли они почему-то привычку бесѣдовать другъ съ другомъ въ послѣднее время.

— А вотъ чего, началъ толстакъ:—откуда это вы ума набираетесь, право? Вѣдь вотъ сейчасъ такой изумительный діагнозъ учинили...

— Чѣмъ это вы, какимъ такимъ словомъ выстрѣлили? разсмѣялась она, не понимая.

— А такимъ, отвѣчалъ онъ, глядя на нее разгорѣвшимися глазами,—что если съ него да сбудется, такъ я съ вами въ первый законный вступить готовъ...

— Чтѣ-о? полуглѣвно, полутрелетно протянула синеглазая жещица, покраснѣвъ до самаго лба.

— Нѣтъ, я это безо всякихъ шутокъ, Анфиса Дмитриевна, заторолился сказать онъ:—какъ если барыня наша дѣйствительно съѣдется съ мужемъ *на пражнег*, я въ тотъ самый день женихомъ вашимъ объявлюсь, если на то отъ васъ согласіе послѣдуетъ.

— Да что это вы, сбрендили? растерянно бормотала она,—какая я вамъ жена?...

— А такая что на гулость на эту, жещица, только для васъ и рѣшаюсь... Вотъ, при свидѣтеляхъ говорю, воскликнулъ онъ указывая на вбѣгавшую въ эту минуту въ комнату

за оставленнымъ тутъ Александрой Павловной платкомъ Лизавету Ивановну;—а вы, всеобщая скорбей утѣшительница, вѣшайте! И онъ повторилъ ей сейчасъ сказанное имъ Анфисой.

Маленькая особа, нисколько не удивившись этому, кинулась на шею своей совсѣмъ оторопѣвшей „другицѣ“.

— Милая, да въ такомъ случаѣ радость-то намъ всѣмъ какая, двойная радость будетъ!... Дождаться-то ее скорѣе только-бъ Богъ привелъ!...

И вдругъ остренькое, завалое личико ея приняло озабоченное, почти услуганное выраженіе:

— Николай Ивановичъ?

— Чтò прикажете?

— А вы въ Бога вѣруете?

— А вамъ на чтò? буркнулъ онъ нахмуриваясь.

— Какъ же безъ этого ей идти за васъ, голубчикъ, тревожно говорила она:—душа вѣдь у меня русская, христіанская, а какъ если мужъ да этого самаго не чувствуетъ...

— Ужь это, извѣстно, послѣднее дѣло, какъ бы вырвалось въ свою очередь у Анфисы.

— Ну, чего голосить-то? Вѣрую! прервалъ ихъ Фирсовъ, досадливо и смущенно махнувъ рукой:—отецъ у меня священникъ былъ, человѣкъ древній, строгій... Залегло!—какъ бы извинялся онъ. И тутъ же, кривя губы, обратился къ Лизаветѣ Ивановнѣ:—Да вы, смотрите, не вздумайте объ этомъ по Москвѣ-то трезвонить: по нынѣшнему времени въ нашемъ мірѣ этимъ совсѣмъ можно репутацію человѣка уронить...

— Не на показъ у человѣка вѣра-то, голубчикъ, не на показъ, въ сердцѣ надо имѣть... Ну и, значить, теперь совсѣмъ по правилу, андаль мой! вскинулась опять она цѣловать пріятельницу.

— Да чтò это вы! бормотала та; она все какъ бы еще не пришла въ себя.

— Ну ужь это вы съ нимъ орудуйте, размѣялась маленькая особа,—а что вы, голубчикъ, не раньше подъ вѣнецъ идти хотите какъ если когда наша-то голубка барынька слезы лить перестанетъ, такъ за это за самое Богъ вамъ обоимъ счастье пошлетъ!

И она, съ платкомъ Александры Павловны въ рукѣ, сіяя вся, побѣжала въ дѣтскую.

— Такъ какъ же, Анфиса Дмитріевна? спросилъ Фирсовъ, глядя на нее излодобья.

— И съ мыслями со своими просто собраться не могу, Николай Ивановичъ, тихо вскрикнула она, разводя руками;— чтой-то вамъ вздумалось, право? При моемъ низкомъ положеніи... и прежней жизни, какъ вамъ извѣстно, потому я этого никогда не скрывала...

— Ну, это мы оставимъ въ сторонѣ, прервалъ онъ ее чуть не съ сердцемъ,—грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! На то человѣку и смыслъ данъ чтобъ это понимать... А „вздумалось“ мнѣ,—весело примолвилъ онъ,—потому, говорилъ я вамъ, что очень ужъ умны вы.... Ну и глаза эти синіе, что твои фіалки, а я ихъ съ дѣтства страсть любилъ по веснамъ въ лѣсу собирать...

Она взглянула на него внезапно засмѣявшимися, счастливыми глазами.

— Такъ намъ значить съ вами теперича въ ожиданіи оставаться? лукаво проговорила она.

— „Въ ожиданіи“, да, ослабился съ радости толстакъ;— и долго придется ждать-то, какъ по вашему? спросилъ онъ уже съ безпокойствомъ.

Она какъ бы укорительно закачала головой:

— Извѣстно, съ большою они совѣстью господивъ, сказала она, разумя Троекурова;—такъ развѣ согласятся они послѣ того да къ жень олять, грѣха не омывши..?

Докторъ повелъ одобрительно подбородкомъ и слегка вздохнулъ.

IX.

Je vais sortir d'un gouffre où triomphent les vices...
Molière. *Le misanthrope.*

Юдоль мочанья роковаго,
О, передай душѣ моей
Твоихъ стремницъ покой угрюмый!

Гр. А. Толстой. *Иоаннъ Дамаскинъ.*

Тихо и однообразно потекла опять жизнь во Всесвятскомъ. Но всѣмъ тамъ почему-то будто полегчало, на всѣхъ будто повѣяло чѣмъ-то умиряющимъ, „елейнымъ“, какъ выражался докторъ]Фирсовъ... Молодая хозяйка все такъ же задумывалась, но неотступно и зорко наблюдавшая за нею Лизавета Ива-

новья замѣчала все чаще въ эти минуты мимолетную, какъ бы откуда-то извнѣ прилетавшую на ея губы, усмѣшку и трелетный огонекъ загоравшійся одновременно въ глубинѣ ея выпуклыхъ зрачковъ. „Отъ сердца отходить, значитъ“, объясняла Анфиса, которой передавала она всѣ свои „замѣчанія“, маленькая особа.. Синеглазая „вдовушка“ и докторъ бывали особенно оживленными въ почтовые дни: они гораздо болѣе откровенно чѣмъ сама Александра Павловна тревожились каждый разъ о томъ получить ли она или нѣтъ письмо отъ мужа... Онъ писалъ ей не пространно, но довольно регулярно, дружескимъ, но крайне сдержаннымъ тономъ, замѣтно избѣгая всего что могло касаться его внутренней жизни и личныхъ отношеній къ ней, заботливо разспрашивалъ ее о дѣтяхъ и просилъ сообщать ему о нихъ „какъ можно болѣе подробностей“. О своей служебной дѣятельности онъ точно также говорилъ мало. Она знала только что онъ находится съ полкомъ въ грязномъ жидовскомъ мѣстечкѣ Царства Польскаго и кромѣ офицеровъ своихъ и солдатъ никого не видитъ... Разъ только проскользнула у него въ письмѣ слѣдующая коротенькая, встревожившая ее фраза: „Здѣшнее населеніе прямо плюетъ въ глаза войску, а мы стоимъ *l'arme au bras* и благодушно утираемся“. Александра Павловна съ этого дня привыкла усидчиво слѣдить за „польскими дѣлами“ по одной изъ петербургскихъ газетъ получавшейся во Все-святскомъ. Но изъ всего того что она тамъ вычитывала она могла выводить лишь то странное для нея заключеніе что „Поляки во всемъ правы, а Русскіе во всемъ виноваты“, и никакъ не могла согласовать это въ мысли съ тѣмъ понятіемъ о предметѣ котораго истекало для нея изъ уломянутой фразы въ письмѣ Бориса Васильевича. Она попробовала было заговорить объ этомъ съ докторомъ, но тотъ только крикнулъ и сказалъ: „Поляки народъ острый, намъ съ ними извѣстно не совладать“, послѣ чего она уже не возобновляла съ нимъ этого разговора; но письма ея къ мужу съ тѣхъ поръ не ограничивались уже отвѣтами на его вопросы: она все настоятельнѣе просила теперь въ свою очередь „подробностей“ о немъ, о томъ „что дѣлается въ этомъ ужасномъ краѣ, гдѣ видно ему очень не легко жить“...

Недѣли три послѣ отъѣзда его ей принесли однажды вмѣстѣ съ иностранными газетами письмо изъ-за границы... „Отъ Киры!“ вскрикнула она помимо воли, узнавая почеркъ... Она

не рѣшилась читать его тотчасъ, боясь инстинктивно того впечатлѣнія какое „должно оно было“ произвести на нее. Но когда она вскрыла его наконецъ, впечатлѣніе это оказалось вовсе не тѣмъ какимъ воображала она его себя заранѣе.

Вотъ (въ переводѣ съ французскаго) что писала ей двоюродная сестра:

Лионъ, 14 (26) октября 1862 года.

„Завтра я вступаю au noviciat des Religieuses de la Visitation de la Sainte Vierge. Завтра я умру для міра (je serai morte au monde).

„Нынѣшній день я еще принадлежу ему, имѣю право переноситься къ нему мыслью,—и выбрала этотъ день нарочно для бесѣды,—для послѣдней бесѣды съ тобою. Тобою я покочу послѣдніе мои счеты съ міромъ. Молю мысленно всѣхъ знавшихъ меня въ немъ отпустить мнѣ мои предъ ними вины вольныя и невольныя, но предъ тобою обязана я раскрыть всѣ тайники моей души и со слезами покаянiя и стыда воззвать къ тебѣ о прощенiи мнѣ, о забвенiи всего содѣяннаго мною *наипрѣнно* тебѣ зла.

„Ты его заранѣе даровала мнѣ, это прощенiе, знаю; ты признала меня „невиноватою“ въ такую минуту и при такихъ обстоятельствахъ когда всякая другая на твоемъ мѣстѣ вѣроятно прокляла бы меня. Ты этого не сдѣлала,—напротивъ... Слѣдуетъ ли даже вмѣнить это тебѣ въ достоинство? Ты не размышляла объ этомъ, не побѣдила себя послѣ долгой и мучительной борьбы съ собою; это просто вырвалось у тебя само собой, изъ прирожденныхъ тебѣ христіанскихъ и человѣческихъ инстинктовъ, при которыхъ тебѣ и *воли* на добро никакой не нужно.

„У меня ихъ никогда не было. Я родилась гордою, завистливою, завистливою, со всѣми пороками нашего вѣка... И разъ я коснулась этого, я прямо начну съ признанiя: ты постоянно и одновременно возбуждала во мнѣ два, повидимому исключаютъ одно другое, чувства: пренебреженiе и зависть. Ты представлялась мнѣ всегда занимающею такое ничтожное мѣсто между мыслящими существами (occuper une place si humble dans le monde des êtres pensants) и твое незаслуженное, казалось мнѣ, счастье возбуждало во мнѣ ожесточенный ропотъ противъ несправедливостей судьбы. Да, я презирала и завидовала въ одно и то же время. Чѣмъ глубже дорывалась я въ душѣ до перваго источника *того* что началось для

меня у васъ въ деревнѣ и кончилось въ Москвѣ, тѣмъ осязательнѣе обнаруживается это для меня. Не столько страсть—безумство!—къ *мему*, къ твоему мужу, сколько злость на то что его жена—*ты*, сколько высокомерная мысль, что *такая* женщина какъ ты не способна удовлетворить умственнымъ требованіямъ *того* человѣка котораго признавала я достойнымъ *моей* любви, побудили меня... къ тому что было... Все *умъ*, все та же гордыня, киченіе этимъ жалкимъ умомъ въ ничтожномъ человѣческомъ муравейникѣ!

„И здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ попыткахъ и замыслахъ *моей* жизни, ожидало меня немедленное разочарованіе. Я хотѣла испытать *его* въ Москвѣ, подвела къ твоему портрету въ кабинетѣ покойнаго Остроженка (онъ тамъ, вмѣстѣ съ моимъ въ его коллекціи „des beautés de Moscou“, какъ говорилъ старикъ),—и поняла все: *онъ* не могъ вырвать тебя изъ сердца, хотя ему казалось что онъ любитъ меня. Я поняла что съ его стороны это миражъ одинъ былъ, обманъ воображенія, и что онъ никогда не простилъ бы мнѣ въ душѣ своей еслибъ я, въ силу этого обмана, разлучила тебя съ нимъ навсегда, поняла что не на *умъ*, а на нѣчто другое, высшее, отключается вѣчно то что есть лучшаго въ душѣ человѣческой... Изъ этой послѣдней встрѣчи *моей* съ нимъ я вышла чиста, но переломана навсегда (*pure, mais brisée à jamais*)...

„Повторяю, я даже теперь не смѣю извѣщать себя тѣмъ что я *его* дѣйствительно любила... Ты—помнишь?—все прочла мнѣ въ мужа Гундунова, и не одной тебѣ на первый взглядъ могло казаться что для меня дѣйствительно вельзя было бы приискать лучшаго мужа. Но я чутьемъ понимала что онъ меня никогда не полюбитъ, точно также какъ я никогда не была бы въ состояніи полюбить его. Его кто-то въ Петербургѣ называлъ „идея на ножкахъ“. Я сама была тоже бродячая идея (*une idée ambulante*) съ менѣе чѣмъ онъ опредѣленнымъ и стойкимъ содержаніемъ, но съ тою же жаждой неудовлетворенной личной жизни. Мнѣ вѣчно хотѣлось чего-то большаго, общаго, чего-то неизвѣданнаго и чуждаго другимъ, чѣмъ могла бы наполнить я пустоту и безплодіе моего внутренняго *я*... И именно потому что Гундуновъ близокъ мнѣ по природѣ, онъ никогда не нравился мнѣ какъ человѣкъ,—и влекло меня то что есть въ *немъ*, въ твоёмъ мужѣ... нѣчто не *идейное*, а жизненное, крѣпко сидящее въ сѣдлѣ (*fort en selle*), *хотящее* прежде всего, а размышляющее

потомъ... Но во мнѣ самой этого не было: я только жаждала, но *жотътъ* не умѣла; я не была способна, какъ онъ, сжечь свои корабли до тла изъ-за одного призрака счастья,—и от него же требовала впередъ гарантій что, порывая съ прошлымъ, съ тобою, въ душѣ его не останется ни раскаянія, ни сожалѣнія... Онъ ловилъ въ свою очередь, и тутъ же— прочла это въ ту же минуту на его лицѣ—оторвалъ, отрубилъ меня отъ сердца... Я не вижу,—не видела его и тогда Онъ былъ правъ. Такихъ какъ я любить нельзя!..

„Онъ вернется къ тебѣ,—я знаю! Для такихъ какъ онъ—да и не для нихъ однихъ!—возможны только подруги какъ ты: простые сердцемъ (*simples de coeur*), преданныя, любящія безъ оглядокъ, ни задней мысли. „Das ewig Weibliche“, справедливо говорилъ про тебя твой дядя Овцынъ. Въ тебѣ то на чемъ стоитъ весь человѣческій строй: семья, общество, порядокъ. Ты—покой, ты—благоуханіе, ты—утѣшеніе (*tu es la paix, le parfum, la consolation*), какъ сказалъ В. Гюго, кажется. Ты сильна именно тѣмъ что я презирала въ тебѣ,—я, растерявшая душу въ безплодныхъ исканіяхъ не подлежащихъ *жстциитъ* цвѣтѣ!... Въ нашемъ, русскомъ, обществѣ, гдѣ добродѣтель (*la vertu*), гдѣ исполненіе нравственнаго долга—единственно дѣло личнаго темперамента, а не какихъ-либо твердо, общимъ сознаниемъ утвержденныхъ началъ, для такихъ существъ какъ я предстоятъ лишь два исхода: позоръ (*la honte*), или та школа тупаго и безплоднаго ожесточенія въ которой учителями являются господа въ родѣ двоюроднаго твоего брата Ириварха.

„Я нашла третій,—добровольное отреченіе отъ самой себя, отъ своего безполезнаго и постылаго я... Твоя *православная* совѣсть (*ta conscience orthodoxe*) возмутится, я не сомнѣваюсь, мысля объ *овупъ измѣняющей родному стаду*. Не нахожу нужнымъ вступать здѣсь въ разсужденіе объ этомъ предметѣ. Скажу тебѣ одно: мнѣ нужна желѣзная рука, подъ которую я съ довѣріемъ и *страхомъ* (*avec confiance et terreur*) могла бы всецѣло отдать мою строптивую природу (*ma nature rebelle*). Ты скажешь мнѣ: „развѣ не отыскала бы ты такую, не покидая лона *нашей* церкви?“ Можетъ-быть, не знаю... У васъ воспитываются всѣ такъ мало въ познаніи ея что я во всякомъ случаѣ не знала бы *гдѣ* искать то чего аичу я въ этой, *твоей*, церкви.

„Прости! Я покорилась своей гордости и раскаянная кланяю

предъ тобою повинную голову мою во прахъ. Много слезъ, знаю, пролила ты чрезъ меня, но твои слезы изъ тѣхъ отъ которыхъ „Божьи цвѣты разцвѣтають“, какъ выражается твоя Лизавета Ивановна (наломни обо мнѣ, когда увидишь, этой доброй душѣ!), а мои лишь лалили мнѣ душу какъ огненнымъ дождемъ... Завтра выплачу я послѣднія у подножія Распятія и, страхнувъ на вѣки ветхаго человѣка, пойду радостная и свѣтлая за Нимъ... за терновымъ вѣнцомъ, его же призываю всѣми силами, всѣми голосами души моеи!“

Письмо это не было подписано, но подъ нимъ стояло *post-scriptum* съ адресомъ улицы на которой находился монастырь *des Visitandines* и словами „*A la soeur Colette*“. Это было католическое имя принятое Кирой. За этимъ слѣдовала коротенькая приписка: „Предваряю тебя что всѣ получаемыя нашими сестрами письма отдаются имъ въ руки не иначе какъ по предварительномъ прочтеніи матушкой игуменьей (*la mère-Supérieure*).“

Дойдя до конца, Александра Павловна выронила листокъ изъ рукъ и залакала.

— О чемъ это, о чемъ, андѣль мой? воскликнула входя въ эту минуту въ комнату Лизавета Ивановна, и кинулась къ ней.

— Отъ Киры... письмо вотъ сейчасъ получила, пролепетала Троекурова.

— Гдѣ она, княжна-то наша? подымая его спросила та.

— Во Франціи, въ монастырь поступила, въ католическій..

Маленькая особа всплеснула руками.

— Вѣру перемѣнила, Господи! Изъ чего жъ это?

Александра Павловна взяла у нея письмо и перевела ей относящіяся до этого строки.

У Лизаветы Ивановны заискрились глаза.

— „*Искать гдѣ* не знаетъ подъ чью руку отдать себя съ довѣріемъ и страхомъ“! повторила она негодующимъ голосомъ,— и обернувшись быстрымъ движеніемъ къ образу Спасителя въ углу комнаты указала на него:— А Его забыла! Его, Страстотернца-Господа руки ей мало!.. И вдругъ стихла вся и словно смутилась:— А впрочемъ, андѣль мой, кійждому свое, сказано. Чтò какой душѣ требуется; ейной-то—видимо всегда это было—подъ веригами легче чѣмъ на своей волюшкѣ, а у насъ, дѣйствительно, очень ужъ ослабѣло все. Вотъ и пошла она *искать* у иноплемennыхъ... А и то сказать: чтò у насъ, чтò у насъ—Христось одинъ вѣдь, андѣль мой! за-ключающа маленькая особа, перекрестилась, и врезалная улыбка

освѣтила все ея увялое личико.—Господь-то къ лучшему устроитъ всегда, милая! Нашла наконецъ княжна пріютъ душевкѣ своей безлокойвой, а у васъ заноза послѣдняя изъ сердца вонъ...

Она оборвала разомъ, какъ бы испугавшись этихъ вырвавшихся у нея словъ, и глянула тревожнымъ взглядомъ въ лицо Александры Павловны.

Но слезы уже просохли на глазахъ молодой женщины, и свѣтились теперь эти вишневые глаза тѣмъ былымъ, тихимъ и глубокимъ сіяніемъ счастья, которое, казалось еще недавно, должно было погаснуть въ нихъ такъ же безвозвратно какъ огонь на алтарахъ Гомеровскихъ богинь... „Онъ вернется къ тебѣ, я знаю,—звѣдали въ ней слова изъ письма лежавшаго на ея колѣняхъ,—такихъ какъ я не люблю. Онъ не могъ вырвать тебя изъ сердца... Онъ можетъ любить только такую какъ ты: простую сердцемъ... Ты для него покой, благоуханіе, утѣшеніе...“ Послѣдняя заноза, дѣйствительно, была вырвана; столическія розы, еще лахучѣе, еще пышнѣе чѣмъ прежнія разцвѣтали вновь со дна выстрадавшагося существа „Сашеньки“. Заблѣвшія уста шептали беззвучно слова хвалы и благодаренія, сердце билось невыразимо сладко... „Онъ вернется, онъ скоро вернется,—стояло въ головѣ ея,—онъ пойметъ что никакой „элитиміи“ болѣе не нужно, что все прошло, все миновало, испытанія и муки, что я жаду его, страстно, мучительно жаду и люблю,—люблю какъ прежде, съ разъ болѣе чѣмъ прежде. И онъ прійдетъ, я кинусь встрѣчать его, онъ выскочитъ изъ коляски, обойметъ меня, прижметъ къ сердцу, тихо, тихо, чтобъ никто разслышать не могъ, проговорить мнѣ на ухо: „вотъ я опять твой, навѣки твой, навѣки!“...

Суждено ли было осуществиться, и осуществиться именно такъ, тому что обѣщало въ эту минуту предчувствіе Александры Павловны Троекуровой, о чемъ грезила она, къ чему стремилась каждымъ фибромъ своего существа,—мы этого не скажемъ тельеръ, и не знаемъ, скажемъ ли Когда-нибудь... Писать въ наши дни, писать о нашихъ дняхъ—тяжелая задача, благосклонный читатель! И чѣмъ ближе стала бы подходить наша *правдивая исторія* къ этимъ переживаемымъ нами днямъ, тѣмъ должна была бы она, роковою силою вещей, принимать съ каждою новою страницей все болѣе унылый, все болѣе мрачный колоритъ...

Б. МАРКЕВИЧЪ.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ МАТЕРІАЛОВЪ

КЪ БІОГРАФІИ БЕРЛІОЗА

Hector Berlioz, *Lettres intimes*. Avec une préface par Charles Gounod. Paris, Colmann Lévy. Un vol. in—18. 1862.—Adolphe Jullien, *Hector Berlioz. La Vie et le Combat. Les Oeuvres*. Paris, Charavay frères. Un vol. in—12. 1862.

Я выразился не совсемъ точно, назвавъ обѣ книжки, заглавія которыхъ здѣсь выписаны, „матеріалами для біографіи Берліоза“. Въ тѣсномъ смыслѣ слова только первая изъ нихъ—собраніе писемъ—содержитъ въ себѣ „матеріалы“; книжка же г. Жюліена состоитъ изъ краткаго біографическаго очерка и собранныхъ критическихъ сужденій его, г. Жюліена, о Берліозѣ. Сужденія эти разбѣяны въ статьяхъ написанныхъ въ различное время, большею частью послѣ смерти великаго музыканта. Тѣмъ не менѣе и книжка г. Жюліена можетъ, въ обширномъ смыслѣ, быть причислена къ біографическимъ матеріаламъ. Біографія великаго художника не вся заключена между днемъ его рожденія и днемъ его смерти. Онъ продолжаетъ жить и дѣйствовать среди насъ и тогда когда тѣло его таѣеть въ могилѣ. Онъ присутствуетъ среди насъ духовно; онъ составляетъ существенный факторъ въ числѣ вліяній опредѣляющихъ направленіе нашихъ мыслей и настроеніе нашихъ чувствъ, и въ то же время онъ самъ испытываетъ измѣнчивую судьбу, торжествуя любви, приви-

мая почести или терла пораженія и нареканія. Вотъ эти-то жосмертныя судьбы Берліоза составляютъ главный интересъ статей г. Жюллиена: написанныя въ періодъ времени отъ 1875—1879 годовъ и выѣзъ собранныя, онѣ содержатъ какъ бы лѣтопись постепеннаго пробужденія публики и печати, постепенной замѣны прежняго пренебреженія къ гениальному композитору выѣзшимъ благоговѣніемъ къ его памяти и энтузіазмомъ къ его сочиненіямъ. Г. Жюллиенъ не всегда ограничивается высказываніемъ своихъ мнѣній: онъ приводитъ и чужія, онъ заставляетъ насъ присутствовать при обращеніи прежнихъ хулителей Берліоза въ новую вѣру, онъ сопоставляетъ прежнія ихъ насмѣлки съ ихъ теперешними восторгами, онъ хронологическими данными убѣждаетъ насъ въ томъ что во Франціи не печать научила публику болѣе справедливому отношенію къ композитору, а напротивъ публика, собственнымъ чутьемъ понявшая и полюбившая его, увлекала въ своемъ движеніи и печать.

Литература о Берліозѣ до сихъ поръ довольно еще бѣдна. Можетъ-быть въ будущемъ ему суждено имѣть такого же біографа, какимъ былъ для Моцарта Отто Янъ, для Баха—Шлитта, и сдѣлаться такимъ образомъ предметомъ монументальнаго произведенія, соединяющаго учевую цѣнность съ художественною формой; до сихъ же поръ не имѣется ничего кромѣ незначительныхъ брошюръ и столь же незначительныхъ журнальныхъ статей. Въ виду этой скудости небольшая книжка г. Жюллиена составляетъ явленіе очень пріятное. Біографическая ея часть основана на источникахъ печатныхъ, всѣмъ доступныхъ, и потому не представляетъ ничего новаго; но по своей сжатой формѣ и пріятному изложенію она можетъ быть рекомендована обширному классу читателей не имѣющихъ мужества взяться за болѣе извѣстныя *Мемуары* самого Берліоза. Критическая часть отличается энтузіазмомъ къ произведеніямъ французскаго мастера, энтузіазмомъ несомнѣнно искреннимъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ на мой взглядъ и недостаточнымъ. Такимъ образомъ и съ критической и съ біографической стороны трудъ молодаго писателя можетъ привести существенную пользу, знакома неподготовленнаго читателя съ фактами изъ жизни художника и указаніемъ на громадное значеніе его дѣятельности, комментируя тотъ нелерывающійся рядъ триумфовъ, которые Берліозовская музыка празднуетъ съ нѣкоторыхъ поръ не только въ

своёмъ отечествѣ, но и въ Англіи. Другихъ притязаній въ настоящемъ случаѣ вѣроятно не имѣеть и самъ авторъ; ему должно-быть тѣмъ легче согласиться съ этимъ что онъ самъ, болѣе многихъ другихъ, вооруженъ вачитанностью и талантомъ для обширнаго, монументальнаго труда о Берліозѣ, въ которомъ бы и жизнь его была разказана, на основаніи критически-провѣренныхъ данныхъ * и выяснено значеніе его въ исторіи музыки XIX столѣтія.

Опратный томикъ г. Жюліена украшенъ двумя портретами: одинъ изъ нихъ воспроизводитъ столь знакомыя европейской публикѣ черты „музыкальнаго Мефистофела“, какъ вѣкогда называлъ его г. Полонскій; другой — знакомое весьма немногимъ изъ современныхъ людей, повидимому красивое лицо англійской актрисы Генріетты Смитсонъ, первой жены Берліоза и предмета его пылкой, хотя не слишкомъ продолжительной страсти. Голова молодой женщины покрыта шляпой такихъ невѣроятныхъ размѣровъ что предъ ней обращаются въ ничто даже колоссальные уборы 80 и 81 годовъ. Такова была мода послѣднихъ годовъ предшествовавшихъ іюльской революціи.

Объ этой Генріеттѣ Смитсонъ, первой актрисѣ познакомившей Парижанъ съ фигурами Офеліи, Юліи и Дездемоны, довольно много говорятъ *Мемуары* Берліоза и почти столько же, хотя съ вѣскольکو инымъ отгвѣнкомъ, то собраніе его писемъ, заглавіе котораго выписано выше. Книжка эта — не первый печатный сборникъ писемъ вышедшихъ изъ-подъ пера знаменитаго музыканта; не говоря о путевыхъ его письмахъ (*Поездка въ Германію*) напечатанныхъ при жизни и прямо написанныхъ для обнародованія, чрезъ вѣскольکو лѣтъ послѣ смерти Берліоза вышелъ томикъ его *Correspondance inédite* подъ редакціей г. Даниела Бернара; но, подобно письмамъ о поездкѣ въ Германію, и эта новая перелиска заключала въ себѣ только извѣстіе объ артистической дѣятельности Берліоза, оставляя въ тѣни личную и частную его жизнь (*Мемуары* его въ этомъ отношеніи распадаются на двѣ рѣзко отличающіяся половины: въ первой изъ нихъ Берліозъ очень много говорить о своей частной жизни, о своей се мѣѣ

* Пришлось бы сверхъ того *составить* исторію послѣднихъ двадцати лѣтъ жизни Берліоза. *Мемуары* его объ этомъ періодѣ говорятъ крайне мало, и чѣмъ дальше тѣмъ меньше.

особенно объ отцѣ, о своей первой любви и женитьбѣ на предметъ второй любви; во второй, напротивъ, рѣчь идетъ только о партитурахъ и концертахъ; исключеніе составляетъ эпизодъ приписанный долго слуха послѣ окончанія *Межуаровъ*). Нынѣ изданная *Интимная Переписка* получила свое заглавіе вѣроятно вслѣдствіе желанія редактора отгвѣнить чѣмъ-нибудь богатство въ ней данныхъ иллюстрирующихъ именно частную, сердечную жизнь Берліоза. Естественно что Генриетта Смитсонъ, игравшая такую важную роль въ жизни художника, не могла отсутствовать въ его интимныхъ письмахъ; но, какъ я уже говорилъ, письма раскрываютъ намъ такіа стороны романа о которыхъ *Межуары* говорятъ не совершенно вѣрно или, лучше сказать, съ недостаточнымъ удареніемъ. Я вспомнилъ при сопоставленіи той и другой книги слова біографа Гёте, Луиса, о томъ невыгодномъ вліяніи которое на недостаточно подготовленнаго историка должна оказать *Dichtung und Wahrheit*, если слишкомъ на вѣру принять исповѣдь нѣмецкаго поэта. „Дѣло не въ фактическихъ неточностяхъ, говоритъ Луисъ,—а въ невѣрности тона; престарѣлый Гёте видѣлъ молодого Гёте не такимъ какимъ онъ былъ въ дѣйствительности“. Совершенно то же самое примѣнимо и къ *Межуарамъ* Берліоза. Они представляютъ намъ страсть къ Генриеттѣ Смитсонъ сплошною чертой, которая тянется отъ перваго мгновенія, въ которое Берліозъ увидѣлъ красавицу-Израиладку до дня женитьбы и далѣе; эпизодъ съ Камель Мусъ, въ послѣдствіи по мужу Плейель, въ *Межуарахъ* (стр. 99—100) является какою-то почти фоблазовскою талостью, повѣсничаніемъ безо всякаго участія сердца. Совсѣмъ не то въ *Интимной перепискѣ*. Начиная отъ письма XXVII (отъ 24 іюля 1830) и до письма XXXVII (отъ 11 мая 1831) мы присутствуемъ при второмъ, менѣе продолжительномъ романѣ, какъ бы клиномъ вбивающемся въ первый: и до этого періода, и послѣ него дѣвица Смитсонъ, несомнѣнная и единственная обладательница сердца пылкаго артиста, но въ продолженіи этихъ девяти или десяти мѣсяцевъ столь же несомнѣнно царствуетъ Камиль, и (къ стыду великаго артиста будь сказано) онъ въ это время называетъ свою недавнюю страсть и будущую жену *la fille Smithson*. Я указалъ на это противорѣчіе съ цѣлью предостеречь отъ слишкомъ послѣдшаго или слишкомъ исключительнаго пользованія *Межуарами* Берліоза; какъ вся люди дающіе показаніе о самихъ себѣ, Берліозъ свидѣтель ненадежный

не по желанію солгать, а по невозможности судить о самомъ себѣ. Это нисколько не уменьшаетъ громаднаго интереса представляемаго *Межуарамі* съ другой стороны, со стороны субъективной: въ нихъ сказывается личность пишущаго, его страсти, влеченіе, антипатіи и идіосинкрасіи; какъ и всѣ мы, Берліозъ всего видѣе тамъ, гдѣ невольно видитъ себя, а не тамъ, гдѣ старается себя объяснить или растолковать читателю.

Въ этомъ *субъективномъ* отношеніи *Интимныя Письма* нисколько не видоизмѣняютъ и даже мало чѣмъ дополняютъ образъ знакомый намъ изъ *Межуаровъ*. Дѣло въ томъ что Берліозъ былъ человекъ не только замѣчательно искренній, но и замѣчательно экспансивный, чувствовавшій (особенно въ молодости) потребность высказываться, изливать словесно и письменно какъ свои восторги, такъ и свою желчь. Большинство предметовъ возбуждавшихъ въ немъ то и другое знакомо намъ уже изъ *Межуаровъ*; *Письма* только подтверждаютъ положенія къ которымъ мы уже пришли раньше. Далѣе, и въ *Межуарахъ* и въ *Письмахъ* озадачивающее впечатлѣніе на свѣжаго человека производитъ необыкновенная запальчивость тона, появляющаяся не въ видѣ исключенія тамъ или тамъ, а хронически, какъ скоро вопросъ касается одного изъ многочисленныхъ божковъ или коньковъ артиста. Можно сказать что моральный термометръ Берліоза всегда находился на точкѣ кипѣнія. Малѣйшаго повода достаточно чтобы снять крышу съ этого кипятка—и васъ неизмѣнно обдастъ паромъ. Во всемъ чтѣ говорилъ Берліозъ о музыкѣ, въ молодости, въ зрѣлые года или въ предсмертной агоніи, едва ли можно найти одну спокойную фразу, развѣ мы за образчикъ спокойствія примемъ его: *Je me meus; on va enfin pouvoir te jouer.*“

Эта постоянная страстность не имѣетъ ничего общаго съ такъ-называемою „французскою живостью“; напротивъ, можно сказать что Берліозъ почти во всемъ противоположенъ господствующему типу „живаго Француза“, типу Вольтера, Тьера или (оставаясь въ сферѣ музыкальной) Обера. Французъ существо по преимуществу общественное. Его царство—салонъ, его стихія—бесѣда. На этотъ салонъ, на эту бесѣду даровитая натура безслорно налагаетъ свой отпечатокъ, но въ гораздо большей мѣрѣ она умѣряется, сглаживается и формируется вліяніемъ среды: устраивается общій тонъ,

общій языкъ, общая мода. Отсюда въ *среда* презрѣнiе къ чужачеству, а въ *индивиду* боязнь оригинальности. Нигдѣ въ такой степени какъ во Франціи не почитается необходимымъ „быть какъ всѣ“; нигдѣ ларадокъ не возбуждаетъ такого оглушительнаго и дружнаго хохота; нигдѣ, при постоянномъ политическомъ фронтдествѣ, не процвѣтаетъ такой культъ авторитета, такая умственная рутина. Одинъ изъ лучшнхъ знатоковъ современной Франціи, Карлъ Гиллебрандъ, справедливо называетъ недостатокъ нравственнаго мужества „величайшимъ національнымъ недостаткомъ“ націи столь прославленной физическимъ героизмомъ. Какъ ни своеиравна, какъ ни шаловлива порою знаменитая „французская живость“, но она всегда рѣзвится въ этихъ рамкахъ, и горе писателю, художнику или мыслителю который дерзнулъ бы пренебречь приговоромъ салона и уставами преданія.

Берлиозъ, какъ могучій и грозный звѣрь, цѣлый вѣкъ прожилъ одинъ въ своей берлогѣ, не смѣшиваясь съ толпой ни намѣренно, ни нечаянно. Не то чтобъ онъ былъ лишень общественныхъ талантовъ, которыми столь справедливо славятся его соотечественники: онъ былъ собесѣдникъ живой и очаровательный. Пишущій эти строки только разъ въ жизни, на московскомъ обѣдѣ 1867 года, былъ слушателемъ этой бесѣды, но произведенное ею обаянiе осталось неизгладимымъ въ его памяти; оно было тѣмъ неотразимѣе что мы, слушавшіе, ни на минуту не могли забыть трагическое положеніе говорившаго. Предъ нами былъ большой старецъ, измученный физическими страданіями и артистическими неудачами, наканунѣ, на концертѣ, дирижировавшій черезъ силу и прѣихавшій на обѣдъ чуть не со смертнаго одра. Но ни года, ни испытанныя несчастія, ни недугъ не могли убить врожденную любезность и блестящее остроуміе этой богатой натуры. Если такимъ былъ Берлиозъ 1867 года, то легко себѣ представить чѣмъ онъ долженъ былъ быть во цвѣтѣ лѣтъ и здоровья. Съ другой стороны, говоря что онъ жилъ въ берлогѣ, а вовсе не хочу сказать что онъ искалъ физическаго уединенія. Въ его *Мемуарахъ* въ качествѣ знакомыхъ, пріятелей или друзей дефилируютъ почти всѣ музыкальныя и литературныя знаменитости времени іюльской монархіи. Викторъ Гюго, Бальзакъ, Альфредъ де-Виньи, Эмиль Дешанъ, Дюма-отецъ, Жюль Жаненъ, Генрихъ Гейне, Мендельсонъ, Фердинандъ Биллеръ, Стефенъ Геллеръ, Францъ Листъ, Паганини,

Эрмьсть, Осборнъ, графъ Виейгорскій и множество другихъ являются здѣсь то въ перелискѣ, то въ болѣе или менѣе тѣсныхъ личныхъ сношеніяхъ съ творцомъ *Лелио*. И все-таки онъ былъ изолированъ; онъ и въ соимѣ друзей и поклонниковъ (были вѣдь и поклонники) занималъ положеніе уединенное. Самое поклоненіе ихъ, кажется, было инстинктивное и не повѣренное сознаниемъ. Симпатіи и художественныя потребности Берліоза не были симпатіями и потребностями современной ему Франціи (я разумью здѣсь и лубаку, и спеціалистовъ); мысли его витали далеко отъ предметовъ обыденнаго парижскаго интереса; какъ восторгу; такъ и взрывы негодованія, равно частые у геніальнаго чудака, касались предметовъ о которыхъ современный Парижъ не имѣлъ никакого понятія. Словомъ сказать, онъ жилъ своею отдѣльною жизнью какъ бы схимникъ поселившійся среди шумнаго исподняскаго города, но отдѣленный отъ него четырьмя толстыми стѣнами.

Трогательное впечатлѣніе производитъ та страстная вѣрность своимъ идеаламъ которую Берліозъ сохранилъ до самой смерти. Избранными поэтами его были Виргилій и Шекспиръ. Страсть къ Шекспиру началась еще въ двадцатыхъ годахъ, а вотъ отрывокъ изъ письма отъ 28 октября 1864 года, то-есть написаннаго уже тогда когда страшныя невралгіи терзали композитора днемъ и не давали ему спать ночью, когда притомъ ему было за шестьдесятъ лѣтъ, и радъ невѣроятныхъ неудачъ услѣлъ даже въ немъ, при всей его стойкости и эластичности, убить послѣднюю надежду на успѣхъ при жизни:

„Однообразіе моего существованія нѣсколько измѣнилось три дня тому назадъ. Гжа Эраръ, гжа Словтани и племянница ихъ попросили меня, когда-нибудь въ свободное для меня утро, прочесть имъ *Отелло* Шекспира. Мы назначили день; было строго-на-строго запрещено принимать постороннихъ на дачѣ гдѣ живутъ эти барыни; мы заперлись отъ всѣхъ филлистеровъ и идиотовъ котрые могли бы намъ помѣшать, и я прочелъ дивное произведеніе отъ доски до доски, увлекаясь такъ какъ будто бы я былъ наединѣ. Было всего шесть человекъ публики и въ речкахъ на славу.“

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ письмѣ отъ 8 февраля 1865 года, извѣстіе о новомъ затѣваемомъ чтеніи.

„Послѣ завтра, предъ пятью слушателями у Массаръ, я прочитаю *Гамлета*. Хватитъ ли у меня силы? Вѣдь это

продолжится пять часовъ. Изъ пяти слушателей только у одной гжи Массаръ смутное представленіе объ этомъ гениальномъ произведеніи. Остальные (убѣдительно просившіе меня устроить это чтеніе) не имѣютъ о немъ никакого понятія.

„Мнѣ почти страшно становится когда представляю себя художественную натуру внезапно очутившуюся лицомъ къ лицу съ этимъ феноменомъ гениальности. Я невольно думаю о слѣпорожденномъ внезапно узрѣвшемъ свѣтъ. Я вѣрю что они поймутъ; я ихъ знаю. Но дожить до сорока лѣтъ, до пятидесяти лѣтъ не зная *Гамлета!* *Прожить свой вѣкъ въ подземномъ рудникѣ!*“

Весь Берліозъ сказался въ этомъ послѣднемъ восклицаніи. Не знать Шекспира значитъ жить во тьмѣ кромѣшной, слышаться въ жалкой слѣпотѣ; для него самого жизнь и эстетическая и сердечная одновременно началась съ той минуты когда онъ „лицомъ къ лицу очутился съ феноменомъ гениальности“: онъ одновременно узналъ Шекспира и Гевриетту Смитсонъ.

Я не вѣрю г. Эмилю Золя, недавно объявившему что „только попробуйте дать Шекспира предъ публикой Comédie Française, и она повѣрьте будетъ хотеть до уладу: до того де узка ваша исключительность“, но и глядя самыми оптимистскими глазами на дѣло пропаганды Шекспира, все же даже изъ словъ самого Берліоза видно какъ мало подготовки было у его слушателей, несмотря на то что это были люди съ образованіемъ, по всей вѣроятности артисты и артистка. Сорокъ лѣтъ подъ радъ читалъ и твердилъ онъ англійскаго поэта, но въ эти сорокъ лѣтъ публика не только не шла параллельно съ Берліозомъ: она едва-едва тронулась съ мѣста, и въ 1865 году знала Шекспира столько же или почти столько же сколько и въ 1825. Совершенно тотъ же разладъ замѣтимъ мы если отъ литературныхъ боговъ перейдемъ къ музыкальнымъ. Кажется даже что здѣсь движеніе было обратное, и въ двадцатыхъ годахъ, по крайней мѣрѣ относительно Глука, Берліозъ еще скорѣ могъ найти лицу своимъ стремленіямъ, чѣмъ въ шестидесятыхъ. *Мемуары* по крайней мѣрѣ свидѣтельствуютъ о томъ какъ въ молодости его въ Парижѣ шла Глукова *Ифигенія въ Тавриду*. Не забудемъ наконецъ и того что Берліозъ не былъ удивленнымъ мовоманомъ которому только бы культивировать свои вкусы у себя въ благословенной тишинѣ, а тамъ остальной міръ дѣлай что угодно: онъ былъ даровитый и въ свое время знаменитый музыкальный фельетонистъ; убѣжденія для него не были

празднымъ дилеттантизмомъ, онъ со всею пылкостью своей натуры старался передать ихъ публикѣ, онъ честнымъ бойцомъ сражался за свои идеи и охотно переносилъ за нихъ насмѣшки и неприятели всякаго рода. Газетныя редакціи не только не сторонились отъ его сотрудничества, но съ величайшею предупредительностью помѣщали его статьи, цѣна въ нихъ конечно не направленіе, до котораго имъ не было никакого дѣла, а бойкую, щегольскую форму и остроуміе забавныхъ выходокъ. Сотрудничалъ онъ не въ какомъ-нибудь темномъ, безвѣстномъ листкѣ, не въ какомъ-нибудь „tombeau des secrets“, а въ *Journal des Débats*, находившемся именно въ его время на вершинѣ своей европейской славы. Въ музыкальной критикѣ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ Берліозъ занималъ не меньшее мѣсто чѣмъ Сень-Бевъ или Сень-Маркъ-Жирарденъ въ критикѣ литературной...

И при всемъ этомъ мнѣнія его не переходили въ публику, театральныя компетентныя дирекціи оставались глухи къ его требованіямъ, успѣхъ произведеній къ которымъ Берліозъ не долженъ былъ питать ничего кромѣ глубочайшаго презрѣнія росъ не по днямъ, а по часамъ! Модные музыканты ненавидимые ему въ юности и отчасти на его глазахъ начавшіе рядъ своихъ парижскихъ триумфовъ, какъ Россини, продолжали гремѣть и торжествовать и въ годы его старости; цѣлая плеяда другихъ, еще болѣе ангилатичныхъ ему господъ, какъ Оффенбахъ, Рихардъ Вагнеръ, Верди (о послѣднемъ онъ почему-то никогда не упоминаетъ), появились на закатѣ дней Берліоза и въ разныхъ сферахъ и жанрахъ завоевали себѣ почести и деньги, тогда какъ онъ продолжалъ быть предметомъ или тулаго равнодушія, или изумленнаго любопытства. Вотъ въ какомъ смыслѣ можно утверждать что Берліозъ и среди пятитысячной рукоплескавшей толпы на фестивалѣ, и въ дружескомъ кругу, и въ *rez-de-chaussée* своей газеты всегда былъ одинокъ: не было связующей нити между нимъ и соотечественниками; онъ былъ среди ихъ какъ Европеецъ выброшенный водною на островъ, между дикарей, или какъ Гулливеръ между Лиллипутами.

Трагизмъ положенія горекъ и понятенъ каждому; но оно имѣло и свою выгоду. Несомнѣнно что Берліозу, какъ и всякому артисту, хотѣлось нравиться и гремѣть по вселенной, и что онъ мучительно сознавалъ свою непопулярность; но не

услѣвъ повравиться, онъ былъ свободенъ отъ тысячи малень-кихъ отъсненій, необходимостей врать или прикидываться, отъ тысячи общественныхъ égards, въ которыхъ такъ легко мельчаетъ и залутовывается человѣкъ взявшійся было въ началѣ плыть противъ теченія. Берлиозу именно эта непопулярность облегчала борьбу, избавивъ его отъ постоянной заботы „гусей не раздражить“. Кстату или некстату замѣтимъ что самъ онъ смотрѣлъ на свою публицистическую дѣятельность совсѣмъ иначе; онъ именно обвинялъ себя въ недостаточной откровенности, въ излишней свисходительности и вѣжливости, въ слишкомъ большомъ якобы количествѣ égards. Извѣстно что недостатки въ которыхъ мы всего охотнѣе обличаемъ себя не суть наши важнѣйшіе пороки; мнѣ даже кажется что самая досада на свое миролюбіе скорѣе обнаруживаетъ правъ задорный и воинственный, человѣкъ же дѣйстви-тельно кроткій и сострадательный скорѣе бы мучался мыслью о бѣдномъ N**, съ которымъ онъ де обошелся ужъ слишкомъ круто. Какъ бы то ни было, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести ту бутаду изъ *Межуаровъ*, гдѣ Берлиозъ жалѣеть о своихъ недомолвкахъ. Онъ начинается съ того что описываетъ свое отвращеніе къ газетной работѣ.

„Какъ услышишь о предполагающейся новинкѣ на одномъ изъ нашихъ лирическихъ театровъ, такъ сейчасъ мнѣ дѣлается не по себѣ, и все болѣе и болѣе пока не оконченъ фельетонъ. Эта постоянно вновь нарождающаяся задача отравляетъ мнѣ жизнь. А между тѣмъ я и независимо отъ денеж-ныхъ средствъ, которыя мнѣ доставляются фельетономъ и безъ которыхъ я не могу обойтись, не вижу почти никакой возможности бросить ихъ: неравно останусь безоружный лицомъ къ лицу съ бѣшеною враждою которую я тѣми же фельетонами вызвалъ въ безчисленномъ множествѣ людей. Печать въ извѣстномъ смыслѣ драгоцѣннѣе Ахиллесова колья: она не только исцѣляетъ раны ею нанесенныя, но порой, даже служить щитомъ тому у кого она въ рукахъ. Но за то къ какимъ презрѣннымъ уступкамъ я бываю вынужденъ! сколько обиняковъ для обхода прямой правды! сколько уступокъ свѣтскимъ отношеніямъ и даже общественному мнѣнію! сколько удержаннаго въ себѣ бѣшенства! сколько проглоченнаго стыда! А еще находятъ что я горячъ, золь и надмененъ! Невѣжды, обзывающіе меня такими словами! еслибъ я высказалъ все то что у меня на душѣ, съ бѣ увидали что крапива на которую я васъ будто бѣ укладываю — настоящею ложью изъ розъ въ сравненіи съ тою скворородой на которой я бѣ васъ изъже-рилъ“ (*Mémoires de Hector Berlioz*, 1870, стр. 207).

Не извѣстно какая именно вышла бы та „сковорода“ которой Берліозъ такъ и не соорудилъ по своей уступчивости. Достоверно только то что Парижанамъ онъ и такъ казался лють. Если и допустить что онъ иногда входилъ въ компромиссы какъ журналистъ, то какъ творческой художникъ онъ уже положительно не можетъ быть обвиненъ ни въ чемъ подобномъ. Въ противоположность своимъ соотечественникамъ, даже наиболее одареннымъ оригинальностью отъ природы, Берліозъ рѣшительно не робѣлъ предъ перспективой показаться страннымъ, вызвать недоумѣніе или улыбку. Въ *Межуарахъ* есть между прочимъ разказъ его о разговорѣ происходившемъ между имъ и г. Карваліо, директоромъ лирическаго театра, когда предполагалось поставить *Троаццевъ*. Разговоръ этотъ очень характеристиченъ. Карваліо стоитъ на точкѣ зрѣнія обыкновенно бульварнаго тунеладда, зашедшаго въ лирической театръ безъ предубѣжденія въ ту или другую сторону и безъ подготовки къ эстетическимъ тонкостямъ. Вся забота его выяснитъ впечатлѣніе какое вынесетъ вотъ этотъ бульварный поствититель—настоящій пла-тальщикъ сборовъ, имя которому легионъ, изъ оперы текстъ и музыка которой принадлежатъ Берліозу. „У васъ одно словечко въ прологѣ меня лугаетъ“.—Какое такое словечко?—*Triomphaux*.—Что же въ немъ страшнаго? это множественное отъ *triumphal*, какъ *chevaux* отъ *cheval*, *originaux* отъ *original*, *madrigaux* отъ *madrigal*, *municipaux* отъ *municipal*.—„Да, но это слово не привыкли слышать“.—Чортъ возьми! если въ элическомъ сюжетѣ да употреблять только тѣ слова которыя въ ходу въ кафе-шантанахъ и водевиляхъ, то запрещенныхъ выраженій наберется много, и стиль сочиненія доидетъ до замѣчательной бѣдности.—„Да вы увидите: *будутъ спаться*“... Нѣсколько дальше Карваліо: „Не надо Энею выходить на сцену въ шлемѣ“.—А что?—*Да то что Манженизъ, уличный продавецъ карандашей, тоже носитъ шлемъ; у него, правда, средневьковой, но все же это шлемъ, и раекъ станеть хохотать и кричать: ohé! c'est Mangin!*“ Затѣмъ точно также понадобилось отмѣнить Меркурія: смѣшно де выводить на сцену господина съ крыльями у ногъ; крылья бывають де только у плечъ, это всякому извѣстно, и т. д., и т. д. Берліозъ все время стоитъ въ изумленной позѣ, которая такъ и видна въ каждомъ его отвѣтѣ. Онъ отнюдь не *притупляетъ* паявнымъ; онъ дѣйствительно недоумѣваетъ: бульварное

мѣрило того что смѣшно и что не смѣшно ему такъ же неизвестно какъ гордому Кабилу или Арабу.

Но еще характернѣе одно мѣсто въ *Итальянскихъ Письмахъ*, гдѣ излагается планъ передѣлки основъ французскаго стихосложенія. Письмо написано въ 32 году, то-есть на двадцать девятомъ году жизни; но оно могло бы появиться и позже, такъ какъ Берлиозъ до послѣдняго бѣженія лувъса успѣвалъ сохранить и юношескій пылъ, и юношескую отвагу, и юношескую непрактичность. Скучая въ Италіи, куда его согласно уставу послало консерваторское начальство для усовершенствованія въ композиціи, онъ задумалъ ораторію-монстръ изображающую Страшный Судъ и озаглавленную *Послѣдній день оселенной*. Гумбертъ Ферранъ, къ которому адресовано письмо (такъ же какъ и всѣ письма настоящаго сборника), молодой въ то время поэтъ и въ глазахъ Берлиоза лучшій для него либреттистъ, какого онъ только можетъ пожелать. Планъ ораторіи вслѣдствіе этого излагается именно съ точки зрѣнія желательнаго для Берлиоза либретто. Скажите-мольъ лежитъ ли у васъ сердце къ такому сюжету. Ищите-мольъ необычайнаго; безъ него въ наши дни невозможенъ успѣхъ, и такъ даже въ томъ же родѣ. Но требовательный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ композиторъ желаетъ облегчить страданія своего сотрудника въ другихъ отношеніяхъ:

„Если можно пренебрегите нелѣпыми правилами рѣзмы: они только того и заслуживаютъ; даже совсѣмъ уничтожьте ее, гдѣ въ ней нѣтъ нужды, что часто случается (курсивъ въ подлинникѣ). Всѣ эти валудрейныя представленія принадлежатъ младенчеству музыкальнаго искусства, которое чаяло себѣ гибели еслибъ оно лишилось поддержки рѣзмы и однообразной версификаціи.“

Съ Ферраномъ случилось то что произошло бы и со всякимъ другимъ французскимъ поэтомъ на его мѣстѣ: онъ пришелъ въ ужасъ. Повидимому онъ послалъ своему пылкому другу товарищескій выговоръ. Но Берлиозъ не унимается, и чрезъ два мѣсяца къ поэту летитъ новое письмо съ новыми аргументами противъ рѣзмы. Не нужно быть именно бульварнымъ тунеядцемъ чтобъ улыбнуться при видѣ этого увлеченія закусившаго удила и несущагося по дѣвственнымъ полямъ произвола.

„Подумайте что три четверти всего Шекспира написано бѣлыми стихами, что и Байронъ ими писалъ, что *Мессіада*,

эпическій chef-d'oeuvre нѣмецкаго языка, вся въ бѣлыхъ стихахъ; на дняхъ я прочелъ французскій переводъ Шекспирова *Юлія Цезаря* бѣлыми стихами и вислолько не почувствовалъ непріятнаго впечатлѣнія, хотя по вашему отзыву я ожидалъ что приду въ негодованіе.“

Итакъ потому что по-нѣмецки и по-англійски лишутся бѣлые стихи, они должны непременно явиться и на французскомъ языкѣ тоже. Но вѣдь по-нѣмецки склоняются существительныя; отчего ужъ кстату не придѣлать французскимъ существительнымъ разнообразныя окончанія для родительнаго и дательнаго падежей? Это все тотъ же Берліозъ что нѣсколькими годами позже требовалъ присутствія *тридцати* арфъ въ оркестрѣ; онъ отлично знаетъ изъ своихъ путешествій что тридцати арфистовъ играющихъ не кое-какъ, а съ нужною ему виртуозностью, не наберется во всей Европѣ; отъ него не скрыты ни историческія, ни бытовыя условія; но ему хочется бѣлыхъ стиховъ и тридцати арфъ въ одномъ и томъ же городѣ, и онъ требуетъ того и другаго.

Сколько разъ смѣялись надъ утопіями Вагнера, сколько разъ называли его сумасбродомъ! Но сумасбродство Вагнера начинается и кончается въ его книжкахъ; въ нихъ дѣйствительно наговорена масса вздора, отъюдь не нужнаго для успѣха *Тристана и Изольды* и въ концѣ концовъ безсильнаго повредить этому успѣху. На дѣлѣ творецъ *Нибелунговъ*—практическая натура, тонкій артистъ рекламы, смѣлый и безцеремонный эксплуататоръ людскаго энтузіазма и артистическаго безкорыстія. *Нибелунги* казались невозможными на бумагѣ: когда мы ихъ увидѣли на сценѣ, они потеряли ореолъ дерзновенной мечты и оказались во многихъ отношеніяхъ обыкновенною неудачей. Неосуществимъ только *идеалъ* Вагнера; практическія же дѣла его, или другими словами его оперы—всегда находятъ поддержку толпы, печати и моды, хотя нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ его обѣщаніями. Противъ этого противопоставленія можно возразить что вѣдь и Берліозъ въ настоящее время оказался *практикомъ*, если не для себя, то для гг. Паделу и братіи, которымъ онъ доставляетъ огромные сборы. Разница именно въ томъ что Вагнеръ, какъ натура болѣе поверхностная, сумѣлъ угодить или имплицитировать своимъ современникамъ, Берліозъ же потребовалъ подстоѣтія прежде чѣмъ проникнуть въ публику; разница въ томъ что Вагнеръ, не допускающій

танцевъ въ музыкальной драмѣ, для Парижа вставляла балеты въ своего *Тангейзера*; что онъ, нѣкогда въ Дрезденѣ строившій баррикады, кончилъ тѣмъ что писалъ хвалебныя октавы Баварскому королю; что Вагнеръ, словомъ, не останавливается ни предъ какимъ компромиссомъ гдѣ только заинтересовано его самолюбіе, тогда какъ Берліозъ во всемъ что касалось композиторской дѣятельности не только сознательно не сдѣлалъ ни одной уступки мнѣнію „знатоковъ“ или влеченію публики, но даже бессознательно, въ силу своей натуры, всегда избиралъ пути наиболѣе отдаленные отъ большихъ дорогъ, наиболѣе могшіе его приводить или къ „смѣшному“, или къ „скуднѣ“, или къ „уродливому“.

Я сейчасъ говорилъ что если Берліозъ проникъ въ публику то на это потребовалось постоластвіа. Слѣдуетъ прибавить что и проникъ-то онъ съ грѣхомъ пополамъ. Возьмемъ въ сравненіе Бетховена. Отъ Тильзита до Мюльгаузена, отъ Фризскихъ острововъ до Триеста вы не найдете ни одного Нѣмца который смѣлъ бы усомниться въ величіи Бетховена. Это было бы все равно что во Франціи отрицать Мольера или (въ послѣднее время) Виктора Гюго. Композиторы, произведенія которыхъ составляютъ самое явное и несомнѣнное отрицаніе Бетховенской традиціи, какъ только переимѣняютъ пятимотное на словесное, такъ сейчасъ же падаютъ ницъ предъ кумиромъ, вѣроятно не слишкомъ ими обоготворяемымъ во глубинѣ души. Такое отношеніе безспорно есть умственное рабство вдвойнѣ, тогда когда избранный кумиръ является фетишемъ въ родѣ Виктора Гюго. Но прежде чѣмъ устанавливается подобное рабство, нужно во всякомъ случаѣ чтобъ общественное мнѣніе энергически и безповоротно высказалось въ пользу подчиненія; культу лицемѣрному долженъ предшествовать культъ искренній. Во Франціи же можно и теперь глумиться надъ Берліозомъ вполне безнаказанно. Не такъ давно г. Жювсиеръ, композиторъ оперы *Dimi tri*, въ которой цыганскій хоръ поетъ *Лучинушку* въ быстромъ темпѣ и *staaccato*, изрекъ о творцѣ *Лелио* такой приговоръ:

„Берліозъ подобенъ неумѣльному повару, который, желая изобрѣсть новое кулинарное искусство, какъ попало бросаетъ въ кастрюлю всѣ припасы попадающіеся ему подъ руку, говоря себѣ: Можетъ-быть и не вкусно выйдетъ, но во всякомъ случаѣ нельзя будетъ отрицать оригинальность моей кухни, и непременно найдутся пресыщенные вкусы которымъ понравится ощущеніе никогда еще ими неиспытанное.“

Время идетъ быстро, и можетъ-быть телерь уже г. Жюксіеръ стыдится этихъ словъ; но фактъ тотъ что они все-таки были произнесены музыкантомъ вытѣшняго „молодаго“ поколѣнія.

Куріозно что при всей изолированности положенія Берліоза онъ все-таки попалъ въ члены академіи, не „Французской“ конечно, на кресло въ которой нѣсколько лѣтъ музыкальнаго фельетона и не давали ему права, но все же „института“, именно музыкальнаго отдѣла Академіи Изыщныхъ Искусствъ. Въ 1854 году онъ баллотировался одновременно съ Клялиссономъ, авторомъ нѣсколькихъ комическихъ оперъ и романсовъ, никому внѣ Франціи неизвѣстныхъ, и тутъ побѣдилъ Клялиссонъ! Но по крайней мѣрѣ два года спустя, по смерти Адольфа Адана, * Берліозъ былъ выбаллотированъ, хотя и не безъ борьбы: потребовалось не менѣе *четыре*хъ баллотировокъ. Музыкантовъ во Франціи всегда было очень мало, а число музыкальныхъ мѣстъ въ Академіи сравнительно велико. Вотъ почему изъ двухъ, трехъ сотъ писателей, пользующихся почетною извѣстностью, во Французскую Академію попадаетъ лишь небольшая часть, тогда какъ шесть или семь музыкантовъ сколько-нибудь замѣтныхъ *есть* безъ исключенія сидятъ въ Академіи Изыщныхъ Искусствъ; для пополненія комплекта по неволѣ прибѣгаютъ къ именамъ оппозиционнымъ и непопулярнымъ, какъ это было въ 1856 году съ Берліозомъ, или на нашихъ глазахъ съ г. Сень-Самсомъ.

Я распространялся о парадоксальности Берліоза и о томъ уединенномъ положеніи которое онъ вслѣдствіе своихъ вкусовъ и мнѣній долженъ былъ занять въ Парижѣ. Но я не имѣлъ при этомъ намѣренія представить это мнѣніе нѣкимъ кодексомъ безусловной справедливости, недоступнымъ музыкальной Франціи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, но за то усвоиваемымъ ею телерь. Даже независимо отъ безвредныхъ мечтаній въ родѣ тридцати арфъ въ оркестрѣ или бѣлыхъ стиховъ на французскомъ языкѣ, приходится сказать что критическая дѣятельность Берліоза, при всемъ его превосходствѣ надъ дюжанными строчилами въ родѣ Скюдо или Азеведо, при всей горячности и талантности его пера, была неспособна принести пользу, а если не была вредомъ, то вслѣдствіе малаго своего успѣха внѣ кружка избранныхъ. Антипатіи Берліоза

* Аданъ при разказанномъ сейчасъ случаѣ подавалъ голосъ не за Берліоза, а за Клялиссона.

были многочисленны и страстны какъ всё его чувства. Интересно знать предметы этихъ антипатій. Надобно признать, что въ этомъ отношеніи *Интимная Письма* даютъ намъ гораздо меньше матеріала чѣмъ вышедшіе десять лѣтъ тому назадъ *Мемуары*.

Изъ *Мемуаровъ* мы прежде всего черпаемъ глубочайшее презрѣніе къ Баху. „Если, сядя за фортепiano, пишетъ онъ г-нъ Луизъ Бертевъ, вы мнѣ сыграете какое-нибудь сочиненіе Себастьяна Баха, я способенъ обратиться въ бѣгство предъ его фугами и оставить васъ наединѣ съ его *Passions-musik*“ (*Mémoires*, стр. 289). Пріѣхавъ въ 1847 году въ Москву, онъ знакомится съ г. Рейнгартомъ и посѣщаетъ музыкальные классы Екатерининскаго института. Рейнгартъ въ простотѣ души заставляетъ ученицъ своихъ исполнить предъ знаменитымъ гостемъ концертъ Баха для трехъ фортепiano, „ce qui est fort grave, on en conviendra. Et pourtant leur maître, M. Reinhart, est un homme aimable, spirituel et bon musicien. Je suis même persuadé qu'en faisant exécuter ce morceau par ses élèves, il n'avait pas l'intention de m'être désagréable“ (*Mémoires*, стр. 415—416). Замѣтите притомъ что ненависть къ Баху совсѣмъ не происходитъ у него отъ ненависти къ фугированному стилю: Берлиозъ то и дѣло прибѣгаетъ къ этому стилю и въ *Фаустѣ*, и въ *Ромео и Джульеттѣ*, и въ *Гарольдѣ*, и въ *Дѣтствѣ Христа*, не говоря уже о *Te Deum*. Скорѣе можно сказать что эта ненависть уменьшилась и исчезла бы при менѣе поверхностномъ знакомствѣ съ предметомъ: однажды въ Берлинѣ у Берлиоза, по его собственному признанію, „духъ захватило“ отъ вступительнаго хора *Passions-musik*. „Я никакъ не ожидалъ такого могучаго гармоническаго порыва“ (*Mémoires*, стр. 308).

Нѣсколько свѣсивъ участь творца *Волшебной Флейты*. Несомнѣнно что, какъ *темпераменты*, Бахъ и Берлиозъ представляютъ больше аналогіи чѣмъ Моцартъ и Берлиозъ; у тѣхъ у обоихъ необузданная фантазія, роскошь средствъ, густота многоголосія, вѣчто мистическое и восторженное, чистое отсутствіе ясности, любовь къ рѣзкому диссонансу; это натуры сродныя Шекспиру. У Моцарта напротивъ идеальная ясность и законченность, необычайный культъ формы, вѣчто свободное отъ смутнаго тревоженія, примиренное и счастливое; это натура Пушкинская или Рафаэлевская. Какъ бы то ни было, *Мемуары* касаются Моцарта неоднократно

и въ томъ не всегда одинаковомъ. Завѣтная мысль Берліоза, или вѣрнѣе сказать, окончательное убѣжденіе его зрѣлаго возраста сказалось въ томъ же письмѣ къ гжѣ Бертенъ изъ котораго я уже привелъ шуточку надъ Бахомъ:

„Пора уже покончить съ этимъ поклоненіемъ Моцарту, оперы котораго похожи всѣ одна на другую, и *который своимъ красивымъ гладнокровіемъ наводитъ скуку и досаду!*“ (Мѣт., стр. 289).

Но на ряду съ этимъ есть и отзывы въ другомъ духѣ. Такъ въ описаніи своихъ юношескихъ восторговъ Глукомъ и Словатики (стр. 63—64) Берліозъ такъ извиняется что Моцартъ не былъ тогда его богомъ. „Les magnificences religieuses“ *Волшебной Флейты*, правда, возбудили въ немъ благоговѣніе; но онъ ихъ сначала де зналъ только въ искаженной французской передѣлкѣ, а подлинную партитуру прочелъ де лишь въ послѣдствіи въ бібліотекѣ консерваторіи; тогда лишь онъ вкусилъ „прелесть и нѣжную законченность“ драматической музыки Моцарта. Обо всей остальной музыкѣ Моцарта, о симфоніяхъ, квартетахъ и пр. мы во всѣхъ *Межуарахъ* тщетно искали бы хоть словечка. За то есть выходка мало сказать что оживленная, а бѣшеная, противъ послѣдней аріи донны Анны (въ *Донъ-Жуаннѣ*). Дѣло въ томъ что донна Анна на словѣ *sentir* дѣлаетъ фіоритуру. Это „ноты смѣшныя и до того возмутительныя по своему неприличію что отказываешься понять какъ они могли вырваться изъ-подъ пера такого человѣка... Я охотно отдалъ бы часть своей крови еслибъ я тѣмъ могъ вычеркнуть эту позорную страницу и нѣсколько другихъ въ томъ же родѣ, существованіе которыхъ по неволѣ признаешь въ его сочиненіяхъ“. Это писалось давно, можетъ-быть въ 1850 годахъ; затѣмъ позже, перечитывая свою рукопись, Берліозъ остался недоволенъ собою за излишнюю мягкость выраженій. Является подстрочное примѣчаніе. „Да и элитетъ *позорная* недостаточенъ для того чтобы заклеить эту страницу. Моцартъ совершилъ здѣсь противъ страсти, противъ чувства, противъ вкуса и противъ здраваго смысла одно изъ гнуснѣйшихъ и безумнѣйшихъ преступленій во всей исторіи искусства“.

Нельзя ожидать отъ критика столь мало чуткаго къ красотѣ Рафаэлевскаго рода сочувственнаго или просвѣщеннаго отношенія къ Моцарту XVI столѣтія, къ Палестринѣ. И дѣйствительно: восторженное поклоненіе Палестринѣ въ Берліозѣ возбуждаетъ только улыбку сожалѣнія.

„Эта чистая и спокойная гармонія погружаетъ васъ въ мечты величественныя прелести. Но эта прелесть—достояніе самой гармоніи, и мнимый геній композиторовъ тутъ не причемъ, если только можно назвать композиторами музыкантовъ цѣлый вѣкъ навизывавшихъ аккорды подобные слѣдующимъ (слѣдуетъ примѣръ) ... Можно пожалуй допустить что музыкантъ писавшій это руководствовался извѣстнымъ вкусомъ и умѣніемъ; но геній! Полноте пожалуста, не смѣшите меня!“ (*Mémoires*, стр 150—151).

Оставляя въ сторонѣ Моцарта, никогда не бывшаго во всеобщемъ пренебреженіи, можно сказать что относительно Баха и Палестрины потомство рѣшило споръ не въ пользу Берліоза. Если въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Берліозъ жилъ въ Римѣ и слушалъ Палестрину, еще можно было сомнѣваться относительно исхода дѣла, то во всякомъ случаѣ надобно признать что оно окончилось безповоротно еще при жизни Берліоза. Въ самомъ Парижѣ, на его глазахъ, князь Ней-де-ла-Москова, потомъ съ гораздо бѣльшимъ вооруженіемъ знанія Проске въ Регенсбургѣ, Грель и Белерманъ въ Верлихѣ и множество другихъ произвели въ музыкѣ реставраціонное движеніе аналогическое съ тѣмъ которое нѣсколько раньше повело къ возрожденію готической архитектуры на всемъ Западѣ: прежнее презрительное отношеніе къ дивнымъ памятникамъ религіозной и мистическо-восторженной эпохи исчезло, прежнее невѣжество болѣе и болѣе замѣнилось внимательнымъ и плодотворнымъ изученіемъ. Аналогія не полна въ томъ отношеніи что въ архитектурѣ XIX вѣка, кромѣ реставрацій и теоретическаго культа старины, появились и *новыя* произведенія въ стилѣ XIII и XIV столѣтій, готическіе соборы и ратуши, выросшіе на нашихъ глазахъ; въ музыкѣ же еще нѣтъ новыхъ композиторовъ à la Жоскинь, à la Габриели. Поэтому культъ готики въ музыкѣ, культу „строгаго стиля“, какъ его здѣсь называютъ, ограничивается исполненіемъ въ концертахъ композицій временъ Палестрины и печатаніемъ ихъ въ новыхъ изданіяхъ, то роскошныхъ, то дешевыхъ и общедоступныхъ. Какъ далеко зайдетъ это движеніе—трудно предсказать; но нѣкоторымъ симптомамъ, оно захватило даже и наше отечество, и я могъ бы назвать не одного молодого русскаго музыканта въ настоящее время въ тиши своего кабинета работающаго безъ помощи и руководителя надъ „строгимъ контралунктомъ“, въ свое время слишкомъ послѣшью, слишкомъ поверхностно,

слишкомъ не исторически преподанномъ ему въ консерваторіи. Какъ бы то ни было, но движеніе въ пользу Палестрины и Палестриновщины родилось въ Европѣ почти одновременно съ тѣми впечатлѣніями которыя Берліозъ вынесъ изъ Сикстинской капеллы; жизненность была не на сторонѣ высокоумнаго пренебреженія, и критическое чутье въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ въ дѣлѣ старинной музыки, измѣнило Берліозу.

Скажемъ прямо, не рабствуя предъ именемъ великаго артиста: Берліозъ былъ критикомъ одностороннимъ и узкимъ; ему недоставало той *Unbefangenenheit*, которая разсматриваетъ произведеніе независимо отъ своихъ собственныхъ творческихъ замысловъ: онъ, напротивъ, смѣясь надъ Бахомъ, бессознательно сравнивалъ его ораторію со своимъ будущимъ *Дѣтствомъ Христа*, и жалуясь на „скуку“ въ операхъ Моцарта, бессознательно сравнивалъ ихъ пластическую идеальность съ разнузданною оргіей *Бенвенуто Челлини* или *Троаццо въ Караганѣ*. Какъ смягчающее обстоятельство можно привести тотъ фактъ что артисты вообще пристрастные и односторонніе критики, несмотря на фельетонный талантъ которымъ музыканты очень часто бываютъ одарены. Вспомните сужденія Шумана о Мейерберѣ, вспомните нашу столь молодую, но столь обильную грѣхами и заблужденіями русскую музыкальную печать, и вы придете къ тому заключенію что скрытая отъ самого пишущаго, но всегда присущая ему забота о современныхъ операхъ и симфоніяхъ мѣшаетъ критической перспективѣ и искажаетъ линію видимаго объекта. Величайшій музыкальный критикъ, Эдуардъ Гавсликъ, не сочинилъ, сколько мнѣ извѣстно, и восьми тактовъ, а если сочинилъ, то тщательно спрятавъ отъ посторонняго взора, что по практическому результату одно и то же.

Но здѣсь самый недостатокъ есть послѣдствіе неразрывнаго съ нимъ преимущества. Творческіе художники плохіе судьи, но за то они творческіе художники. Не будемъ ходить къ Берліозу за поученіемъ объ относительной цѣнности Палестрины, Баха и Моцарта; но будемъ попрежнему, или лучше сказать чаще и внимательнѣе прежняго слушать и изучать его произведенія. Палестрину, Баха и Моцарта мы можемъ узвать и помимо *Мемуаровъ* знаменитаго музыканта; но никто кромѣ него не могъ намъ дать того изумительнаго ряда смѣлыхъ, странныхъ и чарующихъ произведеній, который начинается *Эпизодомъ изъ жизни артиста* и кончается *Троянцами*.

Если Берлиозъ мало сдѣлалъ для критики, то критика еще меньше сдѣлала для него. До сихъ поръ нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, ни одной сколько-нибудь полной и удовлетворительной характеристики Берлиоза. Читая критическіе отчеты, напримеръ хотя бы англійскихъ газетъ, о концертахъ и фестиваляхъ въ которыхъ даются цѣликомъ малоизвѣстныя и колоссальныя сочиненія, столь долго лежавшія подъ сѣдомъ, вы изумляетесь тому повидимому доброжелательному, но въ сущности равнодушному и невозмутимому тону которымъ говорится о произведеніяхъ ослѣпительной яркости, оглушительной силы, грознаго могущества. Повторяются все оди и тѣ же „клише“, общія мѣста примѣнимыя къ первому встрѣчному Шульце или Мейеру наравнѣ съ Берлиозомъ. Такъ напримеръ намъ говорятъ что Берлиозъ „расширилъ область инструментальной музыки внесеніемъ въ нее программного элемента“. Это невѣрно: программный элементъ въ инструментальной музыкѣ гораздо старѣ чѣмъ Баховское *Каприччио на отъездъ друга* и едва ли не ровесникъ самой инструментальной музыки; слѣды его можно найти даже въ классической древности. Еслибы *Герольдъ въ Италіи* былъ замѣчательнѣе только своею претенціей изобразить вѣчто байроническое, онъ не былъ бы замѣчательнѣе вовсе. Далѣе хвалятъ Берлиоза за прекрасную инструментовку. Но кто же во время Берлиоза инструментовалъ худо? Эффектная, богатая инструментовка есть и у Россини, и у Вебера, и у Мендельсона, и у Обера, и у Галеви, и у Годе, и у Мейербера, и у Глазки, и у Эркеля, и у Фелиціана Давида, и у Мовиошки, и у Рубинштейна, и у Вагнера, и у Амбруаза Тома, и у Франца Листа. Зачѣмъ безцѣлностью лексикона сваливать въ одну кучу авторовъ и произведенія не имѣющія между собою ничего общаго ни въ духѣ, ни въ формѣ? Это безсиліе критическаго языка, этотъ неуцѣльный и бездарный выборъ словъ мѣшаетъ разглядѣть индивидуальныя черты, возбуждаетъ въ одномъ представленіе о *Троизуазъ* какъ объ оперѣ на манеръ *Вильгельма Телля*, а въ другомъ представленіе о *Рамо* и *Джульеттѣ* какъ о симфоніи въ стилѣ *Lobsgang* Мендельсона.

Между тѣмъ не подготовленный, но и не сбитый съ толку никакою критическою мудростью слушатель, знакомясь съ новыимъ для него произведеніемъ Берлиоза, прежде всего испытываетъ чувство смущенія и изумленія, почти услуга. Ему

менѣ всего приходится въ голову свисходительно кивнуть головой: „и это де *тоже* очень порядочная симфонія, насколько не хуже Рейнеке“ или „и это де тоже звучный и разнообразный оркестръ, пожалуй погромче чѣмъ въ увертюрѣ къ *Вильгельму Теллю*“. Всѣ эти одобрительныя и милостивыя солоставленія кажутся ему неумѣстными и лошлыми. Онъ инстинктивно чувствуетъ что находится лицомъ къ лицу съ произведеніемъ небывалымъ и неслыханнымъ, что вступилъ въ новый и волшебный міръ. Такое ощущеніе должны были испытывать мореходцы XV столѣтія, въ первый разъ вступая на дѣвственную почву тролическихъ острововъ. Это не есть искусство строгое и цѣломудренное; это не есть послѣднее слово изящной формы; нѣтъ классической ясности, напротивъ, кругомъ роскошествуетъ, перелетается и колыхается богатая и безлокойная жизнь, обиліе ея образовъ дѣлаетъ ее запутанною, словно продираетесь сквозь лѣсную чащу, на каждомъ шагѣ пораженные яркостью цвѣтовъ и пряностью благоуханій, но все же испытывая нѣкоторое затрудненіе и нервное раздраженіе. Мелодіи длинны, нерѣдко причудливы по мотиву и съ непривычки кажутся какъ бы безсвязными; гармоническая каденція то и дѣло не совладаетъ съ ритмическою; аккомпанементъ сложенъ и густъ, нерѣдко даже тяжель; аккорды расположены самымъ непривычнымъ образомъ (то-есть сгущены въ нижней октавѣ); въ гармоніи преобладаетъ драматизмъ смѣлый и капризный, но употребленный съ тончайшимъ вкусомъ и неистощимымъ разнообразіемъ; педали развиты до исполнскихъ размѣровъ; особенно охотно употребляются *перележающіяся* педали въ верхнемъ или среднемъ голосѣ (маршъ лилигримовъ въ *Гарольдъ-офферторіа* въ *Реквиемѣ*); модуляція не дѣлаетъ никакой разницы между близкими и далекими тональностями, вслѣдствіе чего энгармоническія превращенія являются на каждомъ шагѣ. Я останавливаю свой перечень на этой точкѣ и съ намѣреніемъ не говорю ни слова объ инструментовкѣ, такъ какъ объ инструментовкѣ всего чаще говорятъ когда стараются характеризовать Берліоза, а я именно противъ этихъ-то удобныхъ клише и вооружаюсь. Съ другой стороны я очень хорошо сознаю что набранныхъ мною чертъ недостаточно чтобъ объять всю композиторскую технику Берліоза. Тѣмъ не менѣе я имѣю притязаніе довольствоваться ими для объясненія его духа.

Wer will was Lebendig's erkennen und beschreiben,
Sucht erst den Geist heraus zu treiben,
Dann hat er die Theile in seiner Hand,
Fehlt, leider! nur das geistige Band.

Самая полная и самая точная аналогія, какую только можно приискать, существуетъ между Берліозомъ и Шекспиромъ. Мысль эта принадлежитъ не мнѣ: она была высказана еще Лобе въ пятидесятыхъ годахъ, въ его *Fliegende Blätter*. Аналогія простирается до того что и Шекспиръ не ушелъ отъ участи найтти критика, похвалившаго его за отменный здравый смыслъ, ясную логику и безупречное поведеніе. Есть же люди до того умѣренные и аккуратные что продолжаютъ толковать обо всемъ этомъ въ виду разъяреннаго горнаго потока, уносящаго столѣтніе дубы какъ щепки!

Можетъ-быть я слѣплъ къ тѣмъ геометрическимъ красота́мъ, къ тому казарменному порядку, которыми тѣные господа восхищаются въ Шекспирѣ и Берліозѣ, но я рѣшительно не могъ до сихъ поръ ихъ отккрыть ни въ томъ, ни въ другомъ художникѣ. Признаться, мнѣ въ нихъ нравятся качества какъ разъ противоположнаго свойства. Могучая стихійная сила полетъ дерзкой фантазіи, страстный темпераментъ, неистощимое богатство образовъ, сказочная расточительность, оргія красокъ, оргія звуковъ, оргія словъ, вѣчто гиперболическое, чрезвычайное, странное и невыразимо-чарующее—вотъ что ослѣпляетъ и приловываетъ меня тамъ, гдѣ литературные и музыкальные Гервиусы усматриваютъ наоборотъ образцовый порядокъ и примѣрную дисциплину.

Г. ЛАРОШЪ.

ЗАМѢТКА КЪ ОДѢ „ФЕЛИЦА“

ВЪ ИЗДАНИИ СОЧИНЕНІЙ Державина

Вслѣдъ за одою *Фелица* издатель сочиненій Державина академикъ Я. К. Гротъ (*Соч. Державина*, 1864, т. I, стр. 150) помѣстилъ приложение къ одѣ подъ заглавіемъ: „Эскизъ первоначально задуманной оды къ Екатеринѣ“, снабдивъ этотъ эскизъ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Этотъ эскизъ найденъ нами въ бумагахъ Державина и написанъ на особомъ листкѣ собственною его рукой; судя по характеру почерка, онъ относится еще къ семидесятымъ годамъ. Весьма замѣчательнъ выраженный въ немъ взглядъ Державина на отношеніе его, какъ поэта, къ Екатеринѣ и на долю искренности въ похвалахъ сильнымъ. Это какъ бы авторская исповѣдь *гнѣва Фелицы*.“

Но къ сожалѣнію, этотъ *Эскизъ* едва ли можетъ имѣть важное значеніе для опредѣленія личности Державина и его отношенія какъ поэта къ Екатеринѣ. Во всякомъ случаѣ смотрѣть на него какъ на авторскую исповѣдь *гнѣва Фелицы* и видѣть въ немъ наброски первоначально задуманной оды невозможно, такъ какъ онъ лишень всякой оригинальности. Этотъ *Эскизъ* есть не что иное какъ почти подстрочный переводъ *Discours au roi* Буало, причемъ Державинъ выпустилъ болѣе половины *Discours* и замѣнилъ обращеніе Буало къ Лудовику XIV обращеніемъ къ Екатеринѣ. Для наглядности помѣщаемъ какъ набросокъ Державина, такъ и *Discours au*

роі; тѣ мѣста послѣдьяго которыя взяты Державинымъ печатаются курсивомъ.

I. Набросокъ Державина:

„Ты, которая одна, безъ помощи министровъ, по примѣру боговъ, держишь все своею рукою и видишь все своими глазами!

„Великая государыня, если я до сихъ поръ изъ благоразумія пребывалъ въ почтительномъ молчаніи и тебя не хвалилъ такъ это не отъ того чтобъ мое сердце колебалось вскурить тебѣ должный гимнъ; но я мало умѣю хвалить и моя трепещущая муза убѣгаетъ столь чрезмѣрной тягости и не будучи въ силахъ говорить достойно о твоихъ великихъ дѣлахъ, боится, коснувшись твоимъ лаврамъ чтобъ ихъ не засушить.

„Я не осмѣляюсь тщетнымъ желаніемъ и умѣраю мой полетъ по моимъ слабымъ силамъ, и моимъ молчаніемъ разумнѣе тѣхъ отважныхъ смертныхъ, которые недостойною жертвою оскверняютъ твои алтари, которые въ семь полѣ куда ихъ корысть заводитъ, безъ силъ и духа смѣютъ лѣтъ твое имя и которые всякій день безобразнымъ голосомъ наводятъ тебѣ скуку, разказывая тебѣ о собственныхъ твоихъ дѣлахъ.

„Я не дерзаю опорочивать въ нихъ желаніе тебѣ нравиться; но къ чему, не имѣвъ силъ, безъ пользы трудиться и, тебя не похваляя, себя лишь обезславить.

„Чтобъ плестъ хвалы, то должно быть Виргилію.

„Я не могу богамъ не имѣющимъ добродѣтели привносить жертвы и никогда и для твоей хвалы не скрою моихъ мыслей, и сколь твоя власть ни велика, но еслибы въ семь мое сердце не согласовалось съ моими устами, тобѣ никакое награжденіе и никакія причины не вырвали бъ у меня ни слова къ твоей похвалѣ.

„Но когда я тебя вижу съ благороднымъ жаромъ трудящуюся въ исполненіи твоей должности, приводящую въ стыдъ государей, труда трепещущихъ и которыхъ тягость короны угнетаетъ; когда я тебя вижу разумными распоряженіями обогащающую твоихъ подданныхъ, гордость неприітелей ногами попирающую, намъ море отверзающую и твоихъ храбрыхъ воиновъ слослѣшествующихъ твоимъ намѣреніямъ и твоему великому сердцу все подъ власть орла покоряющихъ; Россію подъ твоею державою счастіемъ управляющую и наши корабли Нелтува презирающихъ и досягающихъ мѣсть откуда солдце бѣгъ своей простираетъ: тогда не спрашивая нравится ль

то Аполлону, моя муза въ жару меня предупреждаетъ и тебя хвалить.“

II. Discours au roi, Буало.

Jeune et vaillant héros, dont la haute sagesse
 N'est point le fruit tardif d'une lente vieillesse,
 Et qui seul, sans ministre, à l'exemple de dieux,
 Soutiens tout par toi-même, et vois tout par les yeux,
 Grand roi, si jusqu'ici par un trait de prudence,
 J'ai demeuré pour toi dans un humble silence,
 Ce n'est pas que mon cœur, vainement suspendu,
 Balance pour t'offrir un encens qui t'est dû:
 Mais je sais peu louer, et ma muse tremblante
 Fuit d'un si grand fardeau la charge trop pesante,
 Et dans ce haut éclat où tu te viens offrir,
 Touchant à tes lauriers, craindrait de les flétrir.
 Ainsi, sans m'aveugler d'une vaine manie,
 Je mesure mon vol à mon faible génie:
 Plus sage en mon respect que ces hardis mortels
 Qui d'un indigne encens profaument tes autels;
 Qui dans ce champ d'honneur, où le gain les amène,
 Osent chanter ton nom sans force et sans haleine;
 Et qui vont tous les jours, d'une importune voix,
 T'ennuyer du récit de tes propres exploits.
 L'un, en style pompeux habillant une élogue,
 De ses rares vertus te fait un long prologue,
 Et mêle, en se vantant soi-même à tout propos.
 Les louanges d'un fat à celles d'un héros.
 L'autre, en vain se lassant à polir une rime,
 Et reprenant vingt fois le rabot et la lime,
 Grand et nouvel effort d'un esprit sans pareil
 Dans la fin d'un sonnet te compare au soleil.
 Sur le haut Helicon leur veine méprisée
 Fut toujours des neuf Sœurs la fable et la risée.
 Calliope jamais ne daigna leur parler,
 Et Pégase pour eux refuse de voler.
 Cependant à leur voir, enflés de tant d'audace,
 Te promettre en leur nom les faveurs du Parnasse,
 On dirait qu'ils ont seuls l'oreille d'Apollon,
 Qu'ils disposent de tout dans le sacré vallon:
 C'est à leurs doctes mains, si l'un veut les en croire.
 Que Phébus a commis tout le soin de ta gloire;
 Et ton nom, du midi jusqu'à l'ourse vanté
 Ne devra qu'à leurs vers son immortalité.

Mais plutôt, sans ce nom, dont la vive lumière
 Donne un lustre éclatant à leur veine grossière,
 Ils verraient leurs écrits, honte de l'univers,
 Pourrir dans la poussière à la merci des vers.
 A l'ombre de ton nom ils trouvent leur asile.
 Comme on voit dans les champs un arbrisseau débile,
 Qui, sans l'heureux appui qui le tient attaché,
 Languirait tristement sur la terre couché.
Ce n'est pas que ma plume, injuste et téméraire,
Veuille blâmer en eux le dessein de te plaire;
 Et parmi tant d'auteurs, je veux bien l'avouer,
 Apollon en connaît qui te peuvent louer;
 Oui, je sais qu'entre ceux qui t'adressent leurs veilles,
 Parmi les Pelletiers on compte des Corneilles.
Mais je ne puis souffrir qu'un esprit de travers,
Qui pour rimer des mots, pense faire des vers,
Se donne en te louant une gêne inutile;
Pour chanter un Auguste, il faut être un Virgile:
 Et j'approuve les soins du monarque guerrier
 Qui ne pouvait souffrir qu'un artisan grossier
 Entreprit de tracer, d'une main criminelle,
 Un portrait réservé pour le pinceau d'Apelle.
 Moi donc, qui connais peu Phébus et ses douceurs
 Qui suis nouveau sevré sur le mont des neuf Soeurs,
 Attendant que pour toi l'âge ait mûri ma muse,
 Sur de moindres sujets je l'exerce et l'amuse:
 Et tandis que ton bras, des peuples redouté,
 Va, la foudre à la main, rétablir l'équité,
 Et retient les méchants par la peur des supplices,
 Moi, la plume à la main, je gourmande les vices;
 Et, gardant pour moi-même une juste rigueur,
 Je confie au papier les secrets de mon cœur.
 Ainsi, dès qu'une fois ma verve se réveille,
 Comme on voit au printemps la diligente abeille
 Qui du butin des fleurs va composer son miel,
 Des sottises du temps je compose mon fiel:
 Je vais de toutes parts où me guide ma veine,
 Sans tenir en marchant une route certaine;
 Et sans gêner ma plume en ce libre métier,
 Je la laisse au hasard courir sur le papier.
 Le mal est qu'en rimaient ma muse, un peu légère,
 Nomme tout par son nom, et ne saurait rien taire.
 C'est là ce qui fait peur aux esprits de ce temps,
 Qui tout blancs au dehors, sont tout noirs au dedans:

Ils tremblent qu'un censeur, que sa verve encourage,
 Ne vienne en ses écrits démasquer leur visage,
 Et, fouillant dans leurs moeurs en toute liberté,
 N'aille du fond du puits tirer la vérité
 Tous ces gens, éperdus au seul nom de satire,
 Font d'abord le procès à quiconque ose rire:
 Ce sont eux que l'on voit, d'un discours insensé,
 Publier dans Paris que tout est renversé,
 Au moindre bruit qui court qu'un auteur les menace
 De jouer des bigots la trompeuse grimace;
 Pour eux un tel ouvrage est un monstre odieux,
 C'est offenser les lois, c'est s'attaquer aux cieux:
 Mais, bien que d'un faux zèle ils masquent leur faiblesse,
 Chacun voit qu'en effet la vérité les blesse:
 En vain d'un lâche orgueil leur esprit revêtu;
 Se couvre du manteau d'une austère vertu;
 Leur coeur, qui se connaît, et qui fuit la lumière,
 S'il se moque de Dieu, craint Tartufe et Molière.
 Mais pourquoi sur ce point sans raison m'écarter?
 Grand roi, c'est mon défaut, je ne saurais flatter;
 Je ne sais point au ciel placer un ridicule,
 D'un nain faire un Atlas, ou d'un lâche un Hercule;
 Et, sans cesse en esclave à la suite des grands,
 A des dieux sans vertu prodiguer mon encens
 On ne me verra point, d'une veine forcée,
 Même pour te louer déguiser ma pensée;
 Et, quelque grand que soit ton pouvoir souverain,
 Si mon coeur en ces vers ne parlait par ma main,
 Il n'est espoir de biens, ni raison, ni maxime,
 Qui put en ta faveur m'arracher une rime.
 Mais lorsque je te vois, d'une si noble ardeur,
 T'appliquer sans relâche aux soins de ta grandeur,
 Faire honte à ces rois, que le travail étonne,
 Et qui sont accablés du faix de leur couronne;
 Quand je vois ta sagesse, en ses justes projets,
 D'une heureuse abondance enrichir les sujets;
 Fouler aux pieds l'orgueil et du Tage et du Tibre,
 Nous faire de la mer une campagne libre,
 Et tes braves guerriers, secondant ton grand coeur,
 Rendre à l'aigle éperdu sa première vigueur;
 La France sous tes lois maîtriser la Fortune,
 Et nos vaisseaux, domptant l'un et l'autre Neptune,
 Nous aller chercher l'or, malgré l'onde et le vent,
 Aux lieux où le soleil le forme en se levant:

*Alors, sans consulter si Phébus l'en avoue,
Ma muse tout en feu me prévient et le loue.
Mais bientôt la raison arrivant au secours
Vient d'un si beau projet interrompre le cours,
Et me fait concevoir, quelque ardeur qui m'emporte,
Que je n'ai ni le ton, ni la voix assez forte.
Aussitôt je m'effraye, et mon esprit troublé
Laisse là le fardeau dont il est accablé;
Et, sans passer plus loin, finissant mon ouvrage,
Comme un pilote en mer, qu'épouvante l'orage.
Dès que le bord paraît, sans songer où je suis,
Je me sauve à la nage, et j'aborde où je puis.*

Л

ЗАКОНЫ СТИХА

РУССКАГО НАРОДНАГО И НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО

I.

Сущность обыденной рѣчи, прозы—логическое сочетаніе словъ; сущность поэтической рѣчи, стиха—сочетаніе словъ логическое и вмѣстѣ музыкальное.

Простая прозаическая рѣчь также естественно-необходима человѣку какъ и хлѣбъ насущный; но,—не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ,—и гармоническая рѣчь стихотворная всегда была, есть и будетъ его живою, душевною потребностью.

Какъ у cadaго самобытнаго народа есть свой языкъ,— для чего необходима кромѣ общей еще и частная, своя логика,—такъ есть и своя музыка; а при своей логикѣ и музыкѣ должно и логико-музыкальное сочетаніе слово выйти свое; у самобытнаго народа долженъ и стихъ быть свой.

Но столь же свой, ни болѣе ни менѣе, какъ и языкъ и музыка. И что, следовательно, общаго въ языкахъ и музыкѣ всѣхъ народовъ, то же неперемѣнно есть и должно оказаться общаго и въ стихѣ *Ильи Муромца*, *Эдды*, *Илиады*, *Магабарты*, *Псалмовъ*.... А именно что же? Все то почему стихъ есть стихъ; какъ и между березой и пальмой общаго все то почему дерево есть дерево.

Сколько ни многочисленны и своеобразны характерныя видоизмѣненія стиха по народамъ и по вѣкамъ, идеаль всегда и про всѣхъ одинъ: прямое совершенство, именно этого основнаго и вѣчнаго, а никакъ не относительное совершенство временнаго, мѣстнаго и пожалуй произвольнаго.

Въ чемъ же прямое совершенство логическаго и вмѣстѣ музыкальнаго сочетанія словъ; или, короче, какой идеаль стиха? Конечно тотъ стихъ коего оба элемента, какъ логическій такъ и музыкальный, являются каждый во всей своей силѣ и оба въ полной между собой гармоніи.

Достичь идеала не дано человѣку; но относительная близость къ идеалу и есть, по моему, единственный вѣрный критерій котораго надлежитъ держаться будетъ ли рѣчь о своемъ или чужомъ стихѣ.

Въ постоянномъ сравненіи съ русскимъ народнымъ стихомъ буду я держать современный стихъ нашихъ, а вмѣстѣ и нѣмецкихъ писателей, отъ нихъ перенятый и введенный въ нашу литературу Ломоносовымъ. Называется стихъ у насъ, нѣсколько сбивчиво: обыкновенно тоническимъ, но Востоковъ зоветъ его метрическимъ, а Классовскій тонико-метрическимъ; тоническимъ же они, а также Даль, называютъ русскій народный стихъ, отличая его, хотя и весьма неопредѣленно, отъ вышшняго литературнаго стиха нашего.

Согласно общепринятому употребленію я буду называть греко-латинскій стихъ, если случится о немъ упоминать, метрическимъ; современный же литературный нашъ и нѣмецкій — тоническимъ. Народный стихъ самъ себѣ имя русскій.

Не столь постоянно какъ современный, тоническій, но гдѣ придется, буду брать въ сравненіе и прежній, первый литературный стихъ нашъ, лѣтъ за сто до Ломоносова перенятый нашими писателями отъ польскихъ, а ими усвоенный изъ латинской Европы. Этотъ, съ Ломоносова отставной у насъ стихъ, называется силлабическимъ.

Изучить и опредѣлить всѣ развитыя Русскимъ народомъ эпическія и лирическія формы стиха — дѣло, мнѣ кажется, едва ли еще исполнимое, за неимѣніемъ, по нѣкоторымъ отраслямъ эпической и особливо лирической народной поэзіи, удовлетворительныхъ сборниковъ, хорошо составленныхъ и вѣрно записанныхъ. Но угадать *основныя законы*, общіе

всѣмъ нашимъ стихотворнымъ формамъ, и указать примѣненіе этихъ законовъ пока къ одной, но, по счастью, самой совершенной изъ стихотворныхъ формъ Русскаго народа, къ *главной былинной формѣ*,—вотъ что, кажется мнѣ, возможно и теперь уже, благодаря послѣднему, истинно замѣчательному труду покойнаго А. Э. Гильфердинга, его из ряду вонъ богатому и отлично, впервые надежно записанному сборнику Онежскихъ былинъ. Въ поддержку и въ дополненіе при этихъ указаніяхъ можетъ съ большою пользою послужить почти одновременно появившійся и тоже чрезвычайно удачно записанный сборникъ Е. В. Барсова: *Причитанья сѣвернаго края* *.

Затѣмъ уже если придется обращаться къ старшимъ, по времени изданія, сборникамъ Рыбникова, Кирѣевскаго, Кирши Данилова, то развѣ отрицательно, дабы случать результаты хорошаго и плохаго способовъ записыванія народнаго стиха.

Что я называю надежно-записаннымъ и почему ставлю сборникъ Гильфердинга въ этомъ, какъ впрочемъ и во всѣхъ отношеніяхъ, такъ исключительно высоко надъ остальными, лучше всего объяснить выпиской изъ разказа самого собирателя о томъ какимъ способомъ записывался имъ этотъ сборникъ.

„Абрамъ Евтихievъ“, говоритъ Гильфердингъ, „сталъ мнѣ лѣтъ свои былинны, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за нами по печатному тексту, я былъ пораженъ разницей не въ содержаніи разказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ. Когда же лѣлъ Абрамъ Евтихievъ, то у него ясно слышался не только музыкальный кадансъ налѣва, но и тоническое столосложеніе стиха. Я рѣшился записать былинну вновь; сказатель вызвался сказать мнѣ ее „словесно“ безъ налѣва и говорилъ что онъ уже привыкъ „словесно“ передавать свои былинны тѣмъ которые прежде ихъ у него „списывали“. Я началъ „списывать“ былинну о Михайлѣ Потоцкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубленая проза въ родѣ той

* Сборникъ Гильфердинга записанъ лѣтомъ 1871, изданъ въ 1873. Сборникъ Барсова записанъ въ 1867, изданъ въ 1872, къ сожалѣнію, до сихъ поръ только первая часть: Плачи похоронныя.

какою эта былина напечатана была въ *Олонекскихъ Вѣдомостяхъ* и потомъ перешла въ *Сборникъ* Рыбникова. Я попытался было перелавить эту рубленую прозу въ стихъ, заставивъ сказателя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что сказатели каждый разъ мѣняютъ нѣсколько изложеніе былинны, переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выраженія. Прислушиваясь нѣсколько дней къ первымъ встрѣчнымъ сказателямъ и напрасно пробишисъ съ ними чтобы записать былинку совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра какимъ она поется, я попробовалъ приучить своего спутника-ралсода пѣть, а не пересказывать только словами былинку съ такою разстановкой между каждымъ стихомъ чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихіеву, и я рѣшился записать вновь его былинны. Налѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который, при передачѣ сказателемъ былинны словами, тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и сліянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же приемъ употреблялъ я въ послѣдствіи и со всеми другими сказателями, и онъ мнѣ удавался почти всегда.*

При этомъ Гильфердингъ внимательно отмѣчалъ всѣ, или по крайней мѣрѣ очень многія, необычныя ударенія въ словахъ, не какія-нибудь областныя, мѣстныя,—это бы намъ не важно,—а явно произвольныя авторскія ударенія, измѣняемыя очевидно стиха ради; ибо, напримѣръ, два раза сряду въ одномъ и томъ же словѣ ударяетъ пѣвецъ разъ на такой-то слогъ, другой разъ на другой:

Ты зачѣмъ меня несчастнаго спородила
Спородила бы, родитель моя матушка.

(Калининъ, въ былинѣ о Добрынѣ).

Когда будешь ты на матушкѣ святой Руси,
Да ѿ будешь когда у князя у Владиміра.

(Рябининъ, въ былинѣ о Дюкѣ).

Легко намъ читать у Пушкина и безъ означенныхъ удареній, не залинаясь:

Глазами страшный призракъ мѣрилъ
.....
Богатыря призракъ огромный.

* *Сборн.* Гильферд., стр. 32.

Законы тонического стиха мы заучивали еще въ классной, а къ четырехстопному ямбу *Руслана и Людмилы* привыкли еще съ дѣтской. Но представьте себѣ что вы про ямбическій размѣръ знаете столько же сколько наши теоретики, не исключая и новѣйшихъ, знаютъ про размѣръ былиннаго и вообще русскаго стиха, то-есть въ сущности ничего, а надобно вамъ найти схему этихъ двухъ стиховъ Пушкина. Вы ударяете по обыкновенному, да какъ и самъ Пушкинъ въ первомъ стихѣ ударялъ, и схема втораго стиха выходитъ у васъ

Богатыря *призракъ* огромный

υ υ υ υ —, — υ, υ — υ

опредѣляя по удареніямъ, трехстопная, изъ пѣона четвертаго (υ υ υ —), хорей (— υ) и амфибрахія (υ — υ); или, пожалуй, изъ пѣона четвертаго (υ υ υ —), дактиля (— υ υ) и хорей (— υ). Не зная секрета, то-есть особаго про этотъ случай, произвольнаго авторскаго ударенія, возможно ли въ этихъ, сплошь разношерстныхъ стопахъ, безъ единой ямбической стопы, угадать размѣръ такой же какъ и предыдущаго стиха, ямбическій? Не угадать конечно было бы слишкомъ наивно. Такъ вотъ вамъ примѣръ какъ и кто можетъ не угадать и къ какимъ выводамъ придти чрезъ то.

В. И. Классовскаго параллельное изложеніе версификаціи метрической (греко-латинской), силлабической (французской и нашей до-Ломоносовской) и, что я называю, тонической (современной нашей и нѣмецкой литературной), конечно одно изъ лучшихъ руководствъ у насъ по этому предмету. * Ну, какъ, кажется, не отличить тоническаго стиха отъ силлабическаго, притомъ специалисту и знатоку дѣла? А вотъ что между тѣмъ говоритъ г. Классовскій: „Въ духовныхъ нашихъ училищахъ, ** силлабическая версификація держалась отчасти еще во времена Карамзина, какъ это доказывается существованіемъ хотя слѣдующей силлабической „эпиграммы“ въ 1789 году.“ В. И. Классовскій читаетъ съ обыкновенными удареніями во всѣхъ словахъ:

Какъ говорить Платонъ, *надлежитъ* всѣмъ *внимать*;

Когда онъ дѣйствуетъ, *надлежитъ* подражать,

и стихи въ самомъ дѣлѣ выходятъ силлабическіе. Но прочтите съ авторскимъ удареніемъ:

* В. И. Классовскій, *Версификація*, Спб. 1863.

** *Версификація*, стр. 35.

Какъ говорить Платонъ, надлежитъ всѣмъ внимать,
 Когда онъ дѣйствуетъ, надлежитъ подражать,
 Кто слушаетъ его, разумнымъ тотъ бываетъ;
 Кто слѣдуетъ ему, тотъ Богу угождаетъ.

Выходитъ шестистопный ямбъ, тоническій стихъ, или тонико-метрическій, по номенклатурѣ Классовскаго. Единственная затѣмъ неправильность въ этомъ четверостишии: первая стопа перваго стиха, хорей вмѣсто ямба; хорей впрочемъ легкій, ибо большаго ударенія на словѣ *какъ* тутъ нѣтъ. Но вѣдь хореевъ да еще и сильныхъ иногда вмѣсто ямбовъ не оберется и у Пушкина:

Кто ни умрётъ, я всѣхъ убиѣца тайный:
 Я ускорилъ Феодора кончину,
 Я отравилъ свою сестру-царицу.

Примѣръ разительный: стоило въ одноѣ словѣ не попасть на авторское удареніе и стихъ рѣшительно тоническій показался ему, да и въ самомъ дѣлѣ сталъ въ его чтеніи, силлабическимъ. Такъ могъ бы прозою показаться и стихъ Пушкина, отдѣльно взятый и прочитанный съ обыкновенными удареніями:

Богатыря *призракъ* огромный,

Или еще явнѣе:

Пустой и гибельный *призракъ*,

вѣдь чистая проза.

То же и съ нашимъ народнымъ стихомъ. Всякому незнающему что иной разъ должно выговаривать *спородила*, *спородила*, или даже *спородилл*, ибо выговаривается *родилл*, и никогда не выговаривающему *будѣшь* вмѣсто *будеши*, почти необходимо прийти къ убѣжденію къ какому и пришелъ К. С. Аксаковъ: „Наша русская лѣсня, то-есть народная, и именно богатырская, не есть, говоритъ онъ, определенное стихотвореніе и не имѣетъ определеннаго метра отдѣляющаго ее отъ прозы. Между русскою прозою и русскимъ стихомъ нѣтъ ярко проведеннаго рубежа, какъ то встрѣчается у другихъ народовъ *. У нашего народа стиховъ собственно нѣтъ“. **

* Сочиненія К. А. Аксакова, М. 1861, т. 1, стр. 333, въ статьѣ „Богатыри время В. К. Владиміра“.

** Тамъ же, стр. 404, въ статьѣ: „О различіи между сказками и лѣснями русскими“.

И въ самомъ дѣлѣ, если, напримѣръ, слѣдующія у него приведенныя цитаты * читать какъ въ то время печатали, никакихъ удареній не означая, а читали, само собой разумѣется, все сплошь съ обычными, да еще съ литературно-обычными удареніями:

И на рускіе могучіе богатыри
 Не бывать Илья въ чистомъ полѣ побитому.
 Нагулялся ты Добрыня во чистомъ полѣ.
 А отъ меньшаго ему князю отвѣта нѣтъ.
 А и жловать собака не изорѣется.

Въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что „у нашего народа стиховъ собственно нѣтъ“. Но конечно, если читать какъ теперь въ Гильфердинговомъ сборникѣ десятки и сотни разъ обозначены ударенія этихъ словъ:

И на русскіе могучіе богатыри.
 Не бывать Илья въ чистомъ - полѣ побитому.
 Нагулялся ты Добрыня во чистомъ - полѣ.
 А отъ меньшаго ему князю отвѣта нѣтъ.
 А и *ж*ловать собака не изорѣется...

выходить совсѣмъ иное.

Гдѣ прежде и произнося слова по обыкновенному, мы какъ разъ нарушили бы стихъ и вычитали бы совершенную прозу:

А-и то не люблю мнѣ мѣстечко подлѣ тебя.
 Да подъ дорогимъ подъ зеленымъ подъ стамѣтомъ,

теперь, по выставленнымъ знакамъ, наглядно узнаемъ какъ авторъ-народъ велитъ произносить эти стихи:

А-и то не-любю мнѣ мѣстечко подлѣ-тебя.
 (Въ был. Рябинина о Добрынь и Козариновѣ).
 Да подъ *д*орогимъ подъ *з*еленымъ подъ *с*тамѣтомъ.
 (Въ был. Пѣромскаго о Чурилѣ).

И другія стихотворныя вольности нашихъ пѣвцовъ не менѣе авторскаго ударенія важныя въ стиховомъ разчетѣ, также пренебреженныя прежними собирателями, уловилъ и передаетъ намъ Гильфердингъ. Напримѣръ, сокращеніе гласной стиха ради:

Говорила палевица и горько плакала.
 Услыхалъ его добрый конь да во чистомъ-полѣ.
 То онъ не вѣтвшкой кормилъ ихъ да сахарною...

* Въ разныхъ мѣстахъ первой изъ названныхъ статей, написанныхъ обѣ въ пятидесятыхъ годахъ.

и обратное явленіе, возстановленіе краткой гласной, стиха ради, въ полнуюю:

Вокругъ носика-то носа яздѣмъ кати.
У него вѣдь есте много да князей-боаръ.
Да живеть-то добрый молодецъ другомъ годъ.

Или удвоенные гласной, какъ воспомятые окончаній въ прилагательныхъ:

Не видалъ ли ты ударивъ богатырскиихъ.
Дай кололъ бы ты его да копьемъ вострыимъ.¹

Это явленіе, столь важное въ слоговомъ разчетѣ стиха, передавалось изъ пятого въ десятое и у прежнихъ собирателей, теперь у Гильфердинга, уловлено и передано, кажется безуронно.

Въ сборникѣ Е. В. Барсова ударенія обозначены очень бѣдно; о сокращеніи и т. л. гласныхъ и говорить нечего; удвоенныя въ прилагательныхъ, что ни самыя обыкновенныя, и тѣ переданы съ неточностями, иногда разительными. Записывалъ Е. В. Барсовъ по старому способу, пословесно; къ тому же лучшія три четверти сборника записаны имъ отъ Ирины Федосовой въ мастерской мужа ея, плотника, при шумѣ и стукѣ рабочихъ, какъ рассказываетъ собиратель; * да и сама Ирина то и дѣло развлекалась хозяйственными хлопотами. Ирина, по словамъ собирателя,—женщина лѣтъ 50, съ богатыми силами души и въ высшей степени поэтическимъ настроеніемъ. Тринадцати лѣтъ была она уже волевицей, извѣстною по всему Заонежью. Я грамотой не грамотна, говоритъ собирателю сама про себя Ирина,—за то я ламатью памятна. Гдѣ что слышала, лѣсно ли, сказку ли какую; пришла домой, все рассказала, будто въ книгѣ затвердила. Съ малолѣтства любила я слушать причитанья. Разумѣется. Ирина, какъ и никто на свѣтѣ, не можетъ знать къмъ именно сочинены тѣ изъ ея причитаній отъ которыхъ такъ и обдаеть васъ старо-древнимъ духомъ Руси еще дохристіанской. Но жаль что не допросилъ собиратель у Ирины, не извѣстно ли ей къмъ сочинены новые эпизоды ея причитаній, а иногда и цѣлыя причитанья, напримѣръ, о томъ какъ мировой посредникъ притѣсненіями замучилъ и уморилъ сельскаго старосту**.

Мнѣ возразятъ: мировой посредникъ тутъ не просто ли

* Сборн., стр. 314.

** Плачъ 20й о старостѣ.

слово новое; самый же фактъ и личность чиновника міроѣда вѣковѣчно давленіе на Русь. Про какихъ лодыжчихъ, про какихъ тиуновъ нельзя было сказать того же что тутъ сказывается про мирового посредника?

Но можно указать вамъ на другой фактъ изъ Ирининыхъ причитаній: * у крестьянина уламо съ лавки дитя и убилось до-смерти. Онъ боится

Не провѣдали-бъ судьи неправосудные
Про его бѣду-невзгоду про великую,

и бѣжить за совѣтомъ къ полу отцу духовному.

Уже вѣтъ да такова пола не видано,

даеть полъ крестьянину рукописанье, будто дитяtko хворало и было предъ смертію исповѣдало;

Уже этой онъ бумагой оправдается.

И точно, провѣдали: являются къ крестьянину разные „міроѣды гололузные“ стращаютъ его да „полохають“:

Довесемъ де мы начальству про то вышнему.

Не провало и полово рукописаніе; драма завязалась было туго, но вдругъ:

Ты купи намъ полуштофъ да сладкой водочки,
Уже дай да золотой казны по надобью;
Тутъ повѣримъ мы полу отцу духовному,
Мы забросимъ всѣ дѣла да уголовныя.

И замаясь опускается при появленіи полуштофа. Эта возможность судомъ начальства судить родителей за бѣду, за приключившееся по волѣ Божіей надъ ихъ дѣтищемъ, хоть даже за нерадѣніе ихъ о дѣтищѣ,—похоже ли это на древнюю Русь?

Убило крестьянина грозой ** въ полѣ, подъ деревомъ. Къ тѣлу приставили караулъ; дали знать становому. Въ ожиданіи пріѣзда начальства, „писаречковъ хитромудрыхъ и славныхъ лѣкарей“, тѣло, какъ найдено, среди чиста-поля подъ курчавой деревиночкой, теперъ въ щелы разломаной, къ сырой землѣ приклоненой, такъ и лежитъ:

Бѣла грудь его стрѣлой этой прострѣлена,
Ретивó сердце все молвіей разорвало,
Бѣлы рученьки его да пораскинуты;

* Плачь 22й, о полѣ отцѣ духовномъ.

** Плачь 16й, объ убитомъ громомъ молвіей.

лежить безъ поминанія. А добрые люди наставляютъ между тѣмъ вдову покойника къ чему и какъ ей готовиться:

Будутъ пѣтрошить надежную головушку,
По частямъ рѣзать по мякѣмъ кусочикамъ.
Какъ распорать его грудь да эту бѣлую,
Какъ повывутъ то сердечушку ретаивое;
У тебя тутъ у печальной у головушки
Обмирать да стаметь заблаа утробушка.
Ты посаушай же, спорядная сосѣдушка:
Не жалѣй, бѣдна, любимоей покрутушки,
Заложи, снеси, крестьянину богатому;
Ты проси да золотой казны по надобью.
Запродай свою любимую скотинушку.

.....
Какъ прѣйдутъ дохтарѣ да славны лѣкари,
Ты сули имъ золотой казны по надобью;
Во - потай сули, безъ добрыхъ ты безъ людшекъ.

.....
Чтобы прѣдали ко матушкѣ сырой землѣ
Тѣлеса-то бы его да безъ терзанія.

Что посулъ бываетъ сильнѣе закона, это на святой Руси не новость, конечно. Но терзать, потрошить тѣлеса покойниковъ, то-есть вскрывать тѣла скоропостижно умершихъ, давно ли это на Руси общеизвѣстный законъ, а не преступленіе неслыханное?

Очевидно, причитанія эти очень не древни. Почему же не быть причитанію и еще новѣй, про мировыхъ посредниковъ?

Кто же сочинялъ ихъ? Не сама ли Ирина?

Хотя и подъ шумъ и стукотню рабочихъ и среди хозяйственныхъ развлеченій самой Ирины, Е. В. Барсовъ все-таки записалъ отъ нея правильныхъ стиховъ ужь никакъ не менѣе чѣмъ Гильфердингъ съ голосу, отъ троихъ наилучшихъ лѣвцовъ своихъ, отъ Рябинина, отъ Калинина и отъ Феловова.

Замѣчательно что одна изъ воленицъ прямо заявила Е. В. Барсову * что „словами причетовъ не скажешь, а въ голосъ—гдѣ что берется, и складывѣе и жалобнѣе.“ По ея мнѣнію, стало, не только форма, но и содержаніе страдаетъ отъ словесной передачи. И все-таки Е. В. Барсовъ не полпалъ на Гильфердинговъ способъ записывать съ голоса. Но если и по старому способу результаты какимъ бы то ни было

* Сборникъ, стр. 327.

чудомъ дались отличные, то и слава Богу: сборникъ хорошо, а два лучше.

Причитанье у насъ вѣдь это въ сущности та же былина, только не про лицо извѣстное и не про личныя его похождения, а про извѣстный тилъ, про типическія съ нимъ событія и про типическія его отношенія къ роднымъ и ближнимъ. Причитанье не столько лирической плачь, сколько элическое лопчанье, сказаніе о житьѣ-бытьѣ и о смерти чловѣка такого-то тила: священника, старосты, отца, жены, дѣвицы, сироты, льявицы и т. д. Это цѣлый кругъ былинъ, издавна законченный, но никогда не замкнутый, всегда способный расшириться для воспріятія новаго слова про новое явленіе житейское. Прибавилось въ жизни юридическо-медицинское потрошеніе тѣлѣ, явилась объ этомъ и былина или продолженіе къ древней былинѣ, которая до той поры, не вѣдая житейскихъ тревоженій еще и по смерти утонувшаго или олившагося, кончалась элически его смертью, лирически плачемъ о немъ. Но рѣдки эти новыя явленія въ бытовой жизни народа, и многовѣчны его бытовые тилы. Съ незапамятныхъ временъ все одни и тѣ же, какъ сами они, такъ и дѣянія ихъ. А явленія міра Божьяго, столь тѣсно связаннаго съ жизнью народною, уже и подавно съ покона и до скончанія вѣковъ одни и тѣ же. И такъ, какимъ обычаемъ прадѣдъ выходилъ во время оно на промыселъ рыбачій свой и какъ его „судбинushка по бережку ходила, страшно, ужасно голосомъ водила, во длаи судбинushка плескала, до суженыхъ головъ добиралась“, и добралась наконецъ, потопила его, „въ этомъ кругломъ морюшкѣ, во сивемъ Онегушкѣ“; и на какое горе-горькое житье вдовье да сиротское оставалась его семья, и какими словами сказывалось про все это тогда на его похоронахъ, тѣми же словами сказывается и нынче про все это на похоронахъ его утонувшаго правнука. Да и какъ же иначе сказывать? Не все тѣ же развѣ и озеро, и буря, и люди, и жизнь, какими тогда и вѣчно были да и будутъ вѣчно? Въ подробностяхъ, коли доискиваться, конечно оказалось бы даже пожалуй и не мало разницы, но народъ настоящій художникъ: ему творческая правда, правда вѣчно-существенная, вотъ ему правда истинная; а предъ правдой только существующей, предъ правдой случайныхъ подробностей онъ не останавливается.

Вотъ и вся разница между былинной бытовой и богатырскою. А средина между ними былина молодецкая, такъ-

называемая, о томъ на примѣръ какъ женили рано добромолодца на богатой женѣ и хорошей, да вышло неудачливой; и какъ онъ отъ нея въ гульбу ушелъ, и какъ все-таки къ ней же вернулся; или какъ горе привязалось къ нему и гонялось за нимъ и во темны-лѣса, и въ монастыри честные, и только ужъ оставило его въ локоѣ какъ легъ онъ въ сыр-землю. Лирической заемствъ и тутъ есть, и эта былаина скорѣе про тѣхъ нежели про лицо, хоть бы и называлось оно Ванюшей ключникомъ или княземъ почему-то Волковскимъ, такъ что по всему, даже и по преобладающему колориту выраженія, по множеству оттѣнковъ не то что новизны, а какъ будто вѣчной современности, въ противоположность застывшей древности богатырства; словомъ, рѣшительно по всему эта молодецкая былаина гораздо, мнѣ кажется, ближе къ причитанью, къ бытовой, какъ я называю, былиинѣ, нежели къ былиинѣ богатырской. Но какова бы ни была относительная близость трехъ этихъ разрядовъ, все-таки же и тотъ и другой, и третій чистыя эпохи, въ коемъ смыслѣ и употребляю я терминъ былиины.

Такой общности содержания уже довольно чтобъ и форма, чтобы по крайней мѣрѣ главный стихъ всѣхъ этихъ былиинъ былъ одинъ и тотъ же. Не мудро, стало, что такъ оно и есть.

Про другія стихотворныя формы, болѣе древнія или, напротивъ, гораздо новѣйшія въ богатырскихъ былиинахъ, и про постороннія формы въ причитаньяхъ, а можетъ-быть, и про нѣкоторыя не былинаго стиха формы, скажу что смогу, но уже послѣ главнаго.

Всѣ необычныя авторскія ударенія, сокращенія и т. п. коихъ примѣры буду приводить въ доказательство какого-либо стихотворнаго закона, всегда означены у самихъ собирателей. Но а чтобы не лестрить текста слишкомъ частыми сносками, буду указывать на лѣнца, былиину и страницу *Сборника* только въ случаяхъ нужныхъ, то-есть или рѣдкихъ, или почему-либо сомнительныхъ. Въ случаяхъ же заурядныхъ не навеву можетъ-быть даже и лѣнца. Тогда чтобы проверить меня, стоить раскрыть *Сборникъ* Гильфердинга (стр. 440 до 560), былиины Рабичина, прочесть подъ рядъ два, три десятка стиховъ, и велика будетъ незадача, если тотчасъ не попадутся два, три примѣра точь-въ-точь подобныя приведенному мною.

Сборникъ Гильфердинга записанъ отъ 55 лѣвцовъ * и отъ 14 лѣвицъ, ** нумеровъ (за исключеніемъ около 30 побасенокъ и лѣсней не имѣющихъ ничего общаго съ былинами) 285; стиховъ тысячъ 55. Сборникъ Барсова записанъ отъ 5 лѣвицъ, 22 нумера, стиховъ тысячъ 9. Итого былинъ въ обоихъ сборникахъ слѣшкомъ 300 нумеровъ, стиховъ тысячъ отъ 60 до 65, отъ 74 лѣвцовъ и лѣвицъ.

Изъ семидесяти четверыхъ лучшіе какъ потому что знаютъ былинъ больше и что знаютъ то все лучше передаютъ, такъ и потому что несравненно строже прочихъ наблюдаютъ стихъ четверо: Рябининъ (18 нумеровъ), Калининъ (14 нумеровъ), Фелоновъ (безъ побасенки 7 нумеровъ) и Ирина Федосова (17 нумеровъ), у четверыхъ 56 нумеровъ; стиховъ по крайней мѣрѣ тысячъ 20, то-есть чуть ли не треть обоихъ сборниковъ. Изъ остальныхъ лѣвцовъ и лѣвицъ могутъ, по достоинству стиха, равняться въ лучшихъ своихъ былинахъ со средними тѣхъ четверыхъ: Гурьбинъ, Вас. Сухановъ, Малыгинъ (къ сожалѣнію у всѣхъ троихъ только 5 нумеровъ, стиховъ сотъ 7 или 8), Воиновъ (изъ 5 нумеровъ хороши 2), знакомый изъ Гильфердингова разказа Абрамъ Евстахievъ Чуковъ (7 нумеровъ) и Касьяновъ (6 нумеровъ).

Въ дальнѣйшемъ я всего чаще и кажется безъисключительно въ каждомъ мало-мальски важномъ случаѣ ссылаюсь на Рябинина. Не потому чтобъ я считалъ его за лучшаго изъ лучшихъ; стихомъ владѣетъ вольнѣе Калининъ; Ирина, по своему, но тоже ни въ чемъ и никому не уступитъ; одинъ развѣ поотсталъ отъ нихъ Фелоновъ, да и то скорѣе въ количествѣ нежели въ качествѣ. Но ссылаюсь я на Рябинина преимущественно потому что изъ хорошихъ лѣвцовъ одного его слышали и кромѣ собирателей многіе въ Петербургѣ, въ залахъ Географическаго Общества осенью 1871 года. Нѣкоторыя изъ его былинъ были напечатаны въ *Русской Старинѣ* ***. Сборникъ Гильфердинга не у всякаго подъ рукою, а *Русскую Старину* легко достать и въ столицѣ, и въ захолустѣ.

* Не считая Андр. Максимова и Тим. Сивцева, которые сказывали только побасенки, № 298 и 318.

** Считаю хоръ въ три голоса (стр. 845) за одну лѣвицу.

*** *Русск. Стар.* т. 5, стр. 497. По Сборнику это нумера 75 и 76 (не изъ самыхъ лучшихъ) и 89 (изъ отличныхъ).

II.

Нѣтъ стиха внѣ гармоніи удареній. Я не говорю полной гармоніи, но хотя какой-нибудь.

А какъ же силлабическій стихъ, возразятъ мнѣ, гдѣ ударенія безъ мѣстъ, а нѣмецкій Knittelvers, нашъ,—какъ бы назвать,—лубочный что ли стихъ, гдѣ не только ударенія безъ мѣстъ, но и самые слоги безъ счета, гдѣ словомъ кромѣ рими ничего стихотворнаго нѣтъ? Да рима-то сама внѣ ударенія развѣ возможна въ какомъ бы стихѣ то ни было? Возьмите тоническій:

Давно Грузинки нѣтъ, она
Гарема стражами нѣмыми
Въ лучину водъ опущена.

(Баачьсарайскій Фонтанъ.)

Зачѣмъ произносите вы *опущенá*, а не по обыкновенному *опущена*? Ямбической схемы ради? Ямбическая схема требуетъ удареній на четныхъ слогахъ, допуская притомъ замѣну ямба (—) пиррихией (—), хотя бы и въ концѣ стиха; * стало-

* На практикѣ по крайней мѣрѣ у нашихъ поэтовъ, не помню, но у нѣмецкихъ, у Шиллера напримѣръ, пиррихій въ концѣ стиха попадаетъ сплошь да рядомъ. Жуковский, правда, и въ переводѣ, напримѣръ *Дневъ Орлеанской*, такихъ пиррихиейвъ явно избѣгаетъ:

Weh mir! Was seh'ich! Dort erscheint die Schreckliche (—)
О страхъ! Чтò вижу я! Ужасная идетъ.

Конечно, не сказать же было:

О страхъ! Чтò вижу я! идетъ ужасная (—)

Но вскорѣ затѣмъ Жуковский говоритъ:

Помедли, грозная! не опускай руку
На беззащитнаго; а бросилъ мечъ и щитъ;

перевода:

Halt ein Furchtbare! Nicht den Unverteidigten (—)
Durchbore! Weggeworfen hab'ich Schwert und Schild;

тогда какъ, сказавъ:

Помедли, грозная! на беззащитнаго (—)
Не опускай руку; а бросилъ мечъ и щитъ,

онъ тѣми же словами, да еще и въ точномъ порядкѣ словъ подлинника, передавалъ бы и пиррихій.

быть собственно схемы ради ударенье на шестомъ слогѣ (при *опущена*) было бы столь уже правильно какъ и на восьмомъ (при *опущена*). Но другое дѣло, рѣмы ради, *опущена* не рѣмуетъ съ *она*. Въ силлабическомъ стихѣ точно такъ же:

Здравствуйте, радуйтеса, веселы ликуйте,
А Христа рожденнаго всѣ купно празднуйте *.

Зачѣмъ *празднуйте*, а не по обыкновенному *празднуйте*? Въдъ въ силлабическомъ стихѣ ударенья безъ мѣстъ. Да, но исключая рѣмоваго ударенья. Этому ударенью мѣсто опредѣляется и не только рѣмой, но и самою схемой, хотя и силлабическою. Въ нашемъ примѣрѣ схема 13-сложная съ хорейскою рѣмой, то-есть съ удареньемъ на предпоследнемъ слогѣ стиха. Эта схема и наблюдается. *Маленькій, старенькій* тоже рѣма, но дактилическая и стало-быть при этой хорейско-силлабической схемѣ не допустимая. Въ лубочномъ стихѣ, правда, и того не еоблюдается.

Легить въ ясляхъ на снѣгъ отрочекъ *маленькій*
Тамъ и матушка его и Осипъ *старенькій*.

Тутъ ударенья рѣмуютъ, какъ случится; то дактилически (— ∪ ∪):

Хозяйка Балдой не *назвалитса*,
Ихъ дочка Балдой лишь и *печалитса*;

то хорейчески (— ∪):

Одинъ Кузьма лишь Балду не *любитъ*
Никогда его не *приголубитъ*;

то ямбически (∪ —):

Кузьма не *ѣсть*, не *пьеть*, ночь *не спитъ*,
Лобъ у него заранѣ *трещитъ*;

но и тутъ все-таки:

Разъ, два, три! догоняй-ка.
Пусталась бѣсенокъ и зайка,
Бѣсенокъ по берегу *морскому*,
А зайка въ лѣсокъ *до дому*;

выговаривать по-великорусски *до дому* нельзя, потому что у дактиля (— ∪ ∪ *до дому*) съ амфибрахиѣмъ (∪ — ∪ *морскому*) не было бы рѣмы.

Въ бѣломъ стихѣ нѣтъ рѣмы, нѣтъ слѣдовательно, и рѣмы ради, опредѣленнаго ударенія. Но возможенъ ли

* Изъ вертепа (Рождественской мистеріи) Св. Димитрія Ростовскаго, поэта замѣчательнаго по технику стиха, какъ и по всему.

такой стихъ? Что лубочный стихъ, въ сущности та же рюемованная проза, безъ рюемы обращается въ простую прозу, это явно. Силлабическій же стихъ действительно пытались объявить лучшей классичности ради. Что же выходитъ? Дабы стихъ не становился чистою прозою, раздѣленный неощутимо и самому чуткому уху на равные по числу слоговъ рѣчевые періоды, приходится строго соблюдать въ каждомъ стихѣ не только послѣднее ударенье, но еще и среднее (цезурное). Больше 12ти слоговъ въ силлабическомъ стихѣ вообще, а въ бѣломъ и подавно, кажется не бываетъ*; выходитъ что каждая полудюжина слоговъ, не болѣе, не можетъ-быть и менѣе полудюжины, группируются около одного постоянного ударенія (цезурнаго и конечнаго). А въ чемъ же главная суть тоническаго стиха? Въ группировкѣ около одного постоянного ударенія, но не полудюжины, а двухъ, трехъ, четырехъ слоговъ. Гдѣ же существенная разница между тѣмъ и этимъ стихомъ? Мнѣ кажется, силлабическому стиху необходима рюема; бѣлый же стихъ,—французскій ли, польскій ли, уже не силлабическій, а хотя и очень не совершенный, но все-таки положительно тоническій.

Итакъ ничего нѣтъ кромѣ рюемы въ лубочномъ стихѣ и ничего кромѣ рюемы да счета слоговъ въ силлабическомъ. Но правда и то что въ ударенія нѣтъ и рюемы, а слѣдовательно и никакаго стиха, хотя бы и только рюемованнаго.

Вотъ что разказывается про это у Французовъ: хотѣлъ кто-то умершему другу своему эпитафію написать, въ стихахъ, какъ водится; но не зналъ какъ стихи лишутся и справился объ этомъ у людей свѣдущихъ. Они растолковали ему; между прочимъ и что такое рюема очень просто: на такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ по три буквы, по крайней мѣрѣ, и въ томъ числѣ одна гласная, одинаковыя. Онъ и написалъ:

*Ci git mon ami Mardoche,
Qui fût suisse à St. Eustache;
Il porta vingt ans la hallebarde
Que Dieu lui fasse miséricorde.*

Бездѣлицы не досказали бѣдному автору, что гласная-то должна быть непременно подакцентная.

* Во французскомъ стихѣ (см. *Класс. версиф.*, стр. 25); въ русскомъ бывало до 13 слоговъ (см. тамъ же, стр. 36).

Что такое есть удареніе? Удареніемъ называется усиленіе въ произнесеніи одного слога надъ прочими. Усиленіе это выражается столь же въ громкости сколь и въ продолжительности произнесенія. Слогъ съ удареніемъ *смышлетъ* и *дальше* и *долже* слога безъ ударенія.

Твердо установившихся • названій слоги эти не имѣютъ; называются то высокій и низкій, то долгій и краткій. Но и тѣ и другія названія односторонни; въ первыхъ не принимается во вниманіе и какъ бы исключается относительная продолжительность, а въ послѣднихъ относительная громкость произнесенія. Условимся, пока ни прищется лучшихъ, употреблять слѣдующія нейтральныя названія: съ удареніемъ слогъ *звуковой*, безъ ударенія—*холостой*.

Звуковыхъ слоговъ должно строго различать два разряда, ибо есть два существенно различныя рода удареній: 1) удареніе на слогъ избранный или предназначенный къ тому въ словѣ, *слоговое* удареніе; 2) удареніе на слово или на слова главныя по смыслу въ рѣчи, *смысловое* удареніе.

Нѣтъ учебника версификаціи ни русскаго, ни иностраннаго, ни новаго, ни стариннаго, гдѣ бы съ первыхъ же строкъ не заявлялась эта истина о двойственности ударенія, и гдѣ бы затѣмъ что ни глава, что ни параграфъ не шла рѣчь такъ или иначе объ удареніи. Стопа, рима, тонизмъ, силлабизмъ, гекзаметръ, Knittelvers, все характеризуется то присутствіемъ, то отсутствіемъ, то порядкомъ, то безпорядкомъ ударенія. И понятно, ибо въ самомъ дѣлѣ, въ дѣломъ какъ и въ частяхъ стиха, основа всему удареніе. Но замѣчательно вотъ что: нѣтъ учебника версификаціи, гдѣ бы хотя что-нибудь было сказано про смысловое удареніе, исключая упоминанія о его существованіи *.

Что же тутъ особеннаго, возражать мнѣ; зачѣмъ теоретикамъ стихосложенія говорить о томъ что ровно ни причемъ въ стихотворной практикѣ?

Такъ ли это? Если вообще въ рѣчи человѣческой смысло-

* Писано лѣтъ семь тому, при появленіи сборниковъ Барсова и Гальфердинга. Съ тѣхъ поръ о смысловомъ (такъ-называемомъ риторическомъ) удареніи стали упоминать, напримѣръ, г. Шафрановъ (*О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи*, Спб. 1879), но опять же мимоходомъ и только отрицательно, отвергая голословно возможность этого ударенія какъ стиховидительной силы.

вья ударенія играютъ важную роль, а стихъ есть музыкально гармонизованная рѣчь, то какъ можетъ не приниматься и тутъ въ расчетъ смысловое удареніе? Смысловое удареніе не есть случайность въ рѣчи. Скажите или прочтите что угодно. Раскроемъ первую попавшуюся подъ руку книгу.

Пословицы Даля:

Старога мужа соломкой укрою, молодого сама отогрѣю.

Не угодно ли вамъ сказать это безъ смысловыхъ удареній, т.-е. не восподымая ни одного слова надъ другими, а такъ какъ бы вы сказывали какой-нибудь перечень словъ, напри- мѣръ мѣсяцы: январь, февраль, мартъ, старога, мужа, со- ломкой...

Каково,—я ужъ не говорю: нелѣпо, но:—каково непри- вично для уха выходить оно. Непривично, значить вы при- выкли къ иному чему-то, чего тутъ не достаетъ. А не достаетъ только того что вы нарочно опустили, недостаетъ тутъ смы- словыхъ удареній. Стало-быть къ смысловымъ удареніямъ привыкли мы такъ что безъ нихъ рѣчь намъ кажется дика. А когда я какъ открылось, такъ и прочелъ, не насилуя удареній ничуть и никакихъ, показалось ли вамъ странно что у меня восподнялись надъ прочими слова которыя теперь от- мѣчу курсивомъ, явно по смыслу рѣчи главныя: *Старога* мужа *соломкой* укрою, *молодаго* сама отогрѣю. Нѣтъ, ни те- перь, ни тогда странно вамъ эти восподѣемы не показались. Признайтесь, вы и замѣтили-то ихъ только теперь по курсиву, а съ того перваго чтенія спроси я васъ: были ли тутъ и на какихъ словахъ ударенія? вы бы не сразу отвѣтили. Отчего же такъ? Ясное теперь прочелъ я что ли, чекави- стве на смысловыхъ удареніяхъ? Нѣтъ, читалъ я въ тотъ разъ точь въ точь такъ же какъ и въ этотъ. Или можетъ-быть вообще неудобозамѣтны смысловыя ударенія? Но вѣдь те- перь вы ихъ замѣтили же очень легко и очень отчетливо. Дѣло объясняется какъ нельзя проще: Смысловыя ударенія такое нормальное явленіе въ рѣчи, такая рядовая обыденщина нашему уху что замѣтить ихъ можно только развѣ нарочно. Слоговыя ударенія тоже вѣдь очень явны; когда же однако мы замѣчаемъ ихъ? Только въ случаѣ какой-нибудь ихъ странности. Вы напри- мѣръ не замѣтили когда я прочелъ по обыкновенному *старога* что вотъ удареніе на первомъ изъ трехъ словъ, т.-е. дактиль; *мужа*, что вотъ хорей. Но прочти а *старога*, амфи- брахій этотъ вы тотчасъ замѣтили бы, какъ удареніе въ этомъ

словъ вашему уху хотя можетъ - быть и знакомое изъ народнаго языка, но все-таки же не привычное.

Точно также и смысловое удареніе: всякій разъ какъ только не кинется оно вамъ въ уши какою-нибудь странностью или несуразностью своею, вы его непремѣнно мимо ушей пропустите; но чуть только есть по чему замѣтить, вы его тотчасъ замѣтите. Прочти я напиримѣръ вмѣсто *старого мужа*, *старого мужа*...

Но постоянно ускользать отъ нашего вниманія можетъ только вѣчто крайне намъ привычное, иначе сказать, всякое явленіе заурядное. Можно ли, стало-быть, смотрѣть на смысловое удареніе какъ на случайность въ рѣчи? Нѣтъ, по крайней мѣрѣ столь же какъ слоговое удареніе во всякомъ словѣ, смысловое удареніе во всякой рѣчи явленіе заурядное.

Но, во всякой ли? могутъ возразить мнѣ. Мы прочли по словицу, своего рода маленькую поэму. Но еслибы взять *настоящую* прозу...

Возьмемъ *Полицейскія Въдомости*. Потрудитесь,—это въ самомъ дѣлѣ не такъ-то легко, прочтите, но, чуръ, вынуть и ни единого слова не восподымая, совершенно монотонно, какъ пономарь, любую публикацію: о пролеткѣ, почти вовсе неѣзжаной; о поварѣ въ совершенствѣ знающемъ свое искусство... Повѣрьте, Фамусовъ резонно приказывалъ: и календарь читать

...Не такъ какъ пономарь,

А съ чувствомъ, съ тоакомъ, съ разстановкой.

Въ переводѣ на языкъ теоріи это значитъ: читать не монотонно, а съ нужными голосовыми восподымаемами, то-есть съ удареньями; со смысловыми разумѣется; ибо безъ слоговыхъ удареній не читаетъ и пономарь. Безъ смысловыхъ удареній читать можно, но тогда слова являются механически сопоставленными. Такъ, вѣроятно, читала Татьяна въ оглавленьи Мартына Задеки

...азбучныѣмъ порядкомъ

Слова: боръ, буря, ворожь, едь,

Ежь, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель.

Какъ же выражается смысловое удареніе? На всемъ ли словѣ, то-есть на всѣхъ ли слогахъ восподымаемаго слова, или же только на одномъ слогѣ и на какомъ именно?

Смысловое удареніе выражается не иначе какъ на одномъ слогѣ, чего вполне достаточно для восподыема всего слова.

Обыкновенно совпадаетъ смысловое удареніе со слоговымъ восподымаемаго слова, такъ что звуковой слогъ этого слова восподымается заразъ обоими удареніями. Въ нашей пословицѣ, напримеръ, СТАраго мужа... на первомъ словѣ смысловое удареніе есть, на второмъ нѣтъ, слѣдовательно слогъ СТА (въ словѣ *стараго*) восподымается слоговымъ и вмѣстѣ смысловымъ удареніемъ; слогъ му (въ словѣ *мужа*) однимъ слоговымъ; прочіе же слоги того и другаго слова остаются всѣ одинаково холостыми.

Но можетъ и не совпадать смысловое удареніе со слоговымъ; напримеръ будь онъ мнѣ хоть разнедругъ, а ему все-таки другъ. Одно изъ смысловыхъ удареній этой рѣчи на словѣ *разнедругъ*, на характерномъ прибавочномъ слогѣ раз; а слоговое удареніе слова *разнедругъ* на слогѣ не. Вѣдь вы произносите: Будь онъ мнѣ хоть РАЗ-не-другъ, а не разне-другъ (— ∨ ∨).

Который же слогъ сильнѣе въ такомъ случаѣ по своему ударенію раз или не, иначе сказать: которое удареніе сильнѣе само по себѣ, смысловое или слоговое?

Народные лѣвцы въ случаяхъ, весьма впрочемъ рѣдкихъ развода удареній смысловаго со слоговымъ, отводятъ въ слоговой стихотворной іерархіи своей высшее мѣсто смысловому ударенію. Но повторяю, случаи эти явленіе исключительное, весьма рѣдко возможное, а и того рѣже нужное.

Итакъ условимся называть: 1) холостымъ, какъ уже было сказано, слогъ безо всякаго ударенія; 2) малымъ звуковымъ—слогъ усиленный однимъ слоговымъ удареніемъ, и 3) большимъ звуковымъ—слогъ усиленный смысловымъ удареніемъ по обыкновенному, то-есть сверхъ слоговаго ударенія.

Въ послѣдствіи увидимъ что въ эту же послѣднюю рубрику должно ввести и слогъ отозвученный однимъ смысловымъ удареніемъ.

Изображать въ схемахъ три эти разряда слоговъ будемъ такъ: 1) знакомъ краткости (∨) холостой слогъ, 2) знакомъ долготы (—) звуковой малый и 3) знакомъ долготы со знакомъ акцента (˘) звуковой большой. *

* Таково въ схемахъ; въ текстъ же, разумѣется, будетъ и у меня по общепринятому знакъ акцента надъ гласною (ó, ú) указывать мѣсто, а не качество ударенія.

Но смысловое удареніе бываетъ не одинаковой силы, и стало-быть количество большаго звуковаго слога не постоянно само себя равно. Возникаетъ вопросъ: опредѣляемы ли отелени смысловаго ударенія, и если да, то почему же не подраздѣлить еще и большой звуковой слогъ на сколько тамъ окажется категорій. Но спрашивается, равенъ ли постоянно самъ себя холостой слогъ и равно ли постоянно само себя слоговое удареніе? А ежели ни то, ни другое, то исчислимы ли и опредѣляемы ли, какъ въ слогъ такъ и въ слоговомъ удареніи, всѣ возможныя категоріи количественной разницы? Возьмите слогъ независимо отъ ударенія. Слогъ можетъ состоять: 1) изъ простой полной гласной, у въ словѣ *у—родъ*; это кажется минимум слоговаго количества. Слогъ можетъ состоять: 2) изъ гласной сложной, то-есть изъ дифтонга; изъ восходящаго, *ю* въ словѣ *ю—родимый*, $ю = \dot{y} + y$; или изъ нисходящаго, *уй* въ словѣ *уй—ли*; 3) изъ обоюднаго дифтонга, то-есть уже изъ трифтонга: *яй* въ словѣ *яй—ю*, $я = \dot{y} + a$, $яй = \dot{y} + a + \dot{y}$. 4) Къ основной гласной слога, къ простой ли полной, къ сложной ли могутъ присоединяться по одной или по нѣскольку (maximum, кажется, шесть) согласныхъ. Допустимъ что сама собой согласная ничего къ количеству гласной не прибавляетъ, но когда согласная вошла въ слогъ первоначально съ гласною, со своею, во время оно полною, потомъ сократившеюся и, наконецъ, олуцевою, но вѣдь гдѣ олуцевою? на письмѣ, это еще не значитъ олуцевою въ самомъ дѣлѣ, то-есть въ говорѣ. Всѣ пишутъ, на примѣръ *вер..хъ*, *смер..ть*, и всѣ кто хорошо говоритъ выговариваютъ: *верѣхъ*, *смерѣть*, то-есть сохраняютъ въ говорѣ ту сократившуюся гласную (*верѣхъ*, *смерѣть*) которую народъ, глѣвцы по крайней мѣрѣ, и по сегодня не только восстанавливаютъ въ словахъ этихъ, а еще и переводятъ изъ мягкаго звука *е* въ твердый *о*, да еще и іотируютъ это *о*, то-есть изъ простой или изъ единицы гласной дѣлаютъ дифтонгъ, гласную, хотя и не двойную конечно и даже можетъ-быть не полуторную, но все-таки большую единицы:

На *верѣхъ* онъ клалъ сѣдлышко черкальское.

Сустыгала злодѣй скорая *смерѣтущка*.

Или на примѣръ лишется: *всплѣскъ*, но выговаривается, хотя бы и не на всякое тугое ухо слышимо: *вз—сз—пзлѣскъ* (изъ предлоговъ *во—со* и слова, —однокореннаго и чуть ли не тождественнаго съ *полоскать = пз—лѣскать*). Неужели этакій слогъ, да еще въ очень возможной формѣ *всплѣскъ*, разложимой (при

$\ddot{a} = \dot{a} + o$) на $e + \varepsilon + c + \varepsilon + n + \varepsilon + l + \dot{y} + o + c + k + \varepsilon$, все-таки же, несмотря на все это сѣсложье пяти краткихъ гласныхъ и шести согласныхъ, равняется ничему больше какъ тому же простому o или e , которымъ слогъ этотъ исконно обогласился? Нѣтъ, ужъ въпротивѣ другая крайность, что нѣтъ двухъ слоговъ различныхъ по обогласкѣ своей и другъ другу количественно равныхъ.

Теперь про удареніе слоговое. Оно всегда ли само себѣ равно?

Предполагается что всегда. Извѣстно что каждое самостоятельное слово имѣетъ свое удареніе. Возьмите слово составное все изъ самостоятельныхъ, на примѣръ *Кіево-злато-верхо-михайловскій* (монастырь). Предположимъ что каждое сохранило свое удареніе. Произнесите же съ четырьмя, совершенно равными удареньями: *Кіево-злато-верхо-михайловскій...*

Такъ дергачъ въ ночную пору кричитъ за рѣчкой. Предположите, напротивъ, что составы слова *Кіево-злато-верхо-михайловскій* всѣ кромѣ одного, разумѣется, роняютъ свои ударенья, и произнесите, но не по азбучному, конечно, а по разговорному съ удареньемъ въ первомъ составѣ (*кіево-*) то есть на первомъ слогѣ всего слова и, затѣмъ, слѣдовательно, десять холостыхъ сряду. Невозможно пробарабанить такую дробь. Не легче будетъ и съ удареньемъ въ послѣднемъ составѣ (*михайловскій*). Не много удачнѣе если помѣстить удареніе на какомъ-либо изъ среднихъ словъ: *злато* или *верхо*.

Но допустите вопервыхъ что каждое самостоятельное слово русскаго языка, простое ли, составное ли, имѣетъ полное слоговое ударенье всегда только одно; а во вторыхъ что никогда слово ударенія своего не теряетъ безслѣдно, но что въ составѣ съ другимъ словомъ удареніе слова подчиненнаго ослабѣваетъ. Разберите по составамъ слово *Кіево-злато-верхо-михайловскій*. Явно по значенію что преобладаетъ составъ тутъ послѣдній: *михайловскій*; что этому составу непосредственно подчинены составы: *кіево* и *злато-верхо*. Составъ же *злато-верхо* и самъ еще составной; этого состава подчиненный составъ: *злато*. Означьте допущенныя вами степени слоговаго ударенія цифирно, степень полного ударенія—единицей; степень ударенія въ первично-подчиненномъ составѣ—двойкой, во вторично-подчиненномъ—тройкой,—и произнесите согласно тому: *Кіево-злато-верхо-михайловскій монастырь*. Выходитъ

именно такъ какъ дѣйствительно произносимъ. Правда, стало-быть, что по крайней мѣрѣ въ составныхъ словахъ возможны разныхъ силъ слоговыя ударенія.

Такъ ли въ несоставныхъ словахъ? У Воейкова есть гекзаметръ:

Чаще молись, принося умиловительныя жертвы.

Въ тоническомъ стихѣ, въ ямбическомъ или въ хорейскомъ, то-есть въ состоящемъ изъ двусложныхъ стопъ, допускается замѣна ямба и хорей чистымъ дибрахіемъ. Но трехсложную стопу какую бы то ни было замѣнять чистымъ трибрахіемъ не допускается. Въ гекзаметрѣ же замѣна слога съ удареніемъ слогомъ холостымъ какъ въ дактилѣ, такъ и въ хорей, строго воспрещается. Тутъ всѣ шесть арсисовъ (удареній на первомъ слогѣ стопы) непременно должны быть налицо; иначе не съ чего бы и называться гекзаметромъ, то-есть шестимѣрнымъ или шестиподъемнымъ стихомъ. Не будь въ словѣ *умиловительны*, состоящемъ изъ двухъ полныхъ стопъ, двухъ удареній, стопа безъ ударенія тотчасъ рѣзнула бы намъ ухо. Но мы думаемъ ихъ два.

Чаще молись, принося *умиловительныя* жертвы.

Точно такъ какъ въ словѣ *длинновесельными* въ строго-правильномъ гекзаметрѣ Жуковского:

Съ *длинновесельными* въ бурю морскую погибъ кораблята.

Равными нельзя признавать ударенія ни въ *длинновесельныхъ*, гдѣ явно второе послѣднѣе, ни въ *умиловительныхъ*, гдѣ, напротивъ, второе послабѣе.

Смысловое удареніе есть основа русскаго стиха. Создавая схему, народъ прежде всего опредѣляетъ въ ней мѣста этому большому ударенію; на примѣръ изъ 13ти мѣстъ былинной схемы мѣста 3е, 7е и 11, иначе сказать: 3е съ начала, 7е съ конца и срединное изъ всѣхъ:

Не хочу служить нестерному тебѣ царю. *

Едини вѣдь всѣ у Бога люди созданы. **

По этимъ удареніямъ отбиваются стопы русскаго стиха; стопа видѣтся смысловымъ удареніемъ.

Смысловое удареніе невозможно внѣ смысла; въ слогахъ смысла нѣтъ; русская стопа слѣдовательно не можетъ состоять

* Говоритъ Илья крещеному царю Калину.

** Говоритъ староста мировому посреднику у Ирины Федосовой.

изъ слоговъ, ни точно также изъ не смысло - способной суммы слозъ. Столы: Гнѣвъ *бо-гиня* *вос-ной*. *Али-леса* *Пе-леги*, что ни стола, то челуха; такой столъ вмѣстимо удареніе независимое отъ смысла, то-есть слоговое, смысловое же никакимъ образомъ. Точно также еслибы стола состояла просто изъ набора словъ: *гнѣвъ* *богиня* или: *не* *хочу* *тебѣ*. Иное дѣло связь словъ или же и одно слово, но полносмысленное. *Не* *хочу* *служить*, въ этой связи словъ есть смыслъ, есть слѣдовательно и смысловое удареніе, смотря по цѣлой мысли: *не* *хочу* *служить* (и не буду), или: *не* *хочу* *служить* (но готовъ дружить). Еслии, стало-быть, при данной (былинной) схемѣ приходится по данному тутъ смыслу, смысловое удареніе на *своелъ* мѣстѣ, на третьемъ съ начала: *не* *хочу* *служить*, то это сочетанье словъ годится быть первой столой этой схемы. Таково же и далѣе: *не* *хочешь* *служить*, *кому?* *Невѣроному* (одно, но въ данномъ разѣ полносмысленное слово). *Кому* же это *невѣроному?* *Тебѣ* царю.

При этомъ конечно ужъ схема стиха не можетъ быть чѣмъ-нибудь въ родѣ: дактиль, дактиль, дактиль, или: дактиль, хорей, дактиль, хорей; ибо въ неподвижно-предвзятую стою пригонять цѣликомъ слово или слова, да еще въ смысло-способномъ сочетаніи, значило бы сдѣлать столу или Прокрустовою кроватью словамъ, или же каторгой автору. Основа русскаго стиха: неподвижно установленныя данною схемой мѣста смысловыхъ удареній (3е, 7е, и 11е); но затѣмъ стола растяжима, имѣетъ свой *минимум* и *максимум*, которыя и не трудно предугадать. Явно что *минимум* первой столы въ былинной схемѣ три слога, ибо иначе стола эта не хватила бы до перваго смысловаго ударенья; а *максимум* ея шесть слоговъ, ибо при семи она перехватила бы во второе смысловое удареніе. Таково же только съ конца веда *минимум* и *максимум* послѣдней, то-есть третьей столы *минимум* 3 слога, потомъ 4, 5 и *максимум* 6. Затѣмъ средней столы и *минимум* и *максимум* получается уже по готовымъ даннымъ изъ 13 (всѣхъ слоговъ стиха) вычестъ 6 (*максимум* первой столы) и 6 (*максимум* послѣдней), итого 12, получится *минимум* средней столы 1; и тѣмъ же способомъ: $13 - (3 + 3) = 7$, *максимум*. И въ самомъ дѣлѣ:

Не хочу служить (невѣроному) тебѣ царю, $5 + 4 + 4 = 13$.

Едины вѣдь всѣ (у Бога) люди созданы, $5 + 3 + 5 = 13$.

Не до сна (а съсопьященнику) въ помоводъ $3 + 7 + 3 = 13$.

Цѣхристосовалася (Царь) съ Екатериношкой $6 + 1 + 6 = 13$.

При всѣхъ этихъ и подобныхъ формулахъ тактъ одинъ и тотъ же.

А какъ же обходится народъ съ малыми звуковыми и съ холостыми слогами? Допытаться тоже не трудно, стоитъ только перемѣнить удареніе въ несмысловыхъ словахъ: вмѣсто ямбовъ (— — *служить, царю*), поставьте хорей (— — *видѣть, князя*) и вслушайтесь *, вмѣсто стройнаго стиха:

Не хочу служить (— —) не вѣрному тебѣ царю (— —).

выходить проза:

Не хочу видѣть (— —) невѣрнаго тебя князя (— —).

Но попробуйте въ стройномъ стихѣ:

Едины всегда у Бога люди созданы,

вмѣсто ямба (— —, *всегда*) поставьте спондеи (— —, *мы все*) и первая стопа со спондеемъ въ концѣ выйдетъ столь же стройна какъ и (неизмѣненная вами) третья съ лирихией въ концѣ.

Едины всѣ мы (— —) у Бога люди созданы (— —).

Законъ, слѣдовательно, явствуетъ самъ собой: слоги дальше отстоящіе отъ стержневаго слога стопы, то-есть отъ смысловаго ударенія, должны быть больше слоговъ ближнихъ къ стержневому или же равны имъ; такъ что въ концѣ стопы нельзя замѣнять ямбъ хореемъ и наоборотъ, въ началѣ стопы нельзя замѣнять хорей ямбомъ, спондеи же и лирихія одинаково законны какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ стопы. При растяжимости столь первой и послѣдней отъ трехъ до шести слоговъ, а средней отъ одного до семи; при возможности около стержневаго быть то хореемъ, то ямбу, то спондею, то полуспондею, то лирихию и полулирихию, а около средняго стержневаго, кромѣ всего этого, еще и трибрахию и дактилю и анапесту; при большой независимости одной стопы отъ другихъ, такъ что напримѣръ въ томъ же стихѣ первая стопа можетъ быть въ шесть слоговъ, а послѣдняя въ три и

* Выраженія: ямбъ, хорей и т. п. я употребляю тутъ не какъ опредѣленія стопъ, ибо ничего подобнаго классическимъ или псевдоклассическимъ стопамъ нѣтъ и не можетъ быть въ русскомъ народномъ стихѣ; я употребляю тутъ эти выраженія просто, какъ привычныя названія для слоговыхъ сочетаній, только для краткости, чтобы не говорить: звуковой слогъ среди двухъ холостыхъ, а скажу амфибрахій и т. п.

наоборотъ; или напримѣръ одна строка можетъ состоять вся изъ звуковыхъ, а другая или обѣ другія сплошь (кроме разумѣется, стержневыхъ) изъ холостыхъ или, напримѣръ, въ одномъ стихѣ можетъ быть 10 холостыхъ:

Похристосоваая Царь съ Екатеришкой.

()

а въ другомъ 10 малыхъ звуковыхъ:

Вѣкъ ты другъ мнѣ былъ, свѣтъ сынъ мой, но въ ты врагъ мнѣ сталъ
(— — — — — — — — — —)

При такомъ, говорю, разнообразіи понятно что русскій стихъ не нуждается въ рѣмѣ. И въ самомъ дѣлѣ только иногда, красной рѣчи ради, играетъ онъ созвучіемъ *содержательно-смысловыхъ* словъ. Наконецъ въ отношеніи стиха къ стиху ясно что при смысловой цѣлости каждой строки, а всего стиха ужь и подавно, невозможна разброска логически соприспадающихъ словъ изъ одного стиха въ другой, это такъ обычно у силлабиста и у товѣста.

Въ косматой рысей шалкѣ съ лукомъ

Каленныхъ стрѣлъ и съ вѣрныхъ лукомъ.

У Русскаго народа прѣсма что вѣнокъ, стихъ чѣмъ цѣлѣе, строка чѣмъ лепестокъ: все каждое по-своему цѣльно.

Но все это явно-то явно, а надо и доказать.

III.

Прочтите слѣдующіе стихи, сильно ударая на подчеркнутые слоги: 3, 7 и 11. На прочіе же будемъ смотрѣть до поры до времени какъ бы на сплошь холостые; ибо покаместъ не прѣсь только въ томъ, правда ли что въ каждомъ стихѣ бывшей, тринадцатисложной схемы непременно 3, 7 и 11 слоги суть звуковые словъ главныхъ по смыслу рѣчи.

Примѣры буду брать почти на выдержку, но нарочиво у разныхъ лѣвцовъ перваго, втораго и пожалуй даже третьаго разряда и нарочиво изъ бывшихъ про разныхъ богатырей, потомъ изъ молодецкихъ, потомъ изъ бытовыхъ; дабы вы сразу же видѣли что схема эта не есть частная въ некоторыхъ, а общая чуть ли не всѣхъ бывшихъ всякаго лѣвца.

Начнемъ, какъ начинается Гильфердингговъ сборникъ, съ Калинина. Первый по порядку, Калининъ и по достоинству

одинъ изъ первыхъ. У него хорошихъ примѣровъ искать не долго: гдѣ откроется. Открылась однако не изъ лучшихъ его былинъ: *Ставеръ Годиновичъ*.

Жена спрашиваетъ у Ставра:

Ты за что же посаженъ да былъ во погребѣ?—
Я лешесталь нынѣ тобой да молодой женой,
Что ты *слабъ* князей, бояръ теперь позымавишь,
Что ли *Солнышка* Владимира съ ума сведешь
А подемъ, Василиста дочь Никулична,
.....

Пусть дальше слоетъ намъ другой лѣвецъ изъ втораго разряда, кто-нибудь кто про Ставра знаетъ. Абрамъ Евтихievъ по прозвищу Чуковъ на примѣръ. Пусть онъ продолжаетъ:

Не подемъ больше *кѡ-граду* ко Киеву
Да ко *ласковому князю* ко Владимиру,
А удемъ мы въ землю *Ляховицкую*.
Говорила Василиста дочь Никулична.
А не *честь* хвала тебѣ-ка добру-млоду
Тебѣ *сѡровски* изъ *Кіева* ухати. *

Два лѣвца лѣли намъ изъ одной былинны; теперь пусть тотъ же нерперворазрядный Чуковъ слоетъ намъ изъ другой, на примѣръ на слѣдующей же страницѣ, изъ былинны о Дюкѣ Степановичѣ.

Съ перваго приступа къ былинѣ лѣвцы обыкновенно слабы стихомъ; ** Чуковъ всегда. Но вотъ онъ наладился:

Онъ сидитъ оreat на *блелькомъ* на *камешкѣ*,
И когда онъ утрилъ *перъце* орлиное,
Тогда *вздаты* мужики они *идльскіе*,

* Еслибъ ударенія подобныя *сѡровски*, *кѡ-граду*, не были выставлены тутъ же самимъ собирателемъ (см. стр. 774), я или не взялъ бы этого примѣра, или же указалъ бы на тѣ же слова съ выставленными на тѣхъ же слогахъ удареніями гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ *оборачка*. Я согласенъ бы на примѣръ на обозначенное собирателемъ (въ нашемъ разѣ какъ и у Чукова) у Капицына удареніе въ томъ же самомъ словѣ того же стиха и той же былинны, наислованное точно такъ же:

Что ли *сѡровски* изъ *Кіева* ухати.

** А соответствено стиху и содержаніемъ; примѣры того и причины скажу въ послѣдствіи.

Покупають это перьяце орляное,
И призовать это перьяце орляное
Его Дюкову-то батюшку въ подарочкахъ.

И пусть о томъ же Дюкѣ споетъ намъ, ну вотъ хоть слѣдующій за Чуковымъ, тоже изъ второстепенныхъ, **Касьяновъ**; но уже не о перьяхъ которыя по его словамъ:

Подороже-то атласу, рыта бархату
Покупали мужички-то да индѣйскіе,
Принесли это перышко въ подарочекъ;

а что-нибудь о самомъ Дюкѣ. Онъ состязается съ Чурилой: во всемъ оказывается Чурило хвастуномъ, Дюкъ молодцомъ; а бьются они о великъ закладъ, о буйныхъ своихъ головахъ. Теперь ударились они перескочить на коняхъ верхомъ Пучай-рѣку: кто не перескочить, тому голова долой. Князь все время за своего Чурилу противъ прѣзжаго Дюка. Но и тутъ Чурила въ воду вверзился, Дюкъ перескочилъ, да еще и его съ конемъ изъ воды выхватилъ.

Ай ты солнышко Владимиръ Стоальнокіевскій!
Намъ которому съ Чурилой голова-рубить?
Тутъ проговорить Владимиръ Стоальнокіевскій:
Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
Не руби-тко ты Чурилу буйной головы,
Ты оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти! *

Двое пѣли о Ставрѣ, двое о Дюкѣ; подлѣ Дюка въ каталогѣ былица (стр. LIV) Дунай; послѣдній номеръ о немъ 272; кто это? лишь бы не изъ самыхъ плохихъ пѣвцовъ; Гурьбинъ, опять изъ второстепенныхъ, и опять неважные первые стихи пропустивъ:

Еще естъ у насъ во Кіевѣ поубелены,
А двѣицы-то вдоеицы замужъ выданы;
Еще я-то де Владимиръ не женатъ хожу;
Еще кто бы мнѣ-ка зналъ да супротивицу
Чтобы любя-то да жия была княгинюю.

Подлѣ Дуная въ каталогѣ, если пропуститъ былицу пѣвца

* *Голова-рубить* известная старинная и досель живая въ народѣ форма; *буйной-головой*, удареніе стихотворно правильное; *молодой*-форма въ своемъ смыслѣ столь же правильная какъ и *молодой* въ своемъ. О той и объ этой правильности мы еще поговоримъ когда будетъ время.

изъ плохихъ Костина, единственную о какихъ-то братьяхъ Дородовичахъ, у которыхъ

Да и вся была натура (!) молодецкая,

слѣдуетъ номеровъ 50 про Добрыню. Ограничимся олять на выдержку двумя примѣрами: однимъ изъ былины второстепеннаго лѣвца и однимъ первостепеннаго, а именно Суханова и Фелюнова. Сухановъ впрочемъ былъ кажется отличнымъ лѣвцомъ, но перезабылъ, кромѣ этой былины, все что зналъ. Добрыня слѣхомъ слѣшитъ въ Кіевъ; онъ узналъ что тамъ жему его неволать цдти замужъ за Алешу Половича:

А-й дааетъ онъ пояздку лучше стараго,
 Лучше стараго пояздку лучше презняго,
 Ъдетъ прямо онъ ко городу ко Кіеву,
 А не около ѡдѣ ѡде не воротами,
 Ъде прямо черезъ стѣну городѡвую
 Черезъ тую ѡде башню что ни большую.

Фелюновъ этой былины про Добрыню не знаетъ; онъ поетъ только про его бой со зміемъ. Добрыня, есть причина, хочеться дома въ Кіевѣ пожить; но другимъ и князю, есть причина, надо бы услать Добрыню изъ Кіева. Вотъ вдругъ за лиромъ и подвели дѣло такъ что задалъ князь службу дальнюю и долгую—побить Змія Горыныча, котораго Добрыня уже бивалъ; такъ ему именно и ѡхать, да тотчасъ же.

Закручинился Добрыня запечалился,
 А-й скочиалъ-то тутъ Добрыня на рѣзвѣ-ноги,
 А и топнулъ-то Добрыня во дубовый мостъ,
 А и стулья-то дубовы зашаталися.
 А со стульевъ вѣс бояре повалилися.
 Выбѣгаетъ тутъ Добрыня на широкій дворъ.

Иванъ Годиновичъ по отчеству родня Ставру. Поеться про нихъ какъ Ставру Годиновичу удалась женитьба, а Ивану Годиновичу какъ не удалась. Послѣдній о немъ номеръ изъ рукъ вонъ плохаго лѣвца, предпослѣдній № 275, третьеразряднаго лѣвца Меньшикова. Иванъ умчалъ было невѣсту себѣ; Кощей догналъ ихъ и соблазняетъ ее. Иванъ уже было сшибъ Кощея на-земь, уже сидитъ у него на грудяхъ; но она, чѣмъ бы лодать Ивану ножъ рѣзать Кощея, пораздумалась.

Да и взяла-то Ивана за желтѣ кудри,
 Да стащила-то съ Кощея со безсмертнаго,
 Да и двое одного да преобдужили,

Да связали у Ивана ручки бѣлая,
Да сковали у Ивана ножки рязвѣдъ.

Объ Иванѣ Годиновичѣ былина (№ 83) не изъ лучшихъ у Рязвѣдъ. Иванъ со своимъ паробкомъ любимымъ бѣдуъ за невѣстой.

Они ѣхали раздольцемъ чистѣмъ полемъ,
.....

Но тутъ необходимо прерваться на минутку, погово- рить про это слово *чисто поле*. Сейчасъ у Меньшикова было такое же *жельтѣ кудри* и у Феломова *рѣзѣ ноги*. Да и во- обще эта форма объединенія существительнаго съ предше- ствующимъ усвѣченнымъ прилагательнымъ, то-есть предмета съ его постояннымъ эпитетомъ, не рѣдкость въ народной рѣчи особливо въ эпической.

Произносить и склонять подобныя двойныя слова должно почти такъ же, или даже чтобы не вдаваться въ тонкости, излиш- няя покамѣсть, скажемъ просто: такъ же какъ слово *Новгорода*. Это вѣдъ въ частяхъ и въ объединеніи, такая же форма: *Нов- городъ, чисто-поле*. Вы склоняете *Новгородъ* какъ два слова, каж- дое само по себѣ, а произносите какъ одно, то-есть оба слова подъ одно удареніе: *Новгородъ* (— √ √), а не: *Новъ-городъ* (— — √) какъ сказали бы въ смыслѣ: новъ городъ да старъ коровъ. Склоняйте: *Нова города* (√ — √ √ √), или сокращенно: *Ново- града* (√ — √ √). Точно также должно выговаривать: *чисто- поле* (√ — √ √ √), а не *чисто поле* (— √ — √); и склонять такъ что въ родительномъ единственнаго: *чистѣ-поля* (√ — √ √) и въ именительномъ множественнаго: *чистѣ-поля* (√ — √ √), *поля* скажется одинаково безъ ударенья, (какъ лиррихій: √ √); тог- да какъ при: *чисто поле*, было бы въ родит. еднств.: *полѣ* (хорей: — √), а въ именит. мнж.: *полѣ* (ямбъ: √ —).

Точно также: *сыръземля, о сыръземлю**; *синѣ море, у синѣ моря*;

* Писать подобныя двойныя слова воедино, какъ пишутъ *Нессе- руде*, пожалуй, не слѣдовало бы. Но вѣдъ другой способъ соединенія посредствомъ черточки не устраняетъ вполне возможности удареній въ обоихъ соединенныхъ словахъ, какъ напримѣръ въ *кое-кто, се- верно-русскій, генералъ-адъютантъ*. А какъ у насъ покамѣсть рѣчь должна быть о только одномъ звуковомъ слога въ такихъ словахъ какъ *сыръземля*, то я и предпочелъ на первый разъ орфографію, хоть бы и не совѣтъ правильную, но ужъ при которой вы, безъ думы, прямо на глазъ, въ одномъ слога одно и ударенье видите.

быстрѣрка, изъ быстрѣрки, во быстрѣрки; или тихѣрка, ширѣрка, желтылески, сыпучылески, темныяса, бѣлыснага, ясѣсоколъ, черѣнворонъ, лютазмѣа, бѣлыруки и бѣлыручки, рѣзыноги и рѣзыножки, желтыкудри и черныкудри, могучолаечо, ретивосердце, ясныочи, любимасемья, грозѣнпосола, божыцерковь, глубоклогребъ, шелковповодъ, каменастрѣла, золотакорма, зеленѣвимо*.

Удареніе въ такихъ словахъ бываетъ всегда на послѣднемъ слогѣ прилагательнаго пока въ существительномъ не болѣе и не менѣе двухъ слоговъ. Съ измѣненіемъ этой нормы передвигается удареніе. Въ первомъ случаѣ, то-есть когда слогъ въ существительномъ станетъ болѣе двухъ, передвигается удареніе на первый слогъ существительнаго, напримѣръ: яснѣсокола, чернѣворона. Во второмъ случаѣ, когда слогъ въ существительномъ станетъ менѣе двухъ, удареніе останется на томъ же самомъ слогѣ прилагательнаго, но слогъ этотъ сдѣлается ужь предпослѣднимъ, ибо окончаніе прилагательнаго удлинится,—конечно только на этотъ случай,—напр. въ родител. множеств. будетъ: быстрѣхрѣкъ, а не быстрѣхрѣкъ; со рѣзыныхогъ, изъ бѣлыхрукъ. Если же число слоговъ увеличится такъ что въ существительномъ и прилагательномъ, вмѣстѣ взятыхъ, станетъ слоговъ болѣе пяти, то слово,—опять только на этотъ случай (чаще всего въ твор. множ.)—распадается уже на два слова, напримѣръ (3+3=6) желтыми пескѣми; (4+3=7): широкѣми рѣкѣми; (3+4=7): яснѣми соколѣми.

По народному понятію, элитеть логически важнѣе самого предмета. И въ самомъ дѣлѣ, въдъ элитетомъ предметъ оживотворяется, становится видимъ (бѣлыручки, желтылески); становится слышимъ (гремѣчкаючъ, тихѣрка); становится ощущимъ (сырѣземля, горячѣслеза); одухотворяется (ретивосердце, ясныочи и т. д. Сымать удареніе съ этого великаго слова, съ элитета, и чрезъ то какъ бы подчинять элитеть слову самому по себѣ безжизненному, предмету, рѣшительно не логично бы; а поэтому и не любо народу таково что онъ всѣми

* Вѣрнѣе бы, кажется, писать: зеленѣвимо. Отъ зелѣ=лихая сила; такъ какъ въдъ и зеленѣ, отъ зеленъ=зелѣ=трава, особенно цѣлебная или же вредная, имѣеть въ этомъ разѣ то же значеніе; конечно, не травника—настойки, а опьяняющаго вина, сильнаго, люхаго, бѣдоваго малитка и подкрѣпляющаго и ослабляющаго.

возможными способами старается избѣгать обеззвученія эпитета. Онъ напимѣръ сократитъ существительное, хотя бы и не обычнымъ образомъ, и скажетъ не только: Новáграда, чернáврана, — *града, врана*, и безъ того говорится, — но даже и яснáс'кола, (собственно: яснáсъкола, ибо сокращенное *о=ъ*) или: могучímí плечми, и (въ двойственномъ) бѣлымáрукма. Бѣлоличико всегда сокращаетъ онъ въ бѣлоличко (върѣше: бѣлоличько, ибо сокращенное *и=ъ*). И коль ужъ, конечно, никогда не скажетъ: глубокáл'гребá, бѣлымíруч'к'ми, то только потому что встрѣча трехъ согласныхъ, и вообще-то, а ужъ такихъ и издавна, неприятна, иногда неспособна даже его тонко-развитому музыкальному уху*.

Прочтите для упражненія слѣдующія двойныя:

Тутъ скопчалъ-то какъ Илья онъ на рѣзвѣногу,
 А схватилъ какъ паленицу за желтъкудри,
 Да спустилъ онъ паленицу на сырүземлю,
 Да ступилъ онъ паленицѣ на правѣногу,
 Да онъ дернулъ паленицу за лѣвѣногу,

 А-й рубилъ онъ паленицу по желтѣмъ кускамъ;
 Да садился-то Илья да на добрá коня,
 Да онъ рылъ-то тѣ кусочки по чистѣю полю. **

Теперь вернемтесь къ прерванному. Я доказываю что у разныхъ глѣвцовъ и въ разныхъ былинахъ смысловыя ударенія приходятся (въ 13числожной былинной схемѣ) на слоги 3й, 7 и 11. Эпитетъ считается въ смысловомъ отношеніи важнѣе предмета, почему, тамъ гдѣ сливается съ предметомъ, и долженъ эпитетъ попадать своимъ звуковымъ слогомъ на мѣста или 3е, или 7е, или 11е. Всего чаще попадаетъ эпитетовое смысловое удареніе на 11е мѣсто, не потому чтобы законъ таковъ былъ, а только потому что таковъ вообще строй русской рѣчи, элической, по крайней мѣрѣ.

Мы начали читать изъ быliny Рябинына объ Иванѣ Годиновичѣ:

Они ѣхали раздольцемъ чистѣмъ-полемъ;
 Оны дѣнь ѣдутъ по красному по солнышку,

* Обстоятельнѣе про такія сокращенія, какъ и про остатки второго ударенія въ этихъ двойныхъ словахъ, скажу въ послѣдствіи.

** Рылъ, то-есть бросалъ, *прил. собир.* Былина Рябинына объ Иванѣ Годиновичѣ; всѣ эти ударенія означены собирателемъ, стр. 467.

Она ~~веч~~ ~~идуть~~ по ~~смыслу~~ по ~~массу~~;
Ускоряют-то ~~дорежь~~ ~~чистоме~~ ~~смысл~~.
А-й ~~приехали~~ они во ~~золоту~~-Орду.

Что-нибудь изъ другихъ его былинь про Илью. Князь Влади-
миръ бѣжить смотрѣть Соловья-разбойника:

Онъ скорѣшенько ~~стаеал~~ да на ~~рѣзвѣ~~-ножки,
Кувью ~~шубочку~~ ~~какинулъ~~ на одно лаечко,
То онъ ~~шапочку~~ соболю на одно ушко;
Онъ ~~выходить~~-то на ~~свой~~-то на широкій дворъ.

Алеша ѣздилъ, посланный Ильей, на паленицу. Изъ этой бы-
лины я уже привелъ вамъ выписку въ примѣръ удареній на
влитетахъ; но вотъ кинулись мнѣ въ глаза стиха три съ та-
кими яркими смысловыми удареніями на словахъ: *былѣ*, *смылѣ*,
могѣ, что, такъ и быть, выпишу; за то ужъ этимъ и кончу
отдѣлъ богатырскихъ былинь:

Хоть-то *былѣ* я во ~~раздолзидѣ~~ ~~чистоме~~-полѣ,
Да-й не *смылѣ* я къ ~~паленицищу~~ ~~подъѣхати~~,
А-й не *могѣ* я у ней ~~силушки~~ ~~отвѣдати~~.

Перейдемте къ молодецкимъ былинамъ чтобы видѣть вамъ
что и тутъ стихъ тотъ же. У Рябинина ихъ двѣ:

О жевъ неудачливой:

То ~~идѣтъ~~ она съ ~~крестьянской~~ со ~~работушки~~,
Во ~~правой~~-рукѣ ~~несѣтъ~~-то ~~косу~~ ~~острую~~,
Во ~~лѣвой~~ рукѣ ~~несѣтъ~~-то ~~грабли~~ ~~частыя~~,
На ~~лаечкахъ~~ бѣдна ~~горюшица~~ ~~дрова~~ ~~несѣтъ~~.
Приходяа-то къ ~~худю~~ къ ~~малой~~ ~~жижнѣ~~;
Говорилъ-то ей ~~дородный~~ ~~добрый~~ ~~молодецъ~~:
А-й ~~честная~~ а ты ~~вдова~~ аль ~~жева~~ ~~музбная~~?

О горѣ и добромъ молодцѣ:

Она ~~стала~~ вокругъ ~~молодда~~ ~~пожизивать~~,
Ты ~~чего~~ стоишь ~~кручимель~~, ~~добрый~~ ~~молодецъ~~?
Ты ~~чего~~ стоишь ~~печалель~~, ~~добрый~~ ~~молодецъ~~?
То ~~ли~~ ~~городъ~~ тебѣ ~~чужъ~~, ~~люди~~ ~~взмаемы~~
Да-й не ~~знаешь~~ ты ~~куда~~ да ~~пріютитиса~~?

Телерь изъ причитаній Ирины Федосовой и олятъ не изъ
каждаго, конечно, а изъ двухъ-трехъ, какихъ попадетса.

Вотъ налримѣръ про сельскаго старосту:

Стане ~~староста~~ ~~судью~~ тутъ ~~уговаривать~~:
Не ~~давай~~ ~~спѣси~~ во ~~младую~~ ~~головушку~~,
Суровствѣ ты во ~~ретливое~~ ~~сердечушко~~,
Да ты ~~чиномъ~~-то ~~своимъ~~ не ~~возвышайса~~-тко

Едины да всѣ у Бога люди созданы.
На крестьянъ ты съ кулаками не наскакивай.

Сиротка взываетъ къ жатери:

Я порѣскажу тебѣ дочи обидная *
Про свое да горе горькое жительство,
Про свое да я сиротско возростанье.
Не дай Господи на сѣмъ да на блѣдомъ-свѣту
Поостаться отъ родителей отъ матушки;
Надо ластушкой летать да кругомъ лодушекъ,
Надо пятачкомъ кругъ изъ да обиватися,
Точно блочкѣ въ глаза да имъ поглядывать.

Вдова пльвицы жалобится сосѣдямъ:

Не дай Господи на сѣмъ да на блѣдомъ-свѣтѣ **
Вѣкъ корѣтатъ мнѣ за горькоею за пльвицей!
Не порой бѣдна головушка состарилась,
Не во время красота съ лица стерлася,
Куда спѣшь да мое суровство дѣлалось!
На дѣлахъ была побѣдна штукаватая,
На словахъ была побѣдна смысловатая,
Разговорная съ народомъ людьми добрыми.
Какъ попалъ я за горькую за пльвицу,
И сама того побѣдна сдивовалась,
Шутки-шмонючки куда мои дѣлался!

Итакъ примѣры приведенные нами въ доказательство того что смысловыя ударенія имѣютъ въ русскомъ стихѣ опредѣленные мѣста въ былинной схемѣ 8, 7 и 11 выдвигаясь, можно сказать, всѣ удачныя. Удачныя значить убѣдительныя, насколько, конечно, такія эмпирическія доказательства могутъ быть убѣдительны. Эмпирическія доказательства всегда весьма важны, а въ нашемъ дѣлѣ и особенно. Но въ чемъ собственно могутъ убѣдить они? въ действительномъ соблюденіи, болѣе или менѣе постоянномъ, такого-то невидимому закона. Но обыкновенно бываетъ что другіи примѣрами можно доказать, правда, тоже только эмпирически, несоблюденіе того же якобы закона. Возникаетъ слѣдовательно сомнѣніе: что-нибудь одно есть случайность. Что же именно? Мало ослѣдительно привести свидѣтельства соблюденія закона

* То-есть я дочь обиженная судьбой; дочи, зъ краткій звукъ возстановленъ въ полный и.

** Тамъ было: на блѣднѣ-свѣту, тутъ: на блѣднѣ-свѣтѣ, это конечно и ритмически все равно.

нужно еще убѣдить въ неслучайности соблюденія; надо доказать что нарочно, явно-сознательно соблюдается такой-то тогда уже безспорно законъ.

Какіе могутъ быть признаки сознательности соблюденія стихотворнаго закона? Вѣрнѣйшіе признаки такой сознательности все то что называется *licentia poetica*, инаде сказать авторскія натяжки, ибо единая возможная цѣль всѣхъ такихъ натяжекъ—соблюсти во что бы то ни стало извѣстный стихотворный законъ, а такой цѣли не можетъ у автора быть безъ признанія что такой-то законъ существуетъ и что соблюдать его хоть бы и чрезъ силу должно.

Еслибы Пушкинъ сознательно не стремился соблюдать законъ стиха, напримѣръ, ямбическаго, тотъ что въ каждой парѣ словъ нечетному слогу не слѣдуетъ быть сильнѣе четнаго, сказалъ ли бы онъ, *призракъ*? Нѣтъ; всегда, гдѣ только могъ, говорилъ онъ какъ всѣ:

Глазами страшный *призракъ* мѣрилъ.

И однакоже онъ сказалъ:

Богатыря *призракъ* огненный
 Пустой и габельный *призракъ*.

Онъ сказалъ:

Гдѣ на курганахъ *возвышенныя*
 И въ поле *перстолы* указавъ
 Шесть *мѣсть упрямѣнныя* отбѣлъ.

Зачѣмъ же? А зачѣмъ что обычное удареніе (*перстолы*, *упрамѣнныя*, *возвышенныя*) въ этихъ его стихахъ пришлось бы на нечетный слогъ:

И въ но|ле пер|столъ у|казавъ.
 — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪

Нечетный слогъ сталъ бы сильнѣе четнаго той же пары; пара стала бы хореемъ среди ямбевъ и нарушила бы собою общую гармонію ямбическую. Вотъ Пушкинъ и рѣшается передвинуть удареніе въ этомъ словѣ съ обычнаго мѣста на необычное.

Добиваясь соблюсти ямбическую схему тоическаго стиха говорилъ Пушкинъ:

Молчитъ *музыка* боевая;

и добиваясь соблюсти хореецкую, противоположную ямбической, схему того же тоическаго стиха, онъ говорить:

И павъба и громъ *музыки*;

и добываясь соблюсти схему совсѣмъ иного, лубочнаго стиха говорилъ:

А зайка въ лѣсокъ до-дѣлу;

и добываясь соблюсти александрійскую такъ - называемую схему стиха опять совсѣмъ уже иного, силлабическаго, говорилъ Святитель Дмитрій:

Лежить въ асяхъ на снѣгъ отрочекъ *малѣнкіи*,
Тамъ и матушка его и Осипъ *старѣнкіи*.

Посмотримте не найдемъ ли и въ былинахъ слоговыхъ удареній натянутыхъ съ обычнаго на необычное. Въ былинной схемѣ натажки эти должны попадать на третье мѣсто стиха если слово это первое смысловое въ стихѣ; на седьмое мѣсто если слово второе смысловое и на одиннадцатое мѣсто если слово третье смысловое.

Но спросятъ меня, не ударяютъ ли лѣвцы въ нѣкоторыхъ словахъ заурядъ иначе нежели мы, то-есть наши лексиконы?

Насколько мнѣ извѣстно, постоянно иначе нежели ваши лексиконы, ударяютъ мои лѣвцы только въ двухъ словахъ. Ваше *серебро* и вашъ *богатырь*, даже въ видѣ натажки едва ли найдутся въ былинахъ; тутъ они *богатырь* и *сребро*. Не могу ручаться, но кажется во всѣхъ прочихъ словахъ удареніе необычное и странное бы у литераторовъ, бываетъ и у лѣвцовъ только на данный случай стиха ради.

Если не требуется, натажки лѣвецъ поетъ просто:

Когда *будешь* ты на матушкѣ святой Руси.

Но только-что пропѣвъ *будешь*, поетъ онъ же Рябининъ:

Да-и *будешь* когда у князя у Владимира.

Откройте *Русскую Старину* или *Сборникъ*, и подобные примѣры десятками бросятся вамъ въ глаза.

Рябининъ всегда конечно говорить какъ люди: не *буду* ѣсть... *поѣли* у него... а тутъ вдругъ:

Не *буду* ѣсть твоихъ яствушекъ сахарныхъ

Они *поѣли* поѣли пообѣдали.

И у *него* есте сильные богатыри

Стезько *убидали* молоденькій Добрынюшка.

Какъ не *дасть* мнѣ-ка онъ да супротивникъ.

И столь же сознательно, дабы второе большее удареніе попало на свое мѣсто, на 7е въ стихѣ, Рябининъ поетъ:

Онъ какъ видитъ что *дѣло* ему не по-люди.

Онъ спускался съ той со *бѣры* со высокіа.

По тому ли по *острѣю* по кожевому.

И наконецъ дабы третье большое ударенье попало на 11й слогъ:

Тебя какъ-то молодца да *и менѣмъ* зовутъ
 А-й на слашней Московской на *зѣмлемъ*
 Я въ любви везу Настасью *Митриѣвичну*
 Соберите-тко мнѣ силушки *сорокѣ* тысячъ
 А-й тутъ этой старинукѣ *славѣ* поютъ.

Итакъ нельзя сомнѣваться что лѣвцы вполнѣ сознательно пригоняютъ ударенья на слоги 3, 7 и 11. Но смысловыя слова случайно или не случайно припались подъ эти ударенья стиха? Какъ доказать сознательность подбора смысловыхъ словъ подъ эти три ударенья? Доказывается это перестановкой словъ изъ обычнаго и грамматически правильнаго порядка въ необычный и неправильный.

Эту натяжку позволяли себѣ всегда и всѣ, даже и самыя великія мастера дѣла.

Ужь если Пушкинъ не сказалъ:

Кругомъ Тригорскаго *бродить*,

а рѣшился сказать:

Бродить Тригорскаго *кругомъ*.

Въ лугахъ у рѣчки...

то ужь конечно риемы ради:

надъ холмомъ.

Въ тоническомъ, въ силлабическомъ, въ лубочномъ, и слевомъ въ какомъ бы то ни было *досель извѣстномъ* стихѣ два метрически тождественныя слова (каковы напримѣръ, *кругомъ* (√ — ямбъ) и *бродить* (√ — ямбъ) перестановить наперекоръ живой грамматикѣ мыслимо риемы ради только. Въ же риемы перестановлять такія слова, напримѣръ, вмѣсто:

Въ часы (√ —) *забавъ* (√ —) или празднои скуки, сказать:

Забавъ (√ —) *въ часы* (√ —) или празднои скуки,

было бы совершенно безцѣльно. Вотъ почему такой перестановки и не найдете у самого Тредьяковскаго.

Ужь конечно не хуже Тредьяковскаго хранить стройность русской рѣчи наши народныя лѣвцы. Ни-же въ единомъ стихѣ двухъ словъ не перестановятъ они безъ нужды и безъ цѣли изъ обычнаго по живой грамматикѣ правильнаго порядка въ необычный и неправильный.

Риемы былинный стихъ не знаетъ. Если же завѣдомо не

для рѣшмы, то съ какою же цѣлью могутъ лѣвцы переставлять въ былинномъ стихѣ, одно на мѣсто другаго, словъ метрически-тождественныя? И однакоже вспомните напримѣръ въ послѣднемъ стихѣ послѣдняго приведеннаго отрывка, Ирина говорить:

Шутки-шмоночки куда мои дѣвадися..

вѣдь скажи она:

Шутки-шмоночки мои куда дѣвадися,

вышло бы грамматически правильнѣе, ибо *мои* относятся къ *шуткамъ-шмоночкамъ*, а *куда* относится къ *дѣвадися*; метрически же вышло бы все равно, ибо *куда мои* и *мои куда* метрически и то и другое два ямба. Зачѣмъ же она эти ямбы перетасовала?

Вотъ еще примѣръ такой же, но еще повзвѣстнѣе. Въ былинѣ о Святгорѣ Каливинѣ поетъ:

А повыздынь-ка съ гробѣ меня гаубокаго.

Съ гробѣ меня (v—v—) и меня съ гробѣ (v—v—) все равно, зачѣмъ же было не сказать:

А повыздынь-ка меня съ гробѣ гаубокаго.

Да и что за страннѣйшій эпитетъ гробу *глубокій*; уже не испорченнѣйшій ли это стихъ, не оттого ли и слова-то перепутаны? Нѣтъ; всѣ слова этого стиха подобраны удачно, разставлены обдуманно. Дѣло вотъ въ чемъ:

Илья поѣхалъ посмотрѣть Святгора, „лѣрнаго богатирца“, * на весь мѣръ дѣлаго, котораго не носить мать сыра земля и потому не придамо ему ѣздить на Святорусь-землю и ѣздить она только тутъ, по какимъ-то по Святимъ горамъ (горы—это уже не тѣло, а кости земли и выносятся Святгора). Встрѣтились Илья со Святгоромъ, поѣхали вмѣстѣ по этимъ горамъ высокимъ, „по щелейкамъ толстымъ“ ** и наѣхали чудо-чудное, диво-дивное: щельи, скѣлы сошлись въ одномъ мѣстѣ такъ что образуютъ собою „огромный гробъ“. Святгоръ, чтобы посмотрѣть „кому поладится

* *Порный*—сильный, отъ слова *переть*; *спору*—подъ силу колю вытануть; во всю *пору* лошадиною, во весь *опоръ* (по настоящему) тануть, *переть* (переносно же): скакать изо всей силы-мочи.

** *Щелейка*, щелье, ущелье, скѣла, скѣлья, скѣла, *скѣла* и *щѣла* (см. эти послѣднія два слова въ слов. Даля, и тутъ же): *скѣлать*—щелкать зубы; *щельнику*—калейнику-пещернику.

Ударенье на *меня* придаало бы этому слову значеніе: *меня*, а не другаго кого; но въ гробѣ этомъ никого другаго нѣтъ, стало нелзя бы восподымать въ этомъ разѣ слово *меня*, а требуется восподнять слово *гроба*.

Не добивайся Каливинъ того чтобы подъ большія ударенья схемы попадали слова не все равно какія, а именно смысловыя,—онъ бы тутъ, благо, порядокъ словъ вѣренъ и схема метрически исполнена безъ натяжекъ, такъ все и оставилъ. Но нѣтъ; онъ во что бы то ни стало добивается чего-то; онъ гнѣтъ и ломить: изъ хорea *гроба* сдѣлалъ ямбъ *гроба* и отлихнулъ естественный ямбъ *меня* изъ-подъ втораго большаго ударенья; отъ перетасовки этой вышло что *меня* очутилось съ эпитетомъ *глубокаго*; вышло что *гроба* съ этимъ особеннымъ своимъ эпитетомъ *глубокаго* разлучились и легли въ черезполосуцу, да еще какую, грамматически недозволенную; но и вышло за то что Каливинъ добился, чего, явно-сознательно добивался: вывелъ изъ-подъ большаго ударенья слово въ данномъ разѣ не смысловое *меня* и подвелъ смысловое *гроба*. Перекиньте листокъ-другой, и вотъ вамъ у того же Каливина еще примѣръ и еще пожалуй побѣдительнѣе.

Наѣхало, расселилось въ Кіевѣ удолище великое, полуживотное полуболванище какое-то; по обычно-былинному изображенію: голова у него что ливной котель, глаза что лохани помойныя, съ нимъ цѣлая орда и само удолище поганый Татаринъ. Сидитъ это удолище у князя въ палатахъ и развѣдываетъ о признакахъ богатырства Ильи Муромца у самого же Ильи переодѣтаго въ старчище-пелегримище:

А-й великъ у васъ казакъ да Илья Муромецъ?

.....

А по многу ли *вашъ пѣтъ* да Илья Муромецъ?

.....

А по многу ли же къ выти да вина-то пьеть?

Во второмъ стихѣ слова *вашъ* и *пѣтъ*, какъ равныя каждое полуслождею (—), равны между собой. Метрически, стало-быть, все равно, сказать ли:

(7)

А по многу ли *пѣтъ вашъ* да Илья Муромецъ

или же какъ сказалъ Калининъ.

(7)

А по многу ли *вашъ ѣсть* да Илья Муромецъ?

И конечно Калининъ понималъ это, но онъ сообразилъ вотъ что: если ради правильнаго порядка словъ оставить *вашъ* на седьмомъ мѣстѣ и слѣдовательно произносить съ большимъ удареніемъ *вашъ* Илья, вышло бы что возможенъ или даже есть и не *вашъ* Илья, то-есть не русскій, а еще какой-то чужой, татарскій что ли; вышло бы что идолице не безъ учености и продекламировавъ съ удареніемъ *вашъ* Илья держится ученія г. Стасова. А Илья, про выдумки г. Стасова не зная, подумалъ что идолице говоритъ отъ себя, да

Какъ подскочить тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Со своей было каюкою сорочинскою,
Какъ ударить онъ его да въ буйну голову,
Отаетъѣа голова да будто пугъвица.

Вотъ, сообразилъ Калининъ, какія недоразумѣнія вышли бы отъ ударенья на *вашъ*; убралъ лоскорѣе это *вашъ* изъ-подъ ударенья и подвелъ туда *ѣсть*, слово метрически равное слову *вашъ*, но смысловое уже по прямому смыслу ве-просовъ идолица: а по многу ли *вашъ* Илья *ѣсть*, по многу ли пѣть и пр.

Илья все-таки же смахнулъ башку идолицу, но уже не за г. Стасова сочиненья, а за другое, собственное его идолицево вранье.

Хорошо, скажутъ мнѣ; дѣйствительно тутъ удареніе неуважительно было бы на словѣ *вашъ*, и напротивъ, совершенно уважительно на словѣ *ѣсть*. Калининъ это помялъ, нарушилъ, такъ и быть, порядокъ словъ, и переставилъ *вашъ* изъ-подъ ударенья, съ седьмаго мѣста на шестое, а *ѣсть* съ шестаго на седьмое, подъ удареніе. Сознательность тутъ очевидная. Но въ слѣдующемъ стихѣ, въ подобномъ же вопросѣ

А по многу ли же къ выти да вина-то пѣть,

соотвѣтственное слово *пѣть*, однакоже подъ большое ударенье не попало. Это тоже сознательно, тоже во исполненіе закона большихъ удареній на смысловыя слова?

Конечно, это олять того же, только обратное доказательство. Тамъ, въ первомъ вопросѣ, вся суть рѣчи: по многу ли *ѣсть* Илья; а чего именно все равно. Тутъ, во второмъ вопросѣ, суть не въ томъ еще по многу ли онъ пѣть чего

нибудь, а по многу ли *вина* пьеть, да еще за разъ, къ выти, какъ спросилъ цдолице, то-есть къ обѣду, къ ужину, къ каждой вѣдѣ; обыкновенно же побыллинному спрашивается: единомъ духомъ или за единыъ вздохъ пьеть зеленá вина полтретья ведра, то-есть $2\frac{1}{2}$ ведра, значить богатырь. Потому *пять* и оставлено, вѣдѣ ударенья; а подѣ удареньями какъ и вездѣ въ русскомъ стихѣ, поставлены тѣ слова въ коихъ главная суть рѣчи:

А по многу ли же къ выти да вина-то пьеть.

Не столь насильственно перестановлены метрически тождественныя слова у Ирины, но столь же сознательно. Не сказано:

Шутки-шмоночки ⁽⁷⁾ *мои* куда дѣвался,
а сказано:

Шутки-шмоночки ⁽⁷⁾ *куда* *мои* дѣвался.

Чего было выкрикивать про *мои*; конечно *мои*, чьи же иначе? Но *гдѣ* они, *куда* ихъ отвѣдало горемъ, такъ быстро да такъ чисто отвѣдало что и сама того побѣдна сдвигалася. И вотъ *куда* выкликнулось у нея на самую вершину стиха.

Это выраженіе, вершина стиха, наводитъ на мысль, не дорожать ли пѣвцы этимъ срединнымъ удареніемъ больше нежели первымъ и послѣднимъ большими удареньями стиха и не ради ли срединнаго ударенія дѣлалась перестановка словъ. Нѣтъ; это просто случай.

Вспомните приведенныя отрывки; вѣдѣ встрѣчаются же сильныя и даже изо всѣхъ трехъ большихъ удареній стиха сильнѣйшія на третьемъ слогѣ:

Хоть-то былъ я во раздолицѣ чистомъ полѣ,
Да-й не смѣлъ я къ паленицищу подѣхати,
А-й не могъ я у ней силушки отвѣдати.

И точно такъ же на одиннадцатомъ слогѣ:

Курью шубоньку накиннулъ на одно плечко,
То ешь шалочку соболью на одно-ушко.

А то и заразъ на третьемъ и на одиннадцатомъ мѣстахъ очень сильныя.

Хоть же рылец да ты, посрединчекъ, уходишься,
Хоть слышит да ты, начальникъ, приследишься.

Точно такія же сильныя, какъ и на седьмомъ слогѣ:

А по многу ли вашъ ѣсть да Илья Муромецъ.

Шутки-шмоночки куда мои дѣвались.

Натяжки конечно дѣло худое и въ своемъ кровномъ стихѣ не прощительнѣе чѣмъ въ чужомъ, завозномъ. Но не своя и ширь тѣсна, своя и тѣснота просторна. А слѣдовательно все-таки же, не только простить за натяжки, а еще и благодарить должны мы лѣвцовъ нашихъ, и чѣмъ рѣзче были ихъ натяжки, тѣмъ больше благодарить, ибо тѣмъ обнаженнѣе изъ-подъ локрова рѣчи выступаетъ тайна кореннаго закона, стихотворная краеугольность смыслового ударенія.

П. ГОЛОХВАСТОВЪ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЪ УЪЗДѢ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ УЪЗДНЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ВООБЩЕ *

Вопросъ о преобразованіи уѣзднаго управленія, поднятій и обсужденный печатью, поставленъ нынѣ на очередь самимъ правительствомъ. По приглашенію послѣдняго, надъ разрѣшеніемъ сложной и трудной задачи работаютъ уѣздныя и губерскія земства, въ справедливомъ убѣжденіи что съ исходомъ этого дѣла тѣсно связаны интересы всѣхъ сословій и всего государства. При подобныхъ условіяхъ весьма естественно что и отдѣльные земскіе люди ищутъ возможности подѣлиться съ другими своимъ практическимъ опытомъ и подать свой

* Предлагаемая статья и поясняемый ею *Проектъ преобразованія крестьянскаго управленія въ уѣздѣ въ связи съ преобразованіемъ уѣзднаго управленія вообще* принадлежатъ перу человека близкаго знакомаго съ положеніемъ дѣла, видѣвшаго время освобожденія крестьянъ и, въ качествѣ мирового посредника, принимавшаго живое участіе въ этомъ событіи, бывшаго уѣзднымъ предводителемъ дворянства, председателемъ уѣзднаго земскаго собранія, мировымъ судьей, а въ настоящее время состоящаго гласнымъ земскаго собранія. Удерживая свое сужденіе, охотно даемъ мѣсто сужденіямъ лица практически знакомаго съ вопросомъ, которымъ заняты теперь правительство и публика, имѣя въ виду способствовать прежде всего разъясненію задачъ и постановкѣ вопроса. *Ред.*

голосъ по столь важному вопросу, глубоко затрагивающему внутреннюю жизнь страны. Именно этимъ объясняется появление въ печати настоящаго проекта, къ которому авторъ находитъ не лишнимъ присоединить нѣсколько пояснительныхъ словъ.

Вопросъ объ административномъ переустройствѣ уѣзда сводится главнымъ образомъ къ преобразованію крестьянскаго управленія, которое въ своемъ настоящемъ видѣ не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Всѣ другіе вопросы должны занять второстепенное мѣсто по сравненію съ этою основною задачею предстоящей реформы. Понятно поэтому что крестьянскому управленію проектъ отводитъ самое видное мѣсто.

Всякій кто имѣлъ случай близко наблюдать современное положеніе деревни хорошо знаетъ что она поставлена въ ненормальныя условія и страдаетъ многими недугами. Всмотриваясь въ это недужное состояніе, авторъ проекта находитъ что главное зло сельской жизни, съ которымъ связаны другія болѣзненные явленія, заключается въ отсутствіи *порядка* и *власти*, способной его поддерживать, несмотря на нѣкоторое обиліе существующихъ уѣздныхъ властей.

Съ уничтоженіемъ института мировыхъ посредниковъ порвалась живая связь между центральнымъ уѣзднымъ управленіемъ, съ одной стороны, и волостнымъ и сельскимъ, съ другой. Уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, составленное изъ различныхъ должностныхъ лицъ у которыхъ вдоволь своего дѣла, оказалось учрежденіемъ болѣе размышляющимъ чѣмъ дѣйствующимъ. Непремѣнный членъ этого присутствія, одинъ на цѣлый уѣздъ, не въ силахъ былъ справиться, какъ слѣдуетъ, съ возложенною на него задачею превышавшею силъ отдѣльнаго человѣка; съ самаго начала, постановкой своей должности, онъ обреченъ былъ потонуть въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ, ограничивая свою практическую дѣятельность мимолетнымъ вмѣшательствомъ въ особенно выдающіеся случаи сельской жизни. И, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, невозможность исполнить всей работы отняла у людей энергію и заставила ихъ безсильно опустить руки. Государственная полиція, въ лицѣ исправника и становыхъ, занята главнымъ образомъ заботами объ исправномъ постуленіи податей и отбываніи повинностей со стороны крестьянскаго населенія; слѣдуя

установившимся традиціямъ, остатокъ времени и силъ она посвящала наблюденію за высшимъ спокойствіемъ уѣзда и многоразличнымъ канцелярскимъ сношеніямъ со властями и учрежденіями. Урядники, подчиненные полиціи, усвоили себѣ ея взгляды и приемы, явившись въ роли низшихъ полицейскихъ агентовъ, исполняющихъ порученія своего непосредственнаго начальства; той пользы, какой отъ нихъ ожидали, они, по общему признанію, не принесли и не приносятъ. Наконецъ земскія учрежденія, съ уѣздною управою во главѣ, по самой организаціи и задачамъ своимъ, поставлены особнякомъ отъ деревни, завѣдуя нуждами уѣзда, они почти не имѣютъ ничего общаго съ волостнымъ и сельскимъ управленіями. Одинъ изъ немногихъ пунктовъ соприкосновенія, и притомъ едва ли не самый важный, составляютъ мірскіе продовольственные запасы, контроль надъ которыми принадлежитъ земству. По наличному составу управы, контроль этотъ мнимый, и всѣмъ извѣстно что продовольственный вопросъ есть та сторона уѣзднаго земскаго хозяйства которая оставляетъ желать весьма многого.

Такимъ образомъ, вся эта сложная организація уѣзда, этотъ обширный штатъ государственныхъ и земскихъ чиновниковъ слишкомъ удалены отъ народа. Между уѣзднымъ и крестьянскимъ мѣстнымъ управленіемъ образовалось пустое пространство, ничѣмъ не наполненное. Установилось холодное и формальное отношеніе къ селу и деревнѣ, лишь бы спокойно и тихо было на поверхности, а что дѣлается тамъ, въ глубинѣ народной жизни, до этого никому не было никакого дѣла. Крестьянскія избирательныя учрежденія, требовавшія заботливаго и теплаго отношенія къ себѣ, нуждавшіяся въ участливой поддержкѣ и живомъ надзорѣ, были покинуты на произволь судьбы, предоставлены своимъ слабымъ силамъ. А случилось это какъ разъ въ ту минуту, когда старыя формы жизни были разбиты великою реформой, новыя же только начинали складываться. Можно представить себѣ чтò вышло изъ всего этого...

Ловкіе практическіе люди, конечно, не замедлили воспользоваться благоприятными условіями. Сельское и волостное управленіе быстро стало выражаться въ хищнической произволь лицъ сумѣвшихъ эксплуатировать крестьянскую автономію для устройства своихъ личныхъ дѣлъ. Сельскій хищникъ различныхъ видовъ и наименованій, старшина,

писарь, кабатчикъ, подыялъ голову: открывалось широкое и благодарное поле для его стяжаній. Онъ началъ безнаказанно совершать свои опустошенія, опираясь на худшую, ладкую до соблазна часть крестьянскаго населенія, подкупаемую виномъ. Рѣшеніе и вершеніе дѣлъ перешло въ руки самыхъ ненадежныхъ крестьянъ, которые въ союзѣ съ хищникомъ и подъ его искуснымъ руководствомъ получили перевѣсъ и преобладаніе въ замутившемся крестьянскомъ міру. Наиболѣе степенные, трезвые и нравственные элементы деревни попрятались и притихли по своимъ угламъ. Подъ наружно-спокойною и благополучною сельскою жизнью, какою она казалась далекимъ уѣзднымъ администраторамъ, совершался внутренній недужный процессъ. Разумѣется этотъ внутренній недугъ сталъ съ теченіемъ времени пробиваться на поверхность и выражаться болѣзненными симптомами: не говоря уже о разнообразныхъ и возмутительныхъ злоупотребленіяхъ волостныхъ и частію сельскихъ должностныхъ лицъ, среди крестьянскаго населенія стали увеличиваться кражи и другія преступленія, умножаться поджоги, учащаться семейные раздоры, сопровождаемые разорительными дѣлами. Между тѣмъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ возраставшаго зла никто не принималъ, даже серіозныхъ попытокъ въ этомъ направленіи не было сдѣлано. Все лѣченіе ограничивалось тѣмъ что надлежащія власти боролись съ отдѣльными проявленіями болѣзни; но онѣ были бессильны направить свои удары противъ самаго ея источника. Разумѣется такая борьба не могла дать благихъ результатовъ; опытъ показалъ что она была бесплодною: парализованная въ одномъ мѣстѣ, болѣзнь тѣмъ съ большею силою пробивалась въ другомъ.

Такова въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ безотрадная картина современной деревни. Въ отсутствіи порядка и авторитета, недостатокъ которыхъ болѣзненно ощущается на мѣстѣ, заключается коренное зло, отъ котораго страдаетъ крестьянское населеніе. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть основную причину того печальнаго положенія дѣлъ, которое столь основательно тревожитъ правительство и озабочиваетъ общество.

Если положеніе деревенскихъ дѣлъ опредѣлено вѣрно, то само собою очевидно въ какую сторону должно быть направлено лѣченіе и откуда нужно ждать исцѣленія. Прежде всего, конечно, не отъ существующихъ уѣздныхъ властей: мало

подвижныя или далекія отъ народа, онѣ слишкомъ опутаны рутиной формализма чтобы стоять на высотѣ требованій представляемыхъ жизнью. Для этого необходима власть дѣятельная и живая поставленная среди народа и его вседневныхъ нуждъ, такая къ которой крестьянинъ могъ бы обращаться залпото не жертвуя ни временемъ, ни средствами на ея розысканіе, какъ это имѣеть мѣсто теперь; власть, которая съ одной стороны была бы въ достаточной мѣрѣ надѣлена средствами для исполненія своей трудной задачи, а съ другой, поставлена подъ надежный и зоркій контроль способный оградить населеніе отъ возможныхъ злоупотребленій. Организация именно такой власти составляетъ основную мысль настоящаго проекта, при практической постановкѣ которой было желательно избѣгать нѣкоторыхъ крайностей, высказываемыхъ въ печати и обществѣ.

Признавая существующее уѣздное управленіе неудовлетворительнымъ, мы не раздѣляемъ однако ни увлеченія тѣхъ которые видать спасеніе въ большемъ чѣмъ нынѣ привлеченіи народа къ управленію, ни мнѣнія тѣхъ которые возлагають слишкомъ большія надежды на образованное общество. Наблюденія надъ жизнью убѣждаютъ въ томъ что какъ тотъ, такъ и другой взглядъ погрѣшаютъ односторонностью. Ни общество, поставленное въ положеніе народнаго опекуна, ни народъ вполне предоставленный самому себѣ, не въ состояніи справиться съ растущими требованіями жизни и,—еще менѣе,—съ тѣмъ болѣзненнымъ состояніемъ какое переживаетъ страна въ настоящее время: народъ слишкомъ неопытенъ въ дѣлахъ управленія и слишкомъ податливъ на вредныя стороннія вліянія; общество слишкомъ слабо по численному своему составу, да и не всегда достаточно подготовлено къ дѣлу.

Избѣгая помянутыхъ крайностей, мы думаемъ что для удовлетворительнаго разрѣшенія столь серіозной задачи какъ уѣздное управленіе должны быть привлечены всѣ наличныя добрыя силы страны, къ какимъ бы слоямъ онѣ ни принадлежали. Этою точкой зрѣнія объясняется общая тенденція составленнаго нами проекта, приложеннаго къ настоящей статьѣ, состоящаго въ томъ чтобы связать въ уѣздной организации народный элементъ съ элементомъ общественнымъ, насколько это возможно при данныхъ условіяхъ.

Не раздѣляемъ мы и другаго довольно распростран-

наго мѣстнаго, проводящаго рѣзкую раздѣляющую черту между государствомъ и земствомъ. Стремленіе обособить центральное управленіе отъ мѣстнаго и поставить ихъ во взаимное оппозиціонное положеніе однакоже вредно отзывается какъ на общихъ государственныхъ интересахъ, такъ и на интересахъ земскихъ. Поскольку стремленіе это обнаруживается въ жизни, оно является печальнымъ наслѣдіемъ послѣднихъ десятилѣтій, отъ котораго съ помощію Божіей должна избавиться наша страна.

Недружелюбное отношеніе двухъ столь важныхъ органовъ, въ значительной мѣрѣ впрочемъ преувеличиваемое, должно уступать мѣсто согласной работѣ на общей нивѣ.

Поэтому, рассматривая взаимное недоувѣріе представителей высшей власти и мѣстнаго самоуправленія, какъ преходящій признакъ времени, какъ аномальное явленіе жизни, разчитывая на обыкновенный естественный порядокъ отношеній, полагаемъ необходимымъ органически связать земскія учрежденія въ широкомъ смыслѣ съ общою государственною организаціей.

Тѣсный союзъ государства и земли, объединенныхъ общою заботой о нуждахъ страны, представляется ему тѣмъ нормальнымъ положеніемъ вещей, къ установленію котораго слѣдуетъ стремиться. Отсюда становится понятною другая тенденція проекта, дать мѣсто государственному элементу въ отправленіяхъ административной жизни уѣзда.

Руководствуясь вышеизложенными соображеніями, мы старались намѣтить въ представляемомъ проектѣ лишь общія основныя черты предполагаемой реформы уѣзднаго управленія, оставляя въ тѣни разработку частныхъ вопросовъ. Естественно поэтому что при ближайшемъ обсужденіи дѣла подробности проекта могутъ подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ. Относительно же основаній проектируемой реформы авторъ позволяетъ себѣ думать что въ пользу нихъ аргументируетъ сама жизнь.

Ограничиваясь приведенными общими замѣчаніями, дальнѣйшія поясненія удобнѣе будетъ расположить соответственно главамъ и отдѣльнымъ статьямъ проекта.

I.

О приходскомъ и сельскомъ управленіи.

Ст. 1—4. Единицею обособленнаго крестьянскаго управленія избранъ приходъ, какъ самое естественное дѣленіе созданное жизнью. Признаніе административнаго значенія за этою бытовою единицею, слагавшеюся вѣками, вполне отвѣчаетъ установавшимся формамъ сельской жизни. Приуроченное къ району въ которомъ населеніе находится въ постоянномъ и дѣятельномъ общеніи и связано близкими взаимными отношеніями, приходское управленіе имѣетъ всѣ преимущества существующаго сельскаго, выгодно отащаясь отъ этого послѣдняго тѣмъ что оно въ значительной мѣрѣ закрываетъ доступъ вредному вторженію въ общественныя дѣла отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ, всегда склонныхъ эксплуатировать „міръ“ въ свою пользу. Но самое главное преимущество приходскаго управленія заключается въ томъ что оно должно обходиться дешевле сельскаго и съ меньшими затратами, можетъ быть устроено лучше послѣдняго, не уступая ему ни въ доступной близости къ управляемымъ, ни въ знаніи ихъ положенія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства что приходъ, какъ средоточіе религіозной жизни, по существу своему призванъ группировать вокругъ себя мѣстныя благотворительныя и цѣлыя учрежденія (богадѣльни, больницы, школы), что, какъ извѣстно, предусмотрѣно самимъ законодателемъ въ положеніи о приходскихъ попечительствахъ и уже осуществляется кое-гдѣ. При такихъ условіяхъ приходъ можетъ стать ближайшимъ центромъ къ которому тяготеютъ интересы населенія. Естественно поэтому что здѣсь же должно находиться и ближайшее крестьянское управленіе.

Идея приходскаго управленія уже не разъ проникала въ печать и обсуждалась ею, поэтому было бы излишне входить въ подробное указаніе выгодъ какія представляетъ для крестьянъ эта организація.

Ст. 5—10 проекта, опредѣляющія устройство приходскаго управленія, въ общемъ не требуютъ поясненій, ибо онѣ соответствуютъ въ основныхъ чертахъ статьямъ „Положенія о крестьянахъ“, устанавливающимъ волостную организацію.

Примѣтнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются вопросы о приходскихъ хлѣбныхъ магазинахъ, сотскихъ и сельскихъ старостахъ.

Вопросъ о продовольственныхъ хлѣбныхъ запасахъ, выдвинутый и поставленный на очередь недавними мѣстными неурожаами, находится, какъ извѣстно, въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, составляя большое мѣсто уѣзднаго земскаго хозяйства. Было время, когда печать усердно ратовала за обращеніе хлѣбныхъ запасовъ въ продовольственные капиталы и отдѣльныя земства пробовали идти въ настойчиво рекомендуемомъ направленіи. Насколько удачна была проба и полно разочарованіе, лучше всего свидѣтельствуется та же печать, которая уже не поднимаетъ болѣе когда-то любимой мысли. Теперь среди практическихъ земскихъ людей едва ли найдутся такіе которые не признавали бы необходимости наличныхъ запасовъ хлѣба на случай неурожая. Что касается народа, всегда чуткаго къ насущнымъ своимъ интересамъ, то онъ съ самаго начала отнесся недовѣрчиво къ денежному обезпеченію своего продовольствія; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были даже попытки со стороны крестьянъ заводить тайные мірскіе амбары на мѣсто закрываемыхъ явныхъ, причемъ затѣя держалась въ большомъ секретѣ отъ властей. Несмотря однако на то что настоятельная необходимость въ хлѣбныхъ запасахъ живо сознается всѣми, это важное дѣло попрежнему находится въ самыхъ дурныхъ условіяхъ: поставленные подъ наблюденіе уѣзднаго земства, запасные магазины разбросаны по отдѣльнымъ деревнямъ и селеніямъ, что обуславливаетъ собою рядъ печальныхъ послѣдствій. Земство поеволѣ осуждено довольствоваться фиктивнымъ надзоромъ и бумажнымъ контролемъ: оно не имѣетъ ни времени, ни силъ слѣдить за дѣйствительнымъ состояніемъ хлѣбныхъ запасовъ въ каждомъ селеніи уѣзда и наблюдать за ихъ правильнымъ поступленіемъ и расходованіемъ. Мірскіе приговоры о выдачѣ хлѣба нуждающимся, утверждаемые уѣздною управой, въ очень рѣдкихъ случаяхъ провѣряются на мѣстѣ; утвержденіе ихъ обратилось въ простую формальность, которая даже не всегда соблюдается.

Понятно что при такомъ положеніи дѣла открывается широкая возможность злоупотребленій: обыкновенно налично имѣется хлѣба, и притомъ самаго дурнаго качества, менѣе чѣмъ слѣдуетъ: запасъ пополняется несвоевременно и непра-

вильно, выдается не тѣмъ кто нуждается, а тѣмъ кто вліятельнѣе и богаче, нерѣдко расхищается самымъ недобросовѣстнымъ образомъ, причѣмъ отвѣтъ несутъ мыши, утечка да усышка. Эти и иныя злоупотребленія остаются безнаказанными,—чаще всего не доходятъ до лицъ коимъ то вѣдать надлежить. Оттого и выходитъ что въ случаяхъ серьезной народной нужды мірскіе запасы хлѣба не могутъ помочь бѣдѣ. Но многочисленность и разбросанность запасныхъ магазиновъ имѣютъ и другія невыгоды. Не говоря уже о караулѣ хлѣбныхъ помѣщеній, лежащемся нелегкою повинностью на народъ, устройство и содержаніе ихъ въ порядкѣ всегда является чувствительнымъ расходомъ для крестьянъ: въ селеніяхъ небольшихъ, а таковыхъ большинство, расходъ этотъ становится обременительнымъ и тяжелымъ. Поэтому неудивительно что общественные магазины представляютъ собою часто совершенныя развалины служащія не къ сохраненію, а къ уничтоженію хлѣба.

Если не всё, то весьма многіе изъ указанныхъ недостатковъ существующаго устройства мѣстной продовольственной части устраняются сами собою, какъ скоро, согласно проекту (ст. 7), общественные хлѣбные магазины сосредоточатся въ приходѣ, подъ отвѣтственнымъ завѣдываніемъ приходскаго старшины. Такая централизація мірскихъ амбаровъ, сокращая число ихъ въ три-четыре раза, съ одной стороны, даетъ возможность установить надъ ними правильный и дѣятельный надзоръ, способный устранить злоупотребленія, а съ другой—уменьшаетъ расходы по устройству, содержанію и караулу хлѣбныхъ помѣщеній. Имѣя предъ существующимъ порядкомъ преимущество дешевизны, проектируемая централизація хлѣбныхъ запасовъ позволяетъ доставить мѣстное народное продовольствіе на прочное основаніе и организовать его надлежащимъ образомъ, безъ новаго обремененія крестьянъ. Самый переходъ къ предполагаемому устройству не представляетъ, повидимому, большихъ затрудненій, при осмотрительномъ веденіи дѣла. Экстраординарные расходы, необходимые для первоначальнаго сооруженія приходскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, могутъ быть въ значительной мѣрѣ возмѣщены выручкой отъ продажи существующихъ мірскихъ амбаровъ. Такимъ образомъ, сосредоточеніе продовольственныхъ запасовъ въ приходѣ представляетъ многостороннія выгоды, не вызывая сколько-нибудь серьезныхъ жертвъ со стороны населенія.

Сотскіе, предполагаемые ст. 5 проекта, во многомъ существенно отличаются отъ телерешскихъ сельскихъ сотскихъ. Главныя отличія состоятъ въ томъ что они, во первыхъ, являются по проекту приходскою властью, во вторыхъ, получаютъ жалованье отъ правительства и, третьихъ, соединяютъ въ своемъ лицѣ также обязанности пожарнаго приходскаго старосты. Всѣ эти отличія по сравненію съ существующею организаціей вызваны ея недостатками.

Назначаемые самими крестьянами изъ своей среды, сотскіе составляютъ обширный полицейскій институтъ, покрывающій, какъ сѣтью, всю страну. Они служатъ мѣстными агентами общей полиціи, призываемыми ею на помощь въ нужныхъ случаяхъ и исполняющими ея разнообразныя порученія; кромѣ того, на нихъ лежитъ караулъ и препровожденіе арестантовъ, донесенія о совершившихся преступленіяхъ, задержаніе преступниковъ, поимка бѣглыхъ и т. д. Не вознаграждаемая правительствомъ, сложныя и непріятныя обязанности сотскихъ являются тяжелою повинностью, которой крестьяне боятся и всѣми мѣрами избѣгаютъ. Иногда они отбываютъ эту повинность поочереды, но чаще всего нанимаютъ кого-либо изъ своихъ односельчанъ. При незначительномъ вознагражденіи, охотники отыскиваются, конечно, среди наиболее бездѣльныхъ, нерѣдко пьяныхъ людей. Такимъ образомъ многочисленный штатъ низшихъ полицейскихъ агентовъ, содержимыхъ народомъ, составляетъ въ большинствѣ случаевъ изъ самыхъ дурныхъ представителей крестьянства, а между тѣмъ на нихъ возлагаются весьма серьезныя обязанности. Разумѣется, эти обязанности, въ лучшемъ случаѣ, исполняются кое-какъ. Сплошь и рядомъ они являются укрывателями преступленій, вмѣсто того чтобы быть помощниками при ихъ обнаруженіи: лучше концы въ воду чѣмъ возитъ ся съ властью, сношенія съ которою крестьяне вообще не любятъ. Сотскій, скрывая преступленіе, угождаетъ міру.

Для устраненія недостатковъ существующей организаціи важнѣе всего привлечь надежныхъ людей къ отправленію полицейской службы въ деревнѣ. Лучшій контингентъ могли бы доставить отставные солдаты, въ особенности унтеръ-офицеры; а этого можно достигнуть лишь подъ условіемъ если служба эта будетъ вознаграждаться соотвѣтственно труду. Размѣръ вознагражденія очевидно долженъ быть установленъ въ каждомъ случаѣ особо, что

- можетъ быть сдѣлано съ успѣхомъ только людьми хорошо знающими мѣстные условія. Поэтому проектъ предлагаетъ возложить на уѣздныя земства предварительное опредѣленіе жалованья сотскихъ, окончательно утверждаемое губернаторомъ (ст. 12). Но оплачивая службу сотскихъ справедливость требуетъ чтобы расходы по ихъ содержанію не ложились, какъ нынѣ, на однихъ крестьянъ. Служа интересамъ всего населенія, а не отдѣльнаго сословія, и входя въ составъ общей полиціи, сотскіе должны получать жалованье отъ правительства. При этомъ разумѣется само собою что по количеству дѣлъ одного сотскаго на цѣлый приходъ совершенно достаточно. За то при новой постановкѣ службы низшей полицейскій персоналъ улучшенный въ составъ явится для страны дѣйствительною полиціею безопасности вмѣсто телерешней мнимой. Предлагаемая организація представляетъ и ту важную выгоду что пожарное дѣло въ деревнѣ, отъ плохаго состоянія котораго ежегодно гибнетъ народное имущество на сотню милліоновъ, будетъ взято въ болѣе твердыя руки чѣмъ тѣ которыя держатъ его нынѣ.

Одна сторона проектируемаго устройства низшей полиціи можетъ вызвать серіозныя возраженія: содержаніе приходскихъ сотскихъ потребуетъ значительныхъ расходовъ отъ правительства. Но этого уже невозможно избѣжать ни при какой иной организаціи если хотятъ обезпечить порядокъ и безопасность внутри страны, не возлагая на крестьянъ новаго несправедливаго и непосильнаго бремени. Поэтому, если надежная деревенская полиція дѣйствительно желательна и необходима, съ расходами на нее слѣдуетъ примириться, тѣмъ болѣе что они съ избыткомъ окупятся вѣроятными результатами ея дѣятельности.

Сельскіе старосты, которыхъ имѣеть въ виду ст. 8 проекта, въ отличіе отъ существующихъ, избираются по одному на цѣлое селеніе, а не на каждое отдѣльное крестьянское общество, какъ это дѣлается теперь. Число старостъ, слѣдовательно, сокращается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются и мірскіе расходы на ихъ содержаніе.

Сокращеніе числа старостъ обусловливается въ свою очередь тѣмъ что административные интересы деревни по проекту совершенно отдѣлены отъ интересовъ отдѣльныхъ общинъ, живущихъ внутреннею самостоятельною жизнью. Сельскому старостѣ поручается только общее управленіе;

въ этомъ качествѣ онъ является помощникомъ приходскаго старшины. Выгоды сосредоточенія власти въ лицѣ одного старосты, вмѣсто многихъ, слишкомъ очевидны чтобы слѣдовало останавливаться на нихъ подробно.

Ст. 10 проекта устанавливаетъ приходскій судъ, по образцу волостнаго, съ нѣкоторыми впрочемъ весьма существенными измѣненіями. Такъ, во первыхъ, приходскій старшина обязательно предсѣдаетъ на судѣ. Это измѣненіе внесено въ проектъ по указанію опыта, который удостовѣряетъ что запрещенное закономъ вмѣшательство старшины въ отправленіе правосудія въ дѣйствительной жизни практикуется повсемѣстно и въ широкихъ размѣрахъ. Имѣя всѣ средства чтобы вліять на рѣшенія суда и дѣйствительно вліяя на нихъ, старшина дѣйствуетъ нынѣ изъ-за слуховъ судей; офиціально онъ стоитъ въ сторонѣ и что бы ни творилось ничѣмъ не рискуетъ. Сдѣлавшись предсѣдателемъ, онъ по закону займетъ лишь то положеніе какимъ уже пользуется фактически; но при этомъ онъ явится лицомъ отвѣтственнымъ, что воздержитъ его отъ злоупотребленій, которыя теперь онъ можетъ совершать безнаказанно. Сдерживаемый отвѣтственнымъ положеніемъ предсѣдателя и заинтересованный въ поддержаніи порядка и спокойствія, какъ старшина, онъ внесетъ съ собою въ приходскій судъ дѣятельный и твердый элементъ, котораго такъ часто не достаетъ волостнымъ судьямъ. Во вторыхъ, размѣръ гражданскихъ исковъ разсматриваемыхъ приходскимъ судомъ, значительно пониженъ сравнительно съ телерешнымъ волостнымъ судомъ. Пониженіе объясняется тѣмъ что приходскій судъ, въ качествѣ первой инстанціи, назначается для мелкихъ, такъ-сказать, всѣдневныхъ споровъ, при разборѣ которыхъ желательно избавить тяжущихся отъ излишнихъ хлопотъ. Разрѣшеніе же дѣлъ болѣе серьезныхъ вѣрается земскому волостному суду, который съ тѣмъ вмѣстѣ служить апелляціонною инстанціей приходскаго суда. Втретьихъ, участіе всякаго рода адвокатовъ на крестьянскомъ судѣ не допускается, ибо, какъ показалъ опытъ, въ роли деревенскихъ повѣренныхъ являются обыкновенно люди съ подозрительнымъ прошлымъ, эксплуатирующие своихъ довѣрителей (чиновники и приказные, прогнанные со службы, волостные и сельскіе писаря, потерявшіе свои мѣста, лономари и дьячки, удаленные отъ церкви и т. д.), своею вредною дѣятельностью они причають населеніе къ кляузамъ и

сутяжничеству; не всегда зная обычаи народные и пренебрегая ими, они извращаютъ основной характеръ крестьянскаго суда, сбивая съ толку судей-крестьянъ неумѣстными ссылками на авторитетъ закона. Сверхъ того, повѣренныя въ деревнѣ представляются совершенно излишними: мѣстный судъ, близкій къ тяжущимся, имѣеть въ своемъ распоряженіи все чтобы убѣдиться въ каждомъ данномъ случаѣ на чьей сторонѣ правда. Вчетвертыхъ, наказаніе розгами, предоставленное волостнымъ судамъ, подвергается въ проектѣ значительному и важному ограниченію. Какъ извѣстно, эта высшая мѣра взысканій употребляется нынѣ весьма часто и неразборчиво. Сдѣлавшись наказаніемъ обыкновеннымъ, она даже утратила долю своего карательнаго характера. Но самая дурная сторона дѣла заключается въ томъ что примѣняемая безъ должной осмотрительности и достаточныхъ основаній, розги задѣваютъ иногда людей степенныхъ, дорожащихъ своимъ добрымъ, незалатаннымъ именемъ. Во избѣжаніе этихъ злоупотребленій, проектъ усваиваетъ основную идею порядка заведеннаго и съ успѣхомъ примѣняемаго въ нашихъ войскахъ: тамъ существуетъ особый разрядъ „штрафованныхъ“, въ который зачисляются на опредѣленный срокъ солдаты подвергнутые однажды тѣлесному наказанію и подвергаемые такому поздѣе уже безъ соблюденія въ которыхъ первоначальныхъ условій. Сообразно этому, проектъ постановляетъ что крестьянинъ приговоренный въ первый разъ къ наказанію розгами или подвергавшійся этому наказанію болѣе чѣмъ три года тому назадъ имѣеть право обжаловать рѣшеніе суда до приведенія его въ исполненіе. Право обжалованія, не распространяясь въ теченіе уломянутаго времени на лицъ наказанныхъ, служитъ для нихъ побужденіемъ жить честно и смиренно въ продолженіе этого срока чтобы выдти изъ неприятнаго положенія „штрафованнаго“, для всѣхъ остальныхъ лицъ оно служитъ гарантіей противъ неосмотрительнаго примѣненія позорящаго взысканія. Наконецъ влатыхъ, приходскій судъ приговариваетъ къ аресту не свыше трехъ дней вмѣсто семи которыми располагаетъ судъ волостной. Такое ограниченіе времени вызывается тѣмъ что арестъ какъ наказаніе не отвѣчаетъ условіямъ крестьянскаго быта, лишая арестованнаго возможности работать и нанося черезъ то ущербъ его семьѣ и хозяйству; какъ необходимая мѣра, арестъ можетъ имѣть мѣсто только

въ случаяхъ лянства, буйства и т. д., для чего трехъ дней совершенно достаточно.

Ст. 13 проекта имѣеть въ виду оградить имущество крестьянскихъ должностныхъ лицъ отъ поджоговъ изъ мести. Мѣру эту при настоящемъ положеніи вещей слѣдуетъ признать совершенно необходимою. Положеніе выборныхъ деревенскихъ властей представляется теперь крайне тяжелымъ и ненормальнымъ. Онѣ поставлены между двухъ огней: съ одной стороны ихъ тѣснитъ ближайшее начальство, съ другой—исполняя его приказанія, онѣ встрѣчаютъ враждебный пріемъ у крестьянъ. Иначе и быть не можетъ при условіяхъ въ какихъ онѣ находятся. Непосредственнымъ и дѣйствительнымъ начальствомъ стоящимъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ крестьянскими властями является полиція, главное призваніе которой заключается въ заботахъ объ исправномъ поступленіи податей. Настойчиво преслѣдуя эту цѣль, полиція требуетъ себѣ энергической помощи отъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ: она дѣлаетъ ихъ ответственными за своевременную уплату государственныхъ и земскихъ сборовъ и дворянскихъ оброковъ; въ случаѣ неаккуратнаго исполненія этихъ требованій, она караетъ ихъ штрафами и арестами, подрывая въ концѣ то малое довѣріе какое они успѣли внушить къ себѣ на первыхъ порахъ. Послушныя орудія въ рукахъ полиціи, волостные старшины и сельскіе старосты обращены нынѣ главнымъ образомъ въ сборщиковъ податей, употребляющихъ всѣ силы и мѣры чтобы не провиниться предъ взыскательнымъ начальствомъ. Въ глазахъ народа они являются въ несимпатичномъ образѣ „мытарей“ деревни. Ихъ дѣятельность направленная къ подрыву сельскаго благосостоянія, конечно, не внушаетъ къ себѣ сочувствія; напротивъ, встрѣчаемая глухимъ неудовольствіемъ, она вызываетъ нерѣдко акты мщенія со стороны крестьянъ, обыкновенно выражающіеся въ поджогахъ имущества. За послѣднее время поджоги этого рода стали повторяться все чаще и чаще, ставя деревенскихъ администраторовъ въ безвыходное положеніе между карающею властью, съ одной стороны, и мстящимъ крестьянствомъ съ другой. Естественно что при подобныхъ условіяхъ деревенская выборная служба не представляетъ ничего привлекательнаго для тѣхъ кто хотѣлъ бы честно послужить своему обществу. Тяжелая въ нравственномъ отношеніи, отвѣтственная предъ началь-

ствомъ и не любимая народомъ, она отпугиваетъ отъ себя людей сколько-нибудь порядочныхъ. Теперь стали обычнымъ явленіемъ въ деревнѣ случаи, когда лицо избираемое на ту или другую должность откуляется деньгами или виномъ отъ довѣрія своихъ избирателей.

Охотно идутъ на службу только тѣ которые рассчитываютъ воспользоваться ею для своихъ личныхъ выгодъ; всѣ остальные служатъ поневолѣ и по нуждѣ. Въ результатѣ выходитъ что должность волостнаго старшины, представляющая различныя средства для жизни, находитъ обыкновенно многихъ кандидатовъ, тогда какъ должность сельскаго старосты, не имѣющая такой приманки, замѣщается не безъ затрудненій, рѣдко по желанію, иногда по найму, чаще всего по очереди.

Съ другой стороны, этимъ же объясняется и то печальное обстоятельство что среди телерешскихъ волостныхъ старшинъ добросовѣстный и честный крестьянинъ составляетъ рѣдкое и счастливое исключеніе. Въ большинствѣ случаевъ волостью управляютъ люди старающіеся нажитья всякими неправоными средствами, изъ которыхъ взятки, торговля на общественныя суммы, сопровождаемая растратами, и содержаніе кабаковъ, открываемыхъ на имя брата, свата или пріятеля, являются наиболѣе распространенными видами злоупотребленій. Исполняя требованія начальства по взиманію податей, подчасъ съ жестокою аккуратностью, старшины пользуются полнымъ просторомъ и совершенно безнаказанностью въ незаконныхъ дѣлахъ личной наживы. За этою стороною ихъ дѣятельности присмотрѣть некому, ибо полиція не интересуется ею, а крестьянское присутствіе и его непрѣханный членъ лишены возможности двигаться и слѣдить за жизнью деревни.

Переустроивая крестьянское управленіе, слѣдуетъ старательно позаботиться о томъ чтобъ устранить ненормальныя условія въ которыхъ оно находится. Съ устраненіемъ ихъ, личный составъ деревенскихъ властей улучшится самъ собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнутъ и многія печальныя явленія которыя находятъ теперь пріютъ въ сельской жизни. Въ виду этого, проектъ съ особливою заботливостью относится къ постановкѣ выборныхъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, что конечно не ускользаетъ отъ вниманія читателя. Между прочимъ ту же самую цѣль преслѣдуетъ и рассматриваемая статья, стремящаяся оградить имущество приходскихъ старшинъ и сельскихъ старостъ

отъ поджоговъ. Быть-можетъ, съ теченіемъ времени, при лучшемъ положеніи деревенской администраціи и обновленномъ ея составѣ, въ этомъ огражденіи надобности не будетъ; но теперь оно является настоятельною необходимостью, ибо желательно чтобы добросовѣстное исполненіе обязанностей не было парализовано страхомъ разорительныхъ послѣдствій служебнаго усердія.

II.

О поземельной общинѣ.

Вторая глава проекта (ст. 14—20) посвящена устройству крестьянской поземельной общины, составляющей стародавнюю основу народной жизни. Сохраняя общину во всей ея неприкосновенности, какъ дорогое наследіе исторіи, которое слѣдуетъ съ любовью оберегать отъ разрушительныхъ вѣяній времени, авторъ проекта думаетъ что ея внутренняя жизнь должна быть обособлена отъ сельскаго управленія. Необходимость обособленія обуславливается тѣмъ что хозяйственные вопросы общины и строго-административные вопросы селенія представляютъ два *различныя* дѣла, которыхъ не нужно смѣшивать между собою, въ интересъ услѣдственнаго веденія каждаго изъ нихъ. Это различіе съ особенною отчетливостью обнаруживается въ селеніяхъ гдѣ нѣсколько поземельныхъ общинъ, живущихъ самостоятельною жизнью, а такіа селенія встрѣчаются во множествѣ. Объединяя сельское управленіе въ рукахъ старосты, одного на все селеніе (ст. 8), нельзя не предоставить отдѣльнымъ общинамъ полной свободы въ ихъ внутреннемъ бытѣ, если желательно сохранить общинное начало неприкосновеннымъ. Отдѣленіе сельскаго управленія отъ общиннаго является наиболѣе крупною особенностью разсматриваемой главы по сравненію съ существующимъ нынѣ устройствомъ. Другія ея особенности не нуждаются въ поясненіяхъ или потому что не имѣютъ большой важности, или потому что значеніе ихъ понятно само собою. Поэтому авторъ не считаетъ нужнымъ останавливаться на отдѣльныхъ статьяхъ этой главы, кромѣ статьи 20, по поводу которой будетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Ст. 20, опредѣляя веденіе дѣлъ на общинномъ сходѣ, вносить въ проектъ нѣкоторыя существенныя отклоненія отъ

соотвѣтствующихъ статей „Положенія о крестьянахъ“. Средѣ этихъ отклоненій заслуживаютъ вниманія вопросы о семейныхъ раздѣлахъ и наслѣдованіи и о круговой поруцѣ.

Дѣла до 100 рублей по семейнымъ раздѣламъ и наслѣдованію, какъ и вообще всѣ гражданскія дѣла въ предѣлахъ этой суммы, вѣдаются нынѣ волостными судами; тѣ же дѣла до 500 руб. разсматриваются мировыми судьями, а свыше этой суммы—общими судебными учрежденіями. При этомъ волостные суды должны основывать свои рѣшенія на обычномъ правѣ, тогда какъ мировые суды и окружные суды обязательно руководствуются опредѣленіями первой части X тома. Такимъ образомъ дѣйствующее законодательство устанавливаетъ порядокъ вещей при которомъ дѣла совершенно однородныя могутъ получить не одинаковое направленіе и не одинаковый исходъ, смотря по подсудности; въ одной и той же деревнѣ и общинѣ семейные раздѣлы и наслѣдованіе, по приговорамъ разныхъ судовъ, могутъ быть различны, смотря по величинѣ дѣлаимаго имущества или оставленнаго наслѣдства. Это различіе судебныхъ рѣшеній по однороднымъ дѣламъ носить на себѣ характеръ произвола, подрывающаго въ глазахъ населенія уваженіе къ закону и вызывающаго справедливаго сѣтованія. Еще худшіе результаты получаются въ тѣхъ случаяхъ когда волостные суды, вдохновляемые писарями и адвокатами, начинаютъ, подъ ихъ вліяніемъ, прибѣгать къ помощи X тома, игнорируя исконные обычаи народа. Въ сельской судебной практикѣ рѣшенія другъ другу противорѣчащія, основанныя то на законѣ, то на обычаѣ, не составляютъ теперь рѣдкаго исключенія; а это вноситъ уже дѣйствительный произволъ въ крестьянское правосудіе. Но, независимо отъ произвола, чтобы ловить и оцѣнить все зло настоящаго лорядка, слѣдуетъ вспомнить что такое наши гражданскіе законы. Составленные по западнымъ образцамъ задолго до освободительной реформы, они разчитаны были на примѣненіе среди некрѣпостной Россіи, то-есть некрестьянскаго населенія, бытовья особенности котораго естественно, не принимались во вниманіе составителями. Если, по общему признанію, гражданскіе законы не удовлетворяютъ тѣхъ кого непосредственно имѣли въ виду, и вызываютъ съ ихъ стороны основательный ропотъ, то можно представить себѣ въ какомъ несоотвѣтствіи находятся они со своеобразнымъ складомъ народной жизни. Это въ особенности отно-

сится къ законамъ о семейныхъ раздѣлахъ и наследованіи, не чуждыхъ нѣкоторой политической тенденціи. Находясь въ противорѣчій съ народными воззрѣніями и бытомъ, законы эти тѣмъ тяжелѣе отзываются на крестьянахъ что послѣдніе не умѣютъ или не имѣютъ возможности обходить ихъ, къ чему такъ часто прибѣгаетъ общество чтобъ устранить несправедливыя послѣдствія отжившихъ постановленій (дочери, напримѣръ, награждаются въ противность закону наравнѣ съ сыновьями).

Находя существующій порядокъ подлежащимъ упраздненію, авторъ полагаетъ наиболее цѣлесообразнымъ отнести всѣ крестьянскія дѣла по семейнымъ раздѣламъ и наследованію, на какую бы сумму они ни были, къ вѣдѣнію общинныхъ сходовъ, которые рассматриваютъ и рѣшаютъ ихъ на основаніи обычнаго права. А чтобъ устранить при этомъ самую возможность произвола и пристрастія, которымъ такъ благопріятствуетъ нѣкоторая неуловимость и зыбкость обычнаго права, проектъ постановляетъ что сходъ можетъ опираться въ своихъ рѣшеніяхъ только на тѣ обычаи которые нашли предварительное письменное закрѣпленіе. Съ этою цѣлью каждая община, большинствомъ двухъ третей голосовъ, составляетъ письменный приговоръ, въ которомъ излагается обычное право по вопросамъ семейныхъ раздѣловъ и наследованія. Волостной мировой судья, обязательно присутствующій при' этомъ, слѣдитъ за тѣмъ чтобы въ приговорѣ были предусмотрѣны всѣ стелени родства и свойства, указанныя въ гражданскихъ законахъ. Это необходимо въ тѣхъ видахъ чтобы въ послѣдствіи не обнаружился пробѣлы и недосмотры въ законодательномъ актѣ общины, который долженъ служить руководствомъ не только для нея самой, но и для высшихъ инстанцій, при постановленіи окончательныхъ рѣшеній. Но наблюдая за вѣдѣніемъ правильностью приговора и, въ нужныхъ случаяхъ, помогая его редижированію, мировой судья конечно не долженъ касаться его содержанія, чтобы сохранить народный обычай во всей чистотѣ и неприкосновенности. Только одинъ случай, подсказанный деревенскою жизнью и особо оговоренный проектомъ, составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе: судья не долженъ допускать постановленій о насильственномъ выдѣлѣ имущества члену семьи выходящему изъ нея при жизни и противъ воли законнаго хозяина или хозяйки того имущества. Это исключеніе

изъ общаго правила вызывается тѣмъ что подобныя выдѣлы, встрѣчающіеся довольно часто, всегда разорительно отражаются на благосостояніи крестьянскихъ семей, являясь въ то же время волюющею несправедливостью.

Проектируемая постановка дѣлъ по семейнымъ раздѣламъ и наслѣдованію можетъ однако вызвать нѣкоторыя возраженія. Могутъ замѣтить что составленіе общинныхъ приговоровъ явится для мировыхъ судей новою сложною работою, а они и такъ завалены дѣломъ; кромѣ того, участіе, хотя бы только вышнее, въ составленіи этихъ приговоровъ потребуетъ отъ нихъ предварительной подготовки къ дѣлу и умѣнья взяться за него, чему многіе удовлетворить не въ состояніи. Но, вопервыхъ, возлагая на мировыхъ судей новую и сложную обязанность, проектъ въ то же время значительно увеличиваетъ число мировыхъ участковъ, ограничивая районъ ихъ предѣлами преобразованной волости; вовторыхъ, составленіе общинныхъ приговоровъ только временно, на первыхъ порахъ, потребуетъ отъ нихъ усиленной работы; въ послѣдствіи же имъ придется лишь изрѣдка вносить тѣ или другія дополненія или измѣненія въ первоначальные приговоры. Что касается подготовки и умѣнья, которыхъ не достаетъ нѣкоторымъ мировымъ судьямъ, то здѣсь, на помощь имъ, конечно, не откажутся придти образованные юристы или вообще знатоки дѣла. Какъ извѣстно, за послѣднія десятилѣтія изученіе обычнаго права сдѣлало у насъ большіе успѣхи, привлекая къ себѣ вниманіе не только отдѣльныхъ лицъ, но и ученыхъ обществъ. При такихъ условіяхъ не будетъ особыхъ затрудненій выработать примѣрные типы общинныхъ приговоровъ, хотя бы въ формѣ вопросовъ, какъ это дѣлается теперь въ программахъ для собиранія обычнаго права. На готовую помощь со стороны свѣдущихъ людей можно разчитывать тѣмъ вѣрнѣе что они сами найдутъ въ будущихъ общинныхъ приговорахъ драгоценный матеріалъ для своихъ спеціальныхъ работъ. А если будутъ даны примѣрные типы приговоровъ, составленіе ихъ не представитъ уже на практикѣ никакихъ трудностей.

Вопросъ о круговой поруцѣ, неразрывно связанный съ общиннымъ землевладѣніемъ, въ высшей степени сложный и трудный вопросъ. Въ разное время ученая и періодическая печать подвергала его всестороннему обсужденію, которое однако не привело къ выводамъ сколько-нибудь твердымъ и

прочнымъ. Голоса подѣлились между защитниками общины, со одной стороны, и ея противниками, съ другой. Первые видятъ въ круговой порукѣ неустранимое и вполне справедливое послѣдствіе общиннаго владѣнія землей. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ между прочимъ и авторъ проекта. Признавая общину историческою основой народнаго быта, онъ по тому самому находитъ необходимымъ удержать круговую поруку. Но, удерживая ее въ принципѣ, авторъ думаетъ что круговая порука должна быть ограничена, ибо въ настоящемъ своемъ видѣ она приводитъ на практикѣ ко многимъ крайне нежелательнымъ и несправедливымъ послѣдствіямъ. Тамъ гдѣ богатые крестьяне пользуются вліяніемъ на ходъ общинныхъ дѣлъ, они легко обходятъ неудобства поруки, обращая требованія закона въ мертвую букву; наоборотъ, тамъ гдѣ перевѣсъ остается за бѣдняками, эти послѣдніе взваливаютъ на зажиточныхъ членовъ общины непосильную и несправедливую податную тяжесть, нанося чувствительный ущербъ ихъ имущественному благосостоянію и побуждая ихъ къ выходу изъ общества. И то и другое, разумѣется, одинаково не желательно ни въ интересахъ крестьянскихъ, ни въ интересахъ общинныхъ. Поэтому круговой порукѣ долженъ быть положенъ предѣлъ, который назначается проектомъ въ размѣрѣ трѣянаго оклада нормальной общинной раскладки для каждаго отдѣльнаго домохозяина.

Ст. 21 проекта опредѣляетъ кто платитъ расходы по приходскому, сельскому и общинному управленію. Она является такимъ образомъ заключеніемъ двухъ первыхъ главъ проекта. Примѣрно соображая размѣръ этихъ расходовъ, зависящій главнымъ образомъ отъ величины управляемыхъ единицъ, можно сказать съ приблизительною точностью что крестьянское управленіе обойдется среднимъ числомъ не дороже 1 р. 20 к. съ души, тогда какъ нынѣ оно обходится не дешевле 1 р. 50 к. Остатокъ отъ теперешнихъ расходовъ можетъ пойти на покрытіе издержекъ по волости, которая при новомъ устройствѣ потребуетъ лишнихъ тратъ. Въ общемъ, проектируемая организація уѣзда не должна по расчету автора увеличить расходовъ платимыхъ теперь крестьянами на содержаніе своего управленія.

III.

О земской волости.

Третья глава, о земской волости, составляет самую существенную и важную часть проекта. Тѣ основныя мысли которыя руководили авторомъ при его составленіи нашли въ ней наиболѣе полное и послѣдовательное выраженіе. Вся эта глава съ начала и до конца проникнута стремленіемъ создать такую судебно-административную организацію которая была бы въ силахъ водворить справедливый порядокъ и законность въ расшатанной деревенской жизни, сдвинутой со своихъ прежнихъ устоевъ. Задача заключалась въ томъ чтобы комбинировать наличныя силы уѣзда способомъ наиболѣе отвечающимъ нуждамъ даннаго положенія. Въ этихъ цѣляхъ представлялась необходимую власть близкая къ народу, живая и дѣятельная, способная дѣйствовать за внутреннюю жизнь деревни и вовремя предупреждать и пресѣкать болѣзненные явленія крестьянскаго быта; — власть сильная, вооруженная достаточными средствами для исполненія своего призванія, но въ то же время зорко контролируемая и ответственная за свои дѣйствія предъ обществомъ и правительствомъ. Такова должна быть постановка волостной власти по мысли автора. При этомъ сама волость должна явиться такимъ административно-судебнымъ пунктомъ въ которомъ крестьянинъ находилъ бы разрѣшеніе всѣхъ своихъ недоумѣній и удовлетвореніе всѣхъ своихъ законныхъ требованій и нуждъ. Она должна стать доступнымъ центромъ, куда со всякимъ своимъ дѣломъ шелъ бы крестьянинъ, увѣренный что онъ найдетъ тамъ то что ищетъ. Насколько отвѣчаетъ всѣмъ этимъ требованіямъ проектируемое устройство волости, можетъ показать ближайшій анализъ отдѣльных статей, чего авторъ сдѣлать не въ состояніи, не рискуя придать своей запискѣ слишкомъ обширные размѣры. Онъ остановится поэтому только на нѣкоторыхъ вопросахъ и, по примѣру предыдущихъ главъ, ограничится только бѣглыми замѣчаніями. Но прежде чѣмъ сдѣлать это будетъ не лишнимъ обратить вниманіе еще на одну общую сторону разсматриваемой главы.

Организація волости, какъ видитъ читатель, предполагается всесословная, насколько проведеніе этого нынѣ излюбленнаго начала представляется возможнымъ при существующихъ условіяхъ. Сочувствуя идеѣ всесословности и дѣлая попытку къ ея практическому осуществленію, авторъ думаетъ что въ настоящее время могутъ быть намѣчены лишь первые шаги въ этомъ направленіи и что въ дальнѣйшемъ слѣдованіи по избранному пути нужно выждать указаній самой жизни; слѣпность можетъ скомпрометтировать и затормозить доброе дѣло на первыхъ же порахъ.

Возможность всесословной организаціи покоится на предположеніи что такая организація способна удовлетворять требованіямъ всѣхъ сословій; а для этого нужно чтобы интересы сословій были болѣе или менѣе однородны, хотя бы и несогласны между собою, — нужно чтобы задачи которымъ призвана служить власть были общія, хотя бы даже рѣшеніе ихъ представлялось различнымъ съ точки зрѣнія выгодъ отдѣльныхъ сословій. Только на почвѣ общихъ интересовъ мыслима всесословная организація; иначе всякая попытка въ этомъ направленіи выразится въ механическомъ объединеніи того что въ сущности смотритъ въ разныя стороны, что искусственно сближено и насильно удерживается въ этомъ сближеніи. Поэтому принципъ всесословности можетъ быть осуществленъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ въ какихъ различныя сословія заинтересованы въ однихъ и тѣхъ же практическихъ вопросахъ. Подходя къ русской жизни съ этою мѣркой, прежде всего слѣдуетъ считаться съ фактомъ что между крестьянскимъ міромъ, съ одной стороны, и другими сословіями, съ другой, проведена исторіей рѣзкая раздѣляющая черта. Правда, черта эта, благодаря отмиравъ крѣпостнаго права и инымъ причинамъ, начинаетъ понемногу стираться и исчезать; но только понемногу и только начинаетъ. Было бы близорукимъ насиліемъ надъ жизнью, еслибы законодатель игнорировалъ бытовые различія сословій, нивелируя и подгоняя ихъ подъ одинъ общій уровень: въ проигрышѣ оказались бы всѣ, въ выигрышѣ — никто. Крестьянину, съ его отличительными привычками и потребностями, съ его своеобразными воззрѣніями и бытомъ, должна быть дана и особая организація въ предѣлахъ этихъ особенностей, т. е. въ ближайшей вседневной его обстановкѣ. Вотъ почему авторъ не счелъ возможнымъ общинное, сельское и приходское

управленіе сдѣлать всеобщимъ. Это—міръ исключительно крестьянскій, это—царство специально мужицкихъ интересовъ, которые здѣсь возникаютъ, оттаиваются и борются между собою и здѣсь же находятъ удовлетвореніе. Влустить сюда лицъ другихъ сословій значило бы влустить постороннихъ людей хозяевами въ чужой домъ. То же самое слѣдуетъ сказать и о другихъ сословіяхъ, поскольку они обособлены другъ отъ друга складомъ своей жизни. Но за ближайшими исключительно-сословными интересами начинаются интересы общіе: личная и имущественная безопасность, хорошая дорога, врачебная помощь, мѣры противъ падежа скота и т. д., все это такіе вопросы которые одинаково за дѣлаютъ какъ крестьянина, такъ помѣщика и всякаго другаго деревенскаго обывателя. Для практическаго разрѣшенія ихъ, конечно, нѣтъ надобности устанавливать рядъ специальныхъ сословныхъ властей, которыя, занятая однимъ и тѣмъ же дѣломъ, только мѣшали бы другъ другу; поэтому здѣсь всеобщая организація представляется желанною и необходимою. Какъ далеко должна эта организація проникать въ жизнь, это опредѣляется взаимнымъ отношеніемъ сословій: чѣмъ менше розни между ними и чѣмъ болѣе общихъ интересовъ, тѣмъ болѣе мѣста всеобщей организаціи. Такимъ образомъ бытовья условія мѣста и времени здѣсь все. Насколько вѣрно уловлены эти условія авторомъ проекта, пусть судить читатель самъ.

Обращаясь къ отдѣльнымъ вопросамъ затрогиваемымъ третьею главою, авторъ ограничится бѣглыми замѣчаніями только по нѣкоторымъ изъ нихъ.

Ст. 22—27, опредѣляя въ общихъ чертахъ организацію всеобщей волости, ея характеръ и величину, могутъ быть, ради сокращенія изложенія, оставлены безъ поясненій.

Ст. 28 имѣетъ въ виду волостныхъ мировыхъ судей, районъ дѣятельности которыхъ опредѣляется границами преобразованной волости. Районъ этотъ менше существующихъ нынѣ мировыхъ участковъ; за то кругъ дѣствій мирового судьи расширяется отнесеніемъ къ нему нѣкоторыхъ обязанностей непрѣннаго члена крестьянскаго присутствія, мѣстныхъ нотаріальныхъ дѣлъ до 500 руб. включительно и другихъ специально оговоренныхъ статьями проекта (например, составленіе общихъ приговоровъ о семейныхъ раздѣлахъ и наследованіи по обычаю). Въ существѣ своемъ должность мирового

Судья остается съ тѣмъ же характеромъ какой она носитъ и нынѣ; но мировой судья является болѣе близкимъ и доступнымъ народу, человекомъ болѣе почвеннымъ чѣмъ нынѣ: въ маломъ районѣ онъ можетъ знать бытовые условия жизни и творить судъ скорый и правый. Отнесеніе къ его вѣдѣнію новыхъ судебво-административныхъ дѣлъ не вредитъ его судейскому безпристрастію: дѣла эти точно оговорены проектомъ и не принадлежатъ къ разряду тѣхъ которые мѣшали бы ему спокойно и объективно относиться къ тяжущимся и виновнымъ. А между тѣмъ отнесеніе упомянутыхъ дѣлъ къ вѣдѣнію мирового судьи вызывается необходимостью. Совершеніе актовъ и договоровъ вытекающихъ изъ Положенія 19 февраля 1861 года, исполняемое нынѣ непремѣннымъ членомъ крестьянскаго присутствія, требуетъ лица надежнаго, на добросовѣстность котораго можно было бы вполне положиться. Съ упраздненіемъ крестьянскаго присутствія, что предполагается проектомъ, такимъ лицомъ представляется именно мировой судья: только ему, и никому другому, могутъ быть безопасно ввѣрены столь серіозные интересы какъ составленіе актовъ и договоровъ выкупныхъ, по разверстанію угодій и проч.; по самому своему положенію, условіямъ избранія и характеру должности онъ представляетъ наилучшія гарантіи добросовѣстнаго веденія дѣла. Что касается до нотаріальныхъ обязанностей возлагаемыхъ на мирового судью, то это вызывается неудовлетворительнымъ состояніемъ нашего нотаріата: удовлетворяя нуждамъ другихъ сословій, онъ не способенъ служить крестьянскимъ потребностямъ, волевымъ, потому что недоступенъ по своей отдаленности и сопряженной съ этимъ дороговизнѣ, воторыхъ, потому что въ уѣздахъ онъ является учрежденіемъ торговымъ, ведущимся на началахъ коммерческихъ. Для крестьянина же нуженъ нотаріусъ близкій, недорогой и совѣтливый, который въ необходимыхъ случаяхъ могъ бы дать добрый совѣтъ и научить уму-разуму. Насколько существующій нотаріатъ не отвѣчаетъ крестьянскому быту, лучше всего видно изъ того что крестьяне почти никогда не обращаются къ нему какъ скоро въ дѣло не замѣшаны лица другихъ сословій. Переходъ недвижимой собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія совершается помимо нотаріусовъ, часто даже помимо волостнаго правленія: покулка и продажа, раздѣлъ общей собственности, наследованіе и т. д. закрѣпляются обыкновенно простыми

расписками составляемыми при свидѣтеляхъ; бывають даже случаи когда довольствуются словесными уговорами. Понятно какую шаткость и путаницу вносятъ въ имущественныя отношенія подобное совершеніе важныхъ актовъ, которое ставитъ судъ въ безвыходное положеніе когда до него доходятъ тяжбы по дѣламъ этого рода. Шаткость и путаница, умножающіяся съ каждымъ годомъ, тѣмъ скорѣе должны быть устранены, что въ послѣднее время пріобрѣтеніе недвижимой собственности и переходъ ея изъ рукъ въ руки принимается среди крестьянъ все большіе и большіе размѣры. Чтобы не очутиться въ крайне тяжеломъ и трудномъ положеніи медлить долѣе невозможно; иначе придется не раслутовать, а разсѣкать узелъ крестьянскихъ имущественныхъ отношеній по недвижимой собственности. Возложеніемъ нотаріальной части на мирового судью будетъ удовлетворена одна изъ наиболѣе настоятельныхъ и назрѣвшихъ потребностей деревни.

Стт. 29 — 38 проекта подробно опредѣляютъ устройство волостнаго управленія въ тѣсномъ смыслѣ. Во главѣ этого управленія стоитъ начальникъ земской волости, которому принадлежитъ предсѣдательство въ волостной управѣ. Должность начальника является центральной въ предполагаемой реформѣ уѣзднаго управленія. Въ его лицѣ уѣздъ получаетъ власть доступную, живую и дѣятельную; на него по преимуществу возлагаются надежды по водворенію порядка и законности въ сельской жизни. Съ этою цѣлью онъ надѣляется обширными полномочіями, необходимыми для выполненія трудной задачи. Онъ пользуется приблизительно тѣми же правами какія были присвоены мировымъ посредникамъ, по стт. 31 и 35 Положенія о крестьянахъ. Правительственный наказъ, выработанный при участіи представителей земства, опредѣляетъ съ возможною полнотой и подробностью права и обязанности волостнаго начальника, что гарантируетъ населеніе отъ произвола съ его стороны. Но лучшею гарантіей въ этомъ отношеніи служить, съ одной стороны, контроль надъ дѣйствіями волостнаго начальника и его личная отвѣтственность предъ правительствомъ и земствомъ, съ другой — самый способъ назначенія лицъ на ту должность, болѣе или менѣе обезлечивающій ихъ надежный выборъ. Контролируя дѣйствія начальниковъ волости чрезъ посредство членовъ отъ правительства, губернаторъ, утверждающій ихъ въ должности и зачисляющій на государственную службу, можетъ во всякое время отставить

отъ мѣста то или другое лицо, уведомивъ о томъ ближайшее земское собраніе мотивированною бумагой. Въ свою очередь земское собраніе контролируетъ волостныхъ начальниковъ черезъ посредство гласныхъ, живущихъ по волостямъ; определяемые на должность по избранію земскаго собранія, волостные начальники не могутъ не считаться съ этимъ земскимъ контролемъ, отъ котораго зависитъ ихъ дальнѣйшая служба. Контроля, стало-быть, дѣйствительнаго, а не мнимаго, надъ дѣятельностью волостнаго начальника достаточно. Уже одно это способно оградить населеніе отъ злоупотребленія обширными полномочіями. Но самое надежное огражденіе заключается въ земскомъ избраніи, требующемъ отъ избираемаго имущественнаго и образовательнаго ценза: волостнымъ начальникомъ можетъ быть только лицо болѣе или менѣе состоятельное и образованное. Это излюбленный земскій человекъ, приближенный къ народу; это образованный начальникъ въ родѣ бывшаго мирового посредника, надѣленный достаточными правами чтобы дѣйствовать самостоятельно и энергично. Само собою разумѣется что для привлеченія къ этой важной должности лучшихъ мѣстныхъ людей слѣдуетъ положить начальнику волости достаточное вознагражденіе за его труды. По мнѣнію автора проекта, вознагражденіе должно быть отъ 1.200 до 1.500 руб.

При волостномъ начальникѣ и подъ его предсѣдательствомъ находится волостная управа, предметы вѣдомства которой подробно опредѣляются проектомъ. Одинъ изъ двухъ засѣдателей, избираемыхъ волостнымъ сходомъ, исполняетъ обязанности казначея для приѣма податей и повинностей. При управѣ состоитъ писмоводитель и писецъ, опредѣляемые и отставляемые ею.

Стт. 39—41 устанавливаютъ должность волостнаго полицейскаго пристава, который съ тѣмъ вмѣстѣ является и судебнымъ приставомъ въ предѣлахъ волости. Исполняя полицейскія обязанности и являясь ближайшимъ начальникомъ сотскихъ, приставъ находится въ полномъ подчиненіи волостнаго начальника, по представленіямъ котораго онъ опредѣляется на службу и удаляется отъ нея губернаторомъ. Получая содержаніе отъ 500 до 600 руб., полицейскій приставъ проекта является чѣмъ-то среднимъ между теперешними урядникомъ и становымъ, совершенно излишнимъ при новой организаціи уѣзда. Охраняя порядокъ и безопасность въ волости и

наблюдая за сотскими, приставъ является ближайшимъ помощникомъ волостнаго начальника, приводящимъ въ исполненіе его приказанія и распоряденія.

Стт. 42—44 опредѣляютъ составъ и предметы вѣдѣнія волостнаго всесословнаго схода. Идея всесословности находится здѣсь наиболее отчетливое выраженіе. Предсѣдательство на сходѣ принадлежитъ волостному мировому судѣ, какъ человѣку наиболее безпристрастному по самому положенію своему въ волости. Въ сходѣ принимаютъ участіе, кромѣ волостнаго начальника, засѣдателей управы и мѣстныхъ земскихъ гласныхъ, лица и учрежденія имѣющія по имуществу право голоса въ избирательныхъ сѣздахъ землевладѣльцевъ (по ст. 23 Земск. Положенія) и выборные крестьянъ, по одному отъ 50 дворовъ. Въ общемъ волостной сходъ оставляетъ большинство голосовъ за крестьянами, которые наиболее заинтересованы въ дѣлахъ этого схода, какъ показываетъ подробный перечень предметовъ его вѣдѣнія.

Стт. 45—52 опредѣляютъ организацію и предѣлъ компетенціи волостнаго суда. Волостной судъ является высшею инстанціей по отношенію къ суду приходскому и низшею по отношенію къ мировому судѣ. Отличіе его отъ существующаго волостнаго суда состоитъ, во-первыхъ, въ томъ что онъ постановляетъ окончательныя рѣшенія только по дѣламъ на сумму не свыше 50 рублей (а не 100 рублей, какъ нынѣ), во-вторыхъ, въ томъ что избраніе судей обставлено нѣкоторыми условіями обезпечивающими надежный личный составъ, чего нѣтъ въ существующемъ волостномъ судѣ. Именно недостатками и неудовлетворительностію этого послѣдняго и вызваны упомянутыя отличія. Адвокаты, какъ и на приходскомъ судѣ и по тѣмъ же основаніямъ, не допускаются на судъ волостной, который остается попрежнему судомъ крестьянскимъ по преимуществу.

IV.

Объ уѣздномъ земскомъ управленіи.

Четвертая и послѣдняя глава проекта посвящена устройству высшаго уѣзднаго управленія. Взавѣвъ всѣхъ существующихъ уѣздныхъ учрежденій проектъ предполагаетъ дополнить дѣйствующую земскую организацію установленіемъ

сѣзда начальниковъ волостей и общимъ уѣзднымъ присутствіемъ. Наряду съ этими новыми присутственными мѣстами, тѣсно связанными съ земскими учреждениями и правительственной организаціей, остается, съ незначительными видоизмѣненіями, сѣздъ мировыхъ судей. Такимъ образомъ высшее уѣздное управление сосредоточивается: въ земскихъ учрежденияхъ, сохраняющихъ свой прежній видъ, сѣздахъ волостныхъ начальниковъ и мировыхъ судей и уѣздномъ общемъ присутствіи. Предполагаемая организація уѣзда проще нынѣ существующей.

Стт. 54 — 60 говорятъ о сѣздѣ начальниковъ земскихъ волостей, собирающемся ежемѣсячно въ предсѣдательствѣ земскаго челоѣка—предсѣдателя уѣздной управы. Это сѣздъ избранныхъ земствомъ администраторовъ уѣзда, къ которымъ, съ правомъ голоса, присоединяется членъ отъ правительства, исполняющій обязанности непремѣннаго члена сѣзда. Статьи опредѣляющія положеніе въ сѣздѣ правительственнаго члена достаточно характеризуютъ предполагаемое отношеніе центральной власти къ мѣстному самоуправленію. При хорошемъ выборѣ лица, членъ отъ правительства имѣетъ всѣ средства обезпечить правительственные интересы и оказывать подобающее вліяніе на ходъ административной жизни уѣзда. Съ другой стороны, втнутый въ эту жизнь, онъ явится желаннымъ посредникомъ между мѣстною администраціей и правительствомъ. Разумѣется весьма многое будетъ зависеть отъ того какія лица явятся въ роли мѣстныхъ агентовъ центральной власти. Кругъ дѣйствій сѣзда опредѣляется проектомъ лишь въ общихъ чертахъ: это по преимуществу тѣ вопросы которые подлежали въ свое время вѣдѣнію сѣзда мировыхъ посредниковъ.

Ст. 61, подробно указывая на тѣ видоизмѣненія которыя вносятся проектомъ въ кругъ дѣятельности сѣзда мировыхъ судей, не требуетъ поясненій.

Стт. 62—68 опредѣляютъ составъ, устройство и предметы вѣдѣнія уѣзднаго общаго присутствія, которое по проекту является высшею уѣздною административною инстанціей, замѣняющею собою многія изъ существующихъ уѣздныхъ учреждений. Органически связанное съ земствомъ и подчиненное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ земскому собранію, общее присутствіе отводитъ надлежащее мѣсто представите-

лямъ правительственной власти, положеніе которыхъ въ общихъ чертахъ намѣчается статьями проекта.

Ст. 69, являющаяся заключительною, постановляетъ на кого должны относиться расходы по уѣздному управленію.

—

Заключая бѣглыя замѣчанія къ проекту, слѣдуетъ сказать что онъ значительно упрощаетъ уѣздную администрацію и облегчаетъ сношенія ея съ губернскими учрежденіями, которыя въ свой чередъ могутъ быть преобразованы подобнымъ же образомъ. Изъ существующихъ уѣздныхъ учрежденій и должностей проектъ упраздняетъ: исправника и его помощника, канцелярію при нихъ, становыхъ приставовъ, урядниковъ, уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, его непрѣмѣннаго члена, судебныхъ приставовъ при мировомъ съѣздѣ, различные комитеты и пр. При сокращеніи перечисленныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, новое проектируемое управленіе уѣзда должно обойтись для государства не дороже существующаго, если не считать жалованья сотскихъ, представляющаго крупный расходъ. Для земства и крестьянъ новое управленіе также не обойдется дороже существующаго, хотя на первыхъ порахъ оно и потребуетъ излишнихъ экстраординарныхъ затратъ, главнымъ образомъ на сооруженіе помѣщеній для волостнаго управленія. Съ этими излишними тратами должно помириться правительство и земство, ибо ихъ съ избыткомъ окупитъ хорошее управленіе, въ которомъ чувствуется такой серьезный недостатокъ въ настоящее время.

ПРОЕКТЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ УѢЗДѢ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЕМЪ УѢЗДНАГО УПРАВЛЕНІЯ ВООБЩЕ.

ГЛАВА I.

О приходскомъ и сельскомъ управленіи.

1. Единицей земскаго административнаго управленія для крестьянъ всѣхъ наименованій предполагается признать сельскій приходъ.

2. Приходъ, въ составъ котораго входятъ селенія различныхъ уѣздовъ, долженъ быть причисленъ къ тому уѣзду въ которомъ находится село.

3. Въ селеніяхъ имѣющихъ нѣсколько приходоуъ предоставляется рѣшить, большинствомъ голосовъ по каждому приходу отдѣльно и всѣмъ въ совокупности, желаютъ ли они образовать каждый особое управленіе или одно общее для всѣхъ нихъ.

4. Приходамъ въ которыхъ числится менѣе 300 ревизскихъ душъ предоставляется по своему усмотрѣнію причислиться въ отношеніи управленія къ одному изъ сосѣднихъ приходоуъ, или остаться единицей самостоятельной.

5. Устройство приходскаго управленія предполагается установить въ общихъ чертахъ по образцу нынѣ существующаго волостнаго, т.-е. съ приходскимъ сходомъ и судомъ, приходскимъ старшиной и писаремъ. Сверхъ сего, для выполненія полицейской службы, предполагается имѣть въ приходѣ сотскаго, который долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и приходскимъ пожарнымъ старостой.

Примѣчаніе. Въ приходѣ, по желанію прихожанъ, можетъ быть устроено особое приходское попечительство, завѣдующее дѣлами церкви, школы и благотворенія.

6. Приходскій старшина избирается приходскимъ сходомъ; приходскій писарь опредѣляется по назначенію старшины, сотскій—по найму отъ правительства.

7. Обязанности приходскаго старшины состоятъ главнымъ образомъ въ охраненіи общаго порядка, спокойствія и благочинія въ приходѣ и опредѣляются, съ нѣкоторыми измѣненіями, согласно статьямъ общаго Положенія о крестьянахъ устанавливающимъ обязанности

волостнаго старшины. Сверхъ того, на приходскаго старшину возлагается наблюденіе за хлѣбными запасными магазинами, устроенными при приходскомъ управленіи на весь приходъ, причѣмъ онъ отвѣчаетъ за цѣлость, правильное поступленіе и расходованіе хлѣбныхъ запасовъ.

8. Въ помощь старшинѣ, каждое селеніе прихода избираетъ изъ своей среды сельскаго старосту, одного на селеніе, который, въ кругу возложенныхъ на него обязанностей, подчиняется приходскому старшинѣ.

9. Приходскій сходъ составляется изъ приходскихъ должностныхъ лицъ назначаемыхъ по выбору и изъ крестьянъ, избираемыхъ селеніями входящими въ составъ прихода, по одному отъ каждыхъ пяти дворовъ.

10. При управленіи приходскомъ учреждается особый приходскій судъ, составляющій первую инстанцію крестьянскаго суда.

Устройство, предметы вѣдомства и предѣлы власти приходскаго суда предполагается оставить въ томъ видѣ какъ они опредѣлены относительно волостныхъ судовъ въ общемъ Положеніи о крестьянахъ, за исключеніемъ нижеслѣдующихъ измѣненій:

а) Приходскому старшинѣ не только не воспрещается присутствовать при обсужденіи дѣла, но вмѣняется въ обязанность предсѣдать на судѣ, кромѣ случаевъ когда рассматриваются дѣла которыя возбуждены по его требованію или относятся до лицъ находящихся съ нимъ въ родствѣ, свойствѣ или дружбѣ. По всѣмъ этимъ дѣламъ приходскаго старшину замѣняетъ одинъ изъ очередныхъ судей по жеребью.

б) Приходскій судъ рассматриваетъ споры и тяжбы между крестьянами на сумму не свыше 50 руб.; при этомъ дѣла до 10 руб. включительно рѣшаются имъ окончательно, а свыше этой суммы съ правомъ для сторонъ обжалованія земскому волостному суду.

в) Участіе всякаго рода адвокатовъ на приходскомъ судѣ не допускается; но, въ замѣнъ сего, каждому лицу затрудняющемуся объяснить свое дѣло такъово не воспрещается приводить съ собою одного изъ своихъ родственниковъ.

г) При опредѣленіи приходскимъ судомъ наказанія розгами предоставляется право апелляціи, до приведенія рѣшенія въ исполненіе, всѣмъ тѣмъ лицамъ которыя никогда не подвергались этому наказанію по суду или подвергались ему болѣе чѣмъ за три года до сего.

д) Приходскій судъ приговариваетъ къ аресту не свыше трехъ дней.

11. Назначеніе содержанія на трехлѣтіе приходскому старшинѣ, писарю и сельскимъ старостамъ предоставляется усмотрѣнію приход-

скаго и сельскихъ сходо́въ, по принадлежности; приче́мъ разме́ръ содер́жанія опредѣляется приговорами составленными до избра́нія эти́хъ лицъ.

Примѣчаніе. Хотя назначеніе вознагражденія должностнымъ лицамъ предполагается предоставить усмотрѣнію сходо́въ, но для того чтобы это назначеніе дѣйствительно вознаграждало труды служащихъ, наименьшій разме́ръ содер́жанія по каждой должности отдѣльнаго прихода и селенія долженъ быть предварительно установленъ уѣзднымъ общимъ присутствіемъ на каждое трехлѣтіе и утверждень губернаторомъ.

12. Разме́ръ вознагражденія сотскихъ по приходамъ проектируется уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждается губернаторомъ.

13. Въ видахъ огражденія приходскихъ старшинъ и сельскихъ старостъ отъ поджоговъ ихъ строеній, хлѣбныхъ кладе́й и сто́говъ сѣна изъ мести, за исполненіе ими своихъ обязанностей, предполагается цѣлесообразнымъ установить что всѣ дѣла о пожарахъ у названныхъ должностныхъ лицъ, независимо отъ производства формальныхъ свѣдѣствій, поступаютъ для дознанія къ волостнымъ мировымъ судьямъ, которые препровождаютъ ихъ со своими заключеніями на разсмотрѣніе уѣзднаго общаго присутствія. Дѣйствуя въ качествѣ суда по совѣсти, общее присутствіе постановляетъ окончательное рѣшеніе о вознагражденіи потерпѣвшей стороны, если найдетъ поджогъ болѣе или менѣе вѣроятнымъ, хотя бы преступленіе и не было вполне раскрыто. Разме́ръ вознагражденія опредѣляется: при пожарѣ строеній до разме́ра одной трети страховой оцѣнки, за которую не выдается страховая премія, а при пожарѣ хлѣбныхъ кладе́й и сто́говъ сѣна соображаясь съ оцѣнкой, установленною по свѣдѣніямъ собраннымъ судьей на мѣстѣ. Присужденные присутствіемъ убытки, кромѣ случаевъ когда поджигатель открытъ и обвиненъ по суду, взыскиваются для вознагражденія приходскаго старшины со всего прихода, а для вознагражденія сельскаго старосты—съ села, деревни или посеака, въ которомъ имѣеть проживаніе потерпѣвшее лицо.

ГЛАВА II.

О поземельной общинѣ.

14. Поземельныя общины, входяція въ составъ прихода, какъ бы малы онѣ ни были, будучи связаны внутри себя общиннымъ владѣніемъ землей и уплатой податей, составляютъ отдѣльныя хозяйственныя единицы.

15. Поземельныя общины находящіяся въ одномъ и томъ же селеніи могутъ, по взаимному соглашенію, соединяться въ хозяйственно-общинномъ отношеніи въ одно цѣлое, закрѣпляя свое соглашеніе составленіемъ приговоровъ.

16. Приговоры составляются каждымъ участвующимъ въ соглашеніи обществомъ отдѣльно и всѣми ими вмѣстѣ, по большинству двухъ третей голосовъ, и проверяются на мѣстахъ волостнымъ мировымъ судьей, который окончательно утверждаетъ ихъ.

17. Поземельныя общины ведутъ общинное хозяйство по письменнымъ и словеснымъ постановленіямъ мірскихъ сходовъ, состоящихъ изъ всѣхъ домохозяевъ общины, кромѣ находящихся подъ слѣдствіемъ и опороченныхъ вудомъ. Отсутствующаго домохозяина закрѣпляетъ совершеннолѣтній членъ его семьи, хотя бы то была и женщина.

18. Общинный сходъ избираетъ изъ своей среды выборнаго, для ближайшаго завѣдыванія дѣлами по общинному хозяйству, на сроки отъ одного до трехъ лѣтъ. Выборный собираетъ и распускаетъ общинные сходы и отвѣчаетъ за порядокъ на нихъ.

Примѣчаніе. Выборнымъ общинъ можетъ быть и сельскій староста, если онъ принадлежитъ къ этой общинѣ.

19. Веденіе дѣлъ на общинномъ сходѣ опредѣляется правилами „о сельскихъ сходахъ“, изложенными въ общемъ Положеніи о крестьянахъ; но при этомъ представляются необходимыми слѣдующія дополненія и измѣненія:

а) Относительно семейныхъ раздѣловъ и наследованія:

Общинный сходъ разсматриваетъ и рѣшаетъ, руководствуясь обычнымъ правомъ, дѣла на всякую сумму о семейныхъ раздѣлахъ, а также о наследованіи движимаго и недвижимаго имущества, находящагося въ предѣлахъ общиннаго владѣнія и оставшагося послѣ члена-общинника, между его наследниками какъ членами этой общины, такъ и лицами посторонними.

Обычное право, на основаніи котораго разсматриваются и рѣшаются упомянутыя дѣла о семейныхъ раздѣлахъ и наследованіи, предварительно облакается въ письменный приговоръ, составленный большинствомъ двухъ третей голосовъ общиннаго схода, въ присутствіи волостнаго мирового судьи, который наблюдаетъ чтобы въ этомъ приговорѣ были предусмотрѣны всѣ степени родства и свойства указанныя въ 1 ч. X т. Св. Зак., въ статьяхъ о наследованіи.

Въ названномъ приговорѣ ни въ какомъ случаѣ не допускается относительно семейныхъ раздѣловъ установленіе наследственнаго выдѣла имущества, по требованію самовольно отдѣляющагося члена семьи, при жизни законнаго хозяина или хозяйки того имущества.

Жалобы на неправильныя рѣшенія общинныхъ сходовъ по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ и наследованіи разсматриваются волостнымъ мировымъ судьей и окончательно разрѣшаются съѣздомъ мировыхъ судей на основаніи обычнаго права изложеннаго въ приговорѣ общины.

б) Право крестьянъ на удаленіе порочныхъ людей изъ общества переносится съ общины на полный составъ селенія въ коемъ имѣть проживаніе лицо предназначенное къ удаленію, съ отнесеніемъ расходовъ по сему предмету на все селеніе. Приговоры о такомъ удаленіи проверяются на мѣстѣ волостнымъ мировымъ судьей и окончательно утверждаются уѣзднымъ общимъ присутствіемъ.

в) Приговоры о замѣнѣ общиннаго пользованія землей участковымъ или подворнымъ, о раздѣлѣ мѣрскихъ земель на постоянные наследственные участки и о передѣлѣ мѣрской земли проверяются на мѣстѣ волостнымъ мировымъ судьей и при дальнѣйшемъ разбирательствѣ дѣла касающихся названныхъ предметовъ служатъ руководствомъ при ихъ рѣшеніи.

г) Взаимное круговое ручательство членовъ общины другъ за друга въ исправномъ отбываніи государственныхъ, земскихъ и мѣрскихъ повинностей для каждаго отдѣльнаго домохозяина ни въ какомъ случаѣ не должно превышать по каждому роду повинностей тройнаго оклада нормальной раскладки общины, по тягламъ или душамъ.

20. Расходы на приходское управленіе, кромѣ найма сотскихъ, возлагаются на крестьянъ всего прихода, расходы на содержаніе сельскихъ старостъ—на селенія ихъ избравшія, и расходы по общинному управленію—на отдѣльныя общины.

ГЛАВА III.

О земской волости.

21. Взамѣнъ существующаго дѣленія уѣзда на мировые судебныя участки, полицейскіе станы, участки для исполненія воинской и конской повинностей, для избранія уѣздныхъ земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, и дѣленія на нынѣ существующія волости и урядничества, предполагается раздѣленіе уѣзда на земскія волости.

22. Волостная единица должна имѣть значеніе главнымъ образомъ административное, и притомъ правительственное и земское.

23. Въ составъ проектируемой земской волости входятъ находящіяся въ ея предѣлахъ сельскіе приходы и лица всѣхъ сословій, имѣющія въ ней имущество или проживаніе.

24. Количество приходовъ входящихъ въ составъ земской волости должно быть такое чтобъ общее число жителей въ каждой волости было не менѣе 12 и не болѣе 15 тысячъ.

25. Распредѣленіе уѣзда по земскимъ волостямъ и выборъ мѣстъ для устройства волостныхъ управленій опредѣляется уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и поступаетъ на утвержденіе губернатора.

26. Предполагается слѣдующая организація земской волости: а) волостной мировой судья и при немъ нотаріатъ; б) начальникъ земской волости; в) волостная управа и при ней казначейство для приема податей и сборовъ; г) волостной полицейскій приставъ; онъ же исполняетъ и обязанности судебного пристава по волости; д) волостной сходъ; е) волостной судъ, саужащій второю инстанціей крестьянскаго суда.

27. Волостной мировой судья, какъ органъ судебной власти, по своему назначенію и характеру должности, остается тѣмъ же чѣмъ былъ при названіи участковаго судьи; но въ виду сокращенія района его дѣятельности, представляется вполнѣ возможнымъ возложить на него въ предѣлахъ волости: а) ту часть обязанностей непрѣмннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія которая, треба особаго довѣрія, относится до утвержденія актовъ и договоровъ вытекающихъ изъ Положенія 19 февраля, какъ-то: актовъ и договоровъ выкупныхъ, по разверстанію угодій и проч.; б) нотаріальную часть, относя сюда и утвержденіе кулчихъ крѣпостей на сумму до 500 руб. включительно; и в) обязанности указанныя особо статьями настоящаго проекта.

Примѣчаніе. Камера мирового судьи должна обязательно находиться при волостной управѣ.

28. Начальникъ земской волости есть лицо ответственное предъ правительствомъ и земствомъ за порядокъ, тишину и спокойствіе въ волости и за точное выполненіе всѣхъ распоряженій правительства и земства. Права и обязанности волостнаго начальника должны быть опредѣлены съ возможною точностью правительственнымъ приказомъ, выработаннымъ при участіи представителей отъ земства.

29. Начальникъ земской волости избирается уѣзднымъ земскимъ собраніемъ простымъ большинствомъ голосовъ изъ лицъ имѣющихъ имущественный цензъ для непосредственнаго участія въ избраніи гласныхъ и образовательный установленный для мировыхъ судей. При избраніи же большинствомъ двухъ третей голосовъ земскаго

собранія, начальникомъ волости можетъ быть и лицо не удовлетворяющее этимъ условіямъ, но имѣющее имущество въ размѣрѣ не менѣе одной трети упомянутого имущественнаго ценза и способное вести относящуюся до службы переписку толково и грамотно.

30. Лицо избранное на должность начальника земской волости срокомъ на три года утверждается въ этой должности губернаторомъ и зачисляется имъ на государственную службу. Въ случаѣ же неутвержденія избранія, губернаторъ долженъ увѣдомить о томъ земское собраніе въ опредѣленный срокъ мотивированнымъ протестомъ, который подлежитъ разсмотрѣнію собранія на общемъ основаніи.

31. Начальникъ земской волости можетъ быть уволенъ отъ должности губернаторомъ во всякое время, но при непремѣнномъ условіи мотивированнаго о семъ увѣдомленія ближайшаго земскаго собранія, для разсмотрѣнія и, въ случаѣ надобности, обжалованія его рѣшенія. При увольненіи начальника волости должность его занимаетъ временно, до созыва уѣзднаго собранія, лицомъ командированнымъ для сего губернаторомъ.

32. Волостная управа состоитъ изъ предсѣдателя, начальника земской волости, и изъ двухъ членовъ, засѣдателей, избираемыхъ волостнымъ сходомъ.

33. Предметы вѣдомства и обязанности управы состоятъ въ нижеслѣдующемъ: а) исполненіе всѣхъ возлагаемыхъ на нее порученій, какъ правительствомъ, такъ и земствомъ; б) всѣ дѣла о взысканіи податей и повинностей, какъ государственныхъ, такъ земскихъ и общественныхъ, и надзоръ за ихъ поступленіемъ; в) всѣ дѣла административныя: по строительной и пожарной части, по народному здравію, по прекращенію разныхъ болѣзней и тому подобныя, въ предѣлахъ установленной правительствомъ инструкціи; г) наблюденіе за правильностію торговли въ предѣлахъ волости; д) наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ проселочныхъ дорогъ волости; е) веденіе всѣхъ установленныхъ правительствомъ и земствомъ книгъ и списковъ по отправленію воинской и конской повинности и другимъ предметамъ, равно какъ и собраніе разныхъ свѣдѣній; ж) разсмотрѣніе всѣхъ жалобъ волостнаго полицейскаго пристава на всякое уклоненіе должностныхъ лицъ приходскаго и сельскаго управленій и сотскихъ отъ исполненія законныхъ его требованій и распоряженій; з) разсмотрѣніе жалобъ на крестьянъ со стороны должностныхъ лицъ приходскихъ и сельскихъ управленій на неисполненіе ихъ законныхъ требованій и распоряженій, и и) разсмотрѣніе жалобъ крестьянъ и всѣхъ вообще на дѣйствія и распоряженія приходскихъ и сельскихъ должностныхъ лицъ и сотскихъ.

34. Волостной управѣ предоставляется судебнo - полицейское разбирательство дѣлъ, какъ по жалобамъ указаннымъ въ предыдущемъ параграфѣ, такъ и по другимъ предметамъ, точно опредѣленнымъ. Самый же характеръ и размѣръ предлагаемыхъ управой взысканій было бы вполнѣ целесообразно опредѣлить применительно къ тѣмъ какимъ располагалъ мировой посредникъ, при обнародованіи Положенія 19 февраля, по статьямъ 30 и 32 Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ.

35. Одинъ изъ засѣдателей управы исполняетъ обязанности казначея для приѣма всѣхъ податей и повинностей, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ. При скопленіи суммъ свыше одной тысячи рублей, казначей обязанъ немедленно сдавать ихъ по назначенію.

36. Сохранность суммъ внутреннихъ казначею лежитъ на его отвѣтственности и отвѣтственности управы, на общемъ основаніи; но при несостоятельности казначея и управы, недостающія суммы разлагаются на всѣ предметы государственнаго и земскаго обложенія волости.

37. При земской волостной управѣ состоитъ письмоводитель и писецъ, опредѣляемые и смѣняемые самою управой, которая отвѣчаетъ за нихъ.

38. Волостной полицейскій приставъ охраняетъ внѣшній порядокъ, безопасность и благочиніе въ земской волости, предупрежденіемъ и пресѣченіемъ преступленій и предварительнымъ разслѣдованіемъ совершенныхъ преступныхъ дѣяній, и задерживаетъ виновныхъ.

39. Приставу подчиняются всѣ сотскіе земской волости и оказываютъ содѣйствіе всѣ должностныя лица приходскаго и сельскаго управленій. Полицейскій приставъ исполняетъ въ предѣлахъ волости обязанности судебного пристава уѣзднаго судебнo-мироваго округа.

40. Волостной приставъ, какъ органъ полицейской власти, состоитъ на государственной службѣ и опредѣляется на должность губернатора по представленію начальника земской волости. Онъ находится въ полномъ распоряженіи начальника волости и можетъ быть увольняемъ отъ должности губернаторомъ, какъ по непосредственному его усмотрѣнію, съ увѣдомленіемъ земскаго собранія о причинахъ увольненія, такъ и по представленію уѣзднаго общаго присутствія.

41. Земскій волостной* сходъ собирается въ предсѣдательствѣ волостнаго мирового судьи. Въ сходѣ участвуютъ: а) волостная управа въ полномъ составѣ; б) всѣ земскіе гласные уѣзднаго собранія, получившіе свои полномочія по имуществамъ и по выбору; в) лица и учрежденія имѣющія право голоса въ избирательныхъ сѣздахъ

уѣздныхъ землевладѣльцевъ по имуществу находящемуся въ предѣлахъ волости, согласно статьѣ 23 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ; г) крестьяне, особо для сего избираемые на три года приходскими сходами, по одному отъ каждаго 50 дворовъ.

Прилѣчаніе. Лица имѣющія имуществовный цензъ для непосредственнаго избранія гласныхъ, за отсутствіемъ изъ волости и по другимъ причинамъ препятствующимъ ихъ прибытію на сходъ, могутъ посылать за себя уполномоченныхъ.

42. Волостные сходы собираются по приглашеніямъ мирового судьи, разосланнымъ за недѣлю до схода: а) для выбора двухъ засѣдателей волостной управы; б) для выбора судей волостнаго суда; в) для обсужденія вопросовъ передаваемыхъ уѣзднымъ собраніемъ на предварительное заключеніе волостныхъ сходовъ; г) для обсужденія ходатайствъ волости обращенныхъ къ уѣздному земскому собранію объ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ и потребностей волости; д) для обсужденія вопросовъ о приведеніи въ исполненіе установленныхъ правительствомъ и земствомъ всякаго рода санитарныхъ мѣръ; е) для рассмотрѣнія жалобъ на неправильный призывъ по семейному положенію, при отбываніи воинской повинности; ж) для избранія уполномоченнаго по отправленію конской повинности въ волости.

43. Всѣ рѣшенія волостныхъ сходовъ постановляются простымъ большинствомъ голосовъ, записываются въ книгу и приводятся въ исполненіе чрезъ предсѣдателя, волостнаго мирового судью.

44. Земскій волостной судъ состоитъ изъ судей, избранныхъ земскимъ волостнымъ сходомъ, отъ четырехъ до двѣнадцати.

45. Судьи могутъ быть избираемы или для безсрочнаго въ теченіи года отправленія своей должности, или для отправленія оной по очереди, заранѣе установленной волостнымъ сходомъ, сообразно чему и опредѣляется ихъ число.

46. Судьи волостнаго суда могутъ быть избираемы какъ изъ лицъ составляющихъ сходъ, кромѣ мирового судьи и начальника волости, такъ и изъ прочихъ лицъ проживающихъ въ волости и извѣстныхъ своею благонадежностью. Волостными судьями могутъ быть только лица грамотныя.

47. Волостной судъ собирается каждую недѣлю въ опредѣленный день и назначенное время при волостной управѣ.

48. Волостной судъ вѣдаетъ: а) всѣ споры и тяжбы между крестьянами отъ 10 до 100 руб. включительно, какъ о движимомъ, такъ и недвижимомъ общинномъ имуществѣ, а равно по займамъ, по покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ; б) дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ крестьянскому имуществу

причиненные; в) дѣла по проступкамъ которые будутъ отнесены правительствомъ къ предметамъ вѣдомства волостнаго суда и по которымъ будутъ установлены имъ соответствующія мѣры взысканій; г) дѣла по жалобамъ на рѣшеніе приходскихъ судовъ.

49. Земскій волостной судъ постановляетъ окончательныя рѣшенія только по дѣламъ на сумму не свыше 50 руб.; рѣшенія по всѣмъ прочимъ дѣламъ подлежатъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ мировому судѣ.

50. Дѣла въ коихъ кромѣ крестьянъ участвуютъ лица другихъ сословіи могутъ быть, по желанію сторонъ, предоставляемы окончательному рѣшенію волостнаго суда, но по требованію одной изъ сторонъ, дѣла эти подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, на точномъ основаніи законовъ.

51. Рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ въ волостномъ судѣ производится по совѣсти; при этомъ относительно участія адвокатовъ на волостномъ судѣ соблюдаются тѣ же правила что и на судѣ приходскомъ.

ГЛАВА IV.

Объ уѣздномъ земскомъ управленіи.

52. Для управленія уѣздомъ, кромѣ существующихъ земскихъ учрежденій, предполагается слѣдующая организація: а) сѣздъ начальниковъ земскихъ волостей; б) сѣздъ мировыхъ судей уѣзднаго судебного округа, и в) уѣздное общее присутствіе.

53. Сѣздъ начальниковъ земскихъ волостей собирается въ предсѣдательствѣ предсѣдателя уѣздной земской управы, состоитъ изъ всѣхъ начальниковъ земскихъ волостей, двухъ гласныхъ избираемыхъ для сего уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и члена отъ правительства.

54. Въ случаѣ отлучки или болѣзни предсѣдателя земской управы, обязанности предсѣдателя сѣзда исполняетъ одинъ изъ его членовъ, ими самими для сего избранный и утвержденный губернаторомъ.

55. Сѣздъ открывается въ уѣздномъ городѣ ежемѣсячно, въ определенное заранее время, по соглашенію предсѣдателя этого сѣзда съ предсѣдателемъ уѣзднаго общаго присутствія.

56. Членъ отъ правительства назначается губернаторомъ, состоитъ на государственной службѣ участвуетъ въ засѣданіяхъ сѣзда съ правомъ голоса во всѣхъ его рѣшеніяхъ и, завѣдуя канцеларіей въ качествѣ непрѣмннаго члена сѣзда, приготовляетъ подъ своимъ

руководствомъ всѣ дѣла и бумаги къ слушанію, а равно направляетъ ихъ по назначенію для исполненія постановленнхъ съѣздомъ рѣшеніи.

57. Членъ отъ правительства обязательно ревизуетъ, не менѣе двухъ разъ въ годъ, производство дѣлъ у всѣхъ начальниковъ волостей и тѣхъ приходскихъ старшинъ у которыхъ найдется это нужнымъ. О всѣхъ открытыхъ ревизіей беспорядкахъ и упущеніяхъ онъ доводитъ до съѣзда, который постановляетъ по сему предмету свои рѣшенія въ предѣлахъ власти какаѣ будетъ ему предоставлена закономъ.

58. Съѣздъ начальниковъ земскихъ волостей вѣдаетъ: а) дѣла переданныя на его разсмотрѣніе губернаторомъ и губернскимъ управленіемъ; б) дѣла по произведеннымъ ревизіямъ волостныхъ и приходскихъ управленій членомъ отъ правительства; в) дѣла по жалобамъ на дѣйствія и распоряженія волостныхъ начальниковъ, волостныхъ управъ и полицейскихъ приставовъ; г) дѣла о преданіи общему уголовному суду должностныхъ лицъ приходскаго и сельскихъ управленій и сотскихъ, и д) всѣ вообще дѣла вытекающія изъ административно-полицейскаго завѣдыванія уѣздомъ.

59. Дѣла съѣзда при рѣшеніи которыхъ членъ отъ правительства останется при особомъ мнѣніи представляются на заключеніе губернатору, который, въ томъ случаѣ, если найдетъ особое мнѣніе уважительнымъ, передаетъ дѣло для новаго разсмотрѣнія въ уѣздное общее присутствіе. Если губернаторъ не согласится и съ рѣшеніемъ общаго присутствія, онъ можетъ, приостановивъ его исполненіе, обжаловать дѣло Правительствующему Сенату.

60. Съѣздъ мировыхъ судей остается въ томъ видѣ каковой ему данъ уставами 1864 года, исключая слѣдующія немногія измѣненія:

а) Дѣла состоявшія въ вѣдѣніи непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянокимъ дѣламъ присутствія и отнесенныя настоящимъ проектомъ къ вѣдѣнію волостныхъ мировыхъ судей (§ 26) подлежатъ обжалованію въ мировомъ съѣздѣ, откуда они переходятъ на разсмотрѣніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

б) Дѣла по оскорбленію должностныхъ лицъ приходскаго и сельскаго управленія при исполненіи ими своихъ обязанностей, разбираемыя по настоящему проекту волостными мировыми судьями (§ 26), подлежатъ обжалованію въ мировой съѣздъ на общемъ основаніи.

в) Такъ какъ настоящимъ проектомъ предполагается увеличеніе дѣлъ съѣзда, то казалось бы необходимымъ чтобы мировой судья, завѣдующій городскимъ участкомъ, хоть бы небольшимъ, былъ исключително городскимъ судьей и съ тѣмъ вмѣстѣ исполнял бы обязанности непремѣннаго члена съѣзда мировыхъ судей.

61. Уѣздное общее присутствіе собирается въ предсѣдательствѣ предсѣдателя уѣзднаго земскаго собранія, уѣзднаго предводителя дворянства и состоитъ: изъ всего состава сѣзда начальниковъ земскихъ волостей и сѣзда мировыхъ судей и двухъ гласныхъ, особо для сего избранныхъ земскимъ собраніемъ.

62. Въ случаѣ отлучки или болѣзни предсѣдателя общаго присутствія, обязанности его исправляетъ предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей, а при отсутствіи и сего послѣдняго, предсѣдатель уѣздною земскою управы.

63. Общее присутствіе открывается въ уѣздномъ городѣ, въ сроки заранее установленные по соглашенію предсѣдателя общаго присутствія съ предсѣдателями сѣзда мировыхъ судей и сѣзда начальниковъ земскихъ волостей.

64. Общее присутствіе засѣдаетъ или во всемъ своемъ составѣ, или въ составѣ особыхъ присутствій и комитетовъ. Въ первомъ случаѣ принимаютъ участіе всѣ налицыя члены присутствія, а въ особыхъ присутствіяхъ и комитетахъ только члены особо для сего избранные общимъ присутствіемъ изъ своей среды въ числѣ не менѣе трехъ лицъ и непремѣнные члены этихъ присутствій и комитетовъ.

65. Предсѣдательство въ особыхъ присутствіяхъ и комитетахъ принадлежитъ лицамъ избраннымъ ими самими изъ своей среды, если только это предсѣдательство не присвоено закономъ извѣстной должности, какъ, на примѣръ, предсѣдательство въ присутствіи по воинской повинности, возложенное на уѣзднаго предводителя дворянства.

66. Въ засѣданіяхъ общаго присутствія доклады дѣлъ производятся непремѣннымъ членомъ, избираемымъ самимъ присутствіемъ на одинъ годъ; а въ засѣданіяхъ особыхъ присутствій и комитетовъ обязанности непремѣнныхъ членовъ исполняются, съ правомъ голоса, коронными чиновниками, до вѣдомства которыхъ относятся занятія въ этихъ присутствіяхъ и комитетахъ; такъ въ присутствіи по воинской повинности обязанность непремѣннаго члена возлагается на уѣзднаго воинскаго начальника, въ училищномъ совѣтѣ на инспектора народныхъ училищъ или смотрителя городскихъ училищъ, въ комитетѣ народнаго здравія—на уѣзднаго врача и проч.

67. Къ предметамъ занятій общаго присутствія предполагается отнести: а) всѣ дѣла вытекающія изъ административно-полицейскаго управленія уѣздомъ, которыя будутъ передаваемы на его заключеніе губернаторомъ; б) дѣла указанныя въ настоящемъ проектѣ; в) производство ежегодныхъ ревизій всего волостнаго и приходскаго управленія въ уѣздѣ и волостныхъ и сельскихъ судовъ чрезъ ком-

миссiи, избранныя для сего изъ членовъ присутствiя; г) производство ежегодныхъ ревизiй дѣлъ и счетоводства въ уѣздной управѣ и вообще всего уѣзднаго земскаго хозяйства чрезъ посредство такихъ же комиссiй (ревизионныя комиссiи); д) представленiе докладовъ о результатахъ ревизiи по волостямъ и приходамъ—губернатору и уѣздному земскому собранiю, а о результатахъ ревизiи земской управы—только уѣздному земскому собранiю.

68. Расходы по административному управленiю уѣздомъ, на содержанiе члена отъ правительства, начальниковъ земскихъ волостей, полицейскихъ приставовъ и на наемъ сотскихъ по приходамъ, предполагалось бы отнести на средства государственнаго казначейства; всѣ же прочiе расходы по содержанiю уѣзднаго управленiя и суда, а равно расходы по устройству и содержанiю необходимыхъ помѣщенiй—возложить на уѣздное земство.

Настоящiй проектъ административной организацiи уѣзда не касается городского уѣзднаго управленiя; но онъ представляетъ полную возможность включить это послѣднее въ общiй строй уѣздной администрацiи, если то будетъ отвѣчать намѣренiямъ правительства и земства.

В. ХОТЯИНЦОВЪ,

* * *

Онъ *есть!* И никакія силы
Всеотрицающихъ умовъ
Не создадутъ Ему могилы
Въ вѣдѣ жемчужномъ облаковъ!
Вражда безвѣрія слѣпая,
Свою неправду обличая
Безумной яростью своей,
Напрасно мечется и рвется—
О берегъ въ брызги разобьется
Волна безсильная страстей.

* * *

Вражда преступная безцѣльна,—
Борьба—и съ кѣмъ—(кто вы, кто Онъ?!)—
Былики—съ тѣмъ что безпредѣльно,
Мгновенья—съ вѣчностью временъ!...
Безумно ваше отрицанье
Предъ *безпредѣльностью* познанья
Для насъ раскрытою Творцомъ,
И жалокъ тотъ, кто отвергаетъ
Все, что *теперь* не постигаетъ
Самонадѣяннымъ умомъ....

* * *

Міры сверкають надъ землею,
 Но, передъ таинствомъ ночнымъ,
 Вы, обольщенные собою,
 Полны величіемъ своимъ!...

Наполеоны *мірозданья*,
 Въ мечтахъ свершивъ завоеванья
 Земли и тверди и вѣковъ,
 Вы, въ безграничномъ самомъѣвьи,
 Наказъ вершите и вельяе
 Для васъ невѣдомыхъ міровъ!...

* * *

Мелькнутъ вѣка какъ дни и годы,
 Пройдутъ, какъ люди, племена,
 И государства, и народы,
 Истлѣютъ ваши имена,
 Но голоса природы Божьей,
 Но твердь, Всевышняго подножье,
 Во вѣки восхвалятъ Творца.
 Нѣтъ, тьма не одолѣетъ свѣта,
 И ни единая Завѣта
 Черта не преидеть до конца!

М.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Джіотто и Джіоттисты. А. Вышеславцова. Съ 20 таблицами рисунковъ рѣзанныхъ на мѣди. С.-Петербургъ, Вольфъ, 1881.

Въ русской литературѣ очень мало книгъ какъ по исторіи искусства, такъ и по вопросамъ искусства вообще. Тѣмъ болѣе вниманія заслуживаетъ каждая попытка русскихъ писателей на этой почвѣ. А если такая попытка представляетъ результатъ добросовѣстнаго и подробнаго изученія матеріаловъ и источниковъ, если авторъ хорошо знакомъ какъ съ литературой предмета, такъ и съ самымъ предметомъ, если онъ принимается за свой трудъ съ дѣйствительною любовью къ нему и вслѣдствіе этого создаетъ серіозную и интересную книгу, то предпріятіе такого рода заслуживаетъ не просто вниманія, но признательности и уваженія. Сочиненіе г. Вышеславцова о Джіотто и Джіоттистахъ не только обращаетъ на себя вниманіе; оно вызываетъ у читателя чувство уваженія и признательности къ автору.

Признательности—за то что г. Вышеславцовъ знакомитъ читателя съ одною изъ самыхъ важныхъ эпохъ въ исторіи

искусства, знакомить въ подробномъ и интересномъ изложеніи поясняемомъ рисунками, въ изложеніи затрогивающемъ цѣлый рядъ мыслей, открывающемъ перспективы, сообщающемъ множество фактическихъ свѣдѣній и описаній. Преодолевъ довольно распространенное предубѣжденіе противъ излишней „спеціальности“ книга про искусство, спеціальности которая, будто бы, дѣлаетъ такія книги доступными и понятными лишь тѣсному кругу любителей, русскій читатель не можетъ не почувствовать признательности къ г. Вышеслазцову когда онъ убѣждается изъ его сочиненія въ томъ что предубѣжденіе это было совершенно неосновательно. Известно что примѣръ дѣйствуетъ всегда убѣдительнѣе нежели правило. *Breve et efficax iter per exempla.* Такую убѣдительность имѣетъ монографія о Джіотто и Джіоттистахъ. Цѣлый рядъ произведеній искусства, произведеній которыя, быть-можетъ, извѣстны уже были вамъ изъ рисунковъ, фотографій, даже личнаго знакомства съ ними на мѣстѣ, цѣлый рядъ произведеній искусства получаетъ въ сочиненіи г. Вышеслазцова надлежащее освѣщеніе, вступаетъ въ историческую связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ, становится для васъ звеномъ таинственной цѣпи развитія и обнаруженія вѣчнаго человѣческаго духа въ проявленіяхъ и созданіяхъ искусства. Вы закрываете эту книгу несомнѣнно обогащенными въ вашемъ знаніи и въ вашихъ мысляхъ.

Книга г. Вышеслазцова раздѣлена на десять главъ. Первая глава посвящена *Введенію*, гдѣ авторъ касается въ „нѣсколькихъ словахъ“ задачъ и сущности искусства, византизма, вліянія первоначальныхъ элементовъ италіянскаго искусства, равно какъ самостоятельно развивающихся художественныхъ силъ и значенія Джіотто. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе молодости Джіотто и раннихъ его работъ (глава II), пребываніе Джіотто въ Римѣ (III), во Флоренціи (IV), въ Падуѣ (V), Santa Croce (VI), Сампраніле (VII). Седьмою главой заканчивается біографія Джіотто и описаніе его произведеній. Слѣдующія главы посвящены: Сиенской школѣ (VIII), Джіоттистамъ (IX) и Андрею Орканья (X). Таково расположеніе книги. „Воздерживаясь отъ произвола личныхъ впечатлѣній“, авторъ „держался въ подробностяхъ и критической оцѣнкѣ изысканій извѣстныхъ современныхъ писателей объ искусствѣ.“

Изъ сочиненій болѣе общихъ онъ цитуетъ Вазари, Перкинса Куглера, Шазе, Любке и нѣкоторыхъ другихъ; изъ сочиненій специально касающихся Джіотто—Рускина (*Giotto and his Works*), Лацинио, Дѳма (*Kunst und Künstler*). Дальнѣйшими пособіями служили изданія „Арунделовскаго общества“, статьи разбросанныя по различнымъ специальнымъ журналамъ, фотографическіе снимки, и что главное, личное изученіе памятниковъ въ Италиі. Такимъ образомъ мы имѣемъ предъ собою трудъ построенный на основательномъ знакомствѣ съ предметомъ и его литературой, трудъ самое появленіе котораго могло быть вызвано лишь убѣжденною любовью къ дѣлу искусства и вѣрой въ его значеніе и важность, почтенный русскій трудъ по вопросу широкаго, общечеловѣческаго значенія. Описать процессъ „обрѣтенія искомага образа и выработки формъ“ начиная отъ Джіотто, который положилъ главныя основы образамъ христіанскихъ идеаловъ, и кончая Рафаэлемъ, который эти образы завершилъ—вотъ задача поставленная себѣ г. Вышеславцовымъ. Настоящее сочиненіе о Джіотто и Джіоттистахъ составляетъ лишь первую часть задуманнаго имъ труда. Оно объмаетъ ту эпоху когда искусство „находить себѣ настоящую почву и развивается настолько что можетъ воспріять въ себѣ элементы античнаго міра, не боясь за свою самобытность.“ Вторая часть труда должна объмать собою „эпоху Возрожденія“, ту эпоху когда элементы античнаго міра являются „мощною подмогой для окончательной выработки техники и формъ, для значительнаго расширенія кругозора.“

Наконецъ въ третьей части должно быть рассмотрѣно окончательное завершеніе этого движенія. „Рафаэль является полнымъ представителемъ искусства, обрѣтшаго искомые образы новыхъ идеаловъ, образы которые, выразивъ собой ихъ внутреннюю правду, сдѣлались образцами высшей красоты даже въ наше время, свершающееся уже подъ другими условіями.“

Мы постараемся въ сжатомъ очеркѣ познакомить читателей съ главными взглядами г. Вышеславцова на сущность и задачи искусства, равно какъ и съ главными чертами дѣятельности Джіотто. Ничто такъ не помогаетъ освѣженію духа, ничто такъ не содѣйствуетъ его укрѣпленію какъ внезапно открывающіяся предъ нашими очами новыя области изслѣдованія, гдѣ настоящее вступаетъ въ таинственную

духовную связь съ прошедшимъ, гдѣ духовныя силы прошедшаго являются на помощь и на поддержку изсякающимъ силамъ настоящаго. Такую область открываетъ намъ изслѣдованіе г. Вышеславцова о Джіотто и Джіоттистахъ. Едва ли мы ошибемся сказавъ что для громаднаго большинства читающей русской публики область эта будетъ совершенно новою, ибо, повторяемъ, у насъ почти не существуетъ русскихъ книгъ по вопросамъ искусства и по его исторіи. Мы слишкомъ мало цѣнимъ этическое значеніе искусства, мы слишкомъ мало отдаемъ себѣ отчетъ въ этомъ значеніи. „И почти что странною кажется рѣчь одинокаго идеалиста, когда онъ скажетъ что искусство не есть праздное занятіе, что оно даетъ здоровую пищу душѣ, укрѣпляетъ волю, освѣжаетъ мысль, влечетъ человѣка къ высокимъ идеаламъ отъ подавляющей пошлости, воспитывая въ немъ гражданина, гордо и сознательно смотрящаго впередъ.“

Г. Вышеславцовъ опредѣляетъ что такое искусство.

Съ первыхъ шаговъ культуры человѣчество стремится къ возможно полному выраженію зарождающихся въ немъ идей. Творческая сила даетъ человѣку возможность создавать образъ соответствующій самой идеѣ. Идеи доступныя понятію человѣкъ выражаетъ словомъ. Но есть идеи недоступныя передачѣ словомъ; для такихъ идей человѣкъ подыскиваетъ удобленія; художникъ ищетъ въ природѣ подходящихъ формъ и рѣзцомъ или красками стремится передать то на что не хватитъ словъ. Искусство есть какъ бы новый, непрерывно образующійся языкъ для передачи недоступныхъ слову глубокихъ и всеобъемлющихъ идей человѣчества.

На памяти исторіи человѣчество два раза создавало образы соответствующіе высшему идеалу народностей находившихся во главѣ культуры, и эти образы явили собою образцы высшей красоты. Одинъ разъ это было въ Греціи, во время Фидіа; другой разъ въ Италіи, во время Рафаэля. Фидій явилъ собою полное выраженіе идеаловъ античнаго міра; Рафаэль приблизился къ выраженію идеаловъ новой христіанской культуры.

Процессъ добыванія образа начался у Грековъ съ символическихъ изображеній. Но съ перваго же момента начинающей развиваться культуры пошла неустанная, упорная работа исканія формъ. Въ области слова и мысли Гомеръ и Гезіодъ

нашли уже эти формы; законы Солона, положенія семи мудрецовъ, уложеніе Дельфъ—все это входило уже въ нравственный строй Эллинавъ и вырабатывало тѣ гармоническіе характеры которыми до сихъ поръ гордится исторія. Красота и гармонія обуславливали правильное воспитаніе юношей; сила и ловкость тѣла развивались въ полномъ согласіи съ чистотой и ясностію мысли, съ нравственными основами характера, всегда готоваго на патріотическій подвигъ. Драмы Эсхила и Софокла, какъ бы въ зеркалѣ, отражали въ себѣ этотъ богатый содержаниемъ и гармоніей уравновѣшенныхъ силъ общественный строй. Но столь многосторонне пробужденная мысль не удовлетворялась этимъ. Надобно было видѣть, осязать образы, эти высшія олицетворенія душевныхъ силъ, надобно было узрѣть своихъ боговъ, несмотря на то что они были описаны и воспѣты. Совокупною и неустанною работой Греки начинаютъ находить эти образы. Въ минуту наибольшаго возбужденія народныхъ силъ, когда эллиству и его культурѣ грозило уничтоженіе подъ наплывомъ восточныхъ ордъ, когда въ полномъ сознаніи своей нравственной силы Эллия въ часъ любви оставилась для законнаго отдыха и приведенія въ извѣстность всего своего разнообразнаго богатства, въ эту минуту въ образахъ Аѳины-Паллады и Зевса-громовержца вознеслось все то чего не договорили Гомеръ, Софокль, Геродотъ, Фукидидъ... И для насъ, живущихъ въ другихъ условіяхъ и стремящихся найти образы другимъ идеаламъ, созерцаніе этихъ созданій служитъ источникомъ полнаго, высокаго наслажденія: они выразили собою истинный образъ, образъ идеала законченнаго представленія человѣческаго тѣла съ его нормально-правильными и соразмѣрно-развившимися формами въ гармоніи съ соразмѣрно развившимся духомъ. Выразить этотъ идеалъ могла одна скульптура. До нашего времени мы не знаемъ ничего выше греческихъ скульптуръ и празднуемъ, какъ великое событіе, всякую счастливую находку давно забытаго греческаго памятника.

Искомый образъ найденъ. Что же происходитъ потомъ?

„Затѣмъ идетъ общее признаніе появившагося образа: всѣ въ немъ признали совершеннѣйшее воспроизведеніе того идеала что такъ долго носился въ неясныхъ представленіяхъ, въ томительныхъ ожиданіяхъ каждаго. Подобіе Божіе становится

Богомъ среди общаго восторга и упоенія. Путь пройденъ, вершина горы достигнута: безчисленныя созвѣздія, невидимыя прежде снизу, заблестали тысячами сіяній, открылся умственному взору неизмѣримый кругозоръ... но идти выше нельзя; чтобы подняться туда, къ небу, нужны крылья, нужны болѣе возвышенные идеалы; а эти идеалы еще неясны, и человѣку остается или спускаться внизъ, или стараться какъ-нибудь продлить этотъ моментъ успокоенія. Наколенныхъ знаній, даровитыхъ талантовъ, еще болѣе развивающихся подъ вліяніемъ готовыхъ образовъ, всего этого много. Разнообразная дѣятельность начинаетъ специализоваться, съ общою всею склонностію украшать, то-есть сдѣлать пріятнѣе взору строгій, ясный, согласный съ истинной образъ. Эта истина, какъ суровая правда, уже не по плечу бойцамъ; она слишкомъ строга для щущихъ наслажденій. Изъ глашатая истины художникъ дѣлается постепенно ублажителемъ хотя сначала высокихъ, но со временемъ и низкихъ страстей человѣка. Живописные элементы понемногу ослабляютъ требованія пластики. Прибѣгаютъ къ колоссамъ, группамъ; мрамору начинаютъ довѣрять выраженіе трагически-потрясеннаго духа, гармонія котораго въ созвучіи съ тѣломъ уже нарушена. Ищется что-то, а что, того ни одинъ художникъ уловить не можетъ. Геній эллинизма сказалъ свое слово; нарождающіяся поколѣнія стремятся къ чему-то другому, а между тѣмъ довольно трудно найти образъ неизвѣстнаго. Поэтому-то художники погружаются въ отбѣлку старыхъ формъ, въ красоту, въ мелочи, и наконецъ безлощадный натурализмъ охватываетъ все художественное движеніе и окончательно топчетъ въ широко-разлившемся морѣ прелестныхъ, упоительныхъ формъ статуй, вазъ, золотыхъ украшеній, тотъ геній который создалъ Паренонъ. Въ борьбѣ съ этимъ новымъ порядкомъ вещей философскіе умы окончательно разрушаютъ бывшую гармонию безлощаднымъ анализомъ. Наука усиливается дополнить знаніемъ появившіяся пробѣлы. Критики, компиляторы, комментаторы собираютъ данныя, сводятъ, различаютъ. Задумчиво сидитъ александрійскій ученый въ своей рабочей комнатѣ, окруженный всеми пособіями науки; просматривая свою компиляцію, грустно понялъ онъ что времена великаго творчества прошли безвозвратно: нѣтъ Гомера, нѣтъ Софокла, нѣтъ Фидія; есть безчисленная рать художниковъ, зодчихъ,

писателей, ученыхъ, но не видно ни одного великаго созданія. И не снится александрійскому ученому образъ Сикстинской Мадонны, тотъ новый образъ который человѣчество обрѣтетъ себѣ черезъ восемнадцать вѣковъ!“

Образъ этотъ былъ найденъ въ концѣ XV вѣка, двѣ тысячи лѣтъ спустя послѣ Фидія. „Человѣчество во второй разъ нашло образъ, если не вполне соответствующій христіанскимъ идеаламъ (этотъ образъ еще впереди), то по крайней мѣрѣ образъ отвѣчающій высшему культурному идеалу народностей находившихся тогда во главѣ цивилизаціи“. Выразительницей новаго идеала явилась живопись. Въ Греціи процессъ исканія образа совершался силой одной народности. „Здѣсь, въ стремленіи выразить христіанскіе идеалы, различные народы безсознательно дѣлаютъ общій трудъ. Народы сѣвера—Германцы, Французы и Англичане—думаютъ выразить двигающія міръ идеи величественными сооружеціями, жертвуя архитектурѣ всѣмъ заласомъ своихъ художественныхъ средствъ, какъ пластическихъ, такъ и живописныхъ. Одна Италія поняла что только живопись можетъ доставить средства для созданія новаго образа и поэтому, подчинивъ все живописному, она стала вождемъ главнаго движенія. То созвучіе природы и духа которое обусловливало созданіе образовъ греческой скульптуры не выдержало напора болѣе проникающаго внутрь мышленія. Христіанскій Богъ, выраженіе высшаго духовнаго начала, создалъ міръ, но вмѣстѣ съ міромъ явилось и зло, и вотъ начались противопоставленія чувственнаго—духовному, природы—духу. Гармонія могла быть найдена только въ духѣ: формъ же для образа все-таки приходилось искать въ окружающей насъ природѣ. Задача была трудная и едва ли достижимая. Пластика во всякомъ случаѣ оказалась безсильною, потому что кромѣ изображенія человѣческаго тѣла въ его безусловно-законченной красотѣ, явилось много новыхъ, болѣе значительныхъ требованій. Надо было человѣка, лицо, единичное существо, освободить изъ его изолированнаго положенія, привести его въ различныя отношенія какъ къ другимъ лицамъ, такъ и къ окружающей его природѣ. Это стало возможно только живописи, которая, съ помощію рисунка, краски, свѣто-тѣни, перспективы, передавая лишь подобіе образа на данной поверхности, постепенно достигала возможности изображать всю полноту духовныхъ соотношеній человѣ-

ческаго бытія и все богатство природы въ самыхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.“

Какимъ путемъ шли люди искавшіе этого новаго образа, искавшіе образнаго выраженія новаго, христіанскаго идеала? Человѣчество, пришедшее въ броженіе отъ брошеннаго на его нравственную почву живительнаго сѣмени, снова пошло съ перваго же дня воспріятія тѣмъ же труднымъ путемъ исканія новыхъ формъ. Ни образованіе, ни совершенная техника греческихъ и римскихъ художниковъ, ничто не облегчало этого пути. Знаніе забывалось, техника падала, казалось наступало повсемѣстное одичаніе. Въ мрачныхъ переходахъ римскихъ катакомбъ неумѣлыя руки неизвѣстныхъ художниковъ украшали различными изображеніями могилы святыхъ. Робкая рука чертила символъ чтобы закрѣпить какую-нибудь мысль или воспоминаніе. Какъ было изобразить Того, чье новое слово такъ глубоко запало въ душу, вело на подвиги и мученическую смерть? Идея безсмертія души всего болѣе поддерживала удрученнаго раба, которому предстояло быть растерзанному звѣрями на потѣху развращенной публики — и вотъ слабые намеки изображаютъ эту идею чтобы поддерживать въ борьбѣ и возвысить духъ удрученной общины. Образы берутся еще изъ античнаго міра; это Фениксъ, Психея, Орфей, олень утоляющій свою жажду, рыбы и т. д. Христіанская религія сдѣлалась наконецъ господствующею. Вѣрующіе покинули катакомбы. Начали воздвигаться великолѣпные храмы. Весь запасъ наличныхъ техническихъ силъ, все наслѣдіе античнаго міра были введены въ дѣло. Но старые мѣхи не годились для новаго вина. Изображенія сочинялись, а не создавались. Символизмъ Катакомбъ, еще слабый самостоятельными зачатками, выразился на обширныхъ пространствахъ стѣнъ и куполовъ воздвигаемыхъ храмовъ колоссальными фигурами и композиціями монументальныхъ размѣровъ, бѣдность формы и безсодержательность которыхъ скрывались великолѣпіемъ матеріала, блескомъ золотыхъ фоновъ и драгоценныхъ каменьевъ. Эти изображенія дѣлали впечатлѣніе колоссальнаго орнамента, для котораго человѣчeskія и другія формы составляли детали богато развившагося по аркамъ и куполамъ узора поражающаго воображеніе „Это были трубные звуки побѣды; но христіанскихъ идеаловъ любви, простоты и правды не слышалось въ этомъ великолѣпно блестящемъ шумѣ“.

Гдѣ же были эти новые идеалы? Гдѣ нараждались тѣ образы которыхъ искала душа возраждающагося новаго человѣка? „Въ смутныхъ, неясныхъ чертахъ рисовались они предъ взоромъ вновь вступившихъ въ историческую семью свѣжихъ народностей. Скандинавскій монахъ, кельтскій отшельникъ, дикій еще Славянинъ, Саксонецъ и Лангобардъ чувствовали въ своихъ нетронутыхъ душахъ многоразличныя побужденія къ наивному изображенію тѣхъ представленій которыя вошли такимъ рѣшающимъ элементомъ въ ихъ первобытную свѣжую природу. И вотъ ихъ неумѣлыя руки, незнакомыя съ техникой, выработавшеюся подъ вліяніемъ другихъ боговъ и другихъ условій, начинаютъ наивными, иногда уродливыми линіями *искать* подходящихъ формъ для неясно-желанныхъ образовъ. Разрисовываются молитвенныя книги, и по этимъ миниатюрамъ мы можемъ слѣдить за ихъ наивною, но непрерывною и усердною работой. Семитическая ортодоксальность держала знамя и совокулила художественныя силы и религиозное настроеніе въ общую заботу возведенія стремящихся отъ земли къ небу соборовъ, вырабатывая ясно разчитанный, математически-точный готическій стиль; но арійская натура наполнила всевозможныя свободныя мѣста между правильными, обязательными конструктивными линіями изображеніемъ чудовищъ, поражавшихъ ихъ еще во время ихъ дикой жизни, среди ихъ непроходимыхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, формами вѣтвей и листьевъ, различными сценами бытовой жизни, гдѣ давался просторъ натуралистическимъ инстинктамъ. Въ этомъ смѣшеніи различныхъ элементовъ художественная дѣятельность пребываетъ въ массахъ, скованныхъ цеховыми и корпоративными условіями созданными Средними Вѣками. По всей вѣроятности, подчиняясь все болѣе и болѣе обязательнымъ и каноническимъ уставамъ, художественная дѣятельность замерла бы какъ въ Египтѣ или Византіи, еслибы въ то же время не развивалась и не освобождалась и индивидуальная личность художника. И это освобожденіе личности совершилось ранѣе всего въ Италіи.“

Какое же искусство могло вполнѣ выразить жизнь, мысль и чувство индивидуальной личности? Это была живопись. „Только она, подчинивъ себѣ архитектуру и пластику, во взаимодѣйствіи всѣхъ трехъ элементовъ искусства могла выразить образъ того чего искало человѣчество въ многоразлич-

ной борьбѣ духовныхъ требованій съ требованіями природы. И въ этомъ взаимодействіи трехъ элементовъ искусства—живописи, пластики и архитектуры—итальянская живопись явила собою то чудное развитіе, въ которомъ архитектурное чувство распредѣляло симметрически группы, давъ массамъ ритмическое движеніе при совокупномъ построеніи всей композиціи. Пластика вошла въ полную выработку формъ, въ благородное теченіе линіи контура, выясняемаго глубокимъ пониманіемъ органическихъ законовъ; а полный аккордъ красокъ, умиряемыхъ и сведенныхъ въ общую гармонію чарамъ свѣто-тѣни, довершилъ созданіе искусства. Итальянское искусство отъ Джіотто до Рафаэля нашло тотъ образъ въ которомъ христіанскія воззрѣнія соединились съ природою, и благодаря этому соединенію сталъ возможенъ величественный полетъ на высоту идеальной красоты, которая въ величайшихъ произведеніяхъ итальянской живописи вводитъ насъ въ область волшебнаго преображенія земнаго и возвышаетъ надъ душливой атмосферой ежедневной дѣйствительности.

Идеальный образъ былъ найденъ человѣчествомъ во второй разъ. Чтò произошло затѣмъ?

„И здѣсь, какъ въ Греціи, послѣ момента завершенія процесса исканія образа, повторился процессъ уладки. Началась разработка подробностей въ направленіи сдѣлать образъ болѣе привлекательнымъ. Художники специализуются, распадаются на группы. Одна, какъ Венеціанская, сосредоточиваетъ вниманіе на колоритѣ, доводя его до возможнаго совершенствованія, жертвуя ему и духовнымъ содержаніемъ и рисункомъ, и чаруетъ великолѣбіемъ и роскошью красокъ. Корреджіо захватываетъ область свѣто-тѣни и чувствительныхъ выраженій; за нимъ идутъ менѣе одаренные ученики его и подражатели, которые низводятъ еще трезвую красоту его до сентиментальности и слащавости. Послѣдователи Микель-Анджело заняты только воспроизведеніемъ утрированныхъ формъ въ невозможныхъ ракурсахъ и создаютъ стиль барокко. Виртуозность вытѣсняетъ искусство; наконецъ послѣднее начинаетъ служить другимъ цѣлямъ, и въ рукахъ католицизма отстаивающаго себя отъ напора реформатскихъ ученій оно пропагандируетъ ложныя ученія.“

А современное искусство? Чтò же оно? Имѣетъ ли оно идеалы? „Въ наше время искусство дошло до крайняго реализма

съ одной стороны и до пустоты и бессодержательности тамъ, гдѣ художники еще держатся старыхъ темъ. Творческая сила какъ бы иссякла, между тѣмъ какъ никогда еще знаніе и изслѣдованія не развивались такъ, какъ они развились въ наше время. Никогда не было такого количества художническихъ силъ, дѣйствующихъ въ различныхъ направленіяхъ; никогда техника не пользовалась такимъ подспорьемъ научныхъ знаній и научныхъ открытій въ области механики, химіи и физики, какъ въ наше время; никогда трудъ художественный болѣе не вознаграждался. Изученіе исторіи искусства, открытіе всевозможныхъ памятниковъ, раскопки производящіяся на научныхъ данныхъ и дающія богатые, часто неожиданные результаты, фотографія и новые приемы для воспроизведенія художественныхъ памятниковъ путемъ гравюры, ксилографіи, литографіи, роскошныя изданія памятниковъ, богатые музеи, бібліотеки, компіляціи, комментаріи, все это улодобляетъ нашъ вѣкъ Александрійской эпохѣ, и мы снова воображаемъ себѣ того ученаго который сокрушался объ иссякновеніи творческой силы и которому не снилась Сикстинская Мадонна. Для насъ Сикстинская Мадонна сдѣлалась фактомъ. Но угадать тотъ образъ который соответствовалъ бы нашимъ идеаламъ, мы, несмотря на наши знанія, также не можемъ, какъ не могъ угадать александрійскій ученый Сикстинской Мадонны. А новыя формы грядущаго образа есть и вѣроятно началось инстинктивное ихъ исканіе. Но намъ, современникамъ, не дано возможности слѣдить за ними и угадывать ихъ естественное образованіе.

Очертивъ въ крупныхъ штрихахъ ходъ развитія искусства, авторъ задаетъ себѣ послѣдній вопросъ: Что двигаетъ человѣчество въ этой непрерывной, неуклонной работѣ? Ужели одна лишь красота? Ужели конечная цѣль всего этого многосторонняго процесса, на совершеніе котораго требуются лучшія нравственныя силы и возвышеннѣшія способности, есть удовлетвореніе присущей человѣку эстетической способности понимать красоту и наслаждаться красотой? Ужели для того чтобъ уливаться наслажденіемъ красиваго изображенія нашей мечты нужно дѣло вызывающее на подвиги, нуженъ высочайшій строй человѣческихъ способностей, нужна постоянная работа поколѣній за поколѣніями?

Нѣтъ, отвѣчаетъ г. Вышеславцовъ. Подобнымъ двигателемъ

можетъ быть только стремленіе къ наглядному изображенію истины, вѣчной, божественной истины. „Не будучи никогда въ силахъ постичь ее, человѣкъ на основаніи высшаго дѣйствующаго въ немъ побужденія стремится познать ее. На пути этого стремленія онъ допрашиваетъ природу, съ помощію діалектики онъ углубляется въ содержаніе сущности духовнаго бытія, накопляетъ знанія, строитъ системы. И этому стремленію сопредшествуетъ высшій даръ Божій—творческая сила, иногда въ скрытомъ, иногда въ дѣятельномъ состояніи; эта сила творитъ форму и образъ тѣмъ не поддающимся слову и пониманію духовнымъ моментамъ. въ основѣ которыхъ, какъ въ органическихъ клеточкахъ, таятся зародыши вѣрованія въ Бога и безсмертія души, любовь къ человѣчеству, чувство природы, побужденія къ энтузіазму и восторгу, порывъ на подвигъ самопожертвованія во имя идеи и общаго блага. Разказать, опредѣлить, взвѣсить эти состоянія нельзя, а между тѣмъ они очень часто и притомъ непосредственно приближаютъ человѣка къ истинѣ, нежели самыя точныя опыты и изслѣдованія. Изображенія отвѣчающія этимъ неувловимымъ состояніямъ будутъ именно тѣми образами которыхъ жаждетъ человѣчество. И чѣмъ они ближе, правдивѣе будутъ отвѣчать этимъ состояніямъ въ ихъ истинномъ, а не искусственно возбужденномъ бытіи, тѣмъ искусство ближе будетъ подходить къ своей цѣли. И въ этомъ приближеніи, въ этомъ предвкушеніи всякой истины кроется источникъ наслажденія созданіями искусства; красота же ихъ является неразлучною слугицей правды. Поэтому всякій художникъ, въ какой бы странѣ и въ какое бы время онъ ни жилъ, если онъ во время своего труда и наблюденій угадалъ хотя бы одну черту дополняющую искомый образъ и отвѣчающую своею правдивостью его народному идеалу, то онъ выполнилъ свое назначеніе; историкъ искусства отмѣтитъ его имя, а потомство тѣмъ наслажденіемъ которое будетъ испытывать при видѣ его произведенія сторицею заплатитъ ему за муки исканія идеала, стоившія ему можетъ-быть лично и радостей жизни, и временныхъ благъ. Часто на старой миниатюрѣ, лишенной лощадному всякой красоты, мы открываемъ такой источникъ наслажденія, инстинктивно понятой правды, какой не въ состояніи доставить намъ самый красивый образъ, созданный со всею виртуозностію великолѣпной

техники, но не прибавившій ни одной черты чуждаго чело-вѣчествомъ, искомага идеала. И въ этомъ состоитъ лучшій критерій для оцѣнки произведеній художника.“

Заключая свое введеііе, г. Вышеславцовъ обращается къ русскому искусству:

„Несмотря на то что мы, Русскіе, живемъ, какъ кажется, въ условіяхъ исключительныхъ, заняты другими болѣе серьезными задачами, но и у насъ совершается та же таинственная, для насъ теперь незримая работа. Горе намъ если мы не будемъ къ ней прислушиваться, а сознательно еще станемъ засылать ея ходы соромъ и мусоромъ дѣйствительности. Будемъ надѣяться что мы переживаемъ тяжелое и шаткое время, время безвѣрія и сомнѣній, но время чреватое богатыми результатами въ будущемъ.“

Само собою разумѣется что мы не въ состояніи передать здѣсь содержаніе собственного изслѣдованія г. Вышеславцова о Джіотто и Джіоттистахъ. Изслѣдованіе это построено на весьма подробномъ и тщательномъ описаніи всѣхъ сокращившихся произведеній Джіотто и поэтому не подлежитъ передачѣ. Съ изслѣдованіемъ этимъ нужно ознакомиться по самому сочиненію г. Вышеславцова, гдѣ читатель найдетъ чрезвычайно интересный и обильный культурно-историческій матеріалъ. Мы ограничимся здѣсь поэтому однимъ лишь общимъ очеркомъ жизни и значенія Джіотто, какъ излагаетъ ихъ г. Вышеславцовъ.

Время рожденія Джіотто опредѣляютъ обыкновенно 1266 годомъ; онъ былъ на годъ моложе Данте и умеръ въ 1336 году, семидесятилѣтнимъ старцемъ. О дѣтствѣ его не существуетъ никакихъ свѣдѣній; сохранилась лишь легенда о томъ что когда онъ мальчикомъ пасъ стада своего отца, то Чимабуэ засталъ его рисующимъ на камнѣ одну изъ овецъ, выпросилъ его у отца и взялъ съ собою во Флоренцію. По мнѣнію г. Вышеславцова „почти-что достоверная школа“ Джіотто состояла въ созерцаніи фресокъ рисованныхъ Чимабуэ и другими флорентическими живописцами въ церкви Св. Франциска въ городкѣ Ассизи. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что Джіотто былъ ученикомъ Чимабуэ. Достигши двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду Джіотто уже пользовался славой искуснаго живописца и получалъ въ Римѣ заказы на разныя работы отъ кардинала Стефанеско и папы Бонифація VIII.

Въ Римѣ Джіотто пробылъ около десяти лѣтъ; политическія обстоятельства, вызвавшія удаленіе папъ въ Авиньонъ, заставили его перенести свою дѣятельность во Флоренцію. Между 1307 и 1330 годами постояннымъ мѣстомъ жительства и дѣятельности Джіотто была Флоренція, изъ которой онъ предпринималъ поѣздки въ разные другіе города Италіи для исполненія тамъ заказовъ; въ послѣдніе годы своей жизни онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ (1330—34?) въ Неаполѣ. „Всѣ дошедшія до насъ біографическія подробности рисуютъ намъ Джіотто правильно устроившимъ свою жизнь хозяиномъ и семьяниномъ. Эта обстановка покоящаяся на постоянномъ регулируемомъ трудѣ, на добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу при постоянномъ устройствѣ своихъ домашнихъ и семейныхъ дѣлъ, дополняетъ намъ пониманіе правильной и трезвой натуры Джіотто. Если къ этому прибавить сохранившіеся преданіемъ и передаваемые намъ Бокаччіо, Саккетти, Баальдинуччи и другими писателями анекдоты, въ которыхъ всегда выступаетъ разумность и находчивость удивительно остраго ума, не волнуемаго болѣзненными сомнѣніями и горячечными увлеченіями гениальныхъ натуръ, то личность нашего художника представитъ предъ нами довольно ясно, подобно личности Шекспира, о которомъ, за скудостью положительныхъ свидѣтельствъ о его жизни, какъ и о жизни Джіотто, комментаторамъ предстояло обширное поле для догадокъ. Но объ натуры въ гармоническомъ единеніи данныхъ имъ даровъ были сродственны, какъ сродственъ былъ имъ и Рафаэль.“ Джіотто былъ не только живописецъ; онъ то въ то же время былъ зодчимъ и скульпторомъ: *la qual cosa si può credere agevolmente, essendo il disegno e l'invenzione il padre e la madre di tutte queste arte e non d'una sola*, говоритъ Вазари. По словамъ Вышеславцова, „Джіотто явилъ собою *первый примѣръ* той многосторонности которая удивляетъ насъ въ личности Орканьи, Леонардо да-Винчи, Микель-Анджело и Рафаэля и можетъ-быть въ этомъ совокупленіи въ его всеобъемлющемъ, художественномъ духѣ всѣхъ отраслей искусства и заключается величайшая заслуга Джіотто предъ потомствомъ“. Знаменитая *Campanile*, колокольная башня при флорентинской Santa Maria del Fiore, начата постройкой при Джіотто и окончена по его планамъ и рисункамъ ученикомъ его Тадео Гадди. Какъ велика слава Джіотто это видно изъ словъ постанов-

ленія приводимаго г. Вышеславцовымъ, постановленія которыми поручались ему всѣ сооруженія города Флоренціи:

„Подобныя предпріятія не могутъ быть достойно и славно исполнены, если во главѣ дѣла не стоитъ совершенно владѣющій своимъ искусствомъ знаменитый мастеръ. А такъ какъ во всемъ свѣтѣ нельзя найти подобнаго мастеру Джіотто, сыну Бондоне, искусному какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ вещахъ и котораго какъ великаго мастера слѣдуетъ удерживать въ своемъ отечествѣ, предоставивъ ему достойное его генія занятіе чтобъ онъ остался съ нами навсегда, чрезъ что знанія его и искусство будутъ многимъ во благо, а городъ нашъ украсится великолѣпными сооруженіями, то и поручается ему, Джіотто, возведеніе собора, сооруженіе городскихъ стѣнъ и укрѣпленій и другихъ общественныхъ сооруженій съ приличнымъ содержаніемъ, о чемъ будетъ постановлено особо.“

Въ чемъ же заключается значеніе Джіотто для исторіи италіянскаго искусства, для исторіи искусства вообще? Предоставляемъ слово г. Вышеславцову.

„Значеніе Джіотто для развитія искусства крайне важно. Онъ краеугольный камень всему; онъ взялъ водительство искусства во всѣхъ его проявленіяхъ, рисунокъ, краску, моделировку, композицію, и мощною рукой положилъ ему правильное, незыблемое основаніе. Ученики его, не имѣя ни генія его, ни таланта, раздѣлили между собою это цѣнное наслѣдство; кто ставилъ себѣ цѣлью выработку формъ, кто напиралъ на краску, кто на рисунокъ, а большинство ограничивалось разработкой второстепенныхъ вещей и подробностей; никто изъ нихъ не былъ въ силахъ продолжать завѣщанное дѣло заразъ во всѣхъ направленіяхъ; искусство падало, пока снова въ XV столѣтіи не обратилось къ изученію природы. Заслуга Маззаччіо и Гирландайо состояла въ стремленіи къ совокупленію разрозненныхъ элементовъ искусства, а заслугой Рафаэля было самое совокупленіе ихъ въ духѣ Джіотто, сведеніе всѣхъ разрозненныхъ началъ къ единству, только въ болѣе совершенныхъ образахъ. Эти имена Джіотто, Маззаччіо, Гирландайо и Рафаэля совмѣщаютъ въ себѣ всю исторію италіянскаго искусства, всѣ же другіе многочисленныя художники, даже работавшіе въ другой области, скульпторы и зодчіе, только слобствовали развитію и ускоренію этого послѣдовательнаго движенія.“

„Самостоятельности и независимости гения Джіотто много способствовало вѣяніе того свѣжаго духа которымъ потянуло тогда въ Италіи. То было время великихъ идей и сильныхъ ощущеній, время борьбы и разнузданной страсти. Въ этихъ столкновеніяхъ на почвѣ италіанской культуры пробуждался духъ личности, индивидуализма, начинавшій разрушать средневѣковыя луты образованія. Сила поднимающая и окриляющая личность стояла въ воздухѣ: этимъ воздухомъ дышала Дантъ, этимъ воздухомъ крѣлся и мужалъ Джіотто, оба современники и уроженцы одного города. Кромѣ того, содержаніе художественныхъ произведеній въ границахъ византійскаго возрѣвія совершенно было исчерпано. До сихъ поръ въ сферѣ византизма изображались событія передаваемыя словомъ, по разказамъ и преданіямъ канонизованнымъ; теперь же требовалось изображеніе содержанія самого дѣйствія, требовалось олицетвореніе—и вотъ наступаетъ новый день для искусства, его истинное возрожденіе. Надо было наблюдать жизнь въ ея коловращеніяхъ, ибо тамъ были тѣ образы которымъ предстояло заживить слова. Но эти образы не были однимъ подражаніемъ дѣйствительности; явленія жизни уловлялись въ точныхъ, всѣмъ понятныхъ формахъ, дѣйствующихъ непосредственно на умъ и чувство въ полномъ возчувствіи ихъ правды. А красота этихъ новыхъ формъ уже являлась какъ неразлучная спутница образа, ибо эти новыя формы воплощались въ области духа, стремящагося постичь вѣчную, недосыгаемую истину. Чтобы положить главныя основанія такому великому дѣлу былъ призванъ богато-одаренный гений, и мы, вмѣстѣ съ Ферстѣромъ, полагаемъ что Джіотто былъ именно этимъ гениемъ и существеннѣйшую его заслугу определяемъ (по Ферстѣру же), *приблизненіемъ чуждой области представленій для образовательнаго искусства и непосредственно съ нимъ связаннымъ количествомъ новыхъ темъ; образованіемъ новаго, самостоятельнаго и вѣсѣмъ понятнаго способа выраженія, то-есть образованіемъ новаго стиля, обусловившаго дальнѣйшее развитіе искусства.*

„Имя того кто болѣе всѣхъ способствовалъ разъясненію идеала—Дантъ. Имя того кто обрѣлъ ему образъ—Джіотто. Духъ этихъ двухъ міровыхъ гениевъ носится надо всѣми созданіями знаменательной эпохи Тречентистовъ.

„Но Джіотто только общими чертами намѣтилъ новый образъ; содержаніе его произведеній и произведеній его

последователей идеальное. Онъ намѣтилъ общіе законы композиціи, онъ указалъ на возможность и необходимость изображать нравственный смыслъ событія, онъ указалъ на чело-вѣка и на его духовную сущность настолько, насколько она можетъ быть выражена внѣшнимъ символомъ; онъ указалъ насколько природа и ея законы должны входить помогающими и дополняющими элементами изображенія. Силою своего гевія и непосредственнымъ наблюденіемъ онъ находилъ правцальныя размѣры челоувѣческаго тѣла и соотвѣтствіе его членовъ; инстинктивно угадывалъ онъ условія линейной и воздушной перспективы, инстинктивно клалъ краски и, не давая ни рисунку, ни колориту, ни моделировкѣ выступающаго значенія, гармонично соединялъ воѣ эти элементы въ одво общее художественное цѣлое. Ученики и последователи, съ немногими исключеніями, рабски слѣдовали за нимъ.

„Но развивающіяся новыя условія требовали болѣе сознательнаго отношенія къ искусству; и вотъ то что только было угадано и намѣчено Джіотто, дѣлается цѣлью научныхъ и художественныхъ изысканій. Чтобы идти далѣе, чтобы дѣйствительно овладѣть указаннымъ только въ общихъ, какъ бы символическихъ очертавіяхъ, образомъ, нужно было найти болѣе устойчивую почву, а именно почву знанія; и вотъ сознательное изученіе древнихъ образцовъ, анатоміи, перспективы, новыхъ и лучшихъ приемовъ положенія и смѣшенія красокъ становится главнымъ дѣломъ. На приуроченіе всего этого знанія къ искусству идетъ цѣлое XV столѣтіе, столѣтіе Кватрочентистовъ, сошедшихъ съ идеальныхъ высотъ своихъ предшественниковъ и обратившихся на свой собственный страхъ къ природѣ. Имъ помогаетъ общее пробужденіе и стремленіе къ изученію знаній и воскресшей древности. Готовые образцы греко-римскихъ формъ облегчаютъ работу самостоятельнаго созиданія формъ. Это время называется временемъ *Возрожденія*. Но въ строгомъ значеніи возрожденіе искусства начинается съ Данта и Джіотто.“

С. В.

II.

Fürst Alexander Nikolaewitsch Galitzin und seine Zeit. Aus den Erlebnissen des Geheimraths P. von Goetze.

Петербургское общество хорошо знало Петра Петровича Гётце, долго проживавшаго въ нашей сѣверной столицѣ и считавшагося одно время очень близкимъ человѣкомъ къ министру графу Канкрину. Говорили что онъ пишетъ свои мемуары, и слухъ этотъ, какъ видимъ теперь, оправдался. Краткое предисловіе къ книгѣ, заглавіе коей выставлено выше, сообщаетъ что Гётце „истый сынъ спеціально прибалтійской своей родины“ (ein treuer Sohn seiner speciellen baltischen Heimath) родился въ 1793 году въ Эстляндіи, а умеръ въ 1880 году, обучаясь въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ между прочимъ товарищемъ его былъ графъ Бергъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ и намѣстникъ Царства Польскаго), въ 1817 году перѣхалъ въ Петербургъ и служилъ тамъ сначала въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, а потомъ въ министерствѣ финансовъ; занимался онъ слегка и литературой, писалъ статейки и даже стихи, которые появлялись въ разныхъ нѣмецкихъ газетахъ и журналахъ. Оставилъ онъ послѣ себя двѣ рукописи: одна изъ нихъ, посвященная финансовому управленію графа Канкрина, не имѣетъ конца и будетъ обнародована въ томъ лишь случаѣ если окончаніе ея будетъ найдено; другая находится теперь предъ нами подъ заглавіемъ: „Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и его время“. Заглавіе это не совсѣмъ точно. Гётце говоритъ о Голицынѣ немного болѣе чѣмъ о другихъ лицахъ—объ Аракчеевѣ, Шашковѣ, генералѣ Головинѣ и т. д., но это бы еще ничего, а досадно что человѣкъ такъ много видѣвшій на своемъ вѣку сохранилъ довольно скудный запасъ воспоминаній. Несомнѣнно что онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ что появлялось въ нашей литературѣ о людяхъ Александровскаго времени и на основаніи этого составилъ свои характеристики; но для насъ гораздо интереснѣе были бы его собственныя наблюденія, разказы о личныхъ его сношеніяхъ съ тѣми кого онъ имѣлъ случай узнать болѣе или менѣе близко въ продолжительное свое пребываніе въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, именно такого рода свѣдѣніями и не богата книга Гётце,

хотя нельзя сказать чтобы въ ней не было ихъ вовсе, и во всякомъ случаѣ они заслуживаютъ того чтобъ остановиться на нихъ.

При князѣ Голицынѣ Гётце служилъ, вмѣстѣ съ А. И. Тургеневымъ, въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій. Къ начальнику своему относился онъ въ высшей степени сочувственно. Вотъ какъ изображаетъ онъ его: „Князь Голицынъ былъ такой благонамѣренный и снисходительный начальникъ какого только можно было желать. Это подтвердили бы конечно всѣ его приближенные. Зналъ я не мало талантливыхъ государственныхъ людей, которые до такой степени вдавались въ мелочи и бесполезный формализмъ что улускали изъ виду главное и существенное, а потому и не оправдывали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ. Совсѣмъ другое Голицынъ: въ его образѣ мыслей не было ничего мелочнаго, ничего что отзывалось бы капризомъ. Онъ позволялъ — на что слободны немногіе — и возражать ему. Помню что однажды сильно раздраженный противъ рижскаго генералъ-суперинтендента Зонтага, извѣстнаго своимъ противодѣйствиємъ пестистическому направленію, поступилъ онъ съ нимъ несправедливо. Какъ подчиненный я изготавилъ бумагу въ такомъ смыслѣ въ какомъ онъ требовалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ Тургенева подалъ ему свое мнѣніе; мнѣ не удалось убѣдить его, но отважный мой поступокъ нисколько не повредилъ мнѣ въ его глазахъ. Попрежнему оказывалъ онъ мнѣ доброжелательство и довѣріе. Не получивъ правильнаго образованія Голицынъ по врожденной даровитости пріобрѣлъ значительную опытность въ дѣлахъ и не рѣдко, если только не находился подъ вліаніемъ интригановъ, обнаруживалъ взглядъ настоящаго государственнаго человѣка. Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова; никогда не пользовался онъ своимъ высокимъ положеніемъ при дворѣ чтобъ устраивать карьеру своихъ родственниковъ. Поглощенный занятіями съ утра до вечера не улускалъ онъ случая посвѣщать incognito трущобы бѣдныхъ и щедро помогать имъ. Роста онъ былъ небольшого, выраженіе подвижной его физиономіи отличалось живостью и умомъ. До старости сохранилъ онъ привычку одѣваться въ сѣрый фракъ, чего не дѣлалъ уже никто. День его былъ распредѣленъ очень строго: вставалъ онъ рано; лѣтомъ, когда императоръ Александръ жилъ на Каменномъ Островѣ, мы являлись къ нему съ Тургеневымъ для доклада по вечерамъ

и пили у него чай, а зимой принималъ онъ насъ въ 8 часовъ утра, и мы находили его уже налудреннымъ, въ короткихъ панталонахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, такъ что оставалось ему лишь скинуть халатъ и облечься въ мундиръ чтобы, тотчасъ по окончаніи нашего доклада, вѣхать во дворецъ. Работать съ нимъ было истиннымъ удовольствіемъ, не потому только что онъ все схватывалъ очень быстро, но и по никогда не измѣнявшей ему любезности и ровности характера. Ни разу не слышалъ я отъ него рѣзкаго выраженія, непривѣтливаго слова, не видѣлъ на его лицѣ недовольной мины. Такъ какъ онъ не былъ женатъ, то и не заводилъ своего хозяйства. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ собиралось много лицъ въ домовую его церкви къ обѣднѣ, по окончаніи коей онъ принималъ всѣхъ въ салонъ, стѣны котораго были украшены портретами замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей прошлаго столѣтія, преимущественно сотрудниковъ Петра Великаго; въ другой залъ находилась библіотека. Если не былъ онъ приглашенъ ко двору, то неизмѣнно обѣдалъ у своего друга, министра финансовъ Гурьева, извѣстнаго гастронома, котораго онъ заставилъ принять отъ себя за это 4.000 р.; впрочемъ иногда обѣдалъ онъ и у другаго своего пріятеля, оберъ-гофмейстера Кошелева. Этотъ послѣдній назначенъ былъ при императорѣ Павлѣ посланникомъ въ Копенгагенъ, и въ первой же депешѣ своей оттуда, извѣщая что онъ представилъ вѣрительныя свои грамоты и сдѣлалъ необходимые визиты, употребилъ слѣдующую фразу: „je me suis retiré dans la coquille de mon repos“. Императоръ написалъ противъ этихъ словъ: „Restez à jamais dans la coquille de votre repos; j'ai nommé Lisakévitch à votre place...“

Но не личность только самого Голицына была пріятна Гётце: онъ воспоминаетъ съ восторгомъ и о тѣхъ порядкахъ которые господствовали при этомъ министрѣ. Голицынъ, по груженный въ сектаторскій мистицизмъ, ревностно поощрялъ такія явленія которыя отнюдь не согласовались съ духомъ православія; авторъ разбираемой нами книги нисколько не сочувствовалъ мистицизму, но направленіе усвоенное его начальникомъ онъ вполне одобряетъ, ибо видитъ въ немъ признакъ широкой „вѣротерпимости“. Онъ не находилъ въ немъ ничего предосудительнаго лишь до тѣхъ поръ пока оно не касалось Прибалтійской окраины; на этой почвѣ, какъ увидимъ, онъ неумолимо ратовалъ противъ него, но, по его мнѣнію,

въ сношеніяхъ съ православнымъ духовенствомъ Голицынъ дѣйствовалъ именно такъ какъ слѣдовало. Вообще это было, увѣряетъ Гётце, хорошее время когда „московская журналистика подѣ влияніемъ религіознаго фанатизма еще не возбуждала племенной вражды“, когда „еще не было и рѣчи объ обрусѣніи и подавленіи національныхъ самобытностей“. Правда, иногда де обнаруживались нѣкоторыя крайности. Правительство не только не поощряло прозелитизмъ, но смотрѣло очень косо на тѣхъ которые совершенно добровольно, по внутреннему влеченію, присоединялись къ православію. Между прочимъ тайный совѣтникъ Штеръ провинился въ этомъ и никогда въ высшихъ сферахъ не хотѣли ему простить его поступка, хотя, говоритъ Гётце, „маѣ извѣстно что Штеръ, человекъ вполне достойный уваженія, рѣшился переимѣнить вѣру не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ, но по глубоко-созрѣвшему въ немъ убѣжденію“. Если даже „истый сынъ прибалтійской окраины“ удивлялся, то какже было не удивляться и не негодовать другимъ? Но въ глазахъ Гётце всѣ тѣ которые считали долгомъ бороться съ направленіемъ князя Голицына были не болѣе какъ мрачныя фанатики и обскуранты.

Крайній ліетизмъ и мистицизмъ развивались и въ средѣ протестантскаго исповѣданія, но здѣсь встрѣчали они рѣшительный отпоръ. Вотъ что говоритъ по этому поводу авторъ разбираемой нами книги: „Приверженцы іезуитовъ не переставали упрекать насъ (Гётце подразумѣваетъ тутъ себя и Тургенева) въ изгнаніи изъ предѣловъ Россіи этого ордена. И протестантскимъ іезуитамъ очень хотѣлось бы выжить насъ изъ министерства, потому что мы не отклоняли гоненія противъ такихъ духовныхъ лицъ которые не потворствовали ліетизму, и потому что мы не давали извѣстной партіи приобрести вліяніе на князя Голицына. Протестантскимъ іезуитамъ называю я лицемѣровъ, прикрывавшихся набожностью для корыстныхъ цѣлей и отличавшихся крайнею неразбочивостью въ своемъ образѣ дѣйствій. Имъ удалось забрать въ свои руки человека въ сущности почтеннаго, но слѣло преданнаго ліетизму, князя Ливена, полечителя Дерптскаго округа и въ послѣдствіи министра народнаго просвѣщенія. Престарѣлый епископъ (протестантскій) Сигней отлично характеризовалъ его слѣдующими словами: „Князь Ливень, по изреченію „апостола Павла, дѣйствительно ратуеть о Христѣ, но безъ

„разума. Онъ богобоязненъ, и не по вѣншности только какъ „многіе изъ окружающихъ его, но вѣра не смягчила ни его „сердца, ни его характера; напротивъ, она только умножила „прирожденную ему гордыню. Онъ смотритъ на себя какъ на „избранника Божія и подобно фарисеямъ готовъ вопить о „всякомъ кто не раздѣляетъ его образа мыслей: „раслини его, „раслини его!““ Гётце, служа въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, выбивался изъ силъ чтобы помѣшать успѣхамъ партіи которая руководила княземъ Ливеномъ; тутъ нельзя было сбить его съ толку фразами о вѣротерпимости, которыя не сходятъ у него съ языка когда касается онъ лютворства князя Голицына всякимъ мистическимъ бреднямъ; онъ совнавалъ что стоитъ не одиноко, что можетъ разчитывать на поддержку вліятельныхъ лицъ, уроженцевъ какъ и онъ Прибалтійскаго края, и потому обнаруживалъ даже иногда нѣкотораго рода геройство. Вотъ напримѣръ случай: въ началѣ 1818 года весь дворъ находился въ Москвѣ; императора Александра сопровождалъ туда и Голицынъ, не взявшій съ собою никого изъ своихъ подчиненныхъ кромѣ директора департамента народнаго просвѣщенія Полова. Этимъ воспользовались приверженцы Ливена, и вдругъ въ Петербургѣ получается для обнародованія высочайшій манифестъ, коимъ гернгутеры въ Прибалтійскихъ губерніяхъ освобождались отъ рекрутскаго набора и ото всякихъ податей. Гётце пришелъ въ ужасъ. „Пусть выгоняютъ меня изъ службы, пусть меня казнятъ, сказалъ онъ Тургеневу, но я не считаю возможнымъ предать гласности документъ такого рода.“—„Но поймите что вѣдь это высочайшій манифестъ“, отвѣчалъ Тургеневъ.—„Что же изъ этого, если извѣстная партія вынудила его пронырствомъ? Сказали ли императору какія могутъ быть послѣдствія подобной мѣры? Только потому что люди придерживаются той, а не другой вѣры, хотять освободить ихъ ото всякихъ тягостей. Очень естественно что большинство народонаселенія Прибалтійскихъ губерній, а главнымъ образомъ крестьяне будутъ склоняться къ гернгутерству, и это тѣмъ охотнѣе что въ сущности имъ даже и не нужно будетъ отказываться отъ аугсбургскаго исповѣданія. Все бремя падетъ такимъ образомъ на тѣхъ которые не сдѣлаются гернгутерами, а это породитъ неудовольствіе и даже кровавые безпорядки. Мудрое правительство должно избѣгать всего что могло бы возбуждать столь оласное

броженіе въ средѣ низшихъ классовъ“... Гётце задержалъ объявленіе манифеста, въ Москву послана была объяснительная записка, и результатомъ всего этого было то что означенная мѣра была истолкована въ такомъ смыслѣ что она должна быть примѣнена къ гернгутерамъ не уроженцамъ Прибалтійскихъ губерній, а лишь къ тѣмъ которые переселились туда изъ-за границы и которыхъ было не болѣе пятнадцати человѣкъ....

Вскорѣ послѣ этого Гётце вынужденъ былъ однако покинуть департаментъ иностранныхъ словѣданій. Произошло это потому что государь не подписалъ указа объ утвержденіи его въ должности начальника отдѣленія этого департамента, а на государя подѣйствовалъ князь Ливенъ, увѣрившій государя что Гётце имѣетъ весьма дурное вліяніе на князя Голицына. Многие совѣтовали Гётце не покидать своего мѣста, между прочимъ Сперанскій, который чрезъ одного изъ близкихъ къ нему людей далъ ему замѣтить что со временемъ положеніе его можетъ измѣниться, что самое главное—занимать должность и получать содержаніе et l'honneur est quelque chose de fort précieuse en Russie. Но Гётце видѣлъ что ждать ему нечего, потому что князь Голицынъ уже не пользовался, какъ прежде, довѣріемъ государя. „Ah, mon cher Goetze, сказалъ онъ ему однажды, je ne sais pas ce que je deviendrai moi-même; une confiance perdue est difficile à regagner“...

Авторъ разбираемой нами книги знаетъ лицъ къ которымъ князь Голицынъ относился съ особеннымъ сочувствіемъ. Между прочимъ сблизился онъ и съ извѣстною гжой Крюднеръ, когда въ 1821 году пріѣхала она въ Петербургъ. „Эта женщина совершенно умерла для міра, говорилъ ему Голицынъ; она обладаетъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ; возрѣвая ея иногда страшны; житейскія дѣла не занимаютъ ея, она бесѣдуетъ исключительно о религіи“. Дѣйствительно гжа Крюднеръ должна была производить не совсѣмъ обыкновенное впечатлѣніе. Когда Гётце посѣтилъ ее въ первый разъ, то нашелъ ее сидящею на софѣ „съ глазами обращенными къ небу“, и тотчасъ же безо всякихъ околичностей начала она проповѣдь. „Скалы воліуютъ и земля разверзается; монархи падаютъ съ престоловъ и новые народы выступаютъ на исторической сценѣ; все старое отжило, нѣтъ великихъ геніевъ въ литературѣ“ и т. д., все въ этомъ родѣ. Въ то время о которомъ

идеть рѣчь, гжа Крюднеръ находилась подъ вліаніемъ какого-то проживавшаго въ Петербургѣ Швейцарца Кельнера и видимо склонялась къ католицизму. Гётце имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ между прочимъ по слѣдующему обстоятельству: однажды получилъ онъ записку отъ Голицына, извѣщавшаго его что къ нему явится Еврей Гутманъ съ просьбой о разрѣшеніи ему принять православную вѣру. Гутманъ пришелъ, но къ удивленію заявилъ желаніе сдѣлаться католикомъ. На вопросъ, чѣмъ объяснить такую перемену, онъ отвѣчалъ что гжа Крюднеръ и Анна Сергѣевна Голицына, въ домѣ которой жила Крюднеръ, убѣдили его предпочесть католическую религію, — „а мнѣ это рѣшительно все равно“, прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

Гётце отнюдь не одобряетъ князя Голицына за его дѣятельность по министерству народнаго просвѣщенія, но все что онъ рассказываетъ по этому поводу уже давно извѣстно изъ другихъ источниковъ. Только одинъ университетъ, говоритъ онъ, дѣйствительно процвѣталъ—университетъ Дерптскій, на которомъ нисколько не отражались несчастные порядки принимаемые относительно нашихъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Нельзя сказать что еслибы Голицынъ имѣлъ въ виду пользу дѣла, то не нашелъ бы онъ людей которые могли бы служить ему просвѣщенными и надежными сотрудниками, но не рѣдко бываетъ такъ что человекъ не привлекается у насъ именно къ тому къ чему онъ вполне пригоденъ, и задачу которую слѣдовало бы всецѣло поручить ему возлагаютъ на другихъ, совершенно неспособныхъ справиться съ нею. При Голицынѣ находился напримѣръ Уваровъ: чего бы, казалось, лучше какъ открыть ему широкое поприще дѣятельности, но на огромныя достоинства Уварова не обращали вниманія, а самымъ тщательнымъ образомъ старались отыскать въ немъ разные, часто мнимые, недостатки. По словамъ нашего автора, придирались къ малѣйшимъ промахамъ его по управленію С.-Петербургскимъ учебнымъ округомъ: чтобъ увѣрить себя и другихъ будто онъ плохой, недостаточно энергическій администраторъ, тогда какъ въ послѣдствіи, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, онъ доказалъ совершенно противное. Положеніе его сдѣлалось невозможнымъ. „Уваровъ, рассказываетъ Гётце, появлялся иногда на воскресныхъ приемахъ князя Голицына, но дни его какъ полечителя были уже

изочтены. Всѣ умышленно старались не замѣчать его, и онъ долженъ былъ считать себя довольнымъ если а, незначительный молодой человекъ, подходилъ къ нему и вступалъ съ нимъ въ продолжительный разговоръ. Людей въ родѣ Уварова отстраняли, а такіе люди какъ Магницкій выдвигались впередъ. Гётце хорошо зналъ этого послѣдняго. „Какъ теперь вижу, говоритъ онъ, — какъ Магницкій посѣщая неуклонно по праздничнымъ днямъ воскресную церковь князя Голицына, старался земными поклонами заявлять о своей набожности и благочестіи“. То былъ избранныкъ самого министра, который хотѣлъ во что бы то ни стало привести его впередъ.

— Хорошо ли ты его знаешь? спросилъ Голицына императоръ Александръ.

— Да, ваше величество, я знаю его уже давно: мнѣ извѣстны прежія его заблужденія, но теперь онъ исправился.

— Ты настаиваешь стало-быть чтобъ я назначилъ его почителемъ (Казанскаго учебнаго округа)?

— Если ваше величество соизволите на это, то я убѣжденъ что онъ окажется вполне пригоднымъ для этой должности.

— Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ императоръ;—я держусь правила предоставлять самимъ министрамъ выборъ ихъ подчиненныхъ, но предсказываю тебѣ что онъ будетъ первымъ на тебя донощикомъ.

Магницкій вполне подтвердилъ это предсказаніе. Онъ приобрѣлъ довѣріе Голицына, затѣмъ скомпрометтировалъ его своею дѣятельностью въ Казани и наконецъ сдѣлаался орудіемъ его враговъ. Онъ сошелъ съ поприща заслуживъ непримиримую ненависть всѣхъ кто имѣлъ случай съ нимъ сблизаться и кому онъ былъ наиболее обязанъ своею карьерой. Когда въ началѣ царствованія императора Николая велѣно было ему отправиться на жительство въ Ревель, Сперанскій говорилъ о немъ: „Зачѣмъ послали его въ Ревель, куда съѣзжается такъ много народа для поправленія здоровья? Вѣдь онъ отравитъ тамъ воздухъ“. Изъ Ревеля попалъ онъ въ Одессу. О пребываніи его въ этомъ городѣ Гётце рассказываетъ слѣдующій анекдотъ: „Магницкій былъ принятъ очень благосклонно генералъ-губернаторомъ княземъ Воронцовымъ. Этотъ вельможа, воспитанный въ Англіи, гдѣ отецъ его стоялъ во главѣ русскаго посольства, былъ не только при

громадомъ своемъ состояніи grand seigneur, но и человекъ европейски образованный, отличавшійся благородствомъ характера и изящными манерами. Слѣдовало ожидать что и Магницкій, подобно многимъ другимъ часто посѣщавшій его, почувствуетъ къ нему расположеніе, но naturam furca expletas, tamen usque resurget. Какъ было ему отказаться отъ любимаго своего занятія, то-есть отъ дозововъ? Однажды Воронцовъ получилъ изъ Петербурга живой и исполненный каететь на него доносъ, посланный туда Магницкимъ, который написалъ его своею рукою и даже подлисался подъ нимъ. Воронцовъ приказалъ своему камердинеру какъ скоро придетъ Магницкій пригласить его прямо въ кабинетъ и затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ вызвать оттуда Воронцова подъ тѣмъ предлогомъ что княгиня желаетъ его видѣть. Такъ и было сдѣлано. Магницкій остался въ кабинетѣ одинъ, а на письменномъ столѣ лежалъ собственноручный его доносъ, который не могъ не броситься ему въ глаза. Вернувшись Воронцовъ спокойно какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ прерванный разговоръ, но Магницкій не могъ скрыть своего смущенія и скоро простился съ нимъ.“

Аракчеева, Блудова, архимандрита Фотія Гётце не казалъ кажется лично, а потому и то что разказываетъ онъ о нихъ въ своей книгѣ не представляетъ особаго интереса. Но адмирала Шишкова онъ не только зналъ, но и былъ близокъ въ его домѣ. Повидимому это необъяснимая странность: что могло быть общаго у Гётце съ этимъ влодѣмъ русскимъ человекомъ, ревностнымъ поклонникомъ старины, глубоко преданнымъ православнои церкви, а между тѣмъ съ какимъ теллымъ чувствомъ отзывался онъ о немъ! Когда Гётце служилъ у Голицына, то Шишковъ, который, какъ извѣстно, не задумывался высказывать свое мнѣніе о дѣятельности этрго министра, казался ему ненавистнымъ „фанатикомъ“, но узнавъ его онъ понялъ сколько было у этого фанатика истинной терлимости и гуманности. Шишковъ ратовалъ за свои идеи очень горячо, но не вносилъ въ эту борьбу личнаго раздраженія и злобы. „Онъ не былъ настолько нетерлимъ, говоритъ Гётце, чтобы не признавать заслуги своихъ литературныхъ противниковъ. Близкій родственникъ Карамзина, считавшагося главой враждебной ему партіи, князь П. А. Вяземскій, съ которымъ я встрѣтился у министра финансовъ Канкринна, сообщилъ мнѣ однажды о желаніи своемъ занять мѣсто въ

Академіи Наукъ. Шшкова онъ не зналъ, и я вызвался познакомиться его съ нимъ, увѣряя его заранѣе что почтенный старикъ приметъ его съ обычнымъ своимъ радушіемъ. Когда нѣсколько дней спустя отправились мы къ нему, Вяземскій спросилъ меня долженъ ли говорить съ нимъ о своемъ желаніи: я отвѣчалъ что это бесполезно, что Шшковъ уже предувѣдомленъ и согласился заявить объ его кандидатурѣ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій Академіи. Такъ дѣйствительно и случилось.“ Шшковъ до глубокой старости читалъ очень много, интересовался всѣми новостями русской литературы. „Приговоры его, рассказываетъ нашъ авторъ, были иногда довольно странны. Какой-то молодой писатель перевелъ стихами Шиллеровскаго *Вильгельма Телля*; увидавъ эту книжку въ рукахъ Шшкова я спросилъ его какъ она нравится ему. „Вовсе не нравится, отвѣчалъ онъ, какой интересъ въ томъ что швейцарскіе мужики взбунтовались противъ своихъ господъ! Удивляюсь что Шиллеръ счелъ достойнымъ воспроизвести это событіе въ драмѣ“.

На послѣднихъ страницахъ книги Гётце встрѣтили мы упоминаніе о бывшемъ профессорѣ Дерптскаго университета Парротѣ. Впервые, кажется, сообщилъ о немъ свѣдѣнія покойный графъ М. А. Корфъ, рассказавъ какъ Парротъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ императора Александра и имѣвшій право откровенно писать ему о всемъ, вступилась за Сперанскаго. Поступокъ этотъ дѣлалъ конечно честь Парроту и вообще личность его представлялась въ весьма привлекательномъ свѣтѣ. Гётце хотѣлъ вѣроятно еще болѣе его возвеличить, напечатать отрывки изъ его писемъ къ императору Николаю Павловичу, но этимъ едва ли оказалъ ему услугу. Дѣло въ томъ что министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ отважился на неслыханную дерзость, рѣшился принять строгія мѣры относительно двухъ про-профессоровъ Дерптскаго университета, и Парротъ воспылалъ противъ него озлобленіемъ. „Ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты, писалъ онъ государю, которые этотъ министр печатаетъ съ такою самоувѣренностію, не производятъ впечатлѣнія даже на просвѣщенныхъ Русскихъ, усматривающихъ въ нихъ лишь одно хвостовство. Не думайте, государь, чтобъ я порицалъ его изъ какого-нибудь личнаго неудовольствія. Я признаю все что въ немъ есть хорошаго: онъ исполненъ ума, проникательности и тонкости, обладаетъ свѣдѣніями,

говорить хорошо на нѣсколькихъ языкахъ. Все эти достоинства, въ связи съ большимъ его состояніемъ, даютъ ему право на должность посла, то-есть на такую должность въ которой сердце не играетъ никакой роли.“ Если Парротъ не любилъ Уварова, то въ этомъ не было бы бѣды, но онъ встрѣчалъ поддержку въ Петербургѣ у людей пользовавшихся сильнымъ вліяніемъ. Графъ Бенкендорфъ писалъ ему: „Любезный другъ, я передалъ ваше письмо кому слѣдуетъ. Поздравляю васъ что вы написали его и поздравляю государя съ тѣмъ что онъ внимательно прочелъ ваше строгое посланіе (*épître sévère*). Онъ возвратилъ мнѣ его.“ Этотъ маленькій эпизодъ бросаетъ довольно яркій свѣтъ на тѣ проски съ которыми приходилось бороться Уварову.

Вообще книга Гётте читается легко и не безъ интереса.

III.

La vie privée à Venise depuis les premiers temps jusqu'à la chute de la république, par Molmenti.

Все оригинально въ Венеціи: оригиналенъ внѣшній видъ города съ его дворцами и храмами какъ бы вышедшими изъ моря; оригинальна исторія того какъ этотъ городъ сдѣлался могущественною державой и приобрѣлъ владычество на моряхъ; оригиналенъ образъ жизни его народонаселенія. Что касается исторіи, то едва ли она хорошо извѣстна всякому, но нѣтъ образованнаго человѣка который не составилъ бы себѣ понятія о нравахъ венеціанскаго общества. Подозрительное правительство, шпіоны, тюрьмы подъ свинцовыми крышами, вѣчный маскарадъ, любовныя похождения и утонченность разврата,—развѣ все это не воспроизводилось тысячу разъ въ романахъ? Но романисты даютъ слишкомъ много воли своей фантазіи, къ тому же они любятъ преимущественно XVIII вѣкъ, а Венеція жила не одно столѣтіе. Исторія ея внутренняго быта еще требуетъ обстоятельнаго изображенія, и задачѣ этой посвятилъ свой трудъ г. Мольменти. Онъ самъ Венеціанецъ, и книга его написана по-итальянски, но мы имѣемъ предъ собою недавно вышедшій французскій переводъ.

„Я ълыгалася, говорить оны въ предисловіи, устранить изъ исторіи легенды, обращааясь къ источникамъ и основывая свой разказъ на непреложныхъ документахъ; мнѣ хотѣлось изобразить общественныя увеселенія и домашнюю жизнь, коммерческія предпріятія, услѣхи матеріальнаго и нравственнаго развитія, могучее и разнообразное движеніе народной жизни, перемѣны въ людяхъ и обычаяхъ, процвѣтаніе литературы и искусства“. Рамка, какъ видно изъ этого, очень широкая. Еще прежде чѣмъ ознакомились мы съ книгой г. Мольменти, намъ случалось встрѣчать весьма похвальные о ней отзывы въ серьезныхъ нѣмецкихъ журналахъ, и шаче не могло и быть, ибо основана она на самостоятельномъ изученіи документовъ хранящихся въ публичныхъ и частныхъ архивахъ. Относительно основательности она не оставляетъ желать ничего лучшаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ начала до конца читается съ живѣйшимъ интересомъ.

Когда посѣщаешь телерешнюю Венецію съ ея заброшенными дворцами, грязными улицами, съ ея нищенскимъ народонаселеніемъ, то невольно приходитъ мысль, что такое представляла она собой три столѣтія назадъ? И въ настоящее время производитъ она чарующее впечатлѣніе,—что же должно было быть тогда? Свѣдѣнія которыя находимъ мы въ книгѣ г. Мольменти даютъ вполне удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Возьмемъ наприимръ Венецію XV вѣка. Городъ насчитывалъ до 300.000 жителей; флотъ состоялъ изъ 3.300 большихъ и малыхъ судовъ и 45 галеръ съ 36.000 матросовъ; ежегодно вывозилось товаровъ во всѣ части свѣта на десять милліоновъ дукатовъ; около 19.000 рабочихъ занимались производствомъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей; ежегодный доходъ какой-либо знатной фамиліи въ четыре или пять тысячъ дукатовъ считался дѣломъ обыкновеннымъ; число такихъ богачей простиралось болѣе чѣмъ до тысячи. Главнѣйшіе дворцы, которые и нынѣ составляютъ украшеніе Венеціи,—дворцы расположенные между прочимъ по Салак Гранде, уже существовали въ то время. Одинъ изъ путешественниковъ, оставившій описаніе ихъ, говорить: „Здѣшніе этого города представляютъ по внѣшности удивительное зрѣлище, но изумленіе превосходить всякую мѣру когда прои́каешь внутрь ихъ, ибо они наполнены такимъ множествомъ рѣдкихъ и драгоценныхъ вещей что человѣку который самъ не видалъ всего этого разказъ о подобныхъ сокровищахъ

могъ бы показаться вымысломъ". Потолки комнатъ отличались тонкою рѣзкой; стѣны были покрыты необыкновенно искусно выдѣланною кожей каштановаго цвѣта съ золотыми и серебряными украшениями или шелковою матеріею; каминь были работы Палладио, Витторіа и Сансовино; что касается мебели и посуды, то почти каждая отдѣльная вещь была замѣчательнымъ произведеніемъ искусства; со стѣнъ слускались бронзовыя съ чернью лампы въ восточномъ вкусѣ или фонари изъ кованаго желѣза съ разными прихотливыми завитками; блюда и тарелки были изъ массивнаго серебра. Спальныя комнаты служили не рѣдко и для приѣма гостей и особенное вниманіе обращено было на ихъ убранство. Посланникъ Миланскаго герцога посѣтилъ жену патриціа Дольфини когда она только-что разрѣшилась отъ бремени, и сопровождавшій его секретарь Казола описываетъ такимъ образомъ то что пришлось ему видѣть: „Конечно, сама Французская королева не окружаетъ себя подобною роскошью. Посланникъ былъ совершенно согласенъ со мною относительно этого, онъ позволилъ и мнѣ войти вмѣстѣ съ нимъ въ комнату родильницы именаю для того чтобъ я могъ въ послѣдствіи разказывать другимъ. Неоднократно указывая мнѣ на ту или другую вещь, онъ спрашивалъ что я думаю о нихъ и мнѣ оставалось только въ изумленіи пожимать плечами. Полагаю что цѣнность всего находившагося въ комнатѣ превышала 4.000 дукатовъ, а надо замѣтить что комната была очень не велика. Особенно поразилъ меня каминъ изъ каррарскаго мрамора блиставшій какъ золото со множествомъ такихъ изящныхъ фигуръ что ни Пракситель, ни Фидій не могли бы произвести ничего лучше. Потолокъ и стѣны голубоватаго цвѣта съ позолотой были такъ красивы что не могу и выразить. Кровать стоила не менѣе 500 дукатовъ и столько было на ней золота что ничего такого нельзя представить себѣ даже во времена царя Соломона, когда золото считалось у Евреевъ презрѣннымъ металломъ. Не буду говорить о покрывалахъ на постели изъ оласенія что мнѣ не довѣрять: это было действительно нѣчто необыкновенное. Но упомяну о другомъ, относительно чего нельзя было бы заподозрить меня во лжи, ибо посланникъ подтвердитъ мои слова. Въ комнатѣ находилось двадцать пять венеціанскихъ дѣвицъ одна лучше другой; на головѣ, шеѣ и на рукахъ у нихъ было столько драгоценныхъ камней и жемчуга что, по моему мнѣнію, цѣнность

воихъ этихъ украшеній была отнюдь не менѣе 100.000 дукатовъ. Лица ихъ были очень хорошо разрисованы (*molto bene dipinti*).“ По приведенному нами описанію можно судить какою роскошью окружала себя фамилія Дельфини, но богатствами своими она нисколько не превышала другихъ,—напротивъ, многіе превосходили ее въ этомъ отношеніи. Въ лучшую пору своего историческаго существованія венеціанская аристократія не отдѣлялась рѣзкою гранью отъ остальнаго населенія; блескъ ея не былъ оскорбителенъ для другихъ классовъ общества, ибо и ихъ матеріальное благосостояніе стояло очень высоко. Перепись произведенная въ 1582 году обнаружила что въ городѣ находилось лишь 187 жилищъ. На ряду со знатію процвѣтали цехи или товарищества (*consorterie*), изумлявшія своею необычайною производительностью, а также средствами какими они располагали; памятниками ихъ зажиточности служатъ храмы и зданія съ благотворительною цѣлью воздвигнутые ими, изъ которыхъ многіе уцѣлѣли еще до сихъ поръ. Читатель найдетъ въ книгѣ г. Мольменти описаніе разныхъ общественныхъ увеселеній и празднествъ происходившихъ въ Венеціи въ XV и XVI столѣтіяхъ,—празднествъ, которыми не могли соперничать съ нею ни Римъ, ни Флоренція, ни другіе европейскіе города.

А между тѣмъ для республики давно уже наступилъ упадокъ. Она жила на капиталъ пріобрѣтенный ею въ прежнія времена, но производительность ея ослабѣла. Господство ея на морѣ было поколеблено. Венеціанскую аристократію Среднихъ Вѣковъ г. Мольменти сравниваетъ съ аристократіей англійскою. „Мы видимъ, говоритъ онъ, цѣлая династія государственныхъ людей, передававшія изъ поколѣній въ поколѣнія преданія и правила политической мудрости, такъ что могли мѣняться лица, но принципы и система оставались непоколебимыми. Отличительною чертой венеціанской политики былъ трезвый эгоизмъ, заставлявшій смотрѣть на всякое дѣло съ точки зрѣнія выгодно оно или не выгодно для государства. Люди управлявшіе страной ничѣмъ не жертвовали идеализму, а вслѣдствіе того во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ обнаруживалось что-то величавое, сильное, чуждое сентиментальности. Но и аристократія выродилась,—она сдѣлалась замкнутою, не пополняла какъ прежде свои ряды лучшими силами изъ другихъ классовъ общества и ревниво оберегала свое преобладаніе, уже не оправдываемое ея заслугами.

Этот печальный періодъ въ исторіи Венеціи изображенъ особенно искусно авторомъ разбираемой нами книги, между прочимъ и потому что сохранилось для него гораздо болѣе матеріаловъ, проливающихся свѣтъ на всѣ стороны общественнаго быта.

„Жизнь, говоритъ Мольменти, отзывавшаяся какимъ-то оцѣпленіемъ, сладкою и пріятною дремотой, протекала въ изящныхъ, но пустыхъ развлеченияхъ; все, даже одежда мужчинъ и женщинъ, гармонировало съ убранствомъ комнатъ: смотря на мебель, можно угадать каковы нравы и привычки. Блестящій паркетъ, стѣны обтянуты парчевою матеріей, множество красивыхъ бездѣлушекъ служили какъ нельзя болѣе пригодною рамкой для элегантныхъ дамъ съ напудренными волосами, одѣтыми въ атласъ и шелкъ, щеголявшихъ рѣдкими кружевами; совершенно подѣ стать имъ были и мужчины, потомки прежнихъ славныхъ патриціевъ, въ шелковыхъ вышитыхъ кафтанахъ, въ длинныхъ жилетахъ, изъ кармановъ коихъ висѣли брелоки и лорнеты, не выпускавшіе изъ рукъ длинныхъ палокъ съ золотыми набалдашниками. Искусное сочетаніе цвѣтовъ—золотаго и бѣлаго, золотаго и розоваго, золотаго и лиловаго—пріятно усложняло глазъ. Было много роскоши, но какой-то старческой; самый воздухъ былъ пропитанъ сладострастіемъ; такъ и слышишь всюду шорохъ атласныхъ, раздушенныхъ платьевъ. Въ былое время знатныя женщины рѣдко показывались въ публикѣ; онѣ довольствовались домашнимъ кругомъ или тѣснымъ обществомъ нѣсколькихъ избранныхъ друзей; теперь не только дни, но даже ночи, особенно ясныя лѣтнія ночи, проводятъ онѣ на площади или на набережной окруженныя толпой свой чичибеевъ. Парикмахеръ играетъ огромную роль въ ихъ жизни, ибо убранство головы сдѣлалось сложнымъ и труднымъ искусствомъ, которому посвящали онѣ не малое число часовъ... Отраженіемъ какъ бы въ миниатюрѣ этого общества, для котораго всякое излишество сдѣлалось насущною потребностью, служили дѣти, точно также тщательно напудренныя съ маленькою плагой у бедра, цѣловавшія руку у дѣвочекъ не менѣе изысканно и граціозно чѣмъ ихъ отцы, старые ребята цѣловали руку у дамъ. Мужчины, подобно женщинамъ, старательно изучали предъ зеркаломъ разныя ухищренныя позы; все было у нихъ искусственно—походка, разговоръ, манера кланяться и садиться. Безо всякаго преувеличенія

можно было ихъ сравнить съ фарфоровыми статуэтками, которыми они украшали свои салоны. А между тѣмъ было бы несправедливо обвинять венеціанскую знать въ нравственномъ растлѣніи: въ ней было гораздо болѣе пустоты чѣмъ разврата, гораздо болѣе легкомыслія чѣмъ испорченности“. Мольментъ—ревностный патріотъ. Рисуя непривлекательную картину нравовъ въ XVII и особенно въ XVIII вѣкѣ, онъ безпрерывно прибѣгаетъ къ оговоркамъ, старается доказать что въ другихъ странахъ Европы было несравненно хуже, но свѣдѣнія сообщаемыя имъ едва ли подтверждаютъ такое предположеніе. Для примѣра можно между прочимъ указать на статью о монастыряхъ. Женскихъ монастырей было въ Венеціи 35, но трудно сказать почему обитательницы ихъ считались монахинями. Онѣ вели вполне свѣтскую жизнь, принимали молодежь не у себя въ кельяхъ, а въ нарочью для того устроенныхъ изящныхъ салонахъ, гдѣ постоянно раздавался смѣхъ, а прислуга разносила мороженое и напитки. По вечерамъ выходили онѣ куда угодно. Одинъ изъ венеціанскихъ историковъ того времени говорить: „Монахини отличаются крайнею раслуценностью и нѣтъ никакихъ средствъ сладить съ ними. Неоднократно прелаты пытались возстановить порядокъ въ монастыряхъ, но ихъ выгоняли оттуда силою и благодаря вліянію знатныхъ родителей маимыхъ отшельницъ все оставалось попрежнему. Во время карнавала возлюбленные молодыхъ дѣвушекъ являлись за ними въ гондолахъ и онѣ выходятъ изъ своей обители замаскированными и съ напудренными волосами“. Президентъ де-Блоссъ разказываетъ что когда въ 1739 году прибылъ въ Венецію лалскій нунцій, то три женскіе монастыря вступили между собою въ споръ, которому изъ нихъ будетъ принадлежать честь поставить для него наложницу. Хороши монастыри, но хороши также и представитель римской куріи...

Зимой время проходило въ балахъ, маскарадахъ и карточной игрѣ, которая была развита въ Венеціи какъ нигдѣ въ Европѣ. Этому городу принадлежало и еще въ большемъ размѣрѣ, такое же мѣсто какое въ наше время занимали Монако, Баденъ, Гомбургъ и другія пристанища рулетки. Играли въ различныхъ казино и даже на площади св. Марка. Всякій кто хотѣлъ подходилъ къ игорному столу, но и отъ мужчинъ и отъ женщинъ непремѣнно требовалось чтобы они были замаскированы. Особенно славилось казино жены

довольно знатнаго человека, Катерины Тронъ: „тутъ слодились, говорить авторъ, литераторы, поэты, иностраные придды, авантюристы, танцовщицы, лѣвицы и лѣвцы, общество очень смѣшанное, не блиставшее манерами, но исполненное остроумія и веселости. Иногда слышался тутъ и серьезный разговоръ: умственное движеніе, представителями коего были Вольтеръ и Руссо, не могло не коснуться и Венеціи и среди смѣха и споровъ, порождаемыхъ игрой, вдругъ возникла рѣчь о какой-нибудь отважной соціальной реформѣ“. Венеціанцы очень любили загородную жизнь—какъ скоро наступало лѣто, всѣ богатые или даже сколько-нибудь зажиточные люди непременно разѣзжались по дачамъ, но и тамъ препровожденіе времени напоминало скорѣе городъ чѣмъ деревню. Г. Мольменти изобразилъ очень подробно какъ проходила тамъ жизнь: утромъ неизбѣжный шоколатъ, а затѣмъ прогулка въ саду, послѣ которой всѣ усаживались за карты до завтрака. Ъда считалась чрезвычайно важнымъ дѣломъ; по цѣлымъ часамъ хозяева совѣщались съ поваромъ-Французомъ или по крайней мѣрѣ обучавшимся у Француза, и тогдашніе меню поражаютъ своимъ безчисленнымъ разнообразіемъ. Отличительною чертой того времени было то что у знатныхъ лицъ обѣдъ былъ сервированъ непременно въ трехъ комнатахъ: въ одной подавали супы и мясо, въ другой соусы, жаркое и овощи, въ третьей пирожное, десертъ и мороженое. Обычаю этому старались подражать и многія лица изъ средняго сословія. Послѣ обѣда пили ликеръ и кофе. и начинался приемъ гостей въ саду подъ открытымъ небомъ или въ обширныхъ кіоскахъ съ разноцвѣтными стеклами. Вечеромъ устраивалась trottata, прогулка въ экипажахъ или верхомъ и остальная часть дня посвящалась картамъ и танцамъ, не рѣдко устраивались и концерты. Не только зимой, но и лѣтомъ венеціанская знать обнаруживала необычайную роскошь. Герцогъ Эрнстъ Брауншвейкскій посѣтилъ Венецію и выразилъ желаніе отдохнуть въ какой-нибудь виллѣ отъ канікулярныхъ жаровъ; тотчасъ же Контарини вызвался оказать ему гостепріимство и читая описаніе праздника устроеннаго имъ по этому поводу нельзя не удивляться какими огромными средствами располагали патриціи даже въ послѣднія времена существованія республики. Пятьдесятъ алебардчиковъ, одѣтыхъ въ швейцарскіе полосатые краснаго и зеленаго цвѣта костюмы, и столько же

карабинеровъ ожидали герцога въ сѣняхъ дома; вечеромъ, послѣ роскошнаго обѣда, отправился онъ въ театръ, гдѣ давали драму съ лѣвіемъ, танцами и превращеніями; на рѣкѣ ожидалъ его будентавръ покрытый малиновымъ бархатомъ съ золотыми галунами, на которомъ могло помѣститься не менѣе 80 человекъ. Праздество окончилось великолѣпнымъ фейерверкомъ при лучечныхъ выстрѣлахъ съ двухъ галеръ, а хоръ воспитанницъ извѣстной венеціанской школы Ospidalletto исполнилъ нарочно сочиненную для этого дня кантату. Венеціанская знать, обнаруживая эту роскошь, нисколько не помышляла о завтрашнемъ днѣ; если не хватало у нея денегъ, то она прибѣгала къ займамъ у монастырей и именно это окончательно погубило ее. Бонапартъ отмѣнилъ всѣ духовныя корпорации въ предѣлахъ бывшей республики, конфисковалъ церковныя имущества и потребовалъ чтобы долги частныхъ лицъ монастырямъ были немедленно уплачены, а такъ какъ исполнить этого было нельзя, то огромное большинство знатныхъ фамилій подверглось разоренію. До послѣдней минуты не предвидѣли они грозившаго имъ удара: Венеція продолжала жить своею беззаботною веселою жизнью пристраживаясь съ любопытствомъ къ разгрому начавшемуся въ Европѣ вслѣдъ за французскою революціей и почему-то убѣжденная что этотъ переворотъ не коснется ея, какъ вдругъ очутилась она на краю гибели.

Книга г. Мольтента очень занимательна, но жаль что онъ пользовался для нея главнымъ образомъ архивными документами и почти не обращалъ вниманія на мемуары. Они доставили бы ему много достовѣрныхъ и характеристическихъ анекдотовъ, которые оживили бы еще болѣе его разказъ. Теперь же мы видимъ предъ собой до мельчайшихъ подробностей сцену, но не видимъ дѣйствующихъ на ней лицъ.

P.

VI.

Книжныя новости.

Трудъ знатока Кавказа и его прошлаго А. Р. Зиссермана, издаваемый въ Петербургѣ подъ заглавіемъ *Исторія 80го пѣхотнаго Кабардинскаго генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго полка (1726—1880)* безъ сомнѣнія займетъ видное

мѣсто въ нашей небогатой обстоятельными изслѣдованіями литературы о кавказской войнѣ и исторіи присоединенія этой окраины. Изданное сочиненіе въ трехъ обширныхъ томахъ знакомитъ не съ одною болѣе чѣмъ полуторавѣковою славною въ лѣтописяхъ Кавказа боевою службой Кабардинскаго полка, но вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ съ ходомъ завоеванія нами Кавказа и представляетъ много новыхъ и интересныхъ страницъ изъ исторіи Кавказской войны. Сочиненіе посвящено Августѣйшему Шефу полка и издано на Высочайше пожалованныя покойнымъ Государемъ средства. „Въ Божѣ почившій Царь-Освободитель, говоритъ г. Зиссерманъ въ предисловіи къ первому тому,—еще не задолго до мученической кончины своей, Всемилостивѣйше соблаговолилъ даровать нужныя средства на изданіе настоящей исторіи, безъ чего и самое появленіе ея въ свѣтъ было бы невозможно.“

Пятидесятилѣтній юбилей Е. И. В. Принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго. Въ двухъ частяхъ. Составилъ Ю. О. Шрейеръ. Авторъ въ первой части своего труда по поводу юбилейнаго чествованія дѣятельности почившаго 2го мая текущаго года Принца Петра Георгиевича представилъ характеристику въ Божѣ почившей основательницы благотворительнаго вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, супруги Императора Павла I Маріи Θεодоровны, затѣмъ характеристику Принца Петра Георгиевича и ознакомилъ съ исторіей учрежденій, вызванныхъ къ жизни Его Высочествомъ. Въ характеристикѣ Императрицы Маріи Θεодоровны изложено въ извлеченіи ея духовное завѣщаніе. Это документъ въ высшей степени знаменательный. Въ этой заgrabной исповѣди рельефно обрисовывается обликъ императрицы посвятившей себя на пользу страждущаго человечества. Вторая часть содержитъ описаніе юбилейнаго праздника и некрологъ Принца Петра Георгиевича. Сочиненіе издано въ типографскомъ отношеніи прекрасно и украшено фотографическими портретами почившихъ Императрицы Маріи Θεодоровны и Принца Петра Георгиевича, а также рисункомъ изображающимъ юбилейныя поднесенія Его Высочеству.

Въ Петербургѣ вышло третье дополненное изданіе сочиненій Г. П. Данилевскаго. Въ собраніе вошли произведенія писанныя въ періодъ времени съ 1847 года по 1881 годъ. Въ первомъ томѣ помѣщены: *Первый выпускъ сокола* — разказъ

изъ времянь царя Алексѣя Михайловича; *Вечеръ въ теремъ царя Алексѣя Михайловича*; *На Индію при Петрѣ I*, повѣсть въ 2 частяхъ; *Мировичъ*, романъ въ трехъ частяхъ, и *Последніе Запорожцы*, повѣсть. Въ составъ второго тома вошли: *Екатерина Великая на Днѣпръ*, разказъ; *Потемкинъ на Дунай*, романъ; *Семейная старина*, разказъ; *Бѣглецы въ Новороссіи*, романъ въ двухъ частяхъ, и *Четверо времени года украинской охоты*, разказы. Въ третьемъ томѣ напечатаны: *Воля*, *Бѣглецы воротились*, романъ въ двухъ частяхъ, и разказы: *Бѣглый Лаорушка за границей* и *Святочная легенда—бѣсъ*. Последній томъ содержитъ: *Десятый валъ*, романъ въ трехъ частяхъ, *Украинскія сказки*, самостоятельныя стихотворенія Г. П. Данилевскаго и его переводы изъ Шиллера, Мицкевича и Гейне. По поводу новаго изданія своихъ сочиненій г. Данилевскій говоритъ въ предисловіи къ первому тому слѣдующее: „Первый мой бытовой романъ *Бѣглецы въ Новороссіи* былъ начатъ за два года до освобожденія крестьянъ и конченъ среди моихъ работъ въ качествѣ депутата въ одномъ изъ комитетовъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ. Картины русскихъ Кентукки и Массачузетса, заселеніе цѣлыхъ деревень пришельцами не помнящими родства, облавы на бѣглыхъ и всякія насиія надъ этими *пионерами востока*,—какъ ихъ называлъ нѣмецкій переводчикъ этого романа,—стали для современниковъ, обсуждающихъ вопросы свободнаго переселенія, отдаленнымъ историческимъ воспоминаніемъ. Второй мой бытовой романъ *Воля* посвященъ послѣдующей порѣ извѣстныхъ крестьянскихъ броженій, третій и четвертый *Новая жьста* и *Десятый валъ*—картинамъ вновь строившагося послѣ-реформеннаго провинціального общества. Изображенные мною типы бѣглыхъ крестьянъ срисованы съ дѣйствительности. Во время моей командировки для *Морскаго Сборника* къ Донскимъ гирламъ и къ Азовскому морю мнѣ удалось не только видѣть такихъ людей, но и подолгу жить среди нихъ. То же я долженъ сказать о герояхъ другихъ моихъ романовъ. Я ихъ наблюдалъ въ жизни съ тѣмъ же вниманіемъ какъ изучалъ въ историческихъ документахъ и преданіяхъ прошлаго вѣка иногда въ нѣсколькихъ строкахъ частнаго, задушевнаго письма, въ дневникѣ между листковъ календаря или въ подлиси на сборникѣ стихотвореній и хозяйственныхъ бумагъ, внутреннія черты характеровъ Мировича, Разумовскихъ, Орловыхъ, Потемкина и другихъ.“

Общество любителей древней письменности, состоящее под председательством князя П. П. Вяземскаго, издало весьма цѣнный трудъ г. Барсукова, озаглавленный *Источники русской географіи*. Составитель въ своемъ трудѣ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о русскихъ святыхъ и перечисляетъ рукописныя житія ихъ, съ указаніемъ въ какихъ библиотекахъ или древнехранилищахъ они находятся.

Вышла первая часть третьяго тома почтеннаго историческаго труда А. А. Васильчикова *Семейство Разумовскихъ*. Въ этой части помѣщена біографія (не оконченная впрочемъ) свѣтлѣйшаго князя Андрея Кирилловича Разумовскаго, игравшаго въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія немаловажную роль въ Европѣ.

Съ разрѣшенія министра юстиціи изданъ *Алфавитный указатель юридическихъ вопросовъ*, разрѣшенныхъ гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1879 и 1880 годахъ. *Указатель* составленъ старшими помощниками оберъ-секретаря гражданского кассационнаго департамента Е. Шайкевичемъ и А. Поворинскимъ.

Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ издало *Статистическія свѣдѣнія* о движеніи товаровъ по Московско-Нижегородской желѣзной дорогѣ и о сношеніяхъ по взаимной передачѣ грузовъ съ дорогами состоящими съ ней въ прямомъ сообщеніи въ 1878, 1879 и 1880 годахъ.

В. П. Безобразовъ издалъ въ С.-Петербургѣ собраніе своихъ статей по вопросамъ о мѣстномъ самоуправленіи, помѣщавшихся съ 1859 по 1881 годъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, подъ заглавіемъ: *Государство и общество. Управление, самоуправленіе и судебная власть*.

П. А. Орловъ издалъ *Указатель фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ царствомъ Польскимъ и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ*. *Указатель* составленъ по официальнымъ свѣдѣніямъ департамента торговли и мануфактуръ.

Вышелъ второй выпускъ седьмаго тома *Трудовъ* Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго сада.

С.-Петербургское губернское земство издало *Сборникъ постановленій С.-Петербургскаго губернскаго земскаго собранія съ 1865 по 1879 г.*, то-есть со времени сессіи перваго созыва собранія, открытой 27 ноября 1865 г. *Сборникъ* составленъ Ф. И. Шмигельскимъ.

Издана брошюра, озаглавленная *Петербургско-Новоладожская желѣзная дорога*. Задача брошюры—представить, въ сжатомъ очеркѣ, экономическую будущность проектируемой желѣзной дороги. Предполагаемый валовой доходъ отъ перевозки пассажировъ и грузовъ по дорогѣ исчисленъ авторомъ брошюры въ 1.660.000 рублей.

Изданіе *Повѣстей и разказовъ Д. В. Григоровича* отдѣльными книжками, предпринятое петербургскимъ книгопродавцемъ Н. Г. Мартыновымъ, продолжаетъ выходить въ свѣтъ.

Въ С.-Петербургѣ напечатано второе изданіе разказа для дѣтей младшаго возраста О. И. Шмидта: *Ласточкино гнѣздо*. Книжка украшена прекрасными рисунками, рѣзанными на деревѣ.

Н. И. Страховъ предпринялъ переводъ на русскій языкъ извѣстнаго философскаго труда Фридриха Альберта Ланге: *Исторія матеріализма* и критика его значенія въ настоящее время. Переводъ сдѣланъ съ третьяго нѣмецкаго изданія. Напечатанный въ С.-Петербургѣ первый томъ излагаетъ исторію матеріализма до Канта.

Въ Казани напечатано отдѣльною книгой, помѣщавшееся въ журналѣ *Православный Собесѣдникъ* церковно-историческое изслѣдованіе И. Я. Сырцова: *Возмущеніе Соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ въ XVII вѣкѣ*. Какъ извѣстно, о возмущеніи Соловецкихъ монаховъ по поводу выхода во второй половинѣ XVII столѣтія исправленныхъ при патріархѣ Никонѣ церковно-славянскихъ богослужебныхъ книгъ ни въ духовной, ни въ свѣтской нашей литературѣ не появлялось еще ни одного сочиненія, специально посвященнаго изслѣдованію этого важнаго въ исторіи русскаго раскола событія. Трудъ г. Сырцова состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Вотъ содержаніе изслѣдованія: глава I—первые источники старообрядче-

скихъ предубѣжденій Соловецкой братіи; гл. II—развитіе и укрѣпленіе въ братствѣ старообрядчества; гл. III—открытое противленіе монаховъ власти гражданской и церковной, и гл. IV—семилѣтняя осада Соловецкаго монастыря (1668—1676).

Г. Воль издавъ въ Вильнѣ *По-библейскую исторію Евреевъ. Отъ Вавилонскаго плѣненія до временъ Магомета*. Трудъ этотъ составляетъ продолженіе напечатанной въ 1871 году г. Волею совместно съ г. Гурвичемъ *Библейской исторіи Евреевъ*. Трудъ г. Воля излагаетъ исторію Евреевъ въ теченіе сашкомъ двѣнадцати столѣтій, непосредственно слѣдующихъ за библейскимъ періодомъ (отъ періода Вавилонскаго плѣна 586 лѣтъ до Р. X.) и показываетъ ходъ развитія талмудинскаго или раввинскаго іудейства, подъ руководствомъ послѣднихъ пророковъ, „великаго собора“, синедріона и академій второучителей (танаевъ), толкователей (амораевъ) и мыслителей (сабораевъ), то-есть обнимаетъ время Талмуда отъ 70—640 года до Р. X.

Въ типографіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ напечатанъ первый выпускъ художественнаго альбома, въ которомъ на четырнадцать листахъ изображены съ натуры мѣстности Малороссіи, типы Малороссіянъ и Малороссіянокъ. Альбомъ озаглавленъ *Наброски изъ поѣздки въ Малороссію 1881 г.* Е. Михальцевой. Отпечатано всего 120 экземпляровъ.

Генералъ - майоръ Богдановичъ издалъ книгу подъ заглавіемъ *Стрѣлки Императорской Фамиліи*. Историческій очеркъ. Первая часть сочиненія въ краткомъ очеркѣ излагаетъ исторію сформированія стрѣлковаго полка Императорской Фамиліи, который, какъ извѣстно, въ 1854 году, во время Севастопольской войны, согласно желанію Императорскаго Семейства, былъ составленъ изъ удѣльныхъ крестьянъ и по окончаніи кампаніи былъ расформированъ въ ноябрѣ 1856 г. Во второй части изложено повѣствованіе объ учрежденіи Стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи, о боевой и мирной дѣятельности баталіона до послѣдняго времени. Книга напечатана съ разрѣшенія министра Императорскаго Двора и посвящена Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу.

Въ С.-Петербургѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:
Мои семидесятилѣтнія воспоминанія и съ тѣмъ вмѣстѣ

моя полная предсмертная исповѣдь, Н. Макарова, составителя словарей. Часть третья.

Якова Фальке, *Эллада и Римъ*. Культурная исторія классической древности. Выпускъ 30а.

О русско-германскомъ торговомъ договорѣ, I. С. Познанскаго.

Князя А. Васильчикова, *Землеладство и земледѣліе въ Россіи* и другихъ европейскіхъ государствахъ. Т. II.

Rapport sur les actes et résultats de la troisième conférence polaire internationale, tenue à St.-Petersbourg pendant les jours du 1 au 6 Août 1881.

Антиматериализмъ въ наукѣ. Нейтральный анализъ Іегера и гомеопатія. Не-Гомеопата.

Изслѣдованіе о географическомъ распредѣленіи и вѣковомъ измѣненіи склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки на пространствахъ Европейской Россіи. Алексѣя Тилло. Съ четырьмя картами.

Руководство къ количественному анализу важнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, изложенное въ практическихъ примѣрахъ. Составлено докторами А. Фогелемъ и Э. Вейномъ. Перевелъ съ латяго нѣмецкаго изданія и дополнилъ Н. Лилкинъ.

Барачная больница на Александровскомъ плацу въ С.-Петербургѣ. Планъ и краткое описаніе больницы.

Dr. Otto Soltmann. *Лѣченіе важнѣйшихъ желудочно-кишечныхъ расстройствъ у грудныхъ дѣтей*. Для практическихъ врачей. Переводъ съ нѣмецкаго, врача Шабановой.

Руководство по гигиенѣ и общественному здоровью, изданное докторомъ Альбертомъ Бекомъ. Переведено съ англійскаго М. М. Манасеиной. Т. II, выпускъ первый.

Труды Общества Русскихъ Врачей въ С.-Петербургѣ съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1879—1880 г. Выпускъ первый.

Продолжительность болѣзни сыпного тифа подъ вліяніемъ возраста и нѣкоторыхъ другихъ условій. (Статистическій очеркъ.) Диссертація на степень доктора медицины, Н. Иванова.

Dr. H. Ploss. *Ребенокъ отъ колыбели до перваго шага*. Способы ухода за грудными дѣтьми у разныхъ народностей. Переводъ съ нѣмецкаго со 122 рисунками въ текстѣ.

Дѣтскія болѣзни. Ихъ гомеопатическое и общее лѣченіе. Сочиненіе Др. Рудокъ. Съ примѣчаніями Др. Лэйдъ. Переводъ съ третьяго англійскаго изданія А. I. Мальмъ и В. Я. Гердъ.

Хроническій катарръ носа и глотки. Клиническое изслѣдованіе Dr. Макса Брезгена. Переводъ съ нѣмецкаго Dr. В. Сигриста.

Руководство патологической гистологіи Корниля и Раавье. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей Н. П. Ивановскаго. Вып. III.

Возможны ли измѣненія въ организаціи нашего военнаго суда? Составили Варшавскаго военно-окружнаго суда помощникъ военнаго прокурора Мартыновъ и военный слѣдователь Андисимовъ.

Руководство коммерческихъ и финансовыхъ вычисленій, составленное П. П. Рейнботомъ. Изд. 2е, исправл. и дополн.

Руководство къ практическому и теоретическому изученію французскаго языка, составленное по новѣйшимъ и лучшимъ методамъ для взрослыхъ, В. А. Бургардомъ. Часть 1я.

Тѣма, или о томъ что произошло бы на землѣ еслибы потухло солнце. Для дѣтей старшаго возраста. Алекс. Львовича-Кострицы.

Н. Бунаковъ. *Хрестоматія* для изученія образцовъ русской словесности, съ примѣчаніями, руководящими вопросами и біографическими очерками. Отдѣлъ третій. Изд. 4е.

Инструкція по воспитательной части для военныхъ гимназій и прогимназій. Печатано по распоряженію главнаго управленія Военно-Учебныхъ заведеній. Устройство внутренняго порядка. Основныя правила физическаго и нравственнаго воспитанія. Общія обязанности воспитателей.

Очеркъ практической педагогики. Руководство для педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій. Сочиненіе доктора Ф. Диттеса. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей I. Паульсона. Четвертое, исправленное изданіе.

Начальная школа. Учебная книга для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ. Составилъ А. Страховъ.

Николаевская инженерная академія и училище. Личный составъ, распредѣленіе учебныхъ и другихъ занятій и проч. свѣдѣнія на 1881—1882 учебный годъ.

Начальное обученіе ариметикъ. Для родителей и учителей. П. А. Литвиновскій.

Родная старина. Отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ. Съ XIV до XVII ст. Составилъ В. Д. Силовскій.

Полный учебникъ для кавалерійскихъ полковыхъ учебныхъ командъ. Составилъ штабъ-ротмистръ Крестовскій 2й.

Полный учебникъ для казачьихъ полковыхъ учебныхъ командъ. Составилъ Крестовскій 2й.

Риторическіе этюды И. Луньяка.

А. Ильинъ. *Подробный атласъ востъхъ частей свѣта*. Выпускъ 14. Карты Германіи, Австро-Венгріи и Кавказа.

Элементарный курсъ естественной исторіи, составленный по порученію главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній профессоромъ У. К. Брандтомъ. Выпускъ I.

Естественная исторія племенъ и народовъ Фр. Гельвальда. Выпускъ пятый. Изданіе А. С. Суворина.

Полный учебникъ для полковыхъ учебныхъ командъ пѣхоты. Составленъ по утвержденной программѣ К. Адарици и М. Карцовымъ, подъ редакціей генералъ-лейтенанта Карцова.

Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ. Балетмана.

Дурочка. Драматическій эскизъ въ одномъ дѣйствіи И. П. Зазулина.

Наша бібліотека. Дѣтскій Альманахъ А. Н. Острогорскаго. Изд. 2е.

Каплица на дорогѣ. Изъ путевыхъ очерковъ Михаила Хрущева.

Дѣтскій театръ. *Сиротка*. Сцены изъ народнаго быта П. Г. Васильева.

Ксавье Де-Монтепень. *Таинственная маска*. Романъ изъ индійской жизни.

Новое собраніе театральныхъ пьесъ для дѣтскаго театра. Т. I. Изданіе 2е. Типографія М. О. Вольфа.

Европейскіе писатели и мыслители. I. Свифта. Изданіе В. В. Чуйко.

Русскія пословицы и поговорки. Изданіе К. Даматова.

Томасъ Мюнцеръ. Драматическая хроника (изъ временъ крестьянской войны въ Германіи) Л. Е. Оболденскаго.

Бѣдственныя приключенія одного Китайца въ Китаѣ. Сочиненіе Жюль Верна. Съ 50 рисунками М. Бенетта. Переводъ Софьи Д. Изданіе М. О. Вольфа.

Дядушкинъ колпакъ. Народная сказка.

Бабушкины сказки, составила по Гофману, Годену и Лаушу Софья Макарова. Съ 4 рисунками. Изданіе книгопродавца Бителажя.

А. В. Кругловъ. *Иванъ Ивановичъ и компанія*. Повѣсть для дѣтей.

Робинзонъ Крузе А. Анненской. Новая переработка тѣмы Де-Фоз. Съ 10 картинами и 35 политалажами, рѣзанными на мѣди въ Лейпцигѣ. Второе изданіе.

Князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Изданіе четвертое со значительными дополненіями. Изданіе редакціи журнала *Чтеніе для солдатъ*.

Книжка для малютокъ, составила А. К. Владимірова, съ рисунками.

Евреи въ Германіи послѣ изъ полномочности. По сочиненіямъ Марра, Трейчке, Бамбергера, Моммсена, Касселя и другихъ германскихъ писателей. Б.

Проектъ слѣтты городскихъ доходовъ и расходовъ С.-Петербурга на 1882 годъ.

Извѣстія о дѣятельности Общества Добровольнаго Флота №. 4.

Современное общество 1881 г. Книга четвертая.

Боевые и походные порядки кавалеріи. (Тактическій очеркъ.) Составили К. Д. и В. С.

Труды Общества для содѣйствія русской промышленно-сти и торговлѣ, издаваемые комитетомъ Общества. Часть 12.

Маленькія эсепцины уже взрослыя. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго Ольги Кларкъ. Изданіе П. Стасовой.

Нѣчто о питейномъ дѣлѣ въ Россіи. П. П. Суховина.

Скоромный и постный столъ. Руководство для приготовленія 2.800 блюдъ и проч. Второе изданіе. Составлено О. Павловской.

Военный календарь-ежедневникъ на 1882 г. Изданіе С. А. Барановскаго.

Рѣчи произнесенныя на полковыхъ и эскадронныхъ праздникахъ 2го лейбъ-гусарскаго Павлоградскаго Его Величества полка К. В. Божовскимъ въ 1875—1879 годахъ въ городѣ Сувалкахъ.

Свѣдѣнія, знаніе которыхъ обязательно для каждаго рядоваго въ первый годъ его службы. Изданіе редакціи журнала *Досугъ и Дѣло*.

Коммерческій дневникъ. Справочно-настойный календарь на 1882 г. Изданіе Евгенія Тиле.

Карликъ. Петербургскій календарь на 1882 г.

Въ Москвѣ вышли въ свѣтъ слѣдующія книги:

Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. Высокопреосвященнѣйшаго Макарія митрополита Московскаго.

Творенія иже во святыхъ отца нашего Ефрема Сирина. Часть II. Изданіе третье.

Сборникъ русскихъ законовъ о кулеческомъ водоходствѣ. Составилъ А. Е. Носъ.

Музыкальный катехизисъ, сочиненіе І. К. Лобе. Новый переводъ съ 13 нѣмецкаго изданія П. Чайковскаго.

На Досугъ. Чтеніе для старшаго возраста съ картинками. Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ.

Виноградное вино. Настольная книга для винооторговцевъ и заводчиковъ, составленная Храповицкимъ.

Задорскій. Разказъ изъ конца XVIII столѣтія И. Крашевскаго. Перевелъ съ польскаго Е. Фуксъ.

Будемъ читать. Разказы и стихотворенія для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ. Съ рисунками. Изданіе Богдановой.

Главнѣйшія правила русскаго правописанія съ образцами для диктанта. Составилъ П. А. Павловъ.

Сара Бернаръ. Библиографическій очеркъ.

Огородъ усовершенствованный новооткрытыми способами и дающій вдесятеро большій доходъ противъ прежняго. Составлено агрономомъ Ѡ. Измѣневымъ.

Уставъ Благотворительнаго Общества при Московской городской больницѣ.

Переписныя книги города Москвы. Составлены въ 1739—1745 годахъ. Т. V. Изданіе Московской Городской Думы.

Книга для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Учебное пособіе для народныхъ училищъ. Составилъ І. Паульсовъ. Вновь исправленное стереотипное изданіе.

Руководство естественной исторіи для городскихъ училищъ. Составилъ М. Варрава.

Въ Казани изданы:

Казанскій попечительный о бѣдныхъ комитетъ вѣдомства Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. 1880 годъ.

Правила конвойной службы. Составилъ капитанъ Тарасевичъ. Изд. 2е.

Описаніе дорожныхъ сооруженій, состоящихъ на почтовыхъ трактахъ Казанской губерніи.

Адрес-календарь города Казани и Казанской губернии.

Воспоминаніе о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ, какъ учитель И. М. Догеля.

Нѣкоторые случаи движенія несжимаемой жидкости. И. Громеки.

Первая книга для чтенія составленная для Татаръ восточной Россіи. 3е изд.

Уставъ Казанскаго кружка музыки.

Къ казуистикѣ гистеротомій. Врача П. В. Кузнецкаго.

Несараемля крестьянскія строенія и опыты постройки ихъ въ Казанской губерніи. П. Т. Жуковскаго.

Исследование органовъ груди и живота. Аускультация Н. Котовщикова.

О способахъ освобожденія недвѣжимыхъ имуществъ отъ описи третьими лицами, не имѣющими на свои имущества актовъ укрѣпленія. Е. А. Нефедьева.

Въ Одессѣ изданы слѣдующія книги:

Сара Бернаръ. Биографическій очеркъ съ портретомъ.

Записка о причинахъ безпорядковъ на югѣ Россіи, представленная графу Кутайсову, командированному по Высочайшему повелѣнію для разслѣдованія противуеврейскихъ безпорядковъ, одесскимъ городовымъ раввиномъ Др. Швабахеромъ.

Описание двухъ имѣній графа М. М. Толстаго, находящихся въ Харьковской губерніи, и свѣдѣнія о 16тилѣтнемъ урожаѣ хлѣбовъ и другихъ растений съ исчисленіемъ чистой доходности. Составилъ управляющій имѣніями И. Кабештовъ.

Neuer Haus-und Landwirthschafts-Kalender für deutsche Ansiedler im südlichen Russland auf das Jahr 1882.

Введеніе въ мивологию Одиссеи. Л. Ф. Воеводскаго. Часть 1я.

Въ Варшавѣ напечатаны:

Слова и рѣчи къ Холмско-Варшавской лаврѣ Леонтія архіепископа Холмскаго и Варшавскаго.

Критическая оцѣнка мясоустроительнаго метода Царства Польскаго, А. Краузе.

Distribution de l'électricité à domicile par canalisation pour toutes les applications par A. Gravier.

Русско-нѣмецкій букварь съ образцами письма. Составилъ А. Амшеевичъ.

Въ Кіевѣ издано кандидатское сочиненіе Гавріила Флоринскаго *о равновѣсіи кинетической и потенциальной энергии молекулъ газа.*

Тамъ же напечатанъ трудъ г. П. Соколова *о регенерации поперечно-полосатыхъ мышцъ послѣ травматическихъ поврежденій.* (Изъ гистологической лабораторіи Кіевского университета.)

Санитарное состояніе города Кіева.

Въ Харьковѣ изданъ *Элементарный курсъ естествознанія,* составленный Н. Васютинскимъ.

Въ Перми напечатано третьимъ изданіемъ *Руководство къ производству дознаній и свидѣній о проступкахъ и преступленіяхъ священно-церковно-служителей противъ должности, благочинія и благоповеденія, а также о событіяхъ браковъ и рожденій.* Руководство составлено членомъ Пермской духовной консисторіи протоіереемъ Александромъ Луканшинымъ.

Въ Черниговѣ напечатаны слѣдующія книги:

Черниговъ 1—15 марта. Извѣстія о смерти въ Бозѣ почившаго Государа Императора Александра Николаевича и восшествіе на престолъ Государа Императора Александра Александровича.

Уставъ Общества вслomoществованія нуждающимся воспитанницамъ Черниговской женской гимназіи.

Уставъ Черниговскаго благотворительнаго Общества.

Въ Вильнѣ напечатаны *Мелкія стихотворенія для публики и народа* Александра Никулина.

Въ Уфѣ напечатанъ *Обзоръ* дѣятельности городского управленія и положенія городского хозяйства города Уфы съ 1870 по 1881 годъ.

При семъ № предлагаются особыя объявленія: 1) для всѣхъ поддѣлковъ о книгѣ *Женщина*, 2) для иногородныхъ поддѣлковъ отъ конторы Англійскаго агентства А. Л. ШТУММЕРЪ, въ Москвѣ, и 3) для московскихъ поддѣлковъ о *ШОКОЛАТЪ РЕТАБЛЕРЪ* Dr. Штрассера.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ~~НАСТАЮЩЕГО~~

Н О Я Б Р Ъ.

	Стр.	
Переломъ. Правдивая исторія. Часть четвертая. Гл. I—IV. <i>Б. М. Маркевича</i>	9	✓
Исторіографъ Миллеръ въ Томскѣ. <i>В. В. Гурьева</i>	62	
Нигилизмъ какъ патологическое явленіе русской жизни. <i>М. Де-Пуле</i>	73	✓
Посмертныя записки іеросхимонаха Кіево-Печерской лавры отца Антонія. Окончаніе. <i>Гр. М. Т.</i>	124	
Злой духъ. Романъ. Часть вторая. Гл. XVI—XXIV. <i>В. Г. Асепенка</i>	151	✓
Наше малосемелье и крестьянскія переселенія. <i>К. Ѳ. Головина</i>	200	
Кактусъ. Разказъ <i>А. А. Фета</i>	230	✓
Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвестной. Гл. X—XIII. ***.....	239	✓
Къ вопросу кто былъ Ермакъ Тимофеевичъ покоритель Сибири. <i>М. П. Пущило</i>	275	✓
Духовныя лѣсни. Переложенія и подражанія. <i>Д. В. Аверкіева</i>	284	
По Нилу и на Суэзскомъ Каналѣ. Гл. X—XI. <i>Ю. Н. Щербачева</i>	297	
Дюлонъ и Дюранъ. Діалогъ (изъ Алфреда Мюссе). <i>А. А. Фета</i>	352	
О значеніи для русской торговли новаго договора Россіи съ Китаемъ. <i>К. А. Скачкова</i>	361	
О сокращеніи военной смѣты. <i>Штабнаго</i>	372	
Новости литературы: I. <i>Графъ П. Д. Киселевъ и его время</i> . Сочиненіе Заблоцкаго-Десятовскаго.—II. <i>Школа здоровья</i> . Полный популярный курсъ медицины. <i>Андреевскаго</i> .—III. Новый романъ <i>Шлиаггагена</i> .—IV. Книжныя новости.....	399	

Д Е К А Б Р Ъ .

Стр.

По Нилу и на Суэзскомъ Каналѣ. Очерчаніе, Ю. Н. Щербачева.....	465
Архіепископъ Пименъ настоятель Николао-Угрьпскаго монастыря. Біографическій очеркъ. (1810—1880). • Гл. IV. Д. Б.	537
Муза. Стихотвореніе. Л. П.	575
Почтовые голуби на Востока. Г. А. Муркоса.....	576
✓ Психическій міръ женщины, ея особенности, превосходства и недостатки, Гл. I—III. П. Е. Астафьева.	591
✓ Два о московскихъ старообрядцахъ четверть вѣка тому назадъ. Н. И. Петрова.....	641
✓ Переломъ. Правдивая исторія. Часть четвертая, Окончаніе. Б. М. Маркевича.....	711
По поводу новыхъ матеріаловъ къ біографіи Берліоза. Г. А. Лароша.....	767
Замѣтка къ одѣ Фелица въ изданіи сочиненій Державина. Д.	789
Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго. П. Д. Головастова	795
Крестьянское управленіе въ уѣздахъ въ связи съ уѣзднымъ управленіемъ вообще. В. А. Хотлинцова	838
Стихотвореніе. М.	880
Новости литературы: I. Джіотто и Джіоттисты. А. пещлацова.—II. Князь А. Н. Голицынъ. Залуски фонъ-Гэтце.—III. Частная жизнь въ Венеціи отъ первыхъ временъ до паденія республики. Мол. — IV. Книжныя новости.	882

35

